В165
295

НЕ
КОПИРОВАТЬ!

B165 295

А. Е. Пресняковъ.

ОБРАЗОВАНІЕ

ВЕЛИКОРУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Очерки по исторіи XIII-XV столѣтій.

ПЕТРОГРАДЪ.
Девятая Государственная типографія, Моховая, 40.
1920.

17 ЭК 19182

Государств. Публичная
Историческая
Библиотека

м

797924

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. стран.

Введеніе.

1. Историографическія замѣтки 1
М. С. Грушевскій 1. П. Н. Милюковъ 2. М. П. Погодинъ 4. С. М. Соловьевъ 5. К. Д. Кавелинъ и Б. Н. Чичеринъ 12. В. И. Сергѣевичъ 14. В. О. Ключевскій 19.

2. Сѣверо-восточная Русь до татарскаго нашествія 26
Ростовская земля въ XII вѣкѣ 26. Великое княженіе Владимірское и Великаго Новгорода 37. Суздальщина въ началѣ XIII вѣка 39.

Глава I. Владимірское великое княженіе и вотчинныя княжества въ XIII вѣкѣ 48

1. Великое княжество Владимірское при Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Невскомъ 48

2. Судьбы великокняжеской власти при братьяхъ Александра Невскаго 64

3. Борьба сыновей Александра Невскаго за Владимірское наслѣдство 79

Глава II. Борьба Твери и Москвы за великое княженіе «всея Руси» . 102

1. Выступленіе тверского князя на путь великокняжеской политики 102

2. Выступленіе Москвы 112

3. Первый договоръ вел. кн. Михаила Ярославича съ Новгородомъ Великимъ 119

4. Борьба Михаила Тверского и Юрія Московскаго 121

Глава III. Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты . . 136

1. Вокняженіе Ивана Калиты 136

2. Великокняжеская власть при Калитѣ 140

3. Купли Ивана Калиты 150

4. Возстановленіе великокняжеской власти надъ Великороссіей . . 154

Глава IV. Московская вотчина потомковъ Калиты 160

1. Переходъ власти къ вел. кн. Симеону Ивановичу 160

2. Духовныя грамоты Ивана Калиты 162

3. Договоръ съ братьями и духовная Симеона Ивановича 166

4. Духовная вел. кн. Ивана Ивановича и договоръ вел. кн. Дмитрія съ княземъ Владиміромъ Серпуховскимъ 171

5. Владѣніе по удѣламъ и великокняжеская власть по договорамъ и духовной грамотѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича 177

СТРАН.

Глава V. Тверская вотчина вел. кн. Михаила Ярославича 191
1. Княжое одиначество и владѣніе по удѣламъ въ Тверской землѣ . 191
2. Тверскія смуты: борьба московской и литовской оріентацій въ Твери 196
3. Великокняжеская власть и вотчинныя княженія въ Тверской землѣ 201
4. Дорогобужское княжество 206
5. Кашинское княжество 210
6. Ростъ тверской великокняжеской власти 212
7. Великое княженіе Бориса Александровича 219
Глава VI. Рязанское великое княжество 223
1. Рязанская украйна 223
2. Великое княженіе Рязанское въ отношеніи къ великорусскому великому княжеству 233
3. Закатъ рязанской независимости 247
Глава VII. Нижегородское великое княжество 259
Глава VIII. Великокняжеская политика потомковъ Калиты 283
1. Великокняжеская власть среди мѣстныхъ «великихъ княженій» и «народоправствъ» 283
2. Митрополитъ Алексѣй 290
3. Новая борьба Москвы съ Тверью 298
4. Политическая дѣятельность митр. Алексѣя 306
5. Международное положеніе великорусскаго великаго княженія и Куликовская битва 317
Глава IX. Крушеніе удѣльно-вотчиннаго строя 325
1. Ослабленіе великокняжеской власти послѣ Куликовской битвы . 325
2. Русско-литовскія отношенія въ концѣ XIV вѣка 331
3. Великокняжеская власть при Василіи Дмитріевичѣ 340
4. Церковная смута по смерти митр. Алексѣя 352
5. Митрополитъ Кипріанъ 363
6. Княжое владѣніе при Василіи Дмитріевичѣ 376
7. Смута при Василіи Темномъ (первый ея періодъ) 381
8. Смута при Василіи Темномъ (второй ея періодъ) 394
Глава X. Собираніе власти 408
1. Ликвидація смуты и духовная Василія Темнаго 408
2. Ликвидація удѣльно-вотчиннаго владѣнія Иваномъ III 417
3. Объединеніе Великороссіи 427
4. Единодержавіе московскаго государя 449
Выводы 457
Указатель 458

Немного въ этой книгѣ «новаго». Она трактуетъ тему, достаточно избитую, на основаніи матерьяла, давно изданнаго, общеизвѣстнаго. Ея задача возстановить, по возможности, права источника и факта въ представленіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ явленій русской исторіи—образованіи Великорусскаго государства. Ранняя исторія сѣверовосточной Руси стала въ нашей историографіи жертвой теоретическаго подхода къ матерьялу, который обратилъ данныя первоисточниковъ въ рядъ иллюстрацій готовой, не изъ нихъ выведенной схемы. Поэтому, съ одной стороны, не мало этихъ данныхъ, не подходившихъ къ принятымъ схемой положеніямъ, осталось внѣ вниманія историковъ, внѣ ихъ обобщеній, а, съ другой, широкія обобщенія схемы не считались съ хронологической послѣдовательностью основныхъ явленій изучаемой эволюціи и разрывали подлинную связь ихъ между собой. Попытка полнѣе использовать фактическій матерьялъ при нѣкоторомъ вниманіи къ хронологическому моменту измѣнила всю историческую перспективу эпохи и представленіе о характерныхъ ея чертахъ. На первый планъ выдвинулась сила «великокняжеской» традиціи, иными представились понятія «удѣла», «вотчиннаго княжества», иной и вся эволюція междукняжескихъ отношеній. Иначе пришлось подойти и къ источникамъ. Княжія духовныя и договорныя грамоты раскрываютъ подлинный свой смыслъ только при условіи изученія каждой въ связи съ создавшими ее отношеніями, а взятыя внѣ исторической обстановки, использованныя, притомъ, для отвѣта на вопросы, какихъ онѣ въ виду не имѣли—онѣ ведутъ къ ложнымъ выводамъ, какія имъ навязаны традиціонной историографической схемой. Лѣтописные своды, при безразличномъ пользованіи разными ихъ типами и редакціями, безъ учета создавшихъ эти типы и редакціи тен-

денцій и книжническихъ точекъ зрѣнія, не даютъ всего, что могутъ дать, и что существеннѣе, позволяютъ предпочесть позднюю и нарочитую передѣлку текста подлинному, первоначальному историческому свидѣтельству; такъ часто и бывало, потому что Никоновская лѣтопись и зависимый отъ нея текстъ Татищевской «Исторіи» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внѣшней исторіи образованія Великорусскаго государства—ея междукняжескихъ отношеній и развитія великокняжеской политики. Внутренняя, организаціонная работа великокняжеской власти осталась внѣ ихъ задачи, какъ особая сложная тема, разработка которой и по существу и по состоянію матерьяла едва ли отдѣлима отъ углубленнаго изученія внутренняго строя Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, въ эпоху, на порогѣ которой остановилось изложеніе «очерковъ». Поэтому, они примыкаютъ только къ первой половинѣ книги того же автора: «Княжое право въ древней Руси».

Появленіемъ въ свѣтъ эта книга обязана Археографической Комиссіи, принявшей ее въ составъ своей «Лѣтописи занятій». Съ глубокой признательностью поминаю цѣнное личное содѣйствіе С. Ѳ. Платонова и правителя дѣлъ Комиссіи В. Г. Дружинина.

Въ заключеніе прошу читателей извинить меня за плохую корректуру и предварительно исправить указанныя важнѣйшія описки и опечатки.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Историографическія замѣтки.

Въ 1904 г. М. С. Грушевскій выступилъ, по поводу предпринятаго Императорской Академіей Наукъ изданія «Славянской Энциклопедіи», съ рѣшительнымъ отрицаніямъ обычной схемы русской исторіи и сдѣлалъ попытку поставить по новому вопросъ о раціональномъ построеніи исторіи Восточнаго Славянства [1]). Подъ «обычной схемой русской исторіи» М. С. Грушевскій разумѣетъ порядокъ изложенія, принятый въ «общихъ курсахъ» и учебникахъ русской исторіи отъ допсторическихъ судебъ восточной Европы и ея неславянскаго населенія, черезъ разселеніе славянъ, образованіе Кіевскаго государства и его исторію до второй половины XII вѣка, къ великому княжеству Владимірскому и къ исторіи Московскаго государства, и, далѣе, къ Россійской Имперіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ изложеніи исторія русскаго юга и запада, земель украинско-русскихъ и бѣлорусскихъ, остается внѣ кругозора, и лишь довольно внѣшне и случайно вовлекаются въ него отдѣльные ея моменты, какъ Галицкое государство Даніила, образованіе великаго княжества Литовскаго и его унія съ Польшей, церковная унія, казацкія войны, дѣянія Хмельницкаго.

Съ точки зрѣнія своихъ этнографическихъ воззрѣній, М. С. Грушевскій полагаетъ, что задача «обычной» схемы — построить «обще-русскую» исторію невозможна по существу, такъ какъ нѣтъ никакой «общерусской» народности, а на очереди—иная научная задача—построеніе, съ одной стороны, исторіи украинскаго народа [2]), а, съ другой, исторіи великорусской. Крайне нераціональнымъ представляется ему соединеніе въ одной схемѣ древней исторіи южно-русскихъ племенъ, т. е. Кіевскаго государства съ исторіей Владиміро-Московской Руси XII—XIV вв. Оно отрываетъ отъ южно-

---

[1]) „Звичайна схема русскої исторії й справа раціональнаго укладу исторії Східнього Словянства“, въ сборникѣ „Статьи по Славяновѣдѣнію“, изд. Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, вып. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Спб. 1904.

[2]) Это М. С. Грушевскій блестяще выполнилъ въ своей обширной „Исторії України-Руси“ и въ „Очеркѣ исторіи Украинскаго народа“.

русской исторіи ея начало, чтобы пристегнуть его къ сѣверному продолженію. А, между тѣмъ, «кіевскій періодъ перешелъ не во владиміро-московскій, а въ галицко-волынскій XIII в., потомъ литовско-польскій XIV—XVI в».

Сѣверо-восточная Русь не была, по мнѣнію М. С. Грушевскаго, «ни наслѣдницей, ни преемницей» Руси Кіевской, а «выросла на своемъ корню». Ихъ взаимоотношеніе М. С. Грушевскій готовъ уподобить отношеніямъ между римской имперіей и галльскими провинціями: «кіевское правительство пересадило въ великорусскія земли формы соціально-политическаго строя право, культуру, выработанныя исторической жизнью Кіева» — и только Отсюда выводъ: «исторія великорусской народности остается, собственно, безъ начала; исторія образованія великорусской народности остается до сихъ поръ не выясненною, потому что за ея исторіей начинаютъ слѣдить съ середины XII вѣка»; не поставленной остается и проблема изученія «рецепціи и модификаціи на великорусской почвѣ кіевскихъ соціально-политическихъ формъ, права, культуры».

Многимъ изъ читателей великороссовъ точка зрѣнія М. С. Грушевскаго можетъ показаться парадоксальной, такъ какъ разрушаетъ она привычное представленіе о «единой» исторіи «единаго» русскаго народа. Однако она вовсе не такъ исключительна, какъ можетъ на первый взглядъ показаться. Напротивъ, не будетъ преувеличеніемъ назвать ее, во многомъ, характерной и для нашей «великорусской» историографіи. Обусловленная у М. С. Грушевскаго потребностью отграниченія украинской исторіи, въ ея цѣломъ, отъ исторіи Великороссіи, она можетъ опереться на рядъ выводовъ и сужденій, принятыхъ и разработанныхъ въ трудахъ «общерусской» исторической литературы.

Поучительны историографическія судьбы критикуемой М. С. Грушевскимъ «обычной схемы» русской исторіи. Въ вопросѣ о ея генезисѣ М. С. Грушевскій примыкаетъ къ выводамъ П. Н. Милюкова: «схема эта стара, говоритъ онъ, она получила свое начало въ историографической схемѣ московскихъ книжниковъ, и въ основѣ ея лежитъ генеалогическая идея—генеалогія московской династіи».

П. Н. Милюкову принадлежитъ весьма цѣнное указаніе на эту «историографическую схему московскихъ книжниковъ» и ея опредѣляющее вліяніе на изложеніе русской исторіи у нашихъ историковъ XVIII и XIX столѣтій [1]) Вліяніе это усилено однимъ условіемъ, поистинѣ парадоксальнымъ, которое П. Н. Милюковъ мѣтко охарактеризовалъ въ такихъ строкахъ: «когда въ прошломъ столѣтіи русская историографія начала постепенно осиливать свои источники,—источники эти встрѣтили изслѣдователя со своимъ, готовымъ взглядомъ, сложившимся вѣками; не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела изслѣдователя по проторенным путямъ

---

[1]) „Главныя теченія русской исторической мысли“, М. 1897 (3-е изд. 1913 г.).

и складывала для него историческіе факты въ тѣ же ряды, въ какіе эти факты уложились въ свое время въ умахъ современниковъ; такимъ образомъ, изслѣдователь воображалъ дѣлать открытія, осмысливать исторію,— а, въ сущности, онъ шелъ на плечахъ нашихъ философовъ XV и XVI столѣтія» [1]). Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюденія, П. Н. Милюковъ связалъ свое изученіе московской исторической теоріи только съ вопросомъ о «происхожденіи исторической схемы Карамзина и его предшественниковъ» и отмѣтилъ далеко не всѣ ея элементы, оказавшіе глубокое воздѣйствіе на представленія ученыхъ историковъ XIX вѣка о древне-русскомъ прошломъ. Трудъ П. Н. Милюкова остался, къ сожалѣнію, не законченнымъ, иначе мы получили бы отъ него, безъ сомнѣнія, болѣе полную оцѣнку воздѣйствія московской книжнической исторіографіи на труды не только историковъ XVIII в. и Карамзина, но и на построенія С. М. Соловьева съ его продолжателями.

Изъ элементовъ этого воздѣйствія, указанныхъ П. Н. Милюковымъ, наиболѣе существеннымъ и устойчивымъ оказалось установленіе «идеи тожества и наслѣдственной связи московской и кіевской государственной власти», какъ «исторической аксіомы». «Аксіома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василія Ивановича для обоснованія притязаній Москвы на все наслѣдіе князей Рюрикова рода: въ спорахъ съ литовскими великими князьями московская дипломатія ссылается отъ имени своихъ государей на то, что «вся русская земля, Божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей наша вотчина»—и Кіевъ, и Смоленскъ, и Полоцкъ, и Витебскъ, и «иные городы». Выступая съ такими притязаніями, «московскіе дипломаты поставили русской политикѣ цѣли, которыя удалось осуществить только черезъ два съ половиною столѣтія». Вотъ въ этихъ то «политическихъ идеалахъ московскихъ дипломатовъ XV вѣка», въ ихъ стремленіи такъ широко опредѣлить «задачи будущаго», что подобная программа представляется—для ихъ времени—выходящей далеко за предѣлы достижимаго,—П. Н. Милюковъ видитъ самый источникъ воззрѣнія на «наслѣдственную связь» московской и кіевской государственной власти. Не буду сейчасъ останавливаться на выясненіи, насколько корни этой «исторической аксіомы» московскихъ книжниковъ XV—XVI вв. глубже и старше, а самое ея «генеалогическое» освѣщеніе въ духѣ московскихъ вотчинно-династическихъ притязаній и ея примѣненіе въ дипломатической перепискѣ—лишь дальнѣйшее развитіе весьма старой традиціи.

Пока отмѣчу лишь тѣ историческія построенія, которыя были вызваны въ нашей научной литературѣ потребностью наполнить «схему» реальнымъ историческимъ содержаніемъ, а посвящены были истолкованію періода,

---

[1]) Указ. соч., стр. 158 (3-е изд., стр. 177).

«промежуточнаго» между временами Кіевской державы Владиміра Мономаха и Мономашича Мстислава—и Московскимъ государствомъ Ивана III.

Исторіографія XVIII в., завершенная трудомъ Карамзина, удовлетворялась, въ этомъ отношеніи, осужденіемъ практическихъ послѣдствій дробленія власти, слѣдуя и тутъ, какъ указано П. Н. Милюковымъ, разсужденіямъ грамотъ Ивана III о вредѣ многовластія.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь сѣверно-русской исторіи съ кіевскимъ прошлымъ—предложена М. П. Погодинымъ. Эта гипотеза отличалась большимъ формальнымъ достоинствомъ: она строила свое объясненіе соотношенія двухъ историческихъ моментовъ на глубокой основѣ этнографическаго единства переживавшей эти моменты среды—народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ отъ наблюденія лингвистовъ, что въ языкѣ письменныхъ памятниковъ Кіевской Руси «не было ничего малороссійскаго нынѣшняго». Присоединивъ къ этому наблюденію соображенія о томъ, что былины кіевскаго цикла «поются у насъ вездѣ—въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири», но не въ Малороссіи, Погодинъ пришелъ къ выводу, что въ Кіевѣ издревле жило «великороссійское племя», по крайней мѣрѣ, что «великороссіанами» были Поляне—населеніе «Кіева съ окрестностями», а затѣмъ эти «великороссіяне»—«съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую»: сюда «ушло» и здѣсь «размножилось собственно великороссійское племя» [1]).

---

[1]) Погодинъ набросалъ свои мысли и впечатлѣнія въ формѣ письма къ И. И. Срезневскому, которое появилось въ V т. „Извѣстій“ Академіи Наукъ (1856 г.) и въ VII т. „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи“ (стр. 410—442). Дальнѣйшая разработка исторіи русскаго языка и народной поэзіи выяснила ненужность гипотезы о массовомъ переселеніи „кіевскихъ великороссовъ“ для объясненія тѣхъ явленій, которыя натолкнули на нее Погодина. Но гипотеза направлена на установленіе крупнѣйшаго историческаго факта, которое, однако, не опиралось ни на какія собственно историческія данныя. Погодинъ оперировалъ наивной филологіей отождествляя церковно-славянскій языкъ съ древне-русскимъ, и настаивалъ на запустѣніи кіевскаго юга. Вокругъ послѣдняго вопроса и завязалась продолжительная полемика. Библіографію всего вопроса см. у М. С. Грушевскаго въ I т. „Исторіи Украіни-Руси“, примѣтка 6, и у А. Н. Пыпина въ „Исторіи Русской Этнографіи“ т. III. А. А. Спицынъ посвятилъ „теоріи массоваго переселенія приднѣпровской Руси на сѣверъ“ часть своихъ „Историко-филологическихъ разысканій“ („Журналъ М-ства Народнаго Просвѣщенія“, 1909 г., кн. I), гдѣ выясняетъ рядомъ краткихъ и мѣткихъ замѣчаній поразительную слабость обоснованія этой теоріи, которая продолжаетъ сильно вліять на ходячія представленія нашей исторической литературы. А. А. Спицынъ отвергаетъ всѣ основныя предпосылки этой теоріи: мнѣніе о томъ, что „въ X—XI столѣтіяхъ русское населеніе приднѣпровья было значительнымъ“, что „къ половинѣ XII вѣка приднѣпровье сильно запустѣло“, „что переселеніе изъ кіевской области направилось, главнымъ образомъ, на сѣверъ и лишь отчасти на западъ“, замѣчая,

Погодинская гипотеза, разъ принятая, была чревата глубокими послѣдствіями для всего хода историческихъ изученій. Она давала возможность широко пользоваться данными, которыя извлечены изъ наблюденій надъ исторической жизнью русскаго сѣверо-востока въ позднѣйшіи времена, въ XV и XVI вв., для объясненія явленій древне-русской, кіевской жизни. Такова, напримѣръ, «попытка Погодина уяснить родовые княжескіе счеты счетами мѣстническими» [1]), которая получила столь крупное значеніе въ построеніяхъ С. М. Соловьева, И. Е. Забѣлина, В. О. Ключевскаго.

Погодинскому домыслу о массовомъ переселенческомъ движеніи населенія съ кіевскаго юга на сѣверо-востокъ, какъ основной причинѣ усиленія Ростовско-Суздальской земли при Юріи Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ, чрезвычайно посчастливилось въ нашей исторіографіи. Домыселъ этотъ остался въ ней прочной предпосылкой въ изложенія сѣверно-русской исторіи, давая внѣшне-удобный переходъ отъ «кіевскаго» періода къ «владимірскому».

Однако, дальнѣйшая разработка исторіи сѣверо-восточной Руси направилась на выясненіе не связи ея съ прежней, кіевской, а противоположности между ними. Съ «переходомъ» на новую территорію, въ новыхъ географическихъ и этнографическихъ условіяхъ русская исторія начинается какъ бы сызнова. Такая особенность нашихъ историческихъ представленій объясняется общепринятымъ сужденіемъ о сѣверо-восточной Руси XII в., какъ о странѣ «суровой и почти дикой», [2]) гдѣ на «почвѣ новой, дѣвственной» возникъ новый строй отношеній съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій оборвалъ традицію связи старѣйшинства въ землѣ русской («великаго княженія») съ золотымъ столомъ кіевскимъ; «сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей» [3]). Соловьевъ представлялъ себѣ сѣверо-восточную Русь обширной областью, гдѣ «возвышался

по поводу послѣдняго мнѣнія, что „возможность передвиженія приднѣпровскаго населенія на далекій сѣверъ совершенно недопустима“. А. А. Спицынъ указываетъ противъ ссылки на „южнорусскія“ названія населенныхъ мѣстъ, какъ на слѣдъ южнорусской колонизаціи сѣвера, что „это названія правительственныя, княжескія, а не народныя“, а противъ „весьма изящно построеннаго“ В. О. Ключевскимъ представленія о томъ, какъ прокладывался „прямоѣзжій“ путь съ юго-запада на сѣверо-востокъ, что „хронологія и исторія прямого пути изъ Чернигова на сѣверъ крайне не ясны и опираться на нихъ, какъ на доказательство чего бы то ни было, совершенно невозможно“. Вся эта теорія переселенія съ юга на сѣверо-востокъ, дѣйствительно, никѣмъ не обосновывалась исторически, конечно, потому, что наши источники не даютъ никакихъ данныхъ для ея обоснованія. А ея исходныя положенія, взятыя изъ исторіи русскаго языка и былинной поэзіи, должны считаться упраздненными послѣ трудовъ А. А. Шахматова и В. Ѳ. Миллера.

[1]) С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 26.

[2]) С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ М. 1846, стр. 17.

[3]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, столб. 494 (изд. „Общ. Пользы“).

только одинъ городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ»,— Ростовъ Великій, по которому и вся область получила названіе земли Ростовской. При Ярославѣ Владиміровичѣ Ростовъ причисленъ къ области южнаго Переяславля, какъ владѣніе Всеволода Ярославича. А далѣе: «скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый; такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ». «Младшіе» города—«построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью [1])». Въ этомъ характерѣ сѣверноруссскихъ «младшихъ» городовъ Соловьевъ видѣлъ основное условіе развитія «новаго порядка», который онъ не считалъ возможнымъ называть «удѣльнымъ», по той причинѣ, что видѣлъ Русь, раздѣленную не на «удѣлы», а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей [2]); онъ и считалъ нужнымъ «исключить названія: удѣльный періодъ, удѣльная система изъ исторіи княжескихъ отношеній». Замѣчанія эти не получили, однако, признанія, такъ какъ и самъ Соловьевъ существенной чертой «новаго порядка», возникшаго на сѣверѣ, считалъ именно развитіе той формы княжескаго владѣнія, которое называлъ «удѣльнымъ». «Новые» города «по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую»; здѣсь утвердилось понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца; здѣсь «собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями, каждый князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи» [3]). Это владѣніе, уже не стѣсненное ограниченіями родового или семейнаго права, развившееся «когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными» [4]), Соловьевъ называетъ удѣльнымъ, отождествляя удѣлъ съ «опричниной»: «опричнина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную отдѣльную собственность» [5]). Удѣлъ — собственность князя,

---

[1]) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, стр. 17.

[2]) „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, стр. VI: „Отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣд. названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также [какъ и по отношенію къ Кіевской Руси] не вѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній“.

[3]) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, стр. 19—20.

[4]) Тамъ же, стр. 21.

[5]) „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, стр. 331, пр. 3. Говорю „отождествляетъ“, такъ какъ, по Соловьеву, всякій удѣлъ есть полная, отдѣльная собственность.

которою онъ можетъ «располагать произвольно», въ частности—по завѣщанію. Несмотря на такой «удѣльный» характеръ княжого владѣнія, Соловьевъ не признаетъ особаго «удѣльнаго періода», такъ какъ видитъ въ паденіи родовыхъ отношеній процессъ постепеннаго торжества «отношеній государственныхъ». Какъ «отдѣльный владѣлецъ извѣстной области», князь стоитъ во главѣ своего особаго государства. Такъ по поводу съѣзда князей во Владимірѣ въ 1296 году Соловьевъ замѣчаетъ: «этихъ съѣздовъ княжескихъ нельзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы» [1]). Когда Русь распалась на двѣ части—юго-западную и сѣверо-восточную, а затѣмъ, въ сѣверной Руси, «Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу»; при этомъ «родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ» [2]). Идетъ упорная борьба между этими независимыми владѣльцами: «каждое движеніе князя было опасно для всѣхъ, ибо каждое движеніе было посягательствомъ на чужую собственность». Но теперь на великорусскомъ сѣверѣ, эта борьба болѣе содержательна исторически, чѣмъ прежнія усобицы: «дѣло идетъ о томъ—быть государемъ всей Русской земли или слугой этого государя» [3]).

Соловьевская схема русской исторіи, съ одной стороны, узаконяла, по-своему, представленіе о традиціонной магистрали русской исторіи, идущей изъ Кіева черезъ Владиміръ въ Москву. «Первоначальная сцена русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненныя силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленія—и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія». Конечно, отъ Соловьева не скрылось, что «исторія» не просто ушла съ юга, а и тамъ, по своему, продолжалась: «несправедливо, говорилъ онъ, въ научномъ отношеніи невѣрно и односторонне, упускать изъ виду юго-западную Русь послѣ отдѣленія ея отъ сѣверо-восточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта», но полагалъ, что «также несправедливо, также невѣрно исторію юго-западной Руси ставить на ряду съ исторіею сѣверо-

---

[1]) „Исторія отношеній между русскими князьями“, стр. 286. В. И. Сергѣевичъ перенесъ именно это представленіе на съѣзды Кіевской Руси. „Древности Русскаго Права“, т. II, стр. 242.

[2]) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ“, стр. 21.

[3]) „Исторія отношеній“, стр. 287 и 281.

восточной» [1]). Однако, благодаря именно Соловьеву, въ нашей исторіографіи укоренилось представленіе, что тотъ процессъ, который имъ осмыслялся какъ переходъ родовыхъ отношеній въ отношенія владѣльческія и государственныя, начавшись на кіевскомъ югѣ, разыгрался собственно въ Руси сѣверо-восточной. Выясненіе этого процесса получило одностороннее направленіе, такъ какъ онъ оказался въ зависимости отъ мѣстныхъ сѣверно-русскихъ условій—по существу, какъ особенность сѣверно-русской исторіи. Соловьевъ видѣлъ, что «тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія» развились и въ южной Руси въ эпоху разложенія стараго кіевскаго государства, но не использовалъ этихъ наблюденій для своихъ историко-соціологическихъ обобщеній, потому что призналъ эти явленія южно-русской исторіи какимъ-то налетомъ иноземнаго вліянія, хотя и сознавалъ значеніе «обстоятельствъ историческихъ» для ихъ «необходимаго утвержденія» [2]).

Такъ, съ другой стороны, Соловьевская схема скорѣе разрушала, чѣмъ углубляла представленіе объ органической исторической связи сѣверно-русской исторіи съ южной-кіевской. Южно-русскія «родовыя» начала, перенесенныя на сѣверъ, попали въ условія, гдѣ имъ оставалось только болѣе или менѣе быстро погибать и разлагаться, по полному ихъ несоотвѣтствію отношеніямъ жизни на новинѣ заново колонизуемаго полудикаго края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса объ «образованіи Московскаго государства». Мысль историка, выясняющаго, какъ родовыя отношенія смѣнились государственными, спѣшитъ отъ Кіева къ Москвѣ. Для «исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» важно одно: смѣна принциповъ, на которыхъ строилось ея единство. Тамъ, въ кіевскую эпоху—«связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ». Тутъ, на сѣверѣ, образуется Московское государство на развалинахъ стараго «родового» строя [3]). Весь смыслъ періода, промежуточнаго между исторіей Кіевской державы и государства Ивана III, въ разложеніи родовыхъ связей и усиленіи Москвы.

Моментъ перелома—въ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, который «пренебрегъ югомъ» и «началъ новый порядокъ вещей». Младшіе князья «ясно понимаютъ, что онъ хочетъ перемѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равно-

---

[1]) „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1343, 1116.

[2]) „Тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились къ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо, въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ“ („Исторія отн. между русскими князьями“, стр. 369).

[3]) „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1341—1346.

правными родственниками, но какъ съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало по малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные—государю». Задача историка выяснить, какъ образовались характеръ и взгляды Андрея—онъ питомецъ чуждаго южнымъ традиціямъ сѣвера,—а затѣмъ слѣдить за борьбой родовыхъ отношеній съ государственными, вплоть до ея завершенія въ XVI в. полнымъ торжествомъ этихъ послѣднихъ. Къ государственному властвованію стремился Андрей и по отношенію къ боярамъ: онъ, по Соловьеву, ясно поставилъ задачу стремленія не только къ единодержавію, но и къ самовластію, въ духѣ самодержавія XVI вѣка [1]), и погибъ въ столкновеніи съ враждебными силами. Но «переходъ отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя»—осуществился, какъ скоро онъ получилъ «независимость отъ родичей» и «матеріальную силу». Первая создана развитіемъ тѣхъ самыхъ отношеній, которыя воспитали на сѣверѣ Андрея Боголюбскаго,—«господства владѣльческихъ отношеній съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ»; вторая—благопріятными условіями возвышенія Москвы. Положительной стороной историческаго процесса, пережитаго Сѣверной Русью въ XIV—XV вѣкахъ и осталось одно это «возвышеніе Москвы»; важнѣйшей задачей историка будетъ, поэтому, выясненіе его «причинъ».

Такъ Соловьевъ утвердилъ характерную для всей нашей исторіографіи подмѣну вопроса объ образованіи великорусскаго государства частнымъ вопросомъ о «причинахъ возвышенія Москвы», съ перечня которыхъ обычно и начинается у насъ исторія московскаго государства. Впрочемъ, самъ Соловьевъ не сдѣлалъ этого рокового шага, вѣрнѣе, ограничилъ его значеніе рядомъ широкихъ общихъ соображеній по поводу образованія русскаго государства. Онъ призналъ это явленіе—органическимъ, т. е. такимъ, гдѣ «государства, при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впослѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются, обыкновенно, въ видимомъ раздѣленіи; потомъ это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется». При возникновеніи русскаго государства «страна была громадна, но пустынна; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громад-

---

[1]) „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 654—655 и 666 (полемика съ Кавелинымъ и Сергѣевичемъ).

ную для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустынною даннаго, кромѣ почвы, большею частію не было ничего,—нужно было все населить, все устроить, все создать». Насталъ «долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія». Этотъ періодъ «началъ проходить для Руси», когда «образовалось крѣпкое государственное средоточіе»: сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы. Такъ намѣчены въ отвлеченной формулѣ широкія задачи изслѣдованія, которыя могли бы наполнить ее конкретнымъ историческимъ содержаніемъ: на тему о «внутреннемъ возрастаніи и укрѣпленіи», его факторахъ и условіяхъ, о ходѣ процесса, который привелъ къ образованію обширнаго и внутренно сплоченнаго русскаго государства. Важно, кажется, отмѣтить, что Соловьевъ ставилъ эту задачу, хотя, на дѣлѣ, выдвинулъ на первый планъ, при изученіи собиранія сѣверо-восточной Руси въ одно цѣлое, вопросъ о «причинахъ, почему оно собирается вокругъ Москвы», о «препятствіяхъ» и «пособіяхъ», какія встрѣтились московскимъ князьямъ въ ихъ стремленіи усилиться, подчинить себѣ остальныхъ князей, отбить Татаръ и Литву, увеличить свою власть надъ населеніемъ [1]).

То, что Соловьевъ далъ въ конкретномъ историческомъ изложеніи, было уже его замысловъ. Въ этомъ можно усмотрѣть одну изъ основныхъ причинъ, почему и у критиковъ его и у его продолжателей образованіе московскаго государства оказалось явленіемъ, подходящимъ не подъ тотъ «видъ» образованія государствъ, подъ который онъ самъ его подводилъ, а подъ одну изъ намѣченныхъ имъ разновидностей «образованія неорганическаго», когда государства «составляются нарастаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей».

Еще въ 1834 году появилась въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета» [2]) статья Н. В. Станкевича: «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III»; студенческая работа Станкевича разсматривалась позднѣе (Вешняковъ, Полежаевъ) какъ изложеніе мнѣній проф. Каченовскаго. Ссылаясь на Геерена и Гизо, Станкевичъ беретъ исходнымъ положеніемъ изслѣдованія значеніе централизаціи, т. е. «совокупленія въ одно неразрывное цѣлое», какъ «перваго момента политической значительности народа», и «преобладанія одного города, одной области, одного владѣтеля надъ другими», какъ «перваго условія внутренняго соединенія, централизаціи». Отсюда важность «постепеннаго возвышенія Москвы», съ которымъ «тѣсно и неразрывно соединенъ ходъ Россіи къ политическому существованію». Работа Станкевича намѣтила остовъ обычныхъ перечней «причинъ» возвышенія Москвы. Москва, «по всей вѣроятности, существованіемъ своимъ одолжена югу, какъ и всѣ города, ее окружающіе»; это послѣднее уже Станкевичъ

---

[1]) „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1341—1346.

[2]) Часть пятая.

доказываетъ тѣмъ, что «множество городовъ и урочищъ сѣверной Россіи носятъ одинаковыя названія съ южными». Затѣмъ выдвигается положеніе, что «Москва не одной личности князей своихъ одолжена своимъ возвышеніемъ», что «она не есть произведеніе одной ихъ силы, механически совокупившей разрозненныя дотолѣ области»; прочное господство Москва пріобрѣла потому, что между нею и русскими областями была связь «болѣе естественная, органическая», которая сдѣлала Москву не только властительницей, но и сердцемъ Россіи». Но далѣе идетъ вмѣсто анализа этой «органической связи», перечень «главныхъ условій» успѣха Москвы: географическое положеніе (центральное положеніе среди системы сѣверныхъ княженій, притокъ переселенцевъ, большая безопасность отъ враговъ); нашествіе и господство монголовъ (отдѣленіе отъ южной Руси, опустошеніе Владимірскаго княжества, покровительство хановъ, обогащеніе данью); пребываніе митрополита въ Москвѣ (духовный центръ и поддержка московской политики духовной властью); характеръ князей, ихъ политика и внѣшнія отношенія [1]). Такая постановка вопроса стала традиціонной, тѣмъ болѣе, что переработка Соловьевской схемы въ трудахъ К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина лишь укрѣпила и углубила основанія для представленія о полномъ разрушеніи въ сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв. традиціи политическаго единства и о возникновеніи его заново путемъ разростанія силы и владѣній московскихъ князей.

С. М. Соловьевъ потому отрицалъ научную пользу выдѣленія въ исторіи древней Руси особаго «удѣльнаго» періода, что существенной признавалъ для нея лишь смѣну двухъ системъ политическаго объединенія: родового строя междукняжескихъ отношеній въ Кіевской Руси, которая не знала «отдѣльныхъ» владѣній, и—государственныхъ отношеній, которыми власть московскихъ государей сковала Русь сѣверную въ единое политическое цѣлое: распадъ Руси на двѣ части—сѣверную и юго-западную, раздѣленіе первой на рядъ независимыхъ великихъ княженій, дробленіе земель ея на «удѣлы»—владѣльческія опричнины, все это оказалось только вяѣшними моментами, не пригодными для построенія содержательной схемы русскаго историческаго процесса.

---

[1]) Въ 1850 г. историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университетъ предложилъ для соисканія медалей такую тему: „на основаніи лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ изложить причины постепеннаго возвышенія Государства Московскаго отъ начала его до установленія единодержавія, съ объясненіемъ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ перевѣсу его надъ окрестными княжествами и съ критическимъ разборомъ мнѣнія Карамзина и другихъ писателей по этому предмету". Удостоенная награды работа студ. Вл. Вешнякова („О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества", Спб. 1851) и посвящена рѣшенію вопроса, „о причинахъ возвышенія и перевѣса надъ другими княжествами княжества Московскаго", выдвигая на первый планъ дѣятельность московскихъ князей.

Иначе взглянули на этотъ вопросъ—историки юристы. К. Д. Кавелинъ придалъ моменту «отдѣльнаго владѣнія» особое значеніе, признавъ господство «вотчинныхъ началъ» въ устройствѣ и управленіи княжествъ существенной чертой строя русской политической и правовой жизни XII—XV вв., притомъ достаточно яркой и широкой для того, чтобы сыграть опредѣляющую роль въ періодизаціи русскаго историческаго процесса. Признавая, подобно Соловьеву, что «государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси», Кавелинъ находитъ, что «исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій». Разложеніе родового строя междукняжескихъ отношеній—древнѣйшей формы русскаго политическаго быта—ведетъ къ торжеству «вотчиннаго, семейнаго начала», при которомъ возникаетъ мысль, что «княжеская вотчина—наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распорядиться безусловно», а когда эта мысль окрѣпла,—то «территоріальные, владѣльческіе интересы» взяли верхъ надъ кровными и родственными. Ихъ окончательная побѣда осуществляется съ уничтоженіемъ «удѣловъ» и объединеніемъ сѣверной Руси въ Московское государство. Соловьевскому домыслу о значеніи колонизаціи и «новыхъ городовъ» для разрушенія родового строя, Кавелинъ противопоставилъ утвержденіе, что «никакихъ сильныхъ переворотовъ въ составѣ нашего отечества не происходило», а «всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта». Въ знаменитыхъ статьяхъ своихъ, Кавелинъ далъ стройную схему этого органическаго развитія, логичная «органичность» которой, однако, прорѣзана признаніемъ за Андреемъ Боголюбскимъ исключительнаго значенія: благодаря особенностямъ воспитанія князя Андрея на сѣверѣ, въ «этомъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ—типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній, типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ». Воплощеніе этого типа въ его окончательномъ развитіи Кавелинъ усматриваетъ въ Иванѣ Калитѣ и его преемникахъ, главная задача которыхъ «умножить число своихъ имѣній», а великокняжеское достоинство—«лучшее средство для этой цѣли»; къ ней идутъ столь успѣшно, что «быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину». На этомъ пути разрушаются кровныя связи—родовыя въ пользу семейныхъ, семейныя—въ пользу личности—властнаго владѣльца земли, который отрицаетъ ихъ во имя идеи,«и эта идея—государство» [1]).

Б. Н. Чичеринъ, опять таки съ точки зрѣнія, что «существенное

---

[1]) К. Д. Кавелинъ, Собраніе сочиненій, т. I.

значеніе нашей исторіи состоитъ въ развитіи государства», на вопросъ «когда возникло русское государство?» далъ отвѣтъ, исходящій изъ общаго положенія, что «нераздѣльность общества, территоріи и верховной власти, однимъ словомъ единодержавіе составляетъ первое и главное условіе государственнаго быта». Понятно, что мы можемъ, въ такомъ случаѣ, говорить о государствѣ лишь съ той поры, когда «установляется единодержавіе въ московской землѣ». Что касается «юридической формы» Руси до XV вѣка—то ее надо принять за «гражданское общество», а не за государство. Всѣ отношенія въ ней построены на началахъ не государственнаго, а частнаго права: на собственности и свободномъ договорѣ. Родовой бытъ, какъ основа всего общественнаго организма, господствовалъ у насъ до пришествія Варяговъ; господство это и самое «общественное» значеніе родовыхъ отношеній разрушены водвореніемъ на Руси власти варяжскихъ князей, и въ Кіевской Руси всѣ отношенія опредѣляются сосуществованіемъ двухъ началъ, двухъ формъ частнаго права—собственности и свободнаго договора, которые «существовали рядомъ, не исключая другъ друга, но приходя въ постоянныя столкновенія, ибо въ сущности онѣ другъ другу противорѣчили». Ходъ древне-русской исторіи представлялся Чичерину въ такихъ существенныхъ чертахъ: «Южная Россія не сумѣла разрѣшить этого внутренняго противорѣчія жизни, вслѣдствіе чего она осуждена была на безсиліе. Оно разрѣшилось на сѣверѣ, гдѣ оба начала раздѣлились и стали основой каждое для отдѣльной формы гражданскаго быта. Въ Новгородѣ и Псковѣ развилась вольная община; въ остальныхъ же областяхъ образовалось чисто вотчинное управленіе. Но вольная община исчезла у насъ, не оставивъ по себѣ слѣда; русское государство такъ же, какъ всѣ другія европейскія державы, образовалось изъ вотчиннаго элемента, ибо вотчинное право имѣло въ себѣ гораздо болѣе крѣпости, нежели свободный договоръ». Эпоха родового быта, господства кровныхъ связей, какъ единственной организующей общество силы,—отнесена Чичеринымъ ко времени до-княжескому, до-историческому. «Средняя эпоха» между той, первобытной, и образованіемъ Московскаго государства—«имѣетъ свои жизненныя начала», свою «систему общежитія, основанную на частномъ правѣ». Отличія Кіевской и сѣверо-восточной Руси, строя жизни IX—XI и XII—XV вв. не имѣютъ принципіальнаго значенія: вотчинное начало водворилось въ русской жизни съ варяжскимъ завоеваніемъ, въ которомъ источникъ воззрѣнія, что княженіе—вотчинная собственность князя, и вся земля—принадлежитъ князю. «Все различіе между первымъ временемъ и послѣдующимъ состояло въ томъ, что пока сохранялось понятіе о единствѣ княжескаго рода, земля считалась принадлежностью цѣлаго рода, въ послѣдствіи же линіи распались, и каждый князь сталъ считать себя полнымъ хозяиномъ и владѣльцемъ своего участка»; «по мѣрѣ того, какъ затемнялась мысль объ общемъ родствѣ, уничтожалось и поня-

тіе о единствѣ владѣнія, о повиновеніи одного князя другому». Страна распадается на рядъ обособленныхъ владѣній. «Князья московскіе, рязанскіе, тверскіе договариваются между собою, какъ совершенно самостоятельные владѣльцы. Каждый князь стремится увеличить свой удѣлъ на счетъ другихъ, и это онъ дѣлаетъ не съ государственною цѣлью, а въ виду увеличенія собственности, умноженія доходовъ». Успѣніе Москвы, сооружившей на владѣльческой основѣ зданіе единодержавнаго господства надъ сѣверной Русью, создало русское государство. А разъ существенное значеніе нашей исторіи «состоитъ въ развитіи государства», то эта исторія, въ настоящемъ смыслѣ слова, и начинается съ возвышенія Москвы. Опираясь на историко-соціологическія размышленія Гизо, Чичеринъ полагалъ, что «всѣ народные элементы въ средніе вѣка мы должны признать за выраженіе слабости или дикой силы». Напротивъ «первое возникновеніе разумной силы является въ князьяхъ-вотчинникахъ, которыхъ раздробленныя стремленія впослѣдствіи покорились единому центру, постепенно собравшему вокругъ себя всѣ разнообразные элементы, изъ которыхъ сложилось Русское государство» [1]).

Нѣкоторое, и притомъ весьма существенное расширеніе задачъ и данныхъ для изученія историческаго процесса, приведшаго къ образованію Московскаго государства, находимъ въ трудахъ В. И. Сергѣевича. Изучая вопросъ, «какъ и изъ чего образовалась территорія Московскаго государства?», Сергѣевичъ обработалъ въ блестящемъ историческомъ очеркѣ «исторію Ростовской волости»; очеркъ этотъ, нѣсколько сжатый, вошелъ въ отдѣлъ «Древностей русскаго права», посвященный «государственной территоріи». Этюдъ этотъ выдвигалъ политическую роль и особыя политическія тенденціи сѣверно-русскаго боярства, подготовляя развитіе мысли, высказанной В. И. Сергѣевичемъ еще въ 1867 году въ «тезисахъ» для магистерскаго диспута: «Московское государство есть созданіе вольныхъ бояръ и слугъ». Наблюденія Сергѣевича надъ ролью бояръ въ политическихъ судьбахъ Великороссіи выводятъ вопросъ объ условіяхъ образованія Московскаго государства за рамки традиціонной схемы, которая по существу сводила изученіе этого процесса къ описанію работы московскихъ князей надъ «возвышеніемъ» Москвы и оцѣнкѣ условій, содѣйствовавшихъ ея успѣхамъ.

В. И. Сергѣевичъ останавливается съ особымъ удареніемъ на «первенствующей дѣятельности ростовскихъ бояръ» въ борьбѣ, которая разыгралась по убіеніи Андрея Боголюбскаго; усилія боярства двухъ старыхъ городовъ—Ростова и Суздаля—направлены на поддержку «единства Рос-

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 (статьи „Еще о сельской общинѣ“, и „Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“).

товской волости», которое разбивалось «личными интересами князей». Осторожно оговаривая, что вовсе не желаетъ «навязывать Добрынѣ Долгому съ товарищами дальновидныхъ политическихъ плановъ», Сергѣевичъ признаетъ, что «будетъ, однако, односторонне объяснять стремленія лучшихъ людей Ростовской волости къ единству одними ихъ эгоистическими побужденіями: невыгоды многокняжія съ неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ—борьбою князей—были такъ очевидны, что лучшіе люди могли желать единства волости и для блага земли». Ихъ тенденціями проникся князь Константинъ Всеволодовичъ, посаженный отцомъ въ Ростовѣ: «Константинъ не смотритъ на владѣнія отца, какъ на частную собственность, которую хозяинъ можетъ дробить по усмотрѣнію; ему присуща мысль о недѣлимомъ политическомъ цѣломъ». Такъ «выгоды единовластія сознавались чуть не за сто лѣтъ до Ивана (Калиты) ростовскими боярами и настойчиво проводились ими въ жизнь». Отъ нихъ пошла традиція, сохранившаяся среди московскаго боярства, въ которомъ «большинство должно было состоять изъ бояръ великаго княженія Владимірскаго». Бояре «естественные сторонники объединительной политики»: «очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-владимірской волости, и вотъ они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости, то прогоняя наслѣдственныхъ князей, то приводя ихъ въ зависимость отъ великаго князя» [1]).

В. И. Сергѣевичъ не поставилъ этихъ цѣнныхъ наблюденій ни въ какую связь съ традиціями кіевскаго старѣйшинства. Установленіе такой связи противорѣчило бы его общему ученію о древне-русскомъ политическомъ бытѣ, котораго правовой формой былъ «волостной порядокъ государственнаго устройства»—сосуществованіе множества «небольшихъ государствъ», волостей-княженій. Въ отличіе отъ Чичерина, междукняжескія отношенія, для Сергѣевича, явленіе не частнаго, гражданскаго, а, скорѣе, международнаго права: княжескіе съѣзды—съѣзды независимыхъ государей, договоры князей—договоры суверенныхъ владѣтелей [2]). Этотъ «волостной порядокъ»—древнѣе той эпохи, о какой свидѣтельствуютъ древнѣйшіе изъ историческихъ источниковъ. Разсматривая дѣятельность русскихъ князей отъ Рюрика до Дмитрія Донского, Сергѣевичъ настаиваетъ на полномъ господствѣ «политической самостоятельности волостей», при которой «до второй половины XIV вѣка у князей вовсе не замѣчается стремленія къ образованію большого нераздѣльнаго государства, которое выходило бы за предѣлы волостного устройства» [3]). «Первое, но чисто внѣшнее объединеніе» получили сѣверо-восточныя княженія въ подчиненіи

---

[1]) „Древности русскаго права“, т. I (изд. 3-е), стр. 20—70.
[2]) Ib., т. II. (Изд. 3-е), стр. 242.
[3]) „Древности“, т. I, стр. 40—41.

ихъ власти татарскаго хана. И татары «въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, явились проводниками начала объединенія Русской земли подъ главенствомъ великаго князя Владимірскаго» [1]). «Первая ясная мысль объ образованіи изъ нѣсколькихъ волостей недѣлимаго цѣлаго появляется только у московскихъ князей. Но и у нихъ не очень рано»: первый проблескъ этой мысли Сергѣевичъ видитъ въ завѣщаніи Дмитрія Донского.

На такомъ общемъ фонѣ русской политической исторіи, ростовскіе бояре и ихъ преемники великокняжескіе бояре Владиміра и Москвы выступаютъ какъ то неожиданно и непонятно. Въ поясненіе, что-же сдѣлало ихъ не только «естественными сторонниками объединительной политики», но и ея носителями, вопреки тенденціямъ политики князей, Сергѣевичъ, допустивъ, мимоходомъ, и то лишь по отношенію къ ростовскимъ боярамъ, возможность иныхъ мотивовъ, опредѣленно подчеркиваетъ только «личные интересы» бояръ, ихъ стремленіе къ «богатымъ кормленіямъ», которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше князей [2]). Намекъ на болѣе существенное и содержательное объясненіе данъ только въ двукратномъ упоминаніи о «единствѣ» и «цѣлости» Ростовской земли. Въ разборѣ «Древностей» Сергѣевича Ѳ. В. Тарановскій справедливо отмѣтилъ, что «авторъ не даетъ намъ достаточныхъ объясненій по поводу того, какимъ образомъ традиція единства старой Ростово-Владимірской волости превратилась у бояръ въ стремленіе объединить эту и другія земли подъ властью новообразовавшагося Московскаго княжества», не выясняетъ причинъ, которыя «повернули интересы бояръ отъ цѣлости волостной старины въ сторону образованія болѣе крупнаго политическаго объединенія», и вызвали то «превращеніе выдвинутой боярами политики государственнаго единства въ потребность народа», которое констатируетъ В. И. Сергѣевичъ [3]).

---

[1]) Ib., т. II, стр. 252.

[2]) „Древности“, т. I, стр. 29 и 69. Тотъ же мотивъ еще въ тезисахъ 1867 года. „Вліяніе высшихъ классовъ населенія на общественныя дѣла продолжаетъ обнаруживаться при посредствѣ права свободнаго отъѣзда, благодаря которому вольные бояре, дѣти боярскія и слуги группировались около того князя, который наиболѣе удовлетворялъ ихъ желаніямъ. Московское государство есть созданіе вольныхъ бояръ и слугъ“.

[3]) Ѳ. В. Тарановскій, Отзывъ о сочиненіи В. И. Сергѣевича „Древности Русскаго Права“, Юрьевъ, 1911 г., стр. 21. Проф. Тарановскій указываетъ, что Сергѣевичъ не выяснилъ, какъ согласить уходъ князей изъ старыхъ городовъ, гдѣ ихъ стѣсняло участіе бояръ во власти, въ новые города, явленіе, которому Сергѣевичъ, вслѣдъ за Соловьевымъ, придалъ большое значеніе, съ тѣмъ, что „въ столь новомъ центрѣ, какъ Москва, князьямъ пришлось опять восчувствовать боярскую руку, которая обуздывала ихъ семейно-патримоніальныя стремленія и указывала имъ путь чисто государственной политики“. Самъ Ѳ. В. Тарановскій полагаетъ, что „эти причины могутъ быть выяснены и выясняются въ порядкѣ изученія хозяйственнаго развитія и объединенія волостей, вошедшихъ затѣмъ въ единую державу московскихъ государей“.

Но Сергѣевичъ не даетъ и объясненія, откуда взялись «объединительныя» тенденціи сѣверно-русскаго боярства, а безъ того невозможно выясненіе историческаго смысла и значенія «столѣтняго опыта и столѣтнихъ преданій», которые, по Сергѣевичу, воспитали Ивана III. Организаторъ Московскаго государства опирался на «вѣковую практику великокняжескихъ бояръ и собственныхъ предковъ, которая должна была стать въ старшей линіи Дмитрія Донского семейнымъ преданіемъ» [1]); нельзя не пожалѣть, что самъ В. И. Сергѣевичъ не разработалъ въ высшей степени цѣнныхъ замѣчаній своихъ о боярской политикѣ, такъ какъ въ нихъ—указаніе на плодотворный путь выясненія условій, приведшихъ къ созданію Московскаго государства.

Съ точки зрѣнія «древностей права» Сергѣевичъ возвращается къ различенію въ исторіи Россіи до Петра Великаго тѣхъ же двухъ періодовъ, какіе намѣтилъ С. М. Соловьевъ. Согласно Чичерину, онъ признаетъ, что «отличительная черта перваго періода состоитъ въ преобладаніи частной, личной воли и, соотвѣтственно этому, въ относительной слабости начала общаго, государственнаго»; этотъ періодъ «имѣетъ свое наиболѣе полное выраженіе въ княжеской Россіи».—«Второй періодъ, въ противоположность первому, отличается преобладаніемъ цѣлаго, естественныя требованія котораго не были, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ»; этотъ періодъ «ясно обозначился въ московской Россіи».—«Столѣтія XIV и XV составляютъ широкую границу этихъ двухъ періодовъ», это «время, когда характеристическія черты второго періода получили уже такую силу, что окончательное торжество новыхъ началъ можетъ уже бы предусматриваемо» [2]). Соотвѣтственно тому, въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Лекцій и изслѣдованій» отдѣлъ о «верховной власти» состоитъ изъ характеристики власти князя въ «удѣльное» время и статьи о «власти Московскихъ государей» [3]), причемъ первая выступаетъ лишь въ эпоху ея сосуществованія съ вѣчемъ, а характеристика строя междукняжескихъ отношеній въ XIV и XV в.в. выдѣлена въ составъ «Древностей» русскаго права, безъ признанія за княжеской властью этого времени свойствъ, принципіально существенныхъ для науки исторіи русскаго права [4]). Разумѣя подъ «удѣломъ» княжеское владѣніе самостоятельной волостью (небольшимъ, но суверенным государствомъ), В. И. Сергѣевичъ признаетъ первыми «удѣльными» князьями сыновей Святослава Игоревича, и въ отличіе отъ Соловьева, не видитъ существеннаго различія между «удѣльными» владѣніями и «великими княженіями» сѣверной Руси [5]). Въ отличіе

---

[1]) „Древности“, т. I, стр 77.

[2]) „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, Спб., 1883, стр. 43—60 („Дѣленіе исторіи русскаго права на періоды“).

[3]) Изд. 3-е. Спб., 1903, стр. 130 и 144.

[4]) „Древности“, т. II, книга четвертая.

[5]) „Древности“, т. I, стр. 15; „Лекціи и Изслѣдованія“ (3-е изд.), стр. 102.

отъ Чичерина, Сергѣевичъ не подводитъ отношеній древней Руси подъ понятіе «частноправовыхъ», усматривая лишь «порядокъ частнаго наслѣдованія» и вообще «взглядъ на княженіе, какъ на частную собственность князя»—въ княжеской средѣ; въ завѣщаніи Симеона Гордаго—моментъ, когда «въ Московскомъ княженіи исчезла всякая государственная идея», а съ Дмитрія Донского начинается наростаніе новаго, государственнаго начала [1]).

Историко-догматическія обобщенія Чичерина и Сергѣевича, лишь по видимости и способу изложенія упраздняли различеніе южно-русскаго, кіевскаго и сѣверно-русскаго, владиміро-московскаго періодовъ русскаго историческаго процесса. Ихъ историко-правовыя разсужденія оперируютъ надъ той же схемой, ведущей отъ Кіева черезъ Суздальщину къ Москвѣ, причемъ отношенія, господствовавшія въ сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в.в., перенесены на Кіевскую Русь и разсматриваются, особенно въ трудахъ Сергѣевича, какъ принципіально тожественныя тѣмъ, какими опредѣлялся политическій бытъ южной Руси въ предыдущую эпоху. За этими вѣками остается въ общей схемѣ русской исторіи мѣсто переходной эпохи, лишенной сколько-нибудь характерной физіономіи съ точки зрѣнія смѣны правовыхъ формъ властвованія князей и общественнаго строя. Построенія В. И. Сергѣевича и не могли, поэтому, внести много новаго въ общее представленіе объ условіяхъ образованія Московскаго государства, если не считать указанныхъ выше его замѣчаній о роли боярства, которыя, однако, не повліяли на общую концепцію правовыхъ основъ политическаго быта этой эпохи.

Историки пошли, естественно, по слѣдамъ Соловьева и Кавелина, сглаживая въ эклектическихъ концепціяхъ различія воззрѣній этихъ ученыхъ. Характерна, въ этомъ отношеніи, небольшая работа П. В. Полежаева: «Московское княжество въ I половинѣ XIV вѣка», появившаяся въ 1878 г. Въ общемъ пониманіи древне-русской политической исторіи Полежаевъ—подъ вліяніемъ Чичерина и Сергѣевича: «До XIV столѣтія, говоритъ онъ, общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявилась лишь только преслѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которыя легли при самомъ образованіи княжествъ какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли, да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимъ былъ поворотъ къ болѣе жизненному началу, и этотъ поворотъ совершился развитіемъ Москвы». Для XIV—XV в. Полежаевъ держится представленія объ особомъ «вотчинномъ» періодѣ, характерно сводя его содержаніе къ «развитію Москвы»: Москва—вотчинный городъ, выросшій изъ вотчиннаго села; съ образо-

---

[1]) „Древности“, т. I, стр. 57—70.

ваніемъ Московскаго княжества «вѣчевой» періодъ смѣняется «вотчиннымъ» или «московско-вотчиннымъ» (до Ивана III); первая половина XIV в., когда «всѣ сохранившіеся историческіе памятники не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ государственнаго начала», это время, когда «совершалось развитіе вотчинной власти князя». Признавая и Владиміръ—городомъ вѣчевымъ, Полежаевъ въ происхожденіи Москвы изъ поселенія на «вотчинной землѣ» видитъ «исключительное обстоятельство», благодаря которому, «въ Москвѣ впервые явилась идея самодержавія въ видѣ вотчинной власти князя». Исторія Москвы до смерти Симеона Ивановича—выясняетъ, какъ создалось княжество, «выработавшее въ себѣ тѣ жизненныя силы, которыя, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ привели къ государственному строю». Для Полежаева съ первой половины XIV в. «исторія этого княжества становится исторіей Россіи». Основной задачей историка является, поэтому, выясненіе причинъ возвышенія Москвы, отвѣтъ на вопросъ: «почему именно Москвѣ, а не другому какому либо княжеству выпала счастливая доля сдѣлаться фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ?»

Такая постановка вопроса объ условіяхъ, опредѣлившихъ образованіе великорусскаго государства, окрѣпла въ прочную историографическую традицію, стала своего рода «аксіомой» въ построеніи русской исторіи. В. О. Ключевскій явился и въ «Боярской Думѣ» и въ «Курсѣ русской исторіи» «какъ бы вторымъ творцомъ научныхъ теорій, высказанныхъ до него»: въ истолкованіи политическаго строя Кіевской Руси «принялъ установленную Соловьевымъ схему и только позаботился о томъ, чтобы дать ей иное обоснованіе». Ученіе объ «очередномъ порядкѣ княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси»; «ученіе о колонизаціи сѣверной верхневолжской Руси, какъ основѣ новаго политическаго порядка, установившагося въ этой Руси и подготовившаго Московское государство»; теорія «удѣльнаго» владѣнія и объясненіе возвышенія Москвы, ставшей зерномъ русскаго государства—у Ключевскаго—дальнѣйшее развитіе и видоизмѣненіе выводовъ Соловьева и Чичерина. Конечно, Ключевскій «сумѣлъ вложить въ реципированныя схемы столько новаго пониманія и содержанія, что въ его интерпретаціи знакомыя построенія и факты пріобрѣтали совершенно новый смыслъ и какъ бы перерождались». Отвлеченныя и сухія очертанія этихъ «схемъ» наполнились живымъ бытовымъ содержаніемъ, обросли деталями соціальныхъ отношеній, топографической обстановки, экономическаго уклада, психическаго строя, пріобрѣли достоинство и конкретную силу художественнаго воспроизведенія изучаемой эпохи въ наглядныхъ образахъ» [2]). Однако, новое содержаніе уложи-

---

[1]) Ср. „В. О. Ключевскій; характеристики и воспоминанія“, М., 1912, изд. „Научнаго Слова“,—статьи М. М. Богословскаго („В. О. Ключевскій какъ ученый“), М. К. Любавскаго („Соловьевъ и Ключевскій), Б. И. Сыромятникова („В. О. Ключевскій и Б. Н. Чичеринъ“), П. Н. Милюкова („В. О. Ключевскій“).

*

лось въ тѣхъ же основныхъ очертаніяхъ, къ нимъ приноровленное, хотя они не изъ него сложились. При этомъ, особенности традиціонной схемы и ея внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, утвержденіе преемственной связи исторической жизни сѣвера съ кіевскимъ югомъ, съ другой, выясненіе ихъ рѣзкой противоположности и самостоятельныхъ корней сѣверноруссказго историческаго процесса—выступили тѣмъ болѣе отчетливо и рѣшительно.

Въ представленіи Ключевскаго, Ростовская земля это «край, который лежалъ внѣ старой коренной Руси, и въ XII в. былъ болѣе инородческимъ чѣмъ русскимъ краемъ»: «здѣсь въ XI и XII вв. жили три финскихъ племени—мурома, меря и весь». Смѣшеніе съ ними русскихъ переселенцевъ создастъ великорусское племя. Когда «населеніе центральной средне-днѣпровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось въ противоположныя стороны», произошелъ «разрывъ» этой, первоначальной, народности, причемъ «широкое, медленное и разсѣяное движеніе» переносило втеченіи XII—XIV вв. массы населенія изъ юго-западной полосы Руси на сѣверо-востокъ. Эти «массы» переселенцевъ съ юга выступаютъ у Ключевскаго основнымъ колонизаціоннымъ матеріаломъ, которымъ питается ростъ сѣверо-восточной Руси; ихъ типъ, характеръ, строй быта перерабатываются, путемъ смѣшенія съ мѣстными инородцами и подъ вліяніемъ новыхъ географическихъ и экономическихъ условій, до рѣшительной противоположности прежнему, южному. Первый крупный моментъ этой колонизаціи—тотъ, когда «переселенцы скучивались въ треугольникъ между Окой и верхней Волгой»: это «время образованія и возвышенія владимірскаго края, возникновенія въ немъ первыхъ удѣловъ, время возростанія и ея первыхъ политическихъ успѣховъ». Тутъ слагается новая народность, возникаетъ иной укладъ соціально-политическихъ отношеній, начинается новая историческая жизнь. Ея *первая* политическая форма—княжескій «удѣлъ», отождествляемый и Ключевскимъ съ «опричниной», какъ «удѣльнымъ гнѣздомъ» княжеской семьи. Удѣлъ выступаетъ передъ нами только въ XIV—XV вв., но на образованіи удѣловъ этого, позднѣйшаго, времени «можно наблюдать продолженіе или даже конецъ того процесса, начало котораго, менѣе для насъ открытое, создало *первые* удѣлы въ сѣверной Руси» [1]). Характерны для «такъ называемаго удѣльнаго порядка» новый владѣльческій типъ—князя вотчинника и новый общественный типъ—боярина, служилаго землевладѣльца. Само это «княжеское удѣльное владѣніе» приняло черты «простого частнаго землевладѣнія», боярскаго; а въ частности «теперь удѣлы вообще наслѣдуются по завѣщанію, передаются по личному усмотрѣнію завѣщателя, а не по какой-либо установленной очереди»; удѣльное управленіе «довольно точная копія устройства древне-русской боярской вотчины». При томъ какъ и сама великорусская

---

[1]) „Боярская Дума", стр. 87 (курсивы мои—А. Пр.).

народность создана не «продолжавшимся развитіемъ старыхъ областныхъ особенностей», а выросла новообразованіемъ изъ дѣвственной почвы верхневолжской Руси, такъ и «удѣльный» порядокъ сложился въ зависимости отъ мѣстныхъ географическихъ и этнографическихъ условій и въ прямомъ разрывѣ со всякой прежней традиціей.

Изучая разнообразныя послѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья, «мы изучаемъ самыя раннія и глубокія основы государственнаго порядка, который предстанетъ передъ нами въ слѣдующемъ періодѣ», т. е. въ Московскомъ государствѣ. Правда, В. О. Ключевскій называетъ «удѣльный» порядокъ—«переходной политической формой», но мы едва ли вѣрно поймемъ его мысль, если придадимъ этому термину смыслъ эволюціоннаго момента. «Государство, по мысли Ключевскаго, національное русское государство вышло изъ этого удѣльнаго порядка XIV в., а не изъ прежняго, но не потому, что прежній порядокъ былъ болѣе далекъ отъ національно-государственнаго, чѣмъ удѣльный XIV в.: сами по себѣ оба имѣли мало того, изъ чего складывается народное государство, и послѣдній даже меньше имѣлъ этого, чѣмъ первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но послѣдній гораздо легче было разрушить, чѣмъ первый,—*и только поэтому* [1]) одно изъ удѣльныхъ княжествъ, вотчина Даниловичей, стало зерномъ народнаго русскаго государства» [2]).

Въ переработкѣ В. О. Ключевскаго традиціонная схема русской исторіи распадается на части. Историческіе періоды какъ бы теряютъ свою методологическую условность. Каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ такую внутреннюю законченность и такъ рѣшительно отграничивается отъ послѣдующаго, что связанъ съ нимъ лишь весьма слабой эволюціонной связью. Рѣшителенъ переломъ между Кіевской и удѣльной Русью. И. Е. Забѣлинъ могъ бы найти у Ключевскаго оправданіе своей формулы, по которой въ Суздальщинѣ и Москвѣ—«корень развитія сѣверной исторіи», а въ Кіевѣ—«корень, изъ котораго развилась южная исторія». В. О. Ключевскій говоритъ даже не о «модификаціи на великорусской почвѣ кіевскихъ соціально-политическихъ формъ, права, культуры», какъ М. С. Грушевскій, а только объ упадкѣ «политическихъ, экономическихъ и церковныхъ связей прежняго времени» и выясняетъ, съ необычайной конкретностью, какъ выросли изъ мѣстныхъ условій верхневолжской почвы новыя общественно-историческія формы жизни, типы, отношенія [3]).

---

[1]) Курсивъ мой. А. Пр.

[2]) „Курсъ русской исторіи“ т. I, лекція XX; „Боярская Дума“, главы III—IV.

[3]) Четкія и яркія характеристики цѣлыхъ историческихъ періодовъ, построенныя на сильно-подчеркнутыхъ антитезахъ—одно изъ свойствъ художественнаго изложенія въ курсѣ В. О. Ключевскаго; оно привело къ тому, что П. Н. Милюковъ назвалъ „драматизаціей хода русской исторической эволюціи“. Но въ нашей историографіи эти характеристики—литературно-художественныя—завоевали себѣ

Почти столь же рѣшительна въ изложеніи В. О. Ключевскаго антитеза удѣльнаго періода—московскому.

Его общая схема ранней исторіи сѣверной Руси слагается изъ двухъ противоположныхъ процессовъ: одинъ—«дробилъ эту Русь на княжескія вотчины въ потомствѣ Всеволода III»; другой—созданъ усиліями «одной вѣтви этого потомства», которой «пришлось начать обратное дѣло, собирать эти дробившіяся части въ нѣчто цѣлое: Москва стала центромъ образовавшагося этимъ путемъ государства».

Такъ и у Ключевскаго, анализъ условій, вызвавшихъ образованіе Московскаго государства сводится къ изученію «политическихъ и національныхъ успѣховъ московскихъ князей». Быстрое усиленіе Москвы остановило процессъ дробленія сѣверо-восточной Руси и собрало «дробившіяся части въ нѣчто цѣлое». Первый вопросъ въ изученіи этого процесса—объ источникахъ той московской силы, которая его создала, разрѣшается указаніемъ на два «первоначальныхъ условія быстраго роста Московскаго княжества», на географическое положеніе Москвы и генеалогическое положеніе ея князя. Историческая схема вела къ необходимости найти въ самомъ городѣ Москвѣ и его краѣ—средоточіе и источникъ силъ и средствъ, развернутыхъ затѣмъ въ дѣлѣ расширенія территоріи и подчиненія другихъ князей. Разсмотрѣніе выгодъ ея географическаго положенія освобождаетъ историка отъ «загадочности первыхъ успѣховъ города Москвы», такъ какъ вскрываетъ «таинственныя историческія силы, работавшія надъ подготовкой успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія». Тутъ на первомъ планѣ «экономическія условія, питавшія ростъ города»: Москва пунктъ пересѣченія двухъ скрещивавшихся движеній: переселенческаго на С.-В. и торгово-транзитнаго на Ю.-В.». Судя по позднѣйшимъ родословнымъ преданіямъ боярскихъ фамилій, съ конца XIII в. въ Москву «со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди—изъ Мурома, изъ Нижняго, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже изъ Кіева и изъ Волыни». Эти преданія, по Ключевскому, лишь отразили въ себѣ общее движеніе населенія: «знатные люди шли по теченію народной массы» и «въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами, стекались народныя силы благодаря ея географическому положенію». Анализъ внѣшнихъ условій положенія Великороссіи въ XIV в. и утвержденіе, что мощный приливъ населенія съ юга сдѣлалъ изъ Москвы ея «этнографическій центръ»—освѣщаетъ одну изъ основныхъ причинъ «сравнительно болѣе ранней и густой населенности московскаго края», которой Москва обязана однимъ изъ важнѣйшихъ условій своихъ загадочныхъ первыхъ успѣховъ: первыя волны этого прилива народныхъ силъ къ Москвѣ—въ

значеніе научныхъ концепцій, сильно вліяя на пониманіе русской исторіи вообще и ряда отдѣльныхъ ея явленій.

переселенческомъ движеніи изъ Днѣпровской Руси; колонисты съ Ю.-З. переваливъ за Угру, попадали, прежде всего, въ московскій край, и «здѣсь, слѣдовательно, они осаживались наибольшими массами». Скопленіе населенія доставляло московскому князю существенныя экономическія выгоды, такъ какъ «увеличивало количество плательщиковъ прямыхъ податей». Съ другой стороны, то же географическое положеніе благопріятствовало раннимъ промышленнымъ успѣхамъ Москвы: «развитіе торговаго транспортнаго движенія по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края, втягивало его въ это торговое движеніе и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами». Экономическія послѣдствія ~~тяжелаго~~ географического положенія Москвы давали великому князю обильныя матеріальныя средства, а его генеалогическое положеніе въ ряду потомковъ Всеволода III—«указывало» ему, какъ всего выгоднѣе пустить ихъ въ оборотъ. Представитель одной изъ младшихъ линій Всеволодова потомства, онъ «не могъ питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старшій великокняжескій столъ», оказывался «наиболѣе безправнымъ княземъ среди родичей». Обездоленный князь, «не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины», вырабатываетъ «своеобразную политику»: московскіе князья «раньше и рѣшительнѣе другихъ сходятъ съ привычной колеи княжескихъ отношеній, ищутъ новыхъ путей, не задумываясь надъ старинными счетами, надъ политическими преданіями и приличіями».

Такъ выясняются у В. О. Ключевскаго основныя причины, которыя сдѣлали Москву и ея князей—великой исторической силой: разрушая старыя традиціи, эта сила пошла противъ преобладавшаго движенія сѣверной жизни къ дробленію и начала «обратное дѣло» собиранія частей верхневолжской Руси въ новое цѣлое.

Это «новое дѣло» не опиралось, по представленію Ключевскаго, ни на какую историческую традицію, а потому могло лишь очень постепенно и поздно получить общее національно-политическое значеніе. Первая его стадія—расширеніе территоріи московскихъ владѣній—скупкой чужихъ земель, ихъ насильственнымъ захватомъ, иногда «дипломатическимъ захватомъ съ помощью Орды», служебнымъ договоромъ съ удѣльнымъ княземъ, наконецъ, захватомъ колонизаціоннымъ—разселеніемъ изъ московскихъ владѣній за Волгу. Образцовый правитель-хозяинъ—московскій князь умѣетъ не только пріобрѣтать, но и сохранять свои пріобрѣтенія и налаживать въ нихъ порядокъ. Второй моментъ—пріобрѣтеніе великокняжескаго вліянія: сила Москвы и ея ловкая политика даютъ Великороссіи отдыхъ отъ внѣшнихъ тревогъ, и ко времени Донского сообщаютъ московскому князю значеніе «національнаго вождя сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами». Это значеніе поддержано перенесеніемъ въ Москву митрополичьей каѳедры: многозначительный фактъ этотъ произошелъ, по Ключевскому, довольно случайно, въ связи опять-таки съ географическимъ положеніемъ Москвы:

черезъ нее лежалъ путь митрополита изъ Владиміра въ юго-западныя епархіи; митрополитъ Петръ часто бывалъ тутъ, подружился съ Иваномъ Калитой, тутъ и умеръ: эта «случайность» стала завѣтомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Все это обусловливало «территоріальный и національный ростъ Московскаго княжества», которое «вбирало въ себя разъединенныя части Русской земли», и, поглощая другія русскія княжества, превратилось въ національное русское государство.

Параллельно этому процессу наросталъ и другой — «политическій подъемъ» одного изъ московскихъ князей, которому, какъ старшему въ московской княжеской семьѣ и, въ то же время, великому князю, наибольшей долей доставались выгоды внѣшнихъ успѣховъ, достигнутыхъ московскимъ княжествомъ. Главный факторъ того «политическаго возвышенія», которое, въ концѣ концовъ, превратило московскаго великаго князя въ единодержавнаго русскаго государя,—постепенное увеличеніе доли вотчиннаго наслѣдства, какая «на старѣйшій путь» выпадала по духовнымъ грамотамъ старшему сыну. «Посредствомъ такого вотчиннаго фактическаго преобладанія, безъ политическихъ преимуществъ, этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ смертныхъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей». Случилось такъ потому, что «фамильныя усилія московскихъ великихъ князей встрѣтились съ народными нуждами и стремленіями». Собственнымъ мотивомъ дѣятельности этихъ князей былъ «династическій интересъ, во имя котораго шло и внѣшнее усиленіе ихъ княжества и внутреннее сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ». Но ихъ успѣхи создали, въ концѣ концовъ, когда «къ половинѣ XV в. среди политическаго раздробленія сложилась новая національная формація»—великорусская народность, готовую форму для осуществленія назрѣвшей новой потребности народной массы «въ политическомъ сосредоточеніи своихъ неустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабощенія». Тогда—во времена Василія Темнаго и Ивана III—«затаенныя и долго дремавшія національныя и политическія ожиданія и сочувствія великорусскаго племени, долго и безуспѣшно искавшія себѣ надежнаго пункта прикрѣпленія, сошлись съ династическими усиліями московскаго великаго князя и понесли его на высоту національнаго государя Великороссіи». Таковы—«главные моменты политическаго роста Московскаго княжества» [1]).

Въ лекціяхъ В. О. Ключевскаго—эти «главные моменты» рѣзко расчленены и ярко охарактеризованы. Ихъ четкія очертанія доведены до рѣзкаго противопоставленія противоположныхъ другъ другу явленій и процессовъ въ исторической жизни Великороссіи. Для достиженія сильной конкретности изложенія, столь привлекательной въ трудахъ В. О. Клю-

---

[1]) „Курсъ русской исторіи“, т. II, лекціи XXI и XXII.

чевскаго, пришлось удѣльный распадъ Великороссіи представить первичнымъ историческимъ явленіемъ ея судебъ, которое выросло непосредственно изъ условій колонизаціи русскаго сѣверо-востока; представить саму эту колонизацію сравнительно позднимъ явленіемъ, а образованіе «великорусской народности» датировать серединой XV вѣка, отнести его къ моменту «встрѣчи» фамильныхъ усилій московскихъ князей съ народными нуждами и стремленіями. Отдѣльно строилась «форма» будущей великорусской государственности въ вотчинномъ московскомъ міркѣ; отдѣльно слагалось ея будущее содержаніе въ нароставшихъ потребностяхъ «новой національной формаціи». Яркая драматизація исторической схемы находитъ затѣмъ свое разрѣшеніе въ появленіи на исторической сценѣ «національнаго государя Великороссіи», который указываетъ выходъ изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабощенія въ созданіи твердаго государственнаго порядка.

Въ одной изъ давнихъ статей своихъ П. Н. Милюковъ охарактеризовалъ труды корифеевъ русской исторической науки терминомъ «юридическая школа въ русской исторіографіи» [1]). Дѣйствительно, къ нимъ въ значительной мѣрѣ приложима та характеристика, какую А. Д. Градовскій далъ—по поводу труда В. И. Сергѣевича «Вѣче и князь»—«сочиненіямъ по исторіи русскаго права»: ихъ задача—раскрытіе «началъ», проявленіе которыхъ въ историческомъ процессѣ указывается на примѣрахъ, взятыхъ изъ русской исторіи; историческій матеріалъ не играетъ тутъ самостоятельной роли; онъ важенъ лишь настолько, насколько въ немъ можно изучить проявленіе юридическихъ началъ» [2]), притомъ, надо замѣтить, началъ, установленныхъ—въ самомъ содержаніи своемъ—внѣ прямой зависимости отъ анализа даннаго историческаго матеріала.

Такимъ преобладаніемъ соціологическаго догматизма въ самомъ методѣ «юридической школы» объясняется то обстоятельство, на первый взглядъ странное, что фактическія данныя, какими оперируетъ наша исторіографія въ изученіи вопроса о возникновеніи Великорусскаго государства, освѣщаемыя съ различныхъ точекъ зрѣнія, остались, по существу, безъ пересмотра, а самые источники, откуда эти данныя почерпнуты—безъ достаточнаго анализа. Весь этотъ вопросъ, одинъ изъ важнѣйшихъ для русской исторической науки, можно сказать—ни разу не подвергался монографической обработкѣ, такъ какъ работы Станкевича, Вешнякова, Полежаева—только отражали, по своему, общія построенія профессорскихъ курсовъ. Поэтому попытка болѣе конкретно пересмотрѣть данныя историческаго матеріала, какимъ мы располагаемъ для выясненія условій образо-

---

[1]) П. Н. Милюковъ, Юридическая школа въ русской исторіографіи („Русская Мысль“, 1886 г., кн. 6).

[2]) „Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго“, т. I (статья: „Государственный строй древней Руси“).

ванія Великорусскаго государства, внѣ зависимости отъ традиціонныхъ историко-соціологическихъ схемъ и концепцій, представляется автору этихъ строкъ задачей, въ полной мѣрѣ—насущной. Дѣло въ томъ, что простой обзоръ — возможно внимательный и полный — подлиннаго фактическаго матеріала, какой намъ даютъ источники, приводитъ къ любопытному и научно-цѣнному выводу: господство теоретическихъ построеній въ нашей исторіографіи привело къ такому одностороннему подбору данныхъ, при которомъ отпадало изъ ихъ комплекса все, что не годилось для иллюстраціи установленной схемы, не подтверждало ея предпосылокъ; пострадало при этомъ и критическое отношеніе къ источникамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ— духовныя и договорныя грамоты и лѣтописные своды еще ждутъ тщательнаго изслѣдованія. Для грамотъ мы не имѣемъ полнаго и научно-точнаго изданія; ихъ анализъ—сводится къ статьѣ Чичерина, во многомъ не удовлетворяющей требованіе историка. Изученіе лѣтописныхъ сводовъ лишь недавно поставлено съ надлежащей широтой и глубиной въ трудахъ А. А. Шахматова, а выводы этого изученія еще не использованы для пересмотра исторіи XIV—XVI столѣтій.

2. Сѣверо-восточная Русь до татарскаго нашествія.

Ростовско-Суздальская земля въ XII—XIII вѣкахъ.

Ростовская земля занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ представленіяхъ русской исторіографіи. Она выступаетъ въ историографической традиціи— новообразованіемъ XII—XIII в. Продолжая построеніе, данное еще С. М. Соловьевымъ, В. О. Ключевскій говоритъ о ней, какъ о краѣ, который «лежалъ внѣ старой коренной Руси и въ XII вѣкѣ былъ болѣе инородческимъ, чѣмъ русскимъ краемъ», а подлинную русскую колонизацію ея связываетъ съ тѣмъ моментомъ, когда «главная масса русскаго народа» отступила «передъ непосильными внѣшними опасностями съ днѣпровскаго Югозапада къ Окѣ и верхней Волгѣ». Поэтому изученіе послѣдствій русской колонизаціи верхняго Поволжья даетъ Ключевскому возможность изучать «самыя раннія и глубокія основы государственнаго порядка, который предстанетъ передъ нами въ слѣдующемъ періодѣ». Увлекательная задача—прослѣдить образованіе на дѣвственной почвѣ новаго уклада политической и общественной жизни дала В. О. Ключевскому лучшія, быть можетъ, страницы его неподражаемаго «Курса русской исторіи». На фонѣ первобытной природы съ полудикимъ финскимъ населеніемъ яркой фигурой выступаетъ князь-вотчинникъ, колонизаторъ и организаторъ, подымающій личными усиліями культурную новину. Этотъ образъ созданъ С. М. Соловьевымъ и художественно разработанъ В. О. Ключевскимъ въ яркой

антитетъ: «военный сторожъ и подвижной вотчичъ всей Русской земли князь съ XIII в. становится на сѣверѣ сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ своего удѣла» [1]). Колумбомъ Поволжья выступаетъ Юрій Долгорукій. «Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, читаемъ у Соловьева.... въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ... Ростовъ Великій», но «скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый». И Ключевскій сохраняетъ то же представленіе о князѣ Юріи: «Начиная съ Юрія Долгорукаго, оставившаго своимъ дѣтямъ столько городовъ и селеній въ Суздальской землѣ, каждый князь, правившій этой землей или ея частью, покидалъ свое владѣніе далеко не такимъ, какимъ заставалъ его; край оживалъ на его глазахъ: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новяхъ, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну, новые классы завязывались въ обществѣ» [2]).

Откуда это представленіе о Юріи-градостроителѣ? Нашими источниками засвидѣтельствовано построеніе имъ четырехъ «градовъ»—Кснятина на усть Нерли, Юрьева Польскаго, Дмитрова и Москвы [4]). Но Татищевъ приписалъ Юрію широкое градостроительство, а Соловьевъ и Ключевскій ссылаются на него, какъ на источникъ. Ключевскій поясняетъ это обстоятельство утвержденіемъ, что Татищевъ, согласно его собственному заявленію, «началъ встрѣчать цѣлый рядъ другихъ новыхъ городовъ въ сѣверной Руси, которые не были извѣстны до того времени»,—«въ своихъ источникахъ, теперь исчезнувшихъ». Однако, мы у Татищева не встрѣчаемъ такой ссылки на источники. Онъ только указываетъ въ поясненіе

---

[1]) „Курсъ русской исторіи“, лекціи XVII и XVIII; „Боярская Дума“, гл. III и IV.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, ст. 494—495; Ключевскій, Боярская Дума, 4-е изд., стр. 91.

[3]) О построеніи города Константина (Кснятина, Коснятина) сообщаетъ только Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 158) подъ 6641 (1133) г.: „Того же лѣта князь Юрьи Володимеричъ Манамашь заложи градъ на усть Нерли на Волзѣ и нарече имя ему Константинъ и церковь въ немъ созда“. О Юрьевѣ Польскомъ подъ 6660 въ общемъ перечнѣ церковнаго строительства Юрія помянуто, что онъ и „градъ Юрьевъ заложи и церковь святого Георгія каменну“ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 153; ср. т. V, стр. 160); о Дмитровѣ подъ 6664 (1157) г.: „родися князю Юрію сынъ Дмитрей; бѣ бо тогда на рѣцѣ на Яхромѣ и со княгинею, и заложи градъ во имя сына своего и нарече и Дмитровъ, а сына нарѣче Всеволодомъ“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 161; ср. т. VIII, стр. 60). О Москвѣ—въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л.,т. XV, стр. 225) изъ 6664 г.: „заложи градъ Москьву на устьниже Неглинны, выше рѣки Аузы“. Само по себѣ сооруженіе укрѣпленій мало даетъ основаній для представленій о колонизаціонной дѣятельности князя. О Переяславлѣ читаемъ прямое указаніе, что Юрій его „переведе отъ Клещина [озера], заложь великъ, и церковь поставп святого Спаса въ Переяславли“ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 153).

своего упоминанія о построеніи Юріемъ многихъ городовъ «въ Бѣлой Руси», что «которые точно, о томъ историки (т. е. лѣтописцы) не равно написали, и хотя точно имянъ всѣхъ не упомянуто, но по обстоятельствамъ и случаямъ отъ сего времени *вновь построенные* единъ по другомъ упоминаемы». Татищевъ счелъ «вновь построенными» города, которые ранѣе не поминались въ лѣтописяхъ, а тутъ, въ разсказѣ о Юріи и его преемникахъ, стали упоминаться «по обстоятельствамъ и случаямъ»; для тѣхъ же городовъ Суздальской Руси, которые названы по старинным южнорусскимъ, Татищевъ нашелъ основаніе приписать ихъ построеніе Юрію въ словахъ своей «Новгородской» лѣтописи, которыя онъ такъ передаетъ: «Юрій, вспоминая городы просты Русскіе, иже быша владѣнія его и отъяты Изяславомъ, построилъ Юрьевъ въ полѣ и другіе грады тѣми же имяны», съ поясненіемъ: «по сему можно мнить, что имянами бывшихъ тогда около Кіева» [1]). Такъ опора Ключевскаго не въ показаніяхъ источниковъ Татищева, а въ его предположеніяхъ. Еще характернѣе другія ссылки Соловьева и Ключевскаго на текстъ Татищева. Соловьевъ указываетъ на 76 стр. III тома; Ключевскій ссылается на то, какъ «самъ Андрей Боголюбскій хвалился своею колонизаторской дѣятельностью», а именно говорилъ боярамъ, по поводу замысла учредить во Владимірѣ особую митрополію: «я всю Бѣлую Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ» [2]). Но именно эти мѣста Татищевскаго текста нѣтъ основанія относить къ его «исчезнувшимъ источникамъ». Текстъ, соблазнившій Соловьева, есть вставка Татищева въ его «лѣтописный сводъ», въ началѣ главы: «Раздѣленіе государства на два великія княженія», что и видно изъ относящихся къ нему примѣчаній (457 и 458); такой же плодъ обработки лѣтописнаго текста и строки, использованныя Ключевскимъ [3]).

---

[1]) Татищевъ, Исторія Россійская, кн. III, прим. 458.

[2]) См. Татищева, т. III, стр. 139.

[3]) См. Татищева, т. III, стр. 76: „По многихъ такъ нещастливыхъ предпріятіяхъ великій князь Юрій Владимировичь Долгорукій, пришедъ въ Суздаль и видя себя Руской земли совсѣмъ лишенна, отъ великаго княженія отщетясь, основалъ престолъ въ Бѣлой Руси; Рязанскихъ же и Муромскихъ князей ко оному пріобщилъ и крестнымъ цѣлованіемъ утвердилъ. Потомъ зачалъ строить въ области своей многіе града Юрьевъ въ полѣ, Переяславль у Клюшина озера, Владимиръ на Клязьмѣ, Кострому, Ярославль и другія многія града, тѣми же имены, какъ въ Руси суть, хотя тѣмъ утолить печаль свою, что лишился великаго княженія Рускаго, и началъ тѣ града населять, созывая людей отвсюда, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ кромѣ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли“. Эта вставка, обличающая самымъ содержаніемъ свою независимость отъ лѣтописныхъ источниковъ, отразилось и той—на стр. 139, которую привелъ Ключевскій ср. еще на стр. 124 того же III тома слова „гдѣ тогда Андрей градъ на Камѣ строилъ“. Всего этого (какъ и многаго иного изъ тѣхъ „извѣстій“ Татищева. ко-

Представленіе о крайней элементарности культурнаго состоянія Ростовской земли въ XII в. основано не на какихъ либо положительныхъ данныхъ, а, главнымъ образомъ, на скудости свѣдѣній о ея внутренней жизни и состояніи въ нашихъ источникахъ. Историку часто бываетъ трудно выдержать на дѣлѣ старую истину, что нельзя отсутствіе извѣстій принимать за отсутствіе «исторической жизни». Впрочемъ, при нѣсколько пристальномъ и свободномъ отъ предвзятости вниманія къ тѣмъ скуднымъ чертамъ, какими отразилось въ нашихъ источникахъ состояніе Ростовскаго Поволжья до Юрія Долгорукаго, при Юріи и при Андреѣ Боголюбскомъ, придется сказать, что онѣ противорѣчатъ обычному представленію о ней. Къ тому же черты эти отмѣчены, съ достаточной опредѣленностью, въ трудахъ В. И. Сергѣевича и Н. П. Кондакова.

Развѣ не наталкиваетъ на сомнѣніе уже то соображеніе, что само утвержденіе въ данной области прочной и преемственной княжеской власти должно служить для историка признакомъ крупныхъ успѣховъ предыдущей

торыя использованы С. М. Соловьевымъ) нѣтъ въ той редакціи „второй части“ Исторіи Россійской (соотвѣтствуетъ II и III т.т. печатнаго изданія), которую В. Н. Татищевъ было приготовилъ къ печати, думая выпустить въ свѣтъ раньше I-й части. Въ этой первоначальной редакціи Татищевской исторіи имѣемъ „лѣтописный сводъ“, составленный на основаніи всѣхъ главныхъ его источниковъ (манускрипты: Кабинетной, Раскольничей, Радивиловскій, Голицынской, Кириловской, Новгородской Іоанновъ, Псковской, Новгородской Крекшина, Никоновской и Нижегородской); для дальнѣйшей переработки послужили, кромѣ Іоакима Новгородскаго только Іосифовскій списокъ (ср. стр. 63—64, томъ I) и какіе то источники, сообщенные Татищеву „отъ нѣкоторыхъ любопытныхъ“, о чемъ упомянуто въ концѣ гл. VII тома I-го. Помянутый списокъ первоначальной редакціи второй части „Исторіи“ хранится въ Имп. Академіи Наукъ подъ шифромъ: 17. 17. 11. Погодинъ приписывалъ Юрію Долгорукому, „основаніе многихъ городовъ“, но упомянулъ только Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ и, предположительно, Москву („Изслѣдованія, т. V, стр. 308). Д. А. Корсаковъ указываетъ, что лѣтопись называетъ только три города, построенныхъ Юріемъ—Кснятинъ или Константиновъ, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ, но признаетъ „справедливыми соображенія Татищева“ о томъ, что такихъ городовъ было, по всей вѣроятности, больше („Меря и Ростовское княжество“, стр. 77); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ выражается еще осторожнѣе: „Говорятъ, что онъ строилъ здѣсь города и, дѣйствительно, города несомнѣнно княжескаго построенія (Дмитровъ въ честь Всеволода-Дмитрія, здѣсь родившагося; Юрьевъ, въ честь его самого), несомнѣнно имъ построены; но другіе могли быть только укрѣплены имъ“ („Русская Исторія“, т. I, стр. 188). Дѣйствительно, трудно критически опредѣлить цѣну этихъ извѣстій: напр. сравненіе текстовъ П. С. Р. Л., т. IV², стр. 153 и т. I, стр. 160 можетъ вызвать на предположеніе, что извѣстіе о переносѣ на новое мѣсто и расширеніи Переяславльскаго града—вставка позднѣйшей редакціи; а сравненіе текстовъ т. V, стр. 161 (о Дмитровѣ) и т. XV, ст. 225 (о Москвѣ)—подъ однимъ и тѣмъ же годомъ можетъ усилить тѣ сомнѣнія въ извѣстіи о закладкѣ Юріемъ московскаго города, о которыхъ см. у С. Ѳ. Платонова, „Статьи по русской исторіи“, 2-е изданіе, стр. 78—79, такъ какъ подрываютъ увѣренность, что эти извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ восходятъ къ старымъ источникамъ, а не составлены по устнымъ преданіямъ и датированы произвольно.

колонизаціи и организаціи мѣстнаго быта, что общество—не только въ Кіевской Руси, но всегда и всюду «старше своего князя»? Съ другой стороны, если бы В. О. Ключевскій захотѣлъ примѣнить къ сѣверной Руси свою теорію о значеніи внѣшней торговли для развитія быстраго усложненія быта и соціально-политическаго строя среди восточныхъ славянъ, развѣ пришлось бы ему терпѣть отъ недостатка данныхъ? Обиліе монетъ и вещей, шедшихъ къ славянамъ съ Востока—въ VIII—XI вв., арабскія извѣстія о значительной русской торговлѣ въ болгарахъ, въ Хозарскомъ царствѣ, на Каспіи и за Каспіемъ, богатыя находки западныхъ монетъ X—XI вв.; извѣстіе о сборѣ Хазарами съ Вятичей дани «щлягами», т. е. западными шиллингами, столь трудное для конкретнаго осмысленія; раннее знакомство Скандинавовъ съ далекимъ сѣверо-востокомъ Европы,—все это даетъ представленіе о значительности Волжскаго торговаго пути—и болѣе раннее, и болѣе опредѣленное, чѣмъ то, что имѣемъ для пути изъ Варягъ въ Греки по Днѣпру. Не говоритъ о чуждомъ зажиточности и доходовъ захолустьи и ранній интересъ князей къ далекой Ростовской землѣ. Политическія отношенія этого края при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не совсѣмъ ясны [1]). По сказаніямъ Кіевской лѣтописи при Владимірѣ Святомъ въ Ростовѣ княжилъ Борисъ, въ Муромѣ Глѣбъ; не вижу убѣдительныхъ основаній для отрицательнаго отношенія къ этой записи стараго свода, какое высказалъ А. А. Шахматовъ [2]); держать крайніе боевые пункты своихъ владѣній сыновьями—устойчивая черта политики кіевскихъ князей. При сыновьяхъ Ярослава—на ряду съ приднѣпровскими владѣніями—правобережными Изяслава Ярославича и лѣвобережными Святослава, видимъ Ростовъ, Суздаль, Поволжье въ рукахъ Всеволода вмѣстѣ съ южнымъ Переяславлемъ. Это географически-искусственное сочетаніе волостей создаетъ особую традицію Всеволодовой отчины и притязанія сѣверныхъ князей на южный («русскій») Переяславль, поддержанныя ихъ стремленіемъ держать «часть» въ Русской (Кіевской) землѣ, чтобы не терять вліянія на центръ всей системы традиціонныхъ междукняжескихъ отношеній. Владиміръ Мономахъ, поглощенный борьбою съ Половцами и южной политикой, не упускаетъ, однако, изъ виду Ростова. Онъ ѣздитъ туда, по временамъ, для своего княжого дѣла, упорно защищаетъ съ сыновьями эту «волость отца своего» отъ захвата черниговскимъ Олегомъ Святославичемъ, строитъ тутъ «въ свое имя» городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Повидимому, до Мономаха и первое время при немъ Ростовъ былъ подъ управленіемъ княжескихъ посадниковъ. Мономахъ посылаетъ туда своего тысяцкаго, варяга Георгія, давъ ему «на руки» сына своего Юрія. Юрій Владиміровичъ сталъ княземъ Ростовскимъ и лѣтъ со-

---

[1]) См. „Княжое право въ древней Руси“, стр. 41—42.

[2]) А. А. Шахматовъ, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, стр. 89—91.

рокъ непрерывно владѣлъ сѣверной волостью. При немъ уже яснѣе выступаютъ основныя особенности этого края. И тѣ черты внутренняго строя, какія выступаютъ передъ нами какъ только можемъ вычитать въ лѣтописныхъ текстахъ болѣе четкія указанія на складъ отношеній въ Ростовской землѣ, свидѣтельствуютъ о значительной сложности историческихъ судебъ, пережитыхъ ею въ предыдущее время.

Въ этой области, по дошедшимъ до насъ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ, два крупныхъ городскихъ центра—Ростовъ и Суздаль. Не знаемъ времени основанія Суздаля, но политически онъ моложе Ростова, а, между тѣмъ, со временъ Юрія—онъ стоитъ рядомъ съ Ростовомъ, и земля чаще именуется въ нашихъ лѣтописяхъ Суздальской, чѣмъ Ростовской. Трудно сомнѣваться, что тотъ процессъ, какой мы наблюдаемъ позднѣе, при Андреѣ Боголюбскомъ, какъ «возвышеніе Владиміра», былъ уже пережитъ Ростовской землей при Юріи, какъ «возвышеніе Суздаля». Насколько знаю, одинъ только В. И. Сергѣевичъ оцѣнилъ значительность этого явленія для разумѣнія раннихъ судебъ сѣверо-восточной Руси [1]). Для Юрьевича Андрея «отень столъ» въ Ростовѣ [6]), но, какъ отмѣтилъ В. И. Сергѣевичъ, «живетъ Юрій чаще въ Суздалѣ, чѣмъ въ Ростовѣ», изъ Суздаля выступаетъ въ походы и въ Суздаль возвращается, а въ Кіевѣ окруженъ не Ростовцами, а Суздальцами, и имъ раздаетъ дома и села Изяславовой дружины [3]). Однако, Суздаль, о «возникающемъ преобладаніи» котораго говоритъ В. И. Сергѣевичъ, не оттѣснилъ Ростова на второй планъ. Терминологія Лаврентьевской лѣтописи въ разсказѣ о временахъ Андрея Боголюбскаго и событіяхъ, послѣдовавшихъ за его кончиной, неизмѣнно выдвигаетъ на первый планъ Ростовъ и ростовцевъ передъ Суздалемъ и суздальцами. Мало того. Ея текстъ носитъ явные слѣды переработки иного изложенія, гдѣ въ роли центра сѣверо-восточной Руси выступалъ одинъ Ростовъ; а Суздаль—добавленъ составителемъ новой редакціи свода [4]): такъ, напримѣръ, въ зна-

---

[1]) „Древности Русскаго права“, т. I³, стр. 16—20.

[2]) Лаврент. лѣтопись, 3-е изд., стр. 330 (1157 г.).

[3]) Весьма вѣроятно, что еще при Юріи Суздаль сталъ резиденціей не только князя, но и ростовскаго епископа; на значеніе Суздаля какъ епископской резиденціи имѣемъ опредѣленное указаніе отъ лѣтъ, ближайшихъ къ кончинѣ кн. Юрія: въ 1162 г. кн. Андрей Боголюбскій послѣ разрыва съ еп. Леономъ—возвратилъ его „но въ Ростовъ, а въ Суждали не да ему сѣдѣти“ (П. С. Р. Л., т. II², ст. 520).

[4]) Въ лѣтописи Лаврентьевской—сплетеніе ростовскихъ и владимірскихъ записей, причемъ первыя—вѣроятно примкнувшія къ „Лѣтописцу старому Ростовскому“, на которой ссылается еп. Симонъ въ посланіи къ Полпкарпу (Кіево-Печерскій Патерикъ), проредактированы лѣтописцемъ владимірцемъ. См. А. А. Шахматова, о Лаврентьевской лѣтописи (въ „Разобрѣ труда И. А. Тихомирова“: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“, Отчетъ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова, 1899) и его же „Изслѣдованіе Радзивилловской или Кенигсбергской лѣтописи“, при фотомеханическомъ изданіи этой лѣтописи Общ. Люб. Др. Письменности).

менитомъ разсужденіи лѣтописца о взаимномъ отношеніи старшихъ городовъ и пригородовъ читаемъ: «а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху сотворити правды Божья» [1]), строки, вызвавшія такое замѣчаніе В. И. Сергѣевича: «выходитъ, что Ростовъ и Суздаль составляютъ какъ бы одинъ старшій городъ». Сергѣевичъ объяснилъ возвышеніе Суздаля—по аналогіи съ позднѣйшимъ возвышеніемъ Владиміра: «въ старомъ Ростовѣ было не мало сильныхъ людей—бояръ, которые, естественно, стремились заправлять всѣми дѣлами волости; отъ нихъ-то, надо думать, ушелъ Юрій въ Суздаль; но, по всей вѣроятности, бояре успѣли развестись и въ Суздалѣ, и вотъ сынъ Юрія, Андрей, уходитъ во Владиміръ, къ мезиніимъ людямъ, владимірцамъ».

Такъ выступаетъ уже при Юріи Долгорукомъ значеніе сильнаго боярства въ Ростовской землѣ; едва ли признаніе этого значенія можно считать предположеніемъ: оно подтверждается всѣмъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о временахъ Юрія и Андрея и ихъ преемниковъ.

Руководящей мыслью политики Юрія Долгорукаго было—сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердивъ, въ то же время, ея преобладаніе во всей Руси. Старшихъ сыновей—отъ перваго брака съ половчанкой, дочерью хана Аепы, Юрій предназначалъ для Кіевскаго юга и сажалъ ихъ при себѣ въ Переяславлѣ («русскомъ»), Туровѣ, Пересопницѣ, Вышгородѣ, Каневѣ. Дѣтей отъ второго брака, съ византійской принцессой, Юрій держитъ на сѣверѣ—Мстислава на Новгородскомъ княженіи, Василька, Михалка и Всеволода въ Ростовѣ и Суздалѣ. По свидѣтельству владимірскаго лѣтописца, «Ростовци и Сужьдальци и Переяславци и вся дружина» цѣловали Юрію крестъ «на меньшихъ дѣтяхъ, на Михальцѣ и на братѣ его». Когда ему далось утвердиться въ Кіевѣ, онъ младшихъ (Михалка и Всеволода) оставилъ въ Суздалѣ, подъ опекой ихъ матери и своего кормильца—тысяцкаго варяга Георгія Шимоновича. Такъ былъ поставленъ вопросъ о закрѣпленіи за Ростовско-Суздальской землей значенія семейной вотчины Юрьевичей, притомъ младшихъ, сыновей Юрія отъ второго брака, по соглашенію съ вліятельными силами земли. Старшій во всѣхъ Юрьевичахъ, Андрей разбилъ отцовскіе планы, уйдя отъ него на сѣверъ изъ Вышгорода «въ свою волость Володимерю». Быть можетъ, не лишенъ цѣнности намекъ, сохраненный въ цитатѣ Карамзина, на связь Андрея съ опредѣленной боярской партіей: на самовольный уходъ въ Суздальщину его «подъяша Кучковичи», тѣ самые, съ которыми ему потомъ пришлось такъ кроваво столкнуться [2]). Намекъ этотъ на вліятельное участіе бояръ въ Суздальскихъ событіяхъ временъ Юрія и Андрея подтверждается дальнѣйшимъ ходомъ событій. Лѣтъ двадцать владѣлъ Андрей Суздальщиной, но-

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 358 (1176 г.).
[2]) Карамзинъ, И. Г. Р., т. IV, пр. 383.

достигъ онъ этого только разгромомъ противниковъ и опираясь на своихъ сторонниковъ.

По смерти Юрія, «Ростовци и Суждальци, здумавше вси, пояша Аньдрѣя, сына его старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали» [1]). А на третіи годъ Андрей изгналъ изъ Суздальщины соперниковъ-мачешичей съ ихъ сторонниками-боярами, «мужи отца своего переднии» [2]).

Въ этихъ событіяхъ очевидно взаимодѣйствіе княжескихъ притязаній и раздоровъ съ борьбой и политикой боярскихъ партій. Въ книгѣ «Княжое право въ древней Руси» подробный разборъ лѣтописнаго текста, повѣствующаго о событіяхъ въ Суздальщинѣ по убіеніи Андрея Боголюбскаго, привелъ меня къ выводу, что упоминаніе о дѣйствіяхъ «Ростовцевъ и Суздальцевъ» должны быть отнесены не къ выступленіямъ «вѣчевыхъ общинъ» Ростова и Суздаля, а къ дѣятельности ростовскаго и суздальскаго боярства, какъ дѣломъ боярскаго заговора было и самое убіеніе Андрея (Петръ, Кучковъ зять; Якимъ Кучковичъ). В. И. Сергѣевичъ правильно поясняетъ силу Ростова рядомъ съ княжимъ Суздалемъ значеніемъ ростовскаго боярства. Своеобразное двойное «старѣйшинство» Ростова и Суздаля въ верхнемъ Поволжьи не объяснимо иначе, какъ солидарностью дѣйствій «бояръ и всей дружины», несмотря на то, что организація этого класса имѣла тутъ два центра. «Ростовъ, Суздаль и всѣ бояре», «Ростовци и Суздальци и Переяславци и вся дружина»—таковы формулы

---

[1]) Лаврентьевская лѣт., стр. 330 (1157 г.); Ипатьевская, ст. 490 (1158 г.: „сдумавше Ростовци и Суждальци и Володимерци вси... и посадиша и на отни столѣ Ростовѣ и Суждали и Володимери“).

[2]) Ипатьевская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. II, изд. 2, ст. 520—521): „выгна Андрѣй епископа Леона изъ Суждаля и братью свою поима Мьстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передніи; се же створи хотя самовластець быти всѣй Суждальской земли“; и ниже: „вдоста Гюргевича Царюгороду Мьстиславъ и Василко съ матерью и Всеволода молодого пояша съ собою третьяго брата“. Ср. Воскр. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 76—77). Ипатьевская лѣтопись ставитъ изгнаніе еп. Леона въ связь съ изгнаніемъ братьевъ-князей и ихъ сторонниковъ—бояръ; столкновеніе кн. Андрея съ епископомъ разыгралось на церковно-религіозныхъ мотивахъ (Ипат. лѣт., ст. 520; ср. Лаврент., стр. 331, подъ 1159 г.), что, конечно, не исключаетъ политической подкладки конфликта. Моментъ былъ исключительной важности для Андрея Боголюбскаго. Закончивъ постройку во Владимірѣ Успенскаго собора, кн. Андрей стремится къ церковно-политическому возвышенію своего стольнаго города—учрежденіемъ въ немъ митрополіи, и къ церковно-религіозному прославленію своей земли канонизаціей первыхъ ростовскихъ епископовъ Леонтія и Ісаіи, мощи коихъ были найдены при закладкѣ новой соборной церкви въ Ростовѣ вмѣсто сгорѣвшей въ 1164 г. Неудача, постигшая эти начинанія кн. Андрея, не умаляетъ ихъ характернаго значенія для всей его дѣятельности. См. Никоновскую лѣтопись (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 220—231); Голубинскаго, Ист. русской церкви, т. I, ч. I², стр. 330—331; М. Д. Приселкова, Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси, стр. 135—138.

лѣтописнаго текста; если даже настаивать на обычномъ предположеніи, что онѣ указываютъ на активную роль «старыхъ вѣчевыхъ общинъ», то и такое представленіе мало что измѣнитъ въ выводѣ о руководящей политической роли сильнаго боярства, которое стоитъ во главѣ «всей дружины» и вершитъ судьбами всей земли. Это боярство въ Суздальщинѣ то же, что и вездѣ въ древней Руси,—«старѣйшая дружина», сильная административнымъ вліяніемъ, общественнымъ положеніемъ и земельнымъ богатствомъ. Нѣтъ ни основаній, ни возможности считать этотъ классъ — новообразованіемъ, только что возникшимъ, при Андреѣ Боголюбскомъ или Юріи Долгорукомъ. А наличность сильнаго земскаго класса—заставляетъ признать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій, строили свое политическое и владѣльческое зданіе не на зыбкой только-что колонизующейся почвѣ, а на основѣ окрѣпшаго общественнаго быта, сложнаго по внутреннему строю, въ средѣ того же уклада, какой въ ту же пору наблюдаемъ въ Кіевщинѣ или на Волыни, въ Галицкой землѣ или въ Черниговщинѣ. XII вѣкъ—всюду на Руси время усиленія боярскаго землевладѣнія, боярскаго вліянія и роста боярскихъ привилегій [2]).

Времена Юрія и Андрея для Суздальщины эпоха усиленной организаціи княжого правленія и властвованія въ связи съ утвержденіемъ вотчиннаго обладанія ею за одной изъ линій княжого рода. Эта дѣятельность княжой власти сказалась, между прочимъ, и въ строительствѣ, и въ колонизаціи, и въ мѣстной политической дѣятельности, въ такой же работѣ князей-вотчичей своей земли, какую—нѣсколько позже—наблюдаемъ и въ юго-западной Руси на дѣятельности старшей линіи Мономаховыхъ потомковъ въ земляхъ Волынской и Галицкой.

Конечно, приходилось князьямъ и города строить, на новыхъ ли мѣстахъ, стратегически важныхъ, или для укрѣпленія «городомъ» старинныхъ поселеній. Но что особенно ярко и характерно въ строительной дѣятельности сѣверныхъ князей—это созиданіе храмовъ. Еще Владиміръ Мономахъ построилъ церковь св. Спаса во Владимірѣ. Юрію Долгорукому принадлежитъ сооруженіе св. Спаса въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, соборъ Юрьева Польскаго, св. Спаса Ефимьевскаго монастыря въ Суздалѣ, церкви св. Бориса и Глѣба на Нерли, св. Богородицы въ Ростовѣ (росписана въ 1187 г.); Андрею Боголюбскому—Владимірскаго Успенскаго собора, церкви св. Іоакима и Анны и Золотыхъ воротъ во Владимірѣ. Братъ его Всеволодъ продолжалъ это строительство, соорудилъ во Владимірѣ Дмитровскій соборъ и церковь Рождества Богородицы, обновилъ соборы Владиміра и Суздаля. Константинъ Всеволодовичъ построилъ въ Ростовѣ новый Успенскій соборъ, когда храмъ, созданный Юріемъ, погибъ въ пожарѣ 1211 г., а въ Ярославлѣ—храмы Успенскій и Преображенскій. Все это церковное строитель-

---

[1]) Ср. „Княжое право“, стр. 273 и 296—303.

ство—составляетъ важную и весьма содержательную страницу въ исторіи русскаго (и не только русскаго) искусства. Излюбленный матеріалъ для строенія—бѣлый камень, который по Волгѣ привозили изъ Камской Болгаріи. Среди этихъ храмовъ есть памятники высокаго художества, крупнаго и своеобразнаго художественнаго стиля. Передъ нами тѣ монументальныя данныя, которые позволили Н. П. Кондакову говорить, что «русское искусство есть оригинальный художественный типъ, крупное историческое явленіе, сложившееся работою великорусскаго племени при содѣйствіи цѣлаго ряда иноплеменныхъ и восточныхъ народностей» [1]).

Значительное развитіе каменнаго церковнаго строительства, а тѣмъ болѣе, выработка оригинальнаго и художественно-содержательнаго стиля—возможны только въ странѣ съ развитой городской жизнью, богатой матеріальными средствами, развитіемъ мѣстнаго ремесла и вообще своей мѣстной культурой. Н. П. Кондаковъ справедливо указываетъ на украшеніе наружныхъ стѣнъ суздальскихъ храмовъ назидательной скульптурной символикой, какъ на признакъ развитой городской жизни, такъ какъ эта символическая скульптура разсчитана на вниманіе и пониманіе населенія, толпящагося на храмовой площади. Однихъ этихъ храмовъ достаточно, чтобы отказаться о представленіи о сѣверо-восточной Руси XII вѣка, какъ о темномъ захолустьи, гдѣ и культура, и благосостояніе, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чѣмъ на Кіевскомъ югѣ.

Своеобразный художественный типъ Суздальскаго искусства XII-го вѣка—одно изъ наглядныхъ проявленій особности этой русской области. Но не слѣдуетъ преувеличивать ея обособленія, игнорируя значительность ея связей съ югомъ и западомъ. Въ нашихъ лѣтописныхъ источникахъ достаточно указаній на то, какъ дорожили этими связями князья сѣверо-восточной Руси. Увлеченіе «теоріей родового быта» оставило глубокій слѣдъ въ нашей исторіографіи, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что политика Юрія Долгорукаго осмыслялась, какъ борьба за отвлеченный принципъ старѣйшинства въ русской землѣ, связаннаго съ «золотымъ столомъ» Кіева, безъ достаточнаго вниманія къ реальнымъ ея мотивамъ. Юрій—это видно изъ фактическихъ данныхъ о его дѣятельности въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ [2])—стремился къ сохраненію и усиленію своего вліянія въ южной Руси не безъ отношенія къ своимъ «суздальскимъ» интересамъ. Его борьбу за Кіевъ нельзя отдѣлять отъ характерныхъ усилій закрѣпить за собой вотчину Всеволода Ярославича и Владиміра Мономаха—Переяславль южный, а также Городецъ русскій, Посемье и Курскъ, линію связи Суздальщины

---

[1]) Н. П, Кондаковъ, О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства („Памятники древней письменности“, вып. 132. 1899 г.); Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, „Русскія древности“, вып. VI.

[2]) См. „Княжое право“, стр. 94—105.

съ югомъ. Съ такой точки зрѣнія не столь глубокъ разрывъ съ его политикой дѣятельности Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича. Они отрѣшились отъ представленія о Кіевѣ, какъ неизбѣжномъ центрѣ общерусскаго вліянія, но не отъ стремленія сохранить это властное вліяніе на судьбы русскаго юга. Помимо политическихъ мотивовъ—держать подъ своей рукой традиціонный центръ всей системы междукняжескихъ отношеній, чтобы не дать окрѣпнуть силѣ соперниковъ—старшихъ Мономаничей, опасной для Суздальщины по ихъ вліянію на Новгородъ, на Смоленскъ, на Черниговщину, это стремленіе объясняется опредѣленными торговыми и культурными интересами. Торговыя и культурныя отношенія Суздальщины съ Черниговымъ и Галицкой Русью, Смоленскомъ и Новгородомъ были широки и значительны. Они недостаточно изучены, но внѣ представленія о нихъ необъяснимы исторически ни суздальское искусство, ни развитіе книжнаго творчества сѣверо-восточной Руси. Съ юга шли цѣнные товары, какъ и съ запада; въ Суздальщинѣ знали нѣмецкихъ купцовъ и западныхъ ремесленниковъ; черезъ нее шла торговля Востока и Запада, шелъ, напр., болгарскій воскъ, съ одной, и нѣмецкія сукна, съ другой стороны [1]). Великій Волжскій путь, налаженный съ VIII—IX вв., не замиралъ и въ слѣдующія столѣтія. Ростовско-Суздальская земля раскинулась на пути исконныхъ транзитныхъ отношеній, которыя объясняютъ, въ связи съ другими условіями, возникновеніе на русскомъ сѣверо-востокѣ крупной исторической жизни.

Еще при Юріи Долгорукомъ опредѣлился особый кругъ интересовъ Суздальской политики, который, въ значительной степени, остается основнымъ и характернымъ на рядъ столѣтій въ исторіи Великороссіи. Пресловутая борьба за Кіевъ далеко не наполняетъ всей жизненной дѣятельности Юрія. При жизни отца и старшаго брата Мстислава, и позднѣе въ восьмилѣтнее кіевское княженіе Всеволода Ольговича—онъ замкнутъ въ мѣстныхъ, суздальскихъ интересахъ. Ихъ основная черта—стремленіе обезпечить за собой господство на путяхъ изъ Новгорода въ Поволжье. Первое извѣстіе о Юріи на сѣверѣ—его походъ на Камскихъ Болгаръ въ 1120 году. Наступленіе на Новгородъ—характерная черта его дѣйствій. Не разъ сажаетъ онъ сыновей на новгородскомъ княженіи, дважды захватываетъ Новый Торгъ, запирая артерію восточной торговли Новгорода. Стремленія Юрія идутъ и дальше: онъ началъ наступленіе на Заволоцкія владѣнія Новгорода, отнимаетъ у него сѣверныя дани и пути торговые. Тутъ, на новгородской почвѣ, завязалась борьба Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, и началась—наступленіемъ Изяслава за то, что «Гюргій изъ Ростова обидитъ его Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ и на путѣхъ имъ пакости дѣетъ». Это столкновеніе втянуло Юрія въ борьбу съ Изяславомъ за Кіевъ, и его

---

[1]) Ср. обзоръ извѣстій о внѣшнихъ отношеніяхъ Суздальщины у В. С. Иконникова, „Опытъ русской исторіографіи“, т. II, кн. 1, гл. десятая.

побѣда разбила въ самомъ центрѣ враждебныя силы южныхъ князей [1]). Черты «суздальской оріентировки» въ политикѣ Юрія Долгорукаго подготовили дѣятельность Андрея Боголюбскаго. Главная энергія Андрея направлена на Новгородъ: Андрей силой водворяетъ въ Новгородѣ послушныхъ князей—сыновей и племянниковъ или подручнаго смоленскаго Ростиславича, смиряетъ новгородцевъ прекращеніемъ подвоза хлѣба изъ Поволжья въ Новгородъ; и знаменитый походъ на Кіевъ 1169 года, приведшій къ разгрому «матери городовъ русскихъ», былъ вызванъ столкновеніемъ Андрея съ Мстиславомъ Изяславичемъ изъ-за господства въ Новгородѣ. Другая забота Андрея—болгарскія отношенія, которыя вызвали два его похода внизъ по Волгѣ (1164 и 1172 гг.). И та же политика—на два фронта—характерна для дѣятельности Всеволода Юрьевича. Кромѣ большого похода на Болгаръ въ 1184 г., когда онъ 10 дней стоялъ подъ ихъ столицей Великимъ городомъ, Всеволодъ въ 1186 г. посылалъ рать свою воевать болгарскую землю. Но и его главная забота—новгородскія отношенія, которыя все больше осложнялись попытками новгородцевъ найти опору противъ суздальскаго засилья въ князьяхъ-соперникахъ новой сѣверной силы. Кіевъ палъ, и новое Мономахово племя замкнулось въ дѣлахъ волынскихъ и галицкихъ. Новгородцы пытаются теперь противопоставить напору князей Владиміра Суздальскаго то смоленскихъ, то даже черниговскихъ князей. Но безъ сильной княжеской власти имъ не обойтись. Ихъ связывали съ княжеской властью далеко не одни торговые пути и дѣла въ окрестныхъ земляхъ—вотчинахъ осѣвшихъ тамъ на владѣльческомъ корню княжескихъ фамилій. XII вѣкъ и начало XIII-го боевое время въ жизни Великаго Новгорода; крѣпнетъ западная оріентировка новгородской торговли, а, съ другой стороны, разростается новгородское наступленіе на западныхъ и восточныхъ финновъ, ради ясака и господства въ промысловыхъ волостяхъ, завязывается и упорная борьба со шведами, литвой и нѣмцами за прибалтійскіе торговые пути и господство надъ тѣми же финнами. Торговый городъ не можетъ обойтись безъ испытанной боевой княжеской силы, которая не только организуетъ его наступленіе и самозащиту, но и поддерживаетъ ихъ своими войсками. Суздальскіе князья сильнѣе другихъ, и ближе ихъ интересы къ новгородскимъ задачамъ; въ нихъ Новгородъ находитъ больше дѣйствительной поддержки въ борьбѣ и съ финнами и съ западными врагами. Но они, именно потому, и опаснѣе для новгородской вольности, еще не окрѣпшей: защищая и поддерживая новгородцевъ, князья Владиміра Суздальскаго стремятся, со временъ Юрія и Андрея, крѣпко и постоянно держать его подъ своей рукой.

Въ дѣятельности Всеволода Юрьевича видимъ закладку прочныхъ основъ «великаго княженія Владимірскаго и Великаго Новгорода», какъ

---

[1]) См. „Княжое право“, стр. 100.

характерно называютъ позднѣе лѣтописцы Суздальской земли эту политическую формацію. Послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ столкновеній, Всеволодъ привелъ новгородцевъ къ тому, что они у него просили себѣ князей, и владимірскій князь, первый, кого лѣтописные тексты опредѣленно титулуютъ «великимъ княземъ», посылаетъ на новгородское княженіе племянниковъ и сыновей своихъ. Боевое положеніе Владимірскаго великаго князя требуетъ распоряженія возможно значительными военными силами. Вполнѣ реальными потребностями суздальской политики проникнуто стремленіе сѣверно-русскихъ князей къ подчиненію себѣ другихъ русскихъ князей, чтобы парализовать ихъ противодѣйствіе расширенію своей власти и пользоваться ихъ силами для своихъ предпріятій. Послѣднее особенно ясно въ отношеніяхъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича къ князьямъ муромо-рязанскимъ и смоленскимъ. Владимірскіе князья посылаютъ ихъ со своими войсками въ походы, низводятъ ихъ до положенія своихъ подручниковъ. Оправданія своему засилью они ищутъ въ традиціонной идеѣ старѣйшинства, которое Андрей «отдѣлилъ» отъ Кіева, а Всеволодъ опредѣленнѣе привязалъ къ «великому княженію Владимірскому». Однако, при этомъ подлинный смыслъ «старѣйшинства во всей братьи, князьяхъ русскихъ» претерпѣлъ существенное искаженіе. Прежнее, кіевское старѣйшинство и оправдывалось и питалось общерусскими интересами Кіевской Руси, прежде всего—насущной задачей борьбы съ половцами, а суздальское старѣйшинство стало силой, понуждавшей «братью» служить политикѣ, задачи которой либо были имъ чужды, либо даже противорѣчили ихъ собственнымъ интересамъ. Лишь по принужденію служатъ смоленскіе Ростиславичи Андрею и Всеволоду противъ Новгорода и князей черниговскихъ. А въ землѣ Муромо-рязанской, особенно послѣ ея распада на двѣ княжескія вотчины—муромскую Святославичей и рязанскую Ростиславичей, внутреннія смуты даютъ суздальскимъ князьямъ поводъ утвердить на основѣ своего признаннаго «старѣйшинства» настоящее господство. Начало властному вмѣшательству въ дѣла Муромо-рязанской земли положилъ еще Юрій Долгорукій, а Всеволодъ, послѣ попытки «порядъ сотворити всей братьѣ» муромской и рязанской (1180 г.), повелѣлъ «изымать» неугомонныхъ князей, послалъ на Рязань княжить сына Ярослава, попытку сопротивленія сурово усмирилъ раззореніемъ Рязани и большимъ выводомъ людей въ Суздальщину, а Муромъ отдалъ пронскому князю. Подчиняя себѣ рязанскихъ и муромскихъ князей, великій князь Всеволодъ бралъ на себя оборону муромо-рязанскихъ предѣловъ. Въ 1183 г. видимъ его въ походѣ на волжскихъ болгаръ съ князьями рязанскими и муромскимъ; въ 1199 г. онъ идетъ съ сыномъ Константиномъ на половцевъ, доходитъ до ихъ зимовищъ возлѣ Дона [1]). Борьба со степными кочевниками и съ сосѣдней мордвой держали въ постоянномъ напряженіи

---

[1]) П. С. Р. Л., *т.* VII, стр. 96; Лаврентьевская лѣт., стр. 394.

рязанскія и муромскія силы, и опора въ силахъ остальной Великороссіи была имъ неизбѣжной необходимостью. По существу, проявленія владимірскаго старѣйшинства обслуживали мѣстную суздальскую политику, и южный поэтъ былъ правъ въ укоризнѣ Всеволоду: «Ни мыслію ти прилетѣти издалеча, отьня стола поблюсти». Судьбы южной Руси не привлекали организующей энергіи Всеволода; проявленія его властнаго вмѣшательства въ южныя дѣла лишь ускоряли и обостряли политическое разложеніе Кіевской Руси и связаны, прежде всего, съ его смоленскими и черниговскими отношеніями.

* * *

И смуты-усобицы, потрясшія Ростовско-Суздальскую землю по смерти Всеволода (1212 г.), не разбили ея единства, не сломили «великаго княженія Владимірскаго». Соперничество двухъ Всеволодовичей, Константина и Юрія, закончилось, послѣ непрочныхъ договоровъ 1212 и 1213 г.г., компромиссомъ 1217 г.: «и сѣде Костянтинъ въ Володимерѣ на столѣ, а Юрги Суждали, и бысть радость велика въ земли Суждальстей, а дьяволъ единъ плакашеся своея погыбели» [1]). Въ Суздальщинѣ создалось положеніе, напоминающее соправительство старшихъ Ярославичей въ Кіевской Руси [2]). Какъ при первомъ соглашеніи (1212—13 г.г.), когда «старѣйшинство» осталось за Юріемъ, такъ и послѣ 1217 г., когда оно перешло къ Константину, положеніе младшихъ князей опредѣляется «порядомъ» двухъ старшихъ. Такъ Юрій вывелъ въ 1213 г. Владиміра Всеволодовича изъ Москвы и послалъ его въ «Русскій Переяславль, на отчину свою», а когда онъ вернулся изъ половецкаго плѣна въ Суздальщину къ братьямъ, они «даша ему Стародубъ и ину властьцу» [3]). Юрій, утвердившись на великомъ княженіи по смерти Константина, крѣпко держитъ старѣйшинство надъ младшими князьями, посылаетъ въ походы братьевъ, сыновей и племянниковъ. Въ 1229 г. «Ярославъ усумнѣся брата своего Юргя, слушая нѣкыихъ льсти, и отлучи отъ Юргя Константиновичи три, Василька, Всеволода, Володимера, и мысляшеть противитися Юргю, брату своему, но Богъ не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва ихъ на снемъ въ Суздаль, и исправивше все нелюбье межю собою, и поклонишася Юрью вси, имуще его отцемъ себѣ и господиномъ» [4]).

Сильны еще общіе интересы Ростовско-Суздальской земли; кругозоръ суздальской политики еще слишкомъ широкъ, и ея напряженность слишкомъ значительна, чтобы во внутреннемъ строѣ земли могли получить перевѣсъ тенденціи къ вотчинному дробленію княжого владѣнія. Крѣпнетъ связь Вла-

---

[1]) Лаврентьевская лѣт., стр. 415 (1212 г.) 416 (1213 г.) и 418 (1217 г.).

[2]) Ср. „Княжое право“, стр. 43—45. Юрій и Константинъ дѣйствовали по соглашенію съ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

[3]) Лаврентьевская лѣт., стр. 416 (1213 г.) и 420 (1218 г.).

[4]) Тамъ-же, стр. 429 (1229 г.).

димірскаго великаго княженія съ Новгородомъ въ энергичной дѣятельности князя Ярослава Всеволодовича. Ярославъ еще при отцѣ былъ опорой суздальскаго вліянія внѣ ея предѣловъ—въ южномъ Переяславлѣ, въ Рязани. Съ 1215 г. онъ появляется на новгородскомъ горизонтѣ въ двойственной, съ точки зрѣнія новгородцевъ, роли: крутого борца за силу княжеской власти противъ роста новгородской вольности и крупнаго дѣятеля въ борьбѣ съ западными врагами и въ покореніи финскихъ племенъ. Для суздальскаго князя тутъ, очевидно, никакой двойственности не было: онъ велъ свою, не новгородскую политику. Эту новгородскую дѣятельность Ярослава нѣтъ основанія разсматривать, какъ его личное, «опричное» дѣло. За нимъ стоятъ великій князь Юрій и вся братья, суздальскіе князья. По временамъ, хоть и неудачно, его смѣняетъ на новгородскомъ столѣ Всеволодъ Юрьевичъ (1221, 1224 г.г.); великій князь Юрій посылаетъ въ Новгородъ то сына, то, по просьбѣ новгородцевъ—Ярослава [1]), то даетъ имъ шурина своего Михаила черниговскаго, взявъ съ нихъ окупъ въ 1224 г. Суздальскіе полки ходятъ на выручку новгородцевъ и псковичей противъ нѣмцевъ и литвы, на чудь, емь и корелу. Новгородцы и псковичи дорожили этой помощью, но тяготились самостоятельностью княжеской политики на западной границѣ, такъ какъ Ярославъ не всегда считался съ ихъ мѣстными условіями и интересами [2]).

А на востокѣ Юрій съ братьями и племянниками ведетъ борьбу противъ мордвы, которая въ эту пору проявила значительную не только оборонительную, но и наступательную энергію, и съ камскими болгарами [3]); для этой борьбы созданъ имъ новый опорный пунктъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Не забыты и другія традиціи суздальской политики: Юрій поддерживаетъ зависимость отъ Суздальщины южнаго Переяславля [4]), усиливаетъ свое вліяніе въ Черниговщинѣ, пользуясь свойствомъ своимъ съ княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ [5]). Рязанскихъ князей, плѣненныхъ Всеволодомъ

---

[1]) Новгородци „послаша къ великому князю Юрью, глаголюще: „аще не хощеши у насъ держати сынъ свой, то вдай намъ брата своего“, и вдасть имъ брата своего князя Ярослава“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 129, подъ 1222 г.).

[2]) Характерны упреки псковичей Ярославу въ 1228 г.: „Придоша полки къ Ярославу изъ Переславля въ Новгородъ, хотяще ити на Ригу. Псковичи же, то свѣдавше, послаша къ Ярославу глаголюще: тебѣ, княже кланяемся, не ходи къ намъ, мы съ рижаны миръ взяли, а на путь съ вами не идемъ; ходили есте къ Колыванѣ и сребро взясте, а правды не учинисте, такоже и въ Кеси, а сами отъидоша въ Новгородъ, толке раздраживше, и зато нашу братью нѣмцы избиша, а иныхъ въ полонъ свели, аще тако сдумали есте, то и мы противу васъ со святою Богородицею“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 178, Псковск. I, лѣт., подъ 6736 г.).

[3]) 1226, 1228, 1232 года (Лаврентьевская лѣтопись, стр. 426, 428—9, 437).

[4]) Юрій посылалъ туда княжить племянника Всеволода Константиновича (1227), брата Святослава (1228).

[5]) Въ 1226 г. Юрій вмѣшался въ усобицу шурина своего съ княземъ Олегомъ Курскимъ, ходилъ ему въ помощь съ племянниками—Константиновичами и „створи миръ межи ими“ при содѣйствіи митр. Кирила. Лаврентьевская лѣт., стр. 436.

Юрьевичемъ, Юрій отпустилъ въ ихъ отчину, а послѣ злодѣйскаго избіенія шести князей Глѣбомъ и Константиномъ Владиміровичами помогъ Ингварю Игоревичу одолѣть братоубійцъ и утвердиться на рязанскомъ княженіи.

Суздальская политика и при Юріи идетъ по слѣдамъ Всеволода Юрьевича. Внутреннія смуты и многокняжіе расшатываютъ единство Суздальщины, но оно далеко еще не разрушено. Съ другой стороны, по даннымъ нашихъ источниковъ нельзя установить—для времени до татарскаго нашествія—какіе-либо примѣры выдѣленія частей Ростовско-Суздальской земли въ вотчинное, опричное владѣніе отдѣльныхъ князей. Въ смѣнѣ княжескихъ поколѣній, конечно, намѣчаются, какъ бывало и въ Кіевской Руси, вотчинныя связи и притязанія отдѣльныхъ княжескихъ линій на опредѣленные города и волости, но нѣтъ еще фактовъ вотчиннаго распада обширной Ростовско-Суздальской земли. Исторія междукняжескихъ отношеній на русскомъ сѣверо-востокѣ представляетъ принципіальный интересъ только съ кончины Всеволода Юрьевича (1212 г.). До этого момента нѣтъ и повода ставить вопросъ объ образованіи какихъ либо «вотчинныхъ княженій» въ Суздальщинѣ.

Планы и распоряженія Всеволода о будущей судьбѣ его владѣній извѣстны намъ только по такимъ разсказамъ современниковъ-лѣтописцевъ, которые носятъ явные слѣды пережитыхъ по смерти Всеволода смутъ и проникнуты опредѣленными книжническими тенденціями.

Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ правилъ столь же «самовластно», какъ Андрей Боголюбскій, младшихъ князей онъ держалъ подручниками, исполнителями своей воли. Въ разсказахъ о немъ лѣтописи устанавливается новая политическая терминологія: титулъ «великаго князя» послѣдовательно означаетъ «старѣйшину» среди русскихъ князей» [1]); впервые встрѣчаемъ въ нихъ и обращеніе князей къ великому князю: «господине». Какъ же представлялъ себѣ Всеволодъ постановку преемства власти—послѣ себя? Повѣствованіе, которое даетъ нѣкоторый отвѣтъ на подобный вопросъ, находимъ въ лѣтописномъ сводѣ по списку «мниха Лаврентія»; оно вошло въ этотъ сводъ, видимо, изъ ростовскаго источника, такъ какъ явно составлено сторонникомъ князя Константина Всеволодовича. Усердное стремленіе его обосновать право Константина на старѣйшинство по кончинѣ отца обличаетъ, при томъ, полемическое настроеніе, навѣянное борьбой за это право между братьями Константиномъ и Юріемъ. Сообщая, какъ въ 1206 (6714 г.) Всеволодъ посылалъ сына своего Константина на княженіе въ Великій Новгородъ, этотъ повѣствователь вложилъ великому князю въ уста такую рѣчь: «сыну мой Костянтине, на тобе Богъ положилъ переже старѣйшиньство во всей братьи твоей, а Новъгородъ Великый старѣйшиньство имать

---

[1]) Ср. L. K. Goetz, „Der Titel Grossfürst in den aeltesten russischen Chroniken“ (въ „Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte“, т. I, кн. 1 и 2).

княженью во всей Русьской земли; по имени твоемъ тако и хвала твоя: не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣйшиньство въ братьи твоей, но и въ всей Русской земли, и язъ ти даю старѣйшиньство, поѣди въ свой городъ». Тутъ же—изображеніе въ приподнятомъ, риторическомъ тонѣ обстановки поставленія Константина на новгородское княженіе отъ руки отца, великаго князя: Всеволодъ вручаетъ сыну «крестъ честный и мечь»—инвеституру на «пасенье людей своихъ отъ противныхъ»; провожаютъ его «вся братья его» всѣ бояре отца его и всѣ купцы (или: всѣ мужи отца его и «вси людье») и «вси посли братья его». Сбитость нѣкоторыхъ чертъ въ этомъ изложеніи, напримѣръ—несогласованность личнаго присутствія братьевъ Константина и роли ихъ «пословъ», мѣшаетъ признать весь разсказъ позднѣйшимъ риторическимъ сочиненіемъ, а склоняетъ къ мысли, что въ немъ нѣсколько искаженно отразилась запись, болѣе отчетливая и, вѣроятно, воспроизводившая нѣчто, дѣйствительно бывшее [1]). Торжественно, по этому разсказу, встрѣчаютъ Константина новгородцы «отъ мала и до велика» съ епископомъ Митрофаномъ, крестнымъ ходомъ, ведутъ его въ храмъ св. Софіи, гдѣ и совершенъ обрядъ посаженія его на столъ княженія [2]). Весьма вѣроятно, что книжникъ-сторонникъ Константина использовалъ простой разсказъ объ отъѣздѣ Константина въ Новгородъ и его проводахъ, и внесъ въ него рядъ многозначительныхъ чертъ, чтобы создать сцену, которая могла бы соперничать въ политической значительности съ обстановкой, въ какой Всеволодъ передавалъ старѣйшинство Юрію. Существенно не фактическое содержаніе этой сценки, а вложенная въ нее тенденція. Передъ нами нѣчто новое, чуждое Кіевской Руси, чуждое и новгородскому лѣтописанію: попытка связать право Константина на великое княженіе (на старѣйшинство не только во всей братьѣ-князьяхъ, но и во всей Русской землѣ) съ его княженіемъ въ Великомъ Новгородѣ, съ тѣмъ, что «Новгородъ Великій старѣйшинство имать княженью во всей русской землѣ». Зарождается новая историческая концепція великокняжеской власти, которая, съ одной стороны, будетъ жить въ наименованіи сѣверно-русскимъ лѣтописаніемъ великаго княженія «Владимірскимъ и Великаго Новгорода», а, съ другой, придаетъ особую многозначительность новгородскому преданію о Рюрикѣ, первомъ князѣ русскомъ. Концепція эта, какъ еще увидимъ, получила твердую опору въ реальномъ значеніи, какое имѣло для великихъ князей обладаніе Великимъ Новгородомъ.

Но и въ данномъ частномъ случаѣ, въ вопросѣ о Константинѣ и его притязаніяхъ на старѣйшинство, нашъ книжникъ не такъ далеко ушелъ, по существу, отъ исторической правды, освѣщая по своему отношеніе къ сво-

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 400—401. Вѣроятно братья провожали Константина часть пути (до рѣки Шедакши?), а ихъ „послы“ и далѣе?

[2]) Тамъ же, стр. 402.

ему князю—его отца Всеволода Юрьевича. Положеніе Константина при отцѣ было, дѣйствительно, исключительнымъ. Въ то время, какъ Всеволодъ держитъ остальныхъ взрослыхъ сыновей на княженіяхъ внѣ Суздальщины (въ Новгородѣ, Рязани, Переяславлѣ южномъ), онъ Константина отозвалъ въ 1207 г. изъ Новгорода и « остави у себѣ», давъ ему «Ростовъ и инѣхъ пять городовъ [1]) да ему къ Ростову» [2]). Дальнѣшій ходъ событій показываетъ, что тутъ не было выдѣла Константину «вотчины» или «удѣла».

Характерно, что Лаврентьевскій сводъ не сохранилъ разсказа о столкновеніи Всеволода съ сыномъ Константиномъ по вопросу о дальнѣйшихъ судьбахъ великаго княженія. Свѣдѣнія объ этомъ столкновеніи дошли до насъ только въ болѣе позднихъ сводахъ, всего полнѣе въ Воскресенской лѣтописи, которая сообщаетъ подъ 1211 г.: «посла князь великій Всеволодъ по сына своего Костянтина въ Ростовъ, дая ему по своемъ животѣ Володимеръ, а Ростовъ Юрью дая; онъ же не ѣха ко отцю въ Володимерь, хотя взяти Володимерь къ Ростову; онъ же посла по него, вторицею зва къ себѣ, и тако пакы не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря къ Ростову» [3]). Текстъ этотъ уже въ Никоновской лѣтописи подвергся такому толкованію, которое выдвигало вопросъ о соперничествѣ Ростова и Владиміра; тутъ онъ передѣланъ въ рѣчь князя Константина, который говоритъ отцу: «понеже много возлюбилъ мя еси и старѣйшаго мя сына имаши и старѣйшину мя хощеши устроити, то даждь ми старый и начальный градъ Ростовъ и къ нему Володимерь; аще не хочеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и къ нему Ростовъ» [4]). Весьма вѣроятно, что къ этому

---

[1]) По предположительному мнѣнію А. В. Экземплярскаго, это были: Кснятинъ, Угличъ, Молога, Ярославль и Бѣлоозеро („Великіе удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 66, пр. 215).

[2]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 412.

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117; и кратко въ Типографской, изд. 1784 г., стр. 3.

[4]) Этотъ текстъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 63) осторожно ставитъ альтернативу: либо Владиміръ къ Ростову, либо Ростовъ къ Владиміру; такъ же осторожно выражается С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 580): Константину „непремѣнно хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ“. В. И. Сергѣевичъ ловитъ книжника-лѣтописца на словѣ „къ Ростову“ и видитъ мотивъ Константина въ стремленіи вернуть Ростову его прежнее преобладаніе надъ Владиміромъ: тоже пониманіе этого выраженія и въ Никоновской лѣтописи. Однако, оно можетъ и не имѣть такого глубокаго смысла, а могло быть подсказано просто тѣмъ, что въ Ростовѣ Константинъ и до того княжилъ, а также стилистическимъ вліяніемъ фразы: „и инѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову“. Вопросъ о томъ, какому изъ двухъ городовъ быть резиденціей князя могъ, однако, и даже долженъ былъ, казалось бы, возникнуть въ связи, если не съ политическимъ „старѣйшинствомъ“ Ростова (Сергѣевичъ) или „старинными притязаніями ростовцевъ“ (Соловьевъ), то—съ церковно-административнымъ значеніемъ Ростова. Соединить стольное значеніе Владиміра съ утвержденіемъ въ немъ центра церковнаго управленія было мыслью кн. Андрея Боголюбскаго. Весьма вѣроятно, что фактически митрополиты Ростовско-Суздальскіе часто пребывали во Владимірѣ, гдѣ жилъ великій князь. Что эти вопросы поднялись съ новой силой

же моменту относится и назначеніе Ярославу Всеволодовичу—Переяславля, а Владиміру—Юрьева Польскаго [1]).

Старѣйшинство во всей братьѣ Всеволодъ опредѣленно связываетъ со столомъ Владимірскаго княженія, а разногласіе съ нимъ Константина въ стремленіи этого князя сохранить въ своихъ рукахъ и Ростовъ и Владиміръ. И Всеволодъ не отнялъ у него Ростова, но передалъ Владиміръ—Юрію, а съ Владимірскимъ княженіемъ связанное съ нимъ «великокняжеское» старѣйшинство.

«Князь великій Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоанна и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ и води всѣхъ ко кресту, и цѣловаша вси люди на Юріи; приказа же ему и братью свою» [2]). Въ остальномъ рядъ Всеволода остался, надо полагать, тотъ же. «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» приводитъ и наставленіе Всеволода сыновьямъ о сохраненіи ими одиначества: «и не мозѣта ратитися сами между собою, но аще на васъ встанеть кто иныхъ князій, то вы вси совокупившеся на нихъ будите, и буди вамъ Господь помощникъ и святаа Богородица, и молитва дѣда вашего Георгія и прадѣда Володимира и потомъ и азъ благословляю вы». Характерно тутъ представленіе о завѣтахъ Владиміра Мономаха, Юрія Долгорукаго и Всеволода Юрьевича, которыми должны руководиться потомки; представленіе это долго будетъ жить и въ книжной традиціи и въ общественной великорусской мысли: въ свое время книжникъ-лѣтописецъ, отмѣчая закрѣпленіе великаго княженія за Иваномъ Калитой, вспомнитъ о немъ и запишетъ, что Иванъ Даниловичъ получилъ «княженіе великое надо всею русскою землею, яко же и праотецъ его великій князь Всеволодъ-Дмитрій Юрьевичъ» [3]).

во время раздоровъ между Всеволодовичами, видно изъ того, что въ 1214 г. „Іоанъ, епископъ Суздальскій, отписася епископьи всея земля Ростовьскыя“, и тогда кн. Константинъ провелъ поставленіе на ростовскую епископію своего духовника игумена Пахомія, а кн. Юрій—поставленіе игумена Симона—„епископомъ Суждалю и Володимеру“ (Лаврент. лѣт., стр. 416). Однако, въ 1217 г., когда Константинъ добился старѣйшинства надъ Юріемъ, онъ садится „въ Володимерѣ на столѣ“, сохраняя за собой и Ростовъ; Юрій перешелъ въ Суздаль.

[1]) „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“ (изд. кн. М. А. Оболенскимъ во Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. IX, и отд. М. 1851, стр. 110) сообщаетъ о „рядѣ“ Всеволода дѣтямъ: „тогда же въ животѣ своемъ розда волости дѣтемъ своимъ—большему Костянтину Ростовъ, а потомъ Гюргю Володимеръ, а Ярославу Переяславль, Володимиру Гюргевъ, а меньшею, Святослава и Іоанна, вда Гюргю на руцѣ река: ты имъ буди въ отца мѣсто, а имѣй я, яко же и азъ имѣхъ я“. Съ перестановкой въ этомъ текстѣ Ростова и Владиміра (Константину Владиміръ, Юрію—Ростовъ) запись, повидимому, точно передавала бы первоначальный рядъ Всеволода, но текстъ измѣненъ примѣнительно къ позднѣйшимъ отношеніямъ—въ моментъ смерти Всеволода. На это указываетъ подчеркнутое старшинство Константина и порученіе Юрію только младшихъ, еще малолѣтнихъ, Святослава и Ивана Всеволодовичей.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117.

[3]) „Новгородская лѣтопись по харатейному списку“, изд. 1888 г., стр. 437.

Многое измѣнилось въ строѣ Ростовско-Суздальской земли ко времени кончины Всеволода Юрьевича. Суздаль явно отступаетъ на второй планъ послѣ недолгаго соперничества въ земскомъ значеніи съ Ростовомъ. Рядомъ съ великокняжескимъ Владиміромъ стоитъ Ростовъ, въ которомъ Константинъ Всеволодовичъ видитъ столь же необходимую опору своего старѣйшинства, какъ и въ стольномъ Владимірѣ. Его сторонникъ-лѣтописецъ, чье изложеніе опредѣлило составъ данной части Лаврентьевскаго свода, вовсе опустилъ сообщеніе о передачѣ старѣйшинства Юрію и о надѣленіи княженьями Ярослава и Владиміра, словно въ «рядѣ» Всеволода и рѣчь то шла только о великокняжескомъ преемствѣ. Этотъ лѣтописецъ выражалъ, очевидно, ростовскія тенденціи, стремленія ростовскаго боярства. Но общественныя силы, съ которыми приходилось считаться княжеской власти въ Ростовско-Суздальской землѣ, не укладываются въ представленіе о боярствѣ одного города. Вспомнимъ еще разъ, какъ по смерти Андрея Боголюбскаго судьбы земли рѣшались на съѣздѣ во Владимірѣ «Ростовцевъ и Суздальцевъ и Переяславцевъ и всей дружины—отъ мала и до велика»; переговоры этого съѣзда съ князьями лѣтописецъ называетъ «рѣчью дружинной» [1]). Тутъ не одни бояре дѣйствуютъ, а «вся дружина», т. е. «бояре и гридьба и пасынки» [2]). Но бояре вершатъ судьбами земли. Они призвали на княженіе старшихъ племянниковъ Всеволода—Ростиславичей, ихъ винитъ лѣтописецъ-владимірецъ за «многу тяготу» землѣ отъ управленія этихъ князей [3]); и въ нихъ вся опора князей [4]). Лишь въ борьбѣ съ ними утвердилъ Всеволодъ свою власть въ Ростовско-Суздальской землѣ, опираясь на свою личную дружину, на владимірцевъ и на то «что бяше бояръ осталося у него». Среди старшихъ бояръ-противниковъ Всеволода выступаютъ поименно, какъ крупныя фигуры, Добрыня Долгій, Матвѣй Шибутовичъ, Иванко Степановичъ. Побѣда Всеволода на Юрьевскомъ полѣ ознаменована разгромомъ этого боярства: иные погибли въ бою, другіе плѣнены, а села боярскія, кони и скотъ разграблены побѣдителями [5]). И Всеволодъ правилъ, «не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ спроты и насилье творящихъ» [6]). Однако и онъ окруженъ «спльными боярами». Тѣ самые бояре, которые разстроили въ разгаръ княжеской усобицы попытку князей помириться путемъ раздѣла владѣнія Ростовско-Суздальской землей [7]), сми-

---

[1]) Лаврентьевская лѣт., стр. 353.

[2]) Тамъ же, стр. 360.

[3]) „А сама князя молода бяста, слушая боляръ, а боляре учахуть я на многое имѣнье“—тамъ же, стр. 355.

[4]) „А боляре князю тою держахуся крѣпко“, тамъ же, стр. 356.

[5]) Тамъ же, стр. 361—362.

[6]) Тамъ же, стр. 415.

[7]) Всеволодъ предлагалъ Мстиславу Ростиславичу помириться на томъ, что уступалъ ему Ростовъ, куда того привела „старѣйшая дружина“, а себѣ (съ братомъ) сохранялъ Владиміръ; „а Суздаль—будп намъ обче, да кого восхотятъ, тотъ имъ будп князь“ (тамъ же, стр. 361).

рились передъ силой Всеволода, когда онъ сталъ одинъ великимъ княземъ всей земли. Что тутъ дѣло шло не только о соперничествѣ городовъ, но и о болѣе глубокихъ особенностяхъ строя Ростовско-Суздальской земли, показываютъ событія 1211 г., когда Всеволодъ Юрьевичъ—въ новомъ раздорѣ между ростовскимъ княземъ Константиномъ и владимірскимъ Юріемъ—закрѣпляетъ свой «рядъ» на многолюдномъ съѣздѣ, который И. Е. Забѣлину представился «первымъ земскимъ соборомъ». Перечень общественныхъ группъ на этомъ съѣздѣ вызываетъ сомнѣнія потому, что текстъ [1]) дошолъ до насъ въ поздней редакціи [2]). Но общій смыслъ извѣстія едва-ли долженъ терпѣть отъ такихъ сомнѣній: передъ нами явленіе, сходное съ тѣмъ съѣздомъ, какой былъ во Владимірѣ послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго или при проводахъ Константина Всеволодовича на новгородское княженіе въ 1206 г. [3]). Такой съѣздъ нуженъ Всеволоду, чтобы провести то «укрѣпленье съ людьми», которое обезпечило бы осуществленіе его «ряда». Но въ Ростовско-Суздальской землѣ это «укрѣпленье» не съ вѣчемъ стольнаго города, а со всей землей на съѣздѣ «всѣхъ бояръ съ городовъ и волостей», духовенства съ епископомъ во главѣ, и всей дружины при собраніи горожанъ—купцовъ и «всѣхъ людей» [4]).

Назначеніе особыхъ княженій отдѣльнымъ сыновьямъ не противорѣчило, по прежнему, представленію о единствѣ земли, во главѣ которой стоитъ старѣйшина во всей братьи. За этимъ старѣйшиной утвердился въ Ростовско-Суздальской землѣ титулъ «великаго князя», и его политическое значеніе укрѣплено крестоцѣлованіемъ «всѣхъ бояръ» и всей дружины—не одного лишь стольнаго города. Мы видѣли, что Юрій Всеволодовичъ, укрѣпившись

---

[1]) См. выше, на стр. ~~107~~ 44.

[2]) Словомъ „дворяне“ книжникъ XVI вѣка, вѣроятно, передалъ слова: „и всю дружину“, или: „гридьбу и пасынки“. Слово „купци“ имѣетъ часто въ старыхъ лѣтописныхъ текстахъ широкое значеніе—горожане (ср. формулу новгородскихъ договорныхъ грамотъ: „кто купець тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ потягнетъ въ свой погостъ“; „ни смерда, ни купцины“ значитъ—никого изъ населенія земли).

[3]) Такъ понялъ это извѣстіе и составитель Никоновской лѣтописи, пересказавъ его по своему: „князь велики Всеволодъ Юрьевичъ созва вся бояре свои и начя смышляти о сынѣ своемъ Констянтинѣ, и много о семъ словесъ быша, и не може како уставити о немъ; таже посла по отца своего Ивана епископа и много совѣтовавше о семъ, но убо князь велики Всеволодъ восхотѣ дати Володимерь другому сыну своему князю Юрью. И тако посла по сына своего по князя Юрья и даде ему градъ Владимеръ со всѣми бояры и со всѣми людьми и всѣхъ укрѣпи къ нему крестнымъ цѣлованіемъ и даде ему и вся дѣти своя, а его братью“ (П. С. Р. Л., т. X., стр. 64). Ср. „Княжое право“, стр. 149—152.

[4]) Ср. для Кіевской Руси: приглашеніе Святополкомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Мономахомъ Олега Святославича пріѣхать въ Кіевъ: „да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ и предъ людьми градскыми“ (Лаврентьевская лѣт., стр. 222) или разсказъ о передачѣ Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскаго стола брату Игорю (Ипатьевская лѣт., П. С. Р. Л., т. II², ст. 320).

на великомъ княженіи по смерти старшаго брата, ведетъ подлинную «великокняжескую» политику, руководя всѣми силами Ростовско-Суздальской земли. Лишь одно извѣстіе о назрѣвшемъ было въ 1229 г. столкновеніи его съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами указываетъ на непрочность этого «единства», поскольку его основа въ «одиначествѣ» князей. Намѣтившіеся при немъ зачатки вотчиннаго раздѣла Ростовско-Суздальской земли—лишь позднѣе, чѣмъ на югѣ, выросли въ господствующее явленіе мѣстной политической жизни. И ни эти зачатки, ни сохраненіе политическаго единства при многокняжіи, ни столкновенія князей съ боярствомъ—ничто не даетъ достаточнаго основанія строить рѣзкую антитезу между югомъ и сѣверомъ для XII и начала XIII в.в., особенно въ объясненіе, какъ возникло «удѣльное» или «вотчинное» дробленіе политическаго властвованія. Единство обширной земли—прочнѣе и устойчивѣе на русскомъ сѣверо-востокѣ, чѣмъ въ какой-либо иной русской области: и яснѣе тутъ, чѣмъ гдѣ-либо, выступаетъ опора земскаго единства въ боярствѣ и сплоченныхъ имъ общественныхъ силахъ. «Сильная земля Суздальская» живетъ своими мѣстными интересами, политическими и торговыми, чѣмъ дальше, тѣмъ больше отрывая своихъ князей отъ болѣе широкаго «обще-русскаго» кругозора. Но южный поэтъ—авторъ «Слова о полку Игоревѣ» былъ правъ, когда обратилъ укоризну въ забвеніи прежнихъ традицій «Русской земли» не только къ Всеволоду Юрьевичу, но и къ Ярославу Осмомыслу галицкому, къ Волынскимъ Мономаховичамъ, смоленскимъ и полоцкимъ князьямъ. Разъединеніе политическихъ интересовъ отдѣльныхъ областей—общая черта русской исторической жизни XII вѣка. Суздальщина становится особымъ семейнымъ владѣніемъ одной линіи княжескаго рода вслѣдъ за землями Полоцкой, Галицкой, Черниговской, одновременно со Смоленской и Волынской. Повсюду это обособленіе областей связано съ упадкомъ политическаго значенія «вѣчевого гражданства» и съ усиленіемъ княжеской власти. Повсюду наблюдаемъ усиленіе вліянія бояръ на внутреннія и внѣшнія судьбы земель-княженій, и борьбу съ ними князей «самовластцевъ». Борьба эта успѣшнѣе на сѣверѣ и даетъ болѣе прочные результаты, но и тутъ не приходится говорить о паденіи политическаго преобладанія «руководящихъ классовъ мѣстнаго общества». Наконецъ, въ стремленіи къ «подчиненію младшихъ родичей, какъ подручниковъ, старшему князю государю-самовластцу» Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Юрьевичъ идутъ по слѣдамъ Владиміра Мономаха и Мстислава Владиміровича, осуществляя исконную тенденцію старѣйшинства «въ отца мѣсто». Князья русскаго сѣверо-востока сохранили единство своего «великаго княженія», построеннаго на традиціонной основѣ, до грозной годины татарскаго нашествія [1]); пережило оно и эту грозу.

---

[1]) Слова въ ковычкахъ—В. О. Ключевскаго, Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 410.

ГЛАВА I.

Владимірское великое княженіе и вотчинныя княжества въ XIII в.

I.

Въ изученіи «владѣльческихъ отношеній потомковъ Всеволода» В. О. Ключевскій, слѣдуя точкѣ зрѣнія, установленной С. М. Соловьевымъ, считалъ возможнымъ «забыть на нѣкоторое время, что прежде чѣмъ сошло со сцены первое поколѣніе Всеволодовичей Русь была завоевана татарами». По его мнѣнію «явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно, безъ перерыва, развиваются изъ условій, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома въ XII в.» [1]).

Въ этомъ сужденіи сказалось прямолинейное пониманіе идеи «органическаго» развитія, характерное—не для В. О. Ключевскаго, а для «юридической школы»; ея своеобразный соціологическій догматизмъ ведетъ къ изученію эволюціи формъ и началъ политическаго строя внѣ связи съ общими условіями политической жизни. А, между тѣмъ, общія условія такъ глубоко измѣнились для всего русскаго сѣвера послѣ татарскаго разгрома и утвержденія владычества Золотой Орды, что не могло это измѣненіе не повліять весьма сильно на укладъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Великороссіи, а, стало быть, на дѣятельность ея правящихъ силъ и, тѣмъ самымъ, на ихъ строй и положеніе въ великорусской средѣ. Припомнимъ общеизвѣстные факты.

Образованіе Золотоордынскаго царства подорвало болгарскія отношенія Суздальщины и если не совсѣмъ парализовало, то измѣнило рѣзко къ худшему условія поволжской торговли [2]). Боевое наступленіе и колониза-

---

[1]) „Курсъ русской исторіи", т. I, стр. 414.

[2]) При суммарной характеристикѣ „внутренняго состоянія русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины в. к. Василія Васильевича Темнаго" („Ист. Росс.", т. IV, гл. 3), С. М. Соловьевъ пришелъ къ иному заключенію о судьбахъ поволжской торговли въ татарскую эпоху: „послѣ утвержденія татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ русской...; при томъ же, по прошествіи перваго двадцати пятилѣтія, тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и *послѣ* видимъ значительное развитіе

ціонное расширеніе Великороссіи на востокъ надолго остановлены. Наглядным признакомъ значительнаго обѣдненія Суздальщины въ XIII в. является судьба ея церковнаго строительства: оно настолько заглохло, что «строительныя традиціи Владиміро-Суздальской архитектуры были уже прочно забыты» къ тому времени, когда въ Москвѣ возникли опыты ихъ возрожденія [1]). Связи съ Поднѣпровьемъ почти вовсе оборваны, хоть и поддерживаются сношенія съ юго-западной Русью. Южный Переяславль исчезъ съ исторической сцены; Черниговщина, погруженная въ процессъ быстраго распада, стоитъ—до поры, до времени—внѣ суздальскихъ интересовъ. Общее суженіе кругозора и стѣсненіе активной дѣятельности—необходимая предпосылка для изученія политическаго распада и измельчанія внутренней жизни русскаго сѣверо-востока. Въ стѣсненныхъ условіяхъ, подрывавшихъ постановку болѣе широкихъ задачъ дѣятельности, падаетъ значеніе Владимірскаго великаго княженія, слабѣетъ централизующая политическую жизнь Суздальщины власть великихъ князей. На западѣ крѣпнетъ независимость Новгорода, несмотря на всѣ усилія «низовскихъ» князей поддержать свою власть въ Новгородѣ; замираетъ на время ихъ наступленіе къ сѣверу и сѣверо-востоку, и Новгородъ не испытываетъ, какъ прежде, постояннаго утѣсненія своихъ путей и даней. Время великихъ князей Ярослава Всеволодовича, его сыновей и внуковъ сложный періодъ заката силы великаго княженія Владимірскаго. Постепенно назрѣваетъ агонія великокняжеской власти стараго типа; агонія эта вызвана упадкомъ интересовъ, которые питали потребность объединенія, давленіемъ татарской власти, усиленіемъ самостоятельности Великаго Новгорода. Эти явленія вырывали у Владимірскихъ великихъ князей почву для усиленія своей власти надъ младшими

восточной торговли и волжскаго судоходства; даже съ достовѣрностью можно положить, что утвержденіе татарскаго владычества въ Средней Азіи, также въ низовьяхъ Дона и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній—очень много способствовало развитію восточной торговли" (Ист. Росс.", кн. I, ст. 1234). Однако, временемъ „самымъ благопріятнымъ для восточной торговли" С. М. Соловьевъ призналъ „время отъ Калиты до Дмитрія Донского" и приводитъ примѣръ, указывающій на торговую значительность Нижняго Новгорода. Нѣкоторый подъемъ русской восточной торговли (какъ и начало возрожденія колонизаціоннаго движенія на востокъ и русской боевой силы на восточной окраинѣ Великороссіи) связанъ—ко второй четверти XIV вѣка—съ образованіемъ Нижегородскаго великаго княжества (тотъ же примѣръ—характеренъ для недолговѣчной его самостоятельности). Но подъемъ этотъ—вѣ связи съ татарскимъ покровительствомъ торговлѣ, и едвали есть у насъ основаніе говорить о столь послѣдовательной экономической политикѣ ордынскихъ властей.

[2]) Ѳ. Ѳ. Горностаевъ („Очеркъ древняго зодчества Москвы"—въ „Путеводителѣ по Москвѣ", изд. Моск. Архитект. Обществомъ) отмѣчаетъ, что „за это время перерыва" извѣстны лишь постройки—св. Спаса въ Даниловомъ монастырѣ подъ Москвой (въ 1272 г.) и св. Спаса въ Твери (въ 1280—90-хъ г.г.).

князьями и ея оправданія широкой политикой, которая была бы дѣломъ всей сѣверной Руси и питалась бы общими интересами Великороссіи.

Мы почти лишены возможности учесть реальныя послѣдствія Батыева погрома. Его удары были направлены, преимущественно, на города; но и сельское населеніе, поскольку не успѣвало укрыться въ лѣсахъ, шло въ полонъ, гибло отъ избіеній, теряло скотъ и имущество, теряло кровъ въ пожарахъ. «Нѣсть ни мѣста, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идеже не воеваша въ Суздальской земли» татарскіе загоны, твердятъ лѣтописцы. Разоренiе было огромно. Но, какъ обычно бываетъ, единовременный, хотя и весьма тяжкій ударъ загладился бы, самъ по себѣ, сравнительно скоро. Тяжело легла на Великороссію съ 40-хъ годовъ XIII в. ордынская власть. Тяжкую память о ней наши источники усердно затушевываютъ. Однако, надо признать, что въ первое время, она была много ближе и тягостнѣе для великорусской жизни, чѣмъ мы ее себѣ обычно представляемъ. По стольнымъ городамъ водворились татарскіе баскаки съ воинской силой, чтобы держать въ повиновеніи князей и народъ и обезпечить сборъ дани [1]). Въ ордѣ русскія княжества вѣдались даругами, чьи наѣзды на Русь, какъ и другихъ «пословъ» ханскихъ, были и раззорительны и унизительны. Тяжкій произволъ чужой и чуждой власти нависъ надъ сѣверо-восточной Русью. Попытки сопротивленія насильникамъ, вспыхивавшія въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ XIII вѣка вызывали новые наѣзды и суровыя репрессіи. Руси пришлось смириться передъ властью хана и приспособляться къ новымъ отношеніямъ. Давленіе новыхъ условій сказывается на судьбѣ Ярослава Всеволодовича и на дѣятельности Александра Ярославича.

Только что схлынула къ югу татарская сила. Ярославъ занялъ великое княженіе послѣ брата, погибшаго на р. Сити, и тотчасъ вступаетъ на прежніе пути великокняжеской политики. Въ 1239 г. Ярославъ защищаетъ Смоленскъ отъ Литвы и водворяетъ на смоленскомъ княженіи мѣстнаго вотчича—Всеволода Мстиславича. Защита западныхъ предѣловъ лежитъ на Ярославичѣ Александрѣ. Въ 1239 г. онъ съ новгородцами ставитъ городъ на р. Шелони, побѣдоносно отражаетъ въ 1240 г. нападеніе Шведовъ, въ 1242 г. набѣгъ на Псковъ нѣмецкихъ рыцарей. Подобно прежней дѣятельности Ярослава—новгородскаго князя, эта западная борьба Александра проявленіе политики владимірскихъ великихъ князей. Дорожа «низовской» обороной, новгородцы тяготились неизбѣжнымъ, при такихъ условіяхъ, усиленіемъ своей зависимости отъ княжеской власти. Но въ трудную годину выхода не было. Когда Александръ, «распрѣвся съ новгородци», ушелъ въ 1241 г. «со всѣмъ

---

[1]) Особнякомъ стоитъ извѣстіе: „пріѣхаша численици, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромьскую, и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники“. Объ этой организаціи больше нѣтъ свѣдѣній (Лаврент. лѣт. стр. 451; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161—сокр.).

дворомъ своимъ» изъ Новгорода въ Переяславль, новгородцы тотчасъ послали къ Ярославу просить у него сына на княженіе; великій князь «дасть имъ сына своего князя Андрея», но они новымъ челобитьемъ просили прислать Александра, устрашенные набѣгомъ Литвы, нѣмцевъ и Чуди; «великій же князь Ярославъ дасть имъ сына своего Александра опять». На оборону Пскова Александръ идетъ, «поимъ съ собою брата своего и вся воя своя». Такъ и въ 1245 г., когда Литва совершила набѣгъ на окрестности Торжка и Бѣжицъ, противъ нихъ спѣшать не только новоторжская и новгородская рати, но и «низовскіе» воеводы съ тверичами и дмитровцами, а довершаетъ побѣду Александръ Ярославичъ, отпустивъ новгородскую рать, «своимъ дворомъ» [1]).

Осенью 1242 г. (въ концѣ 6750—началѣ 6751 г.) врѣзывается въ судьбы Великороссіи новая сила — татарская власть. Ханскій посолъ потребовалъ пріѣзда Ярослава Всеволодовича на поклонъ хану Батыю въ Золотую Орду; «и прінде пожалованъ»: ханъ призналъ за нимъ, по сообщенію нашихъ лѣтописей, старѣйшинство надъ всѣми князьями русской земли. Ярославъ ѣздилъ въ Орду съ сыномъ Константиномъ, которому пришлось, по ханскому приказу, ѣхать въ далекую Монголію на поклонъ великому хану. По возвращеніи Константина въ 1245 г. Ярославу пришлось опять ѣхать къ Батыю, а изъ Орды—въ Монголію, гдѣ онъ «многое истомленіе подъятъ» и на обратномъ пути умеръ «нужною смертью».

Новое основаніе княжескаго права—ханское пожалованіе коснулось не одного Владимірскаго княженія. По возвращеніи изъ Орды великаго князя Ярослава и, вѣроятно, въ силу привезенныхъ имъ ханскихъ распоряженій, поѣхали въ Орду «про свою отчину» князья—потомки Константина Всеволодовича—Владиміръ Константиновичъ, два Васильевича Борисъ и Глѣбъ, и Всеволодовичъ Василій; Батый утвердилъ ихъ отчинныя права: отпустилъ ихъ «разсудивъ имъ когождо въ свою отчину» [2]). Во вторую ордынскую поѣздку в. к. Ярославъ отправился «съ своею братьею и съ сыновци», а вернулись «изъ Татаръ въ свою отчину» его братья, Святославъ и Иванъ, съ племянниками; Ярославъ же былъ посланъ Батыемъ въ Монголію, въ путешествіе, стоившее ему жизни [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 149 и 152.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 447. Быть можетъ, лучше чтеніе: „разсудивъ имъ комуждо свою отчину“, какъ напр. въ Рогожскомъ лѣтописцѣ (П. С. Р. Л. т. XV, изд. 2-ое, стр. 31).

[3]) Конецъ Ярослава связанъ съ глухимъ извѣстіемъ о какомъ-то доносѣ на него: „Обаженъ бо бысть царю Ѳедоромъ Яруновичемъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 156). С. М. Соловьевъ (кн. I, стр. 832—833) приводитъ разсказъ Плано-Карпини о томъ, что Ярославъ былъ отравленъ ханшей, и ставитъ его въ связь съ доносомъ Ѳедора Яруновича, объясняя смерть Ярослава „наговоромъ родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ“. Въ „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова

Батый утвердилъ внутренній распорядокъ княжого владѣнія среди русскихъ князей. Для Константиновичей ихъ вотчиной были владѣнія отца, который передъ кончиной (1218 г.) далъ сыну Василько Ростовъ, а Всеволоду—Ярославль [1]); о какомъ-либо надѣленіи младшаго—Владиміра нѣтъ упоминанія въ нашихъ источникахъ [2]); позднѣе видимъ его княземъ на Угличѣ. При в. к. Юріи эти ростовскіе отчичи выступаютъ «за одинъ», втроемъ [3]). Василько и Всеволодъ погибли въ татарское лихолѣтье, оставивъ малолѣтнихъ сыновей: Василько княжичей Бориса и Глѣба, Всеволодъ Василія. Юные князья ѣздили въ 1244 г. съ дядей Владиміромъ Константиновичемъ въ Орду «про свою отчину», и Батый, по характерному выраженію лѣтописи «разсудилъ», чтобы каждый изъ нихъ ѣхалъ въ свою отчину. Осторожнѣе не придавать рѣшительнаго значенія этому отдѣльному выраженію [4]), и усмотрѣть въ рѣшеніи хана лишь утвержденіе statu quo, согласно лѣтописному тексту, который сообщаетъ, что въ «Ростовѣ сѣдоста Васильковичи Борисъ да Глѣбъ на княженіе» еще до первой поѣздки в. к. Ярослава въ Орду; у насъ нѣтъ свѣдѣній о спорности правъ Васильковичей на Ростовъ [5]); за ними признано ихъ вотчинное право, какъ признавалось оно въ старину за «Рогволожими внуками» на Полоцкъ или за Ольговичами на Черниговъ.

дома“ (стр. 262—263) Соловьевъ заподазривалъ интригу ростовскихъ Константиновичей. Но мы ничего не знаемъ о какой-либо враждѣ съ ними Ярослава. Больше было бы поводовъ (хотя тоже недостаточно для опредѣленнаго заключенія) сопоставить эту темную исторію съ враждой Ярославичей противъ дяди Святослава и съ тѣмъ, что, судя по нашимъ лѣтописямъ, доносъ Яруновича совпалъ съ первымъ пріѣздомъ въ Орду Святослава, когда князья всѣ вмѣстѣ предстали предъ ханомъ. Ср. ниже—о неопредѣленности извѣстій относительно владѣній Святослава.

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 420. При великомъ князѣ Юріи Всеволодовичѣ Василько и Всеволодъ сидятъ на своихъ вотчинныхъ столахъ послушными подручниками.. дяди—великаго князя, участниками его походовъ; о временномъ раздорѣ въ 1229 г. упоминалось выше.

[2]) Судя по извѣстію, какъ въ 1229 г. Ярославъ Всеволодовичъ „отлучи отъ Гюргя Константиновича три—Василька, Всеволода, Володимера“, Владиміръ Константиновичъ (15 лѣтній) считается участникомъ политическихъ выступленій; вѣроятно, что онъ тогда же занялъ Угличкій столъ по ряду съ братьею; можетъ быть, согласно предуказанію отца, о которомъ говорятъ нѣкоторыя родословныя. Ср. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси“, т. II, стр. 125 и 15.

[3]) Такъ въ 1229 г. (см. выше); такъ въ 1230 г. „благовѣрніи князи Василько и Всеволодъ и Володимеръ послаша къ отцю своему Гюргю и къ епископу Митрофану по Кирила, игумена и архимандрита манастыря святыя Богородица Рожества, дабы и пустилъ на епископство къ Ростову“ (Лаврентьевская лѣт., стр. 431).

[4]) Книжникъ-составитель „Никоновской лѣтописи“ такъ истолковалъ это выраженіе: Батый, „розслушавъ ихъ о семъ и разсудивъ, даде имъ вотчину ихъ“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 129).

[5]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 34. Текстъ такъ наз. „Лѣтописи по Академическому списку“ (изд. при Лаврентьевской лѣт.. стр. 495): „отда Ростовъ, Суздаль брату Святославу“ явно испорченъ изъ: отда Ярославъ Суздаль брату Святославу“.

Василій Всеволодовичъ остался при своемъ Ярославлѣ; своеобразной судьбы этого княжества по его смерти (ум. въ 1249 г.) придется коснуться ниже. Дядя этихъ князей, Владиміръ Константиновичъ, который могъ бы претендовать на старѣйшинство среди нихъ, повидимому, мирится со скромнымъ положеніемъ углицкаго князя [1]); эта вѣтвь ростовскаго княжья сошла со сцены съ Владиміровыми сыновьями, и связь Углича съ ростовской отчиной оказалась непорванной; эта отчина распадется, если не считать утраты Ярославля, только подъ московскимъ давленіемъ.

Младшихъ сыновей—Святослава и Ивана—в. к. Всеволодъ Юрьевичъ поручилъ передъ кончиной своей ихъ брату Юрію. Юрій далъ въ 1212 г. Святославу Юрьевъ Польскій [2]), но о княженіи Ивана Всеволодовича имѣемъ лишь указаніе подъ 1238 г., что сму в. к. Ярославъ далъ Стародубъ [3]). Эти княженія и стали вотчинами для потомства обоихъ князей.

Всѣ остальныя волости Владимірскаго великаго княженія—въ рукѣ в. к. Ярослава. Но въ его власти и всѣ княжія силы великаго княженія; владѣльческій раздѣлъ въ эту пору еще не знаменуетъ политическаго распада. Сѣмена этого послѣдняго въ нѣдрахъ Владимірскаго великаго княжества—тѣ же, что въ Кіевской Руси временъ сыновей и внуковъ стараго Ярослава, а перевѣсъ великокняжеской силы надъ младшими князьями не меньше (скорѣе—больше), чѣмъ во времена Мономаха и Мстислава Великаго; и передъ ханомъ Батыемъ в. к. Ярославъ выступаетъ какъ старѣйшина «всѣмъ княземъ въ русскомъ языцѣ» [4]), окруженный «братьями и сыновцами». Гарантія отдѣльныхъ княжескихъ вотчинъ ханскимъ пожалованіемъ лишь утверждала права, признанныя обычаями княжескаго рода, и только въ будущемъ грозила стать факторомъ политическаго упадка Владимірскаго великаго княжества и поводомъ къ усиленному вмѣшательству ханской власти въ русскія отношенія [5]).

Столъ Владимірскаго княженія, съ которымъ—со временъ Всеволода Юрьевича—связано великокняжеское старѣйшинство, занялъ исключительное

---

[1]) О немъ крайне скудны упоминанія. Владиміръ умеръ въ 1249 г. во Владимірѣ, „везоша его въ его отчину на Углече поле и положиша и въ церкви святого Спаса“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 159). „На Угличи“ умеръ сынъ его Андрей въ 1261 г. (тамъ же, стр. 162), а въ 1285 умеръ „Романъ Володимеричь Углечскій“ (стр. 178). Объ этихъ князьяхъ ничего, кромѣ датъ ихъ смерти, не знаемъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 118.

[3]) Лаврентьевская лѣт., стр. 444; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 144; возможно, что Иванъ и раньше княжилъ въ Стародубѣ, что такъ представлялъ себѣ дѣло авторъ данной записи въ Лаврентьевской лѣтописи: „отда Ярославъ Ивану Стародубъ“ вмѣсто обычнаго „дасть“, какъ выражаются (поправляютъ?) позднѣйшіе тексты (напр. Воскр.).

[4]) Столь необычное выраженіе Лаврентьевской лѣтописи (стр. 447) какъ бы передаетъ по своему татарскую фразеологію?

[5]) Быть можетъ, въ глухихъ указаніяхъ лѣтописной традиціи о причинахъ гибели Ярослава Всеволодовича можно усмотрѣть намекъ на эту опасность. Но въ

положеніе въ ряду княженій сѣверной Руси, подобное тому, какое въ старину занималъ «золотой столъ» кіевскій. Въ притязаніяхъ на него сталкивались права на старѣйшинство въ князьяхъ русскихъ съ вотчинными воззрѣніями. Эта двойственность княжескихъ традицій и стремленій опредѣлила въ значительной мѣрѣ междукняжескія отношенія по смерти Ярослава Всеволодовича. Безспорной вотчиной его сыновей было только Переяславское княжество. Онъ получилъ его отъ отца еще при его жизни [1]), затѣмъ по его предсмертному ряду. «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» [2]) помѣстилъ подъ 1213 г. разсказъ о прибытіи Ярослава въ Переяславль съ тѣмъ, что отецъ «удалъ» ему переяславцевъ, а его имъ «вдалъ на руцѣ», и о томъ, какъ переяславци ему крестъ цѣловали. Приходилось затѣмъ Ярославу княжить и въ Новгородѣ и въ Рязани, но Переяславль неизмѣнно ему «свой» городъ. Та же ближняя связь сохраняется и во время великаго княженія Ярослава: въ Переяславлѣ княжитъ старшій Ярославичъ Александръ, и городъ остался вотчиннымъ владѣніемъ его потомковъ, именно старшей линіи, перейдя къ сыну его Дмитрію и внуку Ивану. Однако, какъ еще увидимъ, тѣсная и длительная связь переяславскаго стола съ великимъ княженіемъ наложила особую печать на отношеніе князей къ Переяславлю и придала ему нѣсколько исключительное значеніе [3]). По выдѣленіи Ростова въ отчину Константиновичей, особую связь съ великокняжескимъ столомъ сохранилъ изъ болѣе значительныхъ городовъ—и Суздаль. Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ его брату Святославу, но Суздаль не сталъ вотчиной для Святославичей, подобно Юрьеву Польскому; повидимому, Святославъ его утратилъ вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ [4]), а сама передача Святославу Суздаля могла быть связана съ рядомъ между братьями о будущей судьбѣ великокняжескаго стола.

исторіи Александра Невскаго увидимъ и другую сторону тѣхъ же русско-татарскихъ отношеній: политика хановъ съ раннихъ временъ вступаетъ на путь попытокъ утвердить ордынское владычество надъ русскимъ улусомъ успленіемъ великокняжеской власти въ рукахъ единаго представителя Руси передъ ханомъ Золотой Орды.

[1]) Въ 1206 г., когда Ярославу пришлось уйти изъ Переяславля южнаго, Всеволодъ „посадилъ“ его въ Переяславлѣ Залѣскомъ (Лаврент. лѣт., стр. 406); онъ участвуетъ въ отцовскихъ походахъ во главѣ переяславцевъ (тамъ же, стр. 410).

[2]) Стр. 110.

[3]) А. В. Экземплярскій отмѣчаетъ ту же особенность и для XII в.: „нельзя не замѣтить, что Переяславль, по образованіи великаго княжества Владимірскаго, былъ какъ бы необходимою принадлежностью послѣдняго: великіе князья сажали въ немъ или сыновей своихъ или самыхъ близкихъ родичей“, а, по временамъ, Переяславль примыкалъ „къ личнымъ владѣніямъ великаго князя“ (указ. соч., т. II, стр. 4).

[4]) А. В. Экземплярскій полагаетъ, что Святославъ владѣлъ Суздалемъ до самой смерти, т. е. до 1252 г.; считаетъ, что Суздаль, по смерти Святослава, присоединенъ къ великому княженію, какъ „выморчный удѣлъ“, хотя тутъ же сообщаетъ о переходѣ Юрьева Польскаго къ Святославичу Дмитрію (т. II, стр. 257—258); говоритъ и о какой-то „принадлежности“ Юрьева къ Суздалю (стр. 23, пр. 57).

По смерти Ярослава «Святославъ князь, сынъ Всеволожь, сѣде въ Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ». Однако, Ярославичи не примирились съ переходомъ Владиміра и всего великаго княженія къ дядѣ Ярославу. Андрей Ярославичъ и, вслѣдъ за нимъ, Александръ поѣхали въ томъ же 1247 году къ хану Батыю, а ханъ послалъ ихъ въ Монголію «къ Кановичамъ», наслѣдникамъ великаго хана. Святославъ не дождался ихъ возвращенія на великомъ княженіи; «сѣде лѣто едино» и согналъ его съ Владимірскаго стола третій Ярославичъ, Михаилъ Хоробритъ.

По отрывочности дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этой порѣ, вопросъ о ближайшихъ мотивахъ смуты, о томъ, напримѣръ, стоитъ ли она въ связи съ темной исторіей гибели Ярослава Всеволодовича—не разрѣшимъ, но, предположительно, какъ выше было указано, такая связь представляется вѣроятной. Впрочемъ, даже признаніе этой вѣроятности мало чему помогаетъ, разъ мы не знаемъ существа разыгравшейся въ Ордѣ интриги и содержанія двукратныхъ переговоровъ Ярослава Всеволодовича съ ханомъ Батыемъ. Одно лишь поведеніе сыновей Ярослава можетъ навести на предположеніе, что, быть можетъ, уже ихъ отецъ, утвердивъ свое положеніе относительно Золотой Орды, сдѣлалъ попытку установить преемство на Владимірскомъ столѣ, въ обходъ притязаній боковыхъ линій, за прямымъ своимъ потомствомъ. Такія попытки—не новость въ междукняжескихъ отношеніяхъ: если не вспоминать о старомъ Ярославѣ, примѣры тому даютъ дѣйствія Владиміра Мономаха, старшаго Мономашича Мстислава, да и всей старшей линіи Мономахова рода [1]).

Какъ бы то ни было, таковы притязанія самихъ Ярославичей. И они имѣли успѣхъ, въ нѣсколько неожиданной (быть можетъ, болѣе неожиданной для насъ, чѣмъ для нихъ) [2]) формѣ. Дѣло, если судить буквально по лѣтописной записи, какую даетъ намъ Лаврентьевская лѣтопись, рѣшалось не въ Золотой Ордѣ, а при великоханскомъ дворѣ. Хановичи «приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русскую землю, а Андрей сѣде въ Володимерѣ на столѣ» [3]). Какъ представлялся этотъ раздѣлъ на дѣлѣ, трудно угадывать; видно только, что Новгородъ—подъ властью Александра, а Переяславль перешелъ отъ него къ Андрею [4]). Поѣздка Святослава Всеволодовича въ

---

[1]) Ср. „Княжое право“, стр. 80—81; ср. о Всеволодѣ Ольговичѣ—тамъ же, стр. 89—91.

[2]) Представляется вѣроятнымъ видѣть тутъ черту ханской политики, искавшей способа утвердить за собой господство и надъ южной и западной Русью; однако форма могла быть подсказана только русскими людьми, но, конечно, не Александромъ Ярославичемъ.

[3]) Лаврентьевская лѣт., стр. 448.

[4]) Александръ при дальнѣйшихъ событіяхъ—въ Новгородѣ, а татарское нападеніе въ 1252 г. настигаетъ Андрея у Переяславля, и тутъ, въ Переяславлѣ, захва-

Орду, если она имѣла цѣлью добываніе великокняжескаго стола, не привела ни къ чему; ему пришлось доживать свой вѣкъ на Юрьевѣ Польскомъ. Такъ сложилось положеніе на Руси въ 1249 году. На слѣдующій годъ прибылъ въ Суздальскую землю изъ Кіева митрополитъ Кириллъ, и состоялась свадьба Андрея Ярославича съ дочерью князя галицкаго Даніила Романовича; совершивъ вѣнчаніе, митрополитъ ѣздилъ и къ Александру въ Новгородъ. Л то были годы, когда Даніилъ Галицкій «рать держаше съ Куремсою»: въ началѣ 1250-хъ г.г. наблюдаемъ сближеніе между южной и сѣверной Русью, которое нельзя не связать съ планами борьбы Даніила противъ татаръ. Князь Андрей «здума со своими боярами бѣгати, нежели цесаремъ (т. е. ханамъ) служити», сообщаетъ лѣтописецъ подъ 1252 г., когда ханъ послалъ на Андрея рать свою съ царевичемъ Неврюемъ. Л въ то же время «иде Олександръ, князь Новгородскій, въ татары, и отпустиша и съ честью, давше ему старѣйшинство во всей братьи его» [1]). Александръ не примкнулъ къ замысламъ брата, а поспѣшилъ въ Орду, чтобы отклонить крушеніе своей власти и бо́льшую бѣду для Руси. Андрей, преслѣдуемый татарами [2]), бѣжалъ въ Новгородъ, а затѣмъ на время скрылся за моремъ, въ Швеціи. Александръ Ярославичъ сталъ владимірскимъ великимъ княземъ.

Волненія не утихли послѣ бѣгства князя Андрея. Сквозь отрывочныя записи, какія сохранили дошедшіе до насъ лѣтописные своды, выступаютъ черты напряженной тревоги и жажды противодѣйствія, съ какими Русь встрѣтила первые моменты организаціи татарскаго владычества. Съ этими настроеніями, а не съ какими либо междукняжескими счетами, правильнѣе связывать извѣстіе о томъ, что въ началѣ 1254 г. тверской князь Ярославъ, «оставя свою отчину» ушелъ «съ боярами своими» въ Ладогу и во Псковъ [3]). Отсюда его призвали къ себѣ Новгородцы, выгнавъ изъ города Александрова сына Василія. Василій удержался въ Торжкѣ до прибытія великаго князя Александра,—и новгородцы смирились, приняли его снова на княже-

---

тили и убили жену князя Ярослава Ярославича и его воеводу Жидислава, а дѣтей его захватили въ плѣнъ; повидимому, князь Ярославъ примкнулъ къ планамъ брата Андрея (Лаврентьевская лѣт., стр. 449—450; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 60). Ср. замѣчанія С. М. Соловьева, кн. I, ст. 839.

[1]) Лаврентьевская лѣт., стр. 449. Никоновская лѣтопись, а за ней историки XVIII и XIX в. приняли сопоставленіе этихъ извѣстій за основаніе приписать самое нападеніе татаръ на Андрея—происканъ Александра. Однако, походъ Неврюя лишь часть предпринятыхъ татарами операцій: въ 1253 г. Куремса начинаетъ наступленіе на Даніила Галицкаго, законченное, затѣмъ, Бурундаемъ. Татары въ этотъ моментъ опасности для ихъ владычества на Руси отнюдь не орудіе княжескаго соперничества.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись не говоритъ о битвѣ, позднѣйшіе своды смягчаютъ впечатлѣніе обидной безпомощности, вводя въ разсказъ „сѣчу велику“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 159).

[3]) Лаврентьевская лѣт., стр. 450. Сама терминологія этого извѣстія вызываетъ на сопоставленіе отъѣзда Ярослава съ бѣгствомъ Андрея.

ніе [1]). Та черта этихъ волненій, что за Василія Александровича стояли бояре новгородскіе, а противъ него—черные люди, связываетъ ихъ съ дальнѣйшими событіями, когда на Русь явились татарскіе «численники». Въ татарское «число» были ими сперва положены Суздальская, Рязанская и Муромская земли, причемъ татары «ставиша десятники и сотники, и тысящники, и темники». Затѣмъ пришелъ чередъ исчисленію Новгородской земли. По первымъ же вѣстямъ объ этомъ «мятошася людіе черезъ все лѣто въ Новгородѣ», а когда въ Новгородъ прибылъ в. к. Александръ съ татарскими послами, изъ Новгорода бѣжалъ во Псковъ сынъ его Василій. Александръ вывелъ сына изъ Пскова, сослалъ его «на Низъ» и сурово покаралъ его совѣтниковъ, «кои князя Василья на зло повели» [2]). Однако, новгородцы не допустили сбора «десятины и тамги»: «не яшася по то», хотя дали дары царю и пословъ отпустили съ миромъ. Только черезъ годъ страхъ новаго татарскаго нашествія на Русь привелъ новгородцевъ къ горькой покорности; и то «бысть мятежъ великъ въ Новѣгородѣ», когда «раздвоишася людіе и створиша супоръ: большіе веляху меншимъ ятися по число, а они не хотяху» [3]). В. к. Александру пришлось дать стражу для охраны ордынскихъ пословъ, но дѣло, въ концѣ концовъ, уладилось: «окаянные» уѣхали «вземше число», а в. к. Александръ посадилъ въ Новгородѣ на княженіе сына Дмитрія. Вскорѣ поднялось волненіе противъ «насилія поганыхъ» по городамъ «низовской» земли: народное возстаніе выгнало изъ Владиміра и Суздаля, Ярославля и Переяславля «бесерменъ»—откупщиковъ татарской дани и ихъ сборщиковъ. В. к. Александръ поспѣшилъ въ Орду къ хану, «дабы отмолилъ люди отъ бѣды». Энергія и власть великаго князя удержали русскихъ людей отъ безнадежной траты силъ въ разрозненныхъ вспышкахъ противодѣйствія иноземному игу. Для этого пришлось преодолѣть не только броженіе народнаго негодованія, но и глубокія разногласія въ княжеской и боярской средѣ [4]). Александръ провелъ свою ордынскую политику; и въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 450—451. Полнѣе П. С. Р. Л., т. VII, стр. 160—161.

[2]) Неясно, кто эти совѣтники кн. Василія. Новгородская I даетъ такой текстъ: „князь Александръ выгна сына своего изъ Плескова и посла въ Низъ, а Александра и дружину его казни: овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повелъ“ (стр. 278; тоже Воскр.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161); Никоновская (т. X, стр. 142) выпускаетъ непонятнаго „Александра“, и потому „дружина“ стала въ ея текстѣ дружиной князя Василія. Не новгородцы ли этотъ Александръ и его дружина? Указатель „Новг. лѣт. по синодальному харатейному списку“ превратилъ этого Александра въ „начальника дружины кн. Василія Александровича“!

[3]) Полный горечи „меншихъ“, разсказъ съ жалобой на бояръ, что при установленіи дани они „творяху себѣ легко, а меншимъ бѣ зло“—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 162. Хронологія этихъ извѣстій сильно спутана и несогласована въ разныхъ лѣтописныхъ компиляціяхъ.

[4]) Разногласія эти глубоко захватили вліятельныя общественныя группы: князь Андрей Ярославичъ „здума со своими бояры“, что лучше покинуть княженіе и родину,

отношеніяхъ Руси къ власти хана—онъ подлинный великій князь всей сѣверной Руси [1]).

Такимъ же носителемъ великокняжеской власти видимъ Александра Ярославича и во внутреннихъ дѣлахъ сѣверной Руси и въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ. Его сынъ Василій отражаетъ въ 1253 г. набѣгъ Литвы на новгородскія владѣнія; въ 1256 г. Александръ, по вѣстямъ изъ Новгорода, что шведы ставятъ укрѣпленія на р. Наровѣ, ходилъ «со всею силою, съ новгородци и суждальцы» и «повоева Поморіе все»; въ тяжелую годину возстанія противъ татаръ Александръ, уѣзжая въ Орду къ хану, отправилъ брата Ярослава и сына Дмитрія и «всѣ полки съ ними» воевать вмѣстѣ съ новгородцами и союзной Литвой на Юрьевъ противъ нѣмцевъ [2]). Неизбѣжная тягота борьбы съ внѣшнимъ врагомъ и невозможность вести ее на два фронта должны были сильно повліять на политику Александра по отношенію къ татарамъ.

чѣмъ служить ханамъ; Ярославъ бѣжалъ изъ „отчины“—„съ боярами своими“; въ Новгородѣ борятся двѣ партіи: одна склоняетъ новгородцевъ къ покорности требованіямъ хана и в. к. Александра, другая—наводитъ кн. Василія Александровича на „зло“ сопротивленія политикѣ великаго князя-отца.

[1]) Крайняя скудость нашихъ свѣдѣній о русско-татарскихъ отношеніяхъ XIII и начала XIV в. (едва-ли случайная, такъ какъ замалчиваніе или, по крайней мѣрѣ, смягченіе фактовъ, тягостныхъ или противорѣчащихъ воззрѣніямъ и тенденціямъ книжника-лѣтописателя,—характерная особенность нашихъ лѣтописныхъ сводовъ) не даетъ возможности учесть результаты татарской политики Александра Невскаго. Быть можетъ ими объясняется отсутствіе иныхъ, кромѣ одного—приведеннаго выше, слѣдовъ татарскихъ десятниковъ, сотниковъ, тысяцкихъ и темниковъ? Вопросъ о времени, когда сборъ дани и выплата татарскаго „выхода“ ордынскимъ властямъ перешли въ руки князей—неразрѣшимъ съ достаточной опредѣленностью. Не знаемъ, въ чемъ состояла „ослаба отъ насилья татарскаго“ по смерти хана Берке (ум. 1266 г.), отмѣченная въ лѣтописныхъ записяхъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 145). С. М. Соловьевъ отмѣтилъ, что послѣ 1269 г. (когда упомянутъ Амраганъ, великій баскакъ владимірскій) нѣтъ больше помина о баскакахъ; что послѣ переписи 1275 г.—„не упоминается больше о перечисленіи—ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать довѣренность князьямъ и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду“, что кн. Андрей Александровичъ обвинялъ передъ ханомъ брата, в. к. Дмитрія въ уклоненіи отъ уплаты дани. И Соловьевъ говоритъ объ „удаленіи баскаковъ, числепниковъ и сборщиковъ дани“ безъ возможности датировать и различить моменты этого освобожденія Руси отъ постояннаго и непосредственнаго воздѣйствія ордынскихъ властей. Однако, terminus post quem для этого процесса—время Александра Невскаго. Надо признать, что активная роль княжеской власти въ удовлетвореніи татарскихъ требованій и постепенное вытѣсненіе прямыхъ агентовъ власти хана съ Руси начались съ его времени. См. С. М. Соловьевъ „Ист. Росс.“, кн. I, стр. 1158. Русская письменность сохранила память объ Александрѣ Невскомъ, какъ о „хранителѣ и заступникѣ“ Русской земли (Мансикка, Житіе Александра Невскаго, стр. 101).

[2]) Новг. I, стр. 274, 277 и 281; II. С. Р. Л., т. V, стр. 190; т. VII, стр. 163.

И внутри Владимірскаго великаго княженія еще не видно чертъ политическаго распада. Ростовскіе князья, братья Васильковичи Константиновича, по смерти отца «сѣдоста въ Ростовѣ на княженіи»; съ 1251 г. младшій, Глѣбъ, княжитъ на Бѣлоозерѣ, но этимъ не разбито единство ростовской отчины [1]). Князь Глѣбъ участвуетъ во всѣхъ ростовскихъ дѣлахъ нераздѣльно съ братомъ, и только послѣ его смерти (на Ростовскомъ княженіи) настанетъ выдѣленіе Бѣлозерскаго княжества изъ Ростовскаго въ особую отчину Глѣбовичей, не безъ борьбы, однако, съ Борисовичами, стоявшими за единство владѣнія ею. Ростовскіе Васильковичи при в. к. Александрѣ Ярославичѣ всецѣло его подручники. Они, видимо, сразу примкнули къ его политикѣ. Князь Борисъ былъ въ Ордѣ, когда тамъ разыгралось трагическое дѣло Михаила Всеволодовича Черниговскаго, и вмѣстѣ со своими боярами уговаривалъ Михаила «сотворить волю цареву». Глѣбъ Васильковичъ былъ первымъ изъ русскихъ князей, который «оженился въ Ордѣ» [2]). Есть указанія на особо близкія отношенія Александра Невскаго къ Васильковичамъ: съ княземъ Борисомъ онъ посылаетъ дары Улавчію, ордынскому временщику при ханѣ Берке [3]); въ Ростовъ ѣдетъ изъ Новгорода, уладивъ

---

[1]) Никоновская лѣтопись раздѣляетъ Ростовское и Бѣлозерское княженіе съ 1238 г., передѣлавъ запись своего источника: „а въ Ростовѣ сѣдоста Васильковичи Борисъ да Глѣбъ на княженіе“ (см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 34) въ такую формулу: „а князь Борисъ Васильковичъ сяде въ Ростовѣ, внукъ Констаньтиновъ, правнукъ Всеволожъ, праправнукъ Юрья Долгорукаго, препраправнукъ Владимера Мономаха, пращуръ Всеволожъ, прапращуръ Ярославль, препрапращуръ великаго Владимера, а братъ его князь Глѣбъ Васильковичъ сяде на Бѣлѣ езерѣ“. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 113). Книжникъ, ея составитель, не согласовалъ этого съ сохраненымъ и въ его трудѣ извѣстіемъ 1251 года: „князь Глѣбъ Васильковичъ [внукъ Константиновъ, правнукъ Всеволожъ, преправнукъ Юрья Долгорукого] иде на Бѣлоозеро, въ свою отчину“ (тамъ же стр. 138; ср. Лаврент. лѣт., стр. 449; т. VII, стр. 159). А. В. Экземплярскій полагаетъ, что Бѣлозерскій „удѣлъ могъ существовать даже ранѣе 1251 г., хотя Глѣбъ и жилъ пока въ Ростовѣ“ (указ. соч., т. II, стр. 155, прим. 455); понимать это надо такъ, что возможно предназначеніе кн. Глѣбу Бѣлозерскаго княженія—по „ряду“ отца, если онъ успѣлъ его сдѣлать, или по „уряженью“ князей—родичей съ великимъ княземъ относительно малолѣтнихъ ростовскихъ князей, когда они „посажены“ на ростовское княженіе.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 451. Передъ тѣмъ Глѣбъ ѣздилъ въ Монголію къ великому хану. Въ 1276 г. братья ходили въ Орду съ другими князьями по зову хана Менгу-Тимура въ походъ противъ Ясовъ. Борисъ умеръ въ Ордѣ передъ походомъ, а Глѣбъ вернулся на Ростовское княженіе.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 451: въ 1256 г. „князь Борисъ поѣха въ Татары, а Олександръ князь послалъ дары; Борисъ же бывъ у Улавчія, дары давъ и пріѣха въ свою отчину съ честью“. Никоновская поняла по своему: „Князь же Борисъ Васильковичъ Ростовскій иде въ Татары со многими дары; также и Александръ Ярославичь посла послы своя въ Татары со многими дары“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 140—141 .

тамошнюю смуту, подѣлиться успѣхомъ съ епископомъ Кирилломъ и ростовскими князьями [1]).

Великій князь играетъ первую роль въ дѣлахъ ростовской епископіи [2]). Ростовское княжество—лишь особый элементъ въ составѣ Владимірскаго великаго княженія.

Судьба Ярославля, который также входилъ въ составъ ростовской отчины Константиновичей и выпалъ на долю Всеволода Константиновича, а послѣ его гибели въ татарское лихолѣтье перешелъ къ Всеволодичу Василію,—сложилась весьма своеобразно въ моментъ кончины этого князя, при владимірскомъ княженіи Андрея Ярославича [3]). Василій Всеволодовичъ

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 452. Возможно, что в. к. Александръ нашелъ опору своей политики въ духовенствѣ. Митр. Кириллъ, ставленникъ Даніила Галицкаго, былъ, повидимому, посредникомъ въ сношеніяхъ своего князя съ Андреемъ Ярославичемъ, но затѣмъ остается втеченіе ряда лѣтъ на сѣверѣ. Въ рѣшительный моментъ—1251 г.—оба Кирилла, митрополитъ и епископъ ростовскій, ѣздили къ Александру въ Новгородъ, а затѣмъ митрополитъ встрѣчаетъ Александра „со кресты у Золотыхъ воротъ“ во Владимірѣ, когда тотъ вернулся изъ Орды ханскимъ ставленникомъ на великое княженіе, и участвуетъ въ обрядѣ посаженія. Упоминается онъ во Владимірѣ и въ 1255 г., а въ 1256 сопровождаетъ Александра въ Новгородъ (II. С. Р. Л., т. VII, стр. 161; впрочемъ извѣстіе это весьма сомнительно и не подтверждается другими лѣтописями). Предположеніе Голубинскаго, что митр. Кириллъ, быть можетъ „послѣ 1252-го и 1256-го годовъ не уходилъ изъ сѣверной Руси и провелъ въ ней сподрядъ все время съ 1250-го по 1263-й годъ“ („Ист. Русс. церкви“, т. II, стр. 57)—вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ 1261 г. по его благословленію рѣшено дѣло объ управленіи ростовской епархіей, въ 1262 состоялось поставленіе новаго ростовскаго епископа Игнатія, а въ 1263 г. митр. Кириллъ совершаетъ обрядъ погребенія тѣла в. к. Александра. Е. Е. Голубинскій указываетъ и на то, что митр. Кириллъ только въ 1274 г. поставилъ новаго епископа во Владиміръ на мѣсто убитаго татарами въ 1238 г. Митрофана и склоненъ приписать Кириллу мысль если не о перенесеніи во Владиміръ митрополіи, то объ оставленіи Владимірской епархіи за митрополитами. На сѣверѣ должно было состояться поставленіе еп. Митрофана на новую Сарайскую епархію въ 1261 г.—быть можетъ, также моментъ въ татарской политикѣ в. к. Александра.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ назначенія архимандрита Игнатія въ помощь престарѣлому епископу Кириллу (Лаврент. лѣт., стр. 452); по кончинѣ епископа Игнатій сталъ его преемникомъ.

[3]) А. В. Экземплярскій, указ. соч., т. II, стр. 73—75. Въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 153—154) находимъ любопытную справку по поводу неожиданнаго появленія подъ 1277 г. ярославскаго князя Ѳедора Ярославича: „Подобаетъ же о семъ вѣдати како сей глаголется князь Ѳедоръ Ростиславичъ Ярославскій“. Передъ нами, очевидно, не воспроизведеніе какого либо источника, а сводка свѣдѣній и соображеній книжника-лѣтописца, источники коихъ намъ неизвѣстны и не поддаются провѣркѣ. Пріемлемыми ихъ можно считать только потому, что ничто въ другихъ источникахъ имъ не противорѣчитъ, а они пополняютъ пробѣлъ въ исторіи Ярославскаго княжества. Предположительно можно источникомъ этой „справки“ считать данныя о родословіи ярославскихъ князей, собранныя въ пору

умеръ въ 1249 г., оставивъ послѣ себя вдову и дочь. Умеръ онъ во Владимірѣ, гдѣ тогда же находились у князя Андрея—в. к. Александръ и ростовскіе князья. На этомъ съѣздѣ князей и было, повидимому, рѣшено оставить Ярославль съ волостями за вдовой-княгиней Ксеніей и ея дочкой Маріей Васильевной. Быть можетъ, тогда же намѣчено было обрученіе ярославской княжны съ Ростиславичемъ Ѳедоромъ, который княжилъ на Можайскѣ [1]), а благодаря этому браку «достася ему Ярославль». Это событіе навсегда вырвало Ярославль изъ состава ростовской отчины. При в. к. Александрѣ Ярославичѣ и долго позже—въ Ярославлѣ нѣтъ мѣстной княжеской власти, которая играла бы болѣе или менѣе замѣтную и самостоятельную роль, но нѣтъ и основанія говорить о выходѣ Ярославля изъ прямой связи съ великокняжеской властью [2]).

составленія Никоновской лѣтописи для Государева Родословца. Эта „справка“ была впрочемъ, извѣстна и составителямъ Воскресенской лѣтописи, которая даетъ краткую выписку (т. VII, стр. 173) изъ ея редакціи, еще не стилизованной въ манерѣ Никоновской лѣтописи.

[1]) Этотъ бракъ, видимо, связанъ съ западнорусскими отношеніями ростовскихъ князей. Василько Константиновичъ былъ женатъ на дочери черниговскаго князя Михаила Всеволодовича; Всеволодъ Константиновичъ женился въ 1227 г. на дочери Олега Святославоча, повидимому князя Курскаго (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 134, т. X, стр. 94; на стр. 157 Никоновская сообщаетъ ея имя—Марина); Всеволодова княгиня надолго пережила мужа (скончалась, по Никоновской, 1279 г.) и могла играть роль въ этомъ дѣлѣ. Обрученіе малолѣтней четы (Маріи было, по весьма вѣроятному разсчету Экземплярскаго, года 4, такъ какъ ея отецъ умеръ 20 лѣтъ, едва-ли болѣе, отъ роду; Ѳедоръ Ростиславичъ до 1276 г. не выступаетъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, что даетъ нѣкоторое основаніе считать его весьма юнымъ; умеръ онъ въ 1299 г.) фактически имѣло, а могло имѣть и въ намѣреніяхъ старшихъ князей, политическое значеніе, быть можетъ, въ связи съ замыслами князя Андрея Ярославича, который искалъ объединенія русскихъ силъ противъ татаръ. Вокняженіе въ Ярославлѣ можайскаго отчича—приводило Можайскъ въ связь съ великимъ княженіемъ Владимірскимъ, а съ 1279 или 80 года Ѳедоръ, хоть не на долго, владѣлъ и Смоленскомъ, оставаясь, однако, дѣятельнымъ участникомъ Владиміро-Суздальской политической жизни. Связи Ѳедора Ростиславича съ обѣими половинами Руси закрѣплены и замужествомъ его дочерей: одну онъ выдалъ за галицкаго князя (Давида Константиновича), а другую—за бѣлозерскаго (Михаила Глѣбовича).

[2]) Долгая пассивность кн. Ѳедора Ярославича объясняется не только его юностью, но и для дальнѣйшихъ лѣтъ—тягостнымъ семейнымъ положеніемъ. Его житіе, какое составилъ инокъ Антоній по порученію в. к. Ивана III и митр. Филиппа, использовало, по всей видимости, семейныя преданія ярославскихъ князей; по его разсказу кн. Ѳедоръ былъ надолго задержанъ въ Ордѣ, а по смерти жены не могъ вернуться въ Ярославль, отвергнутый тещей и боярами, которые стали править именемъ его сына Михаила. Кн. Ѳедоръ вернулся въ Орду, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ; тутъ онъ женился на ханской дочери (во крещеніи Аннѣ), тутъ родились два его сына (Давидъ и Константинъ); только по смерти сына Михаила (попытка Экземплярскаго установить дату этой смерти даетъ 1289 или 1290 г.—т. II,

Въ Угличѣ сидятъ третьестепенными князьями сыновья Владиміра Константиновича, на которыхъ и угасла эта линія ростовскихъ князей [1]).

Владѣльческое положеніе самого Александра Ярославича и его братьевъ было опредѣлено предсмертнымъ рядомъ ихъ отца: Святославъ Всеволодовичъ, занявъ великое княженіе, «сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ» [2]). Мы не знаемъ содержанія этого Ярославова уряженья, но предполагаемъ, что съ нимъ совпадаетъ распредѣленіе владѣній между Ярославичами при в. к. Ярославѣ, и позднѣе Александръ на великомъ княженіи сохраняетъ свое вотчинное отношеніе къ Переяславлю, которое переходитъ и на его старшаго сына, а на Переяславлѣ онъ княжилъ еще при жизни отца. Есть основаніе признать, что Андрею Ярославичу назначены по «ряду» его отца—Городецъ Поволжскій и Нижній Новгородъ [3]); въ 1256 году сюда онъ вернулся, какъ «въ свою

стр. 79—80) Ѳедоръ занялъ столъ Ярославскаго княженія съ татарскою помощью. См. житіе въ „Великихъ Минеяхъ Четіихъ“ подъ 19 сент. и въ „Степенной Книгѣ“ (П. С Р. Л. т. XXI, ч. 1-я, стр. 307).

[1]) Лѣтописи отмѣтили только даты кончины Андрея (1261) и Романа (1283 или 1285) Владиміровичей (Лаврент., стр. 452 и 458; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 162 и 178).

[2]) Лаврент., лѣт., стр. 448.

[3]) Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 160) замѣчаетъ при сообщеніи о бѣгствѣ Андрея въ 1252 г. изъ Русской земли, что онъ, пробывъ нѣсколько времени въ Швеціи, „пріиде въ свою отчину“; подъ 1256 г. находимъ въ Лаврентьевской (стр. 451) странную запись: „поѣхаша князи на Городець да въ Новгородъ“, и тогда же в. к. Александръ послалъ Бориса ростовскаго ублаготворять ордынца Улавчія дарами; и тоже повторяетъ Никоновская, безъ комментарія, но два ея списка даютъ чтеніе „князь“ (сохраняя, однако—„поѣхаша“, т. X, стр. 140). Съ 1257 князь Андрей появляется въ ряду русскихъ князей, ѣдетъ въ Орду съ в. к. Александромъ и другими. Никоновская лѣт. впредь зоветъ его Суздальскимъ и, повидимому, права въ своемъ заключеніи, хотя сама же спутала генеалогію суздальскихъ князей (быть можетъ, слѣдуя родословной передержкѣ князей Шуйскихъ; весь споръ объ ихъ происхожденіи отъ Андрея Ярославича или отъ Андрея Александровича, сына Невскаго—считаю разрѣшеннымъ возраженіями А. В. Экземплярскаго противъ С. М. Соловьева; см. „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси“, т. II, стр. 388); поводомъ къ этой путаницѣ послужили судьбы Суздаля, Городца и Нижняго послѣ смерти Андрея Ярославича. Повидимому, запись подъ 1256 г. надо, дѣйствительно, понять, какъ извѣстіе о пріѣздѣ Андрея на Городецъ и Нижній, что Воскресенская и называетъ его возвращеніемъ „въ свою отчину“ (такъ понялъ и В. Н. Татищевъ: т. IV, стр. 27). О кончинѣ его и погребеніи Воскресенская сообщаетъ: „преставися князь Андрей Ярославичъ суждальскій, положенъ бысть въ Суждали“ (1263; т. VII, стр. 164). Родословные матеріалы Никоновской лѣтописи опредѣленно указывали на происхожденій суздальскихъ князей отъ Андрея Ярославича (см. П. С. Р. Л., т. X, стр. 144), но подъ 1365 она даетъ иную, противорѣчащую этимъ матеріаламъ, генеалогическую справку (т. XI, стр. 4), руководясь ею и въ другихъ „поправкахъ“ (напр., т. X, стр. 176). Предположеніе А. В. Экземплярскаго (указ. соч., т. II, стр. 387), что князь Андрей Ярославичъ получилъ Суздаль вмѣстѣ съ Городцомъ и Нижнимъ въ 1247

отчину», а въ слѣдующемъ получилъ ханское пожалованіе, стоившее в. к. Александру не малыхъ даровъ ордынцу Улавчію и самому хану. Притомъ—соглашеніе съ братомъ придало къ его владѣніямъ еще Суздаль. Князь Андрей не игралъ при братѣ сколько-нибудь самостоятельной роли, ѣздилъ съ нимъ въ Орду и въ Новгородъ, исчезая въ средѣ окружающихъ в. к. Александра князей; онъ пережилъ брата лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Тоже самое можно сказать и о третьемъ Ярославичѣ—Ярославѣ. Послѣ бурныхъ событій начала пятидесятыхъ годовъ XIII вѣка, Ярославъ княжитъ спокойно въ Твери, ѣдетъ въ 1258 г. съ Александромъ въ Орду, идетъ въ 1262 г. отъ него въ походъ на нѣмцевъ [1]). На Костромѣ сидѣлъ Василій Ярославичъ, которому въ годъ кончины в. к. Александра лишь исполнилось 22 года; на княженіе въ Галичѣ мерянскомъ умеръ въ 1255 г. Константинъ Ярославичъ, ѣздившій отъ в. к. Ярослава Всеволодовича къ великому хану въ Монголію, а послѣ него—его сынъ Давыдъ, о которомъ только и знаемъ, что скончался онъ въ 1280 г., причемъ лѣтопись называетъ его княземъ галичскимъ и дмитровскимъ [2]).

Существованіе всѣхъ этихъ княжескихъ владѣній, по прежнему, не говоритъ еще о подлинномъ политическомъ распадѣ Владимірскаго великаго княжества. Великій князь Владимірскій въ эпоху Александра Ярославича Невскаго единый и безспорный представитель всей сѣверной Руси передъ ордынской властью, защитникъ всѣхъ ея областей передъ напоромъ западныхъ враговъ, распорядитель всѣхъ ея боевыхъ силъ. Но на отдѣльныхъ «волостяхъ» великаго княжества «княжатъ и владѣютъ» мѣстные князья, которые имѣютъ на то право, не зависящее отъ воли великаго князя, то «семейно-вотчинное» право, которое издревле составляло основной элементъ «княжого права въ древней Руси». Это право вотчинное, наслѣдственное, пріобрѣтено, въ принципѣ, самимъ рожденіемъ, и семейное, такъ какъ его существо въ правѣ всѣхъ сыновей владѣтельнаго князя на отцовское наслѣдіе—общую этимъ сыновьямъ «отчину». Реализуется оно либо согласно «ряду» отцу, который опредѣляетъ какую именно долю получитъ каждый

году отъ дяди Святослава Всеволодовича (стало быть, по „ряду“ отца, см. выше, стр. 146) не вяжется съ позднѣйшими судьбами этихъ владѣній, какъ ихъ самъ Экземплярскій излагаетъ; не согласованы и указанія о томъ, что произошло по смерти Андрея Ярославича (на стр. 390 и 393). Причина всей этой путаницы, кромѣ редакціонной работы книжника—составителя Никоновской лѣтописи, не сумѣвшаго преодолѣть противорѣчія своихъ генеалогическихъ матеріаловъ, также въ необоснованномъ представленіи, будто исконна связь Городца и Нижняго съ Суздалемъ, какъ „пригородовъ“ съ главнымъ, старѣйшимъ городомъ.

У Татищева находимъ (т. IV, стр. 27) любопытное замѣчаніе, что Александръ Невскій, по возвращеніи Андрея Ярославича „изъ Нѣмецъ“, „хотяше ему Суздаль дати, но не смѣяше Царя“.

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 163.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 174.

изъ сыновей, либо—особенно для сыновей, малолѣтнихъ въ моментъ отцовской кончины, ихъ надѣленіемъ по волѣ дяди или старшаго брата, которому они отцомъ «приказаны» или даны «на руки». Доли князей наслѣдниковъ въ общей ихъ отчинѣ будутъ позднѣе называться «удѣлами» (XIII вѣкъ этого термина еще не знаетъ), князья станутъ говорить о доляхъ своихъ, какъ объ «удѣлахъ вотчины своея», но для даннаго времени ни въ терминологіи, ни въ существѣ владѣльческихъ отношеній князей не видно ничего принципіально новаго сравнительно съ основами «княжого права» въ Кіевской Руси. Вотчинныя тенденціи княжого владѣнія еще слишкомъ подчинены силѣ политическаго единства Великороссіи, которое имѣло опору во власти Владимірскаго великаго князя, чтобы могла развернуться на ихъ основѣ опредѣленно иная система отношеній. Время в. к. Александра Ярославича напоминаетъ, однако, тотъ моментъ въ исторіи Кіевской Руси, когда во главѣ ея стояли Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ. При значительной силѣ объединяющей великокняжеской власти, во внутреннемъ строѣ земли уже закрѣплены основы владѣльческаго обособленія сложившихся мѣстныхъ вотчинныхъ княженій. Ростовскія владѣнія Константиновичей признаны особой наслѣдственной владѣльческой единицей; опредѣлились вотчинныя владѣнія для всѣхъ князей—Ярославичей и ихъ потомства. И самъ великій князь Александръ вотчичъ на Переяславлѣ Залѣсскомъ, который одинъ только и составляетъ отчину, въ строгомъ смыслѣ слова, его сыновей. Великокняжеская власть еще лишена надлежащей территоріальной базы, ея главенство—чисто политическое, и въ этомъ залогъ ея слабости и упадка. Внутреннія силы страны организованы внѣ ея прямого воздѣйствія по помѣстнымъ княжествамъ и легко могутъ стать изъ опоры общей политики великорусскихъ князей подъ главенствомъ Владимірскаго великаго князя—факторомъ разрушенія этого главенства и всего объединенія, въ условіяхъ внутренней борьбы. По этому разрушительному пути и пойдетъ исторія Владимірскаго великаго княжества послѣ кончины в. к. Александра Ярославича. Давленіе татарскаго владычества, установившееся при его правленіи съ такимъ напряженіемъ внутреннихъ отношеній Руси, несомѣнно, сыграло крупную роль въ развитіи упадка великокняжеской власти.

II.

При великихъ князьяхъ Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Ярославичѣ лишь устанавливается татарское владычество надъ сѣверной Русью; утвержденіе опредѣленныхъ формъ зависимости вызвало глубокій разладъ въ политическихъ настроеніяхъ и княжеской и общественной среды. Наши источники сохранили лишь нѣсколько указаній на этотъ разладъ, отрывочныхъ и часто глухихъ намековъ, но и по нимъ видно, какой онъ былъ острый и напряженный. Александру Ярославичу удалось его преодолѣть

и найти для того опору въ части князей, духовенства и боярства. Но едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что авторитетъ великокняжеской власти вышелъ изъ эпохи Александра Невскаго сильно расшатаннымъ; Александръ поддерживалъ его не только личной энергіей и личнымъ вліяніемъ, но и страхомъ татарской кары и прямой опорой въ татарской силѣ [1]). Надъ великокняжеской властью стала новая власть, чужая и чуждая, но формально признанная и обладавшая грозной реальной силой. Она стала постояннымъ факторомъ внутреннихъ политическихъ отношеній Великороссіи, настолько самостоятельнымъ и обособленнымъ отъ коренныхъ элементовъ русскаго традиціоннаго политическаго строя, что ея вліяніе могло быть использовано

---

[1]) Своего рода психологическій парадоксъ въ оцѣнкѣ великаго княженія Александра Невскаго отразился весьма характерно на литературной исторіи его огромной посмертной популярности, которая явилась плодомъ глубоко волнующихъ переживаній его эпохи и дальнѣйшихъ судебъ Великороссіи. Его татарская политика шла въ разрѣзъ съ наиболѣе популярными теченіями общественнаго чувства; оппозицію приходилось подавлять сурово, даже жестоко. Сильное недовольство ею не заглохло, — свидѣтельства объ этомъ недовольствѣ сохранились даже въ письменности, полной прославленія его памяти, тѣмъ болѣе, что оно живетъ и далѣе въ укоризнахъ потомкамъ Невскаго за то, что „любили татаръ паче мѣры“. Съ другой стороны, политически вліятельныя группы раздражены властностью в. к. Александра; новгородцы долго помнили, какъ Александръ„ дѣялъ насиліе на Новѣгородѣ“. Но всѣ эти черты исторической традиціи только оттѣняютъ огромную популярность Александра, быстро разросшуюся въ культъ его памяти. Вскорѣ послѣ кончины князя и подъ сильнымъ ея впечатлѣніемъ нѣкій „самовидецъ“, которому кн. Александръ „свой господинъ“, составилъ „слово“ въ его память, въ формѣ „плача“—сказанія о его кончинѣ; оно разрослось въ цѣлую„ свѣтскую біографію“ князя, а вступленіемъ къ ней изслѣдователи склонны признать извѣстное „Слово о погибели русской земли“. Весьма цѣнный анализъ памятниковъ письменности, связанныхъ съ прославленіемъ Александра Невскаго — у Н. И. Серебрянскаго: „Древне-русскія княжескія житія“ („Чтенія въ Моск. Об. Ист. и Др.“ 1915 и отд.). Н. И. Серебрянскій справедливо указываетъ, что содержаніе „слова о погибели“ нѣтъ необходимости относить непремѣнно и только къ событіямъ 1237—1238 г.г. „Страхъ погибели страны испытывался и позднѣе ужасовъ Батыева нашествія и иногда онъ принималъ особенно обостренную форму“ (стр. 207). Для характеристики настроеній XIII в. Серебрянскій приводитъ, съ одной стороны, указанія на вспышки народной „ярости“ противъ насилья поганыхъ, съ другой— на моменты паники („тогды же бѣ пополохъ золъ по всей земли и сами не вѣдяху и гдѣ кто бѣжитъ“—Лавр., стр. 446) и угнетенности („и бяше видѣти дѣло стыдно и велми страшно, и хлѣбъ во уста не идяшеть отъ страха“— Лавр., стр. 458). Эти настроенія,—усугубленныя сознаніемъ, что бусурманскія нахожденія постигаютъ Русь не только „за неправду нашу“, но и по винѣ князей, „зане живяхуть въ которахъ межи собой“ (Лавр., стр. 458) — были существеннымъ факторомъ нараставшей идеализаціи в. к. Александра и высокой исторической его оцѣнки: „Слово о погибели русской земли“ ставитъ его въ опредѣленную историческую перспективу „отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго“.

въ борьбѣ политическихъ силъ какъ въ пользу, такъ и противъ усиленія великокняжеской власти.

Тоже можно сказать и о другой опорѣ Владимірскихъ великихъ князей—обладаніи Великимъ Новгородомъ. Обладаніе это необходимый моментъ въ ихъ политикѣ: великое княженіе и строилось, со временъ Юрія Долгорукаго, въ непрерывной связи съ борьбой за Новгородъ Великій. И книжники-лѣтописцы, сохранившіе запись: «сяде по братѣ своемъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Володимери братъ его князь велики Ярославъ Ярославичъ и бысть князь велики Володимерскый и Новогородцкій» [1]), были правы въ своемъ пониманіи дѣла. Александръ Ярославичъ укрѣпилъ, казалось, на прочнѣйшемъ основаніи эту связь Великаго Новгорода съ Владимірскимъ великимъ княженіемъ, добился постояннаго признанія своей власти надъ Новгородомъ, державъ его черезъ сыновей, оборонялъ новгородскія и исковскія волости силами «низовской» земли, сливая мѣстную ихъ политику въ области внѣшнихъ отношеній съ общими задачами великокняжеской власти. Его господство надъ Новгородомъ положило прочныя основанія традиціи, что столъ новгородскаго княженія «отчина» для князей «низовской» земли, но открыло, съ другой стороны, возможность двоякаго пониманія этой традиціи: отчичами стола новгородскаго могли выступать его сыновья, Александровичи Невскаго; права на это княженіе могъ предъявить, а по существу реальныхъ своихъ интересовъ не могъ не предъявлять каждый обладатель великокняжескаго стола. Обладаніе княжой властью въ Великомъ Новгородѣ стало самостоятельнымъ факторомъ въ борьбѣ за и противъ великокняжеской власти, открывая господину Великому Новгороду широкія перспективы какъ вліянія на эту борьбу, такъ и развитія въ ея условіяхъ своего «народоправства» путемъ закрѣпленія за новгородцами вынужденныхъ уступокъ со стороны княжеской власти.

Само основное значеніе великокняжеской власти—общее руководство политическими судьбами Великороссіи и, прежде всего, ея самообороной отъ внѣшнихъ враговъ—стало падать подъ давленіемъ новой политической обстановки, когда татарское владычество почти парализовало проявленіе великорусской энергіи въ наступленіи къ югу и востоку, а самооборону Великороссіи поставило, на этихъ предѣлахъ, въ новыя, крайне тягостныя условія мелкой пограничной борьбы. Настаетъ періодъ нѣкотораго разобщенія задачъ этой великорусской политики, что ведетъ къ разстройству общаго участія великорусскихъ силъ въ ихъ разрѣшеніи и организующаго руководства ими. Функціи великокняжеской власти дробятся и переходятъ по

---

[1]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 144; XV (изд. 2-е), стр. 33. Фактически эта „запись“, конечно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу событій, по крайней мѣрѣ хронологически. Впрочемъ, она, быть можетъ, передаетъ формулу, ханскаго ярлыка?

частямъ въ руки тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ князей, а разрѣшеніе какихъ-либо вопросовъ, въ которыхъ заинтересованы всѣ представители княжеской власти, достижимо только общими ихъ соглашеніями, при коихъ носитель великокняжеской власти не всегда даже первую роль играетъ (тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ оказывается неустранимымъ вмѣшательство ордынской власти), или же путемъ вооруженной борьбы, прямыхъ усобицъ.

Всѣ эти моменты политическаго упадка Владимірскаго великаго княженія развернулись съ большою силой въ послѣднія десятилѣтія XIII вѣка.

При разсмотрѣніи этихъ событій вниманія требуетъ, прежде всего, само положеніе княжескаго рода по отношенію къ преемству на великокняжескомъ столѣ. Это уже не родъ потомковъ Всеволода Юрьевича Большого Гнѣзда, отчичей всей Ростовско-Суздальской земли. Это—только Ярославичи, сыновья и внуки в. к. Ярослава Всеволодовича. Споръ о старшинствѣ и власти идетъ только между ними, словно только имъ однимъ великое княженіе отчина и дѣдина. Такое суженіе круга возможныхъ претендентовъ на старѣйшій столъ не новость въ древне-русскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ; и ранѣе—на кіевскомъ югѣ стремленіе ограничить этотъ кругъ предѣлами одной семьи возникало каждый разъ, какъ на старшемъ столѣ появлялся сильный и дѣятельный князь. Но въ данномъ случаѣ, дѣло представляется болѣе сложнымъ: крупная и яркая сила Александра Ярославича грозитъ преломить въ сознаніи слѣдующихъ поколѣній представленіе о преемствѣ по Ярославѣ Всеволодовичѣ и выдвинуть новую тенденцію, новыя притязанія на исключительное преемство по Александрѣ его потомковъ, помимо боковыхъ линій Ярославова дома.

Впрочемъ такія притязанія Александровичей Невскаго не могли проявиться съ достаточной силой и опредѣленностью сразу послѣ его кончины. Старшій изъ сыновей Александра, опальный Василій исчезаетъ съ исторической сцены послѣ злополучной для него катастрофы 1257 года; дальнѣйшей судьбы его не знаемъ [1]). Второй, Дмитрій былъ еще отрокомъ и не могъ, по смерти отца, удержаться въ Новгородѣ, гдѣ жилъ номинальнымъ представителемъ великокняжеской власти: Новгородцы по первымъ же вѣстямъ о кончинѣ в. к. Александра выслали его сына изъ города [2]).

Обстоятельства перехода великокняжеской власти къ кн. Ярославу Ярославичу сильно запутаны въ изложеніи нашихъ лѣтописныхъ сводовъ. Но вниманіе къ немногимъ точнымъ датамъ [3]), какія можно установить, позво-

---

[1]) Кромѣ его кончины въ 1270/71 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 170.

[2]) „Выгнаша новогородци князя Дмитрія Александровича, сдумавше съ посадникомь Михаломъ, зане князь еще малъ бяше“ Новг. I, стр. 283; П. С. Р. Л.,т. VII, стр. 164.

[3]) Ни одинъ изъ нашихъ лѣтописныхъ текстовъ не упоминаетъ о новомъ выступленіи Андрея Ярославича съ притязаніями на великое княженіе по смерти Александра; у Татищева (т. IV, стр. 32)—извѣстіе о такомъ выступленіи (принятое

ляетъ признать, что немедленно по смерти в. к. Александра «выгнаша новгородци князя Дмитрія Александровича изъ Новагорода, сдумавше съ по-

---

Соловьевымъ, кн. I, стр. 844 и Экземплярскимъ, т. II, стр. 450, но не Карамзинымъ, т. IV, начало гл. III и прим. 114) въ весьма сомнительномъ контекстѣ. Сильно перебитъ въ нашихъ сводахъ порядокъ изложенія событій, послѣдовавшихъ за смертью Александра Невскаго. Одни своды упоминаютъ о смерти кн. Андрея ранѣе извѣстія о вокняженіи кн. Ярослава, другіе наоборотъ. Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 163—164) ставитъ передъ сообщеніемъ о смерти в. к. Александра заглавіе: „Преставленіе великаго князя Александра Ярославича Невскаго и по немъ сѣде на великомъ княженіи братъ его князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій“, но въ текстѣ—послѣ статьи о смерти Александра (подъ 6771 г.) говоритъ только объ изгнаніи кн. Дмитрія изъ Новгорода, о призваніи и посаженіи (27 янв.) кн. Ярослава на новгородское княженіе, о его женитьбѣ и о кончинѣ кн. Андрея, а посаженіе Ярослава на столъ великаго княженія во Владимірѣ вовсе не отмѣчаетъ. Такъ, согласно Воскресенской, по смерти Александра (ум. въ ночь съ 14 на 15 ноября 6771—1262 г.)—въ январѣ (27) того же 6771 (т. е. 1263 г.) состоялось посаженіе кн. Ярослава въ Новгородѣ. Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 403) относитъ смерть Андрея и посаженіе Ярослава къ 6771, но это послѣднее связываетъ съ Владимірскимъ настолованьемъ („сидѣ на столѣ въ Новѣгородѣ Ярославъ Ярославичъ и бысть князь великій Володимерскій и Новогородскый“; формула явно неточная); Софійская I (т. V, стр. 192) и Новгородская I (стр. 283) вовсе опускаютъ моментъ вокняженія Ярослава во Владимірѣ, а посаженіе его на новгородскомъ столѣ отнесли къ 27 января 6773 г. (1265 г.), тутъ же излагая событія въ Литвѣ, которыя разыгрались въ 1263 г., причемъ Соф. I (списокъ Царск.) сохранила запись о смерти кн. Андрея послѣ водворенія Ярослава въ Новгородѣ, такъ что и смерть эта попала на 1265 г. Никоновская (т. X, стр. 140) подъ 6771 даетъ только сообщеніе о кончинѣ Александра Невскаго, а вокняженіе Ярослава во Владимірѣ отнесла къ началу 6772 г., затѣмъ идутъ: изгнаніе кн. Дмитрія изъ Новгорода, прибытіе в. к. Ярослава (посылка за нимъ изъ Новгорода опущена) въ Новгородъ, его женитьба, а затѣмъ — смерть кн. Андрея. Татищевъ (т. IV, стр. 32) даетъ подъ 6671—1263 г. сообщеніе о кончинѣ Александра Невскаго, а затѣмъ такой разсказъ: „О великомъ же княженіи бысть пря братіи его Андрею, иже преже бѣ на великомъ княженіи, и Ярославу Тверскому, брату его меншому, а не хотяще межъ собою сваритися, послаша послы своя въ Орду къ хану Беркаю; ханъ же повелѣ Ярославу къ себѣ быти. Егда пріиде Ярославъ во Орду и ханъ пріятъ его съ честію, даде ему доспѣхъ, и повелѣ обвестити его по чину на велпкое княженіе, коня же его повелѣ вести Володимеру Резанскому да Ивану Стародубскому, бывшимъ тогда во Ордѣ, и Августа мѣсяца отпусти съ посломъ своимъ Жанибекомъ и съ ярлыкомъ на великое княженіе“, а далѣе: „6772—1264. Въ сентябрѣ пришедъ изъ Орды князь великій Ярославъ Ярославичъ сѣде по братѣ своемъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Володимерѣ“. Трудно опредѣлить, что у Татищева опирается на данныхъ его источниковъ; въ порядкѣ событій онъ слѣдуетъ Никоновской лѣтописи, которая вообще лежитъ въ основѣ всего изложенія, и всего правильнѣе признать строки о спорѣ князей Андрея и Ярослава татищевскимъ выводомъ изъ того порядка событій, какой ему данъ Никоновской лѣтописью; весьма сомнительно упоминаніе о „чинѣ“ ордынскаго „обвѣщенія“ на великомъ княженіи, а имена дѣйствующихъ тутъ князей вызываютъ неразрѣшимое недоумѣніе: въ данное время не знаемъ никакого Владиміра рязан-

садникомъ съ Михаиломъ», и «послаша по князя Ярослава Ярославича», а 27 января 1263 г. «посадиша его на столѣ» [1]). Къ этому моменту есте-

---

скаго (на Рязани княжилъ Ѳедоръ Романовичъ; составъ рязанской княжеской семьи см. у Иловайскаго, Ист. Ряз. княж., стр. 91); не ясно какого тутъ можно разумѣть Ивана Стародубскаго: дядя Ярослава Иванъ Всеволодовичъ едва ли былъ въ живыхъ (о немъ не слышно съ 1238 г.), а его внукъ Иванъ-Калистратъ Михайловичъ, умершій, по Никоновской лѣт., въ 1315 г. (т. X, стр. 179), если былъ на свѣтѣ, то малолѣткомъ, а, по той же лѣтописи, въ Стародубѣ княжилъ его отецъ кн. Михаилъ Ивановичъ (т. X, стр. 153, подъ 1276 г.); впрочемъ, весьма возможно, что свѣдѣнія Никоновской лѣтописи о стародубскихъ князьяхъ ошибочны, такъ какъ Воскресенская упоминаетъ подъ 1315 г. о кончинѣ не Ивана (какъ Никоновская), а Михаила Ивановича стародубскаго, который ею же упомянутъ подъ 1281 г. въ числѣ князей—участниковъ похода на Переяславль (т. VII, стр. 187 и 175), съ чѣмъ согласно и указаніе нѣкоторыхъ родословцевъ, считающихъ Ивана-Калистрата сыномъ Ивана Всеволодовича и отцемъ Михаила (Экземплярскій, указ. соч., т. II, стр. 179 и 180).

Важнѣе то обстоятельство, что Татищевъ долженъ былъ имѣть опору въ источникахъ для датировки признанія за Ярославомъ великаго княженія и его посаженія на великокняжескомъ столѣ—августомъ 6771-го и сентябремъ 6772-го года (сама датировка мѣсяцемъ безъ числа обычна въ лѣтописныхъ сводахъ). Основная схема событій у Татищева: 14 ноября 1262 г. умеръ Александръ Невскій; затѣмъ—сношенія съ Ордой и поѣздка кн. Ярослава къ хану; въ сентябрѣ 1263 г. его возвращеніе во Владиміръ и посаженіе на столѣ великаго княженія—весьма вѣроятна и сходится со схемой Воскресенской лѣтописи.

Въ итогѣ — для хода событій основными датами надо признать: 14 ноября 1262 г. кончина Александра Невскаго, 27 января 1263 г.—посаженіе кн. Ярослава Ярославича на новгородскомъ столѣ; въ сентябрѣ 1263 г. — на великокняжескомъ столѣ.

Причина спутанности изложенія (и хронологіи) этихъ событій—въ использованіи нашими сводами (общимъ ихъ источникомъ митрополичьимъ сводомъ) двухъ повѣствованій, которыя не укладывались въ лѣтописную хронологическую сѣть: „Сказанія о мужествѣ и житіи в. к. Александра Ярославича“, которое вовсе дать не давало, и сказанія о князѣ Довмонтѣ, гдѣ изложены были и литовскія событія со временъ Миндовга и которое врѣзалось въ изложеніе свода, спутавъ и порядокъ его и хронологическія пріуроченія. Кромѣ того, Никоновская лѣтопись вноситъ особые редакціонные пріемы (въ духѣ общихъ своихъ тенденцій): пріѣздъ в. к. Ярослава въ Новгородъ перенесенъ на время послѣ занятія имъ великокняжескаго стола, съ устраненіемъ упоминанія о томъ, что новгородцы „послаша по князя“ и „посадиша его на столѣ“, вмѣсто чего читаемъ: „иде князь великій Ярославъ Ярославичъ въ Новгородъ и пріаша его новгородци съ радостью и съ честью великою“ (т. X, стр. 144).

С. М. Соловьевъ („Ист. Росс., т. I, ст. 844) отнесъ смерть кн. Андрея къ веснѣ 1264 г. (вѣроятно, подъ вліяніемъ Карамзина, т. IV, начало III-й гл.; иначе не понимаю откуда эта „весна“), и не обратилъ вниманія на то, что сентябрь 6772 г. относится къ 1263, а не 1264 г.

[1]) Съ этимъ „посаженіемъ“ совпала женитьба князя Ярослава на „Юрьевой дщери Михайловича“; если эта Юрьевна внучка посадника Михаила Ѳедоровича, котораго Александръ Невскій водворилъ на посадничествѣ въ 1257 г., то можно видѣть въ немъ сторонника сближенія Великаго Новгорода съ великокняжеской

ственно пріурочить и заключеніе перваго изъ договоровъ Великаго Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ [1]). Новгородцы использовали

властью, а самому браку Ярослава придать политическій характеръ; Ярославъ ищетъ поддержки новгородскаго боярства, а руководящія сферы Новгорода—вліянія на великаго князя, съ которымъ и заключили первый, до насъ дошедшій договоръ.

[1]) Соотношеніе двухъ старшихъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода съ княземъ Ярославомъ опредѣлить, по крайнему моему разумѣнію, довольно трудно. Едва-ли этотъ вопросъ вполнѣ разрѣшенъ замѣчаніями А. А. Шахматова въ „Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“ (въ „Изслѣд. по русскому языку“, изд. Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. 229—230).

Не вижу, почему договорная № 1 (по изд. „С. Г. Г. и Д.“ и въ „приложеніи“ у А. А. Шахматова) „несомнѣнно древнѣйшая въ ряду всѣхъ прочихъ“. Колебанія текста въ договорныхъ грамотахъ таковы, что едва-ли возможно свести ихъ къ одному основному „формуляру“, несмотря на буквальное иногда повтореніе отдѣльныхъ формулъ. Въ грамотѣ № 1 есть особенности, которыя склоняютъ скорѣе къ мысли, что это в т о р а я редакція договорной Новгорода съ Ярославомъ. Именно, въ № 1 читаемъ: „а что, княже, мытъ по твоей земли и по иной волости и по всей суздальской земли“ и т. д.; отсутствіе этихъ словъ во в т о р о м ъ договорѣ, хотя они имѣются въ позднѣйшемъ договорѣ Новгорода съ Ярославомъ (№ 3) непонятно. Въ № 1 они стоятъ на особомъ мѣстѣ: послѣ строкъ, заключающихъ, по существу, текстъ княжеской крестоцѣловальной порядной: „а на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ цѣловати бес перевода при нашихъ послѣхъ“, и равнозначныхъ п о с л ѣ д н и м ъ строкамъ № 2-го: „на томъ ти на всемъ хрестъ цѣловати по любъви безъ всякаго извета въ правьду при нашихъ послехъ“. За такими заключительными словами идетъ въ № 1 добавленіе: „а мы ти ся, господине княже, кланяемъ: а что, княже, мытъ по твоей земли и по иной волости и по всей суждальской земли, а то, княже, имати по 2 векши отъ лодье и отъ воза и отъ лну и отъ хмелна короба, а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести; тако, господине княже, пошло отъ дѣдъ и отъ отець и отъ твоихъ и отъ нашихъ и отъ твоего отчя Ярослава“. Въ № 2 есть только не развитой подробнѣе намекъ на это домогательство мытныхъ нормъ: „а отъ Новгородца и отъ Новоторжца у мыта имати отъ воза по 2 векши и отъ хмелна короба“, а о льготѣ въ повозной повинности (очевидно—для торгующихъ внѣ новгородской земли) нѣтъ упоминанія. Позднѣйшая договорная, № 3, цѣликомъ использовала № 1, причемъ ввела его заключительное „покланяніе“ — статьей договора, на ряду съ другими, и дополнила его рядомъ пунктовъ, вытекавшихъ изъ такихъ дѣйствій Ярослава во время его новгородскаго княженія, которыми нарушались права новгородцевъ (отнялъ грамоту отца своего, опредѣлявшую право князя посылать осетерника и медовара въ Ладогу; „посудилъ“ нѣкоторыя грамоты отца и брата; устанавливалъ слободы и мыта на новгородской волости и т. д.) или изъ новыхъ, пріобрѣтенныхъ новгородцами привилегій („а гостю нашему гостити по суждальской земли безъ рубежа по царевѣ грамотѣ“). Съ № 2 сближаютъ эту грамоту (№ 3) только 3 пункта: „ни грамотъ даяти“ безъ посадника (что естественно связано въ № 3 съ ея добавленіемъ: „суда не судити“); въ Русу ѣздить „на третью зиму“ (вм. „ѣздити осень“ первой грамоты) и въ Ладогу „ѣздити на третее лѣто“. Едва-ли эти три пункта какъ и сопоставленіе такихъ пунктовъ грамоты № 2, какъ: „ни свободъ ставити по новгородской волости“ и „а изъ суждальской ти земли Новагорода не рядити, ни волостій ти не роздавати“ съ соотвѣтственными установленіями третьяго договора

благопріятный моментъ для закрѣпленія въ формѣ письменнаго договора той «старины и пошлины», которая во многомъ терпѣла, по утвержденію договорной грамоты, отъ «насилья на Новгородѣ», какое «дѣялъ» Александръ Ярославичъ, отъ чего Ярославъ долженъ впредь «отступиться» [1]).

(„а свободъ ти, ни мытъ на Новгородской волости не ставити“ и „а на Низу, княже, новгородца не судити, ни даній ти раздаватп“) свидѣтельствуютъ о текстуальной зависимости № 3 отъ второй грамоты.

Грамота № 2 даетъ текстъ, менѣе выработанный и формально, и по содержанію, чѣмъ первая, а писана такъ, что мѣстами „форма буквъ и чернила совершенно иныя, нежели во всемъ текстѣ“, причемъ второе изъ этихъ мѣстъ даетъ впечатлѣніе пробѣла основного текста, не безъ труда заполненнаго другой рукой („вставленныя буквы очень близки другъ къ другу и съ трудомъ помѣщены между словами короба и на томъ, принадлежащими 1-му писцу“ — см. описаніе грамоты въ изслѣдованіи А. А. Шахматова, стр. 240). Только то обстоятельство, что къ этой грамотѣ была приложена печать („печати не сохранилось, но есть знакъ, что она была“ — А. А. Шахматовъ) мѣшаетъ признать ее „проектомъ“ договора, который состоялся въ формѣ грамоты № 1. Во всякомъ случаѣ, не вижу никакой возможности признать ее „вторымъ“ договоромъ, заключеннымъ между Великимъ Новгородомъ и кн. Ярославомъ послѣ „перваго“, котораго документъ въ первой грамотѣ нашего собранія договорныхъ. Если это самостоятельный актъ, то такова могла, скорѣе, быть редакція договора, заключеннаго въ 1263 г. при посаженіи Ярослава на столъ Новгородскаго княженія, а договоръ грамоты № 1—его „обновленіе“ по утвержденіи Ярослава Ярославича на великомъ княженіи (осенью 1263 г.), м. б., въ первый пріѣздъ его въ Новгородъ великимъ княземъ (въ началѣ 6772 г.).

[1]) Не вижу основаній для увѣренности А. А. Шахматова, что договорныя грамоты такого же типа, какъ дошедшія до насъ, т. е. опредѣляющія или стремящіяся опредѣлить возможно полнѣе ограниченія, какія налагала новгородская „старина и пошлина“ на власть князя въ Новгородской землѣ, существовали и ранѣе, даже со временъ Всеволода Мстиславича (1125—1130; см. указан. изслѣдованіе А. А. Шахматова, стр. 229). Въ первомъ договорѣ князя Ярослава съ Новгородомъ упоминается грамота его отца, Ярослава Всеволодовича, касавшаяся княжескихъ правъ на рыбную ловлю и боротныя угодья въ Ладогѣ. Такими грамотами по отдѣльнымъ вопросамъ новгородской „старины и пошлины“ могъ накопляться матеріалъ ея формулированныхъ нормъ, на которомъ выросли болѣе систематическія договорныя грамоты общаго характера, которыхъ—для насъ—первая представительница и есть новгородская грамота князю Ярославу Ярославичу отъ 1263 г. Въ пользу такого представленія о значеніи этой грамоты, что она не случайно и не только „для насъ“ первый документъ этого типа, говорятъ: неустойчивость договорнаго „формуляра“; характерный тонъ „поклонянія“ относительно привилегій въ Суздальской землѣ для новгородскихъ купцовъ, съ аргументаціей, что „тако пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ“ какъ князя, такъ и ихъ, новгородцевъ, но безъ увѣренности, что таково ихъ пріобрѣтенное право; наконецъ, стремленіе утвердить представленіе, что излагаемыя въ договорѣ нормы дѣйствительно „старина и пошлина“, та самая, на которой (предполагаю, что безъ формулировки въ письменной формѣ) цѣловали крестъ дѣды и отцы князя и отецъ его Ярославъ. Въ грамотѣ № 2 „дѣдовъ и отцовъ“ *еще* нѣтъ, а сказано, по чтенію А. А. Шахматова—„на цѣмъ то цѣловалъ хрестъ отець твой Ярославъ“, какъ и „пошлина“ новгородская опредѣляется только тѣмъ, „како держалъ отець твой“; такого, слишкомъ узкаго, опредѣ-

Новгородцы добиваются возможно прочныхъ гарантій своей политической свободы, построенной на все расширяющемся «народоправствѣ» и все крѣпнущей связанности дѣйствій княжеской власти обычноправовой «стариной и пошлиной» Великаго Новгорода. Съ другой стороны, договорная грамота вскрываетъ (въ своей заключительной части) значеніе тѣхъ торговыхъ интересовъ, какіе склоняли новгородцевъ искать не ослабленія, а укрѣпленія связи Великаго Новгорода съ великимъ княженіемъ.

Моментъ, благопріятный для этой новгородской политики, былъ созданъ вокняженіемъ въ Новгородѣ князя Ярослава ранѣе, чѣмъ онъ сталъ великимъ княземъ; все его поведеніе показываетъ, что онъ нуждался въ новгородской помощи и спѣшилъ утвердить за собой новгородское княженіе въ связи съ стремленіемъ къ великокняжескому столу. Было ли причиной тому возможное соперничество старшаго брата Андрея, которое Татищевъ построилъ, какъ фактъ, или опасеніе притязаній Александровичей Невскаго, на что указываетъ связь призванія Ярослава съ изгнаніемъ изъ Новгорода князя Дмитрія Александровича, надо допустить, что новгородская помощь обезпечила успѣхъ Ярослава въ Ордѣ, какъ это не разъ бывало и позднѣе съ претендентами на великое княженіе [1]).

Двойственное отношеніе Великаго Новгорода къ великокняжеской власти весьма сильно отразилось на дѣятельности великаго князя Ярослава Ярославича. Крѣпнетъ, въ эту пору, обособленіе Новгорода и Пскова, какъ самостоятельныхъ политическихъ силъ. У нихъ своя политика по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ, и великимъ князьямъ приходится все болѣе считаться съ нею, даже—волей-неволей—ей подчинять свои дѣйствія.

Бурныя событія 1263 и слѣдующихъ годовъ въ литовско-русскихъ областяхъ выдвинули самостоятельное значеніе Пскова и усилили его особое значеніе въ западныхъ отношеніяхъ Руси. Въ 1265 г. явился въ Псковъ бѣглецомъ литовскій князь Довмонтъ «со всѣмъ родомъ своимъ», сталъ организаторомъ псковскихъ боевыхъ силъ, вождемъ ихъ борьбы съ Литвой, руководителемъ мѣстной псковской политики. Водвореніе въ Псковѣ литовскаго князя поразило в. к. Ярослава; онъ спѣшитъ «со многою силою Низовскою» въ Новгородъ, «хотя ити на Псковъ, на князя Домонта», но новгородци «возбраниша ему, глаголюще: оли, княже, тебѣ съ нами увѣдався тоже поѣхати на Псковъ». Успѣшныя боевыя дѣйствія Довмонта увлекли новгородцевъ; помимо великаго князя они рвутся къ активнымъ, наступа-

---

ленія „старины и пошлины“ нѣтъ въ договорной № 1, нѣтъ и въ позднѣйшихъ. Изученіе новгородскихъ договоровъ съ князьми крайне затруднено тѣмъ, что для большинства ихъ не дошли до насъ отвѣтныя княжескія грамоты того типа, какъ № 4.

[1]) Въ источникахъ нашихъ нѣтъ свѣдѣній о поѣздкѣ Ярослава къ хану; но поѣхалъ онъ — новгородскимъ княземъ, и участіе въ этой поѣздкѣ новгородскихъ пословъ болѣе, чѣмъ вѣроятно.

тельнымъ дѣйствіямъ и, видимо, находятъ сочувствіе въ младшихъ князьяхъ прежде всего въ Дмитріи Александровичѣ Невскаго [1]), на котораго и выпала роль продолжателя отцовскихъ подвиговъ. Послѣ цѣлаго года смутъ, новгородцы добились, помимо великаго князя, организаціи большого похода русскихъ князей на Раковоръ подъ руководствомъ переяславскаго князя Дмитрія Александровича [2]). Битва подъ Раковоромъ была удачна, но стоила большихъ потерь, а, главное, не дала никакихъ результатовъ, кромѣ озлобленія сосѣдей. Нѣмцы не замедлили отвѣтить набѣгомъ на Псковъ, а съ русской стороны боевая энергія угасла, князья разъѣхались, не учинивъ, подобно тому какъ въ 1228 г. [3]), мира и «никакого добра». Создалось положеніе, изъ котораго не было выхода безъ обращенія къ великому князю. И послѣ долгихъ раздоровъ и сношеній съ в. к. Ярославомъ новгородцы вынуждены передать свое дѣло въ его руки. Ярославъ добился смѣны нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, избранія тысяцкимъ своего кандидата, и тогда только призвалъ «низовскіе» полки и татарскую помощь, чѣмъ при-

---

[1]) Въ 1266 г. Дмитрій Александровичъ выдалъ за Довмонта свою дочь Марію (П. С. Р. Л., т. V, стр. 7).

[2]) Извѣстія лѣтописныхъ сводовъ о новгородскихъ событіяхъ этихъ лѣтъ весьма отрывочны и многаго не договариваютъ. Въ 1265 г. Ярославу пришлось уступить новгородцамъ, и онъ выпустилъ изъ рукъ руководство западными отношеніями. При этой его неудачѣ выдвинулся Дмитрій Александровичъ: его в. к. Ярославъ, уходя со своими полками во свояси, „въ Новѣгородѣ остави“ (т. VII, стр. 167); но кн. Дмитрій, очевидно, покинулъ Новгородъ черезъ годъ — во время смутъ въ Новгородѣ, о которыхъ, впрочемъ, прямое упоминаніе находимъ только въ Никоновской лѣтописи („мятежъ бысть усобной“, — т. X, стр. 145; новгородскія — молчатъ о „мятежѣ“, отмѣчая только пожаръ Неревскаго конца, однако, съ намекомъ: „мнози отъ того разбогатѣша“ — Новг. I, стр. 286): новгородцы въ томъ же году участвуютъ въ походѣ кн. Довмонта на Литву безъ князя со своимъ воеводой Елевферіемъ Сбыславичемъ (тамъ-же). Въ началѣ 6776 г. (осень 1267 г.?) въ Новгородѣ княземъ кн. Юрій Андреевичъ (суздальскій), котораго С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 845) считаетъ „намѣстникомъ Ярославовымъ“; съ этимъ княземъ новгородцы затѣяли походъ подъ Раковоръ (Везенбергъ), и это походъ не княжескій, а вольное предпріятіе новгородцевъ, какъ видно изъ той его „вѣчевой“ черты, что цѣль похода вызвала большія разногласія („хотѣша ити на Литву, а иніи на Полтескъ, а иніи за Нарову“, тамъ-же) и была измѣнена по выступленіи рати послѣ большихъ раздоровъ въ самомъ войскѣ. Неудача похода заставила новгородцевъ съ посадникомъ Михаиломъ призвать кн. Дмитрія Александровича, а по соглашенію съ нимъ (Соф. I и Воскр.; т. V, стр. 193 и т. VII, стр. 167) призвать на помощь в. к. Ярослава, который и прислалъ свои полки съ сыновьями Святославомъ и Михаиломъ. Въ новомъ походѣ подъ Раковоръ участвовали подъ общимъ воеводствомъ кн. Дмитрія, кромѣ двухъ Ярославичей, кн. Юрій Андреевичъ, Константинъ Ростиславичъ смоленскій („зять Александровъ“), Довмонтъ съ псковичами и какой-то князь Ярополкъ. Присылка рати отъ в. к. Ярослава была явно вынужденной уступкой: дальнѣйшій ходъ событій показываетъ, что онъ былъ противъ войны съ нѣмцами.

[3]) См. выше, стр. 40.

нудилъ нѣмцевъ вернуть весь полонъ и «отступиться всеи Неровы» [1]). Возстановленіе руководящей роли великаго князя во внѣшней политикѣ Великаго Новгорода соединено съ попыткой Ярослава заново усилить свою власть и въ дѣлахъ внутренняго управленія; онъ сталъ поступать въ Новгородѣ, какъ вотчинный владѣлецъ, не считаясь ни съ новгородской «пошлиной», ни съ торговыми отношеніями Великаго Новгорода [2]). Ярославъ лично долго пробылъ въ Новгородѣ, на Городищѣ, но въ 1269/70 г. поднялся «мятежъ» въ Новгородѣ, «хотяще князя Ярослава изгнати изъ града»; его сторонников̀ били и грабили, а ко князю послали, «исписавъ на грамоту всю обиду его», съ требованіемъ, чтобы онъ пошелъ прочь изъ Новгорода, «а мы себѣ добудемъ князя», и настояли на отъѣздѣ в. к. Ярослава съ Городища, хотя, по лѣтописнымъ сообщеніямъ, онъ заявилъ новгородскому вѣчу черезъ сына Святослава и боярина Андрея Воротиславича готовность «лишиться» всѣхъ незаконныхъ захватовъ и цѣловать крестъ «на всей волѣ новгородской». У новгородцевъ былъ готовъ кандидатъ на столъ ихъ княженія: князь Дмитрій Александровичъ, но онъ уклонился отъ соперничества съ дядей, а когда Ярославъ «нача полки копить на Великій Новгородъ», призывая и татаръ въ помощь, князь Дмитрій повелъ своихъ переяславцевъ противъ Новгорода по зову великаго князя. Однако, за Новгородъ вступился второй Ярославичъ—Василій [3]); Василій поѣхалъ въ Орду съ новгородскими послами

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169; Новг. I, стр. 290—292; т. X, стр. 174.

Тотчасъ возникло и разногласіе в. князя съ новгородцами: послѣ заключенія мира съ нѣмцами, в. к. Ярославъ собрался было „итти на Корѣлу, и бiша челомъ новогородци князю Ярославу и едва умолиша его не итти на Корѣлу, князь же отсла полки назадъ“ (т. VII, стр. 169; Новг. I, стр. 292).

[2]) Новгородцы такъ „исписали на грамоту всю вину (обиду) его“: „чему еси отъялъ Волховъ гоголиными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Алексинъ дворъ Морткинича? чему попмалъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничѣ и на Романѣ Болдыжевичи и на Варфломѣи? а иное: чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живуть? а того много вины его“ (Новг. I, стр. 292; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169). Въ договорной грамотѣ 1269/70 г. указаны еще обиды князя Ярослава: отнялъ грамоту отца своего о пользованіи рыбными ловлями и бортными угодьями въ Ладогѣ; „посудилъ“ грамоты отца своего и брата и подавалъ „на тѣ грамоты“ свои, новыя; отнялъ у Кирила Хотунича дани съ новгородскаго погоста и отдалъ ихъ попу св. Михаила (а это городскимъ попамъ „не пошло“); держалъ закладниковъ на Торжку, какъ и Юрій Андреевичъ; таже грамота поясняетъ обвиненіе въ „выводѣ“ иноземцевъ: Ярославъ „затворилъ“ нѣмецкій дворъ, приставивъ къ нему своихъ приставовъ, а это столкновеніе съ нѣмцами, повидимому, связано съ недоразумѣніями по поводу возврата нѣмцами полона и пограничныхъ земель.

[3]) Мотивъ Василія Ярославича, по лѣтописи: „жаль ми своея отчины“; возможно, что наводка татаръ на русскія области Ярославомъ дала популярный поводъ для его выступленія. Василій послалъ своихъ людей въ Новгородъ; дальнѣйшія отношенія показываютъ, что имъ использованъ случай пріобрѣсти расположеніе Великаго Новгорода и противопоставить пошатнувшейся популярности Дмитрія

и «возврати рать татарскую», убѣдивъ хана, что «новгородци предъ Ярославомъ правы» [1]). В. к. Ярославъ не смогъ смирить новгородцевъ силою, вынужденъ былъ искать мира на всей волѣ новгородской подъ поручительствомъ всѣхъ русскихъ князей: новгородцы подняли на защиту всѣ пригороды и волости свои [2]). Потребовалась увѣщательная грамота митрополита Кирилла къ новгородцамъ и его поручительство за великаго князя, чтобы привести ихъ къ примиренію съ в. к. Ярославомъ [3]).

Александровича свои связи съ вліятельными силами Новгорода. Въ посольствѣ къ хану видимъ Михаила Пищанича, который игралъ видную роль и въ отношеніяхъ Александра Невскаго къ Новгороду (Новг. I, стр. 279 и 293). Для этихъ событій см. Соф. I (II. С. Р. Л., т. V, стр. 196—197), Воскр. (т. VII, стр. 169—170), Новг. I (стр. 292—294):

С. М. Соловьевъ такъ объясняетъ поведеніе князя Василія Ярославича: „этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ; какъ князь Костромской, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество Владимірское, но даже независимости его княжества — Костромского“ („Ист. Россіи“ кн. I, ст. 846). Конечно, нѣтъ даже повода ставить вопросъ о какомъ-либо особомъ сочувствіи кн. Василія особенностямъ новгородскаго строя и быта, но нѣтъ въ источникахъ указаній на то, чтобы Ярославъ Ярославичъ подготовлялъ передачу великаго княженія сыну (старшему Михаилу, который умеръ вскорѣ по кончинѣ Ярослава, въ 1271 г.—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 42; т. V, стр. 198) мимо брата Василія, нѣтъ и намека на его покушенія противъ „независимости“ Костромского княжества, кромѣ захвата новгородскихъ купцовъ „въ Костромѣ и по инымъ городомъ“ (договорная 1269/70 г.), что могло сблизить князя Василія съ новгородцами, но не даетъ еще повода говорить о противорѣчіи интересовъ Тверскаго и Костромского княжествъ. Такимъ „насильемъ“ ставился развѣ вопросъ объ отношеніи мѣстнаго князя къ великокняжеской власти.

[1]) Новгородскіе послы, поддержанные кн. Василіемъ Ярославичемъ, не только опровергали передъ ханомъ обвиненія в. к. Ярослава (в. к. и преданный ему тысяцкій Ратиборъ объясняли возстаніе новгородцевъ — сопротивленіемъ ихъ сбору татарской дани, П. С. Р. Л., т. VII, стр. 170; т. X, стр. 148), но представили ему свои торговыя обиды. Обвиненію новгородцами в. князя, что онъ отъ нихъ „выводитъ иноземцевъ“ соотвѣтствуетъ ярлыкъ: „Менгу Темирево слово къ Ярославу князю“, который гласитъ: „дай путь нѣмецкому гостю на свою волость“ (см. „Русско-Ливонскіе акты“, № 26). На ханскій ярлыкъ, о которомъ сообщаетъ документъ „Русско-Ливонскихъ актовъ“ новгородцы ссылаются въ договорной грамотѣ 1269/70 г.: „а гостю нашему гостити по суздальской земли безъ рубежа по царевѣ грамотѣ“; далѣе текстъ этого документа таковъ: „отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и къ большимъ и къ молодымъ и кто гоститъ и ко всѣмъ: путь вашь чиста есть по моей волости; а кто мнѣ ратный съ тимъ ся самъ вѣдаю; а гостю чистъ путь по моей волости“.

[2]) „И совокупися въ Новгородъ вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане“ (Новг. I, стр. 294; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 170). Никоновская сообщаетъ (т. X, стр. 149), что новгородцы „и нѣмець много приведоша въ помощь къ себѣ“, что само по себѣ вполнѣ возможно и въ духѣ политики ордена.

[3]) Договорная грамота № 3 (по С. Г. Г. и Д., т. I и по изд. Шахматова); на

Эти новгородскія дѣла за время великаго княженія Ярослава Ярославича заслуживали подробнаго обзора по ихъ показательности для упадка великокняжескаго авторитета. Опора, какую великій князь искалъ во власти ордынскаго хана оказалась «палкой о двухъ концахъ»; ханъ—въ положеніи верховнаго судьи русскихъ отношеній призналъ новгородцевъ правыми передъ великимъ княземъ, по предстательству ихъ пословъ и князя Василія Ярославича. Необходимость для «великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго» обладанія Великимъ Новгородомъ—возвышала значеніе Новгорода въ общерусскихъ дѣлахъ [1]). Въ ту пору—широкое развитіе новгородской торговли давало руководящимъ сферамъ господина Великаго Новгорода значительныя матеріальныя средства; эти сферы пріобрѣтали особый вѣсъ въ Ордѣ и у князей, а, съ другой стороны, усилилось самостоятельное, даже рѣшительное значеніе новгородскихъ и псковскихъ интересовъ въ вопросахъ западной великорусской политики. Зависимость великаго князя отъ ордынской власти и новгородской силы ослабляла его авторитетъ по отношенію къ другимъ князьямъ, которые могли искать и искали самостоятельныхъ связей и съ той и съ другой ради собственной выгоды и честолюбивыхъ стремленій.

Эти общія черты политическаго положенія Великороссіи въ послѣднія десятилѣтія XIII вѣка создавали весьма благопріятную почву для развитія княжескаго владѣльческаго сепаратизма въ ущербъ объединенію всей Великороссіи подъ общей властью Владимірскаго великаго князя. Строго говоря, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы сказать про самого в. к. Ярослава Ярославича, что его главная опора не столько великое княженіе, сколько его вотчинныя тверскія владѣнія; въ роли его «подручниковъ» видимъ князя Юрія Андреевича суздальскаго, Глѣба смоленскаго, вѣроятно и другихъ младшихъ—ростовскихъ, ярославскаго, въ составѣ «низовской» его рати. Однако, братъ его Василій Ярославичъ и племянникъ Дмитрій Александровичъ—ведутъ свою политику, подрывая великокняжескій авторитетъ и въ Ордѣ, и въ Новгородѣ Великомъ, и въ своей княжеской средѣ [2]).

ей надпись (на об.): „се пріѣхаша послы отъ Менгу Темеря царя сажатъ Ярослава съ грамотою Чевгу и Баяши“.

[1]) С. М. Соловьевъ, согласно общей своей теоріи, видѣлъ въ борьбѣ князей за власть надъ Великимъ Новгородомъ (съ новгородцами и между собой)—„стремленіе каждаго великаго князя усилить свое собственное княжество“ („Ист. Россіи“, кн. I, стр. 848). Все развитіе новгородско-низовскихъ отношеній какъ при Ярославѣ Ярославичѣ, такъ и позднѣе—до самыхъ временъ паденія новгородской вольности при Иванѣ III Васильевичѣ — неразрывно связано съ исторіей великокняжеской власти, съ борьбой за усиленіе ея общаго значенія для всей Великороссіи. Такъ и ранѣе—со временъ Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича стремленіе „низовскихъ“ князей усилить подчиненіе Новгорода—черта, основная въ созданіи ими великаго княженія Владимірскаго.

[2]) Показательно стремленіе в. к. Ярослава имѣть на своей сторонѣ въ столк-

Князь Василій Ярославичъ остановилъ наступленіе Ярослава на Новгородъ—предстательствомъ за новгородцевъ передъ ханомъ и свидѣтельствомъ въ ихъ пользу. Осторожное поведеніе князя Дмитрія Александровича объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что у в. к. Ярослава было отъ хана разрѣшеніе смирить Новгородъ. Но возможенъ, кромѣ того, и иной мотивъ; есть указанія на то, что в. к. Ярославъ стремился примирить съ собой Александровичей и имѣть ихъ на своей сторонѣ. Выше мы видѣли, что онъ въ 1265 году въ «Новѣгородѣ остави князя Дмитрія Александровича», княжившаго тамъ при отцѣ и ради призванія Ярослава на новгородское княженіе оттуда изгнаннаго; а затѣмъ послалъ ему въ помощь свои полки для новгородскаго похода, затѣяннаго противъ его воли. Съ другой стороны, младшій Александровичъ Невскаго, Андрей княжилъ на Городцѣ Поволжскомъ и Нижнемъ Новгородѣ [1]), что могло произойти только по соглашенію съ великимъ княземъ [2]).

Вся дѣятельность Ярослава Ярославича—борьба за сохраненіе подлинной силы великокняжеской власти; не видно въ этой дѣятельности «вотчиннаго владѣльца» Тверской земли, хотя Ярославъ—тверской князь, сохраняетъ Тверь, какъ личное княжое владѣніе, и по занятіи великокняжескаго стола, а послѣ его кончины (въ 1271 году) тверской отчиной владѣютъ его сыновья Святославъ и Михаилъ. Единственная подлинно «тверская» черта въ біографіи в. к. Ярослава Ярославича—его погребеніе въ Тверскомъ храмѣ свв. Козьмы и Даміана; Ярославъ скончался на пути изъ Орды, и его тѣло

новеніяхъ съ Новгородомъ рѣшеніе хана и татарскую силу. Едва-ли тутъ дѣло только въ этой военной силѣ и въ страхѣ „татарскаго имени“; ханъ распоряжался всей военной русской силой; русскіе князья хаживали съ полками въ ордынскіе походы прикаспійскаго и кавказскаго края; въ такихъ условіяхъ приказъ хана долженъ былъ обезпечивать великому князю мобилизацію всѣхъ полковъ „низовской земли“, что—безъ такого приказа—становилось на зыбкую почву междукняжескихъ отношеній и соглашеній.

[1]) Въ 1304 г. князь Андрей Александровичъ преставился и „положенъ бысть на Городцѣ“; мѣсто погребенія князя всегда характерно для его владѣльческаго положенія; а затѣмъ „вѣчники“ избили его бояръ въ Нижнемъ Новгородѣ. См. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184; т. X, стр. 176. О достовѣрности сообщенія Никоновской, что въ Нижнемъ избіенію подверглись именно бояре князя Андрея Александровича и о томъ, какъ она подъ вліяніемъ разноголосицы своихъ источниковъ (родословцевъ—ср. выше, стр. 62, пр. 3) превратила мстителя за этихъ бояръ Михаила Ярославича тверскаго въ Михаила Андреевича, и тѣмъ запутала рядъ историческихъ и генеалогическихъ вопросовъ, см. ниже.

[2]) Послѣ кончины князя Андрея Ярославича въ 1263 г. Суздаль остался отчиной его сыновьямъ (Юрію, Михаилу и Василію), а Городецъ и Нижній—перешли въ княженіе кн. Андрею Александровичу. Суздальскіе князья сохранили притязанія на Городецъ и Нижній и добились позднѣе ихъ осуществленія; но въ данный моментъ имъ должно было быть особо важнымъ закрѣпленіе права на Суздаль, „вотчинное“ положеніе коего могло оказаться весьма еще спорнымъ (ср. судьбу Суздаля при Святославѣ Всеволодовичѣ и въ моментъ его кончины,—выше, стр. ~~132~~ 57).

повезли хоронить не во Владиміръ, а въ Тверь [1]). Сообщивъ о кончинѣ в. к. Ярослава, лѣтописные своды пишутъ, по старому шаблону: «того же лѣта сѣде въ Володимери на столѣ князь Василей Ярославичъ Костромскій и бысть князь великій Володимерскій и Новгородцкій» [2]). На дѣлѣ произошло нѣчто иное [3]). Василій Ярославичъ, повидимому, обезпечилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе тотчасъ послѣ смертп брата [4]) и поспѣшилъ занять великокняжескій столъ и стольный Владиміръ, но тутъ узналъ о сношеніяхъ князя Дмитрія Александровича съ Великимъ Новгородомъ и отправилъ туда

---

[1]) У насъ нѣтъ основаній утверждать, что князь Ярославъ управлялъ Владимірскимъ великимъ княжествомъ изъ Твери. По лѣтописямъ видимъ его то въ Новгородѣ, то во Владимірѣ, то въ Ордѣ, но нѣтъ указанія на Тверь, какъ на резиденцію великаго князя. Нѣтъ основаній повторить за В. С. Борзаковскимъ: „Ярославъ Ярославичъ руководствовался только узкими интересами, интересами своего княжества, а не общерусскими“ („Исторія Тверскаго княжества“ — стр. 83; Борзаковскій въ оцѣнкѣ дѣйствій Ярослава всецѣло зависитъ отъ С. М. Соловьева); вѣрнѣе было бы сказать, что Ярославъ руководствовался интересами своей великокняжеской власти, внося, повидимому, много личнаго въ ихъ пониманіе; антитеза „общерусскихъ“ интересовъ мѣстнымъ интересамъ „своего княжества“ — произвольна, ибо этихъ послѣднихъ не видно въ великокняжеской дѣятельности Ярослава. Его заботливость о Тверскомъ княжествѣ проявилась въ учрежденіи особой Тверской епархіи, но въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ событіи, такъ что трудно судить о мотивахъ кн. Ярослава и о значеніи этого факта для характеристики его дѣятельности. Знаемъ только имя перваго епископа—Симеона; упоминается онъ впервые по поводу погребенія князя Ярослава и то только въ Никоновской лѣтописи (т. X, стр. 150; другіе своды помнятъ его только по поводу закладки храма св. Спаса въ Твери, въ 1275 г.).

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 171.

[3]) Воскресенская лѣтопись сообщаетъ подъ 6780 (1271/2 г.).: 1) о смерти в. к. Ярослава Ярославича; 2) о вокняженіи в. к. Василія и 3) о призваніи въ Новгородъ Дмитрія Александровича; подъ 6781 (1272/3) г.: 1) о вокняженіи кн. Дмитрія въ Новгородѣ; 2) о нападеніи кн. Василія на Торжокъ и походѣ кн. Дмитрія на Тверь и смутѣ въ новгородскомъ войскѣ, которая заставила Дмитрія уступить дядѣ новгородскій столъ; и 3) о вокняженіи кн. Василія въ Новгородѣ.

Никоновская сообщаетъ о смерти в. к. Ярослава подъ 6779 (1270/1) г. и тутъ же о вокняженіи в. к. Василія; подъ 6780 г.: 1) о призваніи новгородцами Дмитрія; 2) о погонѣ за нимъ костромского воеводы Семена, о походѣ кн. Василія на Переяславль и Торжокъ, и возвращеніи обоихъ во Владиміръ; подъ 6781 г.: 1) о нападеніи в. к. Василія на новгородскія волости съ татарскою помощью, 2) о набѣгѣ на нихъ тверского князя Святослава Ярославича тоже съ татарскою помощью, 3) о дороговизнѣ въ Новгородѣ и захватѣ новгородскихъ купцовъ и товаровъ во Владимірѣ, Твери и Костромѣ, 4) о походѣ кн. Дмитрія къ Твери, переговорахъ съ кн. Василіемъ, смутѣ въ Торжкѣ (гдѣ были тогда воеводы в. к. Василія), отреченіи Дмитрія и вокняженіи въ Новгородѣ в. к. Василія (П. С. Р. Л., т. X, стр. 151—152).

[4]) Ярославъ умеръ на обратномъ пути изъ Орды, куда одновременно съ нимъ ѣздили и Василій Ярославичъ и Дмитрій Александровичъ; быть можетъ, князь Василій былъ еще въ Ордѣ, когда пришла вѣсть о смерти брата?

своихъ пословъ [1]), а когда новгородцы «яшася за князя Дмитрія», сдѣлалъ, повидимому, попытку перехватить его по дорогѣ къ Новгороду [2]), но не успѣлъ, и князь Дмитрій «сѣде на столѣ» въ Новгородѣ. Тогда Василій захватилъ Торжокъ, посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ, вернулся во Владиміръ и подготовилъ новый походъ на Новгородъ, одновременно изъ Владиміра, откуда выступилъ самъ великій князь съ Владимірскимъ «великимъ баскакомъ» и «многими татарами царевыми», и изъ Твери, откуда пошелъ на новгородскія волости Святославъ Ярославичъ (тоже съ «татарами царевыми») [3]). Однако, и на этотъ разъ дѣло свелось къ раззоренію новгородскихъ волостей. В. к. Василій вернулся во Владиміръ и распорядился захватомъ всѣхъ новгородскихъ купцовъ съ ихъ товарами во Владимірѣ, Твери и Костромѣ; началась обычная при разрывѣ съ великими князьями дороговизна хлѣба въ Новгородѣ. Князь Дмитрій Александровичъ сдѣлалъ попытку организовать отпоръ «всею областью новгородскою», но рать дошла только до Торжка, гдѣ засѣли намѣстники великаго князя, и стала тутъ вѣчемъ, которое рѣшило «отметатися» отъ князя Дмитрія, а звать на княженіе великаго князя. Князь Дмитрій ушелъ отъ нихъ въ свой Переяславль, а въ Новгородѣ «посадили на столѣ» в. к. Василія [4]).

Кратковременное великое княженіе Василія Ярославича (ум. 1276 г.)— блѣдная страница въ лѣтописной традиціи, ничѣмъ характернымъ не отмѣченная, кромѣ новгородскихъ дѣлъ [5]).

III.

Съ в. к. Василіемъ Ярославичемъ сошло съ исторической сцены старшее поколѣніе князей. Это знаменательный моментъ въ схемѣ С. М. Соловьева. «Мы достигли, пишетъ онъ, того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что

---

[1]) „Присла князь Дмитрій Александровичъ въ Новгородъ, хотя сѣсти въ немъ княжить; также и князь Василей Ярославичь присла свои послы, хотя сѣсти на столѣ; ставшимъ же обоимъ посломъ на Ярославли дворѣ, Новгородци же съ посадникомъ Павшею яшася за князя Дмитрія, и послаша по него послы своя“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр 172). Никоновская, въ духѣ всего своего изложенія, передаетъ починъ призыва Дмитрія на княженіе — новгородцамъ, а про пословъ в. к. Василія вовсе умалчиваетъ (т. X, стр. 151).

[2]) В. к. Василій, узнавъ о новгородскомъ посольствѣ по князя Дмитрія, „посла по немъ воеводу своего Семена, а самъ иде къ Переяславлю“ т. X, 151).

[3]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 151.

[4]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 172; т. X, стр. 151—152; Никоновская лѣтопись тщательно избѣгаетъ упоминать о „посаженіи“ великихъ князей на „столѣ“ новгородскаго княженія, а вмѣсто того пишетъ: „прiаша его съ честію“. Посадникъ Павша, сторонникъ кн. Дмитрія, бѣжалъ въ Переяславль.

[5]) Не знаю, почему А. В. Экземплярскій полагаетъ, что Василій Ярославичъ „почти постоянно“ жилъ въ Костромѣ (указ. соч., т. I, стр. 44); но „положено бысть тѣло его на Костромѣ въ церкви святого Ѳеодора“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173).

они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область Владимірскую, старается увеличить свою собственность насчетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаніе понятія о собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждаго великаго князя заботиться только о самомъ себѣ,—то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться пріобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстаніе князей на великаго, съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, родовыхъ отношеній» [1]).

Основной мотивъ княжескихъ усобицъ «недовѣрчивость князей къ великому князю Владимірскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу Владимірскую область» [2]).

Вдумчивая наблюдательность С. М. Соловьева мѣтко выдвинула характернѣйшую черту событій, разыгравшихся въ послѣднія десятилѣтія XIII и первыя XIV вѣка: союзы младшихъ князей между собою и съ Новгородомъ Великимъ противъ носителей великокняжескаго титула и великокняжескихъ притязаній. Но предвзятая теорія междукняжескихъ отношеній внесла въ объясненіе этого наблюденія черты, не оправдываемыя данными нашихъ источниковъ и не соотвѣтствующія изучаемой исторической дѣйствительности [3]).

Необходимо продолжить обзоръ хода событій, потрясшихъ, въ эту пору, всю политическую жизнь Великороссіи. По смерти в. к. Василія, прежній соперникъ обоихъ дядей—Ярослава и Василія—переяславскій князь Дмитрій Александровичъ могъ безпрепятственно занять оба стола великаго княженія «Владимірскаго и Новгородскаго» и «сѣде на столѣ» сперва во Владимірѣ, затѣмъ и въ Великомъ Новгородѣ [4]). Въ духѣ прежнихъ своихъ выступленій онъ энергично дѣйствуетъ въ сѣверо-западныхъ предѣлахъ. Въ первую же зиму своего княженія—совершаетъ «съ новгородцами и со всею низовскою землею» походъ на корелу [5]), а въ слѣдующемъ году ставитъ новое укрѣпленіе—городъ Копорье, который онъ еще черезъ годъ «обложи каменъ» [6]). Какъ бывало и при Александрѣ Ярославичѣ, усилен-

---

[1]) „Исторія Россіи“, кн. I, ст. 875—877.

[2]) Тамъ же, ст. 878.

[3]) Стремленіе каждаго князя, получившаго Владимірское великое княженіе („область Владимірскую“) — „увеличить свою собственность на счетъ другихъ княжествъ“ и присоединеніе „къ своему удѣлу Владимірской области“.

[4]) Послѣднее — въ Недѣлю Всѣхъ Святыхъ, т. е. 5 іюня 6785/1277 г. (Новг. I, стр. 297; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173).

[5]) „и всю землю ихъ на щитъ“ (Нов. I, тамъ же).

[6]) Карамзинъ высказалъ („И. Г. Р.“, т. IV, гл. V, стр. 79), а Соловьевъ принялъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 878) предположеніе, что Копорье стало поводомъ раз-

ная военная дѣятельность великаго князя въ новгородскихъ предѣлахъ не замедлила вызвать столкновеніе между нимъ и новгородцами изъ-за нарушенія новгородской «старины и пошлины» и противодѣйствія новгородцевъ властному князю. Въ 1280 г. новгородскій архіепископъ Климентъ ѣдетъ къ великому князю во Владиміръ посломъ отъ Великаго Новгорода «о миру» но Дмитрій, все-таки, пошелъ на Новгородъ ратью «съ братьею своею» и только «повоевавъ многы волости Новгородскіе»—заключилъ миръ съ новгородцами [1]).

Смута началась съ того, что братъ Дмитрія Андрей Александровичъ «испроси себѣ княженіе великое подъ братомъ своимъ старѣйшимъ» у хана и «приведе съ собой рать татарскую [2]). Лѣтописные своды сохранили лишь одинъ мотивъ, поясняющій поступокъ кн. Андрея: происки бояръ—«боярина его Семена Тонглѣевича и иныхъ коромольниковъ». С. М. Соловьевъ отожествилъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, этого Семена Тонглѣевича съ костромскимъ бояриномъ Семеномъ, воеводой в. к. Василія Ярославича, который сыгралъ такую видную роль во враждебныхъ дѣйствіяхъ своего князя противъ Дмитрія Александровича; этимъ отожествленіемъ, которое надо признать весьма вѣроятнымъ [3]), устанавливается связь между борьбой противъ Дмитрія его дяди

дора между кн. Дмитріемъ и Новгородцами, потому что, пояснялъ Карамзинъ, князь хотѣлъ присвоить эту крѣпость „лично себѣ и занять своею дружиною, а граждане не позволяли князю владѣть чѣмъ нибудь въ области новгородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ“; тоже у Соловьева: князь на Копорье „хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось новгородцамъ“. На эту мысль навела историковъ не только роль Копорья въ дальнѣйшихъ событіяхъ (Кар., т. IV, прим. 159), но и прямыя выраженія лѣтописныхъ текстовъ: „испроси князь Дмитрій у Новагорода поставити *себѣ* городъ Копорье и ѣхавъ *самъ* сруби и“ (Новг. I, стр. 298); однако, возведеніе въ Копорьи каменнаго укрѣпленія кн. Дмитрій выполняетъ „съ посадникомъ Михаиломъ и съ большими мужи шедше“. О какомъ либо протестѣ Новгородцевъ—ничего не знаемъ, хотя в. к. Дмитрій, дѣйствительно, держалъ въ Копорьи намѣстниковъ и дружину. Первый разрывъ Дмитрія съ новгородцами вызванъ его гнѣвомъ на нихъ, и Новгородци тщетно пытались отмолить этотъ гнѣвъ князя (Новг. I, стр. 298); ссора началась со смѣны посадника, причемъ кн. Дмитрій дѣйствуетъ въ союзѣ съ одной изъ новгородскихъ партій („отъяша посадничество князь Дмитрій съ новгородци у Михаила у Мишиница“, тамъ же). Не видно, чтобы тутъ игралъ роль вопросъ о Копорьи. За Дмитріемъ новгородцы числили иныя „насилья“: въ договорахъ Великаго Новгорода съ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 6 и 7) есть указаніе на постановку имъ въ новгородскихъ волостяхъ „свободъ“ съ тянувшими къ нимъ селами. Укрѣпленіе Копорья и охрана его княжой дружиной лишь одинъ изъ признаковъ обычнаго усиленія власти князя при усиленіи военной дѣятельности на новгородскихъ границахъ.

[1]) Новг. I, стр. 298; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 174—175. — Вернувшись съ новгородскаго похода во Владиміръ, Дмитрій ѣздилъ въ Ростовъ на другое „великокняжеское“ дѣло: мирить раздоры ростовскихъ князей.

[2]) Тамъ же, стр. 175.

[3]) Указаніе на то, что Семенъ Тонглѣевичъ былъ костромскимъ бояриномъ,

Василія Ярославича и возстаніемъ на него же брата Андрея. Не личные мотивы князей, а настроенія и тенденціи окружавшаго ихъ боярства дали бы намъ полное разумѣніе событій. Но лѣтописи заняты только князьями и даютъ лишь случайные (и тѣмъ болѣе цѣнные) намеки на значеніе боярскихъ вліяній въ междукняжескихъ отношеніяхъ и политикѣ носителей княжой власти.

Приходъ князя Андрея съ ханскимъ ярлыкомъ и татарскимъ войскомъ сплотилъ вокругъ него русскихъ князей. Дмитрій Александровичъ бѣжалъ изъ Переяславля «въ малѣ дружинѣ» къ Великому Новгороду, однако тутъ его не только не приняли, но встрѣтили «всѣмъ полкомъ», чтобы помѣшать ему засѣсть въ Копорьи, гдѣ были его намѣстники съ гарнизономъ [1]).

даетъ извѣстіе о его смерти: „тогда (послѣ примиренія братьевъ—князей Дмитрія и Андрея) убиша на Костромѣ Семена Тонгліевича, коромольника льстиваго, бояре княже Дмитріевы Онтонъ да Ѳоеанъ повелѣніемъ княжимъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 176). С. М. Соловьевъ естественно предполагаетъ „отъѣздъ“ боярина Семена къ князю Андрею послѣ смерти в. к. Василія Ярославича, изъ боязни мести за прежнюю вражду со стороны в. к. Дмитрія; но его замѣчаніе, будто „Кострома по смерти бездѣтнаго Василія, перешла къ Андрею“, повидимому, навѣяно только изложеніемъ Никоновской лѣтописи, которая даетъ цѣлый, литературно обработанный разсказъ о смерти Семена Тонгліевича, а начинаетъ его такъ: „Того же лѣта князь великій Дмитрей Александровичъ, внукъ Ярославль, посла дву боаринову своихъ Антона и Ѳоеана изымати Семена Тонильевича и испытати его потонку о всемъ и убити“ (т. X, стр. 161). Если это не простая обработка той же записи, какую даетъ Воскресенская лѣтопись (т. VII, стр. 176), то все таки „посылка“ бояръ не свидѣтельствуетъ, чтобы Кострома не была во власти в. к. Дмитрія. Карамзинъ проще поясняетъ пребываніе боярина Семена въ Костромѣ: Семенъ Тонгліевичъ „жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ“ („И. Г. Р.“, т IV, стр. 84). Правильнымъ надо признать мнѣніе А. В. Экземплярскаго, что Кострома, по смерти в. к. Василія Ярославича, въ рукахъ Владимірскаго великаго князя (указ. соч., т. II, стр. 264 и 267), вопреки его же первоначальному утвержденію, что по смерти в. кв. Василія Ярославича „Андрей, въ придачу къ Городцу, получилъ еще и Кострому“ (т. I, стр. 53).

[1]) Изложеніе этихъ событій въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ сильно спутано. *Воскресенская* (т. VII, стр. 175—176), явно сокращая свой первоисточникъ, представляетъ дѣло такъ: послѣ раззоренія татарами всей низовской земли („по самый Торжекъ“) и ихъ ухода („татарове много зла сотвориша (sic) отъидоша“),—„князь же Дмитрій поиде къ Новгороду къ Великому и съ дворомъ своимъ, и иде мимо Новгородъ, хотя къ Копорію; Новгородци же изыдоша всѣмъ плъкомъ противу его на озеро великое Илмерь; великій же князь Дмитрій Александровичь Копорін отступися, а Новгородци великому князю путь показаша“, но взяли „въ закладъ“ двухъ его дочерей и бояръ его съ семьями, требуя ухода изъ Копорья его мужей; 1 января 1282 г. „разыдошася разно“ и въ тотъ же день князь Довмонтъ, зять кн. Дмитрія Александровича, „изгони Ладогу“ и изъ Копорья „поима“ всю казну в. к. Дмитрія; тогда Новгородцы послали звать къ себѣ на княженіе Андрея Александровича, а сами пошли на Копорье, заставили выѣхать оттуда намѣстниковъ Дмитрія, а укрѣпленія раззорили. [Тоже, нѣсколько сокращенно—Новг. I, стр. 298—299; Соф. I, т. V, стр. 199—200; Новг. IV, т. IV², стр. 244]. *Никоновская* (т. X, стр. 159) сохра-

Кн. Дмитрію пришлось отказаться отъ этой мысли и итти, куда ему новгородцы «путь показаша»—по всему вѣроятію во Псковъ [1]). Въ ту же

няетъ болѣе правильное соотношеніе событій въ началѣ того же разсказа и, повидимому, нѣкоторыя черты болѣе подробнаго и точнаго разсказа о нихъ, но и ея источникъ (тотъ же, что и Воскресенской) давалъ о нихъ не вполнѣ ясный отчетъ, такъ что его литературно-книжническая обработка въ обычной манерѣ этого свода осложнилась, какъ это, впрочемъ также обычно для Никоновскаго свода, толкованіями, подчасъ искажающими и смыслъ и фактическую точность. По разсказу Никоновской лѣтописи, в. к. Дмитрій—по вѣстямъ о приближеніи кн. Андрея съ татарами, „побѣже къ Новгороду и з женою и з дѣтми и з боары и со всѣмъ дворомъ своимъ и вниде во градъ Копорью. Новгородцы же вышедше на озеро на Илмеро съ поклономъ, лукавствующе, не хотяще бо пустити его оттуду, понеже онъ оттуду хотяше за море бѣжати. И многимъ речемъ бывшимъ межи ихъ и глаголаша Новгородци в. к. Дмитрію Александровичу: „княже, не хощемъ тебя, иди отъ насъ добромъ; аще ли не пдеши отсюду, имутъ тя здѣ татарове и отведуть ко царю въ Орду, а мы тебѣ не помогаемъ“. Онъ же отступися Копорьи и иде заморе. Новгородци же не яша его, но даша ему путь“, а дочерей и бояръ съ семьями забрали въ закладъ, чтобы добиться очищенья Копорья; затѣмъ: описаніе разгрома татарами русскихъ областей („до Торжку и далѣ и близъ Новагорода“) въ погонѣ за кн. Дмитріемъ, ихъ возвращеніе и отпускъ изъ Владиміра въ Орду; далѣе—„иде князь Дмитрей Александровичъ изъ заморія къ Переславлю“, а въ Копорьи все еще были бояре и слуги князя Дмитрія, но пришелъ изъ Пскова кн. Довмонтъ, вывелъ ихъ изъ Копорья и казну кн. Дмитрія съ ними отослалъ въ Переяславль; затѣмъ „шедъ взя въ Ладогу“—вывелъ и оттуда людей в. к. Дмитрія и также отослалъ къ тестю. Тогда новгородцы разрушили Копорье и послали звать къ себѣ в. к. Андрея. Въ этомъ разсказѣ Никоновской—неудачными „поправками“ и „дополненіями“ книжника надо признать: 1) слова „вниде во градъ Копорью“, такъ какъ при этомъ теряетъ смыслъ выступленіе новгородцевъ къ Ильмень-озеру; 2) поясненіе, что новгородцы не хотѣли пустить Дмитрія изъ Копорья за море (и для этого выступили... къ Ильменю!) и 3) уходъ Дмитрія „за море“ (не навѣяно ли это „сообщеніе“ тѣмъ, что въ источникѣ Никоновской было такое же чтеніе, какъ въ одномъ изъ списковъ Воскресенской: вмѣсто „хотя къ Копорію“—„хотя къ Поморію“? см. т. VII, стр. 175, варьянтъ с, что и дало мотивъ Никоновской фразѣ: „хотяше за море бѣжати“, тѣмъ болѣе пріемлемой для книжника-редактора, что этимъ разрѣшалось недоумѣніе: куда же дѣвался кн. Дмитрій, когда ему Новгородцы „показаша путь“ 1 января). Цѣннымъ въ Никоновской редакціи представляется указаніе, плохо согласованное съ общимъ построеніемъ разсказа, на то, что Дмитрій сдѣлалъ попытку занять Великій Новгородъ (отвѣтъ новгородцевъ: „княже, не хощемъ тебя“, ср. свидѣтельство обоихъ текстовъ что кн. Дмитрій бѣжалъ изъ Переяславля „къ Новгороду“) и на то, что новгородцами руководилъ страхъ передъ татарами (татары дошли до Торжка; въ Никоновской и тутъ, можетъ быть, риторическая амплификація). Въ остальномъ надо предпочесть текстъ Воскресенской лѣтописи и признать, что кн. Дмитрій не попалъ въ Копорье, хотя тамъ еще держались его намѣстники.

[1]) Сообщеніе Никоновской лѣтописи, что кн. Дмитрій ушелъ за море и вскорѣ вернулся „изъ заморія“ основано, повидимому, на редакціонномъ недоразумѣніи (см. предыдущее примѣчаніе). А, между тѣмъ, уходъ его во Псковъ, подобно тому, какъ туда онъ уходилъ отъ тѣхъ же невзгодъ въ 1293 году, подсказывается

зиму прибылъ въ Новгородъ князь Андрей Александровичъ и «сѣде на столѣ» [1]); онъ былъ еще въ Новгородѣ, когда кн. Дмитрій пробрался въ Переяславль [2]), подготовляя новую борьбу. Съ опаской отъ брата вернулся в. к. Андрей во Владиміръ, сопровождаемый новгородцами, и поспѣшилъ на Городецъ въ Орду. Посадникъ Семенъ Михайловичъ, обезпечивъ Андрею безопасное возвращеніе изъ Новгорода, занялъ «засадою» Торжокъ и не допустилъ его захвата намѣстниками кн. Дмитрія, а Новгородъ обезпечилъ продовольствіемъ на случай неудачи въ оборонѣ Торжка. Однако, поворотъ отношеній въ пользу кн. Дмитрія уже намѣченъ. Ему удалось собрать достаточныя силы, чтобы встрѣтить подъ Дмитровымъ тверскую рать князя Святослава Ярославича, московскую князя Даніила Александровича и войска Великаго Новгорода и склонить противниковъ къ миру. Новыя татарскія силы, какія привелъ на него братъ Андрей, принесли только раззореніе землѣ, но не укрѣпили великаго княженія за Андреемъ. Кн. Дмитрій ушелъ въ Орду къ царю Ногаю и, вѣроятно, заручился помощью ногайскихъ татаръ противъ золотоордынскихъ союзниковъ Андрея. Его возвращеніе сопровождается примиреніемъ братьевъ, несмотря на противодѣйствіе новгородцевъ: князья русскіе перешли на сторону Дмитрія [3]), который отразилъ союзныхъ

участіемъ въ его дѣлахъ кн. Довмонта. Въ тотъ же день, какъ кн. Дмитрій и новгородцы „разыдошася разно“, Довмонтъ „изгони Ладогу“, чтобы выручить оттуда казну тестя („весь княжь товаръ Дмитріевъ“, при чемъ „задроша и ладожского“, по выраженію Новг. I лѣт., стр. 299), „и изъ Копоріи изима всю казну в. к., Дмитрія Александровича“ (т. VII, стр. 175). С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“ кн. I, ст. 878) полагаетъ, что Довмонтъ начальствовалъ дружиной в. к. Дмитрія въ Копорьи, но Воскресенская лѣтопись различаетъ его и „намѣстниковъ княжь Дмитріевыхъ“ въ Копорьи, да едва ли псковской князь могъ сидѣть начальникомъ дружины въ сѣверной крѣпостцѣ.

[1]) Въ Недѣлю Сыропустную 6790 г., т. е. 9 февраля 1282 г. (См. „Супрасльскую рукопись, содержащую Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи“, изд. кн. Оболенскаго, М. 1836; стр. 38); при датировкѣ событія „зимой“ того же года легко понять, какъ это извѣстіе попало въ Воскр. подъ 6789 г.—Ея же дату конца переговоровъ кн. Дмитрія съ новгородцами 1 января, надо также отнести къ 6790 г.; ср. замѣчанія А. В. Экземплярскаго (т. I, стр. 49, пр. 131) о лѣтописномъ изложеніи этихъ событій.

[2]) Вѣроятно, съ помощью кн. Довмонта (если допустить, что сообщеніе Никоновской, т. X, стр. 159, объ отправкѣ Довмонтомъ ко князю Дмитрію его бояръ и слугъ, что она связала съ его изгономъ на Ладогу и Копорье, основано на данныхъ ея первоисточника).

[3]) И эти событія сильно спутаны въ нашихъ сводахъ. Воскресенская лѣтопись даетъ такія записи: 1) подъ 6790—о событіяхъ, кончая уходомъ кн. Дмитрія къ Ногаю; 2) подъ 6791—о возвращеніи Дмитрія, примиреніи братьевъ и убіеніи Семена Тонгліевича; затѣмъ идетъ особая повѣсть о происшествіяхъ въ Курской области, которыя разыгрываются въ 6791 и 6792 гг., а по Никоновской 6792 и 6793 гг., что спутало дальнѣйшую хронологію свода: подъ 6792 г. попала запись 3) о томъ, какъ князь Андрей прибылъ въ Торжекъ къ посаднику Семену Михайловичу (оче-

Андрею татаръ [1]), принудилъ его уступить себѣ и великое княженіе и столъ Великаго Новгорода, а затѣмъ расправился съ его боярами: Семена Тонгліевича велѣлъ убить, другихъ «изымалъ».

Однако ему не удалось закрѣпить свой успѣхъ на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ и возстановить авторитетъ великокняжеской власти, расша-

---

видно, по возвращеніи изъ Орды и до примиренія съ братомъ) и „докончалъ“ съ нимъ и со всѣми новгородскими „старѣйшими“ съ крестоцѣлованіемъ на томъ, что ему не уступать Новгорода брату Дмитрію, а имъ не искать иного князя; а самъ поѣхалъ въ Суздальскую землю и „сступися брату своему в. к. Дмитрію стола Великаго Новгорода“; затѣмъ идетъ 4) сообщеніе о томъ, что в. к. Дмитрій и кн. Андрей пошли вмѣстѣ на Новгородъ съ татарами и со всей Низовской землей, принудили новгородцевъ къ миру, „и сѣде к. в. Дмитрій Александровичъ въ Новгородѣ на столѣ“; а запись, что „кн. Андрей Александровичъ приведе царевича изъ Орды и много зла сотвори христіаномъ; братъ же его в. к. Дмитрій, собрався съ братьею, царевича прогна, а бояръ княжихъ Андреевыхъ изнима“, явно повторяющая извѣстіе о тѣхъ же событіяхъ и о репрессіи со стороны кн. Дмитрія противъ бояръ (Семена Тонгліевича и другихъ „коромольниковъ“) попала подъ 6793 г., чѣмъ создана иллюзія повторнаго разрыва братьевъ, ихъ новаго примиренія и вторичной расправы съ Андреевыми боярами. Причина такой путаницы въ томъ, что у составителя даннаго свода (или его протографа) были разныя записи объ этихъ событіяхъ—однѣ явно новгородскія, другія, вѣроятно, переяславскія (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 176—179), и неудачной оказалась ихъ сводка съ другими данными, особенно съ повѣстью о Курскихъ событіяхъ. Никоновская—въ зависимости отъ того же матеріала, уже спутаннаго неудачной сводкой, осмысляетъ эту путаницу, вставляя (т. X, стр. 161) переходное къ извѣстіямъ о „вторичномъ“ разрывѣ братьевъ замѣчаніе: „того же лѣта князь Андрей Александровичъ Городецкій нача разметная творити со старѣйшимъ своимъ братомъ в. к. Дмитріемъ Александровичемъ Володимерскимъ; извѣстоваше бо ся ему отъ нѣкихъ помалу, яко его повелѣніемъ убіенъ бысть бояринъ его Семенъ Тонгліевичъ, и тужаше зѣло о немъ князь Андрей Александровичъ Городецкій и того ради мнози брани и расколы подвизахуся и нелюбка межи ихъ наипаче начинашеся“ (самая фактическая безсодержательность этой „записи“ обличаетъ ея задачу—сгладить несогласованность фактическихъ данныхъ); но этимъ исчерпались редакціонныя усилія составителя Никоновскаго свода: онъ передаетъ извѣстіе объ уступкѣ Новгорода Андреемъ Дмитрію ранѣе извѣстія о наводкѣ Андреемъ ордынскаго царевича на в. к. Дмитрія, причемъ не рѣшился, однако, мотивировать создавшееся, такимъ образомъ, представленіе о третьей усобицѣ князей-братьевъ, но только нѣсколько сгладилъ его, выпустивъ (довольно неудачно: князь Дмитрій идетъ на Андрея, „онъ же убояся и Новагорода ему съступися, и иде [кто?] ратью и съ Татары къ Новгороду“) сообщеніе о совмѣстномъ участіи князей Дмитрія и Андрея въ смиреніи Новгорода (П. С. Р. Л., т. X, стр. 165—166). С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 879) слѣдуетъ Никоновской, возстановивъ участіе кн. Андрея въ походѣ на Новгородъ; А. В. Экземплярскій (т. I стр. 49)—Соловьеву.

[1]) „Царевича прогна“ (т. VII, стр. 179); Никоновская приводитъ имена начальниковъ татарскаго отряда—Турай-Темирь и Алынъ (т. X, стр. 160). Первое же раздѣленіе Орды (выдѣленіе ногайской орды) даетъ возможность безнаказаннаго сопротивленія татарамъ. Такъ и въ 1289 г., когда, при новыхъ смутахъ въ Ордѣ, „умножися татаръ въ Ростовѣ“, „вѣче“, изгнавшее ихъ, осталось повидимому. безъ ханской кары (тамъ же).

танный усобицей, раззорительной для страны, злобной и суетливой, и еще болѣе—поруганный татарскимъ засильемъ при постоянномъ [княжомъ искательствѣ въ Ордѣ передъ ханомъ, его вельможами, баскаками и послами. Юный тверской князь «не вьсхотѣ, Михаилъ Тверскый, поклонитися великому князю Дмитрію и нача наряжати полки» [1]), и встрѣтилъ у Кашина рать в. к. Дмитрія, который шелъ на него съ братьями, съ ростовскимъ княземъ и съ новгородскимъ полкомъ; но миръ былъ заключенъ безъ боя [2]). Однако, напряженность междукняжескихъ отношеній и вражда къ в. к. Дмитрію не улеглись и на этомъ мирѣ, а смуты въ Ордѣ, гдѣ шла своя борьба за ханскую власть, создавали удобную почву для княжескихъ интригъ и происковъ. Въ 1293 г. кн. Андрей Александровичъ поѣхалъ въ Орду съ жалобами на старшаго брата, и его поддержали другіе князья [3]). Ханъ Тохта далъ Андрею

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 406. Конечно, весьма возможно, что этотъ мотивъ столкновенія—просто редакціонное украшеніе Тверской лѣтописи; другіе своды не даютъ никакого объясненія, и реальныя его причины намъ неизвѣстны. Характерно это первое самостоятельное выступленіе Твери при молодомъ—17-лѣтнемъ—князѣ, и твердый тонъ ея дальнѣйшей политики. Ниже будутъ собраны данныя о томъ, что за тверскимъ княземъ стояла дѣятельная руководящая боярская группа, а ея значеніе при первыхъ шагахъ кн. Михаила Ярославича, который на княженіи впервые упоминается въ 1286 г. (15-ти лѣтъ), тѣмъ болѣе вѣроятно.

[2]) Такъ т. VII, стр. 179 (1287 г.). Никоновская (т. X, стр. 166—168) даетъ сверхъ этого (6795 г.) еще походъ на Тверь тѣхъ же князей (подъ Кашинъ съ раззоренiемъ земли и взятiемъ Кснятина), кончившiйся также миромъ безъ боя (6796 г.) и особый походъ на Тверь же князя Дмитрія Ростовскаго съ новгородцами (посадникъ Андрей), причемъ новгородцы съ тверичами помирились, и кн. Дмитрій ходилъ еще одинъ подъ Кашинъ и тамъ миръ взялъ (6798 г.). О томъ, что все это одинъ походъ см. замѣчанія А. В. Экземплярскаго (т. I, стр. 50, прим. 133). Причина путаницы все таже: составитель свода принялъ разныя записи источниковъ за разные факты. Это, въ данномъ случаѣ, поясняется тѣмъ, что находимъ въ другихъ сводахъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201—подъ 1289 г.): „ходи в. к. Дмитрій Александровичъ ко Твери ратію, позва съ собою новгородцевъ, и идоша новгородци съ посадникомъ Андреемъ, ратнiи же пожгоша волости ихъ, и миръ взя князь великiй и отъиде. А князь Дмитрій Ростовскiй нача вѣдати всю свою отчину и ходи къ Кашину ратію". Первая запись—новгородская; вторая—ростовская; въ первой отмѣчено особо участiе новгородцевъ; вторая, сообщивъ о томъ, какъ кн. Дмитрій объединилъ въ своихъ рукахъ ростовскую отчину, отмѣтила его участiе въ великокняжескомъ походѣ подъ Кашинъ. Одинъ походъ на тверского князя и у С. М. Соловьева (кн. I, ст. 880). Ср. А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 28, прим. 109.

[3]) Ко князю Андрею примкнули ростовскiе князья—Дмитрій Борисовичъ и братъ его Константинъ, ихъ племянникъ Михаилъ Глѣбовичъ, бѣлозерскiй князь, и тесть Михаила—Ѳедоръ Ростиславичъ, князь ярославскiй, а съ 1280 г. и смоленскiй. Князья добывали не только великое княженiе для кн. Андрея, но и Переяславль для Ѳедора Ростиславича подъ кн. Дмитрiемъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода событiй. Возможно предположенiе, что въ планахъ князей, поднявшихся на в. к. Дмитрія, игралъ свою роль вопросъ о Ярославлѣ, который Ѳедоръ Ростиславичъ промѣнялъ на Переяславль (вынужденный затѣмъ вернуть его кн. Дмитрію онъ въ

свою рать на в. к. Дмитрія съ братомъ своимъ Дюденомъ. И снова «замятеся вся земля Суздальская». В. к. Дмитрій бѣжалъ во Псковъ, татары, водворяя новаго великаго князя, пограбили Владиміръ и еще 14 городовъ, а Великій Новгородъ отклонилъ ихъ дарами отъ раззоренія своихъ волостей и похода на Псковъ. Князь Андрей занялъ новгородское княженіе, а кн. Ѳедоръ Ростиславичъ — переяславское. Но изгнанный Дмитрій нашелъ опору въ Твери. Туда онъ перебрался изъ Пскова и отсюда велъ переговоры съ братомъ. Переговоры кончились миромъ, условій котораго мы въ точности не знаемъ, но княжичъ Иванъ Дмитріевичъ получилъ Кострому, а Ѳедоръ Ростиславичъ покинулъ Переяславль, раззоривъ его пожаромъ: въ Переяславль ѣхалъ съ Твери кн. Дмитрій, да по дорогѣ разболѣлся и умеръ [1]) въ 1294 г.

Столъ великаго княженія занялъ Андрей Александровичъ. Его великое княженіе полно раздоровъ; основной ихъ мотивъ споръ о владѣніи Переяславлемъ, а дѣйствующія силы—Тверь и Москва. Выступленіе этихъ «младшихъ» городовъ, какъ самостоятельныхъ политическихъ силъ, вскрываетъ значительность внутреннихъ измѣненій, которыя назрѣли въ жизни Великороссіи подъ оболочкой старой организаціи Владимірскаго великаго княжества, разлагавшейся въ смутахъ.

Кажутся безспорными вотчинныя притязанія на Переяславль именно старшей линіи Александровичей Невскаго. Однако въ его судьбахъ опредѣлительно и ярко выступаютъ двѣ иныя черты тѣхъ же традицій «княжого права», которыми создавались и эти притязанія. Переяславль — отчинный городъ для всѣхъ Александровичей—и возможенъ споръ о томъ, принадлежалъ ли онъ в. к. Дмитрію «въ вотчину» или какъ старѣйшинѣ во всей братьи—Александровичахъ Невскаго. А это создавало связь Переяславля съ

1294 г. снова „въ Ярославли на княженіи сѣде“—т. VII, стр. 181). По старинѣ, Ярославль—часть „ростовской отчины“ см. выше, стр. 52 (и 61). Извѣстія объ этихъ событіяхъ въ лѣтописныхъ сводахъ сильно спутаны, см. А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 79—80 и 29, прим. III (у Дмитрія Борисовича не было сына Ивана, а въ числѣ князей, поѣхавшихъ съ кн. Андреемъ въ Орду: „Иванъ Дмитреевичъ Ростовскій“ можетъ означать зятя ростовскаго князя, великокняжескаго сына Ивана, если принять тутъ порчу текста, но какъ попалъ онъ въ число враговъ отца? очевидно, только по редакціонному недоразумѣнію, можетъ быть связанному съ указаніемъ первоисточника, что юный князь тоже ѣздилъ въ ту пору въ Орду).

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181; т. X, стр. 169—170. Воскресенская лѣтопись сильно сократила источникъ. Послами отъ кн. Дмитрія были тверской владыка Андрей и какой то князь Святославъ, который впрочемъ въ Новгородской I лѣтописи (стр. 303) не названъ княземъ, а въ другихъ, быть можетъ, получилъ этотъ титулъ механически, по „княжому“ имени. Если же онъ князь, то развѣ изъ Западной Руси, какъ и владыка Андрей былъ изъ полоцкихъ князей. Кн. Михаилъ Ярославичъ былъ въ Ордѣ во время этихъ событій, но не примкнулъ къ кн. Андрею, а поспѣшилъ въ Тверь, гдѣ и безъ него организовалось сопротивленіе татарскому нахожденію, о которое оно и разбилось такъ же, какъ и планы кн. Андрея.

великимъ княженіемъ, поддержанную другимъ, еще болѣе важнымъ стремленіемъ отстоять за Александровичами Невскаго преимущественное отчинное притязаніе на само Владимірское великое княженіе.

Князь Андрей Александровичъ отнимаетъ—ханской милостью и вооруженной силой—у брата Дмитрія и столъ великаго княженія и Великій Новгородъ, отнимаетъ и Переяславль, который пытается передать, по своей волѣ, союзнику Ѳедору Ярославичу. Все въ его дѣйствіяхъ, съ традиціонной точки зрѣнія, произволъ, насиліе, интрига, такъ какъ онъ «выбиваетъ изъ земли» старшаго брата, но совокупность его цѣлей и домогательствъ не выходитъ, повидимому, за кругъ обычныхъ представленій о великокняжеской власти.

Вторично князь Андрей «сѣлъ» на великомъ княженіи уже по смерти брата; эта смерть дѣлала только что заключенное съ нимъ соглашеніе—политически излишнимъ, и новый великій князь, съѣздивъ въ Орду, снова подымаетъ вопросъ о Переяславлѣ, и снова «бысть нелюбіе межи князей русскихъ». На этотъ разъ видимъ попытку разрѣшить «нелюбіе» на княжескомъ съѣздѣ, который въ одномъ лѣтописномъ текстѣ характерно названъ «розъѣздомъ въ Володимери». По одну сторону стали в. к. Андрей съ князьями Ѳедоромъ Ростиславичемъ и Константиномъ Борисовичемъ, а по другую переяславскій отчичъ Иванъ Дмитріевичъ съ московскимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ и тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, а съ ними и «Переяславци съ единаго» [1]). Бурный «розъѣздъ» [2]) въ присутствіи ханскихъ пословъ кончился соглашеніемъ, при посредничествѣ епископовъ владимірскаго Симеона и сарскаго Измаила, и князья разъѣхались «кождо во свояси». Но в. к. Андрей не примирился съ такимъ соглашеніемъ, а сталъ собирать полки, чтобы итти на Переяславль; князь же Иванъ Дмитріевичъ поспѣшилъ въ Орду—закрѣпить рѣшеніемъ ханской власти свое отчинное право, а защиту своей отчины поручилъ Михаилу тверскому и Даніилу московскому; они стали съ войскомъ у Юрьева, не дали в. к. Андрею подступить къ Переяславлю и принудили его «смириться» съ ними [3]). Несмотря на совмѣстныя дѣйствія тверского и московскаго кня-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181. Существенно отмѣтить активную роль „переяславцевъ“, какъ городской общины, во всемъ этомъ дѣлѣ; одной этой черты должно бы быть достаточно для устраненія „частноправоваго“, „удѣльнаго“, „владѣльческаго“ пониманія судебъ Переяславля.

[2]) „И малымъ не бысть межи има кровопролитіа“ (тамъ же).

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181. Къ этому моменту, по всей вѣроятности, относится и договоръ Михаила Ярославича съ новгородцами (С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 4 и 5): Михаилъ, упоминая о союзѣ съ „братомъ своимъ старѣйшимъ съ Даниломъ“ и съ Иваномъ (переяславскимъ), вписываетъ въ грамоту крестоцѣлованіе Великаго Новгорода на томъ, что новгородцамъ „потянути“ съ княземъ Михаиломъ, а не „отступиться“ его, если „будетъ тягота ему отъ Андрея или отъ татарина“; а затѣмъ—докончаніе о взаимныхъ недоразумѣніяхъ по частнымъ вопросамъ. Въ новгородской

зей для обороны Переяславля отъ великокняжескихъ покушеній Андрея Александровича, весьма вѣроятно, что уже намѣчались поводы ихъ близкаго соперничества, вскорѣ разразившагося упорной борьбой за господство надъ всей Великороссіей. На съѣздѣ князей [1]) въ 1301 году у Дмитрова князья «взяша миръ межи собою», но «Михайло съ Иваномъ не докончали межи собою» [2]); повидимому, вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Переяславля былъ тутъ уже поставленъ и вызвалъ разногласіе прежнихъ союзниковъ. Весной 1302 г. умеръ переяславскій князь Иванъ Дмитріевичъ; в. к. Андрей поспѣшилъ занять Переяславль своими намѣстниками, но князь Даніилъ Александровичъ «посла намѣстникы своа въ Переяславль, а княжь Андрѣевы намѣсници збѣжаша». Занятіе Переяславля кн. Даніиломъ Александровичемъ было подготовлено и обусловлено предсмертными дѣйствіями кн. Ивана, то или иное пониманіе которыхъ весьма существенно для опредѣленія основъ «княжого права» данной эпохи.

Старѣйшей формулой лѣтописной записи надо признать ту, что сохранилась въ харатейной Троицкой лѣтописи: кн. Иванъ Дмитріевичъ «благослови въ свое мѣсто князя Данила» [3]). Въ силу такого благословенія «сѣде

грамотѣ („тверской докончальной“)—вписано крестоцѣлованіе князя Михаила на томъ, чтобы ему „потянути за Новгородъ съ братомъ его съ Даниломъ и съ мужи съ новгородци“, если „гдѣ будетъ обида Новугороду“; а затѣмъ—докончаніе о новгородско-тверскихъ спорныхъ вопросахъ. Этотъ оборонительный союзъ, единственный въ своемъ родѣ, скорѣе всего подходитъ къ обстоятельствамъ 1296 г., какъ излагалъ и С. М. Соловьевъ въ диссертаціи „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ (прим. 246), причемъ назвалъ этотъ договоръ „оборонительнымъ и наступательнымъ“. А. А. Шахматовъ въ „Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“ указываетъ, что эти грамоты писаны „до 1301-го года“, т.-е. до съѣзда въ Дмитровѣ, и датируетъ ихъ „между 1294—1301 г.“ Борзаковскій, Ист. Тверского княжества, стр. 90, относитъ договоръ также къ моменту защиты Переяславля въ 1295/6 г.

[1]) Этому съѣзду предшествовало какое-то столкновеніе Ивана Дмитріевича съ Константиномъ ростовскимъ: „Заратися Иванъ князь да Константинъ и смири ихъ владыка Семенъ“ („Лѣт. по Академ. списку“ въ изд. Лаврент. лѣтописи, стр. 501).

[2]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 462. Никоновская (т. X, стр. 179) поясняетъ, что съѣздъ былъ „о княженіахъ“ и что князья помирились „подѣлившеся вотчиною межи собою“. Съѣздъ 1301 г. закрѣплялъ соглашеніе 1296 г., послѣ котораго было новое „розмиріе“; переяславскій вопросъ долженъ былъ занять первое мѣсто въ той „молвѣ великій“, которая по выраженію Никоновской лѣтописи, происходила на съѣздѣ. Бездѣтную кончину Ивана переяславскаго, быть можетъ, уже предвидѣли; онъ умеръ черезъ годъ не нежданно, а „урядивъ“ свои дѣла и отношенія. Намъ не съ чѣмъ связать размолвку его съ Михаиломъ Тверскимъ, кромѣ вопроса о переяславскомъ наслѣдствѣ.

[3]) П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 85; Симеоновская лѣтопись: „благослови въ свое мѣсто Данила Московскаго въ Переяславли княжити“ (тамъ же); Никоновская сохранила формулу: „благослови же въ себѣ мѣсто“, но добавляетъ: „вотчиною своею Переяславлемъ“ (т. X, стр. 174).

Данило на Переяславли» [1]) и водворилъ въ Переяславлѣ своихъ намѣстниковъ. Данiилъ сталъ княземъ переяславскимъ. Въ упоминанiи о томъ, какъ на Дмитровскомъ съѣздѣ 1301 г. выступали «Переяславци съ единого» и какъ послѣ кончины кн. Данiила (въ мартѣ 1303 г.) «Переяславци яшася за сына его за князя за Юрья и не пустиша его и на погребенiе отче» [2]), видимъ указанiя на участiе переяславцевъ не только въ обрядѣ его посаженiя на столъ переяславскаго княженiя, но и въ самомъ укрѣпленiи его притязанiй на это княженiе.

Однако, созданы эти притязанiя кн. Данiила на Переяславль благословенiемъ его «въ свое мѣсто» княземъ Иваномъ: примѣръ такъ наз. номинацiи предшественникомъ преемника (аналогичной и благословенiю, какое давали митрополиты, по соглашенiю съ великими князьями, желательнымъ кандидатамъ на митрополiю), какiя бывали и въ Кiевской Руси [3]).

Этимъ еще не были исчерпаны правовые моменты, необходимые для утвержденiя Данiила на переяславскомъ княженiи: нужны были признанiе со стороны великаго князя и остальныхъ князей и санкцiя хана. Кн. Данiилъ этого не успѣлъ добиться. Но въ 1303 г., когда князь Андрей Александровичъ вернулся изъ Орды съ ханскими послами, въ Переяславлѣ былъ съѣздъ, на которомъ присутствовали «царевы послы», в. к. Андрей съ митрополитомъ Максимомъ, князья Юрiй и Иванъ Даниловичи и «вси князи». «И ту чли грамоты, царевы ярлыки», а закончился съѣздъ на томъ, что «князь Юрiй прiя любовь и взя себѣ Переяславль» [4]). Вся обстановка этого

---

[1]) Троицкая (тамъ же); „и сѣде Данило княжити на Переяславли“ (Симеоновская, тамъ же); тоже въ Лаврентьевской, стр. 462; Новг. IV, П. С. Р. Л., т. IV², стр. 252; Никоновская, т. X, стр. 174; Воскресенская упоминаетъ только о посылкѣ намѣстниковъ (т. VII, стр. 183); Соф. I стоитъ особнякомъ: „а Переяславль взя за себе великiй князь Данило Александровичь Московскiй и намѣстницы свои посла на Переяславль“ (т. V, стр. 204).

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 183.

[3]) Ср. „Княжое право въ древней Руси“, стр. 90, 142, 154—155.

[4]) Далеко, въ угоду теорiи, отходитъ отъ исторической дѣйствительности и подлинныхъ свидѣтельствъ источниковъ характеристика даннаго факта у С. М. Соловьева: „по старинѣ, великiй князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностью по общему совѣту со всѣми родичами... Но теперь на сѣверѣ смотрѣли на волости, удѣлы, какъ на частную собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя вправѣ завѣщать свою собственность, кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Дмитрiевичъ завѣщеваетъ Переяславль, мимо старшаго дяди Андрея, младшему—Данiилу Московскому. Легко понять—продолжаетъ Соловьевъ,—какое значенiе это событiе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленiю своего удѣла на счетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другого княжества“. При томъ, С. М. Соловьевъ ясно видѣлъ въ источникахъ, что не произошло ни „присоединенiя“ Переяславля къ Москвѣ, ни увеличенiя „области княжества московскаго“, и выразилъ это въ недоумѣнномъ примѣчанiи: „странно, впрочемъ, что послѣ Переяславль

дѣла была бы, по существу, вполнѣ понятна южно-русскому князю XII вѣка и протекало оно въ обычныхъ, традиціонныхъ формахъ междукняжескихъ отношеній [1]).

Лишь по смерти в. к. Андрея Александровича (лѣтомъ 1304 г.) разыгрались событія, которыя знаменательны, какъ своего рода переломъ въ политической исторіи Великороссіи. А время борьбы братьевъ Александра Невскаго за власть можно назвать весьма скуднымъ по историческому содержанію пережитыхъ Великороссіей событій. Личная борьба князей-братьевъ и скрытая за ней борьба боярскихъ группъ—только симптомы разложенія и упадка старой великокняжеской власти Владимірскихъ князей. Дмитрій и Андрей Александровичи борятся за обладаніе этой старой великокняжеской властью, построенной на обладаніи стольнымъ княженіемъ во Владимірѣ и въ Великомъ Новгородѣ и на первенствѣ великаго князя среди князей сѣверной Руси. Поскольку ихъ дѣятельность не поглощена усобицами, происками въ Ордѣ, междукняжескими переговорами и спорами, она носитъ характеръ прямого продолженія, хотя скуднаго силами и бѣднаго результатами, великокняжеской дѣятельности Александра Невскаго и старшихъ Ярославичей. Мы видѣли в. к. Дмитрія Александровича, который и при жизни дяди Ярослава пытался идти по слѣдамъ отца,—въ походѣ на корѣлу «съ низовцами и съ новгородци», строителемъ крѣпости Копорья, столь важнаго для боевой обороны новгородскихъ предѣловъ, что дорожить имъ будутъ и московскіе государи: его воеводы и позже приходили въ помощь новгородцамъ [2]). Ослабленіе великокняжеской защиты новгородскихъ предѣловъ, неизбѣжное въ эпоху внутреннихъ смутъ и татарскаго засилья, открывало все болѣе широкія возможности шведскому наступленію на спор-

---

считался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимірскихъ“ („Ист. Росс.“ кн. I, ст. 882). В. О. Ключевскій полагалъ, что кн. Иванъ „отказалъ“ Переяславль Даніилу, и тотъ „принялъ наслѣдство“, но и Ключевскій не ввелъ Переяславля въ составъ „удѣла Калиты“ безъ объясненія, почему „Переяславль не упомянутъ въ грамотѣ“, т. е. въ духовной этого князя („Курсъ русской исторіи“ ч. II, стр. 12 и 15).

[1]) С. М. Соловьевъ и здѣсь, какъ всюду въ изученіи „удѣльнаго“ княжого владѣнія, пользуется съ полнымъ довѣріемъ лѣтописными сводами XVI вѣка, которые, однако, уже по своему освѣтили факты прошлаго. Для переяславскаго дѣла: Воскресенская лѣтопись: кн. Иванъ „бѣ чадъ не имѣя и дасть отчину свою Переяславль князю Даніилу Александровичу Московскому, того бо паче всѣхъ любляше“ (т. VII, стр. 183); Никоновская (т. X, стр. 174), сохраняя, въ общемъ, текстъ первоисточника полнѣе и точнѣе, однако, пишетъ: „благослови же въ себе мѣсто вотчиною своею Переяславлемъ в. к. Даніила Александровича Московскаго“; оставалось лишь пренебречь выраженіемъ „въ себе мѣсто“, которое сохраняло слѣдъ иного политическаго порядка, чтобы получить представленіе о „завѣщаніи“ вотчинной собственности („удѣла“)...

[2]) Такъ, напр., въ 1292 г. „молодцы новгородскіе“ ходили съ княжими воеводами воевать землю Еми, Новг. I, стр. 202.

ныя земли [1]). Новгородцы все болѣе чувствуютъ себя покинутыми на собственныя силы [2]). Но это только вопросъ факта; ни новгородцы, ни великіе князья не теряютъ изъ виду «общерусскаго» характера этой западной борьбы, и в. к. Андрей, по мѣрѣ силъ и возможности, принимаетъ въ ней участіе, то организуя походъ съ новгородскимъ полкомъ помоги подъ брянскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ [3]), то отпоръ шведскому укрѣпленію на берегахъ Невы [4]). Ни въ чемъ не видно на всей борьбѣ и дѣятельности князей Дмитрія и Андрея, чтобы они, «получивъ Владимірскую область, старались увеличить свою собственность на счетъ другихъ княжествъ». На великомъ княженіи Дмитрій не болѣе «переяславскій», а Андрей не болѣе «городецкій» князь, чѣмъ Ярославъ былъ «тверскимъ» или Василій «костромскимъ»; и лѣтописные тексты не подтверждаютъ утвержденія, что князь Андрей Александровичъ «жилъ въ Городцѣ и будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Димитрій въ Переяславлѣ» [5]).

Однако, при всей живучести «великокняжескихъ традицій» власть великихъ князей Владимірскихъ находилась въ эпоху братьевъ и сыновей Александра Невскаго въ состояніи все нараставшаго упадка. Великокняжескимъ притязаніямъ старшихъ Александровичей не соотвѣтствовали ни реальныя ихъ силы, ни подлинное значеніе въ общей политической жизни Великороссіи. Иллюстрировать помянутую «живучесть великокняжескихъ традицій» приходится фактами мелкими, немногочисленными попытками носителей велико-

---

[1]) Въ 1293 г. и 1295 г. шведы ставятъ городъ на карельской землѣ; въ 1300 г. ставятъ укрѣпленіе (призвавъ „нарочитыхъ“ мастеровъ своей земли и изъ Рима) надъ Невой при Охтенскомъ устьѣ („Вѣнецъ земли“—Ландскрона)—Новг. I, стр. 302 и 307.

[2]) Ладожане бьются съ нѣмцами (шведами) на Невѣ въ 1283 г.; посадникъ съ новгородцами и ладожанами отражаетъ попытку шведовъ захватить Карелію въ 1284 г.; въ 1285—литовскій набѣгъ на новгородскую волость; въ 1294 г. новгородцы разрушаютъ нѣмецкій городокъ на р. Наровѣ, а въ слѣд. году—шведскій городокъ въ Карелѣ; въ 1297 г. сами строятъ крѣпость Копорье; приходилось усиливать укрѣпленія Великаго Новгорода („городъ каменъ“ 1302 г.),—Новг. I, стр. 300—308.

[3]) Въ 1293 г.—Новг. I, стр. 303.

[4]) Походъ в. к. Андрея „съ полки низовскими“ и новгородцами, окончившійся разрушеніемъ Ландскроны въ 1301 г.—Новг. I, стр. 307—308.

[5]) С. М. Соловьевъ, „Ист. Росс.“, кн. I, ст. 881 (примѣчаніе). Можно не сомнѣваться, что у этихъ князей въ ихъ „отчинныхъ“ городахъ были свои дворы и „вся жизнь“, по старому кіевскому выраженію. Но тогда надо бы добавить къ примѣчанію С. М. Соловьева: какъ Александръ Невскій „жилъ“ въ Переяславлѣ, Андрей Юрьевичъ въ Боголюбовѣ, Владиміръ Мономахъ—на Берестовѣ и т. д., и т. д.—Представленіе о князьяхъ XIII в., хотя бы и „великихъ“, какъ объ „удѣльныхъ“, въ значительной мѣрѣ навѣяно терминологіей лѣтописныхъ сводовъ XVI в., особенно Никоновской лѣтописи съ ея выдержаннымъ генеалогическимъ интересомъ эпохи составленія „Государева Родословца“.

княжеской власти дѣйствовать по старому, въ духѣ Александра Невскаго притомъ попытками, которыя не только не стоятъ на первомъ планѣ въ суетливой и тревожной дѣятельности этихъ великихъ князей, но теряютъ смыслъ послѣдовательной и выдержанной политики. И это не только потому, что сузился кругъ задачъ этой политики, что измельчали ея цѣли, что сведена она къ поддержкѣ слабѣющей самозащиты на окраинахъ Великороссіи, преимущественно (почти исключительно) западныхъ; болѣе роковой для историческихъ судебъ великокняжеской власти, связанной со столомъ Владимірскаго княженія—была потеря ею руководящаго значенія даже въ тѣхъ дѣйствіяхъ, какія были необходимы для этой самообороны сѣверной Руси отъ внѣшнихъ опасностей. Новгородъ и Псковъ, нѣкогда раптавшіе на чрезмѣрную зависимость своихъ отношеній къ сосѣдямъ отъ произвольнаго военно-политическаго хозяйничанья Владимірскихъ великихъ князей на западныхъ границахъ Великороссіи, берутъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, эту западную политику въ свои руки, все повышая подлинно-государственный характеръ своего мѣстнаго «народоправства»; Псковъ почти вовсе ушелъ изъ-подъ вліянія великокняжеской власти, входя все глубже въ кругъ обособленныхъ отъ великорусской жизни западно-русскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ отношеній. Великій Новгородъ тѣснѣе соединенъ съ Великороссіей рядомъ экономическихъ и политическихъ связей; но и у него своя политика со шведами, датчанами и прибалтійскими нѣмцами, съ Литвой и Псковомъ, съ Ордой и русскими князьями, которые въ немъ ищутъ вліятельнаго и богатаго союзника не меньше, если не болѣе, чѣмъ самъ онъ нуждается въ ихъ воинскомъ умѣньи и «низовскихъ полкахъ» [1]); ростетъ, соотвѣтственно этому, и политическая вольность господина Великаго Новгорода и его вліятельная роль въ разрѣшеніи внутреннихъ столкновеній во Владимірскомъ великомъ княженіи изъ-за великокняжеской власти и ея отношеній къ мѣстнымъ владѣтельнымъ князьямъ. Само развитіе этихъ внутреннихъ столкновеній великорусскаго княжья свидѣтельствуетъ о глубокомъ упадкѣ великокняжеской власти, о потерѣ ею значенія существеннаго и необходимаго политическаго центра какихъ-либо общихъ интересовъ сѣверной Руси. Эти столкновенія быстро разростаются въ борьбу за владимірское наслѣдство, въ которой главными дѣйствующими силами будутъ Тверь и Москва. Но въ

---

[1]) Настаетъ время въ исторіи Великаго Новгорода, когда князья по отношенію къ нему попадаютъ все чаще въ положеніе „наемныхъ защитниковъ земли“, даже „великіе“, а тѣмъ болѣе мелкіе князья—великорусскіе и литовско-русскіе, какихъ Новгородъ, по временамъ, держитъ у себя, давая имъ „въ кормленіе“ часть „волостей новгородскихъ“; однако, формально это „кормленіе“ еще въ началѣ XIV в. зависитъ отъ княжеской власти: см. грамоту Великаго Новгорода в. к. Михаилу Ярославичу 130 г.: „князь великый Андрѣй и весь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ и онъ ѣдъ хлѣбъ.... тобѣ, княже, не кръмити его новгородьскымь хлѣбомъ“ (С. Г. Г. и Д., № 11).

чемъ же состояло это «владимірское наслѣдство» и за что борятся новыя историческія силы?

Ослабленное и внутренно-распшатанное Владимірское великое княжество сохранило до кончины в. к. Андрея Александровича старую политическую форму и основы стараго внутренняго строя, какъ онъ опредѣлился со временъ кончины Всеволода Юрьевича Большого Гнѣзда, а болѣе устойчиво—съ тѣхъ поръ, какъ Святославъ Всеволодовичъ «сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ» [1]).

Святославъ, пишетъ С. М. Соловьевъ, «утвердилъ племянниковъ своихъ сыновей Ярослава, на *удѣлахъ*, данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ», и поясняетъ: «здѣсь впервые считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова» [2]). Но слова этого не знаютъ ни лѣтописные тексты, относящіеся къ XIII вѣку, ни какія-либо иные памятники письменности этого времени. А подъ понятіе «отдѣльнаго, выдѣленнаго владѣнія, остающагося постоянно при одной княжеской линіи» подойдетъ цѣлый рядъ явленій княжого владѣнія въ Кіевской Руси, начиная съ Полоцкаго княжества, выдѣленнаго Владиміромъ Святымъ для сына Изяслава и оставшагося отчиной «Рогволожихъ внуковъ», но не подходитъ именно тотъ видъ княжого владѣнія, какой въ XIV в. и лѣтописи и княжескія грамоты называютъ—удѣлами [3]). Обратимся къ фактамъ.

На ростовскомъ княженіи сидѣли осиротѣвшіе въ татарское лихолѣтье

---

[1]) Ср. выше стр. 62. Текстъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 6755/1247 г. стр. 448.

[2]) „Исторія Россіи“, кн. I, ст. 837.

[3]) С. М. Соловьевъ для сѣверной Руси призналъ признакомъ этого „отдѣльнаго, выдѣленнаго владѣнія“—„понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца“, отождествилъ его съ „опричниной“ („опричнина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную собственность“) и полагалъ, что „удѣльное“ владѣніе возникаетъ, когда „понятія собственности, наслѣдственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными“. На самомъ дѣлѣ—терминъ „удѣлъ“ означаетъ одно изъ характерныхъ проявленій господства „понятій семейныхъ“ надъ признаніемъ личнаго владѣнія „опричниной“, съ ними живетъ и исчезаетъ, а „опричное“ владѣніе, въ которомъ преобладающей чертой было „понятіе собственности, переходящей по волѣ владѣльца“ (изъ рода въ родъ— непонятная для меня формула Соловьева)—никогда не играло роли въ политическомъ быту сѣверной Руси. А причина того историографическаго явленія, на первый взглядъ—непонятнаго, что глубокій знатокъ источниковъ и вдумчивый ихъ изслѣдователь могъ допустить въ своихъ построеніяхъ и опредѣленіяхъ такое смѣшеніе разнородныхъ понятій и терминовъ, въ томъ, что для него авторитетъ „первоисточника“ при изученіи „удѣльной“ Руси принадлежалъ лѣтописнымъ сводамъ XVI вѣка, особенно Никоновской лѣтописи (и даже, хотя и съ оговорками, ея переработкѣ въ трудѣ В. Н. Татищева), а въ ихъ изложеніи уже утрачено пониманіе отношеній и нормъ „княжого права“ XIII и XIV вѣковъ.

Василькович, Борисъ и Глѣбъ, какъ до того—старшее поколѣніе ростовскихъ отчичей—Константиновичи. Въ порядкахъ ростовскаго княжого владѣнія—первый наглядный примѣръ владѣнія отчиной по удѣламъ. Константиновичамъ—Василько и Всеволоду—отецъ назначилъ первому Ростовъ, второму Ярославлъ, а Владиміръ, быть можетъ тоже по «ряду» отца—князь углицкій; однако, такое опредѣленіе княжичамъ удѣловъ въ общей ихъ отчинѣ не дѣлаетъ ихъ обособленными другъ отъ друга «князьями—собственниками»: три Константиновича—ростовскіе князья и втроемъ выступаютъ вмѣстѣ представителями княжеской власти Ростовскаго княженія [1]). Но удѣлы—потомственны, а переходъ ихъ къ слѣдующимъ поколѣніямъ неизбѣжно грозитъ—по мѣрѣ ослабленія семейныхъ связей—разрушеніемъ единства общей отчины; владѣніе ею по удѣламъ легко можетъ перейти въ обособленіе ея частей, какъ вотчинъ отдѣльныхъ княжескихъ линій. Такъ, по смерти Всеволода Константиновича — оторванъ отъ ростовской отчины Ярославль, правда—совсѣмъ не обычнымъ путемъ, ибо, по рѣшенію князей родичей, не только оставленъ за вдовой княгиней и ее дочерью [2]), но перешелъ затѣмъ къ зятю, мужу этой Всеволодовны, князю Ѳедору Ростиславичу и остался (1299 г.) особой вотчиной его сыновьямъ [3]). Углицкій удѣлъ остался послѣ кончины старшихъ братьевъ за кн. Владиміромъ Константиновичемъ, такъ какъ Ростовъ укрѣпленъ за Васильковичами, его племянниками; и тѣмъ не менѣе, связь Углича съ ростовской отчиной не утрачена: когда угасло потомство кн. Владиміра на второмъ его сынѣ Романѣ (ум. 1285), Угличъ вернулся во владѣніе ростовскихъ князей.

Собственно Ростовское княжество осталось за братьями Васильковичами, а внутри его намѣтился удѣлъ князя Глѣба. Возможно, что лѣтописная запись подъ 1251 г.: «поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро въ свою отчину» дѣйствительно означаетъ переѣздъ Глѣба Василькович изъ Ростова на княженіе въ Бѣлоозеро. Однако, онъ изъ за этого не перестаетъ быть ростовскимъ княземъ, какимъ былъ, вмѣстѣ съ братомъ, и до того, хотя, быть можетъ, Бѣлоозеро и ранѣе считалось его удѣломъ; кн. Глѣбъ и впредь принимаетъ вмѣстѣ съ братомъ, участіе во всѣхъ ростовскихъ дѣлахъ. Въ 1277 г., когда всѣ русскіе князья были вызваны въ Орду съ военными дружинами для участія въ ордынскомъ походѣ на Ясовъ, князь Борисъ Васильевичъ умеръ, а Глѣбъ вернулся на ростовское княженіе одинъ [4]). Онъ умеръ въ слѣдую-

---

[1]) См. выше, стр. 52.

[2]) Ср. такое же пониманіе наслѣдственности удѣловъ въ духовной грамотѣ московскаго князя Симеона Ивановича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 24)—на основаніи его договора съ братьями (тамъ-же, № 23).

[3]) См. выше, стр. 61. Сыновья Ѳедора—отъ второго брака съ татарской царевной, во крещеніи Анной, Давидъ и Константинъ.

[4]) Къ этому времени относится женитьба его сына Михаила на дочери князя Ѳедора Ростиславича, княжившаго въ Ярославлѣ, на столѣ, который былъ ранѣе удѣломъ ростовской отчины Константиновичей.

щемъ году, и тогда «по немъ сѣдости два князя въ Ростовѣ Дмитрей да Константинъ, Борисовы дѣти Васильковича» [1]). Для ростовскаго княжества насталъ критическій моментъ: Бѣлозерскій удѣлъ грозилъ выдѣлиться въ особое вотчинное княженіе Михаила Глѣбовича и его потомковъ. Одна только Никоновская лѣтопись сообщаетъ, что князь Михайло по смерти отца «сѣде въ вотчинѣ его на Бѣлѣозерѣ» [2]); другіе своды прямо переходятъ къ сообщенію о ростовской смутѣ. Началась она съ того, что «князь Дмитрей Борисовичъ отъималъ волости у князя Михаила Глѣбовича со грѣхомъ и неправдою велікою» [3]). Черезъ годъ поднялась «вражда и крамола» между братьями Борисовичами. Константинъ уѣхалъ во Владиміръ къ в. к. Дмитрію Александровичу, а Дмитрій Борисовичъ «нача рать совокупляти въ Ростовѣ блюдяся братьи» [4]). Великій князь, на этотъ разъ, примирилъ Борисовичей,

---

[1]) Кн. Борисъ умеръ въ сентябрѣ 1277, Глѣбъ въ декабрѣ 1278 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173—174).

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 156. Весьма вѣроятно, что Никоновская не почерпнула этого свѣдѣнія изъ своихъ источниковъ, а приняла его по соображенію, что такъ должно было быть. Сама редакція этихъ строкъ лѣтописнаго свода искусственна: за записью о кончинѣ князя Глѣба Ростовскаго и похвалой ему слѣдуетъ: „сего сынове: Михайло, и сѣде по немъ въ вотчинѣ его на Бѣлеозерѣ; а въ Ростовѣ по Глѣбѣ Васильковичѣ сѣдоста братаничи его, князь Дмитрей Борисовичъ, внукъ Васильковъ, да братъ его Константинъ Борисовичъ“; тогда какъ напр., въ Воскресенской: „Тое же зимы въ Филиппово говѣніе преставися князь Глѣбъ Василковичъ декабря 13, и положиша его въ соборной церкви святыя Богородицы въ Ростовѣ; и по немъ сѣдоста два князя въ Ростовѣ Дмитрій и Константинъ, Борисовы дѣти Васильковича“.

[3]) Стоитъ ли въ связи съ этимъ столкновеніемъ князей двоюродныхъ братьевъ странная исторія поруганія памяти кн. Глѣба ростовскимъ епископомъ Игнатіемъ— не знаемъ. Игнатій осудилъ князя Глѣба—на 9 день по его кончинѣ, ночью „изринулъ“ его тѣло изъ соборнаго храма и велѣлъ погрести въ Княгининѣ монастырѣ. Такое дѣло не могло совершиться безъ вѣдома владѣтельнаго князя, т. е. Дмитрія Борисовича, а смыслъ „осужденія“, состоявшаго не въ лишеніи погребенія, а въ удаленіи гроба изъ соборной церкви, скорѣе политическій, чѣмъ церковный: естественно предположить, что епископъ Игнатій былъ только орудіемъ ростовскаго отчича, князя Дмитрія; если такое предположеніе допустимо, то мотивъ Дмитрія могъ состоять въ отрицаніи правъ дяди на Ростовское княженіе и попыткѣ пресѣчь возможность „отчинныхъ“ притязаній на долю (удѣлъ) въ Ростовскомъ княженіи Михаила Глѣбовича; см. П. С. Р. Л. т. VII, стр. 174. Митрополитъ Кириллъ отлучилъ еп. Игнатія за его дѣянія, такъ какъ призналъ его „не право творящимъ, не по правиламъ“; но князь Дмитрій „доби за него челомъ митрополиту“, и тотъ простилъ Игнатія. Этимъ, очевидно, подчеркивается солидарность князя съ епископомъ, оскорбившимъ прахъ его дяди. Никоновская лѣтопись пытается придать поступку еп. Игнатія характеръ церковной кары, измѣняя слова: „повеле его погрести у Спаса въ Княгининѣ монастырѣ“, которые явно означаютъ погребеніе церковное (у Спаса), на: „повелѣ просто закопати его въ землѣ въ Княгининѣ монастырѣ святого Спаса“ (т. X, стр. 157).

[4]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175. „Братья“, которой опасался кн. Дмитрій, очевидно, Константинъ Борисовичъ и Михаилъ Глѣбовичъ. Къ сожалѣнію, не знаемъ, гдѣ пребывалъ этотъ послѣдній; дальнѣйшее показываетъ, что не на Бѣлоозерѣ.

но не на долго. 1285 годъ принесъ новый компромиссъ между ними: имъ досталось Углицкое княжество, когда угасла линія мѣстныхъ углицкихъ князей, и Константиновичи «раздѣлиста отчину свою» въ ея новомъ, расширенномъ объемѣ [1]), притомъ такъ, что Дмитрій Борисовичъ занялъ углицкое княженіе, а Константинъ ростовское [2]). Такая комбинація не могла удовлетворить князя Дмитрія; онъ сближается съ в. к. Дмитріемъ Александоовичемъ, выдавъ дочь за его сына Ивана, входитъ въ его планы, участвуетъ въ его походѣ на Тверь, а съ этимъ связано извѣстіе, что онъ снова занялъ Ростовъ и «нача вѣдати всю свою отчину», очевидно—съ поддержкой в. к. Дмитрія и татаръ [3]). Константину Борисовичу пришлось смириться и, видимо, остаться безъ самостоятельнаго владѣнія, вторымъ ростовскимъ княземъ при братѣ, послѣ кончины котораго въ 1294 году Константинъ занялъ столъ Ростовскаго княженія, посадивъ въ Угличѣ сына Александра.

---

[1]) На Угличъ ростовскіе князья могли предъявить притязанія, какъ на часть старой „ростовской отчины“, но получить его могли, конечно, лишь по соглашенію съ великимъ княземъ. А для этого выпалъ удачный моментъ. В. к. Дмитрій Александровичъ только что отдѣлъ брата Андрея и нуждался въ закрѣпленіи своей силы. Дмитрій Борисовичъ закрѣпилъ союзъ свой съ великимъ княземъ, выдавъ дочь за его сына Ивана.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179; тоже въ „Лѣтописи по Академическому списку“ (Лаврентьевская лѣтопись, стр. 498—499) и въ Софійской (П. С. Р. Л., т. V, стр. 201). Никоновская, съ своей общей точки зрѣнія на междукняжескія отношенія, не могла помириться съ такимъ порядкомъ и внесла въ текстъ *мотивированную* поправку: „*старѣйшій* братъ князь Дмитрій Борисовичъ сяде въ Ростовѣ, а *меншой* его братъ князь Константинъ Борисовичъ сяде на Углечѣ полѣ“ и добавила: „а братъ ихъ изъ двуродныхъ князь Михайло Глѣбовичъ, внукъ Васильковъ, сяде на Бѣлѣозерѣ“ (т. X, стр. 166). Архангелогородскій лѣтописецъ (изд. 1819 г., стр. 72—73): „Въ лѣто 6794 князи Ростовстіи, князь Дмитреи да князь Константинъ Борисовичи раздѣлиша себѣ вотчину свою и паде жребій большему князю Дмитрею Углече поле да Бѣлоозеро, а меншему брату князю Константину Ростовъ да Устюгъ“.

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179 („Князь Дмитрій Борисовичъ сѣде въ Ростовѣ; умножи же ся тогда татаръ въ Ростовѣ, и гражане створше вѣче и изгнаша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиша; князь Костентинъ Борисовичъ иде въ Орду“—подъ 6797—1288/9 г.); т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201 („а князь Дмитрій ростовскій нача вѣдати всю свою отчину“—подъ тѣмъ же годомъ). О спутанности изложенія и хронологіи событій этихъ лѣтъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ см. выше, стр. 86. Ростовскій источникъ послѣдней изъ упомянутыхъ записей связалъ, по существу правильно, возстановленіе власти кн. Дмитрія въ Ростовской отчинѣ съ его участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ великаго князя, но сбилъ и хронологію и порядокъ событій, отнеся походъ подъ Кашинъ не только къ 6797 г., но и ко времени послѣ занятія имъ Ростова.

[4]) Въ 1288/9 г. кн. Константинъ ѣздилъ въ Орду, вѣроятнѣе—по поводу избіенія въ Ростовѣ татаръ, чѣмъ искать управы на брата; по Никоновской ѣздили въ Орду оба ростовскіе князья (ср. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179 и т. X, стр. 168). Кн. Константинъ упомянутъ въ числѣ князей, дѣйствовавшихъ съ Андреемъ Александровичемъ противъ в. к. Дмитрія въ 1281 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175), тогда какъ нѣтъ указаній на такое же участіе его брата Дмитрія; быть можетъ, это объясняетъ поддержку Дмитрія Борисовича в. к. Дмитріемъ и ихъ сближеніе послѣ временной уступки Ростова Константину.

Столъ Суздальскаго княженія занималъ послѣ отца, кн. Андрея Ярославича, кн. Юрій Андреевичъ, но вся дѣятельность его, насколько она намъ извѣстна, принадлежала Великому Новгороду, подъ рукой великаго князя; только послѣдніе годы жизни (ум. 1279 г.) провелъ онъ, видимо, въ Суздалѣ, такъ какъ объ участіи его въ какихъ-либо дѣлахъ этихъ лѣтъ не слышно; въ суздальскомъ соборѣ и погребенъ князь Юрій, а столъ княженія перешелъ къ его братьямъ, Михаилу, затѣмъ Василію, отъ котораго и пошли позднѣйшія суздальскіе князья [1]).

Кромѣ этихъ вотчинныхъ княженій остается упомянуть о Галицкомъ, Стародубскомъ, Юрьевскомъ. Галичемъ владѣли, по смерти кн. Константина Ярославича (ум. 1255 г.), его сыновья Давидъ (ум. 1280 г.) и Василій (упом. подъ 1310 г.), о которыхъ до насъ дошли только случайныя упоминанія [2]). Стародубомъ—князья, потомки Ивана Всеволодовича, о которыхъ свѣдѣнія столь скудны, что оставляютъ спорной даже ихъ генеалогію [3]). Юрьевомъ Польскимъ владѣлъ, по смерти кн. Святослава Всеволодовича (ум. 1253), сынъ его Дмитрій, по смерти котораго (въ 1269 г.) упоминается лишь подъ 1340 г. юрьевскій князь Иванъ Ярославичъ [4]).

Таковъ составъ вотчинныхъ княженій на территоріи Владимірскаго великаго княжества, кромѣ Москвы и Твери—наканунѣ ихъ многозначительной борьбы за великокняжескую власть.

Бурная исторія Ростовскаго княжества весьма характерна. Она показываетъ, какъ мало было во внутренней жизни Владимірскаго великаго княжества XIII-го вѣка условій, благопріятныхъ для установленія сколько-нибудь прочныхъ и устойчивыхъ княжескихъ владѣній—вотчинныхъ княженій, замкнутыхъ въ себѣ и обособленныхъ отъ болѣе широкой политической жизни. Во внутреннихъ отношеніяхъ Ростовскаго княжества тяга къ вотчинному распаду встрѣчаетъ рѣзкое противодѣйствіе князя Дмитрія Борисовича, который выступаетъ противъ братьевъ—родного и двоюроднаго—съ попыткой одному «вѣдати всю свою отчину»—съ Бѣлоозеромъ и Угличемъ;

---

[1]) Спорные вопросы генеалогіи этихъ князей удачно выяснены А. В. Экземплярскимъ (т. II, стр. 394—398). Судьбы Городца и Нижняго-Новгорода опредѣлились позднѣе—въ связи съ исторіей Владимірскаго великаго княженія.

[2]) „Лѣтопись по списку монаха Лаврентія“, стр. 450; П. С. Р. Л., т. X, стр. 155 (кн. Давидъ Константиновичъ Галичскій и Дмитровскій), т. VII, стр. 174 и т. X, стр. 157 (тоже); т. X, стр. 156: кн. Давидъ названъ зятемъ ярославскаго князя Ѳедора Ростиславича; о рожденіи въ 1310 г. у галицкаго князя Василія Константиновича сына Ѳедора—въ Новг. IV², стр. 253; Соф. I—т. V, стр. 205; Воскр.—т. VII, стр. 185; Ник.—т. X, стр. 178. Ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 209—210.

[3]) О нихъ см. выше—стр. 69, примѣчаніе, и Экземплярскаго, т. II, стр. 179—180.

[4]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 168 и 206. Ивана Ярославича, кн. юрьевскаго, Экземплярскій (т. II, стр. 259—260) считаетъ внукомъ кн. Дмитрія Святославича, возстановляя между ними—вполнѣ предположительно—юрьевскаго князя Ярослава Дмитріевича.

его пріобрѣтенія—не «примыслы», его дѣятельность скорѣе попытка добиться болѣе крупнаго княжескаго значенія, и можно его, пожалуй, назвать своего рода Андреемъ Боголюбскимъ малаго калибра. Честолюбивыя цѣли князя Дмитрія недостижимы безъ участія въ общихъ дѣлахъ великаго княженія, въ которыхъ ростовскіе князья, какъ и ярославскій Ѳедоръ и суздальскій Юрій, выступаютъ активными дѣятелями. Общая жизнь великаго княжества еще преобладаетъ надъ разобщенностью княжескихъ интересовъ; отъ нея они сильно зависятъ, ея условіями—опредѣляются. Князья всей Владиміро-Суздальской земли группируются вокругъ велпкаго князя, участвуютъ въ его походахъ, подъ его воинскимъ предводительствомъ или по его посылкамъ, ѣздятъ съ нимъ въ Орду, имъ созываются на съѣзды для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Лѣтописные своды отмѣтили и бытовую сторону этого общенія князей «низовской» земли, перечисляя ихъ, какъ присутствующихъ на каждой свадьбѣ, на каждомъ погребеніи членовъ своей среды. Въ смутные годы Александровичей Невскаго—нѣтъ еще «частныхъ» войнъ между отдѣльными вотчинными княженіями; первые примѣры такихъ войнъ дадутъ московскіе захваты Можайска и Коломны [1]). Усобицы XIII вѣка—подлинныя междоусобія внутри политически-единаго Владимірскаго великаго княжества; мѣстные споры еще неразрѣшимы помимо велпкаго князя, блюстителя общаго мира и княжого права. Содержаніе усобицъ XIII вѣка—борьба за великокняжескую власть, и ихъ участники объединены вокругъ того или другого претендента на него. Отъ такихъ усобицъ «замятеся вся земля Суздальская» [2]).

---

[1]) И столкновеніе кн. Ивана переяславскаго съ кн. Константиномъ ростовскимъ, о которомъ имѣемъ лишь глухое упоминаніе въ „Лѣт. по Академ. списку“ подъ 1301 г.

[2]) В. О. Ключевскій говоритъ о „мелкихъ верхне-волжскихъ удѣлахъ XIII и XIV вв.“; а „историческое происхожденіе удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія, установившагося на верхне-волжскомъ Сѣверѣ съ XIII вѣка“—объясняетъ тѣмъ, что 1) „при содѣйствіи физическихъ особенностей верхне-волжской Руси колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, уединенные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т.-е. удѣльнаго ея дробленія“ и 2) что „подъ вліяніемъ колонизаціи страны первый князь удѣла привыкалъ видѣть въ своемъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ заселялъ и устроялъ въ общество“. Типична для „удѣльнаго періода“ фигура князя—собственника и колонизатора: „понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла, было юридическимъ слѣдствіемъ значенія князя, какъ заселителя и устроителя своего удѣла“ („Курсъ русской исторіи“, т. I, стр. 431, заключеніе XIX-й лекціи). Исторія верхне-волжской Руси XIII в. не знаетъ такихъ князей. Мелкими „удѣльными“ князьями, которые замкнулись въ управленіи своими „удѣльными“ вотчинами можно назвать развѣ суздальскихъ—послѣ Юрія Андреевича, да галицкихъ; но и тѣ не были ни „собственниками“ своихъ вотчинъ, а князьями на стольныхъ княженіяхъ, ни „заселителями и устроителями своихъ удѣловъ“ изъ „пустыни“—„въ общество“. Даже князьями—колонизаторами и хозяйственными устрои-

С. М. Соловьевъ отмѣтилъ характерную черту этой «замятни»—возстаніе младшихъ князей на великаго. Однако, борьба идетъ то за обладаніе великокняжеской властью, то за Переяславль, съ которымъ связаны далеко захватывающія представленія о наслѣдіи Александра Невскаго [1]); ведутъ ее двѣ группы князей—часть ихъ стоитъ на сторонѣ даннаго носителя великокняжескаго титула и власти, а главные противники великихъ князей Дмитрія, затѣмъ Андрея—князья тверской и московскій ищутъ союза съ Великимъ Новгородомъ: для нихъ эта борьба путь къ великокняжеской власти и политикѣ [2]).

«Владимірское наслѣдство» есть, прежде всего, великокняжеская власть, первенство во всей Великороссіи, притязаніе на распоряженіе ея боевыми силами и на руководство ея отношеніями къ Ордѣ и къ сосѣднимъ странамъ. Со столомъ Владимірскаго великаго княженія связаны вѣковой традиціей притязаніе на княжескую власть въ Великомъ Новгородѣ, въ которомъ для великихъ князей опора болѣе широкаго политическаго значенія и возможный источникъ матеріальныхъ средствъ, а—по связи Пскова съ Новгородомъ—и во Псковѣ, хоть онъ и обособлялся все больше въ своихъ западныхъ отношеніяхъ и связяхъ. До конца XIII в. Владимірскіе великіе князья сохранили нѣкоторое вліяніе и на Смоленскъ и на княженія распавшейся Чернигово-сѣверской земли. Въ дѣлахъ западной великокняжеской политики участвуютъ при Дмитріи и Андреѣ Александровичахъ, по ихъ зову и ихъ «посылкѣ» князья смоленскій и брянскій. Тѣсно примкнули къ Владимірскому великому княженію княжества Муромское и Рязанское. До Батыева нашествія муромскіе и рязанскіе князья, какъ и послѣ, въ теченіе всего XIII в. «не могутъ,—по выраженію А. В. Экземплярскаго,—считаться совершенно самостоятельными, такъ какъ ими свободно распоряжаются великіе князья владимірскіе» [3]). Въ борьбѣ съ мордвой и половцами Рязань и Муромъ ищутъ естественной опоры у Владимірскаго великаго князя и участвуютъ наравнѣ съ дру-

---

телями своихъ владѣній можемъ ихъ считать развѣ потому, что ровно ничего не знаемъ объ ихъ дѣятельности. „Мелкіе рѣчные округа“ колонизованы и „устроялись“ не князьями, а боярами и монастырями, къ дѣятельности которыхъ, притомъ не только землевладѣльческой, постепенно примкнуло позднѣйшее княжье, размножившееся и измельчавшее.

[1]) Напомню, что переходъ Переяславля во власть московскаго князя отнюдь не „примыселъ“ московскій, а пріобрѣтеніе имъ стола переяславскаго княженія.

[2]) „Преобладаніе понятія о собственности, отдѣльности владѣнія“ не только не объясняетъ всей этой борьбы князей,—но сдѣлало бы ее невозможной въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она протекала.

[3]) „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси“, т. II, стр. 567. Объясненіе А. В. Экземплярскаго, почему онъ называетъ Муромъ „удѣломъ рязанскимъ“ (тамъ же, стр. 609) примѣръ того, насколько не выяснено понятіе „удѣла“. Авторъ говоритъ объ „удѣлахъ“ Муромо-Рязанской земли, разбитой съ 60-хъ г. г. XII в. на двѣ обособленныхъ вотчины, между которыми органической связи уже нѣтъ.

гими подручными младшими князьями въ его походахъ. Татарскій погромъ и ордынское владычество на время ослабили эту связь самозащиты. Татарское господство легло особенно тяжко на муромскую и рязанскую землю. Лѣтописные своды почти вовсе молчатъ о нихъ, и наиболѣе крупное явленіе въ судьбахъ этихъ земель за весь XIII и начало XIV в.—«нахожденія» татаръ и раззореніе отъ нихъ [1]). Великіе князья не въ силахъ дать оборону этимъ окраинамъ Великороссіи, подавленнымъ безысходной трудностью своего положенія, пограничнаго съ опасной степью. Мѣстнымъ силамъ великорусскихъ окраинъ придется самимъ организовывать свою самооборону, пока въ центрѣ не окрѣпнетъ обновленная власть и не возьметъ на себя опять этого дѣла; но оглядка на этотъ центръ съ попыткой найти въ немъ опору будетъ непрерывно поддерживать ослабѣвшія связи съ нимъ, вопреки назрѣвшимъ и разросшимся антагонизмамъ.

---

[1]) Разоряютъ муромскую землю татары—союзники кн. Андрея Александровича, разоряютъ рязанскую и муромскую землю ордынскіе князьки. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175 („Муромъ пустъ сотворпша“); т. X, стр. 167 (Рязань, Муромъ, Мордва повоеваны татарами).

ГЛАВА II.

Борьба Твери и Москвы за великое княженіе «всея Руси».

I.

Традиціи великокняжеской политики, ослабѣвшія, но живыя, нашли на рубежѣ XIII и XIV вѣковъ—въ моментъ наибольшаго упадка великокняжеской власти, опору въ тревожныхъ исканіяхъ общественныхъ силъ, испуганныхъ опасностью полнаго распада Великороссіи въ княжескихъ усобицахъ и земской «замятнѣ». Эти силы—боярство и церковь [1]).

В. к. Андрей Александровичъ скончался во Владимірѣ (лѣтомъ 1304 г.) [2]). Сказаніе о мученической кончинѣ кн. Михаила Ярославича [3]) утверждаетъ,

---

[1]) Подобно В. И. Сергѣевичу (см. выше, стр. 14—15), не думаю навязывать боярамъ XIV в. „дальновидные политическіе планы“ вродѣ сознательнаго стремленія къ образованію „большого нераздѣльнаго государства“, но столь же методологически—наивнымъ считаю сводить ихъ предполагаемые мотивы къ погонѣ за „богатыми кормленіями“. Правильное замѣчаніе Сергѣевича объ очевидныхъ „невыгодахъ многокняжія“ съ постоянной „борьбой князей“ подтверждается широкимъ значеніемъ этой темы во всей русской письменности съ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и „Слова о полку Игоревѣ“, что, однако, не ведетъ еще къ мысли о коренной перестройкѣ политическаго строя, но питаетъ тенденцію къ усиленію великокняжеской власти (идеализація такихъ князей, какъ Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій). И боярствомъ, и церковной іерархіей руководили какъ реальные интересы, наиболѣе имъ близкіе, такъ и „благо земли“, т.-е. такой укладъ быта и строя, который обезпечивалъ бы всѣ реальные интересы, считавшіеся законными въ данной средѣ.

[2]) По Воскресенской 27 іюля, по Никоновской 22 іюня (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184 и т. X, стр. 175). „И везше положиша его на Городцѣ въ церкви св. Михаила Архангела“ (Ник.); „и положенъ бысть на Городцѣ, а бояре его отъѣхаша въ Тверь“ (Воскр.). Рѣчь идетъ явно не о „городецкихъ“ боярахъ, а о боярахъ великокняжескихъ, и въ этомъ смыслѣ—владимірскихъ. У насъ нѣтъ основанія строить какое-либо представленіе объ „удѣльномъ“ городецкомъ боярствѣ кн. Андрея Александровича.

[3]) „Убіеніе великаго князя Михаила Ярославича Тверского отъ безбожнаго царя Азбяка“, Великія Минеи Четіи, ноябрь, тетрадь III-я (по изд. Археогр. Комиссіи), подъ 22 ноября (ст. 3092); о редакціяхъ этого сказанія см. у Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 71, и у Н. Серебрянскаго, Древне-русскія княжескія житія, стр. 250—257.

что кн. Андрей передъ смертью «благослови его на свой столъ, на великое княженіе» [1]). Во всякомъ случаѣ, митрополитъ Максимъ, который съ весны 1300 г. перенесъ свою резиденцію во Владиміръ изъ раззореннаго Кіева, и великокняжескіе бояре признали Михаила великимъ княземъ. Бояре поѣхали въ Тверь; Михаилъ Ярославичъ поспѣшилъ въ Орду заручиться ханскимъ ярлыкомъ, а въ его отсутствіе бояре, руководимые—по всей видимости—вліятельнымъ и дѣятельнымъ Акинѳомъ, предприняли рядъ шаговъ для закрѣпленія великокняжеской власти за своимъ княземъ.

Въ Орду поѣхалъ и московскій князь Юрій Даниловичъ искать великаго княженія для себя. Попытка митр. Максима предупредить назрѣвшее столкновеніе князей—не удалась [2]), какъ неудачной была и попытка бояръ, сторонниковъ кн. Михаила, перехватить Юрія на пути [3]). Передъ отъѣздомъ Юрій Даниловичъ успѣлъ занять Кострому,ославъ туда брата Бориса, но князь Борисъ захваченъ тутъ и вывезенъ плѣнникомъ въ Тверь. Кострома занята тверскими боярами; однако, костромичи поднялись «вѣчемъ» на нихъ и двоихъ убили [4]). Неудачна была и попытка захватить Великій Новгородъ:

---

[1]) Лѣтописные своды (П. С. Р. Л., т, V, стр. 207 и т. VII, стр. 188; или использованная ими редакція сказанія объ убіеніи в. к. Михаила) даютъ двѣ мотивировки притязанія Михаила Ярославича на столъ великаго княженія: благословеніе его на этотъ столъ в. к. Андреемъ и старѣйшинство Михаила, соединяя ихъ въ одну формулу: „и благослови его на свой столъ на великое княженіе, сего христолюбиваго князя Михаила, ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степень княженія великого“. Тутъ имѣемъ соединеніе двухъ текстовъ, двухъ мотивовъ. Въ Великихъ Минеяхъ—текстъ сказанія не упоминаетъ о благословеніи, а говоритъ лишь о томъ, какъ по смерти в. к. Андрея „донде степени по старѣйшинству великого княжества Володимерьскаго сему блаженному великому князю Михаилу Ярославичу . Эти строки, по вѣрному наблюденію Н. И. Серебрянскаго, „слабо объединены“ съ дальнѣйшимъ разсказомъ и едва-ли входили въ составъ „первоначальной повѣсти о святомъ“ (указ. соч., стр. 250); имя, надо полагать, замѣнено начало первичной редакціи, гдѣ не было мотива „старѣйшинства“, а былъ мотивъ „благословенія“.

[2]) Сказаніе объ убіеніи в. к. Михаила Ярославича передаетъ, что митр. Максимъ удерживалъ Юрія отъ соперничества съ Михаиломъ („со многою молбою браняше ему ити во орду“) и предлагалъ ему какое-то соглашеніе, ручаясь отъ своего имени и отъ имени Михайловой матери, кн. Ксеніи, что Михаилъ дастъ ему „изо отчины вашеа“ (Александровичей Невскаго), что онъ „восхощетъ“ (Великія Минеи, ст. 3093); и будто Юрій обязался не искать у хана великаго княженія: тому противорѣчитъ боярская попытка захватить Юрія, чѣмъ соглашеніе было бы нарушено.

[3]) Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 204) отмѣчаетъ только „много замятни въ Суздальской земли и во всѣхъ градѣхъ“. Воскресенская (т. VII, стр. 184) сообщаетъ о попыткѣ перехватить кн. Юрія въ Суздалѣ, „хотяще яти его“; но онъ „со своею братьею проиде въ орду инѣмъ путемъ“. Никоновская (т. X, стр. 175) замѣнила Суздаль Костромой, что плохо согласовано въ ея текстѣ съ посылкой на Кострому кн. Бориса и его поиманіемъ (выходитъ, что захвативъ кн. Бориса бояре тутъ же, на Костромѣ, подстерегали и Юрія).

[4]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184: „бысть вѣче на Костромѣ на бояръ на Давыда Явидовича да на Жеребца и на иныхъ, тогда же Зерна убиша и Александра“.

новгородцы не приняли присланныхъ къ нимъ намѣстниковъ князя Михаила и заключили съ его боярами перемиріе до пріѣзда князей [1]).

Въ прямую связь съ этими же дѣйствіями бояръ кн. Михаила Ярославича слѣдуетъ поставить событія, разыгравшіяся въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ «черные люди» поднялись на бояръ, а кн. Михаилъ Ярославичъ, возвращаясь изъ Орды «изби вѣчниковъ» [2]).

Наконецъ, сдѣлана была попытка захватить и Переяславль, но братъ Юрія, Иванъ Данловичъ, успѣлъ прибыть сюда и подготовить его защиту. Нападеніе боярина Акинѳа съ тверской ратью было отбито съ большимъ уономъ; палъ въ бою и самъ Акинѳъ [3]).

---

[1]) Тамъ же: „а въ Новгородъ Великій тверичи силою послаша намѣстниковъ княжихъ Михайловыхъ, новгородци же ихъ не пріяша, но идоша на Торжекъ новгородци города блюсти; и совокупиша всю землю, и ссылашася послы межи собою, и мира докончаша до пріѣзда князей". Безъ „ряда" съ княземъ новгородцы не могли принять его намѣстниковъ: это было бы ихъ водвореніе „силою", а заключеніе такого ряда было для нихъ невозможно, пока не разрѣшенъ споръ о великомъ княженіи.

[2]) Такъ въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184). Часть текстовъ (т. IV², стр. 253; т. V, стр. 204; т. X, стр. 176) называетъ тутъ кн. Михаила Андреевича, но сп. Царскаго Соф. I замѣтилъ эту ошибку и исправилъ ее (т. V, стр. 204). Въ Нижнемъ произошло тоже, что въ Костромѣ; бояре в. к. Андрея, владѣвшаго Городцомъ и Нижнимъ Новгородомъ, сдѣлали попытку удержать ихъ за Михаиломъ Ярославичемъ, какъ великимъ княземъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ в. к. Михаилъ повторитъ попытку овладѣть Нижнимъ Новгородомъ. Въ Никоновской лѣтописи (т. X, стр. 176) сохранилось указаніе, что въ Нижнемъ избиты бояре „Андреевы Александровича". Какъ тутъ, такъ и въ Воскресенской сама редакція извѣстія показываетъ, что „избіеніе вѣчниковъ" княземъ произошло на обратномъ пути его изъ Орды: „пріде изо Орды въ Нижній Новгородъ и изби всѣхъ вѣчниковъ" и „пришедъ же... изъ Орды"... Оба свода приводятъ это событіе подъ 6813 г.: Михаилъ Ярославичъ поѣхалъ въ Орду по смерти в. к. Андрея (ум. лѣтомъ 6812/1304 г.), а вернулся и посаженъ на великомъ княженіи до кончины митр. Максима (ум. въ декабрѣ 6813/1304 г.).

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184: „князь Иванъ Даниловичъ пришедъ въ Переяславль сѣде на княженіе". Этотъ текстъ, смутившій В. И. Сергѣевича („Др. Русс. Права", т. I³, стр. 54—55) несомнѣнный плодъ редакціоннаго недоразумѣнія. Воскресенская лѣтопись сильно сократила тотъ же источникъ, изъ котораго Никоновская (т. X, стр. 175) взяла заглавіе „Повѣсти объ убіеніи Акинѳовѣ, бояринѣ тверскомъ" и строки: „а князь Иванъ Даниловичъ послѣ брата своего Юрья сѣдяше на Москвѣ, таже съ Москвы иде въ Переяславль и сяде въ немъ на великомъ княженіи". Этотъ источникъ, отнесшій все переяславское дѣло ко времени по смерти Юрія—та повѣсть объ Акинѳѣ, которую нѣсколько полнѣе сохранили такъ наз. „Ростовская лѣтопись" (ср. у Карамзина, „Ист. Гос. Росс.", т. IV, стр. 324; рукопись Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Библіотеки Архива № 20/25, листъ 310) и Рогозинскій лѣтописецъ (рукопись Библіотеки того же Архива № 351/800, листъ 183: „О выѣзжемъ бояринѣ Иродіонѣ"). Эта повѣсть, составленная въ эпоху мѣстническихъ счетовъ, сообщаетъ, что Акинѳъ, бывшій прежде бояриномъ в. к. Андрея Александровича, перешелъ съ другими великокняжескими боярами въ *Москву*, но затѣмъ отъѣхалъ къ кн. Михаилу Ярослa-

Передъ нами значительный моментъ въ исторіи Владимірскаго великаго княжества, и нельзя не пожалѣть, что лѣтописные своды сохранили лишь отрывочныя и слишкомъ глухія извѣстія. Но и по этимъ весьма недостаточнымъ даннымъ ясно, что борьба между Михаиломъ и Юріемъ пошла за широкую задачу—за власть надъ всей Великороссіей, стало быть, за возстановленіе единства ея политическихъ силъ и политическаго главенства надъ ними. Попытка Михаила Ярославича и его сторонниковъ бояръ захватить такіе пункты какъ Великій Новгородъ, Переяславль, Кострому и Нижній Новгородъ не можетъ быть сведена къ «усиленію Твери» или «увеличенію тверского удѣла». Явственно проявились болѣе широкія политическія притязанія; завязалась борьба за наслѣдіе великихъ князей Александра и Ярослава Ярославичей.

Михаилъ Ярославичъ вернулся изъ Орды съ ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе [1]); въ обрядѣ «посаженія на столъ» во Владимірѣ принялъ участіе митрополитъ Максимъ [2]). Первымъ дѣломъ в. к. Михаила былъ походъ къ Москвѣ «на князя Юрія Даниловича и на его братью», закон-

---

вичу изъ за „заѣзда“, какой испыталъ, когда изъ Кіева прибылъ бояринъ Родіонъ Нестеровичъ. Это сказаніе, вѣроятно, было извѣстно составителю Никоновской лѣтописи, который сохранилъ изъ него заглавіе (мало подходящее къ краткому тексту), и указаніе на то, что Акинѳъ былъ ранѣе бояриномъ в. к. Андрея (чего нѣтъ напр. въ Воскресенской), но остальное—отбросилъ. Переходъ Акинѳа съ другими боярами въ Москву явно противорѣчитъ опредѣленнымъ сообщеніямъ лѣтописей; источникомъ тутъ могла быть родословная запись о потомствѣ Акинѳа, которое служило, начиная съ его сына Ѳедора, московскимъ князьямъ. На всемъ разсказѣ лежитъ печать мѣстническаго спора потомковъ Родіона Нестеровича (Квашниныхъ) и Акинѳовичей (Челяднинныхъ): „Квашнины, потомки Родіоновыхъ, описываютъ оное (происшествіе) въ своей челобитной, поданной имп въ 1576 г. царю Іоанну Васильевичу, говоря, что Акинѳъ бѣжалъ отъ Калиты къ кн. Михаилу Ярославичу Тверскому“, сообщаетъ Карамзинъ (т. IV, прим. 324), полагая, что поэтому, несмотря на анахронизмы „главное происшествіе вѣроятно“.

[1]) Лѣтописное сказаніе объ убіеніи кн. Михаила Ярославича содержитъ указаніе, что споръ князей о великомъ княженіи велся на повышеніи татарскаго „выхода“ (князья татарскіе говорили кн. Юрію: „оже ты дасп выходъ больши князя Михаила тверьского, мы тебѣ великое княженіе дадимъ“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 189), такъ что слѣдствіемъ княжеской „при великой“ была „тягота велика въ Русской земли“. Въ судѣ надъ кн. Михаиломъ играло роль обвиненіе, что онъ не выполнилъ обязательствъ („царевы дани не давалъ есп“), причемъ характерны его ссылка—въ оправданіе—на то, сколько онъ далъ „сокровищъ“ хану и ордынскимъ князьямъ и сцена его униженія Кавгадыемъ передъ его ордынскими заимодавцами (т. V, стр. 211—212; т. VII, стр. 192—194).

[2]) „Пріиде благовѣрный князь Михайло на Русь и посаженъ бысть на столѣ великого княженія въ Володимери блаженнымъ и приснопамятнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси Максимомъ“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 208; т. VII, стр. 189). Воскресенская лѣтопись относитъ возвращеніе кн. Михаила на Русь къ концу 6812 г., Соф. I и Никоновская къ началу 6813 г.—осень 1304 г.

чившійся примиреніемъ князей. Московскимъ князьямъ пришлось признать Михаила великимъ княземъ, и тѣмъ закончилась первая вспышка московско-тверской борьбы.

Этотъ историческій моментъ характеризуется не только дѣятельнымъ участіемъ, но даже починомъ великокняжескаго боярства въ порывѣ князя Михаила къ захвату великокняжеской власти и возстановленію ея силы; порывъ окончился, по существу, неудачей, несмотря на формальное утвержденіе Михаила на столѣ великаго княженія; предстояла еще долгая и упорная борьба, чтобы наполнить эту форму желаннымъ подлиннымъ содержаніемъ [1]). Но само это содержаніе было бы не правильно оцѣнивать внѣ связи съ крупнымъ книжническимъ предпріятіемъ, какое около того же времени возникаетъ во Владимірѣ при митрополичьемъ дворѣ. Это предпріятіе — первый «общерусскій» лѣтописный сводъ, составленный, какъ съ достаточной убѣдительностью выяснилъ А. А. Шахматовъ, въ началѣ XIV вѣка [2]).

Тщательное сравненіе состава дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ привело А. А. Шахматова, между прочимъ, къ выводу, что ихъ составители опирались въ трудахъ своихъ на обширный лѣтописный сводъ «общерусскій» по содержанію, первая редакція котораго была доведена до 1305 г. [3])

---

[1]) Фактическіе итоги перваго періода борьбы Твери и Москвы во многомъ не ясны. Въ ближайшіе годы Михаилу пришлось съ большимъ трудомъ устанавливать свои отношенія къ Великому Новгороду; Переяславль остался въ московскихъ рукахъ. Но не знаемъ ни того, что собственно произошло въ Костромѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ, каковы были причины и дѣйствующія силы возникшихъ тамъ смутъ, ни того, какова была ближайшая судьба этихъ городовъ. Связь костромского движенія съ московской борьбой противъ кн. Михаила устанавливается посылкой на Кострому князя Бориса Даниловича; нижегородскаго — походомъ Михаила Ярославича въ 1311 году „на Нижній Новгородъ и на князя Юрья“, какъ читаемъ въ однихъ лѣтописяхъ, „на Нижній Новгородъ на князя Юрья“, какъ выражаются другія. „Избіеніе вѣчниковъ“ Михаиломъ Ярославичемъ не утвердило его власти въ Нижнемъ Новгородѣ; въ чьихъ рукахъ была Кострома послѣ упомянутыхъ событій — не знаемъ, но утвержденіе власти Михаила въ этомъ городѣ—сомнительно.

[2]) А. А. Шахматовъ, Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ. Глава III („Журналъ М—ва Народнаго Просвѣщенія“, 1900 г., кн. 11).

[3]) „Всего вѣроятнѣе, что онъ окапчивался тѣмъ самымъ извѣстіемъ 1305 г., которымъ замыкалась Лаврентьевская лѣтопись, ибо какъ понять иначе то обстоятельство, что Лаврентій, писавшій въ 1377 г., довелъ свой трудъ только до 1305 г.“ (тамъ же, стр. 150); на 1305 г. обрывался основной источникъ составителя „Лаврентьевскаго“ свода, который онъ дополнялъ по другимъ матеріаламъ. Къ этому основному источнику А. А. Шахматовъ относитъ все то общее, что есть въ Лаврентьевской лѣтописи съ такъ наз. Новгородской I, составитель которой использовалъ его, дополняя и редактируя свой сводъ также и по инымъ матеріаламъ. Послѣднее извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи: „въ лѣто 6813, индикта 2, мѣсяца іюня въ 23, на память св. мученицы Агрепины, въ день въ вторникъ“. А. Ѳ. Бычковъ въ примѣчаніи къ изданію Лавр. лѣт. указалъ: 1) что въ 6813 году индиктъ былъ 3-й, а 2-й — въ 6812 г.; 2) что 23 іюня приходилось на среду въ 6813 г., а на вторникъ

и обличала обиліемъ извѣстій о событіяхъ сѣверовосточной Руси свое владимірское происхожденіе. Богатый сводъ извѣстій о событіяхъ, часто мѣстнаго только значенія, во всѣхъ областяхъ Владиміро-суздальской земли въ рязанскихъ и черниговскихъ, новгородскихъ и псковскихъ, южно-русскихъ и литовско-русскихъ—свидѣтельствуетъ о такой широтѣ кругозора и интересовъ и о такомъ обиліи свѣдѣній и источниковъ, какіе мыслимы только при дворѣ русскаго митрополита. Само положеніе главы русской церкви давало митрополиту и его клирикамъ болѣе широкій кругозоръ; при митрополичьемъ дворѣ слѣдили за судьбами не одной какой либо земли, а всей Великороссіи, какъ и западной Руси. Съ другой стороны митрополичья каѳедра одна только и могла располагать средствами для выполненія подобнаго дѣла: сюда возможно было собрать изо всѣхъ епархій и крупныхъ монастырей мѣстныя лѣтописныя записи и своды; тутъ можно было имѣть свѣдѣнія о сколько-нибудь выдающихся событіяхъ во всѣхъ углахъ Русской земли. Важнѣе всего—съ общеисторической точки зрѣнія—самый замыселъ использовать эти возможности для составленія «общерусскаго» лѣтописнаго свода. Замыселъ этотъ, подготовленный старой южнорусской традиціей «Кіево-печерскаго Временника» и «Повѣсти временныхъ лѣтъ», сложился естественно въ великокняжескомъ стольномъ Владимірѣ при дворѣ митрополита въ связи съ опредѣленной политической тенденціей. Митрополиты, водворившись во Владимірѣ, становятся вліятельнымъ факторомъ сѣверорусской политической жизни: интересы церкви—въ широкомъ смыслѣ слова—дѣлаютъ ихъ сторонниками прекращенія всяческихъ смутъ и усобицъ и поборниками болѣе устойчиваго строя отношеній съ реальной, а не только титулярной — великокняжеской властью. Общерусскіе лѣтописные своды даютъ, тѣмъ самымъ, цѣнное освѣщеніе и поясненіе политической дѣятельности русскихъ митрополитовъ XIV и XV вѣковъ [1]).

Не случайно совпало появленіе перваго опыта общерусскаго лѣтописнаго свода съ моментомъ выступленія великокняжескаго боярства на путь энергичной борьбы за возрожденіе великокняжеской власти изъ постигшаго ее глубокаго упадка. Это боярство не могло не тяготиться все нараставшимъ ослабленіемъ и униженіемъ стараго политическаго центра, съ которымъ связаны были всѣ его интересы, а водвореніе во Владимірѣ митрополичьей каѳедры съ ея общерусскими интересами и старой традиціей поддержки внутренняго мира подъ охраной единаго главы свѣтскихъ властей должно было сильно оживить потребность въ выходѣ изъ создавшагося тягостнаго положенія.

въ 6812 г. Пожаръ церкви св. Ѳедора во Владимірѣ, о которомъ сообщаетъ подъ этой послѣдней своей датой Лаврентьевская лѣтопись, отмѣченъ въ Воскресенской лѣтописи подъ 23 іюля 6812 (1304) года—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184.

[1]) Ср. мои статьи: „Древне-русское лѣтописаніе“ и „Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI в.в.“ въ „Исторіи русской литературы до XIX в.“, изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго, т. I, гл. VIII и XII.

Другое хронологическое совпаденіе: года кончины митрополита Максима съ годомъ, на которомъ, по всей вѣроятности, остановилось изложеніе перваго общерусскаго лѣтописнаго свода—приводитъ А. А. Шахматова къ мысли, что составителемъ этого свода былъ митрополитъ, «и всего вѣроятнѣе митр. Петръ» [1]). Однако, то обстоятельство, что въ Лаврентьевской лѣтописи нѣтъ записи о кончинѣ митр. Максима (ум. въ декабрѣ 6813) свидѣтельствуетъ, повидимому, о завершеніи работы надъ сводомъ ранѣе этого событія, стало быть при митр. Максимѣ [2]). Замыселъ составленія «общерусскаго» лѣтописнаго свода и его осуществленіе при митрополичьемъ дворѣ—естественно поставить въ связь съ другими чертами дѣятельности митр. Максима. Это первый въ ряду управителей русской церкви, который носитъ титулъ «митрополита всея Руси» [3]), а появленіе такого титула надо признать симптомомъ возникновенія въ церковной средѣ тенденціи противопоставлять все нараставшему упадку единой свѣтской власти единство русской церковной власти. Если—позднѣе—Константинопольская патріархія будетъ отстаивать единство русской митрополіи противъ попытокъ ея раздѣленія политическимъ аргументомъ, что «великая Русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества», живущія въ раздорахъ и усобицахъ, а долгъ церкви «наставлять всѣхъ не только словомъ, но и дѣломъ въ любви, мирѣ, взаимномъ единеніи и согласіи» выполнимъ на Руси, «за невозможностью привести къ единству власть мірскую», только при сохраненіи единства митрополіи всея Руси, чтобы «единый для всѣхъ митрополитъ» былъ «какъ бы связью, соединяющею съ нимъ и между собою» разрозненныя политическія силы Руси [4]),—то эта мысль, связующая церковное единство съ мечтой о приведеніи къ единству власть мірскую, уже видна—и въ новомъ титулѣ митр. Максима и въ проявленіяхъ его дѣятельности на Руси. Митрополитъ Максимъ поддерживаетъ боярскую попытку не только утвердить за княземъ Михаиломъ Ярославичемъ столъ великаго княженія, но и усилить великокняжескую власть захватомъ важнѣйшихъ городскихъ центровъ Великороссіи.

Конечно, нѣтъ повода считать митрополита причастнымъ къ той так-

---

[1]) Въ статьѣ „Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI в.в.“ я принялъ это предположеніе А. А. Шахматова. Тутъ предлагаю нѣкоторую поправку къ толкованію наблюденій А. А. Шахматова.

[2]) О концѣ Лаврентьевской лѣтописи (т. е. ея „общерусскаго“ источника)—23 іюня 1304 г., т. е. ранѣе кончины митр. Максима (ум. въ декабрѣ 1304 г.) см. выше—стр. 106, примѣчаніе.

[3]) Начало „правила митр. Максима“: „Благословеніе Максима, митрополита всея Руси“ („Р. И. Б.“, т. VI², № 13); ср. „Правило Кирила, митрополита руськаго“—тамъ же, № 6.

[4]) Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митр. Пимена и возстановленіи Кипріана—1389 г. („Р. И. Б.,“ т. VI³, приложенія, № 33).

тикѣ торопливыхъ насилій, какими бояре спѣшили осуществить свои планы, но, по свидѣтельству сказанія объ убіеніи кн. Михаила, митр. Максимъ пытался своимъ вліяніемъ и посредничествомъ устранить соперничество съ нимъ кн. Юрія Дмитріевича. Сопоставленіе этихъ наблюденій даетъ основаніе полагать, что митр. Максимъ усмотрѣлъ въ тверскомъ князѣ ту силу, которая способна «привести къ единству власть мірскую», согласно съ тягой къ Михаилу Ярославичу великокняжескаго боярства. Этотъ союзъ митрополіи съ великокняжескими стремленіями Михаила нашелъ себѣ знаменательное выраженіе въ томъ, что Михаилъ Ярославичъ—первый изъ русскихъ князей—титулуется въ патріаршихъ грамотахъ къ нему «великимъ княземъ всея Руси» [1]).

Если такова среда, въ которой Михаилъ Ярославичъ нашелъ опору своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, то естественно поставить вопросъ: почему именно тверской князь сталъ центромъ ея политическихъ плановъ и стремленій? Къ такому результату вели общее состояніе Великороссіи и особое положеніе Тверского княжества.

Состояніе упадка, въ какомъ мы находимъ великокняжескую власть Сѣверной Руси на рубежѣ XIII и XIV столѣтій было лишь однимъ изъ симптомовъ глубокаго разстройства великорусской жизни. Лишь постепенно сказывались въ теченіе второй половины XIII вѣка тяжкія послѣдствія ордынскаго господства. Организованная эксплуатація русскаго улуса налажена татарской властью въ концѣ 50-хъ г.г. XIII в., но вызвала въ началѣ 60-хъ г.г. рядъ вспышекъ народнаго возстанія, которыя, конечно, не проходили даромъ Русской землѣ, несмотря на дѣятельное посредничество княжеской власти въ ея отношеніяхъ къ Ордѣ; однако, въ концѣ 60-хъ г.г., при ханѣ Менгу-Темирѣ «бысть ослаба Руси отъ насилья татарскаго»; между Русью и ханской властью установился извѣстный modus vivendi, котораго существеннымъ проявленіемъ были весьма частыя поѣздки князей въ Орду, какъ великихъ, такъ и остальныхъ—для полученія ханскаго «пожалованія» великимъ княженіемъ или «своими отчинами» и для улаженья въ Ордѣ другихъ русско-татарскихъ дѣлъ и вопросовъ. Къ 1273 г. наши источники относятъ вторую татарскую перепись русскаго улуса, но мы не знаемъ, въ чемъ состояло ея отличіе отъ первой и не была ли она простымъ «обновленіемъ» перваго «числа» [2]). Въ 70-хъ и 80-хъ г.г. XIII в. русскія обла-

---

[1]) М. А. Дьяконовъ, Кто былъ первый великій князь „всея Руси“? — „Библіографъ“, 1889 г., № 1; „Посланіе Нифонта, патріарха Константинограда, къ великому князю Михаилу всея Руси“ („Р. И. Б.“, т. VI², № 16). Тутъ же посланіе тверского инока Акиндина „великому князю Михаилу и честному самодержьцю рускаго настолованія“.

[2]) Ср. Н. Д. Чечулина, Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI в. („Библіографъ“, 1889, № 2). 1273 (6781)—Новг. IV (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 243); Никоновская (т. X, стр. 152) подъ 6783 (1275).

сти снова не мало потерпѣли отъ татарскаго «нахожденія», когда князья наводили на Русь «царевыхъ татаръ» ради своихъ усобицъ. Эпическія выраженія лѣтописей при описаніи этихъ татарскихъ «нахожденій»: «всю землю пусту сотвориша», ушли, надѣлавъ «много зла» и съ большимъ «полономъ», только скрываютъ отъ насъ возможность нагляднаго, хотя бы приблизительнаго, представленія о размѣрахъ раззоренія, говорятъ, однако, о томъ, что оно было весьма значительно. Столь же мало конкретнаго въ нашихъ свѣдѣніяхъ о тягости татарской дани; знаемъ только, что она увеличивалась вымогательствами ханскихъ пословъ и баскаковъ, экстренными «запросами» ордынской власти и «проторями» сношеній съ Ордой, гдѣ приходилось откупаться отъ ханскаго гнѣва и вкупаться въ ханскую милость. При преемникахъ Менгу-Темира Золотоордынское царство переживаетъ періодъ внутренней дезорганизаціи, смутъ и прямого распада. Не ослабляя тяготы ордынскаго господства для Руси, внутреннее броженіе татарскаго міра и ослабленіе ханской власти усугубили опасность татарскаго сосѣдства. Послѣднія десятилѣтія XIII в. отмѣчены татарскими набѣгами на рязанскіе и муромскіе предѣлы. Рязанское княжество, предоставленное собственнымъ силамъ, все болѣе обособлялось, подавленное татарскимъ засильемъ; отношенія рязанскихъ князей къ Ордѣ естественно опредѣлялись помимо великокняжескихъ. Южная украйна Великоѳроссіи не была сколько-нибудь опредѣленно отграничена отъ татарской степи, и русская колонизація постепенно ползла къ югу, за р. Воронежъ, на Хоперъ и Великую Ворону, хотя и подъ постояннымъ давленіемъ татарской опасности. Слагались и крѣпли свои мѣстные рязанскіе интересы, наростала своя организація мѣстной политической силы «великаго княжества» Рязанскаго, внѣ воздѣйствія великорусскаго центра, нарасталъ и естественный антагонизмъ къ нему.

Восточныя отношенія Великороссіи приняли иной характеръ, сравнительно съ прежними временами. Не слышно больше о походахъ русскихъ князей на мордву и въ Прикамье. Восточно-финскія племена подъ непосредственной властью татаръ; и тутъ, въ значительной мѣрѣ, отрѣзаны пути колонизаціи и завоеванія. Политическое измельчаніе восточныхъ областей Великороссіи естественный результатъ упадка какой-либо активной политики на восточныхъ ея предѣлахъ. Упадокъ великокняжеской власти лишилъ эти области опредѣленнаго политическаго центра; XIV в. лишь постепенно выработаетъ тутъ организацію мѣстной силы вокругъ нижегородскаго княжескаго стола. Иное положеніе дѣлъ видимъ въ западной Великороссіи.

Двойственный характеръ дѣятельности Александра Невскаго—боевая оборона на западѣ и безсильная покорность на востокѣ,—надолго опредѣлилъ политическую жизнь Великороссіи, такъ какъ явился неизбѣжнымъ слѣдствіемъ непреодолимыхъ внѣшнихъ условій. Разстройство и упадокъ велико-

княжеской власти и тутъ сказались децентрализаціей боевыхъ усилій и руководства ими. Мы видѣли, какъ росла самостоятельность мѣстной новгородской политики, какъ Псковъ обособился въ своихъ мѣстныхъ интересахъ и отношеніяхъ. Однако, Тверское княжество не могло оторваться отъ дѣятельнаго участія въ этой западной борьбѣ, такъ какъ она близко и непосредственно его касалась. Усиленіе западныхъ враговъ сказывалось нападеніями на тверскія волости, а экономическіе интересы издавна связывали Тверь съ Новгородомъ. Весьма вѣроятно, что Тверь и первымъ заселеніемъ обязана была новгородской торговлѣ по связи городка на устьѣ Тверцы съ Торжкомъ на ея верховьяхъ [1]). Со временъ Всеволода Юрьевича Тверь въ рукахъ Владимірскаго князя, ключъ къ Торжку и Новгородской области [2]). Литовскіе набѣги 1245 и 1248 г.г. близко коснулись тверской области; послѣдній изъ этихъ набѣговъ былъ отраженъ, послѣ гибели въ бою съ литовцами Михаила Хоробрита, только подъ Зубцовомъ соединенными силами низовской земли. При такихъ связяхъ съ западомъ—въ торговыхъ выгодахъ и боевыхъ опасностяхъ—естественна западная оріентировка тверскихъ интересовъ и отношеній, столь характерная для всей исторіи Тверского княжества [3]). Тверской князь въ концѣ XIII в. оказался тѣмъ представителемъ княжой власти, которому неизбѣжно было принять на себя руководящую роль въ политическихъ отношеніяхъ западной Великороссіи, какъ наслѣдіе разлагавшейся великокняжеской силы. Тверское княжество оказалось достаточно окрѣпшимъ, чтобы стать опорой для болѣе широкихъ политическихъ стремленій своего князя-отчича. Этотъ князь выступаетъ крупной и самостоятельной политической величиной въ эпоху борьбы старшихъ Александровичей за великое княженіе. Тверской князь Святославъ Ярославичъ поддерживалъ, на первыхъ порахъ, вмѣстѣ съ новгородцами и московскимъ Даніиломъ, князя Андрея противъ в. к. Дмитрія Александро-

---

[1]) См. замѣчанія В. С. Борзаковскаго (Ист. Тверскаго княжества, ст. 18—19) и ихъ оцѣнку у А. В. Экземплярскаго (указ. соч., т. II, стр. 445). Грамота кн. Всеволода Мстиславича опредѣляетъ пошлины „съ тверского гостя и съ новгородцкого и съ бѣжицкого“ (Д. къ А. И., т. I, № 3); слова „съ тверского гостя“ вызывали много сомнѣній: но они могли бы быть скорѣе выпущены въ позднѣйшихъ спискахъ—редакціяхъ, какъ не соотвѣтствующія памятной дѣйствительности, чѣмъ добавлены. Въ 1181 г. новгородская и черниговская рати сошлись для похода на Всеволода Юрьевича „усть Тфери“ (П. С. Р. Л., т. III, стр. 17: „устье Тьхвери“; т. IV², стр. 170 и т. V, стр. 167: „усть Твери“).

[2]) Подъ 1216 г.: кн. Ярославъ Всеволодовичъ занялъ Торжокъ и замкнулъ сообщенія новгородцевъ съ низовской землей, мужи его „учиниша твердь, пути отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тферцу“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 120) или: „собравше Тверичь и пути отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тверцу“ (т. X, стр. 169).

[3]) Подобно Пскову, Тверь рано завязала связи съ Литвой. Второй тверской епископъ Андрей былъ сыномъ литовскаго князя Герденя, соучастника (съ Довмонтомъ) въ убіеніи Миндовга (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 165).

вича, но князья примирились съ Дмитріемъ передъ вторичной наводкой Андреемъ татаръ на русскія области. Переходъ власти въ Твери къ Михаилу Ярославичу [1])—отмѣченъ столкновеніемъ его съ в. к. Дмитріемъ [2]), но Михаилъ не примкнулъ къ его врагамъ; тверскіе бояре организовали сопротивленіе татарской силѣ, которую князь Андрей привелъ на брата Дмитрія. Тверь стала убѣжищемъ для уходившихъ изъ другимъ областей отъ татарскаго насилія [3]), и объ это тверское сопротивленіе разбились и татарское «нахожденіе» и планы кн. Андрея: въ Твери нашелъ Дмитрій Александровичъ опору и поддержку, и Андрей занялъ великое княженіе только по смерти брата. Вліятельную роль играетъ тверской князь и въ спорахъ за Переяславль, хотя эти споры и разрѣшились, повидимому, не согласно съ его стремленіями. Союзный договоръ 1296 г. съ Новгородомъ, участіе въ Переяславскомъ и Дмитровскомъ съѣздахъ—характеризуютъ тверского князя какъ самостоятельную и вліятельную политическую силу въ общихъ дѣлахъ Владимірскаго великаго княжества. Такъ вся предыдущая дѣятельность князя Михаила могла создать почву для его сближенія съ митр. Максимомъ и съ великокняжескимъ боярствомъ. А положеніе Тверского княжества на западныхъ предѣлахъ Великороссіи воспитало въ немъ наибольшую широту политическаго кругозора, какая была еще доступна русскому князю XIII вѣка. На первыхъ же порахъ самостоятельнаго княженія Михаилу Ярославичу пришлось пережить событіе, которое наглядно вскрывало необходимую связь мѣстныхъ тверскихъ интересовъ съ единствомъ Владимірскаго великаго княжества. Въ 1285 г. «воеваша Литва Олешну и прочіи волости владыки тверского; и совокупишася на нихъ тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи — и угониша ихъ на лѣсѣ, канунъ Спасову дни, и биша ихъ, а князя ихъ Доманта яша и Литву многу изнимаша, а иные избиша, а друзіи убѣжаша, а полонъ весь отъяша, и возвратишася во свояси». Одними силами тверского княжества такой успѣхъ былъ бы недостижимъ. Все болѣе опасныя столкновенія съ Литвой, торговыя и по-

---

[1]) Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстія о смерти старшаго Ярославича—Святослава и вокняженіи Михаила: послѣднее упоминаніе о Святославѣ подъ 1282 г., первое о Михаилѣ подъ 1285 г.

[2]) Причины его не указаны въ нашихъ источникахъ, только Тверская лѣтопись поясняетъ общо и риторично,—что Михаилъ „не восхотѣ поклонитися“ великому князю.

[3]) „Татарове же поимавше прежереченныя грады [14 городовъ] и восхотѣша ити на Тверь; бысть же печаль велика Тверичемъ, не бяше бо у нихъ князя, тогда бо князь Михаилъ въ Ордѣ бысть; они же цѣловаша межи себѣ крестъ и сѣдоша во осадѣ, укрѣпившися на томъ, яко битися съ Татары, а не предатися; бѣ бо множество людій збѣглося во Твери изо иныхъ княженій передъ ратью. Въ то же время и князь ихъ пріиде изъ Орды, и срѣтоша его со кресты и бысть радость велика Тверичемъ. Татарове же, слышавше пришедша князя Михаила, и не поидоша ко Твери,“ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180.

литическія связи съ Великимъ Новгородомъ, Псковомъ и Смоленскомъ, которыхъ западныя отношенія сильно осложнялись напряженной борьбой съ враждебными сосѣдями, все это выдвигало Тверь, какъ опорный пунктъ великорусской западной политики, а ея князя выводило за грани чисто «мѣстныхъ» интересовъ на болѣе широкую историческую арену. Съ другой стороны, разрѣшеніе задачъ этой политики—одновременно тверской и великорусской—требовало объединенія значительныхъ силъ въ такую пору, когда все очевиднѣе выступало безсиліе Владимірскаго центра. Для недовольныхъ упадкомъ великокняжеской власти, для мечтавшихъ о такомъ великомъ княженіи, какое было при Всеволодѣ Юрьевичѣ и при Александрѣ Невскомъ, тверской князь—дѣятельный, энергичный и честолюбивый—могъ показаться естественнымъ наслѣдникомъ этихъ сильно расшатанныхъ традицій и будущимъ ихъ возстановителемъ. Михаилъ Ярославичъ и добивается великокняжеской власти, опираясь на свое тверское княжество, на содѣйствіе великокняжескаго боярства и митрополичьей каѳедры. Въ первомъ же столкновеніи его съ Москвой—дѣло идетъ не только о столѣ Владимірскаго великаго княженія. Вопросъ поставленъ сразу широко и круто: великій князь долженъ обладать подлинной политической силой и владѣть всѣми главными пунктами великорусской политико-географической области отъ Нижняго Новгорода до Новгорода Великаго. Круто и насильственно проведена была первая попытка осуществить эти притязанія, и разбилась о сопротивленіе мѣстныхъ общественныхъ силъ—въ Великомъ Новгородѣ, въ Костромѣ, въ Новгородѣ Нижнемъ — и опаснаго соперника, московскаго князя.

II.

Пристально всматриваясь въ это выступленіе Твери и Москвы, какъ двухъ наиболѣе сильныхъ центровъ тогдашней великорусской жизни, М. К. Любавскій почуялъ за такимъ подъемомъ «младшихъ» по исторической роли и политическому значенію городовъ Великороссіи народную опору ихъ силы въ приливѣ населенія къ болѣе западнымъ областямъ старой Ростово-Суздальской области, и высказалъ предположеніе, что такой сдвигъ ея населенія къ западу былъ вызванъ «замѣтнымъ захирѣніемъ» средней и восточной полосы «низовской» земли подъ тяжкими ударами татарскихъ нападеній послѣ Батыева погрома и утвержденія ордынскаго господства. «Если вникнуть въ разсказъ лѣтописи о Батыевомъ погромѣ и послѣдовавшихъ за нимъ, говоритъ М. К. Любавскій, то окажется, что эти погромы постигали преимущественно наиболѣе населенныя мѣстности Суздальской земли», и считаетъ вѣроятнымъ, что уже послѣ перваго погрома часть населенія не вернулась на старыя пепелища, а ушла къ западу и сѣверу. «Повторныя татар-

скія нахожденія сбивали населеніе Суздальской земли въ этомъ направленіи втеченіи всей второй половины XIII вѣка» [1]).

Событія 1293 г., когда «царевы татары», союзники князя Андрея Александровича раззорили восточныя и среднія области сѣверной Руси, но не рѣшились итти на Тверь, потому что только тутъ встрѣтили «укрѣпленіе» на самозащиту, «бѣ бо множество людій сбѣглося во Твери изъ иныхъ княженій», въ значительной мѣрѣ подсказали М. К. Любавскому его мысль и дали ему—не обоснованіе, а подходящую иллюстрацію ея. Мысль эту можно признать плодотворной гипотезой, которая даетъ нѣкоторое освѣщеніе развитію внутренней колонизаціи, боярскаго и монастырскаго землевладѣнія, словомъ тѣмъ явленіямъ внутренней жизни Великорусскаго центра — земли московской и тверской области, изученіе которыхъ доступно намъ, къ сожалѣнію, только по болѣе позднимъ грамотамъ (второй половины XIV и XV вѣка). Гипотеза М. К. Любавскаго—остроумная попытка заглянуть поглубже въ тотъ историческій процессъ, какой выясняется по даннымъ иного рода, касающимся политической исторіи Великороссіи. Политическая сила Великороссіи отступаетъ въ началѣ XIV в. къ западу, ища себѣ болѣе устойчиваго и крѣпкаго центра, чѣмъ ослабѣвшій Владиміръ. Время борьбы Твери съ Москвой—знаменательный моментъ колебанія въ этихъ поискахъ новой концентраціи великорусской силы, когда опредѣлилось успѣшное соперничество Москвы съ блестящимъ и притязательнымъ, но кратковременнымъ подъемомъ Тверского княжества.

Для моего изложенія, построеннаго на возможно тщательномъ различеніи историческихъ моментовъ, не представляетъ интереса суммарный разборъ пресловутыхъ «причинъ возвышенія Москвы». Остановлюсь въ немногихъ строкахъ лишь на одной изъ нихъ, чтобы принять за исходный пунктъ всего изученія исторіи Москвы ту оцѣнку ея географическаго положенія, какую даетъ С. Ѳ. Платоновъ въ статьѣ: «О началѣ Москвы» [2]).

Вдумываясь въ лѣтописныя извѣстія о Москвѣ [3]), С. Ѳ. Платоновъ отмѣчаетъ, что Москва лежитъ на перекресткѣ нѣсколькихъ путей — на сѣверъ, къ Ростову; на сѣверо-востокъ, къ Владиміру; на югъ въ Черниговскую землю; на Коломну, къ Рязани; на Можайскъ, къ Смоленску [4]). Это

---

[1]) М. К. Любавскій, Возвышеніе Москвы,—статья въ I т. изданія: „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“. М. К. Любавскій устанавливаетъ, что „въ XII и большей части XIII вѣка населеніе Суздальской земли группировалось преимущественно въ средней ея части и восточной, а западная окраина ея, территорія позднѣйшихъ княжествъ Московскаго и Тверского, была слабо заселена“, и собираетъ данныя, указывающія на замѣтный ростъ населенности этихъ территорій къ исходу XIII и въ началѣ XIV в.в.

[2]) „Библіографъ“, 1890 г., кн. 5—6. Перепечатана въ „Статьяхъ по русской исторіи“.

[3]) „до половины XIII в. (даже и позже)“.

[4]) Пути на Новгородъ, откуда в. к. Всеволодъ Юрьевичъ вызвалъ въ 1207 г.

значеніе московскаго перекрестка—прежде всего, стратегическое, «пограничнo-военное». Оно выяснилось на самомъ ходѣ военно-политическихъ событій еще въ дотатарскую эпоху, когда Москва «погранично-военный» пунктъ Владимірскаго великаго княжества [1]).

Именно поэтому, надо полагать, Москва долго не имѣла значенія самостоятельнаго центра мѣстной княжеской власти, оставаясь великокняжескимъ «городкомъ». И то-же боевое значеніе Москвы, но уже не «погранично-военное», а политико-стратегическое, опредѣлило въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ отношеній ея роль, какъ центра новой организаціи боевыхъ силъ Великороссіи, которая объединитъ ихъ разрозненные элементы и возстановитъ утраченное единство великорусской борьбы на три фронта—на востокъ, югъ и западъ. Не Твери, слишкомъ поглощенной западными отношеніями, было сыграть эту историческую роль объединительницы не только власти надъ всей Великороссіей, но и всѣхъ основныхъ интересовъ великорусской жизни. Москвѣ одинаково близки эти интересы какъ на западѣ—отношенія къ Великому Новгороду и Твери съ ихъ неустанной борьбой, экономическими и культурными связями въ Прибалтійскомъ краю и въ литовской Руси, такъ на востокѣ и югѣ—отношенія къ татарскому міру, задачи торговаго, колонизаціоннаго и земледѣльческаго движенія въ Поволжье и на югъ отъ Оки. Конечно, для характеристики первыхъ шаговъ Москвы—все это весьма отдаленныя перспективы, своего рода «предсказанія post factum»; однако, они указываютъ на прямую связь нѣкоторыхъ моментовъ, характерныхъ для ранней исторіи московскаго княжества, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ея исторической роли и плодотворно настораживаютъ вниманіе изслѣдователя.

Иныя соображенія помогутъ, быть можетъ, освѣтить самое выступле-

---

сына Константина съ войскомъ въ Москву, какъ сборный пунктъ его рати для похода на Черниговъ, С. Ѳ. Платоновъ не поминаетъ особо, изучая „начало Москвы“; но для выясненія позднѣйшей ея роли существенно сопоставить его наблюденія съ легкимъ доступомъ изъ Москвы путей къ Новгороду и Твери.

[1]) Что бы ни говорили тѣ же историко-географическія наблюденія о выгодахъ положенія Москвы для развитія ея торговаго значенія, они не могутъ, сами по себѣ, вести къ заключенію отъ возможности, даже удобства—къ дѣйствительности въ любую (въ данномъ случаѣ—древнѣйшую) пору. „Если вдуматься въ извѣстія лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы“, замѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ, и заключаетъ свой этюдъ такъ: „Слѣдуя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва—пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга. Москва—пунктъ, на который прежде всего нападаютъ враги Суздальско-Владимірскихъ князей. Москва, наконецъ,—исходный пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимірскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга.... цѣль обороны съ юга преслѣдовалась, вѣроятно, и построеніемъ города Москвы“.

ніе московскихъ князей съ настойчивыми притязаніями на столъ великаго княженія и на руководящую роль въ политическихъ судьбахъ Великороссіи. Притязанія эти едва ли были до такой степени лишены основанія въ княжой традиціи, какъ это представлялось, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, В. О. Ключевскому [1]). По смерти братьевъ Даніилъ Александровичъ остался единственнымъ представителемъ потомства Александра Невскаго. Еще при великомъ княженіи брата Андрея и противъ него, онъ сумѣлъ укрѣпить свое положеніе, утвердившись на Переяславскомъ княженіи. Столъ этого княженія—основная отчина Александровичей Невскаго, а тѣсная его связь съ великимъ княженіемъ «Владимірскимъ и Новгородскимъ» подсказывала притязанія на преимущественное ихъ преемство по отцу во всемъ объемѣ его власти и княженія [2]). Съ московской точки зрѣнія борьба съ Тверью имѣла цѣлью замкнуть Ярославича и его потомковъ въ ихъ тверской отчинѣ, сохранивъ руководящее значеніе и потомственное старѣйшинство во Владимірскомъ великомъ княженіи за потомствомъ Александра Невскаго, какъ и тверскіе

---

[1]) Для С. М. Соловьева соперничество Москвы съ Тверью объяснимо тѣмъ, что „мѣсто родовыхъ счетовъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрій Московскій былъ также силенъ, если еще не сильнѣе Михаила Тверского, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ“ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 901);даже съ точки зрѣнія „теоріи родового быта“, быть можетъ, не слѣдовало бы столь индивидуалистически понимать „родовые счеты“, игнорируя вопросъ о старшинствѣ цѣлыхъ „линій“. В. О. Ключевскій развиваетъ Соловьевское объясненіе въ томъ смыслѣ, „что московскій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старшій великокняжескій столъ“ и потому „чувствовалъ себя безправнымъ, точнѣе обездоленнымъ среди родичей“ и выработалъ себѣ „своеобразную политику“, не стѣснявшуюся „политическими преданіями и приличіями“ („Курсъ русской исторіи“, ч. II, стр. 11).

[2]) Ср. выше на стр. 55, о борьбѣ за отцовское наслѣдіе сыновей в. к. Ярослава Всеволодовича; объ отношеніи „отчинной“ традиціи къ Новгороду и Владимірскому великому княженію на стр. 66 — 67; о томъ же говоритъ вся біографія кн. Дмитрія Александровича, напр. его новгородская дѣятельность при великомъ княженіи дяди Ярослава. Усобицы между братьями Александровичами не упраздняютъ притязаній каждаго изъ нихъ на слѣдованіе по отчимъ стопамъ съ устраненіемъ братьевъ, хотя бы и старшихъ. Сказаніе о убіеніи в. к. Михаила Ярославича (Великія Минеи, ноябрь, ст. 3093 и П. С. Р. Л., т. VII, стр. 189) сохранило любопытный намекъ на неудовлетворенныя „отчинныя“ притязанія московскихъ князей. Тутъ повѣствуется о переговорахъ, какіе велъ митр. Максимъ съ кн. Юріемъ, чтобы отклонить его отъ соперничества съ Михаиломъ Ярославичемъ изъ за великаго княженія: „азъ имаюся тебѣ, говорилъ ему митрополитъ, съ великою княгинею Оксиньею, матерію великаго князя Михаила, чего восхощешь изо отчины вашея, то ти дасть“. Это—литературно обработанное—извѣстіе содержитъ цѣнное реальное указаніе, что Даниловичи выдвигали притязанія на свою „отчину“, но что это могло быть, какъ не „дѣдина“ по Александрѣ Невскомъ, разъ отчина по Даніилѣ и такъ была въ ихъ рукахъ? Захватъ Юріемъ Костромы можно признать нѣкоторымъ конкретнымъ указаніемъ на притязанія Даниловичей.

князья боролись за свои «отчинныя» права на столъ великаго княженія—силой оружія и ханскаго ярлыка.

Утвержденіе московскихъ князей на Переяславскомъ княженіи, само по себѣ, ставило ихъ въ положеніе неизбѣжныхъ претендентовъ на великокняжескую власть, прежде всего потому, что того требовало стремленіе обезпечить за собой обладаніе Переяславлемъ. Носители великокняжескаго титула и власти—Андрей Александровичъ, Михаилъ Ярославичъ — сами придаютъ Переяславлю значеніе составной части непосредственной территоріи великаго княжества и не мирятся съ его уходомъ въ московскія руки. Не даромъ Переяславль никогда не входилъ въ составъ московской вотчины, конечно—до той поры, пока само великое княжество не слилось съ этой вотчиной въ одно цѣлое «московскаго государства». Такъ и въ силу своего ближайшаго отношенія къ великому княжеству, и въ силу своего значенія, какъ отчины по Александрѣ Невскомъ, столъ Переяславскаго княженія выводилъ своихъ князей на арену борьбы за великокняжескую власть [1]). И первый

---

[1]) О первоначальной исторіи Москвы знаемъ чрезвычайно мало. И. Е. Забѣлинъ нашелъ въ краткихъ старѣйшихъ упоминаніяхъ о ней исходный пунктъ для наброска широкими и сочными мазками кисти археолога-художника ея облика, какъ типичной княжеской вотчины. Первое изъ нихъ говоритъ о томъ, какъ въ 1147 г. кн. Юрій Долгорукій звалъ къ себѣ на „Москов“ (такъ въ Ипатьевской лѣтописи, изд. 2-е, стр. 339) Черниговскихъ князей, чествовалъ ихъ тутъ „обѣдомъ сильнымъ“ и „дарами многими“. Извѣстія 1176 и 1177 г. г. (та же лѣтопись) сохранили названіе Москвы Куцковомъ или Кучковымъ (съ чѣмъ связано преданіе о селѣ боярина Кучка, отнятомъ у него кн. Юріемъ) и разсказъ о томъ, какъ Глѣбъ рязанскій, придя на Москву, сжегъ „городъ весь и села“. Эти намеки слагаются у Забѣлина въ яркое представленіе о „княжескомъ хозяйственномъ селѣ“ съ угодьями для хлѣбопашества, огородничества и садоводства, исполненномъ „всѣми надобными запасами“, а затѣмъ—о вотчинномъ городѣ, который окруженъ рядомъ деревень и слободъ, обслуживавшихъ хозяйство князя-вотчинника. Извѣстіе Тверской лѣтописи подъ 1156 г. (весьма ненадежное—см. о немъ въ упомянутой статьѣ С. Ѳ. Платонова; что до даты, то С. Ѳ. Платоновъ не обратилъ вниманія на общее свойство этой лѣтописи: она вообще спѣшитъ въ своей хронологіи) приписываетъ закладку „города“ Москвы Юрію Долгорукому; во всякомъ случаѣ съ 70-хъ г.г. XII в. имѣемъ опредѣленныя извѣстія о московскомъ „городѣ“. Когда же стала Москва „стольнымъ“ городомъ? Владиміръ Всеволодичъ въ 1212 г.„ затворился въ Москвѣ“ во время усобицы, а по заключеніи мира былъ „выведенъ“ изъ нея в. к. Юріемъ и посланъ на княженіе въ южный Переяславль: это отнюдь не свидѣтельство о томъ, чтобы Владиміръ княжилъ въ Москвѣ. Михаилъ Хоробритъ связанъ съ Москвой только тѣмъ, что два лѣтописныхъ свода—Новгородская IV и Тверская лѣтописи, сообщая о его смерти называютъ его „московскимъ“, что другими лѣтописями не подтверждается. А въ 1282/3 г. выступаетъ въ усобицѣ старшихъ Александровичей ихъ братъ Даніилъ „съ Москвичи“. Когда и какъ сталъ онъ владѣть Москвой—не знаемъ. В. О. Ключевскій правъ, изображая Даніила „обездоленнымъ среди родичей“, но не потому, чтобы московскій князь „не могъ питать надежды“ на великое княженіе „по очереди“, а потому, что владѣлъ онъ только Москвой, которая не была „стольнымъ“ городомъ, но лишь „волостью“ великаго княженія безъ политическаго прошлаго. Если

же владѣтельный князь московскій добивается сверхъ «вотчинной» волости Москвы — «стольнаго» Переяславля. Сыну его Юрію съ трудомъ удалось отстоять и закрѣпить за собой Переяславское княженіе. Быть можетъ въ нѣкоторой связи съ борьбой за Переяславль стоитъ нападеніе кн. Юрія на Можайскъ: онъ взялъ тутъ князя Святослава Глѣбовича, племянника Ѳедора Ростиславича, котораго мы видѣли въ ряду противниковъ московскаго князя, на сторонѣ в. к. Андрея. Московское плѣненіе—послѣднее извѣстіе о Святославѣ, а Можайскъ остался за Москвой, слитый съ московской вотчиной. По наслѣдству отъ кн. Даніила осталось на рукахъ у Юрія Даниловича другое дѣло, поведшее къ неменѣе существенному расширенію и усиленію этой вотчины; кн. Даніилъ ходилъ въ 1301 г. ратью на Рязань и, несмотря на то, что съ рязанскимъ княземъ Константиномъ Романовичемъ выступила противъ него татарская помощь, разбилъ его подъ рязанскимъ Переяславлемъ и увелъ плѣнникомъ въ Москву. Первымъ дѣломъ Юрія Даниловича послѣ примиренія съ в. к. Михаиломъ было убіеніе отцовскаго плѣнника [1]). Результатомъ этихъ дѣяній было присоединеніе къ московскимъ владѣніямъ Коломны [2]). Роль, какая выпала — въ дальнѣйшемъ—Можайску и Коломнѣ,

---

принять весьма вѣроятное предположеніе А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 273, что Даніилъ, оставшійся послѣ отца малымъ ребенкомъ (род. 1261 г.)—получилъ Москву отъ брата Дмитрія, то понятна его упорная вражда къ старшимъ братьямъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о захватѣ князя Константина „нѣкакою хитростью“ (стр. 462). Никоновская (т. X, стр. 173), повторивъ тотъ же текстъ, даетъ поясненіе этого намека: „крамолою ихъ же бояръ Рязанскихъ“ и приписываетъ кн. Даніилу самыя благія намѣренія: „приведе его съ собою въ Москву и дръжа его у себя въ нятьи, но въ береженіи и въ чести всяцей, хотяше бо ся съ нимъ укрѣпити крестнымъ цѣлованіемъ и отпустити его въ его отчину на великое княженіе Рязанское“. Книжникъ-редакторъ не достаточно согласовалъ это освѣщеніе дѣла со своей же редакціей извѣстія объ убіеніи кн. Константина, гдѣ о его плѣненіи сказано: „его же поималъ хитростію нѣкоею на бою“ кн. Даніилъ (т. X, стр. 176). Все это—черты редакціонной работы, а не показаніе источника, какъ и устраненіе татаръ изъ Переяславскаго боя: „одолѣ и много бояръ и людей избилъ“ (въ Никон.) вм.: „одолѣ князь Данило и много татаръ изби“ (Воскр.).

[2]) Лѣтописные тексты не упоминаютъ о захватѣ Коломны, но затѣмъ—ею владѣетъ Иванъ Калита. Д. И. Иловайскій („Ист. Рязанскаго княжества“, стр. 91) предполагаетъ, что захватъ Коломны былъ цѣлью похода кн. Даніила на Рязань. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 884 и 903), не приписывая захвата Коломны кн. Даніилу, говоритъ, что Юрій ее „удержалъ“. Карамзинъ поставилъ присоединеніе Коломны въ связь съ дѣйствіями Юрія (Ист. Гос. Росс.“ т. IV, ст. 107 и прим. 211) Троицкая лѣтопись (Карамзинъ, т. IV, прим. 211 и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 86), сообщаетъ подъ 6815/1307, т. е. по убіеніи Константина, о возвращеніи кн. Юрія „на Московъ съ Рязани“; возможно, что все рязанское дѣло связано съ вмѣшательствомъ Москвы въ рязанскія смуты, о которыхъ, впрочемъ, ясныхъ и точныхъ свѣдѣній лѣтописи намъ не даютъ: ср. предположенія А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 577. Коломна ключь къ Рязанской землѣ съ сѣвера: ея крупное стратегическое значеніе вполнѣ опредѣленно выступаетъ еще въ исторіи сѣверной Руси временъ в. к. Все-

исходнымъ пунктамъ московскихъ походовъ къ Смоленску, съ одной, къ Окѣ и въ Поволжье, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о крупной цѣнности этихъ пріобрѣтеній: ими укрѣплялось и углублялось значеніе Москвы, какъ политико-стратегическаго центра Великороссіи.

На такъ укрѣпленной позиціи Юрій Даниловичъ могъ выступить сильнымъ соперникомъ Михаилу Ярославичу, несмотря на внутреннюю смуту, ссору съ братьями [1]), тѣмъ болѣе, что ему помогали промахи и неудачи в. к. Михаила.

III.

Первые годы великаго княженія Михаила Ярославича заняты новгородскими дѣлами и отношеніями къ митрополичьей каѳедрѣ. И оба вопроса—новгородскій и церковный—получили такой оборотъ, что московскій князь пріобрѣлъ новыхъ и мощныхъ союзниковъ, обезпечившихъ ему перевѣсъ надъ Тверью.

Боярская попытка занять Великій Новгородъ намѣстниками князя Михаила разбита сопротивленіемъ новгородцевъ и свелась къ докончанію «до пріѣзда князей»: и политическіе, и торговые интересы новгородцевъ вели ихъ къ признанію своимъ княземъ того, кто имъ обезпечитъ поддержку «низовской» рати и торговлю «безъ рубежа» по всей суздальской землѣ. Возвращеніе в. к. Михаила Ярославича изъ Орды и посаженіе его на столъ Владимірскаго великаго княженія—terminus post quem для переговоровъ его съ Великимъ Новгородомъ—осень 1304 г., а закончились эти переговоры его прибытіемъ въ Великій Новгородъ и посаженіемъ на столъ новгородскаго княженія 16 іюля 1307 г. [2]). Новгородцы приняли великокняжескихъ

волода Юрьевича (см. „Лѣтоп. по Лаврентьевск. списку“, стр. 363—4, 367—8, 381—2, 385, 411, 438; ср. Иловайскаго, указ. соч., стр. 64—65).

[1]) „Князь Александръ и Борисъ Даниловичи отъѣхаша съ Москвы въ Тверь“—6814/1306 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184. Въ Никоновской (т. X, стр. 176) событія этихъ лѣтъ изложены въ сильно сбитомъ порядкѣ и съ сомнительной хронологіей.

[2]) О посаженіи в. к. Михаила во Владимірѣ см. выше, стр. 105; его первый пріѣздъ въ Новгородъ—въ Новг. I лѣт. подъ 6816 г. (точнѣе: послѣ проставки 3-хъ годовъ: 6814, 6315, 6816), въ Новг. III подъ 6815; послѣднюю дату приняли Воскресенская (т. VII, стр. 185) и Никоновская (т. X, стр. 176); посаженіе на Новгородское княженіе произошло „въ недѣлю, на сборъ святыхъ отецъ 630 иже въ Халкидонѣ“, т. е. 16 іюля (Новг. I, стр. 310), которое приходилось на воскресенье въ 1307 г., а не въ 1308 г. Къ этому времени относятся новгородскія договорныя грамоты №№ 6, 7, 9, 10 и 11 (С. Г. Г. и Д., т. I); ихъ научное изданіе и замѣчанія объ ихъ датировкѣ—у А. А. Шахматова въ „Изслѣдованіи о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.“ А. А. Шахматовъ напрасно предположилъ, что грамоты 9—11 писаны „до полученія Михаиломъ великаго княженія“: различіе формулъ—„господину князю“ и „господину великому князю“ такого значенія не имѣетъ; напр. въ грамотѣ № 3, которая несомнѣнно обращена къ в. к. Ярославу, читаемъ—„господину князю“. До

намѣстниковъ, подчинились управленію «мужей» и суду судей Михаила Ярославича, но упорно настаивали на подчиненіи всего суда и управленія новгородской «пошлинѣ», которую по мѣрѣ возникновенія спорныхъ вопросовъ

возвращенія Михаила Ярославича изъ Орды на великое княженіе новгородцы не могли писать ему грамотъ, адресатъ которыхъ опредѣлился ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе.

Первой въ ряду этихъ грамотъ А. А. Шахматовъ признаетъ, съ достаточнымъ основаніемъ, изданную подъ № 9: новгородцы представили великому князю—за печатью архіепископа Ѳеоктиста—крестоцѣловальную грамоту, повтореніе той, на которой они въ 1269/70 г. докончали съ его отцомъ (№ 3), съ необходимыми редакціонными измѣненіями и небольшимъ дополненіемъ въ концѣ. Трудно угадать моментъ, когда на смѣну первому договору явился второй, формулированный въ основной договорной (№ 10) съ дополнительной грамоткой (№ 11); обѣ соединены бичевкой, на которой подвѣшена одна печать—того же владыки. А. А. Шахматовъ отмѣтилъ, что въ этихъ грамотахъ „гораздо болѣе фактическаго“, чѣмъ въ общемъ шаблонѣ первой договорной; „очевидно, замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, что Михаилъ былъ уже признанъ княземъ“. Понимать это надо такъ, что первое „докончаніе“ состоялось, и новгородцы приняли къ себѣ великокняжескихъ намѣстниковъ: они упомянуты въ дополнительной грамотѣ (№ 11: „како будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у владыцѣ и у своихъ мужь“), такъ что, дѣйствительно, „администрація края.... была уже въ рукахъ Михаила“; А. А. Шахматовъ указываетъ на то, что взиманіе вязчего упомянуто уже какъ злоупотребленіе Михайловыхъ судеи („а вязчего не пошло по новгородьской волости, то судіямъ твоимъ отложити“), что статья объ отказѣ великаго князя отъ „селъ и свободъ Дмитреевыхъ“, которыя были лишь пожизненно даны в. к. Андрею, предполагаетъ проявленное Михаиломъ притязаніе на нихъ; можно бы въ такомъ же смыслѣ понять статью: „а что селъ, княже, на новгородьской земли твоихъ или княгынины хъ или бояръ твоихъ, тѣхъ селъ тобѣ съступитися....“—въ дополненіе къ общему требованію селъ и слободъ не ставить, не принимать и не покупать. Дополнительная грамота (№ 11) требуетъ, чтобы великій князь „не кормилъ новгородскимъ хлѣбомъ“ Ѳедора Михайловича (вѣроятно бѣлозерскаго князя, о которомъ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 161) и Бориса Константиновича (?) и вывелъ ихъ изъ Новгородской области съ ликвидаціей заведеннаго ими землевладѣнія. Впрочемъ, сомнительно, чтобы первое „докончаніе“ новгородцевъ съ в. к. Михаиломъ было закрѣплено его крестоцѣлованіемъ и отвѣтной грамотой, хотя фактически и осуществлялось; практика наладившагося новаго управленія уже успѣла вызвать нареканія, отразившіяся въ новыхъ грамотахъ (10 и 11), о которыхъ опять таки не можемъ утверждать, что онѣ были приняты и скрѣплены в. к. Михаиломъ. Окончательный договоръ былъ заключенъ въ 1307 г., передъ тѣмъ, какъ в. кн. Михаилъ прибылъ въ Новгородъ и „сѣде на столѣ“: документы этого договора—двѣ тожественныя по тексту грамоты (№№ 6 и 7)—одна за печатью владыки Ѳеоктиста, другая за печатью в. к. Михаила (съ помѣтой на оборотѣ: тфѣрьская михайлова): это и есть „фектистова грамота, что доконьчалъ (князь великій Михайло) со владыкою и съ послы новгородьскыми на Тфѣри“, которая вновь подтверждена мирнымъ докончаніемъ 1315 года (№ 12). Какъ ни близка—по всему составу договорныхъ пунктовъ—эта „Ѳеоктистова грамота“ къ новгородскимъ проектамъ договора, она сохранила слѣды того, что проредактирована была согласно встрѣчнымъ требованіямъ в. к. Михаила: таковы ея необычное начало—„на семъ, господине, Новгородъ весь хрѣстъ цѣлуетъ, княженіе твое честно держати, по

формулировали въ пунктахъ договорныхъ грамотъ, и на устраненіи такихъ дѣйствій княжеской власти и ея агентовъ, которыя нарушали ихъ «старину».

Отношенія оставались напряженными, и весьма вѣроятна оглядка новгородцевъ на Москву—соперницу Твери, хотя у насъ и нѣтъ извѣстій о сношеніяхъ между ними и московскимъ княземъ за эти годы. Только случайная запись въ одной богослужебной книгѣ намекаетъ на связь между новгородскими дѣлами и нападеніемъ в. к. Михаила на Москву въ августѣ 1307 года [1]). Назрѣвали событія, которыя вызовутъ новую борьбу между Тверью и Москвой при дѣятельномъ участіи Великаго Новгорода. Этими событіями отмѣченъ моментъ перелома въ политической исторіи сѣверной Руси, а связаны они съ судьбами митрополичьей каѳедры по смерти митрополита Максима.

IV.

Митрополитъ Максимъ умеръ въ декабрѣ 1304 года. В. к. Михаилъ Ярославичъ терялъ въ немъ авторитетную опору своихъ политическихъ стремленій. Естественно допустить попытку великаго князя повліять на замѣщеніе митрополичьей каѳедры. Въ такомъ смыслѣ истолковали В. С. Борзаковскій и Е. Е. Голубинскій исторію игумена Геронтія, о которомъ повѣствуется въ обоихъ житіяхъ св. Петра митрополита, что онъ поѣхалъ въ

пошлинѣ, безъ обиды“ и оборотъ рѣчи отъ лица князя, наперекоръ всему ея строю—отъ имени новгородцевъ—„а что пошлинъ князю въ новгородьской волости, того вы мене не таити въ всѣхъ волостьхъ“. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 903) отнесъ всѣ три грамоты (9—11) ко времени „тотчасъ послѣ перваго вступленія Михайлова на столъ новгородскій“, потому что не представлялъ себѣ возможнымъ подчиненіе Новгорода великокняжеской власти до этого „вступленія“; однако, А. А. Шахматовымъ указана запись въ Новгородской I лѣтописи подъ 1305-мъ годомъ, что Ѳеоктистъ поставилъ церковь Бориса и Глѣба „въ державу христолюбиваго князя Михаила“.

[1]) „Апостолъ“, законченный 22 августа 6815 г., а на немъ запись: „сего же лѣта бысть бой на руськой земли Михаилъ съ Юрьемъ о княженье новгородьское, при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князехъ которы, и вѣци скоротишася человѣкомъ“ (Горскій и Невоструевъ, Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, отд. I, № 45).

[2]) Въ Тверской лѣтописи: „Въ лѣто 6816 зимѣ князь великій Михайло приходилъ ратью къ Москвѣ и взялъ миръ“ (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 407); въ Воскресенской тоже подъ 6816 г.: „князь Михаилъ Ярославичъ ходи вдругіе къ Москвѣ ратью со многою силою, и бысть бой у Москвы, на память святаго апостола Тита, а града не взя и не успѣвъ ничтоже возвратися“ (т. VII, стр. 185, тоже т. X, стр. 177). Бой подъ Москвой произошелъ 25 августа 1307, а не 1308 г., такъ какъ тѣ же лѣтописные своды сообщаютъ о немъ непосредственно послѣ извѣстія о поставленіи на митрополію св. Петра (лѣтомъ 1307, а не 1308 г.—см. ниже), и эта дата подтверждается записью въ „Апостолѣ“ 1307, которая связана со вкладной записью („сии же апостолъ книгы вда святому пантелеймону изосимъ игуменъ сего же монастыря“), а ее слѣдуетъ отнести къ моменту завершенія писцомъ работы заказа игуменскаго.

Константинополь искать поставленія на русскую митрополію, причемъ захватилъ съ собой митрополичьихъ сановниковъ, ризницу митрополичью и много иконъ изъ Владимірскаго Успенскаго собора [1]). Житія не ставятъ дѣяній Геронтія на счетъ в. к. Михаилу, но указаніе Кипріановскаго житія на попустительство свѣтской власти («никому же возбраняющу ему») и на своевременную освѣдомленность о поѣздкѣ Геронтія галицкаго князя Юрія Львовича, женатаго на сестрѣ в. к. Михаила Ярославича, позволяютъ, помимо общихъ соображеній Е. Е. Голубинскаго, видѣть въ Геронтіи великокняжескаго кандидата на митрополичью каѳедру. Кн. Юрій Львовичъ, «не хотя высокоумія Геронтіева», сталъ хлопотать о поставленіи особаго митрополита для южной Руси и послалъ въ Константинополь одного изъ своихъ игуменовъ—Петра—кандидатомъ на Галицкую митрополію. Патріархъ Аѳанасій рѣшилъ дѣло по своему: поставилъ Петра на митрополію всея Руси (въ іюнѣ 1307 г.) [2]). Только черезъ годъ [3]) смогъ Петръ пріѣхать изъ Кіева во Владиміръ: врагъ рода человѣческаго, риторически поясняетъ митрополитъ Кипріанъ въ Житіи св. Петра, «нѣкихъ подгнети не хотѣти того пришествія», но затѣмъ эти противники митрополита «себе зазрѣша и святителя пріаша». Е. Е. Голубинскій угадываетъ за этой «прикровенностью рѣчей Кипріана» указаніе на противодѣйствіе митрополиту со стороны в. к. Михаила [4]); принять поставленнаго патріархомъ митрополита пришлось, но близкое великому князю духовенство, съ тверскимъ епископомъ Андреемъ во главѣ, тотчасъ подняло дѣло о его низложеніи. Къ патріарху посланы «словеса тяжка» противъ митр. Петра; обвиненія [5]) были настолько серьезны,

---

[1]) В. С. Борзаковскій, Ист. Тверского княжества, приложеніе 2-е; Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, первая половина тома, стр. 99—100. Житія св. Петра: такъ наз. Прохорово — въ приложеніяхъ къ IV т. „Исторіи русской церкви“ митр. Макарія, Кипріановское—въ „Великихъ Минеяхъ“, подъ 21 декабря (ст. 1620), въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 190—194) и въ „Степенной книгѣ“ (П. С. Р. Л., т. XXI, стр. 321).

[2]) А не 1308, какъ пишетъ Голубинскій (тамъ же, стр. 105); Голубинскій не принялъ въ разсчетъ, что митр. Петръ умеръ 21 декабря 6834, т. е. 1325 (а не 1326 г.); „пасъ церковь Божію“ митр. Петръ—18 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 190).

[3]) Относя поставленіе Петра на митрополію къ 6816 г., лѣтописные своды упоминаютъ о его прибытіи во Владиміръ подъ слѣдующимъ годомъ (Воскр., Ник.); однако, Соф. I (т. V, стр. 204) правильно отнесла къ 6816 г. (1308 г., 5 іюня) поставленіе во Владимірѣ митр. Петромъ новгородскаго архіепископа Давыда, такъ какъ Давыдъ умеръ 5 февраля 6832 г. („Новгородскія лѣтописи“, изд. 1879 г., стр. 27), а пробылъ на архіепископіи 17 лѣтъ (круглымъ счетомъ — тамъ же, стр. 214).— 12 апрѣля 1308 г. былъ датированъ ярлыкъ митр. Петру отъ хана Тохты, какъ установлено М. Д. Приселковымъ („Ханскія ярлыки русскимъ митрополитамъ“, стр. 68).

[4]) Тамъ же, стр. 405.

[5]) Вѣроятно тѣ же, какія и потомъ возводились на митр. Петра: „мьзды емлеть отъ ставленія“ и разрѣшаетъ браки близкихъ родственниковъ (въ 4-й и 5-й степеняхъ родства)—грамоты патр. Никифора в. к. Михаилу („Р. Ист. Биб.“ т. VI, № 16).

что патріархъ прислалъ на Русь одного изъ своихъ клириковъ для ихъ разсмотрѣнія на мѣстѣ. Дѣло разбиралось не въ митрополичьемъ Владимірѣ, не въ великокняжеской Твери, а въ Переяславлѣ на соборѣ, гдѣ присутствовали, подъ предсѣдательствомъ патріаршаго клирика, епископы—ростовскій Симеонъ и тверской Андрей и «лучшіе» изъ бѣлаго и чернаго духовенства; великаго князя не было, но прибыли его сыновья «и иныхъ князей довольно» съ боярами [1]). Бурныя пререканія [2]) закончились оправданіемъ митр. Петра. Противники, однако, не сразу сложили руки. Тверской епископъ послалъ къ патріарху монаха Акиндина—свидѣтелемъ неправыхъ дѣяній митрополита [3]); в. к. Михаилъ обратился къ патріарху съ посланіемъ о томъ же [4]); патріархъ отвѣтилъ призывомъ митр. Петра на судъ въ Константинополь, поручая великому князю прислать его «нужею», если волей не захочетъ ѣхать, а съ нимъ обвинителей и свидѣтелей его провинностей [5]). Наши документы не даютъ свѣдѣній о томъ, состоялся ли такой судъ и чѣмъ все дѣло формально закончилось, но фактически митр. Петръ остался побѣдителемъ во всей этой борьбѣ. Оба епископа—участники Переяслав-

---

[1]) Свѣдѣнія о Переяславскомъ соборѣ даютъ только житія св. Петра митрополита. Соборъ могъ состояться въ 1310 (или въ началѣ 1311 г.)—см. Борзаковскаго („Ист. Тверск. княжества“, приложеніе 2-е: „О Геронтіи игуменѣ и Переяславскомъ соборѣ въ началѣ XIV в.“) и Голубинскаго („Ист. Русс. церкви“, т. II, стр. 107). Отсутствіе на соборѣ в. к. Михаила житія объясняютъ тѣмъ, что онъ тогда въ Ордѣ былъ, но въ лѣтописяхъ поѣздка Михаила къ хану упоминается (по полученіи великаго княженія) только подъ 1313 г.; мотивировка, можетъ быть, и неудачна, но это не мѣняетъ датировки собора (ср. Борзаковскаго, стр. 249—251). Борзаковскій полагаетъ, что на соборѣ не было Юрія Даниловича, но дѣятельную роль игралъ Иванъ Даниловичъ (стр. 97); вѣроятно, оба были на соборѣ, но то, что Борзаковскій говоритъ о кн. Иванѣ основано на недоразумѣніи съ Татищевскимъ текстомъ. У Татищева (т. IV, стр. 92—93) подъ 1313 г. (годъ поѣздки в. к. Михаила въ Орду)—статья о „новгородскомъ еретикѣ“, дѣло котораго связано Татищевымъ съ Переяславскимъ соборомъ потому, что о „ереси“ въ житіяхъ св. Петра говорится тотчасъ послѣ сообщенія о соборѣ; а вмѣстѣ съ еретикомъ попалъ сюда и кн. Иванъ Даниловичъ. Въ Татищевскихъ рукописяхъ сохранился листокъ—автографъ съ этой статейкой о „новгородскомъ еретикѣ“, подклеенный къ соотвѣтствующему мѣсту основного текста для вставки въ него при перепискѣ на бѣло. См. у Голубинскаго, стр. 112 (прим). Е. Е. Голубинскій (стр. 108) отмѣтилъ, что тверскіе княжичи были еще малолѣтками, такъ что великокняжескую власть представляли сопровождавшіе ихъ бояре.

[2]) „велія молва бысть, яко въ малѣ не безмѣстно что бысть“.

[3]) „Написаніе Акиндина, мниха лавры Святыа Богородица, къ в. к. Михаилу“ („Русс. Ист. Биб.“, т. VI, № 16): „занеже самовидець есмь и о тѣхъ вещехъ посланъ своимъ епископомъ къ вселеньскому патріарху Констянтинаграда“.

[4]) „Посланіе Нифонта, патріарха Констянтина града, къ в. к. Михаилу всея Руси“ (тамъ же): „донесли къ намъ посланніи отъ твоея власти грамоты княженіа твоего“.

[5]) То же посланіе патр. Нифонта.

скаго собора покинули свои каѳедры—Симеонъ ростовскій въ 1311 г., Андрей тверской въ 1315 г., уступивъ мѣсто ставленникамъ митр. Петра.

Разрывъ съ митрополіей дорого обошелся в. к. Михаилу. Скудныя извѣстія о Переяславскомъ соборѣ не содержатъ указанія на участіе въ немъ московскихъ Даниловичей. Однако, соборъ происходилъ въ Переяславлѣ—они его принимали въ своемъ городѣ, и касался онъ существенныхъ отношеній въ великомъ княжествѣ—не могли они не использовать такихъ обстоятельствъ [1]). Ближайшія событія—оправдываютъ эти предположенія: митр. Петръ выступаетъ настойчивымъ союзникомъ Москвы.

Въ Твери не были покинуты недавніе широкіе замыслы, а изъ году въ годъ накапливался рядъ обстоятельствъ, предвѣщавшихъ ихъ полное крушеніе: за первой неудачей властнаго захвата—непрерывный рядъ трудностей въ установленіи новгородскихъ отношеній, полное пораженіе въ борьбѣ съ митрополіей. И, видимо, во всѣхъ затрудненіяхъ и неудачахъ чувствовалось опасное соперничество Москвы. В. к. Михаилъ и его совѣтники отважились—вскорѣ послѣ Переяславскаго собора—на попытку новаго рѣшительнаго удара. Въ 1311 г. в. к. Михаилъ послалъ рать свою съ сыномъ Дмитріемъ «на Новгородъ Нижній и на князя Юрья». Княжичъ прибылъ во Владиміръ, куда должны были сойтись ратныя силы великаго княжества, но «не благослови его Петръ митрополитъ» [2]). Это митрополичье

---

[1]) Е. Е. Голубинскій рѣшительно заключаетъ изъ Кипріановскаго описанія собора, что митр. Петръ имѣлъ „многочисленную партію своихъ сторонниковъ“ среди свѣтскихъ участниковъ собора, и что „представителемъ этой партіи былъ князь московскій“, а бурныя столкновенія на соборѣ понимаетъ, какъ столкновеніе этой партіи „съ партіей сторонниковъ великаго князя“ (тамъ-же, стр. 113).

[2]) Такъ въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 186); въ другихъ сводахъ „не благословн его митрополитъ столомъ въ Володимірѣ“ (т. IV², стр. 255; т. V, стр. 205; т. X, стр. 178); повидимому, таковъ текстъ общаго ихъ источника, а Воскр. выпустила слова „столомъ во Володимірѣ“, м. б. потому, что они ея редактору были столь же мало понятны, какъ и намъ. Принявъ эту редакцію извѣстія (а она хорошо представлена въ нашихъ текстахъ), пришлось бы предположить одно изъ двухъ: либо, что поставленъ былъ вопросъ о преемствѣ на великомъ княженіи по Михаилѣ (что мало вѣроятно), либо, что митр. Петръ своимъ неблагословеніемъ воспрепятствовалъ кн. Дмитрію осуществлять отъ имени отца—функціи великокняжеской власти. Повидимому, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понялъ извѣстіе составитель Никоновскаго текста; онъ пишетъ про кн. Дмитрія: „онъ же отстоавъ три недѣли въ Володимери, собрався съ силою многою, біа челомъ Петру митрополиту, да его разрѣшитъ, и тако разпусти воя своя“. Это извѣстіе о первомъ на Руси примѣненіи церковнаго запрещенія, какъ политическаго оружія—вызывало большое недоумѣніе историковъ. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, стр. 903) называетъ его „труднымъ для объясненія“; А. В. Экземплярскій („Вел. и уд. князья“, т. I, стр. 62)—„нѣсколько темноватымъ“. Карамзинъ пытался повернуть походъ на Великій Новгородъ, отодвигая дату ко времени, когда въ Великомъ Новгородѣ „властвовалъ“ Юрій („И. Г. Р.“, т. IV, прим. 144). Е. Е. Голубинскій („Ист. Русс. церкви“, т. II, стр. 137) толкуетъ походъ кн. Дмитрія необходимостью „оберегать великокня-

неблагословеніе разрушило все предпріятіе. Кн. Дмитрій простоялъ во Владимірѣ три недѣли, а затѣмъ распустилъ войско и вернулся къ отцу [1]).

Неудачи, подрывавшія не только авторитетъ, но и реальную силу великокняжеской власти, не замедлили отразиться усиленіемъ новгородской оппозиціи. Ближе не знаемъ поводовъ разрыва, но въ 1312 г. в. к. Михаилъ вывелъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ и Бѣжецкую волость и прекратилъ подвозъ «обилія» къ Новгороду; новгородцы смирились—послали въ Тверь владыку Давыда и обязались уплатить князю полторы тысячи гривенъ [2]). «Докончаніе» 1312 г. оказалось только перемиріемъ; князь Михаилъ нанесъ новгородцамъ ударъ раньше, чѣмъ они смогли подготовить борьбу; теперь—новгородцы ищутъ союзниковъ противъ великаго князя-притѣснителя. Въ 1313 г. в. к. Михаилъ и митр. Петръ поѣхали въ Орду къ новому хану Узбеку. Митрополитъ былъ «вборзѣ» отпущенъ на Русь, но великій князь пробылъ тамъ больше года. Въ его отсутствіе поднялись новгородцы на великокняжескихъ намѣстниковъ и призвали къ себѣ московскую помощь. Кн. Юрій Даниловичъ прислалъ къ нимъ кн. Ѳедора Ржевскаго, который захватилъ намѣстниковъ в. к. Михаила и съ новгородскою ратью пошелъ противъ тверского войска, наступавшаго съ кн. Дмитріемъ Михайловичемъ. Противники встрѣтились на Волгѣ, у Городца (тверского), стояли по сторонамъ рѣки 6 недѣль, до заморозковъ, а разошлись безъ боя, заключивъ миръ «на всей волѣ новгородцкой» [3]).

жескія права его отца", который, по мнѣнію Голубинскаго, все еще былъ въ Ордѣ; но не объясняетъ, что же угрожало этимъ великокняжескимъ правамъ: едва ли допустимо предположеніе, что слова: „не благослови столомъ въ Володимери" означаютъ попытку митрополита передать великое княженіе Юрію...

[1]) М. А. Дьяконовъ (въ „Библіографѣ", 1889 г., № 1, стр. 16) придалъ особый смыслъ словамъ житія св. Петра митрополита: „паче преходя грады, обрѣте градъ честенъ кротостью, зовомый Москва"... (Макарія, Ист. русс. церкви, т. IV, стр. 314), какъ указаніе на то, что митр. Петръ „какъ-бы не имѣлъ постоянной резиденціи", избѣгалъ стольнаго города Владиміра и „притягивался къ Москвѣ". Такое представленіе о причинахъ частаго пребыванія митр. Петра въ Москвѣ можно бы пріурочить ко времени послѣ исторіи съ походомъ княжича Дмитрія въ періодъ послѣдней борьбы Юрія съ Михаиломъ.

[2]) Этотъ договоръ до насъ не дошелъ. См. П. С. Р. Л., т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186.

[3]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.", кн. I, ст. 905) отождествилъ это докончаніе (грамота до насъ не дошла) съ моментомъ утвержденія договорной грамоты, которая упомянута въ договорной № 12: „великому князю грамота изрѣзати, что докончали на Городкѣ на Волзѣ"; и отождествленіе это вполнѣ убѣдительно, а упомянутая ссылка даетъ указаніе на одинъ пунктъ договора на Волгѣ: новгородцы обязались уплатить великому князю какую-то сумму, но обязательство—погашалось уплатой болѣе крупной контрибуціи, наложенной на нихъ Михаиломъ по договорной № 12 (потому прежняя грамота подлежала уничтоженію по уплатѣ Новгородомъ вновь условленнаго „серебра"). Зато княжичъ Дмитрій—очевидно согласился воздержаться отъ военныхъ дѣйствій и,

Договоръ этотъ, видимо, освобождалъ Новгородъ отъ великокняжескихъ намѣстниковъ, такъ какъ новгородцы «оттуду же» (т. е. съ Волги) послали въ Москву по князя Юрія Даниловича, а онъ той же зимой пріѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ Аѳанасіемъ и «сѣде на столѣ». Тутъ, въ Новгородѣ, засталъ кн. Юрія ханскій зовъ, вѣроятно, къ отвѣту по жалобѣ в. к. Михаила; онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ новгородскими послами, но и на этотъ разъ Михаилъ Ярославичъ выигралъ дѣло у хана. Онъ явился на Русь съ татарскимъ войскомъ [1]), разбилъ новгородцевъ у Торжка и потребовалъ выдачи князей Аѳанасія Даниловича и Ѳедора Ржевскаго. Новгородцы Ѳедора выдали, обязались выплатить крупную контрибуцію [2]), и пошли на полную сдачу. Пришлось подчиниться великокняжескимъ намѣстникамъ, выдать доспѣхи, оружіе и коней [3]). В. к. Михаилъ сломилъ сопротивленіе и, занявъ

вѣроятно, формально отозвать намѣстниковъ, которыхъ кн. Ѳедоръ Ржевскій „изнима“ и держалъ „во владычнѣ дворѣ“. Иначе не понятны два указанія на характеръ этого договора: что онъ заключенъ „на всей волѣ новгородской“ и что грамота подлежала уничтоженію по уплатѣ новгородцами позднѣйшей контрибуціи; ихъ надо согласовать съ фактомъ—не изгнанія, но ареста великокняжескихъ намѣстниковъ и призыва Юрія Даниловича на новгородское княженіе только послѣ заключенія договора на Волгѣ. Договоръ, изложенный въ грамотѣ № 12—не былъ исполненъ, и требованіе объ уничтоженіи городецкой договорной повторено въ договорной грамотѣ 1317 г. (№ 14).

[1]) Ханскіе послы Тайтемирь, Махрожа и Индый „быша въ Ростовѣ и много зла сотвориша“ („Лѣтопись по Акад. списку“ въ изд. „Лѣт. по Лаврент. списку“ стр. 501); выѣзжая въ Орду по ханскому зову, кн. Юрій „пріиде въ Ростовъ, а оттуду поиде въ Орду“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 186; „марта 15 въ субботу Лазореву“—15 марта 1315 г.). Въ Ростовѣ—одинъ изъ опорныхъ пунктовъ кн. Юрія, который былъ женатъ на ростовской княжнѣ (Константиновнѣ? такъ предполагаетъ и А. В. Экземплярскій, т. II, стр. 34), а княжилъ въ ту пору въ Ростовѣ Василій Константиновичъ, котораго, повидимому, также вызывали въ Орду: онъ вернулся въ 1316 г. съ ханскими послами, отъ которыхъ Ростовъ опять потерпѣлъ „много зла“ (тамъ же, стр. 187). В. к. Михаилъ былъ также женатъ на ростовской княжнѣ—Аннѣ Дмитріевнѣ; по женамъ враждующіе князья связаны съ враждебными другъ другу семьями ростовскихъ Борисовичей.

[2]) „Пять темъ гривенъ серебра“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187); Никоновская лѣтопись поправляетъ эту невѣроятную цифру на пять тысящь гривенокъ серебра (т. X, стр. 179).—„Грамота новоторзьская, что въ Торжьку докончали“ до насъ не дошла, но упомянута (какъ подлежащая уничтоженію по выполненіи новгородцами новыхъ обязательствъ) въ договорной № 12, а затѣмъ въ договорной 1317 г. (№ 14: „что въ Торжку писана при Тайтемери“).

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187.—Никоновская лѣтопись, изложивъ эти новгородскія дѣла подъ 6823 г., повторяетъ ту же исторію подъ 6824 по другому источнику съ интересными подробностями о расправѣ новгородцевъ съ измѣнниками, „совѣтъ держащими“ съ в. к. Михаиломъ; эти подробности объясняютъ пунктъ договорной грамоты № 12: „кто мои недругы мнѣ выдалъ въ Торжьку, тѣмь ся имъ не мьщати“ (т. X, стр. 179—180). То же повтореніе въ Никоновской замѣтилъ В. С. Борзаковскій (указ. соч., прим. 448), но отдѣлилъ отъ него расправу съ „измѣнниками“ (стр. 102). О ней ср. Новг. I, стр. 317—318; Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 206).

Новгородъ, учинилъ суровую репрессію, не призналъ избраннаго посадника, а отдалъ посадничество «изъ своей руки» [1]), и опредѣлилъ положеніе своей власти въ Новгородѣ и свои требованія—новымъ договоромъ [2]), которымъ установленъ порядокъ уплаты 12.000 гривенъ; а князя Аѳанасія Даниловича и новгородскихъ бояръ в. к. Михаилъ отослалъ въ Тверь въ «закладъ» [3]) до выплаты всей суммы.

Суровое усмиреніе Новгорода грозило подавить его независимость, несмотря на подтвержденіе новгородской «старины и пошлины» по прежнему договору 1307 г. Глухое раздраженіе искало выхода. Попытка новгородцевъ искать управы на в. к. Михаила въ Ордѣ не удалась: ихъ послы перехвачены тверичами [4]). Но въ слѣдующемъ (1316) году новгородцы воз-

---

[1]) Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитріевичу (П. С. Р. Л., т. X, стр. 179), вѣроятно—посадникъ и тысяцкій?

[2]) „Бысть же се зло мѣсяца февраля 10“ (6823 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187; въ Никон.—т. X стр. 179: февраля 4), т. е. въ 1315 г. Къ этому моменту С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи“, кн. I, ст. 905) отнесъ договорную грамоту № 12, и лучшаго ея пріуроченія не найти. У А. А. Шахматова договоръ отнесенъ къ 1314 г., но, по существу, къ тому же моменту, какъ у Соловьева (принято его опредѣленіе). Это грамота за печатями в. к. Михаила и владыки Давида; по содержанію—мирный договоръ, ликвидирующій „розратье“ съ его послѣдствіями (правонарушеніями, учиненными во время „замятни“); условлены сроки уплаты Новгородомъ великому князю 12000 серебра, съ зачетомъ въ эту сумму ранѣе взятаго у „тальщиковъ“ („а останокъ людій въ городѣ нача продавати, сколко кого станетъ“ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187). и уничтоженіемъ прежнихъ грамотъ—городецкой и новоторжской—по уплатѣ всей суммы. В. к. Михаилъ снова вступаетъ на столъ новгородскаго княженія („а опять сѣлъ князь великій Михайло на фектистовѣ грамотѣ“), подтвердивъ условія этой „Ѳеоктистовой грамоты“ (№№ 6—7; о ней выше, стр. 120) со взаимнымъ обязательствомъ—„Новгороду княженье мое честно держати безъ обиды, а князю великому держати Новгородъ безъ обиды въ пошлинѣ“. Михаилъ Ярославичъ удостовѣрилъ уничтоженіе этой „владычней серебряной“ грамоты въ договорѣ 1317 г. (№ 14).

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187. Никоновская лѣтопись иначе освѣщаетъ высылку въ Тверь кн. Аѳанасія и бояръ: в. к. Михаилъ „призвавъ къ себѣ князя Аѳанасія Даниловича и бояръ новгородцкихъ и начятъ съ ними укрѣплятися чрезъ обычай ихъ изстаринный; симъ же не хотящимъ тако крѣпость на себя дати, онъ же о семъ въ ярость пріиде и изыма всѣхъ и посла во Тверь“ (т. X, стр. 179); строки эти, вѣроятно, навѣяны разсказомъ о томъ, какъ въ 1478 г. происходило особое отъ Великаго Новгорода (и также по заключеніи общаго докончанія) „укрѣпленіе“ новгородскихъ бояръ (крестоцѣлованіемъ послѣ того какъ они „приказались“ въ великокняжескую службу), но примѣненіе этой схемы къ событіямъ 1315 г. невозможно уже потому, что захватило и князя Аѳанасія. Книжникъ-составитель Никоновской лѣтописи упразднилъ за-то понятіе „заклада“, которое, однако, подтверждается позднѣйшими извѣстіями („въ лѣто 6825 послаша Новгородци владыку Давыда ко князю Михаилу на Тверь съ молбою, просяще на окупъ братіи своей, которои у него въ закладѣ“, т. VII, стр. 187) и договоромъ 1315 г. (№ 12): „а како князь серебро поемлеть, тако ему вся таль пустити“.

[4]) „Того же лѣта пондоша новгородци сами о себѣ въ Орду, и переимше ихъ тверичи изнимаша“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187). Допущеніе В. С. Борзаковскаго,

стали съ новой и лучше подготовленной силой [1]), выслали изъ Новгорода великокняжескихъ намѣстниковъ и отсидѣлись отъ в. к. Михаила, такъ какъ его походъ на нихъ былъ крайне неудаченъ [2]).

Новгородъ вырвался изъ рукъ в. к. Михаила и потянулъ къ Юрію московскому; однако, Михаилъ Ярославичъ успѣлъ вырвать у нихъ договоръ о нейтралитетѣ въ предстоявшей борьбѣ [3]).

Князь Юрій Даниловичъ былъ въ Ордѣ, пока на Руси происходили всѣ эти событія. Онъ пробылъ тамъ почти два года и достигъ многаго: вошелъ въ милость къ хану, женился на его сестрѣ, получилъ ярлыкъ на

что новгородцы ходили въ Орду „по какимъ то своимъ дѣламъ“ (такъ онъ неправильно переводитъ слова: „сами о себѣ“), м. б. торговымъ—невозможно: передъ нами первая попытка новгородцевъ самимъ „знати Орду“; слова „сами о себѣ“ означаютъ—помимо князей, самостоятельно. Борзаковскій, Ист. Тверск. княжества, стр. 101—102.

[1]) Новгородцы заново укрѣпили городъ острогомъ и созвали „всю власть новгородскую“—Псковичей и Ладожанъ, Рушанъ, Корѣлу, Ижору и Водь (тамъ же). Въ предыдущій походъ противъ великаго князя новгородцы выступали „безъ черныхъ людей“ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 256; т. X, стр. 179).

[2]) „Князь же Михайло, не дошедъ города, что на Устіанахъ, и мира не вземъ, поиде прочь, не успѣвъ ничтоже“, а на обратномъ пути въ осеннюю распутицу его войско много натерпѣлось, заблудившись въ озерахъ и болотахъ (тамъ же).

[3]) Свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при какихъ новгородцы „докончали съ княземъ Михаиломъ тверскимъ, яко не вступатися имъ ни по комъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 188), разнорѣчивы. Тверская лѣтопись (т. XV, стр. 409) изображаетъ дѣло такъ, что новгородцы выступили въ Торжокъ „въ помощь Юрію князю“, а тутъ стояли цѣлыхъ 6 недѣль, сговариваясь съ Юріемъ о срокѣ, когда онъ ударитъ на Тверь отъ Волока Ламскаго, а новгородцы отъ Торжка; новгородцы же, по этому разсказу, начали военныя дѣйствія, выступили изъ Торжка и стали воевать „по рубежу“, когда кн. Михаилъ Ярославичъ „не дождався срока ихъ, поиде противу имъ“, нанесъ имъ пораженіе и принудилъ къ миру (его содержанія—обязательства нейтралитета—Тверская не приводитъ). Другія лѣтописи (Новг. II, стр. 318; Соф. I, Воскр.—П. С. Р. Л., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 188) мотивируютъ договоръ тѣмъ, что новгородцы „не вѣдали князя Юрья Даниловича гдѣ есть“. Противорѣчіе, быть можетъ, мнимое: новгородцы ожидали наступленія Юрія Даниловича изъ Москвы черезъ Волокъ и не узнали во время о его походѣ къ Костромѣ, что дало Михаилу Ярославичу возможность предупредить соединеніе противниковъ и ударить на новгородцевъ, „не дождавшись срока ихъ“. Въ Никоновской (т. X, стр. 181) этотъ эпизодъ неудачнаго выступленія новгородцевъ слитъ въ разсказѣ о наступленіи Юрія Даниловича на Тверь съ позднѣйшими моментами, для чего редактору пришлось отбросить диверсію кн. Михаила подъ Торжокъ и его договоръ съ новгородцами. Воскресенская (т. VII, стр. 188) сохранила указаніе, что эти факты предшествовали движенію кн. Юрія на Тверь и посылкѣ его за новгородцами: „а новгородци приходили напередъ того въ Торжокъ и докончали со княземъ Михаиломъ Тверскимъ, яко не вступатися имъ ни по комь“; Юрій же, хоть и съ запозданіемъ, выполнялъ прежній планъ, передвинувшись изъ Костромы ко Клину, а затѣмъ къ Бортеневу (у р. Шоши).

великое княженіе и ханскихъ пословъ, ордынскихъ вельможъ, съ боевымъ отрядомъ для водворенія на столѣ русскаго улуса [1]).

Силы великаго княжества были еще въ рукахъ Михаила; онъ выступилъ на встрѣчу Юрію съ подручными князьями [2]), и Юрій пошелъ съ ханскими послами не во Владиміръ и не въ Москву, а Волгой къ Костромѣ. Тутъ и встрѣтились соперники. Ханскій ярлыкъ Юрію Даниловичу—разрушалъ великокняжескую силу Михаила [3]). Не найдя поддержки въ младшихъ князьяхъ и угрожаемый съ тылу ненадежными новгородцами [4]), Михаилъ Ярославичъ ушелъ въ Тверь и сталъ укрѣплять свою отчину [5]). Врагъ наступалъ съ Кавгадыемъ и «многою силою», но былъ разбитъ у села Бортенева. Татаринъ притворно смирился передъ Михаиломъ, а кн. Юрій бѣжалъ въ Новгородъ собирать новгородскую и псковскую рать. Встрѣтившись на Волгѣ, противники безъ боя порѣшили ѣхать въ Орду—на ханскій судъ [6]).

---

[1]) Въ этихъ ордынскихъ успѣхахъ кн. Юрію могли помочь его ростовскія родственныя связи; его тесть, Константинъ Борисовичъ былъ женатъ на ордынкѣ („Лѣт. по Акад. списку“ изд. при Лаврентьевской, стр. 501), какъ на ордынкахъ были женаты бѣлозерскіе князья Глѣбъ Васильковичъ (тамъ же, стр. 496) и Ѳедоръ Михайловичъ (тамъ же, стр. 501). Тѣло Юрьевой княгини Кончаки-Агаѳіи было погребено въ Ростовѣ. Ср. Борзаковскаго, указ. соч., прим. 473.

[2]) Упомянуты суздальскіе князья—П. С. Р. Л., т. XV, стр. 409.

[3]) Наши лѣтописные своды были въ передачѣ всей этой исторіи связаны Житіемъ св. кн. Михаила Ярославича (сказаніемъ о его мученической кончинѣ), которое ввело сюда мотивъ подвига смиренія (ср. напр., т. VII, стр. 189—190), чѣмъ лишило смысла дальнѣйшее наступленіе Юрія на Тверь. Однако, Владиміръ до конца въ рукахъ Михаила (тамъ же, стр. 191), да и въ самомъ житійномъ изложеніи не согласованы черты поведенія Михаила: великаго княженія отступился, а „выходъ“ царю далъ (ранѣе или тутъ въ Костромѣ во время „ссылокъ“ съ Кавгадыемъ?). Никоновская лѣтопись дѣлаетъ попытку сгладить получившуюся, такимъ образомъ, безсвязность событій, измѣняя содержаніе костромскихъ переговоровъ въ отказъ Юрія Даниловича отъ великаго княженія въ пользу кн. Михаила. Князь Михаилъ потерпѣлъ у Костромы политическое пораженіе и „распусти вся воя своя“, потому что отпала поддержка его силами великаго княженія; эти силы переходятъ къ Юрію, какъ читаемъ въ Никоновской лѣтописи: „тое же осени князи суздальстіи совокупишася съ в. к. Юрьемъ... и идоша къ нему князи на Кострому, таже и иніи князи идоша къ нему на Кострому и многи силы идоша къ нему на Кострому“ (т. X, стр. 180). Дальнѣйшій разсказъ той же Никоновской (стр. 181) о тщетномъ посредничествѣ Кавгадыя между князьями показываетъ, какъ и весь ходъ событій, что и на Костромѣ „не бысть мира“.

[4]) Юрій Даниловичъ послалъ татарина Телебугу звать новгородское ополченіе на Тверь (т. VII, стр. 188); Троицкая лѣтопись (Карамзинъ, т. IV, пр. 227 и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 88) называетъ тутъ вмѣсто Телебуги князя Ивана Даниловича.

[5]) „Поиде въ свою отчину во Тверь и заложи большій градъ Кремль“, П. С. Р. Л., т. XV, стр. 409.

[6]) Къ этому моменту долженъ быть пріуроченъ договоръ в. к. Юрія, кн. Михаила и Новгородцевъ (грамота № 14). См. С. М. Соловьевъ, „Ист. Россіи“, кн. I, ст. 908; В. С. Борзаковскій, „Ист. Тверск. княжества“, стр. 107 и прим. 472; А. А.

Князь Юрій поѣхалъ великимъ княземъ, окруженный всѣми князьями Владимірско-Суздальской земли, съ боярами отъ Великаго Новгорода и цѣлой свитой бояръ «съ городовъ» [1]). Князь Михаилъ—послалъ впередъ сына Константина съ тверскими боярами, въ виду поспѣшности отъѣзда Юрія Даниловича [2]), а самъ задержался со старшими сыновьями во Владимірѣ, откуда вызванъ въ Орду ханскимъ посломъ [3]). Это и сгубило кн. Михаила Ярославича: Кавгадый обвинилъ его въ неповиновеніи ханской власти и нежеланіи ѣхать въ Орду, несмотря на уговоръ отдать споръ съ Юріемъ на судъ хана [4]). Въ Ордѣ кн. Михаилъ осужденъ судомъ Ордынскихъ князей и погибъ мученической смертью [5]). Такъ закончился второй актъ упорной борьбы.

Шахматовъ, „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ“. Дата—зима 1317 г. Цѣль договора—обезпечить Великій Новгородъ отъ враждебныхъ дѣйствій тверского князя и покончить въ пользу Новгорода нѣсколько спорныхъ вопросовъ между ними; въ этой договорной кн. Михаилъ вынужденъ удостовѣрить уничтоженіе трехъ прежнихъ грамотъ: „а что грамота на Городцѣ писана и что въ Торжьку писана при Тайтемери и владычня серебряная, а тѣ грамотѣ Михайло князь порѣзалъ“. Прекращеніе этихъ обязательствъ Великаго Новгорода связано было съ освобожденіемъ „талей“, которые были у кн. Михаила „въ закладѣ“: „а брата князя Юрьева Аѳанасіа и новгородцевъ отпусти князь Михайло съ Тфери, что сидѣли въ тали“. Отзвукъ на недавнюю задержку тверичами пословъ, которыхъ новгородцы „сами о собѣ“ послали въ Орду, въ статьѣ договора: „а посломъ новгородьскымъ и новгородьцемъ ѣздити сквозѣ Михайлову волость бес пакости“. Тогда же отпущенъ былъ изъ тверского плѣна кн. Борисъ Даниловичъ, взятый въ бою у Бортенева.—См. подборъ текстовъ у Борзаковскаго, указ. соч., прим. 473.

[1]) Терминъ „съ городовъ“ подъ перомъ книжника позднѣйшаго времени (едва-ли этотъ терминъ мыслимъ для XIV вѣка) подчеркиваетъ, что при Юріи не было великокняжескихъ бояръ—изъ Владиміра. Указаніе текста, что эта поѣздка Юрія обусловлена „повеленіемъ“ или „совѣтомъ“ Кавгадыя—относится скорѣе къ ея поспѣшности („поидоша напередъ въ Орду“), чѣмъ къ составу „похода“, какъ полагаетъ Борзаковскій (указ. соч., стр. 108).

[2]) „Поидоша напередъ въ Орду“ (т. VII, стр. 191): Юрій Даниловичъ не занялъ стола великаго княженія до окончательнаго рѣшенія хана (ср. тамъ же, стр. 197); въ этомъ и былъ подлинно коварный совѣтъ Кавгадыя.

[3]) „Онъ же поиде къ Володимерю, а съ нимъ сына его князь Дмитрій да князь Александръ“; показателенъ самъ выборъ младшаго княжича для первой поѣздки въ Орду. Судя по житію, кн. Михаилъ, уѣзжая въ Орду, очистилъ Владиміръ: сыновей „отпусти въ свое отчьство, давъ имъ рядъ, написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою“ (тамъ же, стр. 192).

[4]) Тамъ же, стр. 191.

[5]) Сказаніе о убіеніи в. к. Михаила приводитъ три обвиненія: „царевы дани не давалъ еси, противу посла бился еси, а княгиню великаго князя Юрія уморилъ еси“. Обвинители въ доказательство перваго обвиненія „покладаху многы грамоты“ и утверждали, что кн. Михаилъ „многи дани поималъ на городѣхъ нашихъ“, а царю этой дани не отдалъ. Кн. Михаилъ защищался также документами („все бо исписано имяше“), но формулировалъ свою защиту неудачно: „колико сокровищъ издавалъ семь цареви и княземъ“, что, конечно, не было бы

Князь Юрій Даниловичъ добился полной побѣды надъ тверскими князьями. Въ его рукахъ оказались сынъ князя Михаила Константинъ, бояре и слуги, сопровождавшіе Михаила Ярославича въ Орду, и его замученное тѣло. Князь Александръ Михайловичъ пріѣхалъ, за поручительствомъ ростовскаго епископа Прохора [1]), во Владиміръ и цѣной «докончанья» съ в. к. Юріемъ выручилъ тѣло отца для погребенія въ Твери и освободилъ тверскихъ бояръ изъ плѣна. Утвердившись на великомъ княженіи, Юрій въ Новгородъ послалъ «въ себѣ мѣсто» брата Аѳанасія [2]).

Положеніе в. к. Юрія было весьма затруднительнымъ и сложнымъ. Много силъ и времени требовали новгородскія дѣла. 1322—1324 года, послѣ кончины кн. Аѳанасія Даниловича, отмѣчены рядомъ военныхъ предпріятій, которые вызваны именно новгородскими дѣлами, при личномъ участіи великаго князя. Юрій по долгу сидитъ въ Великомъ Новгородѣ, оставивъ московское управленіе и сношенія съ Ордой на брата Ивана. Въ 1322 г. в. к. Юрій совершаетъ съ новгородцами походъ подъ Выборгъ; въ слѣдующемъ—ставитъ городъ въ устьяхъ Невы, на Орѣховомъ островѣ, и тутъ заключаетъ «вѣчный миръ» съ послами шведскаго короля; въ 1324—идетъ съ новгородцами на Устюгъ и на Сѣв. Двину, принуждаетъ къ «докончанью мира по старой пошлинѣ» устюжскихъ князей [3]).

Эта усиленная новгородская дѣятельность в. к. Юрія могла имѣть для

-отвѣтомъ на обвиненіе. Не опровергало-бы передъ ордынскимъ судомъ второго обвиненія то, что кн. Михаилъ „посла паки избави на брани и со многою честью отпусти его“, такъ дѣло шло не о судьбѣ посла, а о сопротивленіи ханской власти. Утвержденіе, что смерть Кончаки-Агаѳіи въ тверскомъ плѣну была—убійствомъ было злостной прибавкой къ тяжкимъ политическимъ обвиненіямъ, отъ которыхъ защита была затруднительна. Перенесеніе тѣла в. к. Михаила въ Тверь и его погребеніе состоялись безъ участія митр. Петра (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 197—198; т. XV, ст. 411—413). Е. Е. Голубинскій („Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церквей“, стр. 41) полагаетъ, что „мѣстное почитаніе мученика-князя началось въ Твери непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ привезено было сюда его тѣло“ и устанавливаетъ (тамъ же, стр. 76) его канонизацію соборомъ 1549 года.

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 412. Ростовскій епископъ Прохоръ еще игуменомъ участвовалъ въ Переяславскомъ соборѣ, повидимому, въ ряду сторонниковъ митр. Петра; вмѣстѣ съ нимъ, по Тверской лѣтописи, въ переговорахъ съ тверскими князьями выступаетъ „Ярославъ Стародубскій“, о которомъ больше ничего не знаемъ (если это только не одно лицо съ кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ, княземъ стародубскимъ, который погибъ въ Ордѣ въ 1330 г., и тутъ, м. б., названъ по княжому имени, какъ по крестному въ записи о мученической кончинѣ). Только „по цѣлованію ихъ“ рѣшился кн. Александръ ѣхать во Владиміръ.

[2]) Новг. I, стр. 319; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198. Лѣтописные своды сохранили крайне скудныя свѣдѣнія о великомъ княженіи Юрія Даниловича; не отмѣтили даже его „посаженіи“ на великокняжескомъ столѣ.

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198—199; „устюжане“ со своими князьками (мѣстные финскіе инородцы) грабили новгородскихъ промышленниковъ, ѣздившихъ въ Орду—Новг. I, стр. 320—321.

него свой особый политическій смыслъ, какъ необходимое условіе сохраненія власти въ Великомъ Новгородѣ и опоры въ немъ [1]) при напряженныхъ и полныхъ опасности отношеніяхъ къ Ордѣ и къ Твери.

Борьба Москвы съ Тверью создала «тяготу велику въ Русской землѣ». Князьямъ приходилось извлекать изъ Русской земли средства на повышенныя суммы «выхода» татарскаго и на цѣнные дары ордынскимъ властямъ. Даннические отношенія русскаго улуса, окладъ которыхъ ордынцы пытались въ XIII в. установить на основаніи переписи, въ корень искажены и приняли характеръ торга и вымогательствъ, питаемыхъ княжеской конкурренціей. Кн. Михаилу Ярославичу сильно повредила въ Ордѣ невозможность выполнить тяжкія обязательства, въ какія пришлось войти къ ордынскимъ капиталистамъ-заимодавцамъ [2]). Несомнѣнно, что велики должны были быть и платежи въ Орду князя Юрія и его обязательства передъ нею. Средствомъ ихъ выполнить для обладателя великокняжеской власти былъ, прежде всего, сборъ дани на «выходъ» татарскій, тѣмъ болѣе, что посулъ «большаго выхода» былъ, по всей видимости, однимъ изъ главныхъ, и — надо полагать—наиболѣе дѣйствительнымъ аргументомъ въ княжескихъ спорахъ изъ за ханскаго ярлыка на великое княженіе. Столкновеніе изъ за сборовъ на уплату татарскаго выхода вызвало новый кровавый эпизодъ въ борьбѣ между московскими и тверскими князьями.

Преемникъ Михаила Ярославича на старшемъ столѣ тверского княженія, кн. Дмитрій Михайловичъ не на долго смирился передъ московскимъ побѣдителемъ. Мы не знаемъ ихъ договора, но извѣстія объ ихъ разрывѣ указываютъ на стремленіе в. к. Юрія прервать непосредственныя сношенія тверскихъ князей съ Ордой. Упомянутый пріѣздъ въ Кашинъ ордынскаго посла съ жидовиномъ-кредиторомъ («должникомъ») свидѣтельствуетъ о прямыхъ разсчетахъ тверского княжества съ ордынцами, оставшихся послѣ в. к. Михаила. Тогда же собрался итти на Кашинъ «со всею силою низов-

---

[1]) Псковъ, тѣснимый нѣмцами, не находитъ помощи ни у великаго князя, ни у Новгорода. Когда в. к. Юрій бѣжалъ во Псковъ отъ нападенія на него Александра Михайловича тверского, псковичи „пріяша его честно“, но еще при немъ („князь Юрьи еще бяше во Псковѣ“) призвали литовскаго князя Давыда, съ которымъ и ходили походомъ на нѣмцевъ. Въ моментъ, когда стало „притужно вельми Пскову“; псковичи тщетно посылали „многихъ гонцовъ со многою печалью и тугою“ въ Новгородъ ко князю Юрью и къ новгородцамъ: „себы помогли—и не помогоша“ (Псковская вторая лѣтопись подъ 6831 г.—П. С. Р. Л., т. III, стр. 11). Политическое обособленіе Пскова отъ Новгорода и великаго княженія въ XIV в. обусловлено ихъ безсиліемъ удержать въ своихъ рукахъ оборону Пскова.

[2]) П. С. Р. Л., т, VII, стр. 194; въ 1321 г. „пріиздилъ въ Кашинъ Гачна татаринъ съ жидовиномъ должникомъ, много тягости учинилъ Кашину“ (т. XV, ст. 414); весьма вѣроятна догадка А. В. Экземплярскаго, что это была тягость—„за долги Михаила“ (указ. соч., т. II, стр. 469).

скою» в. к. Юрій; Михайловичи тверскіе выступили на встрѣчу со своими полками, но дѣло не дошло до битвы: состоялось «докончаніе», о содержаніи котораго знаемъ, что в. к. Юрій по этому докончанію «поималъ сребро у Михайловичей выходное» [1]), а кн. Дмитрій обязался не искать себѣ великаго княженія подъ в. к. Юріемъ [2]). Сопоставленіе этихъ двухъ условій позволяетъ признать, что позднѣйшее стремленіе великихъ князей устранить путемъ договорныхъ обязательствъ право младшихъ князей самимъ «знати орду» было только подтвержденіемъ давно сложившейся нормы и вытекало изъ признанія за великокняжеской властью ея основного значенія—политическаго представительства за «всю Русь». И дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что для кн. Дмитрія сопротивленіе сосредоточенію «выхода» въ рукахъ великаго князя было проявленіемъ не тверского сепаратизма, а средствомъ борьбы за великое княженіе. Ему удалось использовать то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ в. к. Юрій пошелъ наперекоръ не только самостоятельнымъ отношеніямъ Твери къ Ордѣ, но и властному выступленію ордынскаго посла. В. к. Юрій уклонился отъ встрѣчи съ «царевымъ посломъ», блюдя свое право непосредственно выплачивать «выходъ» въ Ордѣ, а уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, вѣроятно, надлежало пополнить сумму «выходного серебра» [3]). Задержанный въ новгородскихъ предѣлахъ походомъ подъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; другіе своды указываютъ и сумму—2000 рублей; серебра, П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198: „а княженіа великаго князю Дмитрею не подъимати“; тоже—т. IV², стр. 258; т. V, стр. 216.

[3]) Въ лѣтописныхъ сводахъ сохранилось указаніе на размолвку в. к. Юрія съ новгородцами, которая вызвана, очевидно, какими то его требованіями: „того же лѣта князю Юрью сущу въ Новѣградѣ, Новгородци же вмалѣ съ нимъ размолвиша; въ лѣто 6830 князь велики Юрьи Даниловичъ... смирися съ Новгородци“ (Никоновская; П. С. Р. Л., т. X, стр. 188). Сохранить новгородскую поддержку при новой опасности отъ Твери было крайне важно, и Юрій выполняетъ для нихъ походъ на Выборгъ, какъ нѣсколько позднѣе на Устюгъ, хотя ему не до того было, какъ отмѣтила Никон. лѣт.: „а князю Юрью Даниловичю тогда бысть самому печаль ото князя Дмитріа Михайловича Тверскаго, яко во Ордѣ у царя Азбяка испроси великое княженіе на Руси Володимерское“; послѣ выборгскаго похода в. к. Юрій, „понде на Низъ, много моливъ Новгородци, дабы и проводили“ (Новг. I, стр. 320, прим. 6; ср. П. С. Р. Л., т. V, стр. 216; т. X, стр. 188: „да быша его проводили въ Орду“). Подвергшись нападенію тверичей, в. к. Юрій бѣжитъ не въ Новгородъ, а въ Псковъ, но отсюда ведетъ переговоры съ Новгородомъ—„и оттолѣ призваша и новгородци по крестному цѣлованію“ („и поставиша въ Загородьи въ Офоносовѣ дворѣ въ діаконовѣ“ — черта, сохраненная въ двухъ спискахъ Новг. I, стр. 320). Затруднительное положеніе Юрія отдаетъ его на волю новгородцевъ; онъ идетъ съ ними на устюжанъ, и только послѣ похода спѣшитъ изъ Заволочья въ Орду (Новг. I, стр. 321 т. V, стр. 216; т. VII, стр. 199). Эти новгородскія отношенія кн. Юрія показательны для огромнаго значенія Великаго Новгорода въ борьбѣ князей за столъ великаго княженія.

Выборгъ, кн. Юрій далъ сопернику время и поводъ нанести въ Ордѣ опасный ударъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ поѣхалъ въ Орду съ извѣтомъ, который нашелъ поддержку въ «царевомъ послѣ» [1]), и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Юрій, наладивъ новгородскія дѣла, собрался было въ Орду съ «выходнымъ серебромъ», но по дорогѣ на него напалъ кн. Александръ Михайловичъ и отнялъ «казну». Кн. Дмитрій занялъ столъ великаго княженія, а Юрій бѣжалъ во Псковъ, завязалъ отсюда переговоры съ Новгородомъ, достигъ того, что новгородцы призвали его по новому крестному цѣлованію, и выполнивъ для нихъ походъ на «устюжскихъ князей», отправился въ Орду—окольными путями, изъ Заволочья по р. Камѣ. Здѣсь соперники встрѣтились, и кн. Дмитрій отомстилъ кровь отца своего—убилъ (21 ноября 1324 г.) Юрія Даниловича, а самъ за такую расправу [2]) «безъ

---

[1]) Указаніе, что уклоненіе отъ встрѣчи съ „царевымъ посломъ“ и передачи ему тверского „выхода“ было главнымъ обвиненіемъ противъ в. к. Юрія даютъ лѣтописные своды: „не шелъ противу царева посла, но ступи съ сребромъ въ Новгородъ Великій“ (Тверск. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 188). Татищевъ по существу вѣрно изложилъ суть дѣла, сведя указанія лѣтописей въ обвиненіе в. к. Юрія Дмитріемъ Михайловичемъ, „како князь Юрій вземъ сребро тверское выходное и отъ иныхъ князей и не вдаде послу ханскому, но иде въ Новъградъ и тамо побра на хана многое сребро, и показа хану ерлыки Юрьевы на сребро“. Подчеркнутое, можетъ быть, и не имѣло опоры въ источникахъ Татищева, а является заключеніемъ историка изъ отрывочныхъ данныхъ лѣтописныхъ текстовъ; для „ярлыковъ на серебро“ сравни „многы грамоты“, какими обвинители в. к. Михаила Ярославича доказывали, что онъ „многи дани поималъ на городѣхъ нашихъ“ (въ „Сказаніи объ убіеніи в. к. Михаила“). — Упоминаемый тутъ царевъ посолъ, вѣроятно, тотъ, что прибылъ въ Кашинъ (по Тверской — Гачна; по Никоновской—Таянчаръ, П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 187).

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199; т. XV, стр. 414—415; т. X, стр. 189; т. XVIII, стр. 89. Участь кн. Дмитрія (уб. 15 сент. 1325—6834 г.) раздѣлилъ новосильскій князь Александръ Семеновичъ, внукъ св. кн. Михаила черниговскаго (Зотовъ, О черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодику, стр. 108—111). Быть можетъ, и это черта западно-русскихъ отношеній Твери. Кн. Дмитрій Михайловичъ женился въ 1320 г. на дочери литовскаго в. к. Гедимина—Маріи, договоръ между нимъ и в. к. Юріемъ заключенъ при посредничествѣ владыки Андрея, который покинулъ каѳедру въ 1315 г. и жилъ на покоѣ въ своемъ монастырѣ св. Богородицы на р. Шошѣ (т. XV, стр. 414); при кн. Дмитріи играетъ политическую роль этотъ епископъ изъ полоцкихъ князей, а не ставленникъ митр. Петра Варсонофій, занимавшій епископскую каѳедру. Позднѣйшія редакціи этого извѣстія (въ митрополичьихъ сводахъ, отразившихся въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ) замѣняетъ имя Андрея—именемъ Варсонофія (П. С. Р. Л., т. V, стр. 216; т. VII, стр. 198; Ник. сохраняетъ имя „владыки бывшаго Андрея“—т. X, стр. 188). Варсонофія видимъ затѣмъ въ Москвѣ въ сослуженіи съ митр. Петромъ на погребеніи в. к. Юрія; возможно, что онъ даже выѣхалъ изъ Твери при новомъ разрывѣ ея съ Москвой.

царева слова» казненъ по ханскому приказу. Но столъ великаго княженія достался тверскому князю Александру Михайловичу [1]).

---

[1]) „Того же лѣта князю Александру Михайловичу дано княженіе великое и пріиде изъ Орды и сѣде на великое княженіе“ (т. XV, стр. 415); „приде изъ Орды князь Александръ Михайловичъ, а съ нимъ Татарове должницы, и много тяготы ысть земли Тверской отъ Татъръ“ (т. VII, стр. 199). Къ этому моменту (1325 г.) относится договоръ Великаго Новгорода съ в. к. Александромъ Михайловичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 15); она дошла до насъ за печатью в. к. Александра и въ редакціи, соединившей текстъ Новгородской грамоты съ встрѣчными требованіями великаго князя („на семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новугороду“ и т. д.; съ другой стороны, статья о судьбѣ княжихъ селъ на землѣ новгородской—въ великокняжеской редакціи: „а что Олександровыхъ княжихъ селъ купленыхъ или его мужь, а то поидеть къ Олександру князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованью, по заводъ, а ис тыхъ селъ суда имъ не судити, ни дворянамъ ѣздити, ни людій новгородьскыхъ пріимати, ни земли...., а кто будетъ купилъ села въ всей волости въ новгородьской при дѣдѣ моемь Ярославѣ и при Васильи, при Дмитріи, при Андрѣи и при отци моемь при Михаилѣ и при князи при Юрьи, при Дмитріи.... или не окупятъ, сѣдѣти ему доколѣ не окупятъ“); въ концѣ запись о взаимномъ крестоцѣлованіи: „на семь на всемь князь великый цѣловалъ крестъ къ всему Новугороду, такоже посадникъ и тысяцкый и весь Новгородъ цѣловали къ великому князю по любви въ правду безъ всякого извѣта“.

ГЛАВА III.

Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты.

I.

Сравнительно небольшой промежутокъ времени — 1326-1332 года— очень сложный и существенный моментъ въ политической исторіи Великороссіи. Его можно характеризовать, какъ напряженнѣйшій моментъ борьбы, предметъ которой С. М. Соловьевъ опредѣлилъ словами: «дѣло идетъ о томъ, быть государемъ всей Русской земли или слугою этого государя» [1]). При томъ борьба эта осложнена острымъ кризисомъ русско-ордынскихъ отношеній и всего строя внутреннихъ политическихъ отношеній Великороссіи.

Утрата московскимъ княземъ великаго княженія совпала съ другой потерей. Въ декабрѣ 1325 г. скончался митр. Петръ. Владѣтельный князь Москвы Иванъ Даниловичъ встрѣтилъ это событіе подготовленнымъ. Еще въ августѣ состоялась закладка Успенскаго собора, а въ декабрѣ заранѣе приготовленная гробница приняла прахъ святителя. Митр. Петръ и послѣ кончины остался союзникомъ и покровителемъ Москвы. Прославленіе его памяти, канозированное при его преемникѣ въ 1339 г. [2]), сдѣлало его святымъ патрономъ Москвы. Передъ кончиной митр. Петръ, по свидѣтельству старшаго его житія, «воименова на митрополію» себѣ въ преемники [3])— архимандрита Ѳеодора, но провести на каѳедру московскаго кандидата не удалось; едва-ли возможна была и попытка отправить его къ патріарху, при обстановкѣ, сложившейся послѣ гибели кн. Юрія въ Ордѣ и перехода

---

[1]) „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, стр. 281.

[2]) Грамота патріарха Іоанна XIV митр. Ѳеогносту отъ іюля 1339 г.—въ „Русс. Ист. Биб.“, т. VI², приложенія, № 2.

[3]) Макарій, „Ист. Русс. Церкви“, т. IV, стр. 315. Попытка Пл. Соколова („Русскій архіерей изъ Византіи“, Кіевъ, 1913 г.) установить тожество этого Ѳедора съ позднѣйшимъ галицкимъ епископомъ, затѣмъ митрополитомъ галицкимъ, и въ его „воименованіи“ видѣть „согласіе митр. Петра на отдѣленіе Галича“ крайне искусственна и мало обоснована (см. указ. соч., стр. 262—263 и далѣе).

великаго княженія къ кн. Александру. На митрополію всея Руси поставленъ грекъ Ѳеогностъ. Ко времени прибытія новаго митрополита изъ юго-западной Руси на великорусскій сѣверъ въ 1328 г.—тутъ завершился рядъ крупныхъ событій, и положеніе достаточно опредѣлилось, чтобы Ѳеогностъ могъ сразу войти въ окрѣпшія политическія традиціи митрополичьяго двора.

События 1326—1328 годовъ возстановимы по нашимъ лѣтописнымъ сводамъ лишь въ общихъ чертахъ и далеко не съ полной достовѣрностью. Повидимому, борьба русскихъ князей за великоняжескую власть, и, особенно, за выходъ татарскій, т. е. за полное устраненіе ордынскаго вмѣшательства въ сборъ дани съ отдѣльныхъ областей русскаго улуса, встревожила правителей Золотой Орды. Дѣло Юрія Даниловича и Дмитрія Грозныя Очи подорвало прежнюю увѣренность ханской власти. Только такимъ предположеніемъ можно объяснить дальнѣйшія дѣйствія этой власти. Московскій князь не получилъ ярлыка на великое княженіе; кн. Дмитрій задержанъ въ Ордѣ, гдѣ и погибъ отъ татарской руки—черезъ годъ, а не сразу послѣ учиненнаго имъ кроваваго самоуправства. Великое княженіе передано его брату, но гнѣвное недовѣріе Золотой Орды сказалось въ посылкѣ на Русь царевича Щелкана Дюденевича [1]), двоюроднаго брата хану Узбеку. Отправка на Русь такого лица съ большой вооруженной силой едва-ли можетъ быть сведена къ тому, чтобы «получить ордынскій выходъ, а можетъ быть, затѣмъ, чтобы позвать Александра въ Орду по какимъ либо дѣламъ» [2]); вѣрнѣе допустить, что Щелкановъ приходъ имѣлъ цѣлью терроризировать русскій улусъ и возстановить на мѣстѣ грозу ханской власти. Въ лѣтописныхъ сводахъ отразились народные толки, знакомые намъ и по народной пѣснѣ, о фантастическихъ замыслахъ татаръ—раззорить христіанство, избить князей, утвердить непосредственное владычество татаръ надъ Русью. Но сообщеніе, что Щелканъ, прибывъ въ Тверь, «прогна князя великаго со двора его, а самъ ста на князя великаго дворѣ со многою гордостію и воздвиже гоненіе велико надъ христіаны насильствомъ и грабленіемъ, и біеніемъ, и поруганіемъ»—даетъ, вѣроятно, черту дѣйствительности, поводъ для народныхъ толковъ и народнаго волненія. Тверичи не стерпѣли татарскаго насилья, поднялись на нихъ боемъ, убили Щелкана и многихъ татаръ; остатки Щелкановой дружины бѣжали въ Москву, оттуда—въ Орду [3]). Не знаемъ, отразились ли тверскія событія какими-

---

[1]) Чолъ-ханъ (Щелканъ, Щолканъ, Шевкалъ), сынъ Тудана (Дюденя), внукъ хана Менгу-Темира; о немъ см. у Н. П. Веселовскаго, „Замѣтки по исторіи Золотой Орды“,—въ „Извѣстіяхъ Отд. Русс. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ“, т. XXI, кн. 1.

[2]) Борзаковскій, Ист. Тверскаго княжества, стр. 120.

[3]) П. С. Р. Л., т. XV, ст. 415—416. Едва-ли заслуживаетъ довѣрія московская редакція этой исторіи, по которой в. к. Александръ не только руководилъ избіеніемъ

нибудь движеніями противъ татаръ въ другихъ областяхъ; но вскорѣ послѣ нихъ былъ убитъ въ Ордѣ рязанскій князь Иванъ Ярославичъ [1]).

Московскій князь Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду [2]). Ему удалось отвратить ханскій гнѣвъ отъ Русской земли, гдѣ, видимо, ждали общаго погрома, и локализировать бѣду на Тверской землѣ [3]). Иванъ Даниловичъ и суздальскій князь Александръ Васильевичъ получили ханскій приказъ итти съ татарскими воеводами (Ѳедорчуковой и Туралыковой ратью) на Тверь; эта карательная экспедиція раззорила тверскую землю, а князь Александръ съ братомъ Константиномъ бѣжали во Псковъ. Новгородцы ублажили татарскихъ пословъ «множествомъ даровъ» и выплатили татарамъ 2000 р. серебра; Иванъ Даниловичъ примирилъ съ ордынской властью своего зятя Константина Михайловича [4]),—и тѣмъ закончилась налетѣвшая буря.

Однако, недовѣріе хана къ русскимъ князьямъ сказалось въ нежеланіи возстановлять великое княженіе Владимірское и Великаго Новгорода во всемъ его объемѣ. «И по Туралыковѣ рати, читаемъ въ одномъ изъ приложеній къ Новгородской I-й лѣтописи, поидоша князи въ Орду, и Озбякъ подѣлилъ княженіе имъ: князю Ивану Даниловичю Новъгородъ и Кострому, половина княженія; а суждальскому князю Александру Васильевичю далъ

татаръ, но началъ прямыя военныя дѣйствія — т. V, стр. 217; т. VII, стр. 200; т. X, стр. 194.

[1]) Новг. I, стр. 323; П. С. Р. Л., т. IV², стр. 261; V, стр. 218; VII, стр. 201.

[2]) Никоновская (т. X, стр. 199) добавляетъ замѣтку о ярости и скорби хана Узбека, который „рыкаше аки левъ на тверскихъ князей, хотя всѣхъ потребити и прочее всю землю русскую плѣнити“, и о томъ, что ханъ „посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московьскаго“; но это скорѣе черта ея редакціонной манеры, чѣмъ „извѣстіе“.

[3]) „Великій же Спасъ, милостивый человѣколюбивый богъ своею милостью заступилъ благовѣрнаго великаго князя Іоанна Даниловича, его градъ Москву и всю его отчину отъ иноплеменныхъ поганыхъ Татаръ“ (т. XV, ст. 417). Положеніе было сходно съ тѣмъ, какое пережила Русь въ годину Неврюевой рати, когда Александръ Невскій поѣхалъ въ Орду и вернулся Владимірскимъ великимъ княземъ. Этими впечатлѣніями поясняется похвала Ивану Даниловичу за „тишину велику на 40 лѣтъ“, когда „преста̀ша поганіи воевати Рускую землю и закалати христіанъ, и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великіа истомы и многіа тягости и отъ насиліа татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли“ (т. XV, ст. 417).

[4]) Кн. Константинъ Михайловичъ, бѣжавшій было во Псковъ съ братомъ Александромъ, „по рати“ татарской вернулся съ братомъ Василіемъ, матерью и боярами, „укрѣпилъ“ перепуганное и разбѣжавшееся населеніе тверской земли („кто избылъ отъ безбожныхъ татаръ“), затѣмъ явился въ Орду вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Даниловичемъ, вернулся оттуда на тверское княженіе, „и нача княжити тогды тихо и мирно“ (т. XV, ст. 417). Кн. Константинъ Михайловичъ былъ женатъ на племянницѣ Ивана Даниловича, Софьѣ Юрьевнѣ (съ 1320 г.—П. С. Р. Л., т. XV, ст. 413—414).

Володимеръ и Поволжье» [1]). Наши лѣтописные своды умалчиваютъ о подобномъ раздѣлѣ великаго княженія [2]), отмѣчая лишь то, что кн. Иванъ Даниловичъ «сѣде на великомъ княженіи» [3]). Но и принявъ извѣстіе приведеннаго текста, можемъ не сомнѣваться, что Иванъ Даниловичъ получилъ въ 1328 г. ярлыкъ на великое княженіе и старѣйшинство во всѣхъ князьяхъ русской земли [4]). Та же лѣтописная статья повѣствуетъ далѣе, что князь Александръ княжилъ «полтретья году», а «по смерти сего Александра поиде въ Орду князь великій Иванъ Даниловичъ и царь его пожаловалъ и далъ ему княженіе великое надо всею Русьскою землею, якоже и прaотецъ его великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ; а правилъ ему княженіе Албуга; и оттоль пошли Русьскыи князи». Только по смерти кн. Александра Васильевича въ 1332 г., по представленію этого источника, возстановлено единство великаго княженія надъ «всею Русскою землею», что заставило книжника-лѣтописца вспомнить о великомъ княженіи Всеволода Юрьевича Большого Гнѣзда и отмѣтить значительность момента словами: «и оттолѣ пошли русскіе князи». Самая отчетливость его представленій говоритъ въ пользу его освѣдомленности и достовѣрности его сообщеній. Къ тому-же онъ даетъ цѣнное сообщеніе объ Александрѣ суздальскомъ, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на образованіе великаго княжества Нижегородскаго. Князь Александръ получилъ городъ Владиміръ (съ его областью) и Поволжье. Онъ стремится закрѣпить за собой эти владѣнія; по разсказу нашего источника, кн. Александръ перевезъ изъ Владиміра «вѣчный» колоколъ [5]). Но по смерти Александра Васильевича г. Владиміру

---

[1]) Новг. I, стр. 437 (Приложеніе IV, статья: „А се князи русьстіи“).

[2]) Сходный раздѣлъ произошелъ уже однажды, когда кн. Андрей Ярославичъ получилъ Владиміръ, а кн. Александръ Ярославичъ Кіевъ и Новгородъ—см. выше, стр. 55.

[3]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 218; т. VII, стр. 201.—Новг. I (стр. 323) умалчиваетъ о вокняженіи Ивана Даниловича, но именуетъ его подъ 1328 г. „великій князь“ (ранѣе—„князь“), упоминаетъ подъ 1327 г. о присылкѣ имъ намѣстниковъ въ Великій Новгородъ, а подъ 1329 о прибытіи въ Новгородъ „на столъ князя великаго Ивана Даниловича“ въ сопровожденіи тверскихъ князей Константина и Василія, Александра Суздальскаго и другихъ князей (тамъ-же, съ точной датой: 26 марта на сборъ архангела Гавріила—день „посаженія“?). Никоновская (т. X, стр. 198) говоритъ, конечно, о „великомъ княженіи Володимерскомъ“, которое ханъ Узбекъ далъ Ивану Даниловичу „къ Москвѣ“, но сохраняетъ, быть можетъ, реальную черту въ указаніи, что кн. Иванъ „сѣде на великомъ княженіи на Москвѣ“.

[4]) Другое приложеніе къ Новг. I лѣт. (III, статья: „Кто колико лѣтъ княжилъ“) даетъ списокъ только Владимірскихъ князей и ставитъ въ ихъ ряду: „Александръ Суждальскый 3 лѣта“, но время княженія Ивана Даниловича считаетъ въ 14 лѣтъ, стало быть съ 6836 г. (Александръ умеръ въ 6840 г.).

[5]) „Сій князь Александръ изъ Володимеря вѣчный колоколъ святѣй Богородици возилъ въ Суждаль, и колоколъ не почялъ звонити, якоже былъ въ Володимерѣ; и помысли въ себѣ князь Александръ, яко съгрубн святѣй Богородици и повелѣ его паки вести въ Володимерь; и привезьше колоколъ поставиша и въ свое мѣсто,

возвращено его стольное значеніе; судьбы Поволжья по смерти этого князя не ясны, но при его братѣ Константинѣ оно слагается въ крупное владѣніе—Нижегородское великое княженіе. Во всякомъ случаѣ этотъ своеобразный раздѣлъ великаго княженія не повліялъ на великокняжеское положеніе Ивана Даниловича. Передъ Ордой и передъ Русью—онъ во главѣ политическаго быта Великороссіи. Великимъ княземъ всея Руси выступаетъ онъ въ Псковскихъ дѣлахъ и въ отношеніи къ Великому Новгороду, а стремленіе подлинно осуществить великое княженіе «якоже и праотецъ его великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ» оставило по себѣ память, что въ ту пору «наста насилованье много, сирѣчь княженіе великое досталось князю великому Ивану Даниловичу» [1]).

II.

Ростъ политической самостоятельности и обособленности Пскова отъ великаго княжества Владимірскаго и Новгородскаго въ предъидущія десятилѣтія сдѣлалъ его убѣжищемъ князей, уходившихъ отъ личной опасности въ годину неудачи на аренѣ борьбы за великое княженіе.

Сюда бѣжалъ и Александръ Михайловичъ, а псковичи его приняли; ихъ сближали съ тверскими князьями литовско-русскія связи и стремленіе отбиться отъ московской и новгородской силы. Личное дѣло князя Александра

и паки бысть гласъ богоугоденъ“ (Новг. I, стр. 437). Карамзинъ приводитъ все это извѣстіе статьи „А се князи русьстіи“ въ другой и нѣсколько искаженной редакціи (т. IV, прим. 302), гдѣ Албуга, который „правилъ княженье“ Ивану Калитѣ по смерти Александра, превратился въ царя Албугу, будто давшаго Калитѣ великое княженіе. „Правилъ княженье“—относится къ ханскому послу, который вводилъ новаго великаго князя въ обладаніе великимъ княженіемъ по ханскому ярлыку. Это искаженіе текста и легендарныя черты разсказа о владимірскомъ колоколѣ лишили нашъ источникъ всякаго значенія для С. М. Соловьева: „это извѣстіе—отозвался онъ—съ царемъ Албугою и съ поэтическимъ разсказомъ о колоколѣ—не заслуживаетъ большаго вниманія“ („Ист. Русс.“, кн. I, ст. 951, прим. 1). Можно усумниться въ возвращеніи колокола при жизни Александра или предположить иные мотивы для такого возвращенія или, наконецъ, заподозрить владимірскихъ звонарей въ умѣньи посодѣйствовать чуду, но все это еще не обосновываетъ отвода, предъявленнаго источнику, который расходится лишь съ умолчаніями (и притомъ вполнѣ понятными) другихъ сводовъ, а поддержанъ умолчаніемъ Новгородской I лѣтописи о вокняженіи Ивана Калиты, свидѣтельствомъ статьи „Кто колико лѣтъ княжилъ“ и дальнѣйшими судьбами Поволжья. Рукопись, которую цитируетъ Карамзинъ: „Синодаль. библіот. лѣтопись XV вѣка въ листъ подъ № 349“ или: „Синодальный лѣтописецъ временъ Василія Темнаго“ (т. II, прим. 238), та самая, изъ которой онъ привелъ и любопытное извѣстіе, что Андрея Боголюбскаго на самовольный уходъ изъ Кіевщины въ Суздальскую землю „подъяша Кучковичи“ (т. IV, прим. 383)—повидимому, не вернулась въ Московскую Синодальную библіотеку и находится невѣдомо гдѣ.

[1]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 128 (Житіе св. Сергія Радонежскаго).

стало псковскимъ дѣломъ; его пріѣздъ во Псковъ—значительнымъ моментомъ самостоятельной исторіи Пскова.

Ханъ Узбекъ примирился съ русскими князьями, повелѣвъ имъ «князя Александра искати». В. к. Иванъ Даниловичъ прибылъ въ Новгородъ съ Александромъ суздальскимъ и съ братьями Александра Михайловича и «многими князьями русскими», и отсюда его послы и послы новгородскіе убѣждали бѣглеца итти въ Орду, «а не погубить христіанъ отъ поганыхъ». Митр. Ѳеогностъ, прибывшій въ Новгородъ, наложилъ отлученіе на Псковъ и на кн. Александра Михайловича и тѣмъ вынудилъ его уѣхать въ Литву [1]). Вынужденный отъѣздъ этотъ былъ только способомъ отвести нависшую бѣду. Княгиню и дворъ свой кн. Александръ оставилъ во Псковѣ и вернулся къ нимъ черезъ полтора года. «И пріяша его псковичи съ честью и посадиша его во Псковѣ на княженіи». Около десяти лѣтъ, по счету псковской лѣтописи, княжилъ Александръ во Псковѣ, внѣ связи съ Владимірскимъ великимъ княженіемъ, но въ тѣсномъ отношеніи къ великому княжеству Литовскому [2]). Съ его времени возникло свое псковское законодательство, старѣйшій памятникъ котораго, легшій въ основу «Псковской Судной Грамоты»—«великаго князя Александрова грамота» [3]). Тогда же была сдѣлана попытка вывести Псковъ изъ церковной зависимости отъ Великаго Новгорода учрежденіемъ особой псковской епископіи: къ митр. Ѳеогносту на Волынь явилось посольство изо Пскова отъ князя Александра Михайловича и отъ великаго князя литовскаго Гедимина и всѣхъ литовскихъ князей съ требованіемъ поставить на владычество во Псковъ

---

[1]) Отъѣздъ кн. Александра примирилъ псковичей съ Калитой и избавилъ ихъ отъ митрополичьяго запрещенія: „и кончаша миръ вѣчный со псковичи по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ; и благослови митрополитъ Ѳеогностъ и владыка Моисей Селогу посадника и весь Псковъ“ (Псков. I л., П. С. Р. Л., т. IV, стр. 186).

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 185—186; т. V, стр. 12; псковичи „посадили себѣ князя Александра на княженіе изъ Литовскіе руки“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 219; т. VII, стр. 203).

[3]) Ссылка на эту „Александрову“ грамоту „Псковской Судной Грамоты“ относится одними учеными къ Александру Невскому (Калачовъ, Энгельманъ, Сергѣевичъ, Владимірскій-Будановъ), другими (Мурзакевичъ, Никитскій, Дьяконовъ)—къ Александру Михайловичу. Въ пользу перваго мнѣнія приводится лишь указаніе на титулъ „великій князь“, особенно при упоминаніи о Псковской грамотѣ въ грамотахъ митрополитовъ Кипріана и Іоны („Русс. Ист. Биб.“, т. VI, №№ 28 и 90), но сила этого указанія мѣтко упразднена замѣчаніями А. Н. Никитскаго („Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, стр. 105—109) и М. А. Дьяконова („Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“, т. I, стр. 55—56). Соображенія Никитскаго и Дьяконова рѣшаютъ вопросъ въ пользу кн. Алексасандра Михайловича съ достаточной опредѣленностью, и живучесть самаго вопроса въ научной литературѣ (ср. А. Н. Филиппова, Учебникъ исторіи русскаго права, Отдѣлъ I, гл. VI) можно признать историографическимъ недоразумѣніемъ.

ихъ кандидата—Арсенія, но митрополитъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ [1]).

Образованіе великаго княжества Литовскаго, завершенное в. к. Гедиминомъ, оказываетъ значительное давленіе на Псковъ, Новгородъ и Тверское княжество, не говоря уже о Смоленскѣ и Чернигово-сѣверскихъ княженіяхъ. Одновременно съ дѣломъ о псковской епископіи разбиралось другое, столь же характерное: в. к. Гедининъ захватилъ «на миру» новгородскихъ бояръ и ихъ нареченнаго владыку Василія по дорогѣ къ митрополиту Θеогносту на Волынь, а отпустилъ ихъ, вынудивъ договоръ объ отдачѣ сыну его Наримонту «въ вотчину и дѣдину и его дѣтемъ» новгородскихъ пригородовъ—Ладоги, Орѣхова городка и городка Карельскаго со всей Карельской землей, да половины Копорья. Запись объ этомъ договорѣ, сохраненная въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ, подчеркиваетъ, что это «слово право» новгородцы дали Наримонту, лишь будучи «въ таковой тяготѣ» [2]). Однако, дальнѣйшія свѣдѣнія объ отношеніи Великаго Новгорода къ Наримонту позволяютъ говорить о зарожденіи въ Новгородѣ «литовской» партіи, тянувшей къ западно-русскому, литовскому политическому центру, который сулилъ освобожденіе отъ татарской власти и постылаго «выхода» [3]).

Великокняжеское положеніе Ивана Даниловича сильно осложнялось этими литовскими отношеніями: тяготеніе западныхъ областей Великороссіи къ новой политической силѣ великаго княжества Литовскаго питалось въ значительной степени ролью великаго князя, какъ представителя ордынской власти и ея требованій.

А такая роль была для в. к. Ивана Даниловича неизбѣжной политической необходимостью. Съ трудомъ отвелъ онъ отъ Руси грозу золотоордынскаго гнѣва и на покорности власти хана построилъ свое значеніе главы великорусскаго политическаго міра. Нароставшій напоръ литовской силы лишь укрѣплялъ связи Великороссіи съ ханской властью, заинтересованной въ сохраненіи своего «русскаго улуса».

---

[1]) Псковское и литовское посольство застало у митрополита новгородскаго кандидата на архіепископію, котораго Θеогностъ вызвалъ на Волынь „ставитися на владычество“, и вопросъ былъ разрѣшенъ канонически правильно въ пользу сохраненія единства епархіи. Новопоставленному владыкѣ Василію пришлось, „бояся Литвы“, ѣхать окольными путями и убѣгать отъ погони (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203). Повидимому, на князѣ Александрѣ еще тяготѣло митрополичье запрещеніе: только въ 1336 г. онъ принялъ „отъ Θеогноста митрополита и отъ всѣхъ святителей русскихъ благословеніе и молитвы“. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 207).

[2]) П. С. Р. Л., т. V стр. 219; т VII, стр. 202—203.

[3]) Въ нашихъ источникахъ нѣтъ, кстати сказать, данныхъ для установленія причастности Пскова къ уплатѣ этого выхода; кн. Довмонтъ въ Орду не ѣздилъ и, очевидно, не признавалъ надъ собою власти хана, какъ и Александръ Михайловичъ, пока княжилъ во Псковѣ.

Тяжкое давленіе ордынской зависимости на всю политику в. к. Ивана сказывается особенно ярко на его новгородскихъ отношеніяхъ. Въ 1328 г. прислалъ онъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, въ мартѣ 1329 г. сѣлъ на столъ Новгородскаго княженія; съ 1332-го, когда вся сила великокняжеской власти сосредоточилась въ его рукахъ, а, съ другой стороны, легли на него крупныя обязательства передъ Ордой, ростетъ его требовательность по отношенію къ Великому Новгороду и усиливается его наступленіе на новгородскія вольности. Вернувшись изъ Орды въ 1332 г. великимъ княземъ всея Руси, Иванъ Даниловичъ «возверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра Закамьского»; отказъ новгородцевъ возобновилъ стародавнюю ихъ борьбу съ «низовскими» князьями за «дани новгородскія». Великій князь собралъ ратную силу всей «низовской» земли съ ея князьями и съ рязанской помощью, засѣлъ въ Торжкѣ, захватилъ и Бѣжецкій Верхъ, «теряя волость новгородскую», и отвергъ попытку новгородцевъ заключить миръ [1]). Это «розмирье» услилило стремленіе новгородцевъ найти опору въ Литвѣ. Новгородцы выполнили договоръ съ Гедиминомъ и приняли его сына Наримонта-Глѣба на новгородскіе пригороды, обязавъ его крестоцѣлованіемъ стоять съ ними «за одинъ человѣкъ» [2]); ищутъ новгородцы и сближенія съ Псковомъ и съ княземъ Александромъ Михайловичемъ [3]). Однако, всѣ эти комбинаціи оказались весьма непрочными. Надо полагать,

---

[1]) Въ нашихъ сводахъ (Новг. I, стр. 328; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203) какъ бы два захвата Торжка; подъ 6840 г.: „великій князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамьскаго, и въ томъ взя Торжекъ и Бѣжичьскый верхъ черезъ крестное цѣлованіе“, и подъ 6841 г.: „приде князь Иванъ въ Торжекъ съ всими князи низовскыми и съ рязаньскыми, и присла въ Новъгородъ и сведе намѣстники“ (Новг. I). Но въ первой записи—о столкновеніи изъ за „серебра“ лишь указаны его послѣдствія и, быть можетъ, посылка передового отряда.

[2]) „Въложи Богъ въ сердце князю литовьскому Наримонту, нареченному въ крещеніи Глѣбу, сыну великаго князя литовскаго Гедимина, и присла въ Новъгородъ, хотя поклонитися святѣй Софѣи; и послаша Новгородци по него Григорія и Олександра и позваша его къ собѣ“ (Новг. I, стр. 331). Новг. IV (т. IV², стр. 265) и Воскр. (т. VII, стр. 203) указываютъ на прежній договоръ: „князь Наримонтъ Гедимоновичъ..... пріѣха на пригороды, что ему ркли въ Литвѣ“; та же ссылка полнѣе въ Никоновской, т. X, стр. 206): „пригороды, что ему ркли въ Литвѣ идуще къ Ѳеогнасту митрополиту въ Волынскую землю и слово право дали“. Крестоцѣлованіе о „единствѣ“ въ Новг. I (стр. 331): „и цѣлова крестъ къ Великому Новуграду за одинъ человѣкъ“; варьянтъ „цѣловаша“ указываетъ, повидимому, на взаимное крестоцѣлованіе, какъ только и могло быть. Прибылъ кн. Наримонтъ въ октябрѣ 1333 г.

[3]) Послѣ неудачнаго посольства къ в. к. Ивану Даниловичу, который „челобитья не прія и миру не да“ (т. VII, стр. 204), хотя новгородцы предлагали ему „пять сотъ рублевъ“ за миръ „по старинѣ“ („свободъ бы ся отступилъ по крестному цѣлованію“), новгородскій владыка Василій поѣхалъ въ Псковъ, гдѣ псковичи приняли его съ честью, и владыка крестилъ у кн. Александра сына Михаила. А до того владыка 7 лѣтъ не бывалъ во Псковѣ (Новг. I, стр. 330).

что недовольство дорогой оплатой сомнительной помощи князя Наримонта [1]) и опасеніе передъ великокняжеской силой и ея ордынской опорой [2]) заставили новгородцевъ снова искать и добиться примиренія съ Иваномъ Даниловичемъ. Въ февралѣ 1335 г. великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ [3]). Возвращеніе Новгорода подъ его власть означало разрывъ съ Псковомъ и съ Литвой. Иванъ Даниловичъ рѣшилъ было предпринять походъ на Псковъ «съ новгородцами и со всей низовскою землей»; однако новгородцамъ удалось отклонить его отъ этого похода, хотя они признали, что мира съ псковичами у нихъ нѣтъ [4]). При возвращеніи в. к. Ивана изъ Новгорода черезъ Торжекъ, Новоторжская волость подверглась набѣгу Литвы, но ему удалось отплатить за нападеніе—раззореніемъ литовскихъ городковъ [5]).

Очевидно, положеніе, создавшееся въ 1335 г. на западной окраинѣ Великороссіи, было лишь компромиссомъ, на разрѣшеніе котораго въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ не хватило силъ ни у в. к. Ивана, ни у новгородцевъ. Великаго князя связывали литовскія и ордынскія отношенія, новго-

---

[1]) Наримонтъ получилъ „въ отчину и дѣдину—и его дѣтямъ“ Ладогу, Орѣховъ, Карельскій городокъ съ Карельской землей и половину Копорья; часть этихъ городовъ получилъ въ 1383—1384 г. кн. Патрикій Наримонтовичъ, но изъ за него были въ Новгородѣ большія смуты и усобицы (Новг. I, стр. 371; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 190—191). Такія же смуты вызваны въ Новгородѣ и событіями 1334—1335 года, Новг. I, стр. 332. Не находя достаточной обороны отъ великихъ князей, новгородцы искали въ литовскихъ князьяхъ организаторовъ защиты своихъ границъ. Послѣ отъѣзда Наримонта въ Литву видимъ въ 1337 г. возстаніе карелъ съ помощью нѣмцевъ (шведовъ); въ 1338 г. шведы съ карелою воюютъ новгородскія волости сжигаютъ Ладожскій посадъ, нападаютъ на Водскую землю. Тщетно звали новгородцы изъ Литвы кн. Наримонта; онъ и самъ уѣхалъ и сына „вывелъ“, оставивъ только намѣстника (Новг. I, стр. 333—334). Характерна осторожность в. к. Ивана, который отказывается, по настоянію новгородцевъ, отъ похода на Псковъ, лишь отвѣчаетъ на литовскій набѣгъ, мирится съ пребываніемъ Наримонтова намѣстника на новгородскихъ пригородахъ; у него нѣтъ достаточно силы, чтобы подлинно взять въ свои руки западныя дѣла. Вѣроятно, съ этимъ же общимъ положеніемъ связана его попытка сближенія съ в. к. Литовскимъ путемъ брака Симеона Ивановича съ Гедеминовной Айгустой-Анастасіей, о которомъ лѣтописи сообщаютъ подъ тѣмъ же годомъ, подъ которымъ читаемъ о прибытіи Наримонта на новгородскіе пригороды (6841)—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204.

[2]) Посольство отъ Великаго Новгорода послано—когда великій князь вернулся изъ новой поѣздки въ Орду (Новг. I, стр. 331).

[3]) Четвергъ, февраля 16-го (на память св. Памфила)—указываетъ на 1335 г. но недѣля была не мясопустная, а о Блудномъ сынѣ; извѣстіе попало подъ 6842 голъ—1334, однако къ этому году не подходятъ ни день, ни недѣля (см. Археологическій календарь Горбачевскаго).

[4]) „Бысть ему рѣчь по любви съ новгородци, и отложиша ѣздъ, а Плесковицемъ миру не даша“—Новг. I, стр. 332; послѣднія слова можно понять и какъ разрывъ прежняго договора съ псковичами.

[5]) „Иославъ князь великый пожже городки литовскыи Осѣченъ и Рясну и иныхъ городковъ много“ (Новг. I, стр. 332).

родцевъ—колебанія между двумя великими княженіями, осложнившія внутреннюю партійную рознь Великаго Новгорода [1]). Не знаемъ договоровъ в. к. Ивана съ Новгородомъ, но лѣтописныя указанія утверждаютъ, что новгородцы настояли на «рядѣ» выработаннаго типа, и великій князь «цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ новгородской и по Ярославлимъ грамотамъ» [2]). Но за ближайшей поѣздкой в. к. Ивана въ Орду (1336 г. [3]) послѣдовало новое покушеніе его на новгородскія доходныя волости—неудачная посылка рати на Двину, за Волокъ [4]). Иванъ Даниловичъ «не помнилъ крестнаго цѣлованія» и упорно добивался расширенія своихъ великокняжескихъ правъ въ Великомъ Новгородѣ [5]), побуждаемый къ тому, въ значительной степени, необходимостью удовлетворять тяжкія требованія ордынской власти; показательно, что его столкновенія съ Новгородомъ возникаютъ каждый разъ по возвращеніи его изъ Орды. То же видимъ и позднѣе, въ 1339 г., когда ордынская требовательность получила новую пищу въ княжескихъ спорахъ и антагонизмахъ: в. к. Иванъ, получивъ съ Новгорода обычный «выходъ», потребовалъ «другого выхода», т. е. «запроса царева, чего у него царь запрошалъ», и на отказъ новгородцевъ, которые ссылались на «старую пошлину» и договорное крестоцѣлованье, отвѣтилъ—отозваніемъ намѣстниковъ изъ Новгорода и разрывомъ мира.

Новгородскія отношенія Ивана Калиты — наглядный примѣръ того «многаго насилованья», которое такъ раздражало противниковъ его великокняжеской дѣятельности. Великій Новгородъ по прежнему необходимая

---

[1]) Князю Наримонту „прирекли“ дать пригороды „въ отчину и въ дѣдину“ бояре, сопровождавшіе владыку Василія; въ раздорахъ 1380-хъ годовъ изъ за Патрикія Наримонтовича за него стоитъ боярскій Славенскій конецъ, противъ него—демократическіе лѣвобережные концы, при нерѣшительной поддержкѣ Плотницкаго конца (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 90—91). Въ смутѣ 1335 года та же группировка: „сташа си сторона и она сторона, доспѣвше въ оружьи противу себе, оба полъ Волхова“—Новг. I, стр. 332.

[2]) Новг. I, стр. 330 и 336.

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204.

[4]) Новг. I, стр. 333. Извѣстіе отрывочно, поводъ не указанъ, но естественно предположить—все тотъ же споръ о денежныхъ требованіяхъ великаго князя.

[5]) Когда в. к. Василій Темный требовалъ отъ Великаго Новгорода: „а печати быти князей великихъ“ и „вѣчнымъ грамотамъ не быти“ (договоръ 1456 г., А. А. Э., т. I, № 58), онъ могъ опираться на „старину“, дѣйствовавшую при Иванѣ Калитѣ: до насъ дошла грамота, данная какому то Михаилу на промыслы въ „Печерской сторонѣ“ и на „Кегролскій Волокъ“—„отъ великаго князя отъ Ивана, отъ посадника Даніила, отъ тысяцского Аврама и отъ всего Новагорода“ (А. А. Э., т. I, № 2); тысяцкій Аврамъ упоминается подъ 1328—1348 годами, но посадникъ Даніилъ не поддается опредѣленію. Грамота средактирована отъ имени в. к. Ивана: „приказалъ есмь Печерскую сторону Михаилу.... а погостъ Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ“.

опора и главная забота великокняжеской власти. Владѣніе столомъ Новгородскаго княженія неотдѣлимо отъ великаго княженія—по стародавней традиціи о томъ, что это великое княженіе Владимірское и Великаго Новгорода. Образованіе и ростущая сила великаго княжества Литовскаго создали новую и грозную опасность для этого владѣнія. Псковъ на время вышелъ изъ политической связи съ Великороссіей; въ Новгородѣ, какъ и въ Твери усиливалось западное, литовское вліяніе. Смоленскъ былъ почти потерянъ для восточно-русскаго политическаго міра. Ханъ Узбекъ—едва ли по собственному почину—посылалъ рать свою съ воеводой Товлубіемъ и рязанскимъ княземъ Иваномъ Коротополомъ подъ Смоленскъ въ 1340 г., и в. к. Иванъ Даниловичъ отправилъ въ этотъ походъ, по цареву повелѣнію, свою рать съ воеводами и князьями великаго Владимірскаго княженія; но все это предпріятіе не дало никакихъ результатовъ [1]).

Борьба за единство великаго княженія при недостаткѣ силъ для его сохраненія—характерная черта великорусской политической жизни первой половины XIV вѣка. Эта борьба требовала усиленія великокняжеской власти, чтобы сосредоточить въ рукахъ великаго князя распоряженіе силами и средствами «низовской» земли. В. к. Иванъ Даниловичъ и въ новгородскихъ дѣлахъ и въ походахъ выступаетъ, окруженный «всѣми князьями»: суздальскимъ, ростовскимъ, ярославскимъ, рязанскими и тверскими, но выяснить подлинный укладъ ихъ взаимоотношеній почти невозможно, по скудости и отрывочности лѣтописныхъ извѣстій.

Сбивчивы и недостаточны были уже тѣ данныя по исторіи ростовскихъ князей, какими располагали составители лѣтописныхъ сводовъ XVI-го вѣка [2]).

---

[1]) Съ Товлубіемъ „посла рать свою и князь Иванъ великій Даниловичъ, по цареву повелѣнію, князя Константина Васильевича суждальскаго, князя Константина Борисовича ростовьскаго, князя Ивана Ярославича юрьевскаго, князя Ивана друцкого, князя Ѳедора ѳоминьскаго, а съ ними великого князя воеводы Александръ Ивановичъ и Ѳедоръ Акинѳовичъ, и стояша у города немного дній и поидоша прочь, граду не успѣвше ничтоже“. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 206). Любопытна редакція, какую этому извѣстію придалъ составитель Никоновской лѣтописи, согласно своимъ представленіямъ о междукняжескихъ отношеніяхъ „удѣльнаго періода“: „поиде князь Иванъ Коротополъ съ Тавлубіемъ и съ прочими татары, а князь велики Иванъ Даниловичъ послалъ же рать свою съ ними къ Смоленску по цареву повелѣнію, а воеводы его Александро Ивановъ, Ѳеодоръ Окиновичъ; также и иніи князи идоша по цареву повелѣнію къ Смоленску съ татары ратью: князь Константинъ Васильевичъ суждальскій, князь Константинъ Борисовичъ ростовскій, князь Иванъ Ярославичъ юрьевскій, князь Иванъ дрютскій, Ѳеодоръ ѳоминьскій, и баскаки, и мордовскіа князи съ мордвичи“ (т. X, стр. 211).

[2]) Такъ они помнятъ среди участниковъ похода подъ Смоленскъ въ 1340 г. Константина Борисовича ростовскаго (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206; т. X, стр. 211), хотя о смерти его въ 1307 г. сообщено въ Воскресенской (т. VII, стр. 185; такъ и т. IV², стр. 253; т. V, стр. 204; Лѣт. по академич. списку, въ изд. Лаврент. лѣт., стр. 501), а Никоновская сообщаетъ объ этой смерти дважды: подъ 1304 г. (т. X,

Это понятно. «Общерусскіе» митрополичьи лѣтописные своды—главный источникъ лѣтописныхъ трудовъ, какими мы пользуемся—почти не упоминали о мелкихъ князьяхъ, отмѣчая лишь случайно и мимоходомъ участіе того или иного изъ нихъ въ походѣ или ордынской поѣздкѣ, или какое-нибудь событіе въ княжеской семьѣ—женитьбу, кончину. А ростовскіе князья сильно измельчали ко времени Ивана Калиты. Та вліятельная роль, какую семья ростовскихъ князей играла при Александрѣ Невскомъ, дѣло прошлое. Ихъ ростовская отчина дробится все больше. Обособился ея бѣлозерскій удѣлъ въ вотчину потомковъ кн. Михаила Глѣбовича; при Калитѣ на Бѣлоозерѣ сидитъ кн. Романъ Михайловичъ, котораго лѣтописи лишь разъ помянули по тому поводу, что князь «Романчюкъ» бѣлозерскій ѣздилъ въ Орду [1]); порываются послѣднія связи Углича съ Ростовской отчиной [2]). Само ядро

стр. 175—сюда это извѣстіе попало, повидимому, вмѣстѣ съ „повѣстью объ убіеніи Акинѳовѣ“, которое отнесено ко времени княженія Ивана Калиты) и подъ 1309 г. т. X, стр. 177—здѣсь выписаны изъ какого-то источника подъ рядъ извѣстія о кончинѣ кн. Александра Даниловича, смерть котораго въ Воскр.—т. VII, стр. 185—отнесена къ 1308 г., а въ другихъ—т. IV, стр. 47 и т. V, стр. 204—къ 1305 г.; о кончинѣ Константина Борисовича съ доб.: „и сяде по немъ сынъ его Василей“; о кончинѣ князя Василія Михайловича суздальскаго, лица весьма сомнительнаго и едва ли существовавшаго (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 397). Участникомъ похода былъ ростовскій князь Константинъ Васильевичъ, упомянутый безъ отчества въ извѣстіи объ этомъ походѣ Новг. IV (т. IV², стр. 270), какъ, вѣроятно, было и въ источникѣ Воскр. и Ник.—Запись о преставленіи „Константина ростовскаго“ находимъ еще подъ 1328 г. въ Новг. IV и Соф. I (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 262 и т. V стр. 218), но Константинъ Васильевичъ въ этомъ году не умеръ, а женился на дочери Ивана Калиты, Маріи (Лѣтопись по академическому списку—въ изд. Лаврент. лѣт., стр. 503 и 505); умеръ онъ отъ моровой язвы въ 1365 г. (т. XI, стр. 4); въ спискахъ Никоновской лѣтописи при извѣстіи о его кончинѣ—за именемъ оставлено пустое мѣсто для отчества, но составитель такъ и не разобрался въ князьяхъ Константинахъ

[1]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 209 (1339 г.); т. XV, ст. 422 (Романъ бѣлозерскій).

[2]) Кн. Константинъ Борисовичъ ростовскій въ 1297 г. посадилъ въ Угличѣ сына Александра; послѣднее извѣстіе о немъ—его женитьба въ 1302 г. (Лѣтопись по академич. списку въ изд. Лаврент. лѣт., стр. 501), годъ его смерти не отмѣченъ въ лѣтописяхъ. Его сыномъ А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 36 и 132) признаетъ того „Юрья Александровича ростовскаго“, который умеръ въ 1320 г. (та же лѣтопись, стр. 502, и др. своды). Поэтому Экземплярскій полагаетъ, что кн. Юрій занялъ столъ ростовскаго княженія послѣ дяди Василія (у Экземплярскаго обмолвка—„послѣ двоюроднаго брата“), объясняя это тѣмъ, что „Угличъ не составлялъ уже совершенно обособленнаго княжества, какъ Ярославское и Бѣлозерское, а входилъ въ составъ ростовской волости, какъ часть ея, хотя и представлялъ изъ себя отдѣльное удѣльное княжество“, и тѣмъ, что Юрій былъ сыномъ старшаго изъ Константиновичей. Къ тому же—его двоюродные братья Васильевичи Константиновича были, надо полагать, весьма юны даже въ годъ смерти кн. Юрія, такъ какъ первое лѣтописное извѣстіе о старшемъ изъ нихъ—Ѳедорѣ—сообщаетъ о его женитьбѣ въ 1326 г. („Лѣт. по акад. списку“, стр. 502). Угличъ Экземплярскій признаетъ „собственно отчиной“ кн. Юрія и выморочнымъ по его бездѣтной смерти, но оставляетъ открытымъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ этого владѣнія: „мы ни откуда не видимъ, чтобы онъ

старыхъ ростовскихъ владѣній переживаетъ моментъ униженія и распада. Родословное преданіе ростовскихъ княжатъ связало раздѣлъ Ростова на двѣ половины съ женитьбой младшаго Васильевича, Константина, на княжнѣ Маріи, дочери в. к. Ивана Даниловича, и съ утвержденіемъ его тестя на столѣ великаго княженія [1]). Быть можетъ, этотъ раздѣлъ имѣлъ цѣлью обезпечить владѣльческое положеніе младшаго брата, великокняжескаго зятя, по отношенію къ старшему, князю Ѳедору. Весьма вѣроятно, что произошелъ онъ при вмѣшательствѣ и подъ давленіемъ в. к. Ивана. Ростовъ при немъ въ полной зависимости отъ великокняжеской власти. Ученикъ и біографъ св. Сергія Радонежскаго, Епифаній рисуетъ положеніе Ростова такими чертами: «Егда бысть великая рать татарская, глаголемая Ѳедорчюкова Туралыкова, егда же по семъ за годъ единъ, и наста насилованье много, сирѣчь княженіе великое Московское досталося князю великому Ивану Даниловичу, купно же достася и княженіе Ростовское къ Москвѣ, увы, увы тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава и вся прочая и потягну къ Москвѣ. Егда изыде повелѣніе великаго князя Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій воевода, единъ отъ вельможъ, именемъ Василей прозвищемъ Кочева, и съ нимъ Мина, и егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ да и на вся живущая въ немъ, и гоненіе много умножися». Епифаній говоритъ далѣе о томъ, какъ ростовцамъ пришлось отдавать москвичамъ «имѣнія своя съ нужею» и терпѣть «противу того»—побои и укоризны [2]). Подъ книжной риторикой Епифанія—нѣчто большее, чѣмъ простое обличеніе воеводскихъ злоупотребленій. Рѣчь идетъ объ умаленіи княжеской власти ростовскихъ отчичей, о хозяйничаньи въ Ростови московскихъ бояръ, словно они—правители ростовскіе, о суровыхъ мѣрахъ для взысканія съ ростовцевъ какихъ-то платежей. Аналогія новгородскихъ отношеній в. к. Ивана вызываетъ предположеніе, что дѣло идетъ о тѣхъ же «запросахъ царевыхъ», о крутыхъ мѣрахъ для сбора «серебра»

былъ послѣ 1320 г. за князьями ростовскими", замѣчаетъ Экземплярскій объ Угличѣ, и воздерживается отъ какихъ-либо предположеній по поводу „купли" Ивана Калиты. Все это возможно, но отсутствіе въ нашихъ источникахъ хотя бы такихъ основныхъ датъ, какъ года смерти Александра и Василія Константиновичей, не позволяетъ сколько-нибудь твердо установить схему судебъ Ростова и Углича.

[1]) Въ „Родословной книгѣ" XVI вѣка („Временникъ", т. X, стр. 37—38) читаемъ: „...а у великого князя Василья дѣти князь Ѳедоръ да князь великій Константинъ, а женился князь великій Константинъ у великого князя Ивана Даниловича московскаго. А оттолѣ ростовскихъ князей родъ пошелъ на двое: болшому брату Ѳедору досталася Стрѣтенская сторона, а другому брату великому князю Костянтину Борисоглѣбская сторона"; одинъ изъ списковъ этой родословной книги ставитъ и дату: въ лѣто 6836 (1328).

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 128.

на ордынскіе платежи [1]). Разсказъ Епифанія отразилъ острую обиду ростовцевъ, которая нашла, повидимому, выходъ въ попыткѣ сопротивленія; Епифаній сообщаетъ о мученіи московскими боярами старѣйшаго боярина ростовскаго Аверкія и объ ужасѣ, какой они этимъ нагнали на все населеніе ростовской области [2]).

Придавленные московскимъ засильемъ, ростовскіе князья вступаютъ въ тотъ періодъ своей исторіи, когда падаетъ ихъ «власть и княженіе», и сходятъ они на положеніе мелкихъ подручниковъ великаго князя, служебныхъ, какъ станутъ говорить позднѣе, князей вотчинниковъ. Потеря послѣднихъ чертъ сколько-нибудь самостоятельнаго, княжескаго, политическаго значенія необходимая предпосылка для распада стараго ростовскаго княжества на многія мелкія вотчины и вырожденія владѣтельныхъ князей — въ княжатъ-землевладѣльцевъ. Постепенно наростаетъ это вырожденіе въ XIV и XV столѣтіяхъ, но поворотный пунктъ въ исторіи ростовскихъ князей агіографъ Епифаній правильно отмѣтилъ въ дни в. к. Ивана Даниловича. Таже судьба уготована князьямъ бѣлозерскимъ, стародубскимъ, юрьевскимъ, галицкимъ и дмитровскимъ [3]); ожидаетъ она и князей яро-

---

[1]) Самый фактъ—непосредственнаго и крутого вмѣшательства великокняжеской власти въ сборъ „серебра“ съ жителей младшаго княжества можно сопоставить съ тѣмъ, что нѣсколько позднѣе произошло въ Тверскомъ княжествѣ, гдѣ в. к. Константинъ Михайловичъ пришелъ въ столкновеніе съ княземъ холмскимъ Всеволодомъ Александровичемъ и его матерью, княгиней Анастасіей: „и нача имати бояре ихъ и слуги въ серебрѣ за волости, чрезъ людскую силу, и быть надъ ними скорбь велика“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 217, 1346 г.).

[2]) „Епарха градского, старѣйшаго боярина ростовскаго, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руцѣ свои и оставиша поругана, точію жива; и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ и видящихъ сіа, не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и въ всѣхъ предѣлехъ его и во властехъ и въ селехъ“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 129). „Епархъ градской“, вѣроятно, тысяцкій.

[3]) На Бѣлоозерѣ—современникъ Калиты кн. Романъ Михайловичъ (Романчюкъ), о которомъ, какъ упомянуто, только и знаемъ, что онъ въ 1334 г. ѣздилъ въ Орду съ в. к. Иваномъ Даниловичемъ. Стародубскіе князья XIV в. извѣстны намъ только по упоминаніямъ лѣтописныхъ сводовъ объ ихъ кончинѣ: Ивана Михайловича (П. С. Р. Л., т. X, стр. 179) или Михаила Ивановича (т. VII, стр. 187) въ 1315 г. (объ этомъ разногласіи лѣтописныхъ сводовъ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 179—180 и выше стр. 69, примѣчаніе); Ѳедора Ивановича, убитаго въ Ордѣ въ 1330 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 203); Дмитрія Ѳедоровича, умершаго въ 1354 г. (т. VIII, стр. 9; т. XI, стр. 227, подъ 6863 г.—„и положенъ бысть въ своей отчинѣ въ Стародубѣ“); братъ его Иванъ—послѣдній стародубскій князь—„сѣде на княженіи въ Стародубѣ“ зимой 1356 г. по возвращеніи изъ Орды съ ханскимъ „пожалованіемъ“ (т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228), а въ 1362/3 г. в. к. Дмитрій Ивановичъ согналъ его со Стародуба. Княженіе Юрьева Польскаго кончилось на князѣ Иванѣ Ярославичѣ, который лишь упомянутъ подъ 1340 г. (т. VII, стр. 206). Въ Галичѣ—сыновья Давида Константиновича (ум. 1280 г.) Борисъ и Ѳедоръ, повидимому, подѣлили свою отчину, если Никоновская лѣтопись (т. X, стр. 206 и 207) была хорошо освѣдомлена, сообщая о смерти кн. Бориса дмитровскаго (подъ 1334 г.) и Ѳедора галицкаго (подъ 1335 г.)—ср. Экземплярскаго, т. II,

славскихъ [1]). Центръ Великороссіи сплачивается подъ великокняжеской властью, усиливается эта власть въ рукахъ московскаго князя. Происходитъ закладка крѣпкаго фундамента подъ зданіе Владимірско-Московскаго великаго княженія, будущаго «Московскаго государства», въ томъ тѣсномъ значеніи, какое этотъ терминъ имѣлъ для политической терминологіи XVI вѣка.

IV.

Для выясненія этого момента историческихъ судебъ Великороссіи имѣетъ существенное значеніе вопросъ о пресловутыхъ «купляхъ» Ивана Калиты. Дмитрій Донской называетъ въ своей духовной Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ—«куплями дѣда своего». Это свидѣтельство источника, весьма авторитетнаго, вызывало у историковъ большое недоумѣніе, доходившее до попытокъ отдѣлаться отъ него простымъ отрицаніемъ. Недоумѣніе обусловлено съ одной стороны тѣмъ, что Калита и его сыновья не упомянули объ этихъ «купляхъ» въ духовныхъ грамотахъ, а, съ другой, тѣмъ, что сохранились извѣстія о князьяхъ на Галичѣ и Бѣлоозерѣ во времена Дмитрія Донского. На разъясненіи этихъ двухъ обстоятельствъ и сосредоточились толкованія историковъ. Карамзинъ пояснялъ, что «сіи удѣлы до временъ Донскаго считались великокняжескими, а не московскими: поэтому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ» [2]). Соловьевъ отвергъ это толкованіе, считая невозможнымъ, чтобы Калита «прикупалъ» къ великому княженію, которое «вовсе не принадлежало въ собственность его роду», а могло перейти послѣ его смерти къ тверскому или нижегородскому князю; «дѣло, по его мнѣнію, объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ, однако, в. к. московскому, а при Димитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ [3])». В. П. Сергѣевичъ призналъ, что «земельныя пріобрѣтенія

стр. 214—216; послѣдній галицкій князь—Дмитрій, котораго Никоновская лѣт. (т. X, стр. 232—подъ 1360 г. о ханскомъ пожалованіи его на Галичъ) называетъ Борисовичемъ, а родословныя (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 218)—Ивановичемъ (по Экземплярскому—сыномъ Ивана Ѳедоровича), согнанъ съ княженія в. к. Дмитріемъ Донскимъ. Судьбы Дмитрова послѣ кн. Бориса—не ясны; возможно, что возстановилась его связь съ Галичемъ, но и сама генеалогія, князей и судьбы галицко-дмитровскихъ владѣній крайне запутаны въ нашихъ источникахъ.

[1]) Послѣ кн. Ѳедора Ростиславича княжилъ на Ярославлѣ сынъ его Давидъ, умершій въ 1321 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198), затѣмъ—Давидовичъ Василій, ум. въ 1345 г. (тамъ же, стр. 210), зять в. к. Ивана Даниловича (Новг. I, стр. 336: „Иванъ князь, тесть его“; П. О. Р. Л., т. X, стр. 215—подъ 1342 г.—о преставленіи княгини Овдотьи князя Василія Давидовича Ярославскаго).

[2]) „Ист. Гос. Росс.“, изд. Эйнерлинга, т. IV, ст. 152.

[3]) „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, стр. 346, прим. (тоже въ „Ист. Росс.“, кн. I, ст. 930, прим. 5); мнѣніе Соловьева принялъ Чичеринъ („Очерки изъ исторіи русскаго права“, стр. 241).

«приписываемыя Ивану Калитѣ, подлежатъ сомнѣнію», а его «купли»—нуждаются въ дальнѣйшихъ разысканіяхъ; противъ Карамзина Сергѣевичъ принялъ возраженія Соловьева [1]), но находилъ, что и послѣ разъясненій Соловьева «молчаніе завѣщаній Калиты и его дѣтей остается необъяснимымъ, и возбуждаемыя имъ сомнѣнія неустраненными» [4]). Эти сомнѣнія и неустранимы при сохраненіи традиціоннаго представленія, что дѣятельность Ивана Калиты направлена на «мозаическое собираніе земель», что территорія московскаго государства—«плодъ полуторавѣковыхъ скопидомныхъ усилій московскихъ князей по собиранію чужихъ земель» (В. О. Ключевскій). Не землю собирали московскіе князья, а власть; не территорію своей московской вотчины расширяли, а строили великое княженіе, постепенно и упорно превращая его въ свое «государство». Если не видѣть за Калитой—вотчичемъ московскихъ владѣній—великаго князя всея Руси,

---

[1]) „Древности русскаго права“, т. I³, стр. 58—59. Для Сергѣевича, какъ повидимому и для Соловьева, рѣчь идетъ о купляхъ, какъ „земельныхъ пріобрѣтеніяхъ“; поэтому—затрудненіе въ томъ, почему Калита въ своихъ „завѣщаніяхъ“ не говоритъ объ этихъ „купляхъ“, хотя тамъ упоминаются купленные люди (рабы), купленные бортники и даже придобытое золото не забыто; „если Калита купилъ Галичъ и пр., спрашиваетъ Сергѣевичъ, то почему же ни онъ, ни дѣти его не распоряжаются новыми пріобрѣтеніями?“ и, ссылаясь на Соловьева, замѣчаетъ противъ Карамзина: „трудно допустить, чтобы Калита на свои деньги увеличивалъ великое княженіе, а не свои наслѣдственныя области“. Объясненіе Соловьева Сергѣевичъ считаетъ допустимымъ, понимая дѣло такъ, что Калита могъ оставить свои купли за князьями продавцами, обязавъ ихъ службой себѣ и дѣтямъ,—„подобно тому, какъ онъ далъ свою куплю, село Богородское въ Ростовѣ, Борискѣ Воркову на условіи службы“, однако заключаетъ такъ: „но все такп то, что онъ купилъ, пріобрѣтено имъ, и въ завѣщаніи, въ которомъ не забытъ даже прикупленный кусокъ золота, надо было упомянуть о Галичѣ съ Бѣлоозеромъ и Угличемъ; упомянуто же тамъ село Богородское, хотя оно и не находилось во владѣніи сыновей, а было отдано Борису Воркову“. Только предпосылка, что составители княжескихъ духовныхъ знали, что „надо“, а чего не надо тамъ упоминать, и понимали различіе между „куплей“ Галича, Бѣлоозера, Устюга и покупкой села Богородскаго—могла бы нѣсколько ослабить ученыя недоумѣнія. Нельзя, кромѣ того, не пожалѣть, что недоцѣненными остались соображенія Карамзина: отъ его критиковъ ускользнула связь этихъ соображеній съ замѣчаніемъ, что „въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переяславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сана“. Казалось бы, что „молчаніе“ духовныхъ Калиты и его сыновей о Переяславлѣ, который считается примысломъ кн. Даніила, заслуживало не меньшаго вниманія, чѣмъ вопросъ о Галичѣ, Бѣлоозерѣ, Угличѣ. М. К. Любавскій („Лекціи по древней русской исторіи“, стр. 212) полагаетъ, что Переяславль „былъ включенъ въ составъ великаго княженія Владимирскаго“—„очевидно, по распоряженію хана“; такой фактъ былъ бы весьма важнымъ показателемъ сознательнаго политическаго вмѣшательства ханской власти въ строй русскихъ владѣльческихъ княжихъ распорядковъ, но предположеніе М. К. Любавскаго не на чѣмъ обосновать, такъ какъ нѣтъ никакихъ аналогій въ иныхъ дѣйствіяхъ ханской власти на Руси.

нельзя понять не только многихъ фактовъ его дѣятельности, но и многихъ текстовъ нашихъ источниковъ. Въ частности—нельзя понять при этомъ и вопроса о его «куплях». А между тѣмъ, ихъ связь съ великимъ княженіемъ, указанная въ трудѣ Карамзина, поясняетъ, почему въ духовной Ивана Калиты нѣтъ упоминанія о Галичѣ, Устюгѣ, Бѣлоозерѣ, какъ не упомянуты ни Переяславль, ни Кострома, никакая великокняжеская волость, ни само великое княженіе [1]). Въ духовной Дмитрія—существенно для вопроса о «куплях» его дѣда само построеніе текста грамоты; за первой ея частью, гдѣ исчерпано опредѣленіе удѣловъ четырехъ князей Дмитріевичей въ ихъ московской отчинѣ и опричнины младшаго князя Ивана, слѣдуетъ особая часть грамоты, гдѣ находимъ благословеніе старшаго, князя Василія—великимъ княженіемъ («своею отчиною»), а трехъ младшихъ—куплями ихъ прадѣда—Галичемъ, Бѣлоозеромъ и Угличемъ; то же различеніе московскихъ и великокняжескихъ владѣній проведено и въ слѣдующемъ пунктѣ духовной—при опредѣленіи пожизненныхъ владѣній вдовствующей княгини: изъ великаго княженія ей назначены двѣ волости—одна переяславская, другая костромская; затѣмъ села изъ галицкихъ владѣній князя Юрія и бѣлоозерскихъ князя Андрея, и еще два села изъ великаго княженія: одно владимірское, другое переяславское; а далѣе идетъ указаніе тѣхъ волостей, какія даются княгинѣ изъ «удѣловъ» всѣхъ четырехъ князей (кн. Иванъ со своей опричниной въ счетъ не идетъ [2]).

Однако, остаются невыясненными и трудно выяснимы, по недостатку данныхъ, два вопроса: о содержаніи тѣхъ сдѣлокъ, которыя въ духовной Дмитрія Донского названы «куплями», а также о судьбахъ Галича, Бѣлоозера и Углича до той поры, какъ они слились съ вотчинными владѣніями московскихъ князей. Для этихъ вопросовъ—исходный пунктъ въ поясненіи Соловьева, что Калита «купилъ города (рѣчь идетъ, конечно, не о городахъ, но о княженіяхъ [3]) у князей», но оставилъ имъ нѣкоторыя владѣтельныя права, которыхъ они лишены при Дмитріи Донскомъ. Уступка княжскихъ владѣній

---

[1]) Сохраненіе „владѣтельныхъ правъ“ за мѣстными князьями само по себѣ не объясняетъ умолчанія о „куплях“ въ духовной, такъ какъ возможно было упоминаніе о пожизненномъ, напримѣръ, владѣніи ихъ съ указаніемъ, къ кому должна затѣмъ перейти та или иная изъ этихъ „купель“.

[2]) Указаніе, что Галичъ, Бѣлоозеро, Угличъ дѣдовскія „купли“, звучитъ тутъ мотивомъ, поясняющимъ выдѣленіе ихъ изъ комплекса великокняжескихъ волостей для надѣленія ими—въ прибавку къ удѣламъ—младшихъ сыновей, какъ и указаніе, что великое княженіе в. к. Дмитрію „отчина“, мотивируетъ его внесеніе въ духовную грамоту. Объ этомъ характерномъ колебаніи воззрѣній на право великаго князя приложить вотчинныя права къ великокняжескимъ волостямъ—см. ниже, при анализѣ духовной Донского во всемъ ея содержаніи.

[3]) Въ духовной Дмитрія Донского: „Галичъ со всѣми волостями и съ селы и со всѣми пошлинами“, Бѣлоозеро „со всѣми волостями“, Углече поле со всѣмъ „что къ нему потягло“.

великому князю съ сохраненіемъ права владѣльца «вѣдать» ихъ пожизненно встрѣчается и позднѣе въ московской практикѣ [1]). Но представленіе о куплях Калиты по аналогіи съ такими сдѣлками нѣсколько затруднено двумя обстоятельствами: мы не знаемъ, когда и съ какими князьями могъ заключить Калита «рядъ» о куплѣ Галича, Бѣлоозера и Углича, а, съ другой стороны, нарушеніе этого дѣдовскаго «ряда» в. к. Дмитріемъ засвидѣтельствовано, если такъ понимать извѣстіе о «сгонѣ» имъ владѣтельнаго князя, только относительно князя галицкаго, да притомъ рядомъ съ извѣстіемъ о такомъ же «сгонѣ» съ княженія и князя стародубскаго, чья вотчина не упомянута въ числѣ куплей Ивана Калиты; бѣлозерскіе князья упоминаются и позднѣе—въ 80-хъ г.г. XIV в. Возможно, что дѣло сложнѣе, и самый рядъ о «куплѣ», какъ черта сугубаго подчиненія мелкихъ князей-вотчичей великокняжеской власти, явился слѣдствіемъ той новой борьбы, какую пришлось выдержать Ивану Калитѣ по возвращеніи кн. Александра Михайловича на тверское княженіе, а дальнѣйшія судьбы Галича и Бѣлоозера осложнены соперничествомъ Москвы и Нижняго-Новгорода [2]).

---

[1]) Въ духовной Дмитрія Донского: —„а что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ да Колашну и Слободку и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего живота“. Княгиня Ѳедосья—жена родоначальника Кемскихъ князей, князя Давида Семеновича (Экземплярскій, т. II, стр. 169; Павловъ-Сильванскій, Сочиненія, т. III, стр. 5—6), и указанныя ея волости, повидимому, ея „опричнина“, а переходятъ въ составъ „примысловъ“ великаго князя, который благословилъ „тѣми своими примыслами“ свою княгиню, ей въ опричнину: „а въ тѣхъ примыслѣхъ вольна моя княгини, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ“. Тутъ наглядный примѣръ перехода части княжескихъ волостей въ разрядъ земельныхъ владѣній „частновладѣльческаго“ характера. „Купли“ Калиты—владѣнія иного типа, и судьба ихъ иная.

[2]) Сгонъ мѣстныхъ князей-отчичей съ Галича и Стародуба одинъ изъ результатовъ побѣды в. к. Дмитрія Донского надъ кн. Дмитріемъ Константиновичемъ суздальскимъ: „въ лѣто 6871“ Дмитрій Донской „согна“ суздальскаго князя съ Владимірскаго великаго княженія, пошелъ на него ратью къ Суздалю и принудилъ его къ миру, „вземъ волю свою надъ нимъ“; и тогда же в. к. Дмитрій Ивановичъ „также и надъ ростовьскимъ княземъ Коньстянтиномъ взя волю свою“, „согна съ Галичьскаго княженія князя Дмитрея гальчскаго“, „согна съ Стародубьскаго княженія князя Ивана Федоровича Стародубьскаго“; какъ князь Дмитрій Константиновичъ тогда „поиде изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ“, такъ и остальные „вси князи ѣхаша въ Новъгородъ Нижній къ князю Дмитрею Константиновичу, скорбяще о княженіяхъ своихъ“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2). Можно согласиться съ мнѣніемъ В. И. Сергѣевича („Древности русс. права“, т. I³, стр. 59, прим.), что эти свѣдѣнія представляютъ переходъ Галича къ Дмитрію Ивановичу „совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ“: онъ „силою пріобрѣлъ Галичъ“. Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы можно было устранить свидѣтельство о „куплѣ“ Калитой Галича разсужденіемъ, что „несоотвѣтствіе языка оффиціальныхъ актовъ съ дѣйствительными способами пріобрѣтенія можетъ объясняться желаніемъ замаскировать такія дѣйствія, которыя князья и сами не могли считать вполнѣ правыми“; поводъ для мотивировки завѣщательнаго распоряженія Галичемъ тѣмъ, что это дѣдовская куплл, долженъ

V.

Выше было упомянуто, что в. к. Иванъ Даниловичъ замышлялъ въ началѣ 1335 года походъ на Псковъ, но отказался отъ него, уступивъ настояніямъ новгородцевъ. Эпизодъ этотъ—одинъ изъ признаковъ того затруднительнаго и напряженнаго положенія, въ какомъ находилась великокняжеская власть передъ напоромъ литовской силы и литовскаго вліянія на западныя области Великороссіи. Литовское вліяніе было опасно для великаго князя по связи его съ нароставшимъ раздраженіемъ мѣстныхъ княжескихъ силъ противъ московскаго «насилованья» и съ популярными въ княжеско-боярской средѣ, какъ и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ, настроеніями, враждебными Москвѣ и ордынской власти. Возвращеніе въ Тверь кн. Александра Михайловича за ново всколыхнуло всѣ сильно натянутыя внутреннія отношенія Великороссіи.

Пока кн. Александръ княжилъ во Псковѣ, Тверскимъ княжествомъ «тихо и мирно» правилъ братъ его Константинъ, «наставникъ отчинѣ своей, о немъ же утвердшася люди» [1]). Зять в. к. Ивана, онъ держится въ послушаніи тестю, въ ряду другихъ младшихъ князей [2]). Но вскорѣ послѣ

былъ быть на лицо, тѣмъ болѣе, что эта мотивировка отнюдь не „маскируетъ“ захвата (въ лѣтописи ея нѣтъ), а относится къ выдѣленію изъ великокняжескихъ владѣній тѣхъ, что были „куплями“, для надѣленія ими младшихъ сыновей при благословеніи старшаго всѣмъ великимъ княженіемъ. В. И. Сергѣевичъ полагалъ, что пріобрѣтеніе Бѣлоозера и Углича можно пріурочить къ тому же моменту, когда в. к. Дмитрій „взялъ волю свою“ надъ ростовскимъ княземъ Константиномъ, такъ какъ эти города входили „въ составъ Ростовской волости“. Это еще допустимо для Углича, но Бѣлоозеро—и при Донскомъ имѣло особыхъ князей. Присоединивъ къ этому предположенію ошибочное указаніе, что Ярославль, упоминаемый въ духовной кн. Владиміра Андреевича, „городъ Ростовской волости“ (рѣчь идетъ о Ярославлѣ на р. Лужѣ, т. е. о Малоярославцѣ), В. И. Сергѣевичъ допускаетъ, что Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ „подѣлили между собой наслѣдіе потомковъ Константина Всеволодовича, низведя ихъ въ положеніе служилыхъ князей“. Основанія такого построенія слишкомъ шатки для важнаго вывода о раздѣлѣ в. к. Дмитріемъ ростовскихъ волостей съ двоюроднымъ братомъ. Свое право отрицать „точность“ сообщенія духовной Донского о куплях Калиты В. И. Сергѣевичъ подтверждаетъ указаніемъ на другую „неточность языка оффиціальныхъ грамотъ“: въ послѣднемъ изъ договоровъ Донского съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ сказано, что отецъ благословилъ его двумя жребіями въ Москвѣ, тогда какъ второй жребій достался великому князю по смерти брата Ивана; но это „неточность языка“ чисто внѣшняя и по существу мнимая, такъ какъ первый договоръ тѣхъ же князей установилъ обособленность двухъ вотчинъ („тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина“), а въ духовной в. к. Ивана Ивановича читаемъ: „приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ князю Дмитрею и князю Ивану“, при выдѣленіи князю Владиміру трети доходовъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 417 и 419.

[2]) Весьма вѣроятно предположеніе В. С. Борзаковскаго („Ист. Тверск. княжества“, стр. 127): „вѣроятно Тверской князь даже не самъ доставлялъ выходъ въ Орду, а отдавалъ его Калитѣ, т. е. сообразно договору 1321 г. Юрія съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по которому Михайловичи Тверскіе отдали серебро выходное Юрію“.

попытки в. к. Ивана организовать походъ на Псковъ, кн. Александръ послалъ сына Ѳедора въ Орду, и тотъ вернулся въ Тверь съ ханскимъ посломъ Авдуломъ [1]). Сношенія съ Ордой завязаны явно помимо в. к. Ивана, но кн. Александръ отправился въ Орду, снесясь съ митр. Ѳеогностомъ: послалъ къ нему бояръ своихъ просить благословенья [2]). Кн. Александръ съѣздилъ изъ Пскова въ Тверь къ брату Константину и, видимо, урядился съ нимъ о своемъ возвращеніи и съ ханскимъ посломъ о поѣздкѣ въ Орду [3]), а въ слѣдующемъ году отправился къ хану съ повинной и вернулся «пожалованъ отчиною своею Тверью» съ ханскими послами. Возвращеніе Александра Михайловича на столъ тверского княженія было несомнѣннымъ политическимъ пораженіемъ для в. к. Ивана. Кн. Александръ не могъ стать въ то же отношеніе къ великокняжеской власти, съ какимъ мирился кн. Константинъ Михайловичъ. Никоновская лѣтопись подчеркиваетъ сношенія кн. Александра съ Ордой—при отсутствіи докончанія и мира между нимъ и в. к. Иваномъ [4]). Съ в. к. Александромъ вступала на великорусскую почву сила, непокорная московскому князю и готовая къ новой борьбѣ за власть. Литовскія связи Александра и напряженіе новгородскихъ отношеній грозили в. к. Ивану серьезными осложненіями, тѣмъ болѣе, что у тверскихъ князей, судя по «пожалованію» Александра ханомъ Узбекомъ и участію въ его ордынскихъ сношеніяхъ ханскаго посла Авдула, были свои связи въ Золотой Ордѣ. Есть указаніе и на то, что «розмирье» кн. Александра съ Иваномъ Калитой нашло откликъ у младшихъ князей.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204 (подъ 6844 г.); т. X, стр. 207 (подъ 6843 г.).

[2]) Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ сношеніяхъ кн. Александра съ митрополитомъ—свидѣтельство о его соглашеніи съ в. к. Иваномъ Даниловичемъ относительно поѣздки въ Орду и возвращенія въ Тверь? Новгородскія осложненія должны были сдѣлать в. к. Ивана особо осторожнымъ и—на время—уступчивымъ, а предварительныя сношенія кн. Александра съ Ордой дѣлали рѣзкое противодѣйствіе его намѣренію сугубо опаснымъ. Къ тому же, разъ кн. Александръ „начя наряжатися въ Орду“, митр. Ѳеогностъ не могъ отказать ему въ „благословеніи“, такъ какъ давнее отлученіе, повидимому все еще лежавшее на кн. Александрѣ, было вызвано его отказомъ отъ такой поѣздки къ хану. Пл. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византіи“, стр. 281) и полагаетъ, что „отлученіе было снято съ него подъ условіемъ явки къ хану“. Для кн. Александра, въ данный моментъ, „явка къ хану“—не навязанное ему „условіе“: сношенія съ Ордой и съ митр. Ѳеогностомъ должны были обезпечить его отъ прямого противодѣйствія Калиты такой поѣздкѣ.

[3]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 418 („въ лѣто 6844 пріиздилъ князь Александръ изо Пскова въ Тверь; поимъ сына своего князя Ѳедора опять попха въ Псковъ“).

[4]) „Тоѣ же зимы (6846 г.) князь Александръ Михайловичъ тверскій посла сына своего князя Ѳеодора со Авдуломъ посломъ во Орду, а съ великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ не докончаша и мира не взяша“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 208); эту запись надо отнести на счетъ источниковъ Никоновской лѣтописи, а не комбинаціи книжника—ея составителя, по характеру „краткой записи“ въ ряду другихъ такихъ-же, безъ слѣдовъ книжной обработки ихъ въ связный разсказъ.

недовольныхъ московскимъ засильемъ; ярославскій князь Василій Давидовичъ и бѣлозерскій Романчюкъ на сторонѣ Александра [1]). Естественно предположить, что и ростовскіе и суздальскіе князья должны были вызывать въ Москвѣ недовѣріе и бозпокойство. Сквозь сбитыя и отрывочныя извѣстія лѣтописныхъ сводовъ чуется подъемъ накопившагося недовольства московскимъ «насилованьемъ». Исходъ княжескаго столкновенія зависѣлъ отъ хана и разыгрался въ Ордѣ. Но в. к. Иванъ, ведя свое дѣло въ Ордѣ, считаетъ необходимымъ возможно меньше упускать изъ виду дѣла на Руси; уѣзжая въ Орду вслѣдъ за тверскимъ княжичемъ Ѳедоромъ, онъ посылаетъ въ Новгородъ сына Андрея, а въ послѣдній моментъ, когда рѣшалось при ханскомъ дворѣ дѣло кн. Александра, посылаетъ въ Орду сыновей, а самъ остается на Руси [2]).

В. к. Ивану удалось отвести грозу и одержать побѣду. Лѣтописные своды даютъ больше намековъ, чѣмъ прямыхъ указаній на то, что произошло въ Ордѣ, но смыслъ этихъ намековъ едва ли вызываетъ сомнѣніе. Сношенія кн. Александра съ Ордой—посылка къ хану сына Ѳедора съ посломъ Авдуломъ—вызвали поѣздку въ Орду Ивана Калиты. Во время пребыванія ихъ при дворѣ хана «царю Азбеку много клеветаша нѣціи на

---

[1]) Когда въ Орду позванъ былъ кн. Александръ на послѣднюю расправу, „поиде же князь Александръ и князь Василій Давыдовичъ Ярославскій съ нимъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 205); „тогда же съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Азбяку князь Василій Давыдовичъ Ярославскій.... и князь Романчюкъ Бѣлозерскій“ (т. X, стр. 209; ср. т. XV, ст. 422—гдѣ извѣстіе о поѣздкѣ этихъ князей не на мѣстѣ). В. к. Иванъ пытался перехватить князя Василія по дорогѣ въ Орду: „нань же посла великій князь Иванъ Даниловичь, тесть его, въ пяти сотъ человѣкъ переимати, но отбися ихъ“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 221; Новг. I, стр. 336).

[2]) Извѣстія о поѣздкахъ Ивана Калиты въ Орду явно спутаны въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 208). Она сообщаетъ подъ 6846 г. о возвращеніи кн. Александра въ Тверь, о посылкѣ имъ сына Ѳедора къ хану и поѣздкѣ въ Орду в. к. Ивана, о „клеветахъ“ на тверского князя и посылкѣ за нимъ хана съ „покрытыми словесами“, и подъ 6847 г. о поѣздкѣ въ Орду в. к. Ивана съ сыновьями и вторичной посылкѣ („посла паки иныхъ татаръ“) за кн. Александромъ и другими князьями; Тверской князь посылаетъ на развѣдку въ Орду сына, Калита возвращается на Русь, кн. Александръ идетъ къ хану на свою погибель. Тутъ явно удвоены и поѣздка въ Орду в. к. Ивана, и поѣздка княжича Ѳедора и ханская посылка въ Тверь. Ср. изложеніе Воскресенской лѣтописи: подъ 6846 возвращеніе въ Тверь кн. Александра, подъ 6847 поѣздка въ Орду в. к. Ивана съ сыновьями, „его же думою“ посылка ханскаго зова тверскому князю (тутъ упоминаніе, что Александръ „посла напередъ себѣ“ сына Ѳедора, и что „присла царь по самого по него“; это упоминаніе о прежней поѣздкѣ Ѳедора съ посломъ Авдуломъ, которая ранѣе въ Воскресенской не упомянута, и вызвало удвоеніе извѣстій въ Никоновской, соединявшей два источника); затѣмъ—поѣздка Александра (съ упоминаніемъ, что „князь великій Иванъ Даниловичъ выиде тогда изъ Орды и сынове его“, т. е. раньше пріѣзда тверского князя къ хану, какъ яснѣе изъ чтенія Соф. I: „уже бо бяше в. к. Иванъ Даниловичъ вышелъ изъ Орды“—т. V, стр. 221); посылка въ Орду великимъ княземъ сыновей и гибель кн. Александра Михайловича (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 205).

князя Александра Михайловича тверскаго и уши царевы наполнила многія горести»: осторожное выраженіе московскаго свода плохо прикрываетъ шагъ московской политики. «По думѣ» в. к. Ивана ханъ вызвалъ кн. Александра, но звалъ его «съ тихостью и кротостью», какъ бы не на судъ и расправу, а суля ему «великое княженіе и честь велію» [1]). О содержаніи обвиненій, возведенныхъ на тверского князя наши источники ничего опредѣленнаго не сообщаютъ, и мы не знаемъ, какой матеріалъ дали для этихъ обвиненій вопросъ о «выходѣ» или литовскія связи Александра Михайловича. Эти послѣднія должны были сыграть свою роль во всемъ ордынскомъ дѣлѣ. Въ лѣтописномъ преданіи подчеркнуто, съ какими уловками заманили въ Орду князя Александра, словно ордынскія власти боялись выпустить его изъ рукъ. Кн. Александръ могъ найти убѣжище въ Литвѣ, могъ отважиться на попытку сопротивленія въ Твери, подобное тому, какое удалось при кн. Дмитріи Михайловичѣ, а въ данномъ случаѣ, еще съ разсчетомъ на литовскую помощь; ко времени этихъ событій относится глухое лѣтописное указаніе, что «татары воеваша Литву», [2]) а немногимъ позднѣе татарская рать воеводы Товлубія ходила съ русскими полками подъ Смоленскъ. Главѣ «русскаго улуса» не трудно было представить кн. Александра—опаснымъ для татарской власти надъ Русью. Ни дары ордынскимъ вельможамъ, ни покровительство нѣкоторыхъ властныхъ въ Ордѣ лицъ [3]) не спасли тверского князя. Онъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ Ѳедоромъ, по ханскому приказу, 28 октября 1338 г. [4]).

---

[1]) Въ изложеніи этихъ событій нашими лѣтописными сводами использованы какъ старыя записи, такъ и особое сказаніе объ убіеніи кн. Александра Михайловича, однако, въ сокращеніи и съ недомолвками. Тверская лѣтопись (т. XV, стр. 418) сохранилась въ спискахъ съ рукописи, дефектной какъ разъ въ данномъ мѣстѣ: дефектъ изданнаго въ XV т. Погодинскаго списка не восполняется ни спискомъ Забѣлинскимъ (Рукопись Московскаго Историческаго Музея 288—б, л. 153), ни Толстовскимъ (рукопись Имп. Публичной Библіотеки, собранія гр. Ѳ. А. Толстого, отд. I № 145, л. 330—об.). См. П. С. Р. Л., т. V, стр. 221; т. VII, стр. 205; т. X, стр. 208.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 208.

[3]) „Царя тѣшавше, по обычаю своему, и рядець“ (т. XV, ст. 419); сказаніе упоминаетъ о сношеніяхъ кн. Александра съ „царицей“ и ордынцами, которые давали ему вѣсти о рѣшеніи царя (тамъ же, ст. 419—420); въ Никоновской (т. X, стр. 209—210) болѣе распространенная редакція тѣхъ же указаній, видимо—плодъ редакціонной переработки стариннаго текста.

[4]) Въ лѣтописныхъ сводахъ—подъ 6847 г., но день убіенія не въ составѣ разсказа объ убіеніи кн. Александра (см. П. С. Р. Л., т. XV, ст. 420, гдѣ даты нѣтъ), а особой записью (см. т. X, стр. 211, гдѣ 28 октября „на память святыхъ мученикъ Терентея и Неонилы, и преподобнаго Стефана, творца канонамъ, и Саввапта и святыя мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы“,—вмѣсто 29 октября, какъ т. VII, стр. 205, и Новг. I, стр. 336; туже дату, что Никоновская, даетъ Рогожскій лѣтописецъ, т. XV, изд. 2-е, ст. 61), которая, какъ церковно-поминальная, едва-ли могла быть сдѣлана не по церковному—сентябрскому, а по мартовскому лѣтосчисленію.

Побѣда в. к. Ивана Даниловича была полной, и онъ спѣшитъ съ дѣйствіями, которыхъ смыслъ—придать ей значеніе побѣды великокняжеской власти надъ самостоятельностью Твери: в. к. Иванъ «въ Твери отъ святого Спаса взялъ колоколъ на Москву» [1]). Родословныя преданія, использованныя составителемъ Никоновской лѣтописи, относили ко времени этой борьбы Москвы съ Тверью при Иванѣ Калитѣ отъѣздъ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву къ в. к. Ивану; сводчики помѣстили извѣстіе объ этомъ отъѣздѣ въ началѣ изложенія хода послѣдней борьбы князей Ивана и Александра, но едва ли можно въ такомъ порядкѣ изложенія видѣть основаніе для датировки самаго явленія. Составители лѣтописныхъ сводовъ руководились, вѣроятно, тѣмъ, что въ ихъ родословныхъ источникахъ отъѣздъ тверскихъ бояръ мотивированъ былъ не пораженіемъ Твери въ борьбѣ съ Москвой, а недовольствомъ бояръ противъ князя Александра на почвѣ мѣстническихъ счетовъ—«заѣзда» ихъ новыми любимцами Александра—пришлыми иноземцами [2]). Такая мотивировка можетъ скорѣе подорвать всякое довѣріе къ самому извѣстію, чѣмъ помочь его осмысленію. Если же его принять, то представляется болѣе вѣроятнымъ связывать боярскій отъѣздъ съ Твери на Москву съ униженіемъ Твери послѣ гибели кн. Александра Михайловича и демонстративнымъ увозомъ въ Москву Спасо-Преображенскаго колокола. Столъ тверского княженія занялъ по смерти кн. Александра его братъ Константинъ Михайловичъ, но зависимость Твери отъ Москвы надо, повидимому, признать значительно увеличившейся въ эту пору.

---

[1]) Рогожскій лѣтописецъ (тамъ же, ст. 52) и Никоновская (т. X, стр. 211).

[2]) Въ Никоновской—въ концѣ текста, заимствованнаго изъ сказанія объ убіеніи кн. Александра, послѣ упоминанія о скроби „всего града“ на погребеніи князя,—неожиданная фраза: „и тако Тверское княженіе до конца опустѣша“, которая можетъ навести на предположеніе о пропускѣ какихъ то извѣстій о послѣдствіяхъ для Твери московскаго одолѣнія; въ Тверской лѣтописи (т. XV, ст. 421), такъ же какъ въ Забѣлинской и Толстовской рукописяхъ, въ этомъ мѣстѣ текста снова дефектъ, восходящій къ ихъ общему источнику.—Мотивировка отъѣзда тверскихъ бояръ—„заѣздомъ“ ихъ пришельцами принадлежитъ кн. М. М. Щербатову, который предполагалъ пріѣздъ ко князю Александру Михайловичу псковскихъ бояръ и ссылался на пріѣздъ къ нему „нѣмца Доля“ („Ист. Росс.“, т. III, стр. 355); эту догадку, отбросивъ псковичей, использовалъ Карамзинъ (т. IV, ст. 142 и прим. 304); принялъ ее и Соловьевъ („Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“, стр. 342; „Ист. Росс.“, кн. I, ст. 920). Но тенденція родословныхъ тверского боярства относить пріѣздъ ихъ предковъ—знатныхъ иностранцевъ (нѣмчина Дола или Долга, родоначальника Левашовыхъ; Дуска Величка изъ „наталинской“ земли, родоначальника Нащокиныхъ, см. „Временникъ“, т. X, стр. 118 и 119) ко времени кн. Александра и притомъ къ моменту его возвращенія въ Тверь изо Пскова въ связи съ указаніемъ Никоновской, что тогда же произошелъ отъѣздъ тверскихъ бояръ въ Москву—подсказала историкамъ ихъ догадку—не случайную, а, вѣроятно, обусловленную уже содержаніемъ родословныхъ источниковъ лѣтописанія XVI вѣка.

Въ Ордѣ одержалъ в. к. Иванъ Даниловичъ свою побѣду надъ тверскимъ соперникомъ и заплатилъ за нее тяжкими обязательствами: разыгрывается—послѣ этихъ событій—его столкновеніе съ Великимъ Новгородомъ изъ за «запросовъ царевыхъ»; въ ту же пору, всего вѣроятнѣе, разыгрывается и утѣсненіе Ростова, ярко описанное Епифаніемъ Премудрымъ. Иванъ Даниловичъ заканчивалъ дѣла своей жизни и княженія подлиннымъ носителемъ великокняжеской власти «якоже и праотець его великій князь Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ». Въ Смоленскій походъ онъ посылаетъ, по ханскому приказу, «рать свою» князей суздальскаго, ростовскаго, юрьевскаго, друцкого, ѳоминскаго съ московскими воеводами, но и рязанскій и тверской князья внѣ моментовъ столкновеній Калиты съ Александромъ—идутъ въ походы по зову великаго князя. Иванъ Калита положилъ прочное основаніе возрожденію расшатанной великокняжеской власти, но общее политическое положеніе Великороссіи оставалось, въ годину его смерти, весьма сложнымъ и напряженнымъ—подъ давленіемъ внѣшнихъ отношеній и еще неокрѣпшаго въ опредѣленныхъ формахъ великокняжескаго властвованія внутренняго ея уклада [1]).

---

[1]) Обзоръ фактическихъ свѣдѣній о дѣятельности в. к. Ивана Даниловича не даетъ основанія для его характеристики, какъ князя „скопидома“, представителя „удѣльной“ узости и замкнутости вотчинныхъ интересовъ. Эта его характеристика, столь обычная въ нашей исторической литературѣ, построена на впечатлѣніи отъ его духовныхъ грамотъ, которыя, однако, касаются только московской отчины и ея семейно-вотчинныхъ распорядковъ.

ГЛАВА IV.

Московская вотчина потомковъ Калиты.

I.

Иванъ Калита умеръ въ послѣдній день марта 1341 г. Годъ знаменательный въ исторіи Восточной Европы. Въ томъ же году умеръ и Гедиминъ, подлинный создатель Литовскаго великаго княженія. При немъ опредѣлился и окрѣпъ Виленскій центръ новаго государства—литовско-русскаго, и его вліяніе сильно отразилось во Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Твери. Намѣчается въ ходѣ событій вѣковая роль Смоленска, какъ центра московско-литовскихъ столкновеній [1]). Литва была тѣмъ сильна въ подчиненіи себѣ русскихъ земля испытывала литовскіе набѣги съ начала XIII в. (1206, 1223, 1225 г. г.); смоленскіе князья пытаются итти на встрѣчу опасности, защищая Полоцкую землю отъ Литвы и нѣмцевъ (1222 смоленскій князь Святославъ Мстиславичъ въ Полоцкѣ; договоръ съ Ригой въ 1229 г. кн. Ѳедора Давыдовича за Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ и т. п.); еще въ 1232 г. Святославъ Мстиславичъ пытается отстоять соединеніе Смоленска и Полоцка подъ одной властью, но намѣчавшееся объединеніе кривичскихъ земель не по силамъ смоленскимъ князьямъ безъ опоры во Владимірскомъ великомъ княженіи. Въ 1239 г. в. к. Ярославъ Всеволодовичъ отнимаетъ Смоленскъ изъ литовскихъ рукъ и закрѣпляетъ свои отношенія къ западно-русской окраинѣ женитьбой сына Александра на Брячеславнѣ, княжнѣ Полоцкой. Въ серединѣ XIII в. наростаетъ дробленіе Смоленской земли, напр. выдѣляется Можайское княжество кн. Ѳедора Ростиславича, а князья смоленскіе подъ рукою Владимірскаго великаго князя, участники его походовъ на Великій Новгородъ и Литву. Кн. Ѳедоръ—съ 1260-хъ г. г. ярославскій князь, а въ 1280-хъ пытается соединить въ своихъ рукахъ смоленское и ярославское княженія. Но Смоленской землѣ не суждено еще втянуться въ великорусскую политическую систему. Смоленскъ ускользнулъ изъ подъ власти Ѳедора Ростиславича—тамъ княжитъ его племянникъ Александръ Глѣбовичъ, а по смерти кн. Ѳедора на можайское княженіе сѣлъ младшій Глѣбовичъ—Святославъ. Княженіе Александра Глѣбовича (ум. 1313 г.) время усиленнаго распада: Можайскъ захваченъ московскимъ княземъ, Вязьма съ волостями выдѣлилась въ особое княженіе, часть смоленскихъ волостей отошла къ княжеству Брянскому, и столкновенія кн. Александра съ вяземскими и брянскими князьями не вернули Смоленску ни волостей, ни подорванной силы. Долгое княженіе Ивана Александро-

---

[1]) Напомню важнѣйшіе моменты исторіи Смоленска до этой поры. Смоленская

мель, что вырывала ихъ изъ подъ татарской зависимости. При Ольгердѣ подчиненіе русскихъ земель идетъ параллельно столкновеніямъ съ Золотой Ордою, которая и ранѣе, при Гедиминѣ, воевала Литву и посылала русскихъ князей и свою рать подъ Смоленскъ. Въ 1341 г. Олгердъ напалъ на Можайскъ, сжегъ посадъ, но города не взялъ [1]). Все нараставшій напоръ Литвы связанъ для московскаго отчича съ защитой личныхъ владѣній, помимо даже его великокняжеской политики. А шире, чѣмъ прямая сила Литвы, разростается ея вліяніе, съ которымъ все чаще и глубже приходится считаться великорусской великокняжеской власти во внутреннихъ отношеніяхъ Великороссіи.

Вопросъ о преемствѣ на столѣ великаго княженія по смерти Калиты разрѣшенъ въ Золотой Ордѣ, насколько можемъ судить по весьма отрывочнымъ сообщеніямъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, безъ особыхъ треній— на основѣ созданнаго Калитой, послѣ окончательной побѣды надъ Тверью, преобладанія Москвы. Ханъ призналъ великое княженіе за Симеономъ Ивановичемъ на общемъ съѣздѣ всѣхъ русскихъ князей въ Ордѣ, «и вси князи русскіи даны ему въ руцѣ» [2]). 1 октября совершенъ во Владимірѣ обрядъ посаженія его на столъ великаго княженія, а вскорѣ затѣмъ былъ

вича (1313—1358) время, когда положеніе смоленскаго княжества характеризуется его утѣсненіемъ съ востока и запада—Москвой и Литвой. Великое княжество Литовское овладѣло бѣлорусскими областями и правобережнымъ Поднѣпровьемъ: всѣ торговые пути Смоленска были въ литовской рукѣ. А на востокѣ—крѣпнетъ объединеніе великорусской силы, къ которой тянетъ и въ старой чернигово-сѣверской землѣ и въ смоленщинѣ все, что недовольно литовскимъ засильемъ. Въ русско-татарскомъ походѣ 1340 г. съ великокняжеской и ханской ратью идутъ на Смоленскъ—друцкой и ѳоминскій (изъ мелкихъ смоленскихъ) князья. Въ 1341 г. брянскій князь Дмитрій Романовичъ выдалъ дочь за московскаго князя Ивана Ивановича; вяземскій князь Ѳедоръ Святославичъ, служившій ранѣе Гедимину (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199), оказывается затѣмъ на московской сторонѣ, посаженъ на Волокѣ, а въ 1345 г. выдалъ было дочь за в. к. Симеона (бракъ былъ разорванъ черезъ годъ). Напротивъ, кн. Иванъ смоленскій держался Литвы; еще при Гедиминѣ онъ заключилъ съ Ригой договоръ „по тому докончанью, какъ то братъ мой старѣйшій Кедиминъ докончалъ и его дѣти Глѣбъ и Алкредъ“ (С. Г. Т. и Д. т. II, № 8); походъ Ольгерда въ 1341 г. подъ Можайскъ имѣлъ, вѣроятно задачей вернуть эту волость къ Смоленску: въ 1340-хъ г. г. видимъ смоленскіе войска въ войнахъ Ольгерда противъ Ливонскаго Ордена; но единодушія нѣтъ въ смоленскихъ отношеніяхъ къ Литвѣ: въ крайне осторожной, уклончивой политикѣ Ольгерда много недовѣрія къ Смоленской землѣ, какъ и вообще къ западно-русскимъ землямъ, ненадежной опорѣ литовской власти въ столкновеніяхъ съ восточнымъ сосѣдомъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 93; т. IV², вып. I, стр. 271; т. VII, стр. 206.

[2]) „И поидоша вси князи рустіи въ Орду“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206); „и вси князи тогды въ Ордѣ были“ (т. XVIII, стр. 93). „И вси князи русскыа даны ему въ руцѣ“ (т. V, стр. 222; т. IV², стр. 271); „и всѣ князи русскіа подъ руцѣ его даны“ (т. VII, стр. 206).

съѣздъ всѣхъ русскихъ князей въ Москвѣ [1]). Никакихъ извѣстій объ этомъ съѣздѣ, кромѣ глухого лѣтописнаго упоминанія, не сохранилось. А моментъ былъ крайне важный: предстояло опредѣлить отношенія между великимъ княземъ и остальными князьями, какъ Симеонъ, въ ту же пору, опредѣлялъ особымъ договоромъ «у отня гроба» свои отношенія къ роднымъ братьямъ. Будетъ ли слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что на московскомъ съѣздѣ должны были сложиться договорныя соглашенія в. к. Симеона съ князьями тверскимъ и рязанскимъ, суздальскимъ, ростовскимъ, ярославскимъ, а, вѣроятно, и другими? Впрочемъ, существеннѣе, чѣмъ защищать такое предположеніе, которое нѣтъ возможности подтвердить документально, было бы выяснить, насколько и въ чемъ междукняжескія отношенія Великороссіи во времена в. к. Симеона вступаютъ въ новую фазу развитія. Это тотъ моментъ исторіи Великороссіи, когда Московское княжество, вотчинная опора великокняжеской политики московскихъ Даниловичей, стоитъ лицомъ къ лицу съ мѣстными великими княженіями—Тверскимъ, Рязанскимъ и Нижегородскимъ. Взаимныя отношенія этихъ четырехъ территоріально-политическихъ единицъ опредѣлили дальнѣйшій ходъ исторической жизни Великороссіи, и его изученію необходимо предпослать характеристику ихъ внутренняго строя, который лишь къ серединѣ XIV вѣка выступаетъ передъ нами съ болѣе или менѣе достаточной опредѣленностью.

II.

Московская вотчина князей Даниловичей опредѣлилась въ основномъ своемъ составѣ съ захватомъ Можайска и Коломны. Братья Даниловичи—по лѣтописямъ пятеро—держались, повидимому, въ общемъ московскомъ гнѣздѣ безъ выдѣленія особыхъ удѣловъ каждому. По крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ о какомъ-либо ихъ раздѣльномъ владѣніи, хотя извѣстіе объ отъѣздѣ въ Тверь князей Александра и Бориса Даниловичей [2]) можетъ навести на предположеніе, что эти князья «волостились» со старшимъ братомъ. Во всякомъ случаѣ, для насъ исходный пунктъ исторіи княжого владѣнія въ Московской отчинѣ—духовныя грамоты Ивана Даниловича Калиты, который пережилъ всѣхъ братьевъ и могъ свободно и заново «дать рядъ сыномъ своимъ».

Объ, до насъ дошедшія духовныя грамоты Ивана Калиты [3]) обычно

---

[1]) „Тое же зимы бысть великъ съѣздъ на Москвѣ всѣмъ княземъ русскымъ“, т. XVIII, стр. 93; т. X, стр. 212; Никоновскаи легкимъ измѣненіемъ текста связываетъ это извѣстіе съ послѣдовавшимъ походомъ къ Торжку: „бысть съѣздъ.... и поидоша“...., но въ Симеоновской это два отдѣльныхъ извѣстія—первое о „великомъ съѣздѣ“, а другое—„и поиде ратью къ Торжку князь великій Семенъ“.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184 (подъ 6814 г.); т. X, стр. 176 (подъ 6813 г.)

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I №№ 21 и 22.

относятъ, слѣдуя «Собранію Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», къ 1328 году, хотя невозможность такой датировки давно указана А. В. Экземплярскимъ [1]). Формула обѣихъ духовныхъ: «а приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтьми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ»—явно невозможна по отношенію къ родной матери-вдовѣ. Рѣчь идетъ о мачехѣ князей Семена съ братьею, о второй женѣ в. к. Ивана, которую Экземплярскій правильно отождествилъ съ княгиней Ульяной, упомянутой въ духовной в. к. Ивана Ивановича. Первая супруга в. к. Ивана Даниловича, Елена—скончалась въ мартѣ 1332 года, и его первая духовная могла быть написана только послѣ этой кончины, второго брака и рожденія отъ княгини Ульяны «меньшихъ дѣтей» [2]).

---

[1]) А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья“, т. I, стр. 79, прим. 208.

[2]) В. к. Елена скончалась въ мартѣ 6840 г. (П. С. Р. Л., т, VII, стр. 203; въ Лѣт. по академическому списку, изд. при Лаврент. лѣтописи—подъ 6839 г., стр. 503); запись о второмъ бракѣ Ивана Калиты въ Никифоровскомъ спискѣ западно-русской лѣтописи (т. XVII, ст. 30, прим. 56) подъ 6840 г.: „того же лѣта оженися въ другыи Іоанъ Даниловичъ“. Въ духовной Калиты в. к. Елена упомянута, какъ умершая: „а что золото княгини моей Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи 14 обручи и ожерелье матери ее“; старшія дочери отъ перваго брака были замужемъ—Марія (съ 1328 г.) за княземъ ростовскимъ Константиномъ Васильевичемъ, Евдокія, о смерти которой упоминаетъ Никоновская лѣтопись подъ 1342 г. (т. X, стр. 215),—за ярославскимъ княземъ Василіемъ Давыдовичемъ; онѣ не упоминаются въ духовной, а княжна Фетинья опредѣленно противопоставлена второй семьѣ: „а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ“, читаемъ вслѣдъ за строками о надѣленіи княжны Фетиньи, „и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меньшими дѣтьми“. Эти „меньшія дѣти“ названы: это княжны Марія и Ѳеодосія; Экземплярскій считаетъ ихъ дочерми в. к. Елены, вѣроятно, потому, что въ Маріи духовной грамоты видитъ ростовскую княгиню, что едва-ли возможно: та была съ 1328 г. замужемъ и никакъ не подходитъ ни подъ терминъ „меншія дѣти“, ни подъ надѣленіе московскими селами, какія даны „княгинѣ съ меншими дѣтьми“, ни подъ опеку мачехи. Если же видѣть въ „меншихъ дѣтяхъ“—двухъ дочерей кн. Ульяны, то дату первой духовной надо отодвинуть еще года на два или нѣсколько болѣе: поѣздка въ Орду в. к. Ивана въ годину возобновленія борьбы между нимъ и кн. Александромъ Михайловичемъ, быть можетъ, даетъ наилучшій поводъ для пріуроченія его первой духовной. Въ этой грамотѣ княгинѣ-вдовѣ назначено, кромѣ волостей и селъ (въ томъ числѣ „Раменье, что было за княгинею“, вѣроятно Еленой),—„изъ городскихъ волостій“—осмничее, а упоминаніе о княгинѣ Ульянѣ въ духовной в. к. Ивана Ивановича таково: „а княгиня Ульяна, по отца моего князя великаго по душевной, вѣдаетъ волости и осмничее и села до своего живота“: тожество явное; ниже въ числѣ ея волостей упоминается Сурожикъ, а селъ—Лучинское, чѣмъ благословилъ свою вдову Иванъ Калита. Эти владѣнія по духовной в. к. Ивана Ивановича назначены, по смерти кн. Ульяны, ея дочери: видно, что только одна и осталась въ живыхъ (предположеніе Экземплярскаго о дочери, родившейся по смерти отца, излишне).

Сомнительна одновременность обѣихъ грамотъ Калиты. Вторая повторяетъ первую, но добавляетъ распоряженія о селахъ, прикупленныхъ великимъ княземъ и заѣмненныхъ имъ, между прочимъ въ новгородскихъ, владимірскихъ, костром-

Цѣль княжеской духовной изложить тотъ «рядъ», какой отецъ даетъ сыновьямъ и своей княгинѣ на случай, если «Богъ что розгадаетъ о его животѣ». Едва ли правильно означать «рядъ» новѣйшимъ терминомъ «завѣщаніе», который въ нашемъ словоупотребленіи передаетъ понятіе «тестамента»: въ задачу духовной Калиты не входитъ опредѣленіе личности наслѣдниковъ, а ея цѣль только изложить отцовское уряженье о внутреннемъ распорядкѣ, какимъ должно для его семьи опредѣляться владѣніе вотчиной, доставшейся этой семьѣ послѣ кончины ея главы, составителя духовной грамоты. Калита осуществляетъ въ своей духовной исконную функцію отцовской власти, которая еще въ «Русской Правдѣ» была отмѣчена такой статьей: «аже кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтямъ, на томъ же стояти». Но въ данномъ случаѣ очень сложенъ составъ «дома»: дѣло идетъ о московскомъ княжествѣ-вотчинѣ Калитиной семьи. Сложны и пріемы его уряженья. Вся семья—младшіе братья, князья Иванъ и Андрей Ивановичи, княгиня Ульяна съ дочерьми—«приказана» князю Семену Ивановичу: онъ ихъ «печальникъ», большакъ семьи въ замѣнъ отца. Сыновьямъ—всѣмъ троимъ—Калита приказалъ «отчину свою Москву», предоставивъ имъ самимъ подѣлиться городскими доходами («тамгою и иными волостьми городскими»), за выдѣломъ осмничего въ пользу княгини Ульяны. Сама Москва поставлена внѣ раздѣла («приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ»), какъ и численые люди всего Московскаго княжества, о которыхъ въ духовной сказано: «а числьныи люди, а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдуть вси съ одиного». Этихъ «численыхъ» людей считаютъ, обычно, тожественными съ людьми письменными, данными [1]); дѣйствительно, это все термины, вытѣсненные затѣмъ терминомъ—тяглые люди [2]). Разрядъ этотъ опредѣляется, съ точки зрѣнія княжескаго управленія, какъ обложенный данью, основное назначеніе которой уплата татарскаго «выхода». Общее «вѣданіе» ихъ и ихъ блюденье «съ одиного» всѣми тремя князьями-братьями, конечно подъ старѣйшинствомъ в. к. Симеона, обезпечивало единство московской финансовой силы, столь важное въ эпоху борьбы за объединеніе въ рукахъ великаго князя всего «выхода» съ русскаго «улуса». Повидимому и положеніе, созданное для города Москвы духовной Калиты, надо понимать,

---

скихъ и ростовскихъ предѣлахъ: это, надо полагать, новые примыслы, сдѣланные послѣ написанія первой грамоты и весьма возможно, что ихъ, какъ и самую грамоту, надо отнести къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія Ивана Калиты, когда онъ использовалъ свою побѣду надъ Тверью не только для усиленія своей великокняжеской власти, но и для „примысловъ“ къ своей московской вотчинѣ.

[1]) Владимірскій Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 130 (7-е изд.); М. А. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, т. I, стр. 315.

[2]) Ср., напр., сопоставленіе этихъ терминовъ въ уставной грамотѣ 1530 г.: „человѣкъ нетяглой и неписменой“, Д. къ А. И., т. I, № 26.

какъ порученіе вѣданья ею «собча» и «съ одиного» всѣмъ тремъ братьямъ при раздѣлѣ между ними «городскихъ волостей»—доходовъ, что должно было внести въ управленіе ею нѣкоторую неопредѣленность и вызвало, повидимому, крупныя недоразумѣнія между князьями-братьями.

Всѣ эти черты «ряда» в. к. Ивана Даниловича опредѣляютъ единство Московскаго княжества и его владѣтельной княжой семьи. Не разбито оно и тѣмъ раздѣломъ, какой учинилъ Иванъ Калита, опредѣливъ особыя владѣнія внутри московской вотчины для каждаго сына и для вдовы-княгини съ ея дочерьми. По этому раздѣлу старшій отчичъ Симеонъ получилъ Можайскъ и Коломну—два боевыхъ пункта московской политики, верховья и устья рѣки Москвы, а также рядъ крупныхъ волостей внизъ по теченію Москвы рѣки отъ московскаго уѣзда и Горетовъ станъ, расположенный выше московскаго уѣзда по теченію рѣки и къ сѣверу отъ нее до верхняго теченія Клязьмы. Второй Ивановичъ—Иванъ получилъ Звенигородъ и волости по р. Рузѣ до ея впаденія въ Москву рѣку и южнѣе, за Москвой рѣкой, а третій—Андрей южныя волости Московскаго княжества отъ Перемышля до Серпухова (включительно), такъ что волости его примыкали къ р. Окѣ; княгиня Ульяна съ дочерьми—волости въ сѣверной части московской отчины, по р. Клязьмѣ [1]). За долей каждаго князя въ общей отчинѣ установилось нѣсколько позднѣе названіе удѣла; Иванъ Калита еще не употребляетъ этого термина, а говоритъ о «волостяхъ», назначенныхъ сыновьямъ, объ «уѣздѣ» каждаго изъ нихъ [2]), какъ и сыновья Калиты означаютъ эти доли—на ряду со словомъ «удѣлъ»—выраженіями: «участокъ, чимъ мя благословилъ отецъ мой» и «уѣздъ отца его» [3]). Раздѣлъ общей вотчины на такіе уѣзды-участки не предполагался окончательнымъ и безповоротнымъ; это не такой раздѣлъ «въ прокъ», которымъ бы разрушалось представленіе о единой вотчинѣ князей-отчичей. Духовная Калиты предусматриваетъ возможность измѣненій въ общемъ составѣ московскихъ владѣній и, въ связи съ этимъ, частичнаго семейнаго передѣла: «а по моимъ грѣхомъ ци имуть искати татарове которыхъ волостій, а отоимуться, вамъ, сыномъ моимъ, и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто». «Рядъ», данный в. к. Иваномъ сыновьямъ и вдовѣ-княгинѣ, исходитъ изъ представленія о семейномъ владѣніи общей отчиной частью по долямъ-удѣламъ, частью совмѣстно; онъ не дробитъ этой вотчины на нѣсколько «опричнинъ», которыя принадлежали бы ихъ владѣльцамъ на

---

[1]) В. Н. Дебольскій, Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ,—въ „Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго общества, т. XII.

[2]) „также и мыты, которыи въ которомъ (вторая духовная: въ которого) уѣздѣ, по тому“.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 24 и 26. Терминъ „удѣлъ“ впервые въ договорной грамотѣ в. к. Симеона съ братьями (тамъ же, № 23).

правѣ «собственности»; нѣтъ и повода возбуждать вопросъ о правѣ отчужденія долей-удѣловъ въ завѣщательномъ или иномъ порядкѣ, которое принадлежало бы ихъ князьямъ-владѣльцамъ [1]).

III.

Рядъ в. к. Ивана Даниловича оставилъ недоговореннымъ многое въ опредѣляемыхъ имъ отношеніяхъ. Братья-Ивановичи дополнили этотъ рядъ

---

[1]) Одновременно съ раздѣломъ волостей между сыновьями и вдовой княгиней, в. к. Иванъ надѣляетъ ихъ селами, драгоцѣнностями казны своей, статьями дворцоваго хозяйства, предоставляя имъ самимъ подѣлиться своими холопами, зарегистрированными въ особомъ „великомъ сверткѣ“. Тѣ изъ селъ этого надѣленія, какія поддаются топографическому опредѣленію, либо подмосковныя, либо лежатъ въ тѣхъ волостяхъ, какія вошли въ составъ „уѣзда“ каждаго даннаго князя: напр., кн. Симеону дано село на Сѣверьцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Астафьевское, Копотенское, Островское, Орининское, Константиново, Малаховское—внизъ по Москвѣ рѣкѣ отъ города и подмосковное Напрудское; кн. Иванъ получалъ, кромѣ подмосковныхъ (Семчинское), села въ волостяхъ, Звенигородскихъ и Рузскихъ; князь Андрей—въ Перемышльскихъ и Серпуховскихъ (см. В. Н. Дебольскаго, указ. соч.). Это само по себѣ достаточно разъясняетъ пресловутый вопросъ о тождествѣ или различіи основаній княжого владѣнія волостями и селами. Волость—единица княжого владѣнія, на территоріи которой могутъ и быть, и не быть дворцовыя села. Вопросъ о частноправовомъ или государственноправовомъ характерѣ княжого владѣнія тѣми и другими—есть вопросъ о томъ, какія явленія стариннаго правового быта подводить подъ тѣ или иныя привычныя нашему времени категоріи правовыхъ понятій. Поскольку постановка такого вопроса исходитъ изъ представленія объ этихъ категоріяхъ, какъ о какихъ-то чуть не апріорныхъ и вѣковѣчныхъ формахъ правосознанія, она ведетъ къ безполезной схоластикѣ въ толкованіи историческихъ явленій. Средневѣковое право и у насъ и на Западѣ тѣмъ и отличалось, что отношенія, для насъ рѣзко и принципіально различныя, какъ земельное владѣніе и юрисдикція, право на хозяйственные доходы и на доходы судебно-административные или финансовые—могли трактоваться съ одной и той же правовой точки зрѣнія, которая не подходитъ подъ наше представленіе ни о гражданскомъ, ни о государственномъ правѣ. Въ дѣйствительности различіе между владѣніемъ волостями и селами было весьма значительно. Терминъ „волость“—весьма широкъ; онъ означаетъ и финансовые доходы („городскія волости“ духовной Ивана Калиты) и единицу территоріальнаго владѣнія и управленія съ правами на судебно-административные доходы и на повинности населенія. Села—единицы княжескаго землевладѣнія и дворцоваго хозяйства, но владѣніе ими, несомнѣнно, связано и съ правами такъ наз. „государственнаго“ характера; при возникновеніи владѣнія дворцовымъ селомъ на территоріи чужой княжеской волости получалось особое дробленіе судебно-административной власти; „а которымъ есмь дѣтемъ своимъ села подавалъ, въ чьемъ удѣлѣ ни буди, читаемъ въ духовной грамотѣ в. к. Василія Васильевича, ино того и судъ надъ тѣми селы, кому дано“. Что это не нововведеніе, а утвержденіе обычной практики, изъ за которой возникало много столкновеній, показываютъ борьба Великаго Новгорода противъ развитія княжескаго землевладѣнія на его территоріи и аналогичныя мѣры князей противъ вторженія инокняжескаго землевладѣнія въ область ихъ княженій.

условіями договора, скрѣпленнаго крестоцѣлованіемъ «у отня гроба» [1]). Возможно, что этому крестоцѣлованью предшествовали какія-то недоразумѣнія между князьями-братьями. По крайней мѣрѣ на такое предположеніе наводитъ упоминаніе договорной грамоты о боярахъ, которые станутъ князей «сваживати» [2]), о томъ, что князьямъ изъ за такой свады «нелюбья не держати», а учинить «исправу» и «виноватаго казнити по исправѣ». А въ концѣ договорной грамоты упомянута крамола боярина Алексѣя Петровича противъ в. к. Симеона, при чемъ братья Симеона обязуются отступится отъ боярина и ничѣмъ не помогать ни ему, ни его семьѣ [3]). Съ этими данными можно сопоставить увѣщаніе братьямъ, какое в. к. Симеонъ внесъ въ свою духовную, «жити за одинъ», не слушать «лихихъ людей, кто иметъ ихъ сваживати», а слушать митр. Алексѣя и старыхъ бояръ, кто хотѣлъ добра в. к. Ивану Даниловичу и князьямъ его сыновьямъ [4]); а также — тотъ фактъ, что боярина Алексѣя Петровича видимъ при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ въ должности московскаго тысяцкаго, а затѣмъ убитымъ на московской площади, жертвой таинственной смуты, вызвавшей отѣздъ московскихъ «большихъ бояръ» въ Рязань [5]).

---

[1]) Договоръ в. к. Симеона Ивановича съ братьями (С. Г. Г. и Д., т. I, № 23); грамота сохранилась сильно поврежденной, но не настолько, чтобы не служить цѣннымъ источникомъ.

[2]) „а кто имѣть насъ сваживати наш...“ [и бояре?].

[3]) „а что Олексѣй Петровичъ вшелъ въ коромолу къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрѣю къ собѣ не приимати, ни его дѣтеи, и не надѣятись ны его къ собѣ до Олексѣева живота; воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтяхъ“; эта формула выдачи боярина головой великому князю мало смягчается оговоркой, что и великому князю не приннмать Алексѣя къ себѣ въ бояре, такъ какъ далѣе опять условіе, указывающее на бывшую близость боярина ко князю Ивану: „а мнѣ князю Ивану, что далъ князь великій изъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтямъ, ни инымъ чимь не подмагати ихъ“.

[4]) С. Г. Г. и Д., т. I № 24: „а по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю, своей братьи, жити за одинъ; а лихихъ бы есте людей не слушали и хто иметь васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ“.

[5]) Въ Симеоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 99), подъ 6844 г.: „тое же зимы Θевраля въ 3 день..... убіенъ бысть Алексѣй Петровичъ тысячскій, убьеніе же его дивно нѣкако и незнаемо, аки ни отъ кого же никимъ же, токмо обрѣтеся лѣжай на площади; нѣціи же рекоша яко въ таю съвѣтъ сотвориша и ковъ коваша нань, и тако всѣхъ (бояръ—Воскресенская) общею думою.... пострада“; тоже въ Троицкой лѣт. (тамъ же, и Карамзинъ, т. IV, прим. 381) и въ Воскресенской (т. VIII, стр. 10). Никоновская лѣт. (т. X, стр. 229) сохранила дополнительное извѣстіе: „и бысть мятежъ велій на Москвѣ ради того убійства; и тако тоѣ же зимы, по послѣднему пути, большіи бояре московстіи отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтьми“, а черезъ годъ „князь велики Иванъ Ивановичъ.... перезва къ собѣ паки

Тенденція духовной Ивана Калиты къ сохраненію единства княжой семьи и силъ княжества подъ старѣйшинствомъ в. к. Симеона получила въ договорѣ его сыновей дальнѣйшее развитіе. Тутъ находимъ опредѣленіе «одиначества» князей и отношеній старѣйшинства. «Быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшего имѣти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ имѣти [въ братствѣ, безъ обиды во всемъ]; а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ»: эта формула вполнѣ опредѣленно устанавливаетъ руководящую роль старшаго. «А гдѣ ми, говоритъ въ договорѣ старшій младшимъ, будеть всѣсти на конь, всѣсти вы со мною; а гдѣ ми будеть самому не всѣсти, а будеть ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья». Въ старѣйшинствѣ Симеона есть элементъ власти: имѣя и чтя его «во отцево мѣсто», князья братья повинны ему послушаніемъ. Но они—не подручники, не князья служебные: старѣйшинство комбинировано съ одиначествомъ на началахъ «братства» князей. Это отразилось въ договорѣ нѣсколькими чертами. Великій князь обязуется дѣйствовать въ согласіи съ младшими: «а тобѣ, господине князь великій, говорятъ они ему, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не доканчивати ни съ кимъ». Далѣе, тщательно устраняется мысль объ отвѣтственности передъ великимъ княземъ за промахи въ военной охранѣ: «а что ся учинитъ просторожа отъ мене или отъ васъ, или отъ моего тысяцьского и отъ нашихъ намѣстниковъ, исправа ны учинити, а нелюбья не держати»; наконецъ, устанавливается полная взаимность въ правѣ боярскаго отъѣзда: «а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля; кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ, къ великому князю, или отъ тобе къ намъ, нелюбья ны не держати», причемъ это право широко распространяется и на тѣхъ вольныхъ слугъ, «кто въ кормленьи бывалъ и въ доводѣ при нашемъ отци и при насъ».

Договоръ в. к. Симеона съ братьями обезпечивалъ единство въ распоряженіи московскими военными силами; повидимому (это мѣсто въ грамотѣ

дву бояриновъ своихъ, иже отъѣхали были отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичъ“ (тамъ же, стр. 230). Возможно, что рѣчь идетъ о В. В. Вельяминовѣ, знаменитомъ „послѣднемъ тысяцкомъ“ и что его же имя встрѣчаемъ подъ договорной грамотой в. к. Симеона съ братьями: „Василий.... тысяцьскій“. Такое отождествленіе дало бы поясненіе мотива всей смуты, какъ борьбы за должность тысяцкаго и связанное съ ней значительное вліяніе. При вѣданіи Москвы всѣми князьями-братьями „съ одиного“ тысяцкій долженъ былъ занимать особое положеніе—представителя княжеской власти, но не уполномоченнаго агента того или иного князя; отсюда должны были естественно возникать и попытки тысяцкаго играть болѣе независимую роль и причастность его ко всякому столкновенію между князьями-совладѣльцами; отсюда и трагическая судьба ряда тысяцкихъ, какъ московскихъ (Алексѣй Петровичъ, В. В. Вельяминовъ), такъ и рязанскихъ (Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 120).

сильно попорчено), онъ развилъ и дополнилъ мѣры, указанныя въ духовной Калиты, для охраны единства и цѣлости финансовыхъ средствъ московскаго княжества, устанавливая запретъ покупать земли у численыхъ людей и забирать ихъ самихъ на княжескую службу [1]).

И старѣйшинство в. к. Симеона и братское равенство князей отразились на томъ развитіи, какое получили въ договорной грамотѣ условія «раздѣла», учиненнаго Иваномъ Калитой. Князья-братья не только «составупилися» в. к. Симеону «на старѣйшинство» большей долей московской «тамги», именно ея половиной, подѣливъ между собой другую половину, но признали такой дѣлежъ нормой и на будущее время: «и потомъ на старѣйшій путь, кто будетъ старѣйшій, тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги; а опрочь того все на трое». На старѣйшій путь уступили они старшему брату, великому князю, и рядъ дворцовыхъ доходныхъ статей: пути сокольничій, конюшій и ловчій, садовниковъ, повинность «кони ставити» и др. За то договорная грамота устанавливаетъ и основы «удѣльнаго» владѣнія: 1, его неприкосновенность—«како ны отець нашъ раздѣлъ далъ, того ти подъ нами блюсти, а не обидѣти», съ распространеніемъ той же гарантіи на будущія пріобрѣтенія—«или кто изъ насъ, брате.... что примыслилъ или прикупилъ, или кто по семъ что кто прикупитъ или примыслитъ чюжее.... своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидѣти»; 2, его наслѣдственность—«кого изъ насъ Богъ отведетъ, печаловати княгинею его и дѣтми какъ при животѣ, такъ и по животѣ, а не обидѣти тобе, ни имати ничего ото княгини и отъ дѣтий, чимъ ны кого благословитъ отець нашъ по раздѣлу», и 3, его самостоятельность въ сферѣ княжого управленія—установлено право бояръ и вольныхъ слугъ служить, кому похотятъ изъ князей, и, по смерти кого-либо изъ нихъ, у его княгини и дѣтей, притомъ съ обѣщаніемъ великаго князя за то «нелюбья не держати, ни посягати безъ исправы, но блюсти какъ и своихъ»; установлены смѣстный судъ въ искахъ между великокняжескими и удѣльными боярами и слугами и обязательство князей не посылать агентовъ своей власти въ чужой удѣлъ; установлено и запрещеніе великому князю, его боярамъ и слугамъ покупать села въ удѣлахъ князей-братьевъ, а имъ—въ его удѣлѣ [2]).

Договоръ между Семеномъ, Иваномъ и Андреемъ Ивановичами актъ весьма сложнаго значенія. Въ немъ скрещиваются двѣ различныхъ системы

---

[1]) Вѣроятно, къ численымъ людямъ относится и слѣдующее дефектное мѣсто грамоты: „а которые люди по нашимъ волостемъ выиманы нын..... войны.... намъ къ собѣ не принимати; а которыхъ людій отець нашъ, князь великій, выималъ изъ.... въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не принимати“.

[2]) Запретъ, повидимому, не безусловный, если правильно дополненіе словъ: „нашихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ“...—словами: „нашего вѣдома“.

отношеній, такъ какъ этотъ актъ, съ одной стороны, есть рядъ великаго князя съ младшими владѣтельными князьями, а, съ другой, рядъ князей-братьевъ, опредѣляющій условія удѣльнаго владѣнія общей отчиной.

Остановимся на дальнѣйшей судьбѣ этого послѣдняго. Цѣнный комментарій къ установленіямъ перваго договора даетъ духовная грамота в. к. Симеона. Въ страшномъ моровомъ повѣтріи 1353 года Симеонъ Ивановичъ потерялъ сыновей, а черезъ мѣсяцъ послѣ нихъ и самъ скончался, составивъ духовную грамоту—рядъ княгинѣ своей Маріи Александровнѣ. Содержаніе этого ряда построено на опредѣленіяхъ бывшаго между братьями договора: «положилъ есмь на Бозѣ и на васъ на своей братьи, пишетъ въ грамотѣ в. к. Симеонъ, тако имете блюсти по нашему докончанью, како тогды мы цѣловали крестъ у отня гроба». Симеонъ передаетъ женѣ своей все, чѣмъ его благословилъ отецъ, в. к. Иванъ Даниловичъ: Коломну со всѣми волостями и Можайскъ съ тянувшими къ нему волостями, т. е. весь свой удѣлъ, съ нимъ и свой «жеребій» московской тамги [1]), а также села, доставшіяся ему по ряду отца и по дополнительному раздѣлу съ братьями, и свои примыслы и прикупы, и всѣ свои драгоцѣнности. Такое прямолинейное осуществленіе наслѣдственности удѣла явно грозило серьезной опасностью силѣ Московскаго княжества. Переходъ въ женскія руки, да еще въ руки бездѣтной вдовы, уроженки тверского княжого дома, такихъ важнѣйшихъ московскихъ владѣній, какъ Можайскъ и Коломна, былъ недопустимъ политически. Онъ и не осуществился. Къ сожалѣнію, наши источники не даютъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ это произошло. Знаемъ только—по духовной грамотѣ в. к. Ивана Ивановича [2]), что оба города въ рукѣ в. к. Ивана, притомъ съ волостями, хотя значительная часть этихъ послѣднихъ—въ пожизненномъ владѣніи княгини Марьи; но и волостями этими она владѣла далеко не до смерти, можетъ быть потому, что удалилась въ монастырь [3]). Коломенскій удѣлъ—въ виду его исключительнаго политико-

---

[1]) Конечно, не половину, назначенную „на старѣйшій путь“ в. к. Симеону и тому, „кто будетъ старѣйшій“ послѣ него, какъ не передаетъ в. к. Симеонъ женѣ и путей дворцоваго хозяйства, а только „изъ конь своихъ ѣздовыхъ“—50 коней, а изъ стадъ „стадо коломеньское, другое стадо Дѣтино Ивашьково“.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 26.

[3]) Текстъ духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича содержитъ два, противорѣчащихъ другъ другу, указанія на судьбу этихъ волостей: три изъ нихъ—Похряне, Песочна и Середокоротна указаны въ перечнѣ пожизненныхъ владѣній кн. Марьи, о которыхъ сказано: „а по ее животѣ, тѣ волости сыну моему князю Дмитрію“; а далѣе читаемъ: „а се далъ есмь княгини своей Олександрѣ изъ Коломеньскихъ волостей: Похряне, Песочну, Середокоротну“, при чемъ волости эти должны перейти къ в. к. Дмитрію по смерти кн. Александры. Княгиня Марья умерла въ 1399 г. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 72), переживъ и в. к. Ивана (ум. въ ноябрѣ 1358 г.) и его вдову княгиню Александру (ум. въ декабрѣ 1363 г.; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 13), но предоставленныя ей волости не остались въ ея рукахъ: часть

географическаго значенія остается, съ тѣхъ поръ—неизмѣнно, удѣломъ великоняжескимъ, какъ и опредѣлитъ въ своей духовной грамотѣ в. к. Дмитрій Ивановичъ: «а по̀ грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ». Такъ на первыхъ же порахъ исторіи московской княжеской семьи, во второмъ и въ третьемъ поколѣніи, великокняжеское положеніе ея главы наложило свою печать на судьбы владѣнія по удѣламъ, подчиняя его неизбѣжнымъ политическимъ условіямъ.

IV.

Однако, въ другихъ отношеніяхъ—удѣльное владѣніе продолжало развиваться наперекоръ существеннымъ политическимъ интересамъ Московскаго княжества, постепенно расшатывая тѣ основы его единства, какія пытались обезпечить Иванъ Калита въ духовной и Симеонъ Ивановичъ въ договорѣ съ братьями.

Вскорѣ послѣ в. к. Симеона, лѣтомъ 1353 г., умеръ князь Андрей Ивановичъ. Его княжое наслѣдіе перешло къ сыновьямъ—кн. Ивану, который всего на пять лѣтъ пережилъ отца и умеръ отрокомъ, и Владиміру

ихъ, именно волости коломенскія, переданы в. к. Александрѣ въ пожизненное владѣніе. Редакція текста духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича вообще сохранила слѣды переписки на бѣло съ правленой черновой: такъ село „Мещерка у Коломны“ попало явно на недлежащее мѣсто съ приписки на черновой. Вставкой при новой редакціи грамоты представляется и статья: „А се далъ есмь княгини своей Александрѣ изъ коломенскихъ волостей“...., причемъ не проредактированными заново остались статьи о пожизненномъ владѣніи коломенскими волостями кн. Марьи. Конечно, возможно было бы и другое предположеніе: что къ статьѣ о надѣленіи кн. Александры коломенскими волостями надо примышлять оговорку о переходѣ ихъ къ этой княгинѣ по смерти кн. Марьи, но тогда непонятно отдѣленіе этой статьи отъ статьи о Заячковѣ и Заберегѣ, которая читается ниже въ духовной грамотѣ: „а что за княгинею за Марьею Заячковъ, Заберегъ съ мѣсты, то до ее живота, а по ее животѣ—моей княгинѣ“. Эти двѣ волости—не коломенскія и не часть удѣла кн. Симеона Ивановича, а его примыслы: Заячковъ по „благословенью“ его тетки кн. Анны (договорная грамота в. к. Симеона съ братьями, С. Г. Г. и Д., т. I № 23), Заберегъ (Забереги, Заберега)—по куплѣ у Семена Новосильскаго (духовная в. к. Симеона, тамъ же, № 24). Заберега—упоминаются въ ряду верейскихъ волостей въ духовной в. к. Дмитрія Донского (тамъ же, № 34) и въ мѣновой грамотѣ 1566 г. (тамъ же, № 187). О Заячковѣ встрѣчаемъ указаніе во второмъ договорѣ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ (тамъ же, № 29) какъ о пожизненномъ владѣніи княгини (очевидно—Марьи), но въ духовной Донского и Заячковъ и Заберега въ его владѣніи (вѣроятно потому, что кн. Марья къ тому времени уже приняла постриженіе? запись о ея кончинѣ называетъ ее: „великая княгини Марія Семенова Ивановича, нареченная во мнишескомъ чину Фетинія“, а не говоритъ, какъ обычно при постриженіи на смертномъ одрѣ: „преставися въ черницахъ и въ схимѣ“).

Андреевичу, родившемуся въ сороковой день отцовской кончины. Духовная в. к. Ивана Ивановича и договоры в. к. Дмитрія Ивановича съ кн. Владиміромъ показываютъ, какъ новое развѣтвленіе княжеской семьи, усилило раздѣльность владѣнія московской отчиной по удѣламъ. В. к. Иванъ сохраняетъ за племянникомъ долю его отца: «на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть, въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городьскихъ треть и треть меду оброчнаго»; великій князь даже отступился отъ ряда преимуществъ «старѣйшаго пути», установленныхъ при Симеонѣ: нѣтъ рѣчи о выдѣлѣ на долю «старѣйшаго» цѣлой половины тамги, на трое дѣлится конюшій путь и «кони ставити по станомъ и по варямъ». Но Москву онъ приказываетъ только двумъ сыновьямъ своимъ, князю Дмитрію и князю Ивану. Старшему назначенъ можайско-коломенскій удѣлъ; младшему — звенигородскій; а князь Владиміръ «вѣдаетъ уѣздъ отца своего». «Уѣздъ» этотъ потерпѣлъ нѣкоторое умаленіе: Лопастна отошла къ Рязани, но князь Владиміръ получилъ взамѣнъ Новый Городокъ на усть-Поротли; остальныя же отошедшія къ Москвѣ «рязанскія мѣста» идутъ въ раздѣлъ «на полы» между сыновьями великаго князя.

Численыхъ людей «вси три князя блюдутъ сопча, съ одиного». По смерти княгини Ульяны ея волости и села и доходъ съ «осмничего» пойдутъ въ раздѣлъ, по выдѣлѣ волости Сурожика и села Лучинскаго ея дочери, «на четверо, безъ обиды» между двумя сыновьями великаго князя, его вдовой-княгиней и кн. Владиміромъ; «а ци по грѣхомъ имуть изъ Орды искати Коломны или лопастеньскихъ мѣстъ или отмѣньныхъ мѣстъ рязаньскихъ, а ци по грѣхомъ отоймется которое мѣсто, дѣти мои, князь Дмитрій и князь Иванъ, и князь Володимеръ въ то мѣсто и княгини подѣлятся безъпеньными мѣсты».

Семейно-вотчинная группа еще стоитъ на сложившияся основаніяхъ ея строя. Владиміръ Андреевичъ—еще въ полной мѣрѣ удѣльный князь московской вотчины. Черты нѣкотораго обособленія этого двоюроднаго въ княжомъ братствѣ еще незначительны. Но они будутъ крѣпнуть и выступятъ опредѣленнѣе въ дальнѣйшемъ развитіи междукняжескихъ отношеній.

По смерти в. к. Ивана Ивановича (въ ноябрѣ 1358 г.) на московскомъ княженіи остались три малолѣтнихъ князя—два Ивановича Дмитрій и Иванъ, и Владиміръ Андреевичъ. Первый же договоръ, опредѣлявшій взаимныя отношенія старшаго Дмитрія съ «молодшимъ» Владиміромъ [1]), устанавливаетъ

---

[1]) Этотъ договоръ заключенъ „по благословенью“ митр. Алексѣя; болѣе опредѣленная его датировка дѣлается въ литературѣ крайне сбивчиво. Въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (т. I, № 27) договоръ отнесенъ къ 1362 году; Карамзинъ отнесъ его къ 1364 г., какъ договоръ, заключенный послѣ кончины князя Ивана Ивановича (ум. 23 окт. 1363—6872 г., по Карамзину 1364 г.) и в. к. Александры (ум. 27 дек. того же года; ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12—13; т. X, стр. 3 и

понятіе двухъ отчинъ въ составѣ московскаго княженія: «тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина». Владѣнія князя Владиміра Андреевича—уже не удѣлъ общей вотчины, а особая отчина; хотя та же грамота сохраняетъ слово «удѣлъ» для обозначенія владѣній князя Владиміра, многозначительность формулы о двухъ отчинахъ вскрывается дальнѣшимъ развитіемъ отношеній.

Братъ Донского, князь Иванъ Ивановичъ—умеръ въ октябрѣ 1363 года. Его удѣлъ перешелъ въ обладаніе в. к. Дмитрія Ивановича. Произошло это въ годину послѣдней, рѣшительной борьбы за великое княженіе и окончательной побѣды в. к. Дмитрія надъ суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ и тѣми князьями, которые его поддерживали. Тогда же в. к. Дмитрій привелъ въ свою волю ростовскаго князя, а князей галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій. Черезъ годъ князь Дмитрій Константиновичъ вовсе смирился: когда его сынъ Василій съ ханскимъ посломъ «вынесъ изъ Орды великое княженіе отцу своему», князь Дмитрій «отступися великаго княженія князю великому Дмитрію Ивановичу», а въ январѣ 1366 года выдалъ за него дочь свою Евдокію.

Ко времени послѣ всѣхъ этихъ событій относится второй договоръ в. к. Дмитрія Ивановича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ [1]). Какъ

4, кончина в. к. Александры подъ 6873 г.), вѣроятно потому, что въ договорѣ не упомянутъ князь Иванъ. С. М. Соловьевъ повторилъ дату С. Г. Г. и Д. Сужденіе А. В. Экземплярскаго колеблется: во II т., на стр. 295 онъ утверждаетъ, что этотъ договоръ состоялся послѣ октября 1364 г., такъ какъ иначе былъ бы упомянутъ кн. Иванъ, но въ I т., на стр. 94, онъ отнесъ договоръ къ 1362 г.—къ моменту, когда московскіе бояре организовали походъ противъ кн. Дмитрія суздальскаго, „взявъ съ собой троихъ юныхъ князей, т. е. Дмитрія, Ивана и Владиміра“, вытѣснили Дмитрія Константиновича изъ Переяславля и Владиміра и вернулись въ Москву, посадивъ Дмитрія Ивановича на великомъ княженіи; „къ этому, кажется, времени, замѣчаетъ А. В. Экземплярскій, надобно отнести его договорную грамоту съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ: конечно, бояре позаботились для устраненія въ будущемъ какихъ либо недоразумѣній, опредѣлить взаимныя отношенія братьевъ“. Только эта послѣдняя датировка имѣетъ за себя опредѣленныя основанія. Если въ договорѣ не упомянутъ кн. Иванъ, то это еще можно объяснить тѣмъ, что у него, за малолѣтствомъ, не было своего двора и что состоялъ онъ въ той же опекѣ митр. Алексѣя и московскихъ бояръ, какъ и в. к. Дмитрій; напротивъ, трудно допустить, чтобы по смерти кн. Ивана заключенъ былъ договоръ, гдѣ не было бы упоминанія о его звенигородскомъ удѣлѣ: в. к. Дмитрій выступаетъ тутъ владѣльцемъ только того „удѣла дяди своего князя великого Семеновымъ“, т. е. можайско-коломенскомъ, какимъ его благословилъ отецъ его в. к. Иванъ. У князя Владиміра—былъ свой дворъ—бояре его отца, и договорное опредѣленіе его отношеній къ в. к. Дмитрію было естественно и даже необходимо.

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 29. Договоръ этотъ дошелъ до насъ въ сильно попорченномъ видѣ; мѣстами его содержаніе не поддается сколько-нибудь надежному возстановленію. Въ С. Г. Г. и Д. онъ датированъ 1371 г., очевидно—какъ годомъ рожденія князя Василія Дмитріевича, ввиду упоминанія въ грамотѣ о великокняжескомъ сынѣ. А. В. Экземплярскій отнесъ грамоту ко времени между 1359 и 1363 г. г.

ни трудно пріурочить этотъ договоръ къ опредѣленному хронологическому моменту, какъ ни отрывочѐнъ разрушенный временемъ текстъ этой грамоты, онъ все таки даетъ рядъ цѣнныхъ указаній, важныхъ для исторіи московскихъ междукняжескихъ отношеній.

Заключеніе договора было связано съ «пожалованіемъ» князю Владиміру Андреевичу в. к. Дмитріемъ Галича и Дмитрова «съ волостьми и съ селы», и съ установленіемъ новыхъ условій о размѣрахъ и взаимоотношеніяхъ княжого владѣнія. Измѣненія въ составѣ владѣній кн. Владиміра ставили его владѣльческое положеніе на новыя основанія. В. к. Дмитрій ему «далъ въ удѣлъ» Галичъ, Дмитровъ и волости; эти новоприобрѣтенныя владѣнія кн. Владиміръ называетъ въ грамотѣ: «мой удѣлъ, чѣмъ мя еси, господине, пожаловалъ», противополагая ихъ своимъ паслѣдственнымъ владѣніямъ: для обозначенія всей совокупности своихъ владѣній кн. Владиміръ употребляетъ выраженія: «въ моей вотчинѣ и въ удѣлѣ», «а въ вотчину ти, господине, въ мою и въ удѣлъ данщиковъ ти своихъ и приставовъ не всылати». Крѣпнетъ и опредѣляется представленіе о двухъ вотчинахъ въ составѣ Москов-

---

на основаніи словъ: „...пожалуетъ насъ Богъ, найдемъ тобѣ, князю великому, великое...“, такъ какъ въ 1363 г. закончилась борьба за великое княженіе, а „чего-нибудь другого великаго, кромѣ великаго княженія, договаривающіеся не могли искать“ (указ. соч., т. II, стр. 221). Однако, такая датировка грамоты непріемлема, какъ потому, что весь ея текстъ, насколько онъ сохранился, трактуетъ Дмитрія Ивановича, обладателемъ великаго княженія (кромѣ титула, обязательство кн. Владиміра „не искати“ великаго княженія подъ в. к. Дмитріемъ и его дѣтьми, упоминаніе о сборѣ дани съ вотчины великаго князя и съ великаго княженія), такъ и потому, что въ ней упомянуто о пожалованіи в. к. Дмитріемъ „въ удѣлъ“ князю Владиміру Галича и Дмитрова, устанавливается и рубежъ этихъ владѣній, что возможно только для времени послѣ 1363 г., т.-е. послѣ изгнанія изъ Галича послѣдняго мѣстнаго князя; наконецъ упоминаніе о „двухъ жеребьяхъ“ изъ удѣла княгини Ульяны, доставшихся в. к. Дмитрію, указываетъ на время послѣ кончины кн. Ивана (1363 г.), а упоминаніе о сынѣ в. к. Дмитрія („тобе, брата своего старѣйшаго, князя великаго собе отцемъ а сына твоего...“ и „а ци Богъ розмыслитъ о сыну твоемъ...“) отодвигаетъ дату грамоты ко времени не ранѣе конца 1366—начала 1367 г., если допустить, что рѣчь идетъ о первенцѣ в. к. Дмитрія Даніилѣ, который умеръ, повидимому въ младенчествѣ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 237—„Данило малой“; т. VIII, стр. 58; т. IX, стр. XV; т. XI, стр. 121), такъ какъ в. к. Дмитрій женился въ январѣ 1366 г. Мало существенно для пріуроченія этой грамоты указаніе надписи на ея оборотѣ, что онъ заключенъ „при Олексѣе митрополитѣ всея Руси“, т.-е. ранѣе 1378 г. Однако, всего вѣроятнѣе отнести ее, согласно С. Г. Г. и Д., къ 1371 г. Три ея мѣста — три дефектныхъ отрывка даютъ неустранимое впечатлѣніе тревоги за великое княженіе и за владѣнія, пожалованныя кн. Владиміру в. к. Дмитріемъ: 1) [велико]„...е княженье, а отъ мене мой удѣлъ, чѣмъ мя еси, господине, по...“[жаловалъ]; 2) „ащи от...“[оймутся?] и 3) „...пожалуетъ насъ Богъ, найдемъ тобѣ, князю великому, великое...“ [княженіе?]. Въ ряду событій позднѣе 1366 г. можно указать лишь одинъ моментъ, которымъ пояснялась бы подобная тревога: въ 1371 г. тверской князь Михаилъ Александровичъ вывезъ изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе и началъ борьбу съ Дмитріемъ Ивановичемъ при помощи литовской рати.

скаго княжества: потомковъ в. к. Ивана Ивановича и его брата Андрея. Владѣя своей вотчиной, кн. Владиміръ получилъ долю—«удѣлъ» въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ великаго князя, прецедентъ, котораго долго не забывали младшіе князья московскаго княжескаго дома. А в. к. Дмитрій владѣетъ, кромѣ великаго княженія, своей московской вотчиной и удѣломъ [1]), причемъ послѣдній терминъ означаетъ въ этой грамотѣ, повидимому, ту долю новыхъ пріобрѣтеній, которая осталась въ рукѣ великаго князя за выдѣломъ кн. Владиміру пожалованнаго ему удѣла. Владѣя каждый своею вотчиной, князья подѣлились по удѣламъ [2]) новыми пріобрѣтеніями, или, точнѣе, в. к. Дмитрій произвелъ этотъ раздѣлъ своею властью, «по сгадцѣ» съ кн. Владиміромъ, закрѣпивъ его въ договорной грамотѣ, какъ свое «пожалованіе». Договоръ опредѣляетъ отношенія не только двухъ князей, но и двухъ линій княжескаго дома, такъ какъ содержитъ взаимную потомственную гарантію владѣній [3]).

Такъ во второмъ поколѣніи потомковъ Калиты получила дальнѣйшее развитіе раздѣльность владѣнія по удѣламъ, установленная въ договорѣ в. к. Симеона Ивановича съ братьями. Обособленіе вотчины Владиміра Андреевича получило наглядное выраженіе и въ быту княжескомъ. Городскіе центры удѣловъ старшаго поколѣнія—Можайскъ, Коломна, Звенигородъ, Серпуховъ—не были стольными городами. А кн. Владиміръ Андреевичъ подлинно серпуховской князь. Договоръ его съ в. к. Дмитріемъ, только что разсмотрѣнный, запечатлѣлъ, очевидно, лишь преходящій моментъ ихъ отношеній, подлинная фактическая обстановка котораго намъ точнѣе неизвѣстна. Нѣтъ основанія полагать, что владѣніе Галичемъ и Дмитровымъ закрѣпилось за Владиміромъ Андреевичемъ хотя бы на нѣкоторое время: нельзя даже утверждать, что оно вообще осуществилось. По свидѣтельству третьяго договора между в. к. Дмитріемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ [4]), еще при жизни митр. Алексѣя и при его посредничествѣ кн. Владиміръ получилъ отъ в. к. Дмитрія Лужу и Боровскъ [5]), сверхъ того приращенія его

---

[1]) „А коли ти, господине, будеть взяти дань на своей вотчинѣ и на великомъ княженіи..," и ниже: „такоже и мнѣ, брату твоему молодшему, въ вотчину въ твою и въ удѣлъ данщиковъ ми своихъ не всылати".

[2]) Слово удѣлъ и въ этой грамотѣ означаетъ долю, полученную путемъ раздѣла (или надѣла), но по существу относится къ владѣнію иного типа, чѣмъ удѣлы—участки сыновей Калиты, такъ какъ въ данномъ случаѣ отсутствуетъ представленіе о единой вотчинѣ, которой вотчичи владѣютъ по удѣламъ, а, стало быть, теряютъ свою твердую основу характерныя особенности такого владѣнія—возможность частичнаго передѣла и право остальныхъ вотчичей на выморочный удѣлъ князя—собрата.

[3]) „Вотчины ми, господине, твоее и великого княженья.... ми подъ тобою не искати и подъ твоими дѣтьми, ни моимъ"... (дѣтямъ), „....и твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми"; „блюсти, а не обидѣти, и твоимъ дѣтемъ".

[4]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 33.

[5]) „и ты мнѣ потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ митрополитомъ всея Руси, и язъ тобе пожаловалъ, далъ ти есмь Лужу и Боровескъ".

владѣній, какое вызвано было кончиной княгини Ульяны [1]), а не Галичъ и Дмитровъ [2]).

Этотъ третій договоръ, заключенный уже въ 1380-хъ г.г., по благословенію митр. Пимена [3]), даетъ, благодаря лучшей сохранности текста, болѣе точное опредѣленіе «вотчины» великаго князя, на которую не долженъ кн. Владиміръ имѣть какія-либо притязанія. Эта вотчина—то, чѣмъ в. к. Дмитрія благословилъ отецъ его в. к. Иванъ Ивановичъ: два жребія въ городѣ Москвѣ, въ городскихъ станахъ и доходахъ, Коломна, Можайскъ и Звенигородъ со всѣмъ, что къ нимъ тянуло. Владѣнія князя Владиміра состоятъ изъ отцовскаго наслѣдія—трети въ городѣ Москвѣ, городскихъ станахъ и доходахъ и отцовскаго удѣла, а также новыхъ пріобрѣтеній—Городца (полученнаго кн. Владиміромъ взамѣнъ Лопастны, которая отошла къ Рязани), Лужи, Боровска и волостей изъ бывшаго удѣла кн. Ульяны.

Въ 70-хъ г.г. XIV в. кн. Владиміръ Андреевичъ выступаетъ серпуховскимъ княземъ-вотчичемъ, устроителемъ своего стольнаго города и княженія. Въ 1372 г. онъ женился на дочери в. к. литовскаго Ольгерда, а въ 1374 г. «князь Володимеръ Андреевичъ заложи градъ Серпуховъ въ своей отчинѣ и повелѣ въ единомъ дубу срубити его; живущимъ же ту человѣкомъ и

---

[1]) „и что ти ся достало удѣла княгинина Ульянина“. Дата кончины вдовы Ивана Калиты неизвѣстна, но скончалась она ранѣе заключенія второго договора в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ. По духовной в. к. Ивана Ивановича волости, села и осмничее, назначенныя ей въ удѣлъ духовной Ивана Калиты, признаны ея пожизненнымъ владѣніемъ, съ тѣмъ, чтобы по ея смерти всѣмъ этимъ подѣлились „на четверо безъ обиды“ князья Дмитрій и Иванъ Ивановичи, кн. Владиміръ Андреевичъ и княгиня Александра, вдова в. к. Ивана Ивановича. Кн. Иванъ и кн. Александра скончались въ 1363 г. Второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ указываетъ на то, что великому князю досталось „два жеребья“ изъ удѣла княгини Ульяны (причитавшіеся ему и брату его Ивану).

[2]) Второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ упоминаетъ также объ уступкѣ великимъ княземъ князю Владиміру дани въ Перемышлѣ, Растовцѣ и Козловомъ Бродѣ: великій князь обязуется не посылать въ эти мѣста своихъ данщиковъ; третій (1389 г.) упоминаетъ объ отмѣнѣ этого пожалованія: „а что ти ся есмь былъ отступилъ дани въ Растовцѣ и въ Перемышлѣ, а на то ны слати свои данщикы вмѣстѣ, какъ было при нашемъ дѣдѣ, при великомъ князѣ и при нашихъ отцѣхъ“.

[3]) Договоръ этотъ содержитъ указаніе, что заключенъ онъ послѣ размирья между князьями: „пріялъ есмь въ любовь брата своего молодшего и своего сына князя Володимера Андрѣевича и докончали есмы и цѣловали есмы крестъ у своего отца у митрополита“. „Розмиріе бысть великому князю Дмитрію Ивановичю съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ“ читаемъ въ лѣтописи подъ 1388 г., а затѣмъ: „въ лѣто 6897 марта 25, въ Благовѣщеніе князь великій Дмитрей Ивановичъ взя миръ и прощеніе и любовь съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52). Дата договорной грамоты—1389 г. (въ С. Г. Г. и Д.—1388, вѣроятно, по мартовскому лѣтоисчисленію).

приходящимъ отъинуды, ту жити хотящимъ, подасть многу волю и льготы; намѣстничество же приказа въ градѣ томъ Якову Юрьевичу Новосильцу, окольничему своему»; затѣмъ князь заложилъ, при участіи св. Сергія Радонежскаго, храмъ во имя Зачатія св. Богородицы, а при немъ учредилъ общежительный монастырь; въ 1370-хъ же годахъ сооруженъ былъ и соборный храмъ св. Троицы, объ освященіи котораго читаемъ подъ 1380 г. [1]). Серпуховъ становится стольнымъ городомъ особаго вотчиннаго княжества.

V.

Удѣльное владѣніе, какъ долевое владѣніе общей вотчиной нѣсколькихъ князей-отчичей, было весьма непрочной и неустойчивой основой для сохраненія единства семейно-владѣльческой группы и ея вотчиннаго княженія. Тенденція къ распаду такого княженія на отдѣльныя обособленныя вотчины, съ ослабленіемъ и полнымъ разрывомъ владѣльческихъ связей между прежними частями единаго цѣлаго, должна быть признана существенной его чертой. Она и сказывается въ третьемъ поколѣніи московскихъ Даниловичей. Полному ея осуществленію противодѣйствуютъ, конечно, иные мотивы междукняжескихъ отношеній, которыя—въ противоположность владѣльческимъ, можно назвать политическими: выше были подчеркнуты опредѣленія духовной Калиты и договора в. к. Симеона съ братьями, направленныя на сохраненіе единства боевой и финансовой силы Московскаго княжества. Однако, и въ этой области отразилось усиленіе раздѣльности княжого владѣнія, которая грозила перейти отъ владѣнія по удѣламъ къ обособленію отдѣльныхъ вотчинъ. Договоры в. к. Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ наводятъ на любопытныя наблюденія надъ борьбой за сохраненіе единства Московскаго княженія подъ старѣйшинствомъ Дмитрія Ивановича противъ наростающаго удѣльно-вотчиннаго распада, проявленіямъ котораго въ сферѣ междукняжескихъ политическихъ отношеній тѣ же договоры даютъ, однако, нѣкоторую санкцію.

Договоры эти стоятъ—въ принципѣ—на почвѣ договора в. к. Симеона съ братьями. «А жити ны по тому», уговариваются князья въ первомъ изъ нихъ, «какъ то отци наши жили съ братомъ своимъ старѣйшимъ, з дядею нашимъ со княземъ съ великимъ съ Симеономъ»; та же формула и въ третьемъ договорѣ; читалась бы она, конечно, и во второмъ, если бы сохранилось его начало. Однако, братское равенство и владѣльческая самостоятельность младшаго князя выражены—въ рядѣ пунктовъ—опредѣленнѣе и рѣзче. Формула договора в. к. Симеона съ братьями: «а гдѣ ми будеть всѣсти на конь, всѣсти вы на конь безъ ослушанья, а гдѣ ми будеть самому не

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19, 21 и 34.

всѣсти, а будеть ми васъ послати, всѣсти вы па конь безъ ослушанья»— поколеблена въ первомъ изъ договоровъ кн. Владиміра. Сохраняя обязательство младшаго князя посылать «безъ ослушанья» воеводъ, бояръ и слугъ въ походъ съ великокняжескими войсками, договоръ говоритъ о службѣ «безъ ослушанья» младшаго князя старѣйшему «по згадцѣ, како будеть мнѣ слично и тобѣ, брату моему молодшему», но предвидитъ личное участіе его въ походѣ только при личномъ же выступленіи великаго князя: «коли ти будеть всѣсти со мною на конь». На дѣлѣ кн. Владиміръ Андреевичъ не разъ ходилъ въ походы по посылкамъ великаго князя, и договоръ 1389 г. вернулся къ формулѣ перваго договора московскихъ князей, сыновей Калиты [1]).

Подробно развита въ договорахъ гарантія самостоятельной территоріальной власти [2]) и власти надъ зависимыми отъ князя людьми [3]). Однако, въ послѣднемъ отношеніи полное разграниченіе двухъ княжескихъ властей встрѣчало неодолимыя препятствія въ разселеніи бояръ и слугъ одного князя во владѣніяхъ другого, что поддерживалось и свободой отъѣзда. Договоры в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ устанавливаютъ подчиненіе бояръ и слугъ по дани и военной службѣ мѣстной княжеской власти, по мѣсту жительства и землевладѣнія, на началахъ полной взаимности [4]),

---

[1]) „А коли ми будемъ самому всѣсти на конь, а тобѣ со мною; или тя куды пошлю, и твои бояре съ тобою“. Возможно, что уже во второмъ договорѣ отпала мысль, что двоюродный братъ лично выступаетъ только при личномъ же выступленіи великаго князя, но навѣрное сказать нельзя, что въ немъ было прописано: отъ разрушенныхъ временемъ строкъ остались только слова: „безъ ослушанья“. Сама мысль эта, повидимому, не чужда укладу междукняжескихъ отношеній еще въ старой Кіевщинѣ, ср. „Княжое право“, стр. 75.

[2]) Гарантія взаимная: во владѣнія другъ друга не всылать ни данщиковъ, ни приставовъ, не давать жалованныхъ грамотъ, не покупать въ чужихъ предѣлахъ селъ, не держать ни закладней, ни оброчниковъ, ни князю, ни его боярамъ.

[3]) Въ договорѣ 1389 г.: „а ударитъ ми челомъ мой на твоего, хто живетъ въ твоемъ удѣлѣ, и мнѣ послати къ тобѣ, и тобѣ ему исправа учинити; а ударитъ ти челомъ твой на моего, хто живетъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, и тобѣ послати ко мнѣ, и мнѣ ему исправа учинити, а за ними слати намъ своихъ бояръ“. Претензіи князей къ боярамъ другъ друга разрѣшаются смѣснымъ судомъ, который можетъ свои разногласія перенести на третейское рѣшеніе: „а чего ми будетъ искати на твоихъ боярахъ или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межи собе сопрутся—ѣхати имъ на третій, кого собе изберуть, тамо ѣхавъ промолвятся“ (первый дововоръ). Такимъ же порядкомъ разрѣшаются и пререканія самихъ князей; договоръ 1389 г. добавляетъ лишь указаніе, что роль третейскаго судьи подобаетъ, въ такомъ случаѣ, митрополиту, и лишь при вакантности митрополіи—возможенъ выборъ „кого себѣ изберутъ“.

[4]) Первый договоръ (текстъ дефектный): „а коли мнѣ будеть, брате молодшій, и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженьи, а кто будеть твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженьи..... ми дань взяти, какъ и на своихъ“..... Договоръ

тѣмъ самымъ укрѣпляя самостоятельность власти территоріальной. Осложнялись эти отношенія и особымъ значеніемъ Москвы, гдѣ у князей удѣльныхъ были свои дворы, свои бояре и слуги, свои доходныя права. Договоръ в. к. Симеона съ братьями обезпечивалъ права удѣльныхъ князей отъ полновластія старшаго брата и его намѣстниковъ, и тотъ же порядокъ нѣсколько отчетливѣе опредѣленъ въ договорѣ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ [1]): московскіе суды судитъ великій князь или его намѣстникъ, но своихъ приставовъ за чужимъ бояриномъ не посылаетъ, вызовъ боярина на судъ—дѣло власти князя, кому этотъ бояринъ служитъ, а намѣстникъ удѣльнаго князя присутствуетъ на судѣ, блюдя интересы праваго суда и княжого судебнаго прибытка.

Еще сложнѣе были отношенія по сбору дани. Въ своей вотчинѣ кн. Владиміръ Андреевичъ имѣетъ самостоятельную финансовую власть, а «ордынскую тягость и проторъ» выплачиваетъ великому князю «съ своего удѣла, по давнымъ сверткомъ». Такъ—по первому его договору съ в. к. Дмитріемъ. А договоръ 1389 г. устанавливаетъ долю въ «ордынской тягости» и «проторѣ»—съ его удѣла и доставшейся ему трети владѣній кн. Ульяны въ ₰320 рублей, «а прибудетъ ли, убудетъ ли, ино по розочту», притомъ съ обязательствомъ принять на себя «по тому же по разочту» долю въ долгахъ золотоордынскимъ купцамъ и византійскимъ капиталистамъ [2]).

1389 г.: „а хто иметь жити моихъ бояръ и моего сына княжихъ Васильевыхъ и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, и дань взяти какъ на своихъ; а хто иметь жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ“. О военной службѣ: „а коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ хто иметь жити въ моемъ удѣлѣ и въ [великомъ княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою“.

[1]) Дефектный текстъ: „.... московскіе имуть бити челомъ тобѣ, князю великому на нашихъ бояръ и слугъ московскихъ,—аже будешь на Москвѣ, тобѣ судити, а мы съ тобою въ судъ шли, господине; опрочь Москвы—слати къ твоему намѣстнику и къ нашимъ ..... чинять исправу московскимъ бояромъ и слугамъ, а приставовъ ти не слати“. Въ договорѣ 1389 г.: „а судовъ ти [князю Владиміру] московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а язъ ему московьскыи суды судити; тѣмъ ми ся съ тобою дѣлити; а буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ москвитинъ на москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, и ни исправу учинятъ, а твои намѣстники съ ними; а ударитъ ми челомъ хто изъ великаго княженья на москвитина, на твоего боярина, и мнѣ пристава послати по него, а тобѣ послати за своимъ своего боярина“. Великій князь—согласно обоимъ договорамъ—не посылаетъ пристава для зова на судъ бояръ и слугъ кн. Владиміра, который самъ ставитъ на судъ своихъ людей, но судъ не смѣсный, а великаго князя или его намѣстника, а намѣстникъ удѣльнаго князя „съ нимъ“—ради доли въ судебномъ доходѣ („тѣмъ мя съ тобою дѣлити“).

[2]) „Бесерменскій долгъ и проторъ“—задолженность великаго князя въ Ордѣ. „Русскій долгъ“, повидимому, тотъ долгъ, что сдѣлалъ въ Константинополѣ на имя

Договоры предвидятъ случаи, когда потребуется чрезвычайный сборъ дани—той, что въ жалованныхъ грамотахъ именуется «данью неминучей»; когда великій князь взыщетъ эту дань на своихъ боярахъ, то и удѣльный обязуется взять ее на своихъ боярахъ и внести въ казну великаго князя [1]).

Хотя въ договорахъ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ нѣтъ оговорки, какую встрѣчаемъ позднѣе, когда удѣльный князь заявляетъ великому въ договорной грамотѣ: «а перемѣнитъ Богъ Орду, не имешь давати татарамъ, а коли учнешь имати дань съ своей отчины съ великаго княженья себѣ, и мнѣ тогды съ своего удѣла имати дань собѣ», но представленіе, что только «ордынская тягость» связываетъ удѣльнаго князя по сбору и выплатѣ дани въ великокняжескую казну, несомнѣнно лежитъ въ основѣ ихъ финансовыхъ отношеній. Это сказывается въ договорныхъ опредѣленіяхъ о тѣхъ доходахъ, которые князья «блюдутъ» еще «съ одиного». Сборъ московскихъ городскихъ даней—въ городѣ и по станамъ и по переварамъ (варямъ)—производятъ даньщики обоихъ князей, хотя все что они соберутъ идетъ въ казну великаго князя, потому что онъ выплачиваетъ татарскій «выходъ» [2]). Если же отпадетъ уплата «выхода», предположенъ раздѣлъ дани: «а оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья, а тобѣ треть», говоритъ въ договорѣ 1389 г. великій князь удѣльному.

Традиціонный укладъ воззрѣній и отношеній утверждаетъ, какъ норму, полную раздѣльность вотчинной власти при владѣніи общей отчиной по удѣламъ, тѣмъ болѣе по превращеніи удѣловъ-долей въ обособленныя вотчинныя княженія.

в. к. Дмитрія въ 1377 г. Пименъ, добиваясь поставленія на митрополію вмѣсто умершаго Митяя: „Пименъ же кабалаю оною великаго князя съ своими совѣтники позаймоваша въ ростъ на имя великаго князя у фрязь и у бесерменъ, ростетъ же серебро то и доселѣ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32).

[1]) Дефектный текстъ перваго договора даетъ слѣд. указаніе: „а коли ми будеть брате молодшій, и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженьи, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженьи..... ми дань взяти какъ и на своихъ“; второй договоръ содержитъ тоже постановленіе на случай, когда великому князю „будеть взяти дань на своей вотчинѣ и на великомъ княженьи“, причемъ сохранилъ и вторую половину уговора: и удѣльному князю въ своей „вотчинѣ и въ удѣлѣ“ брать дань съ великокняжескихъ бояръ, чьи села лежатъ въ предѣлахъ его княженія. Договоръ 1389 г., кромѣ этого соглашенія (бояръ, служащихъ одному князю, а живущихъ во владѣніяхъ другого, „блюсти какъ и своихъ и дань взяти—какъ и на своихъ“), содержитъ и другое: „а коли ми взяти дань на своихъ боярехъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и дватцати“ (разумѣется, очевидно, упомянутый выше „урокъ“ въ 320 р., ~~т. е. въ грамотѣ описка на пять тысячъ~~ р.).

[2]) Первый договоръ: „а коли ми будеть слати свои данщики въ городъ и на перевары...., а тобѣ свои данщики слати съ моими данщики вмѣстѣ“; договоръ 1389 г.: „а что наши данщики сберуть въ городѣ и въ станѣхъ и въ варяхъ тому ити въ мою казну, а мнѣ давати выходъ“.

Однако, еще Калита противопоставилъ въ своемъ предсмертномъ рядѣ этой тенденціи къ вотчинному распаду ограниченіе самостоятельной власти удѣльныхъ князей, основанное на столь же традиціонныхъ началахъ княжого одиначества подъ старѣйшинствомъ старшаго въ данной, московской группѣ князей. Сила и смыслъ старѣйшинства видоизмѣнялись и осложнялись на Москвѣ соединеніемъ его въ одномъ лицѣ съ великокняжеской властью. Договорныя грамоты великихъ князей-старѣйшинъ во всей братьѣ, князьяхъ Московскаго княжества, съ младшими, удѣльными—отразили исканіе компромисса между двумя противоположными тенденціями междукняжескихъ отношеній.

Въ договорахъ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ повторяется запретъ князьямъ и ихъ боярамъ покупать села и держать зависимыхъ людей въ чужихъ предѣлахъ, но практика вольной службы неизбѣжно создавала землевладѣніе этого запретнаго типа и привела къ компромиссу «блюденья», подчиненія военному командованію и сбору дани—не по личной подвластности, а по мѣсту землевладѣнія. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, само право отъѣзда потерпѣло въ первомъ договорѣ названныхъ князей нѣкоторое ограниченіе, сравнительно съ договоромъ в. к. Симеона съ его братьями: «а который бояринъ поѣдетъ ис кормленья отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ,—такъ уговариваются в. к. Дмитрій и кн. Владиміръ,—а службы не отслуживъ, тому дати коръмленье по исправѣ, а любо служба отъслужити ему»; отъѣздъ кормленщиковъ осложняется требованіемъ предварительнаго отказа и разсчета. Этимъ усиленно подчеркивалась раздѣльность служебныхъ и административныхъ отношеній. Но въ области управленія военными силами провести ее было труднѣе. Удѣльный князь обязуется посылать въ походы своихъ бояръ и слугъ «безъ ослушанья»; поэтому не оставлено на его усмотрѣнье освобождать тѣхъ или иныхъ изъ нихъ отъ выступленія въ походъ: это дѣлается лишь съ докладу великому князю, «по сгадцѣ» обоихъ князей [1]); а нѣтчиковъ-ослушниковъ караетъ великій князь при участіи удѣльнаго [2]). Таковы условія перваго изъ договоровъ в. к. Дмитрія и Владиміра Андреевича; договоръ 1389 г. ихъ не повторяетъ, что, быть можетъ, надо признать указаніемъ на упадокъ этихъ формъ великокняжескаго контроля надъ удѣльной боевой силой.

Въ сферѣ финансовыхъ отношеній наблюдаемъ тѣ же колебанія и компромиссы. Раздѣльность сбора дани по территоріальному владѣнію стоитъ рядомъ съ повтореніемъ соглашенія: «а численныхъ людій блюсти ны съ одиного» [3]) и съ совмѣстной дѣятельностью обоихъ князей по сбору

---

[1]) „а кого коли оставити у тобе бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ: кому будетъ слично ся остати, тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати (первый договоръ).

[2]) „а кто ся ослушаетъ, того ми казнити, а тобѣ брату моему со мною“ (тоже).

[3]) Первый договоръ: „а которые слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди

цѣлаго ряда доходовъ. Но первое изъ этихъ соглашеній стоитъ теперь въ связи, судя по договору 1389 г., съ мѣрами для охраны земельнаго обезпеченія и личнаго состава черныхъ людей отъ ихъ расхищенія не только въ пользу дворцоваго хозяйства князей, но и въ пользу боярскаго и монастырскаго землевладѣнія; эти мѣры, какъ и охрана состава слугъ, которые тянутъ къ дворскому, и служнихъ земель, носятъ уже характеръ не столько опредѣленія междукняжескихъ отношеній и разграниченія вотчинной власти между князьями, сколько общихъ мѣропріятій князей по управленію силами и средствами княжества. Наряду съ устанавляемыми въ договорѣ порядками по управленію военной силой и сбору дани въ великокняжескую казну, эти мѣры—яркое свидѣтельство живой потребности единства въ наиболѣе существенныхъ сторонахъ управленія Московскимъ княжествомъ.

На поддержку и укрѣпленіе этого единства направлены усилія в. к. Дмитрія, притомъ едва-ли слѣдуетъ ихъ разсматривать внѣ связи съ его борьбой за усиленіе въ великокняжеской власти. Борьба московскихъ князей за власть въ Московскомъ княжествѣ—не самостоятельное явленіе, а одинъ изъ моментовъ ихъ борьбы за великокняжескую власть надъ всей Великороссіей: вѣдь они не «московскіе» великіе князья, а владимірскіе и всей Руси. Сопоставленіе договорныхъ отношеній в. к. Дмитрія съ его тверскими и рязанскими договорами—даетъ ясное тому свидѣтельство.

Но и самые договоры в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ даютъ это свидѣтельство о стремленіи къ усиленію великокняжеской власти, которое преобразуетъ—на московской почвѣ—смыслъ стариннаго старѣйшинства и самое понятіе о немъ. Усиливается элементъ властнаго подчиненія въ отношеніяхъ между старшимъ и младшимъ князьями. Сказывался онъ, конечно, и въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями, но тутъ находимъ дальнѣйшее его развитіе. Первый же договоръ между князьями Дмитріемъ и Владиміромъ содержитъ формулу: «а тобѣ, брату моему молодшему, князю Володимеру держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно, а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ»—формулу, которая опредѣляетъ отношеніе младшаго князя не къ старѣйшинѣ во всѣхъ князьяхъ Московскаго княжества, а къ великому князю всея Руси. Формула

къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не пріимати, но блюсти ны ихъ съ одиного, также и численыхъ людей“. Во второмъ—не ясный отрывокъ: „а въ численыхъ людѣхъ тобѣ, князю великому“..., какъ бы намекающій на раздѣлъ (на двѣ трети и треть?). Въ договорѣ 1389 г.: „а численыхъ людій блюсти ны съ одиного, а земль ихъ не купити; а которые слуги къ дворьскому, а черные люди къ становщику, тыхъ въ службу не пріимати, а блюсти ны ихъ съ одиного, а земль ихъ не купити“; и ниже: „а хто будетъ покупилъ земли данные служни или черныхъ людій, по отца моего животѣ, по князя великого по Ивановѣ, а тѣ хто взможетъ выкупити, и нѣ выкупятъ, а не взмогутъ выкупити, и нѣ потянутъ къ чернымъ людемъ; а хто не въсхочетъ тянути, и нѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ“.

подчиненнаго одиначества (кто старѣйшему другъ или недругъ, тотъ и молодшему другъ или недругъ) дополнена такимъ опредѣленіемъ вѣрности этому одиначеству, которое обычно и въ опредѣленіяхъ вѣрной боярской службы: «а что ти слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганина ли о моемъ добрѣ или о лисѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крестьянахъ, то то мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленья, по цѣлованью» [1]). Правда, договорная грамота тщательно сохраняетъ при каждой изъ такихъ формулъ оговорки, охраняющія грань между простой службой великому князю и братскимъ, хотя и подчиненнымъ, одиначествомъ съ нимъ: кромѣ общаго положенія—«а мнѣ, князю великому, тобе, брата своего, держати въ братствѣ безъ обиды во всемъ», великій князь признаетъ свою обязанность ни съ кѣмъ не заключать договоровъ и не вести переговоровъ безъ младшаго князя [2]), сообщать ему, съ своей стороны, что узнаетъ «о добрѣ или о лихѣ». Но оговорки эти не умаляютъ руководящаго положенія велпкаго князя и подчиненности младшаго; ихъ взаимныя отношенія мало разнятся отъ отношеній боярской вольной службы, разъ и она сочеталась съ обязанностью добраго совѣта, сознаваемой не только какъ реальная необходимость, но и какъ боярское право. Служба младшаго князя великому «безъ ослушанья» лишь условно и не безъ натяжки сочетается съ такой характеристикой, какую даетъ ей договорная грамота, обязуя младшаго служить великому «безъ ослушанья по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ, брату моему молодшему», да еще при обѣщаніи великаго князя «кормити» младшаго «по его службѣ». Второй договоръ, заключенный великимъ княземъ въ моментъ тревоги и затрудненій, казавшихся опасными,

---

[1]) Ср., напримѣръ, П. С. Р. Л., т. VI, стр. 219: „били челомъ великому князю въ службу бояре новугородскіи и всѣ дѣти боярскіе и житьи да приказався вышли отъ него; и князь велики выслалъ за ними Ивана Товаркова...., а велѣлъ имъ князь велики говорити: на которой грамотѣ великимъ княземъ крестъ цѣловали есте, по той бы грамотѣ государемъ своимъ и правили есте по тому же крестному цѣлованью; а что услышитъ кто у брата своего у новогородца о великихъ князехъ о добрѣ и о лихѣ, и вамъ то сказати своимъ государемъ великимъ княземъ".

[2]) Въ первомъ договорѣ: „а тобѣ брату моему молодшему безъ мене не доканчивати, ни съсылатися ни съ кѣмъ же, такоже и мнѣ безъ тобе"; въ договорѣ 1389 г.: „а тобе брату моему молодшему и моему сыну безъ мене и безъ моихъ дѣтій не канчивати ни съ кѣмъ же, и мнѣ бес тобе". Кн. Владиміръ Андреевичъ и на дѣлѣ постоянной участникъ договоровъ в. к. Дмитрія съ кн. Михаиломъ Тверскимъ (тутъ вмѣстѣ съ Великимъ Новгородомъ: „а на семь на всемь, братѳ молодшій князь великій Михайло Олександровичъ целуй ко мнѣ крестъ къ брату къ старѣйшему князю великому къ Дмитрію Ивановичю, къ моему брату князю Володимеру Ондрѣевичю и къ нашей вотчинѣ къ Великому Новугороду"—С. Г. Г. и Д., т. I, № 28) и съ в. к. Ольгердомъ, причемъ устанавливаютъ договоръ и скрѣпляютъ его крестоцѣлованіемъ послы „отъ великого князя отъ Дмитрея Ивановича и ото князя Володимера Аньдрѣевича"—С. Г. Г. и Д., т. I, № 31; съ кн. Олегомъ Рязанскимъ—тамъ же, № 32; съ Великимъ Новгородомъ—А. А. Э., т. I, № 8.

давалъ кн. Владиміру рядъ уступокъ, которыя были, однако, тотчасъ взяты назадъ, и договоръ 1389 г. еще рѣшительнѣе опредѣляетъ его зависимость отъ великокняжеской власти. Вмѣсто прежней формулы, обязующей его «имѣти брата своего старѣйшаго князя великаго Дмитрія въ отца мѣсто», находимъ тутъ его обязательство имѣть великаго князя отцомъ, его старшаго сына—братомъ старѣйшимъ, второго—братомъ (равнымъ), а меньшихъ—братьею молодшею; «честно и грозно» держать великое княженье не только подъ самимъ великимъ княземъ и подъ его старшимъ сыномъ, но и подъ остальнымъ его потомствомъ; блюсти подъ ними не только ихъ московскую вотчину, но и великое княженіе; служить великому князю безъ ослушанья; ходить въ походы со своими боярами, куда онъ пошлетъ. Изъ оговорокъ, гарантировавшихъ братское одиначество князей (въ противоположность подчиненію служебныхъ подручниковъ) уцѣлѣли только упоминаніе о взаимной солидарности при заключеніи договоровъ и обѣщаніе сообщать другъ другу вѣсти, какія кто услышитъ отъ христіанина или отъ поганина.

Взятыя въ цѣломъ, договорныя отношенія в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ проникнуты глубокой двойственностью. Естественное развитіе удѣльнаго владѣнія вело къ распаду Московскаго княжества, единой вотчины потомковъ Калиты, на отдѣльныя вотчины княжескихъ линій его потомства. Но процессъ этотъ встрѣтилъ, на первыхъ же порахъ, энергичное противодѣйствіе въ пользу усиленія великокняжеской власти. Разложеніе прежней основы московскихъ междукняжескихъ отношеній—семейно-вотчиннаго одиначества — создало условія, благопріятныя для перестройки этихъ отношеній на новомъ основаніи, усиливая, въ то же время, самую потребность въ такой перестройкѣ.

Соединеніе великаго княжества и двухъ московскихъ удѣловъ въ рукахъ в. к. Дмитрія давало ему огромный перевѣсъ силы надъ кн. Владиміромъ; къ тому же рядъ княжескихъ правъ и доходовъ Владиміра Андреевича былъ неотдѣлимъ отъ великокняжескаго управленія в. к. Дмитрія Московскимъ княжествомъ. И великому князю удалось не только положить предѣлъ вотчинному обособленію Серпуховскаго княжества изъ состава московскихъ владѣній, но и усилить элементы власти въ своихъ отношеніяхъ къ младшему князю. Форма традиціоннаго старѣйшинства начинаетъ заполняться новымъ—великокняжескимъ содержаніемъ. А тѣмъ самымъ постепенно стирается грань между московскимъ вотчиннымъ старѣйшинствомъ и великимъ княженіемъ всея Руси. Въ договорахъ съ кн. Владиміромъ в. кн. Дмитрій утверждаетъ связь своихъ вотчинныхъ правъ на московскую отчину и на великое княжество Владимірское, требуя ихъ укрѣпленія за собой и своимъ потомствомъ [1]). Его духовная грамота, со-

---

[1]) Второй договоръ: вотчины ми, господине, твоее и великого княженья..... ми подъ тобою не искати, ни подъ твоими дѣтьми, ни моимъ“ (дѣтямъ). Договоръ

ставленная въ то же почти время какъ и послѣдній изъ договоровъ съ кн. Владиміромъ, проводитъ ту же тенденцію къ сліянію московской вотчины съ великокняжескими владѣніями, московскаго старѣйшинства съ великокняжеской властью: унаслѣдовавъ отъ владимірскихъ великихъ князей задачи великокняжескаго старѣйшинства надъ всѣми князьями Великороссіи, власть московскихъ государей куетъ изъ вотчинныхъ началъ новое орудіе для ихъ разрѣшенія.

Духовная грамота в. к. Дмитрія Ивановича (вторая) [1]) документъ столь же сложнаго содержанія, какъ и его договоры съ кн. Владиміромъ. Въ основѣ своей эта «душевная грамота»—семейный рядъ отца-вотчинника дѣтямъ и вдовѣ-княгинѣ. У великаго князя пять сыновей; эта семейная группа «приказана» княгинѣ-вдовѣ: «а вы, дѣти мои, жывите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ», читаемъ въ началѣ грамоты; и снова въ ея заключительной части: «а приказалъ есмь свои дѣти своей княгинѣ, а вы, дѣти мои, слушайте своее матери во всемъ, изъ ее воли не выступайтеся ни въ чемъ; а который сынъ мой не имѣетъ слушати своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья». Сверхъ волостей и селъ, назначенныхъ княгинѣ въ пожизненное владѣніе изъ удѣловъ всѣхъ сыновей, она владѣетъ и своей опричниной, которая состоитъ изъ ея собственныхъ «прикуповъ» [2]) и великокняжескихъ «примысловъ» [3]), перечисленныхъ въ грамотѣ: «а тѣми своими примыслы всѣми

1389 г.: „тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володимеру Андрѣевичу держати ти подо мною и подъ моимъ сыномъ подъ княземъ подъ Васильемъ и подъ моими дѣтми княженье мое честно и грозно“;—„а чимъ мя благословилъ отецъ мой князь великый Иванъ въ городѣ въ Москвѣ и въ станѣхъ два жеребья и пошлинъ всѣхъ два жеребья, такъже и Коломна съ волостми и Звенигородъ съ волостми и Можаескъ съ волостми и отъѣздными мѣсты и великымъ княженьемъ, того ти подо мною блюсти и подъ моимъ сыномъ подо княземъ подъ Васильемъ и подъ моими дѣтми“.

[1]) Сохранились двѣ духовныя Дмитрія Донского, но отъ первой, составленной еще при митр. Алексѣѣ, уцѣлѣлъ только малозначущій конецъ. Вторая грамота упоминаетъ княжича Петра (род. 1385 г.), но не упоминаетъ о Константинѣ (род. въ маѣ 1389 г.). Не упоминаетъ духовная грамота и о митр. Пименѣ; можетъ быть потому, что писана послѣ его отъѣзда въ Константинополь (уѣхалъ 13 апрѣля 1389 г.). Тѣмъ же даннымъ соотвѣтствуетъ и датировка грамоты временемъ между 1385 и 1388 г. г. (послѣ рожденія княжича Петра и до водворенія въ Москвѣ митр. Пимена, вторичнаго). Однако, слова духовной грамоты: „а которые деревни отоималъ былъ князь Володимеръ отъ Лыткиньскаго села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лыткинскому селу моее княгини“ указываютъ скорѣе на время послѣ розмирья князей и ихъ примиренія. Рѣшаетъ вопросъ,—въ пользу конца 1388—нач. 1389 г. ожиданіе рожденія сына (Константина): „а дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у большіе его братьи“.

[2]) Эти „прикупы“ княгини утверждаются за ней словами: „то ее и есть“, такъ какъ не духовная создаетъ ея право на эти владѣнія.

[3]) Великій князь даетъ своей княгинѣ нѣсколько своихъ „примысловъ“ и

благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ вольна моя княгини, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ, а дѣти мои въ то не въступаются». По смерти мужа, княгиня-вдова остается главою семьи. Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей княгиня дѣлитъ его удѣлъ между остальными: «которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ (ся)». Ей же предстоитъ надѣлить ожидаемаго сына, «возмя по части у большіе его братьи»; она, своею матернею властью, произведетъ частичный передѣлъ, если «у котораго сына убудетъ отчины».

Не изъятъ изъ подъ этой материей власти и старшій сынъ, князь великій. Но его удѣлъ, коломенскій—на особомъ положеніи: этотъ удѣлъ не идетъ въ раздѣлъ въ случаѣ безнаслѣдной кончины великаго князя, а переходитъ цѣликомъ къ слѣдующему брату по старшинству, «а того удѣломъ подѣлитъ ихъ княгини». При сохраненіи авторитета матери, какъ главы семьи, и ея власти въ вопросахъ удѣльнаго владѣнія, старшій братъ, князь великій, замѣняетъ отца по отношенію къ младшимъ: «а дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы», внушаетъ имъ в. к. Дмитрій, «чтите и слушайте своего брата старѣйшего, князя Василья, въ мое мѣсто, своего отца». Но они ему—не подручники; онъ долженъ держать ихъ «въ братствѣ, безъ обиды».

Князь Владиміръ Андреевичъ, отчичъ серпуховской, стоитъ въ сторонѣ отъ этой семейной группы. Духовная в. к. Дмитрія не опредѣляетъ и не укрѣпляетъ за нимъ его владѣльческихъ правъ: вѣдь это его собственныя вотчинныя права, а рядъ в. к. Дмитрія касается только личной семьи великаго князя. О князѣ Владимірѣ духовная только упоминаетъ по поводу его права на треть въ городѣ Москвѣ, «чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Андрей», да въ случайныхъ ссылкахъ при распоряженіи селомъ съ починкомъ и деревнями, которые «отошли» отъ него къ великому князю. Раздѣлъ московскаго княжества на двѣ вотчины выступаетъ въ духовной в. к. Дмитрія съ полной опредѣленностью.

А своей вотчиной князья Дмитріевичи будутъ владѣть по удѣламъ. Старшему—Василію назначенъ удѣлъ Коломенскій со всѣми Коломенскими волостями; второму—Юрію Звенигородскій, Андрею—Можайскій съ волостями, можайскими и «отъѣздными», Петру—Дмитровскій. Князь Иванъ Дмитріевичъ оставленъ безъ удѣла, хотя «удѣломъ» названа въ грамотѣ его опричнина изъ двухъ волостей и одного села съ починкомъ; это его опричнина въ томъ смыслѣ, что великій князь опредѣляетъ: «въ томъ

„купель"; въ томъ числѣ: „а что ми дала княгиня Федосья Суду на Бѣлѣозерѣ да Колашну и Слободку и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгиня Федосья до своего живота, а по ее животѣ то княгинѣ моей". О княгинѣ Федосьѣ, вдовѣ по князѣ кемскомъ Давидѣ Семеновичѣ, см. у Павлова-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси" (Сочиненія, т. III), стр. 5—6.

удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ», а «удѣлъ» лишь въ общемъ значеніи—доли [1]). Четыре удѣльныхъ князя надѣлены и селами, московскими и юрьевскими, а городъ Москва имъ четверымъ приказанъ, съ сохраненіемъ за княземъ Владиміромъ его вотчинной трети. Но при этомъ снова возникаетъ, какъ въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями, представленіе о нѣкоторомъ лишкѣ «на старѣйшій путь»: Василію Дмитріевичу отецъ назначилъ «на старѣйшій путь» цѣлую половину своихъ «двухъ жеребьевъ»—«въ городѣ и въ станѣхъ» и въ городскихъ пошлинахъ, съ раздѣломъ другой половины между остальными тремя сыновьями; ему же «на старѣйшій путь» большая часть въ медовыхъ доходахъ («Васильцево сто и Добрятинская борть съ селомъ з Добрятинскимъ»); все-же остальное—«бортници въ станѣхъ въ городскихъ и конюшій путь и сокольничій и ловчій»—пойдутъ всѣмъ четверымъ поровну, какъ и половина тамги, другая половина которой назначена вдовствующей княгинѣ вмѣстѣ съ «восмничимъ» [2]).

---

[1]) Сказаніе „О житіи и о преставленіи царя Рускаго, великаго князя Дмитрія Ивановича“ называетъ князя Ивана пятымъ сыномъ в. к. Дмитрія, но этотъ перечень расположенъ не по старшинству князей, такъ какъ седьмымъ названъ „старѣйшій“ Данило; въ такомъ порядкѣ перечня можно видѣть отраженіе духовной грамоты, такъ какъ выше въ сказаніи находимъ сообщеніе о четырехъ удѣлахъ князей Дмитріевичей, а упоминаніе о „пятомъ“ Иванѣ, шестомъ Константинѣ, который былъ „меншій всѣхъ дѣтей его“ и остался по отцѣ „четвородневенъ“ и „седьмомъ“—„старѣйшемъ“ Даніилѣ, который „прежде преставися“—носитъ характеръ приписки въ концѣ сказанія о погребеніи в. к. Дмитрія. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 58). Родословные перечни князей (напр., т. V, стр. 90; т. VII, стр. 237; т. IX, стр. XV) то пропускаютъ кн. Ивана, то вставляютъ его имя послѣ кн. Петра, руководствуясь, вѣроятно, сказаніемъ. Что Иванъ былъ старше Петра видно изъ его упоминанія въ лѣтописномъ сказаніи о бою на Куликовомъ полѣ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 315), какъ третьяго, послѣ Василія и Юрія. Исключительное положеніе князя Ивана, надѣленнаго по обычаю надѣленія дочерей, а не сыновей, не княженіемъ, а небольшой опричниной объясняется, вѣроятно, его болѣзненностью. Онъ скончался въ 6901/1393 г. (т. VIII, стр. 63).

[2]) Особое благословеніе „на старѣйшій путь“ примѣнено въ грамотахъ только къ доходнымъ статьямъ въ городѣ Москвѣ, городскихъ станахъ и путяхъ дворцоваго хозяйства. В. О. Ключевскій расширилъ смыслъ этого понятія, подведя подъ него весь перевѣсъ силы старшаго изъ московскихъ князей надъ младшими, какой созданъ тѣмъ, что этотъ князь былъ, въ тоже время, великимъ княземъ (Курсъ русской исторіи, т. II, лекція XXII, отдѣлъ: „Усиленіе старшаго наслѣдника“). Но великое княженіе никогда не жаловалось отцомъ старшему сыну „на старѣйшій путь“; замѣчаніе В. О. Ключевскаго, что излишекъ, который давался „на старѣйшій путь“ является до временъ Дмитрія Донского „очень малозначительнымъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ лишнихъ городовъ или селъ, изъ нѣсколькихъ лишнихъ доходовъ, но съ завѣщанія Дмитрія Донского этотъ излишекъ на старѣйшій путь получаетъ все большіе размѣры“—ошибочно. Во-первыхъ, излишекъ „на старѣйшій путь“ появляется впервые въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями и состоитъ только изъ крупной доли въ тамгѣ и дворцовыхъ путяхъ, и въ томъ же видѣ, лишь болѣе ограниченнымъ,

Клиномъ врѣзывается въ эту удѣльно-вотчинную духовную грамоту особая статья о великокняжескихъ владѣніяхъ. Она утверждаетъ вотчинное право в. к. Дмитрія на великое княженіе: «а се благословляю сына своего князя Василья своею отчиною великимъ княженьемъ»; недавній договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ закрѣплялъ это право за московской великокняжеской семьей обязательствомъ князя Владиміра держать великое княженіе «честно и грозно» подъ в. к. Дмитріемъ, его сыномъ Василіемъ и подъ всѣми дѣтьми великаго князя. Но подчиненіе великаго княженія вотчинному праву привело къ попыткѣ, правда нерѣшительной и осторожной, использовать великокняжескія владѣнія для дополнительнаго надѣленія удѣльныхъ князей. Къ статьѣ о благословеніи старшаго сына великимъ княженіемъ примыкаетъ, внѣ связи съ опредѣленіемъ состава удѣловъ младшихъ сыновей, ихъ надѣленіе «куплями» Ивана Калиты—Галичемъ, Бѣлоозеромъ и Угличемъ [1]), а также назначеніе вдовствующей княгинѣ въ пожизненное владѣніе волостей изъ великаго княженія, а именно изъ переяславскаго и костромского уѣздовъ, изъ волостей галицкихъ и

возникаетъ вновь въ духовной Донского. Во-вторыхъ, постепенное превращеніе великаго княжества Владимірскаго въ вотчину московскихъ государей—не можетъ быть сведено къ эффектной, но исторически-неправильной схемѣ постепеннаго паростанія „излишка на старѣйшій путь“. Поэтому ошибоченъ и весь разсчетъ Ключевскаго о соотношеніи реальной силы великаго и удѣльныхъ московскихъ князей (тамъ же, стр. 46—47). Онъ ошибоченъ ариѳметически, какъ незаконная операція съ разнородными, качественно-различными единицами, и исторически, такъ какъ игнорируетъ то несомнѣнное обстоятельство, что перевѣсъ въ „массѣ владѣльческихъ средствъ“ и у Семеона и у Донского надъ младшими князьями не сводился къ тому, что значилось за ними въ духовныхъ ихъ отцовъ: вѣдь были же они великими князьями, владѣли средствами великаго княженія, и въ этомъ отношеніи упоминаніе о немъ въ духовной Донского ничего измѣнить не могло; даже напротивъ—выдѣлъ младшимъ князьямъ долей изъ великокняжескихъ владѣній грозилъ дробленіемъ великокняжеской силы. В. О. Ключевскій довелъ до крайности наблюденія С. М. Соловьева надъ духовными Ивана Калиты и Дмитрія Донского. Ср. замѣчаніе Соловьева, что „величина удѣловъ слѣдуетъ (въ духовной Калиты) старшинству“ (Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 346) и его же слова по поводу духовной Донского объ усиленіи „старшаго сына не въ примѣръ прочимъ областью В. Княженія, областью уже теперь вѣрною, переходившею, какъ отчина“ (тамъ же, стр. 406); но Соловьевъ не использовалъ этихъ наблюденій для построенія на нихъ цѣлой схемы, подобно Ключевскому, конечно потому, что правильно относилъ „смѣшеніе“ всѣхъ московскихъ удѣловъ (московской вотчины) съ великокняжескою областью Владимірскою ко времени, когда Василій Темный одолѣлъ смуту, потрясшую при немъ остатки старыхъ традицій („Исторія Россіи“, кн. I, стр. 1137); ср. тоже у Чичерина „Опыты по исторіи русскаго права“, стр. 253.

[1]) Ср. замѣчаніе С. М. Соловьева: „Благословляя старшаго Василія цѣлою областію В. Княженія Владимірскаго, Димитрій, какъ бы для вознагражденія, отдаетъ остальнымъ 3 сыновьямъ города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только имъ: Юрію Галичъ, Андрею Бѣлоозеро, Петру Угличъ“ (Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 106).

бѣлозерскихъ, и доли въ владимірскихъ и переяславскихъ селахъ; при томъ — отдѣльно отъ назначенія ей же волостей и селъ изъ удѣловъ всѣхъ четырехъ сыновей. Квалификація Галича, Бѣлоозера и Углича, какъ «купель» дѣдовскихъ, не привела къ ихъ сліянію съ московской вотчиной, которой князья владѣли по удѣламъ, и не разорвала ихъ связи съ великимъ княженіемъ. Выше уже было замѣчено, что эта квалификація звучитъ мотивировкой завѣщательнаго распоряженія ими и обличаетъ, тѣмъ самымъ, характерное колебаніе въ попыткѣ примѣнить вотчинное право къ великокняжескимъ волостямъ. Мотивы этого колебанія могли быть различны: проводя въ жизнь представленіе о великомъ княженіи, какъ своей отчинѣ, и включая его въ составъ объектовъ завѣщательнаго распоряженія, в. к. Дмитрій тѣмъ самымъ ставилъ на очередь вопросъ, захватитъ ли вотчинное владѣніе по удѣламъ и область великаго княженія. Сопоставляя съ этой чертой духовной грамоты в. к. Дмитрія содержаніе второго изъ договоровъ его съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ, когда великій князь пожаловалъ двоюродному брату Галичъ и Дмитровъ «въ удѣлъ», можно заключить о коренномъ перерожденіи, какое переживаютъ понятіе «удѣльнаго» владѣнія и связанныя съ нимъ отношенія уже во времена в. к. Дмитрія. Передача князю Владиміру Галича и Дмитрова «въ удѣлъ»—не осуществленіе его права на долю въ общей вотчинѣ, а великокняжеское «пожалованіе», закрѣпленное договоромъ («надѣлокъ» въ духѣ старыхъ кіевскихъ отношеній, властью старѣйшаго во всѣхъ князьяхъ русскихъ); благословеніе Галичемъ, Бѣлоозеромъ и Угличемъ трехъ Дмитріевичей—сверхъ назначенныхъ имъ удѣловъ въ московской вотчинѣ—носитъ тотъ же характеръ не вотчиннаго раздѣла, а произвольнаго надѣленія властью великаго князя. При этомъ особаго вниманія заслуживаетъ судьба Дмитрова, который оказался, по духовной в. к. Дмитрія, включеннымъ въ составъ удѣловъ московской вотчины: оторванный отъ комплекса галицкихъ владѣній Дмитровъ инкорпорированъ въ составъ московскихъ владѣній и стоитъ особо отъ Галича [1]).

---

[1]) Судьбы Дмитрова тѣсно связаны съ исторіей Галича (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 340—341), но слабо отразились въ нашихъ источникахъ; лѣтописные своды даютъ о Дмитровѣ лишь случайныя упоминанія. Никоновской лѣтописи пришлось дополнять ихъ по родословнымъ источникамъ. „Галицкимъ и дмитровскимъ“ называетъ она князя Давыда Константиновича, сообщая о его кончинѣ подъ 1280 г. (П. С. Р. Л., т. X. стр. 155); повидимому, Дмитровъ только однажды имѣлъ особаго князя—Бориса Давыдовича, который въ Никоновской лѣтописи названъ—въ извѣстіи о его кончинѣ подъ 1334 г. (тамъ же, стр. 206) княземъ дмитровскимъ, въ отличіе отъ его галицкаго брата Ѳедора, умершаго въ 1335 г. (тамъ же, стр. 207); ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 215. Если это и такъ, то все-таки, у насъ нѣтъ основаній представлять себѣ Дмитровъ стольнымъ городомъ особаго княжества; такое значеніе за нимъ не закрѣпилось и онъ остается галицкой волостью. Въ московскія руки онъ долженъ былъ попасть послѣ того, какъ Дмитрій Донской согналъ съ Галича послѣдняго галицкаго князя; второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андрее-

Все развитіе княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній въ Московскомъ княжествѣ происходило подъ давленіемъ особыхъ условій, создаваемыхъ закрѣпленіемъ великокняжеской власти въ рукахъ московскаго старѣйшины. Значеніе великокняжеской власти и ея особой политики неизбѣжно видоизмѣняло укладъ княжого одиначества и подлинный смыслъ старѣйшинства. Усиленіе великокняжеской власти углубляло противорѣчіе между ея стремленіями и потребностями и семейно-вотчиннымъ укладомъ московскихъ княжескихъ отношеній. Сыновья и внуки Дмитрія Донского пережили затяжной и тяжкій кризисъ этихъ отношеній, который зародился еще при в. к. Дмитріи, а разрѣшеніе получилъ только при Иванѣ III Васильевичѣ.

вичемъ еще указываетъ на связь Дмитрова съ Галичемъ, но затѣмъ в. к. Дмитрій включаетъ Дмитровъ въ составъ удѣловъ московской отчины, назначая его сыну Петру. Галицкій владѣлецъ кн. Юрій Дмитріевичъ сохранилъ и позднѣе притязанія на Дмитровъ.

ГЛАВА V.

Тверская отчина потомковъ в. к. Михаила Ярославича.

I.

Неудача тверскихъ князей въ борьбѣ за руководящее положеніе въ великорусскомъ политическомъ мірѣ замкнула Тверское княжество въ мѣстной жизни и мѣстной политикѣ. Правда, традиція о быломъ, болѣе широкомъ значеніи Твери и ея князей долго еще живетъ въ тверской письменности, волнуетъ тверскую правящую и книжную среду, вызывая, по временамъ, порывы на новую борьбу и тягу къ возвышенію политической роли тверской княжеской власти. Но великорусская большая политика все крѣпче сосредоточивалась въ московскихъ рукахъ, и Тверь, по выраженію ея историка—В. С. Борзаковскаго, «должна была поневолѣ ограничиваться интересами болѣе узкими, только своими собственными».

Новыя условія тверской жизни вошли въ полную силу послѣ гибели въ Ордѣ князя Александра Михайловича. Съ трудомъ отстаивая свою независимость отъ Москвы—или, точнѣе, отъ великорусской великокняжеской власти, Тверское княжество переживаетъ внутренній процессъ дробленія и борьбы съ нимъ мѣстной великокняжеской власти. Аналогичный московскому, этотъ укладъ внутреннихъ отношеній Тверского княжества отличается нѣкоторыми особенностями, весьма интересными для изученія удѣльно-вотчиннаго строя княжого владѣнія и княжого права.

То же значеніе, какое имѣетъ духовная Ивана Калиты для исторіи московскихъ междукняжескихъ отношеній, принадлежало бы въ исторіи Тверского княжества духовной грамотѣ князя Михаила Ярославича, если бы она дошла до насъ. Однако, единственный слѣдъ ея находимъ въ сообщеніи сказанія о мученической кончинѣ князя Михаила, что Михаилъ, собираясь въ Орду, отпустилъ сыновей домой изъ Владиміра «давъ имъ рядъ, написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою» [1]). Михаилъ оставилъ свою тверскую вотчину четыремъ сыновьямъ—Дмитрію, Александру, Константину

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 192.

и Василію. Вотчинами его внуковъ были: Александровичей—Холмъ и Микулинъ; Константиновичей—Дорогобужъ; Васильевичей—Кашинъ. Возможно, но далеко не удостовѣрено, что такое распредѣленіе удѣловъ предустановлено рядомъ князя Михаила Ярославича. Но это владѣніе тверской отчиной по удѣламъ, если оно и зародилось, никакъ еще не отразилось на единствѣ Тверского княжества при сыновьяхъ в. князя Михаила. Лишь послѣ гибели князя Александра въ Ордѣ, когда столъ Тверского княженія снова достался Константину Михайловичу, опредѣлилась вотчинная обособленность холмско-микулинскихъ владѣній князей Александровичей [1]). О предсмертномъ «рядѣ» князя Александра лишь мимоходомъ упоминаетъ лѣтописное сказаніе о его кончинѣ, повѣствуя о томъ, какъ онъ прощался со своими боярами «и о вотчинѣ своей глаголавъ» [2]). Если принять это указаніе литературной повѣсти за точное воспроизведеніе факта, надо признать, что духовной грамоты князь не успѣлъ составить; нѣтъ и основаній для догадокъ, какъ онъ распредѣлилъ между сыновьями свою отчину на доли-удѣлы. Скудныя лѣтописныя извѣстія о его сыновьяхъ—не даютъ свидѣтельства о такомъ раздѣлѣ. Передъ нами не отдѣльные владѣтельные князья, а семейная группа отчичей на холмско-микулинскомъ княженіи съ вдовствующей княгиней

---

[1]) Вопросъ объ этихъ князьяхъ и ихъ владѣльческомъ положеніи весьма теменъ, по недостаточной полнотѣ свѣдѣній о нихъ въ нашихъ источникахъ. Кромѣ старшаго Льва, о которомъ лѣтописи сообщаютъ только то, что онъ родился въ 1321 г. (П. С. Р. Л., т. X стр. 188; т. XV, стр. 414), и который, очевидно, умеръ въ въ дѣтствѣ, и Ѳедора, погибшаго съ отцомъ въ 1339 г., в. к. Александръ имѣлъ сыновей: Всеволода, Михаила, Владиміра и Андрея. Такой ихъ порядокъ по старшинству устанавливается тою ролью, какую играетъ Всеволодъ вмѣстѣ съ вдовствующей княгиней-матерью при великомъ княженіи на Твери дяди Константина, и перечнемъ Александровичей въ жалованной грамотѣ другого ихъ дяди Василія Михайловича Отрочу монастырю (А. А. Э., т. № 5). О Владимірѣ и Андреѣ Александровичахъ знаемъ, сверхъ того, лишь дату ихъ смерти отъ моровой язвы въ 1365 г. (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4). См. Экземплярскаго, т. II, стр. 531 и 640—641. А. В. Экземплярскій, однако и въ вопросѣ о тверскихъ удѣльно-вотчинныхъ княжествахъ спѣшитъ, какъ у него обычно, съ утвержденіемъ ихъ раздѣльности и обособленности, полагая, напримѣръ, что кн. Александръ Михайловичъ „передъ смертью подѣлилъ свою отчину между сыновьями, но какъ видно, не всѣми: Всеволодъ получилъ Холмъ, Михаилъ—Микулинъ, а младшіе Владиміръ и Андрей, остались, кажется, безъ удѣловъ“. Положеніе этихъ младшихъ Александровичей, при такомъ предположеніи, непонятно, тѣмъ болѣе, что по упомянутой грамотѣ Отрочу монастырю—они участники въ дѣйствіяхъ княжеской власти. А. В. Экземплярскій упустилъ, повидимому изъ виду, что семья в. к. Александра осталась послѣ его кончины единой владѣтельной семьей подъ рукой вдовы-матери, княгини Анастасіи и что мы вообще не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о раздѣлѣ между ними отцовской отчины до 1360 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 231). Искусственность стараній Экземплярскаго установить такой раздѣлъ съ кончины кн. Александра зависитъ отъ смѣшенія понятій удѣльнаго владѣнія и вотчиннаго княжества.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 210.

матерью во главѣ, и судя по даннымъ лѣтописныхъ сводовъ, въ жизни Тверского княжества сталъ на очередь не вопросъ о внутреннихъ отношеніяхъ и распредѣленіи владѣній-удѣловъ въ этой группѣ князей, а другой—объ ихъ положеніи въ Тверскомъ княжествѣ.

Отъ болѣе поздняго времени дошли до насъ грамоты тверскихъ князей, въ которыхъ «одиначество» всей тверской княжеской группы проявилось съ такой яркой опредѣленностью, какой не находимъ ни въ московскихъ междукняжескихъ договорахъ, ни въ какомъ иномъ источникѣ для исторіи княжого права XIV вѣка. Въ этихъ грамотахъ тверскіе князья выступаютъ всѣ вмѣстѣ носителями единой княжеской власти въ Тверской землѣ, подъ старѣйшинствомъ своего «князя великаго». Разумѣю грамоту тверскому Отрочу монастырю, которая сама себя именуетъ: «се милостыня князя великаго Васильева Михайловича и его братаничевъ—княжа Всеволожа, княжа Михайлова, княжа Володимерова, княжа Андреева Олександровичевъ, княжа Еремеева, княжа Семенова Костянтиновичевъ, княжа Михайлова Васильевича» [1]), и ея позднѣйшее повтореніе отъ имени «рабовъ святыя Тройца»—в. к. Бориса Александровича и его «братіи молодчей» князей Ѳедора Ѳедоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитріевича и Ѳедора Александровича [2]).

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 5. Въ этой грамотѣ „се ми раби святыя Троица, князь великій Василій Михайловичъ и его братаничи (идетъ ихъ перечень) по отца моего и нашего дѣда князя великаго Михайловымъ грамотамъ, Бога дѣля и своего дѣля спасенія, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будетъ у Святое Богородици, дали есмы сю милостыню церкви Святое Богородици Отрочью монастырю на память преставльшимся отъ сего житья роду нашему, а намъ, пребывающимъ въ житьи семъ, за въздоровіе“; льготы жалуются „въ нашей отчинѣ, въ тферьскихъ волостехъ и въ кашиньскихъ“; въ числѣ льготъ—освобожденіе отъ въѣзда въ монстырскія земли и суда должностныхъ лицъ, которыя названы: „намѣстници наши и волостели“ и „данници наши и ямьщици и писци и пошлиньники, кто ни буди“; Тверская земля для князей „отчина наша земля Святой Богородицы“. Отъ имени всѣхъ князей происходитъ общій сборъ дани въ Тверской землѣ: „а хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жаловалныи, на монастырьскихъ людехъ ни тогды никто не емли ничего, по сей нашей грамотѣ“.

[2]) А. А. Э, т. I, № 34. Возобновляя пожалованіе Отроча монастыря „по родителей нашихъ грамотамъ“, князья добавили утвержденіе его „неподвижно“ на будущія времена: „не порушити намъ сея милостыни, ни нашимъ дѣтемъ, ни нашимъ внучатамъ“, оговорку объ обязанности архимандрита „пособить въ ту тяготу“, если придетъ „изъ Орды посолъ силенъ, а немочно будетъ его опровадити“, усиленную санкцію противъ нарушителей грамоты, причемъ казнитъ ихъ торговою казнью великій князь („азъ князь великій велю“), но вину и незаконно взятое съ монастырскихъ людей взыскиваютъ всѣ князья („себѣ возмемъ на немъ вину противу дани съ архимандритомъ на полы, а взятое велимъ взяти втрое и съ проторы“); а также запретъ архимандриту принимать людей волостныхъ „изъ нашее вотчины“. По числу князей—грамота была укрѣплена шестью висльми печатями. Но времена в. к. Бориса—принесли коренную ломку тверского „одиначества“, такъ что данная грамота лишь формально сохраняетъ черты уже пережитого прошлаго.

Другую черту того же одиначества тверскихъ князей, столь же существенную, вскрываетъ лѣтописный разсказъ о началѣ раздоровъ между тверскимъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ и его братьями [1]). При в. к. Михаилѣ Александровичѣ тверскіе великокняжескіе бояре цѣловали крестъ всѣмъ Михайловичамъ (Ивану, Василію и Ѳедору) и внуку великаго князя (Ивану Борисовичу) на томъ, что «хотѣти имъ добра»; но старшій князь—Иванъ Михайловичъ, занявъ столъ великаго княженія тверского, повелѣлъ «боярамъ своимъ цѣлованіе сложити къ своей братьи», несмотря на протестъ княгини-матери и младшихъ князей [2]).

Въ семьѣ тверскихъ князей владѣніе общей отчиной по удѣламъ едва-ли сложилось сколько-нибудь рѣшительно ранѣе кончины князя Александра Михайловича (1339 г.). Опасное напряженіе отношеній къ Ордѣ и Москвѣ, видимо, парализовало обычную тягу къ удѣльному и вотчинному раздѣлу, поддерживая, на первыхъ порахъ, полное одиначество не только княжое—союзное, но и владѣльческое. Только съ переходомъ старшаго стола тверского княженія къ Константину Михайловичу по смерти второго изъ старшихъ братьевъ, намѣчается удѣльное владѣніе Кашиномъ для князя Василія Михайловича и холмско-микулинскими волостями для семьи Александра Михайловича. Тогда же должно было опредѣлиться и значеніе Дорогобужа, какъ будущей отчины Константиновичей. Не знаемъ, когда и какъ сложился этотъ «рядъ» для князей Михайловичей. Конечно, возможно, что онъ предопредѣлялся духовной грамотой в. к. Михаила Ярославича, но реально его послѣдствія начинаютъ сказываться въ жизни Тверского княжества только послѣ мученической кончины в. к. Александра [3]).

---

[1]) Изъ тверского источника—въ Симеоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 148), въ Рогожскомъ лѣтописцѣ (т. XV, 2-е изд., ст. 176) и въ Никоновской (т. XI, 183).

[2]) Протестъ этотъ подкрѣпленъ ссылкой на грамоту в. к. Михаила Александровича: „не по грамотѣ отца нашего, говорятъ князья-братья, твои бояре къ намъ сложили цѣлованіе, и ты бы, господине князь великій, пожаловалъ, велѣлъ бы еси своимъ бояромъ цѣлованіе держати по нашего отца грамотамъ“. Это сложеніе боярскаго крестоцѣлованія не актъ разрыва в. к. Ивана съ братьями; его бояре не за него, а за себя слагаютъ „по его слову“ цѣлованіе къ младшимъ князьямъ. Въ Москвѣ такого крестоцѣлованія, насколько знаемъ, не бывало, но завѣтъ братьямъ в. к. Симеона: „слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ“, а не слушали бы „лихихъ“ людей, „хто иметъ васъ сваживати“, также подчеркиваетъ обязанность бояръ—отцовскихъ, великокняжескихъ—поддерживать одиначество семейной княжеской группы. Братья тверского великаго князя отстаиваютъ одиначество только своей братской семьи, достигшей властнаго положенія въ Тверскомъ великомъ княжествѣ: внѣ этого одиначества стоятъ не только кашинскіе и дорогобужскіе князья, но и холмскій двоюродный братъ.

[3]) А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 480) отмѣтилъ, вслѣдъ за А. Д. Иноземцевымъ („Удѣльные князья Кашинскіе“—въ „Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.“,

Предстояло опредѣлить степень самостоятельности удѣльныхъ князей и гарантіи единства тверской силы, подобно тому какъ та же задача стала передъ московскими князьями по смерти в. к. Ивана Даниловича и разрѣшена была договоромъ между в. к. Симеономъ и его братьями. Не знаемъ договорныхъ грамотъ между тверскими князьями, хотя на нихъ указываютъ ссылки ихъ на свои «докончанія» при раздорахъ изъ за взаимныхъ правъ и обязанностей. Съ большой остротой поднятъ этотъ вопросъ въ послѣдній годъ жизни и княженія Константина Михайловича: «того же лѣта князю Константину Михайловичу тверскому бысть нелюбіе съ княгинею съ Настасьею и со княземъ со Всеволодомъ Александровичемъ, и начя имати бояре ихъ и слуги въ серебрѣ за волости, чрезъ людскую силу, и бысть надъ ними скорбь велика» [1]). Дѣло шло о сборѣ дани [2]); это видно изъ дальнѣйшаго: князь Всеволодъ, «того не могій терпѣти», ушелъ изъ Твери на Москву къ в. к. Симеону, а затѣмъ оба—и Константинъ Михайловичъ и его племянникъ—отправились въ Орду; но здѣсь князь Константинъ нежданно скончался, а братъ его Василій вступилъ немедля въ правленіе Тверскимъ княжествомъ и, прежде всего, прислалъ своихъ данщиковъ въ удѣлъ князя Всеволода Александровича и взыскалъ дань на его людяхъ [3]).

Дѣйствія Константина и Василія Михайловичей напоминаютъ то утѣсненіе ростовскихъ князей и ихъ княжества московской силой, о которомъ повѣствуетъ Епифаній Премудрый въ «Житіи св. Сергія Радонежскаго». Потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ за Владимірское великое княженіе, тверской князь сохраняетъ въ предѣлахъ тверскихъ владѣній титулъ великаго князя и пріемы великокняжескаго властвованія, пытается свести положеніе племянниковъ, отчичей холмскихъ, до служилаго подручничества, подчиняя населеніе ихъ владѣній непосредственно своей великокняжеской власти, ихъ бояръ и слугъ—отвѣтственности передъ собой.

1873 г. кн. IV), что Василій Михайловичъ обозначается въ лѣтописныхъ текстахъ какъ кашинскій только съ 1339 г., но замѣчаетъ при этомъ, что обозначеніе кн. Василія „тверскимъ“ при жизни брата Александра не исключаетъ его владѣнія кашинскимъ удѣломъ: „онъ, и владѣя Кашиномъ, могъ жить въ Твери и называться потому тверскимъ“. Впрочемъ „тверскими“ наши лѣтописные своды называютъ всѣхъ князей Тверской земли, конечно не по мѣсту жительства, а по представленію объ княжомъ ихъ „одиначествѣ“.

[1]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 217.

[2]) Вѣроятно, судя по выраженію: „въ серебрѣ за волости“ о сборѣ дани съ бояръ и слугъ „по кормленью и по путемъ“.

[3]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 218. Никоновская лѣтопись называетъ удѣломъ князя Всеволода—Холмъ („во удѣлъ князя Всеволода Александровичя въ Холмъ“, „на вотчинѣ его на Холму“), но это еще не свидѣтельствуетъ о раздѣлѣ отчины Александровичей на Холмское и Микулинское княжество, какое, повидимому, осуществилось нѣсколько позднѣе. Вѣроятно, кн. Всеволодъ и жилъ то въ Твери, а не въ какомъ либо городѣ удѣла („иде изо Твери къ в. к. Семену Ивановичу“), но Холмъ считался центромъ удѣла сыновей в. к. Александра.

Такъ, на первыхъ же порахъ замкнутой въ себѣ политической жизни Тверской земли, семейное и владѣльческое одиначество тверскихъ князей глубоко потрясено первымъ же переходомъ братняго удѣла въ вотчину его потомковъ. Великокняжеское отрицаніе независимости мѣстнаго вотчиннаго княжества вызвало упорную борьбу двухъ линій тверского княжескаго дома холмской и кашинской, осложненную воздѣйствіемъ на Тверь Москвы и Литвы. Въ этой борьбѣ постепенно и неуклонно рушился семейно-вотчинный строй Тверского княжества съ обособленіемъ Кашина, который все больше подчиняется московскому вліянію, съ измельчаніемъ остального княжья до уровня служебныхъ княжатъ—при настойчивомъ и послѣдовательномъ стремленіи обладателей старшаго стола Тверского княженія къ усиленію своей великокняжеской власти надъ всей Тверской землей.

II.

Князь Всеволодъ Александровичъ нашелъ при столкновеніи съ дядей Константиномъ нѣкоторую поддержку въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ въ Москву къ в. к. Симеону Ивановичу ушелъ онъ изъ Твери и уже отсюда поѣхалъ въ Орду къ хану Чанибеку. Естественно, поэтому, предположить поддержку его домогательствъ въ Ордѣ передъ ханомъ московскимъ вліяніемъ [1]). Поводомъ для немилости ханской ко князю Василію послужили, повидимому, жалобы на его самоуправство въ сборѣ дани съ отчины племянника: узнавъ въ Ордѣ объ этомъ сборѣ, князь Всеволодъ «оскорбися» и пошелъ навстрѣчу къ дядѣ, который спѣшилъ въ Орду съ набраннымъ серебромъ, перехватилъ его на Бездежѣ и «ограби его»; но сдѣлалъ онъ это не самовольно, а пошелъ на дядю Василія «отъ царя изо Орды съ посломъ» [2]). Оба князя долго прожили въ Ордѣ—больше года, а вернулись—князь Всеволодъ Александровичъ на Тверское княженіе, князь Василій Михайловичъ на свой Кашинъ [3]). Этимъ, конечно, не разрѣшалось «нелюбіе»

---

[1]) Вскорѣ затѣмъ, еще до возвращенія тверскихъ князей изъ Орды, состоялся бракъ в. к. Симеона съ сестрой кн. Всеволода—Маріей Александровной (П. С. Р. Л., т. X, стр. 218).

[2]) Тамъ же.

[3]) Никоновская лѣтопись передаетъ разсказъ объ этихъ событіяхъ по своему тверскому источнику, но, вплетая его отрывки въ сводъ иного матеріала, построила изложеніе, которое вызываетъ большія сомнѣнія. Если слѣдовать этому изложенію, то можно представить дѣло такъ, что Всеволодъ получилъ Тверское княженіе тотчасъ послѣ кончины кн. Константина и до прибытія въ Орду кн. Василія Михайловича; однако, лѣтописецъ самъ даетъ понять, что порядокъ событій сбитъ въ его изложеніи; онъ сообщаетъ о поѣздкѣ въ Орду князя Василія съ замѣчаніемъ: „а тогда въ Ордѣ бысть преже его (вар.: сего) братаничъ его князь Всеволодъ Александровичъ Холмъскій, и даде ему царь Тверское княженіе“; а черезъ нѣсколько строкъ, разсказавъ о нападеніи Всеволода на Василія у Бездежа, поминаетъ печаль

между князьями; ихъ раздоры создавали «людемъ тверскимъ тягость», такъ что «мнози люди тверскіе того ради нестроенія разыдошася», а между князьями «мало кровопролитіа не бысть» [1]). Помимо соперничества дяди съ племянникомъ изъ за старшаго стола, отношенія должны были еще болѣе обостриться на томъ же вопросѣ—о степени самостоятельности удѣльнаго князя отъ великокняжеской власти, разъ эта власть попала въ руки племянника, а дядя вынужденъ ограничиться Кашинскимъ удѣломъ. Но Всеволодъ и года не удержался на Тверскомъ великомъ княженіи. Тверская смута закончилась полюбовнымъ соглашеніемъ князей при посредничествѣ тверского епископа Ѳеодора, и «Всеволодъ Александровичъ съступися великого княженія Тверьского дядѣ своему князю Василію Михайловичю» [2]). Въ такомъ исходѣ ихъ раздора можно видѣть результатъ измѣненія московской политики: епископъ Ѳедоръ былъ тѣсно связанъ съ митрополіей—участницей этой политики [3]), а вскорѣ за примиреніемъ тверскихъ князей произошли семейныя событія, которыя закрѣпляли сближеніе Василія Михайловича съ Москвой, а Всеволода—съ Литвой. Литовскій великій князь Ольгердъ женился на сестрѣ Всеволода—княжнѣ Ульянѣ, а в. к. Симеонъ выдалъ дочь за Васильевича Михаила [4]). Съ этой поры

князя Василія на Всеволода, „даде бо ему Чянибѣкъ все княженіе Тверское“. Дѣло было явно предрѣшено въ Ордѣ противъ кн. Василія Михайловича, разъ онъ былъ ограбленъ Всеволодомъ при участіи ханскаго посла, но формальное рѣшеніе этого дѣла оттянулось на годъ съ лишкомъ, когда князь Всеволодъ „прiиде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и съ великою честію и съ нимъ посолъ“, а князь Василій „прiиде изо Орды въ Кашинъ“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 220).

[1]) Вся эта тверская смута извѣстна намъ только по отрывочному пересказу Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 218—220), но пересказъ этотъ, несомнѣнно, восходитъ къ ея тверскому источнику, до насъ недошедшему. Остальные своды—о ней вовсе умалчиваютъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 221: „и тако сяде на великомъ княженiи князь Василей Михайловичъ... и укрѣпишася межи собя крестнымъ цѣлованіемъ въ единомыслiи и въ совѣтѣ и въ единствѣ жити; и прiѣхавъ въ Тверь князь великiй Василей Михайловичъ на великое княженіе и нача жити съ братаничемъ своимъ со княземъ Всеволодомъ Александровичемъ холмъскимъ тихо и кротко и мирно и въ любви мнозѣ; и поидоша къ нимъ людiе отовсюду во грады ихъ и во власти и во всю землю Тверьскую и умножишася людiе, и возрадовашеся радостiю великою“. Это риторическое заключеніе разсказа о смутѣ—мало отвѣчало дѣйствительности, такъ какъ миръ и любовь князей продолжались весьма недолго: можно видѣть въ немъ черту современной тверской записи.

[3]) Владыка Ѳедоръ позднѣе—надежный сторонникъ митр. Алексѣя (П. С. Р. Л., т. X, стр. 230—231); вѣроятно этимъ объясняется ошибочное появленіе его имени въ перечнѣ епископовъ поставленія митр. Алексѣя, какой даетъ житіе святого митрополита: П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27; т. XVIII, стр. 120 и 121 (прим.: изъ Троицкой лѣтописи).

[4]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 221—222. Бракъ княжны Ульяны Александровны съ в. к. Ольгердомъ состоялся съ разрѣшенія в. к. Симеона, но едва ли правильно

кашинская линія тверскихъ князей постоянно тянетъ къ Москвѣ, какъ холмская—къ Литвѣ.

Внѣшнія вліянія и трудное положеніе между двумя сильными сосѣдями неизбѣжно осложняли внутреннія отношенія Тверского княжества. Стремленіе обезпечить самостоятельность требовало сохраненія единства его силъ. Эта острая потребность поддерживала формальное «одиначество» тверскихъ князей, какое видимъ въ формулѣ тверскихъ грамотъ, но непримиримый раздоръ двухъ линій княжого дома подрывалъ основы этого одиначества и только укрѣплялъ тенденцію къ иной формѣ объединенія тверской силы—къ усиленію великокняжеской власти.

Василій Михайловичъ вернулся на столъ Тверского великаго княженія; получилъ и ханскій ярлыкъ [1]); и тотчасъ возвращается онъ къ пріемамъ великокняжескаго управленія брата Константина: «и нача братанича своего князя Всеволода Александровича холмскаго обидѣти чрезъ докончаніе и бояръ его и слугъ его тягостью данною оскорбляти» [2]). При явной поддержкѣ Москвы и покровительствѣ хана в. к. Василій смирилъ племянника и привелъ его въ свою волю. Попытка Всеволода воззвать къ суду митрополита Алексѣя «о своихъ обидахъ, что ся ему учинило чрезъ докончаніе» привела только къ болѣе тѣсному соглашенію великихъ князей московскаго и тверского «по митрополичу слову» [3]). Пытался князь Всеволодъ съѣздить въ Орду съ жалобой хану, но тверскіе пути были въ рукахъ враждебнаго дяди, а на Переяславль не пустили его намѣстники в. к. Ивана Ивановича; пришлось пробираться окольными путями черезъ Литву. В. к. Василій предупредилъ хана встрѣчными жалобами на племянника, и ордынскія власти «безъ суда выдали» ему князя Всеволода. «И бысть князю Всеволоду Александровичю отъ дяди его князя Василія Михайловича том-

---

видѣть въ этомъ проявленіе великокняжеской власти: рѣчь шла о замужествѣ его своячницы, какъ при женитьбѣ кн. Любарта Гедиминовича на ростовской княжнѣ—о замужествѣ его племянницы. Характерно въ этомъ извѣстіи другое: нѣтъ упоминанія о согласіи родного дяди, тверского великаго князя Василія Михайловича.

[1]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 223: Никоновская лѣтопись сообщаетъ подъ 6860/1351—2 г., что „ко князю Василью Михайловичю Тверьскому пріиде изо Орды отъ царя посолъ Ахметъ и привезе ему ярлыкъ на его имя". А.В. Экземплярскій (т. II, стр. 481) замѣчаетъ, что это „любезность со стороны хана, трудно объяснимая": но эта „любезность" можетъ быть понятна въ связи съ защитой русскаго улуса противъ наступленія литовской силы.

[2]) П. С. Р. Л., т. X стр. 223. Никоновская лѣтопись объясняетъ поступки в. к. Василія Михайловича „негодованіемъ" его на племянника за „Бездежскій грабежъ"; но и грабежъ этотъ былъ вызванъ раздоромъ изъ-за сбора дани и притѣсненія удѣльныхъ бояръ и слугъ великимъ княземъ.

[3]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 229: въ 1357 г. князь Всеволодъ и в. к. Василій съ епископомъ Ѳедоромъ ѣздили къ митрополиту во Владиміръ, „и много быша межи ихъ глаголаніа, но конечный миръ и любовь не сотворися".

леніе веліе, также и боярамъ его и слугамъ, и продажа и грабленіе веліе на нихъ, также и черным людемъ данная продажа велія» [1]).

III.

Положеніе дѣлъ въ Тверскомъ княжествѣ измѣнилось со смертью в. к. Ивана Ивановича въ 1358 г. Въ малолѣтство в. к. Дмитрія ослабѣла сила Москвы, опора в. к. тверского Василія, и усилился литовскій напоръ на восточную Русь. Князь Всеволодъ ѣдетъ въ Литву къ зятю своему Ольгерду.

Больше, чѣмъ когда либо приходилось тверскому великому князю считаться—въ этотъ моментъ—съ силой литовскаго вліянія въ Тверской землѣ. Князь Всеволодъ вернулся въ Тверь одновременно съ пріѣздомъ туда Романа, поставленнаго, по требованію в. к. Ольгерда, константинопольскимъ патріархомъ на западно-русскую митрополію. Неудачный пріѣздъ Романа на Тверь имѣлъ цѣлью перетянуть тверское духовенство на литовскую сторону [3]), но покушеніе это разбито противодѣйствіемъ в. к. Василія и епископа Ѳедора; однако, Романъ гостилъ «во властяхъ тверскихъ, потребное пріемля отъ князей и отъ бояръ тверскихъ и отъ другихъ нѣкихъ», а князь Всеволодъ ему «многу сотвори честь и дары даде» и «паки повелѣ его проводити въ Литву съ честію» [2]); есть извѣстіе, что митр. Романъ былъ родственникомъ князя Всеволода [3]). Въ тотъ же пріѣздъ князь Всеволодъ «взя миръ и любовь съ братьею своею», причемъ они «раздѣлишася волостьми», а князь великій Василій Михайловичъ, дядя ихъ, «треть (трети?) ихъ отчины отступился» [4]). Извѣстіе это даетъ только глухой намекъ на

---

[1]) Пл. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византіи“, стр. 387—388) полагаетъ, что м. Романъ пріѣзжалъ по зову кн. Всеволода „третейскимъ судьей“ между нимъ и в. к. Василіемъ и удачно примирилъ ихъ; но это вовсе не вяжется ни съ тѣмъ, что не в. к. Василій принималъ его, а только Всеволодъ, ни съ поведеніемъ еп. Ѳедора.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 231. Ср. Голубинскаго, Исторія Русской Церкви, т. II, первая половина, стр. 182—185.

[3]) Ср. Голубинскаго, указ. соч., стр. 185: цитата изъ „Византійской Исторіи“ Никифора Григоры—Романъ „родственникъ по женѣ свояка королева“.—

[4]) П. С. Р, Л., т. X, стр. 231: „того же лѣта (6868—1360) князь Всеволодъ Александровичь холъмской пріиде изъ Литвы и взя миръ и любовь з братьею своею, и князь Василей Михаиловичь, дядя ихъ, треть ихъ отчины отступился, и раздѣлишася волостьми“. Текстъ этотъ вызываетъ не малыя затрудненія. Съ наибольшимъ вниманіемъ отнеслись къ нему В. С. Борзаковскій и А. В. Экземплярскій. Борзаковскій (Исторія Тверского княжества, стр. 137) пишетъ: „Выходитъ, какъ будто и другіе племянники Васильевы были въ ссорѣ со Всеволодомъ. Однако едва ли братья Всеволода держали сторону дяди: имъ не было выгоды поддерживать и усиливать кашинскаго князя. Въ такомъ случаѣ, значитъ, что онъ и его двоюродные братья, всѣ вмѣстѣ, помирились съ Василіемъ, тѣмъ болѣе что далѣе говорится, что дядя уступилъ треть ихъ отчины. Василій Михайловичъ уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины, т. е. треть самой Твери, а себѣ удержалъ двѣ трети, должно быть, на ста-

происшедшее и съ трудомъ поддается комментарію, такъ какъ фактическихъ данныхъ для него мы не имѣемъ. Но, кажется, слѣдуетъ признать, что злоключенія Всеволода подорвали его одиначество съ братьями, что в. к. тверской Василій захватилъ и затѣмъ вернулъ часть ихъ вотчинныхъ владѣній («трети» ихъ отца), и что при новомъ полюбовномъ докончаніи князя Всеволода съ братьями произошелъ между ними «раздѣлъ волостьми» [1]).

рѣйшій путь. Теперь всѣ тверскіе князья помирились и раздѣлились волостьми", и добавляетъ въ скобкахъ: „если сказано, что раздѣлились волостьми, то это намекаетъ какъ будто на то, что у племянниковъ были отняты удѣлы, чего однако не видать". Въ примѣчаніи 623 Борзаковскій ссылается въ подтвержденіе, что рѣчь идетъ о „трети Твери" (города) на извѣстіе Троицкой лѣтописи (Карамзинъ, т. V, примѣч. 213 и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 282) о томъ, какъ въ 1408 г. кн. Юрій Всеволодовичъ, сынъ Всеволода Александровича, добивался „Кашина да третьей части Твери"; однако въ приложеніи № 4 (стр. 266), сопоставляя это извѣстіе съ текстомъ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 480), гдѣ нѣтъ рѣчи о „трети Твери", а сказано, что ханъ далъ Юрію „Кашинъ и десять волостей тверскихъ", Борзаковскій признаетъ оба извѣстія о притязаніяхъ кн. Юрія столь темными, „что никакого опредѣленнаго вывода кажется сдѣлать нельзя, кромѣ одного, что Юрій Всеволодовичъ требовалъ какой то доли, какой то части изъ Тверского княжества". Экземплярскій принимаетъ толкованіе „трети" извѣстія 1360 г. какъ трети города Твери, и поясняетъ, что „Всеволодъ тѣсно сплотившись съ родичами, другими удѣльными князьями, могъ внушать Василію даже нѣкоторый страхъ, вотъ почему послѣдній и треть Твери отдалъ племянникамъ и между волостями сдѣлалъ болѣе строгія разграниченія" (указ. соч., т. II, стр. 544). Оба изслѣдователя считаютъ нелѣпымъ усматривать въ „трети" нашего текста — „третью часть всего княжества тверскаго" (Борзаковскій — примѣч. 623; Экземплярскій — стр. 544, примѣч. 1742). А, между тѣмъ, слѣдуетъ предпочесть такое чтеніе: „трети, ихъ отчины, отступился" (въ рукописи П., основного списка Никоновской лѣтописи, на л. 338: трет, съ т во взметѣ, что въ изданіи передано какъ треть, но могло быть прочитано и какъ „трети") и такое пониманіе текста: рѣчь идетъ о докончаніи кн. Всеволода съ родными братьями, причемъ указано, что в. к. Василій отступился въ пользу князей Александровичей „трети" — доли ихъ отца въ общей тверской отчинѣ, какъ ихъ отчины. При такомъ пониманіи текста — передъ нами примѣръ частичнаго „удѣльнаго передѣла", какой, по другимъ поводамъ, знаютъ и московскія духовныя грамоты; но и тутъ — цѣль передѣла возстановить первоначальное соотношеніе единицъ владѣнія общей отчиной по удѣламъ. Послѣ такого передѣла, князья „раздѣлишася волостьми"; полагаю, что это особый актъ, а не тотъ же передѣлъ между в. к. Василіемъ и его племянниками: строеніе текста заставляетъ связать раздѣлъ съ полюбовнымъ докончаніемъ братьевъ Александровичей, а не съ выдѣломъ въ ихъ общую пользу уступки великаго князя; это они между собой „раздѣлишася волостьми". Не къ чему предполагать съ Борзаковскимъ, что в. к. Василій лишалъ племянниковъ ихъ владѣній, но текстъ этотъ, дѣйствительно, содержитъ явный намекъ на какіе-то его захваты за счетъ отчины племянниковъ.

[1]) Только съ 60-хъ г.г. XIV вѣка выступаютъ въ исторіи Тверского княжества холмскій и микулинскій князья, какъ отдѣльныя политическія единицы. Бурныя событія борьбы князя Всеволода Александровича съ в. к. тверскимъ Василіемъ Михайловичемъ извѣстны намъ только по пересказу въ Никоновской лѣтописи ея тверского источника. Дошедшіе до насъ списки особой редакціи тверскаго лѣтопис-

IV.

Разрушительное вліяніе наслѣдственности удѣловъ, т. е. ихъ превращенія въ вотчинныя княженія особыхъ линій княжескаго дома, на княжое одиначество, сказалось въ Тверской землѣ много сильнѣе и ярче, чѣмъ въ Московской. Одиначество братьевъ Михайловичей Ярославича смѣняется по смерти в. к. Александра ожесточенной борьбой двухъ линій княжого дома, а въ этой борьбѣ сочетаются два мотива: столкновеніе тверской великокняжеской власти съ мѣстной удѣльно-княжеской независимостью и соперничество линій княжеской династіи въ отчинныхъ правахъ на Тверь. Первый изъ этихъ мотивовъ далъ поводъ къ раздорамъ, но холмско-микулинскіе князья сразу переходятъ отъ самообороны къ наступленію и разрушаютъ всякую возможность компромисса въ пользу договорнаго одиначества тверскихъ княжескихъ силъ рѣшительнымъ домогательствомъ великаго княженія тверского съ поддержкой сперва въ московскихъ, затѣмъ въ литовскихъ связяхъ и отношеніяхъ. Ихъ вызвала на то прямолинейная великокняжеская властность дядей Константина и Василія—исходный пунктъ внутренняго разложенія тверской силы, но сыновья в. к. Александра Михайловича выдвигаютъ противъ нарушенія своихъ княжескихъ правъ—не только защиту

наго свода — Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XV) и Рогожскій лѣтописецъ (отпечатанный для второго изданія XV-го тома, но въ свѣтъ еще не вышедшій) не сохранили ихъ изложенія. А Никоновская лѣтопись переработала свой источникъ въ духѣ столь для нея характернаго генеалогическаго интереса. Для нея тверскіе князья — предки удѣльныхъ князей-княжатъ, и она подчеркиваетъ на каждомъ шагу, что Василій—кашинскій, Всеволодъ—холмскій. Такъ при сообщеніи о первомъ же ихъ столкновеніи — П. С. Р. Л., т. X, стр. 218; такъ, особенно показательно для этой черты ея редакціонной работы—при сообщеніи объ ихъ примиреніи, гдѣ находимъ особое поясненіе этого „удѣльнаго“ комментарія къ княжескимъ именамъ: „того же лѣта Ѳеодоръ, владыка Тверскій, введе въ миръ и въ любовь князя Василія Михайловича кашинскаго съ великимъ княземъ Всеволодомъ Александровичемъ тверскимъ... И тако Всеволодъ Александровичь съступисѧ великого княженія Тверьскаго дядѣ своему князю Василію Михайловичю кашиньскому, се бо быша ихъ удѣлы: князя Василіа Михайловича Кашинъ, а князя Всеволода Александровича Холмъ. И тако сяде на великомъ княженіи во Твери князь Василей Михайловичь кашинскій, внукъ Ярославовъ, правнукъ Ярославовъ, праправнукъ Всеволожь, праправнукъ Юрья Долгорукаго“ (т. X, стр. 221). До 1360 г. никто изъ братьевъ Всеволода не выступаетъ въ самостоятельной роли рядомъ съ нимъ. Первое извѣстіе о владѣтельномъ князѣ микулинскомъ Михаилѣ Александровичѣ—подъ 1362 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2. Не знаемъ, какими „волостями“ владѣли младшіе Александровичи — Владиміръ и Андрей; ихъ ранняя кончина въ моровую язву 1364—1365 годовъ лишила этотъ вопросъ интереса для составителей лѣтописныхъ сводовъ, тѣмъ болѣе, что оба князя не оставили потомства. Тогда же умеръ и Всеволодъ Александровичъ, о которомъ послѣ изложенныхъ перепетій его жизни болѣе нѣтъ упоминаній. На первый планъ выступаетъ вмѣсто него—еще при его жизни—даровитый братъ его, микулинскій князь Михаилъ.

обычнаго «докончанія» младшихъ князей со старшими, но и свое вотчинное притязаніе на столъ Тверского княженія. Это ихъ притязаніе получило сильную и глубокую опору въ популярности среди тверского общества мечты объ освобожденіи отъ татарскаго ига съ помощью великаго княжества Литовскаго. Героемъ этихъ тверскихъ мечтаній сталъ братъ Всеволода Александровича, микулинскій князь Михаилъ, который сталъ опасенъ для дяди Василія, повидимому, еще при жизни брата Всеволода, а послѣ его кончины становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ тверской исторической драмы [1]). Шла въ Твери борьба за свою мѣстную великокняжескую власть и за ея усиленіе, а питалась она неумиравшимъ стремленіемъ вырвать изъ московскихъ рукъ великорусское великое княженіе и отбиться заразъ отъ московскаго засилья и татарскаго владычества.

Въ этой борьбѣ за большія задачи гибло владѣніе общей отчиной по удѣламъ, гибло княжое семейно-вотчинное одиначество. По смерти Всеволода Александровича и двухъ младшихъ Александровичей, ихъ отчина распалась на двѣ вотчины— холмскую и микулинскую, между которыми не видно какой либо связи. Холмское княжество осталось за сыновьями Всеволода—Иваномъ и Юріемъ [2]). О князѣ Иванѣ Всеволодовичѣ знаемъ только, что онъ въ 1397 г. «сложилъ крестное цѣлованіе» къ дядѣ своему, тверскому великому князю Михаилу Александровичу и отъѣхалъ въ Москву къ в. к. Василію Дмитріевичу, который принялъ его съ честью, далъ ему городъ

---

[1]) Книжникъ, сторонникъ и почитатель князя Михаила Александровича, составилъ его біографію-панегирикъ, которая дошла до насъ въ составѣ Тверской лѣтописи. Тутъ ясно высказаны оба мотива, какіе обосновывали для сторонниковъ этого князя его права противъ дяди. Михаилъ Александровичъ, какъ сынъ старшаго брата въ семьѣ в. к. Михаила Ярославича, „воспріа“ столъ великого княженія тверского, какъ „отечествіе свое“ и сѣлъ „на столѣ дѣднѣ и отчи“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 469—470); супруга в. к. Василія Михайловича предвидитъ исходъ борьбы враждующихъ линій княжого дома: „яко сынове наши изгнани будутъ“. Такъ въ представленіи книжника-современника борьба идетъ не за старшинство дяди надъ племянникомъ по какимъ либо родовымъ счетамъ: в. к. Василій и княгиня Елена видятъ въ возможной побѣдѣ князя Михаила изгнаніе изъ Твери, съ великаго княженія, своихъ сыновей — борьба идетъ между княжескими линіями за отчинное право на столъ тверского великаго княженія. На сторонѣ Михаила, по словамъ книжника-біографа, тверское общество: „вси сынове тверстіи прилагахуся къ нему и храбри служаху ему“ въ увѣренности „яко симъ хощетъ Богъ свободити люди своа отъ великыя нужа иноплеменникъ“ (тамъ же, ст. 468).

[2]) А. В. Экземплярскій признаетъ Юрія—старшимъ (т. II, стр. 545), слѣдуя, очевидно, генеалогическимъ перечнямъ XVI в. („Временникъ“, т. X, стр. 50; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245), что, однако не согласуется съ лѣтописными извѣстіями объ этихъ князьяхъ: Иванъ Всеволодовичъ выступаетъ дѣятельнымъ княземъ съ 1397 г., а Юрій—только по смерти брата (Иванъ умеръ въ 1402 г.). Перестановка ихъ именъ въ родословцахъ XVI в., можетъ быть, понятна: Иванъ умеръ бездѣтнымъ, отъ Юрія пошли князья Холмскіе.

Торжокъ и выдалъ за него сестру свою Анастасію; вскорѣ великій князь послалъ его княземъ-намѣстникомъ въ Псковъ; а по смерти тверского великаго князя Михаила, Иванъ Всеволодовичъ «сослался» съ его сыномъ, в. к. Иваномъ Михайловичемъ и вернулся по «докончанію» съ нимъ въ Тверь «со княгинею своей и бояры» [2]). Характерно, что Иванъ Всеволодовичъ не причастенъ къ спору в. к. Ивана Михайловича съ братьями и племянникомъ изъ за сложенія крестнаго къ нимъ цѣлованія великокняжескими боярами: оно касалось только семьи в. к. Михаила Александровича, а Всеволодовичи холмскіе и такъ внѣ того одиначества, которое скрѣплялось этимъ крестоцѣлованіемъ; видно, что и цѣль его была закрѣпить вѣрность великокняжескаго тверского боярства за потомствомъ в. к. Михаила мимо боковыхъ линій тверского княжескаго рода. Года черезъ два князь Иванъ Всеволодовичъ скончался (1402 г.) на своемъ холмскомъ княженіи бездѣтнымъ, «а отчину свою приказа великаго князя сыну князю Александру Ивановичу», что однако не помѣшало его брату Юрію быть, послѣ его смерти, владѣтельнымъ княземъ: только зимою 1404-1405 г. онъ «отъѣхалъ со Твери на Москву» и сложилъ крестное цѣлованіе къ в. к. Ивану Михайловичу, который пытался затѣмъ помириться съ нимъ и призывалъ его вернуться къ «дому святого Спаса» и жить «на предѣлѣ отца своего». Обычное толкованіе «приказанія» отчины Ивана Всеволодовича великокняжескому сыну Александру, какъ завѣщательнаго распоряженія его въ пользу этого князя и въ обходъ вотчинныхъ правъ брата Юрія,—не соотвѣтствуетъ подлинному смыслу нашихъ источниковъ [3]). Нѣтъ у насъ и данныхъ для разъя-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 167; первая жена князя Ивана—нижегородская княжна, дочь князя Бориса Константиновича, умерла въ 1395 г. (т. XI, стр. 162).

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 171 и 183.

[3]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 131; т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 187. Кромѣ этого извѣстія, нѣтъ никакихъ указаній на какое-либо ближайшее отношеніе кн. Александра Ивановича къ холмскому княжеству, которымъ и сыновья его не владѣли. Послѣ брата Ивана—на холмскомъ княженіи князь Юрій Всеволодовичъ, затѣмъ его сынъ Дмитрій, упоминаемый въ числѣ владѣтельныхъ тверскихъ князей въ договорныхъ грамотахъ тверского в. к. Бориса Александровича съ в. к. всея Руси Василіемъ Васильевичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76 и 77); отъ этого Дмитрія и пошли князья Холмскіе—московскіе (великокняжескіе) княжата. Однако, С. М. Соловьевъ понялъ дѣло такъ, что „Иванъ Всеволодовичъ Холмскій... мимо родного брата Юрія отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя Александру“ („Ист. Россіи“, кн. I, ст. 1026); В. С. Борзаковскій полагаетъ, что Иванъ Всеволодовичъ „не могъ распоряжаться своимъ удѣломъ какъ хотѣлъ; по крайней мѣрѣ, умирая онъ отказалъ свой удѣлъ не брату своему Юрію, а сыну в. князя, Александру Ивановичу“; хотя Борзаковскій приводитъ мнѣніе Арцыбашева („Повѣствованіе о Россіи“, т. II, стр. 156 и примѣчаніе 1119), что кн. Иванъ Всеволодовичъ поручилъ свой удѣлъ опекѣ князя Александра, какъ „душеприказчика“, а также рядъ текстовъ, указывающихъ на именно такое значеніе термина „приказа“, но полагаетъ, что, если и такъ, то кн. Александръ „конечно удержалъ эту отчину за собой“ („Ист. Тверского княже-

сненія, почему холмскій князь приказалъ свою отчину не великому князю, а его сыну. Но общій смыслъ свершеннаго—свидѣтельствуетъ о значительномъ усиленіи тверской великокняжеской власти. В. к. Михаилъ Александровичъ закрѣпилъ эту власть за своей семьей: великокняжескіе бояре цѣловали, по его грамотѣ, крестъ его сыновьямъ и внуку. Боковыя линіи тверского княжого дома внѣ этого великокняжескаго одиначества членовъ микулинской линіи, добившейся старѣйшинства на Твери. Холмскій князь не выдержалъ властной политики дяди, великаго князя, отъѣзжалъ въ Москву, гдѣ былъ въ положеніи служебнаго князя при великомъ князѣ всея Руси, а по смерти тверского великаго князя Михаила вернулся на свое холмское княжество по «докончанію» съ его сыномъ, в. к. Иваномъ, очевидно—смирившись передъ тверскимъ великокняжескимъ засильемъ надъ младшею братьею, князьями Тверской земли. Актомъ этого смиренья былъ и предсмертный «рядъ» князя Ивана Всеволодовича. Низведенный до положенія князя подручника, онъ долженъ былъ признать великое княженіе на Твери за Иваномъ Михайловичемъ и за его сыномъ Александромъ и отдать свою отчину подъ властную опеку послѣдняго. Такимъ надо представить себѣ положеніе Холмскаго княжества, когда оно перешло къ князю Юрію Всеволодовичу. Юрій не смогъ примириться съ этимъ положеніемъ и въ 1404—1405 г., опасаясь захвата великимъ княземъ Иваномъ, бѣжалъ въ Москву, а черезъ два года поднялъ споръ съ в. к. Иваномъ въ Ордѣ, добиваясь крупной доли въ тверской отчинѣ, а не только холмскаго княженія, и сошелъ съ исторической сцены невѣдомо какъ: наши лѣтописи не сохранили свѣдѣній о его конечной судьбѣ [1]). Съ нимъ угасло стремленіе холмскихъ отчичей къ само-

---

ства", стр. 177 и примѣч. 840). Борзаковскій пытается разрѣшить затрудненіе заявленіемъ, что „конечно Иванъ не могъ отказать всего Холма, а только часть его" (стр. 177), и тоже предположеніе принялъ А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 547). Однако, гдѣ основанія для признанія такого раздѣла между братьями Всеволодовичами холмскими? Еще очевиднѣе невозможность обычнаго толкованія такого „приказанія", какъ передачи по завѣщательному распоряженію вотчины мимо наслѣдника, относительно текста, гдѣ говорится о томъ, какъ князь Семенъ Константиновичъ дорогобужскій „отчины своея удѣлъ и княгиню свою приказа князю Михаилу Александровичу" (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4), такъ какъ, при такомъ толкованіи, приходится одному и тому же сказуемому придавать два рѣзко различныхъ значенія по отношенію къ подлежащимъ—„удѣлъ" и „княгиня". Распоряженія князей—Ивана холмскаго и Семена дорогобужскаго аналогичны, напримѣръ, тому, какъ князь Владиміръ Андреевичъ, благословляя своихъ сыновей серпуховской вотчиной, приказалъ ихъ в. к. Василію Дмитріевичу (С. Г. Г. и Д., т. I, № 40); вѣроятно, что краткое упоминаніе поздняго лѣтописнаго свода слѣдовало бы дополнить, по аналогіи съ извѣстіемъ о „рядѣ" Семена дорогобужскаго, такъ, что кн. Иванъ Всеволодовичъ „брата своего и отчину свою приказа великаго князя сыну князю Александру Ивановичу".

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 132, и т. VIII, стр. 77—краткое извѣстіе объ отъѣздѣ князя Юрія съ Твери на Москву („отъѣха" Воскр.; „бѣжа" Соф. II); дальнѣйшихъ

стоятельному княжому значенію. Юрьевичъ Дмитрій только упомянутъ въ числѣ «молодшей братьи» тверского великаго князя—въ договорныхъ грамотахъ в. к. Василія Васильевича съ тверскимъ в. к. Борисомъ Александровичемъ. А его сыновья—и вовсе сошли на положеніе служилыхъ княжатъ: Даніилъ на службѣ у в. к. Ивана III, а Михаилъ, при тверскомъ в. к. Михаилѣ Борисовичѣ покорный «братъ молодшій», склонился передъ Москвою послѣ бѣгства своего «брата старѣйшаго» въ Литву [1]).

извѣстій о князѣ Юріи эти своды не даютъ. Тверская лѣтопись сохранила два сообщенія (изъ двухъ разныхъ источниковъ) о судьбахъ Юрія, подъ 6915 г.: „того же лѣта поиде со Тфери князь Юрій Всеволодичь на Москву и съ Москвы поиде въ Орду, подмолви его Романъ Скудинъ“; поѣхалъ въ Орду и в. к. Иванъ Михайловичъ, и власти ордынскія „судивъ Ивана съ Юріемъ, обиниша Юріа, и Юрій бѣжа Азтороканю, а князь великій Иванъ пріиде съ великою честію въ Тферь, въ свое отечествіе“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 473); а ниже (ст. 478) болѣе обстоятельно, въ книжнически-литературной обработкѣ, повѣствуется, какъ князь Юрій „уже третіе лѣто“ былъ въ Москвѣ, и князь Иванъ тщетно звалъ его вернуться къ „дому св. Спаса“, предлагая въ обидахъ третейскій судъ еп. Арсенія и отцовскихъ бояръ обоихъ князей; но кн. Юрій поѣхалъ въ Орду, а за нимъ и в. к. Иванъ, который пробылъ въ Ордѣ „немного же дни“, совершивъ всю поѣздку въ 6 (въ лѣтописи: 5): мѣсяцевъ—выѣхалъ изъ Твери 21 іюля, а вернулся 24 января; далѣе (ст. 480) читаемъ, безъ сообщенія о новой поѣздкѣ в. к. Ивана, что онъ зимовалъ въ Ордѣ, а затѣмъ прибылъ въ Тверь (въ виду возвращенія его къ концу января, можетъ быть, имѣемъ въ этомъ текстѣ отраженіе того же самаго источника), а весной прибылъ въ Москву князь Юрій съ ханскимъ посломъ Мамантъ Дербышемъ; этотъ посолъ отправился въ Тверь съ требованіемъ для кн. Юрія, по ханскому пожалованію, Кашина и десяти волостей тверскихъ; однако, в. к. Иванъ потребовалъ новыхъ сношеній съ ханомъ, ссылаясь на то, что ему „ярлыкъ царевъ данъ на всю землю тверскую и самъ Юрій въ ярлыцѣ царемъ данъ (ему) есть“, а для выполненія царева ярлыка и съ нимъ пришелъ царевъ посолъ; изложеніе не доведено до конца, прерываясь на упоминаніи о новой поѣздкѣ Юрія въ Орду, но дальнѣйшее было въ Тверской сообщено ранѣе (ст. 473). Отрывокъ Троицкой лѣтописи (въ цитатѣ Карамзина—„Ист. Гос. Росс.“, т. V, прим. 213, и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 282) иначе опредѣляетъ домогательство князя Юрія: „Кашина да третьей части Тфери“. Вѣроятно, что это домогательство какъ либо да обосновывалось, но его основанія нигдѣ не упомянуты въ нашихъ источникахъ. По содержанію, кажется, правильнѣе признать параллелизмъ терминовъ: „десять волостей тверскихъ“ и „третья часть Тверя“ не случайнымъ и отказаться отъ попытки (см. Борзаковскаго „Ист. Тверскаго княжества“, стр. 264—266) усмотрѣть въ этой „третьей части“—треть города Твери. Скорѣе можно представить себѣ дѣло такъ, что кн. Юрій, опираясь на Москву, добивался Кашинскаго княженія, усиленнаго рядомъ волостей, по аналогіи съ третями первыхъ удѣльныхъ князей на тверской вотчинѣ—сыновей в. к. Михаила Ярославича. Никоновская лѣтопись вовсе иначе освѣтила все дѣло; по ея изложенію, кн. Юрій пошелъ въ Орду „піца великаго княженіа тверскаго подъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ тверскимъ“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 198), о чемъ и былъ имъ судъ передъ ханомъ, который, по рѣшенію „всѣхъ князей ордынскихъ“ „оправилъ“ в. к. Ивана и отпустилъ его съ честью, „а князь Юрьи Всеволодичь тамо въ Ордѣ остася“ (стр. 202).

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76—77 и 119—120.

XI.

Младшая линія потомковъ тверского великаго князя Александра Михайловича укрѣпила за собой великокняжескую власть и быстро разрушила притязанія старшей, холмской линіи на самостоятельное княжое значеніе. Еще раньше опредѣлилось такое-же захуданіе дорогобужскихъ потомковъ в. к. Константина Михайловича. Не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній о «рядѣ» в. к. Михаила Ярославича, историки полагаютъ, что значеніе Дорогобужа какъ отчины Константиновичей основано на установленіяхъ этого «ряда» [1]).

Исторія Дорогобужскаго княжества открывается извѣстіемъ о смерти второго изъ сыновей в. к. Константина: князь Семенъ Константиновичъ погибъ отъ моровой язвы 1364—1365 года, «а отчины своея удѣлъ и княгиню свою приказа князю Михаилу Александровичу». Изъ за этого удѣла князя Семена началось «розмирье» между княземъ Михаиломъ и старшимъ Константиновичемъ, дорогобужскимъ княземъ Еремѣемъ, котораго поддержалъ и великій князь, ихъ дядя Василій Михайловичъ, опасавшійся усиленія кн. Михаила Александровича. Князья обратились къ третейскому суду митрополита Алексѣя, а судилъ ихъ «по митрополичью благословенію и повелѣнію» тверской епископъ Василій—«и оправилъ князя Михаила Александровича» [2]). Надо полагать, что в. к. Константинъ подѣлилъ Дорогобужскій удѣлъ между сыновьями, но точнѣе этотъ раздѣлъ намъ неизвѣстенъ; имѣемъ только одно указаніе, что Градокъ, отнятый въ 1368 г. в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ у тверского великаго князя Михаила, былъ частью удѣла князя Семена [3]). Свой удѣлъ дорогобужской отчины князь Семенъ оставилъ женѣ [4]), «приказавъ» ее и ея владѣніе в. к. Михаилу [5]). Можно усматривать въ этомъ актѣ фактическій захватъ Городка

---

[1]) В. С. Борзаковскій, Исторія Тверскаго княжества, стр. 57; А. В. Экземплярскій, т. II, стр. 516.

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4 и 6.

[3]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10, 11—12. Никоновская лѣтопись даетъ на стр. 4 правильную формулу: „отчины своеа удѣлъ“, но затѣмъ пользуется такими искаженными выраженіями, какъ: Градокъ — „часть отчины удѣла княже Семенова“ (стр. 10) или „отступился Градка и всеѣ части удѣла княже Семенова“ (стр. 11); въ первомъ выраженіи излишне слово „отчины“, во второмъ надлежало бы либо поставить слово „отчины“ вмѣсто „удѣла“, либо писать — „всего удѣла“. Но въ текстахъ XVI в., какъ и у историковъ XIX в., удѣлъ = отчина, а, по С. М. Соловьеву, и = опричнина.

[4]) Ср. духовную грамоту в. к. Симеона Ивановича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 24).

[5]) Ср. выше — о „приказаніи“ холмскимъ княземъ Иваномъ Всеволодовичемъ своей отчины князю Александру Ивановичу (стр. 204); ср. также П. С. Р. Л., т. XII, стр. 112, о томъ, какъ рязанскій в. к. Иванъ Ѳедоровичъ „княженіе свое рязанское и сына своего Василія приказалъ великому князю Василію Васильевичу на соблюденіе“.

и другихъ пунктовъ князь Семенова удѣла княземъ Михаиломъ; можно утверждать, что онъ не упустилъ послать въ Городокъ своего намѣстника [1]); но нѣтъ основаній видѣть тутъ передачу ему чужого удѣла въ вотчину путемъ владѣльческаго духовнаго завѣщанія. Можно указать предположительно и мотивъ распоряженія князя, умиравшаго бездѣтнымъ: переходъ его отчиннаго удѣла къ вдовѣ-княгинѣ не могъ не вызвать возраженій со стороны брата Еремѣя и не внушать опасеній за прочность ея владѣнія [2]). Безсиліе великокняжеской власти Василія Михайловича передъ восходящей звѣздой популярнаго микулинскаго князя могло побудить князя Семена обратиться къ нему, а не къ тверскому великому князю. Усиленіе микулинскаго князя тревожило не только великаго князя тверского, но и великокняжеское правительство въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ споръ изъ за «ряда» князя Семена былъ разрѣшенъ въ пользу микулинскаго князя, измѣнилось общее политическое положеніе. Митрополитъ Алексѣй и в. к. Дмитрій Ивановичъ успѣшно закончили борьбу съ Дмитріемъ суздальскимъ. В. к. Дмитрій «заложи градъ Москву каменъ»—«и всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, а на тѣхъ нача посегати». Тверской в. к. Василій искалъ опоры въ обновленной великокняжеской власти московскаго князя, и микулинскій князь испыталъ на себѣ одно изъ первыхъ проявленій московскаго «посяганья». Снова поднято дѣло объ удѣлѣ князя Семена. В. к. Василій, сынъ его Михаилъ и дорогобужскій князь Еремѣй Константиновичъ возбудили передъ митрополитомъ жалобу на тверского епископа Василія, «что ихъ судилъ о удѣлѣ княже Семеновѣ не по правдѣ». Князь Михаилъ Александровичъ ушелъ въ Литву, надѣясь тутъ найти помощь противъ московской силы, ставшей на сторону его враговъ. По краткимъ сообщеніямъ Никоновскаго свода [3]) трудно рѣшить, былъ ли этотъ его отъѣздъ въ Литву связанъ съ дѣломъ объ удѣлѣ князя Семена или поводъ былъ иной, напримѣръ—построеніе Михаиломъ на Волгѣ Новаго городка, которое и въ Тверп, и въ Москвѣ должны были понять, какъ приготовленіе въ борьбѣ, а потому—принять какія-либо мѣры, угрожающія для князя Михаила. Во всякомъ случаѣ, разрывъ оказался полнымъ, а

---

[1]) Какъ сдѣлалъ относительно Рязани в. к. Василій Васильевичъ: „на Рязань посла намѣстники своя на соблюденіе и на прочаа грады его и на власти“ (тамъ же).

[2]) С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи“, кн. I, ст. 960) опредѣлилъ поводъ къ тверской борьбѣ тѣмъ, что „Семенъ отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дяди Василія и родного брата Еремѣя Константиновича“; В. С. Борзаковскій („Ист. Тверск. княжества“, стр. 143) также въ „приказаніи“ Семена видитъ „отказъ“ удѣла Михаилу помимо родного старшаго брата Еремѣя Константиновича, такъ что Михаилъ Александровичъ присоединилъ „къ своему удѣлу еще новый удѣлъ“; тоже у А. В. Экземплярскаго (т. II, стр. 483, 480: „владыка Василій... оправилъ Михаила, какъ получившаго удѣлъ Семена по завѣщанію“).

[3]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8.

тверичи проявили достаточно опредѣленно свое сочувствіе микулинскому князю, чтобы навлечь суровую репрессію великихъ князей [1]). Весьма даже вѣроятно, что борьба между князьями Василіемъ и Михаиломъ сразу развернулась въ борьбу за Тверское великое княженіе. Тверичи заперлись въ осаду противъ великихъ князей, пока Михаилъ Александровичъ не вернулся «съ своей ратью» и съ литовской помощью [2]), и пошелъ къ Кашину. До битвы дѣло не дошло. Князья помирились; условія докончанія Михаила Александровича съ Василіемъ кашинскимъ, съ дорогобужскимъ Еремѣемъ и в. к. Дмитріемъ намъ неизвѣстны. Но изъ дальнѣйшихъ извѣстій ясно, что Михаилъ остался (съ осени 1366 г.) великимъ княземъ

---

[1]) Московскій лѣтописный сводъ передаетъ ходъ этихъ событій очень глухо и какъ бы нехотя, многое опуская. Въ его изложеніи явны отраженія тверского источника, проникнутаго тверскими настроеніями, но они отрывочны и смяты. Владыка Василій вызванъ въ Москву „приставомъ митрополичимъ“, какъ обвиняемый, и этотъ московскій судъ стоилъ ему великаго протора, какъ и „житейскимъ людямъ“ во Твери „нужно бысть“ изъ за этого дѣла. В. к. Василій, котораго Никоновская лѣтопись титулуетъ тутъ просто „князь“ и не называетъ „тверскимъ“ (а Михаилъ Александровичъ всегда „Тверской“), какъ будто не сохранилъ Твери въ своихъ рукахъ. Впрочемъ, текстъ очень неясенъ: съ одной стороны, князья Василій и Еремѣй „пріѣхаша во Тверь“—со всей кашинской (не тверской) силой и „многимъ людемъ сътвориша досады безчестіемъ и муками и разграбленіемъ имѣнія и продажею безъ помилованіа“; съ другой, они „къ городу ратью ходиша, привели съ собою и московскую рать князя великаго Дмитрія Ивановича“, но ушли, „градовъ (какихъ? не „града“ ли, т. е. Твери; ср. выше „къ городу“) не вземше“, а только („точію“) повоевали волости и села, и увели большой полонъ. Не слѣдуетъ ли предположить два послѣдовательныхъ момента: прибытіе въ Тверь князя Василія съ кашинской силой для кары тверичей за то, что они признали своимъ великимъ княземъ Михаила (ушедшаго въ Литву за помощью), а затѣмъ походъ подъ Тверь московской и кашинской рати (по изгнаніи князя Василія возставшими тверичами?), причемъ, на этотъ разъ, Твери занять не удалось. Ср. недоумѣнные вопросы А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 487, примѣч. 1453. Повидимому, слѣдуетъ полагать, что тверской источникъ Никоновской лѣтописи говорилъ о в. к. тверскомъ Михаилѣ Александровичѣ и борьбѣ тверичей за него противъ кашинскаго дяди и его московскаго союзника. См. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8—9. Ср. замѣчаніе С. М. Соловьева („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 960—961): „изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемѣна, мы не знаемъ; быть можетъ, она-то и повела къ враждебнымъ столкновеніямъ Михаила съ Москвою“.

[2]) „Тое же осени, мѣсяца Октября 27 (6875 г.), князь Михайло Александровичъ Тверскій пріиде изъ Литвы со своею ратью, и княгиню Еремѣеву, и Василіеву, и бояръ ихъ всѣхъ, также и бояръ и слугъ всѣхъ дяди своего Василіа Михайловича поималъ“; княгини и дворы князей Василія и Еремѣя явно находились въ Твери; сопоставляя это указаніе съ предыдущимъ извѣстіемъ о томъ, какъ князья, придя съ московскою помощью, только раззорили волости и села, а города Твери не взяли,—заключаю, что княгини, бояре и слуги, „поманные“ въ Твери Михаиломъ, и до того были въ рукахъ тверичей, отбившихся отъ московской и кашинской рати.

на Твери, а дядя его Василій вынужденъ удовольствоваться своимъ вотчиннымъ Кашиномъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1368 г. [1]).

Вступивъ на путь борьбы за тверскую великокняжескую власть, вслѣдъ за старшимъ братомъ Всеволодомъ, Михаилъ Александровичъ достигъ цѣли—утвердилъ ее за собой и своимъ потомствомъ. Этимъ предопредѣлялась полная его побѣда надъ дорогобужскимъ Константиновичемъ Еремѣемъ. Отъѣздъ князя Еремѣя въ Москву означалъ призывъ великокняжеской власти Дмитрія Ивановича къ новому вмѣшательству въ тверскія дѣла; возможно, хотя наши поздніе лѣтописные источники о томъ не поминаютъ, что дѣло шло не только о притязаніяхъ дорогобужскаго князя, но и о захватѣ Михаиломъ тверского великаго княженія [2]). В. к. Дмитрій и митр. Алексѣй «зазваша на Москву любовію» князя Михаила, и «бысть ему судъ», а кончилось дѣло «поиманіемъ» его и бывшихъ съ нимъ бояръ. Но прибывшіе въ Москву ханскіе послы «усумнились» о такомъ дѣлѣ, какъ расправа съ княземъ мимо ханской воли, и в. к. Дмитрій отпустилъ Михаила Александровича, «укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ» [3]). Не знаемъ, въ чемъ состояло это крестоцѣловальное докончаніе, кромѣ одного пункта, о которомъ сообщаетъ Никоновская лѣтопись: у князя Михаила отнята часть княже Семенова удѣла—Градокъ, и в. к. Дмитрій послалъ туда своего намѣстника съ княземъ Еремѣемъ [4]). Однако, покровительство Москвы не на долго помогло дорогобужскому князю. Въ тяжкой борьбѣ съ Тверью и Литвой в. к. Дмитрій отступился отъ князя Еремѣя; в. к. Михаилу вернулъ Градокъ, признали за нимъ весь удѣлъ князя Семена Константиновича, а князь Ере-

---

[1]) Тотчасъ за извѣстіемъ о заключеніи мира, читаемъ, что „того же лѣта князь Еремѣй сложи цѣлованіе крестное ко князю Михаилу Александровичу Тверьскому и поѣха къ великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 9), а въ слѣдующемъ году „преставися князь Василей Михайловичь Тверскій въ Кашинѣ“ (тамъ же, стр. 10). С. М. Соловьевъ послѣ замѣчанія, приведеннаго выше, продолжаетъ изложеніе борьбы Михаила тверского съ Москвой, даже не отмѣчая смерти Василія Михайловича. Напрасно предположилъ Борзаковскій (указ. соч., стр. 146—147), что Михаилъ сталъ тверскимъ великимъ княземъ только по смерти дяди. А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 188) полагаетъ, что Михаилъ „de jure“ сталъ великимъ княземъ по смерти дяди Василія, но „de facto“ былъ имъ и ранѣе, вѣроятно, на томъ основаніи, что Никоновская лѣтопись титулуетъ Михаила „великимъ княземъ“ только послѣ извѣстія о смерти Василія; но, въ такомъ случаѣ, слѣдовало придать значеніе и тому, что она ранѣе перестала давать этотъ титулъ князю Василію. Впрочемъ, это скорѣе черты изложенія въ сводѣ XVI в., чѣмъ въ его тверскомъ источникѣ.

[2]) О томъ, что у кашинскихъ князей были свои счеты съ еп. Василіемъ можно, кажется, заключить изъ новой жалобы кн. Михаила Васильевича на него митр. Алексѣю въ 1369 г. — П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 15; т. XI, стр. 10.

[4]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10.

мѣй вернулся въ Тверь и умеръ на своемъ удѣлѣ въ 1373 г. [1]), смирившись передъ засильемъ тверской великокняжеской власти. Его сыновья—Дмитрій и Иванъ Еремѣевичи, его внуки—Дмитріевичи, Андрей и Иванъ еще владѣтельные князья тверскіе, участники того одиначества князей Тверской земли во власти надъ нею, выраженіе которого находимъ въ формулахъ тверскихъ жалованныхъ грамотъ. На дѣлѣ это одиначество связано съ полнымъ подчиненіемъ младшихъ князей тверской великокняжеской власти, съ фактическимъ ихъ подручничествомъ, переходнымъ состояніемъ молодшаго княжья къ положенію служебныхъ князей и бояръ-княжатъ [2]).

V.

Кашинское княженіе обособилось въ составѣ тверскихъ владѣній, какъ удѣлъ князя Василія, младшаго изъ князей Михайловичей Ярославича. Когда же Василій Михайловичъ достигъ великаго княженія на Твери, Кашинъ остался въ его рукѣ, какъ вотчинное владѣніе, гдѣ, повидимому, и при немъ княжили его сыновья—Василій, а по смерти Василія Михаилъ Васильевичъ [3]). Въ Кашинѣ Василій Михайловичъ закончилъ дни свои, согнанный микулинскимъ племянникомъ съ тверского великаго княженія.

По смерти князя Василія Михайловича въ Кашинѣ княжитъ сынъ его

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

[2]) О потомкахъ князя Еремѣя Константиновича см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 520—522 и стр. 557—559. Князь Дмитрій Еремѣевичъ (ум. 1407 — П. С. Р. Л., т. XI, стр. 197; т. XV, ст. 473) еще при жизни отца во главѣ тверскихъ воеводъ при нападеніи на московскія владѣнія (1372 г., П. С. Р. Л., т. XI, стр. 17). Иванъ Еремѣевичъ — участникъ похода тверскихъ князей, по посылкѣ в. к. Ивана Михайловича въ помощь в. к. Василію Дмитріевичу противъ Витовта (т. XI, стр. 194, 1407 г.). Андрей Дмитріевичъ упомянутъ въ грамотѣ Отрочу монастырю въ числѣ владѣтельныхъ князей Тверской земли (А. А. Э., т. I, № 34), а князь Иванъ Дмитріевичъ только въ родословныхъ (напр. „Временникъ“, т. X, стр. 51) считается первымъ „чернятинскимъ“ княземъ; ср. Борзаковскаго, Исторія Тверского княжества, стр. 227—228.

[3]) Ср. А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 525—526. Что Никоновская лѣтопись называетъ „кашинскимъ“ князя Василія Васильевича въ сообщеніи о его кончинѣ, подъ 1363 г. (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2), а князя Михаила Васильевича — еще при жизни его отца, въ извѣстіи о столкновеніи и примиреніи его отца съ Михаиломъ Александровичемъ, подъ 1367 г. (стр. 9)—не показательно, такъ какъ такова обычная „удѣльно-родословная“ манера этой лѣтописи; особенно второй примѣръ теряетъ силу, такъ какъ въ томъ же извѣстіи и Василій Михайловичъ названъ кашинскимъ (на стр. 8). Но что в. к. Василій держалъ свой вотчинный Кашинъ сыновьями, вѣроятно само по себѣ, а косвенно подтверждается жалованной грамотой тверскихъ князей Отрочу монастырю (А. А. Э., т. I, № 5), гдѣ подчеркнута особность Кашина (формулами: „въ нашей отчинѣ, въ тферьскихъ волостехъ и въ кашиньскихъ“, и: „или кого (архимандритъ) въ городѣ посадитъ во Тфери и въ Кашинѣ“), и названъ сынъ великаго князя Михаилъ въ ряду владѣтельныхъ тверскихъ князей.

Михаилъ. Женатый на московской княжнѣ [1]), кн. Михаилъ Васильевичъ въ Москвѣ ищетъ, подобно отцу, защиты отъ тверского великокняжескаго засилья. Вскорѣ послѣ кончины отца онъ ѣздилъ къ митр. Алексѣю съ жалобой на тверского епископа Василія [2]); въ 1372 г.—въ разгаръ борьбы Москвы съ Тверью и ея литовскими союзниками, кашинскій Михаилъ перешелъ на московскую сторону [3]), но поплатился за то раззореніемъ княжества и «окуномъ» съ Кашина и вынужденъ смириться: в. к. Михаилъ Александровичъ его «приневолилъ» и «ввелъ во всю свою волю» [4]). Однако, кн. Михаилъ и года не выдержалъ въ такой неволѣ, вновь «сложилъ крестное цѣлованіе» къ тверскому великому князю и ушелъ съ Кашина въ Москву, а оттуда поѣхалъ въ Орду [5]), но вернулся ни съ чѣмъ въ свой Кашинъ, гдѣ и умеръ нежданно; а сынъ его Василій понесъ въ Тверь повинную голову, отдавшись съ челобитьемъ въ волю великаго князя Михаила Александровича [6]). Москва мирилась съ тверскимъ великимъ княземъ, и кашинскому отчичу иного выхода не было. Когда же въ 1375 г. новая вспышка борьбы разразилась надъ Тверью цѣлой грозой, кн. Василій Михайловичъ со своими кашинцами въ ряду ея враговъ [7]). Униженіе Твери принесло кашинскому князю независимость отъ тверского великаго князя, обезпеченную договоромъ в. к. Дмитрія Ивановича съ Михаиломъ Александровичемъ: «а въ Кашинъ ти ся не въступати, и что потягло Кашину, вѣдаетъ то вотчичь, князь Василей; ни выходомъ не надобѣ тобѣ ко Тфери Кашину тянути, а его ти не обидѣти; а имѣшь его обидѣти, мнѣ его отъ тобѣ боронити» [8]).

Этотъ договоръ разрушалъ зависимость кашинскаго князя отъ тверской

---

[1]) Дочь в. к. Симеона Ивановича, Василиса (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12—ум. 1368 г.; т. VII, стр. 215—дата женитьбы 1351 г.).

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12. Едва ли эта жалоба могла касаться стараго спора о дорогобужскомъ удѣлѣ, какъ полагаетъ Экземплярскій (т. II, стр. 527).

[3]) „посла на Москву, взя миръ съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ, а къ в. к. Михаилу Александровичю тверскому крестное цѣлованіе сложи“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 17).

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19; т. XI, стр. 17.

[5]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

[6]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 20: „а сынъ его князь Василей, по едином слову з бабою своею съ княгинею Еленою (Ивановной, вдовой в. к. Василія Михайловича, ур. княжной брянской) и з бояры съ кашинскими пріѣхалъ въ Тверь къ великому князю Михаилу Александровичу тверскому съ челобитьемъ и вдашася въ волю его“.

[7]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; тоже въ т. IV², стр. 301 — 302; V, стр. 233; XVIII, стр. 115; XI, стр. 22. Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 434—435) не упоминаетъ о кн. Василіи Михайловичѣ и кашинцахъ.

[8]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 28. Тутъ она датирована 1368 годомъ, но вѣрная датировка указана еще въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“, т. I, стр. 78; такъ и у Карамзина („Ист. Гос. Рос.“, изд. Эйнерлинга, т. V, ст. 22). Ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 23: в. к. Дмитрій Ивановичъ „взя миръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ на всей своей волѣ, и грамоты пописавъ, отъиде прочь отъ града“.

великокняжеской власти и ставилъ его въ непосредственную связь съ великимъ княземъ всея Руси [1]). Но актъ этотъ не имѣлъ какихъ-либо прочныхъ политическихъ послѣдствій. Кашинскій князь Василій Михайловичъ умеръ въ маѣ 1382 г. бездѣтнымъ, угасла кашинская линія тверскихъ князей, и выморочный кашинскій удѣлъ, ея отчина, перешелъ во владѣніе тверского великаго князя [2]).

VI.

Продолжительное княженіе Михаила Александровича на старшемъ столѣ Тверской земли (1366—1399 г.) [3]) значительно подняло тверскую великокняжескую власть.

Борьба противъ удѣльно-вотчиннаго распада силъ и средствъ Тверской земли, начатая сыновьями в. к. Михаила Ярославича, завершена его внукомъ со значительнымъ успѣхомъ. Усиленіе великокняжеской власти было настолько острымъ и насущнымъ вопросомъ въ жизни Тверского княжества, что столкновенія изъ за независимости внутренняго управленія мѣстныхъ вотчинныхъ княженій отъ этой власти неизбѣжно переходили въ борьбу за великое княженіе: можно и къ тверскимъ дѣламъ примѣнить слова С. М. Соловьева, что въ борьбѣ князей «дѣло идетъ о томъ, быть государемъ земли или слугою этого государя»; князья, слишкомъ слабые для такой борьбы, перекидывались на сторону Москвы противъ родной Твери или смирялись передъ мѣстной великокняжеской властью и становились ея подручниками, при формальномъ сохраненіи княжого братства и одиначества. В. кн. Михаилъ Александровичъ свелъ къ такому положенію холмскаго племянника Ивана Всеволодовича, который только за два года до кончины дяди ушелъ отъ него въ Москву, а затѣмъ смирился передъ

---

[1]) Трудно допустить, чтобы отмѣна обязанности Кашинскаго княжества тянуть къ Твери ордынскимъ выходомъ создавала для кашинскаго князя право самостоятельно и непосредственно „знать Орду“, тѣмъ болѣе, что тотъ же договоръ устанавливаетъ полную солидарность Москвы и Твери въ отношеніи къ Ордѣ: „а жити намъ, брате, по сей грамотѣ съ татары, оже будетъ намъ миръ, по думѣ, а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же, а будетъ не дати, по думѣ же“. А. В. Экземплярскій считаетъ правдоподобнымъ извѣстіе нѣкоторыхъ сказаній о Куликовской битвѣ, что Василій кашинскій былъ въ засадномъ полку вмѣстѣ съ Дмитріемъ Боброкомъ (т. II, стр. 529); князь Василій могъ участвовать въ Куликовской битвѣ, какъ великокняжескій подручникъ, а книжникъ использовать это обстоятельство при обработкѣ сказанія о ней, которая имѣла цѣлью придать Мамаеву побоищу характеръ общерусскаго дѣла.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XI, стр. 71.

[3]) В. к. Михаилъ Александровичъ скончался въ ночь съ 26-го на 27-е августа (со вторника на среду) 6907 г., т. е. 1399 г.; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 360, т. VIII, стр. 73; т. XI, стр. 175; т. XV, стр. 461; т. XVIII, стр. 148.

его сыномъ в. к. Иваномъ Михайловичемъ; привелъ в. к. Михаилъ въ свою волю дорогобужскихъ и кашинскихъ князей, несмотря на московскую помощь этимъ противникамъ тверского великаго князя. И послѣдняя вспышка борьбы съ Кашиномъ, которая чуть не вырвала этого удѣла изъ состава Тверского великаго княжества, была лишь мимолетнымъ эпизодомъ, такъ какъ кашинская княжая линія вскорѣ угасла, и само Кашинское княжество перешло въ руки в. к. Михаила Александровича [1]).

Сказаніе «О преставленіи князя Михаила Тверского» [2]) повѣствуетъ, какъ в. к. Михаилъ, готовясь къ смерти, призывалъ дѣтей «братолюбіе честно держати», «брату брата любити и чтити, а не обидѣти, а старѣйшаго брата имъ всѣмъ (вар.: во всемъ) слушати», а боярамъ заповѣдалъ: «вспоминайте моимъ дѣтемъ, чтобы въ любви были, якоже указахъ имъ и раздѣлихъ имъ коемуждо часть отчины: сыну князю Ивану и его дѣтемъ, Александру и Ивану, Тферь, Новый Городокъ [3]), Зубцевъ, Радиловъ, Вбърынь, Опоки, Вертязинъ; а князю Василію и Борису и сыну его Ивану Кашинъ, Коснятинъ, а сыну Федору два городка Микулины съ волостми, якоже написахъ въ грамоту душевную, почему имъ княжити и жити, не преступати моего слова и грамоты душевныя». Эта «душевная грамота» до насъ не дошла; утрата—невознаградимая, такъ какъ постановленія предсмертнаго ряда в. к. Михаила Александровича, судя по лѣтописнымъ указаніямъ на его содержаніе, были чрезвычайно важны. В. к. Михаилъ, утверждая сыновей въ братскомъ одиначествѣ, которое закрѣпилъ крестнымъ цѣлованіемъ тверскихъ бояръ на имя всѣхъ членовъ семьи своей [4]), выдѣлилъ «коемуждо часть отчины»: старшему Ивану великое княженіе Тверское, Василію—Кашинское княжество, Ѳедору—Микулинское. Но это владѣніе общей отчиной по удѣламъ получило особый характеръ, ввиду предоставленія Твери (а, стало быть, и связаннаго съ тверскимъ столомъ великокняжескаго старѣйшинства) князю Ивану Михайловичу съ сыновьями: этимъ предопредѣлялось закрѣпленіе тверской великокняжеской власти за одной старшей линіей потомковъ в. к. Михаила. Кашинское княжество—назначено двумъ Михайловичамъ Василію и Борису съ сыномъ послѣдняго, Иваномъ; такое сообщеніе нашихъ текстовъ не можетъ быть точной передачей соотвѣтственнаго мѣста духовной грамоты в. к. Михаила: его сынъ

---

[1]) Судя по лѣтописнымъ записямъ о смерти его сыновей: „въ лѣто 6897 (1389) преставися въ Кашинѣ князь Александръ Михайловичъ Ординецъ“ (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 444) и „въ лѣто 6903 (1395)... преставися князь Борисъ Михайловичъ въ Кашинѣ“ (т. XI, стр. 157: т. VIII, стр. 65), они княжили въ Кашинѣ подъ рукой отца, великаго князя.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 359—360; т. VIII, стр. 74; т. XI, стр. 180.

[3]) Софійская I-я (т. V, стр. 252) упоминаетъ еще „Ржеву“.

[4]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 183; т. XV (2-е изд.), стр. 176; т. XVIII, стр. 149. См. выше, стр. 194.

Борисъ умеръ за четыре года до смерти отца. Кн. Борисъ умеръ въ Кашинѣ, оставивъ малолѣтняго сына на рукахъ вдовы—княгини, и опредѣленіе духовной в. к. Михаила поставило его семью въ своеобразное и сложное соотношеніе къ дядѣ Ивана Борисовича князю Василію, съ одной стороны, и къ в. к. Ивану Михайловичу, съ другой. Ѳедоръ Михайловичъ получилъ «два городка Микулины съ волостьми», т.-е. прежній отцовскій Микулинскій удѣлъ.

Нельзя, конечно, поручиться за то, что «Сказаніе о преставленіи князя Михаила Тверскаго» точно передало содержаніе его духовной грамоты и въ томъ пунктѣ, который говоритъ о передачѣ Твери, какъ «части отчины» в. к. Ивану съ сыновьями, Александромъ и Иваномъ. Но фактически в. к. Иванъ, сѣвъ на великое княженіе по ханскому ярлыку [1]), весьма рѣшительно приступаетъ къ закрѣпленію великоняжеской власти (и владѣнія Тверью) за своей семьей, выдѣляя ее изъ общаго одиначества князей—потомковъ в. к. Михаила Александровича. Выше уже пришлось упомянуть о распоряженіи в. к. Ивана Михайловича, чтобы его бояре—тверскіе великокняжескіе бояре—сложили крестное цѣлованіе къ его братьямъ и къ племяннику, нарушая тѣмъ отцовскій завѣтъ. Князья братья обратились съ жалобой къ вдовствующей княгинѣ-матери, в. к. Авдотьѣ, и ея бояре вмѣстѣ съ боярами сыновей и внука заявили протестъ передъ в. к. Иваномъ противъ такого небреженія грамотой ихъ отца. Въ семьѣ настали раздоры: «и оттолѣ нача великій князь вражду въздымати на свою матерь и на свою братью и на своего братанича, нача на нихъ нелюбіе держати» [2]). В. к. Иванъ высвободилъ этимъ актомъ свою великокняжескую власть изъ путъ семейно-вотчиннаго строя междукняжескихъ отношеній и противопоставилъ ее, какъ личную власть, традиціонной опекѣ вдовствующей княгини-матери, семейнаго главы, изъ чьей воли не должны выходить сыновья, не исключая и того, кто былъ великимъ княземъ,—а также стѣснительному одиначеству съ братьями, которымъ «добра хотѣть» обязаны были бояре—всѣмъ вмѣстѣ, какъ членамъ единаго владѣльческаго княжого дома, отчи-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 461: „Въ лѣто 6908 вынесоша князю великому отъ царя Шанебѣка ярлыкъ, Темиръ Кутлуй умре, а пріиде Гурлень, а съ нимъ посолъ царевъ Софря съ ярлыкомъ на Тверское княженіе“; т. XI, стр. 183: кн. Иванъ послалъ въ Орду къ царю Темиръ-Кутлую своихъ киличѣевъ Ѳедора Гусленя да Константина, но они застали на ханствѣ уже Шадибека, и этотъ ханъ „даде улусъ свой, великое княженіе Тверское, князю Ивану Михайловичу, по отчинѣ и по дѣдинѣ его“.—Посаженіе кн. Ивана на столъ великаго княженія состоялось 7 марта 1400 г. (т. IV, стр. 104).

[2]) П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 148—149 (тоже въ т. XI, стр. 183 и т. XV², ст. 76). А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 498) не понялъ текста, передавъ его такъ, будто в. к. Иванъ „черезъ бояръ сложилъ крестное цѣлованіе“ къ братьямъ: рѣчь идетъ о боярскомъ крестномъ цѣлованіи, къ которому привелъ бояръ ихъ отецъ, в. к. Михаилъ Александровичъ.

чамъ на Тверскомъ великомъ княженіи. Насколько властными стали распоряженія в. к. Ивана показываетъ такой примѣръ. Мать князя Ивана Борисовича использовала раздоръ между в. к. Иваномъ и его братьями и отреклась отъ солидарности съ ними; ея запскиваніе дало плодъ: великій князь отнялъ у брата Василія Лукое озеро и Іерусалимскую слободку и отдалъ племяннику, а на попытку князя Василія Михайловича потребовать, по обычаю, «суда обіцаго» передъ тверскимъ владыкой Арсеніемъ, «отцомъ ихъ всѣхъ»,—отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ [1]). На ряду съ этими фактами, находимъ косвенное указаніе на требованіе великаго князя, чтобы и за его сыномъ Александромъ было признано право на великое княженіе,— въ извѣстіи, что холмскій князь Иванъ Всеволодовичъ «приказалъ» свою

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 149; т. XI, стр. 184; т. XV², ст. 177. „Езеро Лукое и Входъ Ерусолимъ“; первое не поддается опредѣленію, а Входъ Ерусолимъ — слобода въ Кашинѣ на посадѣ — см. у В. С. Борзаковскаго, примѣч. 842. Борзаковскій (въ примѣч. 836) пытается установить раздѣлъ владѣній между князьями Василіемъ Михайловичемъ и Иваномъ Борисовичемъ, а подтвержденіе тому, что „Кашинъ и Коснятинъ не были въ общемъ владѣніи Василія Михайловича и Ивана Борисовича“ видитъ въ томъ, что в. к. Иванъ отнялъ Лукое озеро и Ерусалимскую слободку у Василія и отдалъ Ивану. Но владѣніе селами и угодьями не имѣетъ прямого отношенія къ владѣнію княжествомъ по удѣламъ. Попытка Борзаковскаго представить кн. Василія — кашинскимъ, а кн. Ивана Борисовича — коснятинскимъ княземъ не подтверждается никакими данными. Напротивъ видимое противорѣчіе извѣстій, что протестъ противъ дѣйствій в. к. Ивана былъ заявленъ боярами в. к. Авдотьи, ея дѣтей князей Василія и Ѳедора и внука Ивана, а, затѣмъ, что мать князя Ивана-внука утверждала отъ имени своего и своего сына: „мы, господине, не посыловаша своихъ бояръ къ тобѣ“, показываетъ, что у Борисовой княгини съ сыномъ былъ свой дворъ (и, конечно, свое дворцовое землевладѣніе), но не было своей княжой власти — въ смыслѣ управленія особымъ удѣломъ — княженіемъ. Княжичъ Иванъ Борисовичъ былъ, повидимому, подъ княжой опекой дяди Василія: по крайней мѣрѣ, выступленію его матери предшествовало ея дѣйствіе, которое указано въ лѣтописномъ разсказѣ словами: „възмя своего сына“ (отъ князя Василія Михаиловича? или просто въ поѣздку въ Тверь?). Приходится вообще признать, что соотношеніе княжихъ правъ кашинскихъ дяди и племянника не поддается опредѣленію по нашимъ даннымъ, слишкомъ отрывочнымъ. Одна изъ лѣтописей (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 471) передаетъ примиреніе кн. Василія Михайловича съ братомъ, княземъ великимъ, послѣ перваго его бѣгства въ Москву, словами: „пожаловалъ князь великій Іоанъ Михайловичъ брата своего князя Василія его удѣломъ“ — кн. Василій владѣтельный князь кашинскаго удѣла. А извѣстіе, которое читаемъ подъ 6917 г. (октябрь 1408 г.): „князь Иванъ Михайловичь тверскій поиде ратью къ Кашину на братанича своего, князя Ивана Борисовича; онъ же убѣже на Москву; а князь Иванъ, пришедъ к Кашину, помирися з братомъ своимъ, съ княземъ Василіемъ съ кашинскимъ, а княгиню Борисову изнимавъ приведе на Тверь, а на Кашинѣ посади намѣстники своя, и дань на нихъ взя“ (т. XVIII, стр. 155; т. XI, стр. 205) — представляетъ кашинскимъ владѣтельнымъ княземъ Ивана Борисовича, чье изгнаніе привело къ водворенію въ Кашинѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, несмотря на присутствіе въ Кашинѣ князя Василія и примиреніе съ нимъ в. к. Ивана.

отчину князю Александру [1]). Великокняжеская политика Ивана Михайловича встрѣтила лишь слабое сопротивленіе въ младшихъ князьяхъ Тверской земли. Вспышка такого сопротивленія со стороны холмскаго князя Юрія Всеволодовича (1404—5 г.) не привела ни къ чему; и князь Юрій пропадаетъ безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ послѣ неудачи спора его съ в. к. Иваномъ въ Ордѣ, а его сынъ—смирный подручникъ, о которомъ въ лѣтописяхъ и не слыхать ничего; на ту же ступеньку сведены дорогобужскіе князья еще в. к. Михаиломъ Александровичемъ. Младшій братъ в. к. Ивана, микулинскій князь Ѳедоръ упоминается только въ походахъ по посылкѣ старшаго брата. Но много тревогъ въ жизни Тверской земли было связано съ кашинскими дѣлами и отношеніями.

Князь Василій Михайловичъ пытался отстоять свою княжую независимость «и не почалъ слушати брата своего старшаго, великаго князя Ивана» [2]), чѣмъ навлекъ на себя походъ тверской рати. Князь Василій бѣжалъ въ Москву, а Кашинъ занятъ великокняжескимъ сыномъ Александромъ Ивановичемъ [3]). На этотъ разъ дѣло кончилось миромъ; при посредничествѣ в. к. Василія Дмитріевича кн. Василій получилъ Кашинъ обратно [4]). Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ возникло новое столкновеніе: в. к. Иванъ захватилъ брата и бояръ его, держалъ «въ нятьи» нѣсколько мѣсяцевъ, но затѣмъ отпустилъ, заключивъ съ братомъ крестоцѣловальное докончаніе; но князь Василій не выдержалъ условій этого докончанія и бѣжалъ въ Москву, а Кашинъ занятъ великоняжескими намѣстниками [5]). Однако, черезъ годъ князья братья опять помирились [6]), и Василій Михайловичъ вернулся въ Тверь и въ Кашинъ. Эти перепетіи братскихъ раздоровъ тѣсно связаны съ московско-тверскими отношеніями: разрывъ Твери, примыкавшей къ литовскому в. к. Витовту, съ Москвой, позволялъ кашинскому князю искать поддержки у великаго князя всея Руси; примиреніе великихъ князей, тверского и московскаго, вело къ примиренію и тверской братьи: князя Василія

---

[1]) См. выше на стр. 203—204.

[2]) П. С. Р. Л., т. XV, ст. 470.

[3]) „а князь Александръ Кашинъ засяде“, тамъ-же; видимо, ожидалось нападеніе московской помощи кн. Василію.

[4]) „смири ихъ князь великій Василій Дмитреевичъ“, т. VIII, стр. 76; „пожаловалъ князь велики Іоанъ Михаиловичь брата своего князя Василія его удѣломъ“ (т. XV, ст. 470).

[5]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 77: „и по трехъ мѣсяцехъ (весна 1405 г.) паки межи ими бысть нелюбіе и бѣже князь Василій ис Кашина на Москву“, а намѣстники в. к. Ивана „многу напасть створиша христіаномъ продажами и грабежемъ“; въ томъ же году пріѣзжали въ Кашинъ князь Александръ Ивановичъ, а затѣмъ и в. к. Иванъ (т. XI, стр. 192).

[6]) Т. VIII, стр. 78; т. XI, стр. 193; крестоцѣлованіе состоялось въ Троицынъ день 1406 г.

видимъ вскорѣ послѣ новаго докончанія съ в. к. Иваномъ въ тверской рати, помогавшей в. к. Василію Дмитріевичу противъ Витовта [1]).

Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ рѣчь идетъ о князѣ кашинскомъ Василіи Михайловичѣ, а про его племянника Ивана Борисовича нѣтъ и помину. Этотъ князь выступаетъ жертвой великокняжескаго гнѣва въ 1408 году, когда в. к. Иванъ «поиде ратью къ Кашину на братанича своего князя Ивана Борисовича; онъ же бѣжа въ Москву», а великій князь помирился съ братомъ Василіемъ, но мать Ивана Борисовича, «княгиню Борисову, изнима и приведе на Тверь», а въ Кашинѣ посадилъ своихъ намѣстниковъ, «и дань на нихъ (т. е. на кашинцахъ) взя» [2]). Возможно, что вопросъ объ уплатѣ дани былъ и въ этомъ случаѣ, какъ бывало при великихъ князьяхъ Константинѣ и Василіи Михайловичахъ, главной причиной конфликта между великокняжеской властью и мѣстнымъ княземъ - отчичемъ, но свѣдѣнія наши слишкомъ недостаточны для яснаго представленія о томъ, почему гнѣвъ в. к. Ивана обрушился на племянника съ его матерью, и какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ князь Василій Михайловичъ. Возможно, что попытку возродить самостоятельность Кашинскаго княжества началъ Иванъ Борисовичъ, возмужавшій къ 1408 году кашинскій отчичъ [3]). Но это должно было поставить его въ противорѣчіе съ кашинскимъ дядей Василіемъ, что, быть можетъ, и обусловило примиреніе кн. Василія Михайловича съ братомъ—великимъ княземъ; Ивану Борисовичу осталось только искать прибѣжища и возможной поддержки въ Москвѣ у великаго князя всея Руси.

Однако, князь Василій удержался на Кашинскомъ княженіи лишь дорогой цѣной полнаго подчиненія тверской великокняжеской власти. Новый раздоръ былъ неизбѣженъ, тѣмъ болѣе, что в. к. Иванъ помирился съ Иваномъ Борисовичемъ [4]). Въ 1412 г. снова настало «нелюбіе веліе» между братьями, и в. к. Иванъ велѣлъ захватить князя Василія, его княгиню, бояръ и слугъ, а въ Кашинъ послалъ своего намѣстника. Василію Михайловичу, котораго повезли «за сторожи» на заключеніе въ Новый Городокъ, удалось по дорогѣ бѣжать и спастись отъ погони въ московскіе предѣлы [5]). Изъ Москвы князь Василій ѣздилъ въ Орду, куда прибылъ и в. к. Василій

---

[1]) Т. XV, ст. 475.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 82; т. XI, стр. 205.

[3]) Отецъ его, князь Борисъ Михайловичъ, женился въ 1384 г. на дочери смоленскаго князя Святослава Ивановича; годъ рожденія Ивана Борисовича неизвѣстенъ, но въ событіяхъ осени 1399 г. онъ играетъ только пассивную роль, какъ малолѣтній.

[4]) „Въ лѣто 6919 пожаловалъ к. в. Иванъ Михайловичъ своего братанича князя Ивана Борисовича благословеніемъ игумена московскаго Никона“ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 159).

[5]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 218—219.

Дмитріевичъ; съ московской поддержкой ханская милость склонилась, видимо, на сторону князя Василія. По крайней мѣрѣ, татарское войско помогло ему въ нападеніи на Кашинъ. Однако, нападеніе это отбито княземъ Иваномъ Борисовичемъ, которому в. к. Иванъ Михайловичъ поручилъ оборону Кашина съ «тверской заставой». Князь Василій снова ушелъ въ Орду.

Послѣ этого эпизода—защиты Кашина—наши лѣтописные своды болѣе не упоминаютъ о князѣ Иванѣ Борисовичѣ, а по смерти в. к. Ивана, погибшаго въ 1425 въ моровое повѣтріе, великимъ княземъ на Твери сталъ сынъ его Александръ, но черезъ пять мѣсяцевъ погибъ жертвой того же повѣтрія, какъ и смѣнившій его на великокняжескомъ столѣ сынъ—Юрій Александровичъ, который пережилъ отца всего на четыре недѣли [2]). Послѣ всѣхъ этихъ катастрофъ на тверскомъ столѣ утвердился второй внукъ в. к. Ивана—Борисъ Александровичъ, а въ Кашинъ вернулся было Василій Михайловичъ [3]), но вскорѣ, «поиманъ» в. к. Борисомъ; на этомъ и кончается

---

[1]) Т. XI, стр. 219—220.

[2]) В. к. Иванъ Михайловичъ умеръ въ маѣ 1425 г. (по Тверской—22 мая, П. С. Р. Л., т. XV, ст. 488; Воскресенская—т. VIII, стр. 93, и Симеоновская—т. XVIII, стр. 168 относятъ къ 21 мая вокняженіе Александра, какъ и Соф. I—т. V, стр. 263; тоже, очевидно, и въ источникѣ Никоновской, гдѣ, по опискѣ, мая 1,—т. XII, стр. 3; и въ Соф.—т. VI, стр. 143, при этомъ, имя Александра замѣнено именемъ Бориса Александровича, какъ и въ Новг. IV—т. IV, стр. 121, гдѣ даты нѣтъ). В. к. Александръ Ивановичъ умеръ въ октябрѣ: „бысть княженія его 5 мѣсяць, и преставися предъ Дмитріевымъ днемъ“ (26 октября)—т. XV, ст. 488; в. к. Юрій Александровичъ умеръ „на Юрьевъ день“, т. XV, стр. 489, „а на великомъ княженіи былъ же 4 недѣли“—т. VII, стр. 245 и Карамзинъ, т. V, прим. 258. А. В. Экземплярскій (т. II, стр. прим. 152) отнесъ кончину в. к. Юрія къ 23 апрѣля, очевидно потому, что забылъ про Юрьевъ день осенній (26 ноября).

[3]) Какъ произошло возвращеніе кн. Василія въ Кашинъ, объ этомъ наши источники не сообщаютъ; не даютъ и свѣдѣній о конечной судьбѣ князя Ивана Борисовича. Весьма вѣроятно, что этотъ послѣдній также погибъ въ моровомъ повѣтріи, а забыли о немъ лѣтописные своды потому, что „отъ того родъ не пошелъ“ (т. VIII, стр. 245). Извѣстіе Новгородской IV, что „успе князь Иванъ Михайловичъ Тферьскій, а приказа княженіе свое сыну своему Борису Александровичу, а Кашинъ брату своему Василью“ (т. IV, стр. 120—121), едва ли заслуживаетъ вниманія; упоминаніе о Кашинѣ и Василіи попало сюда вмѣстѣ съ замѣной „сына“ (такъ во всѣхъ спискахъ—слѣдъ первоначальнаго текста—„сыну своему Александру“)—внукомъ; ср. т. XII, стр. 3, гдѣ при имени князя Александра нѣтъ слова „приказа“, а сказано: „сяде... на великомъ княженіи тверскомъ сынъ его князь Александръ мѣсяца мая въ 1 (sic, вм. 21) день, а въ Кашинѣ дядя его князь Василій Михайловичъ“. Нѣтъ основанія связывать возвращеніе кн. Василія въ Кашинъ съ предсмертнымъ „рядомъ“ в. к. Ивана (какъ у Экземплярскаго, т. II, стр. 535), ни настаивать на немедленномъ—по кончинѣ в. к. Ивана—водвореніи кн. Василія въ Кашинѣ. Послѣднее, вѣроятно, обусловлено было бездѣтной кончиной Ивана Борисовича, и оказалось неудачнымъ: в. к. Борисъ Александровичъ „того же лѣта поималъ князя Василія кашинскаго“ (т. VI, стр. 143), чѣмъ и закончены раздоры за Кашинъ

его исторія въ нашихъ источникахъ. На томъ кончились и существованіе особаго Кашинскаго княжества, а вмѣстѣ и «удѣльное» владѣніе частями Тверской земли.

VII.

Сохраненію видимости княжого одиначества въ договорныхъ и жалованныхъ грамотахъ тверского великаго князя Бориса Александровича (1425—1461) едва ли можно придавать значеніе, кромѣ формально-дипломатическаго [1]). Младшіе князья тверской земли—отчичи на своихъ княженіяхъ [2]), сходятъ на положеніе зависимыхъ подручниковъ, причемъ фразеоло-

---

и самое существованіе особаго Кашинскаго княжества. Ср. В. С. Борзаковскаго, Исторія Тверскаго княжества, стр. 192.

[1]) Въ жалованной грамотѣ Тверскому Отрочу монастырю (А. А. Э., т. I, № 34) в. к. Борисъ повторяетъ формулу грамоты в. к. Василія Михайловича (тамъ же, № 5) съ замѣной именъ тогдашнихъ князей Тверской земли именами своей молодшей братьи; но, напримѣръ, грамоту Срѣтенскому монастырю (тамъ же, № 35) онъ даетъ единолично „въ своей вотчинѣ великомъ княженіи“. Договоръ съ великимъ княземъ всея Руси в. к. Борисъ заключаетъ отъ имени своего и своей „братьи молодшей“ и „меньшей братьи“ (А. А. Э, т. I, № 33), но договоры съ Витовтомъ и Казимиромъ—единолично; тутъ младшіе князья только пассивный объектъ соглашенія между великими князьями, а „меньшей братьи“ соотвѣтствуютъ „князья служебные“; эти послѣдніе упоминаются только въ позднѣйшемъ договорѣ Бориса съ в. кн. Василіемъ Васильевичемъ (1453—1454 г.); С. Г. Г. и Д., т. I № 76—77), наряду, однако, съ „братьей молодшей“ и съ „меншой братьей“.

[2]) Составъ этого младшаго княжья во времена в. к. Бориса не вполнѣ ясенъ. Въ его грамотахъ упоминаются князья Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Иванъ Юрьевичъ, Андрей Ивановичъ (А. А. Э., т. I, № 33); Ѳ. Ѳ., И. Ю., Андрей Дмитріевичъ, Ѳедоръ Александровичъ (А. А. Э., т. I, № 34); Дмитрій и Иванъ Юрьевичи (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77). Ѳедоръ Ѳедоровичъ, извѣстный только по двумъ грамотамъ, вѣроятно, микулинскій князь, сынъ Ѳедора Михайловича; въ грамотѣ 1453—1454 г. его уже нѣтъ. Иванъ Юрьевичъ—сынъ в. к. Юрія Александровича: „а удѣлъ его былъ Зубцовъ, и [отъ] того родъ не пошелъ“, сообщаетъ родословіе тверскихъ князей (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245). Андрея Ивановича Экземплярскій признаетъ внукомъ в. к. Ивана Михайловича, такъ какъ больше некуда пристроить это имя (т. II, стр. 643). Андрей Дмитріевичъ—дорогобужскій князь, сынъ Дмитрія Еремѣевича (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 521). Ѳедоръ Александровичъ упомянутъ въ родословіи тверскихъ князей (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 246) какъ князь телятевскій, младшій сынъ микулинскаго князя Александра Ѳедоровича и братъ Бориса Александровича микулинскаго. Дмитрій Юрьевичъ—холмскій князь, сынъ Юрія Всеволодовича. Иванъ Юрьевичъ договора 1453—1454 г., вѣроятно, тотъ же упомянутый ранѣе зубцовскій князь. Но какъ объяснить сочетаніе этихъ именъ въ разныхъ грамотахъ? По первой изъ нихъ въ договорѣ в. к. Бориса съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ участвуютъ съ в. к. Борисомъ—его племянникъ Иванъ Юрьевичъ и двоюродный братъ Андрей Ивановичъ; но почему Иванъ прописанъ раньше Андрея? Отсутствіе другихъ именъ можно понять, какъ признакъ суженія тверского одиначества до предѣловъ линіи в. к. Михаила Александровича. Но почему въ грамотѣ Отрочу монастырю рядомъ

гическому различію между «братьей молодшей» и «князьями служебными» (въ договорныхъ грамотахъ в. к. Бориса) не соотвѣтствуетъ какое-либо различіе въ ихъ положеніи передъ великокняжеской властью.

Борисъ Александровичъ строилъ свое великокняжеское властвованіе въ Тверской землѣ, опираясь на тѣсный союзъ съ литовскимъ великимъ княземъ [1]). Отдавшись подъ властную оборону Витовту, «своему господину дѣду», в. к. Борисъ выговорилъ себѣ полную независимость по управленію Тверскимъ великимъ княженіемъ и по господству надъ младшими князьями Тверской земли: «а дядемъ моимъ, читаемъ въ договорѣ 1427 года, и братьи моей, и племени моему, княземъ, быти въ моемъ послусѣ; я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казню, а моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступатися; а который въскочетъ къ моему господину дѣду, къ великому князю Витовту со отчиною, и моему господину дѣду, великому князю Витовту, со отчиною не пріимати; пойдетъ ли который къ моему господину дѣду, къ великому князю Витовту, и онъ отчины лишонъ, а у отчинѣ его воленъ я, великій князь Борисъ Александровичъ, а моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступатися» [2]).

Договоръ в. к. Бориса съ королемъ польскимъ и в. к. литовскимъ Казимиромъ, заключенный въ 1449 году, еще рѣзче сближаетъ младшихъ князей Тверской земли съ боярами и вольными слугами: «а хто отъѣдетъ отъ мене къ тобѣ, къ королю польскому и великому князю литовскому, братьи моей молодшой и князей служебныхъ, ино тотъ отчины своее лишонъ, а мнѣ, великому князю, не вступатися; а хто отъѣдетъ отъ тебе, короля польского и великаго князя литовского, князей служебныхъ ко мнѣ, къ великому князю Борису, ино тотъ отчины своее лишонъ, а тобѣ, королю и великому князю, не вступатися; а бояромъ и слугамъ нашымъ вольнымъ воля

съ Ѳедоромъ микулинскимъ и Иваномъ зубцовскимъ появился дорогобужскій Андрей? и что еще труднѣе объяснить—это Ѳедора Александровича, если онъ подлинно телятевскій князь, при имени—въ той же грамотѣ—его дяди Ѳедора микулинскаго и отсутствіи имени его старшаго брата Бориса; пришлось бы дѣло такъ представить, что князю Ѳедору выдѣленъ былъ телятевскій удѣлъ, а братъ его Борисъ жилъ при дядѣ, какъ будущій преемникъ во владѣніи Микулиномъ. Наконецъ, въ договорѣ 1453—1454 г. названы только Дмитрій холмскій и Иванъ зубцовскій; почему нѣтъ имени микулинскаго князя? О князьяхъ-княжатахъ Тверской земли ср. Борзаковскаго, Ист. Тверскаго княжества, стр. 227 и слѣд.; Экземплярскаго, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси, т. II стр. 554 и слѣд., и Родословіе тверскихъ князей въ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245—246 (къ нему таблица у Борзаковскаго: Родословная № 2).

[1]) А. З. Р., т. I № 33. Въ 1427 г. в. к. Борисъ „взялъ любовь такову“ съ в. к. Витовтомъ: быть в. к. Борису съ в. к. Витовтомъ „за одинъ, при его сторонѣ и пособляти ему на всякого, не выимая“, а в. к. Витовту „в. к. Бориса Александровича, своего внука, боронити отъ всякого, думою и помочью“, но не вступаться „въ земли и въ воды и во все его великое княженье тферское“.

[2]) А. З. Р., т. I № 33.

межи насъ» [1]). Такъ при в. к. Борисѣ Александровичѣ закончилась полной побѣдой борьба за усиленіе тверской великокняжеской власти. Преодолѣна опасность удѣльно-вотчиннаго дробленія власти и распада самой территоріи на рядъ слабо связанныхъ другъ съ другомъ вотчинныхъ княженій. Тверская земля не поддалась этой опасности—подъ давленіемъ внѣшней борьбы за свою самостоятельность, которая сплачивала тверскія силы вокругъ одного центра. Еще въ XIII вѣкѣ Тверь была центромъ наиболѣе упорныхъ попытокъ сопротивленія татарской власти, и попытки эти остави въ настроеніяхъ тверского общества традицію, на которой и выросла необычайная популярность в. к. Михаила Александровича, возродившаго силу великокняжеской власти. Тверь, съ другой стороны, передовой пунктъ великорусской борьбы съ литовскимъ наступленіемъ къ востоку, и переживаетъ, во времена в. к. Михаила Ярославича, моментъ порыва къ захвату въ руки своихъ князей руководства всей политической жизнью Великороссіи; не даромъ именно тверской князь впервые титулуется великимъ княземъ всея Руси. Традиціями великокняжеской политики проникнута вся исторія тверскихъ князей; поневолѣ замкнутые въ болѣе узкую сферу дѣятельности московскимъ соперничествомъ, они строятъ свое Тверское великое княженіе, какъ основу болѣе крупной роли въ историческихъ событіяхъ Восточной Европы. Однако, ростъ Москвы, съ одной стороны, и Литовскаго великаго княжества, съ другой, приводятъ эту тверскую силу къ колебанію между сосѣдями, съ постепеннымъ, все болѣе сильнымъ уклономъ на литовскую сторону. По договору съ Витовтомъ в. к. Борисъ Александровичъ можетъ быть признанъ вассаломъ-подручникомъ литовскаго великаго князя, а въ договорѣ съ королемъ Казимиромъ (1449 года) в. к. Василій Васильевичъ призналъ тверского великаго князя и всѣхъ тверскихъ князей «въ его сторонѣ»—великаго князя литовскаго и короля польскаго [2]). Эти отношенія ставили тверскую великокняжескую власть въ противорѣчіе съ основными стародавними тверскими традиціями и вносили несомнѣнный разладъ въ тверскія настроенія. Окрѣпшая Москва взяла въ свои руки то національное знамя, которое было дорого тверскимъ традиціямъ, въ борьбѣ съ татарами, о какой издавна мечтали въ Твери, и съ Литовско-польскимъ государствомъ, гдѣ все усиливались иноземныя и иновѣрныя тенденціи.

---

[1]) Надо читать въ первой части этой статьи договора: „а тобѣ, королю и великому князю, не вступатися“, а во второй: „а мнѣ, великому князю, не вступатися“; такія ошибки возможны (и встрѣчаются) при писаніи противней. — Относительно великаго князя всея Руси это соглашеніе о неотъѣздѣ князей съ вотчинами внесено только въ договоръ в. к. Бориса съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ 1453—1454 года, и то съ упоминаніемъ объ однихъ только служебныхъ князьяхъ: „а кто моихъ князей служебныхъ къ тебѣ отъѣдетъ, въ тѣхъ ти отчину не въступатися, кого ми Богъ поручилъ, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоей братьѣ молодшей“. (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77).

[2]) А. З. Р., т. I, №№ 33 и 50.

Тверская великокняжеская власть закончила свою внутреннюю строительную работу въ такой историческій моментъ, когда оказались разрушенными основныя условія ея значенія и самостоятельнаго существованія.

Въ 50-хъ г.г. XV вѣка Москва одолѣла тяжкую смуту въ московско-владимірскомъ великомъ княженіи всея Руси и вышла на новые пути великорусскаго государственнаго строительства. Великому князю тверскому пришлось заключить съ в. к. всея Руси союзный договоръ о томъ, чтобы имъ другъ другу «добра хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси безъ хитрости» и помогать всею силою противъ Литвы, Ляховъ и Нѣмцевъ [1]). Втянутая въ общія великорусскія международныя отношенія, Тверь теряла всякую опору противъ Москвы. Тверь втянута въ кругъ великорусской политики, руководимой великимъ княземъ всея Руси, московскимъ государемъ, со всѣми своими княжескими, боярскими и боевыми силами; непосредственная служба великому князю всея Руси мимо мѣстнаго, тверского, естественно влечетъ служебныхъ князей и бояръ Тверской земли къ отъѣзду отъ Твери къ Москвѣ. Исходъ великаго княженія Бориса Александровича и княженіе его сына Михаила—только прологъ къ конечному паденію тверской независимости.

Волею историческихъ судебъ, политическіе успѣхи тверской великокняжеской власти пошли на пользу московской объединительной работѣ. Показателенъ для этихъ успѣховъ спокойный переходъ власти въ Тверскомъ великомъ княженіи, по смерти в. к. Бориса Александровича (1461 г.), къ его малолѣтнему сыну Михаилу (р. 1453 г.). Въ его договорахъ съ в. к. Иваномъ Васильевичемъ рядомъ съ тверскимъ великимъ княземъ упоминаются только незначительный зубцовскій князекъ—Иванъ Юрьевичъ и холмскій князь Михаилъ Дмитріевичъ, братъ московскаго воеводы князя Даніила Холмскаго, которыхъ только формально устойчивая традиція выдѣляла, какъ великокняжескую «братью молодшую» изъ среды—безымянной въ договорахъ—«меншей братьи», князей служебныхъ [2]). Цѣльнымъ «тверскимъ государствомъ» вошла Тверская земля въ составъ «всѣхъ государствъ россійскаго царства».

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76 и 77. Договоръ издателями отнесенъ къ 1451 году. Правильная датировка — 1453—1454 г. (не ранѣе) у С. М. Соловьева („Ист. Росс." кн. I, ст. 1085: „послѣ 1454 г.") и Борзаковскаго („Ист. Тверск. кн.", прим. 939).

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 88—89 и 119—120.

ГЛАВА VI.

Рязанское великое княжество.

I.

Въ южныхъ предѣлахъ Великороссіи сложилась особая, безпокойная жизнь Рязанской Украйны. Еще въ 20-хъ годахъ XII-го вѣка Муромо-рязанская область выдѣлилась изъ состава Черниговскихъ волостей [1]) въ вотчину младшей линіи черниговскихъ Святославичей, линіи потомковъ князя Ярослава Святославича; въ 60-хъ годахъ того же вѣка распалась на два обособленныхъ княжества Ярославовыхъ внуковъ: Муромское Юрья Владиміровича и Рязанское Глѣба Ростиславича [2]). Связь между ними порвана въ ихъ подчиненіи власти Владимірскихъ великихъ князей. Муромское княжество вполнѣ подавлено этой властью, и его князья, видимо, вошли безъ возможности сопротивленія въ положеніе владимірскихъ подручниковъ. Рязанское княжье, суетливое и безпокойное, довело себя — въ исходѣ перваго десятилѣтія XIII вѣка—до полной утраты владѣній: по городамъ Рязанской земли водворились посадники и тіуны в. к. Всеволода Юрьевича. Но эта прямая великокняжеская власть держалась на Рязани только силой, подавляя волненія и недовольство населенія. Сыновья Всеволода Юрьевича примирились съ возвращеніемъ рязанскихъ князей въ ихъ отчину, а въ 1219 году рязанскіе Владиміровичи выбиты изъ земли княземъ Ингваремъ Игоревичемъ, который закончилъ смуту утвержденіемъ рязанской отчины за семьей князей Игоревичей [3]).

---

[1]) „Княжое право въ древней Руси“, стр. 131—133.

[2]) Только при сыновьяхъ Ярослава Святославича еще можно, и то съ большими оговорками, называть, по позднѣйшему, Муромъ „удѣломъ“ Рязанской земли; распространеніе этого термина на позднѣйшія времена у Экземплярскаго (т. II, стр. 609) неправильно по отсутствію какой либо ближайшей связи между муромскимъ и рязанскимъ княжествами.

[3]) Князь Ингварь отбился отъ Владиміровичей и ихъ союзниковъ половцевъ съ помощью в. к. Юрія Всеволодовича: П. С. Р. Л., т. VII, стр. 126; т. X, стр. 82. — Въ послѣднія десятилѣтія XII в. и въ началѣ XIII-го между рязанскими князьями идетъ упорная борьба за волости и за общій строй междукняжескихъ отношеній, смыслъ которой трудно уловить по отрывочнымъ сообщеніямъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ. Повидимому, среди рязанскихъ князей были живы, въ эту пору, характер-

Князь Ингварь прожилъ недолго; Батыево нашествіе застало на старшемъ столѣ Рязанской земли его брата Юрія Игоревича. Племянники князя

ныя черниговскія традиціи княжого одиначества (о нихъ см. „Княжое право“, стр. 120—128), которыя противодѣйствовали утвержденію вотчиннаго раздѣла Рязанской земли (вѣроятно, подъ вліяніемъ людnаго состава княжой семьи). Но мы не знаемъ, какъ подѣлились Глѣбовичи удѣлами (или, по черниговски, надѣлами)—по ряду ли отца или по рѣшенію старшаго брата. Этотъ братъ, Романъ Глѣбовичъ, возстановилъ противъ себя братьевъ (Всеволода и Владиміра) тѣмъ, что „уималъ“ у нихъ волости, по внушенію тестя, князя Святослава Всеволодовича (изъ семьи враждебныхъ в. к. Всеволоду черниговскихъ Ольговичей). По ихъ жалобѣ в. к. Всеволодъ Юрьевичъ принудилъ старшихъ Глѣбовичей—Романа и Игоря отдать споры о волостяхъ съ ихъ младшей братьей на свое рѣшеніе („на всей воли Всеволожи цѣловаша крестъ“) и учинилъ рязанскимъ князьямъ „порядъ“, раздавъ имъ волости „комуждо по старѣйшинству“, т. е. установилъ, какъ имъ владѣть общей отчиной по удѣламъ подъ старѣйшинствомъ Романа (1180 г.). Но въ 1186 г. началась новая „крамола зла вельми“ между старшими Глѣбовичами (Романомъ, Игоремъ, Владиміромъ) и ихъ младшей братьей (Всеволодомъ и Святославомъ); эти младшіе князья сидѣли въ Пронскѣ. Старшіе братья объясняли свое нападеніе на брата Всеволода тѣмъ, что онъ ихъ „не слушаетъ“. В. к. Всеволодъ снова смирилъ рязанскихъ князей; пользовался онъ ихъ раздорами, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, такъ какъ рязанскіе князья то и дѣло норовили опереться на черниговскую силу противъ великокняжескаго суздальскаго господства. Повидимому, смерть Всеволода Глѣбовича „на Пронскѣ“ дала поводъ къ новому взрыву рязанской смуты въ 1207 году, причемъ в. к. Всеволоду была вѣсть, „оже рязаньстіи князи свѣщалися суть со Ольговичи на нь“. На этотъ разъ особо скомпрометированъ передъ в. к. Всеволодомъ пронскій отчичъ Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ (зять Всеволода Ольговича Чермнаго) вмѣстѣ съ дядями (Романомъ и Святославомъ; Игоря и Владиміра уже нѣтъ въ живыхъ — на съѣздѣ по зову в. к. Всеволода ихъ сыновья), а обличаютъ ихъ въ сношеніяхъ съ черниговскими Ольговичами — Глѣбъ и Олегъ Владиміровичи. В. к. Всеволодъ велѣлъ схватить обоихъ старшихъ князей (Романа и Святослава) съ ихъ дружинами и двухъ Игоревичей (Ингваря и Юрія; а не шестерыхъ, какъ у Иловайскаго, Ист. Рязанскаго княжества, стр. 51), и сослать ихъ во Владиміръ, гдѣ они и пробыли лѣтъ 6 въ заключеніи; Романъ Глѣбовичъ тутъ и умеръ; вѣроятно и Святославъ, такъ какъ о немъ позже нѣтъ упоминаній. Киръ Михаилъ, узнавъ „оже ему стрыевѣ изимани, а отець ему мертвъ, а се на нь рать идетъ“, бѣжалъ изъ Пронска въ Черниговъ. Владиміровичи, видно, добивались Пронска (проняне пытались защищаться отъ в. к. Всеволода съ Изяславомъ Владиміровичемъ, а затѣмъ, по Лаврентьевской, Всеволодъ посадилъ было въ Пронскѣ его брата Олега), но кончилось дѣло тѣмъ, что в. к. Всеволодъ заставилъ Рязанцевъ выдать себѣ всѣхъ князей („рязанци вси здумавше послаша остатокъ князей и со княгынями къ в. к. Всеволоду въ Володимерь“), а затѣмъ выгналъ изъ Пронска Владиміровичей (Изяслава), посадилъ тамъ своего подручника Давыда муромскаго съ посадникомъ своимъ Ослядюкомъ, а въ Рязани сына Ярослава и посадниковъ по городамъ Рязанской земли. Протестъ рязанцевъ подавленъ сожженіемъ городовъ рязанскаго и бѣлгородскаго. (Ср. Лаврентьевскую лѣтопись, 3-е изд., стр. 367—368; 382—383; 409—112, и „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“, стр. 108). Сынъ Всеволода, Юрій, по смерти отца (1212 г.) отпустилъ изъ заточенія рязанскихъ князей и дружину ихъ, укрѣпивъ ихъ крестнымъ цѣлованіемъ („Л. П. С.“, стр. 111); а Владиміровичи (Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ) еще въ 1209 г. соединились съ Киръ-Михаиломъ и, при помощи полов-

Юрія, Ингваревичи, сидѣли, повидимому на Пронскѣ [1]). Татарскій погромъ сгубилъ большую часть рязанскаго княжого гнѣзда. Уцѣлѣли только два

цевъ, принудили муромскаго князя вернуть Пронскъ Киръ-Михаилу (тамъ-же, стр. 109). — Среди рязанскихъ князей, вернувшихся въ свою отчину, старѣйшиной сталъ Глѣбъ Владиміровичъ (Олегъ умеръ въ 1209 г.), который вступилъ на путь Святополка Окаяннаго: ради объединенія власти надъ всей Рязанской землей въ своихъ рукахъ онъ въ 1217 году измѣннически загубилъ на пиру (при соучастіи младшаго брата Константина) — родного брата Изяслава и пятерыхъ двоюродныхъ (Киръ Михаила Всеволодовича, двухъ Игоревичей — Романа и Глѣба, двухъ Святославичей — Ростислава и Святослава), но плоды его злодѣянія достались случайно спасшемуся Ингварю Игоревичу, который выбилъ Владиміровичей изъ Рязанской земли съ поддержкой в. к. Юрія Всеволодовича (1219 г.).

[1]) Нѣкоторые списки сказанія о „Батыевой ратп“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 139; т. X, стр. 105; Лѣтопись по Акад. списку, въ 3 изд. Лаврентьевской, стр. 487) спутали Игоревичей съ Ингваревичами и тѣмъ создали мнимаго Олега, брата Юрія Игоревича (по этимъ спискамъ — Ингваревича): „Юрьи Ингваровичъ, братъ его Олегъ Ингворовичъ“, или: „Юрьи Ингваровичъ и братъ его Олегъ“, что явно лишь искажаетъ правильное чтеніе: „Юрьи, Инъвгоровъ братъ, Олегъ Инъвгоревичь“ (Новг. IV; П. С. Р. Л., т. IV², стр. 215) или: „Гюрги, Инъгворовъ братъ, Олегъ, Романъ Инъгоровичъ“ (Новг. I, стр. 247); осторожность А. В. Экземплярскаго (т. II, стр. 571 и родословную таблицу VII) излишня. Родословныя XVI в. („Временникъ М. О. И. и Др.“, кн. 10, стр. 30; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243) поддались той же путаницѣ, такъ какъ сыновьями Ингваря Игоревича называютъ: Романа, Юрія, Олега, т. е. выпускаютъ Ингваря Ингваревича, а его братьевъ (Олега и Романа) дѣлаютъ братьями Юрія Игоревича (который у нихъ Ингваревичъ); близость именъ Игорь и Ингварь привела къ смѣшенію отца съ сыномъ и двухъ Романовъ—Игоревича и Ингваревича. Другое сказаніе о нашествіи Батыя („О нашествіи злочестиваго царя Батыя на Русскую землю повѣсть умильна“) — въ составѣ сказанія „О пришествіи чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуня града, въ предѣлы Рязанскіе“, — которое дошло и въ отдѣльныхъ спискахъ („Временникъ М. О. И. и Др.“, кн. 15) и въ „Русскомъ Временникѣ“ (изд. 1820 г., т. I, стр. 92 и слѣд.), называетъ еще двухъ Ингваревичей — Глѣба и Давида, причемъ Глѣба именуетъ „коломенскимъ“, а Давидъ Ингваревичъ оказался тутъ муромскимъ княземъ; оба они — братья Юрія „Ингваревича“ (Р. Вр., I, стр. 114 и 124—125). — Пронскіе князья, упоминаемые въ сказаніи о „Батыевой ратп“, могутъ быть только Ингваревичи: Всеволодъ пронскій, упоминаемый въ „умильной повѣсти“ (Р. Вр., т. I, стр. 110; Временникъ М. О. И. и Др., кн. 15, стр. 14) — по родословной Временника (кн. 10, стр. 30) Глѣбовичъ, а по другимъ (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 623) Михайловичъ (сынъ Киръ-Михаила), созданіе генеалогическихъ комбинацій, ничѣмъ не подтверждаемыхъ. Судя по перечнямъ князей, созванныхъ Юріемъ Игоревичемъ для отпора татарской силѣ, въ упомянутыхъ текстахъ, — ихъ основной текстъ, подвергшійся затѣмъ ряду искаженій, называлъ за Юріемъ старѣйшаго изъ Ингваревичей (Романа, а въ другой редакціи Олега), затѣмъ муромскихъ и пронскихъ князей. Косвенное подтвержденіе тому, что подъ „пронскими князьями“ слѣдуетъ разумѣть Ингваревичей даетъ текстъ родословной книги, изданной въ 10 книгѣ „Временника“, гдѣ послѣ Юрія и Романа названы сперва муромскіе князья, затѣмъ князья Олегъ, Давыдъ и Глѣбъ Ингваревичи. „Повѣсть умильна“ развиваетъ далѣе путаницу съ Олегами, повѣствуя, какъ Ингварь Ингваревичъ собиралъ „раздробленные уды“ брата, Олега Краснаго, и хоронилъ его („Рус. Вр.“, т. I, стр. 125): зная, что Олегъ остался живъ,

Ингваревича: Ингварь, который былъ посланъ дядей за помощью въ Черниговъ и вернулся оттуда на Рязанское княженіе, когда схлынула татарская напасть, и Олегъ, томившійся въ ордынскомъ плѣну. О князѣ Ингварѣ Ингваревичѣ только и знаемъ, что онъ «обнови землю Рязанскую»; даже время его кончины не отмѣчено лѣтописными сводами; обычно полагаютъ, что его не было въ живыхъ, когда въ 1252 г. «пустили татарове рязанскаго князя Ольга Ингваровича, внука Игорева, на свою землю» [1]). При Олегѣ Ингваровичѣ оформилось владычество Орды надъ Рязанской землей, ордынскіе численники «изочли» землю Рязанскую, и установлена татарская власть въ русскомъ улусѣ золотоордынскихъ хановъ.

Олегъ оставилъ единственнаго сына—Романа, но и двѣнадцатилѣтнее княженіе этого князя на Рязани (1258—1270) ничѣмъ не отмѣчено въ нашихъ источникахъ, кромѣ сказанія о его мученической кончинѣ въ Ордѣ. Отъ князя Романа Ольговича пошли рязанскіе князья. Такъ исторія Рязанской земли начинается какъ бы заново въ эпоху татарскаго владычества надъ Русью. Подъ татарской властью Рязанская земля слагается въ сильное княжество, одно изъ мѣстныхъ великихъ княженій сѣверо-восточной Руси. Его значеніе опредѣлилось въ XIV вѣкѣ въ зависимости отъ его географическаго положенія, какъ Рязанской Украйны—южнаго форпоста Великороссіи. На югѣ оно владѣло важнымъ водораздѣломъ между бассейнами Оки и верхняго Дона. Поселенія, тянувшія къ Рязани, спускались и южнѣе этого водораздѣла, пока лѣсъ давалъ имъ прикрытіе отъ степной опасности, по Дону и Воронежу до рѣчекъ—притоковъ Дона—Тихой Сосны, Червленаго Яра и Битюга, а восточнѣе—по Великую Ворону, притокъ Хопра. Здѣсь проходила въ концѣ XIII-го и въ XIV вѣкахъ граница между Рязанской и Сарайской епархіями [2]). Конечно, такъ далеко къ югу и юго-

---

историки считаютъ Олега Краснаго — братомъ Юрія Игоревича (Иловайскій, Ист. Рязанскаго княжества, стр. 90) или отдѣляютъ прозвище въ пользу племянника, оставляя мнимаго дядю просто Олегомъ (Экземплярскій, т. II, стр. 570 и 572).

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 160. Олега обычно считаютъ младшимъ потому, что онъ позже княжилъ. Однако, возможно, что онъ былъ вторымъ сыномъ Ингваря Игоревича (послѣ Романа); возвращеніе изъ Орды могло и не стоять въ связи со смертью его брата Ингваря. Отсутствіе извѣстій не даетъ возможности возстановить даже элементарные факты рязанской исторіи XIII вѣка. Жалованная грамота в. к. Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. И., т. I, № 2) вызываетъ большое сомнѣніе перечнемъ „прадѣдовъ“ в. к. Олега: Ингварь, Олегъ, Юрій. Первые двое — Ингваревичи? Но какъ попалъ на третье мѣсто Юрій, ихъ дядя?

[2]) Историкъ Рязанскаго княжества, Д. И. Иловайскій отмѣчаетъ возрожденіе русской колонизаціи въ юго-восточномъ направленіи послѣ Батыева погрома (указ. соч., стр. 93—96); граница княжества „перешагнула за рѣку Воронежъ и углубилась въ степи“; окрѣпли русскія поселенія въ степномъ пространствѣ между р. р. Воронежомъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной, извѣстномъ подъ названіемъ Червленаго Яра. Этотъ предѣлъ рязанской украйны, обращенный къ татарской степи, область мелкой пограничной борьбы и постоянной воинской тревоги, былъ предме-

востоку забѣгали только отдѣльные поселки, выдвинутые въ степную сторону далеко отъ главной массы поселеній. Ядро земли было много сѣвернѣе. Старая Рязань была естественнымъ центромъ этого ядра, но съ нею конкуррируетъ въ значеніи центра княжой рязанской силы Переяславль рязанскій, выше къ сѣверо-западу по Окѣ. Возвышеніе Переяславля и его конечная побѣда надъ Рязанью показательны, по своему, для боевого положенія Рязанской земли. Передъ назойливой и изнурительной южной опасностью эта земля жмется къ сѣверу, къ центральнымъ областямъ великорусской силы. Южные предѣлы Рязанской земли сводили ее со степью, гдѣ господствовали татары, не ханская только сила, но и безпокойныя разбойничьи мелкія орды, которыя со своими ордынскими царевичами и князьками наѣзжали на Русь на свой рискъ и на свою добычу. Боевая тревога стала за обычай жителямъ Рязанской Украйны и выработала въ нихъ тотъ смѣлый, буйный и «дерзкій» нравъ, о которомъ твердятъ съ укоризной московскіе книжники.

Опорнымъ пунктомъ рязанскихъ силъ въ южномъ направленіи служилъ Пронскъ, который рано получилъ значеніе особаго княжого стола. А укрѣплять свои южныя позиціи и развивать ихъ оборонительное и наступательное значеніе Рязанское княжество могло только захватывая, по мѣрѣ силъ и возможности, прилежащія Чернигово-сѣверскія волости и вовлекая въ сферу своего властнаго вліянія ихъ мелкія сосѣднія княжества [1]). Западныя отношенія—съ Черниговщиной, затѣмъ съ Литвой имѣли постоянное и крупное значеніе для Рязани.

Не спокойнѣе была и восточная граница Рязанской земли—по рѣкѣ Цнѣ, примыкавшая къ мещерскимъ и мордовскимъ мѣстамъ. Затяжная борьба съ сосѣдними восточно-финскими племенами и съ кочевой силой южной степи еще въ XII столѣтіи связала Рязанскую землю съ Суздальщиной. Въ великихъ князьяхъ Владимірскихъ рязанскіе князья находили

томъ спора о разграниченіи рязанской и сарайской епархій. Грамота митр. Ѳеогноста (А. И. т. I, № 1), подтвердившая рѣшенія митр. Максима и Петра въ пользу рязанской епархіи, обращена „ко всѣмъ христіаномъ Червленого Яру“; грамота митр. Алексѣя (о томъ же, А. И., т. I, № 3)—„ко всѣмъ хрестіаномъ, обрѣтающимся въ предѣлѣ Червленого Яру и по карауломъ возлѣ Хопра до Дону“. Рязанскіе князья держатъ тутъ степную сторожу для предупрежденія нежданныхъ татарскихъ набѣговъ, ранній зародышъ позднѣйшей станичной и сторожевой службы (ср. Бѣляева въ „Чтеніяхъ О. И. и Др.“, 1846 г.). Д. И. Иловайскій придалъ значеніе тому, что „караулы“ упомянуты только въ грамотѣ митр. Алексѣя, а не Ѳеогноста, и заключилъ, что въ 1360-хъ годахъ они были еще вновѣ. Но различіе въ формулѣ обращенія обѣихъ грамотъ едва ли имѣетъ столь опредѣленно показательный смыслъ для датировки появленія украинныхъ карауловъ, а по существу это явленіе старинное, надо полагать еще изъ временъ половецкихъ.

[1]) Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 67 и 104; о князьяхъ Елецкихъ и Козельскихъ при Олегѣ Ивановичѣ см. тамъ же, стр. 127.

опору своимъ недостаточнымъ силамъ, но и платили за то подчиненіемъ, которое естественно обусловливалось значеніемъ Рязанской Украйны, какъ великорусскаго форпоста противъ инородческаго юга и юго-востока.

Эти издавна сложившіяся отношенія существенно опредѣляли и дальнѣйшія судьбы Рязанской земли. Ея боевое положеніе органически требовало опоры въ связяхъ съ великорусскимъ центромъ. Живой артеріей этихъ связей было теченіе Оки и ея притоковъ. Укрѣпить этотъ свой тылъ и расширить его базу было существенной потребностью Рязанской земли. Но возможность усиленія въ сѣверномъ и сѣверо-западномъ направленіяхъ была рано оборвана окрѣпшей мощью Москвы. Между Москвой и Рязанью—соперничество за волости ослабѣвшей и распадавшейся Черниговщины. Спорными мѣстами были для нихъ Лопастна, Верея, Боровскъ, Лужа, которые въ договорныхъ грамотахъ опредѣляются, какъ «мѣста рязанскія», хотя все—это бывшія чернигово-сѣверскія волости [1]). Захватъ ихъ Москвою связанъ, вѣроятно, съ захватомъ Коломны—ключа къ путямъ на Рязань съ сѣвера. А, съ другой стороны, устье Оки замкнуто Нижнимъ-Новгородомъ; къ тому же развитіе рязанской территоріи внизъ по Окѣ прегражденo муромскими владѣніями, которыя давно ускользнули изъ подъ рязанскихъ вліяній и потянули къ великокняжескому Владиміру.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, положеніе Рязанской земли, которое обусловило тяжелую ея исторію. Рязанское княжество въ крайне трудныхъ условіяхъ приняло на себя, по историко-географической необходимости, боевыя и колонизаціонныя задачи русскаго сѣверо-востока, поддержку и развитіе традицій старой Суздальщины въ южныхъ отношеніяхъ Великороссіи, пока новая, московская сила не объединитъ заново въ одномъ центрѣ разрозненныя теченія великорусской народной жизни.

Исходъ XIII вѣка и начало XIV-го—время, когда Рязань вовсе предоставлена своимъ собственнымъ, мѣстнымъ силамъ, а великорусскій центръ наносилъ ей только ослабляющіе тяжкіе удары.

Наши лѣтописные своды крайне невнимательны къ судьбамъ Рязанскаго княжества. По нимъ (а другого матерьяла нѣтъ) слишкомъ часто нельзя точно установить даже элементарные факты рязанской исторіи—хотя бы генеалогію рязанскихъ князей и хронологическую канву ихъ преемства.

Князь-мученикъ ордынскій, Романъ Ольговичъ умеръ въ 1270 году, оставивъ трехъ сыновей—Ѳедора, Ярослава и Константина. Ѳедоръ Романовичъ сѣлъ, вѣроятно, на старшемъ рязанскомъ столѣ; подъ княженіемъ его брата Ярослава возродилось особое пронское княженіе. Однако, даже этотъ

---

[1]) Ср. замѣчанія С. М. Соловьева, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1142, и договоръ 1381 г. между в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ и рязанскимъ в. к. Олегомъ Ивановичемъ (С. Г. Г. и Д. т. I, № 32): тутъ „рязанскими мѣстами“ названы Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ.

фактъ устанавливается съ трудомъ, по даннымъ спорнымъ и противорѣчивымъ; а какихъ-либо детальныхъ свѣдѣній о рязанскихъ событіяхъ и объ отношеніяхъ между князьями наши источники и вовсе не даютъ[1]).

---

[1]) О князѣ Ѳедорѣ Романовичѣ находимъ только упоминаніе его кончины въ 6801 (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 83) или 6802 (Лаврентьевская, стр. 460; П. С. Р. Л., т. X, стр. 169); онъ названъ княземъ Ѳедоромъ Романовичемъ Рязанскимъ (только въ нѣкоторыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи „княземъ великимъ“— П. С. Р. Л., т., X, стр. 169, вар. ѳ). Умеръ онъ бездѣтнымъ, судя по тому, что пѣтъ упоминаній о его потомствѣ, и по пренебреженію списковъ князей въ родословцахъ къ его памяти: они объ немъ вовсе не упоминаютъ (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 574, прим. 1850). Старшимъ Романовичемъ и преемникомъ отца историки (С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. I, ст. 883; Иловайскій, Ист. Рязанск. княжества, стр. 91; Экземплярскій, т. II, стр. 573) признаютъ Ѳедора, очевидно, только потому, что онъ первый умеръ, да еще слѣдуя такому же соображенію тѣхъ списковъ Никоновской лѣтописи, которые придали ему великокняжескій титулъ. Однако, этому противорѣчатъ два текста, указанные Д. И. Иловайскимъ (указ. соч., стр. 206 и 207): приписка къ Рязанской Кормчей (писана въ 1284 г.), составитель которой епископъ Іосифъ датируетъ свой трудъ словами—„во дни же благовѣрнаго христолюбца князя Ярослава и брата его Ѳеодора, рязаньскихъ князь и великыѣ княгыни, матере ихъ, Анастасіи“, и правая грамота XV вѣка, гдѣ читается ссылка на „грамоты старинные великихъ князей жалованныя Ярослава и брата его Ѳедора и сына его Михаила Ярославича“. Но, съ другой стороны, Ярослава Романовича лѣтописи въ сообщеніи подъ 1299 (6807) г. о его смерти называютъ только княземъ пронскимъ (Лаврентьевская, стр. 461; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 182; т. XVIII, стр. 84). Никоновская (т. X, стр. 172) даетъ ему титулъ „князя великаго“, но сохраняетъ названіе „пронскій“. Поэтому С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 883) считаетъ Ярослава „третьимъ Романовичемъ“, а Константина—вторымъ и преемникомъ на Рязани послѣ Ѳедора. Но Иловайскій (стр. 91) и Экземплярскій (стр. 575) признаютъ его (согласно съ родословными, кромѣ тѣхъ, которыя Ярослава дѣлаютъ Константиновичемъ, внукомъ Романа) вторымъ Романовичемъ и преемникомъ брата Ѳедора. Ихъ выводъ подкрѣпляется другимъ предположеніемъ: что глухое извѣстіе въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1300 г.: „того же лѣта рязанскіе князи Ярославичи.... [одного слова недостаетъ] у Переяславля“ означаетъ усобицу Ярославичей съ дядей Константиномъ. Эти отрывочные намеки получили бы нѣкоторую ясность, если предположить, что „удѣломъ“ Константина былъ Переяславль, что Ярославъ, пріобрѣтя старѣйшинство въ Рязанской землѣ остался вотчиннымъ княземъ на Пронскѣ, что бились Ярославичи подъ Переяславлемъ съ дядей противъ перехода къ нему отцовскаго старѣйшинства. Но все это слишкомъ гадательно для сколько-нибудь надежныхъ заключеній. Оставляю въ текстѣ построеніе Иловайскаго и Экземплярскаго, полагая, что приписка на Рязанской Кормчей, можетъ быть, выдвинула впередъ Ярослава по какимъ-либо мѣстнымъ отношеніямъ (пронскимъ?) или по личному отношенію князя Ярослава къ труду епископа Іосифа. Эта приписка еще тѣмъ интересна, что титулуетъ мать „великой княгиней“, не давая такого званія сыновьямъ: передъ нами семья съ матерью-вдовой во главѣ. Однако, правая грамота „второй половины XV вѣка“, на которую ссылается Иловайскій (указ. соч., стр. 207), дала бы сильную поддержку этой припискѣ на кормчей книгѣ въ пользу признанія старшимъ Ярослава, если бы ея формула не вызывала сомнѣній при сопоставленіи (тамъ же) съ грамотой 1340 г. пронскаго князя Александра Михайловича, гдѣ его дѣдъ названъ „Ярославомъ пронскимъ“.

Не лучше обстоитъ дѣло съ нашими свѣдѣніями о дальнѣйшей судьбѣ Рязанскаго княжества. По смерти Ѳедора (въ 1293-4 г.) и Ярослава (въ 1299 г.) въ Рязанской землѣ разыгралась какая-то смута [1]), помогшая московскому князю Даніилу захватить рязанскій городъ Коломну и князя Константина, который и убитъ на Москвѣ Юріемъ Даниловичемъ въ 1306 г. Вовсе не знаемъ, что творилось на Рязани въ годы плѣненія Константина и послѣ его смерти, какъ сложились отношенія между его сыномъ Василіемъ и пронскими вотчичами Ярославичами, Иваномъ и Михаиломъ [2]). Но убіеніе кн. Василія въ Ордѣ въ 1308 году упростило внутреннія отношенія рязанскаго княжья: на исторической сценѣ только пронская ихъ линія, потомство Ярослава Романовича. На старшемъ столѣ княженія—Иванъ Ярославичъ, а Пронскъ остался за его племянникомъ Александромъ Михайловичемъ [3]). Когда Иванъ Ярославичъ погибъ отъ татаръ—не то въ Шевкаловой рати, не то въ Ордѣ (въ 1327 году), рязанскимъ княземъ сталъ сынъ его Иванъ Кортополъ.

Самая скудость свѣдѣній о дѣлахъ Рязанской земли и ея князей можетъ быть принята за свидѣтельство объ ея значительномъ обособленіи отъ общихъ судебъ тогдашней Великороссіи. Рязанскіе князья не играютъ роли въ борьбѣ между Тверью и Москвой, стоятъ въ сторонѣ отъ очередныхъ, острыхъ вопросовъ великорусской жизни. Рязанская земля вынесла первые, наиболѣе тяжкіе удары татарскаго нашествія [4]), и татарская сила нависла надъ нею болѣе тягостно, чѣмъ надъ какой либо иной русской областью. Князь Олегъ Ингваровичъ пятнадцать лѣтъ томился въ ордынскомъ плѣну; Ольговичъ Романъ погибъ въ Ордѣ мученикомъ за вѣру; татарами убиты его внуки Василій Константиновичъ и Иванъ Ярославичъ;

---

[1]) Экземплярскій (вслѣдъ за Иловайскимъ) пытается установить связь между тѣмъ, что приключилось съ Ярославичами у Переяславля въ 1300 г. и тою измѣной рязанскихъ бояръ, которая помогла кн. Даніилу „измѣною“ захватить кн. Константина въ битвѣ подъ Переяславлемъ въ 1301 г. Ему за этими намеками довольно естественно рисуется княжая и боярская смута на Рязани, которой воспользовался Даніилъ.

[2]) О кн. Василіи Константиновичѣ знаемъ только, что онъ „убіенъ бысть въ Ордѣ“ въ 1308 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 176). Изъ Ярославичей лѣтописи знаютъ только Ивана; имя Михаила Ярославича изъ упомянутой выше правой грамоты XV в. Василія признаютъ, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ (кн. I, ст. 913), рязанскимъ княземъ послѣ Константина, а его гибель въ Ордѣ Иловайскій склоненъ отнести на счетъ „происковъ его двоюродныхъ братьевъ, пронскихъ князей“ (указ. соч., стр. 92).

[3]) Вопросы генеалогіи рязанскихъ князей этой „пронской“ линіи потомковъ Ярослава Романовича удачно выяснили, насколько это возможно, Д. И. Иловайскій и А. В. Экземплярскій.

[4]) Кромѣ нашествія 1237—1238 г. Рязанской земли коснулось раззорительное нападеніе 1239 г., когда „взяша татарове Мордовьскую землю и Муромъ пожгоша и по Клязьмѣ воеваша и градъ святыя Богородица Гороховець пожгоша“ (Лаврентьевская, стр. 446).

послѣ нашествій 1237 и 1239 годовъ, Рязанская земля испытала раззорительные татарскіе наѣзды въ 1278, 1288, 1308 годахъ [1]). Какъ ни отрывочны и случайны наши свѣдѣнія о рязанско-татарскихъ отношеніяхъ за данное время, они все же даютъ нѣкоторое представленіе о тягости татарской руки для Рязанской земли. Ни силы центральной Великороссіи, ни великокняжеская власть, подавленная внутренней борьбой, не были въ состояніи дать какую-либо опору Рязанской украйнѣ. Въ ея тылу стояла враждебная Москва, которая захватомъ Коломны, плѣномъ и убіеніемъ князя Константина лишь усилила оторванность Рязани отъ великорусскаго центра и разстройство мѣстной организаціи рязанскихъ силъ.

Усиленіе великокняжеской власти въ рукахъ московскихъ Даниловичей Юрія и Ивана поставило въ болѣе тѣсную зависимость отъ нея и рязанскихъ князей. В. к. Юрій Даниловичъ ходилъ на Рязань ратью въ 1320 г. и привелъ князя Ивана Ярославича къ «докончанію», послѣ котораго видимъ рязанскихъ князей въ составѣ великокняжеской «низовской рати» [2]). Однако, въ княженіи Ивана Коротопола видны черты значительной и крѣпнущей самостоятельности Рязанскаго княжества по отношенію къ великорусскому великокняжескому центру. У Коротопола свои особыя сношенія съ Ордой, и на Рязани своя борьба за сборъ и выплату татарскаго выхода.

Въ 1340 г. князь Иванъ Коротополъ идетъ къ своему стольному Переяславлю съ татарскою ратью воеводы Товлубія въ походѣ на Смоленскъ. По пути Коротополъ перехватилъ своего пронскаго двоюроднаго брата Александра Михайловича, который ѣхалъ къ хану въ Орду съ выходомъ, «изымавъ его погради, и приведше его въ Переяславль рязаньскій, повелѣ его убити» [3]). Изъ Переяславля рать Товлубія и Коротопола пошла къ Смоленску, а къ ней присоединились великокняжескія войска Ивана Калиты съ князьями суздальскимъ, ростовскимъ, юрьевскимъ, друцкимъ и ѳоминскимъ и великокняжескими воеводами. Расправа съ княземъ пронскимъ въ присутствіи ордынскаго воеводы, представителя ханской власти, не простое самоуправство, а рѣзкое проявленіе великокняжескихъ притязаній по отношенію къ «удѣльному» князю Рязанской земли [4]).

---

[1]) Въ 1278 г. „приходиша татарове на Рязань и много зла сътвориша и отъидоша въ свояси“; въ 1288 „князь Елортай ординскій, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань и воева Рязань, Муромъ, Мордву и много зла сътвориша, идоша восвояси“; въ 1308 г., послѣ убіенія въ Ордѣ князя Василія Константиновича, „татарове Рязань воеваша“—П. С. Р. Л., т. X, стр. 156, 167, 176.

[2]) „Ходи князь Юрьи ратью съ братомъ Иваномъ на Рязань на князя Ивана Рязаньского и докончаша миръ“ (Новг. I, стр. 319); „въ лѣто 6841 (1333) приде князь Иванъ въ Торжекъ съ всими князи низовьскими и съ рязаньскими“ (тамъже, стр. 328).

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206; т. IV², ч. 1, стр. 270; т. XVIII, стр. 93. Въ Тверской лѣтописи (т. XV, ст. 421) и Никоновской (т. X, стр. 211) подъ 6847 (1339) г.

[4]) Возможно, что именно Иванъ Коротополъ началъ титуловать себя „вели-

Пронское княжество перешло къ сыновьямъ убитаго Александра—Ярославу-Дмитрію и Ивану. Ярославъ Александровичъ поднялъ въ Ордѣ дѣло объ убійствѣ отца и достигъ въ 1342 г. того, что ханъ отпустилъ его изъ Орды «на Рязанское княженіе» съ посломъ Киндякомъ и татарской ратью. Коротополъ пытался оказать сопротивленіе, но осажденъ въ Переяславлѣ, бѣжалъ изъ осады и вскорѣ убитъ, попавъ во вражескія руки [1]). Съ нимъ оборвана еще одна линія рязанскаго княжескаго дома [2]). Вся Рязанская земля во власти пронскихъ Александровичей [3]). Ярославъ пережилъ Коротополъ

кимъ княземъ рязанскимъ", по аналогіи съ тверскими князьями. Щедрое примѣненіе этого титула позднѣйшими грамотами къ предшественникамъ Коротопола нельзя считать показательнымъ. Въ грамотахъ Дмитрія Донского рязанскіе князья титулуются „великими" (Олегъ Ивановичъ, Ѳедоръ Ольговичъ).

[1]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 209; т. XVIII, стр. 94 (Троицкая и Симеоновская), т. X, стр. 215.

[2]) Быть можетъ, вражда къ памяти Олега Ивановича дала поводъ къ признанію его сыномъ братоубійцы Коротопола (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243: „а княжь Ивановъ сынъ Коротополовъ Олегъ, иже бысть совѣтникъ безбожному Мамаю"; ср. отзывъ Никоновской объ убіеніи Коротопола, т. X, стр. 215). Грамоты (С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 36, 48, 65, 115 и 116) устанавливаютъ опредѣленно, что Олегъ сынъ князя Ивана Александровича (см. у Иловайскаго, Ист. Рязанск. кн., стр. 208—210). И въ грамотѣ Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. И., т. I, № 2) князь Олегъ называетъ отцомъ своимъ Ивана Александровича. О какомъ-либо потомствѣ Коротопола нѣтъ свѣдѣній.

[3]) Лѣтописные своды сообщаютъ, что кн. Ярославъ „сѣлъ въ Ростиславлѣ" (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 94,—Троицкая и Симеоновская; тоже въ Воскр., т. VII, стр. 209, въ Никон., т. X, стр. 215); но тутъ можно предположить съ Иловайскимъ, указ. соч., стр. 93 (ср. Экземплярскаго, т. II, прим. 1869) простую описку первоисточника нашихъ сводовъ. Однако, наши лѣтописные своды называютъ князя Ярослава въ извѣстіи о его кончинѣ—княземъ пронскимъ, а не в. к. рязанскимъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 209; т. X, стр. 216; т. XVIII, стр. 94). Сынъ Ярослава Владиміръ—пронскій отчичъ, а братъ Ярослава—Иванъ Александровичъ извѣстенъ какъ великій князь рязанскій по договорнымъ грамотамъ его внука и правнука (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36, 48, 65; также № 115—116 и упомянутая грамота Олега Ивановича, А. И., т. I, № 2); лѣтописные своды упоминаютъ только его кончину въ 1350 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 222; т. XVIII, стр. 97; т. VII, стр. 215—подъ 1351 г.), и то называютъ его не Иваномъ, а Василіемъ. Потомки Ярослава остались пронскими отчичами, а на великомъ княженіи видимъ Олега Ивановича и его потомковъ; поэтому А. В. Экземплярскій предполагаетъ, что старшимъ Александровичемъ былъ Иванъ, а младшій Ярославъ мимо него получилъ ханскій ярлыкъ („отпущенъ") на Рязанское княженіе, такъ что Иванъ Александровичъ занялъ старшій столъ только по смерти младшаго брата въ 1344 г. (указ. соч., т. II, стр. 581—582). Однако, у насъ нѣтъ основанія утверждать, что Ярославъ утвердился на в. к. рязанскомъ и рѣшительно отвергнуть указаніе лѣтописей, что онъ умеръ княземъ на Пронскѣ; нѣтъ и увѣренности, что его вокняженіе „въ Ростиславлѣ"—создано простой ошибкой, что князь Иванъ не занялъ старшаго рязанскаго стола (въ Переяславлѣ) еще при жизни брата. Мудрено заполнять отсутствіе фактическихъ данныхъ—догадками.

пола не больше, какъ на годъ, а князь Иванъ Александровичъ умеръ въ 1350 г. Великое княженіе на Рязани перешло къ его сыну, весьма еще юному князю Олегу, а на Пронскомъ княженіи—двоюродный братъ Олега Владиміръ Ярославичъ, который, повидимому, тоже остался послѣ отца малолѣткомъ. Хозяевами положенія въ Рязанской землѣ оказались рязанскіе бояре.

II.

Середина XIV вѣка отмѣчена значительнымъ подъемомъ рязанской энергіи. Прискорбная скудость свѣдѣній о жизни Рязанской земли, какія находимъ въ нашихъ источникахъ, не позволяетъ присмотрѣться ближе и глубже къ этому существенному явленію.

Внѣшнія обстоятельства благопріятствовали рязанскимъ стремленіямъ къ усиленію и самостоятельности. Московское и великое княженіе Ивана Ивановича отмѣчено ослабленіемъ великокняжеской власти и смутой въ московской боярской средѣ; затѣмъ настали годы малолѣтства Дмитрія Донского и борьбы его за великое княженіе. Эти московскія дѣла умалили на первыхъ порахъ московское вліяніе въ Ордѣ; открылась возможность успѣшныхъ происковъ въ средѣ ордынскихъ властей, попытокъ перетянуть на свою сторону татарскую силу.

Въ апрѣлѣ 1353 г. умеръ в. к. Симеонъ Ивановичъ, а въ іюнѣ рязанцы взяли Лопастну, увели московскаго намѣстника плѣнникомъ въ Рязань и едва отпустили его за выкупъ. Князь Иванъ Ивановичъ былъ тогда въ Ордѣ, куда съѣхались всѣ русскіе князья; здѣсь шелъ у него споръ о великомъ княженіи съ суздальскимъ княземъ, а вернулся онъ на великое княженіе во Владиміръ зимой 1354 г., въ мартѣ мѣсяцѣ. Юный князь Олегъ едва ли игралъ въ этомъ дѣлѣ руководящую роль; вѣрнѣе, что и онъ былъ въ Ордѣ, да лѣтописи и подчеркиваютъ, при сообщеніи о захватѣ Лопастны, что «князь Олегъ тогда еще младъ былъ», а самое дѣло приписываютъ не ему, а «рязанцамъ» [1]). Видно, что рязанскіе бояре использовали удобный моментъ для энергичнаго выступленія, и сумѣли удержать Лопастну, м. б. въ связи съ затрудненіями, какіе были созданы для московской власти внутренней смутой, которая проявилась въ убіеніи тысяцкаго Алексѣя Петровича и въ отъѣздѣ съ Москвы на Рязань «большихъ бояръ московскихъ».

Захватъ Лопастны былъ съ рязанской стороны только первымъ шагомъ къ требованію исправленія рязанско-московской границы. Въ 1358 г. прибылъ на Рязань царевичъ Махметъ-Хожа и посылалъ отсюда къ в. к.

---

[1]) II. С. Р. Л., т. XVIII (Троицкая и Симеоновская), стр. 28; т. X, стр. 226—227 (подъ 6861 г.).

Ивану Ивановичу требованіе о «разъѣздѣ земли Рязанской». Но на этотъ разъ рязанскія требованія не получили удовлетворенія. Митр. Алексѣй, руководитель московской политики, успѣлъ пріобрѣсти значительное вліяніе въ Ордѣ, а «замятня» ордынская, связанная съ убіеніемъ хана Джанибека и переходомъ власти къ Бердибеку, сгубила царевича Махметъ-Хожу: в. к. Иванъ не пустилъ его на Москву, онъ отозванъ въ Орду и убитъ тамъ «повелѣніемъ царевымъ». Только въ 80-хъ годахъ, уже при митр. Кипріанѣ, добились рязанцы новаго разграниченія своей земли съ московскими владѣніями [1]).

На рядъ лѣтъ между Москвой и Рязанью нависла непорѣшенная «котора». Эта напряженность московско-рязанскихъ отношеній создавала крайне двойственное положеніе Рязанскаго княжества между Москвой и татарами, подготовляя и предопредѣляя позднѣйшую политику в. к. Олега. Рязань и ранѣе искала въ Ордѣ опоры противъ московскаго засилья. Татарская помощь была на сторонѣ рязанскаго князя Константина Романовича въ битвѣ, которая кончилась для этого князя плѣномъ и гибелью отъ московской руки; въ ордынскихъ связяхъ ищутъ рязанцы опоры для возстановленія своихъ владѣній по Окѣ. Но татарская сила ненадежна; быстро нараставшее разложеніе ордынской власти, ея частыя «замятни» исключали возможность опредѣленныхъ и устойчивыхъ отношеній ея къ дѣламъ русскаго улуса. Отдѣльныя малыя орды чинили самовольные набѣги, и ханская власть была безъ силъ передъ татарской анархіей. Въ 1365 г. Рязанская земля испытала набѣгъ ордынскаго князя Тагая; татары пожгли Переяславль, но

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 230; т. XVIII, стр. 100; С. Г. Г. и Д., т. I, № 32.—Впрочемъ, нѣкоторое соглашеніе о новомъ разграниченіи земель рязанскихъ и московскихъ состоялось еще при Иванѣ Ивановичѣ: Лопастна осталась за Рязанью, а в. к. Иванъ получилъ Новый городокъ на усть Поротли и „иная мѣста разаньская отмѣньная“, о чемъ упомянуто въ его духовной грамотѣ (С. Г. Г. и Д., № 26); но сама эта грамота свидѣтельствуетъ о тревогѣ за прочность такого обмѣна и вообще владѣнія спорными землями („а ци по грѣхомъ имуть изъ Орды искати Коломны или Лопастеньскихъ мѣстъ или отъмѣньныхъ мѣстъ рязаньскихъ“). С. М. Соловьевъ полагалъ, что съ Лопастной Москва потеряла въ пользу Рязани „шесть другихъ мѣстъ“, т. е., очевидно, тѣ, что въ договорѣ 1381 г. упомянуты „на рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ“: кромѣ Лопастны еще Мстиславль уѣздъ, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ и Бродничь. („Ист. Россіи“, кн. I, ст. 951 и 1141); это весьма вѣроятно, но, въ такомъ случаѣ, текстъ договора 1381 г. съ его выраженіемъ „что доселѣ потягло“ и безъ ссылки на прежній договоръ свидѣтельствуетъ, что формальнаго договора не было заключено при в. к. Иванѣ и митр. Алексѣѣ, и весь „обмѣнъ“ какъ-будто и не былъ оформленъ? Татищевская передача эпизода о Махметъ-Хожѣ (т. IV, стр. 185) примѣръ произвольнаго комментированія, какое Татищевъ вносилъ въ редакцію текста: отсюда и цѣлая исторія о спорѣ за Лопастну у него-же (стр. 223). Лопастна по отношенію къ Москвѣ, очевидно, за Окой; лопастенскія мѣста по р. Лопастнѣ, лѣвому притоку Оки, остались за Москвой.

князья Олегъ и Владиміръ съ козельскимъ княземъ Титомъ, Олеговымъ своякомъ, нагнали и разбили его у Шишевскаго лѣса на р. Войнѣ [1]). Тягость татарской опасности тормозила разрывъ зависимости Рязани отъ великорусскаго великаго княженія и подрывала значеніе ордынскаго покровительства, слишкомъ неустойчиваго и внутренно обезсиленнаго. При всей напряженности московско-рязанскихъ отношеній—сохраняется связь Рязани съ великимъ княженіемъ, и мы видимъ рязанскую рать «князя Олега рязанскаго» подъ воеводствомъ пронскаго князя Владиміра въ борьбѣ противъ Ольгерда, при его нападеніи на Москву въ 1370 году [2]).

Однако, 1350-е—1370-е годы были временемъ, когда великокняжеское положеніе московскихъ князей пережило тяжкій кризисъ подъ давленіемъ борьбы съ поднявшейся новой силой великаго княженія нижегородскаго и съ Новгородомъ Великимъ, съ порывами Твери къ независимости и преобладанію въ Великороссіи, съ судорожными движеніями татарской силы, съ наступленіемъ къ востоку Литовскаго великаго княжества. Исходъ этой многосложной борьбы былъ долгое время неясенъ для современниковъ, а Рязанское княжество, не имѣя твердой опоры въ великорусскомъ центрѣ, должно само себя оборонять и само устанавливать свои отношенія къ татарскому и литовскому сосѣду [3]). Эта тяга къ обособленному политическому самоопредѣленію Рязанскаго княжества осложнена и обострена порубежными спорами съ Москвой, потребностью Рязани укрѣпить свою пріокскую базу «нерушимыми и непретворимыми предѣлами и рубежами» [4]). Двойственное положеніе Рязанскаго княжества между великорусскимъ великимъ княженіемъ всея Руси и его южными и западными врагами опредѣлило къ семидесятымъ годамъ XIV вѣка внутреннее разногласіе рязанскихъ тенденцій. Младшее—пронское—княженіе становится центромъ тяготѣнія къ Москвѣ и ея великокняжеской силѣ, тогда какъ великое рязанское княженіе ищетъ выхода изъ подъ московской власти и пытается самостоятельно опредѣлять свои сосѣдскія отношенія на три фронта.

Намъ ближе неизвѣстны мотивы разрыва между Рязанью и Москвой въ 1371 году [5]); суть вопроса въ отношеніи этого разрыва къ договору,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 13; т. XI, стр. 5; т. XVIII, стр. 104.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17; т. XI, стр. 14 (подъ 6879 г.); т. XVIII, стр. 110.

[3]) Назрѣваетъ та „эмансипація Твери и Рязани отъ подчиненія в. к. московскому“ въ концѣ XIV и первой четверти XV вѣка, которую выдвигаетъ М. К. Любавскій въ своихъ „Лекціяхъ по древней русской исторіи“, стр. 167.

[4]) По выраженію Никоновской лѣтописи—П. С. Р. Л., т. X, стр. 230.

[5]) С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 964—965) ограничился указаніемъ, вполнѣ точнымъ, что произошло это „неизвѣстно по какимъ причинамъ“, а подчеркнулъ только, какъ въ ходѣ конфликта сказалась „вражда между двумя княжескими линіями, рязанскою и пронскою“; Иловайскій (стр. 109) прямо предполагаетъ „участіе, которое пронскій князь принималъ въ войнѣ Димитрія съ Олегомъ“; Экземплярскій (т. II,

какой въ эту пору заключенъ между великими князьями Ольгердомъ и Дмитріемъ. А въ договорѣ этомъ читаемъ упоминаніе о включеніи въ мирный трактатъ съ Ольгердомъ тѣхъ князей, «хто будутъ со княземъ съ великимъ з Дмитріемъ Ивановичемъ и съ его братомъ со княземъ съ Владимеромъ Аньдрѣевичемъ въ любви и въ докончаньи, князь великій Олегъ, князь великій Романъ, князь великій Володимеръ Проньскій и иныѣ князи, хто будутъ въ нашемъ имени» [1]). Текстъ показываетъ, что предстояло

стр. 584) болѣе осторожно допускаетъ, что пронскій князь былъ въ это время „во враждебныхъ отношеніяхъ къ рязанскому князю и если не дѣйствовалъ противъ него вмѣстѣ съ московскимъ княземъ, то и не помогалъ ему“. Все это нисколько не освѣщаетъ мотива рѣшительныхъ дѣйствій Дмитрія Донского, да и не можетъ быть обосновано данными нашихъ источниковъ; и замѣчаніе Соловьева только освѣщаетъ личную роль князя Владиміра послѣ московской побѣды. Татищевъ взглянулъ шире, предположивъ вліяніе пограничныхъ споровъ, поднятыхъ съ захвата рязанцами Лопастны, и еще—нѣкоторую двойственность въ отношеніи Олега къ русско-литовской борьбѣ (т. IV, стр. 223), но подчинилъ, по своей манерѣ, этому предположенію само фактическое изложеніе при редактированіи текста источника для своей „Исторіи“. Карамзинъ (т. V, ст. 15) принялъ Татищевское указаніе на пограничные споры, какъ мотивъ разрыва.

[1]) Въ С. Г. Г. и Д. (т. I, № 31) этотъ договоръ отнесенъ къ 1371 году. Заключенъ онъ былъ послами в. к. Ольгерда, какъ прелиминарный при заключеніи перемирія (отъ Оспожина заговѣнья до Дмитріева дни, т. е. отъ 31 іюля по 26 октября) и открытіи переговоровъ („а межи насъ нашимъ посломъ ѣздити, путь имъ чистъ“, причемъ: „а си грамота аже будетъ князю великому Олгерду нелюба, инъ отошлетъ, а хотя и отошлетъ, а на семъ перемирьи и докончаньи межы насъ съ Олгердомъ войны нѣтъ до Дмитреева дни“). По лѣтописнымъ сводамъ набѣгъ Ольгерда подъ Москву относится къ декабрю 6878 г. (Воскр. и Симеоновск.; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17, т. XVIII, стр. 110) или 6879 (Никон., т. XI, стр. 14), но вѣрная дата, декабрь 1370 года, устанавливается тѣмъ, что послѣ заключенія перемирія съ Ольгердомъ в. к. Дмитрій поѣхалъ въ Орду 15 іюня „въ недѣлю“, что соотвѣтствуетъ только 1371 г. (т. XVIII, стр. 110), а походъ на Рязань и бой на Скорнищевѣ произошли въ декабрѣ того же года. Ольгердъ стоялъ подъ Москвой 8 или 10 дней съ 6-го декабря 1370 г., но узнавъ о приходѣ рязанской рати, заключилъ перемиріе „до Петрова дни“ и началъ переговоры о „вѣчномъ мирѣ“ и замужествѣ своей дочери съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, а самъ отступилъ съ войскомъ во свояси. Послы Ольгерда прибыли въ Москву послѣ отъѣзда в. к. Дмитрія въ Орду (т. VIII, стр. 18: „послѣ великаго князя“), такъ что переговоры съ ними вели, очевидно, митр. Алексѣй и бояре. Дата договора—іюль 1371 года, ранѣе разрыва в. к. Дмитрія съ Олегомъ. Таковъ и порядокъ изложенія всѣхъ лѣтописныхъ сводовъ; ср. Лѣт. по акад. списку (въ изд. Лаврентьевской лѣтописи), стр. 505—506; П. С. Р. Л., т. XV, ст. 430. Но Соловьевъ (б. м.. подъ вліяніемъ изложенія Карамзина, т. V, ст. 18?) принялъ для этого договора дату 1372 г. и отнесъ его къ иному моменту, когда Ольгердъ, послѣ неудачной встрѣчи съ московскимъ войскомъ у Любутска „взялъ миръ“ съ в. к. Дмитріемъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 20 и т. XVIII, стр. 113, также въ Троицкой и Ростовской лѣтописяхъ—подъ 6881 г.; т. XI, стр. 19—подъ 6880 г.), но этотъ „миръ“ заключалъ самъ Ольгердъ, а прелиминарный договоръ его пословъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ, надо полагать, „отосланъ“ имъ, такъ какъ оказался въ московскомъ архивѣ въ подлинникѣ (съ печатями, изъ которыхъ одна митрополичья,

особое «докончанье» съ князьями рязанскимъ и пронскимъ, причемъ даетъ намекъ на то, что вопросъ, быть ли имъ «въ имени» в. к. Дмитрія оставался еще открытымъ. Въ возраженіяхъ Олега противъ его зачисленія въ число «иныхъ князей», кто будетъ «въ имени» великаго князя Дмитрія съ отказомъ отъ самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній, всего естественнѣе видѣть мотивъ послѣдовавшаго разрыва между Москвой и Рязанью. Какъ бы то ни было, въ декабрѣ 1371 г. великокняжеская рать идетъ на Рязань, рязанцы разбиты близъ Переяславля на Скорнищевѣ, князь «Олегъ едва утече въ малѣ дружинѣ», а столъ Рязанскаго княженія занялъ пронскій князь Владиміръ Ярославичъ [1]). Однако, не на долго; Олегъ, по уходѣ московской рати, «изгономъ» согналъ Владиміра и вернулъ себѣ великое княженіе на Рязани [2]).

Къ сожалѣнію, наши источники молчатъ о томъ, какъ опредѣлились московско-рязанскія отношенія послѣ этихъ событій. Впрочемъ, самое это умолчаніе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ слѣдуетъ, быть можетъ, признать чертой показательной: трудно допустить, чтобы въ нихъ не нашло упоминанія докончаніе в. к. Дмитрія съ рязанскимъ Олегомъ «на всей волѣ» великаго князя, если бы таковое состоялось. Олегъ силой, быть можетъ, съ татарскою помощью [3]), вернулъ себѣ великое княженіе, согнавъ съ Рязани московскаго ставленника. И онъ не только удержался на великомъ княженіи, но фактически увеличилъ свою независимость отъ великокняжеской власти. Въ ближайшіе годы—не слышно объ его участіи въ борьбѣ Москвы съ Литвой и Тверью, и этотъ его нейтралитетъ подчеркнутъ тою ролью третейскаго судьи въ московско-тверскихъ разногласіяхъ, какая ему предназначена въ договорѣ 1375 г. в. к. Дмитрія съ тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ [4]). Собственные интересы Рязанской земли, какъ ихъ, повидимому, понималъ в. к. Олегъ, побуждали его держать себя уклончиво и осторожно. Правда, разладъ съ пронскимъ княженіемъ вскорѣ

другая, повидимому, литовскихъословъ). Дату 1372 г. приняли Иловайскій (стр. 110) и Экземплярскій (т. II, стр. 585), хотя послѣдній весьма сбивчиво отнесъ договоръ къ обоимъ моментамъ заразъ—ср. т. I, стр. 100—101 и 104—105, замѣтивъ, притомъ что столкновеніе подъ Любутскомъ точнѣе отнести къ 1373 г.

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 18 — 19 („князь великій Дмитрей Ивановичъ посади на Рязанскомъ княженіи князя Володимера пронскаго“); т. XVIII, стр. 112 („и сѣде тогда на княженіи великомъ рязанскомъ князь Володимеръ пронскій“; тоже т. XI, стр. 17).

[2]) Никоновская (т. XI, стр. 17) добавляетъ, что Олегъ „изыма“ князя Владиміра и „приведе его въ свою волю“.

[3]) Родословное преданіе Вердеревскихъ, на которое ссылается Иловайскій (стр. 109), о „мурзѣ Салахмірѣ“ само по себѣ не имѣетъ исторической цѣнности, но фактъ татарской помощи—возможенъ; см. текстъ этого преданія въ „Сборникѣ Моск. Арх. Мин. Юстиціи“, т. I, ч. 1.

[4]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 28; о его датировкѣ см. выше, на стр. 211, примѣчаніе 8-е.

потерялъ тревожный характеръ. Князь Владиміръ Ярославичъ умеръ зимой 1372—3 года [1]), а сына его Ивана встрѣчаемъ дѣятельнымъ княземъ въ раздорѣ съ великимъ княземъ рязанскимъ только по смерти князя Олега. Но семидесятые годы время крайняго напряженія русско-татарскихъ отношеній, и Рязанская украйна должна была ихъ провести въ состояніи непрерывной тревоги. Въ 1373 г. Рязанская земля испытала раззорительный набѣгъ Мамаевыхъ татаръ [2]). А в. к. Дмитрій съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ стояли, «собрався со всею силою своею» на берегу Оки—«все лѣто», и цѣль ихъ была достигнута, разъ удалось не допустить татаръ до переправы за Оку [3]).

Рязанская земля горько испытала участь украйны, лежащей впереди основной линіи великорусской обороны—теченія Оки. Великорусскія силы, объединявшіяся вокругъ Москвы, упорно и все болѣе успѣшно защищали отъ татарскихъ нападеній Нижній Новгородъ, нижегородскій край и линію Оки. Такъ и осенью 1377—8-го года царевичъ Арапша послѣ нападенія на Нижній Новгородъ и раззоренія Засурья безпрепятственно грабитъ «изгономъ» Рязанскую землю. Много терпѣлъ и Нижній, но и значительны были усилія на его оборону; а для положенія Рязанской земли особенно характерны дѣянія 1378 и 1379 годовъ. На этотъ разъ нежданнымъ изгономъ татары захватили Нижній въ расплохъ и сожгли его. В. к. Дмитрій встрѣтилъ новую татарскую рать воеводы Бегича за Окой, въ Рязанской землѣ и разбилъ ее на берегахъ рѣки Вожи. Но на Рязанскую землю не замедлила обрушиться татарская отплата. Передъ новымъ «изгономъ» сильной татарской рати, в. к. Олегу пришлось, по словамъ лѣтописца-москвича, «перебѣжать на сю страну Оки», покинувъ города свои на произволъ врага. Татары сожгли Переяславль и рядъ иныхъ городовъ и «Рязанскую землю пусту сотвориша» [4]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19; тутъ же, на стр. 185 — подъ 6909 (1401 г.) упоминаніе о пронскихъ князьяхъ въ походѣ в. к. Олега подъ Смоленскъ; лѣтописи упоминаютъ кромѣ Ивана Владиміровича только кн. Данила Пронскаго, участника битвы на р. Вожѣ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32—33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42), но безъ отчества, и его генеалогическое положеніе неопредѣлимо. Откуда взялъ Д. И. Иловайскій (стр. 126) второго Владиміровича Ѳедора—неизвѣстно (ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 630).

[2]) „Пріидоша татарове ратью изо Орды отъ Мамая на Рязань, на великого князя Олга Иановича рязанскаго, и грады его пожгоша, и людей многое множество избиша и плѣниша и со многимъ полономъ отъидоша во свояси“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19).

[3]) Тамъ-же.

[4]) „Олегъ же рязаньскій по отшествіи татарьскомъ видѣ землю свою всю пусту и огнемъ сожжену, и богатство его все и имѣніе татарове взяша, и оскорбися, и опечалися зѣло“, пишетъ Никоновская лѣтопись, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 43.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32—33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42—43.

Упомянутыя событія семидесятыхъ годовъ XIV-го вѣка подготовили пресловутое поведеніе Олега рязанскаго въ эпоху Куликовской битвы. Долгое время рязанская и нижегородская украйны Великороссіи спасали своими неисходными бѣдами ея центральныя области отъ татарской напасти. Но къ концу семидесятыхъ годовъ XV вѣка это ихъ значеніе какъ внѣшняго оплота Великороссіи оказывается исжитымъ, и сильные враги—Москва и Орда—стоятъ черезъ нихъ лицомъ къ лицу. Бой на Вожѣ рѣзко указалъ татарамъ, гдѣ подлинный центръ великорусской силы, окрѣпшей для опытовъ единой національной обороны по всей линіи западныхъ и южныхъ предѣловъ Великороссіи. Готовилось осуществленіе грознаго союза Орды и Литвы, намѣченнаго еще Ольгердомъ. Рязанскому князю предстояло опредѣлить свое положеніе въ назрѣвавшемъ рѣшительномъ конфликтѣ восточноевропейскихъ силъ. Линія его поведенія опредѣлилась еще въ отношеніи къ западной борьбѣ в. к. Дмитрія въ направленіи уклончиваго нейтралитета. Москва дерзнула на борьбу съ Ордой, а наиболѣе тяжкая расплата въ случаѣ неудачи или неполной даже удачи падетъ на Рязанскую землю: такъ, повидимому, можно опредѣлить тревожныя рязанскія размышленія этой поры; но едва ли меньшія опасенія должна была вызывать на Рязани мысль о рѣшительномъ успѣхѣ Москвы (если только онъ считался сколько-нибудь вѣроятнымъ): вѣдь современникамъ было уже ясно, особенно послѣ московско-тверского договора 1375 года, чѣмъ подобный успѣхъ грозилъ независимости Рязанскаго княжества. Какъ бы то ни было, в. к. Олегъ занялъ въ рѣшительную минуту положеніе, которое навлекло на него рѣзкія нареканія за измѣну русскому дѣлу и двуличную политическую игру: сносился съ Мамаемъ и съ Ягайломъ, отстраняя отъ себя вражду противниковъ в. к. Дмитрія, а, въ то же время, предупреждалъ Дмитрія объ ихъ движеніи; уклонился отъ участія ратной силой въ великокняжескомъ походѣ противъ татаръ и не сумѣлъ избѣжать столкновенія между рязанцами и московскими войсками при ихъ возвращеніи съ Куликова поля [1]). Побѣда

---

[1]) Ср. С. М. Соловьева, „Ист. Россіи“, кн. I, ст. 977; Д. И. Иловайскаго, Ист. Рязанскаго княжества стр. 112—117; А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 586—587. Лѣтописная повѣсть о побоищѣ в. к. Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ—П. С. Р. Л., т. IV², стр. 311 и сл. (I изд., стр. 75—83); т. VI, стр. 90—98; т. VIII, стр. 34—41. О ней см. А. А. Шахматова „Отзывъ о сочиненіи С. Шамбинаго—Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ“ (въ 12-мъ присужденіи премій митр. Макарія, 1910 г.) и Шамбинаго (въ „Сборникѣ Отд. Русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ“, т. 81).—Въ договорной грамотѣ 1381 года в. к. Олегъ обязуется „къ Литвѣ цѣлованіе сложити“ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 32); въ томъ же договорѣ: „а что князь великій Дмитрій и братъ князь Володимеръ билися на Дону съ татары, отъ того времени что грабежъ или что поиманье у князя у великого людии и у его брата князя Володимера, тому межи насъ судъ вопчій, отдати то по исправи“.

Подъ вліяніемъ словъ Лѣтописной повѣсти, какъ в. к. Дмитрію, по возвращеніи въ Москву „повѣдаша...., что князь Олегъ рязаньскій посылалъ Мамаю на

в. к. Дмитрія поставила Олега рязанскаго въ безпомощное положеніе передъ великимъ княземъ всея Руси, Олегъ потерялъ опору въ ордынской власти и въ сближеніи съ Литвой. В. к. Дмитрій использовалъ благопріятный моментъ, чтобы покончить съ международной самостоятельностью Рязани и вернуть ее къ зависимости отъ своей великокняжеской власти. Однако, великокняжескому войску, собранному для похода на Рязань, не пришлось выступить: въ Москву прибыло рязанское посольство съ извѣстіемъ, что князь Олегъ покинулъ свою землю и бѣжалъ съ княгинею, дѣтьми и со всѣмъ своимъ дворомъ. В. к. Дмитрій принялъ челобитье рязанцевъ, заключилъ съ ними «рядъ», отмѣнилъ походъ и послалъ на Рязанскую землю своихъ намѣстниковъ [1]). Гибель Мамая и водвореніе въ Золотой Ордѣ новаго владыки Тохтамыша круто измѣнило все положеніе дѣлъ. Русскіе князья

помочь свою силу, а самъ по рѣкамъ мосты перемѣталъ, а кто поѣхалъ съ донского побоища домовь къ Москвѣ сквозѣ его отчину рязаньскую землю, бояре или слуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити и нагыхъ пущати", Иловайскій (стр. 118) и Экземплярскій (т. II, стр. 587) поняли дѣло такъ, что рѣчь идетъ и въ договорѣ о грабежѣ и поиманіи москвичей рязанцами; но текстъ упоминаетъ только о поиманыхъ людяхъ, которые у в. к. Дмитрія и его брата, т. е. рязанцы, такъ что тутъ въ рязанцахъ надо видѣть также не виновниковъ, а жертву „грабежа". С. М. Соловьевъ, косвенно подсказавшій Иловайскому и Экземплярскому ихъ пониманіе договора (ср. „Ист. Россіи", кн. I, ст. 985), поддержалъ его ссылкой на договоръ в. к. Василія Дмитріевича съ рязанскимъ великимъ княземъ Ѳедоромъ Ольговичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36), гдѣ читаемъ: „а будетъ въ твоей отчинѣ тѣхъ людей, з Дону которые шли, и тѣхъ ти всѣхъ отпустити"; по контексту возможно, что тутъ рѣчь о возвращавшихся съ Куликова поля, хотя этого прямо и не сказано. Прямое противодѣйствіе по приказу Олега возвращавшимся съ Дона войскамъ, о чемъ говорили, по повѣсти, в. к. Дмитрію его бояре, весьма сомнительно, но несомнѣнны столкновенія этихъ войскъ съ мѣстнымъ рязанскимъ населеніемъ, скорѣе всего, какъ полагаетъ Иловайскій (стр. 117), изъ за насилій московской рати. Заботливое указаніе позднѣйшихъ редакцій сказанія о Куликовской битвѣ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 67), что в. к. Дмитрій „заповѣдалъ всему своему войску, аще кто идетъ по Рязаньской землѣ, то никтоже ни единому власу да не коснется", не столько опровергаетъ, сколько подтверждаетъ такое предположеніе.

[1]) У насъ нѣтъ основаній отвергать это извѣстіе лѣтописныхъ сводовъ, восходящее, вѣроятно, къ той же повѣсти о Куликовской битвѣ, какую читаемъ въ ихъ составѣ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 82; т. VI, стр. 97; т. VIII, стр. 41), хотя оно вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, какъ потому, что не дополнено указаніемъ, куда бѣжалъ Олегъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ вернулся, такъ и потому, что, при такой неполнотѣ фактическихъ свѣдѣній оно представляется несогласимымъ съ договорной грамотой 1381 года (см. у Иловайскаго, указ. соч., стр. 118; Соловьевъ, кн. I, ст. 984 и Экземплярскій, т. II, стр. 587—обходятъ это затрудненіе). Бѣжать онъ могъ только въ Литву (Иловайскій: „на литовскую границу"), а вновь появляется въ лѣтописныхъ сводахъ уже при встрѣчѣ хана Тохтамыша. Никоновская лѣтопись вовсе опустила упоминаніе о бѣгствѣ Олега и посылкѣ намѣстниковъ на Рязань, а редакторъ лицевого свода внесъ вставку объ этомъ изъ Воскресенской на крайне неподходящее мѣсто своего изложенія (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 67).

съ в. к. Дмитріемъ во главѣ спѣшили признать новаго хана, приняли съ честью его посла, а къ хану отправили своихъ пословъ съ дарами и поминками [1]). Опаска передъ новой грозной силой сплотила «всѣхъ князей русскихъ» подъ старѣйшинствомъ в. к. Дмитрія [2]). Къ этому моменту надо отнести возвращеніе князю Олегу Рязанскаго великаго княженія. Однако, насколько можемъ судить по сохранившимся неполнымъ и недостаточнымъ даннымъ, между великими князьями Дмитріемъ и Олегомъ не состоялось формальнаго уряженья и докончанья, по крайней мѣрѣ до осени 1381 г. [3]), а вѣрнѣе, что и до конца 1385 года.

Новая татарская гроза поднялась на Русь осенью 1382 года [4]). Князь

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, 42; т. XI, стр. 69.

[2]) „Тоя же осени, мѣсяца ноября въ 1 день вси князи русстіи сославшеся велію любовь учиниша межу собою“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 69).

[3]) Договорная грамота 1381 года (С. Г. Г. и Д., т. I, № 32) упоминаетъ о „погребѣ“ всему „что ся ни дѣяло дотоле, какъ есмя целовали крестъ“—„до Спасова Преображенья дни за четыре дни“ и устанавливаетъ „судъ вопчей межи насъ отъ того празника всему“, а составлена „по благословенію“ митр. Кипріана, который прибылъ въ Москву на митрополію 23 мая 1381 г., а осенью 1382 года высланъ изъ Москвы: грамота относится къ августу 1381 года. Дошла она до насъ безъ печатей, и, возможно, даетъ только проектъ договора, составленный въ Москвѣ, не утвержденный и не вошедшій въ силу. Когда много позднѣе, въ ноябрѣ 1385 состоялось примиреніе в. к. Олега съ в. к. Дмитріемъ при посредничествѣ троицкаго игумена Сергія, лѣтописи отмѣтили, что „мнози преже того къ нему ѣздиша и не възмогоша умирити ихъ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49). Грамота 1381 г. имѣетъ, во всякомъ случаѣ, большую цѣнность, какъ формулировка цѣлей великокняжеской политики и пріемлемаго для нея компромисса съ рязанскими требованіями въ старыхъ пограничныхъ спорахъ. Весьма вѣроятно, что ея содержаніе легло въ основу „вѣчнаго мира“ 1385 г., такъ какъ этому соотвѣтствуютъ, по существу, отношенія Москвы и Рязани, установившіяся послѣ 1385 года—до самой смерти в. к. Олега.

[4]) „Точная“ дата прихода хана Тохтамыша подъ Москву, обычная въ нашихъ сводахъ—6890 г., августа 23, въ понедѣльникъ—невозможна, т. к. 23 августа 6890/1382 г. приходилось на субботу. Ошибка—отъ порчи текста. Никоновская (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 73) и Симеоновская (т. XVIII, стр. 132) сохранили такую редакцію „повѣсти о прихожденіи Тохтамышевѣ на Москву“, гдѣ порча текста принята и сглажена, да еще и подкрѣплена (по вычисленію) сообщеніемъ, что взятіе Москвы произошло 26 августа; тутъ только „понедѣльникъ“ указываетъ на искаженіе. Но въ Воскресенской (т. VIII, стр. 44 и 46) слѣды этого искаженія яснѣе: 1) нескладная фраза: ханъ „прінде ратью къ городу Москвѣ, а сила татарская приде мѣсяца августа въ 23, въ понедѣльникъ, и пріидоша не вси полки къ городу“ поясняется варіантомъ (г) Карамзинскаго списка, гдѣ вмѣсто „въ 23“ стоитъ: „въ 8 день въ третій день“; дѣло, повидимому, въ томъ, что ханъ подошелъ къ Москвѣ съ частью полковъ 8 августа (въ пятницу), а въ третій день послѣ него—въ понедѣльникъ 11-го, пришла вся сила татарская; 2) ханъ стоялъ подъ Москвой 3 дня, а на четвертый взялъ ее обманомъ: по Воскресенской—26 августа въ четвергъ, но 26 августа 1382 г. приходилось на вторникъ, а взята была Москва, очевидно, въ четвергъ, 14-го августа. Несовсѣмъ обычный счетъ „третьяго“ и „четвертаго“ дней зависитъ,

Олегъ встрѣтилъ хана Тохтамыша, когда онъ не вступалъ еще въ русскіе предѣлы, съ челобитьемъ и «обведе царя около всей своей отчины Рязанскія земли, хотяше бо», замѣчаетъ московскій книжникъ, «добра не намъ, но своему княженію помогаше» [1]), и далъ татарамъ проводниковъ на броды черезъ Оку. По разсказу московскихъ книжниковъ, Олегъ сулилъ хану легкій захватъ московскаго города и самого в. к. Дмитрія. Но взятіе Москвы и раззореніе нѣсколькихъ городовъ и волостей не избавили Тохтамыша отъ вырожденія его грознаго похода въ набѣгъ «изгономъ» и отъ поспѣшнаго отступленія, какъ только успѣли собраться войска великаго князя. Этимъ, быть можетъ, объясняется гнѣвъ хана на рязанскаго князя, жестокое раззореніе татарами Рязанской земли и бѣгство передъ ними князя Олега [2]). И кн. Олегъ снова между двухъ огней. Онъ вернулся на Рязань, когда ушли татары, но вынужденъ снова бѣжать передъ московской ратью, которая раззорила его землю «до останка», такъ что «пуще ему бысть и татарскія рати». И снова наши источники не упоминаютъ, когда и какъ вернулся Олегъ на свое княженіе послѣ этого бѣгства, но связать это возвращеніе естественно съ примиреніемъ между Тохтамышемъ и в. к. Дмитріемъ на началахъ обновленной зависимости, которое состоялось тою же осенью 1382 г. [3]). Однако, мира и докончанія между великими князьями все еще не установилось. Весной 1385 года затяжное напряженіе московско-рязанскихъ отношеній разрѣшилось кровавымъ столкновеніемъ. Олегъ «изгономъ» взялъ Коломну, увелъ въ плѣнъ великокняжескаго намѣстника, а затѣмъ разбилъ въ бою «на Рязани» московскую рать князя Владиміра Андреевича [4]).

Эти ратные успѣхи не только не дали Олегу даже частичнаго перевѣса надъ Москвой, но не повели и къ новой, упорной борьбѣ между великими князьями. Надъ Рязанью, какъ показалъ горькій опытъ прежнихъ лѣтъ, тяготѣла таже ордынская опасность, что и надъ всей Великороссіей, а внутреннія дѣла Литовскаго великаго княжества обезпѣчивали то крестоцѣловальное докончаніе, какое Олегъ заключилъ съ Ягайломъ, вѣроятно, во время своего устраненія съ Рязанскаго княженія въ 1380—1381 г. [5]). И в. к.

въ данномъ случаѣ, вѣроятно, отъ того, что и татары пришли подъ Москву „въ полъобѣда“ и взятіе города произошло „по обѣдехъ“—„въ 7 часъ дни“.

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 85; т. VIII, стр. 43; Никоновская, т. XI, стр. 72 переноситъ встрѣчу Тохтамыша Олегомъ „на украины своея земли рязанскія“.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 89; т. VIII, стр. 47.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 90; т. VIII, стр. 47—48.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49.

[5]) Разумѣю то „цѣлованіе къ Литвѣ“, сложенія котораго Олегомъ требуетъ договорная грамота 1381 г.—Полное отсутствіе извѣстій о содержаніи и обстоятельствахъ этого крестоцѣлованія дѣлаетъ невозможной провѣрку, а тѣмъ самымъ и обоснованіе предположенія о связи его съ отношеніемъ Олега къ нашествію Тохтамыша, какъ моментомъ, который служилъ бы продолженіемъ союза противъ Москвы Ягайла съ Мамаемъ и подготовкой позднѣйшаго союза Витовта съ Тохтамышемъ.

Дмитрій переживалъ въ эту пору слишкомъ сложныя затрудненія, чтобы поднять рѣшительную борьбу съ Рязанью. Конфликтъ, тянувшійся столь долгое время, разрѣшился, наконецъ, при посредничествѣ троицкаго игумена Сергія заключеніемъ «вѣчнаго мира». До насъ не дошла грамота, его закрѣпившая, а лѣтописи говорятъ о немъ лишь въ краткой записи [1]). Выше уже было высказано предположеніе, что въ основу этого «вѣчнаго мира»должны были лечь условія, сформулированныя въ договорной грамотѣ 1381 года. По этой грамотѣ, в. к. Олегъ долженъ былъ признать себя «братомъ молодшимъ» в. к. Дмитрію, равнымъ серпуховскому князю Владиміру Андреевичу; сложить цѣлованіе къ Литвѣ и подчинить свои отношенія къ ней великокняжеской политикѣ, какъ «въ любви», такъ и «не въ любви» (т. е. въ случаѣ разрыва съ литовцами «быти на нихъ съ одиного»); и съ татарами держать «миръ или данье съ одиного съ княземъ съ великимъ съ Дмитріемъ», а будетъ «немиръ»—быть «съ одиного на татаръ и битися съ ними»; тоже и въ отношеніи къ русскимъ князьямъ: кто в. к. Дмитрію другъ, тотъ и в. к. Олегу другъ, а кто недругъ, то и кн. в. Олегу недругъ, «итти нань съ одиного». За то и московскіе князья обязывались добра Олегу «хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси отъ чистосеръдья» и «блюсти, а не обидѣти» его вотчину. Въ то же время договоръ устанавливалъ новое разграниченіе между владѣніями рязанскаго князя, съ одной, великимъ княжествомъ и московской вотчиной, съ другой стороны [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л, т. VIII, стр. 49: „тое же осени преподобный игуменъ Сергіе ѣздилъ на Рязань къ князю Олгу о миру, мнози бо преже того къ нему ѣздиша и не възмогоша умирити ихъ, тогда же взя съ великимъ княземъ Дмитріемъ миръ вѣчный“. Риторическое развитіе этого извѣстія въ Никоновской (т. XI, стр. 87) и Симеоновской (т. XVIII, стр. 136) не имѣетъ значенія.

[2]) „Роздѣлъ земли по реку по Оку“ и по Цнѣ: что „на московской сторонѣ“, то къ Москвѣ, „а что на рязаньской сторонѣ, а то къ Рязани“; „а володимерское по рубежъ, по тому, какъ то было при вашемъ (московскихъ князей) дѣдѣ при в. к. при Иванѣ Даниловичѣ и при вашемъ дядѣ при Семенѣ и при твоемъ отци при в. к. при Иванѣ“, (С. Г. Г. и Д., т. I, № 32). Но владѣнія в. к. Дмитрія заходятъ и за Оку: тутъ Тула „мѣсто великаго князя Дмитрия Ивановича на рязаньской сторонѣ“ (Тулой—съ уѣздомъ—в. к. Дмитрій владѣетъ въ граница хъ, „какъ было при царицѣ при Тайдулѣ и коли еѣ баскаки вѣдали“), но далѣе непонятный текстъ: „и въ то ся князю великому Олгу не вступатися и князю великому Дмитрію“ (ср. замѣчанія С. М. Соловьева, кн. I, ст. 1142); но статья позднѣйшихъ договоровъ—в. к. Василія Дмитріевича съ в. к. Ѳедоромъ Ольговичемъ и Юрія Дмитріевича съ Иваномъ Ѳедоровичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 36 и 48), и договоръ в. к. Василія Темнаго съ Иваномъ Ѳедоровичемъ (№ 65), исключающая „вступаніе“ въ Тулу преемниковъ в. к. Дмитрія, вызываетъ на сомнѣніе, удалось ли ему утвердить за собой Тулу при докончаніи „вѣчнаго мира“ въ 1385 году; хотя возможно, что отказъ отъ Тулы былъ уступкой въ пользу рязанскаго князя со стороны в. к. Василія Дмитріевича. Простую и обычную ссылку на объемъ тульскаго уѣзда, „какъ было при царицѣ Тайдулѣ“, Иловайскій (стр. 139), а за нимъ Экземплярскій (т. I, стр. 114) поняли, какъ указаніе на особое положеніе Тулы—„какое-то исключительное“, по

«Вѣчный міръ» 1385 года закрѣпленъ, двумя годами позднѣе, женитьбой Ольговича Ѳедора на московской княжнѣ Софьѣ Дмитріевнѣ [1]). Отношенія, установленныя докончаніемъ «вѣчнаго мира», вошли въ жизнь и окрѣпли, все углубляя тѣсныя связи рязанской украйны съ великимъ княжествомъ всея Руси. Политика в. к. Олега потерпѣла полное и рѣшительное крушеніе. Рязань не въ силахъ обойтись безъ опоры въ великорусскомъ центрѣ, и ея порывы къ независимости отъ великорусской великокняжеской власти слабѣютъ и замираютъ. Въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ XIV вѣка в. к. Олегъ, обезпечивъ рязанскій тылъ по линіи рѣкъ Оки и Цны прочнымъ миромъ съ Москвой и разграниченіемъ спорныхъ владѣній, поглощенъ обороной своей земли отъ татарскихъ набѣговъ и отъ литовскаго наступленія въ западныя области черниго-сѣверской земли. Но въ этой борьбѣ на южныхъ, восточныхъ и западныхъ предѣлахъ своей рязанской вотчины онъ дѣйствуетъ со значительной самостоятельностью, иной разъ даже въ разрѣзъ съ направленіемъ великокняжеской политики московскаго князя.

Ослабленіе московской энергіи въ борьбѣ съ татарами послѣ нашествія Тохтамыша какъ бы возродило, на время, самостоятельное значеніе Рязанской земли въ оборонѣ Великороссіи отъ вражескихъ силъ татарской степи. В. к. Олегъ укрѣпляетъ и охраняетъ русскую колонизацію въ бассейнѣ р. Дона и въ мещерскихъ мѣстахъ, за Цною. Еще въ грамотѣ 1381 года упомянуты «татарскія мѣста», «что в. к. Олегъ отоималъ отъ татаръ», и потребовано отъ него обязательство, чтобы онъ не «вступался» въ Мещеру; договоръ великихъ князей Василія Дмитріевича и Ѳедора Ольговича (1402 года) гарантируетъ имъ взаимно владѣніе тѣми «татарскими и мордовскими мѣстами», какія захвачены были ихъ отцами, а, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ, что в. к. Олегъ и самъ, и черезъ сыновей или бояръ скупалъ

Иловайскому, „въ вѣдѣніи ханскихъ баскаковъ“, по Экземплярскому, не въ прошломъ (при царицѣ Тайдулѣ), а въ эпоху договора. Далѣе, кн. Олегъ отступается въ пользу в. к. Дмитрія Талицы, Выползова и Такасова, мѣстъ, повидимому, тульскихъ; признаетъ великокняжескимъ владѣніемъ Мещеру, „куплю князя великаго“, и оба великіе князья признаютъ другъ за другомъ „татарскія мѣста“, какія они „отоимали за себя отъ татаръ до сего докончанья“. Вѣчный миръ 1385 г. былъ заключенъ на основѣ условій, изложенныхъ въ грамотѣ 1381 г., съ отступленіями, надополагать, но какими, этого установить, конечно, нельзя. Близость текста ряда положеній договора между великими князьями Василіемъ Дмитріевичемъ и Ѳедоромъ Ольговичемъ къ тексту грамоты 1381 г. подтверждаетъ значеніе этой послѣдней для представленія объ условіяхъ „вѣчнаго мира“ 1385 года (ср. №№ 32 и 36).

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 51; т. XI, стр. 90 (тутъ Никоновская пишетъ: „князь велики Дмитрей Ивановичь по сотвореніи мира и любви преподобнаго Сергіа къ великому князю Олегу Рязаньскому имяше промежу себя любовь велію, и отдаде князь велики Дмитрей Ивановичь дщерь свою княжну Софью на Рязань за князя Ѳеодора Ольговича Рязаньскаго“).

земли въ Мещерѣ, вопреки прежнимъ московскимъ требованіямъ и докончанію. Возможно, что эти разнородные захваты, а не только простыя разбойничьи цѣли вызывали татарскіе набѣги на рязанскія области [1]). Въ борьбѣ съ татарской напастью в. к. Олегъ въ девяностыхъ годахъ переходитъ отъ пограничной обороны «караулами» къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Такъ въ 1394 г. онъ «побилъ татаръ Тохтамышевы орды, иже приходиша изгономъ на Рязанскія волости», а въ 1400 г. нанесъ татарской силѣ значительный ратный ударъ въ предѣлахъ Червленаго Яра [2]). Эта дѣятельность рязанскаго князя сплачивала вокругъ него боевыя украинныя русскія силы: кромѣ пронскихъ князей въ его походахъ участвуютъ князья муромскій, карачевскій, козельскій, елецкій, притомъ внѣ всякаго отношенія къ этимъ ратнымъ дѣламъ великорусской великокняжеской власти [3]), а какъ младшіе князья-союзники в. к. рязанскаго [4]).

Съ тою же боевой силой пытается в. к. Олегъ организовать противодѣйствіе литовскому наступленію на русскія области. И тутъ онъ дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, не только внѣ зависимости отъ политики великаго князя всея Руси, но и въ разрѣзъ съ уступчивостью в. к. Василія Дмитріевича

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93 (набѣгъ на Рязань, въ 1387 г., быть можетъ, связанный съ побѣгомъ изъ Орды княжича Родослава—см. т. XI, стр. 91; въ этотъ „изгонъ“ татары „Олга князя мало не яша“), стр. 95 (1388 г.—набѣгъ на украйны рязанскія), 122, 123, 187.

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 156.—Въ 1395 нахожденіе Темиръ-Аксака коснулось рязанскго Придонья („Темирю же Аксаку царю стоящу въ Рязанстей землѣ и обаполъ Дона рѣки пусто вся сотворившу“—тамъ же, стр. 159).—Въ 1400 г. „въ предѣлехъ Черленаго Яру и въ караулехъ возлѣ Хопорь до Дону князь велики Олегъ Ивановичь съ пронскими князи и съ муромскимъ и козельскимъ избиша множество татаръ и царевича Маматъ-Салтана яша и иныхъ князей ординскихъ поимаша“, тамъ же, стр. 184).

[3]) Д. И. Иловайскій (Ист. Рязанскаго княжества, стр. 127) связываетъ возстановленіе былого ближайшаго отношенія Муромскаго княжества къ Рязанскому великому княженію съ событіями 1385 г., указывая на лѣтописное извѣстіе, что в. к. Дмитрій отправилъ, одновременно съ посылкой князя Владиміра Андреевича противъ в. к. Олега послѣ его нападенія на Коломну, „иную рать“ на Муромъ; Иловайскій полагаетъ, что „въ связи съ нападеніемъ Олега на Коломну“ произошло „возстаніе муромцевъ“. Запись эта дошла до насъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 95; т. XI, стр. 86) недописанной: „а иную рать послалъ на Муромъ, на князя безчестья“... (ради?); повидимому, дѣло не въ „возстаніи“, а въ „безчестьи“, м. б. посла великокняжескаго?

[4]) Однако, данныя, правда крайне случайныя и отрывочныя, какія находимъ въ нашихъ источникахъ, не содержатъ основанія для вывода, что Олегъ „не даромъ носилъ титулъ великаго князя, потому что умѣлъ придать единство далеко разбросаннымъ частямъ древняго Муромо-Рязанскаго княжества“ (Иловайскій, стр. 128). Нѣтъ никакого основанія представлять отношенія в. к. Олега къ князьямъ муромскому, карачевскому, козельскому, елецкому по аналогіи съ отношеніями между великим князьями и удѣльными на Москвѣ или въ Твери: ихъ владѣнія не были удѣлами Рязанской отчины.

по отношенію къ Витовту и его подчиненіемъ вліянію тестя. Олегъ пытался своею силой поддержать оборону Смоленска отъ литовскаго захвата. Смоленскій князь Юрій Святославичъ, женатый на дочери Олега, одинъ изъ семьи смоленскихъ князей избѣжалъ ихъ плѣненія Витовтомъ въ 1395 г., потому что былъ въ ту пору на Рязани у тестя [1]). Олегъ отозвался на «первое взятье граду Смоленску отъ великого князя литовского» походомъ на Литву—съ зятемъ Юріемъ и князьями пронскими, козельскимъ и муромскимъ; но встрѣчный набѣгъ Витовта на рязанскія волости остановилъ его походъ; пришлось вернуться для отраженія литовскихъ «загонщиковъ» [2]). На слѣдующую осень, въ сентябрѣ 1396 года, в. к. Олегъ возобновилъ борьбу нападеніемъ на Любутскъ, но на этотъ разъ въ дѣло вмѣшался в. к. Василій Дмитріевичъ: прислалъ къ Олегуословъ и «отведе его отъ Любутска». Противодѣйствіе Москвы, попавшей въ тѣ годы подъ сильное вліяніе Витовта, связывало рязанскаго князя и дорого ему обошлось. Витовтъ двинулся на Рязань; Олегъ вынужденъ бѣжать, и земля рязанская подверглась сильному раззоренію [3]). Но какъ только въ Смоленскѣ начались волненія послѣ разгрома силъ Витовта на Ворсклѣ, в. к. Олегъ съ зятемъ и союзниками пошелъ ратью къ Смоленску, добился возвращенія кн. Юрія на Смоленское княженіе, повоевалъ литовскія волости и вернулся «со многимъ полономъ». Наступленіе на Смоленскъ тѣсно связалось для Витовта съ борьбой противъ Рязани. На неудачную попытку литовскаго великаго князя вернуть себѣ Смоленскъ—осенью 1401 г.—в. к. Олегъ отвѣтилъ наступленіемъ на Брянскъ, противъ котораго онъ послалъ сына Родослава. Но Родославъ Ольговичъ разбитъ у Любутска ополченіемъ литовскихъ князей и самъ попалъ въ плѣнъ [4]).

Вся энергія, затраченная Олегомъ на борьбу съ Литвой, пропала даромъ. Безъ поддержки всей великорусской силы не Рязани было остановить успѣхи Витовта. Освобожденіе Смоленска отъ литовской власти не дало прочнаго результата, такъ какъ в. к. Василій уклонился отъ поддержки смоленскаго князя. А Рязань надорвалась въ непосильномъ напряженіи, и

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 162.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 163.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70 („прогна князя Олга“), т. VI, стр. 129 („Олегъ же не бѣ“), т. XI, стр. 166. Подробности этого дѣла затушеваны въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ. Возможно, что в. к. Василій „отвелъ“ Олега отъ Любутска не мирнымъ посредничествомъ, а угрозой своего союза съ Витовтомъ (ср. новгородскія его отношенія той же поры). По разгромѣ Рязани Витовтъ ѣдетъ къ зятю въ Коломну, гдѣ в. к. Василій воздаетъ ему многую честь и дары. Никоновская лѣтопись подчеркнула эту связь событій: Витовтъ „тогда у своего зятя, у в. к. Василія Дмитреевича московскаго, на Коломнѣ былъ и многу честь и дары отъ него принялъ, и тако возвратися во своаси, кровь проліавъ, аки воду, Рязанскіа земли“.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 185—187.

послѣ кончины Олега (въ 1402 г.) постепенно слабѣетъ, подавляемая московскимъ засильемъ [1]).

III.

Старшій столъ Рязанскаго княженія занялъ сынъ Олега Ѳедоръ [2]), связанный съ московскимъ великокняжескимъ домомъ двойнымъ свойствомъ [3]). По смерти отца онъ ѣздилъ въ Орду къ хану Шадибеку и получилъ отъ хана ярлыкъ на свою «отчину и дѣдину, великое княженіе Рязанское» [4]), а затѣмъ возобновилъ отцовскій договоръ съ великимъ княземъ всея Руси [5]). Признавая в. к. Василія Дмитріевича «собѣ братомъ старѣйшимъ» [6]), Ѳедоръ Ольговичъ обязался быть съ нимъ вездѣ за одинъ «по думѣ, какъ будетъ годно, безъ хитрости», не «пристать» къ татарамъ «никоторою хитростью», а извѣщать великому князю, что услышитъ «отъ Орды», и «учинить по думѣ» съ великимъ княземъ, если Орда станетъ ему враждебной [7]). Сношенія рязанскаго великаго князя съ Ордой стоятъ подъ контролемъ великаго князя всея Руси: онъ имѣетъ право посылать «киличѣевъ» въ Орду и принимать татарскихъ пословъ, «то ему не въ измѣну», но подъ условіемъ, что будетъ сообщать въ Москву о каждомъ такомъ сношеніи съ ханомъ [8]).

---

[1]) М. К. Любавскій („Лекціи по древней русской исторіи“, стр. 167) усматриваетъ въ отношеніи Рязани (какъ и Твери) къ великорусской великокняжеской власти въ XV в. усиленіе ея независимости. Основаніе для такого сужденія М. К. Любавскій находитъ въ договорѣ 1402 г. между великими князьями Василіемъ Дмитріевичемъ и Ѳедоромъ Ольговичемъ; но, какъ увидимъ ниже, нельзя согласиться съ его пониманіемъ этого договора: даже помимо сопоставленія съ грамотой 1381 года, самый текстъ этого договора не подтверждаетъ такого пониманія. Вѣрнѣе сужденіе Иловайскаго: „дальнѣйшая исторія Рязани представляетъ только постепенный переходъ къ окончательному соединенію съ Москвою; отклоненія отъ этого пути были очень незначительны“ („Ист. Рязанскаго княжества“, стр. 135).

[2]) Олегъ Ивановичъ умеръ 5 іюля 1402 г. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 188); второй Ольговичъ Родославъ находился въ литовскомъ плѣну и пробылъ тамъ 3 года, а затѣмъ былъ выкупленъ братомъ за 3000 рублей; умеръ 14 ноября 1407 г. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 135: „Ярославъ Ольговичъ“; т. XI, стр. 197; т. IV, стр. 106—2000 серебра).

[3]) Ѳедоръ Ольговичъ былъ женатъ на сестрѣ в. к. Василія Софьѣ Дмитріевнѣ, а дочь Василиссу выдалъ за серпуховскаго князя Ивана Владиміровича.

[4]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188: „и пожалова его царь, даде ему отчину его и дѣдину, великое княженіе Рязаньское, улусъ свой“.

[5]) С. Г. Г. и Д., т. I № 36; сохранился „въ копіи“, съ помѣтой: „грамота князя велпкаго Василья Дмитреевича со княземъ съ Ѳедоромъ съ Олговичемъ Рязанскимъ новая“.

[6]) а князей Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича равными братьями, князей Андрея и Петра Дмитріевичей—младшими.

[7]) „а отдалится отъ насъ Орда“....

[8]) „А будетъ ти киличѣя послати въ Орду, и что съ нимъ пошлешь, или х тобѣ посолъ татарьской придетъ, и тобѣ того почтити крестьяньского дѣля добр[illegible].

И съ в. к. Витовтомъ [1]) рязанскій князь долженъ вступать въ договоръ не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ в. к. Василіемъ.

Мы слишкомъ мало знаемъ о внутреннихъ отношеніяхъ Рязанскаго княжества, чтобы получить о нихъ хоть сколько-нибудь ясное представленіе. Знаемъ въ Рязанской землѣ только одинъ стольный городъ, кромѣ старшаго Переяславля, Пронскъ. Пронскій князь Владиміръ Ярославичъ, который захватилъ было въ 1372 году столъ Рязанскаго великаго княженія, умеръ зимой 1372—3 года [2]), оставивъ на пронскомъ княженіи сына (единственнаго [3]) Ивана; лѣтописные тексты упоминаютъ о «пронскихъ князьяхъ» во множественномъ числѣ, но не знаемъ, какихъ князей они тутъ разумѣютъ. Останавливаетъ вниманіе одна особенность грамотъ этого времени: договорныя грамоты 1371 и 1402 годовъ [4]) титулуютъ пронскихъ князей Владиміра Ярославича и Ивана Владиміровича—«великими». Грамоты эти редактированы въ Москвѣ, и такая титулатура пронскихъ князей должна имѣть какое-то особое значеніе, ближе, впрочемъ, не поясняемое никакими извѣстными намъ данными. Возможно, конечно, связать ее съ прорывавшимися по временамъ притязаніями пронскихъ князей на старшій столъ Рязанскаго княженія и съ поддержкой, какую пронскіе князья находили иногда въ Москвѣ, какъ, напримѣръ, въ концѣ того же 1371 года. Договоръ 1402 г. выдвигаетъ особое положеніе пронскаго князя. По этому договору в. к. Василій и всѣ московскіе князья обязались «въ землю въ рязаньскую и во князи въ рязаньские [5]) не въступатися». Но относительно пронскаго князя въ договоръ вошло особое обязательство в. к. Ѳедора Ольговича: «а со княземъ съ великымъ съ Иваномъ съ Володимеровичемъ взяти [ти] [6]) любовь по давнымъ грамотамъ» [7]); а далѣе договоръ

а то тобѣ не въ измѣну; а коли имешь киличѣя слати въ Орду, и то ти намъ явити". Вся редакція этой статьи договора придаетъ ей характеръ ограничительной оговорки къ положенію, что рязанскій великій князь не имѣетъ самостоятельныхъ сношеній съ Ордой; такія сношенія допускаются, но не ставятся въ измѣну лишь при указываемыхъ условіяхъ и по необходимости („крестьянскаго дѣля добра"). Тутъ нѣтъ „эмансипаціи" отъ великокняжеской власти, какъ полагаетъ М. К. Любавскій.

[1]) „А въсхочетъ съ тобою тесть мой к. в. Витоетъ любви, ино тобѣ съ нимъ взяти любовь со мною по думѣ, какъ будетъ годно".

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

[3]) Экземплярскій, т. II, стр. 630, прим. 2023.

[4]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 31 и 36.

[5]) Намъ некого разумѣть подъ этими рязанскими князьями, которые тутъ явно не включаютъ въ себя пронскаго князя, кромѣ братьевъ Ольговичей—Ѳедора и Родослава, изъ которыхъ второй былъ въ ту пору въ литовскомъ плѣну.

[6]) Это „ти" добавляю по аналогіи съ нижеслѣдующей формулой договора: „а со княземъ Семеномъ съ Романовичемъ съ Новосильскимъ и съ Торускыми князи также взяти ти любовь по давнымъ грамотамъ".

[7]) „Давныя грамоты"—недошедшіе до насъ договоры между рязанскими и пронскими князьями.

устанавливаетъ порядокъ третейскаго суда по столкновеніямъ между великими князьями рязанскимъ и пронскимъ съ тѣмъ, что за в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ признается право принудить приговореннаго къ отдачѣ «обиднаго», если онъ добромъ не отдастъ: и то великому князю «не въ измѣну» [1]). Существенно отмѣтить, что такой же точно порядокъ разрѣшенія поземельныхъ или иныхъ столкновеній и споровъ устанавливается договоромъ между в. к. рязанскимъ и князьями новосильскимъ и торусскимъ [2]), которые въ данномъ договорномъ докончаніи «одинъ человѣкъ» съ в. к. Василіемъ.

Однако, въ дальнѣйшемъ, пронскій князь пошелъ инымъ путемъ и нашелъ опору противъ мѣстной великокняжеской власти не у московскаго князя, а въ Ордѣ, у хана. Краткія сообщенія лѣтописныхъ сводовъ о происшествіяхъ 1408 г. не даютъ указаній на ближайшій поводъ столкновенія между князьями Ѳедоромъ Ольговичемъ и Иваномъ Владиміровичемъ. Пронскій князь ѣздилъ въ Орду и вернулся осенью 1407 г. отъ хана Булатъ-Салтана «съ пожалованіемъ и съ честью», а, главное, съ ханскимъ посломъ. Повидимому, дѣло шло о какихъ-то разногласіяхъ его съ в. к. рязанскимъ, которыя имъ перенесены на ханскій судъ [3]). Засѣвъ въ своемъ Пронскѣ кн. Иванъ Владиміровичъ напалъ съ татарской помощью на Рязань. В. к. Ѳедору пришлось бѣжать за Оку, во владѣнія шурина своего, в. к. Василія, и тотъ далъ ему помощь, хотя въ боярской средѣ его совѣтниковъ это

---

[1]) „Исправу“ въ обидахъ „учинятъ“ бояре обѣихъ сторонъ на съѣздѣ; „о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей митрополитъ“; приговоръ митрополита окончателенъ: „а кого митрополитъ обинитъ, ино обидное отдати“; „а не отдасть, ино мнѣ к. в. Василію Дмитреевичю отправити, а то ми не въ измѣну“. Заключеніе: „также на обѣ стороны“ подчеркиваетъ, что в. к. Василій выставляетъ себя не защитникомъ и покровителемъ одной стороны, зятя своего Ѳедора или пронскаго князя, а гарантомъ установленныхъ отношеній.

[2]) Съ тѣмъ отличіемъ, что для нихъ необязательно обращаться къ третейскому суду митрополита: бояре, не придя къ соглашенію, „ѣдутъ на третей, кого себѣ изберутъ“.

[3]) Въ Никоновской (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 202): „Въ лѣто 6916 сентября 6 князь Иванъ Володимеровичь проньскій пріиде изо Орды отъ царя Булать-Салтана съ пожалованіемъ и съ честью на Русь и сяде на Пронскѣ, а съ нимъ посолъ царевъ“. Дѣло было, конечно, не въ „посаженіи“ кн. Ивана на Пронскѣ, но нѣтъ указаній, чтобы кн. Иванъ получилъ ярлыкъ на великое рязанское княженіе, если только не усмотрѣть такое указаніе въ сообщеніи той же лѣтописи (стр. 202), что послѣ бѣгства в. к. Ѳедора за Оку „князь велики Иванъ Володимеровичь пронскій сяде на обѣихъ княженіяхъ, на Рязаньскомъ и на Проньскомъ“ (ср. т. VII, стр. 243). Съ осени до весны велись, повидимому, переговоры; только весной 1408 г. пронскій князь ударилъ на Рязань: битва на р. Смядвѣ произошла 1 іюня. Передъ битвой опять шли переговоры: „князь Иванъ пронскій пріиде съ посломъ татарскимъ—и не умиришася князи“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 480). Ханъ Булатъ-Салтанъ былъ вновѣ на ханствѣ, а ни в. к. Василій, ни в. к. Ѳедоръ къ нему не поѣхали. Ср. Временникъ, т. X, стр. 33 (Родословецъ).

дѣло вызвало разногласія, въ виду вмѣшательства татарской власти [1]). Переговоры, при участіи ханскаго посла, не привели къ соглашенію, и дѣло дошло до битвы. Войско великихъ князей было разбито ратью пронскаго князя, несмотря на нейтралитетъ татарскаго отряда [2]). Но на томъ дѣло и кончилось. Князь Иванъ Владиміровичъ, который было занялъ Рязань, помирился съ в. к. Ѳедоромъ при посредничествѣ в. к. Василія [3]), а, вѣроятно, и ханскаго посла.

Было бы существенно лучше знать это пронское дѣло, чѣмъ даютъ возможность наши источники. Оно было прелюдіей нашествію на Русь Едигея и послѣдней попыткой Рязанской украйны—на этотъ разъ въ лицѣ пронскаго князя — самостоятельно опредѣлять свое отношеніе къ Ордѣ и найти въ ней опору для своей самостоятельности по отношенію къ великорусской великокняжеской власти. Въ рукѣ московскаго князя—онъ же и великій князь всея Руси — не было еще достаточной силы для обороны южныхъ и западныхъ окраинъ Великороссіи. Рязанская земля терпитъ по прежнему татарскіе набѣги [4]), а послѣдніе годы в. к. Олега Ивановича показали, какъ мало надежды на поддержку великокняжеской власти въ западныхъ, литовскихъ дѣлахъ [5]). Эта слабость великорусской великокняжеской власти достигла крайней степени въ тяжкую годину внутренней смуты

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XV ст. 480: „князь же великій Василей московьскый даа помощь зятю своему князю Ѳедору Ольговичу; старци же се не похвалиша, а пже не сложивъ кь проньскому ратью послати на нь, се бо здумаша бояре юніи“. Ср. т. XI, стр. 210.

[2]) „Татарове же отъидоша на гору и сташа, не помагаючи проняномъ“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 481). О мѣстѣ боя см. замѣчанія Экземплярскаго, т. II, стр. 631, прим. 2027.

[3]) „и помирилъ ихъ князь великый Василей Дмитреевичь, и сѣдоста по своимъ княженіемъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243).

[4]) Ѳедоръ Ивановичъ успѣшно отбилъ „полонъ“ и покаралъ татарскій „изгонъ“ въ 1404 г.; тоже удалось рязанцамъ въ 1410 г., но въ 1414 г. татары разорили рязанскія волости у р. Дона, взяли Елецъ, причемъ погибъ елецкій князь, и „много воевавши“, ушли „со многимъ полономъ и богатствомъ“; удачна была погоня за татарскимъ изгономъ въ концѣ 1426 г.; въ 1437 г. татары рязанскія „украйныя села поимаша“; въ 1438 г. „воеваша Рязань и много зла учиниша“; въ 1442 г. приходили на „рязанскія украины“, сотворили много зла и ушли съ полономъ; къ 1443—1444 г. относится набѣгъ на Рязань царевича Мустафы и его зимовка на Рязани (въ Переяславлѣ); на этотъ разъ московская ратная сила помогла разгромить татарскую силу, изнуренную суровой зимней стужей; быть можетъ, въ отместку за гибель Мустафы, татары учинили набѣгъ на рязанскія украйны осенью 1444 г.— П. С. Р. Л., т. XI, стр. 191, 215, 225, т. XII, стр. 6, 23, 25—26, 42, 61—62. Все это— лишь болѣе крупные эпизоды постоянныхъ украинныхъ тревогъ и столкновеній.

[5]) Разрывъ московско-литовскаго союза въ 1406—1409 гг. былъ лишь незначительнымъ и преходящимъ эпизодомъ въ политикѣ в. к. Василія Дмитріевича; на „коронаціонномъ“ съѣздѣ у Витовта въ 1430 г. в. к. рязанскій встрѣтился, въ кругу другихъ князей, съ в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ

при Василіи Темномъ. Рязанская земля, безсильная въ устроеніи собственныхъ своихъ судебъ, потянулась было къ Литовскому великому княжеству; но договоры великихъ князей рязанскаго Ивана Ѳедоровича [1]) и пронскаго Ивана Владиміровича съ в. к. Витовтомъ, по которымъ эти князья «дались ему въ службу» [2]), были лишь отраженіемъ того перевѣса, какой пріобрѣло въ эту пору великое княжество Литовское надъ Москвой и относятся къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія Витовта, а съ его смертью потеряли всякое значеніе передъ новымъ укладомъ восточно-европейскихъ отношеній.

Рязанское великое княжество все тѣснѣе примыкаетъ къ московскому центру, все больше теряетъ самостоятельность. По смерти Витовта, в. к. Иванъ Ѳедоровичъ снова подъ рукою великаго князя всея Руси и посылаетъ свою рать ему въ помощь на галицкаго Юрія Дмитріевича [3]). Но, по существу, его отношеніе къ московской смутѣ весьма пассивно. Когда Юрій вторично захватилъ Москву и великое княженіе, Иванъ Ѳедоровичъ вступаетъ въ договоръ съ нимъ, какъ съ великимъ княземъ [4]), но договоръ

---

[1]) Даты кончины в. к. Ѳедора Ольговича и вокняженія его сына Ивана не могутъ быть установлены по отсутствію данныхъ. Ср. замѣчанія Иловайскаго (стр. 138) и Экземплярскаго (т. II, стр. 595—596).

[2]) А. А. Э., т. I, №№ 25 и 26—оба договора по одному и тому же формуляру. Князья рязанскій и пронскій „даются въ службу“ в. к. Витовту, „осподарю своему“, обязуясь „служити ему вѣрно безъ всякія хитрости“; в. к. Василію Василіевичу, „внуку его“, помогать только по повелѣнію в. к. Витовта, а при раздорѣ между ними—„пособляти в. к. Витовту на нихъ (московскихъ князей) безъ хитрости“; спорныя дѣла между Литовской и Рязанской землями рѣшаются съѣздомъ судей того и другого великаго князя, но если они „сопрутся“, то окончательное рѣшеніе дѣла принадлежитъ в. к. Витовту. Въ договоры внесено обязательство „судъ и исправа держати со великимъ княземъ съ Василіемъ съ Василіевичемъ по старинѣ“: в. к. Витовтъ беретъ отношенія между Москвой и Рязанью подъ свою опеку. Обязательство Витовта не вступаться во владѣнія Ивана Ѳедоровича, „поколе рубежь рязаньскые земли“, т. е. „переяславской его вотчины“, соединено съ оговоркой: „вынемше Тулу, Берестей, Ретань съ Паши, Дороженъ, Заколотенъ Гордѣевьскій“; тутъ нѣтъ уступки перечисленныхъ мѣстъ Литвѣ, какъ понялъ Иловайскій (стр. 139), а есть противоположеніе ихъ „переяславской вотчинѣ“ (слово „вынемше“ отнюдь не означаетъ, чтобы онѣ ранѣе входили въ ея составъ), надо полагать—какъ пунктовъ спорныхъ между Москвой и Рязанью; въ судьбу же ихъ Витовтъ сохраняетъ право „вступаться“.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 48: „а что есмь, говоритъ въ этой договорной грамотѣ в. к. Иванъ Ѳедоровичь князю Юрію, посылалъ свою рать съ твоимъ братычемъ со княземъ съ Васильемъ, и воевали, и грабили, и полонъ имали...“, и обязуется сложить къ Василію свое крестоцѣлованіе.

[4]) Терминологія этого договора своеобразна. В. к. Иванъ называетъ Юрія „господиномъ дядей“, который и обязуется „имѣть его себѣ братаничемъ“, а старшему своему сыну братомъ (равнымъ), младшимъ сыновьямъ—братомъ старѣйшимъ. По содержанію отношеній „господинъ дядя“—великій князь въ отца мѣсто, братъ старѣйшій: в. к. Иванъ обязуется быть съ нимъ „за одинъ вездѣ безъ хитрости“, не

этотъ упраздненъ скорой смертью Юрія; не слыхать о какомъ-либо участіи Ивана Ѳедоровича въ дальнѣйшей борьбѣ, а укрѣпленіе великокняжескаго стола за в. к. Василіемъ Васильевичемъ вызываетъ новый договоръ его съ в. к. рязанскимъ, близкій, по существу отношеній, къ ихъ прежнимъ докончаніямъ и къ договору Ивана Ѳедоровича съ Юріемъ Дмитріевичемъ [1]).

Подавленное трудностью своего внѣшняго положенія, окруженное опасными врагами, Рязанское великое княжество связано, при недостаточной собственной силѣ, великорусской великокняжеской властью, которая все больше забираетъ въ свои руки руководство всѣми внѣшними отношеніями Великороссіи, въ томъ числѣ и рязанской ея украйны. Близкій къ рязанскимъ предѣламъ напоръ литовской силы не въ состояніи прочно нарушить неизбѣжную связь Рязанской земли съ великорусскимъ центромъ. И эти отношенія тѣмъ характернѣе, что въ самомъ-то великорусскомъ центрѣ нѣтъ еще достаточной силы для крѣпкой обороны Рязанской земли. Носители великорусской великокняжеской власти требуютъ полнаго подчиненія рязанско-литовскихъ отношеній своей политикѣ и своему контролю. А сами вынуждены отдѣлять эти отношенія отъ своихъ, московско-литовскихъ, ограничиваясь ролью посредниковъ между Рязанью и Литвой, ко-

---

„приставать“ къ татарамъ, не вступать въ докончаніе съ Василіемъ Темнымъ и не сноситься съ нимъ, не принимать въ свою землю ни его, ни его бояръ, а быть „на него за одинъ“ съ Юріемъ. И съ литовскимъ великимъ княземъ Свидригайломъ в. к. Иванъ долженъ устанавливать соглашеніе не иначе, какъ „по думѣ“ съ Юріемъ, и въ договорной грамотѣ съ нимъ писать, что онъ съ Юріемъ „одинъ человѣкъ“. Тоже одиначество съ Москвой, подчиненное ея политикѣ,—въ отношеніи къ татарамъ и мещерскимъ князьямъ.—Договорная грамота эта редактирована по грамотѣ 1402 г. (№ 36), причемъ иные мѣста ея текста—взятые изъ образца и вновь вписанные, повидимому, плохо согласованы: такъ рядомъ съ тѣмъ же опредѣленіемъ порядка разрѣшенія споровъ между разанскимъ и пронскимъ князьями, какой установленъ въ грамотѣ 1402 г., тутъ читаемъ еще такой текстъ: „а со княземъ есми съ пронскимъ и съ его братьею любовь взялъ, а что ся промежи насъ учинитъ, ино межи насъ управити тобѣ, воликому князю, а намъ тебя слушати“. Если понять этотъ текстъ, какъ согласный съ порядкомъ митрополичьяго третейскаго суда и великокняжеской управы на непокорнаго приговору, получится излишнее повтореніе; а взятый отдѣльно, онъ отдаетъ окончательное рѣшеніе великому князю (подобно тому, какъ было въ договорѣ рязанскаго князя съ в. к. Витовтомъ). Что обѣ эти формулы не дополняютъ другъ друга, а равносильны и, стало быть, несовмѣстимы, показываетъ ихъ редакція: 1) „а что ся промежи насъ учинитъ“.... и 2) опять: „а что ся межи насъ учинитъ“; полагаю, что первая (новая) была при редактированіи грамоты написана на поляхъ, какъ замѣняющая вторую, а въ спискѣ грамоты сохранились обѣ по недоразумѣнію,—причемъ такъ сложившійся текстъ механически перешелъ и въ договорную грамоту 1447 г. (С. Г. Г. и Д., т. I, № 65).

[1]) С. Г. Г. и Д, т. I, № 65—договоръ повторяетъ условія докончальной грамоты великихъ князей Юрія и Ивана, но съ замѣной „господина дяди“—„братомъ старѣйшимъ великимъ княземъ“ и „братанича“—„братомъ молодшимъ“, а также съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями.

торыя иной разъ оказываются, по прежнему лицомъ къ лицу — помимо Москвы.

Такъ в. к. Василій Васильевичъ требуетъ (въ договорѣ 1447 г.), чтобы рязанскій великій князь вступалъ съ в. к. Литовскимъ въ договорныя отношенія «по думѣ» съ нимъ, княземъ великимъ, непремѣнно оговаривалъ въ докончательной грамотѣ, что онъ, рязанскій великій князь, съ в. к. Василіемъ «одинъ человѣкъ», и обѣщаетъ за то оборонять Рязанскую землю отъ литовской силы [1]).

Однако, дѣло еще не дошло до полнаго единства въ распоряженіи воинской силой; одиначество князей обусловлено соблюденіемъ братскаго относительнаго равенства: в. к. рязанскій лично выступаетъ въ походъ лишь въ томъ случаѣ, когда в. к. всея Руси самъ «всядетъ на конь», а если пошлетъ воеводъ, то въ походъ идутъ рязанскіе воеводы.

Такъ и въ случаѣ нападенія Литвы на Рязанскую землю: в. к. Василій обѣщаетъ «боронити» рязанскаго противъ всѣхъ, отъ кого онъ самъ «не возможетъ» оборониться, за отказъ в. к. рязанскаго отъ всѣхъ сепаратныхъ крестоцѣлованій [2]), но притомъ лишь условно: обязуется самъ выступить на оборону Рязани отъ Литвы, когда на рязанскаго князя пойдетъ лично в. к. литовскій; а если онъ только пошлетъ противъ Рязани своихъ литовскихъ воеводъ, то и в. к. Василій пошлетъ въ походъ своихъ воеводъ. Эта условность «одиначества» въ ратномъ дѣлѣ и въ распоряженіи ратной силой получаетъ особое значеніе при сопоставленіи съ большой относительностью, въ московскомъ пониманіи, договорнаго установленія, что в. к. рязанскій передъ в. к. литовскимъ «одинъ человѣкъ» съ в. к. всея Руси. Въ 1449 г. в. к. Василій Васильевичъ заключилъ договоръ съ литовскимъ великимъ княземъ и королемъ польскимъ Казиміромъ Ягеллончикомъ [3]); въ договорѣ этомъ в. к. Василій признаетъ за Казиміромъ право «показнить» рязанскаго князя и обѣщаетъ не вступаться въ дѣло, если в. к. рязанскій «сгрубитъ» Казиміру и «не исправится» къ нему по указанію в. к. Василія, котораго король Казиміръ долженъ предварительно увѣдомить о происшедшихъ разногласіяхъ и столкновеніи. Мало того: в. к. Василій призналъ за рязанскимъ княземъ право, если онъ «восхощетъ», служить королю Казиміру, обѣщая за то «на него не гнѣваться, ни льстити ему».

Такъ замиравшая рязанская самостоятельность поддерживалась, на исходѣ своего сколько-нибудь реальнаго значенія, не столько собственной силой Рязанскаго княжества, сколько слабостью великорусскаго центра передъ окрѣпшей мощью Литовскаго великаго княженія. И великорусская великокняжеская власть поневолѣ не сжившись съ ликвидаціей этой самосто-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 65.

[2]) „а кому будетъ целовалъ крестъ, а тому ти целованье сложити“.

[3]) А. З. Р., № 50.

ятельности, довольствуясь покорностью слабаго сосѣда, «брата молодшаго», лишь бы онъ не былъ орудіемъ враждебныхъ силъ и не создавалъ затрудненій для собственныхъ задачъ московской великокняжеской политики.

Наши источники—лѣтописные своды—по прежнему, молчатъ о внутреннихъ дѣлахъ Рязанской земли. А, между тѣмъ, и тутъ, какъ въ Тверскомъ великомъ княженіи, произошла въ послѣднія времена ослабѣвшей независимости значительная концентрація княжого владѣнія. Но явленіе это намъ почти неизвѣстно даже съ элементарно-фактической стороны. Уже въ договорѣ между Иваномъ Ѳедоровичемъ и Юріемъ Дмитріевичемъ находимъ такое опредѣленіе владѣній великаго князя рязанскаго, которое расходится съ самостоятельнымъ значеніемъ «великаго князя» пронскаго въ рязанскихъ договорахъ съ великими князьями Василіемъ Дмитріевичемъ и Витовтомъ. Рязанскій князь требуетъ отъ Юрія Дмитріевича гарантіи «отчины своей княженья Рязанскаго, Переяславля и Проньска, и всѣхъ волостей переяславскихъ и проньскихъ, что потягло къ Переяславлю и къ Проньску по рѣку по Оку» [1]). Для яснаго разумѣнія этихъ отношеній, какъ они отразились въ помянутомъ договорѣ, надо бы имѣть совсѣмъ иной запасъ фактическихъ данныхъ, чѣмъ то скудное, что находимъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ: въ томъ же договорѣ в. к. Иванъ Ѳедоровичъ повторяетъ требованіе прежнихъ докончальныхъ грамотъ, чтобы московскіе князья не «вступались» въ «рязанскихъ князей», но относительно пронскаго князя сообщаетъ особо, что онъ съ нимъ и съ его братьями «любовь взялъ». Опредѣленіе отчины рязанскаго великаго князя, какъ «Переяславля и Проньска и всѣхъ волостей переяславскихъ и проньскихъ», даетъ поводъ признать, что эта «любовь» съ проньскими князьями состояла въ томъ, что онъ ихъ привелъ «въ свою волю». Однако, тутъ же всѣ столкновенія между рязанскимъ княземъ и пронскими князьями отдаются на «управу» московскаго великаго князя, въ чемъ нельзя не видѣть значительной гарантіи независимости Пронска отъ мѣстной великокняжеской власти [2]). А лѣтописные своды не даютъ никакихъ свѣдѣній о послѣднихъ десятилѣтіяхъ Пронскаго княжества. Они не отмѣтили даже года смерти пронскаго «великаго князя» Ивана Владиміровича, а о его сыновьяхъ—князѣ «пронскомъ и его

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 48.

[2]) Указанныя выше сомнительныя черты редакціи этой договорной грамоты крайне затрудняютъ пользованіе ею. Великокняжеская „управа“, какъ было уже упомянуто, въ рязанско-пронскихъ столкновеніяхъ опредѣляется тутъ двумя несогласимыми формулами, которыхъ совмѣстную наличность въ текстѣ договорныхъ грамотъ 1434 и 1447 г. г. (С. Г. Г. и Д., № 48 и 65) приходится толковать, какъ редакціонное недоразумѣніе. Но значительную трудность представляетъ, собственно говоря, и согласованіе (по содержанію) опредѣленія „рязанской отчины“, какъ заключающей въ своемъ составѣ и пронское княжество, съ признаніемъ опеки великокняжеской власти надъ договорными отношеніями между рязанскимъ великимъ княземъ и пронскими князьями.

братьи» договорныхъ грамотъ—вовсе не упоминаютъ. Только родословцы XVI вѣка даютъ кое-какія свѣдѣнія о послѣднихъ пронскихъ князьяхъ и судьбѣ ихъ потомства [1]). По такимъ даннымъ нельзя опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ пронскіе князья утратили самостоятельное княженіе; но сынъ и преемникъ рязанскаго великаго князя Ивана Ѳедоровича, Василій, уже владѣетъ Пронскимъ и благословляетъ имъ, передъ кончиной, вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ Рязанскимъ своего старшаго сына Ивана Васильевича [2]).

Это внутреннее объединеніе Рязанской земли подъ единой княжеской властью свершилось въ такую пору, когда великое княженіе Рязанское находилось въ полной фактической зависимости отъ московской великокняжеской власти и его внутреннія отношенія стояли подъ ея крѣпкимъ контролемъ и руководящимъ надзоромъ. Прочно владѣя господствомъ надъ Рязанской землей [3]), великорусская великокняжеская власть не препятствовала, а, очевидно, содѣйствовала концентраціи Рязанской украйны, вѣроятно, въ связи со стремленіемъ взять въ свои руки организацію обороны южныхъ окраинъ.

Рязанскій великій князь Иванъ Ѳедоровичъ оставилъ на стольномъ княженіи восьмилѣтняго сына Василія, а судьбу его тѣмъ обезпечилъ, что «далъ его на руки» в. к. Василію Васильевичу [4]). В. к. Иванъ Васильевичъ

---

[1]) Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 144—145; Экземплярскій, т. II, 631—632.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 244—245: „А у князя у Ивана были три сына: Ѳедоръ, да князь Иванъ Нелюбъ, да князь Андрей Сухорукой; а у князя Ѳедора былъ сынъ Юрій, да у Юрія сынъ князь Глѣбъ пронъской; а у князя Ивана у Нелюба сынъ Иванъ же, а у Ивана сынъ Василій Нелюбъ, а у Василья сынъ Шемяка князь Иванъ, а у князя Андрея у Сухорукого сына князь Дмитрей, а у князя у Дмитрія дѣти: Юрій, да Иванъ, да Ѳеодоръ, да Данило“.—„Временникъ“ Общ. Ист. и Др. Росс.“, ч. 10, родословецъ, стр. 71.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 127—128: „а чѣмъ меня (тебя) благословилъ отецъ нашъ князь великій Василей Ивановичъ Переславлемъ и Ростиславлемъ и Пронскомъ и всѣми волостьми и со отъѣждими мѣсты и всѣмъ великимъ княженьемъ“...

[3]) Въ концѣ княженія в. к. Ивана Ѳедоровича (въ началѣ 50-хъ г.г.) в. к. Василій Васильевичъ привлекъ рязанскаго князя къ уплатѣ „ясака“ на содержаніе касимовскихъ татаръ: „а что шло царевичю Касыму и сыну его Даньяру царевичю съ вашіе земли при твоемъ дѣдѣ в. к. Иванѣ Ѳедоровичѣ и при твоемъ отцѣ при в. к. Васильѣ Ивановичѣ и что царевичевымъ княземъ шло и ихъ казначѣемъ и дарагамъ“, поминаетъ в. к. Иванъ III въ договорѣ съ в. к. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ (1483 г.; С. Г. Г. и Д., т. I, №; 115); размѣръ уплатъ былъ окончательно установленъ по „записямъ“, какъ в. к. Василій Васильевичъ „за твоего отца, за в. к. Василья Ивановича кончалъ съ царевичевыми съ Касымовыми князьми“ (тамъ-же).

[4]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 181: „княженіе свое предасть держати в. к. Василью Васильевичу московскому, и сына своего далъ ему на руцѣ, князя Василія, бѣ бо тогда еще осми лѣтъ“; т. VIII, стр. 147: „княженіе же свое Рязанское и сына своего Василіа приказалъ в. к. Василію Василіевичю; князь же велпкій Василей сына его и съ сестрою

выдалъ въ 1464 г. сестру свою Анну за молодого рязанскаго князя и отпустилъ его на Рязань—«на его отчину на великое княженіе». Василій Ивановичъ княжилъ 19 лѣтъ «великимъ княземъ», но московскимъ подручникомъ. Передъ кончиной (ум. въ январѣ 1483 г.) онъ благословилъ старшаго сына Ивана—Переяславлемъ, Ростиславлемъ, Пронскимъ и всѣмъ великимъ княженіемъ Рязанскимъ, а младшаго—Ѳедора—Перевитскомъ и Старой Рязанью. Братья Васильевичи заключили договоръ, въ общемъ, по образцу московскихъ договоровъ великихъ князей съ удѣльною братьею [1]),

---

взятъ къ себѣ на Москву, а на Рязань посла намѣстники своа и на прочаа грады и на власти"; т. XII, стр. 112: „княженіе же свое Рязанское и сына своего Василія приказалъ в. к. Василью Васильевичю на соблюденіе; князь же великій Василей сына его и съ сестрою его съ Ѳеодосіею взя ихъ къ себѣ на Москву, а на Рязань посла намѣстники своа на соблюденіе и на прочаа грады его и на власти".

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 127 и 128. Грамота в. к. Ивана Васильевича брату Ѳедору сохранилась въ спискѣ, который снятъ въ Москвѣ съ подлинной (а она „писана въ Переяславле лѣта 7004 августа въ 19 день"), о чемъ свидѣтельствуетъ помѣта на ея оборотѣ: „списки з грамотъ з докончалныхъ съ резанскихъ великому князю Ивану з братомъ его со княземъ съ Ѳеодоромъ, а самые грамоты докопчалные съ печятями лѣта 7035 (посланы къ великой княгинѣ?) къ резанской къ Огроѳѣне съ его человѣкомъ съ Медвѣдемъ"; грамота князя Ѳедора брату, в. к. Ивану, въ подлинникѣ за печатями и скрѣпой: „смиренный епископъ Семіонъ резаньской и Муромьской".—Двойной документъ этотъ весьма интересенъ, какъ единственный, уцѣлѣвшій до нашего времени, памятникъ „удѣльныхъ" отношеній въ Рязанскомъ княжествѣ. Однако, тутъ это отношенія, возникшія заново между братьями Васильевичами въ исходѣ XV в., въ пору, когда подлинныя отношенія удѣльнаго владѣнія быстро разлагались подъ давленіемъ великокняжеской власти московскихъ государей. Договоръ 1496 года не можетъ служить надежнымъ источникомъ для изученія типа и основного уклада „удѣльныхъ" отношеній: не мало въ немъ явно новаго, не традиціоннаго, а подлинно договорнаго. Точнѣе даже было бы сказать, что какъ нѣтъ въ этомъ договорномъ текстѣ термина „удѣлъ", такъ нѣтъ въ немъ и раздѣла общей отчины между братьями по удѣламъ. Владѣнія младшаго брата весьма незначительны: старшій получилъ „все великое княженье", а младшему отецъ, князь великій Василій Ивановичъ, и мать, в. к. Анна и старшій братъ, в. к. Иванъ Васильевичъ „отдѣлили" только „Перевитескъ и Рязань старую съ волостьми и съ отъѣждими мѣсты", да „треть" въ Переяславскихъ доходахъ и доходныхъ имуществахъ и часть дворцовыхъ селъ по раздѣльнымъ „записямъ". Все это гарантируется князю Ѳедору въ потомственное владѣніе, причемъ старыя удѣльныя воззрѣнія уже настолько искажены, что требуется особая оговорка противъ превращенія этихъ владѣній въ опричнину и произвольнаго завѣщательнаго распоряженія ими въ случаѣ выморочности: „а не будетъ у тобя дѣтей, и тобѣ, моему брату своей отчины не отдати никоторою хитростью мимо меня, великого князя". За то и великій князь, обязуя брата „не хотѣти" великаго княженья подъ собой и своими дѣтьми, обѣщаетъ ему: „а не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ, великому князю, великимъ княженьемъ благословити тобя, своего брата". Составители договора судятъ правильно, полагая, что отчужденіе „удѣла" на сторону мимо братьевъ, возможно только „хитростью" (вольной или, какъ увидимъ, чаще вынужденной). Новыя отношенія и понятія сказались въ томъ же договорѣ значительной силой великаго князя и политическимъ приниженіемъ младшаго брата, за которымъ лишь слабые остатки

но со значительнымъ усиленіемъ великокняжеской власти надъ младшимъ братомъ, княземъ на Старой Рязани.

Договоръ этотъ относится къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія в. к. Ивана Васильевича и, подводя итогъ отношеніямъ, сложившимся между князьями-братьями, имѣлъ, повидимому, главной цѣлью обезпечить за ними наслѣдственное обладаніе ихъ владѣніями, а прежде всего, переходъ, въ случаѣ выморочности, великаго княженія къ брату Ѳедору, а его владѣній къ в. к. Ивану. Но было уже поздно. Никакія политическія и владѣльческія соглашенія рязанскихъ князей не могли создать препону для московской политики [1]), послѣдовательно завершаемой Иваномъ III.

Со времени ликвидаціи смуты, потрясшей Москву при Василіи Темномъ, рязанскимъ князьямъ ничего не оставалось, какъ быть «покорными слугами» великихъ князей всея Руси. Рязанскій великій князь Иванъ Васильевичъ былъ связанъ съ московской властью договоромъ, какой заключенъ въ первый же годъ его княженія [2]). Рязанскій князь призналъ «стар-

---

участія въ княжеской власти. Утверждая свое одиначество (взаимное), братья не соблюдаютъ въ немъ равенства; они обязуются „не канчивати, ни ссылатися“ ни съ кѣмъ другъ безъ друга, но младшій обязанъ сложить всѣ свои сепаратныя „цѣлованья“ и быть всецѣло въ опекѣ старшаго, который обѣщаетъ его „жаловати и печаловатися имъ и его отчиною“; обязанъ младшій братъ „пойти безъ ослушанья“, куда его пошлетъ князь великій (при этомъ—теряетъ живой смыслъ сохраненная въ договорѣ формула о „всѣданіи на конь“ обоихъ князей и посылкѣ воеводъ, если великій князь самъ не выступаетъ). Участіе княжого Ѳедорова „третчика“ въ судѣ великокняжескаго намѣстника надъ Переяславцами сведено, по существу, къ тому, что третчикъ „смотритъ своего прибытка“; за то младшій братъ не судитъ въ Переяславлѣ своихъ людей „въ душегубствѣ и въ разбои и въ татьбѣ съ поличнымъ“, а великому князю въ этихъ дѣлахъ и въ „протаможьи и въ каковѣ дѣлѣ ни буди“ людей князя Ѳедора „судити и казнити воля во всемъ“. Важнѣе, чѣмъ прямое участіе младшаго князя въ управленіи княжествомъ, взаимное договорное обязательство „новыхъ пошлинъ не замышляти“, не нарушать церковныхъ и монастырскихъ привилегій, боярскаго землевладѣнія и боярскихъ правъ. Князь Ѳедоръ—на рубежѣ между положеніемъ „удѣльнаго“ князя и привиллегированнаго крупнаго землевладѣльца-служилаго князя. Тексты позднихъ договорныхъ грамотъ, подчиняясь старымъ формулярамъ, сохраняютъ иногда формулы, уже не соотвѣтствующія дѣйствительности, имъ современной: примѣръ въ данномъ договорѣ—слова „а Орды знати и вѣдати мнѣ, великому князю“, „а имати ми у тобя выходъ“ и „а коли язъ, князь великій, въ Орду не дамъ“. Странно было бы заключить, что въ 1496 г. рязанскій князь уплачивалъ выходъ „въ Орду“; дѣло поясняется тутъ же упоминаніемъ о „царевичевомъ ясакѣ Сатылгановомъ или хто иной царевичъ будетъ на томъ мѣстѣ“, т. е. о „ясакѣ“, какой шелъ съ Рязанской земли каспмовскимъ татарамъ со временъ в. к. Василія Темнаго.

[1]) Ср. замѣчаніе Д. И. Иловайскаго (указ. соч., стр. 148), что „въ дѣйствительности имѣли силу развѣ только экономическія статьи договора, а въ дѣлахъ политики оба князя были покорными слугами Ивана III“.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 115 и 116: „двѣ грамоты утверженные великого князя Ивана Васильевича болшого съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ меншимъ“.

шими братьями» обоихъ великихъ князей—Ивана III и его сына, Ивана Ивановича, обязался быть съ ними «за одинъ» и на Литву, и на татаръ, отступался въ пользу Москвы отъ всѣхъ притязаній на ея захваты и пріобрѣтенія къ югу отъ Оки. И на дѣлѣ «меньшой» Иванъ, сохраняя въ договорѣ съ братомъ Ѳедоромъ видимость своего великокняжескаго достоинства, словно даже окрѣпшаго, оставался покорнымъ московскимъ подручникомъ. Рязанская рать ходила въ московскій походъ противъ Литвы [1]), а въ мирномъ договорѣ съ в. к. Иваномъ III литовскій великій князь Александръ пишетъ [2]) рязанскихъ князей, в. к. Ивана и его брата Ѳедора, съ ихъ владѣніями «въ сторонѣ» в. к. Ивана III, обязуясь всѣ столкновенія съ ними передавать для «направы» московскому великому князю. Рязанскіе «сестричичи» великаго князя Ивана III были вполнѣ въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что жива была и мать ихъ, московская княжна Анна Васильевна (ум. 1503 г.). Въ 1500 г. умеръ в. к. Иванъ рязанскій, оставивъ на столѣ великаго княженія пятилѣтняго сына Ивана. А дядя его, кн. Ѳедоръ, скончавшійся въ 1503 г., «далъ свою отчину» в. к. Ивану III, который въ своей духовной отдаетъ ее сыну Василію [3]). Фактически Рязанское великое княженіе во власти московскихъ государей съ конца XV в., а исторія послѣдняго рязанскаго великаго князя, закончившаяся упраздненіемъ особаго княженія на Рязани,—есть исторія «крамолы» подручнаго князя противъ великокняжеской власти, уже овладѣвшей всѣмъ управленіемъ и всей ратной силой на рязанской украйнѣ Великороссіи.

---

[1]) Когда Воротынскіе князья, отъѣзжая къ Москвѣ въ 1493 г., „засѣли на великого князя имя“ Серпейскъ да Мезецкъ, а в. к. литовскій отправилъ своихъ воеводъ на выручку этихъ городовъ, в. к. Иванъ Васильевичъ „послалъ противу ихъ сестричича своего князя Ѳедора Васильевича резанскаго“, своихъ воеводъ и „великого князя резаньского Ивана Васильевича воеводу Иньку Измайлова съ силою“, П. С. Р. Л., т. IV, стр. 161; т. XVIII, стр. 277; т. XII, стр. 234.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. V, № 29 (1494 г.), согласно договору 1483 г., гдѣ Иванъ III обязался при докончаніи съ в. к. литовскимъ „писать“ рязанскаго князя, что онъ съ нимъ „одинъ человѣкъ“.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 144: „а что ми далъ сестричичь мой князь Ѳедоръ Васильевичъ резанской свою отчину на Рязани въ городѣ и на посаде свой жеребей и Старую Рязань и Перевитескъ съ волостьми.... потому, какъ ся дѣлилъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Иваномъ, и язъ ту его вотчину.... со всѣмъ по тому, какъ было за княземъ за Ѳедоромъ, даю сыну своему Василью“. Возможно, что эта „дача“ была оформлена духовной грамотой князя Ѳедора, но видѣть тутъ актъ свободнаго распоряженія „удѣломъ“, какъ „собственностью“, никакъ нельзя. Къ этому вопросу вернемся по поводу аналогичныхъ случаевъ въ московской практикѣ XV вѣка.

ГЛАВА VII.

Нижегородское великое княжество.

Историческія судьбы Рязанскаго княжества, бурныя и тревожныя, такъ сложились—подъ тягостнымъ давленіемъ его положенія между татарами, Москвой и Литвой,—что внутренній политическій строй этого «великаго княженія» не смогъ опредѣлиться въ сколько-нибудь устойчивыхъ формахъ: объ «удѣльномъ» (въ точномъ значеніи термина) строѣ Рязанской земли говорить, собственно, и не приходится. Но если по отношенію къ Рязанскому великому княжеству причиной представленія о невыработанности его внутренняго строя можетъ на дѣлѣ оказаться просто наша неосвѣдомленность о рязанскихъ дѣлахъ и междукняжескихъ отношеніяхъ, по недостатку данныхъ въ сохранившихся источникахъ, то такое же представленіе примѣнительно къ Нижегородскому великому княжеству имѣетъ болѣе естественное и надежное объясненіе въ скоротечности его бытія, протекавшаго, кромѣ того, въ крайне бурныхъ и напряженныхъ условіяхъ.

Положеніе историка передъ историческими судьбами великорусской восточной окраины—не лучше, чѣмъ въ изученіи рязанской исторіи: данныя источниковъ лѣтописныхъ сводовъ—отрывочны, спутаны и сбивчивы, и, во многомъ, крайне недостаточны. Темна и трудно выяснима исторія самого образованія той территоріально-политической единицы, центромъ которой сталъ въ серединѣ XIV вѣка Нижній Новгородъ. Въ составѣ этой территоріи только Суздаль—старинный городъ, съ крупнымъ историческимъ прошлымъ. Остальное, повидимому, «княжескіе» города, укрѣпленные пункты, возникшіе ради опредѣленныхъ стратегическихъ цѣлей. Таковы, прежде всего, тѣ пункты, которыми въ лѣтописныхъ текстахъ, обычно, опредѣляется, какъ и Суздалемъ, вся территорія—Городецъ на Волгѣ и Нижній. Волжскій Городецъ—старше Нижняго. Первое лѣтописное упоминаніе о немъ относится къ 1172 году, и построенъ онъ, вѣроятно, либо Всеволодомъ Юрьевичемъ или Андреемъ Боголюбскимъ, либо еще ихъ отцомъ, Юріемъ Долгорукимъ. Въ XII и началѣ XIII-го вѣка Городецъ—опорный пунктъ поволжскихъ отношеній и дѣйствій влади-

мірскихъ великихъ князей [1]). Тоже значеніе «устья Оки» вызвало построеніе тутъ въ XIII в. Нижняго Новгорода.

Когда в. к. Святославъ Всеволодовичъ «сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ», князь Андрей Ярославичъ получилъ въ свою долю—Городецъ Волжскій и Нижній Новгородъ; на эти города, какъ на свою отчину, онъ возвращается изъ за моря въ 1256 г., послѣ примиренія съ братомъ Александромъ, и получаетъ въ обладаніе Суздаль. Но такое соединеніе владѣній въ рукахъ князя Андрея не создало «суздальско-нижегородскаго княжества». Возможно даже, что князь Андрей получилъ Суздаль не въ придачу къ Городцу и Нижнему Новгороду, а взамѣнъ ихъ: такое предположеніе сдѣлало-бы болѣе понятной дальнѣйшую судьбу этихъ послѣднихъ и отвѣчало бы ихъ особому значенію для великокняжеской власти. Лѣтописные своды именуютъ князя Андрея (съ 1256 г.) суздальскимъ, и въ Суздалѣ мѣсто его погребенія; на Суздалѣ—своей отчинѣ—княжатъ и сыновья его: Юрій, затѣмъ Михаилъ и Василій [2]). Но Городецъ и Нижній не вошли въ составъ ихъ отчины [3]). По нашимъ источникамъ невозможно опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ перешли они во владѣніе князя Андрея Александровича. Ближайшее отношеніе Андрея Александровича къ Городцу, какъ «городецкаго» князя, устанавливается только извѣстіемъ о его погребеніи: «и везше положиша его на Городцѣ въ церкви святаго Михаила Архаггела» [4]) Но князь Андрей не сталъ «удѣльнымъ» городецкимъ княземъ; мы видимъ его почти непрерывно либо въ борьбѣ за великое княженіе, либо великимъ княземъ. А сыновей онъ не оставилъ, и поэтому вопроса о вотчинѣ его потомства не возникало. Не располагаемъ также никакими данными для какого-либо владѣнія

---

[1]) Въ 1172 г. князь Мстиславъ Андреевичъ, сынъ Боголюбскаго, идетъ съ Городца къ устью Оки на соединеніе съ муромскою и рязанскою ратью въ походъ на болгаръ. На „устьѣ Оки“ соединяются русскія военныя силы для похода на болгаръ въ 1220 г., а возвращается князь Святославъ Всеволодовичъ во Владиміръ на Городецъ (до Городца шли Волгой въ лодьяхъ, а отсюда во Владиміръ на коняхъ); на Городцѣ стоитъ в. к. Юрій Всеволодовичъ, собираясь въ новый походъ противъ болгаръ, принимаетъ тутъ болгарскихъ пословъ и заключаетъ съ ними миръ.—Лавр. лѣт., стр. 345; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 88; стр. 126—128. И позднѣе обыченъ путь на Городецъ внизъ по Волгѣ и обратно съ Волги; но Городецъ, тѣсно связанный съ „устьемъ Оки“ въ своей стратегической роли, уступаетъ съ XIII-го вѣка почти все свое значеніе Нижнему Новгороду, основанному в. к. Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1221 г. Волжскій Городецъ—нынѣ село Балахнинскаго уѣзда.

[2]) См. выше, стр. 62—63 и 98.

[3]) Вопреки утвержденіямъ, весьма сбивчивымъ, А. В. Экземплярскаго (т. II, стр. 390—398).

[4]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 175; „положенъ бысть на Городцѣ въ церкви святаго Михаила“—т. XVIII, стр. 86; „положенъ бысть на Городцѣ“—Новг. I, стр. 309; т. VII, стр. 184.

его Нижнимъ Новгородомъ, кромѣ великокняжескаго. И великокняжескіе бояре, утвердивъ на великомъ княженіи тверского князя Михаила Ярославича, пытаются удержать за нимъ Нижній Новгородъ. Надо, повидимому, признать, что Нижнимъ Новгородомъ (а также и Городцомъ?) успѣлъ овладѣть московскій князь Юрій Даниловичъ, соперникъ тверского Михаила въ стремленіи къ великокняжеской власти, или же предположить, что суздальскіе князья возобновили свои отчинныя права на Нижній и дѣйствовали, притомъ, на сторонѣ князя Юрія противъ Михаила Ярославича [1]): Нижнимъ не овладѣлъ, при его сыновьяхъ споръ Твери съ Москвой закончился тѣмъ, что великое княженіе досталось въ 1328 году Ивану Калитѣ, а «Володимеръ и Поволжіе» достались суздальскому князю Александру Васильевичу [2]). Этотъ моментъ и надо признать моментомъ образованія территоріи Нижегородскаго великаго княжества, окончательно сложившагося при Александровомъ братѣ Константинѣ.

Мы видѣли, что Александръ Васильевичъ стремился къ большему, пытался утвердить за собой обладаніе Владиміромъ и его областью, слить ихъ накрѣпко со своими суздальскими владѣніями, которыя охватили бы всю восточную Великороссію, суздальско-нижегородское Поволжье. Но по его смерти владимірская, великокняжеская территорія отошла къ в. к. Ивану Калитѣ. Столъ Суздальскаго княженія перешелъ къ его брату Константину.

Константинъ Васильевичъ и явился организаторомъ Нижегородскаго великаго княжества. Для времени съ 1332-го по 1340 годъ наши лѣтописные своды не даютъ отчетливыхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ суздальскомъ Поволжьи. Никоновская лѣтопись ведетъ счетъ годамъ княженія Константина Васильевича только съ момента кончины Калиты, и это обстоятельство, какъ и случайное упоминаніе той же лѣтописи, что князь Симеонъ Ивановичъ былъ въ Нижнемъ во время кончины и погребенія отца, наводитъ нашихъ историковъ на заключеніе, что только съ этой поры Константинъ сталъ «княземъ великимъ суздальскимъ, нижегородскимъ и городец-

---

[1]) Ср. А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 398—399.

[2]) См. выше, стр. 138—140.—Съ вопросомъ о „суздальско-нижегородской“ территоріи, которая сложилась не въ порядкѣ удѣльно-вотчиннаго выдѣла, а болѣе сложнымъ путемъ комбинацій владѣльческо-политическихъ, связана и территоріальная судьба Суздальской епархіи. Для свѣдѣній о ней за XIII в., весьма неполныхъ, см. Покровскаго „Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в.“, т. I, стр. 219—221. Епархія эта суздальско-владимірская сохраняетъ связь съ Владиміромъ (см. тамъ-же, стр. 220, прим. 1); когда митр. Максимъ перенесъ митрополичью резиденцію во Владиміръ, онъ „сяде въ Володимери и въ Суздалѣ и въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ и прочая тамо прилежащая мѣста, а Семіона володимерскаго посла въ Ростовъ и даде ему Ростовскую епископью“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 172). Суздальская епархія стала митрополичьей. Первое извѣстіе о поставленіи на Суздаль особаго епископа встрѣчаемъ только подъ 6855—1347 годомъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218).

кимъ». Если принять этотъ выводъ изъ данныхъ, болѣе чѣмъ скудныхъ, то Нижегородское великое княжество придется признать окрѣпшимъ и формально сложившимся въ силу ханскаго пожалованія и соглашенія между князьями на «великомъ съѣздѣ» всѣхъ князей въ Москвѣ въ 1341 г. [1]). Вскорѣ возродилась и особая суздальская епископія [2]). Возрожденіе мѣстной политической жизни къ серединѣ XIV вѣка въ восточной украйнѣ Великороссіи неразрывно связано съ ея боевымъ и колонизаціоннымъ значеніемъ. Во второй половинѣ XII в. и въ первой четверти XIII-го шла упорная борьба мордвы съ русскимъ наступленіемъ. Борьба эта прервана и подавлена татар-

---

[1]) Сообщеніе Никоновской лѣтописи, что Симеонъ Ивановичъ не былъ на погребеніи отца, „понеже въ то время былъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 211 — подъ 6848 г.), само по себѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ о прямой великокняжеской или московской власти въ Нижнемъ: кн. Симеонъ могъ быть въ Нижнемъ проѣздомъ въ Орду или обратно или по иному поводу. Однако, Никоновская лѣтопись при сообщеніи о кончинѣ князя Константина Васильевича (подъ 6863—1355 г., т. X, стр. 228) считаетъ, что онъ княжилъ „лѣтъ 15“, т. е. съ 1340—41 г., со времени смерти Калиты (тоже и въ Симеоновской — П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 99). Это дало П. И. Мельникову (въ статьѣ: „Нижегородское великое княжество“ — въ „Нижегородск. губернск. вѣдомостяхъ“ за 1847 г., №№ 3 и 4), а за нимъ Храмцовскому („Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго Новгорода“, ч. I, стр. 14) утверждать, что до 1340 г. Нижнимъ владѣлъ Симеонъ. Ср. колебанія А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 398, прим. 115, стр. 400 и 403, прим. 1131. — Счетъ Никоновской лѣтописи не можетъ быть точнымъ: княжилъ Константинъ, хотя бы на Суздалѣ, во всякомъ случаѣ болѣе 15 лѣтъ: сама Никоновская знаетъ объ участіи Константина Васильевича суздальскаго въ походѣ Товлубія и в. к. Ивана Калиты подъ Смоленскъ въ 1339 г. (т. X, стр. 211), и отрицать суздальское княженіе Константина съ 1332 г. нѣтъ основаній. А. В. Экземплярскій склоненъ такъ понять счетъ его княженія въ 15 лѣтъ, что „Никоновская лѣтопись беретъ только послѣднія 15 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ былъ княземъ не только суздальскимъ, но и нижегородскимъ“, и признать, что „все Суздальско-нижегородское княжество Константинъ получилъ по смерти Калиты, когда всѣ русскіе князья были въ Ордѣ вмѣстѣ съ в. к. Симеономъ“ (ср. у Храмцовскаго: „Симеонъ получилъ ярлыкъ на великокняжество Владимірско-Московское, а Константинъ на Суздальско-Нижегородское“; не это ли утвержденіе Храмцовскаго разумѣетъ Экземплярскій подъ ссылкой на „нѣкоторыя извѣстія“—т. II, стр. 400?).

[2]) Образованіе Суздальско-нижегородскаго княжества отразилось и въ строѣ церковнаго управленія: въ 1347 г. митр. Ѳеогностъ ставитъ Нафанаила на Суздальскую епископію (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218). Покровскій („Русскія епархіи“, т. I, стр. 222, прим. 2) сомнѣвается, чтобы при этомъ возстановленіи суздальской епархіи къ ней были причислены Нижній Новгородъ и Городецъ, а предполагаетъ, что Нафанаилъ былъ поставленъ только на Суздаль, Нижнимъ же и Городцомъ управлялъ лишь въ качествѣ митрополичьяго намѣстника. Это послѣднее предположеніе навѣяно только желаніемъ смягчить смыслъ дѣйствій митр. Алексѣя, который позднѣе, ради цѣлей политическихъ, „отня епископію новогородцкую и городецкую отъ владыки суздальскаго Алексѣя“; таково сообщеніе лѣтописи (Никоновской, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 5), которая епископа Алексѣя называетъ „суздальскимъ и новогородцкимъ и городецкимъ“ (тамъ же, стр. 4).

скимъ нашествіемъ. Русь подчинилась власти золотоордынскихъ хановъ, а мордва и Камская Болгарія покорены татарской властью. Но пережита угроза нашествія, установился новый укладъ жизни—и вопросы земельнаго захвата, торговли, взаимныхъ нападеній и столкновеній стали съ новою силой волновать Поволжье. Пограничное положеніе Нижняго Новгорода на рубежѣ русскаго и инородческаго міра придало ему исключительное стратегическое и административное значеніе и рано развило его роль какъ центра поволжской торговли. Великорусскій центръ, слагавшійся въ Москвѣ, еще не окрѣпъ въ достаточной мѣрѣ, еще слишкомъ поглощенъ иными, преимущественно западными дѣлами и сложными отношеніями внутри страны и къ Золотой Ордѣ, чтобы тратить много силъ и вниманія на дѣла восточной украйны. Въ такихъ условіяхъ слагается, хоть и не надолго, крупное самостоятельное значеніе Нижняго Новгорода и водворившейся въ немъ княжеской власти.

Въ серединѣ XIV вѣка это значеніе Нижняго Новгорода, какъ опорнаго пункта великорусскаго движенія на востокъ, которое было пріостановлено въ условіяхъ предыдущей эпохи и постепенно возрождается, явственно выступаетъ сквозь отрывочныя и скудныя извѣстія нашихъ источниковъ о нижегородскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Въ 1350 году князь Константинъ Васильевичъ заложилъ въ Нижнемъ Новгородѣ храмъ Преображенія Господня, т. е. началъ отстраивать заново Преображенскій соборъ, построенный в. к. Юріемъ Всеволодовичемъ въ двадцатыхъ годахъ XIII-го вѣка. Согласно нижегородскому преданію, Константинъ перенесъ въ этотъ храмъ старинную, вывезенную изъ Греціи, икону св. Спаса [1]). Этотъ актъ церковнаго строительства связанъ съ перенесеніемъ старшаго стола Суздальскаго княженія изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ [2]). Мѣстная традиція сохранила память о князѣ Константинѣ, какъ дѣятельномъ колонизаторѣ нижегородского края: «и повелѣ русскимъ людемъ селитися по Окѣ и по Волгѣ и по Кудьмѣ рѣкомъ и на мордовскихъ селищахъ, гдѣ кто

---

[1]) Въ „Нижегородскомъ лѣтописцѣ“ (изд. А. С. Гацисскаго, Н.-Н., 1886 г., стр. 4): „и въ ту церковь принесенъ бысть изъ Суздаля образъ св. Спаса нерукотвореннаго“. Ошибочная хронологія Нижегородскаго лѣтописца (1252—6760 г. вм. 1352) и имя князя (Константинъ Юрьевичъ вм. Васильевичъ) не вызываютъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ извѣстіяхъ, относящихся къ серединѣ XIV в. и къ дѣятельности князя Константина Васильевича; за этими извѣстіями идетъ рѣчь о князѣ Дмитріи Константиновичѣ, современникѣ Донского, а даты опять ошибочны: 1303 г. (6811) и т. д.

[2]) Точнаго извѣстія о водвореніи стольнаго княженія въ Нижнемъ-Новгородѣ наши источники не сохранили, какъ нѣтъ упоминанія о немъ и въ „Нижегородскомъ лѣтописцѣ“, который даетъ нѣкоторыя указанія, заслуживающія вниманія, хотя источники этой весьма путанной и поздней компиляціи не поддаются выясненію. Храмцовскій („Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго-Новгорода“, ч. I, 1857 г.) отнесъ „перенесеніе престола“ изъ Суздаля въ Нижній Константиномъ Васильевичемъ въ 1350 году (стр. 15), а за нимъ и Экземплярскій (т. II, стр. 401).

похощетъ» [1]). Его волость—съ Нижнимъ Новгородомъ, Суздалемъ, Городцомъ, Юрьевцомъ поволжскимъ, Шуей, Бережцомъ на устьѣ Клязьмы—стала обороной Великороссіи отъ инородческой силы и организующимъ этапомъ въ восточномъ движеніи великорусской колонизаціи. Въ этомъ значеніи своемъ Нижегородское великое княжество, подобно Рязани, явилось своего рода форпостомъ Великороссіи и нуждалось, не менѣе Твери или Рязани, въ поддержкѣ всей великорусской силы. Въ такомъ соотношеніи окраинъ и центральныхъ областей Великороссіи можно видѣть реальную основу попытокъ носителей мѣстной великокняжеской власти добиться великаго княженія Владимірскаго и всея Руси. Нераздѣльность великорусскаго великаго княженія отъ обладанія Владиміромъ выступила съ новой наглядностью въ исторіи суздальскаго князя Александра Васильевича, и Константинъ, при первой возможности, «сперся о великомъ княженіи» съ московскимъ княземъ. Произошло это тотчасъ послѣ кончины в. к. Симеона. Выступая соперникомъ московскаго князя Ивана Ивановича, Константинъ Васильевичъ завязалъ отношенія и съ Литвой, и съ Великимъ Новгородомъ. Въ 1354 г. состоялся бракъ его сына Бориса съ дочерью в. к. Ольгерда, а новгородскіе послы поддерживали въ Ордѣ передъ ханомъ его домогательство Владимірскаго великаго княженія [2]). На этотъ разъ московское вліяніе одолѣло: «не послуша ихъ царь» и далъ ярлыкъ на великое княженіе князю Ивану. Его противники смирились не сразу, но силъ на борьбу у нихъ не было, и пришлось итти на миръ. Примиреніе князя Константина съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ состоялось незадолго до его смерти, и тогда же помирились съ великимъ княземъ новгородцы [3]). Лѣтописная запись помянула князя Константина тѣмъ, что онъ «княжилъ лѣтъ 15, честно и грозно боронилъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ татаръ» [4]). А послѣ его кончины сынъ его князь Андрей поѣхалъ въ Орду, и ханъ «даде ему столъ отца его, княженіе Суздальское и Нижній Новгородъ и Городецъ» [5]). На съѣздѣ съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ въ Переяславлѣ князь Андрей призналъ

---

[1]) „Нижегородскій лѣтописецъ“, изд. Гацисскаго, стр. 2—3.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 217; т. VIII, стр. 9; т. X, стр. 227.

[3]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 228, „того же лѣта (6863) князь велики Иванъ Ивановичь взя любовь со княземъ Константиномъ Васильевичемъ суздальскимъ“ (только въ Никоновской). Тамъ же, стр. 226: „новгородци же тогда пребыша съ нимъ (в. к. Иваномъ) не въ миру полтора года, но зла не бысть ничтоже“ и стр. 228: „того же лѣта новогородци смирншася съ великимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, внукомъ Даниловымъ“.

[4]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 228.

[5]) Тамъ-же. Ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10: „и взя степень отца своего, Суждаль и Новгородъ Нижней и Городецъ, и пріиде въ Русь въ свою отчину съ пожалованіемъ отъ царя и сѣде на княженіи Суздальскомъ“; т. XVIII, стр. 99: „пріиде изъ Орды князь Андрей Константиновичь суждальскій и сѣде на княженіи въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ“.

себя «братомъ молодшимъ» великому князю и принятъ имъ въ мирное докончаніе [1]). Миръ съ Москвой и отказъ отъ соперничества съ нею—быть можетъ, какъ продолженіе и утвержденіе той «любви», какую «взялъ» его отецъ, князь Константинъ Васильевичъ, съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ,—остались характерной чертой княженія Константиновича Андрея [2]). Но и въ Суздальско-Нижегородскомъ великомъ княжествѣ и внѣ его еще бродили силы и настроенія, враждебныя великокняжескому значенію Москвы. Во главѣ ихъ попытался стать братъ Андрея Дмитрій Константиновичъ.

Вѣроятно, по отцовскому «ряду» братья в. к. Андрея, занявшаго «степень» отца, получили въ удѣлъ отчины своей—Дмитрій Константиновичъ Суздаль, а Борись Городецъ [3]). Не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о «рядѣ», какой, надо полагать, далъ сыновьямъ Константинъ Васильевичъ, ни о договорныхъ соглашеніяхъ между братьями Константиновичами. На дѣлѣ старѣйшинство въ ихъ братской семьѣ не утвердилось за Андреемъ Константиновичемъ. Засилье московской власти, нависшее надъ ихъ отчиной, исказило въ корень суздальско-нижегородскія отношенія. Братья дѣйствуютъ врозь и каждый ведетъ свою особую политику. Смуты въ Золотой Ордѣ сильно осложняли положеніе великокняжской власти и создавали новыя возможности для смѣлыхъ происковъ русскихъ князей, разрушая всякую

---

[1]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 228 (Софійская I, списокъ Царскаго: „въ лѣто 6864 съѣздъ бысть въ Переяславли великому князю Ивану Ивановичю съ княземъ Андреемъ Константиновичемъ; и дары многи и честь сотвори брату своему молодшему и отпусти его съ миромъ“).

[2]) Лѣтописные своды характеризуютъ Андрея Константиновича, какъ князя „благовѣрнаго и смиреннаго“ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 103), „кроткаго и тихаго и смиреннаго и многодобродѣтельнаго“ (т. XI, стр. 4; ср. стр. 3: „бысть же сей князь духовенъ зѣло и многодобродѣтеленъ“).

[3]) А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 404) полагаетъ, что эти удѣлы младшимъ братьмъ „далъ“ Андрей Константиновичъ; осторожнѣе допустить отцовское уряженье, хотя и о немъ нѣтъ упоминанія въ источникахъ. О четвертомъ сынѣ князя Константина Васильевича—Дмитріи Ногтѣ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 422—423: повидимому, слѣдуетъ признать предлагаемую А. В. Экземплярскимъ датировку грамоты суздальскому Васильевскому монастырю 6861 годомъ и его выводъ, что Дмитрій умеръ раньше отца, въ 1352—53 г. Упоминаніе о второмъ Дмитріи Константиновичѣ въ Никоновской лѣтописи подъ 6883 г. самой формой своей: „со княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ Ногтемъ Суздальскимъ“ даетъ поводъ отнести его къ вставкѣ изъ родословнаго источника (въ перечнѣ князей-участниковъ тверского похода въ Воскресенской лѣтописи, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22, этого Дмитрія нѣтъ, но онъ имѣется въ видѣ „князя Дмитрея Новгородскаго“ въ Тверской, т. XV, ст. 435); такой же ошибочной вставкой слѣдуетъ признать его имя подъ 6875 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 9; т. XVIII, стр. 106; Воскресенская (т. VIII, стр. 14) и тутъ не даетъ этого имени. Возможно, что тутъ на лѣтописаніи отразилось построеніе нѣкоторыхъ чертъ біографіи князя Дмитрія Ногтя, отъ котораго черезъ его сына Юрія (другимъ источникамъ неизвѣстнаго) вели свою родословную князья Ногтевы, въ этой ихъ родословной.

устойчивость сложившихся политическихъ отношеній. Смерть в. к. Ивана Ивановича (въ ноябрѣ 1358 г.), и переходъ его наслѣдія къ малолѣтнему сыну Дмитрію неизбѣжно усиливали смуту этихъ отношеній. Одновременно ослабѣли оба ихъ основныхъ устоя—значеніе ханскаго «пожалованія» и собственная сила носителя великокняжской власти. Быстрая и кровавая смѣна хановъ Золотой Орды послѣ убіенія Бердибека привела къ власти хана Кулпу, затѣмъ, черезъ полъ-года, Науруса, а весной 1360 г.—Хидыря. Русскимъ князьямъ приходилось считаться съ такимъ шатаніемъ власти, утверждавшей за ними ихъ владѣнія. Строй русскаго улуса, только что утвержденный Наурусомъ [1]), повергая сильному потрясенію, когда власть перешла къ хану Хидырю [2]). Этотъ ханъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Владимір-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10—11: „и сѣде Наврусь на царствѣ, и поидоша къ нему въ Орду вси князи русстіи и бысть роздѣлъ въ Ордѣ княженіемъ ихъ, и пріидоша койждо въ свою отчину“; то же т. XVIII, стр. 100 („и бысть имъ въ Ордѣ роздѣлъ княженіемъ ихъ, и который же сихъ по временомъ своимъ возвратишася въ своясн, и кой же ихъ пріиде въ свою отчину“). Никоновская лѣтопись даетъ иную редакцію этого извѣстія, которая болѣе опредѣленно указываетъ на какіе-то княжескіе споры о волостяхъ, разрѣшенныя ханомъ: „того же лѣта поидоша въ Орду къ новому царю Наурусу вси князи русстіи и биша челомъ царю о раздѣленіи княженей ихъ; и тако смири ихъ и раздѣлъ положи княженіемъ ихъ, и знати имъ комуждо свое княженіе и не преступати; и тако роздѣли ихъ коегождо вотчину его и отпусти ихъ съ миромъ и съ честію“, т. X, стр. 231. Повидимому, передъ нами три сокращенныхъ передачи общаго, болѣе обстоятельнаго сообщенія о томъ, какъ смерть в. к. Ивана и смѣна хановъ тотчасъ подняли раздоры между князьями о волостяхъ; къ сожалѣнію, точнѣе о нихъ ничего не знаемъ.

[2]) Вѣрное указаніе на послѣдовательность событій въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 11): весной 1360 г. „пріиде на царство Волжьское нѣкій царь съ востока, именемъ Хыдырь, и бысть лесть въ князехъ ордынскихъ, и убіенъ бысть царь Наурусь, а Хыдырь сѣде на царство и дасть княженіе великое князю Дмитрею Константиновичу суздальскому“; тоже въ „Лѣт. по акад. списку“, изд. при Лаврентьевской, стр. 504; ср. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 428). Въ Троицкой (вѣроятно, запись московской княжеской лѣтописи)—сперва идетъ сообщеніе о приходѣ изъ Орды Дмитрія Константиновича на великое княженіе, а затѣмъ (и то, и другое „тое же весны“) о Хидырѣ и убіеніи Науруса (т. XVIII, стр. 100). Подъ вліяніемъ этого источника и собственнаго недоумѣнія, какъ могъ второй Константиновичъ получить ярлыкъ на великое княженіе мимо старшаго брата, Никоновская лѣтопись даетъ такой текстъ: „того же лѣта князи суздальстіи пріидоша въ Орду къ царю Наурусу, князь Андрей Константиновичь, внукъ Васильевъ, и братъ его князь Дмитрей Константиновичъ, и пріатъ ихъ царь Наурусъ съ честію, и даде великое княженіе Володимерьское князю Дмитрею Константиновичю суздальскому не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ; а преже, добавляетъ книжникъ, царь давалъ великое княженіе Володимерское старѣйшему его брату князю Андрѣю Константиновичю суздальскому, и онъ по то не ялся; и тако князь Дмитрей Константиновичь суздальскій взя великое княженіе Володимерское“ и т. д. Этотъ текстъ—характерная черточка московской исторіографіи XVI в., а не источникъ для событій XVI вѣка. Свой текстъ Никоновская лѣтопись тутъ комбинируетъ изъ двухъ источниковъ: сходнаго съ Троицкой,

ское суздальскому князю Дмитрію Константиновичу; князь Дмитрій сѣлъ на столъ великаго княженія 22 іюня 1360 г., былъ признанъ и митрополитомъ Алексѣемъ, и всѣми князьями, и Великимъ Новгородомъ [1]). А тѣмъ временемъ ордынская замятня все разросталась и такъ же уничтожила успѣхи князя Дмитрія, какъ ихъ создала. Ханъ Хидырь убитъ роднымъ сыномъ Темирь-Хозей, а на Темиря поднялся темникъ Мамай; казалось, вовсе распадается Золотоордынское царство. Сарайскіе князья признали ханомъ Амурата, Хидырева брата, а Мамай провозгласилъ ханомъ своего ставленника Авдула. Русскіе князья признали власть Амурата: на его судъ передали князья московскій Дмитрій Ивановичъ и суздальскій Дмитрій Константиновичъ свой споръ о великомъ княженіи. Ханскій ярлыкъ достался московскому Дмитрію, и Дмитрій суздальскій, который было захватилъ Переяславль [2]), вынужденъ бѣжать, послѣ двухлѣтняго великаго княженія, въ свой отчинный Суздаль. Занявъ столъ Владимірскаго великаго княженія, Дмитрій московскій принялъ ярлыкъ на него и отъ Амуратова соперника Авдулы, хана Мамаевой орды. Въ Сараѣ, при дворѣ хана Амурата, приняли эти сношенія в. к. Дмитрія Ивановичъ съ Авдулой, какъ измѣну, и Амуратъ послалъ съ бѣлозерскимъ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ и своими послами ярлыкъ на великое княженіе суздальскому Дмитрію. Дмитрій Константиновичъ вторично занялъ было Владиміръ, но не прошло и двухъ недѣлъ, какъ московскія войска согнали его со Владиміра, подступили и къ Суздалю

порядокъ изложенія которой принятъ за порядокъ событій, и сходнаго съ Воскресенской (откуда, напримѣръ, слова „не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ“—изъ текста, который Никоновская ниже приводитъ; ср. Воскр.: и „пріиде (Дмитрій) въ Володимерь Іюня 22 и сѣде на великомъ княженіи, а не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ“ и Ник.: „и въѣха въ Володимерь на великое княженіе за недѣлю до Петрова дни, мѣсяца іюня въ 22 день, не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ“), и дополняетъ ихъ соображеніями книжника-составителя.

[1]) „и поставленъ бысть Алексѣй архіепископомъ Новугороду ...митрополитомъ Олексѣемъ всеа Руси, при великомъ князи Дмитріи Константиновичѣ, мѣсяца іюля въ 12 день“ Новг. I, стр. 356; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232; въ ту же зиму в. к. Дмитрій созываетъ въ Кострому „всѣмъ княземъ съѣздъ“ по дѣлу о выдачѣ ханскому послу новгородскихъ ушкуйниковъ, которые пограбили болгарскій Жукотинъ—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 11; т. XVIII, стр. 100—101; а тотчасъ по посаженіи своемъ на столѣ великаго княженія в. к. Дмитрій послалъ въ Новгородъословъ своихъ и намѣстниковъ, „и посадиша Новогородци намѣстники княжи у себе и судъ имъ даша, домолвяся съ княземъ“ (Новг. I, стр. 356; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232).

[2]) В. к. Дмитрій Ивановичъ идетъ съ войскомъ на князя Дмитрія Константиновича къ Переяславлю, и тотъ бѣжитъ отсюда далѣе въ Суздаль—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12; т. XVIII, стр. 101. Никоновская (т. X, стр. 233) сохранила указаніе, что Дмитрій Константиновичъ „иде изъ Володимеря въ Переяславль и сяде въ немъ на княженіи“, когда московскіе послы вынесли изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Дмитрію Ивановичу.

и принудили къ миру [1]). Побѣда Москвы была полной; подавлены не только покушенія суздальскаго князя на столъ великаго княженія; подавлено и враждебное Москвѣ броженіе среди второстепеннаго княжья: в. к. Дмитрій Ивановичъ «взялъ волю свою» не только надъ суздальскимъ Дмитріемъ, но и надъ Константиномъ ростовскимъ, а князей галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій.

Условія мира между князьями Дмитріями, московскимъ и суздальскимъ, не сохранены нашими источниками, да и все ихъ изложеніе, относящееся къ событіямъ 1363—1365 годовъ, полно недомолвокъ, а мѣстами и спутано въ компилированіи текста лѣтописныхъ сводовъ по разнымъ источникомъ [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12, т. XVIII, стр. 102 (дважды—подъ 6871 г., какъ и въ другихъ сводахъ, и подъ 6872 г.); т. XI, стр. 2.

[2]) Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12—13) даетъ извѣстія въ такомъ порядкѣ: 1) подъ 6871 г.—о послѣ съ ярлыкомъ в. к. Дмитрію Ивановичу отъ Авдулы; 2) о вторичномъ занятіи Владиміра Дмитріемъ Константиновичемъ („и тако пребысть въ Володимери едину недѣлю; слышавъ же се князь великій Дмитрей Ивановичь и пришедъ паки съ братьею и съ вои своими и согна его съ Володимеря, онъ же бѣже въ Суздаль, князь же великій поиде за нимъ ратью къ Суздалю и вземъ миръ отъпде“); 3) подъ 6872 г.—о морѣ на Руси; 4) „Тое же зимы приде изъ орды отъ царя Азиза князь Василей Дмитреевичь суздальскій и съ нимъ посолъ Урусманды, и вынесе великое княженіе отцу своему князю Дмитрею Константиновичу, онъ же отступися великого княженія князю великому Дмитрею Ивановичю“; 4—5) кончина суздальскаго епископа Алексѣя и в. к. Александры (27 декабря); 6) подъ 6873 г.—о построеніи Архангельскаго храма въ Москвѣ; 7) кончина (2 іюня) нижегородскаго князя Андрея Константиновича—„и сѣде по немъ братъ его Борисъ Константиновичъ въ Новѣгородѣ“; 8) „о спорѣ Константиновичемъ“; 9) набѣгъ Тагая изъ Наручади; 10) посаженіе Бориса Константиновича на Нижегородское княженіе ордынскимъ посломъ; 11) посольство св. Сергія въ Нижній и 12) походъ на Бориса кн. Дмитрія Константиновича съ московской ратью и докончаніе мира между братьями. Симеоновская лѣтопись держится, въ общемъ, того же порядка (повторныя извѣстія въ счетъ не идутъ—т. XVIII, стр. 102), но вскрываетъ его ошибочность слѣдующимъ текстомъ: подъ 6872 г. послѣ извѣстія о морѣ на Руси идетъ сообщеніе о полученіи княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ ярлыка отъ хана Азиза: „онъ же сступися княженіа великаго князю великому Дмитрею Ивановичу московскому, а испросилъ и взялъ себѣ у него силу къ Новугороду къ Нижнему на своего брата Бориса“ и т. д., кончая примиреніемъ братьевъ Константиновичей; а затѣмъ уже идутъ извѣстія о кончинѣ еп. Алексѣя и в. к. Александры, а подъ 6873 г.—объ основаніи Архангельскаго храма и кончинѣ Андрея Константиновича. Цѣнно тутъ прямое указаніе на связь между отказомъ Дмитрія Константиновича отъ ярлыка на великое княженіе и его столкновеніемъ съ братомъ Борисомъ—послѣ кончины Андрея Константиновича. Тоже соотношеніе событій находимъ и въ Никоновской лѣтописи, которая, вообще, сохранила извѣстія о нихъ полнѣе и въ порядкѣ, который и слѣдуетъ признать правильнымъ, а именно: 1) подъ 6871 г.—походъ в. к. Дмитрія Ивановича во Владиміръ и посольство отъ Авдулы; 2) посольство Амурата, разгнѣваннаго сношеніями Дмитрія съ Авдулой, къ суздальскому Дмитрію („посолъ

Постриженіе, а вскорѣ затѣмъ и кончина в. к. нижегородскаго Андрея Константиновича въ 1365 г. дали толчекъ къ новой вспышкѣ мѣстной смуты. Возникло соперничество двухъ Константиновичей—Дмитрія и Бориса изъ за Нижегородскаго княженія. И это соперничество, какъ прежде борьба за великое княженіе двухъ Дмитріевъ, московскаго и суздальскаго, питалось, въ значительной мѣрѣ, татарской разрухой. На ряду съ борьбой изъ за обладанія ханской властью въ Золотой Ордѣ, начался ея частичный распадъ; отдѣльные ордынскіе князья «о собѣ пребываху», по выраженію лѣтописца. Такъ Булатъ-Темпръ захватилъ Великія Болгары и «отнялъ весь Волжскій путь», а князь Тагай властвовалъ въ мордовской землѣ; взбаломученная внутренней анархіей татарская сила надвигалась на русскіе предѣлы, и всего болѣе терпѣли отъ ея судорожныхъ движеній рязанскія и нижегородскія волости. Центральная ханская власть,

---

Илякъ да тритцать татариновъ да князь Иванъ бѣлозерскій"); 3) вторичное вокняженіе Д. К. во Владимірѣ; 4) походъ в. к. Дмитрія Ивановича (съ существенными подробностями: князь Дмитрій „бѣжа въ Суздаль, сидѣвъ на великомъ княженіи въ Володимери точію дванадсять днiй; князь великій же Дмитрей Ивановичь поиде за нимъ ратью къ Суздалю и стоа ратью со многою силою около Суздаля и все пусто сотвори, и тако князь Дмитрей Константиновичь, вземъ миръ съ нимъ, поиде изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ къ великому князю Андрею Костантиновичу, къ старѣйшему брату своему, а князь великій Дмитрей Ивановичъ, вземъ волю свою надъ нимъ, възвратися въ Володимерь"), причемъ въ прямой связи съ этимъ разсказомъ сообщаетъ Никоновская лѣтопись о томъ, какъ в. к. Дмитрій „такоже и надъ ростовьскимъ княземъ Константиномъ взя волю свою", а князей галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій,—съ заключительной строкой: „тогда вси князи ѣхаша въ Новъгородъ Нижній къ князю Дмитрею Константиновичю, скорбяще о княженіяхъ своихъ". А подъ 6872 г.—Никоновская даетъ для суздальско-нижегородскихъ дѣлъ только извѣстіе о постриженіи в. к. Андрея Константиновича въ иноческій чинъ; о его кончинѣ сообщаетъ подъ 6873 г., а затѣмъ находимъ интересующія насъ извѣстія въ такой послѣдовательности: 1) о поѣздкѣ въ Орду князя Василія Кирдяпы; 2) о столкновеніи Константиновичей изъ за Нижегородского великаго княженія (причемъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ еп. Алексѣй, смерть котораго по Воскресенской пришлось бы отнести ко времени до кончины в. к. Андрея); 3) посаженіе на Нижегородскомъ княженіи Бориса Константиновича посломъ ханскимъ; 4) возвращеніе Василія Кирдяпы къ отцу съ ярлыкомъ отъ царя Азиза; и 5) отказъ Дмитрія Константиновича отъ великаго княженія: „онъ же не възхотѣ и сступися великого княженія Владимірскаго великому князю Дмитрею Ивановичю московскому, а изпросилъ у него силу къ Новугороду къ Нижнему на своего меншого брата на князя Бориса Константиновича". Далѣе, существенныя сообщенія Никоновской: 6) о неудачномъ посредничествѣ в. к. Дмитрія Ивановича („посла къ нимъ послы свои, чтобы ся помирили и подѣлилися вотчиною своею; князь же Борисъ не послуша"), 7) „того же лѣта Алексѣй митрополитъ отня епископію новогородцкую и городецкую отъ владыки суздальскаго Алексѣя"; 8) о посольствѣ св. Сергія въ Нижній, движеніи ратной силы на Бориса и примиреніи князей. Затѣмъ только сообщаетъ Никоновская о кончинѣ суздальскаго епископа Алексѣя.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2—5.

ослабѣвшая и растерянная въ рукахъ случайныхъ и недолговѣчныхъ ея обладателей, шла легко на поддержку русской смуты раздачей ярлыковъ претендентамъ на русскія княженія. Князь Борисъ Константиновичъ сумѣлъ найти поддержку въ Ордѣ своему притязанію на Нижній Новгородъ и былъ посаженъ на Нижегородскомъ княженіи ханскимъ посломъ. А въ Ордѣ при дворѣ хана Азиза былъ въ ту пору сынъ князя Дмитрія Константиновича Василій, прозвищемъ Кирдяпа, выѣхавшій къ хану тотчасъ послѣ кончины князя Андрея. Кирдяпа вывезъ изъ Орды отцу ярлыкъ на Владимірское великое княженіе; возможно, что тутъ передъ нами осуществленіе одного плана: Борису—Нижній, Дмитрію—великое княженіе всея Руси. Но Дмитрій Константиновичъ, видно, убѣдился въ безнадежности всей этой политической игры. Онъ стремится утвердить за собой великое княженіе Нижегородское, сохраняя въ своихъ рукахъ и Суздаль, а противъ брата ищетъ опоры въ великокняжеской власти и силѣ Дмитрія московскаго. Попытка великокняжескаго посредничества между Константиновичами не удалась. Тогда руководитель московской политики митрополитъ Алексѣй направилъ противъ князя Бориса, отвергшаго вмѣшательство великаго князя въ свои счеты съ братомъ Дмитріемъ, всю силу церковной и свѣтской власти. Нижній Новгородъ и Городецъ изъяты изъ подъ управленія суздальскаго епископа Алексѣя и подчинены непосредственно митрополиту; въ Нижній посломъ митрополита и великаго князя явился игуменъ Сергій съ зовомъ князю Борису на великокняжескій судъ въ Москву. Новый отказъ Бориса навлекъ церковное запрещеніе на Нижній: игуменъ Сергій «по митрополичьему слову Алексѣеву и великого князя Дмитрея Ивановича»—затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ. А, въ то же время, на Нижній двинулись великокняжескія войска вмѣстѣ съ суздальской ратью Дмитрія Константиновича. Князю Борису оставалось только смириться. По докончанію съ братомъ онъ вернулся на свой городецкій удѣлъ, а Дмитрій Константиновичъ сѣлъ на княженіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Водворенный на этомъ княженіи московской помощью, Дмитрій Константиновичъ возстановилъ единство Суздальско-Нижегородскаго великаго княжества. Его стольный городъ—Нижній Новгородъ; въ Суздалѣ, вѣроятно, правилъ сынъ его Василій Кирдяпа [1]; городецкій князь Борисъ Константиновичъ княжитъ подъ рукою брата Дмитрія, участвуетъ въ его походахъ. Но это Нижегородское великое княжество не стоитъ рядомъ съ великимъ княжествомъ Владимірскимъ и всея Руси, а входитъ въ составъ политической системы, во главѣ которой великій князь Дмитрій Ивановичъ. Къ сожалѣнію, среди нашихъ источниковъ нѣтъ его договоровъ съ Нижегородскимъ великимъ княземъ, но фактическія ихъ отношенія, насколько они намъ извѣстны,

---

[1]) Ср. „Нижегородскій лѣтописецъ“, стр. 8: Дмитрій Константиновичъ „поиде изъ Нижняго въ Суждаль къ сыну своему Василію Дмитріевичу“.

дают картину политическаго единенія и подчиненнаго одиначества великаго князя нижегородскаго съ великимъ княземъ всея Руси.

Такой укладъ этихъ отношеній обусловленъ самымъ положеніемъ Нижегородскаго княжества на боевой восточной украйнѣ Великороссіи. Ослабленіе внутреннихъ связей Владимірско-суздальской Руси и тутъ, какъ на западныхъ и южныхъ предѣлахъ, вызвало тягу къ самостоятельной организаціи мѣстныхъ силъ для противодѣйствія опасному напору враждебныхъ сосѣдей, сохраненія и укрѣпленія позицій, добытыхъ прежней колонизаціей, и ея дальнѣйшаго развитія. Броженіе и начавшійся распадъ иородческаго міра, было спаяннаго татарской властью, только обострили эту опасность и требовали отъ великорусскаго населенія все большаго напряженія силъ для самозащиты, постепенно переходившей въ дальнѣйшее наступленіе. И первые же опыты такой мѣстной политической организаціи неизбѣжно связались съ потребностью восточной украйны—имѣть въ тылу надежную поддержку центральныхъ великорусскихъ силъ. Нижегородскіе князья потянулись къ великокняжеской власти надъ всей Великороссіей, къ воскрешенію стародавней, казалось—уже забытой, традиціи Суздальскаго старѣйшинства, а, потерпѣвъ неудачу, ищутъ помощи и защиты у новаго центра великорусской силы, у окрѣпшей и властной Москвы. Въ дѣятельности князя Дмитрія Константиновича наглядно и ярко сказались эти условія политическихъ судебъ Нижегородской украйны.

Выходъ изъ смутъ былъ данъ только въ примиреніи съ Москвой и въ признаніи ея первенства. Съ московской помощью возстановилъ в. к. Дмитрій свою стольную власть въ Нижнемъ Новгородѣ, и онъ тѣсно примыкаетъ къ великокняжеской власти московскаго Дмитрія, закрѣпивъ эту связь замужествомъ съ нимъ своей дочери Евдокіи [1]).

И съ этого момента все опредѣленнѣе выступаетъ въ нашихъ извѣстіяхъ торговая и боевая значительность Нижняго Новгорода. Впрочемъ, состояніе нашихъ источниковъ таково, что нѣтъ возможности ближе присмотрѣться къ внутреннему укладу нижегородской жизни. Такъ свидѣтельствомъ о значительной нижегородской торговлѣ этого времени являются только сообщенія лѣтописей о нападеніяхъ новгородскихъ ушкуйниковъ да кое-какія черты изъ столкновеній русской княжеской власти съ камскими болгарами. Ушкуйники новгородскіе дважды налетали на Нижній при Дмитріи Константиновичѣ. Въ 1366 г. они избили тутъ «множество» татарскихъ торговыхъ гостей (татаръ, бесерменъ и армянъ) и мѣстныхъ—нижегородскихъ, разграбили ихъ товары, истребили ихъ суда, а затѣмъ пошли внизъ по Волгѣ и въ Каму на грабежъ болгарскихъ городовъ; другой еще болѣе крупный набѣгъ ушкуйниковъ произошелъ въ 70-хъ годахъ:

---

[1]) Свадьба состоялась на Коломнѣ 18 января 1366 г. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14).

они разграбили Кострому и Нижній Новгородъ, грабили тутъ и «бесерменъ» и христіанъ, грабили по Камѣ, и пошли внизъ по Волгѣ, грабя торговыхъ гостей [1]). Подъемъ и ростъ поволжской торговли, крупнымъ центромъ которой выступаетъ Нижній Новгородъ, манитъ на разбойничьи подвиги вольныя гулящія силы.

Оживленіе поволжской торговли обостряло и вопросъ о защитѣ поволжскихъ городовъ и волостей и торговаго пути отъ татарскихъ, болгарскихъ и мордовскихъ набѣговъ и насилій. Тѣсно связанъ онъ и съ возобновленіемъ колонизаціоннаго движенія, которое съ середины XIV в. медленно, но неуклонно тянется внизъ по Волгѣ. Время Дмитрія Константиновича отмѣчено новымъ напряженіемъ столкновеній съ инородческимъ поволожскимъ міромъ на восточныхъ предѣлахъ Великороссіи. Сила опаснаго сосѣда Булатъ-Темира, ордынскаго князя, который захватилъ было весь волжскій путь, утвердилъ свое господство въ устьяхъ Камы, рухнула при первомъ испытаніи. Въ 1367 г. онъ набѣгомъ пограбилъ нижегородскія волости по Волгѣ, но бѣжалъ при выступленіи братьевъ Константиновичей, а русская рать преслѣдовала татаръ и обратила ихъ отступленіе въ пораженіе; Булатъ-Темиръ бѣжалъ въ Золотую Орду и убитъ тамъ по повелѣнію хана Азиза [2]). Разладъ внутри татарскаго міра облегчалъ борьбу съ его разрозненными силами. Боевыя дѣйствія русскихъ князей на Волгѣ не ставили ихъ, на первыхъ порахъ, лицомъ къ лицу съ главной ордынской силой и даже встрѣчали ея поддержку. Такъ, послѣ гибели Булатъ-Темира, полки князя Дмитрія Константиновича идутъ на болгарскаго князя Асана съ ханскимъ посломъ и водворяютъ на княженіи у болгаръ другого князя, Махметъ Салтана. А черезъ нѣсколько лѣтъ русскія войска снова идутъ на болгаръ, на обоихъ «болгарскихъ князей», Асана и Махмета, на этотъ разъ безъ участія въ дѣлѣ ханской власти: полки Дмитрія Константиновича приводятъ болгарскикъ князей къ покорности съ помощью великокняжескаго войска, присланнаго в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ и принуждаютъ ихъ къ уплатѣ значительной контрибуціи. Мало того: болгарскіе князья вынуждены «посадить» у себя «въ Болгарехъ» великокняжескаго «дарагу и таможника», т. е., какъ бы мы ни понимали это неясное и неполное извѣстіе, подчиниться контролю агентовъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14—15; т. XI, стр. 6;—т. VIII, стр. 23—24, т. XI, стр. 24. Ушкуйники захватывали „всякъ товаръ“, увозили все „лучшее и легчайшее“ и увели въ плѣнъ „множество народа христіанскаго“, а продавали добычу въ Болгаріи и въ Астрахани.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14; т. XI, стр. 9.—Татары пограбили весь нижегородскій „уѣздъ“ по Волгѣ до р. Сундовити (Сундовака, впадающаго въ Волгу у села Лыскова—см. Экземплярскій, т. II, стр. 411); передъ русской ратью Булатъ бѣжалъ за рѣку Пьяну, а русскіе „гоняще по немъ, много татаръ остаточныхъ загонныхъ избиша, а иные мнози въ рѣцѣ Піанѣ истопоша, нѣкоимко же ихъ по зажитьемъ избиша“.

русской великокняжеской власти въ дѣлахъ торговли и, повидимому, признать за ней право на какіе-то доходы [1]). Съ полками в. к. Дмитрія Ивановича ходитъ нижегородская рать и на мордву, карая ея набѣги на русскія волости опустошеніемъ Мордовской земли [2]).

Боевая дѣятельность русскихъ князей на восточныхъ предѣлахъ Великороссіи вызвала въ 70-хъ годахъ XIV в. сооруженіе каменнаго кремля въ Нижнемъ-Новгородѣ и новаго городка Курмыша на р. Сурѣ [3]). Она сковала в. к. Нижегородское тѣсною связью съ великорусскимъ великимъ княженіемъ, тѣмъ болѣе, что, направленная на поволожскихъ инородцевъ, неизбѣжно вводила Нижегородскую украйну въ опасные конфликты съ татарскимъ міромъ. Конечно, и въ этихъ конфликтахъ—Нижегородская украйна не самостоятельная величина, а лишь передовая позиція великорусской великокняжеской силы. Назрѣваетъ неизбѣжная борьба Великороссіи съ татарами, когда Золотая Орда, расшатанная въ самыхъ основахъ своего строя, нашла себѣ вождя-объединителя въ темникѣ Мамаѣ.

Къ серединѣ семидесятыхъ годовъ XIV вѣка Нижегородская украйна снова почуяла на себѣ возрожденіе, въ тылу сосѣдняго инородческаго міра, дѣятельной мощи Золотой Орды. На Русь шли послы Мамая съ сильнымъ военнымъ отрядомъ, но столкновеніе этихъ Мамаевыхъ татаръ съ русскимъ населеніемъ начались еще по дорогѣ: нижегородцы часть ихъ перебили, часть захватили и привели въ свой городъ, гдѣ тѣ были истреблены послѣ новаго уличнаго боя [4]). Татары отвѣтили набѣгомъ на нижегородскія волости

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17 и 24—25. Вѣроятно, что посылка „въ Болгары“ великокняжескихъ чиновниковъ была связана съ взысканіемъ контрибуціи, которая, по лѣтописи, была весьма значительна: Асанъ и Махметъ „добиста челомъ великому князю и тестю его князю Дмитрію Константиновичу двѣма тысячма рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысячма рублевъ“.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

[3]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 18 (подъ 1372 г.). „Нижегородскій лѣтописецъ“ отмѣчаетъ два момента постройки нижегородскаго кремля: подъ 1359 г. (такая дата невозможна), по почину князя Бориса Константиновича (если такъ, то въ 1365 г.?) начаты земляныя работы („повелѣ ровъ копать, гдѣ быть каменной городовой стѣнѣ и башнямъ“), и подъ 1374 г., когда Дмитрій Константиновичъ „повелѣ дѣлать каменную стѣну и зачаты Дмитровскія ворота“—изд. Гацисскаго, стр. 12 и 17.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19: „князь Борисъ Константиновичъ поставя себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нареченіе его именемъ Курмышъ“.

[4]) Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 21): „того же лѣта (1374) избиша въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ пословъ Мамаевыхъ, а съ ними бѣ 1000 татаръ; а старѣйшину ихъ, именемъ Сарайку, съ прочею дружиною руками яша и ведоша въ городъ“; въ Никоновской (т. XI, стр. 20) и Симеоновской (и Троицкой; XVIII, стр. 114): „новогородци Нижняго Новагорода побиша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними татаръ тысящу, а старѣйшину ихъ Сарайку яша и приведоша ихъ въ Новгородъ Нижній и съ его дружиною“. Вѣроятно, что первый бой разыгрался на нижегородскомъ посадѣ, второй—„въ городѣ“.

и раззореніемъ Запьянья, а черезъ годъ в. к. Дмитрій Ивановичъ выступаетъ «въ силѣ велицѣ» на оборону Нижняго, по зову Дмитрія Константиновича: дошли вѣсти, что на Нижній идетъ ратью царевичъ Арапша. Арапша задержалъ свой походъ, затѣмъ напалъ на русскую рать врасплохъ съ помощью мордовскихъ князей, которые потайно подвели татаръ, когда в. к. Дмитрій отъѣхалъ въ Москву, а русское войско впало въ крайнее небреженіе всякой осторожностью. Тяжкое пораженіе русской рати на р. Пьянѣ (въ августѣ 1376 г.) оставило Нижній безъ защиты. Дмитрій Константиновичъ бѣжалъ въ Суздаль, нижегородцы спасались Волгой въ Городецъ. Нижній взятъ и разоренъ татарами, татарскіе и мордовскіе отряды пограбили нижегородскія волости. Съ мордвой русскіе князья посчитались, какъ только схлынулъ татарскій набѣгъ, но напоръ татарской силы оставался крайне опаснымъ. Подготовляя общее движеніе на Русь, Мамай въ 1378 г. послалъ на Нижній войска изгономъ, въ отсутствіе князя Дмитрія Константиновича; городъ оказался снова беззащитнымъ, татары отвергли предложенный княземъ выкупъ, сожгли городъ и пограбили весь уѣздъ. Этотъ набѣгъ стоялъ, повидимому, въ связи съ походомъ на Русь ордынскаго князя Бегича, котораго великій князь Дмитрій Ивановичъ встрѣтилъ и разбилъ на рѣкѣ Вожѣ, въ рязанскихъ предѣлахъ [1]). Но этотъ частичный успѣхъ не произвелъ рѣшительнаго впечатлѣнія. Ордынская сила, подобранная въ рукахъ Мамая, нависла надъ Русью тяжкой угрозой. И подобно Рязанской землѣ, Нижегородская украйна, хоть и нашла она больше дѣятельной поддержки и защиты въ великорусскомъ центрѣ, оказалась слишкомъ изнуренной испытанными ударами, чтобы рѣшительно и всею силой примкнуть къ выступленію Дмитрія Донского противъ Мамая. Къ тому же, можно было ожидать татарской диверсіи на Нижній, подобной набѣгу 1378 г., когда Бегичъ шелъ на Русь къ Окѣ черезъ рязанскія волости. Нижегородскихъ князей и ихъ полковъ не видимъ въ русскомъ войскѣ на Куликовомъ полѣ. Дальнѣйшія событія какъ бы оправдали нижегородскія опасенія. Нашествіе Тохтамыша началось съ угрозы Нижнему Новгороду: ханъ послалъ татарское войско въ Болгары, гдѣ были захвачены и ограблены русскіе купцы, а ихъ суда послужили татарамъ для переправы черезъ Волгу. Князь Дмитрій Константиновичъ поспѣшилъ изъявить покорность хану. Онъ и не могъ думать о сопротивленіи безъ сильной поддержки изъ Москвы, а в. к. Дмитрій Ивановичъ и самъ не смогъ отразить Тохташева удара.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22, 25—26, 32—33; т. XI, стр. 21, 24 (тутъ набѣгъ татаръ на Нижній Новгородъ, подъ 1376 г., не упоминаемый другими лѣтописными сводами, мотивированъ раздраженіемъ ордынской власти за походъ русскихъ князей съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на Тверь—черта едва ли историческая, а скорѣе плодъ московской публицистики), 27—29 (Арапша послѣ разграбленія Засурья, захватываетъ русскихъ гостей на Волгѣ, затѣмъ совершаетъ раззорительный набѣгъ на Рязанскую землю), 42—43.

Къ хану явились сыновья Дмитрія Константиновича—Василій и Семенъ—и остались при немъ, повидимому, заложниками. Княжича Семена Тохтамышъ отпустилъ, послѣ похода, къ отцу съ посломъ своимъ, но Василія Дмитріевича Кирдяпу увелъ въ Орду. На время пришлось Руси смириться передъ татарами, и нижегородскіе князья усиленно ѣздятъ на поклонъ къ хану [1]). Князь Дмитрій Константиновичъ былъ, видимо, уже при смерти [2]) (скончался лѣтомъ 1383 г.), и ханская воля должна была утвердить преемство по немъ. Всѣ родичи его были въ Ордѣ въ моментъ его кончины. Старшій изъ Дмитріевичей—Василій Кирдяпа—остался и на слѣдующіе годы заложникомъ у хана, а ярлыкъ на великое княженіе Нижняго Новгорода [3]) получилъ его дядя Борисъ Константиновичъ, который и вернулся на столъ княженія изъ Орды съ сыномъ Иваномъ и племянникомъ Семеномъ Дмитріевичемъ [4]).

Историческая роль Нижегородскаго великаго княжества была исчерпана. Его успѣхи и его неудачи при Дмитріи Константиновичѣ были лишь отраженіемъ колебаній въ силѣ и положеніи великорусскаго великокняжескаго центра. Вокняженіе Бориса Константиновича по ханскому пожалованію можно разсматривать, какъ слѣдствіе временнаго ослабленія великорусской великокняжеской власти послѣ нашествія Тохтамыша. Братья Дмитріевичи, шурья великаго князя Дмитрія Ивановича, устранены отъ вотчиннаго нижегородскаго стола, очевидно безъ соглашенія съ великимъ княземъ. Отношенія эти вскрылись послѣ побѣга Василія Кирдяпы изъ Орды. Побѣгъ не удался, Кирдяпа былъ на пути перехваченъ ордынскимъ посломъ и водворенъ обратно въ Ордѣ, но въ слѣдующемъ—1387 году—ханъ Тохтамышъ отпустилъ его на Русь, утвердивъ за нимъ Городецкое княжество. А братъ его Семенъ княжилъ, повидимому, на Суздалѣ подъ рукою дяди [5]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42—43, 45, 47. Въ Орду ѣдетъ вскорѣ князь Борисъ Константиновичъ, затѣмъ в. к. Дмитрій Константиновичъ посылаетъ къ Тохтамышу „въ свое мѣсто“ сына Семена; ѣдетъ къ отцу въ Сарай Иванъ Борисовичъ; тамъ же, стр. 48.

[2]) „понеже самъ въ старость прихожаше и въ немощь“, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 83.

[3]) Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 84) подчеркиваетъ, что произошло посаженіе Бориса Константиновича „на великомъ княженіи, на отчинѣ и дѣдинѣ его въ Суздалѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ и на Городцѣ“. Вѣрная своей удѣльно-генеалогической системѣ, она постоянно называетъ Дмитрія Константиновича „Суздальскимъ“, или „Суздальскимъ и Новагорода Нижняго“.

[4]) Средній Дмитріевичъ Иванъ погибъ въ бою на р. Пьянѣ въ 1377 г.

[5]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 50; т. XI, стр. 87 и 93 („даде ему царь Городецъ“: вѣроятно, что Городецкое княжество признано за Кирдяпой при пожалованіи Борису Константиновичу ярлыка на Нижегородское великое княженіе, а при отпускѣ изъ Орды Кирдяпа получилъ свой ярлыкъ). Никоновская лѣтопись (тамъ же) называетъ Василія Кирдяпу „суздальскимъ и городецкимъ“, а Семена Дмитріевича „суздальскимъ“.

*

Съ возвращеніемъ князя Василія, Дмитріевичи тотчасъ стали добиваться осуществленія своихъ отчинныхъ правъ на Нижній, стало быть на великое суздальско-нижегородское княженіе, и нашли, подобно ихъ отцу, поддержку в. к. Дмитрія Ивановича противъ дяди Бориса. Походъ подъ Нижній суздальской и городецкой рати съ московской помощью принудилъ князя Бориса уступить племянникамъ и вернуться на Городецкое княжество [1]). Уступалъ Борисъ Константиновичъ подъ давленіемъ великокняжеской власти и силы Дмитрія Ивановича, а по его кончинѣ поспѣшилъ къ хану Тохтамышу, пробылъ въ Ордѣ больше года и вернулся съ ярлыкомъ на Нижегородское великое княжество [2]).

Наши источники не даютъ указаній на то, какія дѣйствія или черты поведенія в. к. Бориса Константиновича неизмѣнно ставили его въ противорѣчіе съ московской великокняжеской властью. Возможно, что для этого было достаточно, въ понятіи этой власти, полученія ханскаго ярлыка помимо соглашенія съ великимъ княземъ всея Руси. Общее положеніе дѣлъ и отношеній на восточной украйнѣ Великороссіи, особое значеніе которой въ нараставшей борьбѣ съ татарскимъ и вообще всѣмъ инородческимъ міромъ вполнѣ выяснилось еще при Дмитріи Донскомъ, дѣлало, можно сказать, неизбѣжной ликвидацію всякой неопредѣленности въ ея политическихъ отношеніяхъ. Предшествовавшія событія показали, что и власть ордынская ясно учитывала стратегическое значеніе Нижняго, какъ опорнаго пункта, господствовавшаго надъ волжскимъ путемъ и восточнымъ флангомъ пріокской линіи. Рядъ татарскихъ ударовъ привелъ Нижній Новгородъ къ полному ослабленію и непосредственной покорности хану.

Отношенія съ Ордой, сложившіяся при в. к. Василіи Дмитріевичѣ, дали ему возможность порѣшить нижегородскій вопросъ безъ столкновенія съ ханской властью и даже при ея помощи. На этотъ разъ великій князь всея Руси не использовалъ своихъ свойственниковъ—князей Дмитріевичей противъ ихъ дяди Бориса, а повелъ дѣло болѣе круто. Онъ «сложилъ крестное цѣлованіе» ко князю Борису Константиновичу и пошелъ въ Орду къ хану Тохтамышу «со многою честію и з дары»—просить великое княженіе Нижняго Новгорода «подъ великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ» себѣ. Богатые дары и полная покорность в. к. Василія доставили ему желанный ярлыкъ, и онъ вернулся на Русь съ ханскимъ посломъ и татар-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93 („отступися имъ властей своихъ новогородцкихъ, а они ему отступишяся его удѣловъ“).

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 127 („князь велики Борисъ Константиновичъ Нижняго Новгорода, пріиде изо Орды отъ царя Тахтамыша въ свою отчину въ Новгородъ въ Нижній съ пожалованіемъ“); т. XVIII, стр. 141. Подробности (и даже подробныя даты), сообщаемыя Храмцовскимъ въ „Краткомъ очеркѣ исторіи и описаніи Нижняго Новгорода“, ч. I, не подлежатъ научному учету, пока неизвѣстны его источники.

скимъ отрядомъ. Не знаемъ интимныхъ подробностей этого дѣла, но, по всей видимости, оно было подготовлено на мѣстѣ, такъ какъ нижегородскіе бояре, по лѣтописному разсказу, сразу отступились отъ своего князя и выдали его головой московскимъ боярамъ и тохтамышевымъ татарамъ. Василій Дмитріевичъ пріѣхалъ въ Нижній уже послѣ пойманія князя Бориса. Этимъ дѣло еще не кончилось. Къ в. к. Василію прибылъ посолъ отъ царя Тохтамыша—звать его въ Орду, а изъ этой поѣздки къ хану Василій Дмитріевичъ вернулся, добившись утвержденія за собой Нижняго-Новгорода и Городца [1]).

---

[1]) Сравненіе извѣстій о паденіи нижегородской самостоятельности въ разныхъ лѣтописныхъ сводахъ показываетъ, что во всѣхъ имѣемъ по разному сокращенную передачу болѣе полнаго изложенія. Болѣе обстоятельный разсказъ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 147—148) по существу тотъ же, что, напримѣръ, въ Симеоновской (т. XVIII, стр. 142), но тутъ онъ въ редакціи, полной осужденія московскаго коварства и боярской измѣны, тогда какъ въ Никоновской устранены черты такой оцѣнки. Нѣкоторый, хотя и очень глухой намекъ на условія, помогшія в. к. Василію получить ярлыкъ на Нижній можно усмотрѣть въ чертѣ, сохраненной только Тверской лѣтописью (т. XV, ст. 440): в. к. Василій, домогался Новгорода Нижняго и получилъ его, „преможе бо многое собраніе на кровопролитье“, что можно понять, какъ указаніе на отклоненную переговорами угрозу татарскаго нашествія. Повидимому, в. к. Василій использовалъ гнѣвъ Тохтамыша, по неизвѣстному поводу, на нижегородскихъ князей (а въ Симеоновской лѣтописи тѣ же приведенныя слова измѣнены въ риторическое выраженіе: „на кровопролитье, на погибель христіанскую“). Нѣсколько лѣтописей (Новг. I, стр. 378; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245; т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 61) сохранили цѣнное указаніе, что ударъ обрушился не на одного Бориса Константиновича, а на все гнѣздо суздальско-нижегородскихъ князей: в. к. Василій „поима князей и княгинь въ таль“ („въ полонъ“, „сведе“), а Семенъ Дмитріевичъ бѣжалъ въ Орду (Симеоновская сохранила указаніе, что таково было извѣстіе ея источника въ неудачномъ выраженіи: „а князя великого Бориса повелѣ по градомъ розвести съ княгинею и съ дѣтьми“, а Никоновская замѣняетъ „князей“ — доброхотами Бориса). Вызовъ в. к. Василія въ Орду послѣ занятія имъ Нижняго и повторное пожалованіе ему Нижегородскаго княжества—кромѣ Никоновской и Симеоновской, см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245. Тутъ свидѣтельство о какихъ то колебаніяхъ ордынской власти, быть можетъ — о борьбѣ суздальскихъ и московскихъ вліяній. Характеренъ, въ этомъ отношеніи, текстъ сообщенія Симеоновской лѣтописи объ окончательномъ торжествѣ в. к. Василія: „тое же осени мѣсяца октября въ 20 день прінде князь великій Василій Дмитреевичъ на Москву, посаженъ Богомъ и царемъ, Тахтамышь придасть ему царь къ великому княженью Новъгородъ Нижній со всѣмъ княженіемъ, и бысть радость велика въ градѣ Москвѣ о пріѣздѣ его“ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 142—143), слова, въ которыхъ нельзя не видѣть отраженія только что пережитой острой тревоги.— Самый порядокъ извѣстій и ихъ хронологія сильно спутаны въ нашихъ сводахъ. Послѣдній документъ, дошедшій отъ в. князя Бориса Константиновича, его жалованная грамота отъ 8 декабря 6902 (1393) г.—А. А. Э., т. I, № 12. „Пониманіе“ его произошло позднѣе, а вторичную поѣздку в. к. Василія въ Орду и его возвращеніе изъ Орды 20 октября надо отнести на 6903 (1394) г., т. е. вернулся в. к. Василій

Кратко и скупо сообщаютъ наши лѣтописные своды эту исторію паденія нижегородской самостоятельности. Только нѣкоторые тексты сохранили намекъ на судьбу Дмитріевичей упоминаніемъ о бѣгствѣ князя Семена въ Орду. Ихъ изложеніе не даетъ прямыхъ указаній на то, какъ сложилось владѣльческое положеніе суздальско-нижегородскихъ князей послѣ паденія нижегородской самостоятельности. Въ ихъ обладаніи остался, вѣроятно по рѣшенію хана Тохтамыша, Суздаль, а къ великому княженію отошли Нижній Новгородъ и Городецъ. Какъ бы возстановлено прежнее соотношеніе владѣній, когда эти послѣдніе города были великокняжескими, а не были связаны съ Суздальскимъ вотчиннымъ княжествомъ. Разрушена эта связь, создавшая Нижегородское великое княжество.

Въ Суздалѣ провелъ Борисъ Константиновичъ остатки дней своихъ, въ Суздалѣ и погребенъ онъ въ «своей отчинѣ». При немъ же въ Суздалѣ жили, повидимому, и его племянники Василій и Семенъ Дмитріевичи, когда послѣдній прибылъ изъ Орды [1]). Но намѣченный такимъ образомъ раздѣлъ Нижегородскихъ владѣній не имѣлъ подъ собой прочной основы. Утвердившись въ обладаніи Нижнимъ Новгородомъ, в. к. Василій Дмитріевичъ пріобрѣлъ притязаніе на «все княженіе», съ нимъ связанное, а суздальскіе Дмитріевичи, съ своей стороны, не смогли примириться съ утратой большей части того, что считали своей отчиной. Борьба немедленно возобновилась. И опять приходится отмѣтить крайнюю недостаточность свѣдѣній, какія получаемъ въ лѣтописныхъ сводахъ, притомъ не по какимъ-либо случайностямъ исторіи ихъ текста, а вслѣдствіе явно тенденціознаго замалчиванія московскими книжниками ряда обстоятельствъ этихъ событій.

Вскорѣ послѣ кончины князя Бориса Константиновича его племянники—Дмитріевичи бѣжали изъ Суздаля въ Орду къ хану Тохтамышу, в. к. Василій послалъ было за ними погоню, но князья успѣли уйти отъ

уже послѣ кончины Бориса, который умеръ въ Суздалѣ въ маѣ 6902 (1394) г.— Самое назначеніе намѣстника въ Нижній Новгородъ (Дм. Ал. Всеволожскаго) произошло, повидимому, только послѣ этихъ событій (т. VIII, стр. 62)—въ ноябрѣ 1394 г.

[1]) Въ Никоновской лѣтописи читаемъ, что в. к. Василій „князя Бориса Константиновича и съ женою его и съ дѣтьми его и елико аще быша доброхотовъ его всѣхъ повелѣ по градомъ розвести и въ вериги желѣзныя связати и въ велицѣй крѣпости держати ихъ“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 148). Если это не литературное украшеніе книжнаго творчества и если это касается не только „доброхотовъ“, но и „князей“, то поиманные князья были отпущены въ Суздаль, вѣроятно, въ связи съ вторичной поѣздкой в. к. Василія въ Орду, всего вѣроятнѣе—по пріѣздѣ къ нему второго ханскаго посла. Нѣтъ основанія полагать (съ Храмцовскимъ и Экземплярскимъ), что Борисъ Константиновичъ умеръ „въ заточеніи“. С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 1010) колебался, признать ли, что Дмитріевичи княжили въ Суздалѣ или только „оставались жить“ тамъ. Отсутствіе всякаго упоминанія о томъ, чтобы Суздаль перешелъ подъ власть в. к. Василія, рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что и Борисъ и его племянники сохранили Суздаль въ княжомъ владѣніи, какъ свою отчину.

нея [1]). Но въ Ордѣ въ эту пору была своя замятня, ей было не до дѣятельнаго вмѣшательства въ русскія дѣла. А далѣе о князѣ Василіи Кирдяпѣ больше ничего не знаемъ, даже въ указаніи даты его кончины лѣтописные тексты расходятся [2]). Но Семенъ Дмитріевичъ пытался продолжать борьбу съ помощью татаръ. Въ октябрѣ 1395 г. ему удалось съ татарскимъ войскомъ захватить Нижній, который подвергся при этомъ жестокому разграбленію; но приближеніе великокняжескихъ полковъ заставило татаръ бѣжать, и князь Семенъ снова ушелъ въ Орду. В. к. Василій послалъ свою рать съ братомъ Юріемъ внизъ по Волгѣ и она три мѣсяца воевала Болгарскую землю, причемъ—отмѣчаютъ лѣтописи—никто не помнилъ, чтобы Русь когда либо такъ далеко заходила въ татарскія земли [3]). Князь Семенъ Дмитріевичъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 64. Въ Никоновской лѣтописи (т. XI, стр. 155) находимъ извѣстіе о походѣ в. к. Василія Дмитріевича „ратью къ Новугороду къ Нижнему на князей новогородцкихъ, на Василія Дмитріевича Кирдяпу да на брата его Семена Дмитреевича“ — послѣ сообщенія о занятіи имъ Нижняго и до извѣстія о кончинѣ князя Бориса Константиновича. Татищевъ развилъ и осмыслилъ это сообщеніе, представивъ дѣло такъ, что Кирдяпа и Семенъ воспользовались походомъ в. к. Василія на Великій Новгородъ для захвата Нижняго, въ разсчетѣ на помощь ордынскихъ князей, а затѣмъ дополнилъ (быть можетъ, на основаніи какихъ либо родословныхъ источниковъ?) извѣстіе о походѣ на нихъ в. к. Василія—сообщеніемъ, что в. к. Василій, выведя ихъ изъ Нижняго, далъ имъ городъ Шую („Исторія Россійская“, т. IV, стр. 374—375). Но тутъ надо видѣть только черту спутанности порядка извѣстій и ихъ хронологіи въ нашихъ сводахъ; ср. въ Симеоновской сообщеніе о побѣгѣ Дмитріевичей въ Орду до извѣстія о смерти Бориса (т. XVIII, стр. 143).

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188 и указанныя тамъ же въ примѣчаніи параллели другихъ сводовъ; въ самой Никоновской извѣстіе о смерти князя Василія приведено дважды (на стр. 188 подъ 6911 г. и на стр. 192 подъ 6913 г.). А. В. Экземплярскій придалъ особое значеніе тому, что Кирдяпа въ одной записи о его смерти (т. XI, стр. 188; т. VI, стр. 132) названъ Городецкимъ и рѣшилъ, что князь Василій умеръ въ Городцѣ. Но названіе князя то „городецкимъ“, то „суздальскимъ“ въ записи о его кончинѣ имѣетъ также мало значенія, какъ то, что Никоновская титулуетъ князя Бориса Константиновича, въ сообщеніи о его смерти, великимъ княземъ Новгорода Нижняго и суздальскимъ и городецкимъ, и также называетъ князей Василія и Семена Дмитріевичей („князи Суздальстіи и Новагорода Нижняго и Городецьтіи“) въ извѣстіи о ихъ побѣгѣ въ Орду.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 101—102; т. V, стр. 247—248; въ Софійской II лѣтописи извѣстіе объ этомъ событіи приведено дважды (т. VI, стр. 128 и 130, подъ 6903 и подъ 6907 г. г.) въ разныхъ редакціяхъ; вторую—находимъ, также подъ 6907 г., въ Воскресенской (т. VIII, стр. 72 и тутъ же краткое извѣстіе о томъ же); въ Никоновской—подъ 6904 г. (т. XI, стр. 163); въ Тверской—подъ 6907 г. (т. XV, ст. 461) и подъ 6908 г. (тамъ же, ст. 470). Эти разнорѣчивыя датировки одного и того же извѣстія заставляютъ допустить, что и сообщеніе Никоновской лѣтописи подъ 6907 годомъ: „тое же осени князь велики Василей Дмитреевичь московскій посылалъ за княземъ за Семеномъ за Дмитреевичемъ за суждальскимъ погонею до Казани и не угнаша“ (т. XI, стр. 171; ср. приписку на спискѣ Царскаго Софійской I лѣтописи—

нашелъ убѣжище и поддержку у мѣстной татарской силы, которая господствовала въ мордовскихъ и болгарскихъ волостяхъ, получая все больше самостоятельности по мѣрѣ упадка золотоордынскаго центра. Его суетливыя и буйныя попытки вернуть себѣ нижегородскую отчину совпали съ моментомъ, когда слагалось будущее Казанское царство, и князь Семенъ сталъ отщепенцомъ отъ русскаго дѣла—орудіемъ враждебной Руси татарской силы. Пребываніе въ татарскихъ предѣлахъ претендента на Нижегородское княжество усугубляло непрерывную тревогу на русской восточной украйнѣ. В. к. Василій Дмитріевичъ дѣлалъ попытки захватить князя Семена—такой была цѣль и похода князя Юрія; посылалъ великій князь воеводъ своихъ захватить семью князя Семена, успѣвшую уйти къ нему изъ великокняжескаго плѣна [1]), и воеводы привели на Москву его жену и дѣтей. Безнадежность положенія его дѣлъ и захватъ семьи великимъ княземъ принудили, наконецъ, князя Семена возобновить сношенія съ Василіемъ Дмитріевичемъ и покориться ему; онъ сосланъ въ Вятку [2]), гдѣ и умеръ въ декабрѣ 1401 г. Нижегородское великое княжество, созданное внѣшними условіями жизни великорусской окраины, держалось въ нѣкоторой силѣ и значеніи, пока его поддерживало напряженіе самообороны, попытокъ колонизаціонныхъ захватовъ и боевого наступленія для обезпеченія торговыхъ путей; но переходъ этихъ задачъ въ болѣе сильныя руки носителей великорусской великокняжеской власти привелъ къ быстрому упадку нижегородской самостоятельности, и отъ «великаго княжества» остались только развалины—въ мелкомъ вотчинномъ владѣніи суздальскаго княжья, да, на первое время, вспышки княжескаго авантюризма, для котораго не мало было условій въ безпокойномъ укладѣ окраинной жизни. По слѣдамъ князя Семена Дмитріевича пошли его двоюродные братья Борисовичи, Даніилъ и Иванъ; эти «отчичи Нижняго Новгорода» пришли въ 1411 г. на Русь съ «казанскими» князьями (болгарскими и жукотинскими), разбили великокняжеское войско, которое выслалъ на нихъ в. к. Василій Дмитріевичъ подъ воеводствомъ брата Петра, а затѣмъ князь Даніилъ навелъ татаръ изгономъ на Владиміръ—и стольный городъ великаго княженія былъ сильно разграбленъ. Наши лѣтописные своды говорятъ объ этихъ событіяхъ глухо и съ явными недомолвками. Набѣгъ на Влади-

---

т. V, стр. 252, прим. г) относится къ тому же самому походу. Ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 429; т. I, стр. 137—138 и прим. 300; едва ли можно установить, съ Экземплярскимъ, два похода кн. Юрія на Казань.

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. VI, стр. 131—подъ 6909 (1401) г.; въ Никоновской (т. XI, стр. 186—187) подъ 6910 г. вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти князя Семена, черезъ 5 мѣсяцевъ, въ декабрѣ 1401 г.

[2]) Въ почетную, повидимому ссылку—на княженіе; по крайней мѣрѣ суздальскіе князья еще въ третьемъ поколѣніи нашли поводъ заявить притязанія на Вятку, какъ составную часть своей „прадѣдины и дѣдины и отчины“—С. Г. Г. и Д., т. I, № 62.

міръ, выполненный воеводой князя Даніила Семеномъ Карамышевымъ и царевичемъ Талычемъ, котораго Даніилъ «тайно отъ всѣхъ приведе къ себѣ», едва ли былъ выполнимъ безъ опоры въ Нижнемъ Новгородѣ, который, очевидно, былъ занятъ послѣ побѣды надъ великокняжескимъ войскомъ его «старымъ отчичемъ» княземъ Даніиломъ. Но лѣтописные тексты не говорятъ о такомъ захватѣ Нижняго, замалчивая послѣдствія побѣды Даніила [1]). Однако, дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ князѣ подтверждаютъ такое пониманіе уклончиваго изложенія лѣтописныхъ сводовъ. Въ 1412 г. нижегородскіе князья ѣздили въ Орду къ хану Зелени-Салтану, Тохтамышеву сыну, и вернулись «пожалованы своею ихъ отчиною» [2]), а въ 1414 г. братъ великаго князя Василія, Юрій Дмитріевичъ, идетъ на князя Даніила Борисовича и его братью [3]) къ Нижнему Новгороду; суздальскіе князья бѣгутъ изъ Нижняго за Суру, а князь Юрій, покорно встрѣченный боярами и жителями Нижняго, безъ боя занимаетъ городъ [4]). Даніилъ съ братьей ушелъ отъ преслѣдованія за Суру. Совокупность этихъ свидѣтельствъ даетъ основаніе признать, что князь Даніилъ держался въ Нижнемъ съ 1411 по 1414 годъ [5]). Года черезъ два Борисовичи явились въ Москву съ повинной, но въ 1418 г. снова бѣжали съ Москвы, и больше нѣтъ вѣсти о нихъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ [6]). В. к. Василій посадилъ въ Нижнемъ Новгородѣ суздаль-

---

[1]) Подлинное положеніе дѣлъ всего яснѣе въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 485), гдѣ о набѣгѣ на Владиміръ читаемъ: „пріидоша татарове къ Володимерю отъ Новагорода отъ Нижняго изгономъ“. Возможно, что Нижній былъ занятъ Даніиломъ раньше боя съ княземъ Петромъ Дмитріевичемъ; можетъ быть, на это указываютъ выраженія Никоновской лѣтописи: „бысть бой на Лысковѣ князю Петру.... со княземъ Даніиломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новгорода....: сташа же на костехъ князи новгородцкіе Нижняго Новгорода“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 215). Большая часть лѣтописей опускаетъ даже извѣстіе о лысковскомъ пораженіи, и сообщаетъ только о раззореніи Владиміра.

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219.

[3]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 487. Упомянуты кромѣ Даніила и Ивана Борисовичей, князь Иванъ Васильевичъ (сынъ Кирдяпы) и Василій Семеновичъ (сынъ Семена Дмитріевича).

[4]) Тамъ-же. Подчеркнуто, что „князь же Юрьи не сотвори зла ничтоже Новугороду“: очевидно, ожидалась кара за признаніе Борисовичей.

[5]) А. В. Экземплярскій иначе оцѣниваетъ эти данныя—т. II, стр. 432—433. У С. М. Соловьева (кн. I, ст. 1012) только пересказъ Никоновской лѣтописи. Однако, сообщеніе Никоновской лѣтописи о нижегородскихъ дѣлахъ за эти годы тѣсно связаны съ данными Тверской лѣтописи (вѣроятно, восходятъ къ общему ихъ тверскому источнику).

[6]) Храмцовскій (указ. соч., ч. I, стр. 40), а за нимъ Экземплярскій (т. II, стр. 433, прим. 1226) указали на грамоту „князя великаго Данила Борисовича“, которая была имъ дана архимандриту Спасско-Благовѣщенскаго монастыря „мая въ 8 того лѣта, коли князь великій Данило Борисовичъ вышолъ на свою отчину отъ Махмета царя въ другій рядъ“. Храмцовскій заключилъ отсюда, что князь

скаго княжича Александра Ивановича, за котораго выдалъ дочь свою Василису, но князь Александръ умеръ вскорѣ послѣ свадьбы, и Нижній Новгородъ окончательно перешелъ въ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ [1]). Въ средѣ суздальскаго княжья еще долго жили традиціи былой независимости, былого политическаго значенія и владѣнія. Сыну великаго князя Василія Дмитріевича придется считаться съ новыми вспышками суздальскихъ притязаній, которыми сильно осложнена домашняя московская смута, да и позднѣе суздальскіе княжата—наиболѣе яркіе представители «удѣльныхъ» княжескихъ традицій. Но суздальскія притязанія потеряли реальную почву самостоятельной исторической жизни и дѣятельности восточной украйны Великороссіи и остались только пережиткомъ въ настроеніяхъ и мѣстномъ вліяніи княжатъ—вотчинниковъ.

Даніилъ вторично появился великимъ княземъ въ Нижнемъ Новгородѣ „между 1423 и 1442 годами“. Можно видѣть тутъ указаніе на опущенный лѣтописными сводами эпизодъ изъ исторіи смуты при Василіи Темномъ.

[1]) Князь Александръ Ивановичъ, прозвищемъ Брюхатый, сынъ Ивана Борисовича (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 435—437), отъѣхалъ къ в. к. Василію въ 1414 г., вѣроятно въ связи съ конфликтомъ между великимъ княземъ и суздальско-нижегородскими князьями; въ 1418 г. в. к. Василій выдалъ за него дочь Василису. Его нижегородское княженіе устанавливается двумя его жалованными грамотами (А. А. Э., т. I, № 17 и А. И. т. I, № 25)—въ концѣ которыхъ читаемъ: „А дана грамота іюля того лѣта, коли князь Александръ Ивановичъ сѣлъ на своей отчинѣ въ Новѣгородѣ“ и: „А дана грамота тое.... коли великій князь Александръ взялъ миръ съ великимъ княземъ“. См. Экземплярскаго, т. II, стр. 441—442.—Экземплярскій полагаетъ, что владѣтельнымъ княземъ Нижняго Новгорода былъ и сынъ Александра Ивановича Семенъ, объясняя этимъ слова духовной в. к. Василія Дмитріевича, обычно датируемой 1423 годомъ: „а оже, ми дастъ Богъ Новъгородъ Нижній, и язъ и Новымъ городомъ Нижнимъ благословляю сына своего, князя Василья, со всѣмъ“. Князь Александръ Ивановичъ умеръ вскорѣ послѣ женитьбы въ 1418 г. (Карамзинъ, И. Г. Р., т. V, прим. 254, подъ 1418 г.). Но и предположеніе Экземплярскаго не объясняетъ различія въ отношеніи къ Нижнему Новгороду духовныхъ грамотъ в. к. Василія Дмитріевича, такъ какъ мы не знаемъ года кончины князя Семена Александровича и не имѣемъ основанія относить ее къ 1423—1424 г. Напротивъ имѣемъ прямое свидѣтельство, что онъ былъ живъ въ 1436 г.—въ договорной грамотѣ князя Дмитрія Шемяки съ в. к. Василіемъ Темнымъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 56), гдѣ Шемяка требуетъ отъ в. к. Василія гарантіи долга кн. Александра Ивановича и суда въ случаѣ запирательства великокняжескаго „сестрича“ (князя Семена). А въ жалованной грамотѣ в. к. Василія Спасо-Евфимьевскому монастырю, которая относится къ 1440-мъ годамъ, князь Семенъ упомянутъ какъ недавно умершій: грамота выполняетъ его „приказъ“ вкладомъ на поминъ души его и его предковъ. Поэтому почти вѣрно опредѣляетъ время его кончины Храмцовскій (указ. соч., т. I, стр. 40): между 1434 (?1436) и 1440. Правильнѣе отнести духовную Василія Дмитріевича не къ 1423, а къ 1418 году, когда Нижнимъ владѣлъ князь Александръ.

ГЛАВА VIII.

Великокняжеская политика преемниковъ Калиты.

I.

Преемники Калиты строили дальше великокняжеское значеніе своей власти на основѣ, заложенной въ дѣятельности ихъ отца и дѣда, Ивана Даниловича. Конечно, объемъ нашихъ свѣдѣній о жизни московскаго княжого двора слишкомъ незначителенъ для учета личной, болѣе или менѣе сознательной роли носителей великокняжескихъ титула и власти въ послѣдовательномъ развитіи этой политической работы. Преувеличивать ее отнюдь не приходится. Сравнительно немногія данныя, какими располагаемъ для нѣкотораго освѣщенія этого вопроса, скорѣе говорятъ о преемникахъ Ивана Калиты, какъ о внѣшнихъ, преимущественно пассивныхъ центральныхъ фигурахъ той работы въ области политическихъ отношеній и общественно-политической мысли, которая вела великорусскую великокняжескую власть къ значенію крупной національно-государственной силы. Духовная грамота Симеона Ивановича—яркій памятникъ узкаго семейно-вотчиннаго взгляда на княжое владѣніе; блѣдная личность «кроткаго и тихаго» Ивана Ивановича остается въ тѣни событій его времени, а малолѣтній Дмитрій Ивановичъ—орудіе политики митрополичьяго двора и московской боярской среды —не проявляетъ сколько-нибудь яркой индивидуальности и позднѣе. За оффиціальной дѣятельностью великокняжеской власти стоятъ иныя руководящія силы, которыя строятъ и практику и теорію великокняжеской власти—во многомъ на перекоръ вотчинно-владѣльческимъ тенденціямъ стараго княжого права. Съ большой постепенностью и не безъ замѣтныхъ колебаній уступаютъ эти традиціи княжого владѣнія новымъ теченіямъ въ отношеніяхъ и воззрѣніяхъ княжеской и общественной среды, пока само вотчинное начало, разлагавшее политическій строй Великороссіи въ практикѣ удѣльнаго владѣнія и вотчиннаго распада, не ляжетъ, преобразованное назрѣвшимъ единодержавіемъ, въ основу самодержавной власти московскихъ государей. Весь этотъ процессъ собиранія власти протекалъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ внѣшнихъ отношеній Великороссіи—подъ давленіемъ потребностей ея самообороны и стремленія къ такимъ условіямъ этихъ отношеній,

которыя обезпечивали бы торговые, колонизаціонные и, въ широкомъ смыслѣ— національные ея интересы. Поэтому, первымъ моментомъ рѣшительнаго успѣха въ великокняжеской борьбѣ за усиленіе центральной политической власти явилось наростаніе руководящей роли великихъ князей всея Руси въ международныхъ—боевыхъ и мирныхъ—отношеніяхъ Великороссіи съ соотвѣтственной перестройкой внутренней организаціи княжого властвованія и междукняжескихъ связей.

Основы новой государственности слагались постепенно подъ непрерывнымъ давленіемъ хода международной борьбы на пространствахъ Восточной Европы. Обзоръ хода событій этой борьбы—необходимый элементъ выясненія образованія Великорусскаго государства, которое ею куется изъ вѣка въ вѣкъ въ самыхъ своихъ глубокихъ основаніяхъ.

Симеонъ Ивановичъ унаслѣдовалъ отъ отца созданное имъ положеніе великокняжеской власти; оно закрѣплено ханскимъ пожалованіемъ, который отдалъ «подъ руки» Симеона всѣхъ русскихъ князей, и признано на «великомъ съѣздѣ всѣмъ князьямъ русскимъ», который состоялся въ Москвѣ. Договоромъ съ братьями «у отня гроба» в. к. Симеонъ закрѣпилъ свое руководящее значеніе въ управленіи внѣшними отношеніями Московскаго княжества и въ распоряженіи всей его воинской силой, а также признаніе за старѣйшиной московской княжеской семьи—онъ же великій князь всея Руси—«на старѣйшій путь» ряда доходныхъ статей, чѣмъ возвышалось, такъ можно выразиться, его представительство. Но внѣ Московскаго княжества его подлинная власть проявляется только по отношенію къ мелкимъ князьямъ Владимірскаго великаго княженія; князья ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе—входятъ въ составъ великокняжеской «низовской» рати. И суздальскій Константинъ упоминается въ ея составѣ при в. к. Симеонѣ. Однако, въ годы великаго княженія Симеона и Ивана Ивановичей—слагается Нижегородское великое княжество и противопоставляетъ себя великому княженію Владимірскому; крѣпнетъ самостоятельность Рязани, которая настойчиво требуетъ опредѣленія своихъ территоріально-политическихъ предѣловъ «нерушимыми рубежами» не только отъ «московской вотчины», но и отъ «великаго княженія». А старая соперница Москвы, Тверь, ранѣе утвердившаяся въ своемъ территоріально-политическомъ обособленіи, все болѣе подавлена труднымъ положеніемъ между Москвой и Литвой и все болѣе склоняется къ сближенію съ Литовскимъ великимъ княжествомъ ради опоры въ немъ противъ властнаго вмѣшательства великихъ князей всея Руси въ тверскія дѣла и подчиненія Твери великорусской великокняжеской власти — на основѣ традиціоннаго старѣйшинства Владимірскихъ великихъ князей, но уже чреватаго элементами единодержавія.

На западныхъ дѣлахъ всего болѣе сосредоточены вниманіе и силы этой великнокняжеской власти. Собираніе русскихъ земель подъ власть в. к. Ольгерда рисовалось современникамъ широкимъ предпріятіемъ подчи-

ненія всѣхъ русскихъ областей [1]). И столкновенія между Москвой и Литвой изъ за промежуточныхъ, пограничныхъ земель рано осложнились опаснымъ вліяніемъ этихъ конфликтовъ на внутреннія отношенія обоихъ великихъ княженій. Русскіе князья ищутъ въ восточной Руси защиты отъ литовскаго напора и захвата, и братъ Ольгерда Явнутъ показалъ недовольнымъ литовской великокняжеской властью путь въ Москву своимъ побѣгомъ къ в. к. Симеону въ 1345 г. [2]). А Москва все чувствительнѣе встрѣчается съ поддержкой, какую мѣстныя сепаратистическія тенденціи Пскова и Новгорода, Твери и Рязани находятъ въ ихъ литовскихъ связяхъ и отношеніяхъ. Политическій кругозоръ Ольгерда широко охватывалъ отношенія сѣверо-восточной Руси, подготовляя, какъ можно сказать съ точки зрѣнія позднѣйшей исторической перспективы, политику Витовта. Родственныя связи—самого Ольгерда, по женѣ, съ тверскими князьями, а по дочери съ нижегородскими, Любарта Гедиминовича съ ростовскими—открывали пути литовскому вліянію на дѣла и отношенія Великороссіи. И родственныя связи эти нисколько не смягчали напряженія враждебнаго соперничества двухъ великихъ княжествъ. Они столкнулись въ первый же годъ великаго княженія Симеона Ивановича на смоленскихъ дѣлахъ. Ольгерду не удалась попытка захватить Можайскъ, недавнюю смоленскую волость, хотя набѣгъ былъ предпринятъ, повидимому, въ отсутствіе в. к. Симеона, когда онъ еще не вернулся изъ Орды. Набѣгъ этотъ былъ отвѣтомъ на походъ въ предыдущемъ году великорусскихъ войскъ подъ Смоленскъ съ татарской ратью воеводы Товлубія. Притязанія литовской власти на Смоленскъ и на волости черниговско-сѣверскія встрѣчали противодѣйствіе, за которымъ стояли разсчеты на московскую (великокняжескую) и татарскую помощь. Мѣстное мелкое княжье тянетъ къ восточной Руси. Въ походѣ 1340 г. участвовали князья друцкій и ѳоминскій; брянскій князь выдалъ въ 1341 г. дочь за московскаго князя Ивана Ивановича, а князь дорогобужскій Ѳедоръ Святославичъ, неудавшійся тесть в. к. Симеона, сидѣлъ одно время на Волокѣ [3]).

Ольгердъ шелъ къ своей цѣли—закрѣпленію связи Смоленска съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, которая сложилась еще при Гедиминѣ, и распространенію литовской власти на черниговско-сѣверскія области—съ большой выдержкой и постоянной оглядкой на Москву. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ сдѣлалъ было попытку подготовить сопернику рѣшительный ударъ: отправилъ брата Коріада къ хану Джанибеку—склонить его

---

[1]) Такое притязаніе, по свидѣтельству нѣмецкихъ орденскихъ источниковъ, выдвигали литвины по отношенію къ Ливонскому ордену, который „nihil juris (ordo) sibi reservaret apud Ruthenos, sed omnis Russia ad Letvinos deberet simpliciter pertinere".

[2]) Новг. I, стр. 346.

[3]) II. С. Р. Л., т. XII стр. 207, 209—210.

на союзъ противъ в. к. Симеона [1]), но послы Симеона убѣдили хана, что Ольгердъ ему врагъ, такъ какъ раззоряетъ ханскій улусъ—вотчину великаго князя, и добились выдачи всего литовскаго посольства въ московскія руки [2]). Пришлось Ольгерду отказаться отъ широкихъ плановъ и заключить новый договоръ съ в. к. Симеономъ, ради освобожденія брата и его «дружины» [3]). Не знаемъ, какой цѣной купилъ Ольгердъ этотъ «миръ и любовь», но вслѣдъ затѣмъ в. к. Симеонъ — черезъ годъ — поднимается походомъ подъ Смоленскъ; на р. Протвѣ его встрѣтили послы Ольгерда, съ которыми онъ заключилъ какое-то мирное докончаніе; однако, Симеонъ продолжаетъ свой смоленскій походъ, идетъ съ войскомъ къ р. Угрѣ, гдѣ его встрѣтили смоленскіе послы, а послѣ восьмидневныхъ переговоровъ съ ними отправилъ своихъ пословъ въ Смоленскъ на заключеніе мира [4]). Возможно, что условія договора 1350 года обезпечивали такую трактовку Смоленска, какъ владѣнія, вполнѣ независимаго отъ литовскаго великаго князя. Только послѣ смерти в. к. Симеона Ольгердъ получаетъ полную возможность развернуть свободнѣе наступленіе на смоленскія и черниговско-сѣверскія области, и наши скудныя свѣдѣнія о смоленскихъ дѣлахъ за годы великаго княженія Симеона Ивановича все-таки даютъ основаніе признать, что въ эту пору уже не Тверь, а великокняжеская власть, сосредоточенная въ Москвѣ, приняла на себя дѣло самообороны Великороссіи съ Запада.

Но задача эта чрезвычайно осложнена внутренними отношеніями Великороссіи. Боевыя силы Твери и Рязани, Пскова и Великаго Новгорода не принимаютъ участія въ дѣйствіяхъ в. к. Симеона. Съ Новгородомъ у Симеона отношенія крайне напряженныя, какъ сложились они и при Иванѣ Калитѣ. Поѣздка Симеона въ Орду по смерти отца и успѣхъ въ хлопотахъ о ханскомъ пожалованіи, несомнѣнно, потребовали крупныхъ расходовъ и обязательства усиленной выплаты татарамъ «выхода», «запросовъ» и поминковъ. И первое дѣло в. к. Симеона по возвращеніи—послать въ новгород-

---

[1]) „князь великій литовскій Ольгердъ посла въ Орду къ царю Чжанибеку брата своего Коріада просити себѣ помощи на великого князя Семена“—1349 г., II. С. Р. Л., т. VII, стр. 215.

[2]) Тамъ же; П. С. Р. Л., т. X стр. 219. „Коріядъ и Михаилъ“ Воскресенской лѣтописи—одно лицо.

[3]) В. к. Симеонъ „миръ съ нимъ взятъ“ (т. VII, стр. 215); „миръ и любовь пріа“ (т. X., стр. 221); условій этого договора не знаемъ, но особожденіе князя Коріада и литовскихъ пословъ предполагаетъ какія-либо уступки со стороны Ольгерда (лѣтописи упоминаютъ только о „многихъ дарахъ“). Сватовство Ольгерда за княжну Ульяну тверскую, а Любарта за Константиновну ростовскую, состоявшееся въ томъ же году (1350 г.), какъ бы закрѣпляетъ новый договоръ о „мирѣ и любви“.

[4]) П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 216; т. X., стр. 223.

[5]) Смоленскимъ княземъ въ эту пору былъ Иванъ Александровичъ (1313—1358), который не къ Москвѣ тянулъ, а къ Литвѣ—см. выше, стр. 161, примѣчаніе.

скія волости, въ Торжокъ «дани брать», и стали тутъ его намѣстники и «борцы»-даньщики «сильно дѣяти». Новоторжцы послали жалобу въ Новгородъ и просьбу о защитѣ. Тогда въ Торжокъ явились новгородскіе бояре, арестовали агентовъ великокняжеской власти, подготовили городъ къ оборонѣ, а, въ то же время, поѣхало изъ Новгорода посольство къ великому князю съ протестомъ: «еще не сѣдъ у насъ на княженіи, а уже бояре твои дѣютъ сильно». Однако, подготовка къ открытой войнѣ съ великимъ княземъ вызвала возстаніе новоторжцевъ; они не вѣрили въ силу Новгорода, боялись прихода великокняжескаго войска, а потому изгнали отъ себя новгородскихъ бояръ и освободили великокняжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани. В. к. Симеонъ, дѣйствительно, прибылъ въ Торжокъ «со всею землею низовскою», а новгородцы, хоть и собрали всѣ силы свои въ городъ, однако послали къ великому князю пословъ и «докончали миръ» съ нимъ «по старымъ грамотамъ, на всей волѣ новгородской», выплативъ за то великому князю «черный боръ» со всей Новгородской земли да тысячу рублей съ новоторжцевъ [1]). Въ Новгородѣ водворился великокняжескій намѣстникъ. Но у в. к. Симеона не хватало силы на руководство обороной земель Новгорода и Пскова противъ наступленія нѣмцевъ и шведовъ. Псковъ передъ непрырывно грозной ливонской опасностью, какъ ранѣе при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, «отвергся» въ началѣ сороковыхъ годовъ отъ Великаго Новгорода и великаго князя и «предался» Литвѣ, призвавъ къ себѣ на княженіе Ольгерда; а тотъ посадилъ у нихъ княземъ сына Андрея [2]). Однако и Андрей Ольгердовичъ, какъ и отецъ его [3]), не былъ въ состояніи вести оборону Пскова лично и съ достаточной затратой литовскихъ боевыхъ силъ. Только небольшія вспомогательныя дружины литовскихъ намѣстниковъ помогаютъ Пскову въ борьбѣ противъ нѣмцевъ [4]), и дѣло кончилось отказомъ псковичей отъ князя Андрея и враждой за это

---

[1]) Новг. I, стр. 339—340. Двойственное положеніе „новоторжцевъ“ объясняется разногласіемъ между новоторжскими черными людьми („въсташа чернь на бояръ“) и новоторжскими боярами („бояре новоторьскыи прибѣжаша въ Новгородъ только душею, кто успѣлъ“, а дома ихъ разграблены, хоромы развезены, села опустошены чернью). Очевидно, звали новгородцевъ противъ великаго князя мѣстные бояре, и на нихъ же, надо полагать, пала уплата тысячи рублей.

[2]) Новг. I, стр. 341; П. С. Р. Л., т. V, стр. 13 („тогда псковичи много томишяся, біюще чоломъ князю Олгерду, хотяще его крестити и на княженіе посадити во Псковѣ, онъ же не въсхотѣ, но крести сына своего Андрея, и посадиша его псковичи на княженіе, надѣющися помощи отъ Олгерда) стр. 224.

[3]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 13, Псковская вторая лѣтопись: посадивъ во Псковѣ сына, „Олгердъ и братъ его Кестутій со своими литовники поѣхаша прочь, а псковичемъ не учинивше помощи никоея же“. Неудачныя боевыя дѣйствія Ольгерда въ эту пору описаны въ Псковской первой лѣтописи, т. IV, стр. 187—188.

[4]) Новг. I, стр. 342, 344.

Ольгерда противъ Пскова [1]). Это произошло въ 1348 г., и въ томъ же году псковичи возобновили порванную политическую связь съ Великимъ Новгородомъ, но уже на новыхъ началахъ Болотовскаго договора, которыя превращали Псковъ изъ новгородскаго пригорода въ автономнаго «младшаго брата» Великому Новгороду. Тѣмъ самымъ возстановлялась и связь Пскова съ великимъ княженіемъ всея Руси.

Новгородъ принялъ великокняжескаго намѣстника въ 1341 г.; но в. к. Симеонъ, занятый устроеніемъ дѣлъ «низовской» земли, отношеній къ хану и къ Литвѣ, только на пятый годъ пріѣхалъ въ Новгородъ и «сѣлъ на столѣ своемъ». Положеніе новгородской украйны было сугубо опаснымъ. Съ одной стороны, Ольгердъ, имѣя въ своихъ рукахъ Псковъ, началъ было наступленіе и на Новгородъ; впрочемъ, южныя дѣла скоро поглотили его силы и вниманіе, такъ что онъ и Псковъ потерялъ. За то болѣе серьезная опасность поднималась на новгородскія волости съ шведской стороны.

Король Магнусъ II началъ завоеваніе Ижорской земли, грозилъ итти со всѣми силами на Новгородъ, взялъ Орѣховъ. Призывъ новгородцевъ о помощи великаго князя Симеона—остался втуне. Симеонъ долго медлилъ, занятый «дѣлами царевыми», потомъ было поѣхалъ въ Новгородъ, но съ дороги вернулся въ Москву. Вмѣсто него въ Новгородъ прибылъ его братъ Иванъ, но и онъ не сталъ во главѣ новгородскаго войска, а уѣхалъ обратно, «не принявъ владычня благословенія и новгородскаго челобитья». Новгородцы предоставлены своимъ силамъ; только Псковъ, обезпечивъ свое новое политическое положеніе Болотовскимъ договоромъ, далъ имъ нѣкоторую военную поддержку; приходится мѣстными силами отбивать шведовъ, защищаться отъ нѣмцевъ [2]). Великій князь не въ состояніи отвлекать свои силы на дальній сѣверо-западъ: въ эту пору разыгрались попытки Ольгерда поднять на него Орду, затѣмъ—походъ в. к. Симеона на Смоленскъ. Литовская опасность тяготѣетъ надъ всѣми отношеніями великорусскаго великаго княженія.

Эта опасность подрывала энергію великокняжеской власти въ новгородскихъ дѣлахъ. Она же сильно осложняетъ тверскія отношенія. Тутъ съ кончины тверского великаго князя Константина Михайловича (ум. въ 1345 г.) разгорается борьба кашинской и холмской княжескихъ линій, силетавшая сложную сѣть ордынскихъ, литовскихъ и московскихъ политическихъ интересовъ въ напряженный клубокъ. И напряженіе это оказалось не по силамъ великорусской великокняжеской власти. На время центробѣжныя силы бе-

---

[1]) Псковская I, П. С. Р. Л., т. IV, стр. 190. Псковичи заявляютъ Андрею: „тобѣ было, княже, сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстникы тобѣ Пскова не держати; а нынѣ же тобѣ не угодно сѣсти у насъ, индѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова, а намѣстникъ твоихъ не хотимъ“

[2]) Новг. I, стр. 346—350.

рутъ верхъ въ политическомъ строѣ Великороссіи. Толчкомъ для ихъ рѣзкаго проявленія послужила неожиданная смерть в. к. Симеона въ моровое повѣтріе 1353 года.

Пятидесятые и шестидесятые годы XIV-го вѣка—время, когда Москва пережила серьезный кризисъ своего положенія въ сѣверо-восточной Руси. Тотчасъ по смерти Симеона нижегородскій князь Константинъ Васильевичъ «сперся о великомъ княженіи» съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ, при поддержкѣ новгородцевъ; только передъ своей кончиной примирился князь Константинъ съ в. к. Иваномъ, да и новгородцы полтора года «пребыша безъ мира съ великимъ княземъ», причемъ «зла не бысть никакого же», т. е. великій князь не имѣлъ силы ни покарать новгородцевъ за выступленіе въ Ордѣ, ни привести ихъ въ свою волю; отношенія возстановились только по примиреніи князей [1]). А затѣмъ, по смерти князя Константина, сынъ его Андрей призналъ в. к. Ивана себѣ братомъ старѣйшимъ, но послѣ Ивана вспыхнула новая борьба за великое княженіе, ликвидированная съ большимъ трудомъ и съ большими усиліями. Замутились и отношенія къ рязанцамъ, которые захватили Лопастну и настойчиво предъявляли требованіе исправленія рязанскихъ границъ. Въ Твери усобная борьба склонялась чѣмъ дальше, тѣмъ больше къ побѣдѣ микулинскихъ князей, враждебныхъ Мос-

---

[1]) Конфликтъ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ былъ осложненъ еще церковными дѣлами. Владыка Моисей посылалъ къ патріарху съ жалобой на „насильства“ митр. Ѳеогноста. Моисей—новгородскій избранникъ—былъ поставленъ митр. Петромъ въ 1325 г., а въ 1330-мъ покинулъ каѳедру и принялъ схиму, но послѣ кончины арх. Василія вернулся, по настоянію новгородцевъ „на свой ему столъ“. Такое нарушеніе схимы должно было встрѣтить каноническія возраженія митрополита, и, хотя Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. X, стр. 224) утверждаетъ, что митр. Ѳеогностъ „благословилъ“ Моисея на архіепископію, однако имѣемъ въ „Краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ“ („Новг. лѣтописи“—2-я и 3-я, изд. 1879 г.) прямое свидѣтельство, что Моисей „благословенъ бысть Алексіемъ митрополитомъ всея Руси“ (стр. 136). Вѣроятно, что этотъ споръ и былъ перенесенъ на судъ патріарха, причемъ Моисей поддерживалъ свою самозащиту встрѣчными жалобами на митрополита. Ихъ содержаніе указано въ лѣтописяхъ только глухо: „о насильствѣ“ (Новг. 3-я; тамъ же, стр. 233), „о неподобныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита“ (Новг. I, стр. 352). Моисей, очевидно, выигралъ свое дѣло, такъ какъ его послы привезли ему отъ патріарха грамоту „съ великимъ пожалованіемъ“ и крещатыя ризы. Указаніе Никоновской лѣтописи (т. X, стр. 228), что въ патріаршихъ грамотахъ шла рѣчь „о проторяхъ на поставленіяхъ и о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ и иныя различныя указанія“, скорѣе всего просто догадка книжника относительно содержанія грамотъ (ср. замѣчанія Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. II, ч. I, стр. 167). Вопросъ осложнялся разногласіемъ о правѣ Моисея на крещатыя ризы, пожалованныя митр. Ѳеогностомъ еп. Василію, и о притязаніяхъ новгородскаго владыки на особое положеніе по отношенію къ митрополіи, какія онъ связывалъ съ этимъ внѣшнимъ отличіемъ; патріаршая грамота разъясняла ему, что эти ризы не даютъ ему права умалять свое послушаніе митрополиту (см. грамоту Филоѳея отъ 1347 г.—Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 10).

квѣ и втянутыхъ въ сферу литовскаго вліянія. И за всѣми этими тревожными треніями внутренней жизни Великороссіи стоитъ опасность вмѣшательства татарскихъ и литовскихъ силъ. Изъ рукъ великокняжеской власти снова ускользаетъ управленіе внѣшними отношеніями Великороссіи, областныя политическія силы враждебны центру, отстаиваютъ и углубляютъ свою независимость отъ него, сами опредѣляютъ свое положеніе по отношенію къ внѣшнему міру, ищутъ въ Ордѣ и въ Литвѣ союза и опоры противъ требованій великокняжеской власти.

II.

Въ это трудное для Москвы время во главѣ правленія дѣлами великорусскаго великаго княженія стоитъ крупный политическій дѣятель—митрополитъ Алексѣй. Его руководство великокняжеской политикой вывело власть великихъ князей всея Руси изъ тяжкихъ затрудненій временъ «кроткаго и тихаго» Ивана и малолѣтняго Дмитрія. Притомъ Алексѣй, глава русской церкви, вдохнулъ въ эту политику опредѣленное идейное содержаніе—церковно-религіозное и, тѣмъ самымъ, національное. Самый фактъ достиженія Алексѣемъ митрополичьей каѳедры былъ для великаго князя значительнымъ успѣхомъ. Въ его лицѣ во главѣ русской церковной іерархіи сталъ представитель московской правящей среды, свой человѣкъ въ великокняжескомъ дворѣ. По житію, Алексѣй [1]) былъ сыномъ боярина Ѳедора Бяконта, который выѣхалъ изъ Чернигова на службу ко князю Даніилу Александровичу, а при Иванѣ Калитѣ, согласно свидѣтельству родословныхъ, «за нимъ была Москва», что можно понять, какъ должность тысяцкаго [2]). Позднѣйшіе родословцы ведутъ отъ Бяконта нѣсколько боярскихъ родовъ—Плещеевыхъ, Ѳоминыхъ, Жеребцовыхъ, Игнатьевыхъ, все фамиліи, которыя не стали въ первые ряды боярства, но занимали прочное положеніе среди московскаго служилаго люда, а частью, какъ Ѳомины, связаны со службой при митрополичьемъ дворѣ [3]). Братъ митр.

---

[1]) О житіяхъ митр. Алексѣя—Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, и Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, ч. I. Старшая краткая редакція въ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26; Типографскій лѣтописецъ (изд. 1784 г.), стр. 132; вторая, пространная, Пахомія Серба—Изданіе Общ. Любит. Древней Письменности № IV; особая переработка перваго житія въ Никоновской лѣтописи—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 29; особая редакція Пахоміева житія въ „Степенной книгѣ“—П. С. Р. Л. т. XXI, ч. II. Крестное имя Алексѣя, по старшему житію было Симеонъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26), но другія житія приводятъ имя—Елевеерій (ср. колебанія Никоновской лѣтописи, т. XI, стр. 30, прим. в). Повидимому, это его „мірское“ имя?

[2]) Временникъ, т. X, родословная книга, стр. 98; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

[3]) Родословная книга Временника (т. X), стр. 98 и 100: „Ѳомины, что митрополичи“.

Алексѣя, Александръ, родоначальникъ Плещеевыхъ, и его племянникъ Данило Ѳеофановичъ—бояре великаго князя Дмитрія Донского [1]).

Алексѣя можно назвать питомцемъ великокняжескаго двора и его боярской, служилой среды. Есть извѣстіе, что онъ былъ крестникомъ Ивана Калиты [2]). Ранній уходъ двадцатилѣтняго юноши въ монастырь не порвалъ этихъ общественныхъ связей, не былъ удаленіемъ отъ міра. Алексѣй монашествовалъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей [3]), и его постриженіе имѣло, повидимому, значеніе подготовки будущаго іерарха. Съ конца 1340 г. онъ стоитъ во главѣ митрополичьяго суда и управленія въ должности митрополичьяго намѣстника [4]). Митр. Ѳеогностъ готовилъ его, по соглашенію съ великимъ княземъ, себѣ въ преемники, ввелъ его, за двѣнадцать слишкомъ лѣтъ его намѣстничества, въ дѣла митрополіи, а въ декабрѣ 1352 года поставилъ его епископомъ Владимірскимъ и отправилъ, вмѣстѣ съ в. к. Симеономъ, посольство въ Константинополь къ патріарху—хлопотать о поставленіи Алексѣя себѣ въ преемники по русской митрополіи [5]). Дѣло русскаго, великокняжескаго кандидата на митрополію

---

[1]) Тамъ же, стр. 98 („Александръ Плещей, а былъ въ боярехъ у велпкаго князя у Дмитрея Ивановича“); П. С. Р. Л., т. VI, стр. 122—123; т. VIII, стр. 62—63 (Даніилъ „истинный бояринъ великого князя и правый доброхотъ“); т. XI, стр. 154.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

[3]) Въ Богоявленскомъ, гдѣ онъ сблизился съ братомъ св. Сергія, игуменомъ Стефаномъ—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 30—31 (это изъ житія св. Сергія—т. XI, стр. 131).

[4]) Въ намѣстничествѣ Алексѣй пробылъ 12 лѣтъ и 3 мѣсяца (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 31), а въ епископы посвященъ 6 декабря 1352 г., за три мѣсяца до кончины митр. Ѳеогноста (сконч. 11 марта 1353 г.)—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27; стало быть его назначеніе намѣстникомъ состоялось осенью 1340 г., т. е. еще при жизни Ивана Калиты, который скончался 31 марта 6849—1341 года; иначе у Голубинскаго, т. II, ч. I, стр. 175. Текстъ краткаго житія вспоминаетъ объ избраніи митр. Ѳеогностомъ Алексѣя въ намѣстники по поводу его посвященія въ епископы, а не говоритъ объ этомъ избраніи при в. к. Симеонѣ, какъ разумѣетъ Голубинскій.

[5]) По представленію Голубинскаго (указ. соч., стр. 175—176) посольство отъ в. к. Симеона и митр. Ѳеогноста о поставленіи на русскую митрополію не грека, а „кандидата, который будетъ присланъ изъ Москвы“, отправилось въ Константинополь ранѣе поставленія Алексѣя въ епископы владимірскіе; а вернулось оно послѣ смерти митр. Ѳеогноста и в. к. Симеона. Спѣшную отправку посольства Голубинскій связываетъ съ болѣзнью, какую митр. Ѳеогностъ перенесъ въ 1350 г. Но, по лѣтописямъ, посольство отправлено по поставленіи Алексѣя на епископство (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 217) съ просьбой патріарху, „яко да не поставитъ иного митрополита на Русь, кромѣ сего Алексѣя епископа“, и вернулось оно съ повелѣніемъ Алексѣю явиться въ Царьградъ „ставитися на митрополію“ (т. е. либо въ Константинополѣ успѣли до отбытія посольства узнать о смерти Ѳеогноста, либо звали Алексѣя на испытаніе, какъ указаннаго изъ Москвы кандидата). На какое-либо другое, предварительное посольство нѣтъ указаній, а отнести его къ 1350 или 1351 г. значило бы предполагать невѣроятно долгую его задержку въ Константинополѣ. Пл. П. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византіи“, стр. 308—309) ставитъ, согласно Никифору Григорѣ, успѣхъ кандидатуры Алексѣя въ связь съ крупнымъ пожертвованіемъ в. к.

было, на этотъ разъ, хорошо подготовлено и въ Константинополѣ и на Руси. Московскіе послы вернулись, уже послѣ кончины и митр. Ѳеогноста и в. к. Симеона, съ приглашеніемъ ѣхать въ Константинополь на поставленіе, и в. к. Иванъ Ивановичъ поспѣшилъ снарядить Алексѣя въ эту поѣздку, одновременно со своимъ выѣздомъ въ Орду для полученія ярлыка на великое княженіе [1]). При патріархѣ дворѣ Алексѣя продержали почти годъ на «тщательномъ испытаніи», и только въ іюнѣ 1354 онъ былъ отпущенъ съ настольной грамотой на митрополію Кіевскую и всея Руси [2]); Русскіе епископы прислали патріарху грамоты съ признаніемъ Алексѣя достойнымъ митрополіи,—всѣ, кромѣ новгородскаго Моисея. Оппозиція новгородскаго владыки, изъ какихъ бы основаній она не исходила [3]), была серьезнымъ дѣломъ не только для митрополіи, но и для великокняжеской власти, боровшейся за свое значеніе въ западныхъ областяхъ Великороссіи противъ сильнаго вліянія на нихъ Литовскаго великаго княжества. Общее положеніе московско-литовскихъ отношеній все тѣснѣе сплеталось съ цер-

---

Симеона на ремонтъ константинопольскаго храма св. Софіи, но и по разсказу Григоры эта кандидатура была поставлена позднѣе, чѣмъ время пожертвованія (1350 г.), когда уже стала, будто-бы, извѣстна въ Москвѣ судьба этихъ суммъ, растраченныхъ императоромъ. Относя разсказъ Григоры ко времени „не ранѣе 1350 года“, Соколовъ замѣчаетъ, что „въ эту эпоху кандидатура Алексѣя должна была быть уже совершившимся фактомъ“, но „фактомъ“ она не могла стать ранѣе посвященія Алексѣя въ епископы. Поставленіе Алексѣя въ епископы владимірскіе дѣлало митрополичьяго намѣстника викаріемъ митрополита (Голубинскій, стр. 176), и съ этимъ поставленіемъ Пл. Соколовъ (тамъ же, стр. 319) правильно связываетъ извѣстіе Новгородской IV лѣтописи (подъ 6860 г.—П. С. Р. Л., т. IV², стр. 282), что „бысть снемъ на Москвѣ князю Симеону и князю Константину Васильевичю про причетъ церковный“, поясняя, что „Константинъ суздальскій желалъ на случай замѣщенія митрополіи Алексѣемъ—обезпечить свои церковные интересы“ и успѣлъ добиться передачи Нижняго Новгорода и Городца отъ Владимірской епархіи въ управленіе суздальского епископа. По всей вѣроятности, дѣло было не только въ обезпеченіи „церковныхъ интересовъ“ Нижегородскаго великаго княжества, но и въ примиреніи суздальскаго епископа съ кандидатурой на митрополію Алексѣя: въ грамотѣ патр. Филоѳея новгородскому епископу Моисею (Р. И. Б., т. VI², приложенія № 10) читаемъ сообщеніе о „рекомендательныхъ грамотахъ“, поддержавшихъ поставленіе Алексѣя въ митрополиты, какія патріархъ получилъ отъ „прочихъ боголюбивѣйшихъ епископовъ“ (кромѣ Моисея новгородскаго).

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27.

[2]) Мѣстныя дѣла византійской имперіи и патріархіи, объясняющія задержку поставленія Алексѣя, разсмотрѣны въ трудѣ Пл. Соколова „Русскій архіерей изъ Византіи“ (Кіевъ, 1913 г.); тутъ же интересный анализъ церковно-исторической и канонической стороны этого дѣла, а также характеристика общаго положенія Византійской церкви при патр. Филоѳеѣ, объясняющая, съ одной стороны, его уступчивость къ русскимъ требованіямъ, и съ другой—осторожность его въ отношеніи къ митр. Алексѣю.

[3]) О возраженіяхъ Моисея противъ поставленія на митрополію Алексѣя см. Пл. Соколова, указ. соч., стр. 346—347.

ковно-политическими задачами русской митрополіи, ввиду развитого Ольгердомъ въ пятидесятыхъ годахъ XIV вѣка дѣятельнаго и успѣшнаго наступленія на русскія области и острой постановки вопроса объ отношеніи западно-русской церкви къ московско-владимірской митрополіи.

Вся эта чрезвычайно сложная сѣть отношеній ставила передъ митр. Алексѣемъ—главой русской церкви и руководителемъ политической дѣятельности великихъ князей всея Руси—рядъ крупныхъ и трудно разрѣшимыхъ задачъ. Онъ достигъ митрополіи, какъ ставленникъ великокняжеской власти; судьба сдѣлала его фактическимъ правителемъ великорусскаго великаго княжества. И въ этой роли онъ опирается на свой церковный авторитетъ въ политическихъ дѣлахъ, сливаетъ въ одно цѣлое свою церковно-политическую дѣятельность съ руководствомъ общей политикой великаго княжества всея Руси. Отношенія къ византійскому патріархату, къ литовской великокняжеской власти, къ мѣстнымъ политическимъ силамъ Великороссіи сливаются у Алексѣя въ одну цѣльную систему, въ которой элементы московскаго политическаго строительства неотдѣлимы отъ задачъ и интересовъ митрополичьей власти.

Настольная грамота, которую Алексѣй получилъ отъ патріарха, опредѣляла положеніе русскаго митрополита передъ патріаршимъ престоломъ весьма подробно и съ обдуманной отчетливостью. Эта грамота, знаменитая въ русско-византійскихъ церковныхъ отношеніяхъ, подчеркиваетъ, прежде всего, обширность и многолюдность митрополіи Кіевской и всея Руси; управленіе этой митрополіей особо важная задача для Константинопольской церковной власти, и потому эта власть поставляла туда, въ прежнее время, надежныхъ и довѣренныхъ людей изъ среды византійскихъ клириковъ, избирая, по тщательномъ испытаніи, такихъ, кто не только отличался добродѣтелью и силой слова, но былъ и свѣдущъ какъ въ церковныхъ канонахъ, такъ и въ гражданскихъ законахъ. Поэтому патріаршая грамота оговариваетъ, что поставленіе Алексѣя—дѣло исключительное, объясняемое его личными особыми достоинствами, хорошей подготовкой и единодушнымъ свидѣтельствомъ въ его пользу какъ грековъ, такъ и русскихъ, начиная съ митр. Θеогноста и великихъ князей Симеона и Ивана, но не должно служить прецедентомъ на будущее время, а, напротивъ, впредь патріаршая власть не допускаетъ и не дозволяетъ поставленія на русскую митрополію русскаго уроженца. Грамота подчеркиваетъ, что такая исключительная уступка—дѣло совершенно необычное и даже не вполнѣ безопасное для Церкви, а потому указываетъ и мѣры, исполненіе коихъ должно обезпечить бдительный надзоръ константинопольской церкви за дѣятельностью митр. Алексѣя и руководство ею. Патріархъ предписываетъ Алексѣю пріѣзжать въ Константинополь черезъ каждые два года или хотя бы присылать надежнаго представителя изъ клириковъ своей митрополіи для полученія авторитетныхъ указаній по всѣмъ важнѣйшимъ очереднымъ церковнымъ вопросамъ.

Вся грамота проникнута опасеніемъ излишней самостоятельности митрополита, который не вышелъ изъ среды константинопольскаго клира, не связанъ съ нимъ воспитаніемъ и прочной традиціей. Перспектива прочной національзаціи русской церковной іерархіи, несомнѣнно, встревожила патріаршую власть. Это понятно. Въ Константинополѣ должны были знать, что русская митрополія вступаетъ на путь превращенія въ опору мѣстной свѣтской власти и подчиненія ей, а патріархъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы русскій митрополитъ былъ, прежде всего, представителемъ власти и авторитета его, патріарха, и состоявшаго при немъ освященнаго собора, служителемъ греко-восточной церкви, возглавляемой, по византійской традиціи, константинопольскимъ патріархомъ, а не русской политики.

Отношенія между митр. Алексѣемъ и патріархатомъ сложились далеко не въ духѣ настольной грамоты. Послѣ поставленія своего онъ только дважды ѣздилъ въ Константинополь, да и пословъ своихъ посылалъ, повидимому, только въ такіе моменты, когда испытывалъ необходимость отразить подготовленный врагами ударъ или опереться на патріаршій авторитетъ. А такая опора была ему необходима для утвержденія силы и значенія сѣверной митрополіи.

Нароставшее раздраженіе противъ окрѣпшей Москвы и ея властныхъ притязаній неизбѣжно отражалось и на церковныхъ отношеніяхъ при митрополитахъ союзникахъ и сотрудникахъ московской политики, особенно же при митрополитѣ, ставленникѣ великаго князя, вышедшемъ на митрополію изъ московской боярской среды, чтобы взять въ свои руки общую политику великокняжеской власти. А митр. Алексѣй формально закрѣпилъ связь митрополіи съ великорусскимъ великимъ княжествомъ, выхлопотавъ постановленіе о перенесеніи резиденціи митрополита изъ Кіева во Владиміръ [1]). Русская митрополія осталась при этомъ «Кіевской и всея Руси», такъ какъ за Кіевомъ сохранено значеніе собственно престола и первой каѳедры архіерейской, а владимірская епископія признана второй каѳедрой, резиденціей и мѣстомъ упокоенія митрополитовъ. И такое рѣшеніе вопроса о митрополіи всецѣло отвѣчало существеннымъ интересамъ какъ митрополита, такъ и великокняжеской власти. Интересы эти настоятельно требовали сохраненія за русской митрополіей характера «Кіевской», несмотря на перенесеніе митрополичьей резиденціи на сѣверъ. Утрата кіевскаго центра грозила не только потерей самаго Кіева и юго-западныхъ епархій, но и Твери, и Новгорода, и Пскова, не говоря уже о Смоленскѣ, какъ только имъ представится возможность потянуть въ церковномъ отношеніи къ иному, не московскому центру.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что вопросъ этотъ сталъ передъ митрополитомъ Алексѣемъ во всемъ объемѣ, повидимому, еще во время его перваго пребыванія въ Константинополѣ.

---

[1]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 12.

Политическія судьбы юго-западной и западной Руси вели естественно къ стремленію освободить ихъ церковное управленіе отъ подчиненія московскому іерархическому центру. Попытки создать особую митрополію хотя бы для Галицкой земли, возникали въ началѣ XIV вѣка [1]), и митр. Ѳеогносту только въ 1347 г. удалось добиться закрытія особой галицкой митрополіи. Но вскорѣ — незадолго до поставленія Алексѣя во владимірскіе митрополиты—вопросъ объ отдѣленіи западно-русской церкви отъ сѣверной митрополіи сталъ особо острымъ. Еще при жизни митр. Ѳеогноста явился въ Константинополь новый западно-русскій кандидатъ на митрополію—Ѳеодоритъ и, не добившись тутъ успѣха, использовалъ тогдашній расколъ между византійской и болгарской церквями, отправился въ Терновъ, тутъ поставленъ былъ въ митрополиты болгарскимъ патріархомъ и занялъ Кіевскую митрополію [2]). Совпаденіе этого дѣла съ конфликтомъ между сѣверной митрополіей и новгородскимъ епископомъ усиливало остроту положенія. Патріархъ Филоѳей выступилъ рѣшительно. Его грамоты, разосланныя по западно-русскимъ епархіямъ объявили Ѳеодорита низложеннымъ, подъ угрозой полнаго отлученія «отъ христіанскаго состоянія», и грозили такимъ же отлученіемъ всѣмъ, кто приметъ его въ общеніе. Новгородскій епископъ Моисей получилъ одну за другой двѣ патріаршихъ грамоты: одну о должномъ повиновеніи митрополиту Алексѣю, другую съ изложеніемъ дѣла о Ѳеодоритѣ и запретомъ принимать митрополичью власть Ѳеодорита и вступать съ нимъ въ церковное общеніе [3]). Затѣмъ, патріаршій экзархъ, отправленный на Русь вмѣстѣ съ митр. Алексѣемъ, совершилъ посаженіе его на каѳедру митрополіи Кіевской и всея Руси, очевидно, въ Кіевѣ: Ѳеодоритъ сошелъ со сцены, больше о немъ и нѣтъ извѣстій [4]).

За покушеніемъ Ѳеодорита на Кіевскую митрополію нельзя не усмотрѣть политики в. к. Ольгерда [5]). Причина неудачи—осложненіе дѣла разрывомъ

---

[1]) Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 125—130 и 157—162 (доп.—стр. 878); Пл. Соколовъ, указ. соч., стр. 271—278 и 303—307.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 226: „Того же лѣта (6860) инокъ Ѳеодоритъ поставленъ бысть митрополитомъ отъ Терновскаго патріарха и прінде въ Кіевъ“.—Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 11. Борьба съ Ѳеодоритомъ поставила на очередь легализацію перенесенія митрополичьей резиденціи во Владиміръ и вообще облегчила Алексѣю его хлопоты въ Константинополѣ, такъ какъ опасность потерять Кіевъ, а, быть можетъ, и Новгородъ грозила не только русской митрополіи, но и византійскому патріархату.

[3]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, №№ 10 и 11.

[4]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 59—60; П. П. Соколовъ, указ. соч., стр. 353.

[5]) П. П. Соколовъ (стр. 355 и 360) отнесъ къ этому моменту, или къ 1355 г. „спѣшную канонизацію литовскихъ мучениковъ“, казненныхъ Ольгердомъ въ 1347 году, какъ политическій шагъ митр. Алексѣя, чтобы представить Ольгерда гонителемъ православія, врага Москвы—врагомъ христіанства. Основаніе для такой датировки только въ томъ, что Густинская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. II, стр. 350) говоритъ объ

съ византійскимъ патріархатомъ была устранена замѣной Θеодорита новымъ кандидатомъ на митрополію—Романомъ, родственникомъ жены Ольгерда, в. к. Ульяны. Есть извѣстіе, что Романъ, въ качествѣ нареченнаго митрополита, сдѣлалъ попытку занять Кіевскую каѳедру еще до возвращенія митр. Алексѣя изъ Константинополя, лѣтомъ 1354 года [1]). Не принятый кіевлянами, Романъ явился въ Константинополь къ патріарху послѣ поставленія митр. Алексѣя и его отъѣзда на Русь [2]), и былъ поставленъ въ литовскіе митрополиты, получивъ въ свое вѣдѣніе Новогородскую, Полоцкую и Туровскую епархіи. Романъ, однако, этимъ не удовлетворился, а сталъ «изъявлять притязаніе на большее» и нарушать права митр. Алексѣя. Поднялась борьба за Кіевъ и южно-русскія епархіи, за Тверскую землю. Раздоры двухъ русскихъ митрополитовъ стали предметомъ разбирательства патріаршаго собора, уже при патр. Каллистѣ, послѣ паденія Филоѳея. Романъ явился въ Константинополь отстаивать свои притязанія; былъ вызванъ и Алексѣй [3]). Соборъ призналъ, что митр. Алексѣй, рукоположенный на митрополію Кіевскую и всея Руси, такимъ и остается, а Роману, литовскому митрополиту, переданы всѣ «епископіи Малой Руси», но безъ Кіева, какъ перваго престола въ митрополіи Алексѣя [4]). Такое рѣшеніе вопроса, по существу—половинчатое, показываетъ, что патріархія нехотя уступала литовскимъ настояніямъ. Патріархъ Филоѳей—въ позднѣйшей грамотѣ, возстановлявшей, во второе его патріаршество, единство русской митрополіи пояснялъ, что раздѣленіе ея было, въ свое время, допущено по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ [5]). Такія «настоятельныя

этой канонизаціи подъ 1355 г., но вмѣстѣ съ упоминаніемъ о поставленіи Алексѣя на митрополію и о его мощахъ, какъ святого митрополита. Дата, явно неподходящая для поставленія Алексѣя, можетъ относиться къ канонизаціи литовскихъ мучениковъ. Но данныя Густинской лѣтописи слишкомъ ненадежны. Макарій (Ист. русс. церкви, т. IV, стр. 261) отнесъ эту канонизацію къ 1364 г., на основаніи столь же мало надежныхъ источниковъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. XVII, ст. 34.

[2]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 71—72. Возраженія Голубинскаго противъ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ патріаршей грамотой 1361 г.—весьма не убѣдительны; ср. П. П. Соколова, стр. 359.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228, сообщаютъ о вторичной поѣздкѣ митр. Алексѣя подъ 6864 г.—выѣхалъ осенью 1355 г., вернулся зимой, вѣроятно, уже въ 1356 г., такъ какъ Романъ еще въ Константинополѣ въ іюлѣ 1356 г. (Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 74, примѣчаніе). Возраженія П. П. Соколова противъ этихъ данныхъ мало убѣдительны, такъ какъ онъ напрасно находитъ въ патріаршей грамотѣ (? въ соборномъ постановленіи 1361 г. ? Р. И. Б., тамъ же, № 13) указаніе, что Романъ уѣхалъ изъ Константинополя раньше Алексѣя, и пытается установить, что Романъ, будто бы, пріобрѣлъ таки званіе митрополита кіевскаго и всея Руси (стр. 378).

[4]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, №№ 13 и 14.

[5]) Тамъ же, № 15.

нужды», несомнѣнно, имѣлись на лицо, такъ какъ, при господствѣ національнаго строя церковной жизни, каждое политическое цѣлое требуетъ себѣ особой іерархической организаціи, не мирясь съ ея экстерриторьяльностью. Но Византіи трудно было вполнѣ усвоить законность такихъ тенденцій безъ отказа отъ вселенскаго значенія своей церковной имперіи, а, съ другой стороны, Москва и Литва находились въ состояніи упорной борьбы и соперничества на почвѣ территоріально-политическаго самоопредѣленія, далеко незаконченнаго, такъ что всякая попытка разграничить ихъ церковныя области вела неизбѣжно ко «многимъ замѣшательствамъ и безпорядкамъ». Ольгердъ настаивалъ, чтобы его Литовско-русское государство было избавлено отъ подчиненія духовной власти митр. Алексѣя, чтобы западно-русская церковь была признана самостоятельной митрополіей, и внушилъ патріаршему собору опасенія, что можетъ, въ противномъ случаѣ, произойти полное отдѣленіе Литовско-русскаго государства отъ греко-восточной церкви или, по крайней мѣрѣ, отъ византійскаго патріархата, какъ уже было въ дни Θеодорита. Патріархія пошла на компромиссъ, но этимъ не прекратила раздора.

Романъ не принялъ ея половинчатаго рѣшенія, отказался принять настольную грамоту, покинулъ Константинополь и, прибывъ въ Кіевъ, провозгласилъ себя митрополитомъ кіевскимъ и всей Руси и удержался на своей митрополіи до самой смерти, постигшей его въ 1361 году.

Потеря сѣверной митрополіей власти надъ православной церковью въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства грозила сугубой опасностью великорусскому великому княженію. Западно-русская митрополія должна была стать такой же опорой политики литовскихъ великихъ князей, какую московскіе князья находили въ своихъ владимірскихъ митрополитахъ. Іерархическія связи кіевскаго центра предназначались этой политикой для закрѣпленія господства литовскихъ государей надъ русскими землями и литовскаго вліянія за предѣлами прямого захвата. Такъ столкновенія соперниковъ на тверской почвѣ начались еще во время пребыванія обоихъ митрополитовъ въ Константинополѣ [1]). А послѣ попытки митр. Алексѣя въ 1358 г. осуществить свою митрополичью власть въ южной Руси, попытки, за которую и онъ лично и московская княжая власть расплатились дорогой цѣной [2]),

---

[1]) „И тогда отъ обоихъ ихъ изо Царяграда пріндоша послы въ Тверь къ Θеодору, владыцѣ тверьскому, и бысть священническому чину тяжесть велія вездѣ“, П. С. Р. Л., т. X, стр. 227.

[2]) Въ 1358 г. митр. Алексѣй „иде въ Кіевъ“, въ началѣ года („по крещеніи“)— П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 230; вернулся митрополитъ „въ Володимерь и на Москву“ въ 1360 г. Безъ него скончался въ ноябрѣ 1358 г. в. к. Иванъ Ивановичъ. Продолжительное отсутствіе митр. Алексѣя тѣмъ болѣе знаменательно, что, какъ знали и въ Константинополѣ (Р. И. Б., т. VI², ст. 165—166) в. к. Иванъ оставилъ малолѣтняго сына на его, митр. Алексѣя, попеченіе, и поручилъ ему „управ-

Романъ использовалъ свои и литовскія связи въ Тверской землѣ для поѣздки въ Тверь, точно въ отвѣтъ на дѣйствія митр. Алексѣя, которыя должны были представляться «наѣздомъ» въ его, Романа, митрополію.

III.

Всѣ эти церковно-политическія отношенія тѣсно сплетались съ основнымъ московско-литовскимъ антагонизмомъ. Борьба между митрополитами Алексѣемъ и Романомъ разыгрывалась на фонѣ Ольгердовой политики, которая направлена въ 50-хъ—70-хъ годахъ XIV вѣка на энергичное наступленіе къ востоку. Это наступленіе развертывается, какъ только сила великорусскаго великаго княжества оказалась парализованной внутренней борьбой въ Великороссіи, въ моментъ перехода власти отъ в. к. Симеона къ его брату Ивану. Литва засѣла въ Ржевѣ, литовскія войска воюютъ Брянскъ и смоленскія волости, а послѣ смерти брянскаго князя Василія смута, поднявшаяся въ Брянскѣ, облегчила захватъ его в. к. Ольгердомъ. Какъ только, «нача обладати Брянскомъ великій князь Литовскій», митр. Романъ захватилъ іерархическую власть надъ Брянскомъ—въ епархіи митр. Алексѣя. Роману приписали въ Москвѣ, а съ московскихъ словъ и при патріаршемъ дворѣ, починъ къ нападенію Ольгерда на Алексинъ, митрополичій городъ [1]). Съ той же поры Орша и Бѣлая въ литовскихъ рукахъ, а года черезъ три занятъ Ольгердомъ Мстиславль. Все тѣснѣе надвигалась на Смоленское княжество, охватывая его крѣпкимъ кольцомъ, литовская сила; все плотнѣе надвигалась она на предѣлы великорусскаго и тверского великихъ княженій. Смоленское княжество еще продержалось полъ-вѣка [2]), лавируя между Москвой и Литвой, но Черниговско-сѣверская область, раздробленная на мелкія вотчинныя княжества

леніе и охрану всего княжества“; оно было бы и вовсе непонятно, если не отнести къ этому времени (вмѣстѣ съ Голубинскимъ, указ. соч., стр. 192) событіе, сообщаемое тою же грамотой: Ольгердъ захватилъ Алексѣя, когда тотъ обозрѣвалъ малорусскія епархіи и заключилъ его подъ стражу, изъ подъ которой Алексѣю съ трудомъ удалось бѣжать (тамъ же, ст. 167—168). П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 385) полагаетъ, что Алексѣй мирно жилъ въ Кіевѣ, пока кончина в. к. Ивана и неудачи Москвы въ столкновеніи изъ за великаго княженія съ Дмитріемъ суздальскимъ не дала Ольгерду повода для изгнанія Алексѣя изъ Кіева. Смѣлая попытка митр. Алексѣя осуществить свою власть въ Кіевской Руси на глазахъ Ольгерда и Романа непонятна безъ предположенія, что она опиралась на сильную поддержку его въ Кіевѣ и южной Руси: вѣдь Ольгердъ только въ 1361 г. устранилъ мѣстнаго кіевскаго князя Ѳедора, а посадилъ тутъ сына Владиміра „и нача надъ сими владѣти, имже отци его дань даяху“. Алексѣй вернулся во Владиміръ, когда тутъ уже сѣлъ на великое княженіе Дмитрій Константиновичъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 228; ср. тамъ же, стр. 220; Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 87—88.

[2]) Князья Святославъ Ивановичъ (1358—1386 г.) и сынъ его Юрій (1386—1404 г.).

и почти не испытывавшая на себѣ объединяющаго вліянія великорусскаго центра—стала ареной крупныхъ успѣховъ политики Ольгерда. Западная полоса этой области перешла въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIV-го вѣка подъ прямую власть литовскихъ князей: тутъ слагаются княженія его сыновей—Дмитрія брянскаго и трубчевскаго и Дмитрія-Корибута черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго, а также стародубско-рыльское княжество Патрикія Наримунтовича и его сыновей. Въ восточной полосѣ —сидятъ на своихъ отчинахъ мелкіе князья Рюриковичи, которыхъ Ольгердъ стремится сдѣлать своими подручниками, то силой, то путемъ родственныхъ связей [1]). Въ посланіи къ Константинопольскому патріарху Ольгердъ называетъ своими волостями Калугу и Мценскъ, жалуется на захватъ ихъ москвичами изъ за «измѣны» своего слуги князя Ивана Козельскаго. И долго еще будетъ восточная Черниговщина колебаться между Москвой и Литвой; долго служатъ ея князья то одному, то другому великому князю, а то и «на обѣ стороны».

Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ XIV вѣка великорусское великое княжество слишкомъ подавлено внутреннимъ политическимъ кризисомъ, чтобы противодѣйствовать литовскому напору сколько-нибудь энергично. Лѣтописные своды даютъ только кое-какія указанія на попытки такого противодѣйствія въ боевыхъ столкновеніяхъ тверской и можайской рати съ литовцами изъ за Ржевы, въ походѣ смольнянъ на Бѣлую [2]). Наступленіе Литвы осложняло и обостряло внутреннія отношенія Великороссіи. Въ Тверскомъ княжествѣ мѣстная борьба двухъ княжескихъ линій, кашинской и микулинской, переплелась съ борьбой между литовскимъ и московскимъ вліяніемъ на Тверь, а съ 1366 года побѣдила микулинско-литовская сторона. Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ вступилъ съ Москвой въ упорную и затяжную борьбу, которая обезпечила Ольгерду свободу дѣйствій въ Черниговско-сѣверской области. Лишь изрѣдка, безъ затраты значительной силы даетъ Ольгердъ поддержку Михаилу, направляя главную энергію на югъ и на поддержку Кейстута противъ нѣмцевъ.

Новая борьба Москвы съ Тверью была, какъ и прежняя, борьбой за великое княженіе всея Руси. Едва-ли, впрочемъ, съ самаго начала: открылась она наступательными дѣйствіями не Твери, а Москвы. Московское великокняжеское правительство, душой котораго былъ митрополитъ Алексѣй, только что закончило борьбу съ Дмитріемъ суздальскимъ, привело «въ свою волю» и его, и второстепенныхъ владѣтельныхъ князей Великороссіи. Великій Новгородъ призналъ власть Дмитрія Ивановича, выговоривъ себѣ держаніе «въ старинѣ безъ обиды», а затѣмъ и подлинную, дѣятельную

---

[1]) Одна Ольгердовна за кн. Иваномъ новосильскимъ, другая за Святославомъ карачевскимъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 230—231.

защиту отъ внѣшнихъ враговъ [1]). Но отношенія къ великимъ княжествамъ Тверскому и Рязанскому оставались напряженными.

Москва окрѣпла и стала притязательнѣе. Лѣтописные своды отмѣтили 1367 г. краснорѣчивой записью, надо полагать—тверского лѣтописца: «того же лѣта князь великій Дмитрей Ивановичъ заложи градъ Москву каменъ, и начаша дѣлати безперестани; и всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, а на тѣхъ нача посегати, такоже и на князя Михаила Александровича тверьского, и князь Михайло

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 8. Договоръ этотъ, рѣзко отличный по формѣ отъ прочихъ,—по содержанію, прежде всего, союзный. Великій Новгородъ обязуется „всѣсти на конь съ одного“ при возникновеніи войны съ Литвой или Тверью; притомъ, если разрывъ произойдетъ между в. к. Дмитріемъ и Литвой или Тверью, онъ обѣщаетъ либо самъ прибыть въ Новгородъ, либо прислать князя Владиміра Андреевича; если же Новгородъ подвергнется нападенію Литвы, Твери или нѣмцевъ (шведовъ), то в. к. Дмитрій и князь Владиміръ обязуются „всѣсти по Новѣгородѣ съ одного, по цѣлованію“ и до заключенія мира „Новгорода не метати“, а быть въ Новгородѣ самому великому князю, пока онъ не „умиритъ“ Новгорода, или прислать князя Владиміра; только отъѣздъ въ случаѣ вражескаго нападенія на владѣнія самихъ князей не вмѣняется имъ въ измѣну. Въ этомъ договорѣ отразилась и старая память о томъ, какъ великіе князья не разъ покидали Новгородъ послѣ ратныхъ предпріятій, не обезпечивъ ему мира, и недавнее воспоминаніе объ отношеніи къ оборонѣ Новгорода в. к. Симеона и его брата Ивана. Въ концѣ договора краткая формула подтверждаетъ основное докончаніе: „а княженье бы великое мое держати честно и грозно, безъ обиды; а мнѣ, князю великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, держати Новъгородъ въ старинѣ, безъ обиды“.—Въ А. А. Э. договоръ этотъ отнесенъ къ началу 1372 г.; Карамзинъ (т. V, пр. 26) отнесъ его къ 1371 г. на основаніи именъ посадника Юрія и тысяцкаго Елисея, которые „правительствовали въ Новгородѣ въ 1371 году“ (Новг. I, стр. 362), но Соловьевъ (кн. I, ст. 988, примѣч. 3) отнесъ этотъ договоръ къ 1367 г., къ извѣстію о томъ, какъ „посылаша послы новгородцы къ князю великому Дмитрию Ивановичю и докончаша миръ съ княземъ великымъ, а князь великый... намѣстника своего присла въ Новгородъ“ (Нов. I, стр. 359). Вѣроятнѣе, что правъ Карамзинъ, не только ввиду именъ посадника и тысяцкаго, но и потому, что этотъ договоръ предполагаетъ существованіе другого, заключеннаго, когда примиреніе в. к. Дмитрія съ Дмитріемъ суздальскимъ передало столъ новгородскій въ его руки, т. е. въ 1365-6 г. Миръ 1367 г. только возстановлялъ „розверженный миръ“ великаго князя съ Новгородомъ (изъ за ушкуйничьяго набѣга 1366 г.). Князь Владиміръ пріѣзжалъ въ Новгородъ въ 1368 г. (тамъ же, стр. 361), по вѣстямъ о нѣмецкомъ набѣгѣ на Изборскъ, но, видимо, запоздалъ. За столкновеніе съ Тверью новгородцы расплачивались безъ великокняжеской помощи въ 1372 г.: князь Владиміръ пріѣхалъ въ Новгородъ только въ 1373 г. „и сѣдѣ въ Новгородѣ до Петрова дни и поиха прочь“; это запись сухая и краткая, но словно звучитъ укоромъ. Подъ впечатлѣніемъ испытаній 1372 г. новгородцы отнеслись горячо къ походу в. к. Дмитрія на Тверь въ 1375 году: они, „изводя честь своего князя, въскорѣ, въ три дни поихаша подъ Тверь“ (тамъ же, стр. 363). Напряженіе отношеній къ Твери въ началѣ 1370-хъ годовъ скорѣе всего объясняетъ заключеніе упомянутаго договора.

того ради поиде въ Литву» [1]). Московская попытка отнять Тверь у в. к. Михаила и возстановить тверское великое княженіе Василія Михайловича кашинскаго не удалась, Тверь отбилась отъ нападенія московской и кашинской рати, а осенью вернулся изъ Литвы Михаилъ Александровичъ съ литовской помощью и добился мира съ в. к. Дмитріемъ и дядей своимъ Василіемъ. Но великокняжеское правительство ему не довѣряло и сдѣлало попытку захватить его въ свои руки, «зазвавъ любовію къ себѣ на Москву» [2]), а, когда захватъ не удался, двинуло на Тверь войска, передъ которыми Михаилу пришлось снова бѣжать въ Литву. Ольгердъ поднялся на защиту шурина съ большимъ литовскимъ войскомъ, полками тверскими и смоленскими, быстрымъ походомъ захватилъ в. к. Дмитрія врасплохъ, разбилъ сторожевой его полкъ, и появился подъ Москвой раньше, чѣмъ успѣла собраться ратная сила великаго княжества. Московскіе князья выдержали осаду, но пришлось в. к. Дмитрію пойти на уступки Михаилу тверскому [3]). «Посяганье» на Тверь вело къ борьбѣ съ Литвой, и в. к. Дмитрій рѣшился на наступательныя дѣйствія. Его войска воевали смоленскія волости, ходили подъ Брянскъ. Великокняжеское правительство убѣдилось, что походъ Ольгерда подъ Москву въ 1368 г. былъ только устрашающимъ набѣгомъ, что занятый на югѣ и западѣ литовскій великій князь не сосредоточитъ на восточныхъ предѣлахъ силы, достаточной для рѣшительной борьбы съ Москвой, и снова сдѣлало попытку смирить тверского князя. Недавній уступчивый миръ съ Тверью расторгнутъ [4]), на Тверскую землю двинулись великокняжескія войска, в. к. Михаилъ снова ушелъ въ Литву. Въ сентябрѣ 1370 года в. к. Дмитрій самъ двинулся на Тверь «со многою силою», взялъ Зубцовъ и Микулинъ, вотчинный городъ тверского великаго князя, и «смирилъ тверичь до зѣла» [5]).

Въ Вильнѣ, надо полагать, сложился широкій планъ рѣшительной борьбы съ Москвой, осуществленію котораго в. к. Михаилъ Александровичъ посвящаетъ всѣ свои силы въ ближайшіе годы. Сила Золотой Орды стала, въ эту пору, выходить изъ состоянія анархіи подъ властной рукой Мамая. Михаилъ отправился изъ Литвы къ Мамаю, получилъ въ Ордѣ ярлыкъ на

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8.

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10.—В. к. Ольгердъ такъ писалъ объ этомъ эпизодѣ патріарху: „и шурина моего князя Михаила клятвенно зазвали къ себѣ, и митрополитъ снялъ съ него страхъ, чтобы ему притти и уйти по своей волѣ, но его схватили“—Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 24.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 15—16; т. XI, стр. 10—12. Разгромъ сторожевого полка произошелъ 21 ноября 1368 г.

[4]) Объявленіе войны состоялось „по Оспожинѣ дни на третій день“, т. е. 24 іюля 1370 г.

[5]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17; т. X, стр. 13. Вѣрная хронологія—въ Воскресенской лѣтописи; ср. выше, стр. 236, примѣчаніе.

Владимірское великое княженіе и съ ханскимъ посломъ поѣхалъ на Русь. Однако, в. к. Дмитрій поставилъ заставы на всѣхъ путяхъ, и только предупрежденіе, полученное Михаиломъ отъ доброхотовъ изъ Руси избавила его отъ плѣненія [1]). Пришлось снова уходить въ Литву, гдѣ Ольгердъ собирался въ походъ противъ Дмитрія. Неудача Михаила не остановила этого похода; Ольгердъ вновь дошелъ до Москвы, но сборъ великорусской рати съ Владиміромъ Андреевичемъ во главѣ и рязанской помощью свелъ дѣло къ заключенію перемирія и переговорамъ о «вѣчномъ мирѣ»; перемиріе съ в. к. Дмитріемъ заключилъ и Михаилъ тверской. Эта новая неудача не сломила его энергіи. Онъ снова ѣдетъ въ Орду, чтобы повторить попытку занять съ помощью ханскаго ярлыка и ханскаго посла великое княженіе.

На этотъ разъ онъ вернулся въ Тверь съ ярлыкомъ и посломъ Сарыхожей и отсюда пытался занять стольный Владиміръ, но в. к. Дмитрій принялъ свои мѣры—привелъ бояръ и черныхъ людей ко крестному цѣлованію на томъ, что они не передадутся на сторону Михаила и не пустятъ его на Владимірское великое княженіе, а ханскаго посла перекупилъ богатыми дарами на свою сторону. Михаилъ оказался изолированнымъ. Литовскій великій князь возобновилъ и продолжилъ перемиріе съ Москвой, велъ переговоры о «вѣчномъ мирѣ» и союзѣ свойства съ московскимъ княжескимъ домомъ. Поѣздка в. к. Дмитрія въ Орду вернула ему ярлыкъ на великое княженіе; Михаилу отказано въ дальнѣйшей татарской поддержкѣ. Однако, крайняя трудность положенія словно удвоила усилія Михаила. Онъ, видимо, пытается фактически овладѣть великимъ княжествомъ въ томъ разсчетѣ, что успѣхъ сломитъ колебанія Ольгерда и возстановитъ ихъ союзъ противъ Москвы. Михаилъ успѣлъ занять нѣсколько городовъ великаго княжества—Кострому, Угличь, Мологу, Бѣжецкій Верхъ—и посадить тамъ своихъ на-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 13: „прінде бо ему вѣсть съ Москвы, сказующе ему таковая“. Никоновская лѣтопись представляетъ дѣло такъ, что Михаилъ отправился въ Орду только послѣ похода в. к. Дмитрія на Тверь (выступилъ 3 сентября 6879); но если Олегердъ 25 ноября былъ уже въ московскихъ предѣлахъ, то ясно, что всѣ перепетіи поѣздки въ Орду, прибытія на Русь и новаго бѣгства въ Литву в. к. Михаила не могли свершиться въ такой короткій срокъ. Онъ прибылъ въ Литву послѣ лѣтняго похода на Тверь великокняжескихъ войскъ, а во время похода на самого Дмитрія—въ сентябрѣ 1370 г. былъ, вѣроятно, въ Ордѣ, или ѣхалъ оттуда на Русь. Поэтому и самый походъ на Тверь в. к. Дмитрія можно понять, какъ мѣру противъ появленія Михаила на Руси: „и много гонявше по немъ и не обрѣтоша его“.

[2]) Ольгердъ заключилъ съ Дмитріемъ перемиріе до Петрова дни (29 іюня); затѣмъ послѣдовали переговоры, о которыхъ читаемъ въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 15): „пріидоша послы отъ в. к. литовскаго о миру и о любви, а за князя Володимера Андрѣевича обручаша Ольгердову дщерь, именемъ Елену“; памятникомъ этихъ переговоровъ остался прелиминарный договоръ, заключенный въ іюлѣ 1371 г. (С. Г. Г. и Д. т. I, № 31); перемиріе было продолжено до 26 октября (ср. выше, стр. 236).

мѣстниковъ, добился, хоть и условнаго, признанія въ Великомъ Новгородѣ [1]).

Всѣ эти успѣхи не дали прочнаго результата. В. к. Дмитрій подготовилъ пока въ Ордѣ тяжкій ударъ сопернику. Настойчиво укрѣпляя свое положеніе на Руси, Михаилъ послалъ въ Орду для поддержки тамъ своихъ интересовъ сына Ивана. Но в. к. Дмитрій использовалъ большую задолженность тверского князя по обязательствамъ и посуламъ въ Ордѣ, чтобы «окупить въ долгу» княжича Ивана и добиться его выдачи въ свои руки. Онъ вернулся на Русь съ большимъ торжествомъ, «съ многою честью и съ пожалованіемъ опять на великое княженіе», а плѣнника своего держалъ заложникомъ. Русскіе противники были ему не страшны безъ татарской и литовской помощи. Разрывъ съ Рязанью былъ быстро ликвидированъ—пораженіемъ рязанцевъ у Скорнищева, бѣгствомъ князя Олега и водвореніемъ на Рязанскомъ княженіи Владиміра пронскаго; правда, в. к. Олегъ вернулъ себѣ княженіе вскорѣ по уходѣ великокняжескаго войска съ Рязани, но

---

[1]) Къ этому времени надо отнести договоръ в. к. Михаила Александровича съ Новгородомъ, изд. въ С. Г. Г. и Д., т. I, № 8. Условное признаніе его великокняжеской власти выражено въ оговоркѣ: „а вынесуть тобѣ изъ Орды княженіе великое, намъ еси князь великій, или какъ не вынесуть тобѣ княженія великого изъ Орды, попти твоимъ намѣстникамъ изъ Новагорода проць и изъ новгородскихъ пригородовъ, и въ томъ Новугороду измѣны нѣту“. См. А. А. Шахматова „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“, стр. 233—234. Труднѣе пріурочить грамоту (того же изданія № 16), гдѣ в. к. Михаилъ признаетъ возстановленіе рубежа между новгородскими и тверскими владѣніями „по старому рубежу“, возвратъ селъ, купленныхъ его боярами и слугами въ Новгородской землѣ во время его княженья („въ мое княженье“)—безденежно, а купленныхъ при прежнихъ князьяхъ—за выкупъ, а съ своей стороны требуетъ „исправы“ о своихъ „зашельцахъ“ (?) въ Торжкѣ, суда о погрaбленномъ у его людей, и отпуска безъ выкупа его людей, „поиманныхъ“ новгородцами; въ концѣ обычныя условія—о правѣ гостей „ходить“ безъ рубежа и выдачѣ „по исправѣ“ холоповъ, должниковъ и поручниковъ. Спеціальное содержаніе этой докончальной грамоты позволяетъ видѣть въ ней не самостоятельный договоръ, а договорную запись, дополняющую или видоизмѣняющую статьи другой, основной грамоты. Можно бы предположить такое отношеніе ея и къ № 8 (развитіе и измѣненіе статей о возвратѣ селъ и нѣсколько дополнительныхъ условій). Но трудно пріурочить къ опредѣленному времени до 1371 г. (А. А. Шахматовъ датируетъ эту грамоту 1368—1371 г.—указ.соч., стр. 235) или къ 1371 г. двѣ черты этой грамотки: 1) покупка селъ боярами и слугами во время княженія в. к. Михаила требуетъ нѣкоторой продолжительности этого княженія; А. А. Шахматовъ и предположилъ, что намѣстники Михаила сидѣли въ Новгородѣ и ранѣе 1371 года, но это ни изъ чего не видно, да и едва ли возможно, ввиду устойчивой тенденціи Новгорода принимать только великокняжескихъ намѣстниковъ; и 2) упоминаніе о погрaбленномъ имуществѣ людей Михаила и поиманныхъ его людяхъ—не поясняется никакими извѣстными намъ фактами до 1372 года, когда новгородцы сослали съ Торжка Михайловыхъ намѣстниковъ (Новг. I, стр. 362; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 20; т. XI, стр. 18). Поэтому предпочтительна болѣе поздняя датировка грамоты—1372, послѣ разгрома Торжка в. к. Михаиломъ.

устранился отъ дальнѣйшей борьбы противъ Москвы. Съ Михаиломъ было труднѣе; онъ снова нашелъ литовскую поддержку, наводилъ литовскихъ князей на Переяславль, Дмитровъ и Кашинъ, привелъ въ свою волю кашинскаго князя Василія, который было опять перекинулся на московскую сторону. Потерялъ онъ и Новгородъ, который не сталъ держать его намѣстниковъ, разъ князь потерялъ ярлыкъ на великое княженіе. Михаилъ съ тою же литовскою ратью овладѣлъ за то Торжкомъ, но его намѣстники сосланы съ Торжка новгородцами. Михаилъ отвѣтилъ походомъ на Торжокъ и полнымъ разгромомъ этого города. Сильная литовская поддержка Михаилу могла бы поставить в. к. Дмитрія въ крайне опасное положеніе. Она, казалось, и появилась на Руси, когда прибылъ «со многою силою» в. к. Ольгердъ. Но неудачный для него бой подъ Любутскомъ въ іюнѣ 1372 года [1]) привелъ къ отказу Ольгерда отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и новому его миру съ Москвой [2]). Великому князю Дмитрію удалось окончательно отдѣлить внѣшнія дѣла Великороссіи—отношенія къ Ордѣ и Литвѣ—отъ борьбы съ тверскимъ княземъ. Впрочемъ, татарскія отношенія этой поры были слишкомъ напряжены и запутаны, чтобы соглашеніе оказалось устойчивымъ. Главное значеніе событій 1372 года въ ликвидаціи литовской войны и лишеніи Михаила тверского литовской поддержки.

Сила и вниманіе великорусской великокняжеской власти сосредоточены въ ближайшіе годы на татарскихъ дѣлахъ. Почти непрерывная тревога держитъ въ жуткомъ напряженіи Нижегородскую и Рязанскую украйны

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17—20; т. XI, стр. 15—19; т. XVIII, стр. 110—113. Въ Воскресенской и Симеоновской взятіе Торжка и Любутскій бой подъ 6881 (1373) г.; въ Никоновской, какъ и въ Новгородской I (стр. 362) подъ 6880 (1372) г. Предпочесть надо послѣднюю дату, какъ по общему ходу событій, такъ и потому, что сжатое изложеніе Воскресенской (и Симеоновской), суммирующее событія, не могло не сбить хронологіи въ пользу болѣе позднихъ моментовъ. — Послѣ взятья Торжка в. к. Михаилъ привелъ новгородцевъ къ докончанію, слѣдъ котораго, съ новгородской стороны, въ „наказѣ посламъ“ (опредѣленіе С. М. Соловьева) — С. Г. Г. и Д., т. I, № 13, а со стороны в. к. Михаила въ грамотѣ С. Г. Г. и Д., т. I, № 16. Состоялся ли окончательный договоръ — не знаемъ: по грамотѣ № 16, если принять такую ея датировку, видно, что Михаилъ, взявъ силу надъ новгородцами, еще держится за великокняжескую власть надъ Новгородомъ. И его намѣстники снова водворились въ Новгородѣ, Торжкѣ и въ волостяхъ новгородскихъ.

[2]) Полагаю, что только въ этотъ моментъ, въ 1372 г. состоялся миръ Ольгерда съ в. к. Дмитріемъ и, затѣмъ, бракъ князя Владиміра Андреевича съ Еленой Ольгердовной („въ ту же зиму“ 1372—1373 г.); въ 1374 г. князь Владиміръ обстраиваетъ свое удѣльное гнѣздо — Серпуховъ (см. выше, стр. 176—177); соотвѣтственно этому прошу дату его брака (на стр. 176)—1371 исправить на 1372—1373 годъ. Если лѣтописи помѣщаютъ извѣстіе объ этомъ бракѣ подъ 1371 г., то подъ вліяніемъ записи о литовскихъ послахъ этого года, что они „обручаша“ литовскую княжну князю Владиміру, означавшей, повидимому, лишь предварительное соглашеніе о бракосочетаніи.

Великороссіи, которыя не въ силахъ выдержать оборону безъ поддержки великорусскаго центра. Великокняжеское правительство выдвигаетъ по временамъ войска на линію Оки и за Оку, «стерегаяся рати татарскія», посылаетъ ратную помощь Нижнему Новгороду; постепенно назрѣваетъ рѣшительное столкновеніе его съ татарскимъ міромъ, разрѣшившееся боемъ на Куликовомъ полѣ.

Михаилъ тверской, потерявъ главную опору въ союзѣ съ Литвой, вынужденъ, на время, замкнуться въ своихъ тверскихъ предѣлахъ. Онъ усиливаетъ укрѣпленія Твери, мирится съ в. к. Дмитріемъ; выкупаетъ сына изъ московскаго плѣна, отзываетъ намѣстниковъ съ городовъ великаго княженія, гдѣ они еще держались, и вступаетъ съ великимъ княземъ въ мирное докончаніе [1]). Но это докончаніе, условій котораго не знаемъ, оказалось только перемиріемъ. В. к. Михаилъ пытается еще разъ использовать трудное положеніе великокняжеской власти, чтобы нанести в. к. Дмитрію новый ударъ. Теперь его надежда на вражду, все нараставшую, между Москвой и Мамаевой Ордой. Въ іюлѣ 1375 г. московскій отъѣзчикъ Некоматъ снова вывезъ в. к. Михаилу изъ Орды ярлыкъ на Владимірское великое княженіе и ханскаго посла — въ поддержку ханскаго пожалованія. Михаилъ тотчасъ «сложилъ крестное цѣлованіе» къ в. к. Дмитрію, послалъ своихъ намѣстниковъ въ Торжокъ, свою рать на Угличъ. Но этимъ онъ навлекъ на себя конечную бѣду. В. к. Дмитрій поднялъ на Тверь всю Великороссію, всѣхъ князей низовской земли, новгородскіе полки, даже кашинское ополченіе. А разсчетъ Михаила на татарскую и литовскую помощь оказался ошибочнымъ [2]). Пришлось ему искать мира и согласиться на договорное докончаніе, которымъ закрѣплено полное крушеніе его многолѣтней борьбы. Въ договорѣ этомъ Михаилъ Александровичъ призналъ себя великому князю Дмитрію «братомъ молодшимъ», равнымъ князю Владиміру Андреевичу, подчинился

---

[1]) Къ этому моменту С. М. Соловьевъ отнесъ послѣднюю договорную грамоту между в. к. Михаиломъ и Великимъ Новгородомъ—С. Г. Г. и Д., т. I, № 17 („Ист. Россіи“, кн. I, ст. 989; тоже у А. А. Шахматова, указ. соч., стр. 235 и 270). Эта грамота показываетъ, что послѣ разгрома Торжка Новгороду пришлось признать, на извѣстныхъ условіяхъ, власть Михаила: его намѣстники на Торжкѣ и др. новгородскихъ волостяхъ. Условій его „докончанія“ съ в. к. Дмитріемъ не сохранилось.

[2]) По свидѣтельству лѣтописныхъ сводовъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22—23; т. XVIII, стр. 115—116; т. XV, ст. 435) въ этомъ походѣ кромѣ силъ „низовской“ земли и новгородцевъ участвовали князья смоленскій, новосильскій, оболенскій. Этотъ перечень то болѣе, то менѣе полный, связанъ въ Никоновской лѣтописи съ разсказомъ о томъ, что послѣдовавшіе въ томъ же году нападенія Мамаевыхъ татаръ на Нижній Новгородъ и Ольгерда на Смоленскъ были карой за участіе нижегородскихъ князей и смоленскаго князя въ походѣ на Тверь. Быть можетъ, эти нападенія — не столько кара, сколько запоздалая диверсія для поддержки Михаила? П. С. Р. Л., т. XI, стр. 24.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 28.

требованіямъ подчиненнаго одиначества съ великимъ князёмъ, отказался отъ всякихъ притязаній на великое княженіе и на Новгородъ Великій за себя и за всѣхъ тверскихъ князей, призналъ независимость Кашина, подчинилъ великокняжеской политикѣ свои татарскія и литовскія отношенія; словомъ условія этого договора только тѣмъ отличаютъ положеніе тверского великаго князя въ составѣ великорусскаго великаго княжества отъ положенія московскаго удѣльнаго князя, что спорныя дѣла между двумя великими князьями идутъ, если ихъ бояре не придутъ къ соглашенію на съѣздѣ, также какъ и разногласія въ «общемъ судѣ» по дѣламъ между тверичами и великокняжескими людьми, на третейское разрѣшеніе рязанскаго великаго князя Олега. Рядомъ съ в. к. Дмитріемъ введена въ этотъ договоръ съ Тверью и сго вотчина Великій Новгородъ, и новгородско-тверскія отношенія регулируются въ этомъ же договорѣ, а не особой грамотой. Тверскимъ владѣніямъ Михаила Александровича противопоставлена территорія великокняжеской вотчины Москвы, всего великаго княженія и Новгорода Великаго. Въ этомъ своеобразная двойственность политической структуры договора. Тверской великій князь еще недавно, въ договорѣ в. к. Дмитрія съ литовскими послами 1371 года, писался «въ имени» великаго князя Ольгерда, а теперь вынужденъ сложить къ Ольгерду свое крестное цѣлованіе и признать свою органическую принадлежность къ великорусскому великому княжеству, въ составѣ котораго занимаетъ онъ положеніе, близкое къ положенію серпуховскаго удѣльнаго князя, равнаго ему въ княжомъ братствѣ и подчиненіи великокняжескому старѣйшинству. Но живой, реальной остается еще политическая обособленность Тверского великаго княжества, «государства тверского», какъ будутъ говорить позднѣе. Договоръ 1375 года скорѣе только подготовлялъ и намѣчалъ, какъ задачу будущаго, прочное возстановленіе связи Тверского великаго княжества съ великорусскимъ великимъ княженіемъ, какъ части съ цѣлымъ, чѣмъ его осуществлялъ. Но принципіальная постановка требованія такой связи была крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ территоріально-политическаго самоопредѣленія Великороссіи, постепенно опредѣлявшей свой національно-политическій составъ [1]).

IV.

Въ тяжкую годину напряженной внѣшней и внутренней борьбы великорусская великокняжеская власть нашла въ митрополитѣ Алексѣѣ энергич-

---

[1]) Существенную черту этого договора составляетъ также включеніе Смоленскаго княжества въ сферу русскихъ земель, защита которыхъ—задача одиначества всѣхъ силъ великорусскаго великаго княжества: „а пойдутъ на насъ Литва или на смоленьского на князя на великого, или на кого на нашю братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами, всимъ съ одиного".

наго и даровитаго руководителя. Алексѣй явился на митрополичьей каѳедрѣ прямымъ продолжателемъ дѣятельности св. Петра и Ѳеогноста, углубляя связь церковно-политической работы митрополіи съ великокняжеской политикой московскихъ князей. Эта связь получила при немъ особенно яркую окраску, благодаря особенности его положенія, которое греки такъ изображали (очевидно, по сообщенію московскихъ пословъ): в. к. Иванъ Иванович «передъ своей смертью не только оставилъ на попеченіе этому митрополиту своего сына, нынѣшняго великаго князя всея Руси Дмитрія, но и поручилъ ему управленіе и охрану всего княжества, не довѣряя никому другому, ввиду множества враговъ внѣшнихъ, готовыхъ къ нападенію со всѣхъ сторонъ, и внутреннихъ, которые завидовали его власти и искали удобнаго времени захватить ее.» [1]). Традиціи владимірскаго митрополичьяго двора, сложившіяся еще во времена митр. Максима, окрѣпли и опредѣлились въ духѣ московской политики, когда на митрополію вступилъ питомецъ московскаго княжого двора и его боярской среды и воспитанникъ митр. Ѳеогноста. Личный отпечатокъ, наложенный на дѣятельность митр. Алексѣя его «стараніями сохранить (ввѣренное ему) дитя и удержать за нимъ страну и власть» [2]), придалъ лишь больше цѣльности осуществленію ея принціальной основы—борьбы за «приведеніе къ единству власти мірской» [3]) въ связи съ защитой единства русской митрополіи. А такая связь задачъ свѣтской власти съ церковно-политическими задачами митрополіи расширяла, въ значительной мѣрѣ, кругозоръ великокняжескаго правительства и содѣйствовала освѣщенію ея политики особой идеологіей. Митр. Алексѣю пришлось въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ XIV вѣка вести параллельно съ дѣлами, разыгрывавшимися на Руси, принципіальную борьбу съ литовскимъ врагомъ на византійской почвѣ. Въ 1370 и 1371 гг. между Русью и Константинополемъ шла оживленная переписка, въ которой митр. Алексѣй проводилъ весьма настойчиво опредѣленную тенденцію, исторически потому существенную, что за ней была значительная будущность въ исторіи московскихъ политическихъ теорій и воззрѣній.

Тенденція эта родилась въ полемикѣ, самозащитѣ и нападеніи. Двойственный характеръ дѣятельности митр. Алексѣя—политическаго дѣятеля и церковнаго іерарха—не могла не вызывать многихъ нареканій, тѣмъ болѣе, что іерархическая власть служила въ его рукахъ интересамъ свѣтской политики, какъ, напримѣръ, въ недавнемъ нижегородскомъ дѣлѣ. По смерти литовскаго митрополита Романа (въ концѣ 1361 г.) митр. Алексѣй

---

[1]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 30.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, № 33. Византійскія представленія о русскихъ дѣлахъ и о значеніи русской митрополіи въ политической жизни Руси, какъ онѣ выражены въ грамотахъ 1380-хъ годовъ (патр. Нила и Антонія), сложились, несомнѣнно, подъ вліяніемъ дѣятельности митр. Алексѣя.

достигъ возсоединенія митрополіи Кіевской и всея Руси [1]). Политическій вѣсъ его церковнаго авторитета получилъ сугубое значеніе не только для внутреннихъ дѣлъ сѣверной Руси, но и для ея западно-русскихъ отношеній. И митрополитъ Алексѣй сумѣлъ не только преодолѣть первоначальное недовѣріе патріархіи, какимъ сопровождалось его поставленіе на митрополію, но и пріобрѣсти значительное вліяніе на нее. Онъ внушилъ патріарху Филоѳею увѣренность, что высокое и властное положеніе русскаго митрополита отвѣчаетъ интересамъ патріархіи; патріархъ оказываетъ рѣшительную поддержку этому положенію, лишь настаивая на томъ, что въ немъ—отраженіе священнаго авторитета вселенскаго патріарха: «митрополитъ, мною поставленный, пишетъ патріахъ великому князю Дмитрію, носитъ образъ Божій и находится у васъ вмѣсто меня, такъ что всякій, повинующійся ему и желающій оказывать ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей мѣрности, и честь, ему воздаваемая, переходитъ ко мнѣ, а черезъ меня прямо къ самому Богу». Поэтому за дѣйствіями митрополта опора во всемъ авторитетѣ патріаршей власти: «кого митрополитъ благословитъ и возлюбитъ за что либо хорошее—за благочестіе и за послушаніе—, того и я имѣю благословеннымъ и Богъ также; напротивъ, на кого онъ прогнѣвается и наложитъ запрещеніе, и я также» [2]). Такая готовность патріарха поддержать дѣйствія митрополита всею силой своего авторитета получала совсѣмъ исключительное значеніе въ связи съ тѣмъ, что митрополичье благословеніе и запрещеніе стали на Руси немаловажнымъ орудіемъ политической борьбы. Въ грамотѣ къ Алексѣю патріархъ, выражая ему «любовь особенную и довѣренность отмѣнную», поощряетъ его обращеніе къ патріархіи не только о церковныхъ потребностяхъ, но и по государственнымъ дѣламъ, такъ какъ, по мысли патріарха, «великій и многочисленный народъ», который имѣетъ Алексѣя «общимъ отцомъ, учителемъ и посредникомъ передъ Богомъ» и «весь зависитъ» отъ него, требуетъ «великаго попеченія». До насъ не дошли грамоты, съ какими обращались къ патріарху в. к. Дмитрій и митр. Алексѣй по государственнымъ дѣламъ [3]), но содержаніе этого обращенія

---

[1]) Грамота патр. Филоѳея, которая подтверждаетъ постановленіе, „чтобы литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита кіевскаго“ (Р. И. Б., тамъ же, № 15; должна быть отнесена къ 1371 году и отражаетъ колебанія патр. Филоѳея, возникшія въ ту пору подъ давленіемъ протестовъ Ольгерда и Казиміра Великаго), сообщаетъ, что такъ было постановлено соборнымъ дѣяніемъ патр. Каллиста, очевидно, во второе его патріаршество, т. е. въ 1362 или 1363 году (до августа этого года).

[1]) Р. И. Б., тамъ же, № 16.

[2]) Тамъ же, № 17. Патр. Филоѳей пишетъ въ отвѣтъ на грамоту, которую привезъ ему митрополичій человѣкъ, Аввакумъ, и посылаетъ свои грамоты на Русь „по желанію и по просьбѣ“ в. к. Дмитрія.

указано въ патріаршей грамотѣ: митрополитъ и великій князь писали ему о русскихъ князьяхъ, нарушившихъ свои клятвы и мирныя условія.

Недавно закончилась борьба митр. Алексѣя и в. к. Дмитрія за великое княженіе Владимірское и всея Руси, закончилась приведеніемъ «въ свою волю» великаго князя—князей суздальскаго, ростовскаго, стародубскаго, галицкаго, бѣлозерскаго. Шла борьба съ Ольгердомъ, къ которому примкнули смоленскій князь Святославъ Ивановичъ и тверской Михаилъ Александровичъ; приходилось признать князя смоленскаго «однимъ человѣкомъ» съ в. к. Ольгердомъ, а тверского князя писать «въ имени» великаго князя литовскаго [1]). Назрѣвало новое столкновеніе съ Рязанью.

Великокняжеское правительство, руководимое митр. Алексѣемъ, стремилось наполнить реальнымъ политическимъ содержаніемъ традиціонное старѣйшинство великихъ князей «всея Руси»—«привести къ единству власть мірскую». Мѣстныя княжескія власти и, по крайней мѣрѣ, часть русскаго общества воспринимали эту тенденцію, какъ «посяганье» на обычную старину и пошлину, но возможна была ея защита, какъ укрѣпленія подлиннаго одиначества русскихъ князей «въ любви и докончаньи» подъ главенствомъ великаго князя всея Руси. Очевидно, что въ писаніяхъ къ патріарху великій князь и митрополитъ выступали защитниками союза князей въ подчиненномъ великокняжеской власти ихъ братскомъ одиначествѣ, которое закрѣплено договорными докончаніями и взаимнымъ крестоцѣлованіемъ, отъ непокорныхъ нарушителей. Патріархъ откликнулся, кромѣ отвѣтныхъ грамотъ великому князю и митрополиту, двумя другими грамотами, которыя обращены ко всѣмъ русскимъ князьямъ, такъ сказать—циркулярно. Одна изъ нихъ призывала князей Русской земли въ общихъ выраженіяхъ къ оказанію подобающаго уваженія, почтенія, послушанія и благопокоренія митрополиту, какъ представителю патріаршей пастырской власти, замѣстителю самого патріарха, «отцу и учителю душъ». Другая же дѣлаетъ изъ всѣхъ этихъ предпосылокъ практическій выводъ и даетъ имъ политическое примѣненіе. Патріархъ усвоилъ точку зрѣнія великокняжескаго правительства на обязательное княжое одиначество всѣхъ князей Русской земли, скрѣпленное договоромъ, «страшными клятвами и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго креста», однако—въ той спеціальной окраскѣ и въ томъ спеціальномъ примѣненіи, какое, очевидно, было ему подсказано московскимъ освѣщеніемъ русскихъ дѣлъ и отношеній. Содержаніе и цѣль союза всѣхъ русскихъ князей подъ главенствомъ великаго князя всея Руси въ дружной борьбѣ противъ «враговъ креста», чуждыхъ нашей вѣрѣ и «безбожно поклоняющихся огню», т. е. Литвы. Война в. к. Дмитрія съ Ольгердомъ представлена въ патріаршей грамотѣ самоотверженной борьбой за христіанскаго Бога, исполненіемъ обязанности «воевать за Него и поражать враговъ Его».

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I, № 31.

Но среди русскихъ князей нашлись такіе «презрители и нарушители заповѣдей Божіихъ и своихъ клятвъ и обѣщаній», которые соединились съ «нечестивымъ» Ольгердомъ противъ великаго князя Дмитрія. За это, сообщаетъ патріаршая грамота, митрополитъ наложилъ на нихъ отлученіе отъ церкви, и патріархъ не только подтверждаетъ это отлученіе, «такъ какъ они дѣйствовали противъ христіанскаго общежитія», но требуетъ, чтобы отлученные князья заслужили прощеніе митрополита и примиреніе съ Церковью общимъ ополченіемъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, на «враговъ креста»—великаго князя Ольгерда и литовцевъ [1]). По этой общей грамотѣ составлена и особая—смоленскому князю Святославу Ивановичу, которая внушаетъ ему, что его союзъ съ Ольгердомъ противъ в. к. Дмитрія есть «тяжкій грѣхъ противъ своей вѣры и своего христіанства», и призываетъ его къ искреннему покаянію и исправленію передъ митрополитомъ [2]).

Византійская школа усвоена митр. Алексѣемъ и использована имъ. Идея «священной христіанской политіи», противъ которой, по словамъ патріаршей грамоты, князья союзники Ольгерда такъ тяжко согрѣшили, что заслужили отлученіе, использована для освященія московской политики: православная Русь—часть этого политическаго тѣла Церкви, власть великаго князя всея Руси и русскаго митрополита—органы его устроенія и защиты.

Что источникъ всего идейнаго содержанія грамотъ патр. Филоѳея, поскольку оно тутъ примѣнено къ русскимъ дѣламъ, въ грамотахъ и внушеніяхъ митр. Алексѣя, ясно изъ того перелома въ отношеніи патріарха къ русскому митрополиту, какой произошелъ въ ближайшее послѣдующее время.

Выступленіе патр. Филоѳея противъ князей, союзниковъ Ольгерда, вызвало рѣзкую отповѣдь литовскаго великаго князя [3]). Обвиненіямъ, какія выдвинулъ противъ него митр. Алексѣй, Ольгердъ противопоставляетъ обвиненіе великорусскаго великокняжескаго правительства въ нарушеніи мира, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ, предательскомъ захватѣ его шурина тверского великаго князя Михаила, отнятіи владѣній у его зятя Бориса нижегородскаго, нападеніи на другого его зятя, новосильскаго князя; Ольгердъ обвиняетъ митрополита въ томъ, что тотъ «благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови», а слугъ литовскаго великаго князя, которые нарушили крестное цѣлованіе и перешли на московскую сторону, какъ князья козельскій и вяземскій, освобождаетъ отъ данной и нарушенной клятвы; упрекаетъ Ольгердъ и патріарха за то, что дѣлаетъ это Алексѣй съ патріаршаго благословенія. Общей тенденціи патріаршихъ грамотъ

---

[1]) Р. И. Б., тамъ же, №№ 18 и 20. Обѣ грамоты въ подлинникѣ скрѣплены собственноручною надписью патр. Филоѳея: „мѣсяца іюня, индикта 8“.

[2]) Тамъ же, № 21.

[3]) Тамъ же, № 24.

грамота Ольгерда противопоставляетъ утвержденіе, что митрополиту слѣдовало бы благословить москвитянъ на помощь Литвѣ въ войнѣ съ нѣмцами. А заканчиваетъ жалобой, что западная Русь заброшена митрополитомъ, и требуетъ отъ патріарха поставленія для нея другого митрополита «на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ» [1]).

Еще существеннѣе для патріархіи были протесты противъ сохраненія исконнаго единства русской митрополіи съ другой стороны. Польскій король Казиміръ обратился, въ ту же пору, къ патріарху съ требованіемъ поставить особаго митрополита на Галицкую митрополію, такъ какъ «Малая Россія», состоящая подъ властью польскаго короля, «гибнетъ нынѣ безъ закона», и добавилъ угрозу, что отказъ заставитъ его «крестить русскихъ въ латинскую вѣру» [2]).

Прибыло въ Константинополь и посольство отъ тверского великаго князя Михаила съ жалобами на митр. Алексѣя и требованіемъ суда надъ нимъ. Митрополичье отлученіе поразило и в. к. Михаила и его братью, тверскихъ князей, и епископа тверского Василія [3]). Политическая борьба на

---

[1]) Датировка этой грамоты у П. П. Соколова („Русскій архіерей изъ Византіи“, стр. 401) „между іюнемъ и декабремъ 1370 года“ основана на ошибочномъ представленіи, что въ декабрѣ 1370 г. былъ заключенъ „вѣчный миръ“ между Литвой и Москвой, но, по существу, пріемлема, такъ какъ писана она сгоряча въ отвѣтъ на недошедшее до насъ патріаршее посланіе къ Ольгерду (упоминаніе о немъ—Р. И. Б., тамъ же, ст. 145—146), одновременное съ другими (іюньскими) грамотами этого года. Дата „Памятниковъ канонической права“—1371 г., основанная на положеніи документа въ сборникѣ патріаршихъ грамотъ, изданномъ Миклошичемъ и Мюллеромъ, послѣ акта отъ мая 1371 г., можетъ указывать на время полученія въ Константинополѣ грамоты, которая, вѣроятно, и послана была по возвращеніи Ольгерда изъ русскаго похода. Патріаршая грамота могла только масла подлить въ огонь русско-литовской вражды. Отвѣтъ Ольгерда не даромъ поражаетъ П. П. Соколова „своею необдуманностью“: фантастично очерчены размѣры будущей митрополіи („сфера вліянія Литвы“), причемъ нѣсколько странно отсутствіе притязанія на Новгородъ и Псковъ; крайне грубый тонъ придаетъ ея тексту характеръ не дипломатической ноты, а темпераментальной выходки.

[2]) Р. И. Б., тамъ же, № 22; Казиміръ Великій умеръ къ концу 1370 года.

[3]) Р. И. Б., тамъ же, № 26, 27, 28. В. к. Михаилъ и тверскіе князья просили патріарха снять съ нихъ наложенную митрополитомъ эпитемью, но патріархъ не нашелъ возможнымъ исполнить это, а потребовалъ отъ митр. Алексѣя снятія отлученія, пока не свершится патріаршій судъ (въ греческомъ текстѣ слово „ихъ“—тѣхъ, кого надлежало Алексѣю разрѣшить, относится не къ людямъ тверского князя которые пойдутъ съ послами митрополита на судъ патріарха, а къ князьямъ, чьи „люди ихъ“ составятъ это посольство отъ Твери; русскій переводъ далъ тексту иной смыслъ—тамъ же, ст. 151—152). О времени этого отлученія см. у П. П. Соколова, указ. соч., стр. 406; тутъ же примѣчаніе, гдѣ запрещеніе, наложенное на еп. Василія, поставлено въ связь съ столкновеніемъ между нимъ и княземъ Васи-

Руси чрезмѣрно подчиняла себѣ церковныя отношенія; митр. Алексѣй отождествилъ вѣрность Церкви съ вѣрностью крестоцѣловальному признанію власти в. к. Дмитрія.

Передъ патріархомъ раскрылась такая связь и западно-русской и великорусской политики Москвы съ церковными отношеніями русской митрополіи, которая и его сдѣлало орудіемъ этой политики. А подобная роль грозила компрометировать патріаршій авторитетъ не только въ Литовско-русскомъ государствѣ, но во всей сферѣ литовскаго вліянія, не говоря уже объ угрозѣ польскаго короля разорвать связи его русскихъ владѣній съ восточной церковью.

Патр. Филоѳей—въ маѣ 1371 года—утвердилъ соборное дѣяніе о поставленіи на галицкую митрополію королевскаго кандидата еп. Антонія съ передачей въ его управленіе владимірской, перемышльской, туровской и холмской епархій, т. е. владѣній польскаго короля, а затѣмъ—въ августѣ—обратился къ митр. Алексѣю съ посланіемъ, гдѣ сообщалъ о поступившихъ на него обвиненіяхъ: митрополитъ «утвердился на одномъ мѣстѣ», а «всѣ прочія оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и безъ духовнаго надзора»—не посѣщалъ Малороссіи втеченіе ряда лѣтъ [1]). Осудилъ патріархъ и «соблазнительные раздоры съ тверскимъ княземъ Михаиломъ» [2]). Патріархъ сообщалъ митрополиту о назначеніи Антонія на малорусскую митрополію и звалъ его на судъ—либо лично, либо черезъ присланныхъ въ Константинополь митрополичьихъ бояръ [3]). Рѣшившись на такой шагъ, патріархъ дѣйствовалъ, однако, съ большой осторожностью, избѣгая столкновенія съ обѣими сторонами и подчиненія своихъ дѣйствій одной изъ нихъ [4]); его грамоты митр. Алексѣю—излагаютъ обвиненіе въ

ліемъ кашинскимъ, союзникомъ Москвы. Василій, вѣроятно, сыгралъ роль въ поддержкѣ захвата Михаиломъ великаго княженія и освобожденіи его отъ крестного цѣлованія в. к. Дмитрію.

[1]) Р. И. Б., тамъ же, № 23 и 25.

[2]) Тамъ же, № 28.

[3]) Тамъ же, № 26; требованіе на судъ представителей тверского князя въ грамотѣ № 27.

[4]) Въ грамотѣ къ митр. Алексѣю патріархъ категорично сообщаетъ, что отдалъ Антонію Галичь и малорусскія епископіи польскаго владѣнія; но въ соборномъ дѣяніи подчеркнуто, что передача этихъ епархій сдѣлана „въ видѣ придачи“ къ галицкой епархіи, до тѣхъ поръ пока прекратятся нынѣ происходящія тамъ смуты и не настанетъ миръ и конецъ соблазнамъ; „временность“ передачи (подчеркнутая издателемъ въ русскомъ переводѣ—ст. 132) характерная черта политики патріарха, избѣгавшаго непоправимыхъ шаговъ. Къ этой порѣ надо отнести грамоту патр. Филоѳея, которой было добились послы митр. Алексѣя, о подтвержденіи имъ соборнаго дѣянія патр. Каллиста, но патріархъ не утвердилъ ея, а призналъ это (свое) дѣяніе „отмѣненнымъ и недѣйствительнымъ“, хотя она уже была внесена въ кодексъ соборныхъ актовъ. (Р. И. Б. тамъ же, ст. 98).

тонѣ самооправданія патріарха, а судъ, которому и срокъ былъ назначенъ, въ концѣ концовъ не состоялся. Въ Москвѣ не приняли формальнаго патріаршаго суда, а ходъ событій привелъ къ крушенію литовскій и тверской натискъ на московско-владимірское великое княженіе. Повидимому, сообщенія патріаршаго посла [1]), отправленнаго на Русь къ митрополиту, выяснили патріарху реальное соотношеніе боровшихся силъ, съ которымъ приходилось считаться. Патріархъ круто мѣняетъ тонъ, не настаиваетъ больше на явкѣ сторонъ къ суду, а посылаетъ митр. Алексѣю и в. к. Михаилу грамоты, призывающія ихъ къ примиренію, предлагаетъ даже посредничество между ними своего посла-представителя, пребывавшаго у митрополита на Руси; в. к. Михаилъ получаетъ теперь прямой совѣтъ просить у митрополита прощенія и строгое внушеніе о храненіи крестнаго цѣлованія. Патріархіи пришлось удовольствоваться новыми объясненіями и оправданіями митр. Алексѣя, который опровергалъ обвиненія польскаго короля и литовскаго великаго князя—указаніемъ на непреклонную вражду Ольгерда, которая лишала его возможности лично посѣщать Кіевъ и западныя епархіи, а источникомъ имѣла защиту Великороссіи отъ стремленія Ольгерда «пріобрѣсти себѣ власть и въ Великой Руси» [2]).

Патріархъ отступилъ—на время. Но его отношеніе къ дѣятельности митр. Алексѣя въ корень иное. Онъ и теперь настойчиво ставитъ Алексѣю на видъ, что тотъ посвященъ въ митрополиты «не одной какой либо части, но всей Руси» и обязанъ относиться ко всѣмъ князьямъ Русской земли съ равною пастырской любовью, а не такъ, чтобы «однихъ изъ нихъ любить, какъ своихъ сыновъ», а другихъ нѣтъ; такъ же, съ полнымъ безпристрастіемъ между Москвой и Литвой призываетъ патріархъ Алексѣя относиться къ обоимъ великимъ князьямъ, примириться съ Ольгердомъ, чтобы открыть себѣ доступъ къ попеченію о западно-русской церкви и «христоименитомъ народѣ господнемъ», который состоитъ подъ властью литовскаго великаго князя [3]). Не только изъ западной Руси, но также изъ Византіи подымались вѣянія, противныя превращенію Кіевской митрополіи

---

[1]) Іоанна Докіана, довѣреннаго лица при патр. Филоѳеѣ.

[2]) Р. И. Б., тамъ же, № 30 (ст. 167—168).

[3]) Р. И. Б., тамъ же, № 28. При патріаршемъ дворѣ сложилась и осталась та суровая оцѣнка дѣятельности митр. Алексѣя, какую находимъ, напримѣръ, въ соборномъ дѣяніи 1389 года (тамъ же, № 33): облеченный саномъ митрополита, киръ Алексѣй „сталъ не одинаково относиться ко всѣмъ князьямъ и не о всѣхъ равно заботиться, какъ бы слѣдовало имѣющему о всѣхъ дать отвѣтъ въ день суда, но къ однимъ показывалъ отвращеніе, а къ другимъ расположеніе“, а когда сталъ опекуномъ в. к. Дмитрія, то „весь предался этому дѣлу и презрѣлъ божественные законы и постановленія, принявъ на себя, вмѣсто пасенія и поученія христіанъ, мірское начальствованіе, вслѣдствіе чего, призванный учить миру и согласію, вовлеченъ былъ въ войны, брани и раздоры“ (ст. 197—198).

и всея Руси въ національное великорусское учрежденіе, опору великорусской великокняжеской власти и орудіе ея мірской политики. Эти вѣянія восторжествуютъ при преемникахъ Алексѣя въ связи съ общимъ ходомъ политической жизни Восточной Европы, до тѣхъ поръ, когда окончательная побѣда національнаго характера русской церкви и ея митрополіи не закрѣпится канонизаціей памяти св. Алексѣя по почину воспріемника его завѣтовъ митр. Іоны.

«Вѣчный миръ» между великими князьями Ольгердомъ и Дмитріемъ и мирное докончаніе съ Дмитріемъ тверского великаго князя, казалось, должны были завершить весь этотъ церковно-политическій эпизодъ. Однако, в. к. Ольгердъ не могъ примириться съ положеніемъ русской церкви въ подвластныхъ ему земляхъ, и дѣло объ отношеніи митр. Алексѣя къ западно-русскимъ епархіямъ вскорѣ поднялось съ новой силой, при обстоятельствахъ, которыя указаны въ нашихъ источникахъ только весьма глухими намеками. Повидимому, Ольгердъ использовалъ ту постановку вопроса, какую находимъ въ примирительныхъ грамотахъ патр. Филоѳея для предъявленія Алексѣю рѣшительныхъ требованій: прибыть въ Кіевъ на постоянное пребываніе или согласиться на избраніе для кіевской митрополіи особаго пастыря [1]). Отказъ митр. Алексѣя далъ поводъ для новыхъ жалобъ и домогательствъ при патріаршемъ дворѣ. Патр. Филоѳей отправилъ на Русь довѣреннаго инока Кипріана для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Противорѣчивыя показанія позднѣйшихъ дѣяній патріаршаго собора до крайности затрудняютъ не только правильное освѣщеніе, но и фактическое представленіе того, что затѣмъ произошло.

Прежній представитель патр. Филоѳея на Руси—Іоаннъ Докіанъ поѣхалъ въ Москву и тамъ, повидимому, легко поддался вліянію митр. Алексѣя. Теперь патріаршій легатъ ѣдетъ на Литву и оттуда ведетъ сношенія съ митр. Алексѣемъ. Западно-русскіе князья отправили, по его почину, пословъ къ митрополиту, обѣщая прекратить раздоры и признавать его своимъ

---

[1]) Все дальнѣйшее дѣло о русской митрополіи изложено въ двухъ соборныхъ дѣяніяхъ—патр. Нила (1380 г.), благопріятномъ для митр. Алексѣя, и патр. Антонія, рѣзко ему враждебномъ (1389 г.)—Р. И. Б., тамъ же, №№ 30 и 33. О требованіяхъ Ольгерда говоритъ первое изъ нихъ, но называетъ приглашеніе Ольгердомъ Алексѣя въ Кіевъ „лицемѣрнымъ“; это дѣяніе явно повторяетъ доводы и объясненія Алексѣя. Возможно, что обращеніе Ольгерда къ митрополиту ставило вопросъ ребромъ, чтобы вызвать его на отказъ. Дѣяніе 1389 г. представляетъ дѣло такъ, что литовско-русскіе князья на призывъ патріарха къ примиренію, „изъявили готовность принять митрополита“, но Алексѣй „совершенно отказался отъ примиренія, ни во что поставивъ патріаршія грамоты“ (ст. 197—200). Дѣяніе 1380 г. оправдываетъ Алексѣя, такъ какъ онъ отвергъ приглашеніе сдѣланное „съ коварной цѣлью“ и „безъ всякой настоятельной нужды“; а по этому поводу „сплетены были обвиненія противъ митрополита“; дѣяніе 1389 г. настаиваетъ на томъ, что Алексѣй пренебрегъ патріаршими грамотами.

пастыремъ, а Кипріанъ убѣдилъ Алексѣя пріѣхать въ Кіевъ. Но сборы митрополита въ эту поѣздку были прерваны и сама поѣздка не состоялась послѣ свиданія митрополита съ литовскимъ посломъ, такъ какъ Алексѣй «патріаршія наставленія и упомянутаго посла призналъ враждебными себѣ и совершенно отказался отъ поѣздки къ нимъ» [1]). Тогда поднялись съ новою силой жалобы и обвиненія противъ митр. Алексѣя съ цѣлью добиться поставленія особаго митрополита на Кіевъ. Западно-русскіе князья, съ в. к. Ольгердомъ во главѣ, рѣшили не принимать митр. Алексѣя, если-бы онъ и захотѣлъ пріѣхать въ Кіевъ, и послали патріарху грамоту о поставленіи имъ другого архіерея. Кандидатъ былъ у нихъ пріемлемый для Византіи— Кипріанъ. Мотивировка ходатайства должна была, конечно, содержать рядъ обвиненій противъ митр. Алексѣя [2]): для этого предыдущая переписка накопила достаточный матеріалъ. Политическая невозможность согласовать дѣятельность митр. Алексѣя съ его призваніемъ, какъ митрополита «всея Руси», была слишкомъ очевидна. Патріархія уступила настояніямъ свѣтскихъ властей Литовско-русскаго государства, и 2 декабря 1375 года Кипріанъ посвященъ на Кіевскую и Литовскую митрополію [3]). Но поставленіе это не означало раздѣленія митрополіи на двѣ особыхъ: патріархія подтвердила, что на Руси долженъ быть одинъ митрополитъ, какъ требуется

---

[1]) Такъ въ дѣяніи 1389 г. (тамъ же, ст. 201—202); дѣяніе 1380 г. приписываетъ отказъ Алексѣя интригѣ Кипріана, который отговорилъ его отъ поѣздки, увѣряя, что берется все уладить (ст. 171—172). Надо полагать, что оба дѣянія основываются на показаніяхъ, съ одной стороны, Алексѣя, съ другой, литовцевъ и Кипріана. При различіи толкованія фактовъ и ихъ освѣщенія, можно, однако, такъ понять, что литовско-русскіе послы поставили митр. Алексѣю непріемлемыя условія, напримѣръ, возвращеніе постоянной резиденціи въ Кіевъ, а Кипріанъ далъ Алексѣю поводъ думать, что выяснитъ дѣло передъ патріархомъ, который, требуя отъ него дѣятельнаго пастырства въ западной Руси, не подымалъ вопроса о резиденціи. П. П. Соколовъ осложняетъ свое изложеніе этого дѣла рядомъ недоказуемыхъ предположеній (напр. о намѣстничествѣ Митяя, какъ доказательствѣ, что Алексѣй собирался въ Кіевъ надолго, объ „упраздненіи“ и „возстановленіи“ Суздальской епархіи).

[2]) Дѣяніе 1389 г. сообщаетъ, что патріархъ еще разъ обращался къ митр. Алексѣю съ требованіемъ примиренія съ западно-русскими князьями и поѣздки (или переѣзда?) въ Кіевъ, но что митрополитъ даже не отвѣтилъ на его грамоту (ст. 201—202). Дѣяніе 1380 г. обвиняетъ Кипріана въ домогательствѣ низложенія митр. Алексѣя и сообщаетъ, что на Русь были отправлены отъ патріарха церковные сановники, уполномоченные произвести дознаніе о жизни митрополита, и что ихъ донесеніе выяснило пустоту и несостоятельность обвиненій (ст. 171—174). Ср. въ Никоновской подъ 6884 (1376) г.: „пріидоша изо Царяграда два нѣкая протодіакона, сановника суща, единому имя Георгій, а другій Иванъ“ (П. С. Р. Л. т. XI, стр. 25); странное поясненіе „сановника суща“ повторяетъ слова дѣянія 1380 г. о „церковныхъ сановникахъ“. Эти „сановники“ поѣхали на Русь вмѣстѣ съ поставленнымъ на митрополію Кипріаномъ.

[3]) Относительно даты см. у П. П. Соколова (указ. соч.), стр. 451—452.

«и правомъ, и пользой, и обычаемъ», а чтобы такое «древнее устройство сохранилось и на будущее время», постановила, что митр. Кипріанъ получитъ, послѣ кончины митр. Алексѣя, всю русскую митрополію [1]).

Эти постановленія весьма характерны. Патріаршая власть подлинно дорожитъ единствомъ русской митрополіи: въ этомъ единствѣ нужная для интересовъ патріархіи гарантія противъ рѣшительной національзаціи русской церкви и ея подчиненія свѣтскимъ властямъ великорусскаго и литовскаго великихъ княженій. Митрополитъ всея Руси, равно относящійся къ политическимъ интересамъ Москвы и Литвы, а потому болѣе независимый въ своей церковно-политической дѣятельности отъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, представлялся патріаршей власти лучшей опорой ея «вселенскаго» авторитета. И Константинополь сумѣлъ провести на русскую митрополію людей, которые пойдутъ не по стопамъ митр. Алексѣя, а по тому пути компромисса между московско-владимірской митрополіей и ея значеніемъ какъ «Кіевской и всея Руси», какой былъ предуказанъ еще въ послѣднихъ грамотахъ патріарха Филоѳея.

Политическія обстоятельства Восточной Европы за полъ-столѣтія—въ

---

[1]) Въ этомъ согласны оба дѣянія (ст. 171—172 и 203—204). Иначе понялъ дѣло Голубинскій (т. II, ч. I, стр. 212—214). Но дѣяніе 1380 г. согласно съ дѣяніемъ 1389 г., когда сообщаетъ, что Кипріанъ овладѣлъ „одной частью церкви еще при жизни митрополита“ и получилъ, сверхъ того, „такое соборное дѣяніе, чтобы ему не упустить и другой части“. Иное дѣло приписываемое Кипріану домогательство низложенія Алексѣя, причемъ текстъ дѣянія 1380 г. указываетъ, повидимому, на то, что мотивомъ, кромѣ какихъ-то обвиненій, былъ выставленъ престарѣлый возрастъ митр. Алексѣя. „Дознаніе о жизни“ митр. Алексѣя, произведенное патріаршими уполномоченными, устранило это домогательство. До ихъ доклада патріаршему собору, подтвержденнаго и показаніями „многихъ другихъ, пришедшихъ оттуда людей“ (пословъ изъ Москвы?), вопросъ о времени, когда Кипріанъ станетъ митрополитомъ „всея Руси“ оставался формально открытымъ. Ср. П. П. Соколова, указ. соч., стр. 452—455.

По нашимъ лѣтописнымъ сводамъ Кипріанъ, водворившись на западно-русской митрополіи, сдѣлалъ попытку сразу подчинить себѣ Новгородъ, но получилъ тутъ въ отвѣтъ указаніе на Москву: Новгородъ признаетъ его, когда онъ станетъ митрополитомъ на всей Руси (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 25; новгородскій отвѣтъ приведенъ тутъ въ такой формѣ: „шли къ великому князю на Москву и аще тя приметъ митрополитомъ на Русь, то и намъ еси митрополитъ“, а затѣмъ слѣдуетъ замѣчаніе: „слышавъ же митрополитъ отвѣтъ новгородцкій и не посла къ великому князю на Москву“: поправка Голубинскаго, указ. соч., стр. 214, примѣчаніе, не нужна). Утвержденіе Никоновской (т. XI, стр. 25), что Кипріанъ, пріѣхавъ на Русь, только непринятый в. к. Дмитріемъ „поиде съ Москвы въ Кіевъ и тамо живяше“—противорѣчитъ всѣмъ другимъ даннымъ и есть простое редакціонное недоразумѣніе (ср. „на Русь“ и „съ Москвы“: въ источникѣ свода, навѣрное, не было „съ Москвы“, а иначе былъ бы отмѣченъ и самый фактъ пріѣзда Кипріана на Москву). Наибольшее, что можно допустить, это что Кипріанъ пытался пріѣхать самъ въ Москву съ цареградскими слѣдователями, но не былъ до этого допущенъ.

послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIV-го и первыхъ XV-го вѣка—создали условія, благопріятныя для такого отклоненія сѣверной митрополіи отъ традиціи, сложившейся при первыхъ ея представителяхъ. Этотъ переломъ вызвалъ тяжкую церковную смуту, которая разыгралась послѣ кончины митр. Алексѣя (умеръ 12 февраля 1378 г.), а опредѣлился въ общихъ условіяхъ политической жизни Великороссіи, созданныхъ, послѣ смерти Ольгерда (1377 г.) и митр. Алексѣя, началомъ прямой борьбы Великороссіи съ татарщиной, возвышеніемъ и политикой Витовта.

V.

Предыдущія страницы имѣли задачей нѣсколько выяснить крупное значеніе митр. Алексѣя въ постепенномъ развитіи національно-политической идеологіи изъ тѣхъ скромныхъ ея зачатковъ, какіе заложены въ построеніи митрополичьяго «общерусскаго» лѣтописнаго свода начала XIV вѣка. Попытка осмыслить задачи текущей политической борьбы средневѣковой теоріей «христіанскаго общежитія» и войны съ «врагами креста», освѣтить ею сложившіяся отношенія и тенденціозно ее использовать для интересовъ великорусской великокняжеской власти—практически сорвалась послѣ временнаго успѣха, но оставила глубокій слѣдъ въ дальнѣйшемъ ходѣ московской публицистической мысли. Она имѣла на русской почвѣ слишкомъ глубокіе корни, чтобы пройти безслѣдно. Борьба съ Литвой, столь обострившаяся съ конца шестидесятыхъ годовъ XIV вѣка, принимала въ настроеніи русскихъ людей все болѣе опредѣленный характеръ національной борьбы и получила въ грамотахъ митр. Алексѣя вѣроисповѣдную окраску, которая углубляла боевое настроеніе великокняжеской политики и подводила подъ притязанія великокняжеской власти на руководство судьбами Великороссіи широкое принципіально-идейное основаніе. Кругъ представленій, въ рядъ которыхъ вводилась эта борьба подобной идеологіей, выводилъ великокняжескую политику на историческую сцену, значительно болѣе широкую, чѣмъ предѣлы великорусскаго политическаго мірка, и, что для даннаго момента было особенно существенно, ставилъ передъ западно-русскимъ православнымъ обществомъ острый вопросъ, гдѣ ему видѣть центръ своей національной жизни—въ Литвѣ или въ Москвѣ. Конечно, нѣтъ и повода говорить о сознательной, отчетливой постановкѣ такого вопроса въ сколько-нибудь общей формѣ. Но рядъ характерныхъ фактовъ исторіи отношеній между Литовско-русскимъ государствомъ и Великороссіей свидѣтельствуетъ о такихъ колебаніяхъ западно-русскихъ политическихъ силъ между Москвой и Литвой, которыя дѣлаютъ и для даннаго времени понятнымъ позднѣйшее предостереженіе Казиміра, короля польскаго и великаго князя литовскаго, своей литовской радѣ, чтобы она поменьше разсчитывала на русскихъ Литовско-русскаго государства, такъ

какъ должна сознавать, насколько тѣ враждебны литвинамъ и готовы содѣйствовать не столько побѣдѣ литовцевъ, сколько ихъ гибели, въ случаѣ войны съ Москвой [1]).

Исходъ семидесятыхъ годовъ—послѣ смерти Ольгерда—принесъ Литовскому великому княжеству время смутъ и внутренняго ослабленія. Въ средѣ литовскихъ князей возникли крупные раздоры изъ за передачи Ольгердомъ ядра своихъ владѣній—Виленской области и бѣлорусскихъ земель—сыновьямъ отъ второй жены, Ягайлу съ братьями, а съ Виленскимъ столомъ и связаннаго съ нимъ старѣйшинства въ князьяхъ Гедиминова рода. Старшіе Гедиминовичи поднялись на Ягайла. Андрей Ольгердовичъ, бывшій псковской князь отъ руки Ольгерда, ушелъ изъ Полоцка во Псковъ, и псковичи приняли его на княженіе по крестоцѣлованію; но, на этотъ разъ, князь Андрей поѣхалъ изъ Пскова къ в. к. Дмитрію Ивановичу на Москву и тотъ «принялъ его въ любовь» [2]). Нѣсколько лѣтъ княжилъ Андрей во Псковѣ подручникомъ великорусскаго великаго князя. Разсчетъ на союзниковъ среди литовскихъ князей поднялъ в. к. Дмитрія на войну. Въ 1379 г. его полки идутъ съ князьями Владиміромъ Андреевичемъ и Андреемъ Ольгердовичемъ на Сѣверскую землю, а князь Дмитрій Ольгердовичъ «не ста противу на бой», но выѣхалъ изъ своего Трубчевска съ семьей и боярами и поѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ «съ любовью» и получилъ въ держаніе Переяславль «со всѣми пошлинами» [3]). Обрусѣлые литовскіе князья искали въ Москвѣ опоры для возврата своихъ княженій, разсчитывали на великорусскую помощь въ борьбѣ съ Ягайломъ. Но ожиданіе, что походъ 1379 года станетъ началомъ большой войны на западной границѣ, не оправдалось. Накоплявшаяся съ начала семидесятыхъ годовъ гроза новаго татарскаго нашествія готова была разразиться, и задачи ея отраженія поглотили русскія силы. Но положеніе на западѣ оставалось весьма напряженнымъ. Оно было одинаково опаснымъ для обѣихъ сторонъ. Вынужденный миръ Твери съ в. к. Дмитріемъ не могъ не внушать опасеній, что его сила и значеніе только и держатся, пока новый подъемъ борьбы не дастъ в. к. Михаилу Александровичу повода вырваться изъ условій договора 1375 года; съ Новгородомъ у Дмитрія было «розмирье», которое ликвидировано только въ началѣ 1380 г. [4]). А Рязанская и Нижегородская украйны—подавлены ря-

---

[1]) Длугошъ, Сочиненія, изд. Пшездѣцкаго, т. XIV, стр. 698.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 193; т. V, стр. 237; т. VIII, стр. 33.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 34.

[4]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 75; т. V, стр. 238; Новг. I, стр. 367; во всѣхъ сводахъ въ началѣ извѣстій за 6888 (1379—1380 г.) о посылкѣ къ в. к. Дмитрію изъ Новгорода владыки Алексѣя, бояръ и житьихъ людей: „князь же прия ихъ въ любовь, а къ Новугороду крестъ цѣловалъ на всей старинѣ Новгородской и на старыхъ грамотахъ“; время: „за недѣлю до цвѣтной недѣли“, т. е. 11 марта 1380 г., послы выѣхали изъ Новгорода.

домъ татарскихъ нападеній [1]). В. к. Дмитрій Ивановичъ не владѣлъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ всѣми силами Великороссіи, и только внутреннее ослабленіе Литовскаго великаго княжества не только спасало его отъ обостренія литовской опасности, но дало ему существенную поддержку части литовско-русскихъ князей въ моментъ столкновенія съ Мамаемъ. Съ другой стороны, переходъ двухъ Ольгердовичей на московскую сторону долженъ былъ тревожить Ягайла, какъ проявленіе характернаго колебанія между Москвой и Литвой всей Чернигово-сѣверской украйны. Если припомнить, что враждебенъ Ягайлу былъ и другой Дмитрій Ольгердовичъ—Корибутъ новгородъ-сѣверскій, что его великокняжеская власть не была признана волынскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и подольскими Коріатовичами—понятна будетъ значительность московской опасности для в. к. Ягайла. Въ годину внутреннихъ раздоровъ за русскими восточными областями Литовскаго государства стояло великорусское великое княжество, готовое, по мѣрѣ силъ, на поддержку всѣхъ элементовъ, недовольныхъ виленской властью, и къ захвату владѣній, которыя старой традиціей связаны съ великимъ княженіемъ всея Руси.

Внутреннія отношенія обоихъ великихъ княжествъ тѣсно сплетались съ ихъ внѣшнимъ соперничествомъ и застарѣлой враждой; московско-литовская борьба неразрывно связана съ собственной работой каждаго изъ нихъ надъ внутреннимъ политическимъ строительствомъ, что и дѣлало эту борьбу тяжкимъ, но неизбѣжнымъ факторомъ ихъ территорьяльнаго и національнаго самоопредѣленія.

Сложными нитями сплеталась эта борьба и съ отношеніями къ татарамъ. Общій врагъ не объединилъ противъ себя усилій великихъ княжествъ литовскаго и великорусскаго. Въ былое время «русскій улусъ» татарскихъ хановъ находилъ, по временамъ, поддержку и защиту отъ Литвы въ татарской силѣ. Теперь назрѣла борьба между Русью и Ордой. Почти непрерывныя смуты, пережитыя Золотой Ордой, подорвали ея властное положеніе и создали въ татарскомъ мірѣ анархію, которая тяжко отразилась на великорусскихъ украйнахъ и заставила великокняжескую власть стать въ боевое оборонительное положеніе и собраться съ силами для организаціи защиты Великороссіи отъ хищническихъ набѣговъ. Великокняжеское войско поддерживаетъ нижегородскую оборону и наступленіе въ Поволожье, ведетъ оборону по линіи Оки. Рядъ столкновеній съ татарской силой велъ неизбѣжно къ болѣе опасному разрыву съ Золотой Ордой.

Въ ордынской замятнѣ росло съ начала шестидесятыхъ годовъ значеніе темника Мамая. Въ «Мамаевой Ордѣ» получалъ тверской в. к. Михаилъ ярлыкъ на Владимірское великое княженіе; «Мамаевы татары» громили земли Рязанскую и Нижегородскую. Распоряжаясь ханскимъ престо-

---

[1]) См. выше, стр. 238 и 273—274.

ломъ, темникъ Мамай правилъ Ордой, пока самъ не сталъ полновластнымъ ханомъ. Но смуты и въ Ордѣ и на Руси долго не давали ему возможности установить опредѣленныя и властныя отношенія къ русскому улусу. Когда в. к. Дмитрій въ 1371 году ѣздилъ къ «царю Мамаеву», въ «орду Мамаеву» и почтилъ дарами и покорностью «князя Мамая и царя и царицы и князи», онъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе на льготныхъ, умѣренныхъ условіяхъ. Окрѣпши въ своей силѣ и власти, ханъ Мамай былъ недоволенъ «выходомъ», какой былъ установленъ его докончаніемъ съ в. к. Дмитріемъ, «какъ рядъ былъ съ нимъ» [1]), да и эту дань едва-ли онъ получалъ послѣ 1373 года, когда в. к. Дмитрію удалось разорвать союзъ Твери съ Ордой и Литвой. Изъ году въ годъ идутъ указанія на «розмирье» Руси съ Мамаемъ [2]), разразившееся, наконецъ, боями на рѣкѣ Вожѣ и на Куликовомъ полѣ. Послѣ пораженія князя Бегича на р. Вожѣ стало незбѣжнымъ рѣшительное столкновеніе; насталъ и удобный моментъ для новой попытки осуществить татарско-литовскій союзъ противъ Москвы, намѣченный еще Ольгердомъ. Ханъ Мамай собралъ въ походъ ордынскія силы, а сношенія его съ Ягайломъ установили союзное выступленіе обоихъ враговъ Москвы. Къ в. к. Дмитрію явились ханскіе послы, требуя возстановленія прежняго размѣра татарскаго «выхода», какой былъ при ханахъ Узбекѣ и Джанибекѣ, взамѣнъ опредѣленнаго позднѣйшимъ «докончаніемъ». Но, надо полагать, борьба оружіемъ была, во время этихъ переговоровъ, рѣшеннымъ дѣломъ, особенно, со стороны враговъ Москвы: и для Мамая, и для Ягайла было существенно важно нанести ей рѣшительный ударъ.

Исторія событій, въ центрѣ которыхъ стоитъ Куликовская битва, имѣла свою особую судьбу въ памятникахъ письменности, которые для насъ служатъ историческими источниками. Прочная основа ихъ анализа положена этюдомъ А. А. Шахматова [3]). Надо признать съ А. А. Шахматовымъ, что въ основѣ нашихъ свѣдѣній лежатъ сообщенія трехъ источниковъ: одинъ—это повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, составленная вскорѣ послѣ самаго событія для прославленія подвига в. к. Дмитрія и его рати;

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 50.

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19 (1373 г. — при нападеніи Мамаевыхъ татаръ на Рязань, в. к. Дмитрій стоитъ „со всею силою“ на Окѣ, князь Владиміръ Андреевичъ пришелъ съ войскомъ отъ Нижняго, куда, вѣроятно, ходилъ также по вѣстямъ о татарахъ, „и татаръ не пустиша“); стр. 21 („розміріе съ татарами, съ Мамаемъ“ послѣ избіенія Мамаевыхъ пословъ нижегородцами въ 1374 г.), 22—23 (союзъ Мамая съ Михаиломъ тверскимъ), 24 (набѣгъ Мамаевыхъ татаръ на Нижній; в. к. Дмитрій выступаетъ за Оку, „стерегаяся рати татарскія отъ Мамая“, 1375—1376 г.), 25 (походъ великокняжеской рати съ нижегородцами на болгаръ), 27 (набѣгъ царевича Арапши изъ Мамаевой Орды; пораженіе русскихъ на р. Пьянѣ Мамаевой ратью—1377 г.), 42 (1378 г.—бой на Вожѣ).

[3]) „Отзывъ о сочиненіи С. К. Шамбинаго: „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“ (12-е присужденіе Макарьевскихъ премій).

эта «Повѣсть»—составлена въ Москвѣ, «въ средѣ, по замѣчанію А. А. Шахматова, духовной», и, можно добавить, той, что хранила завѣты митр. Алексѣя, а центральной фигурой имѣла игумена Сергія; другой—запись, которую А. А. Шахматовъ называетъ «оффиціальной реляціей о походѣ великаго князя», составленная въ средѣ служилаго великокняжескаго двора; а третій—«Слово о Мамаевомъ побоищѣ», какъ назвалъ его А. А. Шахматовъ, возникъ, вѣроятно, при дворѣ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича, и прославилъ книжными словесами этого князя, братьевъ его жены князей Ольгердовичей, и воеводу волынца Дмитрія Боброка. Элементы этихъ основныхъ первоисточниковъ, сплетенные между собой и осложненные позднѣйшими наслоеніями книжнической работы—вставками, дополненіями, передѣлками, сохранились въ текстахъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ [1]).

Повидимому, настроеніе на Руси передъ боемъ противъ Мамая сложилось близкое къ тому, какое охватило Элладу наканунѣ Марѳонской битвы: въ возможность побѣды мало кто вѣрилъ, и Дмитрію не удалось собрать всю великорусскую ратную силу для выступленія на Куликово поле. Не было съ нимъ ни новгородскаго ополченія, ни рати нижегородской, ни тверскихъ полковъ; только риторическая переработка Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, какую читаемъ въ Никоновской лѣтописи, приводитъ на Куликово поле тверскую «силу» съ княземъ холмскимъ Иваномъ Всеволодовичемъ [2])

---

[1]) Изученію „Повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ“ посвящены такъ озаглавленный трудъ С. К. Шамбинаго (въ „Сборникѣ Отд. Русс. яз. и словесности“, т. 81, № 7, 1906) и разборъ этого труда А. А. Шахматовымъ. Въ той редакціи „Повѣсти“, какую читаемъ въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 46) видную роль играетъ митр. Кипріанъ, прибывшій въ Москву „въ четвертокъ 6-й недѣли по Пасцѣ, въ праздникъ Вознесенія Христова“; это дало С. К. Шамбинаго поводъ связать особую редакцію Повѣсти и лѣтописнаго свода съ именемъ Кипріана, такъ какъ онъ призналъ искаженіе даты прибытія Кипріана въ Москву (6888 вм. 6889—тамъ же, стр. 41) намѣреннымъ (Шамбинаго, стр. 166); возраженія А. А. Шахматова, который признаетъ особое прославленіе памяти митр. Кипріана „дѣломъ не современника, а книжника XVI вѣка“—см. указ. соч., стр. 156—157 и 194. Весьма вѣроятно, что хронологическая ошибка была не слѣдствіемъ, а причиной обработки Повѣсти въ этомъ направленіи. Кипріанъ прибылъ въ Москву въ Вознесенье 1381 года (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 131). Возможно, конечно, что переработка Повѣсти—съ именемъ Кипріана—принадлежитъ составителю не Никоновской лѣтописи, а ея источника, что допускаетъ и А. А. Шахматовъ (стр. 157); существенно не это, а признаніе данной особенности—чертой редакціонной работы книжника XVI в., а не личнаго вліянія Кипріана на лѣтописное дѣло своего времени.

[2]) Составитель Никоновскаго свода вообще воздержался при редактированіи „Повѣсти полезной бывшаго чудеси“ отъ обычныхъ у него генеалогическихъ поясненій, но при имени Ивана холмскаго добавляетъ, что это „внукъ Александровъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Ярослава Ярославича“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 49); возможно, что тутъ—намекъ на родословное преданіе князей Холмскихъ объ участіи князя Ивана Всеволодовича въ Мамаевомъ побоищѣ, но если и принять его участіе

и псковичей съ Андреемъ Ольгердовичемъ; оба эти сообщенія не подтверждаются другими текстами, а трудно допустить, чтобы участіе Твери и Пскова въ Куликовской битвѣ прошло безслѣдно въ основныхъ записяхъ о ней и въ псковскихъ лѣтописяхъ. Митрополита на Москвѣ не было. Преданіе выдвинуло троицкаго игумена Сергія въ центръ того духовнаго подъема, какой былъ необходимъ для ратнаго подвига въ подобныхъ условіяхъ. Не даромъ митр. Алексѣй намѣчалъ Сергія себѣ въ преемники. Пользуясь значительнымъ общественнымъ вліяніемъ по силѣ личнаго духовнаго обаянія и авторитету старчества, игуменъ Сергій вышелъ, подобно Алексѣю, на духовное поприще изъ служилой среды, столь же близко стоялъ къ великокняжескому двору, гдѣ братъ его Стефанъ, а затѣмъ племянникъ Ѳеодоръ были духовниками великихъ князей и ихъ старшихъ бояръ, и сталъ дѣятельнымъ участникомъ политики митрополита-правителя [1]). Сергій уклонился отъ митрополіи, но на немъ долженъ былъ сосредоточиться церковный авторитетъ въ годину церковной разрухи.

Другимъ центромъ боевой энергіи даннаго момента преданіе выставляетъ братьевъ Ольгердовичей и серпуховскаго князя Владиміра Андреевича. Какъ ни явно сказывается въ памятникахъ письменности, касающихся Мамаева побоища, тенденція выдвинуть ихъ роль возможно ярче, у насъ нѣтъ основаній отказать этой тенденціи въ фактически-вѣрной основѣ, такъ какъ нѣтъ данныхъ, которыя можно бы ей противопоставить, а внутренняя

въ походѣ, это не снимаетъ съ извѣстія о посылкѣ тверской помощи Дмитрію великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ характера произвольнаго добавленія книжника XVI вѣка.

[2]) Особая редакція житія св. Сергія, какую читаемъ въ Никоновской лѣтописи („Повѣсть о преподобномъ Сергіи“, т. XI, стр. 127—147) приписываетъ св. Сергію ту бесѣду съ в. к. Дмитріемъ (стр. 144—145), какую „Повѣсть полезная“ (стр. 50—51) той же лѣтописи перенесла на митр. Кипріана. Это сопоставленіе приводитъ С. К. Шамбинаго (указ. соч., стр. 173) къ выводу, что „здѣсь работа одного редактора“ (ср. А. А. Шахматова, указ. соч., стр. 154); казалось бы, что естественнѣе усмотрѣть въ этой несогласованности редакціи свода указаніе на то, что мотивъ благословенія у Сергія — старше Никоновскаго свода и послужилъ источникомъ для разработки роли Кипріана, разъ ее книжнику понадобилось внести въ „Повѣсть“. Этотъ мотивъ, заключая въ себѣ, надо полагать, зерно исторической достовѣрности, восходитъ, всего вѣроятнѣе, къ первоисточникамъ „Повѣсти“, и былъ использованъ для нея раньше Никоновскаго свода, въ которомъ роль Сергія раздвоена и частью передана Кипріану. Другой, съ этимъ связанный, мотивъ, также роднящій „Повѣсть полезную“ съ „Повѣстью о препод. Сергіи“, упоминаніе иноковъ-воиновъ Пересвѣта и Ослебяти, несомнѣнно, позднѣйшее наслоеніе; иночество ихъ весьма сомнительно, а братство — явное недоразумѣніе, быть можетъ, плодъ простого искаженія словъ: „даде ему изъ манастыря своего, изъ братьи своеа, два инока, Пересвѣта и Ослябя“ (въ повѣсти-житіи, стр. 145) въ „дву братовъ, Пересвѣта да Ослябя“ (въ „Повѣсти полезной“, стр. 53); о нихъ см. у Шамбинаго, стр. 177. Возможно, что оба — митрополичьи бояре, и оба—выходцы изъ Черниговско-сѣверской области: Пересвѣтъ изъ Брянска, Ослябя изъ Любутска.

вѣроятность говоритъ въ ея пользу. Для Ольгердовичей разгромъ Дмитрія соединенными силами Мамая и Ягайла былъ бы проигрышемъ ихъ собственнаго дѣла; сверхъ того, Ольгердовичи принесли съ собой въ Москву свою боевую энергію и опытность и прочную традицію борьбы съ татарами за русскія земли, а также существенныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Литовско-русскомъ государствѣ, которыя должны были, съ одной стороны, сильно уменьшить опасенія передъ выступленіемъ Ягайла, а, съ другой, ускорить походъ, пока не соединились литовскія и татарскія боевыя силы. Ягайло оказался не въ состояніи поспѣть на это соединеніе съ Мамаемъ, ввиду столкновенія съ дядей Кейстутомъ и смуты, потрясшей Литовское великое княжество, и отъ Одоева отступилъ обратно въ Литву, гдѣ его ожидала упорная борьба съ Кейстутомъ и Витовтомъ.

Побѣда русскихъ войскъ на Куликовомъ полѣ сгубила Мамая, но не создала какого-либо перелома въ русско-татарскихъ отношеніяхъ; не связанъ съ ея послѣдствіями и какой либо переломъ во внутреннихъ отношеніяхъ Великороссіи. Это не умаляетъ, однако, ея крупнаго историческаго значенія. Куликовская битва одно изъ тѣхъ событій, въ которыхъ и для современниковъ и для потомства какъ бы символизируется та или иная основная, существенная черта даннаго историческаго момента. Поэтому ихъ оцѣнка въ памятникахъ письменности, въ преданіяхъ ближайшихъ поколѣній и въ конструкціяхъ позднѣйшихъ историковъ можетъ не соотвѣтствовать подлинной значительности ихъ реальныхъ послѣдствій; поэтому легко обростаютъ воспоминанія о нихъ легендами, продуктомъ отчасти возбужденнаго воображенія, отчасти намѣренной тенденціи. Та роль, въ которой выступилъ Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ, роль вождя Великороссіи въ національной борьбѣ за независимость противъ иноземнаго ига и въ религіозной войнѣ за «христіанство» противъ «нечестивыхъ агарянъ» обрисовалась позднѣе въ условной перспективѣ общественной памяти и книжной разработкѣ «повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ». А въ реально-жизненныхъ своихъ основаніяхъ это значеніе великорусской великокняжеской власти опредѣлилось въ предыдущемъ десятилѣтіи борьбы съ Литовско-русскимъ государствомъ, съ одной стороны, и обороны великорусскихъ окраинъ отъ татарскихъ нападеній, съ другой, и получило свое церковно-религіозное освѣщеніе въ той идеологіи, какая связана съ именами митр. Алексѣя и троицкаго игумена Сергія.

Въ этой борьбѣ на два фронта крѣпло объединеніе Великороссіи. Наканунѣ Куликовской битвы, в. к. Дмитрію удалось порвать связи Твери съ Литвой и Ордой, привести ее, какъ часть великорусскаго политическаго цѣлаго, къ признанію своей великокняжеской власти. Еще тѣснѣе зависимость Нижегородскаго княжества отъ великорусскаго центра. Послѣ Куликовской битвы—втеченіе ближайшихъ лѣтъ и Рязань приходитъ къ «вѣчному миру» съ великимъ княземъ на условіяхъ, близкихъ къ тѣмъ, какія

приняты Тверью еще въ 1375 году. Приравненіе обоихъ «великихъ князей»—рязанскаго и тверского, какъ «младшихъ братьевъ» великаго князя всея Руси, къ серпуховскому отчичу князю Владиміру получало особый смыслъ въ ту пору, когда этотъ отчичъ, выдѣленный изъ московской «братской» семьи, изъ владѣльца удѣломъ ея общей вотчины сталъ княземъ на своемъ вотчинномъ княжествѣ, а изъ соучастниковъ въ общей ея княжеской власти все болѣе переходилъ въ положеніе владѣтельнаго князя, подчиненнаго не столько старѣйшинству московскаго князя, сколько его великокняжеской власти. Духовная в. к. Дмитрія Ивановича своей попыткой примѣнить начало вотчинной власти къ великому княженію Владимірскому и всея Руси еще нагляднѣе выдвинула сложный смыслъ историческаго момента, когда великорусская великокняжеская власть ищетъ въ перерабо-танныхъ жизнью формахъ традиціоннаго старѣйшинства и подчиненнаго ему братскаго одиначества князей пути къ организаціи на новыхъ началахъ политическаго единства Великороссіи. Эта постепенно нараставшая строительная работа великорусской великокняжеской власти развивалась подъ непрерывнымъ давленіемъ внѣшней опасности, будившей въ Великороссіи тягу къ національному единству ея силъ и ея внутренняго строя.

Ближайшія послѣдствія Куликовской битвы на время усилили, однако, и внѣшнія, и внутреннія условія, противодѣйствовавшія росту великокняжеской власти въ центрѣ Великороссіи. Настали трудные годы внѣшнихъ испытаній, которые выясняли на дѣлѣ непригодность традиціоннаго внутренняго строя великорусскихъ отношеній для успѣшнаго разрѣшенія тѣхъ политическихъ задачъ, какія вытекали для великокняжеской власти изъ международнаго положенія Великороссіи. Наростаетъ острый кризисъ этого строя, разразившійся крупнымъ потрясеніемъ во времена Василія Темнаго. Сила великокняжеской власти при Иванѣ Калитѣ, Симеонѣ и Дмитріи Донскомъ покоилась, въ значительной мѣрѣ, на союзѣ съ митрополіей всея Руси и на одиначествѣ князей-вотчичей московскаго княжества. И оба эти устоя московской великокняжеской политики пережили въ исходѣ XIV-го и въ первой половинѣ XV вѣка тяжелое испытаніе.

ГЛАВА IX.

Крушеніе удѣльно-вотчиннаго строя.

I.

Въ исторіи Великороссіи періодъ времени отъ кончины митр. Алексѣя и Куликовской битвы до длительной смуты, потрясшей великорусское великое княжество при Василіи Темномъ и ея ликвидаціи въ срединѣ XV вѣка поддается съ удобствомъ общему разсмотрѣнію по нѣкоторому единству, въ основныхъ чертахъ, какъ отношеній къ татарамъ въ эпоху разложенія Золотой Орды при временныхъ вспышкахъ ея былой силы подъ рукой Тохтамыша или Едигея, и къ Литвѣ — въ эпоху Витовта, такъ и внутреннихъ отношеній церковныхъ—въ эпоху отклоненія русской митрополіи отъ традицій митр. Алексѣя, и междукняжескихъ — въ эпоху послѣднихъ колебаній борьбы между тенденціями вотчиннаго распада и закрѣпленія политическаго единства Великороссіи.

Нѣтъ у насъ данныхъ для конкретнаго учета непосредственныхъ слѣдствій Куликовскаго боя. Настроеніе, съ какимъ Великороссія ожидала этого испытанія силъ не было, повидимому, опровергнуто побѣдой. Ожидали, что Мамай соберетъ «остаточную силу» и снова «изгономъ» появится на Руси [1]). Рязанская земля была въ рукахъ великокняжескихъ намѣстниковъ, и Великороссія стояла лицомъ къ лицу съ татарскимъ міромъ, ожидая мести и новой борьбы. Нежданный разгромъ Мамая Тохтамышемъ измѣнилъ положеніе. Явилась возможность переговоровъ. Новый владѣтельный ханъ Золотой Орды въ ту же осень прислалъ своихъ пословъ къ в. к. Дмитрію и ко всѣмъ русскимъ князьямъ сообщить о своемъ воцареніи. Всѣ русскіе князья приняли ханскихъ пословъ съ почетомъ и въ ближайшее время — въ ту же зиму и весну — отправили къ Тохтамышу своихъ киличеевъ съ челобитьемъ, дарами и поминками. Отношенія зависимости отъ Золотой Орды возстановлялись по общему рѣшенію князей, которые въ началѣ ноября сплотились въ тѣсный союзъ [2]). Сквозь скудныя извѣстія лѣтописныхъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 41.

[2]) Тамъ же: „мѣсяца ноября въ 1 день вси князи Русстіи, сославшеся, велію любовь учиниша межу собою“. Повидимому, и Олегъ рязанскій не остался внѣ этой „великой любви“—см. выше, стр. 241. Точная дата—1 ноября—какъ будто про-

сводовъ приходится угадывать, что русскіе князья, стремясь отклонить татарскую опасность [1]), принимали, въ тоже время, мѣры къ оборонѣ земли. Усилено наблюденіе за движеніями татаръ [2]); в. к. Дмитрій позднѣе, при вѣсти о выступленіи Тохтамыша, встрѣтилъ разногласіе въ князьяхъ, неодиначество и неимовѣрство, что и его убѣдило въ невозможности сопротивленія хану [3]). Такія же разногласія должны были выясниться и на княжескомъ съѣздѣ 1380 года. Несмотря на первыя мирныя сношенія, съ обѣихъ сторонъ не было увѣренности въ мирномъ исходѣ. Посолъ, отправленный Тохтамышемъ на Русь для вызова русскихъ князей въ Орду, не рѣшился ѣхать дальше Нижняго Новгорода, отправилъ въ Москву гонцовъ, а самъ вернулся въ Орду. [4]) Извѣстія о русскихъ дѣлахъ, какія онъ привезъ, не должны были быть успокоительны для ханской власти. Весь 1381 годъ прошелъ, а русскіе князья не рѣшались явиться въ Орду; въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній на причины столь неопредѣленныхъ отношеній, но среди ордынскихъ князей должно было быть враждебное возбужденіе противъ «русскаго улуса» за Мамаево побоище.

Къ осени 1382 года ханъ поднялся походомъ на Русь. Картинное изображеніе въ лѣтописномъ повѣствованіи объ этомъ походѣ тѣхъ мѣръ, какія ханъ принималъ, «дабы не было вѣсти Руси», лишь подчеркиваютъ силу сообщенія о томъ, какъ «неимовѣрство и неодиначество» русскихъ князей сдѣлали невозможной организацію сопротивленія. В. к. Дмитрій уѣхалъ изъ Москвы въ Переяславль, а оттуда мимо Ростова въ Кострому; Москва покинута почти безъ защиты; ея оборону организуетъ литовскій князь Остей [5]); но и этотъ защитникъ погибъ жертвой татарскаго лукавства, под-

---

тиворѣчитъ поясненію, что соглашеніе князей произошло по „ссылкѣ“; надо полагать, что состоялся, хотя бы не полный, съѣздъ князей.

[1]) „Оскудѣ бо отнюдь вся земля русская воеводами и слугами и всѣми воинствы и о семъ велій страхъ бысть всей землѣ Русстѣй“, читаемъ въ лѣтописномъ сводѣ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 69); потери русской воинской силы должны были быть очень велики, и настроеніе тревоги, невозможности дальнѣйшей борьбы представляется, дѣйствительно, господствующимъ при дальнѣйшемъ ходѣ событій.

[2]) О походѣ Тохтамыша в. к. Дмитрій получилъ предупрежденіе отъ „нѣцыихъ доброхотовъ, на предѣлехъ ордынскихъ на то устроеныхъ“, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 43.

[3]) Тамъ же, стр. 43.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42.

[5]) Тамъ же, стр. 42—47. Остея наши лѣтописи называютъ внукомъ в. к. Ольгерда; но этотъ не убитъ, а упоминается затѣмъ (тамъ же, стр. 49) какъ коломенскій намѣстникъ Александръ Андреевичъ, нарицаемый Остей, т. е., вѣроятно, сынъ Андрея Ольгердовича, обрусѣлый на московской службѣ и другимъ источникамъ потому неизвѣстный. Его имя и роль князя Владиміра при нашествіи Тохтамыша даютъ поводъ и для этого момента предположить въ литовскихъ князьяхъ и ихъ серпуховскомъ шуринѣ сторонниковъ активной борьбы противъ татаръ. Въ бою съ рязанцами погибъ въ 1385 г. другой внукъ Ольгерда, Михаилъ Андреевичъ (тамъ же, стр. 49).

давшись вызову на переговоры, Москва взята татарами и разграблена, а татарскіе отряды захватили и пограбили Переяславль, разнесли грабежъ и плѣненіе по волостямъ до Владиміра и Звенигорода, Можайска, Дмитрова, Юрьева, Волока. Подъ Волокомъ князь Владиміръ Андреевичъ собралъ войско и разбилъ татарскій загонъ. По вѣстямъ о сборѣ русской ратной силы Тохтамышъ отступилъ отъ Москвы и ушелъ въ Орду, а по дорогѣ взялъ Коломну и подвергъ разоренію Рязанскую землю.

Послѣдствія такого появленія на Руси ордынской силы были весьма значительны. Оно раскрыло безсиліе великорусскаго центра использовать Куликовскую побѣду, закрѣпить какіе либо ея результаты. Цѣной серьезныхъ уступокъ въ пограничныхъ спорахъ съ Рязанью удалось, послѣ долгихъ переговоровъ и новаго боевого столкновенія, заключить «вѣчный миръ» съ в. к. Олегомъ и скрѣпить его союзомъ свойства; но великое Рязанское княжество осталось самостоятельной политической единицей и повело свою татарскую и литовскую политику, помимо какого либо руководства великорусской великокняжеской власти. Нижегородскіе князья принесли полную покорность Тохтамышу во время его похода на Русь и въ ближайшіе годы зависятъ больше отъ непосредственной власти хана, чѣмъ отъ великаго князя всея Руси.

Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ прислалъ къ Тохтамышу, когда тотъ подъ Москвой стоялъ, своего киличея со многими дарами, съ покорностью и просьбой о защитѣ Тверской земли отъ татарскихъ грабежей, и получилъ за то ханское пожалованіе и ярлыки [1]). Договоръ его съ в. к. Дмитріемъ 1375 года падалъ самъ собою; Михаилъ не замедлилъ вновь выступить претендентомъ на Владимірское великое княженіе: вслѣдъ за Тохтамышемъ поѣхалъ въ Орду «околицами, не прямицами», «таяся великаго князя Дмитрія Ивановича», искать себѣ «великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго». Поспѣшилъ въ Орду и городецкій князь Борисъ Константиновичъ [2]).

В. к. Дмитрій дождался ханскаго зова. Только по пріѣздѣ въ Москву Тохтамышева посла, который привезъ ему отъ хана рѣчь о мирѣ и «пожалованіе», послалъ онъ въ Орду сына Василія—тягаться съ Михаиломъ твер-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, ст. 442; „Татарове же хотѣша и ко Тфери ити“—очевидно, не ханъ, а татарскіе загоны, грабившіе землю; киличей Гурлень добился у царя повеленія „грабежъ изыскати“ и выдачи ярлыковъ—вѣроятно, опасныхъ грамотъ Тверской землѣ. Редакція того же извѣстія въ Никоновской лѣтописи (т. XI, стр. 76) вводитъ въ заблужденіе, такъ какъ тутъ опасность Твери отъ татаръ понята какъ опасность похода хана отъ Москвы къ Твери—„по возбрани имъ сила божественная невидимая“, а ярлыкъ упомянутъ въ единственномъ числѣ, что можно понять какъ ярлыкъ на княженіе (ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 495: ярлыкъ на великое княженіе тверское).

[2]) П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 133; т. XI, стр. 81.

скимъ о великомъ княженіи. Цѣлый годъ продержали Михаила въ Ордѣ, а затѣмъ отпустили на Тверь «безъ великого княженія». Тохтамышъ великое княженіе утвердилъ за Дмитріемъ [1]). Очевидно, ханъ усмотрѣлъ въ раздорѣ соперниковъ гарантію своего владычества; а княжичей—Александра Михайловича и Василія Дмитріевича онъ удержалъ въ Ордѣ заложниками. И до конца своей жизни и княженія Дмитрій не выходилъ изъ покорности Ордѣ; при дворѣ ханскомъ цѣнили, что среди ближайшихъ совѣтниковъ великаго князя, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Ѳедоръ Кошка, хранилась «добрая дума къ Ордѣ».

Казалось, что возстановлены старыя отношенія. Въ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ XIV вѣка великій князь, по старому, «улусникъ» ханскій, и санкція его власти ханскимъ ярлыкомъ одна изъ ея опоръ. Возстановленіе ордынскихъ связей зависимости и ханскаго «пожалованія»—условіе, поясняющее «вѣчный миръ» съ Рязанью, изгнаніе изъ Нижняго князя Бориса Константиновича съ возстановленіемъ зависимости Нижегородскаго княжества отъ великорусскаго центра, фактическій миръ Твери съ Москвой въ послѣдніе годы Дмитрія Донского [2]). Тѣже колебанія въ силѣ великокняжеской власти отразились и на отношеніяхъ ея къ Великому Новгороду. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ предоставленъ самъ себѣ. И тотчасъ выступаютъ на первый планъ его литовскія связи; въ 1383—1384 годахъ новгородцы держатъ на пригородахъ своихъ князя Патрикія Наримонтовича: тѣ пригороды, что даны были князю Наримонту съ дѣтьми «въ отчину и дѣдину» по договору Новгорода съ Гедиминомъ [3]). Это не означало разрыва съ великимъ княжествомъ, но показательно для потребности Новгорода въ княжеской защитѣ, какой не могли они получить отъ великаго князя и потому искали, гдѣ найдутъ. А вскорѣ сказалась и другая сторона отношеній Новгорода къ великому княженію: не получая достаточной обороны отъ великокняжеской власти, Новгородъ несетъ крупную долю въ ея «проторяхъ». Какъ только закончилась «тяжба» передъ ханомъ о великомъ княженіи, настало время дорогой расплаты: «тое же весны бысть

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 84. „Пожалованіе“, съ какимъ прибылъ въ Москву посолъ Карачъ, надо полагать—обѣщаніе безопасности и ярлыка, по разбору споровъ съ Михаиломъ. Никоновская лѣтопись даетъ разсказъ объ ордынскомъ князѣ, который „смущалъ“ князей-соперниковъ, обѣщая обоимъ полученіе ярлыка, и о рѣшеніи Тохтамыша „по старинѣ“: пусть каждый идетъ на свою отчину.

[2]) Нѣтъ извѣстій о какомъ-либо „докончаніи“ между великими князьями Михаиломъ и Дмитріемъ послѣ послѣдняго ихъ спора о великомъ княженіи. Но Михаилъ и не смирился. Онъ выжидаетъ и копитъ силу. Усилены укрѣпленія Твери (съ 1387 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93), Городка Волжскаго (1390 г.—т. XV, ст. 445); скрѣплены связи съ Литвой—женитьбой княжичей Бориса на смоленской Святославнѣ и Василія на дочери Владиміра Ольгердовича (1385 г.—т. XV, ст. 443).

[3]) См. выше, на стр. 142—144.

дань тяжела по всему княженію, всякому безъ отдатка, съ всякіе деревни по полтинѣ, тогда же и златомъ даваша въ Орду, а съ Новагорода съ Великого взя князь великій черный боръ» [1]). Новгородцы «дали» великому князю черный боръ—общую дань, такую же, какую великій князь взялъ съ великаго княженья, но сборъ его подъ руководствомъ великокняжескихъ бояръ не прошелъ гладко. За многими «залегла княжчина», встрѣчены сборщики прямымъ сопротивленіемъ [2]). Это привело къ разрыву, зимнему походу великаго князя Дмитрія на Новгородъ и къ миру, который новгородцы оплатили крупной пеней за своихъ «винныхъ людей» и завершеніемъ выплаты чернаго бора [3]).

Попытка отразить отъ Руси татарское нахожденіе, увѣнчанная Куликовской побѣдой, не усилила великокняжеской власти, а временно ее ослабила. Только обновленіе ордынской зависимости и опоры этой власти въ утвержденіи ея правъ ханомъ Золотой Орды возстановило нарушенное равновѣсіе внутреннихъ отношеній великорусскаго великаго княженія. Равновѣсіе — условное и весьма относительное. Наслѣдіе Калиты и Донского вступаетъ на нѣсколько десятилѣтій въ періодъ затяжного и тягостнаго кризиса.

В. к. Дмитрій умеръ въ маѣ 1389 года. Благословляя сына Василія «своею отчиною великимъ княженіемъ», онъ сдѣлалъ попытку примѣнить къ великокняжескому стольному владѣнію вотчинное начало — въ увѣренности, что Золотая Орда признаетъ это право за его сыномъ. Тою же осенью—15 августа—состоялось во Владимірѣ посаженіе на столъ великаго княженія в. к. Василія Дмитріевича ханскимъ посломъ [4]). Временную раз-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 85.

[2]) Заключаю о сопротивленіи „черному бору“ изъ того, что въ мирномъ докончаніи в. к. Дмитрія съ новгородцами, какое было заключено въ исходѣ 1385 года, „тѣ, за кѣмъ княжчина залегла“ поставлены на ряду съ другими „винными людьми“—„волжанами“ ушкуйниками, которые ходили разбоемъ на Кострому и на Нижній. И за тѣхъ и за другихъ Новгородъ уплатилъ пеню въ 8000 рублей, а сверхъ того великій князь прислалъ опять своихъ черноборцевъ взять дань на недоимщикахъ.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 50—51; т. IV, стр. 94; т. V, стр. 242.—Большую часть пени новгородцы возложили на заволочанъ, „судивши всѣ вѣчемъ по старинѣ вправду“, и послали своихъ бояръ на взысканіе платежа со всей Заволоцкой земли. Этихъ бояръ часть текстовъ (т. VIII, стр. 51) отождествляетъ съ „приставами“; но есть редакція текста, указывающая на посылку въ Заволочье великокняжескихъ приставовъ (т. V, стр. 240, списокъ Ц.); ср. т. XI, стр. 88 и 89.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, ст. 60. С. М. Соловьевъ видитъ въ „неслыханномъ прежде распоряженіи“ в. к. Дмитрія относительно вотчинной передачи великаго княженія сыну признакъ, что Дмитрій уже не боится соперниковъ для него ни изъ Твери, ни изъ Суздаля (кн. I, ст. 1002); Экземплярскій (т. I, стр. 125)—указаніе, „до чего упало теперь значеніе татаръ въ глазахъ московскаго князя“. Ближе къ обстоятельствамъ времени было бы усмотрѣть тутъ пріемъ закрѣпленія за сыномъ великаго княженія въ связи съ договоромъ между в. к. Дмитріемъ и княземъ серпуховскимъ

молвку юнаго великаго князя съ дядей Владиміромъ удалось быстро ликвидировать [1]).

Въ договорѣ съ этимъ дядей упомянута возможность пріобрѣтенія великимъ княземъ Мурома и Торусы. Первымъ существеннымъ дѣйствіемъ великокняжескаго правительства при новомъ князѣ было пріобрѣтеніе—по ханскимъ ярлыкамъ—въ прямое обладаніе Нижняго Новгорода, Городца,

---

(1389 г.), а такъ же съ отношеніями къ великимъ князьямъ тверскому и рязанскому, которыхъ московскіе князья также стремились привести къ формальному признанію своихъ вотчинныхъ правъ на великое княженіе. Не вижу основаній противопоставлять духовную Донского признанію авторитета ханской власти: въ Ордѣ считались съ русскими правами и обычаями, и князь Юрій Дмитріевичъ будетъ позднѣе ссылаться передъ ханомъ на духовную отца.

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60. По указаніямъ договорной грамоты (С. Г. Г. и Д. т. I, № 35), на Русь приходилъ ханскій посолъ, въ расходѣ по пріему котораго на Коломнѣ участвуетъ князь Владиміръ, потому что онъ тогда еще „былъ въ своей отчинѣ“; этотъ „коломенскій посолъ“ приходилъ, вѣроятно, звать в. к. Василія въ Орду; „володимерскіе послы“ (Шихоматъ съ товарищами) прибыли, когда князь Владиміръ „выѣхалъ изъ своей отчины“ (и потому „тотъ проторъ ему не надобѣ“). Ѣздилъ въ Орду не в. к. Василій, а братъ его Юрій и тамъ его задержали: во время заключенія договора—послѣ Крещенія 1390 г.—еще ожидали его возвращенія: „а выйдетъ Юрьи съ посломъ, уговариваются князья, и намъ то подняти по розочту по выходу“ (т. е. пропорціонально долямъ „выхода“, установленнымъ въ томъ же договорѣ). Дату мирнаго докончанія см. въ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 121. По этому докончанію в. к. Василій далъ дядѣ „въ удѣлъ Волокъ съ волостьми, а волости Издѣтемле да Войничи, да Ржеву съ волостьми“ въ придачу къ тому, чѣмъ князя Владиміра благословилъ его отецъ и чего ему „отступился“ в. к. Дмитрій. А въ остальномъ договоръ 1390 года повторяетъ почти безъ измѣненій договоръ 1389 г. (см. выше, стр. 178—184), нѣсколько смягчая терминологію („честно“ вмѣсто „честно и грозно“; опущено обязательство „служити безъ ослушанья“, но сохранено равносильное „всѣсти безъ ослушанья“ на конь по посылкѣ великаго князя). Но постановка собственной княжой власти Владиміра Андреевича въ военномъ командованіи и московскомъ судѣ существенно иная: его бояре, которые живутъ въ удѣлахъ в. к. Василія и его братьевъ или въ великокняжескихъ волостяхъ, идутъ въ походъ съ воеводой своего князя; и въ московскомъ городскомъ судѣ великій князь не судитъ безъ намѣстника князя Владиміра; территорьяльный принципъ, принятый въ договорѣ 1389 года, потерпѣлъ замѣтное ограниченіе. Нѣтъ основанія предполагать съ С. М. Соловьевымъ причину раздора въ сопротивленіи князя Владиміра „новому порядку вещей“, кромѣ развѣ уговора князей на случай „городной осады“ въ Москвѣ: если в. к. Василій засядетъ въ городѣ, а Владиміра пошлетъ изъ города, то Владиміръ оставитъ въ Москвѣ свою княгиню, дѣтей и бояръ, а если великій князь оставитъ Владиміра въ осадѣ, а самъ выѣдетъ, то оставить съ нимъ мать свою, младшихъ братьевъ и бояръ. Соловьевъ подчеркиваетъ выраженіе „сильной недовѣрчивости“ въ этомъ условіи. Но, быть можетъ, тутъ имѣемъ скорѣе отраженіе воспоминаній князя Владиміра о томъ, какъ Москва была покинута во время нахожденія Тохтамыша? Гарантіей отъ враждебныхъ его дѣйствій противъ великаго князя нельзя же считать такого условія, да и взаимность уговора плохо вяжется съ точкой зрѣнія С. М. Соловьева. О причинахъ „розмирья“—въ связи съ передѣломъ владѣній по рожденіи младшаго сына Донского, Константина см. ниже.

Мурома, Мещеры и Торусы, т. е. всѣхъ основныхъ пунктовъ обороны восточной окраины и наступленія въ юго-восточномъ направленіи [1]). Этотъ шагъ великокняжеской политики былъ, надо полагать, подготовленъ еще при Дмитріи Донскомъ и опирался на сложившіяся при немъ отношенія къ ордынской власти хана Тохтамыша. Но раньше, чѣмъ удалось осуществить и укрѣпить пріобрѣтенныя по ханскимъ ярлыкамъ новыя права, ближайшіе годы принесли крутыя перемѣны въ положеніи всѣхъ дѣлъ Восточной Европы.

II.

Эти крупныя перемѣны, измѣнившія всѣ условія великорусской великокняжеской политики, пришли и съ Востока, и съ Запада. Борьба съ Тимуромъ и его ставленникомъ Темиръ-Кутлуемъ сломила силу Тохтамыша. Его орда подверглась разгрому войскъ Тимура въ 1395 г. Тохтамышъ бѣжалъ въ южную Русь подъ защиту Витовта, Золотая Орда подъ номинательной властью Темиръ-Кутлуя, на дѣлѣ въ рукахъ князя Едигея [2]).

---

[1]) Объ утвержденіи великокняжеской власти въ Нижнемъ см. выше, стр. 276—282. Муромъ пережилъ нѣкоторый подъемъ въ ту же пору, когда строилось Нижегородское великое княженіе. Въ 1351 г. муромскій князь Юрій Ярославичъ „обнови отчину свою Муромъ, запустѣвшій отъ первыхъ князей“; подъ 1354 г. читаемъ извѣстіе о смутѣ въ Муромѣ—борьба князей за власть въ немъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 215—216 и 244; т. VIII, стр. 9), затѣмъ имѣемъ свѣдѣнія объ участіи муромскаго князя въ походахъ князя Олега рязанскаго. Лѣтописные своды упоминаютъ о пріобрѣтеніи в. к. Василіемъ ярлыковъ на Муромъ, Мещеру и Торусу мимоходомъ при сообщеніи о томъ, что ханъ придалъ ему къ великому княженію Нижній (Муромъ: П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99, т. V, стр. 245); но по большей части называютъ только Мещеру и Торусу, а не Муромъ (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 62; т. XI, стр. 154). Повидимому, всѣ три города попали въ извѣстіе о пожалованіи в. к. Василію Нижняго путемъ позднѣйшей редакціонной вставки (ср. т. XVIII, стр. 143, гдѣ одинъ Нижній со всѣмъ княженіемъ). Но подъ 1408 годомъ упомянутъ уже муромскій великокняжескій воевода Семенъ Жирославичъ (т. XI, стр. 204). Упоминаніе Мещеры и Торусы въ договорѣ 1390 г. показываетъ, что ярлыки на нихъ уже были пріобрѣтены в. к. Василіемъ, но мѣстная княжеская власть еще не устранена. „Наши князи мещерскіе, которые живутъ въ Мещерѣ“, упоминаются еще въ договорѣ Ивана III съ рязанскимъ в. к. Иваномъ Ѳедоровичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 115—116). Торусскіе князья, которые съ великимъ княземъ „одинъ человѣкъ“,—въ договорѣ в. к. Василія Дмитріевича съ рязанскимъ в. к. Ѳедоромъ Ольговичемъ (1402 г.; тамъ же, № 36). Въ своей духовной грамотѣ (первой, тамъ же, № 39) в. к. Василій говоритъ о Муромѣ также условно, какъ и о Нижнемъ: „а дастъ Богъ сыну моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ“, но вторая духовная (1418 г.), сохраняя условную формулу для Нижняго, о Муромѣ говоритъ уже положительно, какъ о „примыслѣ“, который „со всѣмъ, што къ нему потягло“, передается князю Василію Васильевичу. О Мещерѣ и Торусѣ духовныя вовсе не упоминаютъ, вѣроятно, полагая ихъ въ составѣ великаго княженія?

[2]) О бѣгствѣ Тохтамыша наши своды сообщаютъ то подъ 6903—1395 г. (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 101; т. V, стр. 246), то подъ 6906—1398 (1397; П. С. Р. Л., т. VIII,

Ударъ, пережитый Тохтамышемъ, порвалъ сложившіяся московско-ордынскія отношенія. Эту перемѣну въ Ордѣ позднѣе объясняли смѣной лицъ въ средѣ, окружавшей в. к. Василія. Дѣйствительно, въ 1391 году скончался троицкій игуменъ Сергій, въ 1392—бояринъ Данило Ѳеофановичъ; сошелъ со сцены и Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, чью «добрую думу и добрыя дѣла къ Ордѣ» позднѣе поминалъ Едигей. Великаго князя окружали новые люди, среди которыхъ «старѣйшиной» почитался великокняжескій казначей И. Ѳ. Кошкинъ [1]). В. к. Василій Дмитріевичъ не поѣхалъ въ Орду къ новому хану Темиръ-Кутлую, не ѣздилъ и къ смѣнившему его въ 1400 г. Шадибеку [2]). Сношенія съ Золотой Ордой прерваны на десять съ лишнимъ лѣтъ. Великорусское великое княжество втянуто въ сферу политики Витовта.

Прочную основу сильному литовскому вліянію на московскіе правящіе круги положило то значеніе, какимъ тутъ пользовались Андрей и Дмитрій Ольгердовичи, близко связанные съ серпуховскимъ дворомъ ихъ зятя, князя Владиміра Андреевича. Правда, борьба противъ Ягайла, возгорѣвшаяся съ новой силой, когда на него поднялся дядя Кейстутъ и занялъ Вильно (въ 1381 г.), вызвала Андрея Ольгердовича въ Полоцкъ, гдѣ онъ сумѣлъ удержаться и послѣ побѣды Ягайла, чтобы затѣмъ поднять во главѣ русскихъ элементовъ Литовскаго великаго княжества возстаніе противъ Кревской уніи Литвы съ Польшей. Но въ эти годы отсутствія онъ не потерялъ связи съ Псковскимъ княженіемъ: тутъ за него княземъ намѣстникомъ сидѣлъ сынъ его Иванъ; когда же неудача возстанія привела къ плѣненію Андрея Ягайломъ, онъ—уже въ началѣ 1394 года—получилъ свободу за поручительствомъ Витовта, который добился власти надъ Литвой. Андрей

стр. 71; т. XI, стр. 167). Первая дата, какъ указано М. С. Грушевскимъ (Історія України—Руси, т. IV², стр. 314) находитъ поддержку въ восточныхъ источникахъ, но въ виду разнорѣчій въ показаніяхъ разныхъ источниковъ о татарскихъ походахъ Витовта (ихъ сводка тамъ же, стр. 313—314), Грушевскій ставитъ даже вопросъ, про одно ли тутъ событіе рѣчь идетъ? Однако, нѣтъ и данныхъ, чтобы Тохтамышъ возвращался на Золотую Орду послѣ „нахожденія Темиръ-Аксака“ въ 1395 году. Эту же дату подтверждаетъ разсчетъ лѣтъ царства хановъ Темиръ-Кутлуя, Шадибека и Булатъ-Султана въ Никоновской (т. XI, стр. 210).

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210. Этотъ разсказъ Никоновской лѣтописи основанъ на грамотѣ Едигея, С. Г. Г. и Д., т. II, № 15. Примирительный характеръ политическаго вліянія Ѳедора Кошки виденъ изъ свойства съ нимъ в. к. Михаила тверского, который въ 1391 г. женилъ сына „на Москвѣ у Ѳедора у Кошки“ (тамъ же, стр. 127). Послѣднее извѣстіе о дѣятельности Ѳ. А. Кошки относится къ 1392—93 г. (тамъ же, стр. 155).

[2]) Попреки великому князю въ грамотѣ Едигея содержатъ утвержденіе, что в. к. Василій не посылалъ ни къ Темиръ-Кутлую, ни къ Шадибеку „ни съ которымъ словомъ“; только при Булатъ-Салтанѣ (съ 1407 г.) великій князь, не ѣздя въ Орду и не посылая туда ни сына, ни брата, ни старѣйшаго боярина, сталъ искать въ Ордѣ помощи противъ Литвы и русскихъ недруговъ, уклоняясь, однако, отъ уплаты „выхода“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210).

вернулся во Псковъ и удержался тутъ на княженіи, пока не порванъ союзъ великихъ князей Витовта и Василія, но затѣмъ, живой символъ сложнаго сплетенія судебъ восточной и западной Руси, связанныхъ этнографическимъ и культурно-религіознымъ родствомъ, но политически раздѣльныхъ и неизбѣжно-враждебныхъ, теряетъ почву подъ ногами при первомъ, ихъ столкновеніи, уходитъ изъ Пскова къ Витовту и гибнетъ въ бою съ татарами на рѣкѣ Ворсклѣ. Рядомъ съ нимъ палъ и братъ его Дмитрій, который вернулся на Брянское княжество, когда сложилъ крестное цѣлованіе къ Василію Дмитріевичу и принесъ ленную присягу королю Ягайлу и королевѣ Ядвигѣ [1]). Во время «кормленія» и службы этихъ князей у великаго князя Дмитрія—вокругъ нихъ и родственнаго имъ серпуховскаго двора вліятельная группа западно-русскихъ выходцевъ, среди которыхъ поименно знаемъ кромѣ «Ольгердовыхъ внуковъ» - Андреевичей, брянскаго боярина Пересвѣта и Дмитрія Волынскаго-Боброка, который, по сообщенію позднѣйшихъ родословцевъ, сталъ зятемъ в. к. Дмитрія [2]).

Борьба съ татарами, борьба за самостоятельность русскихъ областей Литовско-русскаго государства—то, чѣмъ жили обрусѣлые литовскіе князья и ихъ русское боярство, дѣлали ихъ сотрудничество съ великорусскими силами естественнымъ и легкимъ, но тѣ же тенденціи и родныя западнорусскія и литовскія связи сплачивали ихъ и вокругъ Витовта—борца за самостостоятельность Литовско-русскаго государства противъ его инкорпораціи владѣніямъ Короны Польской.

Въ 1386—7 г. княжичъ Василій Дмитріевичъ бѣжалъ изъ Орды въ Подольскую землю, побывалъ у волошскаго воеводы, видѣлся въ Витовтомъ на Волыни [3]). За нимъ прибыло изъ Москвы посольство изъ «старѣйшихъ

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № 53: грамота князя Дмитрія Ольгердовича, писанная въ 1388 г., еще до его возвращенія на Брянскъ, признаетъ условіемъ этого возвращенія сложеніе той „правды“, какую онъ далъ в. к. Дмитрію московскому, и „гольдъ“ на вѣрное послушаніе „королю и его королицѣ и его дѣтемъ и корунѣ польской“.

[2]) Позднѣйшіе тексты—лѣтописные и родословные—превратили его въ „князя Волынскаго“, чѣмъ надѣлали изслѣдователямъ излишнихъ хлопотъ. Въ „Бархатной книгѣ“ этотъ титулъ придань Волынскому только въ оглавленіи; въ частныхъ спискахъ родословцевъ этого нѣтъ—см. Н. П. Лихачева, „Разрядные дьяки XVI вѣка“, стр 377, прим. 2.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 51—52: кн. Василій бѣжалъ изъ Орды въ „Подольскую землю, въ великіе Волохи, къ Петру воеводѣ“; въ Подольскую землю в. к. Дмитрій посылаетъ „бояръ своихъ старѣйшихъ противу сыну своему“. Едва ли это простая „встрѣча“; старѣйшіе бояре—посольство; въ январѣ 1387 г. Василій Дмитріевичъ вернулся въ Москву съ литовскими и польскими панами отъ Витовта. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 90—направляетъ московскихъ бояръ въ Полоцкую землю, такъ какъ, по представленію Никоновской лѣтописи, Витовтъ былъ въ ту пору въ Нѣмецкой землѣ, „по убіеніи отца его Кестутья убѣжа“, и сюда къ нему пробрался, „въ незнаемыхъ таяся“, князь Василій: это передѣлка извѣстія о первыхъ сноше-

бояръ», и съ нимъ въ Москву поѣхали литовскіе паны. Не знаемъ содержанія происшедшихъ переговоровъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно принятое историками предположеніе, что состоялся сговоръ о бракѣ Василія Дмитріевича съ Софьей Витовтовной. Вскорѣ по вокняженіи Василія, въ началѣ 1391 года этотъ бракъ и состоялся. Свойство Василія съ Витовтомъ создало значительное вліянія тестя на зятя, продолжавшееся, съ колебаніями и моментами враждебнаго разрыва, втеченіе всей жизни и княженія Василія Дмитріевича, тѣмъ болѣе, что находило поддержку въ митрополитахъ Кипріанѣ и Фотіи, которые строили свою церковно-политическую дѣятельность въ качествѣ митрополитовъ «всея Руси» на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ митр. Алексѣй.

Сближеніе в. к. Василія Дмитріевича съ Витовтомъ произошло въ весьма сложной международной обстановкѣ. На первыхъ порахъ Витовтъ долженъ былъ представляться Москвѣ противникомъ давняго врага—Ягайла и желаннымъ союзникомъ въ борьбѣ съ татарами, а Ягайло—союзникъ татаръ и опасный врагъ на западной границѣ. Съ восточной политикой Ягайла великорусское великокняжское правительство сталкивалось, прежде всего, на новгородской почвѣ. Силы великаго княжества были едва достаточны для обороны на восточныхъ и южныхъ предѣлахъ, для частыхъ столкновеній и непрерывной опасности съ литовской стороны, и Новгородъ, поневолѣ все болѣе самостоятельный въ своихъ дѣлахъ, пытался уже не разъ организовать свое ратное дѣло путемъ кормленія князей—литовскихъ выходцевъ. Однако, не удавалось получить ихъ въ полное свое распоряженіе; пришлыхъ князей тянуло къ дѣламъ Литовско-русскаго государства и временное ихъ появленіе на новгородской почвѣ, съ одной стороны, приносило Новгороду мало пользы и много внутреннихъ смутъ и раздоровъ, а, съ другой, ставило все круче вопросъ объ отношеніи къ Литовскому великому княжеству. Новгородъ искони не могъ обойтись своими силами, и связь съ литовскими князьями, въ концѣ концовъ, могла получить существенное значеніе только при опорѣ ихъ—для обороны Новгорода—въ войскахъ великаго княжества, взамѣнъ тѣхъ полковъ «низовской земли», на которые все меньше приходилось разсчитывать. Договоръ Великаго Новгорода съ Гедиминомъ привелъ только къ неудачнымъ попыткамъ использовать для новгородскихъ дѣлъ князей Наримонта, затѣмъ Патрикія.

ніяхъ съ Витовтомъ по разсказу о московскомъ посольствѣ къ нему, которое прибыло въ Мальборгъ и вернулось въ Москву черезъ Перновъ въ концѣ 1390 года съ Софьей Витовтовной (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 61; т. XI, стр. 123; Antoni Prochaska, Król Wladyslaw Jagiello, т. I, стр. 93—96). Прохаска указываетъ, что Витовтъ завязалъ переговоры съ Москвой безъ вѣдома Ягайла и что эти сношенія шли въ разрѣзъ съ политикой Ягайла. Витовтъ подготовлялъ возстаніе и обезпечивалъ себѣ союзы. Возможно, что и поѣздка князя Василія къ волошскому воеводѣ стояла въ какой либо связи съ этими переговорами.

Однако, на томъ дѣло не кончилось. Въ 1388 году прибыли въ Новгородъ послы князя Лугвенія-Семена Ольгердовича съ притязаніемъ его на тѣ пригороды, на какихъ сидѣлъ Наримонтъ Гедиминовичъ, и, принятый съ честью, князь Лугвеній въѣхалъ въ Новгородскую землю. Князь Лугвеній-Семенъ стоитъ во главѣ новгородскихъ войскъ въ ихъ столкновеніи съ Псковомъ, въ 1390 г. отражаетъ набѣгъ шведовъ на Орѣшекъ [1]). Но онъ не стольный князь новгородскій [2]), хотя новгородцы приняли его отъ руки в. к. Ягайла: въ присяжной грамотѣ 1389 года на имя короля польскаго, литовскаго и русскаго Владислава-Ягайла Лугвеній именуетъ себя «опекальникомъ мужемъ и людямъ Великого Новгорода» по поставленію отъ Ягайла, и обѣщаетъ ему и королевѣ Ядвигѣ стоять при нихъ и при коронѣ польской «съ тыми людьми съ Великого Новгорода» до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ «держитъ въ своемъ опеканьи» [3]). Это моментъ когда Ягайло, признавъ въ принципѣ сліяніе своего Литовскаго великаго княжества съ Польшей, переводилъ связь земель, соединенныхъ съ его великимъ княженіемъ подручничествомъ мѣстныхъ князей, на «корону польскую». Широкій политическій планъ грозилъ захватить и Новгородъ въ эту связь зависимости отъ «короны польской», если бы «опеканье» Новгорода княземъ Лугвеніемъ могло вытѣснить традиціонную принадлежность Новгорода къ великорусскому великому княжеству. Однако, въ то время, какъ Дмитрій Ольгердовичъ сложилъ, ради возвращенія на свое Брянское княжество, крестное цѣлованіе къ в. к. Дмитрію, Лугвенію не удалось оторвать Новгорода отъ великаго княжества. Его пріѣздъ въ Новгородъ былъ, повидимому, связанъ съ разладомъ отношеній между Новгородомъ и великимъ княземъ и произошелъ, когда въ Новгородѣ не было великокняжескаго намѣстника, однако, когда Новгордцы «докончали (въ 1390 г.) миръ по старинѣ» съ в. к. Василіемъ и приняли его намѣстника, они сохранили у себя на пригородахъ князем-кормленщикомъ Лугвенія. Это своеобразно двойственное положеніе, столь различно освѣщаемое въ своемъ политическомъ и государственно-правовомъ смыслѣ съ точекъ зрѣнія московской и литовской, создавало, надо полагать, нѣкоторую опору новгородской самостоятельности передъ великорусской великокняжеской властью. И въ 1392 году едва ли случайно за отъѣздомъ Лугвенія изъ Новгородской земли [4]) слѣдуютъ новый подъемъ великокняжескихъ требованій и «розмирье» изъ за нихъ съ великимъ княземъ, а затѣмъ—появленіе въ Новгородѣ князей бѣлозерскаго Константина и литовскаго Романа [5]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 95, 97; Новг. I, стр. 376, 378.

[2]) Какъ представляетъ Прохаска (указ. соч., т. I, стр. 94).

[3]) А. З. Р., т. I, № 10.

[4]) „И тогды же (послѣ защиты Орѣшка отъ „разбойниковъ нѣмцевъ“) поиде въ Литву къ своей братьи, а городокъ покинувши“ — Новг. I, стр. 378.

[5]) „А на зимѣ князь Василей присла свои послы въ Новгородъ..... просити

Псковъ непричастенъ ко всѣмъ этимъ новгородскимъ дѣламъ; повидимому, тутъ послѣ отъѣзда Андрея Ольгердовича въ Литву все время сидѣлъ княземъ-намѣстникомъ его сынъ Иванъ. Новгородско-псковскія отношенія весьма натянуты; въ 1390 г. вспыхнуло открытое «розмирье», князь Лугвеній ходилъ на Псковъ съ новгородскимъ полкомъ, но дѣло кончилось миромъ; однако, въ свой миръ съ нѣмцами, заключенный въ 1392 г., новгородцы не включили псковичей, и тѣмъ пришлось самимъ особо вести дѣло о мирномъ докончаніи [1]). Не столько къ Москвѣ тянетъ Псковъ, сколько онъ въ рукахъ, враждебныхъ Ягайлу,—и возвращеніе «изъ нятья» князя Андрея Ольгердовича сопровождается новой вспышкой псковской вражды съ Новгородомъ: князья Романъ и Константинъ бились подъ Псковомъ съ Андреемъ и его сыномъ, нападеніе отбито, но мира не состоялось [2]).

Литовскія вліянія, литовскія отношенія нависли надъ западными областями Великороссіи. Великорусское великое княжество, безсильное ихъ преодолѣть и отбросить отъ предѣловъ того слишкомъ неопредѣлившагося міра «всея Руси», центромъ котораго считало себя, идетъ по пути сближенія съ западно-русскими элементами Литовско-русскаго государства, родственными восточной Руси въ національности, культурѣ и вѣроисповѣданіи, поддерживаетъ, по мѣрѣ силъ и возможности, ихъ недовольство литовскимъ засильемъ, ихъ борьбу противъ владычества языческой, а затѣмъ католической Литвы. Первыя шаги Витовта, который опирался, преимущественно, на коренную Литву, но искалъ сближенія съ русскими и православными элементами Литовско-русскаго государства, принялъ даже православіе, когда получилъ южно-русскій надѣлъ, вводили его въ кругъ отношеній, которыя создавали готовую почву для сближенія съ Москвой. Въ 1391 году Витовтъ-Александръ, сохранившій это православное крестное имя и послѣ того, какъ

чернаго бору и княжщины и о крестной грамотѣ", П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99. Въ другихъ сводахъ причина розмирья цѣликомъ сведена къ „крестной грамотѣ" новгородцевъ объ отказѣ отъ „зова" на судъ къ митрополиту въ Москву и отъ „мѣсячнаго суда" митрополита въ Новгородѣ; но это дѣло тянулось съ 1385 г., а въ данный моментъ в. к. Василій ставилъ ребромъ всѣ великокняжескія требованія Новгороду, въ томъ числѣ и церковный вопросъ, неотдѣлимый отъ новгородской политики. — Въ начавшемся розмирьи во главѣ новгородской рати два князя: Романъ литовскій, котораго, быть можетъ, оставилъ за себя Лугвеній (указатель къ П. С. Р. Л. отождествляетъ его съ Романомъ Юрьевичемъ, дѣйствовавшимъ въ Новгородѣ еще въ 1386 г. вмѣстѣ съ Патрикіемъ Наримонтовичемъ—т. IV, стр. 93, и убитъ на Шелонѣ въ 1397-8 г. — тамъ же, стр. 103), и Константинъ Ивановичъ Бѣлозерскій (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 166—167). Князь Романъ Юрьевичъ, можетъ быть, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ внукъ Наримонта-Глѣба, сынъ князя бельзскаго Юрія? Впрочемъ, вся генеалогія этой линіи литовскихъ князей весьма сомнительна.

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 97; стр. 194 („взяху новгородци миръ съ нѣмци, а псковичь вымирили вонъ; и взяху псковичи миръ особѣ").

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 64.

призналь себя сыномъ западной церкви, сталъ тестемъ великаго князя Василія. Слѣдующій годъ поставилъ его во главѣ Литовскаго великаго княжества на условіяхъ Островскаго договора. По существу, это круто мѣняло все положеніе. Витовтъ—въ ближайшіе годы—дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ Ягайломъ, вступаетъ на пути русской политики Ольгерда и Ягайла [1]). Въ полномъ согласіи съ Ягайломъ и формально его именемъ проводитъ Витовтъ упраздненіе самостоятельныхъ княженій по русскимъ областямъ [2]). Въ эти годы политика Витовта не противостоитъ сколько нибудь открыто и опредѣленно началамъ Кревской уніи. Тѣмъ знаменательнѣе та широкая восточная политика, какую онъ пробуетъ развернуть—въ духѣ Ольгерда, и то положеніе, какое онъ сумѣлъ занять на русскомъ востокѣ въ девяностыхъ годахъ XIV-го вѣка.

Князь литовскій, правитель Литвы подъ рукою «польскаго короля, великаго князя литовскаго и вотчича Руси» Ягайла, Витовтъ развиваетъ энергичную дѣятельность по расширенію своего вліянія и прямого властованія надъ русскими областями не только безъ противодѣйствія, но при прямой поддержкѣ Москвы и Твери. Ближайшая цѣль его—подчиненіе Смоленска и Великаго Новгорода. Въ 1395 г., въ то время, какъ восточная Русь переживала опасность нахожденія на ея предѣлы грознаго Тимура, Витовтъ использовалъ смуту среди смоленскихъ князей, чтобы вызвать ихъ въ свой лагерь на третейскій судъ, а тутъ ихъ захватить и замѣнить

---

[1]) Напомню, что ни въ одной грамотѣ начала девятостыхъ годовъ Витовтъ не титулуется „великимъ княземъ“ (supremus dux) Литвы; „великій князь“ это Ягайло („король польскій, великій князь литовскій, вотчичъ Руси“); только съ 1395—96 г. начинаетъ встрѣчаться наименованіе Витовта „великимъ княземъ Литвы“. М. К. Любавскій („Литовско-русскій сеймъ“, стр. 18) не учелъ этого обстоятельства, но признаетъ, что „Островское соглашеніе 1392 года..... не измѣнило Кревскій договоръ 1385 года въ принципѣ“.

[2]) Вмѣстѣ съ Троцкой отчиной по Кейстутѣ перешелъ къ Витовту и Полоцкъ изъ рукъ Свидригайла, какъ наданье отъ Ягайла; Витебскъ, когда кончилось пожизненное владѣніе имъ Ягайловой матери, въ управленіи Ягайловыхъ (не Витовтовыхъ) намѣстниковъ, а Витовтъ выбиваетъ оттуда засѣвшаго тамъ Свидригайла, чтобы отослать его плѣнникомъ къ Ягайлу; теряетъ владѣнія Корибутъ-Дмитрій новгородъ-сѣверскій и самъ въ плѣну, пока не взялъ его на поруки Олегъ рязанскій (затѣмъ видимъ его княземъ-подручникомъ при Витовтѣ); на югѣ Витовтъ отнимаетъ Кіевъ у Владиміра Ольгердовича съ поддержкой пословъ отъ Ягайла — для передачи его Скиргайлу, а Подолію у Ѳедора Коріатовича, чтобы часть ея получить, вмѣстѣ съ Волынью, въ державу отъ в. к. Ягайла. Все это тѣсно связано съ проведеніемъ въ жизнь началъ Кревской уніи, которую и Витовтъ скрѣпилъ участіемъ въ основномъ актѣ и записью на вѣрность королю и коронѣ польской, а въ 1392 году возобновилъ, дополнивъ особой записью на вѣрность королевѣ Ядвигѣ и коронѣ польской (Любавскій, указ. соч., стр. 18). — Оффиціальная терминологія того времени не различаетъ въ Ягайлѣ носителя великокняжеской власти на Литвѣ отъ короля польскаго; Ягайло стоитъ на почвѣ Кревской уніи, т. е. единства польско-литовской государственной власти.

своими намѣстниками. Князь Юрій Святославичъ избѣжалъ плѣненія, нашелъ поддержку у тестя, рязанскаго великаго князя Олега, но Москва поддержала Витовта. Весной того же года, какъ свершилось «первое взятіе Смоленску отъ Витóвта», в. к. Василій Дмитріевичъ и митр. Кипріанъ пріѣзжали къ нему въ Смоленскъ, а лѣтомъ и осенью в. к. Василій останавливаетъ попытку Олега рязанскаго поднять за ново борьбу противъ Витовта, но не препятствуетъ литовскому князю громить Рязанскую землю, а послѣ его рязанскаго похода— чествуетъ тестя на Коломнѣ [1]).

Такое сближеніе великихъ князей литовскаго и великорусскаго ставило въ трудное положеніе Великій Новгородъ. Розмирье съ в. к. Василіемъ не было исчерпано событіями предыдущихъ лѣтъ, хотя формально закончилось въ 1393 году уступкой со стороны Новгорода; новгородцы послали къ в. к. Василію пословъ «съ челобитьемъ о старинѣ», смирились и передъ митрополитомъ, допустили сборъ «чернаго бора» по своимъ волостямъ и взысканіе иныхъ княжескихъ пошлинъ. Тогда же взяли новгородцы миръ по старинѣ и съ Витовтомъ [2]). Но положеніе, занятое Великимъ Новгородомъ, дѣлало прочный миръ невозожнымъ. Новгородская независимость отъ великокняжеской власти значительно возрасла за время полной заброшенности задачъ сѣверо-западной великорусской политики со стороны этой власти. Господинъ Великій Новгородъ получилъ возможность, даже поставленъ въ необходимость вполнѣ независимо опредѣлять свои отношенія къ сосѣдямъ, весьти войны и заключать договоры, полагаясь только на самого себя [3]). Это годы наиболѣе полнаго новгородскаго народоправства. И новгородцы, признавая, по прежнему, княжескую власть необходимой, главнымъ образомъ, для ратнаго дѣла, все чаще повторяютъ опыты съ замѣной этой высшей власти ея суррогатомъ — дѣятельностью пришлыхъ князей, которыхъ «кормили новгородскимъ хлѣбомъ» на своихъ пригородахъ [4]). Отчужденіе отъ великорусскаго великаго княженія достигло высшей мѣры, и вторая половина девяностыхъ годовъ принесла Новгороду небывалыя испытанія.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69—70; т. XI, стр. 166; т. IV, стр. 101.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 100; Новг. I, стр. 379; только въ іюнѣ 1397 г. помирились новгородцы со Псковомъ—Новг. V, стр. 382.

[3]) Характеренъ извѣстный отвѣтъ ихъ в. к. Василію на требованіе его и Витовта разорвать миръ съ нѣмцами: „намъ, господине княже, съ тобою миръ свой, а съ нѣмци инъ, а съ Витовтомъ инъ; а ты, господине княже, въ то у насъ не вступайся: Новгородъ держитъ старину древнюю, какъ пошло отъ начала испервá“; этотъ отвѣтъ звучитъ совсѣмъ по новгородски; но не такъ еще давно главный новгородскій упрекъ великимъ князьямъ былъ за недостаточное вниманіе къ внѣшнимъ отношеніямъ Новгорода. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 168; т. IV, стр. 102; т. V стр. 250).

[4]) Въ 1393—1396 такую роль играетъ бѣлозерскій князь Константинъ Ивановичъ; въ 1397 одинъ за другимъ пріѣхали въ Новгородъ смоленскій князь Василій Ивановичъ, затѣмъ кн. Патрикій Наримонтовичъ.

Въ 1397 году въ Новгородъ явились «содиного» послы великихъ князей Василія Дмитріевича и Витовта и привезли новгородцамъ требованіе разорвать миръ съ нѣмцами. Новгородцы отвѣтили отказомъ, который пояснили утвержденіемъ самостоятельности своей политики и своихъ договоровъ съ великимъ княземъ всея Руси, съ Литвой, съ Нѣмцами. Смыслъ этого требованія не ясенъ: ни Витовтъ, ни тѣмъ болѣе в. к. Василій не думали въ данный моментъ о войнѣ съ Орденомъ [1]); быть можетъ, правильно было бы заключить объ этомъ смыслѣ отъ новгородскаго отвѣта—и понять требованіе, какъ отрицаніе за новгородцами права на самостоятельную внѣшнюю политику. Во всякомъ счучаѣ, оно было только предлогомъ для приступа къ выполненію плана дѣйствій, условленнаго, надо полагать, на Коломенскомъ съѣздѣ великихъ князей. Трудно понять связь дальнѣйшихъ событій безъ допущенія, что между великими князьями состоялось соглашеніе о раздѣлѣ новгородскихъ владѣній.

В. к. Василій посылаетъ на Двину своихъ бояръ, призывая Двинскую землю отложиться отъ Новгорода и «задаться» за него, князя великаго. Бояре двинскіе и вся Двинская земля цѣловали крестъ в. к. Василію, обезпечивъ себѣ опредѣленныя условія управленія по особой уставной грамотѣ. Одновременно великій князь занялъ Волокъ Ламскій, Торжокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ [2]). Въ то же время Витовтъ заключаетъ съ Ливонскимъ Орденомъ (въ октябрѣ 1398 года) свой знаменитый Салинскій договоръ, по которому отступился въ пользу рыцарей отъ Жмуди и отъ всякихъ притязній на Псковъ, обязуясь помочь имъ въ покореніи Псковской земли, а зато получилъ обязательство Ордена помочь въ завоеваніи Великаго Новгорода [3]). Въ Новгородъ явились послы Витовта съ объявленіемъ войны за то, что новгородцы не исполнили своего обязательства признать Витовта своимъ великимъ княземъ [4]). Но дѣйствія противъ Новгорода оказались

---

[1]) А. Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 106—109.

[2]) Новг. I, стр. 382—388: Двинская уставная грамота А. А. Э., т. I, № 13.— Торжокъ в. к. Василій „далъ“ князю Ивану Всеволодовичу холмскому, за котораго выдалъ сестру Анастасію (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70).

[3]) Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 110.

[4]) Новг. I, стр. 388: „обеществовали мя есте, что было вамъ за мене нятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти, а васъ мнѣ было обороняти, а вы за мене не нялися“.—Это моментъ, когда быстрый ростъ плановъ Витовта достигъ своего апогея—мечты о независимомъ Литовскомъ королевствѣ. Съѣздъ Литовскихъ пановъ и князей на о-вѣ Салинѣ провозгласилъ его „королемъ на Литвѣ и на Руси“, Орденъ опасался объединенія подъ властью Витовта Литвы и Руси—Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 111; М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 25—26; Барбашевъ, Витовтъ, и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 87. Не ясно, о какомъ обязательствѣ новгородцевъ „няться“ за в. к. Витовта заявили послы Витовта: источники молчатъ, но нѣтъ въ нихъ и отрицанія того, что подобные переговоры были. Напомню призывъ Ольгерда на псковское княженье, а тутъ рѣчь могла итти о князѣ для Новгорода отъ руки в. к. Витовта.

*

разрозненными, а союзники Витовта нерѣшительными въ подержкѣ его чрезмѣрнаго усиленія. Ордену было важно поссорить Витовта съ Ягайломъ, а не усиливать его подчиненіемъ Новгорода; да едва-ли рыцари на дѣлѣ мечтали о покореніи Пскова. Захватъ Двинской земли и другихъ новгородскихъ владѣній оказался недолговѣчнымъ, и раньше, чѣмъ Витовтъ развязалъ себѣ руки Салинскимъ договоромъ, войска Великаго Новгорода повели обратное завоеваніе и жестоко покарали отступившую отъ Новгорода Двинскую землю, а затѣмъ добились и «мира по старинѣ» съ в. к. Василіемъ. Едва ли скорое отступленіе великаго князя отъ широкихъ захватныхъ плановъ объяснимо одними ратными успѣхами Новгорода. Чрезмѣрное подчиненіе политикѣ Витовта грозило слишкомъ тяжкими послѣдствіями. Великокняжеская политика становится самостоятельнѣе, и когда Витовтъ отправилъ «възметную грамоту» въ Новгородъ, а Псковъ отдалъ въ жертву нѣмцамъ, псковичи снова нашли опору въ великорусскомъ великомъ княженіи, а Новгородъ возстановилъ «старину» своихъ отношеній къ великокняжеской власти. Лѣтомъ 1399 года Псковъ спѣшно укрѣпляется; Ольгердовъ внукъ, князь Иванъ Андреевичъ еще весной уѣхалъ, «цѣлованье сложивъ». Къ зимѣ выяснилось, что за Псковомъ и Новгородомъ стоитъ противъ Витовта великорусское великое княжество. Въ Новгородъ пріѣхалъ братъ великаго князя Андрей Дмитріевичъ; во Псковъ, по псковскому челобитью, великій князь прислалъ князя холмскаго Ивана Всеволодовича, а Витовтъ «тоя зимы миръ розверзъ съ своимъ зятемъ, съ великимъ княземъ Васильемъ и съ Новымъ городомъ и со Псковомъ» [1]). Въ Москвѣ стали другими глазами смотрѣть на политику Витовта, быть можетъ, въ связи съ тѣмъ толкованіемъ какое получили въ московской средѣ его татарскія отношенія.

III.

Сѣверные планы Витовта рушились, когда его вниманіе и энергія все сильнѣе прикованы къ югу; дѣла татарскія связали его силу и остановили наступленіе на Новгородъ. Уступчивость великорусскаго великокняжескаго правительства въ отношеніяхъ къ Витовту могла быть обусловлена не только личнымъ вліяніемъ тестя на в. к. Василія съ поддержкой в. к. Софьи Витовтовны и митр. Кипріана [2]), но и разрывомъ съ Ордой, разсчетомъ на оборону противъ татарской силы въ союзѣ съ Витовтомъ. Соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Москвы и Литвы противъ татаръ должно было быть предметомъ обсужденія на Коломенскомъ съѣздѣ великихъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 195.

[2]) Внутреннія отношенія московскаго великокняжескаго двора, о которыхъ наши источники не даютъ опредѣленныхъ свѣдѣній, вѣроятно многое объяснили бы въ колебаніяхъ великокняжеской политики не только въ татарскихъ, но и въ русско-литовскихъ дѣлахъ.

князей [1]). У Витовта въ рукахъ было такое орудіе для поддержки смутъ въ Золотой Ордѣ, какъ бѣжавшій къ нему ханъ Тохтамышъ, осѣвшій съ дворомъ своимъ въ Кіевщинѣ. Витовтъ съ 1397 года возобновилъ старину русскихъ княжихъ походовъ въ степь и военной колонизаціи своихъ владѣній плѣнными и бѣглыми инородцами [2]). Но планы его значительно шире. Онъ мечталъ о сокрушеніи Золотой Орды, собиралъ силы для большого похода, добылъ отъ папы Бонифація IX провозглашеніе въ Польшѣ, Литвѣ, Валахіи крестоваго похода на татаръ, заручился поддержкой Тевтонскаго Ордена. Не могъ тотъ же планъ большой войны съ татарами не захватить и сношеній Витовта съ Москвой и Тверью. Въ концѣ 1397 г. тверской в. к. Иванъ Михайловичъ ѣдетъ къ Витовту, въ 1398 происходитъ обмѣнъ послами между великими князьями Витовтомъ и Василіемъ [3]). Пограничная борьба Великороссіи не прекращалась въ эти годы на рязанской и нижегородской украйнѣ, но великокняжское правительство не откликнулось на проекты Витовта. Въ Москвѣ отнеслись съ крайнимъ недовѣріемъ къ покровительству, какое Витовтъ оказывалъ бѣглому хану Тохтамышу, маня его посуломъ возстановленія на ханствѣ. Памятники русскаго лѣтописанія сохранили указаніе на то, какіе предательскіе планы приписывали Витовту противники его вліянія на русскія дѣла: водворить Тохтамыша въ Ордѣ, а съ его помощью покорить себѣ Москву и все великорусское великое княженіе, чѣмъ разрѣшится въ его пользу и вопросъ о Новгородѣ и Псковѣ [4]).

Пораженію войскъ Витовта на берегахъ Ворсклы въ исторической литературѣ часто придаютъ нѣсколько преувеличенное значеніе. Конечно, оно подорвало планы большого наступленія на татарскій міръ, а, съ другой стороны, было ударомъ, отрезвляющимъ отъ мечтаній Салинскаго съѣзда, и въ польско-литовскихъ отношеніяхъ политика Витовта возвращается, въ значительной мѣрѣ, на прежніе пути солидарности съ Ягайломъ, однако,

---

[1]) Прохаска, указ. соч., стр. 119.

[2]) О степныхъ походахъ Витовта см. Ляскоронскаго, „Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время и походъ князя Витовта на Татаръ въ 1399 году“ (1907 г.; Ж. М. Нар. Пр. и отд.): Прохаска, указ. соч., стр. 119—121; М. С. Грушевскій, указ. соч., т. IV², стр. 313—314.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 71. Посолъ в. к. Витовта Ямонтъ въ Москвѣ; затѣмъ пріѣздъ в. к. Софьи къ отцу „съ боярами многими“.

[4]) „Хотѣлъ плѣнити Русскую землю и Новъградъ и Псковъ“—Новг. I, стр. 390; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 103, 143; т. V, 251; т. VIII, 72. Эти толки, связавшія въ одинъ широкій планъ татарскую и новгородскую политику, показательны для перелома въ отношеніи къ ней великорусскаго великокняжескаго правительства наканунѣ битвѣ на р. Ворсклѣ: послѣ нея мало бы въ нихъ было смысла, а разсказъ лѣтописныхъ сводовъ объ этой битвѣ полонъ злорадства униженію гордыни Витовта; разрывъ Москвы съ сѣверной политикой Витовта опредѣлился до битвы на Ворсклѣ: кн. Андрей Дмитріевичъ прибылъ въ Новгородъ къ 15 іюля (на „Володимерь день“), а бой на Ворсклѣ—12 августа 1399 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 172 и 174.

на новыхъ началахъ признанія за нимъ пожизненой великокняжеской власти; если не придавать чрезмѣрнаго значенія широкимъ замысламъ, какіе Витовту приписывали сосѣди, глядѣвшіе съ опаской на ростъ его силы, а въ представленіи его великорусскихъ недруговъ разрослись до столь франтастическихъ рамѣровъ, учитывать только реальныя черты достигнутаго имъ политическаго положенія, можно признать, что оно не было особенно рѣзко поколеблено пораженіемъ на берегахъ Ворсклы.

Въ частности не боевая неудача 1399 года разрушила сѣверно-рускіе планы Витовта, а временное объединеніе противъ него великорусскихъ силъ [1]). Пережитое пораженіе, совпавшее съ пересмотромъ литовско-польскихъ отношеній по смерти королевы Ядвиги, лишило Витовта возможности пойти на активныя дѣйствія. Въ ближайшіе годы Новгородъ, а затѣмъ Псковъ заключаютъ съ в. к. Витовтомъ «вѣчный миръ» [2]). Но это примиреніе не возстановило силы Витовта надъ сѣверными вольными городами. Во Псковѣ видимъ князя-намѣстника Даніила Александровича (изъ ростовскихъ князей)—представителя власти великаго князя всея Руси. А Новгородъ лишенъ литовской поддержки. Волненія, возникшія въ Смоленскѣ, гдѣ часть населенія была на сторонѣ Витовта, а часть стояла за возвращеніе князя-отчича, дали Юрію Святославичу возможность снова овладѣть Смоленскомъ съ рязанской помощью, а походъ Витовта подъ Смоленскъ осенью 1401 года кончился неудачей и «миромъ по старинѣ» съ княземъ Юріемъ, съ которымъ и новгородцы поспѣшили заключить докончаніе [3]). В. к. Василій въ то же время возобновилъ,—не объявляя Новгороду войны,—наступательныя дѣйствія для захвата Двинской земли и Торжка [4]). Однако и на этотъ разъ великому князю не удалось удержать новгородскихъ воло-

---

[1]) Къ началу 1399 года подходитъ одиноко стоящая въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ запись Софійской 2-й лѣтописи: „того же лѣта князь великій Василій Дмитреевичь московскій со княземъ Михаиломъ тверскимъ покрѣпиша миру, и соединишася вси князи русьстіи заодно и послаша грамоты разметныя ко князю Витовту Кестутьевичу литовскому“, а не къ 1396-му, подъ которымъ она читается (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 128),—ранѣе извѣстія о Коломенскомъ свиданіи великихъ князей.

[2]) Новг. I, стр. 391; П. С. Р. Л., т. V, стр. 18.

[3]) Новг., стр, 392; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75. Въ Смоленскѣ „бысть въ то время мятежъ и крамола, овіи хотяху Витовта, а друзіи отчича своего“; верхъ взяли послѣдніе, отворили городъ Юрію, перебили своихъ бояръ, „которые перевѣтъ держали ко князю Витовту“, и князя Романа брянскаго, „намѣстника Витовтова“, съ его брянскими боярами.

[4]) „На крестномъ цѣлованіи“ дважды подчеркнуто въ Новг. I, стр. 391 и 392. Надо полагать, что в. к. Василій намѣренно придавалъ этимъ дѣйствіямъ характеръ осуществленія своего великокняжескаго права. Новгородскіе посадники на Двинѣ арестованы, многіе двиняне казнены („крестьянъ повѣшали, а иныхъ посѣкли“), въчемъ можно видѣть репрессію за „измѣну“ — П. С. Р. Л., т. IV, стр. 143; задержаны и увезены въ Москву и новгородскіе бояре-посадники на Торжкѣ. Въ расправѣ съ новгородской партіей на Двинѣ во главѣ рати великаго князя—двинскіе бояре.

стей, причемъ всѣ лѣтописные своды замалчиваютъ обстоятельства, при которыхъ этотъ конфликтъ получилъ свое разрѣшеніе [1]). Повидимому, спѣшное примиреніе в. к. Василія съ новгородцами стояло въ связи съ оживленіемъ литовскаго напора на смоленскую область: дать разгорѣться борьбѣ съ Новгородомъ значило бы отдать его въ руки в. к. Витовта. Но отъ обороны Смоленска Василій Дмитріевичъ снова уклонился, хотя его примиреніе съ новгородцами и докончаніе съ ними князя Юрія смоленскаго, давали этому послѣднему надежду на великорусскую поддержку. Когда въ ближайшіе годы князь Семенъ Ольгердовичъ захватилъ смоленскій городъ Вязьму, а затѣмъ Витовтъ взялъ и Смоленскъ, князь Юрій Святославичъ искалъ въ Москвѣ обороны отъ литовскаго великаго князя, но Василій уклонился отъ столкновенія съ тестемъ [2]). Переговоры великихъ князей могли грозить выдачей Юрія Витовту: смоленскій князь бѣжитъ съ Москвы въ Новгородъ (возможно, что съ московскаго попустительства) и новгородцы приняли его [3]). Ихъ связывала общая опасность: казалось, возрождается возможность раздѣла новгородскихъ владѣній между литовскимъ и велико-

---

[1]) Въ 1402 г. в. к. Василій отпустилъ изъ плѣна новгородскихъ бояръ, взятыхъ въ Торжкѣ, но опредѣленно возстановленіе отношеній по старинѣ указано только сообщеніемъ о пріѣздѣ въ 1406 г. князя Петра Дмитріевича въ Новгородъ (Новг. I, стр. 392 и 394).

[2]) Новг. I, стр. 394 (князь Юрій поѣхалъ въ Москву поклониться в. к. Василію, чтобы его поборонилъ отъ в. к. Витовта, а безъ него „перевѣтники“ сдали Смоленскъ Витовту); по другимъ лѣтописямъ, князь Юрій билъ в. к. Василію челомъ о принятіи Смоленска въ составъ великаго княженія всея Руси: „дающеся ему самъ и со всѣмъ своимъ княженіемъ“; однако, в. к. Василій „не прія его, ни всего его княженія Смоленскаго, не хотя измѣнити Витовту“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 107; т. VIII, стр. 76); Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 471) сообщаетъ, что в. к. Василій имѣлъ „рядъ“ съ Витовтомъ о томъ, ему „не вступатися въ Смоленскъ и съ Юріемъ не имѣти любви“. Однако, есть извѣстіе, что в. к. Василій собирался поддержать Юрія, но затянулъ дѣло, а пока свершилось паденіе Смоленска. Это вызвало взаимныя нареканія: сторонники Юрія обвиняли в. к. Василія, что онъ намѣренно задержалъ Юрія „на тые сроки, норовя тестю своему Витовту“ (Супрасльская рукопись, стр.; 136; объ этихъ срокахъ упоминаетъ и Троицкая лѣтопись—П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 181: князь Юрій велѣлъ ожидать себя въ Смоленскѣ съ помощью „на первый срокъ, и на другій, и на третій“); а Василій попрекалъ Юрія: „пріѣхалъ еси съ лестію, и смольняномъ велѣлъ датися за Витовта“ (Архангелогородскій лѣтописецъ, изд. 1819 г., стр. 124).

[3]) Занявъ Смоленскъ, Витовтъ „посла на взысканіе Юрія“. О его обращеніи въ Москву и въ Новгородъ съ требованіемъ выдачи Юрія—Тверская лѣт. (П. С. Р. Л. т. XV, ст. 471), причемъ и псковичи высказались за единеніе съ Новгородомъ и Юріемъ. Нѣсомнѣнно, что если у в. к. Василія и былъ поводъ утверждать, что новгородцы приняли Юрія безъ его повелѣнія (т. XV, стр. 471), то этотъ ихъ шагъ не былъ сдѣланъ и противъ воли великаго князя. Юрій на новгородскихъ пригородахъ во время пріѣзда кн. Петра Дмитріевича и въ томъ же году отъѣхалъ изъ Новгорода на Москву (Нов. I, стр. 394—395), гдѣ состоялся бракъ его дочери Настасьи съ великокняжескимъ братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 28[illegible]

русскимъ великими князьями. Новгородцы укрѣпились съ княземъ Юріемъ на томъ, что имъ бороться отъ враговъ «съодиного» и дали ему 13 пригородовъ [1]). Ожидали боевого выступленія Витовта, опасались, видно, и двойственной политики в. к. Василія. Но вся осторожная уклончивость великокняжескаго правительства въ отношеніи къ в. к. Витовту и на этотъ разъ разрѣшилась крушеніемъ плановъ литовскаго князя. Витовтъ началъ военныя дѣйствія, послѣ взятія Смоленска, въ началѣ 1406 года нападеніемъ на псковскія волости. Псковичи вмѣстѣ съ новгородцами обратились за помощью въ Москву. Тогда въ Новгородъ и во Псковъ пріѣхалъ братъ великаго князя Петръ Дмитріевичъ—подготовить оборону, а затѣмъ двинулось великокняжеское войско съ татарской помощью отъ хана Шадибека. Литовскій напоръ, по прежнему, не только сплачиваетъ великорусскія силы, но и заставляетъ ихъ, отрѣшаясь отъ борьбы съ татарами, искать въ Ордѣ поддержки противъ общаго врага [2]). И Витовтъ остановленъ; обѣ стороны избѣгали рѣшительнаго столкновенія; заключено перемиріе, но «розмирье» затянулось года на три [3]). Великій князь всея Руси смѣлѣе беретъ теперь въ свои руки оборону западныхъ областей Вѣликороссіи. Прибытіе въ Новгородъ князя Петра означало ликвидацію особаго положенія Юрія; онъ отъѣхалъ въ Москву и получилъ Торжокъ уже не отъ Новгорода, а отъ князя великаго [4]). Во Псковѣ видимъ въ эти годы младшаго великокняжескаго брата Константина—руководителемъ обороны Пскова отъ нѣмцевъ [5]). Усиленіе дѣятельности великорусскаго центра на западныхъ предѣлахъ не замедлило оживить и шатость въ русскихъ элементахъ Литовско-русскаго государства: возобновляются отъѣзды изъ западной Руси къ Москвѣ, [6]) разсчитанные на великорусскую помощь во внутренней борьбѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, отр. 144—145: Русу, Ладогу, Орѣшекъ, Тиверьскый, Корѣльскый, Копорью, Торжокъ, Волокъ Ламьской, Порховъ, Вышегородъ, Яму, Высокое, Кокшинъ городецъ; упоминаніе Торжка и Волока наводитъ на мысль объ опаскѣ со стороны Москвы; въ Новгородѣ должны были опасаться новаго союза Литвы и Москвы, повторенія комбинаціи Коломенскаго съѣзда.—Въ Новгородской IV лѣтописи имѣемъ соединеніе двухъ записей о событіяхъ этого времени, которые такъ соединены, что о судьбахъ Смоленска и князя Юрія разсказано дважды; получилось двѣ осады Юрія въ Смоленскѣ, два отъѣзда его въ Москву, два прибытія его въ Новгородъ.—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 106—107; 144—145.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII$_1$, стр. 78; князь Петръ пріѣхалъ въ Новгородъ „въ пособіе на Литву“ (П. С. Р. Л., т IV, стр. 109); „Псковичемъ на помощь“ (т. VIII, стр. 78).

[3]) „Воевашася межи собою по три лѣта“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 254.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 81. Тутъ разыгралась семейная драма князя вяземскаго Семена, кончившаяся убійствомъ и его, и его жены, и бѣгствомъ убійцы—князя Юрія въ Орду; буйную жизнь Юрій Святославичъ заключилъ „въ пустыни“—въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

[5]) Тамъ же.

[6]) Въ концѣ 1405 г. при первомъ выступленіи в. к. Василія противъ Витовта къ нему на службу отъѣхалъ князь Александръ Ивановичъ Нелюбъ (Гольшанскій),

Литовско-русскаго государства—между противниками Витовта и этимъ великимъ литовскимъ княземъ, чья главная опора, землевладѣльческое панство коренной Литвы все болѣе тяжко подавляетъ русскіе и обрусѣлые элементы страны. Однако, все это нароставшее напряженіе отношеній не привело къ сколько-нибудь рѣшительной и острой борьбѣ. Характерны выступленія другъ противъ друга ратной силы обоихъ великихъ княженій—въ 1406 году на рѣку Плаву и къ Вязьмѣ, въ 1407-мъ на Угру—все съ тѣмъ же результатомъ: перемиріе на годъ, новое перемиріе, миръ «по давному»—на дѣлѣ безсрочное перемиріе, не разрѣшавшее сложнаго, вѣкового антагонизма [1]). Витовтъ связанъ, не менѣе в. к. Василія, внутренними отношеніями—русскими и польскими, какъ тотъ—новгородскими, нижегородскими, тверскими, рязанскими. Насколько великорусско-литовскія отношенія еще далеки отъ какой-либо національной и государственно-международной опредѣленности видно изъ того, что въ 1407 году вернулся въ Новгородъ князь Семенъ-Лугвеній—на тѣ пригороды, что и прежде были за нимъ, держалъ ихъ до 1412 года лично и намѣстниками своими, водилъ новгородское войско на шведовъ, причемъ въ тѣ же годы видимъ въ Новгородѣ великокняжескимъ представителемъ князя-намѣстника Константина Дмитріевича; новгородское кормленіе Лугвенія не было ни отъѣздомъ его отъ Витовта, ни нарушеніемъ «докончанія» Новгорода съ в. к. Василіемъ [2]). Новгородское народоправство блюло свою независимость на обѣ стороны и, по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ, укрѣпляло ее, постепенно подходя къ разрыву давней «старины», принадлежности своей къ великорусскому вели-

---

„а съ нимъ много Литвы и Ляховъ“; в. к. Василій принялъ его „съ любовью“ и далъ ему городъ Переяславль. Послѣ столкновенія съ Витовтомъ въ 1407—8 гг., на Москву изъ Брянска выѣхалъ Свидригайло Ольгердовичъ съ цѣлой группой литовско-русскихъ князей и бояръ; в. к. Василій далъ Свидригайлу въ кормленіе даже стольный Владиміръ—„со всѣми волостьми и съ пошлинами и съ селы и съ хлѣбомъ“, и города („потому же“) Переяславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржеву да половину Коломны—тамъ же, стр. 78, 82.

[1]) Тамъ же, стр. 78, 81, 82.

[2]) Новг. I, стр. 395—399. Въ тѣ же годы рядомъ съ Лугвеніемъ, который съ Витовтомъ „одинъ человѣкъ“, сидитъ на новгородскомъ „хлѣбокормленіи“ смоленскій Юрьевичъ Ѳедоръ—„ворогъ“ Витовту. Задачей политики Ягайла и Витовта въ эти годы было объединеніе возможно большихъ силъ—польскихъ, литовскихъ и русскихъ для рѣшительной борьбы съ нѣмецкимъ Орденомъ. Новгородцы пошли на договоръ объ общей борьбѣ противъ нѣмцевъ, но не соглашались признать полную зависимость своихъ внѣшнихъ отношеній польско-литовской политикѣ, а упорно твердили; „какъ есмя съ литовскимъ мирны, такъ есмя и съ нѣмцы мирны“, отстаивая право нейтралитета, если онъ отвѣчаетъ ихъ интересамъ. Угроза войной, когда Ягайло, Витовтъ и Лугвеній „вскинуша грамоты взметныя къ Новугороду“, не привела ни къ чему; это „розмирье“, не сопровождавшееся военными дѣйствіями, протянулось до 1414 года и закончено „мирomъ по старинѣ“; тамъ же, стр. 399—401.

кому княженію; литовская поддержка иногда помогала этому процессу, литовская опасность тормозила и подрывала его наростаніе [1]).

Какъ ни тревожно было первое десятилѣтіе XV-го вѣка въ жизни Великаго Новгорода, оно облегчало его положеніе между двумя сильными великими княженіями тѣмъ, что ихъ главные интересы были, въ ту пору, направлены въ иную сторону. Съ одной стороны, крѣпла польско-литовская унія, копя силы къ великому дню Грюнвальденской битвы; съ другой, надъ великорусскимъ великимъ княжествомъ нависла новая татарская гроза.

Разрывъ этого великаго княжества съ Ордой послѣ паденія Тохтамыша не привелъ къ продолженію освободительнаго дѣла, начатаго на Куликовомъ полѣ. Напротивъ: литовская опасность, судя по общему тону отношенія лѣтописныхъ сводовъ къ Витовту, привела къ тому, что тенденція «доброй думы къ Ордѣ» получила въ Москвѣ новую силу въ сознаніи, что Витовтъ врагъ болѣе грозный, чѣмъ татары. Еще при ханѣ Шадибекѣ возобновились сношенія съ Ордой [2]); въ 1406 г. приходила въ помощь в. к. Василію противъ Литвы татарская рать отъ царя Шадибека; смѣна его другой креатурой князя Едигея, Булатъ-Темиромъ совпала съ годами постоянной тревоги на нижегородской украйнѣ, борьбы съ попытками нижегородскихъ князей вернуться на свою отчину и на ней утвердиться, и болѣе опаснаго розмирья съ Витовтомъ. Великокняжеское правительство пытается отнять у нижегородскихъ отчичей татарскую поддержку, а также использовать силу Орды противъ литовскаго сосѣда, посылая настойчивыя жалобы и внушенія ордынскимъ властямъ. Передъ ордынскимъ владыкой Едигеемъ раскрывалось затруднительное положеніе «старѣйшаго великаго князя надъ толикимъ великимъ улусомъ» и возможность поставить ему опредѣленныя требованія [3]). Однако, въ Ордѣ, видимо, сознавали, что не переговорами и

---

[1]) Отношенія между Новгородомъ и в. к. Василіемъ оставались безъ точнаго договорнаго опредѣленія втеченіи долгаго ряда лѣтъ. Новгородъ не могъ до 1424 года добиться отъ великаго князя формальнаго отказа отъ притязаній на новгородскія волости, а самъ не соглашался на окончательное урегулированіе вопроса о „княжчинахъ“. Оба спорныхъ пункта разрѣшены только взаимнымъ крестоцѣлованіемъ 1424 года—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92.

[2]) Въ 1405 (6913) г. къ в. к. Василію приходилъ посолъ отъ царя Шадибека (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 281). Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 475) отмѣтила, что обращеніе къ татарской помощи вызвало разногласіе среди русскаго боярства; часть бояръ опасалась, что татары „осмотрятъ наряда земли нашей и восхотятъ сами пріити на ны“; „якоже и бысть ея“, замѣчаетъ лѣтописецъ, имѣя ввиду нашествіе Едигея. Но тутъ протестъ противъ сближенія съ татарами приписанъ „старцамъ“, а призывъ татарской помощи названъ „думою юныхъ нашихъ бояръ“. Возможно, что рѣчь идетъ о тверскихъ боярахъ; въ такомъ случаѣ тутъ можно усмотрѣть намекъ на посредническую роль Твери въ возобновленіи московско-татарскихъ отношеній.

[3]) По разсказу Никоновской лѣтописи, Едигей припоминалъ в. к. Василію Дмитріевичу: „а обиды каковы ни будутъ или отъ князей русскихъ или отъ Литвы,

требованіями можно добиться возстановленія ханской власти надъ русскимъ улусомъ. Едигей идетъ по слѣдамъ Тохтамыша. Набѣгъ 1408 года привелъ его подъ Москву; в. к. Василій оставилъ городъ на оборону дяди Владиміра Андреевича и братьевъ, а самъ съ семьей уѣхалъ въ Кострому; татарскіе отряды широко разнесли разореніе по городамъ и волостямъ великаго княжества. И долго—недѣли три—стояли татары подъ Москвой. Городъ выдержалъ осаду, но великій князь не смогъ организовать отраженіе врага. Едигей ушелъ съ добычей и откупомъ, какой вынудилъ у москвичей, по вѣстямъ изъ Орды о нападеніи на ханскую столицу какого-то царевича [1]). Этотъ набѣгъ наглядно вскрывалъ тягостное положеніе великорусскаго великаго княжества, безсильнаго объединить всѣ боевыя средства Великороссіи для обороны отъ татаръ, отъ ослабленной смутами и связанной внутренними раздорами Золотой Орды. Правда, и Едигей не смогъ извлечь изъ своего успѣха никакихъ прочныхъ результатовъ, кромѣ награбленной добычи. Только послѣ паденія Едигея и перехода власти въ Ордѣ къ сыну Тохтамыша Джелаледдинъ-Султану (Зелени-Салтану)—поѣхалъ в. к. Василій Дмитріевичъ къ этому хану «со множествомъ богатства», вынужденный къ тому возобновленіемъ татарскихъ связей нижегородскихъ и тверскихъ князей.

Время в. к. Василія Дмитріевича для Великороссіи—тяжкая година неустойчивыхъ, изнурительно-напряженныхъ отношеній, непрерывныхъ и безысходныхъ конфликтовъ, на разрѣшеніе которыхъ, сколько-нибудь опредѣленное и прочное, у великокняжеской власти не было необходимыхъ силъ и средствъ. Эта власть словно мечется между разными союзами и разрывами; нѣтъ у нея внутренней силы для опредѣленной постановки и послѣдовательнаго разрѣшенія сложныхъ заданій, возникавшихъ изъ международнаго положенія Великороссіи. То руководство судьбами Великороссіи, которое составляло цѣль и внутреннее оправданіе этой власти—въ разумѣніи ея носителей и въ пониманіи русскаго общества,—то и дѣло ускользаетъ изъ рукъ великаго князя Василія. Оно не по силамъ исторически-молодому политическому организму; преждевремено предъявляли задачи такого руководства требованіе единства и силы центральной власти въ такую пору, когда внутренній строй великорусскаго великаго княжества переживалъ только ранніе моменты эволюціи къ новымъ формамъ политическаго объединенія. Это преждевременное испытаніе силъ Великороссіи надрывало ихъ и неизбѣжно тормозило процессъ объединительной работы, но, съ другой стороны, обостряло потребность объединенія и ведшій къ нему кризисъ устарѣлыхъ порядковъ и отношеній.

и ты къ намъ на нихъ жалобныя шлешь ежелѣть и жалобныя грамоты и обороны у насъ отъ нихъ просишь"—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210.

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 82—84; т. XI, стр. 205—211 (повѣсть о нашествіи Едигея).

Однако, попытки строительной политической работы великорусской великокняжеской власти не были вполнѣ остановлены въ этотъ періодъ крайнихъ внѣшнихъ затрудненій. Во второмъ десятилѣтіи XV вѣка в. к. Василій Дмитріевичъ завершаетъ подчиненіе Нижняго Новгорода своему непосредственному управленію, но Рязанская земля, по прежнему, находитъ лишь слабую поддержку въ великорусскомъ центрѣ и то лишь изрѣдка, эпизодически. Въ то же время какъ съ трудомъ заканчивались безпокойныя перепетіи нижегородскаго дѣла, в. к. Василій повторилъ было покушеніе на Двинскую землю, но она вновь отбита [1]). Отношенія къ Новгорду такъ и установились по тому, что Новгородцы теперь называютъ «стариной», но это старина, которая покрывала «всю волю новгородскую», усложняясь и расширяясь по мѣрѣ роста самодѣятельности новгородскаго народоправства. Новгородъ не отдѣляется формально отъ Владимірскаго великаго княжества, принимаетъ великокняжескихъ намѣстниковъ, но держитъ рядомъ съ ними на пригородахъ, на новгородскомъ хлѣбокормленіи западно-русскихъ князей и даже «низовскихъ», если кто изъ нихъ уходилъ въ Новгородъ изъ за ссоры съ великимъ княземъ [2]); притомъ Новгородъ ведетъ вполнѣ самостоятельно свои отношенія къ в. к. Витовту, къ шведамъ, къ Ливонскому ордену и къ своему «младшему брату» Пскову внѣ замѣтнаго вліянія на эти дѣла представителей великокняжеской власти въ Новгородѣ и Псковѣ [3]). Остро сталъ вопросъ объ отношеніи Тверской земли къ великорусскому великому княжеству. Тверь—въ первой четверти XV-го вѣка—преодолѣваетъ послѣдніе «удѣльные» раздоры, находившіе опору во власти великаго князя всея Руси, и этотъ процессъ внутренней концентраціи ставилъ ее болѣе

---

[1]) Новг. I, стр. 404; П. С. Р. Л., т. XI, стр. 232.

[2]) Подъ 1414 и 1421 упоминается князь Ярославъ Владиміровичъ (изъ смоленскихъ); въ 1419 выѣзжалъ, по ссорѣ съ братомъ, князь Константинъ Дмитріевичъ,—и новгородцы дали ему тѣ пригороды, что были раньше за Семеномъ-Лугвеніемъ Ольгердовичемъ; но въ то же время во главѣ новгородскаго управленія—князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, намѣстникъ князя великаго, и онъ представляетъ Новгородъ въ переговорахъ съ Ливонскимъ Орденомъ вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ. Характерно, что Новгородская лѣтопись говоритъ, несмотря на великокняжескаго намѣстника, о докончаніи ливонскаго магистра „со княземъ Константиномъ и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ“ —П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 87; т. VI, стр. 120; Новг. I, стр. 410.

[3]) На упомянутый съѣздъ съ нѣмецкими послами новгородцы, по выраженію Новгородской I лѣтописи, „послаша“ великокняжескаго намѣстника вмѣстѣ со своими посадниками. Участіе новгородскаго полка въ Грюнвальденской битвѣ съ княземъ Семеномъ-Лугвеніемъ (см. Барбашевъ, Витовтъ—послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 112) не было, конечно, участіемъ въ ней отряда войскъ великаго княжества.—Подъ 1421—1422 гг. лѣтописные своды сохранили запись о томъ, что новгородцы „цѣловаша крестъ за одинъ братъ“—безъ поясненій о поводѣ и содержаніи такого крестоцѣлованія (Новг. I, стр. 412; Новг. II, стр. 50), что даетъ впечатлѣніе конъюрацін Новгородской городской общины.

независимо по отношенію къ Москвѣ и великому княжеству всея Руси. Тверь при великомъ князѣ Иванъ Михайловичѣ стоитъ самостоятельной политической единицей между Москвой, татарами и Литвой.

По смерти отца—черезъ двѣ недѣли послѣ побѣды татаръ на берегахъ Ворсклы—в. к. Иванъ оказался лицомъ къ лицу съ окрѣпшей силой Орды. Его отецъ поддерживалъ вассальныя отношенія къ Темиръ-Кутлую [1]). а Иванъ Михайловичъ отправилъ въ Орду пословъ, которые привезли ему ярлыкъ на Тверское великое княженіе отъ хана Шадибека [2]). Это было время, когда и Тверь втягивается въ объединеніе великорусскихъ силъ противъ Витовта, когда подъ давленіемъ литовской опасности и великій князь всея Руси вынужденъ снова искать сближенія съ Ордой. Тверская рать участвуетъ въ первомъ выступленіи противъ Витовта 1406 года, но заключеніе перемирія, закончившаго на время это розмирье, вскрыло основныя разногласія между двумя великокняжескими властями. В. к. Василій повелъ переговоры съ Витовтомъ и заключилъ перемирное докончаніе безъ сношеній съ тверскими князьями и в. к. Иваномъ, а въ договорной грамотѣ написалъ его имя ниже своихъ братьевъ. Это встрѣтило рѣзкій протестъ. Тверскіе князья и воеводы ушли съ тверскимъ полкомъ, и в. к. Иванъ отвергъ союзъ съ в. к. Василіемъ за то, что московскіе князья не почитаютъ тверскихъ равными себѣ, не соблюдаютъ чести тверского имени въ формулѣ грамотъ, заключаютъ миръ не «по думѣ» съ тверскими князьями, стало быть обходятся съ ними, какъ со служилыми князьями [3]). Въ походѣ подъ Вязьму и на Угру 1406—1407 годовъ Тверь участія уже не приняла. Во время нашествія Едигея на Москву тверской великій князь уклонился отъ участія, по требованію ордынскаго вождя, въ осадѣ московскаго города, за что тверскія волости подверглись раззоренію [4]). Наши лѣтописные своды объясняютъ эти его дѣйствія осторожнымъ уклоненіемъ отъ разрыва съ Москвой; но въ эту пору прямая помощь татарамъ въ набѣгѣ на Русь была и на тверской почвѣ общественно-психологической невозможностью. Иное дѣло отношенія къ великому княжеству Литовскому. Стремленіе отстоять возможно полнѣе свою независимость отъ великорусской великокняжеской власти неизбѣжно толкало Тверь на испытанные пути союза съ Литвой и попытокъ найти въ ней опору и покровительство. Въ Тверскомъ великомъ княжествѣ не замедлили возродиться внутреннія смуты, находившія опору въ Москвѣ. Великокняжеская власть не могла отказаться отъ попытокъ привести Тверь въ свою волю. А путь къ Литовскому великокняжескому двору давно проложенъ связями фамильнаго свойства. Въ 1411 г.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 280 (Карамзинъ, т. V, прим. 185).
[2]) Тамъ же, стр. 281.
[3]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 476—477.
[4]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 136; т. VIII, стр. 83; т. XI, стр. 209; т. XVIII, стр. 283.

видимъ тверского княжича Александра Ивановича на побывкѣ у Витовта въ Кіевѣ, а въ слѣдующемъ году заключенъ союзъ великихъ князей литовскаго и тверского, что «быти имъ всюду за единъ» [2]), и тверской полкъ участвуетъ затѣмъ въ польско-литовской войнѣ съ Ливонскимъ Орденомъ [3]).

Однако, это сближеніе Твери съ Литвой не имѣло остраго политическаго значенія, ввиду тѣхъ отношеній какія послѣ временнаго розмирья, установились между великими князьями Витовтомъ и Василіемъ. Съ 1412 года, когда на ханствѣ Золотой Ордѣ утвердился сынъ Тохтамыша Джелаледдинъ Султанъ, связанный съ Витовтомъ, у котораго въ годы изгнанія находилъ съ отцомъ убѣжище и поддержку, а в. к. Василій возобновилъ сношенія съ Ордой и поѣздки къ хану, чтобы вліяніемъ въ Ордѣ поддержать свою нижегородскую и тверскую политику, ордынскія и литовскія отношенія Твери теряли, въ значительной мѣрѣ, свою опасность для великорусской великокняжеской власти. Но отказъ Тверского великаго княжества отъ полной и дѣятельной солидарности съ великорусскими силами, которыя было сплотились подъ властью великаго князя всея Руси, не могъ не усилить пассивности этой власти, и можно признать, что этотъ отказъ сыгралъ свою роль, какъ въ обновленіи зависимости в. к. Василія отъ хана, такъ, особенно, въ упадкѣ всякой энергіи противодѣйствія литовской политикѣ и новомъ подъемѣ литовскаго вліянія на дворъ и политику великаго князя всея Руси.

Послѣдніе годы жизни и княженія в. к. Василія Дмитріевича характерно отмѣчены этимъ усиленіемъ литовскихъ связей Москвы. Наряду съ затруднительнымъ и сложнымъ укладомъ внѣшнихъ отношеній великаго княжества это явленіе обусловлено—не менѣе, если не болѣе—тревожнымъ напряженіемъ внутреннихъ дѣлъ его. В. к. Василій, какъ еще увидимъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи, имѣлъ основаніе смотрѣть съ тревогой на будущее, какое ожидаетъ его семью и наслѣдіе его власти послѣ его кончины. Въ случаѣ его смерти—наслѣдникомъ оставался князь-малолѣтокъ, такъ какъ старшій Васильевичъ Иванъ умеръ въ 1417 году. Вскорѣ послѣ этой утраты составлена духовная грамота, въ которой сынъ Василій, родившійся въ 1415 году, порученъ матери в. к. Софьѣ Витовтовнѣ: она ему будетъ вмѣсто отца [3]). Естественнаго опекуна своему сыну и вдовѣ-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219.

[2]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 488 (1422).

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 41. Соображенія, по коимъ надо ее отнести къ 1418 году см. выше, на стр. 282, примѣчаніе. Въ первой духовной в. к. Василія (тамъ же, № 39), писанной когда жива была мать в. к. Василія в. к. Евдокія (ум. въ 1407 г.) и въ такую пору, когда произошелъ разрывъ съ Витовтомъ (1405—6 г.), в. к. Софьѣ не отводилось столь значительнаго положенія; князю Ивану тамъ только внушалось держать мать „во чти и въ матерствѣ, какъ Богъ реклъ“, а поручены они оба, мать и сынъ, князю Владиміру Андреевичу и братьямъ великаго князя Андрею и Петру Дмитріевичамъ.

княгинѣ в. к. Василій видитъ въ Витовтѣ, тестѣ своемъ [1]). Въ 1423 году составлена послѣдняя духовная в. к. Василія—съ тѣмъ же «приказомъ» ему дочери, в. к. Софьи и ея сына. Въ томъ же году в. к. Софья Витовтовна ѣздила къ отцу, а вслѣдъ за ней прибылъ къ Витовту и митр. Фотій. Эта поѣздка имѣла политическій смыслъ. Митр. Фотій повезъ съ собой къ Витовту духовную грамоту в. к. Василія: она была въ подлинникѣ предъявлена литовскому великому князю при переговорахъ о новомъ подтвержденіи прежнаго докончанія относительно его «печалованія» дочерью, великой княгиней, и ея сыномъ [2]). И въ томъ же году московскій и тверской отряды участвовали въ походѣ Витовта на нѣмцевъ, а въ слѣдующемъ—Витовтъ вызываетъ великорусскую помощь противъ татарскаго набѣга [3]). Витовтъ стремился закрѣпить успѣхъ, достигнутый въ Грюнвальдской побѣдѣ, военными дѣйствіями литовскихъ, польскихъ и русскихъ силъ, и привлечь къ войнѣ съ нѣмцами, по крайней мѣрѣ, Псковъ и Новгородъ. Но торговые города, часто воюя съ нѣмцами, искали мира, держались оборонительно. Къ началу двадцатыхъ годовъ и Новгородъ и Псковъ добились мира съ сосѣдями, а псковичи даже обязались не помогать Витовту. За это имъ грозилъ гнѣвъ Витовта, и псковичи, опасаясь реальныхъ осложненій, искали обороны и посредничества у в. к. Василія; но, замѣчаетъ псковская лѣто-

---

[1]) „А приказываю своего сына князя Василья и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тестю великому князю Витовту, какъ ми реклъ, на Богѣ да на немъ, какъ ся иметъ печаловати“. Та же грамота даетъ указаніе на обмѣнъ дружественными посольствами и дарами тестя съ зятемъ („каменное судно большое, што ми отъ великого князя отъ Витовта привезлъ князь Семенъ“) и в. к. Василія съ Ягайломъ („да кубокъ хрустальной, што ми король прислалъ“); князь Семенъ—не Лугвеній ли Ольгердовичъ? Кромѣ Витовта в. к. Софья и в. к. Василій Васильевичъ „приказаны“ младшимъ братьямъ великаго князя Андрею, Петру и Константину и двумъ Владиміровичамъ (Андреевича) Семену и Ярославу; старшій сынъ Владиміра Андреевича Иванъ не упомянутъ: это говорило бы противъ датировки духовной 1418 годомъ, такъ какъ смерть кн. Ивана отнесена въ нѣкоторыхъ родословныхъ къ 1422 году (Экземплярскій, т. II, стр. 305), но рискованно опираться на ихъ данныя, особенно хронологическія.

[2]) Грамота в. к. Василія (С. Г. Г. и Д., т. I, № 42) хранится въ Главномъ Архивѣ М-ства Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ: 1) въ подлинникѣ, за большой великокняжеской печатью и подписью митр. Фотія и 2) въ современномъ подлиннику спискѣ, на оборотѣ котораго тою же рукой, которая писала списокъ, сдѣлана надпись: „списокъ съ грамоты что пошла къ великому князю къ Витовту съ Олексѣмъ въ лѣто 30 первое з средохрестья“; и еще (повидимому, другимъ почеркомъ): „списокъ з грамоты что поималъ Олексѣй з собою во Литву коли съ митрополитомъ поѣхалъ Фотѣемъ на средохрестную“. Издана грамота съ подлинника; вѣроятно, поэтому надписи на спискѣ остались незамѣченными и не изданными.

[3]) „Того же лѣта князь Литовскый Витовтъ собравъ силы многы, нетокмо Литву, но москвичъ и тферичъ и иныхъ многыхъ подъемъ, и иде на Прусы и взя градъ Голубь“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 24. Ср. у Борзаковскаго (указ. соч., примѣчаніе 901).—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 142; т. VIII, стр. 91—92.

пись, великій князь, хоть и присылалъ во Псковъ, по псковскому челобитью, князей-намѣстниковъ, однако, «не учини на добро ничего же». [1]). Это внѣшнее безсиліе великорусской великокняжеской власти было обусловлено тягостнымъ внутреннимъ состояніемъ Великороссіи, въ которой разростался сложный политическій кризисъ.

IV.

Союзъ митрополіи всея Руси съ великорусской великокняжеской властью, достигшій особой силы и значенія при митр. Алексѣѣ, долженъ былъ неизбѣжно привести къ постановкѣ самою жизнью ряда чрезвычайно острыхъ и сложныхъ вопросовъ не только объ отношеніяхъ между митрополіей и Константинопольской патріархіей, между митрополичьей властью и мѣстными церковными и свѣтскими властями отдѣльныхъ православно-русскихъ земель, между церковной и свѣтской властью вообще, но и болѣе общій—о томъ, что же мыслится въ данное время подъ понятіемъ «всей Руси», разъ этотъ терминъ входитъ въ составъ титула, какъ митрополита, такъ и великаго князя. Для митрополіи терминъ имѣлъ вполнѣ опредѣленное значеніе—совокупности всѣхъ русскихъ епархій, но по отношенію къ великому княженію подлежалъ то болѣе, то менѣе широкому толкованію, такъ какъ стоялъ въ явномъ противорѣчіи съ реальными предѣлами Владимірскаго великаго княжества, которое противопоставляется въ грамотахъ сосѣднимъ мѣстнымъ великимъ княжествамъ Великороссіи, новгородскимъ волостямъ, тѣмъ болѣе—западной Руси. Терминъ «всея Руси» заключалъ выраженіе тенденціи къ властной политической роли внѣ предѣловъ великокняжескихъ владѣній (притязанія на великокняжеское старѣйшинство среди всѣхъ мѣстныхъ политическихъ силъ Великороссіи—по отношенію къ такимъ «младшимъ братьямъ», какъ тверскіе или рязанскіе князья, на опредѣленную власть въ Новгородѣ и Псковѣ, на монополію въ правѣ сношеній съ Ордой, на оборону противъ литовскаго захвата въ Смоленской землѣ и въ области Черниговосѣверской, оборону, готовую, при первой возможности, перейти въ наступленіе), т. е. тенденціи къ расширительному толкованію понятія «всея Руси» до тѣхъ предѣловъ, какіе этотъ терминъ имѣлъ въ титулѣ митрополита. Попытка митр. Алексѣя поставить борьбу Москвы и Литвы на церковно-религіозную почву, какъ борьбу православнаго христіанства противъ «огнепоклонника» Ольгерда, выдвинула съ большой рѣзкостью національно-религіозную точку зрѣнія на политическія отношенія Восточной Европы. И вся дѣятельность этого митрополита сковала прочной связью представленіе о «всей Руси», какъ объектѣ церковной власти митрополита, съ возможно-широкимъ пониманіемъ задачъ великокняжеской дѣятельности,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 23 (6929 г.), 24 (6931 и 6932 г.).

направленной на оборону Руси отъ иноземныхъ и иновѣрныхъ силъ и на объединеніе ея вокругъ одного политическаго центра. Церковно-политическое значеніе русской митрополіи становилось мощнымъ факторомъ въ развитіи не только междукняжескихъ отношеній Великороссіи, не только ея международныхъ отношеній, но и политическаго кругозора ея правящей среды.

Удержать въ своихъ рукахъ эту крупную силу, сохранить ея вліяніе и національно-политическій характеръ было для великорусской великокняжеской власти дѣломъ чрезвычайной важности. Путь къ тому былъ ясенъ: надо было передать митрополичью каѳедру послѣ митр. Алексѣя русскому кандидату, человѣку изъ той же среды—служилаго великокняжескаго двора, изъ которой и самъ онъ вышелъ. Митр. Алексѣй намѣчалъ себѣ въ преемники испытаннаго сотрудника, троицкаго игумена Сергія; но Сергій уклонился отъ самостоятельной политической роли, находя, что это дѣло «выше его мѣры», и остался у св. Троицы. У в. к. Дмитрія былъ свой кандидатъ, болѣе приспособленый къ свѣтской и публичной сторонѣ дѣятельности митрополита—архимандритъ Михаилъ, болѣе извѣстный по прозванію Митяй или Митя, по мірскому, надо полагать, его имени. Исторія этого коломенскаго священника, который сталъ духовникомъ великаго князя Дмитрія Ивановича и всѣхъ его старѣйшихъ бояръ, великокняжескимъ канцлеромъ-печатникомъ, затѣмъ архимандритомъ Спасскаго монастыря и нареченнымъ митрополитомъ, не только сильно взволновала московское общество, но подняла и рядъ принципіальныхъ вопросовъ. И, прежде всего, вопросъ о единствѣ митрополіи. Онъ былъ предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ соборнымъ патріаршимъ опредѣленіемъ о поставленіи Кипріана: послѣ Алексѣя временное ея раздѣленіе должно прекратиться, и Кипріанъ, митрополитъ литовскій и малорусскій, станетъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси. Но въ Москвѣ Кипріана считали политическимъ врагомъ, союзникомъ литовскому великому князю [1]); великокняжеское правительство твердо стояло

---

[1]) Въ посланіи къ троицкому игумену Сергію и симеоновскому игумену Ѳедору отъ 23 іюня 6886 (1378) года Кипріанъ борется противъ такого мнѣнія о немъ: 1) утвержденіемъ, что не былъ враждебенъ великорусскому великому княжеству; „не вышло, пишетъ онъ, изъ моихъ устъ слово на князя на великого на Дмитрія, ни до ставленія, ни по поставленіи, ни на его княгиню, ни на его бояре, ни доканчивалъ есмь съ кимъ, иному добра хотѣти болѣ его, ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ,—нѣсть моея вины предъ нимъ“, а желалъ ему добра, и ненавидѣлъ „пригадывающихъ на его лихо“; и 2) разъясненіемъ, что его дѣятельность на Литвѣ была на пользу Великороссіи (освобождалъ плѣнныхъ, взятыхъ литовцами, напр. кашинцевъ) и возсоединенію митрополіи, такъ какъ онъ утверждалъ на Литвѣ христіанство крещеніемъ невѣрныхъ и строеніемъ церквей, возстановилъ заброшенныя епархіи, а также владѣнія митрополіи и власть митрополита, бывшую въ упадкѣ по невозможности для митр. Алексѣя ее осуществлять. „Азъ, пишетъ Кипріанъ, потружаюся отпадшая мѣста приложити къ митрополіи и хочю укрѣпити, чтобы до вѣка такъ стояло, на честь и на величество митрополіи, князь же великій гадаетъ

на томъ, что не приметъ Кипріана, какъ человѣка, взысканнаго злѣйшимъ непріятелемъ Москвы [1]). Вопросъ о преемствѣ послѣ митр. Алексѣя былъ поднятъ оффиціально при его жизни. Но сохранившіеся до нашихъ дней источники не даютъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, какъ это произошло, напримѣръ, былъ ли сразу поставленъ вопросъ о неканоничности поставленія Кипріана, какъ поставленъ онъ нѣсколько позднѣе въ соборномъ опредѣленіи патр. Нила [2]). По утвержденію Кипріана в. к. Дмитрій шелъ на признаніе раздѣла митрополіи, чтобы поставить своего кандидата во главѣ великорусской церкви, но въ согласіи ли съ митр. Алексѣемъ—это весьма сомнительно. Кандидатура Митяя на митрополію не встрѣтила сочувствія со стороны митр. Алексѣя. В. к. Дмитрій стремился обезпечить за Митяемъ митрополію тѣмъ же порядкомъ, какъ это произошло въ свое время по отношенію къ митр. Алексѣю—благословеніемъ предшественника и предварительнымъ соглашеніемъ съ патріархіей. Однако ни лѣтописная «Повѣсть о Митяѣ», ни посланіе митр. Кипріана къ Сергію и Ѳедору не даютъ безспорнаго и яснаго представленія о роли митр. Алексѣя во всемъ этомъ дѣлѣ [3]). Совокупность указаній приводитъ скорѣе къ выводу, что онъ такъ и не далъ своего благословенія Митяю [4]). Неудача съ попыткой

двоити митрополію“, такъ какъ выдвигаетъ на поставленіе новаго, второго кандидата.—Р. И. Б., т. VI², ст. 181—183.

[1]) Тамъ же, приложенія, ст. 207—208.

[2]) Тамъ-же, ст. 175—176. Это соборное опредѣленіе 1380-го года содержитъ цѣлый обвинительный актъ противъ Кипріана, явно основанный на жалобахъ и протестахъ митр. Алексѣя, и признало опредѣленіе патр. Филоѳея о поставленіи Кипріана неканоничнымъ, а Кипріана заслуживающимъ полнаго низложенія и изгнанія (ст. 180). Компромиссное рѣшеніе, какое затѣмъ принято этимъ опредѣленіемъ—въ прямое противорѣчіе установленнымъ предпосылкамъ—вызвано, надо полагать, политическими соображеніями: опасеніемъ разрыва съ Литвой, куда бѣжалъ изъ Константинополя Кипріанъ.

[3]) „Повѣсть о Митяѣ“ въ выпискахъ—П. С. Р. Л., т. XV, стр. 438—439; краткая редакція въ Ермолинской лѣтописи—т. XXIII, стр. 121—123; пространная въ Воскресенской и Никоновской—т. VIII, стр. 28—32; т. XI, стр. 35—41. Эта послѣдняя содержитъ вставки, подчеркивающія рѣшительное осужденіе Митяя въ выраженіяхъ близкихъ къ посланію Кипріана игуменамъ Сергію и Ѳедору, что дало Е. Е. Голубинскому поводъ приписать Кипріану „сказаніе, враждебное Михаилу“ („Ист. Русс. Церкви“, т. II, ч. I, стр. 230); П. П. Соколовъ правильнѣе видитъ въ лѣтописи не два сказанія, а одно, но вставки въ пространную редакцію приписываетъ тоже Кипріану („Русс. архіерей изъ Византіи“, стр. 428). Не вижу твердаго основанія для авторской роли Кипріана; противъ Митяя была весьма значительная часть духовенства, а посланіе Кипріана сохранилось въ спискахъ въ двухъ Кормчихъ XV-го вѣка, стало быть, могло послужить письменнымъ источникомъ для редактора лѣтописнаго свода XVI-го вѣка.

[4]) Е. Е. Голубинскій (тамъ же, стр. 230—234) и Соколовъ (тамъ же, стр. 463) признаютъ, что Алексѣй въ концѣ концовъ подписалъ грамоту на номинацію Митяя. Но слова посланія Кипріана: „и что клеплютъ митрополита, брата нашего, что онъ

подготовить кандидатуру Сергія на митрополію [1]) и крупныя разногласія относительно Митяя сильно запутали положеніе, и безъ того трудное.

Въ Константинополь отправлено посольство для подготовки дѣла при патріаршемъ дворѣ, и патр. Макарій, отвергшій притязанія Кипріана, передалъ великорусскую церковь въ управленіе архимандрита Михаила, вызывая его, въ то же время, для поставленія на митрополію Великой Руси въ Константинополь [2]). Такое рѣшеніе дѣла, очевидно, не соотвѣтствовало основнымъ идеямъ церковной и мірской политики Алексѣя, и можно подозрѣвать, что не одна личность великокняжескаго кандидата, но и болѣе принципіальныя причины вызвали разногласіе между великимъ княземъ и митрополитомъ. Не имѣя епископскаго сана, Михалъ-Митяй вступилъ, по полномочію отъ патріарха, въ управленіе митрополіей, и передъ отправленіемъ въ Константинополь задумалъ ставиться въ епископы отъ мѣстнаго, великорусскаго, епископскаго собора, но проектъ этотъ разрушенъ возраженіями суздальскаго епископа Діонисія [3]). Кандидатура Митяя потеряла почти

его благословилъ на та вся дѣла, то есть лжа“ и далѣе: „или утаилося есть намъ, како учинилося есть на смерти митрополичѣ? видѣ грамоту, записалъ митрополитъ умирая, и та грамота будеть съ нами на великомъ соборѣ“—заключаютъ отрицаніе, а не утвержденіе этого. Грамота Алексѣя должна была послужить Кипріану противъ Митяя, а не доказательствомъ „незаконнаго поведенія умершаго митрополита“, какъ толкуетъ Голубинскій. Кипріанъ поясняетъ, что „лжа есть“, будто Алексѣй поступилъ вопреки 34-му правилу св. апостоловъ и учинилъ номинацію Митяя, „помимо большаго своего“, т. е. патріарха, и безъ собора епископовъ. Митр. Алексѣй не выполнилъ и поставленія Митяя въ епископы, ссылаясь, по свидѣтельству повѣсти, на то, что Митяй „новоукъ“ въ чернечествѣ. Предположеніе П. П. Соколова, будто Алексѣй далъ Митяю намѣстничество, ничѣмъ не подтверждается.

[1]) Не все ясно въ передачѣ нашими источниками эпизода съ игуменомъ Сергіемъ. Сообщеніе о томъ, какъ митр. Алексѣй возложилъ на него золотой крестъ „якоже нѣкое обрученіе“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 34) даетъ П. П. Соколову поводъ замѣтить, что „Сергій принялъ это обрученіе съ будущею каѳедрою во имя монашескаго послушанія“ (указ. соч., стр. 441), а если придавать значеніе показанію Степенной Книги, что по смерти Алексѣя „мнози моляху“ Сергія принять митрополію (П. С. Р. Л., т. XXI, ч. 2, стр. 363), пришлось бы признать, что вопросъ не былъ исчерпанъ при жизни Алексѣя. П. П. Соколовъ полагаетъ, что среди этихъ „многихъ“ не могло быть в. к. Дмитрія (указ. соч., стр. 464). Возможно, что отказъ Сергія былъ связанъ съ великокняжеской кандидатурой Митяя.

[2]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 206.

[3]) Утвержденіе Кипріана, что в. к. Дмитрій „гадаетъ двоити митрополію“ отчасти подтверждается тѣмъ, что Митяй и в. к. Дмитрій пытались устроить поставленіе соборомъ епископовъ „сущихъ въ Рустѣй землѣ подъ областью государства“ в. к. Дмитрія (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 29—30). Митр. Макарій принялъ чтеніе „Повѣсти о Митяѣ“ въ Никоновской лѣтописи, согласно которому Митяй предполагалъ ставиться отъ русскихъ епископовъ въ „епископа и первосвятителя“, согласно чему и аргументація его: „почтохъ правила святыхъ отецъ и обрѣтохъ сице въ нихъ, яко достоитъ сшедшимся епископомъ, елице обрящутся, 5 или 6 да поставятъ епископа“ передѣлана въ указаніе, что 2 или 3 епископа могутъ поставить епи-

всѣ преимущества, какія въ свое время имѣлъ за себя Алексѣй: авторитетное благословеніе предшественника, санъ владимірскаго епископа, согласную поддержку русскихъ епископовъ. Болѣе откровенно и рѣзко выступалъ политическій смыслъ этой кандидатуры, за которой, въ концѣ концовъ, стояла только настойчивая воля великаго князя. Московскіе раздоры и долгіе сборы Митяя создали возможность подготовить и борьбу противъ него въ Константинополѣ. Она шла съ двухъ сторонъ—отъ Діонисія и отъ Кипріана. Діонисій былъ поставленъ на Суздаль митр. Алексѣемъ послѣ долгаго вдовства этой епископіи во время одиначества в. к. Димитрія съ суздальскимъ тестемъ, и нѣтъ основанія видѣть въ немъ противника Москвы и выискивать въ его поведеніи по отношенію къ Митяю какіе либо политическіе мотивы. Ставленникъ митр. Алексѣя, близкій къ игумену Сергію Діонисій могъ стремиться къ митрополичьей каѳедрѣ, разсчитывая на сочувствіе вліятельныхъ круговъ московскаго духовенства, враждебныхъ великокняжескому кандидату.

Его оппозиція Митяю вызвала столкновеніе, которое этотъ архимандритъ, ставшій правителемъ митрополіи, грозился властно покончить, когда вернется отъ патріарха митрополитомъ всея Руси. И въ этихъ раздорахъ снова поднялся вопросъ о Нижнемъ Новгородѣ и Городцѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла. Діонисій сталъ собираться къ выѣзду въ Царьградъ для самозащиты и нападенія. Но в. к. Дмитрій распорядился задержать его, пока поручительство Сергія не вернуло ему свободы. А тогда Діонисій—«слово свое измѣнивъ, и поручника свята выдавъ», поѣхалъ вслѣдъ за Митяемъ въ Константинополь. Нежданная смерть Митяя въ дорогѣ избавила ихъ отъ встрѣчи при дворѣ патріарха. Діонисій прибылъ въ Царьградъ, когда посольство, сопровождавшее Митяя, уже успѣло провести, подъ видомъ великокняжескаго кандидата на великорусскую митрополію, Пимена [2]); его протестъ и обличеніе пословъ оказались запоздалыми, но изложеніе этихъ возраженій въ позднѣйшей патріаршей грамотѣ тѣмъ цѣнно, что содержитъ указаніе на отрицательное отношеніе Діонисія къ

скопа, а 5 или 6 пусть поставятъ первосвятителя (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 37); эта явная (и неудачная) редакціонная передѣлка дала митр. Макарію поводъ говорить о намѣреніи Митяя ставиться на Руси въ митрополиты („Ист. Русс. Церкви“, т. IV, стр. 67—69).

[1]) Покровскій („Русскія епархіи“ т. I, стр. 224—225) полагаетъ, что Діонисій былъ поставленъ въ „одинъ Суздаль“, а Нижнимъ-Новгородомъ и Городцомъ вѣдалъ только по порученію митрополита. Діонисій, какъ цитируетъ самъ Покровскій, по отъѣздѣ Митяя въ Константинополь, „побѣже къ Царьграду изъ своей епископьи изъ Новогорода Нижнего“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 30). Діонисій поставленъ въ 6882 (1374) году (тамъ же, стр. 20).

[2]) Изложеніе этого дѣла, наиболѣе точное, у П. П. Соколова, указ. соч., стр. 502—507.

раздѣленію митрополіи всея Руси, принятому в. к. Дмитріемъ [1]). Въ Константинополѣ Діонисій сумѣлъ оставить впечатлѣніе человѣка, который имѣетъ разумѣніе и знаніе каноновъ и ревностно стоитъ за нихъ, участвуя въ разсужденіяхъ патріаршаго собора, и получилъ санъ архіепископа для своей суздальской епархіи съ особой гарантіей ея предѣловъ и состава [2]). И явился Діонисій на Русь въ исключительной роли патріаршаго полномочнаго посла, которому довѣрены общецерковные интересы, не касавшіеся его епархіи: видимъ его въ Новгородѣ съ патріаршей грамотой въ обличеніе стригольниковъ и во Псковѣ по дѣлу о той же ереси, причемъ Діонисій совершаетъ тутъ именемъ патріарха пастырскія дѣйствія въ предѣлахъ митрополіи всея Руси, а не своей епископіи [3]). Такое отличіе Діонисія выдвигало его кандидатуру на митрополію при первомъ подходящемъ случаѣ. Но такимъ «случаемъ», въ сущности, могло быть только устраненіе какъ Пимена, такъ и Кипріана въ пользу новаго митрополита «всея Руси».

---

[1]) Вскорѣ послѣ поставленія Пимена прибылъ Діонисій и выступилъ передъ патріархомъ съ обвиненіями противъ Пимена и членовъ московскаго посольства „и съ заявленіемъ, что все, случившееся съ нимъ (Пименомъ) есть зло для той церкви, ведущее къ расколу, смутѣ и раздѣленію, вмѣсто того, чтобы поддерживать согласіе миръ и единство“; то же соборное опредѣленіе патр. Антонія, идя на уступки сложившемуся запутанному положенію, признаетъ, однако, въ принципѣ, что сохраненіе единства митрополіи было бы единственно правильнымъ рѣшеніемъ дѣла, но для этого нужно было бы, чтобы „послѣ смерти киръ Алексѣя киръ Кипріанъ получилъ всю русскую церковь“—Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 33 (ст. 209—212 и 203—206).

[2]) Р. И. Б., т. VI², № 23; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48 („исправи себѣ архіепископію у патріарха Нила и сущимъ по себѣ епископомъ въ томъ предѣлѣ—въ Суждали, въ Новгородѣ Нижнемъ и на Городцѣ“).

[3]) Р. И. Б., т. VI², № 22 и приложенія № 31; въ грамотахъ новгородцамъ и псковичамъ патріархъ сообщаетъ, что отъ него и отъ патріаршаго собора посланъ архіепископъ суздальскій Діонисій, „священныхъ каноновъ извѣстный хранитель“, да видитъ ихъ отъ патріарха и благословитъ „и поучитъ, и накажетъ, и извѣщаетъ, и подобная устроитъ, и совокупитъ соборной апостольской Божіей церкви“. Широта и самостоятельность полномочій Діонисія выражены въ этихъ грамотахъ вполнѣ опредѣленно. Въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ положеніе представлено иначе: Діонисій прибылъ въ Новгородъ отъ патр. Нила съ благословеніемъ и грамотами и отправился во Псковъ—„по повелѣнію владыки Алексѣя“ (новгородскаго—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 83; Новг. I, стр. 370). Надо полагать, что Діонисій осуществлялъ свои полномочія по какому-либо соглашенію съ архіеп. Алексѣемъ, но это не мѣняетъ ихъ характера. Въ силу полномочія „подобная устроить“ Діонисій даетъ, въ чужой епархіи, Снѣтогорскому монастырю грамоту о соблюденіи уставнаго иноческаго житія—также именемъ „вселенскаго патріарха“ (тамъ же, № 23). Высокая авторитетность Діонисія—патріаршаго экзарха—использована псковичами для приписки новыхъ статей къ Псковской судной грамотѣ, какъ она сложилась при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, что такъ сердито отвергъ Кипріанъ („а что Денисій владыка вплелся не въ свое дѣло да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю“—тамъ же № 28): въ грамоту вписано было „проклятіе и неблагословеніе патріаршее“ противъ ея нарушителей.

Однако, обстоятельства сложились иначе. Лѣтомъ 1383 года в. к. Дмитрій, который Пимена не принялъ, а порвалъ и съ принятымъ было Кипріаномъ, послалъ въ Константинополь Діонисія на поставленіе его въ митрополиты на мѣсто Пимена, стало быть на великорусскую митрополію, по низложеніи этого Митяева наслѣдника, противъ котораго великій князь отправилъ патріарху «письменныя обвиненія». Въ Константинополѣ это посольство встрѣчено съ большимъ недоумѣніемъ и раздраженіемъ: ревностный хранитель каноновъ втянутъ въ борьбу за митрополію, на которую и такъ уже есть два посвященныхъ патріаршей властью претендента, да еще какъ великокняжескій кандидатъ, принявшій ту постановку вопроса о раздѣленіи митрополіи, противъ которой ранѣе высказывался въ согласіи съ принципіальной точкой зрѣнія патріаршаго собора. Патріархъ Нилъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, и постановилъ отправить на Русь двухъ архіереевъ разслѣдовать на мѣстѣ дѣло о Пименѣ съ полномочіемъ низложить его, если обвиненія подтвердятся, и поставить на его мѣсто Діонисія. Нареченнымъ митрополитомъ поѣхалъ Діонисій на Русь, но по дорогѣ его захватилъ кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ, и у него въ плѣну Діонисій умеръ годъ спустя [1]).

Противопоставленный Кипріану, Діонисій и не могъ устоять на пози-

---

[1]) Лѣтомъ 1383 г. „поиде въ Царьградъ Діонисій, архіепископъ суздальскій, и съ нимъ отпусти съ князь великій Дмитрей Ивановичъ отца своего духовнаго Ѳеодора, игумена Симоновскаго, управленія ради митрополіи Русскія“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48). П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 594) толкуетъ текстъ соборнаго опредѣленія патр. Антонія отъ февраля 1389 (Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 33, ст. 211) въ томъ смыслѣ, что великокняжескимъ кандидатомъ тутъ обозначенъ не Діонисій, а Ѳеодоръ, но его толкованіе конструкціи греческой фразы слишкомъ искусственно. Оно связано у П. П. Соколова съ построеніемъ, согласно которому великокняжескимъ кандидатомъ на великорусскую митрополію былъ Ѳедоръ, а въ Константинополѣ поставили, вмѣсто того, Діонисія на всю митрополію, устраняя и Кипріана и Пимена (тамъ же, стр. 535—536). Все это авторъ извлекаетъ изъ „въ высшей степени неясныхъ фразъ“, которыми грамота митр. Антонія старается „замаскировать“ истину, но особенно опирается онъ на цитируемую имъ сентябрскую грамоту 1386 года патр. Нила, гдѣ сказано, что при этомъ патріархѣ поставленъ митрополитъ на Галичъ, что въ Малой Россіи, а Русскій митрополитъ пишется „Кіевскимъ и всея Руси“. Этотъ текстъ, который долженъ доказать, что была возстановлена единая митрополія для Діонисія, въ достаточной мѣрѣ поясняется соборнымъ постановленіемъ 1380 года о томъ, что за Пименомъ, митрополитомъ Великой Руси, однако, сохраненъ титулъ „Кіевскаго и всея Руси“—Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 179—180. А. С. Павловъ высказалъ предположеніе, что настольная грамота митр. Фотію (А. И, т. I, № 254), извѣстная только въ русскомъ спискѣ, даетъ текстъ настольной грамоты, заготовленной для Діонисія, а потомъ на Руси передѣланной на имя Фотія; Павловъ указываетъ на текстуальную близость этой грамоты къ грамотѣ того же патріарха Антонія о возведеніи Діонисія въ архіепископы. Дѣйствительно, настольная грамота мало подходитъ къ поставленію Фотія, такъ какъ говоритъ о Русской митрополіи, тогда какъ Фотій былъ поставленъ на митрополію Кіевскую и всей Руси.

ціи неуклоннаго защитника единства митрополіи. Эта идея составляетъ главную силу Кипріана, который отстаивалъ и сумѣлъ отстоять свое право на преемство послѣ митр. Алексѣя по каѳедрѣ Кіевской и всея Руси. Его побѣда въ этой борьбѣ получила особое значеніе въ исторіи великорусскаго великаго княженія, потому что Кипріанъ съ единствомъ митрополіи связалъ тенденцію къ независимости всей церковно-политической дѣятельности митрополита отъ великокняжеской власти. Послѣ кончины митр. Алексѣя Кипріанъ сдѣлалъ попытку прибыть въ Москву, а затѣмъ, встрѣтивъ отказъ в. к. Дмитрія, пробрался туда потайными путями, предупредивъ о томъ троицкаго игумена Сергія и его племянника, симоновскаго игумена Ѳедора, которыхъ вызывалъ на свиданіе съ собою [1]). Но въ Москвѣ его захватили и выслали обратно [2]). Кипріана на Москвѣ встрѣтили заявленіемъ, что имѣется на митрополіи свой нареченный митрополитъ, архимандритъ Митяй, причемъ, очевидно, утверждали, что онъ получилъ митрополію по благословенію митр. Алексѣя и по волѣ великаго князя [3]), а Кипріана бранили «литвиномъ».Кипріанъ отвѣтилъ отлученіемъ всѣхъ, кто причастенъ къ замыслу и выполненію того безчестья, какое выпало на долю его святительскому

---

[1]) Посланіе Кипріана къ Сергію и Ѳедору (первое)—въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1860 г., ч. 2; второе посланіе—тамъ же и Р. И. Б., т. VI², № 20. Кипріанъ выѣхалъ изъ Кіева еще весной 1378 г. Сохранилось не совсѣмъ точное лѣтописное извѣстіе, что Кипріанъ въ апрѣлѣ пріѣхалъ изъ Кіева на Москву, но не былъ принятъ в. к. Дмитріемъ (П. С. Р. Л., т. XX, ч. I стр. 199); но Кипріанъ на этотъ разъ не доѣхалъ до Москвы: во второмъ посланіи онъ сообщаетъ, что поѣхалъ было къ Москвѣ, но великій князь разослалъ заставы, чтобы его не пропустить,—а онъ „инымъ путемъ“ проѣхалъ, о чемъ и предупреждалъ игуменовъ письмомъ отъ 3-го іюня изъ Любутска. „Вы же, писалъ имъ Кипріанъ, будите готови видитися съ нами, гдѣ сами погадаете“.

[2]) Второе посланіе: великій князь Кипріана „въ ночи заточилъ“ и приставилъ къ нему „мучителя, проклятаго Никифора“, а затѣмъ его со спутниками „изъ города вывели“; съ игуменами Кипріану не удалось повидаться; онъ упрекаетъ ихъ, что они „умолчали“ передъ великимъ княземъ, но явно не освѣдомленъ о ихъ поведеніи, такъ какъ спрашиваетъ „всѣ ли уклонились вкупѣ“ отъ вмѣшательства въ дѣло и неужели они могли смолчать? Третье посланіе („Прав. Соб.“, тамъ же) показываетъ, что отвѣтная грамотка игуменовъ успокоила Кипріана относительно ихъ сочувствія: „елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣете къ святѣй Божіей Церкви и къ нашему смиренію, все позналъ есмь отъ словъ вашихъ“; эта грамотка была отвѣтомъ на вызовъ второго посланія—отписать немедленно, что они „мудрствуютъ“ по поводу произнесеннаго Кипріаномъ „неблагословенія“ на причастныхъ къ его безчестью.

[3]) Кипріанъ (во второмъ посланіи) опровергаетъ оба основанія; первое—отрицаніемъ самаго факта („не умѣти было ему—митр. Алексѣю—наслѣдника оставляти по своей смерти“, это „клеплютъ“ на него) и доказательствомъ, что по правиламъ апостольскимъ и антіохійскаго собора нѣтъ у святителя права на номинацію себѣ преемника; второе—ссылкой на 30-е правило св. Апостоловъ, содержащее запретъ пріобрѣтать святительство помощью мірскихъ князей.

сану, и поѣхалъ въ Константинополь на судъ патріарха и патріаршаго собора [1]). Но тутъ, при разбирательствѣ дѣла, поставленъ былъ вопросъ о неканоничности самаго поставленія Кипріана; ему пришлось заявить, что онъ готовъ остаться на той части митрополіи, какая была ему назначена, а затѣмъ уѣхать, чтобы ослабить значеніе заочнаго постановленія собора. А рѣшено было поставить Пимена митрополитомъ Великой Руси, предоставивъ ему писаться и Кіевскимъ, а Кипріану «по снисхожденію» оставить митрополію Малой Руси и Литвы [2]).

Посланія Кипріана къ игуменамъ Сергію и Ѳедору показываютъ, что онъ встрѣтилъ въ нихъ сторонниковъ единства митрополіи. Ихъ вліянію слѣдуетъ приписать неожиданный оборотъ дѣла къ веснѣ 1381 года, когда великокняжскій духовникъ, игуменъ Ѳедоръ посланъ въ Кіевъ звать Кипріана на митрополію. Кипріанъ прибылъ въ Москву на праздникъ Вознесенія (23 мая), а къ исходу того же года вернулось на Русь московское посольство съ Пименомъ и встрѣчено великокняжеской опалой, карами и ссылками [3]). За Пимена вступился патріархъ, посылая въ Москву «многія грамоты» въ пользу Пимена и противъ Кипріана [4]). Но едва ли патріаршее соборное опредѣленіе 1389 года, которое объ этомъ сообщаетъ, право, когда вмѣшательству патріарха приписываетъ дальнѣйшее поведеніе в. к. Дмитрія: высылку Кипріана изъ Москвы и призваніе на митрополію Пимена. У великаго князя были, по свидѣтельству нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, свои причины для глубокаго недовольства новымъ митрополитомъ и прямого недовѣрія къ нему. Во время нашествія Тохтамыша—въ августѣ 1381 г.—митрополитъ, оставленный великимъ княземъ въ осажденномъ городѣ, не справился съ попыткой остановить порожденную паникой анархію и уѣхалъ въ Тверь, гдѣ и пробылъ до начала октября; при немъ происходили сношенія тверского великаго князя съ Тохтамышемъ, при немъ выѣхалъ в. к. Михаилъ въ Орду искать для себя ярлыкъ на «великое княженіе Влади-

---

[1]) Третье посланіе отъ 23-го іюня 1378 года. Оно писано въ отвѣтъ на посланіе игуменовъ Сергія и Ѳедора, изъ котораго Кипріанъ убѣдился, что они признаютъ его митрополитомъ („а какъ—пишетъ онъ—повинуитеся къ нашему смиренію, тако крѣпитеся“); объявляя себя защитникомъ „смиренія и соединенія церковнаго“, онъ утѣшаетъ игуменовъ тѣмъ, что Господь сподобитъ свидѣться и что тѣ, кто его не восхотѣлъ (т. е. в. к. Дмитрій), потомъ познаютъ истину.

[2]) Соборное опредѣленіе патріарха Нила, іюнь 1380 г.—Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 30.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 131; т. XI, стр. 70 и 41. Пимена задержали на Коломнѣ, сняли съ него бѣлый клобукъ и сослали въ Чухлому, а черезъ годъ перевели въ Тверь.—Вскорѣ по пріѣздѣ Кипріанъ крститъ у в. к. Дмитрія вмѣстѣ съ игуменомъ Сергіемъ сына Ивана, а черезъ годъ игуменъ Ѳедоръ крститъ княжича Андрея. О карахъ—въ соборномъ дѣяніи 1389 г., Р. И. Б. т. VI², приложенія, ст. 209—210.

[4]) Тамъ-же.

мірское и Новгородское». Кипріанъ, можно сказать, сразу вступилъ на путь отдѣленія своей политики и своихъ политическихъ отношеній отъ великокняжескихъ: не московскій онъ митрополитъ, а всея Руси. В. к. Дмитрій рѣшительно вернулся къ прежнему взгляду—предпочелъ имѣть митрополита для Великой Россіи и, вызвавъ Кипріана изъ Твери, заставилъ его «съѣхать» съ Москвы на Кіевъ [1]), а на великорусскую митрополію призвалъ изъ ссылки «съ великою честью и любовью» Пимена на митрополичью каѳедру [2]).

Возвращеніе на Русь изъ Константинополя суздальскаго архіепископа Діонисія въ 1383 году снова подняло дѣло о незаконномъ достиженіи Пименомъ митрополіи. В. к. Дмитрій сдѣлалъ попытку спасти свою комбинацію замѣной Пимена Діонисіемъ, но плѣнъ и кончина его въ плѣну оборвали и эту попытку закрѣпить за Великороссіей особаго митрополита. Оставалось держаться Пимена, лишь бы избѣжать водворенія на сѣверѣ Кипріана, или поднять дѣло о новомъ кандидатѣ. Но для послѣдней попытки обстоятельства были чрезмѣрно запутаны, а дѣло о Пименѣ зашло слишкомъ далеко, чтобы его легко было сразу остановить. Скомпрометированное въ конецъ положеніе Пимена и смерть Діонисія открывали пути для Кипріана. Представители Константинопольской власти—митрополиты адріанопольскій и ганискій, уполномоченные разслѣдовать запутанное дѣло о русской митрополіи, прибыли въ Москву безъ Діонисія и могли выполнить лишь слѣдственную сторону своихъ полномочій. Рѣшеніе дѣла должно было состояться въ Константинополѣ по опредѣленію патріаршаго собора. Только весною 1385 года поднялся Пименъ въ дорогу, притомъ отдѣльно отъ греческихъ митрополитовъ и великокняжескаго посла—симоновскаго архимандрита Ѳедора. Наши источники не даютъ свѣдѣній о томъ, каковы были намѣренія в. к. Дмитрія и какія инструкціи получилъ арх. Ѳедоръ. Повидимому, ему были даны широкія полномочія, такъ какъ нѣтъ указаній на какое либо опредѣленное предложеніе великокняжескаго правительства относительно митрополіи. Цареградскіе послы и Ѳедоръ игуменъ представили

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48: „разгнѣва бо ся на него князь великій Дмитрій Ивановичь того ради, что не сидѣлъ на Москвѣ въ осадѣ“. Патріаршее рѣшеніе спора о митрополіи и патріаршія грамоты противъ Кипріана и въ пользу Пимена давали опору такому дѣйствію в. к. Дмитрія. Иначе расцѣниваетъ эти данныя Е. Е. Голубинскій (указ. соч., т. II, ч. I, стр. 250—251).

[2]) П. П. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византіи“, стр. 527—532) считаетъ истинной причиной удаленія Кипріана и возвращенія Пимена формальную уловку Византіи, поддержанную Діонисіемъ: добиться возстановленія Пимена, чтобы имѣть возможность канонически правильно его судить и низложить. Ни содержаніе, ни характеръ патріаршаго соборнаго опредѣленія 1389 года, ни изложеніе перепетій этого дѣла въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ не согласуются съ такой слишкомъ искусственной конструкціей.

патріарху обвиненія противъ Пимена, обличавшія его въ достиженіи сана обманомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Ѳедоръ велъ съ патріархомъ какіе то «устные» переговоры: это даетъ поводъ предположить, что великокняжеское правительство, не рѣшаясь ставить патріарху новыя требованія относительно замѣщенія каѳедры, дѣлало, однако, какія то попытки найти пріемлемый выходъ изъ создавшагося положенія. Безъ такого предположенія пришлось бы допустить мало вѣроятное, что состоявшееся въ Константинополѣ соглашеніе арх. Ѳедора съ Пименомъ (причемъ Пименъ поставилъ Ѳедора на Ростовскую епископію въ санѣ архіепископа) было дѣйствіемъ самовольнымъ и явно нарушавшимъ великокняжескую волю. Но этотъ поворотъ въ дѣйствіяхъ Ѳедора объяснимъ только соотвѣтственными инструкціями изъ Москвы: въ крайнемъ случаѣ признать Пимена, лишь бы не возвращался Кипріанъ; и такой крайній случай насталъ, когда не оказалось возможнымъ достигнуть иного результата, т. е. освободить Москву и отъ Пимена, и отъ Кипріана [1]). А патріархъ крайне затянулъ дѣло, и весной 1387 года Кипріанъ былъ отпущенъ въ Литву для выполненія какого то императорскаго порученія, хотя и съ назначеніемъ ему годичнаго срока для явки на окончательный судъ [2]). Ходъ дѣла явно склонялся противъ Пимена, его низложеніе было неизбѣжнымъ [3]), и въ пользу Кипріана, что было ясно и до окончательнаго разрѣшенія дѣла [4]). Пименъ и Ѳедоръ не стали

---

[1]) Настоянія в. к. Дмитрія на низложеніи Пимена не имѣли значенія поддержки правъ Кипріана; на это нѣтъ никакихъ намековъ. Нѣтъ и основанія предполагать, что архимандритъ Ѳедоръ дѣйствовалъ безъ согласія съ в. к. Дмитріемъ; Пименъ и Ѳедоръ вернулись въ Москву и были приняты великимъ княземъ безъ всякаго протеста противъ ихъ дѣйствій. Толкованіе этой исторіи у Е. Е. Голубинскаго (указ. соч., стр. 254—257) и П. П. Соколова (указ. соч., стр. 542 и слѣд.) осложняютъ и безъ того запутанное дѣло большимъ количествомъ предположеній, не согласованныхъ съ данными источниковъ. Весьма вѣроятно, что предложеніе великаго князя, на которое вижу указаніе въ словахъ дѣянія 1389 года о наказѣ Ѳедору „устно передать многое потому же дѣлу“ (Р. И. Б., т. VI², приложенія, ст. 215—216), состояло въ просьбѣ, устранивъ и Пимена, и Кипріана, поставить на великорусскую митрополію новое лицо по выбору патріарха (такъ поступилъ и в. к. Василій по смерти Кипріана).

[2]) Р. И. Б., т. VI², приложенія, № 32—въ маѣ 1387 г.

[3]) Оно предрѣшено разслѣдованіемъ, какое въ Москвѣ произвели патріаршіе послы; тамъ же, ст. 213—214.

[4]) П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 546) полагаетъ даже, что Кипріанъ успѣлъ получить императорскую грамоту на митрополію, до рѣшенія патріаршаго собора. Основывается онъ на томъ, что Кипріанъ подписался въ 1387 г. на книгѣ имъ переписанной „митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси“; но этотъ титулъ выражалъ притязанія Кипріана, но нигдѣ не употребленъ въ грамотахъ. Грамота объ отпускѣ Кипріана—отъ 29 мая 1387 г.; Пименъ вернулся въ Москву въ іюлѣ 1388 г.; „судъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ того времени, читаемъ въ соборномъ опредѣленіи 1389 года, замедлился до собранія, по распоряженію

дожидаться этого рѣшенія, а, вступивъ въ соглашеніе, возмутившее патріарха, тайно покинули Константинополь и вернулись въ Москву. Здѣсь Пименъ продолжаетъ святительствовать, не взирая на патріаршіе призывы и запрещенія, и только соборное опредѣленіе патр. Антонія, смѣнившаго Нила на каѳедрѣ, о томъ, что Пименъ согласно канонамъ долженъ быть признанъ низложеннымъ, единство митрополіи Кіевской и всея Руси—навсегда возстановленнымъ, какъ ея «древній порядокъ и устройство», а единственнымъ законнымъ ея митрополитомъ объявленъ Кипріанъ, заставило Пимена принять третью поѣздку въ Константинополь — притомъ противъ воли в. к. Дмитрія, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи [1]). Судьба избавила Кипріана отъ дальнѣйшей борьбы. Пименъ не доѣхалъ до Константинополя, умеръ въ дорогѣ, а раньше его смерть постигла в. к. Дмитрія. При новомъ великомъ князѣ Кипріанъ былъ принятъ на митрополію безъ возраженій.

V.

Такъ кончилась церковная смута, которая лишила великорусскую великокняжескую власть вліятельной опоры въ митрополіи всея Руси при тяжкихъ переживаніяхъ, какія выпали на долю этой власти въ восьмидесятыхъ годахъ XIV-го вѣка. И кончилась она несомнѣннымъ политическимъ пораженіемъ великокняжеской власти. Пришлось—на рядъ долгихъ лѣтъ—отказаться отъ политической солидарности съ митрополіей, отъ ея мощныхъ услугъ; упущено изъ рукъ великаго князя замѣщеніе митрополичьей каѳедры желательнымъ для свѣтской власти кандидатомъ, оборвано развитіе традицій митр. Алексѣя, придавшихъ митрополіи, въ значительной мѣрѣ, характеръ великорусской государственной церкви.

Если Кипріанъ и не былъ тѣмъ врагомъ Москвы, тѣмъ «литвиномъ» по духу, какимъ изображали его московскіе противники, то, все таки, это былъ человѣкъ, чуждый московской правящей средѣ, ея традиціямъ и стремленіямъ. Болгаринъ, сдѣлавшій въ Византіи рѣдкую каррьеру, Кипріанъ и на русской митрополіи остался церковнымъ дѣятелемъ византійской школы, который отнюдь не отождествляетъ интересовъ митрополіи съ интересами великорусской или литовской великокняжеской власти и, тѣмъ болѣе, не подчиняетъ первые вторымъ. Водворившись въ Москвѣ, Кипріанъ послѣдовательно укрѣпляетъ свою іерархическую власть въ духѣ значительной самостоятельности своей церковно-іерархической политики. Къ сожалѣнію, дѣло тверского епископа Евфимія Висленя остается—въ изложеніи нашихъ источниковъ—крайне не яснымъ, по его существу. Вислень поставленъ на твер-

---

патріарха, каноническаго собора", и въ этотъ перерывъ состоялось примиреніе Ѳедора съ Пименомъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52.

скую каѳедру митр. Алексѣемъ, когда борьба тверского великаго князя Михаила Александровича съ в. к. Дмитріемъ оказалась проигранной, не задолго до договора 1375 года, который привелъ тверского велнкого князя въ волю великаго князя всея Руси. У в. к. Михаила все наростаетъ «нелюбіе» съ епископомъ, но только въ 1387 г. удалось ему довести Висленя до удаленія изъ Твери; однако, уходъ епископа въ монастырь не былъ еще отказомъ отъ сана и не давалъ возможности замѣнить его желательнымъ для князя лицомъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Кипріана, по окончательномъ водвореніи на митрополіи, былъ разборъ этого тверского дѣла. Характерна самая обстановка, въ какой онъ произошелъ. Кипріанъ не вызывалъ сторонъ въ Москву на свой митрополичій судъ, а поѣхалъ въ Тверь съ двумя греческими митрополитами, которые проводили его въ Москву отъ патріарха, и двумя русскими епископами, созвалъ тверской освященный соборъ и повелъ дѣло въ соединенномъ собраніи этого духовнаго собора и тверской боярской думы съ в. к. Михаиломъ во главѣ. Мірскія и духовныя власти Твери единодушно возводили на Висленя многія укоризны, и в. к. Михаилъ настаивалъ на поставленіи иного епископа. Митр. Кипріанъ, послѣ формально обязательныхъ попытокъ добиться примиренія сторонъ, соборнымъ опредѣленіемъ лишилъ Висленя епископства и рѣшилъ поставить на тверскую епископію своего протодіакона Арсенія. Однако, Арсеній не сразу рѣшился принять такое поставленіе: онъ опасался «вражды и многихъ браней», надо полагать—потому, что Кипріанъ предпочелъ дать Твери на епископію своего человѣка, а не того «иного», о которомъ просилъ в. к. Михаилъ [1]): видимо Кипріанъ и въ этомъ дѣлѣ провелъ двѣ своихъ тенденціи—рѣшилъ дѣло безъ участія великаго князя всея Руси и отстранилъ вліяніе мѣстной свѣтской власти на замѣщеніе епископской каѳедры.

Кипріанъ стоитъ въ своей дѣятельности на почвѣ тѣхъ отношеній между церковной и свѣтской властью, между русской митрополіей и Константинопольской патріархіей, какія указаны, какъ нормальныя, въ грамотахъ патр. Филоѳея къ митр. Алексѣю. Митрополія—не русское національ-

---

[1]) Е. Е. Голубинскій (указ. соч., стр. 304—305) различаетъ два повѣствованія о дѣлѣ Висленя—Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 124—126) и найденное въ отдѣльномъ спискѣ (Карамзинъ, т. V, примѣчаніе 232); послѣднее, въ нѣсколько сокращенной редакціи, читается и въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 445) и въ Симеоновской (т, XVIII стр. 140—141); отраженіе болѣе пространнаго (Никоновскаго) повѣствованія есть въ краткомъ изложеніи „Русскаго Временника“ (изд. 1820 г., т. I, стр. 322). Голубинскій краткое повѣствованіе призналъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, болѣе авторитетнымъ. Но нѣкоторыя фактическія отличія его, какъ напр. представленіе, что дѣло было покончено въ одинъ пріѣздъ во Тверь,—надо признать плодомъ такого же сокращенія, какое получилось и въ „Русскомъ Временникѣ“. Никоновская лѣтопись сохранила полнѣе общій первоисточникъ.—Въ колебаніяхъ Арсенія вижу основаніе допустить, что у в. к. Михаила былъ свой кандидатъ, когда онъ „нача просити иного“ епископа у митрополита.

ное учрежденіе, тѣмъ болѣе не великорусская политическая сила, а самостоятельный органъ вселенской восточной церкви. Въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ на Руси Кипріанъ идетъ, въ рядѣ случаевъ, рука объ руку съ великимъ княземъ, но это тогда, когда интересы митрополита совпадаютъ съ великокняжескими; основная же опора митрополичьей власти въ авторитетѣ Константинопольскаго патріарха, на рѣшеніе котораго идутъ спорныя русскія дѣла.

Въ Москвѣ съ трудомъ отступались отъ назрѣвшаго представленія о національной русской митрополіи. Это сказалось въ извѣстномъ эпизодѣ о поминаніи императорскаго имени на митрополичьемъ богослуженіи и о почитаніи патріаршей власти на Руси. Въ 1393 году патр. Антоній обратился къ в. к. Василію Дмитріевичу съ укоромъ и наставленіями по поводу его дѣйствій, о которыхъ донесъ ему Дмитрій Аѳинянинъ, прибывшій въ Константинополь по дѣламъ русской церкви апокрисіаріемъ митр. Кипріана и великаго князя Василія. Патріархъ укоряетъ великаго князя за то, что онъ не воздаетъ представителямъ патріаршей власти того уважительнаго отношенія и той чести имени патріарха, какое было въ обычаѣ при прежнихъ великихъ князьяхъ, и не позволяетъ митрополиту поминать въ диптихахъ «божественное имя царя». Патр. Антоній грозитъ великому князю гнѣвомъ Божіимъ, если онъ не будетъ «чтить патріарха, какъ самаго Христа, и оказывать уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Русь не должна обособляться въ самодовлѣющую, національную церковную и политическую единицу, а сознавать себя частью вселенской церкви и вселенскаго царства. Нельзя великому князю говорить: «церковь мы имѣемъ, но царя не имѣемь и знать не хотимъ». Цари византійскіе—организаторы церкви, они своими законами подтвердили церковные каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни; царь—великій владыка и правитель вселенной, не то, что другіе помѣстные правители и князья; «невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ единствѣ и общности и невозможно отдѣлять ихъ одно отъ другой» [1]). Какъ часть великаго цѣлаго—христіанскаго Востока, возглавляемаго византійскимъ императоромъ—«царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ», и «вселенскимъ» патріархомъ, Русь имѣетъ въ составѣ своего политическаго устроенія рядомъ съ великокняжеской властью также церковную власть митрополита всея Руси, у которой свои задачи и свои пріемы дѣйствія. Эта

---

[1]) Р. И. Б., т. VI³, № 40. О поминаніи царей см. М. А. Дьяконова, „Власть московскихъ государей“, стр. 24; въ томъ же трудѣ—о взаимоотношеніяхъ Руси и власти византійскихъ императоровъ. П. П. Соколовъ правильно приписываетъ тѣ явленія, противъ которыхъ протестуетъ грамота патр. Антонія,—Дмитрію Донскому (указ. соч., стр. 572—573), но его толкованіе словъ: „церковь имѣемъ, но царя не имѣемъ“—лишаетъ смысла и эту фразу и всю патріаршую грамоту (стр. 571).

самостоятельность церковно-политической дѣятельности митр. Кипріана сказалась въ томъ, что его отношенія къ политическимъ силамъ Руси сѣверной и западной далеко не всегда согласованы съ великокняжескими, а съ другой стороны, его вліяніе надо признать однимъ изъ факторовъ тѣхъ колебаній, той видимой неустойчивости, какая отличаетъ политику в. к. Василія Дмитріевича.

Въ суздальскихъ дѣлахъ и въ новгородскихъ отношеніяхъ интересы митрополіи и великокняжеской власти не стояли въ противорѣчіи, и обѣ власти выступаютъ согласно, хотя по отношенію къ Великому Новгороду только въ началѣ, а затѣмъ митрополитъ и тутъ ведетъ свою линію, не подчиненную планамъ великокняжеской политики.

На суздальской архіепископіи Діонисія смѣнилъ Евѳорсинъ, поставленный въ Константинополѣ, надо полагать, Пименомъ, одновременно съ Ѳедоромъ ростовскимъ; по примѣру Діонисія и онъ заручился патріаршей грамотой на принадлежность Нижняго Новгорода и Городца къ Суздальской епархіи [1]). Но митр. Кипріанъ и в. к. Василій Дмитріевичъ подняли возраженія противъ этого, утверждая, что Діонисій управлялъ спорными городами только «на правахъ экзарха», и патріаршимъ посламъ было поручено разслѣдовать дѣло на мѣстѣ; исходъ дѣла—неизвѣстенъ, но позднѣе (при митр. Іонѣ) Нижній и Городецъ подъ прямой властью митрополита. Участіе великаго князя въ этомъ спорѣ митрополита съ суздальскимъ архіепископомъ связано, конечно, съ пріобрѣтеніемъ ханскаго ярлыка на Нижній и началомъ утвержденія тутъ великокняжеской власти [2]).

Характернѣе для дѣятельности Кипріана его новгородскія отношенія отъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ споръ митрополіи съ новгородцами о судебныхъ правахъ митрополита по отношенію къ Великому Новгороду. Наростаніе новгородскаго народоправства вело неизбѣжно къ попыткамъ

---

[1]) Р. И. Б., т. VI², приложенія № 34, 41 и 42.

[2]) Тамъ же, № 41 и 42. Митр. Кипріанъ и в. к. Василій утверждали передъ патріархомъ, что Діонисій держалъ Нижній и Городецъ „отъ лица киръ Алексѣя, какъ экзархъ“, тогда какъ Діонисій утверждалъ, домогаясь патріаршей грамоты, что эти города „принадлежатъ къ его епархіи и подвластны суздальскому князю, а лежатъ вблизи его церкви“; политическій мотивъ—приспособленія границъ епархіи къ предѣламъ Нижегородскаго великаго княжества игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ большую роль, и политическимъ пріемомъ были мѣры митр. Алексѣя, а въ данный моментъ в. к. Василія. Кипріанъ былъ заинтересованъ въ ослабленіи суздальской архіепископіи, гдѣ сказалась оппозиція противъ него: извѣстно, что Евѳимій, игуменъ Спасскаго Суздальскаго монастыря, не хотѣлъ признавать Кипріана митрополитомъ; Евѳросинъ былъ ученикомъ Діонисія, котораго патріаршая грамота называетъ „калугеромъ“ Евѳросина.—Е. Е. Голубинскій, указ. соч., стр. 320. Только при Кипріанѣ впервые появляется ссылка на то, что Нижній и Городецъ подчинены Суздальскому архіепископу только „на правахъ экзарха“ и едва ли митрополитъ съ великимъ княземъ смогли это доказать.

опредѣлить по новому и ограничить при такомъ опредѣленіи іерархическую зависимость новгородской епархіи отъ власти митрополита. Эти іерархическія отношенія получили большой политическій вѣсъ, благодаря, съ одной стороны, тѣсному союзу митрополіи съ великокняжеской властью, а, съ другой, усвоенію господиномъ Великимъ Новгородомъ права избирать кандидата на свою архіепископію, права, которое, въ общемъ укладѣ русскихъ церковно-политическихъ отношеній, было правомъ княжескимъ. Возвышеніе новгородскаго епископа въ архіепископскій санъ, затѣмъ пріобрѣтеніе имъ внѣшняго отличія крещатыхъ ризъ уже вызывало, какъ мы видѣли раньше, трепія, которыя потребовали отъ Константинопольскаго патріарха разъясненія архіепископу Великаго Новгорода, что отличія эти не связаны съ какимъ либо умаленіемъ его зависимости отъ митрополіи. Наиболѣе острымъ вопросомъ этихъ отношеній сталъ вопросъ о судебныхъ правахъ митрополита. Новгородцы достигли на дѣлѣ того, что и на судъ митрополита распространилось ихъ требованіе, установленное договорами по отношенію къ суду великаго князя: «а на Низу, княже, новгородца не судити», и обычной практикой митрополичьяго суда стали періодическіе пріѣзды митрополита въ Новгородъ на мѣсячный срокъ для суда, полученія обычныхъ доходовъ и судебныхъ пошлинъ. Но эта практика не получила исключительнаго господства, не вполнѣ вытѣснила «позвы» на судъ въ резиденцію митрополита—на Низъ, въ Москву. Въ 1385 году новгородцы поставили этотъ вопросъ ребромъ, причемъ возникшій споръ не замедлилъ получить болѣе широкій смыслъ, перейдя въ отрицаніе не только позвовъ, но и мѣсячнаго суда митрополита въ Новгородѣ [1]). Въ 1385 году состоялось въ Новгородѣ «на вѣчѣ, на княжи дворѣ» постановленіе, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ всего Великаго Новгорода, о судѣ гражданскомъ и церковномъ; и гражданскій судъ—посадника и тысяцкого, и церковный—владыки архіепископа должны происходить при участіи двухъ бояръ и двухъ житьихъ людей отъ каждой изъ судящихся сторонъ, а на судъ къ митрополиту новгородцы обязывались другъ друга не вызывать [2]). Началась

---

[1]) Е. Е. Голубинскій, Ист. Русс. Церкви, т. II, ч. 1, стр. 306—313; Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 101—105.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 91 (подъ 1384 г.—„той же зимы“), 92 („той зимы въ великій постъ“—подъ 1385 г.) Сопоставленіе этихъ нѣсколько разно редактированныхъ извѣстій, позволяетъ признать, что участіе бояръ и житьихъ людей предположено и для церковнаго суда. Такъ разумѣетъ и Голубинскій (стр. 306); толкованіе Никитскаго: новгородцы „положили, чтобы не только не ходить по церковнымъ дѣламъ на расправу къ митрополиту въ Москву, но даже не давать ему мѣсячнаго суда и въ самомъ Новгородѣ, а чтобы всѣ церковныя дѣла вѣдалъ на основаніи номоканона окончательно самъ новгородскій владыка“ (стр. 111). Патріаршая грамота (Р. И. Б., т. VI², прил., ст. 255—256) такъ передаетъ рѣчи новгородскихъ пословъ: „не хотимъ судиться у митрополита, ни того, чтобы, когда онъ позоветъ на судъ нашего епископа, онъ шелъ, или чтобы митрополитъ приходилъ въ Великій

борьба съ митрополіей всея Руси [1]), имѣвшая свое особое значеніе и для великокняжеской власти, такъ какъ ослабленіе связей между Новгородомъ и Москвой грозило усилить западное, литовское вліяніе; не даромъ новгородскіе послы, отстаивая свои притязанія передъ патріархомъ, повторили литовскій аргументъ: не уступятъ греки, придется переходить въ латинство [2]). В. к. Василій и ставитъ въ ряду другихъ притязаній своихъ къ Великому Новгороду во время ихъ розмирья 1392—1393 года, требованіе выдать митрополиту крестоцѣловальную вѣчевую грамоту о судѣ. Новгородцы это выполнили, послѣ «многаго кровопролитья», при заключеніи «мира по старинѣ» съ в. к. Василіемъ и получили отъ митрополита разрѣшительную и благословенную грамоту [3]). Но этимъ дѣло далеко не закончилось. Въ слѣдующіе годы видимъ, что, съ одной стороны, новгородскій епископъ является въ Москву по каждому зову Кипріана, и новгородцы принимаютъ митрополита съ великою честью, но, съ другой, они, по прежнему, упорно стоятъ на отрицаніи мѣсячнаго его суда [4]). Конфликтъ затя-

---

Новгородъ и судилъ одинъ мѣсяцъ, или кто-нибудь приносилъ ему жалобу, и митрополитъ присылалъ бы для суда своего человѣка".

[1]) Весной того же года новгородцы отказали въ мѣсячномъ судѣ митр. Пимену (П. С. Р. Л., т. V, стр. 239), а затѣмъ не приняли патріаршей грамоты, убѣждавшей ихъ не нарушать каноновъ (Р. И. Б., тамъ же, ст. 237—238; П. С. Р. Л., т. V, стр. 244; т. VIII, стр. 60—61); эту грамоту привезли на Русь греческіе митрополиты, прибывшіе съ Кипріаномъ въ 1390 г. Въ 1391 г. Кипріанъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ принятъ „въ честь", но на требованіе мѣсячнаго суда получилъ отвѣтъ: „цѣловали есмя кресть съ одного, а грамоты пописали и попечатали, и душу запечатали" (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 245). Тогда митрополитъ наложилъ на Новгородъ отлученіе, котораго, однако, не признали ни новгородцы, ни архіеп. Іоаннъ (Р. И. Б., тамъ же, ст. 239—242). Обѣ стороны обратились къ патріарху (тамъ же, ст. 254 и П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; любопытно, что при этомъ новгородскіе послы задолжали въ Константинополѣ, а уплачиваютъ долгъ—митрополичью боярину Дмитроку, тому самому Дмитрію Аѳинянину или Аѳинеевичу, который ѣздилъ судиться съ ними къ патріарху—тамъ же, стр. 100), но отвѣтъ былъ тотъ же: „повинуйтеся митрополиту русскому"; на новгородцевъ не подѣйствовали и двѣ новыя увѣщательныя грамоты патріарха (Р. И. Б., т. VI², прил., №№ 37 и 38); во второй грамотѣ (осень 1393 г.) патр. Антоній упоминаетъ о военныхъ дѣйствіяхъ в. к. Василія противъ Новгорода, которыя вызваны его „дѣлами и счетами" съ новгородцами, и указываетъ на примиреніе съ митр. Кипріаномъ, какъ на условіе его посредничества передъ великимъ княземъ.

[2]) Тамъ же, стр. 255—258.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 100; С. Г. Г. и Д., т. II, № 13: митрополитъ отбираетъ у новгородцевъ крестоцѣловальную грамоту и даетъ имъ за ихъ „обращеніе" свое прощеніе и благословеніе, а в. к. Василій даетъ имъ „миръ по древнему". Миръ состоялся въ Филиппово говѣніе 1393 года.

[4]) Новг. I, стр. 380, 381, 391. Своеобразіе сложившихся отношеній заставило составителя Никоновской лѣтописи написать, что въ 1395 г. новгородцы дали митр. Кипріану „судъ по старинѣ" (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 157); но Новг. I сообщаетъ: „суда ему не даша", хотя Кипріанъ пріѣхалъ съ патріаршимъ посломъ, архіеп. Михаи-

нулся и дошелъ до трехлѣтняго заточенія еп. Іоанна въ московскомъ Чудовскомъ монастырѣ [1]), и важнѣйшая его черта—крайняя осторожность Кипріана по отношенію къ Новгороду, далеко не согласованная съ новгородской политикой в. к. Василія. Митрополитъ не прибѣгаетъ къ крутымъ мѣрамъ церковнаго запрещенія, не порываетъ съ Новгородомъ въ годы напора на Новгородъ великокняжескихъ властей Василія и Витовта и борьбы Василія Дмитріевича за Двинскую землю. Его поведеніе, подлинные мотивы котораго мудрено установить по краткимъ и сухо фактическимъ указаніямъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, даютъ впечатлѣніе намѣреннаго обособленія отношеній митрополіи отъ политическихъ дѣйствій великокняжеской власти. Такъ Кипріанъ и послѣ первой уступки Новгорода—выдачи крестоцѣловальной записи по требованію великаго князя, встрѣтивъ новый отказъ новгородцевъ въ мѣсячномъ судѣ, уѣзжаетъ отъ нихъ, несмотря на то, что держалъ «нелюбіе» на нихъ и на ихъ епископа, съ благословеніемъ, не отлученіемъ; такъ при новомъ взрывѣ розмирья между в. к. Василіемъ и Новгородомъ Великимъ, когда князь великій «владычня благословенія и слова добра не принялъ, а отъ пословъ новгородскихъ челобитья, а отъ Новгорода нелюбья не отложилъ, а миру не далъ», митрополитъ «своего сына, владыку Іоанна и пословъ новгородскихъ отпустилъ въ Новгородъ съ честью и съ благословеніемъ» [2]). Когда же въ исходѣ девяностыхъ годовъ Новгородъ въ разрывѣ съ обоими великими князьями—великорусскимъ и литовскимъ, Кипріанъ не ставитъ остраго церковнаго вопроса, который на этотъ разъ не выступаетъ и въ составѣ требованій в. к. Василія къ Новгороду; только въ 1401 г. постигло архіеп. Іоанна запрещеніе и поиманіе, но и то личное, безъ

ломъ, который привезъ отъ патр. Антонія грамоты (Р. И. Б., т. VI², № 37 и 38) и долженъ былъ, согласно инструкціи (тамъ же, № 42) изъяснить дѣло устно передъ епископомъ, начальниками и народомъ, а затѣмъ представить и грамоты для всенароднаго прочтенія. Псковская I лѣтопись подтверждаетъ, что въ этотъ пріѣздъ Кипріанъ „на владыку и на весь Новгородъ нелюбіе держа“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 194); Архангелогородскій лѣтописецъ, сообщая о „поиманіи“ еп. Іоанна митрополитомъ „по великаго князя слову“ въ 1401 г. и заключеніи его „за сторожи“ въ Чудовскомъ монастырѣ, поясняетъ: „за мѣсячный судъ, что не дали“ (изд. 1819 г., стр. 121).

[1]) Три года и четыре мѣсяца пробылъ епископъ въ Москвѣ съ 1401 по 1404 г.—Новг. I, стр. 391 и 393. Никоновская лѣтопись даетъ рядомъ два разныхъ и несогласованныхъ извѣстія подъ 1401 г.: 1) что еп. Іоаннъ „пребысть у Кипріана митрополита въ наказаніи и смиреніи“ и 2) что на епископскомъ соборѣ еп. Іоаннъ (какъ и луцкій еп. Савва) „отписася своей митрополіи“, и оба удержаны митрополитомъ въ Москвѣ; дальнѣйшее сообщеніе той же лѣтописи—подъ 1404 г.—о томъ, какъ Кипріанъ отпустилъ арх. Іоанна, отсидѣвшаго въ монастырскомъ заточеніи три съ половиной года, показываетъ, что не можетъ быть рѣчи объ отреченіи Іоанна отъ каѳедры, а только о запрещеніи ему святительства въ связи съ его „поиманіемъ“—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 185 и 190.

[2]) Новг. I, стр. 380 и 384.

интердикта на Новгородъ Великій; однако, и этотъ эпизодъ закончился, хоть и черезъ три съ лишнимъ года, отпускомъ Іоанна на его каѳедру—безъ рѣшенія основного спорнаго вопроса по волѣ митрополита, за которымъ были и право и авторитетъ патріарха.

Не было в. к. Василію и той поддержки со стороны митрополіи въ борьбѣ съ Литвой, какую выдвинулъ въ свое время митр. Алексѣй. Сильное вліяніе Витовта на Москву находило, несомнѣнно, поддержку въ митрополитѣ всея Руси, который стремился проводить свое общерусское значеніе независимо отъ литовско-московскаго соперничества. Въ литовскихъ отношеніяхъ Кипріанъ—митрополитъ Кіевскій и тщательно избѣгаетъ осложненій, которыя лишили бы его значенія въ западной Руси, какъ произошло, по политическимъ причинамъ, съ митр. Алексѣемъ. Рѣзкое противопоставленіе христіанской Руси языческой Литвѣ, использованное митр. Алексѣемъ для цѣлей политической борьбы и національно-политической идеологіи, перешло въ другую плоскость по водворенія на Литвѣ католицизма. Митр. Кипріанъ не ставитъ себя въ рѣшительное противорѣчіе съ католической церковью и католическимъ государствомъ. Его манила мысль объ устраненіи этой церковной розни, что сдѣлало бы его главой обширной мѣстной церкви, объемлющей и восточную Русь, и Литовско-русское государство, и русскія земли короны Польской. Свободный отъ національно-великорусскихъ настроеній Кипріанъ идетъ не къ національзаціи вѣроисповѣднаго антагонизма, а къ попыткѣ разрѣшить его—соединеніемъ церквей. Въ началѣ 1397 года патр. Антонію пришлось дать королю Ягайлу и митр. Кипріану отвѣтъ на опредѣленно поставленный ими вопросъ о соборѣ для обсужденія условій этого церковнаго соединенія. И уклончивый, осторожный отвѣтъ патріарха свидѣтельствуетъ, что Византія въ ту пору, тѣснимая «нечестивыми», вступила на путь политической игры съ идеей уніи ради боевой помощи католическаго Запада: уніатскія настроенія Кипріана не стоятъ въ противорѣчіи съ тенденціями византійской политики [1]), а Византія находитъ въ немъ поборника матерьяльной помощи Руси—денежными сборами на нужды Константинополя, утѣсненнаго врагами христіанства [2]). Самостоятельная позиція митр. Кипріана между великорусскимъ и литовскимъ великими князьями и его тѣсныя связи съ Византіей, которымъ онъ не противополагаетъ національныхъ-великорусскихъ интересовъ, ставитъ его въ прямое

---

[1]) Р. И. Б., т. VI², прил., №№ 44 и 45. Видно изъ патріаршихъ грамотъ, что рѣчь шла о церковномъ соборѣ въ предѣлахъ Западной Руси для соединенія церквей, какъ мѣстнаго, русскаго церковнаго дѣла. Патріархъ отвѣчаетъ, что это дѣло „требуетъ собора вселенскаго, а не помѣстнаго“ и что „Россія неудобное мѣсто для вселенскаго собора,“ а путь для настоящей постановки дѣла о соединеніи указываетъ въ выступленіи Ягайла съ венгерскимъ королемъ за имя Христово „на сокрушеніе нечестивыхъ, стремящихся поглотить всю вселенную.“

[2]) Тамъ-же, № 46.

противорѣчіе традиціямъ митр. Алексѣя. Памятникъ внутреннихъ отношеній между митрополіей и великорусской великокняжеской властью—уставная грамота в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріана «о домахъ церковныхъ и о волостяхъ и о земляхъ и о водахъ и о всѣхъ пошлинахъ о церковныхъ» показываетъ въ немъ защитника самостоятельной церковно-административной и свѣтской власти митрополита. Трудно, по недостатку документовъ отъ болѣе стараго времени, оцѣнить, что въ содержаніи этой грамоты принадлежитъ Кипріану, а что есть только возстановленіе и укрѣпленіе порядковъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшихъ митрополитовъ [1]). Уставной грамотѣ, совмѣстной великаго князя и митрополита, придана форма протокола ихъ соглашенія, что придаетъ ей характеръ договорной грамоты [2]). Она опредѣляетъ положеніе митрополичьихъ владѣній въ составѣ великаго княжества сходно съ положеніемъ удѣльныхъ княженій; составъ владѣній и льготъ опредѣляется, въ общемъ, «какъ было и при Алексѣѣ митропо-

---

[1]) М. Д. Приселковъ въ цѣнной работѣ: „Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ“ высказалъ увѣренность, что рядъ данныхъ („лѣтописныя упоминанія, житія митрополитовъ, наконецъ, уставная грамота в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріана, въ основѣ которой лежитъ, какъ это ясно видно изъ текста, уставная грамота митр. Алексѣя“) — „не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что за все время золотоордынскаго владычества шла борьба свѣтской и духовной власти на Руси, и уставная грамота в. кн. Василія и митр. Кипріана вводитъ насъ съ совершенною ясностью и въ результаты этого состязанія за власть надъ церковнымъ имуществомъ и въ основные пункты спора“ (стр. 35). М. Д. Приселковъ находитъ два указанія на столкновенія между духовной и свѣтской властями во времена в. к. Симеона: 1) лѣтописную запись подъ 1342 г. о томъ, какъ митр. Θеогностъ ходилъ въ Орду „о причтѣ церковнѣмъ“, причемъ „нѣціи русстіи человѣци“ донесли хану, что митрополитъ имѣетъ крупные доходы и долженъ бы давать въ Орду, „полѣтныя дани“, но митрополитъ откупился отъ ханскихъ требованій, раздавъ значительную сумму хану и его близкимъ; М. Д. Приселковъ видитъ въ этихъ „нѣціихъ“—русскихъ князей, но по общему положенію сбора и уплаты „выхода“ рѣчь могла бы быть развѣ о привлеченіи митрополіи къ участію въ дани со стороны великаго князя, а увлеченіе суммы „выхода“ особой данью съ церковныхъ доходовъ ничѣмъ не послужило бы выгодѣ его (П. С. Р. Л., т. X, стр. 215; т, VII, стр. 209) и 2) такъ наз. ярлыкъ ханши Тайдулы митр. Іоанну, въ которомъ М. Д. Приселковъ видитъ грамоту, обращенную къ в. к. Семену и всѣмъ русскимъ князьямъ — противъ нарушенія правъ церковнаго, именно смѣснаго суда; пониманіе М. Д. Приселковымъ Тайдулина ярлыка даетъ наилучшее объясненіе этого текста.

[2]) А. А. Э., т. I, № 9—„Се язъ, князь великій (Василій Дмитріевичъ), сѣдъ съ своимъ отцемъ (Кипріаномъ), митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, управили есмь (есмы?)...“ Отнести ее надо къ 1392 г. по ея датѣ 28 іюня, въ лѣто 6900, несмотря на ошибочное указаніе индикта, 12-го, который относится къ 1389 или 1404 году; только по окончательномъ водвореніи на митрополію, войдя въ детали управленія, могъ Кипріанъ наладить возстановленіе своихъ правъ и владѣній, потерпѣвшихъ за время церковной смуты, да Кипріана и не было въ Москвѣ въ 1389 г.; 1404 г. мало вѣроятенъ, какъ слишкомъ поздній; ср. Е. Е. Голубинскаго, указ. соч., стр. 326.

литѣ» [1]); «церковные люди» даютъ «оброкъ» великому князю (по оброчнымъ грамотамъ), «коли дань дати въ татары», а не будетъ татарской дани, то и оброка не дать; когда самъ великій князь выступаетъ въ походъ, то идутъ митрополичьи бояре и слуги подъ митрополичьимъ воеводой, хотя и подъ стягомъ великаго князя—это, видно, старина, такъ какъ тѣ, кто не служивалъ митр. Алексѣю, а «приказался ново митрополиту», тѣ идутъ въ походъ подъ великокняжескими воеводами, по мѣсту жительства; слугъ великаго князя и его данныхъ людей митрополитъ не ставитъ въ дьяконы и попы, кромѣ поповичей; по искамъ на митрополичьихъ управителей (намѣстника, десятинника, волостеля)—судъ великаго князя; правила смѣстнаго суда тѣ же, что въ междукняжескихъ договорахъ; утверждается иммунитетъ (судебный) митрополичьихъ церковныхъ селъ и «пошлыхъ монастырскихъ». И тутъ, какъ въ междукняжескихъ договорахъ, большая условность финансовой и военной власти великаго князя; сборъ дани—въ опредѣленномъ размѣрѣ оброка-урока—обусловленъ уплатой татарскаго «выхода», ополченіе митрополичьихъ людей выступаетъ только въ походахъ, гдѣ самъ князь великій «сядетъ на конь». Конечно, нѣтъ рѣчи о самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеніяхъ митрополита; но, на дѣлѣ, Кипріанъ былъ въ этихъ отношеніяхъ самостоятельной политической единицей, что придаетъ особый вѣсъ и договорному характеру его относительной зависимости отъ великокняжеской власти въ дѣлахъ свѣтскаго, политическаго властвованія.

Такой укладъ отношеній между духовной и свѣтской властями можно разсматривать, какъ отраженіе на нихъ удѣльно-вотчиннаго строя. Подрывъ прежнихъ связей политической солидарности митрополіи съ великокняжеской властью долженъ былъ обострить вопросъ о ея національзаціи, не только съ болѣе общей точки зрѣнія политическихъ интересовъ великорусскаго великаго княженія, но и ради внутренняго собиранія власти надъ силами и средствами страны.

Церковно-политическая дѣятельность митрополита Кипріана не была только личнымъ его дѣломъ. Въ ней—проявленіе сложныхъ воздѣйствій, какъ общаго положенія дѣлъ въ Восточной Европѣ, подѣленной между великорусскимъ великимъ княженіемъ и литовско-русскимъ государствомъ,

---

[1]) Не раздѣляю увѣренности М. Д. Приселкова въ томъ, что уставная грамота Кипріана составлена на основѣ такой же грамоты митр. Алексѣя; ссылки на порядки, какіе были при Θеогностѣ и Алексѣѣ еще не доказываютъ существованія соотвѣтственныхъ „уставныхъ“ грамотъ; наша грамота перечисляетъ вопросы, ставшіе спорными и требовавшіе опредѣленія; самый порядокъ статей—отъ частныхъ вопросовъ объ отдѣльныхъ волостяхъ, къ болѣе общимъ—о судѣ, повинностяхъ и службѣ митрополичьихъ людей говоритъ скорѣе объ отсутствіи сложившагося формуляра подобныхъ грамотъ. Исключительное положеніе и значеніе митр. Алексѣя дѣлало, по всей вѣроятности, спорнымъ вопросъ о правѣ его преемниковъ на все, что было признано за нимъ.

такъ и церковно-политическихъ тенденцій, шедшихъ изъ Византіи. И сама великорусская великокняжеская власть не смогла устоять на прежней своей точкѣ зрѣнія. Кончина митр. Кипріана (въ сентябрѣ 1406 г.) совпала съ разрывомъ мирныхъ отношеній между в. к. Василіемъ и Витовтомъ, который тотчасъ выдвинулъ своего кандидата на митрополію, Ѳеодосія полоцкаго. Чтобы парализовать эту кандидатуру Москва пошла на ходатайство передъ патріархомъ о поставленіи «по старой пошлинѣ» митрополита, «его же по Божію хотѣнію изберутъ и пришлютъ» патріархъ, патріаршій соборъ и византійскій императоръ [1]). Поставленъ былъ грекъ Фотій, которому не безъ труда удалось добиться признанія и отъ Витовта [2]). Но Фотію не пришлось наладить, подобно Кипріану, отношеній съ великимъ княженіемъ литовскимъ и удержать, безъ борьбы и потрясеній, единства митрополіи всея Руси. На этотъ разъ, дѣло осложнилось настойчивымъ стремленіемъ Витовта имѣть для Западной Руси особаго митрополита, въ чемъ онъ нашелъ поддержку по крайней мѣрѣ части западнорусскаго духовенства. Властный и требовательный митрополитъ вызвалъ среди мѣстнаго духовенства и свѣтскаго общества раздраженіе настойчивой заботой о возстановленіи въ полномъ объемѣ своихъ доходовъ и церковныхъ имуществъ [3]). Рѣзче, чѣмъ

---

[1]) Р. И. Б., т. VI², ст. 329—330; А. З. Р., т. I, № 25, стр. 36. Возможно, что такой исходъ дѣла былъ подготовленъ еще Кипріаномъ, если принять предположеніе Е. Е. Голубинскаго (указ. соч., стр. 409), что обязательство новопоставляемыхъ епископовъ: „не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ кого поставятъ изъ Царьграда, какъ есмы то изначала пріяли“, которое читаемъ въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы временъ Фотія (Р. И. Б., тамъ же, № 52, ст. 454) установлено еще Кипріаномъ.

[2]) „Мы, пишетъ Витовтъ въ грамотѣ 1415 года, не хотѣли были того приняти Фотіа митрополита, и онъ нялся паки здѣ у насъ быти, церковь строити, и приняли были есмо его на митрополью кіевскую“ (А. З. Р., т. I, № 25). Въ Москву Фотій прибылъ только на Пасху 1410 г. (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 485).

[3]) Захватъ, подъ разными предлогами, церковныхъ имуществъ и цѣнностей, а также умаленіе тѣхъ или иныхъ правъ на доходы церковной каѳедры во время ея вакантности и отсутствія митрополита—явленіе обычное; пользовались обстоятельствами и князья, и бояре, и церковные люди, свѣтскіе и духовные. В. Н. Бенешевичъ издалъ въ трудѣ: „Синагога въ 50 титуловъ“ (стр. 168—169) записки о расхищенномъ митрополичьемъ имуществѣ, которое пришлось разыскивать митр. Ѳеогносту (послѣ смерти литовскаго митрополита Ѳеофана—см. ст. М. Д. Приселкова и М. Р. Фаснера объ „Отрывкахъ В. Н. Бенешевича“ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русс. языка и словесности“ Акад. Наукъ, 1916 г., кн. I). Едва-ли Фотій нуждается въ той защитѣ, какую даетъ ему Е. Е. Голубинскій (указ. соч., стр. 371), пытаясь замѣнить содержаніе „клеветъ“ на него его враговъ, какое сообщаютъ источники, другимъ (стр. 372); раздраженіе Витовта, духовенства, князей и бояръ вызвано не только крутой требовательностью Фотія (не даромъ лѣтопись даетъ ему рѣдкій по отношенію къ митрополиту эпитетъ „мужественнаго“), но и тѣмъ, прежде всего, что доходы и церковныя цѣнности уходятъ, какъ и при прежнихъ митрополитахъ, въ чужую страну, въ далекую резиденцію митрополита. Фотій пріѣзжалъ въ Литву въ 1411 году

когда либо ранѣе, поставленъ въ Литвѣ вопросъ о возстановленіи резиденціи митрополита въ Кіевѣ, чтобы и церковное дѣло правильно строилось въ Литовской Руси, чтобы и матерьяльныя ея средства не уходили на московскіе расходы митрополита. Впрочемъ, первые же шаги Витовта показали, что дѣло идетъ отнюдь не о защитѣ интересовъ южно и западнорусской церкви. Раздраженный на неудачу своихъ церковно-политическихъ плановъ и лично на Фотія, котораго упрекалъ за нарушеніе обѣщаній не запускать управленія этой церковью и не оставлять ее безъ своего личнаго присутствія въ Кіевѣ, Витовтъ въ 1414 году не допустилъ Фотія пріѣхать въ Кіевъ, а заставилъ его вернуться въ Москву, куда выслалъ и его намѣстниковъ, «а грады митропольскіе Кіевскія церкви великія соборныя и волости и села раздаде паномъ своимъ» [1]). Отвергнувъ Фотія, Витовтъ добился, при поддержки части епископовъ Литовско-русскаго государства, избранія на Кіевскую митрополію болгарина Григорія Цамблака, племянника митрополита Кипріана; отказъ патріарха въ поставленіи Григорія привелъ къ его посвященію соборомъ епископовъ [2]). Но и четырехлѣтній разрывъ митр. Фотія съ великимъ княземъ Литовскимъ не привелъ его къ московскимъ церковно-политическимъ воззрѣніямъ и тенденціямъ. По удаленіи Цамблака съ литовской митрополіи—въ концѣ 1418-началѣ 1419 года [3])—Фотій возстановленъ въ правахъ митрополита всея Руси. Лѣтомъ 1420 года Фотій ѣдетъ въ Литву съ патріаршимъ посломъ на возсоединеніе своей митрополіи [4]), и во второе десятилѣтіе своей дѣятельности укрѣпляетъ

на цѣлый годъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 55).—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 223; Р. И. Б., т. VI², № 38 („точію приходы церковныя сбирая и живяше индѣ и старая устроенія и честь кіевскія церкви на ино мѣсто полагаше“); А. З. Р., т. I, № 25. По разсказу Никоновской лѣтописи (т. XI, стр. 224) толчекъ къ обостренію отношеній дали недовольные Фотіемъ въ Москвѣ, бѣжавшіе отъ него въ Литву; возможно, что свѣдѣнія о раздраженіи противъ митрополита въ Москвѣ дало Витовту поводъ поднять за ново вопросъ объ устраненіи Фотія съ кіевской митрополіи.

[1]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 224. Грамота епископовъ съ отреченіемъ отъ Фотія—Р. И. Б. т. VI², № 37.

[2]) Р. И. Б., т. VI², № 38—соборная грамота западнорусскихъ епископовъ; № 39 окружное посланіе Фотія—протестъ противъ поставленія Цамблака; № 40 грамота патр. Іосифа къ Фотію объ осужденіи Цамблака; № 41—грамота митр. Фотія во Псковъ объ этомъ „великомъ и богоненавидимымъ церковномъ мятежѣ“.

[3]) Данныя о „смерти“ Цамблака или его добровольномъ удаленіи съ митрополіи и уходѣ въ Молдавію—въ трудѣ А. И. Яцимирскаго, „Григорій Цамблакъ“, глава IV; Яцимирскій доказываетъ тожество Григорія Цамблака съ инокомъ Нямецкаго монастыря Гавріиломъ, но эта гипотеза, для моего изложенія безразличная, едва ли достаточно имъ обоснована.

[4]) „Соединися церковь русская и въ первый миръ приведена бысть“, когда патріархъ и царь и весь освященный соборъ „оправдали“ Фотію его митрополію—„всю русійскую землю“—Р. И. Б., т. VI², № 49; окружное посланіе Фотія Литовской Руси.—Доп. къ А. И., т. I, № 183.—П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 58—59. Соединеніе

мирныя отношенія съ Витовтомъ, использовавъ новое сближеніе Москвы съ Литвой, которому, надо полагать, и содѣйствовалъ своимъ вліяніемъ. Съ трудомъ и не безъ бурныхъ столкновеній устанавливались, въ то же время, и московскія отношенія Фотія. По прибытіи въ Москву—его ожидалъ рядъ столкновеній изъ за церковныхъ вотчинъ, имуществъ и доходовъ, только недавно гарантированныхъ митрополіи уставной грамотой в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріана [1]). И въ этой борьбѣ за церковное достояніе Фотій выступаетъ авторитетнымъ пастыремъ-духовнымъ отцомъ, который именемъ Христа требуетъ отъ великаго князя смиренія и послушанія: ибо, говоритъ онъ, «аще и грѣшенъ есмь, апостольское вѣщаю» [2]).

Дѣятельный и энергичный церковный правитель, митр. Фотій держится въ сторонѣ отъ политической борьбы [3]). Единственное порученіе

было полнымъ, такъ какъ еще до исторіи съ Цамблакомъ и Галичъ подъ общей митрополичьей властью (т. XVII, ст. 55).

[1]) „Таже потомъ и стяжаніа митрополіи своея церковнаа и доходы Фотѣй митрополитъ начатъ обновляти и что гдѣ изгибло начятъ изыскати, или отъ князей и бояръ что изобижено или отъ иныхъ нѣкихъ лихоимцевъ что восхищено, села и волости и доходы и пошлины Христова дому и пречистыа Богородици и святыхъ великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя; онъ же вся сіа отъ нихъ взимаше и утвержаше крѣпко въ дому Христовѣ и пречистыа Богородици и святыхъ чюдотворцевъ Петра и Алексѣя во священнѣй митрополіи всея Русіи и доходы, и пошлины, и земли, и воды, и села, и волости“, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 213.

[2]) Два посланія Фотія в. к. Василію Дмитріевичу—Р. И. Б., т. VI², № 35 (I и II), Въ первомъ—поученіе о „непремѣнности“ установленнаго для церкви вселенскими соборами, православными царями и предками в. к. Василія, о высотѣ священническаго сана, „окормленію, поддержанію“ котораго Дмитрій Донской обязанъ побѣдой надъ „агарянами“; сознавая это в. к. Дмитрій „монастырскія вся пошлины и церковныа, яко зѣницу ока, всегда соблюдаше“, и сынъ его обязанъ, памятуя, что Церковь породила его крещеніемъ и воспитала и поставила „окомъ всей Руси“, „назирать“ и „смотрѣть“ какъ о себѣ самомъ, „како себѣ добре устроити житіе“, такъ и о всѣхъ „сущихъ подъ собою“, а особливо „всяку неправду и хищеніе и лукавство и лихоимство возненавидѣти“; а потому великій князь долженъ утвердить „благочестивымъ списаніемъ“ все принадлежащее Церкви, утвердить и устроить „всѣ пошлины“. Второе посланіе поясняетъ, что благочестивые цари Византіи считали долгомъ охранять церковное достояніе, а великій князь, поступая иначе, не долженъ сѣтовать на митрополичье поученіе, ибо онъ „апостольское вѣщаетъ“. Князь великій, хоть онъ и „съ Богомъ царствуетъ“ долженъ помнить, что онъ только человѣкъ, и если онъ унизилъ Церковь, „насильствуя, взимая неподобающая“, то себѣ самому онъ этимъ не поможетъ, а долженъ обратиться къ Церкви и къ отцу своему митрополиту съ покаянной рѣчью: „согрѣшихъ, прости мя, и имаше, о отче, во всемъ благопослушна и покорена мене“ и съ обѣщаніемъ „исполнить и исправить“ всѣ церковныя пошлины, нарушенныя и расхищенныя, хотя были издавна утверждены прародителями.

[3]) Въ 1416 году къ митр. Фотію обратились псковичи съ заявленіемъ, что послѣдняя ихъ „уставная грамота“, скрѣпленная крестнымъ цѣлованіемъ при князѣ Константинѣ Дмитріевичѣ, противорѣчитъ грамотѣ митрополита („коли есте

политическаго характера, имъ выполненное—участіе въ посольствѣ къ Витовту въ 1423 году, когда съ нимъ послана литовскому великому князю духовная грамота его зятя. Но кончина в. к. Василія Дмитріевича (въ февралѣ 1425 г.) поставила Фотія въ новое, исключительное положеніе: пришлось войти дѣятельной силой въ борьбу за великое княженіе, отстаивать права юнаго Василія Васильевича, пережить разразившійся кризисъ междукняжескихъ отношеній, который постепенно назрѣвалъ втеченіи всего княженія Василія Дмитріевича.

VI.

Ослабленіе силы и дѣятельности великорусской великокняжеской власти въ два послѣднихъ десятилѣтія XIV-го вѣка и въ первой четверти XV-го проявилось и обусловлено не только обстоятельствами тягостныхъ внѣшнихъ отношеній и внутренняго разлада съ митрополіей. Глубочайшіе и основные корни пережитого этой властью затяжного кризиса лежали въ самой ея структурѣ, въ ея связанности обычными, традиціонными семейно-вотчинными отношеніями внутри московской княжой вотчины и господствомъ тѣхъ же вотчинныхъ-владѣльческихъ воззрѣній во всемъ политическомъ быту Великороссіи.

Мы видѣли, какъ при Дмитріѣ Донскомъ усилились проявленія вотчиннаго раздѣла внутри Московскаго княженія и какъ реакція на нихъ со стороны великокняжеской власти выдвинула политическій элементъ властвованія надъ силами и средствами страны, укрѣпляя и дальше развивая начала, заложенныя духовной Калиты и договоромъ в. к. Симеона съ братьями. Великокняжеское старѣйшинство не только противостоитъ, по мѣрѣ силъ и возможности, дробленію этого властвованія подъ воздѣйствіемъ удѣльнаго и вотчиннаго владѣнія, но дѣлаетъ успѣшныя усилія использовать свою семейно-патріархальную основу, какъ готовую форму отношеній властвованія

доспѣвали то цѣлованіе княже Константиново Дмитріевича, а черезъ мое писаніе"), которую псковское посольство и представило тутъ же Фотію вмѣстѣ съ уставной, и потому подлежитъ отмѣнѣ; въ отвѣтной грамотѣ Фотій наставляетъ псковичей, что не годилось имъ дѣлать постановленія (очевидно, о дѣлѣ церковномъ), не извѣстивъ сперва митрополита, но что крестное цѣлованіе измѣнять большой грѣхъ, подлежащій епитиміѣ, и разрѣшаетъ „порушити ту новину", если отъ нея „будеть нужа христіаномъ", однако, подъ условіемъ, что псковичи за то сами себѣ помогутъ „и милостынею, и постомъ, и молитвою"—Р. И. Б., т. VI², № 44. Уставная грамота князя Константина Дмитріевича (во Псковѣ въ 1407—1414 г.г.) упоминается въ „Псковской Судной Грамотѣ", какъ одинъ изъ источниковъ и, очевидно, содержала постановленія относительно церковнаго суда и подсудности духовенства, противорѣчившія каноническимъ наставленіямъ Фотія. Возможно, что рѣчь идетъ о той самой грамотѣ, которая упомянута въ Судной Грамотѣ, т. е. что подлежала отмѣнѣ грамота не цѣликомъ, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ.

и зависимости, для закрѣпленія элементарныхъ связей политическаго объединенія Великороссіи. Однако, эта палка, естественно, оказывается о двухъ концахъ. Во владѣльческихъ отношеніяхъ Московскаго княжества видимъ, въ ту же пору, усиленіе началъ вотчиннаго раздѣла признаніемъ условности объединенія воинскихъ силъ и только временнаго—пока Богъ не премѣнитъ Орды — единства финансовыхъ средствъ; попытка примѣнить начало вотчиннаго владѣнія къ великому княженію грозитъ и его территорію подчинить семейно-вотчинному раздѣлу, а распространеніе патріархальныхъ формъ старѣйшинства на отношенія къ «младшимъ» мѣстнымъ великимъ княженіямъ Великороссіи подымаетъ ихъ сопротивленіе, разрушающее «одиначество» княжескихъ силъ.

Такъ обостряется противорѣчіе удѣльно-вотчиннаго строя насущнымъ политическимъ задачамъ и потребностямъ великокняжеской власти. Только крутая ломка внутреннихъ отношеній Великороссіи приведетъ его ко крушенію, только острое разрѣшеніе назрѣвшаго кризиса въ жестокой смутѣ второй четверти XV вѣка откроетъ путь синтезу вотчиннаго властвованія и политической силы великокняжеской власти въ московскомъ едино- и самодержавіи.

Время княженія Василія Дмитріевича полно внутренними треніями въ московскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, приходится опять отмѣтить, какъ слишкомъ часто для великорусской исторіи этого періода, отрывочность и неполноту тѣхъ свѣдѣній, какія даютъ намъ наши источники.

Княжое владѣніе долями Московскаго княжества осложнено во времена Василія Дмитріевича обособленностью Серпуховскаго княжества и вопросомъ о надѣленіи младшаго Дмитріевича—Константина, который родился за нѣсколько дней до смерти отца. Послѣдняя духовная грамота в. к. Дмитрія, составленная до этого рожденія, предполагала, что, если Богъ дастъ великой княгинѣ сына, она надѣлитъ его, взявъ по части изъ удѣловъ его старшихъ братьевъ. Но есть основаніе признать, что в. к. Дмитрій успѣлъ еще и самъ сдѣлать распоряженіе о надѣленіи младшаго сына: в. к. Василій Дмитріевичъ въ первой же своей духовной «даетъ ему въ удѣлъ Тошню да Устюжну» и дѣлаетъ это «по душевной грамотѣ» отца [1]). Конечно, таковъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 39. Едва-ли можно тутъ видѣть съ Экземплярскимъ (указ. соч., т. II, стр. 135, прим. 388) ссылку на духовную грамоту Донского (С. Г. Г. и Д., т. I, № 34) и выполненіе того надѣленія, котораго почему-то не выполнила мать—великая княгиня. Тошня—на р. Тошнѣ близь Вологды—по духовной в. к. Дмитрія назначена была первоначально Петру Дмитріевичу вмѣстѣ съ Сямою, волостью близъ озера Кубенскаго, въ придачу къ Угличу—изъ „великаго княженія“. Устюжна не упоминается въ духовной в. к. Дмитрія, но и это не московская, а великокняжеская волость. Это надѣленіе князя Петра—дополнительное къ его Дмитровскому удѣлу, который духовной в. к. Дмитрія оторванъ отъ прежней связи съ Галичемъ

былъ не весь удѣлъ Константина, но что ему предназначалось еще—установить невозможно [1]). Дѣло надѣленія этого младшаго княжича вызвало слишкомъ много осложненій, и сложилось его владѣніе послѣ ряда мѣнъ и соглашеній между московскими князьями, которые долго «волостились» изъ за этого между собой.

Вопросъ о распредѣленіи владѣній между князьями московской княжеской группы особенно обострился потому, что духовная в. к. Дмитрія поставила на очередь проблему отношенія семейно-вотчинныхъ порядковъ раздѣла владѣній къ области великаго княжества, какъ и ранѣе—его договоры съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ открыли путь для притязаній младшихъ князей на долю въ великокняжескихъ захватахъ «пожалованіемъ» серпуховскому князю «въ удѣлъ» Галича и Дмитрова. Эти притязанія грозили подорвать въ самой основѣ то собираніе власти надъ городами и волостями великаго княженія, которое вело къ устраненію мѣстныхъ княжескихъ силъ въ пользу непосредственнаго великокняжескаго управленія, хотя имъ, съ другой стороны, и создавались. Возникши при первыхъ же значительныхъ успѣхахъ этого собиранія во времени Дмитрія Донского, притязанія эти едва ли были вполнѣ удовлетворены тѣмъ полупризнаніемъ, какое при немъ получили. Тѣмъ болѣе долженъ былъ за ново подняться вопросъ о составѣ владѣній Владиміра Андреевича, дѣятельнаго участника обороны московской области и великаго княженія, энергичной опоры власти и силы великаго князя: замкнуться въ обособленномъ вотчинномъ княжествѣ значило для него служить лишь орудіемъ чужой выгодѣ, при томъ—не единой великокняжеской власти, а членовъ родственной семьи, которая дѣлилась и передѣлялась не только наслѣдственной вотчиной, но и новыми пріобрѣтеніями этой власти.

Всѣ эти дѣла и притязанія поднялись по смерти в. к. Дмитрія Ивановича въ связи съ выполненіемъ его предсмертнаго ряда. И эти домашніе раздоры становились все опаснѣе, ввиду напряженныхъ новгородскихъ, литовскихъ, татарскихъ отношеній великаго княженія.

Въ первый же годъ по смерти в. к. Дмитрія возникло розмирье между Василіемъ Дмитріевичемъ и его серпуховскимъ дядей. Владиміръ Андреевичъ—вскорѣ послѣ посаженія племянника на столъ великаго княженія—поднялся со всѣмъ дворомъ своимъ, уѣхалъ отъ великаго князя въ свой

и разсматривается уже какъ часть московской вотчины. Константинъ родился 16 мая 1389 года, а 19 мая скончался в. к. Дмитрій (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52 и 56). Ссылка духовной в. к. Василія показываетъ, что Дмитрій успѣлъ дать рядъ о наддѣленіи младшаго сына въ грамотѣ, дополнительной къ его духовной; эта дополнительная грамотка не сохранилась, какъ потерявшая силу въ послѣдовавшихъ передѣлахъ, раздорахъ и договорныхъ соглашеніяхъ.

[1]) Тошня и Устюжна упомянуты въ духовной в. к. Василія, какъ находившіяся въ рукахъ великаго князя въ моментъ составленія духовной („благословляю“).

Серпуховъ, а оттуда въ Торжокъ [1]). Помирились князья на томъ, что в. к. Василій придалъ дядѣ къ его отчинѣ Волокъ и Ржеву [2]). Но это было только началомъ раздѣловъ и передѣловъ владѣніями, которые характерны для времени в. к. Василія Дмитріевича; эти раздѣлы и передѣлы нарушаютъ устойчивость обычнаго удѣльнаго владѣнія, все болѣе сдвигаютъ его со старой основы—отцовскаго ряда, наслѣдственности долей и обычно-правового уклада междукняжескихъ владѣльческихъ отношеній—на почву произвольныхъ, договорныхъ соглашеній, результатъ которыхъ оформливается какъ великокняжеское «пожалованіе въ удѣлъ» или «въ удѣлъ и въ вотчину» и какъ уступка требованіямъ той или иной изъ сторонъ, спорящихъ о волостяхъ, т. е. великаго князя и его «младшей братьи». Традиціонный порядокъ владѣнія по удѣламъ и самый территоріальный составъ княжескихъ владѣній вступаютъ въ періодъ колебаній, въ которыхъ постепенно разлагается устойчивость удѣльно-вотчиннаго строя и традиціонныхъ владѣльческихъ понятій.

Договоръ 1390 года не покончилъ переговоровъ и соглашеній между в. к. Василіемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Къ 1405 году относится его пересмотръ, при которомъ великій князь обмѣнялъ Волокъ на Городецъ (волжскій), а Ржеву на Угличъ съ придачей нѣсколькихъ волостей [3]). Выдающаяся роль, какую игралъ Владиміръ Андреевичъ въ оборонѣ вели-

---

[1]) Посаженіе в. к. Василія совершилось во Владимірѣ 15 августа 1389 года; по видимому, Владиміръ „за мало дней“ прямо съ этого торжества поѣхалъ—съ сыномъ Иваномъ и старѣйшими боярами въ Серпуховъ и далѣе въ Торжокъ, близъ котораго—въ Теребенскомъ селѣ—прожилъ, пока на Крещеніе 1390 г. не „умиришася“ князья.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60; т. XV, ст. 444.

[2]) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 121; С. Г. Г. и Д., т. I, № 35 (объ этомъ договорѣ см. выше, на стр. 330, примѣчаніе). Въ виду ненадежности владѣнія Ржевой, подвергавшейся литовскому захвату, договоръ предвидитъ возможность ея утраты и назначаетъ въ возмѣщеніе волости Ярополчь и Медуши, съ тѣмъ, что князья обязуются „съ одиного“ добиваться возврата Ржевы.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 38: „что ся есмь былъ отступилъ брату своему... Волока съ волостьми, Ржевы съ волостъми въ удѣлъ, и братъ мой... отступился мнѣ... и язъ брату своему... и его дѣтемъ противу того отступился въ удѣлъ и въ вотчину противу Волока Городця съ волостьми,... а противу Ржевы... Углеча“, а въ придачу („къ тому“)—Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, „куплю Пересвѣтову“, Лисинъ. Уступка Волжскаго Городца съ волостями осложнена тѣмъ, что часть ихъ пожалована была ранѣе в. к. Василіемъ Кашинскому князю Ивану Борисовичу—въ это пожалованіе князь Владиміръ и его дѣти не должны вступаться. Эта оговорка договорной грамоты создаетъ нѣкоторое затрудненіе: грамота утверждена по благословенію митр. Кипріана, умершаго въ 1406 году, а лѣтописи только подъ 1408 г. упоминаютъ объ отъѣздѣ князя Ивана Борисовича съ Кашина къ в. к. Василію. Остается допустить, что князь Иванъ и ранѣе уже уходилъ въ Москву, напр. вмѣстѣ съ дядей Василіемъ Михайловичемъ въ 1403 и 1405 годахъ, что сдѣлало бы болѣе понятнымъ умолчаніе о немъ въ лѣтописныхъ сообщеніяхъ о кашинскихъ дѣлахъ до 1408 года (см. выше, на стр. 216—217).

каго княжества и Москвы давала ему сугубую возможность предъявлять требованіе на расширеніе владѣній, а составъ семьи—пять сыновей—долженъ былъ возбуждать эту требовательность. Передъ кончиной (умеръ весной 1410 г.) князь Владиміръ далъ «рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей», въ которомъ отразился сложный составъ его владѣнія [1]). Свою треть въ городѣ Москвѣ князь Владиміръ «приказалъ» всѣмъ пяти сыновьямъ въ поочередное, погодное пользованіе доходами, причемъ старшему Владиміровичу—Ивану «на старѣйшій путь» выдѣленъ рядъ статей дворцоваго хозяйства. Все, что князь Владиміръ считаетъ своей и сыновей своихъ отчиной, онъ дѣлитъ между пятью сыновьями (Серпуховъ, Боровскъ, Ярославль, Радонежь, Перемышль), а затѣмъ указываетъ волости добавочнаго ихъ надѣленія изъ «князя великого удѣла Василья Дмитріевича»: это Козельскъ, Городецъ на Волгѣ, Угличъ [2]).

Строй княжеской семьи и княжого владѣнія, въ остальномъ, по этой духовной грамотѣ, вполнѣ традиціонны. Во главѣ семьи—вдовствующая княгиня-мать, которая самостоятельно управляетъ своими пожизненными владѣніями—судомъ и данью; Владиміровичи владѣютъ своей отчиной по удѣламъ, передавая ихъ пожизненно вдовамъ и въ потомственное владѣніе сыновьямъ, но безъ права отчужденія и завѣщательнаго распоряженія выморочнымъ удѣломъ, который идетъ въ раздѣлъ поровну братьямъ. Раздоры между братьями-князьями улаживаются съѣздомъ ихъ бояръ и окончательнымъ рѣшеніемъ княгини-матери подъ опекой великаго князя, которому «приказаны» серпуховская княгиня и ея дѣти съ тѣмъ, чтобы онъ печаловался о нихъ и доправлялъ, что установитъ княгиня, блюдя, чтобы отчинѣ ихъ было безъ убытка и ихъ удѣламъ.

Дробленіе владѣній князя Владиміра Андреевича между сыновьями упразднило относительную значительность его княжества и свело князей Владиміровичей на положеніе мелкихъ подручниковъ великаго князя [3]); моровое повѣтріе 1426—1427 ни одного изъ нихъ не пощадило, и послѣдній отпрыскъ серпуховскаго княжескаго дома Василій Ярославичъ высту-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 40.

[2]) Княжичъ Иванъ получаетъ „изъ великаго князя удѣла“ Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, „куплю Лисинъ“ (? вѣроятно куплю Пересвѣтову, Лисинъ); Семенъ и Ярославъ „на полы“ Городецъ на Волгѣ. Относительно Углича, назначеннаго „на полы“ Андрею и Василію не повторено указаніе на „удѣлъ великого князя“, нѣтъ и предположенія, что онъ, какъ Козельскъ и Городецъ, можетъ быть „отоиманъ“ (въ такомъ случаѣ предуказана замѣна ихъ другими волостями); однако построеніе грамоты заставляетъ признать особое положеніе Углича въ ряду владѣній Серпуховской княжеской семьи. И въ разсчетѣ дани Городецъ и Угличъ на особомъ положеніи: дань съ нихъ не идетъ въ общую сумму 320 р. серпуховской дани, а съ Городца—160 р. въ составъ полуторатысячъ рублей „новгородского (Новгорода Нижняго) выхода“, съ Углича дань также идетъ въ особый счетъ.

[3]) О нихъ—у Экземплярскаго, т. II, стр. 305—311.

паетъ болѣе значительной фигурой въ княжеской московской средѣ, но его владѣльческое положеніе уже захвачено отношеніями временъ потрясшей всю эту среду смуты.

Однако, хотя строй владѣльческихъ отношеній, сформулированный въ духовной князя Владиміра Андреевича, не создалъ никакой прочной и устойчивой организаціи Серпуховскаго княжества, онъ показателенъ и для сложившихся воззрѣній княжого права, и для условій даннаго историческаго момента. Передъ нами не удѣлъ Московской отчины, а особое вотчинное княжество, повторившее въ своемъ внутреннемъ строѣ отношенія того цѣлаго, изъ котораго оно само выдѣлилось. Владиміровичи владѣютъ своей отчиной по удѣламъ, на началахъ традиціоннаго семейно-вотчиннаго права и остаются объединенными въ семейную группу какъ семейно-владѣльческою связью и старѣйшинствомъ княгини-матери и старшаго брата, такъ и единствомъ внѣшней, политической связи съ великимъ княженіемъ. Но старѣйшинство серпуховскаго князя надъ братьями явно лишено какого-либо политическаго значенія, а стало быть и реальнаго вѣса, такъ какъ цѣликомъ подавлено зависимостью всей группы мѣстныхъ князей отъ великокняжеской власти. Единственной чертой политико-административнаго объединенія этой группы и ея владѣній остается коллективная уплата дани на татарскій выходъ въ казну великаго князя: серпуховская великая княгиня и ея сыновья собираютъ дань, «коли выйдетъ дань великого князя ко Ордѣ», каждый со своего удѣла «по уроку», который точно изложенъ въ духовной грамотѣ, а затѣмъ всѣ вмѣстѣ посылаютъ ее къ казнѣ великаго князя и сдаютъ ее общей суммой, назначая для этого по боярину съ каждаго удѣла. Въ этомъ порядкѣ—нѣтъ для Серпуховскаго княжества элемента сохраненія его финансовой силы: тутъ только своего рода круговая порука по исполненію великокняжескаго требованія «дани неминучей» [1]). Въ такихъ условіяхъ, когда серпуховское княжество утратило послѣднія черты политически-значительной единицы, сохраненіе его единства отъ окончательнаго вотчиннаго распада, а его князей отъ перехода въ положеніе служилыхъ подручниковъ, а затѣмъ и княжатъ-землевладѣльцевъ—становилось невозможнымъ, и только моровое повѣтріе исказило и прервало этотъ процессъ, пережитый рядомъ другихъ измельчавшихъ княжескихъ владѣній.

VII.

Пререканія князя Владиміра Андреевича съ племянникомъ, княземъ великимъ, о волостяхъ обусловлены его принадлежностью къ московской княжеской семьѣ и его дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ за усиленіе велико-

---

[1]) Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и воинскія силы серпуховскихъ князей выступали въ походъ однимъ полкомъ,—но и это лишь порядокъ выполненія ратнаго долга передъ княземъ великимъ.

княжескаго владѣльческаго — московскаго — центра. Двойственность его положенія, какъ князя на своей серпуховской вотчинѣ и какъ члена московской княжеской семьи, создавала противорѣчіе между условіями прочнаго вотчиннаго владѣнія обособленной волостью—княженіемъ Серпуховскимъ, и стремленіемъ использовать на свое усиленіе участіе въ общемъ владѣніи землями Московскаго княжества, по удѣламъ-долямъ надѣленія изъ новыхъ пріобрѣтеній, осуществленныхъ общими усиліями [1]). Послѣднее было тѣмъ болѣе соблазнительно, что между прямыми вотчичами по Дмитріи Донскомъ пошли свои споры о волостяхъ, свои раздѣлы и передѣлы владѣніями, поставленные на очередь выдѣломъ «удѣла» для младшаго Дмитріевича, Константина [2]). Выдѣлъ этотъ вызвалъ рядъ мѣнъ волостями между братьями, мѣнъ по договорнымъ условіямъ и соглашеніямъ, которыя, не имѣя устойчивой опоры въ подробномъ отцовскомъ рядѣ, вносили начало произвола и «пожалованія» въ ихъ взаимныя владѣльческія отношенія.

На почвѣ этихъ проявленій «волощенья» между великимъ княземъ, его дядей и братьями сложились враждебныя отношенія между в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ и его братьями — вторымъ, Юріемъ, и младшимъ, Кон-

---

[1]) Это противорѣчіе сказалось въ колебаніяхъ терминологіи грамотъ даннаго времени, которыя такъ противорѣчиво употребляютъ слово „удѣлъ“. Тѣ владѣнія, какія Владиміръ Андреевичъ получилъ отъ в. к. Василія, получены имъ „въ удѣлъ и въ вотчину“, но эти же владѣнія онъ даетъ своимъ сыновьямъ „изъ удѣла великого князя“: представленіе о двухъ вотчинахъ—московской и серпуховской, установленное во времена Дмитрія Донского, перекрещивается съ представленіемъ о возможности получить „удѣлъ“ не въ порядкѣ раздѣла наслѣдственныхъ владѣній, а какъ надѣлъ, получаемый отъ великаго князя изъ новыхъ пріобрѣтеній великокняжеской власти. Но такой надѣлъ принимаетъ характеръ великокняжескаго „пожалованія“ и, тѣмъ самымъ, владѣнія прекарнаго, подвергнутаго возможности обмѣна, возврата, ибо по средневѣковому представленію о значеніи „пожалованія“ имъ не устранялось вполнѣ правовое (притязательное) отношеніе дарителя къ отчужденному въ порядкѣ пожалованія владѣнію; обычно князья выговаривали себѣ право обмѣна уступленныхъ волостей (С. Г. Г. и Д., т. I, № 41 и 42).

[2]) Эти ихъ мѣны и передѣлы извѣстны намъ только по отрывочнымъ указаніямъ источникамъ. Попытку связно ихъ представить см. у С. М. Соловьева (кн. I, ст. 1131—1132). Константину составили удѣлъ изъ волостей Тошны и Устюжны—по духовной отца изъ волостей в. к. Василія Васильевича; изъ уступокъ въ его пользу брата Петра, бездѣтнаго и рано умершаго—въ началѣ 1428 года—князя Дмитровскаго удѣла, который отступился въ пользу Константина отъ Углича и отъ волостей, полученныхъ отъ Юрія галицкаго (Шачебала и Ликурговъ)—С. Г. Г. и Д., т. I, № 43; изъ Звенигородскихъ волостей, какія отдалъ ему кн. Юрій—тамъ же; Угличъ затѣмъ пошелъ въ обмѣнъ на Ржеву князю Владиміру Андреевичу, но по смерти князя Владиміра возвращенъ князю Константину (тамъ же, № 52: „удѣлъ дяди нашего княжь Константиновъ Дмитріевича Ржева и Угличъ“), такъ какъ часть „удѣла“ князя Владиміра Андреевича—„Угличъ съ волостьми, Городецъ съ волостьми, Козельскъ съ мѣсты да Гоголь, да Олексинъ, да купли Пересвѣтовы, да Лисинъ“ не удержались въ рукахъ его потомства (тамъ же, № 71).

стантиномъ. До насъ дошелъ только одинъ договоръ в. к. Василія Дмитріевичамъ съ братьями, притомъ только съ двумя — Андреемъ и Петромъ; показательна самая безсодержательность этого договора, который только утверждаетъ уговоръ князей «быти за одинъ и до живота» и взаимное «блюденье» владѣній другъ подъ другомъ, при чемъ, однако, въ немъ не участвуютъ братья Юрій и Константинъ. О тѣхъ же отношеніяхъ между братьями свидѣтельствуютъ три духовныя в. к. Василія Дмитріевича: въ первой великій князь «приказываетъ» княгиню свою и сына князьямъ Владиміру Андреевичу и двумъ братьямъ—Андрею и Петру; во второй — тестю Витовту и братьямъ Андрею, Петру и Константину и серпуховскимъ князьямъ Владиміровичамъ; въ третьей — имъ же, но опять безъ Константина [1]). Юрій нигдѣ не названъ, и, видимо, находился въ гнѣвной оппозиціи къ старшему брату во все время его великаго княженія, хотя и ходилъ въ походы по его посылкамъ на Новгородъ и въ Двинскую землю, на волжскихъ Болгаръ. Ни лѣтописные своды, ни иные какіе источники не даютъ указаній на причины раздора между братьями; нѣтъ и договоровъ между ними. Обычно историки связывали съ этими чертами ихъ отношеній ту особенность духовныхъ грамотъ в. к. Василія Дмитріевича, что въ первой и въ третьей онъ лишь условно благословляетъ сына великимъ княженіемъ: «а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе».... Правда, у насъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы Юрій выдвигалъ свои притязанія на великое княженіе уже при жизни Василія Дмитріевича; но въ пользу предположенія, что князь Юрій, по меньшей мѣрѣ, не хотѣлъ допустить подписи своего имени подъ именемъ племянника и признать старшаго великокняжескаго сына старшимъ себѣ братомъ, княземъ великимъ, говоритъ аналогія съ поведеніемъ младшаго Дмитріевича Константина, который въ 1419 году вошелъ въ розмирье съ в. к. Василіемъ и отъѣзжалъ отъ него въ Новгородъ Великій изъ за того, что великій князь его «восхотѣ подписати подъ сына своего Василья» [2]). Предположеніе, что сходные мотивы руководили и княземъ Юріемъ въ его отношеніяхъ къ брату, князю великому, быть можетъ, подтверждается и отсутвіемъ между ними договоровъ, гдѣ соотвѣтственная формула была бы неизбѣжна [3]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 37, 39, 41 и 42.

[2]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 261; т. IV, стр. 119 („привести въ цѣлованіе подъ своего сына князя Василья, и онъ не хотя быти подъ своимъ братаничемъ“); т. XI, стр. 237. В. к. Василій за то отнялъ у брата вотчину и подвергъ опалѣ его бояръ (ихъ „поиманіемъ“ и отнятіемъ „селъ и животовъ“). Черезъ годъ князья помирились, что отразилось на 2-й духовной в. к. Василія.

[3]) Протестъ князя Константина—младшаго дяди—не могъ вытекать изъ какихъ либо претензій на великое княженіе. Дѣло сводилось, надо полагать, къ вопросу о семейномъ положеніи, вопросѣ почета, если не допустить солидарности Константина съ Юріемъ. Ихъ отношенія довольно не обычны, судя по договорной грамотѣ в. к. Василія Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ: Юрій уступилъ Константину часть Зве-

Разладъ между княземъ Юріемъ и в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ, во всякомъ случаѣ, сложнѣе по мотивамъ, чѣмъ простой споръ о волостяхъ. Его выступленіе, по смерти старшаго брата, противъ племянника, Василія Васильевича не было неожиданнымъ: оно явилось только завершеніемъ тѣхъ притязаній и отношеній, какія сложились ранѣе. Поэтому, надо признать, что намъ въ точности неизвѣстно, когда и въ какой формѣ былъ впервые поставленъ вопросъ о сравнительномъ правѣ дяди и племянника на старѣйшинство въ семьѣ московскихъ князей. Съ вопросомъ этимъ связано въ нашей исторической литературѣ представленіе о смѣнѣ стараго «родового» порядка наслѣдованія въ княжеской власти «новымъ», вотчиннымъ, отъ отца къ сыну, съ исключеніемъ боковыхъ линій. Однако, нельзя упускать изъ виду, что вотчинное наслѣдованіе, само по себѣ, старинное, исконное явленіе княжого права, но касалось оно—вотчинныхъ княженій, возникавшихъ въ переходѣ княжества отъ отца къ сыновьямъ путемъ потомственнаго владѣнія общей отчиной и дѣдиной по удѣламъ и ея распада въ смѣнѣ дальнѣйшихъ поколѣній. Съ этимъ вотчиннымъ наслѣдованіемъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать преемства въ старѣйшинствѣ среди цѣлой группы князей-братьевъ и родичей; это послѣднее было явленіемъ не владѣльческаго, а семейнаго права и въ княжеской средѣ явилось носителемъ тенденцій и интересовъ политическаго характера. Рядъ попытокъ свести и это преемство, при связи великокняжескаго старѣйшинства съ опредѣленнымъ столомъ княженія, къ вотчинному наслѣдованію въ кругѣ одной отцовской семьи наблюдаемъ издревле—съ выдѣла Полоцкой отчины для «Рогволожихъ внуковъ», а еще ярче въ борьбѣ старшей линіи Мономашичей за вотчинное право на «золотой столъ Кіевскій» и связанное съ нимъ старѣйшинство во всей братьѣ, князьяхъ русскихъ. То, что не удалось Мономашичамъ на югѣ, осуществили на сѣверѣ московскіе Данловичи. Они создали себѣ кѣпкую отчину вокругъ своего вотчиннаго города, добились великаго княженія Владимірскаго и всея Руси, стали во главѣ Великороссіи, утвердили свое господство надъ Великимъ Новгородомъ, привели подъ свое великокняжеское главенство и Тверь, и Рязань, и Нижній Новгородъ, сохраняя втеченіи трехъ поколѣній великокняжеское преемство въ своей семьѣ. По составу этой семьи, вопросъ о взаимоотношеніи въ ея средѣ между дядей и племянникомъ возникъ лишь однажды—при Дмитріи Донскомъ, когда Владиміръ Андреевичъ призналъ двоюроднаго племянника старшимъ себѣ братомъ; но и тутъ еще не было ничего «новаго», а только лишній примѣръ стдаленія отъ старѣйшинства боковой линіи, осѣвшей на своей обособленной вотчинѣ.

нигородскихъ волостей, но дань съ нихъ Константинъ вноситъ въ казну Юрія; эти отношенія сходны съ обычными отношеніями между великимъ и удѣльнымъ княземъ и могли создать нѣкоторую связь владѣльческихъ интересовъ между князьями-братьями.

На иной, подлинно «новой» почвѣ возникаютъ притязанія князя Юрія Дмитріевича, и разгорается затяжная смута въ московской семьѣ наслѣдниковъ Дмитрія Донского. Эта иная почва создана тою новостью, какую находимъ въ духовной грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича: примѣненіемъ вотчиннаго начала къ великому княженію и его территоріи. Дмитрій «благословилъ» сыновей Владимірскимъ великимъ княженіемъ, Галичемъ, Бѣлоозеромъ, Угличемъ. Эти владѣнія стоятъ еще особо отъ Московской вотчины, какъ и Переяславль, и Кострома, которые впервые появятся особыми вотчинными единицами въ духовной Василія Темнаго, хотя еще Донской распоряжался переяславскими и костромскими волостями въ своемъ «рядѣ» дѣтямъ. Кромѣ того, крупный шагъ къ закрѣпленію связи великокняжеской власти съ вотчиннымъ владѣніемъ и наслѣдованіемъ сдѣланъ в. к. Дмитріемъ въ созданіи великокняжескаго удѣла, какъ особаго владѣнія среди московской вотчины, которое не подлежитъ ни въ какомъ случаѣ раздѣлу между братьями, а цѣликомъ переходитъ къ тому изъ нихъ, кто станетъ великимъ княземъ.

В. к. Дмитрій Ивановичъ имѣлъ въ своемъ «рядѣ» въ виду только своихъ сыновей, ближайшее поколѣніе московскихъ вотчичей. Но его духовная неизбѣжно должна была, въ дальнѣйшемъ, возбудить новый вопросъ. Ея примѣненіе ясно и просто при бездѣтной смерти старшаго сына; но какъ быть при наличности у него сына-отчича? что возьметъ верхъ—вотчинность или старѣйшинство? Такъ установленіе новой черты московскаго княжого права—неустраннмой связи между великимъ княженіемъ и московско-коломенскими владѣніями, которыя стали «удѣломъ князя великаго», вело къ тѣсному сплетенію и сліянію преемства въ великокняжеской власти и вотчиннаго наслѣдованія по «ряду» отца, великаго князя. А за этой новостью княжого права стоялъ реальный фактъ великорусской политической дѣйствительности, что Москва, а не Владиміръ подлинный центръ великаго княженія всея Руси.

Такое значеніе Москвы, созданное ея политико-стратегическимъ вѣсомъ и ролью резиденціи великихъ князей и митрополитовъ всея Руси, сложилось со временъ Калиты, а при Дмитріи Донскомъ опредѣлилось и окрѣпло. Съ этой поры великое княженіе безъ Москвы нессуществимо и немыслимо, въ ней его реальная опора и организующій его силы центръ. А Москва—семейная вотчина Даниловичей, точнѣе—Дмитріевичей Донского. Владѣніе ею подчинено традиціоннымъ семейно-вотчиннымъ порядкамъ. По смерти отца во главѣ семьи вдовствующая княгиня-мать, Москва и ея станы въ совладѣніи братьевъ-отчичей, московскія волости въ ихъ долевомъ владѣніи по удѣламъ, съ перспективой вотчиннаго распада и съ весьма условнымъ объединеніемъ воинскихъ силъ и финансовыхъ средствъ всего княжества. Такой строй внутреннихъ отношеній дѣлалъ Московское княжество ненадежной опорой для великокняжеской политики, а положеніе великаго

князя, руководителя всей политической жизни Великороссіи—внутренно противорѣчивымъ и житейски фальшивымъ. Это глубокое несоотвѣтствіе строя княжого владѣнія политическимъ задачамъ великокняжеской власти—основная причина остраго кризиса, который назрѣваетъ въ дни Василія Дмитріевича, разражается бурной смутой при Василіи Темномъ и находитъ разрѣшеніе послѣ новыхъ столкновеній въ нѣдрахъ княжеской семьи при Иванѣ III ликвидаціей удѣльно-вотчиннаго строя.

Борьба князя Юрія Дмитріевича съ Василіемъ Темнымъ—это борьба за Москву. Великое княженіе стало изъ Владимірскаго Московскимъ. Это борьба за старѣйшинство въ московской княжеской семьѣ, отъ котораго неотдѣлима великокняжеская власть. Въ ней съ новой силой вскрылась необходимость перестройки всего уклада семейно-вотчиныхъ отношеній на новыхъ, политическихъ началахъ великокняжескаго властвованія, если только вѣковой строительной работѣ московскихъ государей суждено было избѣжать крушенія. Сліяніе великаго княжества съ московской отчиной въ единое Московское государство—вотчину государя великаго князя, и превращеніе московской княжеской семьи въ «царствующій домъ», династію московскихъ государей—съ соотвѣтственной перестройкой ея внутреннихъ отношеній, таковы результаты кризиса, пережитаго междукняжескими отношеніями при Василіи Темномъ и Иванѣ III. Историческій процессъ велъ московскихъ Даниловичей къ этимъ двумъ результатамъ втеченіи второй половины XIV-го вѣка и въ XV столѣтіи, а смута при в. к. Василіи Васильевичѣ рѣзко вскрыла его зрѣлость и ускорила его завершеніе.

Эта смута зародилась въ отношеніяхъ времени Василія Дмитріевича и разразилась тотчасъ по его смерти [1]). В. к. Василій благословилъ передъ кончиной въ свое мѣсто десятилѣтняго сына Василія; опекуномъ юнаго князя оказался митр. Фотій съ боярами. И началась борьба, нѣкоторые моменты которой требуютъ особаго вниманія. Въ ту же ночь, когда скончался в. к. Василій Дмитріевичъ, митр. Фотій послалъ въ Звенигородъ за княземъ Юріемъ, но тотъ удалился въ Галичъ и сталъ собирать всю свою ратную силу. Московскіе правители отвѣтили также быстрымъ сборомъ войска и выступленіемъ противъ Юрія, который отступилъ къ Нижнему [2]).

---

[1]) „Преставися князь великій Василей Дмитреевичь и по немъ сяде сынъ его князь великій Василей въ споръ съ дядею своимъ съ княземъ Юрьемъ“—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 225.

[2]) Софійскія I и II лѣтописи (П. С. Р. Л., т. V, стр. 263 и VI, стр. 143) упоминаютъ о посылкѣ подъ Нижній на Юрія князя Андрея Дмитріевича, который „брата князя Юрья не дошедъ да воротился“ (Карамзинъ читалъ въ какихъ-то лѣтописцахъ замѣчаніе, что князь Андрей вернулся, „норовя“ брату—„И. Г. Р.“, т. V, прим. 257); другіе своды (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92; т. XVIII, стр. 167; т. XII, стр. 2) даютъ разсказъ, гдѣ этотъ походъ приписанъ князю Константину, а отступленіе объясняется тѣмъ, что Юрій ушелъ за р. Суру и нельзя было перейти къ нему за рѣку. Вѣроятнѣе

До битвы дѣло не дошло; заключено перемиріе и начались переговоры. За в. к. Василія стали, кромѣ московскаго правительства съ митр. Фотіемъ и в. к. Софьей во главѣ, его дяди Андрей, Петръ и Константинъ и «всѣ князи и бояре земли его»; прибѣгли и къ в. к. Витовту, которому покойнымъ великимъ княземъ завѣщано было «печалованіе» о сынѣ, его внукѣ. По общему совѣту [1]) митр. Фотій сдѣлалъ попытку добиться соглашенія, но князь Юрій не хотѣлъ мира, а настаивалъ на перемиріи, и только подъ карой митрополичьяго неблагословенія согласился прислать въ Москву своихъ бояръ для дальнѣйшихъ переговоровъ. И то состоялось лишь соглашеніе что «князю Юрію не искати княженія великаго собою, но царемъ; котораго царь пожалуетъ, той будетъ князь великій Владимірскій и Новугороду Великому и всей Руси».

Такъ повѣствуютъ наши лѣтописные своды. Но они опускаютъ рядъ данныхъ, которыя объяснили бы дальнѣйшій ходъ событій. Повидимому, на этотъ разъ дѣло обошлось безъ обращенія къ ханской власти [3]). Юрій не рѣшился на борьбу, ввиду, главнымъ образомъ, той литовской поддержки, какая—при посредничествѣ в. к. Софьи Витовтовны и митр. Фотія—стояла за в. к. Василіемъ. О значеніи этой поддержки свидѣтельствуютъ подчиненіе въ эту пору великорусской великокняжеской политики литовскому вліянію и новый взрывъ борьбы за великое княженіе тотчасъ по смерти Витовта и переходѣ власти на Литвѣ къ Свидригайлу, свояку князя Юрія Дмитріевича.

Внуку пришлось не дешево заплатить за «печалованіе» дѣда. Пользуясь своимъ перевѣсомъ надъ Москвой, Витовтъ сдѣлалъ попытку возобновить наступленіе на Псковъ и на Новгородъ; въ 1426 г. онъ нападаетъ на Псковскую землю и принуждаетъ псковичей купить миръ уплатой крупныхъ суммъ. Призывы о помощи, обращенные псковичами къ Новгороду и в. к. Василію, остались втуне. Въ 1428 г. Витовтъ идетъ на Новгородскія волости

замѣна имени Андрея именемъ Константина, чѣмъ обратно, и устраненіе въ позднѣйшей редакціи мотива „поноровки“.

[1]) Лѣтописный разсказъ указываетъ на съѣздъ князей и бояръ и обсужденіе дѣйствій: великій князь „обосла же ся тогда и съ братомъ своимъ и дѣдомъ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, и съ всѣми князи и бояры земли своея здумаша послати къ князю Юрью отца своего Фотія митрополита“ о мирѣ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92).

[2]) Въ нашихъ источникахъ пѣть указаній на обращеніе къ хану въ эту пору: но въ разсказѣ о позднѣйшихъ пререканіяхъ въ Ордѣ передъ ханомъ приведены такіе аргументы боярина Всеволожскаго: в. к. Василій далъ великое княженіе своему сыну по „жалованію вольнаго царя“, и потому ищетъ своего права по „цареву жалованію“—по „девтеремъ и ярлыкомъ“, причемъ бояринъ и представилъ ярлыкъ („а се твое жалованіе передъ тобою“); если этотъ разсказъ признать точнымъ, то в. к. Василій обезпечилъ заранѣе утвержденіе своей духовной ханскимъ ярлыкомъ. Напомню, что его духовная была и Витовту предъявлена.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 96. Посаженіе Василія на столъ великаго княженія ханскимъ посломъ произошло только 5 октября 1432 года.

*

и принуждаетъ новгородцевъ просить мира «по старинѣ» съ уплатой крупной контрибуціи. Безсиліе западныхъ окраинъ Великороссіи передъ литовскимъ напоромъ сказывается въ ихъ разрозненности; Новгородъ не рѣшился помочь псковичамъ, ограничился безплоднымъ дипломатическимъ предстательствомъ; Псковъ заключаетъ съ Витовтомъ миръ, «а безъ Новгорода», и принялъ обязательство не помогать Новгороду. За ними не было великокняжеской силы. В. к. Василій посылалъ къ Витовту посла съ протестомъ противъ разоренія своей отчины, далъ псковичамъ князя по ихъ челобитью, но активно не смогъ за нихъ вступиться, а «дѣду своему князю Витовту и крестъ цѣлова, что ему не помогати по Новгородѣ, ни по Псковѣ» [4]).

За то московскія великокняжескія силы оставались свободными для давленія на князя Юрія. Только въ мартѣ 1428 года удалось привести его къ докончанію на всей волѣ великаго князя. Но договоръ, тогда заключенный, ликвидируетъ едва ли только мѣропріятія, принятыя въ 1425 году, въ тѣ первые моменты розмирья, о которыхъ только и повѣствуютъ наши лѣтописные своды. Великокняжескіе намѣстники и волостели, посельскіе и тіуны и позднѣе «вѣдали» отчину князя Юрія и села его бояръ, пока князь Юрій не согласился на договоръ, которымъ призналъ в. к. Василія братомъ себѣ старѣйшимъ, обязался не вступаться въ московскія и коломенскія его владѣнія, въ Нижній Новгородъ и Муромъ и во все великое княженіе ни подъ нимъ, ни подъ его дѣтьми [2]).

Однако, и этотъ договоръ далъ только перемиріе, хоть и устанавливалъ обязательство князей быть «вездѣ за одинъ и до своего живота». Онъ заключенъ черезъ мѣсяцъ послѣ кончины князя Петра Дмитріевича, бездѣтнаго дмитровскаго князя; а этой смертью созданъ еще новый поводъ для раздоровъ между князьями—изъ за судьбы выморочнаго Дмитровскаго княжества: въ договорѣ в. к. Василія съ дядей Юріемъ нѣтъ упоминанія о Дмитровѣ, хотя этотъ вопросъ долженъ былъ стать очереднымъ въ моментъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 203—205; т. V, стр. 25—26 (Псковская лѣтопись поясняетъ, что в. к. Василій уклонился отъ вмѣшательства въ защиту Пскова, ибо „бяше ему тогда брань велика съ княземъ Юрьемъ, стрыемъ своимъ, о великомъ княженіи, но обаче о всемъ томъ небрегъ, вречеся“); т. VIII, стр. 94; Новг. I, стр. 413.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 43. Въ договоръ внесена и гарантія отъ покушеній Юрія на владѣнія младшихъ его братьевъ и серпуховскихъ князей. Отказъ его отъ притязаній къ великому князю-племяннику полный и потомственный („того ти всего подъ нами блюсти, а не обидѣти, ни вступатися, ни подъ нашими дѣтьми“). Въ остальномъ договоръ обычный, но князь Юрій выговорилъ себѣ право все-таки не равняться съ малолѣтнимъ „братомъ старѣйшимъ“: если великій князь самъ выступаетъ въ походъ, князь Юрій только сыновей съ нимъ посылаетъ; а сыновей этихъ, какъ и младшихъ дядей, великій князь имѣетъ право посылать въ походы, причемъ Юрій отправляетъ съ ними своихъ бояръ и ратныхъ людей. Договоръ датированъ 11 марта 6936 года.

ихъ докончанія; изъ дальнѣйшаго видно, что Дмитровымъ овладѣлъ великій князь и, притомъ, безъ раздѣла дмитровскихъ волостей съ дядями.

Договоръ 1428 года установилъ лишь временный и худой миръ. Внѣшнее равновѣсіе продолжалось года два. А 1430—1431 годъ принесъ два многозначительныхъ событія: смерть Витовта—въ октябрѣ 1430 года и митр. Фотія—въ іюлѣ 1431 г. Въ Москвѣ не стало авторитетнаго руководителя великокняжескаго правительства, а на Литвѣ власть перешла къ свояку князя Юрія—Свидригайлу. Юрій Дмитріевичъ тотчасъ «розверже миръ» съ великимъ княземъ и отославъ въ Москву свой противень договорной грамоты 1428 г. вмѣстѣ со складной грамотой [1]). «Спершись о великомъ княженіи», князья рѣшили, по прежнему соглашенію, итти въ Орду на ханскій судъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ дѣла изложенъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ сбивчиво и противорѣчиво въ сокращеніи и сводкѣ болѣе обстоятельныхъ первоисточниковъ, такъ что возстановить послѣдовательность событій и ихъ характеръ съ достаточной увѣренностью трудно.

Большой интересъ представляетъ изложеніе аргументовъ, какими князья поддерживали свои притязанія. По лѣтописному разсказу, князь Юрій обосновывалъ ихъ «лѣтописцами и старыми списками и духовною отца своего, великаго князя Дмитрія». Главный его аргументъ—ссылка на «мертвую грамоту отца» показываетъ, что добивался онъ не только стола великаго княженія, но и московско-коломенскаго удѣла, какъ великокняжескаго, стало быть отрицалъ утрату статьей духовной грамоты Донского о томъ, что этотъ удѣлъ долженъ перейти, по смерти старшаго Дмитріевича Василія, къ слѣдующему брату, всякаго значенія, разъ у Василія Дмитріевича имѣлся сынъ—вотчичъ этому удѣлу. Аргументъ этотъ вытекалъ естественно изъ окрѣпшой связи между московско-коломенскими владѣніями и властью великаго князя, но рѣзко противорѣчилъ вотчинной традиціи [2]); даже среди лицъ, близкихъ ко князю Юрью, проявилось, затѣмъ, сомнѣніе въ законности подобнаго притязанія и возникла попытка разрѣшить вопросъ отдѣленіемъ Москвы отъ Коломенскаго удѣла съ признаніемъ вотчинныхъ правъ Василія Васильевича на этотъ послѣдній и сохраненіемъ за Москвой исключительно значенія резиденціи великаго князя.

Въ этомъ скрещеніи вотчиннаго права съ преемствомъ на великомъ княженіи была слабая сторона домогательствъ Юрія. Представитель малолѣтняго великаго князя, бояринъ И. Д. Всеволожскій противопоставилъ имъ права Василія Васильевича «по отечеству и по дѣдству», а поддержалъ свою

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I. № 44, съ надписью на оборотѣ: „а сю грамоту князю великому прислалъ (съ) съкладною вмѣстѣ князь Юрьи къ Ордѣ ида".

[2]) Противорѣчіе того же характера возникло и по поводу духовной в. к. Симеона Ивановича, при осуществленіи которой удѣлъ старшаго сына, князя великаго, ушелъ бы изъ рукъ носителя великокняжеской власти. Избѣжать такихъ послѣдствій и было цѣлью „ряда" Дмитрія Донского.

аргументацію ссылкой на ханское пожалованіе, обезпеченное за сыномъ еще в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ, и его политическую надежность въ отличіе отъ Юрія, «побратима» литовскому Свидригайлу. Осложненный борьбой между вліятельными ордынскими вельможами, споръ князей затянулся и не получилъ сразу того опредѣленнаго рѣшенія, какое даютъ ему нѣкоторые изъ лѣтописныхъ сводовъ. Съ осени 1431 года и до слѣдующаго лѣта продержали русскихъ князей въ Ордѣ, пока въ іюнѣ 1432 года ханъ не отпустилъ ихъ «на свои отчины», причемъ «придалъ» къ владѣніямъ князя Юрія Дмитровъ со всѣми волостями, т. е. весь Дмитровскій удѣлъ [1]). Вопросъ о великомъ княженіи остался открытымъ [2]), по крайней мѣрѣ—формально, и только черезъ три мѣсяца ханскій посолъ водворилъ Василія Васильевича на столѣ великаго княженія.

Утвердившись на великомъ княженіи, Василій Васильевичъ вернулъ себѣ Дмитровъ [3]). Борьба началась за ново, вооруженной рукой. Князь Юрій быстрымъ наступленіемъ сломилъ собранное на спѣхъ ополченіе в. к. Василія, вынудилъ его къ бѣгству въ Тверь, а оттуда въ Кострому, тутъ захватилъ его и принялъ его челобитье. И Юрій сѣлъ великимъ княземъ на Москвѣ, но Коломенскій удѣлъ вернулъ племяннику, по совѣту своего ближняго боярина Семена Морозова. Это имѣло сразу характерное послѣдствіе: бояре и вольные слуги московскаго великокняжескаго двора «начаша отказыватися отъ князя Юрія Дмитреевича за великого князя Василія Васильевича и поидоша съ Москвы на Коломну безпристани» [4]). Князь Юрій потерпѣлъ крушеніе на попыткѣ отдѣлить неотдѣлимое: великокняжескую власть отъ ея владѣльческой базы, съ которой тѣсно связанъ организа-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 266: только Псковская первая лѣтопись даетъ точную дату выѣзда князей изъ Орды: „на Рождество Ивана Предтечи“—24 іюня 1432 года; прибылъ Василій на Москву на Петровъ день, 29 іюня.

[2]) Тамъ же: „а княженья не взяху оба“. Въ Воскресенской лѣтописи (т. VIII, стр. 96) текстъ интерполированъ: въ отсутствіи князя Тегини, покровителя Юрію, ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу в. к. Василія и по возвращеніи Тегини изъ Крыма стоялъ на томъ же и даже „повелѣ князю Юрію конь повести“ подъ Василіемъ; но Тегиня воспротивился, и ханъ „убоявся того сътворити, по Тегинину слову, да придалъ князю Юрію къ его отчинѣ Дмитровъ съ властьми всѣми, и отпусти царь ихъ на свои отчины, и пріиде князь велики на Москву на Петровъ день, а съ нимъ посолъ Мансырь-Усанъ царевичъ, тотъ его посадилъ на великое княженіе, а князь Юрій въ Звенигородъ, а оттолѣ въ Дмитровъ“. Подчеркнутыя слова—вставка, ср. П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 172, гдѣ текстъ первоначальный, безъ этихъ словъ. Посаженіе Василія ханскимъ посломъ на великое княженіе состоялось только 5 октября 1432 г. (индикта 10—П. С. Р. Л., т. V, стр. 148; Львовская—т. XX, ч. I, стр. 238 „поправляетъ“ на индикта 8-го, что дало бы 1430 г.!). Протестъ Тегиня касался не только обряда, но всего дѣла по существу.

[3]) „Намѣстниковъ дмитровскихъ сослалъ, княжихъ Юрьевыхъ, а Дмитровъ за себя взялъ“—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 148.

[4]) П. С. Р. Л., т. XII, стр. 18.

ціонный центръ этой власти—московскій великокняжескій дворъ. Его сыновья сразу поняли, что при такомъ положеніи все потеряно, убили Морозова и покинули отца. Юрію осталось признать, что «великое княженіе ему непрочно» и мириться съ племянникомъ. По новому договору князь Юрій обязался имѣть Василія «собѣ братомъ старѣйшимъ» и держать его «въ старѣйшинствѣ»; отрекался отъ притязаній на великое княженіе, и на всѣ владѣнія племянника, а также на всю дмитровскую отчину брата Петра, обязуясь выдать и ярлыкъ, полученный имъ на Дмитровъ отъ хана; отказывался впредь отъ сношеній съ Ордой, хотя и выговорилъ себѣ право не участвовать въ походахъ противъ Литвы [1]).

Договоръ этотъ былъ заключенъ Юріемъ въ гнѣвѣ на покинувшихъ его сыновей: онъ принялъ обязательство—не принимать къ себѣ «и до своего живота» Василія Косого и Дмитрія Шемяку. Эти Юрьевичи засѣли въ Костромѣ, и попытка великокняжеской рати выбить ихъ оттуда кончилась ея пораженіемъ, причемъ оказалось, что въ бою противъ в. к. Василія участвовали полки Юрія Дмитріевича съ его воеводами. Борьба поднялась съ новымъ ожесточеніемъ, и в. к. Василій, вторично разбитый въ Ростовской области, вынужденъ бѣжать въ Новгородъ Великій, а оттуда пробрался въ Нижній. Юрій опять водворился въ Москвѣ. На этотъ разъ сила Василія казалась вовсе сломленной, и младшіе князья спѣшатъ перейти на сторону побѣдителя. Можайскіе Андреевичи—Иванъ и Михаилъ [2])—снова

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 49—50. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Юрій выговорилъ себѣ особое положеніе: братъ Константинъ долженъ его признавать „братомъ старѣйшимъ“, а можайскіе Андреевичи и Василій Ярославичъ серпуховской дядей; къ великому князю Юрій не обязанъ являться по зову („и къ тобѣ ми не ѣздити“) и сохраняетъ право не выступать въ походы, а только посылать съ великимъ княземъ сына, какъ было и въ договорѣ 1428 г. Князь Юрій получилъ „въ вотчину и въ удѣлъ“ рядъ волостей („что ми ся нынеча отступилъ“)—въ томъ числѣ Бѣжецкій Верхъ съ правомъ поступить по своему усмотрѣнію съ тѣми великокняжескими пожалованіями на села и слободы, какія тутъ были розданы в. к. Василіемъ или его отцомъ.

[3]) Князь Андрей Дмитріевичъ умеръ въ іюлѣ 1432 года, раздѣливъ свое княжество на Можайскій и Верейскій удѣлы между сыновьями Иваномъ и Михаиломъ. Ихъ договоръ съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ (С. Г. Г. и Д., т., № 46), какъ „братьи молодшей“, заключенъ послѣ смерти князя Константина Дмитріевича (который тутъ не названъ, а послѣдній разъ упомянается въ исходѣ 1432 г.—самомъ началѣ 1433 г., въ связи съ отъѣздомъ И. Д. Всеволожскаго—П. С. Р. Л., т. XII, стр. 17). Отсутствіе имени Константина мѣшаетъ принять датировку А. В. Экземплярскаго—до октября 1432 г. (т. II, стр. 322). Статья этого договора: „а дастъ, господине, тобѣ Богъ, великому князю, достати своеѣ вотчины великаго княженья, насъ ти пожаловати, какъ еси реклъ, изъ великого княженья по пригожу“—выдвигаетъ характерную черту всей смуты временъ Василія Темнаго, когда потрясеніе сложившихся владѣльческихъ отношеній открывало широкія перспективы „примысламъ“ путемъ вынужденныхъ надѣловъ „изъ великаго княженья“ въ оплату помощи и крестоцѣловальной вѣрности, и позволяетъ отнести договоръ ко времени коломен-

признали великокняжескую власть Юрія [1]), какъ призналъ ее и рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ [2]); младшіе Юрьевичи—оба Дмитрія преслѣдуютъ низложеннаго великаго князя, которому казалось, остается только бѣжать въ Орду.

Но весь успѣхъ его враговъ рухнулъ съ нежданной смертью Юрія Дмитріевича. На Святой недѣлѣ 1434 года сдалась Москва Юрію, а 5 іюня онъ скоропостижно умеръ [3]). Старшій сынъ его, Василій Шемяка занялъ было столъ великаго княженія, но братья не признали его, а поспѣшили помириться съ в. к. Василіемъ. И Василій Васильевичъ, которому «не бысть ниоткуду помощи», снова сѣлъ «на своей отчинѣ, на великомъ княженьи Московскомъ» [4]). По договору съ Дмитріемъ Шемякой в. к. Василій утверждаетъ за собой не только московско-коломенскія владѣнія и все великое княженіе, но и Дмитровскій удѣлъ и Звенигородскій удѣлъ князя Василія Юрьевича, что князь великій «взялъ собѣ»; Шемяка, за ново подѣлившійся Галицкой вотчиной съ младшимъ братомъ Дмитріемъ, получаетъ сверхъ Галича, Рузы и Вышгорода отъ великаго князя «въ удѣлъ и въ вотчину»

скаго сидѣнья в. к. Василія (нѣсколько ранѣе заключенъ его договоръ съ серпуховскимъ отчичемъ Василіемъ Ярославичемъ, гдѣ названъ и князь Константинъ, С. Г. Г. и Д., т. I, № 45). Однако, къ тому же моменту приходится отнести и договоръ можайскихъ князей съ в. к. Юріемъ Дмитріевичемъ, гдѣ они принимаютъ обязательство сложить цѣлованье къ Василію Васильевичу и быть на него за одинъ съ в. к. Юріемъ, не „канчивать“ съ нимъ и не ссылаться помимо Юрія: въ этомъ договорѣ в. к. Юрій называетъ своими владѣніями—вотчину свою Москву, все великое княженье, Звенигородъ, Галичъ и Дмитровъ („что мя Богъ пожаловалъ и царь“), а Коломна, очевидно, отдана Василію. Вѣроятно, что этотъ послѣдній договоръ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 47) заключенъ раньше перехода можайскихъ князей на сторону Василія, т. е. раньше, чѣмъ опредѣлилось положеніе дѣлъ, сгубившее первое великокняжеское выступленіе Юрія; оговорка въ концѣ договора: „а сего намъ цѣлованья промежи собе не сложити, а правити“ свидѣтельствуетъ о неувѣренности, что положеніе прочно.

[1]) „чтобы нынѣ отчины не потерять, а матка бы не скиталася по чюжей отчинѣ“, пояснялъ Иванъ Андреевичъ в. к. Василію, увѣряя его: „гдѣ ни буду, а есмь твой человѣкъ“—П. С. Р Л., т. VIII, стр. 98.

[2]) Его договоръ съ в. к. Юріемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 48) признаетъ вотчиной Юрія и его сыновей Москву и Коломну со всѣмъ, что къ нимъ потягло; отступаясь отъ крестоцѣлованья и сношеній съ Василіемъ, рязанскій князь обязуется не принимать его въ свою вотчину, ни его бояръ, которые ему служатъ. Договоръ упоминаетъ о рязанской рати, которая ходила на Юрія съ в. к. Василіемъ и участвовала въ раззореніи Галича.

[3]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 266; т. XV, ст. 490 (смерть Юрія 4-го іюня); т. VIII, стр. 98. Духовная Юрія Дмитріевича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 51) относится не къ 1434 г., а къ 1432, пока онъ владѣлъ Дмитровскимъ удѣломъ брата Петра (такъ у Соловьева, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1058, примѣчаніе; ср. Карамзина, И. Г. Р., т. V, ст. 154).

[4]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 266; т. VIII, стр. 98 („сѣде на великомъ княженьи на Москвѣ“).

Ржеву и Угличъ, бывшій удѣлъ дяди Константина, но отступается отъ Вятки [1]); Дмитрій Юрьевичъ младшій получилъ Бѣжецкій Верхъ [2]). Помирился в. к. Василій и съ Василіемъ Юрьевичемъ, послѣ военныхъ дѣйствій 1435 года; весной этого года состоялось ихъ докончаніе. Великій князь не возвратилъ Василію Юрьевичу его Звенигородскаго удѣла, не возстановилъ его въ удѣльномъ владѣніи Галицкой отчиной, а пожаловалъ въ удѣлъ и въ вотчину Дмитровъ съ волостями [3]). Но Василій только мѣсяцъ усидѣлъ въ Дмитровѣ. Новое его выступленіе показываетъ, что главная его обида въ устраненіи отъ галицкихъ вотчинныхъ владѣній. Захвативъ Кострому и пославъ отсюда «розметныя грамоты» великому князю, Василій Юрьевичъ идетъ на Галичъ, собираетъ ратную силу, въ томъ составѣ—вятчанъ и дворъ галицкаго князя Дмитрія Юрьевича. Изъ Галича Василій идетъ на Устюгъ, гдѣ встрѣтилъ серьезное сопротивленіе и покаралъ за то устюжанъ жестокими карами [4]). Это выступленіе Василія Юрьевича навлекло подозрѣніе великаго князя и на Шемяку, который отправленъ на заточеніе въ Коломну, а самъ в. к. идетъ на Василія Юрьевича съ его братомъ, Дмитріемъ младшимъ, и можайскимъ княземъ Иваномъ; значительной поддержкой оказалась литовская помощь—приходъ къ в. к. Василію друцкаго князя Ивана Бабы. Съ этой помощью Василій Юрьевичъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Его бурная политическая карьера тѣмъ и кончилась; ослѣпленный по приказу в. к. Василія, онъ дожилъ до 1448 г. внѣ активной жизни [5]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 52 и 53—оба противня договорной грамоты сшиты вмѣстѣ и скрѣплены печатями обоихъ князей; тутъ же второй ихъ экземпляръ (№№ 54 и 55), также сшитый и за печатями. Издатели С. Г. Г. и Д. полагали, что первыя двѣ грамоты писаны подъ Нижнимъ, а по водвореніи в. к. Василія въ Москвѣ понадобилось „утвержденіе“ договора (примѣчаніе на стр. 107). Но и договоръ 13 іюня 1436 года („а писано на Москвѣ мѣсяца Іуніа въ 13, въ лѣто 6944, индикта 14) состоитъ изъ четырехъ документовъ (№№ 56 и 57, 58 и 59), сшитыхъ по два противня, каждая пара за печатями. Повидимому въ данномъ случаѣ каждая изъ договаривающихся сторонъ получила по экземпляру своего договора съ противнемъ, такъ что въ этихъ 8 документахъ—только два договорныхъ акта.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 99; С. Г. Г. и Д., т. I, № 60 („Бѣжицкимъ Верхомъ, что ся былъ есми отступилъ вашему отцу князю Юрью Дмитреевичю“).

[3]) А. А. Э., т. I, № 29. Одна изъ договаривающихся сторонъ—в. к. Василій и оба Дмитрія Юрьевича, другая Василій Юрьевичъ; эти братья его остаются въ томъ положеніи, какое опредѣлено ихъ „докончальной грамотой“ съ великимъ княземъ какъ онъ ихъ „принялъ“ на мѣсто ихъ отца (въ грамотѣ явная описка или ошибка изданія: „въ отца нашего мѣсто“, вм. вашего); только въ Москвѣ получаетъ Василій долю по духовной Дмитрія Донского, а галицкая вотчина остается за его братьями, какъ и все, чѣмъ ихъ великій князь пожаловалъ.

[4]) „стоялъ подъ Устюгомъ 9 недѣль и городъ взялъ, а воеводу великаго князя Глѣба Оболенскаго убилъ, а десятинника владычня Іева Булатова повѣсилъ, и много устюжанъ сѣклъ и вѣшалъ“, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 99.

[5]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 100 и 121; Архангелогородскій лѣтописецъ даетъ дату ослѣпленія Василія ~~Темнаго~~ Косого—21 мая 1436 г., изд. 1819 г., стр. 147.

Этими событіями закончился первый актъ московской смуты. Бурно смялъ онъ, исказилъ и перепуталъ всѣ налаженныя обычнымъ порядкомъ отношенія. Рушился семейный строй московскаго княжого дома передъ новой перспективой выдѣла одного изъ удѣловъ московской отчины въ обособленную вотчину галицкихъ князей. На мѣсто обычноправовыхъ владѣльческихъ отношеній стали захватъ, опредѣленіе владѣній по «пожалованіямъ» и «докончаніямъ», жестокая борьба, въ которой наростаютъ черты крайняго ожесточенія, предательства и насилія. Эти черты—показательны. Имъ предстоитъ дальнѣйшее наростаніе и развитіе. Въ нихъ—психическій отзвукъ предсмертныхъ судорогъ разлагавшагося, изжитого строя.

VIII.

Сломивъ Василія Косого, смиривъ Шемяку, в. к. Василій Васильевичъ могъ считать смуту исчерпанной. Прошло нѣсколько лѣтъ до ея новаго взрыва. Но тогда она поднялась съ сугубой силой и накопившимся раздраженіемъ, глубже захватила мелкихъ князей Великороссіи, а разыгралась въ болѣе сложной обстановкѣ—въ нее замѣшаны и татары, и Тверь, и Великій Новгородъ.

Смута привела въ разстройство дѣла великаго княженія. Съ Москвой перестали считаться. Правда, рязанскій великій князь не уклонился отъ ратной помощи Василію Васильевичу противъ Юрія, но и онъ призналъ Юрія великимъ княземъ при вторичномъ захватѣ Москвы. Внутренняя разруха грозила вовсе подорвать значеніе Москвы, какъ великокняжескаго центра, тѣмъ болѣе, что и послѣдніе годы Василія Дмитріевича укрѣпили ея зависимость отъ мощнаго литовскаго вліянія, и опека дѣда Витовта надъ московскимъ внукомъ углубляла смыслъ этой зависимости: видимъ в. к. Василія Васильевича съ митр. Фотіемъ вмѣстѣ съ великими князьями тверскимъ и рязанскимъ при дворѣ Витовта въ Трокахъ на знаменитомъ «коронаціонномъ» съѣздѣ 1430 года. Тверской великій князь состоялъ притомъ съ 1427 года съ Витовтомъ въ договорѣ, которымъ признавалъ себя «при его сторонѣ» съ обязательствомъ «пособлять ему на всякаго, не выимая», и эти литовскія связи Твери оказались настолько прочными, что, какъ выше было упомянуто, в. к. Борисъ возобновилъ съ Казиміромъ Ягеллончикомъ въ 1449 г. договоръ о подчиненномъ одиначествѣ, а в. к. Василію пришлось—въ томъ же году—признать тверскихъ князей состоящими «въ сторонѣ» литовскаго великаго князя [1]).

При такихъ условіяхъ не мудрено, что и вопросъ о замѣщеніи митрополіи послѣ кончины Фотія не могъ быть разрѣшенъ по волѣ великорусскаго великаго князя. Новый литовскій великій князь Свидригайло отправилъ въ Константинополь на поставленіе въ митрополиты смоленскаго епископа Ге-

---

[1]) А. З. Р., т. I, №№ 50 и 51.

расима, который и былъ поставленъ на митрополію всея Руси [1]). Московскіе правители не пытались послать въ Константинополь своего «нареченнаго» кандидата—Іону рязанскаго [2]), хотя Герасимъ на Москвѣ и не появлялся [3]): онъ, видимо, ожидалъ побѣды Юрія Дмитріевича, которая ему доставила бы осуществленіе правъ на митрополію всея Руси. Перепетіи московской смуты, затѣмъ смерть Юрія разбили эту перспективу, а лѣтомъ 1435 г. Герасимъ погибъ жертвой гнѣва Свидригайла за какую то «измѣну». Теперь в. к. Василій отправилъ Іону на патріаршее поставленіе, но въ Константинополѣ болѣе широкія и важныя цѣли—проекты уніи—привели къ посвященію на русскую митрополію грека Исидора. Митрополію не уда-

---

[1]) Попытку Е. Е. Голубинскаго (Ист. Русс. церкви, т. II, ч. I, стр. 416—418) обосновать мнѣніе, что Герасимъ былъ поставленъ лишь въ митрополиты Литовскіе нельзя признать убѣдительной. Свидѣтельства лѣтописей—псковской и новгородской (П. С. Р. Л., т. V, стр. 27 и т. III, стр. 238) и житія новгородскаго архіепископа Евфимія („Памятники Старинной Русской Литературы", вып. IV) не опровергаются соображеніями Голубинскаго, при многозначительномъ молчаніи московскихъ источниковъ. Ср. осторожную замѣтку Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 20): „въ Новѣгородѣ во Великомъ нареченный владыка Еуѳимій иде ставитися къ митрополиту Герасиму въ Смоленескъ мѣсяца Маіа въ 26 день; тогда бо по преставленіи Фотѣя, митрополита Кіевскаго и всея Русіи, не бысть на Москвѣ митрополита". 26 мая день поставленія Герасима, а выѣхалъ онъ изъ Новгорода, когда тамъ находился в. к. Василій (Новг. I, стр. 415).

[2]) Утвержденіе житія св. Іоны („Пам. Ст. Р. Лит.", в. IV, ст. 29), что онъ „древле нареченъ бысть въ митрополію Рускую и благословеніе патріарше прежъ принесено ему о семъ, еще живу сущу митрополитскому архіепископу" (т. е. Фотію), справедливо отвергнуто Голубинскимъ (указ. соч., стр. 414); не подтверждается оно и духовной Іоны („Библіогр. Лѣтонись", III). Но не лучше обстоитъ дѣло съ заявленіемъ грамоты в. к. Василія къ имп. Константину Палеологу (не посланной) объ избраніи Іоны по смерти Фотія „отъ того же тогдашняго времени" по соглашенію съ „литовскія земли господаремъ" (Р. И. Б., т. VI², № 71). Единственнымъ опредѣленнымъ указаніемъ, что Іона въ 1433 г. былъ нареченъ въ митрополиты, служитъ его грамота въ Нижегородскій Печерскій монастырь отъ 11 марта 6941 года („благословеніе Іоны епископа, нареченнаго въ святѣйшую митрополію русскую"...—тамъ же, № 61). Лѣтописные своды объ этомъ не упоминаютъ, а говорятъ лишь о поѣздкѣ Іоны въ Царьградъ, и то мимоходомъ, не въ ряду своихъ извѣстій (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 162; т. VIII, стр. 122 и 149), поѣздкѣ, которая состоялась послѣ трагической гибели Герасима (сожженъ Свидригайломъ въ іюнѣ 1435 года); объ этой поѣздкѣ въ грамотахъ в. к. Василія къ патр. Митрофану (Р. И. Б., т. VI², № 62, ст. 529) и къ имп. Константину (тамъ же, № 71, стр. 578—579). Іона прибылъ уже послѣ поставленія на русскую митрополію Исидора, точная дата котораго неизвѣстна (въ Москву Исидоръ прибылъ 2 апрѣля 1437 года); в. к. Василій упоминаетъ въ грамотѣ къ императору, что Іонѣ обѣщана была митрополія послѣ Исидора, но не ссылается ни на какое болѣе раннѣе патріаршее благословеніе.

[3]) Герасимъ, по словамъ Псковской II лѣтописи, „на Москву того ради не поѣха, князи велікіи заратишася межу собою": возобновленіе усобицы князей Юрія и Василія учтено какъ розмирье в. к. Василія съ Свидригайломъ.

лось вернуть въ составъ великорусскихъ политическихъ силъ, пока низложеніе Исидора, разрывъ съ Константинополемъ и рѣшительная ея національзація не вывели русской церкви на новый историческій путь.

Великій Новгородъ держался осторожно и уклончиво передъ московской княжеской смутой [1]). В. к. Василій нашелъ у него убѣжище, когда вынужденъ бѣжать отъ дяди Юрія; новгородцы пережили моментъ острой тревоги, выступали ополченіемъ, но буря ихъ не захватила. Вскорѣ появился у нихъ другой гость—Василій Косой, искавшій средствъ для новой борьбы, и уходя грабежомъ новгородскихъ волостей отплатилъ за отказъ въ поддержкѣ. Зимой 1435 года когда в. к. Василій вновь утвердился на столѣ своемъ, Великій Новгородъ вступаетъ съ нимъ въ соглашеніе на томъ, что великій князь вернетъ Новгороду «новгородскую отчину»—всѣ великокняжескіе захваты прежняго времени—Бѣжецкій Верхъ и земли на Волокѣ Ламскомъ и на Вологдѣ и пришлетъ на условленный срокъ своихъ бояръ «на розводъ земли», а новгородскіе бояре вернутъ ему доходныя статьи, издавна спорныя «князьщины». Но покончивъ съ Василіемъ Косымъ, великій князь не выполнилъ «розвода», не учинилъ «исправы» и «отчины новгородской нигдѣ новгородцамъ не отвелъ». Требованія его возросли, обѣщанныя уступки сокращены, и новгородцамъ пришлось выдать ему въ 1437 году черный боръ «на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ» [2]). Развитіе политической самостоятельности Великаго Новгорода все болѣе подрывало новгородскія «пошлины» великаго князя, и настоянія великокняжеской власти «пошлинъ не таити, по цѣлованью» переходили въ попытки возстановленія фактически утраченныхъ или періодически не осуществлявшихся правъ; эти настоянія, съ одной стороны, и непрерывныя столкновенія изъ за волостей, которыя великими князьями захвачены изъ «новгородской отчины» въ свое прямое распоряженіе, съ другой, создавали неизмѣнный поводъ для новыхъ и новыхъ вспышекъ «розмирья». Въ 1441 году в. к. Василій подвергъ новгородскія волости большому раззоренью, несмотря на встрѣчныя дѣйствія новгородскихъ воеводъ съ заволочанами, причемъ двинулъ на нихъ и псковичей и тверскую рать. Новгородъ вынужденъ добить ему челомъ о мирѣ съ уплатой 8.000 рублей и обязательствомъ возстановить «по старинѣ» великокняжескіе

---

[1]) Самостоятельность внѣшнихъ отношеній Великаго Новгорода въ эту пору характеризуется его договоромъ съ в. к. Свидригайломъ литовскимъ (С. Г. Г. и Д., т. I и въ изданіи А. А. Шахматова № 19). Въ 1436 году новгородцы вступаютъ въ договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ—Новг. I, стр. 417; въ 1440-хъ г.г. съ Казиміромъ—А. З. Р. т. I, № 39.

[2]) Новг. I, стр. 415—417. Грамота на черный боръ, данная великокняжескому боярину князю Юрію Патрикѣевичу „отъ всего Великаго Новгорода на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ“—у Карамзина, т. V, прим. 283.

оброки и пошлины [1]). Давняя и коренная неустойчивость этихъ отношеній великокняжеской власти дала Шемякѣ поводъ къ попыткѣ использовать новгородское недовольство для новой смуты. О такой попыткѣ лѣтописи сохранили только краткое и неполное упоминаніе. Надо полагать, что какими то дѣйствіями Шемяки во время новгородскаго розмирья вызванъ походъ на него в. к. Василія, состоявшійся тотчасъ по заключеніи мира съ Новгородомъ. Шемяка бѣжалъ въ Новгородскую область и обратился въ Новгородъ съ предложеніемъ, чтобы новгородцы приняли его къ себѣ на княженіе на всей своей волѣ. Уклончивый отвѣтъ заставилъ Шемяку добить челомъ великому князю черезъ троицкаго игумена Зиновія [2]). Толчкомъ къ новому взрыву смуты послужили не новгородскія, а татарскія дѣла. Все глубже сплетаются сложныя трудности внѣшняго положенія великокняжеской власти съ неустойчивымъ равновѣсіемъ внутренняго строя Великороссіи.

Золотая Орда, окрѣпшая было при Мамаѣ, Тохтамышѣ, Едигеѣ, снова пошла по пути распада. Значительные обломки татарской силы организуются особо, и этотъ процессъ, ослаблявшій вѣковаго врага Руси, имѣлъ, на первыхъ порахъ, тѣмъ вліяніе на ея судьбы, что приблизилъ непосредственную татарскую опасность: орды, выдѣлявшіяся изъ Кипчакскаго царства, придвигаются въ поискахъ новаго центра къ предѣламъ Русской земли. Осенью 1438 года ханъ Кичи Махметъ выбилъ изъ Золотой Орды брата Улу Махмета, и тотъ засѣлъ въ Бѣлевѣ. Ища пристанища, поддержки и безопасности, Улу Махметъ «начатъ даватися во всю волю русскимъ княземъ», обѣщая, если овладѣетъ царствомъ въ Золотой Ордѣ, «стеречь земли русской», а «по выходы не посылати, ни по иное по что». Но в. к. Василій послалъ на него двухъ князей Дмитріевъ Юрьевичей, чтобы выбить его

---

[1]) Новг. I, стр. 420; т. V, стр. 29—30; т. XV, ст. 491. С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи", кн. I, ст. 1087) отнесъ къ этому моменту договоръ в. к. Василія съ Новгородомъ—А. И., т. I, № 258, который въ изданіи помѣченъ 1434 г. Датировка Соловьева отвѣчаетъ содержанію договора, такъ какъ условія 1434 г. въ немъ не отразились. Но нѣтъ основанія искать причину новгородскаго розмирья въ новомъ столкновеніи великаго князя съ Шемякой, какъ дѣлаетъ Соловьевъ, поправляя для этого, предположительно, лѣтописную хронологію.

[2]) Новг. I, стр. 421; отвѣтъ повгородцевъ: „хошь, княже, и ты къ намъ поѣди, а не въсхошь, ино какъ тобѣ любо" (Никоновская явно передѣлала тотъ же текстъ на „а мы тебѣ ради"—П. С. Р. Л., т. XII, стр. 42). Соловьевъ (тамъ же) отнесъ къ этому моменту договоръ в. к. Василія съ Дмитріями Шемякой и Краснымъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 60), опираясь на слова договорной грамоты: „такъ же и нынеча што будете взяли на Москвѣ нынѣшнимъ приходомъ у меня и у моей матери... и што будетъ у васъ и вамъ то отдати" (см. Соловьева, тамъ же, ст. 1061); но слова эти относятся ко взятому „на Москвѣ", когда Юрьевичи ее съ отцомъ занимали (ср. то же условіе въ грамотахъ № 58—59); къ тому же, нѣтъ повода предполагать участіе въ дѣйствіяхъ Шемяки Дмитрія Краснаго, котораго, по лѣтописямъ, въ ту пору уже не было въ живыхъ (умеръ 22 сентября 1441 года).

изъ русскихъ предѣловъ. Однако, дѣло кончилось пораженіемъ русской рати, и Улу Махметъ засѣлъ въ Нижнемъ Новгородѣ старомъ, гдѣ продержался до осени 1445 года. Въ нижегородскомъ «меньшомъ городѣ» затворились было воеводы великаго князя, но, въ концѣ концовъ, голодовка заставила ихъ сжечь городъ и уйти къ Москвѣ. Улу Махметъ дѣлаетъ изъ захваченнаго укрѣпленія набѣги на Русь, подъ самую Москву, сжигаетъ Коломну, нападаетъ на Муромъ [1]). Въ тѣже годы на Рязанскую землю приходилъ царевичъ Мустафа и расположился на зимовку въ Рязани; в. к. послалъ на него рать, усиленную пѣшимъ рязанскимъ ополченіемъ, рязанскими казаками и отрядами мордвы; татары побиты; погибъ и Мустафа [2]).

Эта тяга къ русскимъ предѣламъ отбросовъ татарской силы, видно—немалочисленныхъ и крѣпкихъ боевой годностью, стала источникомъ новаго явленія, чреватаго не маловажными послѣдствіями. Въ составѣ боевыхъ силъ великаго князя появляются служилые татарскіе царевичи и ордынскіе князья съ отрядами своихъ слугъ и воиновъ. Уже въ 1445 году в. к. Василій посылаетъ въ походъ на литовскіе города двухъ царевичей; упоминается, въ ту же пору, служилый царевичъ Бердыдадъ [3]). Улу-Махметъ, вытѣснивъ воеводъ изъ нижегородскаго городка, послалъ сыновей Мамутяка и Якуба на в. к. Василія. Шемяка не пошелъ на помощь, Бердыдадъ не поспѣлъ къ бою, и великій князь разбитъ у Спасъ-Евфимьева монастыря и попалъ въ плѣнъ съ верейскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ и многими боярами [4]).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, что произошло затѣмъ между ханомъ и его плѣнникомъ. Наши лѣтописи—однѣ, видимо, воздерживаются отъ изложенія условій ихъ докончанія, другія—упоминаютъ про огромный выкупъ, будто въ 200 тысячъ рублей, и добавляютъ: «а иное Богъ вѣсть, да они» [5]). Улу-Махметъ отпустилъ в. к. Василія изъ плѣна на крайне тяжелыхъ условіяхъ; в. к. Василій освобожденъ съ княземъ Михаиломъ и всѣми боярами, но пошли съ нимъ на Русь и многіе татарскіе князья со многими своими людьми.

По Руси пошли фантастическіе слухи, использованные Шемякой, чтобы напугать князя Ивана можайскаго, будто Василій Васильевичъ «ко царю цѣловалъ крестъ, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градѣхъ русскихъ, а самъ хочетъ сѣсти во Твери». И позднѣе винили в. к. Василія: «чему

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 107, 111.

[2]) Тамъ же, стр. 111; т. XII, стр. 61—62.

[3]) П. С. Р. Л., т. XII, стр. 63, 65; т. VIII, стр. 112.

[4]) Т. VIII, стр, 112 -113.

[5]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 114 („что дати ему съ себѣ окупъ, сколико можетъ“); т. XII, стр. 66 (тоже); т. V, стр. 268; т. XV, ст. 492 (пріѣхали съ великимъ княземъ татары „дани имати великія“, великому князю „съ себѣ окупъ давати татаромъ“); Новг. I, стр. 427.

еси татаръ привелъ на Русскую землю, и городы далъ еси имъ, волости подавалъ еси въ кормленіе? а татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры, а крестьянъ томишь паче мѣры безъ милости, а злато и сребро и имѣніе даешь татаромъ» [1])? Въ дни большой бѣды—ослѣпленія и изгнанія—видимъ въ ряду преданныхъ сторонниковъ в. к. Василія двухъ сыновей Улу Махмета—Касима, по прозванію Трегуба, и Якуба, которые пришли со своею силой «искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его до нихъ было» [2]). Какое же «добро» связало татарскихъ царевичей съ вѣрной службой великому князю? Въ ту пору Улу Махметъ, послѣ соглашенія съ в. к. Василіемъ и его отпуска, пошелъ на Казань, городокъ князька Азы-Алибека, взялъ его, но убитъ сыномъ Мамутекомъ, основателемъ Казанскаго царства А братья Мамутека—Касимъ и Якубъ—служатъ «со всею силою» в. к. Василію на всякаго недруга, и, прежде всего, противъ ногаевъ и казанскихъ татаръ. Однако, мы ничего не знаемъ объ ихъ «кормленіи за службу», конечно, не случайно, какъ не случайно молчатъ наши источники о времени возникновенія Касимовскаго царства. Только договоръ Ивана III съ рязанскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ сообщаетъ, что в. к. Василій Васильевичъ «кончалъ» съ царевичемъ Касимомъ за себя и за рязанскаго князя объ ихъ положеніи, какъ владѣльцевъ Мещерской земли [3]).

Въ этомъ кругѣ отношеній и фактовъ—реальная основа раздраженныхъ нападокъ на в. к. Василія за его пристрастіе къ татарамъ, новой опорѣ въ оборонѣ страны и власти великаго князя; для впечатлѣнія, какое произвели на Руси эти татарскія связи Василія, показательно намѣренное замалчиванье ихъ фактическихъ деталей въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ, пройденныхъ позднѣйшей редакторской рукой.

В. к. Василій вернулся изъ плѣна, окруженный татарами и обремененный тяжкимъ долгомъ, отъ котораго настала крестьянству великая тягость. А по вѣстямъ о его плѣненіи Москва пережила острую панику; ждали прихода татаръ, великія княгини бѣжали въ Ростовъ, бояре стали покидать городъ, черные люди подняли бунтъ противъ малодушія покидавшихъ столицу, укрѣпляли городъ, готовились къ осадѣ. Татары подъ Москву не пошли, а поднялся Шемяка, котораго особый посолъ Улу Махмета извѣстилъ о пораженіи и плѣнѣ в. к. Василія. Однако, соглашеніе великаго князя съ татарами предупредило, на первыхъ порахъ, захватъ Шемякой Москвы и великаго княженія. Василій Васильевичъ вернулся—17 ноября 1445 года—на свой столъ великаго княженія, но не на долго. Удручающее впечатлѣніе его возврата съ татарской силой и татарскими обязательствами создало

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 115; т. IV, стр. 125.
[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 120.
[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 115.

настроеніе, которое едва его не сгубило. Шемяка привлекъ на свою сторону можайскаго князя Ивана, обезпечилъ себѣ согласіе тверского великаго князя Бориса, снесся съ враждебно настроенными москвичами—изъ московскихъ бояръ, купцовъ и монаховъ и—въ февралѣ 1446 г.—захватилъ наѣздомъ великаго князя въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ на богомольи, велѣлъ его ослѣпить и сослалъ въ Угличъ, а в. к. Софью Витовтовну въ Чухлому [1]).

Новая «бѣда зла», поразившая в. к. Василія, грозила полнымъ крушеніемъ великорусской великокняжеской власти. «Побѣдителей», опьяненныхъ быстрымъ и легкимъ успѣхомъ, обуяло стремленіе къ раздѣлу между собой великаго княжества на крупныя самостоятельныя владѣнія. Можайскій князь Иванъ Андреевичъ, который и раньше переходилъ на сторону Шемяки, но покинулъ его за пожалованіе Суздалемъ [2]), опять вернулся къ Дмитрію Шемякѣ, обезпечивъ закрѣпленіе за собой Суздаля [3]). Но это вызвало рѣшительный протестъ суздальскихъ отчичей, князей Василія и Ѳедора Юрьевичей, которые добились договора о возстановленіи въ ихъ обладаніи суздальской «прадѣдины, дѣдины и отчины»—Суздаля, Новгорода-Нижняго, Городца и Вятки [4]). Тверской великій князь Борисъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 113—117. Есть неразрѣшимое затрудненіе въ хронологіи этихъ событій. Лѣтописные своды излагаютъ ихъ то подъ 6953, то подъ 6954 г.; но такія даты, какъ „іюля 6, во вторникъ“ для прихода в. к. Василія къ Суздалю; 7 іюля въ среду для его плѣненія и т. д. (т. VIII, стр. 112—113) опредѣленно устанавливаютъ 1445 годъ, а февраля 12, въ субботу, 1446 г. Москва взята Шемякой, 14 февраля на мясопустной недѣлѣ плѣненный великій князь привезенъ на Москву (тамъ же, стр. 115—117). Однако, какъ согласовать съ этимъ дату договора между в. к. Василіемъ и княземъ можайскимъ Иваномъ—17 іюля 1445 года? Соловьевъ („Ист. Россіи“, кн. I, ст. 1066) рѣшилъ, что договорная грамота написана въ плѣну и за брата Ивана „дѣйствовалъ“ Михаилъ Андреевичъ. Однако, крайне трудно допустить, чтобы черезъ десять дней послѣ плѣненія князья въ плѣну занялись такимъ договоромъ и притомъ въ отсутствіи главнаго лица. Я предпочелъ бы поправку съ „іюля“ на „іюня“.

[2]) П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 151. Болѣе ранній договоръ С. Г. Г. и Д., т. I, № 61 обезпечивалъ Ивану и Михаилу Андреевичамъ сверхъ ихъ отцовскаго благословенья—Можайска (съ отъѣзжими мѣстами Рощей и Калугой) и Бѣлоозера и гарантіи, что можайско-верейская вотчина останется за отчичемъ, если другого „Богъ отойметъ“,—великокняжеское „пожалованіе“: Ивану Козельскъ съ волостями и волости Серенскъ, Людимескъ, Коропки, Вырку, куплю Пересвѣтову, Алексинъ, Лисинъ, Свиблово (т. е. въ основѣ владѣнія, которыя ранѣе предоставлены были „изъ удѣла великаго князя“ серпуховскому князю Владиміру Андреевичу и которыми онъ благословлялъ своего старшаго сына—тамъ же, № 40), а Михаилу—только сложеніе на годъ „выхода“ съ его вотчины.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 62.

[4]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 62. Время заключенія этого договора вызываетъ сомнѣніе въ силу оговорки, что захваченному людьми князей Юрьевичей въ великомъ княжествѣ „дерть по та мѣста, како же дасть ти (Дмитрію Шемякѣ) Богъ, ве-

Александровичъ еще ранѣе использовалъ московскую смуту для нападеній на новогородскія волости [1]).

Но всѣ наиболѣе значительныя общественныя силы великаго княженія, какъ и въ первую утрату Москвы в. к. Василіемъ, поднялись на новаго захватчика. Бояре и служилые князья попытались укрыть отъ Шемяки дѣтей Василія, но Дмитрій Юрьевичъ заставилъ епископа Іону, нареченнаго митрополита, привести ихъ изъ Мурома, куда ихъ увезли бояре, на Москву, и нарушилъ обѣщаніе дать имъ съ отцомъ свободу и «отчину довольну», а послалъ къ отцу въ заточеніе въ Угличъ. Этимъ онъ только усилилъ броженіе, направленное противъ его власти. Сторонники в. к. Василія собирались за литовскимъ рубежомъ вокругъ серпуховского князя Василія Ярославича и князя Семена Обленскаго [2]), къ нимъ бѣжалъ съ Москвы и Ѳедоръ Басенокъ; князья Ряполовскіе, Стрига-Оболенскій и другіе—собирали силу итти къ Угличу на службу своему князю; весь дворъ его потянулся прочь отъ Шемяки. Настойчивые протесты Іоны и волненіе московской служилой среды заставили Шемяку выпустить Василія Васильевича изъ

литъ достати своеѣ отчины великого княженья", тѣмъ болѣе, что Шемяка не титулуется „княземъ великимъ" (а только „господинъ нашъ князь") и титулъ этотъ сохраненъ за Василіемъ Васильевичемъ. Но на печати надпись: „печать великаго князя Дмитрія Юрьевича", и на оборотѣ грамоты: „грамота докончальная великаго князя Дмитрія Юрьевича съ братьею со княземъ Васильемъ да со княземъ Ѳедоромъ Юрьевичи". Карамзинъ поясняетъ, что „сія грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладѣлъ всѣмъ Московскимъ княженіемъ" („И. Г. Р.", т. V, прим. 337); оговорка о срокѣ „дерти", дѣйствительно, указываетъ на продолженіе борьбы. С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи", кн. I, ст. 1073) полагалъ, что договоръ заключенъ, „когда Шемяка снова лишился Москвы", но въ текстѣ грамоты нѣтъ указанія, чтобы Шемяка не владѣлъ Москвой въ моментъ ея писанія, хотя общій строй ея и заставляетъ отнести ее скорѣе ко времени возобновленія борьбы Шемяки съ в. к. Васильемъ Юрьевичемъ.—Суздальскіе Юрьевичи, внуки Кирдяпы, едва-ли „княжили въ Суздалѣ, неизвѣстно въ какихъ отношеніяхъ къ Московскимъ князьямъ", какъ предполагалъ С. М. Соловьевъ. Родословныя считаютъ ихъ отца, князя Юрія Васильевича, первымъ княземъ Шуйскимъ (Экземплярскій, т. II, стр. 438). Реставрація ихъ „отчины" предполагалась радикальная—съ уничтоженіемъ всего княжескаго и боярскаго землевладѣнія, какое великокняжескіе служилые князья и бояре пріобрѣли куплей у суздальскихъ князей, у бояръ и монастырей въ суздальскихъ, нижегородскихъ и городецкихъ волостяхъ или какое имъ „подавалъ въ куплю" великій князь, давая имъ „грамоты купленыя": „ино тѣ всѣ купли не въ куплю, пишутъ въ грамотѣ Суздальскіе отчичи, а тѣ всѣ волости и села намъ по старинѣ и нашимъ бояромъ".

[1]) Новг. I, стр. 425 и 427. Ко времени послѣ 1445 г. надо отнести его договоръ о мирѣ съ Новгородомъ—С. Г. Г. и Д., т. I и въ изданіи А. А. Шахматова, № 18.

[2]) В. к. литовскій Казиміръ далъ, по словамъ нашихъ лѣтописей, князю Василію „въ вотчину" Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль и „иные, многія мѣста"—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 117.

углицкаго заключенія [1]) и дать ему «въ вотчину» Вологду, конечно, укрѣпивъ его «крестнымъ цѣлованіемъ и проклятыми грамотами» [2]). Но великій князь, получивъ свободу, отправился подъ видомъ богомолья въ Кириловъ-бѣлозерскій монастырь, гдѣ игуменъ Трифонъ разрѣшилъ его отъ вынужденнаго крестнаго цѣлованія, и отсюда ушелъ въ Тверь къ Борису Александровичу, союзъ съ которымъ закрѣпилъ обрученіемъ семилѣтняго сына Ивана съ пятилѣтней тверской княжной Марьей Борисовной. Освобожденіе великаго князя дало толчекъ общему движенію его сторонниковъ. Москва занята безъ боя, в. к. Василій двинулся на Шемяку и можайскаго князя «со многою силою» отъ тверской границы, изъ за Литовскаго рубежа пришли силы Василія Ярославича, а съ ними соединились и татарскіе царевичи. Дмитрію Шемякѣ пришлось уйти въ свой Галичъ и просить мира [3]). Но и это примиреніе не внесло успокоенія, не помогли крестное цѣлованіе и «проклятыя грамоты». Дмитрій Шемяка дѣлаетъ—въ ближайшія годы—рядъ попытокъ возобновить борьбу, попытокъ безсильныхъ, но тревожныхъ, которыя вызывали вспышки суетливой и безплодной усобицы, направленной, со стороны великаго князя, на то, чтобы до конца смирить Шемяку и покончить съ его покушеніями возбудить противъ великокняжеской власти всѣ возможные элементы недовольства и опереть ихъ на связи съ внѣшними ея врагами. Рядъ татарскихъ набѣговъ, тревожившихъ Великороссію въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, обусловленъ, въ значительной мѣрѣ, не только тѣмъ, что, какъ въ старину, княжая «котора» облегчала «поганымъ» возможность «нести розно Русскую землю», но и прямыми сношеніями Шемяки съ Казанью. Шемяка призывалъ, въ то же время, другихъ князей, Великій Новгородъ, вятчанъ, а также бояръ и слугъ великокняжескихъ на свою сторону, во имя освобожденія Москвы отъ господства въ ней татаръ, пріятелей в. к. Василія [4]).

---

[1]) Шемяка самъ отправился для этого въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами, „каяся и прощаяся“—П. С. Р. Л., т. VIII. стр. 119; т. XXIII, стр. 153. Эта демонстрація со стороны духовенства должна была не мало содѣйствовать подъему настроенія въ пользу в. к. Василія.

[2]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 269; Воскресенская и Никоновская лѣтописи (т. VIII, стр. 119; т. XII, стр. 71) выпускаютъ отроки объ „укрѣленіи“ и о поступкѣ Кириловбѣлозерскаго игумена.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 117—121 („крестъ на томъ цѣловалъ и грамоты проклятые на себѣ далъ“).

[4]) Посланіе ко князю Дмитрію Юрьевичу отъ всего освященнаго собора—А. И. т. I, № 40. Весьма характерно, что это посланіе, повторяя доводы в. к. Василія, утверждаетъ, что „татарове во христіанствѣ живутъ“ изъ за „неуправленія“ великаго князя съ кн. Димитріемъ; и освященный соборъ беретъ на себя даже поруку, что „котораго часу“ князь Дмитрій „управится во всемъ чисто, по крестному цѣлованью“, „того же часа князь великій татаръ изъ земли вонъ отошлетъ“. Шемяка отказался вносить свою долю въ „татарскіе проторы“, утверждая, что ханъ Золотой Орды не царь для Руси. Посланіе датировано 29 декабря 6956—1447 года.

Этимъ проискамъ и усиліямъ Шемяки в. к. Василій противопоставилъ не только ратную силу. Онъ отдалъ свои раздоры съ княземъ Дмитріемъ на судъ освященнаго собора, которому представилъ докончальныя и перемирныя грамоты Шемяки и доказательства нарушенія имъ всѣхъ основъ «одиначества». Духовенство выступило противъ Шемяки съ пространнымъ обличительнымъ посланіемъ, налагая на него отлученіе, если онъ не исправится по всѣмъ статьямъ крестоцѣловальнаго докончанія. Это выступленіе духовенства закрѣпляло за великимъ княземъ общее мнѣніе правящихъ круговъ. По поставленіи своемъ на митрополію Іона разослалъ окружную грамоту, обращенную къ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и всему «христоименитому людству» объ измѣнахъ князя Дмитрія и отлученіи, наложенномъ на него всѣмъ освященнымъ соборомъ, если онъ возобновитъ свои покушенія на великаго князя, «на христіанское нестроеніе и кровь» [1]). Въ то же время в. к. Василій рядомъ договоровъ изолируетъ Шемяку въ княжеской средѣ. Можайскій князь Иванъ Андреевичъ связалъ свою судьбу съ Шемякой, но соглашеніе в. к. Василія съ Борисомъ тверскимъ заставило обоихъ князей искать мира при посредничествѣ князей Михаила Андреевича и Василія Ярославича [2]). Но докончаніе состоялось на этотъ разъ только съ Иваномъ можайскимъ, который примирился съ великимъ княземъ при посредничествѣ и подъ гарантіей тверского великаго князя Бориса [3]). Однако, князь Иванъ не порвалъ еще съ Шемякой и, видимо,

---

[1]) А. И., т. I, № 43. Окружное посланіе это показываетъ, какъ много было замѣшанныхъ въ дѣла Шемяки и сочувствовавшихъ ему; митр. Іона призываетъ всѣхъ ихъ бить челомъ великому князю „о жалованіи, какъ ему Богъ положитъ на сердце“, и угрожаетъ неблагословеніемъ своимъ и всего священства, если не добьютъ челомъ в. к. Василію, „а затѣмъ кровь христіанская прольется“.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 67. Справедливо замѣчаніе А. В. Экземплярскаго, что издатели датировали эту „запись“ 1448 г. слишкомъ поздно (указ. соч., т. II, стр. 324, прим. 876). Князья Дмитрій и Иванъ цѣлуютъ крестъ къ своей братьѣ молодшей на томъ, что имъ „бити челомъ“ в. к. Василію о томъ. что ему ихъ, какъ „свою братью молодшую“ пожаловать ихъ же вотчинами, кромѣ Звенигорода и Вятки, которые отходятъ отъ Дмитрія, какъ отступается онъ и отъ Углича, Ржевы, Бѣжицкой волости и всего, что получилъ отъ в. к. Василія „въ удѣлъ и въ вотчину“; князь Иванъ также отступается отъ Козельска, Алексина, Лисина. Князья обязуются содержаніе этой записи „писати и въ докончальную грамоту“ и не „сложить“ этого обязательства, пока не состоится ихъ „докончанье по сей грамотѣ“ съ в. к. Василіемъ. Это запись о „перемиріи“ на время переговоровъ, которыя поведутъ ихъ бояре, а сами князья отказываются ѣхать къ великому князю, пока на Москвѣ не будетъ митрополита. А. В. Экземплярскій указалъ, что эта запись—ранѣе посланія духовенства къ Шемякѣ отъ 29 декабря 1447 года, такъ какъ тамъ князь Иванъ уже въ докончаньи съ в. к. Василіемъ. Эта запись должна быть отнесена къ попыткѣ соглашенія, которая произошла по возвращеніи в. к. Василія 17 февраля 1447 года изъ похода на Шемяку и свелась лишь къ отпуску изъ плѣна в. к. Софьи (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 121).

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 63—мировая запись, возстановившая отношенія князей

настаивалъ на включеніи въ мирныя соглашенія и его [1]). Въ началѣ 1448 года при возобновленіи враждебныхъ дѣйствій между в. к. Василіемъ и Шемякой, Иванъ можайскій снова становится на сторону противниковъ великаго князя. Широкіе планы еще не улеглись. Князь Иванъ ведетъ сношенія съ литовскимъ великимъ княземъ Казиміромъ, какъ Шемяка съ татарами, ища союза для захвата великого княженія: князь Иванъ обязался уступить Казиміру Ржеву и Медынь, если тотъ посадитъ его на «великомъ княженьи на московскомъ» [4]). Но реальная его обида была въ томъ, что онъ лишился Бѣжецкаго Верха, было добытаго въ пожалованіе отъ великаго князя; и в. к. Василію удалось опять отдѣлить князя Ивана отъ Шемяки возвратомъ ему этого владѣнія [3]), чтобы затѣмъ покончить съ

по прежнимъ докончальнымъ грамотамъ; поручители—в. к. Борисъ Александровичъ тверской, его великая княгиня Анастасія Андреевна, сестра Ивана Можайскаго, и князья Михаилъ верейскій и Василій серпуховской: князья „будутъ съ правымъ на виноватаго“, если одна изъ сторонъ нарушитъ эту „утвержденную грамоту“. Эта запись за печатью в. к. тверского. Она повторена въ грамотѣ № 68 съ небольшимъ измѣненіемъ редакціи и вставкой: „И язъ князь Иванъ Андреевичъ цѣлую крестъ къ тобѣ къ своему господину брату старѣйшему къ в. к. Василію Васильевичу и къ твоимъ дѣтемъ“, которая указываетъ на соотношеніе грамотъ: первая дана боярамъ князя Ивана, на второй онъ крестъ цѣловалъ, пріѣхавъ къ великому князю; это было въ сентябрѣ 1447 года, такъ какъ грамота писана „въ лѣто 6956“, а непосредственно за ней послѣдовалъ договоръ № 66, который писанъ „на Коломнѣ въ лѣто 6956 мѣсяца сентября“; въ этомъ договорѣ за княземъ Иваномъ укрѣпляются великокняжескія пожалованія „въ отчину“: Бѣжецкій Верхъ, половина Заозерья Кубенскихъ князей, Лисинъ. Но договоръ этотъ, повидимому, подвергся вскорѣ пересмотру (вѣроятно, въ связи со сношеніями между Иваномъ можайскимъ и Шемякой, о которыхъ упоминаетъ декабрское посланіе духовенства), причемъ изъ „пожалованій“ за княземъ Иваномъ остался только Лисинъ—тамъ же, № 69. Первое соглашеніе (запись № 63) должно было состояться раньше 20 іюля 1447 года такъ какъ это дата договора между в. к. Василіемъ и рязанскимъ в. к. Иваномъ Ѳедоровичемъ, въ которомъ уже участвуетъ Иванъ можайскій (тамъ же, № 65). какъ „братъ молодшій“, равный передъ в. к. Василіемъ рязанскому великому князю,

[1]) Въ первой мировой записи—съ князьями Михаиломъ Андреевичемъ и Василіемъ Ярославичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 67) князья Дмитрій Шемяка и Иванъ Андреевичъ уславливались „грамоты докончальные писати съ ними великому князю розно, по старымъ грамотамъ“, но когда дѣло обернулось на замиреніе князя Ивана при продолженіи розмирья съ Шемякой, этотъ послѣдній сталъ настаивать передъ Иваномъ можайскимъ, чтобы онъ не раздѣлялъ ихъ докончанія съ великимъ княземъ, а настаивалъ на одновременномъ и согласованномъ „пожалованіи“ обоихъ—А. И., т. I № 40 (стр. 79—80); „и княжь Ивановъ Андреевича посолъ Елизаръ Васильевъ, добавляетъ посланіе къ Шемякѣ, возвѣстилъ то твое слово великому князю отъ князя Ивана Андреевича“.

[2]) Тесть князя Ивана князь Ѳ. Л. Воротынскій далъ Казиміру поручную запись въ томъ, что Иванъ Андреевичъ, ставъ княземъ великимъ, выполнитъ обѣщаніе территоріальныхъ уступокъ и вѣчнаго союза съ признаніемъ себя „братомъ молодшимъ“ Казиміру—А. З. Р., т. I № 49.

[3]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 269.

ними порознь. Одиноко тянулъ Шемяка еще нѣсколько мѣсяцевъ свое безнадежное сопротивленіе. Противъ него стоялъ теперь князь великій въ мирѣ со всѣми силами Великороссіи, хотя и не достигъ еще властнаго распоряженія ими. Отношеніе тверского великаго князя къ московскимъ дѣламъ можно назвать отношеніемъ дружественнаго къ в. к. Василію нейтралитета. Съ рязанскимъ великимъ княземъ Василій Васильевичъ въ договорѣ, по которому в. к. Иванъ Ѳедоровичъ признаетъ себя «братомъ молодшимъ» великому князю всея Руси, отказывается отъ самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній и обязуется держать полное одиначество въ отношеніи ко всѣмъ друзьямъ и недругамъ [1]). Братъ Ивана можайскаго верейскій князь Михаилъ Андреевичъ отдѣлился отъ брата, какъ только тотъ сталъ на сторону Шемяки, и сидѣлъ на своихъ верейскихъ и бѣлозерскихъ волостяхъ вѣрнымъ подручникомъ, «молодшимъ братомъ» великаго князя, который снялъ въ 1447 году на два года уплату «выхода» съ его владѣній и придалъ къ нимъ «въ вотчину и въ удѣлъ» половину Заозерья и еще сто деревень [2]). Вѣрнымъ подручникомъ в. к. Василія былъ и Василій Ярославичъ, послѣдній отпрыскъ серпуховскаго княжескаго дома, снова объединившій въ одномъ владѣніи серпуховскую отчину; и онъ получилъ «въ удѣлъ и въ вотчину» Дмитровъ и Суходолъ [3]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 65.

[2]) Тамъ же, № 64, писана грамота 19 іюня 1447 — 6955 года. Эти надѣленія и передѣлы приводили въ разсчетахъ къ сбору дани къ довольно сложнымъ комбинаціямъ. Заозерье, бывшая вотчина Заозерскихъ князей, тянуло данью къ Ярославлю; и князь Михаилъ обязуется, коли „придетъ посолъ татарскій въ Ярославль“, давать съ Заозерья ярославскимъ князьямъ „въ выходъ и во всѣ пошлины, въ ордынскіе проторы по старинѣ, какъ давали заозерскіе князи ярославьскимъ княземъ“. Въ томъ же 1447 г., въ сентябрѣ, в. к. Василій далъ было другую половину Заозерья („изъ своее половины того же Заозерья“, какъ опредѣляетъ договоръ № 64; „половину Заозерья, Кубенскихъ князей—договоръ № 66) Ивану можайскому. Въ іюлѣ 1450 года—новый договоръ съ княземъ Михаиломъ, вызванный измѣненіемъ его „пожалованія“: вмѣсто Заозерья онъ получилъ Вышгородъ, нѣсколько звенигородскихъ волостей и льготу „на пять лѣтъ выхода не дати“ съ этихъ волостей, а съ отчины князя Михаила „половину выхода на три годы“ (тамъ же, № 75). Есть еще договоръ в. к. Василія съ княземъ Михаиломъ (тамъ же № 70), утверждающій за нимъ только его вотчинныя владѣнія; не вижу, на чемъ основана его датировка въ С. Г. Г. и Д. „около 1448 г.“; договоръ этотъ, весьма шаблонный и потому не дающій опоры для датировки, долженъ быть старше договора 19 іюля 1447 года, и, м. б., относится еще къ 30-мъ гг. (ср. сходный договоръ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ, № 45 „около 1433 г.“).

[3]) Тамъ же, № 71—72: „удѣлъ дѣда твоего княжь Володимеровъ Андреевича“. В. к. Василій признаетъ, что „не додалъ“ ему „дѣдины“—Углича, Городца, Козельска и др. волостей и даетъ ему „противу тѣхъ городовъ и волостей его дѣдины“ Дмитровъ и Суходолъ, съ тянувшими къ нимъ волостями, „въ удѣлъ и въ вотчину“. Договоръ этотъ отнесенъ въ С. Г. Г. и Д. ко времени „около 1448 г.“; его можно отнести къ 1447, такъ какъ онъ, вѣроятно, одновременен съ договоромъ между

Покинутый даже Иваномъ можайскимъ, Шемяка сохранилъ нѣкоторую надежду на Новгородъ, по крайней мѣрѣ какъ послѣдняго пристаница. Великій Новгородъ, широко развившій практику «кормленія» у себя пришлыхъ князей и великорусскихъ, и литовскихъ, дорожилъ свободой своихъ отношеній, не вмѣшиваясь въ усобицу князей и вытекавшія изъ нея вражды. Въ Новгородъ и ушелъ Шемяка, когда—въ 1450 году—в. к. Василій закончилъ борьбу съ нимъ завоеваніемъ Галича и «намѣстниковъ своихъ посажалъ по всей отчинѣ той». Новгородцы приняли къ себѣ бѣглаго князя, приняли и вторично, когда онъ вернулся послѣ неудачной попытки захватить Устюгъ [1]). Не повліяли на новгородцевъ и настоянія митр. Іоны, что Дмитрій Шемяка не можетъ быть принятъ въ общеніе, какъ отлученный отъ церкви по своимъ дѣяніямъ и что Новгородъ даетъ ему не только убѣжище, но и опору для враждебныхъ дѣйствій, такъ какъ набѣгъ на Устюгъ онъ учинилъ, оставивъ въ Новгородѣ семью свою и всю свою казну [2]).

Бурная эпопея Шемяки закончилась только его «напрасной» смертью—въ іюлѣ 1453 г.—отъ «лютаго зелья», подосланнаго московскимъ великокняжескимъ дворомъ [3]).

Смертью Шемяки завершилась кровавая московская драма съ ея ожесточенной усобицей, ослѣпленіями, отравленіемъ, предательствами и насиліями. Это была не великая смута начала XVII вѣка, она не захватила народной массы, не разрушала сложившихся устоевъ общественной жизни. Но

в. к. Василіемъ и Михаиломъ верейскимъ отъ 19 іюня 1447 г.: въ договорѣ предусмотрѣно возможное примиреніе Дмитріемъ Шемякой при надѣленіи его Суходоломъ и селомъ Краснымъ,—тогда кн. Василій Ярославичъ отъ нихъ „отступится безъ отмѣны“. Характерна оговорка въ договорѣ: „а чего Богъ дастъ достанемъ вотчинъ своихъ недруговъ, и въ то ти ся, брате, не вступати“. Эта двойная грамота (грамота съ противнемъ, вмѣстѣ сшитыми, за печатями) и №№ 73—74—экземпляры обѣихъ договаривающихся сторонъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 178—180; VIII, стр. 122—123, 125.

[2]) А. А. Э., т. I, № 372; грамота митр. Іоны къ архіеп. Евѳимію писана 20 сентября 1452 года. Ранѣе Новгородъ переговорами отклонилъ угрозу великокняжескаго нелюбья изъ за Шемяки, причемъ состоялась неудачная попытка завязать переговоры съ княземъ Дмитріемъ: онъ присылалъ съ новгородскими послами своего боярина Ивана Новосильцева, но „съ великою высостью“, отнюдь не съ покаяннымъ челобитьемъ, а съ такими рѣчами, „чему ся не можно никоторыми дѣлы свести“—посланіе митр. Іоны новгородскому архіеп. Евѳимію, А. И., т. I, № 53 (датировано въ изданіи 1452—1453 г., но должно быть отнесено ко времени ранѣе сентября 1452 г., скорѣе къ 1450—1451 году).

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 132 („умре со отравы“); т. VI, стр. 180 („умре напрасно“, а въ Москву „пригонилъ съ тою вѣстью подъячей, и бысть оттолѣ дьякъ, Василей Бѣда“), т. VIII, стр. 144 (тоже); т. XII, стр. 109 (тоже); Архангелогородскій лѣтописецъ (изд. 1819 г.) стр. 160: „даша ему лютаго зелья и испусти нужно душу“); т. XXIII, стр. 155.

традиціонный политическій строй Великороссіи, обычный укладъ ея междукняжескихъ отношеній вышелъ изъ нея разбитымъ и поруганнымъ. Захваты чужихъ владѣній, вынужденныя «пожалованія», торгъ волостями и крестоцѣловальной вѣрностью, кровавыя и жестокія расправы, непрерывныя интриги князей и бояръ и даже гостей-суконниковъ или старцевъ иноковъ, предававшихъ во вражескія руки своего великаго князя, татарскія симпатіи и союзы этого великаго князя—все это прошло въ жизни русскаго общества какъ крушеніе обычнаго уклада отношеній и воззрѣній. Удѣльно-вотчинный строй оказался разрушеннымъ, подорваннымъ и морально-оплеваннымъ. Разбита московская княжеская семья. Сошли со сцены и дяди Василія Васильевича, и его двоюродные братья. Изъ удѣльныхъ вотчичей Московскаго княжества уцѣлѣли только Андреевичи Иванъ и Михаилъ, да Василій Ярославичъ, внукъ Владиміра Андреевича. Борьба со смутой и стремленіе вырвать на будущее время ея возможные корни переходитъ для великокняжеской власти въ стремленіе «добыть вотчинъ своихъ недруговъ». Ея ликвидація непосредственно связана съ органической работой этой власти надъ перестройкой великорусскаго великаго княженія въ Московское государство на началахъ вотчиннаго единодержавія.

ГЛАВА X.

Собираніе власти.

I.

Подлиннымъ организаторомъ Великорусскаго государства признаютъ Ивана III Васильевича. Но онъ строилъ свое большое политическое зданіе на крѣпко заложенномъ фундаментѣ. И самъ онъ, въ общемъ политическомъ типѣ и во всѣхъ основныхъ стремленіяхъ своихъ, питомецъ послѣдняго дѣсятилѣтія правленія отца, когда юный княжичъ, еще ребенкомъ (родился 22 января 1440 г.) пріощенъ къ политической жизни, шедшей подъ знакомъ упорной борьбы за власть. Съ восьмилѣтняго возраста онъ представитель великокняжеской власти въ походахъ и во дворцѣ; съ начала 50-хъ годовъ видимъ его великимъ княземъ, оффиціальнымъ соправителемъ отца, и за эти годы сложился его личный обликъ, сложилась кругомъ него та правящая среда, съ которой онъ началъ въ 1462 году самостоятельное свое правленіе. Вся политика Ивана Васильевича по отношенію къ младшимъ князьямъ-братьямъ роднымъ и дальнимъ, къ народоправствамъ Великаго Новгорода и Пскова, къ Твери и Рязани—прямое продолженіе мѣропріятій, какими въ пятидесятыхъ годахъ XV вѣка ликвидированы результаты московской смуты. Мѣропріятія эти сразу получили болѣе широкое значеніе—ликвидаціи основъ удѣльно-вотчиннаго строя, перестройки на новыхъ основаніяхъ политическаго властвованія надъ Великороссіей. Иванъ III закончитъ это дѣло послѣ новаго, не столь бурнаго, но тревожнаго кризиса московскихъ междукняжескихъ отношеній, который разыгрался въ семидесятыхъ годахъ XV вѣка. А пятидесятые его годы—эпоха, когда слагается въ основныхъ чертахъ политическій обликъ «грознаго царя», осуществленный двумя Иванами Васильевичами и тѣмъ Василіемъ, про котораго Гербештейнъ говорилъ, что онъ властью превосходитъ едвали не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра.

Первымъ проявленіемъ этого новаго историческаго типа, которое произвело сильное впечатлѣніе на московское общество, была, повидимому, попытка в. к. Василія найти противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ опору въ служилой татарской силѣ. Въ процессѣ борьбы на такую черту легли иныя, какъ пріемы безпощадной расправы съ виновниками и орудіями бро-

женія, враждебнаго великокняжеской власти, какъ быстро нароставшія притязанія на широкую свободу властвованія, на полную свободу отъ подчиненія традиціонному, обычноправовому укладу княжой дѣятельности, семейно-владѣльческихъ и общественныхъ отношеній.

Единодержавіе и самодержавіе московскихъ государей явилось итогомъ собиранія раздробленной власти надъ территоріей Великороссіи и ея населеніемъ. Василій Темный въ послѣднее свое десятилѣтіе положилъ прочную основу Великорускому государству построеніемъ его ядра—Московскаго государства.

Смерть Шемяки развязала ему руки. Великій князь не замедлилъ использовать ближайшій поводъ, чтобы покончить съ Иваномъ можайскимъ. Принятый въ «любовь и докончаніе», пожалованный и своей отчинной и надѣломъ изъ отчины великаго князя, онъ уклонился отъ выступленія противъ татаръ, раззорявшихъ набѣгами Русскую землю, и за такое его «неисправленіе» в. к. Василій пошелъ на Можайскъ, занялъ княженіе Ивана Андреевича, посадилъ на его вотчинѣ своихъ намѣстниковъ, а князь бѣжалъ съ семьей въ Литву [1]). Что дѣло шло не только о расплатѣ за прежнія дѣянія и новыя подозрѣнія въ умыслахъ «крамолы», показываетъ судьба серпуховскаго князя Василія Ярославича. Нашлись «неисправленія» и за этимъ вѣрнымъ сторонникомъ в. к. Василія. Василій Ярославичъ получилъ отъ великаго князя значительное расширеніе своихъ владѣній; повидимому, послѣ бѣгства въ Литву Ивана можайскаго къ нему перешелъ Бѣжецкій Верхъ, бывшій за этомъ княземъ, съ придачей еще и Звенигорода [2]). Воз-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 144.—Обвиненія противъ князя Ивана въ посланіи митр. Іоны къ смоленскому епископу Михаилу—А. И., т. I, № 56; цѣль посланія предупредить при посредствѣ смоленскаго епископа возможныя „отъ того князя Ивана и отъ его людей въ вотчинѣ в. к. Василія пакости“ и столкновеніе изъ за этого съ Литвой, если придется великому князю „по нужи, по слѣду князя Ивана достати“. Князь Иванъ получилъ отъ литовскаго великаго князя въ удѣлъ Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Любечъ. Повидимому, его тутъ держали, на случай, претендентомъ на великорусское княженіе. Въ 1461—62 году, когда подготовлена была попытка освобожденія серпуховскаго князя Василія Ярославича, его сынъ заключилъ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ въ Литвѣ договоръ о томъ, что имъ итти „доставать своей отчины и дѣдины“, врозь съ в. к. Василіемъ не мириться, а если Богъ поможетъ его „согнать“ и князь Иванъ Андреевичъ „достанетъ великаго княженья“, то Иванъ Васильевичъ выговариваетъ отцу и себѣ опредѣленныя владѣнія—въ томъ числѣ Дмитровъ и Суздаль—А. А. Э., т. I, № 70.

[2]) С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи“ кн. I, ст. 1080) относитъ договоръ Василія Ярославича съ в. к. Василіемъ за № 84—85 (С. Г. Г. и Д., т. I) ко времени болѣе раннему, а №№ 78—79 ко времени послѣ бѣгства Ивана можайскаго, ввиду именно передачи по этому договору серпуховскому князю Бѣжецкаго Верха „какъ было за княземъ Иваномъ Андреевичемъ“; противъ этого говоритъ приписка въ концѣ грамотъ № 84 и 85 такого условія: 1) „а княгинѣ моей въ великомъ княженьи селъ не держати“ и 2) „а княгинѣ моей во княже Васильевѣ вотчинѣ брата моего молодшего

можно, что на почвѣ домогательствъ болѣе широкаго надѣленія со стороны князя Василія Ярославича возникли тренія, но знаемъ только, что онъ въ іюлѣ 1456 г. «поиманъ» на Москвѣ и сосланъ въ Угличъ; его сынъ Иванъ и вторая жена бѣжали въ Литву. Василій Ярославичъ долго томился въ заключеніи—до самой смерти, постигшей его только въ 1483 г. [1]); незадолго до кончины в. к. Василія возникъ въ связи съ планами князей-изгнанниковъ, нашедшихъ убѣжище въ Литвѣ [2]), заговоръ серпуховскихъ дѣтей боярскихъ и дворянъ объ освобожденіи ихъ князя изъ углицкаго заключенія, но «обличися мысль ихъ», и жестокая расправа поразила воображеніе москвичей новыми проявленіями грозной власти [3]).

И на суздальскихъ князей легла тяжкая рука великаго князя. Еще при жизни Шемяки в. к. Василію удалось, видно, внести раздѣленіе въ среду этихъ князей; суздальскіе Юрьевичи на сторонѣ Шемяки, а сохранился договоръ в. к. Василія съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, ихъ троюроднымъ братомъ, по прозвищу Горбатымъ, который, за обязательство не приступать къ Шемякѣ, а быть неотступно при в. к. Василіи подъ карой лишенія въ пользу великаго князя и его дѣтей всего «удѣла и вотчины» и подъ угрозой митрополичьяго неблагословенья, пожалованъ Городцомъ (волжскимъ) и вотчиной своей въ Суздалѣ, какой владѣлъ и отецъ его [4]). Источники наши умалчиваютъ о дальнѣйшей судьбѣ этихъ владѣній; знаемъ только, что братъ князя Ивана, Василій, прозвищемъ Гребенка, который съ 1448 года княжилъ во Псковѣ подъ рукой великаго князя, въ

селъ не держати“: оба договора относятся ко времени до второго брака князя Василія Ярославича (упоминается его княгиня, кою ему Богъ дастъ княгиню), но эта приписка, сдѣланная послѣ брака, должна быть на позднѣйшихъ грамотахъ однако, обѣ приписки сдѣланы инымъ почеркомъ, чѣмъ основной текстъ, и притомъ ошибочно, т. е. „княгиня моя“ грамоты в. к. Василія—жена не его, а Василія Ярославича (и наоборотъ). При общемъ текстуальномъ тожествѣ договорныхъ формулъ приписки могли попасть не на мѣсто и въ томъ отношеніи, что занесены на № 84—85 вмѣсто № 78—79.

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 235 („въ заточеніи“); т. VIII, стр. 214 („въ желѣзехъ“).

[2]) См. договоръ князей Ивана Андреевича и Ивана Васильевича—А. А. Э., т. I, № 70.

[3]) П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 157: „и повелѣ князь велики имать ихъ... казнити, бити и мучити и конми волочити по всему граду и по всѣмъ торгомъ, а послѣди повелѣ имъ главы отсѣщи; множество же народа, видяще сіа, отъ боляръ и отъ купець великихъ и отъ священниковъ и отъ простыхъ людей во мнозѣ быша ужасѣ и удивленіи... яко николи же таковая ни слышаша, ниже видѣша въ русскихъ князехъ бываемо“.

[4]) С. Г. Г. и Д. т. I, № 80. Князь Иванъ обязуется выдать в. к. Василію „ярлыки старые на Суждаль и на Новгородъ на Нижней и на Городецъ и на все на Новугородское княженье“, а новыхъ ярлыковъ не принимать. Рѣчь идетъ о старинныхъ ярлыкахъ прежнихъ великихъ князей Нижегородскихъ, а не „взятыхъ у крымскаго хана“, какъ полагаетъ Экземплярскій (т. I, стр. 179).

пятидесятыхъ годахъ, уже послѣ смерти Шемяки, участвуетъ въ борьбѣ съ великимъ княземъ во главѣ войскъ Великаго Новгорода [1]). И Вятку, служившую въ смутные годы источникомъ боевыхъ силъ Шемяки, в. к. Василій привелъ «во всю свою волю» посылкой на вятчанъ рати своей въ 1458—59 годахъ [2]). Скудость источниковъ не даетъ полнаго представленія о ликвидаціи смуты Василіемъ Темнымъ. Много въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ недомолвокъ и умолчаній о событіяхъ этой тяжкой поры. Но общій итогъ—ясенъ. В. к. Василія можно назвать единодержцемъ въ предѣлахъ московско-владимірскихъ великокняжескихъ владѣній; верейская удѣльная вотчина князя Михаила Андреевича столь же мало нарушаетъ это единодержавіе, какъ удѣлы князей Андрея Ивановича и Владиміра Андреевича при Василіи III и Иванѣ Грозномъ.

Опираясь на это ядро своихъ великокняжескихъ владѣній, Василій Васильевичъ укрѣпляетъ свою власть надъ Новгородомъ, Псковомъ и Рязанью.

Въ 1456 г. в. к. Василій поднялся на Новгородъ со всѣми князьями и воеводами и со множествомъ воинства за новгородское «неисправленіе», что новгородцы у него не «въ послушаніи» и держатъ у себя «его лиходѣевъ, измѣнниковъ». Походъ принудилъ новгородцевъ къ покорному челобитью, уплатѣ контрибуціи великому князю «за его истому» и къ Яжелбицкому договору, который въ опредѣленной формѣ возстановилъ принадлежность Новгорода къ составу великаго княженія [3]). Новгородцы обязались держать великое княженье «честно и грозно» и «пошлинъ» великокняжескихъ не утаивать; эти пошлины изложены въ особой грамотѣ, а важнѣйшія изъ нихъ: на грамотахъ Великаго Новгорода «печати быти князей великихъ», а «вѣчнымъ грамотамъ не быти»; возстановить великокняжескій судъ на Городищѣ—«отъ великихъ князей бояринъ судьею и отъ Новагорода бояринъ», а если эти судьи разойдутся въ рѣшеніи, то конецъ дѣлу учинитъ великій князь съ посадникомъ, когда будетъ въ Новгородѣ; у намѣстниковъ великаго князя суда не отнимать, а въ Новгородѣ, и по его волостямъ судебные позвы выполнять должны вмѣстѣ позовники великаго князя и новгородскіе; возстановить въ общей нормѣ право великаго князя на «черный боръ»,—«коли приведется взяти княземъ великимъ черный боръ»; «лиходѣевъ» великаго князя, впредь въ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 213—216. По смерти отца князь Иванъ Дмитріевичъ Шемякинъ пріѣзжалъ изъ Новгорода во Псковъ и принятъ „съ великою честью“; изъ Пскова онъ поѣхалъ въ Литву.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 147—148; т. IV, стр. 147—148; т. VI, стр. 181.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 145—147 („десять тысячь рублевъ новгородцкимъ серебромъ, опричь братіи и бояръ своихъ“); т. IV, сер. 132 („полъдесяты тысящи рублевъ); 217 („полъ девяты тысящи рублевъ“); т. стр. 32 (тоже), стр. 271 („десятью тысячь“).

Новгородъ не принимать; Новгородъ князьямъ великимъ держать «въ старинѣ по пошлинѣ», какъ она опредѣляется въ статьяхъ договорныхъ грамотъ [1]).

Лѣтописные своды почти не даютъ свѣдѣній о томъ, какъ и насколько проведены на дѣлѣ условія Яжелбицкаго договора. Несомнѣнно, что они вызвали въ Новгородѣ большое раздраженіе и продолжительное броженіе; о полномъ и послѣдовательномъ ихъ выполненіи не можетъ быть, повидимому, рѣчи: въ 1471 г. Ивану III пришлось заново устанавливать яжелбицкую великокняжескую «пошлину». В. к. Василій только въ 1460 году поѣхалъ въ Новгородъ «о всѣхъ своихъ управахъ»; положеніе было напряженнымъ: «новгородцы во сторожѣ жиша»; въ городѣ началось волненіе: «шильники» пытались убить боярина Ѳедора Басенка, а новгородцы поднялись вѣчемъ на великаго князя и только архіепископу Іонѣ удалось съ трудомъ успокоить поднявшійся мятежъ [2]). Великій Новгородъ пережилъ первую судорогу своей политической агоніи. Но какъ бы то ни было, возстановлена въ полной мѣрѣ принадлежность Новгорода и Пскова къ составу великаго княженія всея Руси: въ переговорахъ съ нѣмцами о перемиріи съ вольными городами рѣшающее опредѣленіе принадлежитъ в. к. Василію [3]). И Псковъ вскорѣ испыталъ усиленіе своей зависимости отъ великокняжеской власти: въ 1461 году великій князь прислалъ во Псковъ намѣстника своего, «а не по псковскому прошенію, ни по старинѣ», и псковичи его приняли и посадили на свое княженіе [4]).

По отношенію къ Рязани не приходилось ставить сколько-нибудь острыхъ вопросовъ. Такъ обстоятельства сложились, что Рязанская земля оказалась въ полномъ управленіи великаго князя, такъ какъ рязанскій в. к. Иванъ Ѳедоровичъ передалъ передъ кончиной, постигшей его въ 1456 году, своего восьмилѣтняго сына и рязанское княженіе «на руки» и «на соблюденіе» в. к. Василію, который княжича взялъ къ себѣ на Москву, а управленіе Рязанской землей передалъ своимъ намѣстникамъ [5]). Недавняя подлинная

---

[1]) Яжелбицкій договоръ изложенъ въ двухъ грамотахъ.—А. А. Э. т. I, № 57 и 58. Первая содержитъ новгородскую редакцію договора, а вторая то, за что „ялися послове отъ Великаго Новагорода“, т. е. требованія великаго князя, принятыя новгородцами. В. к. Василій новгородское челобитье принялъ „и миръ имъ приконча, пошлины и оброки великому князю по старинѣ“; приводить ихъ ко крестному цѣлованію ѣздилъ, повидимому, в. к. Иванъ Васильевичъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 217); впрочемъ, Никоновская лѣтопись не называетъ его, а сообщаетъ только, что в. к. Василій „посла бояръ своихъ въ Новгородъ и приведоша весь Новгородъ къ цѣлованію“ (т. XII, стр. 111).

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 219; т. IV, стр. 127, 148; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 182; т. XXIII, стр. 156.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 220.

[4]) Тамъ-же стр. 221.

[5]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112.

«старина» отношеній сохранилась только между Москвой и Тверью. Но и ее пришлось возстановлять послѣ періода тѣсной связи Твери съ Литвой, и договоръ между великими князьями Василіемъ Васильевичемъ и Борисомъ Александровичемъ, заключенный въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ XV вѣка, утверждаетъ полное ихъ одиначество «на татаръ и на ляхи и на литву и на нѣмцы», а «великое княженіе, Москву и Новгородъ Великій» признаетъ «вотчиной» в. к. Василія и его дѣтей; однако, в. к. Борисъ не призналъ Василія Васильевича «старѣйшимъ» себѣ братомъ: ихъ «братство» въ этомъ договорѣ—равное [1]); возвратъ ко временамъ Донского, къ условіямъ договора 1375 года былъ еще невозможенъ. Большимъ успѣхомъ было уже то, что Тверь, было вовсе отошедшая «въ сторону» литовско-русскаго государства, снова примкнула къ великорусскому великому княженію. Этимъ Москва была обязана не столько возрожденію собственной силы, сколько внутреннимъ осложненіямъ Речи Посполитой; западныя отношенія Великороссіи держались на томъ условномъ и неустойчивомъ, по существу, равновѣсіи, какое было установлено въ 1449 году договоромъ между в. к. Василіемъ и Казиміромъ Ягеллончикомъ, хоть онъ во многомъ былъ уже нарушенъ [2]). Втеченіи тѣхъ же пятидесятыхъ годовъ Великороссія фактически не знаетъ зависимости отъ Золотой Орды. Не съ нею, не съ ея ханами приходилось считаться в. к. Василію, а съ Казанью и съ Седи-Ахматомъ, ханомъ ордъ Синей и Ногайской. Казанское царство только устраивалось на новомъ мѣстѣ и сравнительно мало тревожило русскіе предѣлы; источники наши не даютъ свѣдѣній о томъ, какъ сложились отношенія между Москвой и Казанью при Мамутекѣ, но, повидимому, тяжкія обязательства, принятыя на себя великимъ княземъ не перешли съ отца на сына, а организація Касимовскаго царства для враждебнаго Мамутеку Касима служило противовѣсомъ казанскимъ набѣгамъ. За то Седи-Ахматъ часто безпокоилъ Москву разбойничьими набѣгами. Оборона южной границы становится существенной задачей великокняжеской власти; практика, зародив-

---

[1]) Ср. выше, на стр. 220—222; С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77.

[2]) А. З. Р., т. I, № 50. Великіе князья заключили въ августѣ 1449 г. „вѣчное докончанье“ о союзѣ на всякаго недруга, особенно о совмѣстной оборонѣ границъ отъ татаръ; в. к. Василій титулуется „княземъ великимъ Московскимъ и Новгородскимъ и Ростовскимъ и Пермскимъ и иныхъ“, получаетъ обѣщаніе Казиміра не вступаться въ Новгородъ и Псковъ и во всѣ новгородскія и псковскія мѣста, не принимать новгородцевъ и псковичей, если тѣ и сами будутъ „даваться“ королю, но обѣщаетъ и самъ за нихъ не вступаться, если они въ чемъ королю „сгрубятъ“: король самъ съ ними вѣдается, только „обослався“ съ в. к. Василіемъ, какъ и Казиміръ обѣщаетъ не вступаться за нихъ противъ Москвы; тоже относительно рязанскаго князя; в. к. Василій вводитъ въ сферу своего вліянія и „верховскихъ князей“, которые, по позднѣйшему выраженію Ивана III „служили на обѣ стороны“, вводя въ договоръ условіе, что имъ давать въ Литву, что издавна давали, а больше того королю „не примышляти“.

шаяся при Донскомъ, выдвигать къ Окѣ обсерваціонный отрядъ и держать на чеку достаточныя боевыя силы для отраженія татарскихъ нападеній становится все болѣе насущной, какъ и оборона Рязанской украйны, хотя дается съ трудомъ и слагается постепенно въ рядѣ горькихъ неудачъ [1]).

Такъ опредѣлилось положеніе и насущныя задачи великокняжеской власти къ концу жизни и княженія в. к. Василія Васильевича. Ядро его владѣній, основная территорьяльная база великокняжеской власти—московско-владимірскій центръ Великороссіи слагается въ Московское государство, семейную вотчину великокняжеской семьи. Это явленіе выступаетъ въ духовной грамотѣ Василія Темнаго, составленной не задолго до кончины, постигшей его въ мартѣ 1462 года, съ характерными чертами своеобразнаго компромисса между стариной и новыми условіями политическаго быта. По формѣ—передъ нами традиціонный семейно-вотчинный отцовскій «рядъ». Опредѣленіе семейныхъ отношеній вполнѣ на почвѣ прежней «старины и пошлины». Сыновья великаго князя—Иванъ, Юрій, Андрей большой, Борисъ, Андрей меньшой—«приказаны» матери, в. к. Маріѣ Ярославнѣ съ наставленіемъ: «а вы, мои дѣти, живите за одинъ, а матери своей слушайте во всемъ, въ мое мѣсто, своего отца», и далѣе: «а вы, дѣти мои, слушайте своей матери во всемъ, а изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ, а который сынъ мой не иметъ слушати своей матери, а будетъ не въ ея волѣ, на томъ не буди моего благословенья».

Но владѣльческое положеніе великокняжеской семьи существенно измѣнилось. Духовная в. к. Василія Васильевича завершаетъ сліяніе московской вотчины съ территоріей великаго княженія, и къ ея содержанію лишь весьма условно примѣнимо представленіе объ удѣльно-вотчинномъ раздѣлѣ; нѣтъ въ ней и формулы: «а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ».

---

[1]) Въ 1442 г.—походъ бояръ князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтяева съ дворомъ великаго князя по вѣстямъ о приходѣ царевича Мустафы на Рязань; въ 1443 великій князь самъ выступаетъ въ Муромъ противъ Улу Махмета (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 111); послѣ катастрофы съ плѣномъ великаго князя, набѣгъ казанскихъ татаръ на Владиміръ и Муромъ (недописанное извѣстіе—т. VIII, стр. 121; т. XII, стр. 73)—въ 1448 г.; въ 1449 „скорые татарове“ Седи Ахмата отбиты Касимомъ; тотъ же царевичъ съ воеводой Беззубцевымъ идетъ по вѣстямъ о набѣгѣ Малымбердѣя и побиваетъ его на Бетюкѣ; в. к. Василій стоялъ тогда въ Коломнѣ; на бѣгъ Мазовши, Седи Ахматовича, подъ Москву; великій князь выступилъ было къ Коломнѣ, „не успѣвъ собраться“, но остановить набѣга не удалось (т. VIII, стр. 122—124); въ 1454 г. воевода Ощера съ Коломенской ратью не удержали на Окѣ набѣга другого Седи Ахметовича Салтана, и только выступленіе самого великаго князя съ большими силами обратило татаръ въ бѣгство; въ слѣд. году новый набѣгъ—рать великого князя гонитъ татаръ за Оку; въ 1459 в. к. посылаетъ „къ берегу“ сына Ивана, и онъ не „перепустилъ“ татаръ за Оку (митр. Іона по этому случаю соорудилъ новую церковь); въ 1461 г. в. к. Василій съ сыновьями стоитъ во Владимірѣ „за нѣкую нужу належащую тогда отъ Казани“, готовится къ наступленію, но дѣло кончилось миромъ—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 144, 147, 149; т. VI, стр. 180; т. V, стр. 273.

Старшій сынъ Иванъ Васильевичъ получаетъ по благословенію отца «отчину—великое княженіе», причемъ территорія Владимірскаго великаго княжества уже не отличается отъ великокняжескаго «удѣла» въ московской вотчинѣ. Личныя владѣнія в. к. Ивана тутъ такъ перечислены: треть въ Москвѣ, Коломна, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Вятская земля, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великая Соль, Боровскъ, Суходолъ, Калуга, Алексинъ—все съ волостями, путями, селами и со всѣми пошлинами. Такой составъ территоріи—не имѣетъ прошлаго. Нѣтъ основанія называть ее «удѣломъ» старшаго сына, великаго князя. Это—вотчина государя князя великаго, рядомъ съ которой стоятъ, однако, удѣлы его младшихъ братьевъ [1]).

Этихъ удѣловъ четыре. Юрій получилъ Дмитровъ, Можайскъ, Медынь и Серпуховъ, да рядъ волостей сверхъ уѣздовъ этихъ городовъ; Андрей большой получилъ Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; Борисъ—Ржеву, Волокъ и Рузу; Андрей меньшой Вологду съ Кубенскими и Заозерскими волостями. Надѣленіе князей дополнено дачей сыновьямъ отдѣльныхъ селъ и волостей, какъ «отъѣзжихъ» владѣній, и утвержденіемъ за ними земель, какія имъ роздала по своей духовной в. к. Софья Витовтовна, а за Юріемъ всего, что назначила ему мать серпуховскаго князя Василія Ярославича, Марья Ѳедоровна Голтяева; вдовствующая великая княгиня получила въ пожизненное владѣніе Ростовъ и нѣсколько селъ и волостей въ разныхъ уѣздахъ и сохранила свои купли—городокъ Романовъ и накупленныя ею села въ опричнину. Получилась чрезполосица владѣній, которая вызвала и разъясненіе, что какъ великая княгиня держитъ судомъ и данью всѣ свои села и волости, такъ и по отношенію ко князьямъ «того и судъ надъ тѣми селы, кому дано»—«въ чьемъ удѣлѣ ни буди».

Москва-городъ въ сложномъ раздѣлѣ по годамъ: треть в. к. Ивану; Юрію—«годъ на Москвѣ», что былъ Константина Дмитріевича, да еще, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ большимъ («по половинамъ, а держати по годамъ») треть бывшая Владиміра Андреевича; Борису «годъ» князя Ивана можайскаго; Андрею меньшому «годъ» князя Петра Дмитріевича; а въ московской тамгѣ—треть в. к. Ивану, а двѣ другія трети «по половинамъ» Юрію съ Андреемъ большимъ и Борису съ Андреемъ меньшимъ, при выдѣлѣ изо всѣхъ третей половины дохода въ пожизненное пользованіе великой княгинѣ-матери. Выморочности удѣловъ духовная не предусматриваетъ; этотъ щекотливый вопросъ обойденъ, быть можетъ, сознательно, но сохраненіе возможности частичнаго передѣла властью матери, въ случаѣ утраты кѣмъ-либо изъ сыновей части его владѣній, свидѣтельствуетъ о живучести традиціи

---

[1]) Эта двойственность позволяетъ сказать, что характерная особенность духовной Василія Темнаго—отсутствіе цѣльности въ ея правовомъ содержаніи: передъ нами типичный памятникъ переходнаго историческаго момента.

семейно-вотчиннаго владѣнія по удѣламъ [1]). Черту преобладанія семейно-владѣльческихъ понятій надъ политическими-государственными можно усмотрѣть и въ статьѣ духовной грамоты, гдѣ вдова-княгиня и сыновья Иванъ и Юрій съ меньшими братьями «приказаны» королю польскому и великому князю литовскому Казиміру на его «печалованіе» [2]).

Построеніе междукняжескихъ отношеній московской семьи въ духовной Василія Темнаго представляется болѣе традиціоннымъ, чѣмъ соотвѣтствовало бы дѣйствительному положенію дѣлъ въ великомъ княженіи. В. к. Василій опредѣлилъ за ново и внѣ обычной традиціи удѣлы сыновей и произвелъ, притомъ, не столько раздѣлъ между ними общей вотчины, сколько выдѣлъ имъ долей изъ общаго комплекса великокняжескихъ владѣній, основная масса которыхъ осталась въ непосредственной власти великаго князя. Эта духовная писана въ такой моментъ, когда историческія судьбы Великороссіи ребромъ ставили вопросъ сохранится ли семейно-вотчинный укладъ владѣнія и княжихъ отношеній при все нараставшей потребности въ единой власти. Быть можетъ, съ особой наглядностью внутренняя несогласованность тенденцій этого «ряда» выступаетъ въ ея установленіи порядковъ сбора дани. «А какъ почнутъ, читаемъ тутъ, дѣти мои жити по своимъ удѣломъ, и моя княгиня, и сынъ мой Иванъ, и мой сынъ Юрьи, и мои дѣти пошлютъ писцовъ, да удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людямъ, да потому окладу моя княгиня и мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану со своихъ удѣловъ». Если не упускать при этомъ изъ виду, что московская Русь фактически весьма мало ощущала на себѣ ханскую власть за послѣднее десятилѣтіе, такое упорядоченіе дѣла описи и обложенія покажется крупнымъ шагомъ къ устроенію финансоваго хозяйства великаго княжества. Однако, сборъ дани, по старому, связанъ только съ уплатой татарскаго выхода, и связанъ съ представленіемъ, что если «Богъ премѣнитъ Орду», то прекратится ея поступленіе въ казну великаго князя; не даромъ и перепись производится «своими писцами» каждаго князя. Попытка упорядочить дѣло обложенія какъ бы предназначена только на обезпеченіе удѣльныхъ доходовъ, ибо «неминучая дань» на дѣлѣ вымирала, вырождаясь въ «татарскіе проторы», какъ статью великокняжескихъ расходовъ.

Такой же стариной, не жизнеспособной и, по существу, устарѣлой представляется статья объ удѣльномъ передѣлѣ. Относить ли ее къ вла-

---

[1]) „а по грѣхомъ у котораго у моего сына вотчины стоймется, и княгиня моя уйметъ у своихъ сыновъ изъ ихъ удѣловъ, да тому вотчину исполнитъ, а дѣти мои изъ ее воли не вымутся“.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 86 и дополнительная „приписная грамота“, № 87; „приказъ“ Казиміру основанъ на давней „докончальной грамотѣ“—А. З. Р., т. I, № 50.

дѣніямъ великаго князя въ томъ смыслѣ, что мать имѣла право «унимать» и изъ нихъ для восполненія потерпѣвшей ущербъ вотчины удѣльнаго князя? Вопросъ этотъ не могъ не стать спорнымъ при первомъ поводѣ. А за нимъ—другой вопросъ: о соотношеніи материнской власти и значенія ея старшаго сына, князя великаго, т. е. о всемъ строѣ московской владѣтельной семьи. По духовной Василія Темнаго, какъ впрочемъ и ранѣе по духовной Донского, это семья двуглавая. Рядомъ съ предписаніемъ ни въ чемъ не выступать изъ воли матери и слушать ее «въ мѣсто своего отца» стоитъ другое: «чтить и слушать своего брата старѣйшаго Ивана въ мое мѣсто, своего отца».

Этотъ старшій сынъ великаго князя съ малолѣтства самъ князь великій, соправитель отца. Но въ такомъ дѣйствіи в. к. Василія, видимо навѣянномъ византійскими примѣрами закрѣпленія преемства на престолѣ путемъ пріобщенія преемника къ власти въ формѣ соправительства, нѣтъ еще опредѣленной смѣны вотчинныхъ представленій о семейномъ владѣніи идеей преемства въ государственной, политической власти. В. к. Василій не въ силахъ освободиться отъ традиціонныхъ представленій и въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, не свободны отъ ихъ пережитковъ династическія понятія и позднѣйшей самодержавной монархіи. Не великокняжескую власть высвобождаетъ онъ изъ путъ семейно-владѣльческой традиціи, а только укрѣпляетъ вотчинное право на эту власть за личной своей семьей, за своимъ потомствомъ. Въ договорахъ онъ укрѣпляетъ свою «вотчину великое княженіе, Москву и Новгородъ Великій»—«подъ своими дѣтьми, в. к. Иваномъ и подъ княземъ Юрьемъ и подъ меншими своими дѣтьми», и добивается, по возможности, отъ младшихъ князей, чтобы они признали не только его, князя великаго, старѣйшимъ братомъ, но сыновей—Ивана и Юрія и меньшихъ дѣтей его «имѣли себѣ братьею старѣйшею» и держали ихъ «честно и грозно» [1]). Побѣду надъ удѣльнымъ дробленіемъ власти предстояло завершить въ нѣдрахъ самой великокняжеской семьи.

II.

Въ правительственной дѣятельности московской великокняжеской власти смѣна Василія Темнаго Иваномъ III только внѣшній моментъ, не мѣнявшій по существу ея теченія въ принятомъ направленіи. В. к. Иванъ Васильевичъ завершаетъ собираніе власти и перестройку внутреннихъ отношеній Московскаго государства на новыхъ основаніяхъ, завершаетъ и политическое объединеніе Великороссіи, оставляетъ преемниковъ вотчичами на всѣхъ государствахъ Московскаго царства.

Началъ Иванъ III съ пересмотра положенія Верейскаго и Ярославскихъ княженій, но повелъ его съ неспѣшной постепенностью. На первыхъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76—79.

порахъ онъ возобновилъ съ двоюроднымъ дядей, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, договоръ, утверждавшій за нимъ то положеніе, какое опредѣлено соглашеніями Василія. Въ этой грамотѣ Михаилъ призналъ старѣйшими себя двухъ племянниковъ, в. к. Ивана и князя Юрія, а равнымъ—третьяго Васильевича Андрея; утверждены за нимъ—его вотчина Верея и Бѣлоозеро, и великокняжеское пожалованіе Вышгородъ съ придачей отъ в. к. Ивана нѣсколькихъ волостей. Весьма характерно, что дѣловая сторона этой грамоты тѣмъ опредѣлена въ надписи на ея оборотѣ, что она «была дана ему послѣ живота великаго князя Василія Василіевича на Вышегородъ», т. е. назначеніе такой «грамоты докончальной» служить жалованной грамотой. Но она вскорѣ подверглась пересмотру. Михаилъ Андреевичъ вынужденъ «отступиться» в. к. Ивану Вышгорода со всѣми волостями, вышегородскими и приданными къ нему по первой грамотѣ, всего того, что великіе князья пожаловали изъ «своей отчины» ему «въ вотчину и въ удѣлъ» [1]). Но и этотъ второй договоръ не замедлилъ подвергнуться замѣнѣ новымъ, въ которомъ положеніе князя Михаила значительно понижено: теперь онъ «подъ всею братьею великого князя въ молодшихъ» [2]). Затѣмъ лѣтъ на двадцать князя Михаила оставили въ покоѣ. Но въ 1482 году у него снова взяли обратно послѣднюю договорную грамоту [3]). Настала пора новыхъ рѣшительныхъ шаговъ къ ликвидаціи остатковъ удѣльно-вотчиннаго строя; настало время опредѣлить положеніе младшаго поколѣнія. Рядомъ съ отцомъ выступаетъ великимъ княземъ Иванъ молодой; рядомъ съ княземъ Михаиломъ его сынъ Василій. Новый договоръ сообщаетъ, что князь Михаилъ отдалъ великому князю свою

---

[1]) Первый договоръ—С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 90—91; на экземплярѣ князя Михаила надпись: „а ся грамота докончяльнаа взята у князя у Михаила Андрѣевича что была дана ему послѣ живота великого князя Василія Васильевича на Вышегородъ, ино того дѣля и взята, а лежала у Филиппа митрополита“. Имя Филиппа показываетъ, что замѣна произошла послѣ 11 ноября 1464 года—дата поставленія Филиппа на митрополію. По его благословенію и за его подписью писанъ второй договоръ—№ 92: „и ты мой брате, говорилъ въ немъ великій князь Михаилу про уступку Вышгорода и волостей, тое моее отчины отступился мнѣ самъ со всѣмъ, съ тѣмъ, какъ тя былъ пожаловалъ отець мой князь великій, да и язъ князь великій“.

[2]) Третій договоръ—тамъ же, № 93—94. На № 92 надпись: „докончальная княжа Михаилова, коли отдалъ Вышгородъ, ино у него взята, а новая ему дана, что онъ подо всею братьею великого князя въ молодшихъ“. А въ № 93 про младшихъ братьевъ в. к. Ивана сказано, что имъ князя Михаила держать „собѣ братѣмъ же молодшимъ“. На № 94 надпись: „княжа Михайлова Андреевича послѣдняя, что написанъ подъ всею братьею великого князя“; мѣсто этой надписи—на оборотѣ грамоты № 93. Въ грамотахъ № 91—94 Михаилъ называетъ в. к. Ивана „господине и брате старѣйшій“.

[3]) Надпись на грамотѣ № 93: „лѣта девятьдесятаго июня 4 ся докончалнаа княжа Михайлова взята у митрополита у Геронтья“—относится къ грамотѣ № 94.

отчину Бѣлоозеро «и грамоту свою на то ему далъ», но сохранилъ пожизненное владѣніе Бѣлоозеромъ; по смерти Михаила Бѣлоозеро переходитъ къ великому князю или его сыну, кому великій князь его отдастъ, а князю Василію Михайловичу въ эту вотчину не вступаться, ни подыскивать ея никоторою хитростью [1]). Въ 1484 году князь Василій Михайловичъ бѣжалъ въ Литву: великокняжеская опала постигла его въ связи съ осложненіями дворцовыхъ отношеній послѣ второго брака в. к. Ивана, а князь Василій былъ въ нихъ запутанъ по своей женитьбѣ на Марьѣ Андреевнѣ Палеологъ, племянницѣ в. к. Софьи Витовтовны [2]). Иванъ Васильевичъ взялъ за то на свое имя Верею, которую отецъ, надо полагать, отдалъ кн. Василію послѣ его женитьбы, и хоть отдалъ ее Михаилу Андреевичу, однако уже, какъ свою, а не его отчину, въ пожалованіе и, притомъ, лишь пожизненно; уничтожено и вотчинное право князя Василія на остальныя владѣнія князя Михаила, на долю въ Москвѣ и на Ярославецъ—тѣмъ, что Михаилъ «послѣ своего живота ту свою вотчину всю далъ великому князю». Такъ обезпечена къ моменту кончины князя Михаила инкорпорація всего его удѣла-вотчины въ составъ непосредственныхъ великокняжескихъ владѣній [3]).

Передъ кончиной, которая постигла его 9 апрѣля 1486 года, князь Михаилъ Андреевичъ приказалъ составить духовную грамоту и прописать въ ней, что благословляетъ господина своего, в. к. Ивана Васильевича своею отчиною-жеребьемъ въ Москвѣ и Бѣлымъ озеромъ, а также Ярославцемъ съ селами и слободами, кромѣ тѣхъ, какія далъ въ церковь на поминъ души или роздалъ въ куплю своимъ боярамъ, а про Верею не счелъ нужнымъ упомянуть. Грамота эта была представлена ближнимъ боярином князя Михаила княземъ Василіемъ Ромодановскимъ в. к. Ивану и подверглась по его приказу передѣлкѣ. Князь Ромодановскій вернулся къ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 113—114; грамоты датированы 4 апрѣля 6990—1482 года. За князьями Михаиломъ и Василіемъ укрѣплена остальная ихъ вотчина—Верея и Ярославецъ. Ярославецъ не упоминался въ прежнихъ договорахъ; повидимому, Ярославецъ перешелъ ко князю Михаилу въ связи съ его женитьбой на Еленѣ Ярославнѣ, княжнѣ серпуховской (Экземплярскій, т. II, стр. 307); не былъ ли онъ въ ея пожизненномъ владѣніи? Она умерла раньше мужа, неизвѣстно, впрочемъ, когда. Присоединеніе Бѣлоозера къ владѣніямъ велнкаго князя напоминаетъ „купли“ Калиты, но единственная упомянутая договоромъ компенсація князю Михаилу за эту „уступку“ въ обѣщаніи в. к. Ивана Михаилу „съ тоѣ отчины Бѣлаозера душу его поминати“.

[2]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 235; т. XX, ч. I, стр. 350.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 118. О Вереѣ: „и что язъ, князь великій, пожаловалъ тебя своею отчиною Вереею съ волостми и съ отъѣзжими мѣсты, что взялъ есмь въ своей винѣ у твоего сына у князя Василья, и то все тобѣ, князю Михаилу, держати за собою до своего живота“; при статьѣ о Московской долѣ и Ярославцѣ упомянуто о томъ, „что напередъ сего далъ есп мнѣ великому князю свою отчину Бѣлоозеро“, и подведенъ итогъ: по смерти Михаила „та вся его вотчина“ — великому князю.

*

Михаилу Андреевичу съ другимъ «спискомъ», какой составили московскіе дьяки, и повелѣніемъ «по тому духовная писати». Тутъ о Бѣлоозерѣ сказано не «благословляю своею отчиною», а «благословилъ далъ есми ту свою отчину.... при своемъ животѣ»; о московскомъ жребіи и Ярославцѣ также: «благословилъ далъ ту свою отчину всю послѣ своего живота» и добавлено подтвержденіе о Верещ, что ею великій князь пожаловалъ князя Михаила, какъ «своею вотчиною», въ пожизненное держаніе, а по его смерти та вотчина великаго князя «со всѣмъ его и есть» [1]).

Такъ московскіе дьяки, по указанію своего великаго князя, тщательно вытравили изъ духовной князя Михаила даже внѣшнія черты «свободнаго» завѣщательнаго распоряженія, которыя и такъ не соотвѣтствовали подлинному положенію дѣлъ и отношеній. Князь Михаилъ въ формѣ духовной грамоты лишь закрѣпляетъ актъ передачи всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ великому князю, который по существу произошелъ въ полной мѣрѣ по прежнимъ ихъ договорамъ. И передача этихъ правъ по договорамъ, вынужденная великокняжеской властью, такова, что ставитъ въ крайне непрочное положеніе всѣ пожалованія и отчужденія князя Михаила; перечисляя ихъ въ своей духовной онъ сопровождаетъ перечень оговорками: «а будутъ тѣ села и деревни надобны моему господину великому князю», великій киязь дастъ за нихъ пожалованнымъ деньгами или дастъ «въ тѣхъ земель мѣсто свои земли». Усиленіе великокняжеской власти все углубляло ея землевладѣльческую политику, къ которой только и примѣнимо, по настоящему, выраженіе о «собираніи земли». Пріемъ округленія непосредственныхъ владѣній великаго князя по отношенію къ мелкимъ земельнымъ

---

[1]) Первый „списокъ“ духовной князя Михаила—не изданъ; хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М-ства Иностр. Дѣлъ (Государственнаго Древлехранилища, отдѣлъ I, рубрика I, № 28) съ надписью: „списокъ съ того списка духовныѣ, что былъ князь Михайло Андрѣевичь прислалъ со княземъ съ Васильемъ съ Ромодановскимъ, а хотѣлъ такову духовную писати, и князь велики тотъ списокъ велѣлъ перечинити“. Московская редакція, данная Ромодановскому, тамъ же, за № 29, съ надписью: „таковъ списокъ посланъ со княземъ съ Васильемъ съ Ромодановскимъ ко князю къ Михаилу къ Ондрѣевичю, а велѣно по тому духовная писати“. Кромѣ указанныхъ въ текстѣ въ Москвѣ не одобрили нѣкоторыхъ другихъ особенностей перваго „списка“. Такъ отброшена при „благословеніи“ Ярославцемъ оговорка о селахъ: „опроче тѣхъ, которые есми далъ по своей души и которыми пустошми кого буду пожаловалъ далъ въ куплю“; изъяты изъ текста подробное изложеніе прижизненныхъ и посмертныхъ распоряженій разнымъ недвижимымъ и движимымъ имуществомъ и перечень долговыхъ обязательствъ, по которымъ разсчетъ порученъ великому князю, а сохраненъ только ихъ суммарный перечень съ указаніемъ на особые „списки“ за подписью княжъ Михайлова духовника и печатника Ивана. Со списка, посланнаго съ Ромодановскимъ, писана духовная князя Михаила—С. Г. Г. и Д., т. I, № 121; приложеніе къ ней составляютъ упомянутые спеціальные „списки“, сохранившаяся часть которыхъ издана тамъ же, подъ № 122, подъ заголовкомъ: „восемь духовныхъ грамотъ князя Михаила Андреевича Верейскаго“.

единицамъ—селамъ и деревнямъ путемъ обмѣна и купли былъ весьма обыченъ. Великій князь «мѣнялъ» села съ митрополитомъ и младшими князьями по своему усмотрѣнію, придававшему обмѣну характеръ принудительнаго; такъ и въ духовной Василія Темнаго читаемъ: «а восхочетъ мой сынъ Иванъ у своего брата у Юрья вымѣнять Коломенскія села, и сынъ мой Юрьи тѣ села ему промѣнитъ, а Иванъ сынъ вымѣнитъ у своего брата тѣ села, а его не изобидитъ». Вырожденіе «удѣльнаго» владѣнія—во времена Василія Темнаго и Ивана III—въ обладаніе пожалованіями на всей волѣ великаго князя ставило ребромъ вопросъ о томъ, насколько сохранится при смѣнѣ мѣстной вотчинной княжой власти столь же вотчинной непосредственной великокняжеской властью устойчивое преемство ихъ распоряженій, и уцѣлѣютъ ли отъ ломки правовые акты, совершенные первой изъ нихъ. Князь Михаилъ Андреевичъ заботится о томъ, чтобы князь великій «судовъ его не посудилъ» и въ его данья и пожалованія земельныя «не вступался» и ихъ «не порушилъ», но плохо надѣется на добрую волю новой власти, отъ усмотрѣнія которой всецѣло зависитъ рѣшеніе этихъ вопросовъ.

На мѣстныя вотчинныя княжества надвигалась подлинно грозная власть. Ея пріемы и свойства ярко сказались въ шестидесятыхъ годахъ на ликвидаціи вотчинныхъ владѣній ярославскихъ князей. О ней мы узнаемъ, къ сожалѣнію, только по горькой записи мѣстнаго книжника-лѣтописца, который—подъ 1468 годомъ—приписалъ къ извѣстію объ обрѣтеніи мощей ярославскихъ князей-чудотворцевъ: «сіи бо чюдотворцы явишася не на добро всѣмъ княземъ ярославскимъ, простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичу, а князь великій противъ ихъ отчины подавалъ имъ волости и села, а изъ старины печаловался о нихъ князю великому старому (т. е. Василію Темному) Алексѣй Полуектовичъ, дьякъ великого князя, чтобы отчина та не за ними была». Снявъ такимъ пріемомъ, который близко напоминаетъ «пересмотръ земель и людей» Иваномъ Грознымъ, верхній слой мѣстной «старины», великокняжеская власть глубже вступаетъ въ перестройку мѣстныхъ порядковъ и отношеній: «а послѣ того, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, въ томъ же градѣ Ярославлѣ явися новый чюдотворецъ Іоаннъ Агаѳоновичъ Сущей, созиратай Ярославской земли; у кого село добро, инъ отнялъ; а у кого деревня добра, инъ отнялъ да отписалъ на великаго князя ю, а кто будетъ самъ добръ, бояринъ или сынъ боярскій, инъ его самого записалъ». Круто берется московская власть за подчиненіе своимъ потребностямъ землевладѣнія и личныхъ силъ годнаго въ службу населенія. И мѣстный обыватель-книжникъ доходитъ до кощунственной гнѣвной проніи по адресу московскаго боярина-намѣстника: «а иныхъ его чюдесъ множество не можно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще дьяволъ» [1]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 158

Въ семидесятыхъ годахъ пришелъ чередъ на ростовскихъ князей. Они, подобно князьямъ ярославскимъ, давно сошли на положеніе служилыхъ князей, бывали великокняжескими воеводами и намѣстниками, но еще княжили на вотчинной своей «половинѣ Ростова»; въ 1474 году они продали ее «со всѣмъ» в. к. Ивану, а енъ придалъ новый свой примыселъ матери, которая владѣла другой половиной Ростова по духовной Василія Темнаго [1]).

Ростетъ вотчина великаго князя, поглощая мелкія вотчины удѣльнаго княжья. Крѣпнетъ и обобщается непосредственная его власть надъ территоріей и населеніемъ московско-владимірскаго великаго княжества; строится Московское государство. Но въ самой великокняжеской семьѣ еще живы удѣльно-вотчинныя воззрѣнія и отношенія.

Съ братьями Иванъ III, повидимому, не заключалъ договоровъ «у отня гроба». Но въ сентябрѣ 1472 года умеръ Юрій Дмитріевичъ—безъ потомства (онъ и женатъ не былъ). Вопросъ о судьбѣ его удѣла поднялъ острыя разногласія. Впрочемъ, возникли они еще при жизни Юрія. До насъ дошла духовная этого князя; онъ въ ней, понятно, не упоминаетъ о своемъ удѣлѣ, который не подлежалъ завѣщательному распоряженію, а распредѣляетъ села и деревни и движимость свою между матерью, братьями и сестрой, назначаетъ раздачу въ монастыри и боярамъ, перечисляетъ подлежащіе уплатѣ долги [2]). Ко времени передъ кончиной Юрія относится текстъ договора Андрея большого съ в. к. Иваномъ; въ его текстѣ обращено особое вниманіе на условія владѣнія московскими третями, на отношеніе къ городскому населенію и къ «численнымъ» людямъ. По духовной Василія Темнаго одна изъ московскихъ третей дана была князю Андрею большому совмѣстно съ Юріемъ. Въ договорѣ видимъ подтвержденіе порядковъ вѣданія городомъ съ преобладаніемъ великокняжескаго управленія, при охранѣ правъ младшаго брата на долю дохода; видимъ «блюденье съ одиного» торговыхъ и всѣхъ городскихъ людей; и тутъ же возстановленіе «блюденья съ одиного» всѣхъ численныхъ людей съ запретомъ покупать ихъ земли, а кто изъ князей произвелъ такія покупки у черныхъ людей, а также у слугъ, которые подъ дворскимъ, не имѣя на то особыхъ великокняжескихъ грамотъ, долженъ ихъ вернуть въ тягло по старинѣ [3]). Эти черты договорной грамоты свидѣтельствуютъ о недоразумѣніяхъ между

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII. стр. 180. Въ духовной Василія Темнаго: „а княгинѣ своей даю Ростовъ и со всѣмъ, что къ нему потягло, и съ селы своими до еѣ живота; а князи ростовскіе что вѣдали при мнѣ, при великомъ князѣ, ино по тому и держатъ и при моей княгинѣ“; объ обстоятельствахъ перехода къ великому князю этой половины Ростова нѣтъ извѣстій.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 96.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 95; договоръ сохранился только въ видѣ неутвержденнаго списка грамоты отъ имени князя Андрея; возможно что, это только проектъ не состоявшагося договора.

князьями по совладѣнію Москвой и по дѣламъ служилыхъ и тяглыхъ людей; составленъ текстъ договора «по слову» вдовствующей княгини-матери, т. е. при ея посредничествѣ между сыновьями. Въ 1473 году в. к. Иванъ уже заключаетъ договоры съ братьями по поводу удѣла князя Юрія—въ февралѣ съ Борисомъ, въ сентябрѣ съ Андреемъ большимъ [1]), которыми этотъ удѣлъ укрѣпляется въ нераздѣльномъ владѣніи великого князя. Такой результатъ былъ достигнутъ не безъ труда. Лѣтописи отмѣтили гнѣвъ братьевъ на великаго князя, «что имъ не далъ въ удѣлѣ жребія въ братнѣ во княжь Юрьевѣ», и домогательство такого раздѣла не закончились съ ихъ стороны на договорахъ 1473 года, не смотря на то, что нѣкоторую компенсацію они, все таки, тогда же получили: за княземъ Борисомъ утверждено великокняжеское пожалованіе на Вышгородъ, «какъ было за княземъ за Михаиломъ», а великая княгиня Марія дала Андрею большому свои купли—городокъ Романовъ да земли въ устьяхъ Шексны и «колодезь соленый» въ Ростовѣ.

Вопросъ о «княжь Юрьевой вотчинѣ» пріобрѣлъ особую остроту въ связи съ рядомъ другихъ, точнѣе—съ общимъ пересмотромъ положенія великокняжескихъ братьевъ въ созидавшемся Московскомъ государствѣ. Одолѣвая рядъ внутреннихъ сопротивленій, великокняжеская власть все болѣе выдѣляетъ своего носителя изъ семейныхъ связей, «возноситъ» его надъ членами семьи, надъ братьями, надъ матерью.

Въ договорахъ Ивана III нѣтъ уже тѣхъ колебаній терминологіи и понятій, которыя въ грамотахъ его отца еще сохраняли видимость положенія великокняжескихъ владѣній въ ряду удѣльныхъ владѣній московскаго княжого дома. Тутъ удѣлы «братьи молодшей» опредѣленно стоятъ рядомъ съ вотчиной великаго князя—княженьемъ великимъ—и особо отъ нея [2]). Отстраняя отъ какихъ либо притязаній на великокняжескія владѣнія боковыя линіи княжого дома возвышеніемъ надъ ними всѣхъ своихъ братьевъ, в. к. Иванъ, въ то же время, послѣдовательно закрѣпляетъ представленіе о вотчинныхъ правахъ своего потомства — сына Ивана и другихъ дѣтей, какихъ ему Богъ дастъ. А старшій его сынъ уже въ семидесятыхъ годахъ—князь великій, старѣйшій братъ для дядей Андрея, Бориса [3]). И въ со-

---

[1]) Тамъ же, №№ 97—98, 99—100. На договорѣ № 98 надпись: „князя великаго съ княземъ Борисомъ первая.“

[2]) Напримѣръ: „тобѣ подо мною великаго княженья не хотѣти, ни подъ моимъ сыномъ подъ княземъ подъ Иваномъ, ни подъ моими дѣтми, кого ми Богъ дастъ также ти подъ моею братьею молодшею... ихъ удѣловъ блюсти и не обидѣти“ — С. Г. Г. и Д., т. I, № 93.

[3]) Договоры 1473 года: „имѣти ти мене, великаго князя, собѣ братомъ старѣйшимъ, а сына моего, великаго князя, имѣти ти собѣ братомъ старѣйшимъ, а намъ, великимъ княземъ, имѣти тебя собѣ братомъ молодшимъ, а мене ти, великаго князя и моего сына, великаго князя, и наше великое княженіе держати честно и грозно“.

владѣніи Москвой, и въ распоряженіи боевыми и финансовыми силами великаго княжества, и во владѣльческихъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ его городамъ и волостямъ в. к. Иванъ проводитъ свою властную волю, устраняя самостоятельное княжое право князей-братьевъ въ пользу производнаго, своего «пожалованія».

Остро сталъ, въ ту же пору, между братьями вопросъ о «примыслахъ». Великокняжескіе захваты все увеличивали размѣры непосредственныхъ владѣній великаго князя. Когда требовалось для этого напряженіе значительной военной силы, князья-братья участвовали въ дѣлѣ со своими полками. А примыслы шли старшему брату къ его великому княженію. Многозначительной представляется въ договорахъ 1473 года одна особенность: в. к. Иванъ беретъ съ братьевъ обязательство «не вступаться» во все то, что онъ себѣ «примыслилъ» или что еще «примыслитъ», а блюсти эти примыслы подъ нимъ и подъ его сыномъ и подъ всѣми его дѣтьми, «которыхъ ему Богъ дастъ»; а взаимной формулы, обезпечивающей за младшими князьями ихъ примыслы, какіе имъ удастся сдѣлать, въ договорахъ нѣтъ, хотя такая формула обычна въ докончальныхъ грамотахъ прежняго времени. Едва ли передъ нами только внѣшняя, редакціонная деталь. Лѣтописи сохранили память о глубокомъ недовольствѣ великокняжескихъ братьевъ изъ за того, что не дѣлится онъ съ ними своими примыслами, «Новгородъ Великій взялъ съ ними, ему ся все подостало, а имъ жеребья не далъ изъ него» [1]).

Назрѣвалъ новый семейный кризисъ. Братья в. к. Ивана использовали первый же моментъ, когда ему стала особо необходимой вся ихъ боевая сила, для предъявленія ему своихъ требованій, «чтобы князь великій по отца своего приказу и по духовной отца своего ихъ былъ держалъ и жаловалъ, вотчину бы удѣлъ княжь Юрьевъ далъ и въ докончаніе бы принялъ» [2]). Старшіе братья Андрей большой и Борисъ обратились за охраной правъ и положенія, установленныхъ духовной ихъ отца, къ тѣмъ, кому такое «печалованіе» было поручено въ духовной Василія Темнаго—къ матери и королю Казиміру, чтобы онъ ихъ управилъ въ «ихъ обидахъ и съ великимъ княземъ и помогалъ», а также къ митрополиту Геронтію. Они защищали свои традиціонныя права пріемами, которые были въ духѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 222.

[2]) Кирило-Бѣлозерскій лѣтописецъ — рукопись Археографической Комиссіи, № 251, статьѣ: „О приходѣ безбожнаго царя Ахмата на Угру“. Разборъ лѣтописныхъ сказаній объ этихъ событіяхъ см. въ моей статьѣ „Иванъ III на Угрѣ“—въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову,“ Спб., 1911 г. В. к. Иванъ III обвинялъ брата Андрея большого въ томъ, что онъ „думалъ на в. к. Ивана Васильевича, на брата своего старѣйшаго, съ братьею своею, съ княземъ Юрьемъ и съ княземъ Борисомъ и съ княземъ Андреемъ, да къ цѣлованію ихъ привелъ на томъ, что имъ на великаго князя, брата своего старѣйшаго, стояти съ одиного“ (П. С. Р, Л., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231); пререканія начались еще при жизни Юрія, но активно выступили только братья Андрей старшій и Борисъ.

старины, далеко еще не изжитой, но едва не подвергли великое княжество величайшей опасности. Опираясь на ослабленіе Москвы внутреннимъ раздоромъ и на призывъ къ вмѣшательству въ ея дѣла, король Казиміръ сдѣлалъ попытку создать противъ опаснаго сосѣда грозную коалицію, завязалъ сношенія съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ, съ Ливонскимъ Орденомъ, со Швеціей. На дѣлѣ, шведскія и ливонскія нападенія на новгородскія и псковскія волости оказались незначительными, Казиміръ былъ связанъ внутренней литовской смутой, и только ханъ Ахматъ поднялся походомъ на Русь. Но Иванъ III, захваченный татарскимъ нашествіемъ въ моментъ раздора съ братьями, не смогъ собрать всю ратную силу, пока не помирился съ ними. А братья послѣ обращенія къ Казиміру—въ концѣ 1479 года—«отступили» отъ брата, князя великаго, и пошли въ Новгородскую область, стали со своими отрядами въ Лукахъ Великихъ, а семьи отослали въ Витебскъ, гдѣ Казиміръ далъ имъ «избылище». В. к. Иванъ пошелъ на уступки; черезъ митрополита и вдовствующую княгиню-мать онъ завѣрилъ братьевъ, что принимаетъ ихъ условія. Тогда князья Андрей и Борисъ поспѣшили къ великому князю на помощь, и ихъ приходъ рѣшилъ дѣло. Ханъ Ахматъ не могъ принять боя съ объединенными русскими силами и спѣшно отступилъ отъ Угры [1]).

Событія 1480 года имѣли не только то значеніе, что покончили съ зависимостью Великороссіи отъ власти хана и сдѣлали великое княженіе всея Руси суверенным - самодержавнымъ, въ исконномъ смыслѣ слова, государствомъ; они, въ то же время, усилили и ускорили ликвидацію удѣльно-вотчиннаго дробленія власти въ пользу государственнаго единодержавія.

Избавившись отъ крупной опасности, Иванъ III не сдержалъ обѣщаній, какія далъ было братьямъ [2]). Только Андрей большой получилъ часть Юрьевой отчины—Можайскъ, но и то въ формѣ великокняжескаго пожалованія, а не по раздѣлу выморочнаго удѣла между братьями распоряженіемъ великой княгини-матери.

Договоры в. к. Ивана III съ братьями, заключенные въ восьмидесятыхъ годахъ, закрѣпляютъ то ихъ положеніе, какое было создано договорами 1473 года и вызвало ихъ на протестъ [3]). Рѣшительно противопоста-

---

[1]) Лучшій анализъ этихъ событій въ трудѣ Fr. Papee, „Polskai Litwa“, т. I (Краковъ, 1904); ср. упомянутую статью „Иванъ III на Угрѣ“.

[2]) Кирило-Бѣлозерскій лѣтописецъ передаетъ, повидимому, какую-то промежуточную стадію княжескихъ соглашеній, когда сообщаетъ, что в. к. Иванъ „вотчину имъ подѣли“, далъ князю Андрею большому „Можаескъ со всѣми уѣзды“, Борису—Суходолъ да села бабки его, Марьи Голтяевой, Андрею меньшому—Серпуховъ. Суходола не видимъ за княземъ Борисомъ въ договорѣ 1481 г., ни Серпухова во владѣніи князя Андрея меньшого по его духовной того же года; а по договорамъ съ в. к. Иваномъ Андрея большого и Бориса Серпуховъ въ составѣ княжь Юрьева удѣла, перешедшаго къ великому князю.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 106—107 и 108—109—договоръ 1473 г. съ Андреемъ

влены удѣлы князей-братьевъ владѣніямъ великаго князя-вотчича «на всѣхъ своихъ великихъ княженіяхъ». Братья обязуются «блюсти» эти великокняжескія вотчины—не только московско-владимірскую, но и Великій Новгородъ, и Тверь, и Псковъ—подъ великими князьями Иваномъ Васильевичемъ и Иваномъ Ивановичемъ и подъ великой княгиней и подъ меньшими дѣтьми в. к. Ивана. Тѣ же договоры закрѣпляютъ полное подчиненіе князей-братьевъ великому князю въ военномъ дѣлѣ, на какое будутъ посланы, и во внѣшнихъ отношеніяхъ, устраняя рѣшеніе такихъ дѣлъ «по сгадцѣ». Подтверждена и статья 1473 года о сборѣ дани, назначеніе которой и тутъ татарскія протори, но ставшія на дѣлѣ постоянной расходной статьей великокняжеской казны [1]).

Владѣніе удѣльными вотчинами становится пережиткомъ умирающей старины. Княжатъ князья на своихъ вотчинахъ въ полномъ подчиненіи великому князю, въ прекарномъ положеніи владѣльцевъ, надъ которыми нависла за любое «неисправленіе» угроза великокняжеской опалы съ потерей отчины «за свою вину». Принципъ наслѣдственности вотчинныхъ княженій не встрѣчаетъ отрицанія, но прочно утвердилось притязаніе великаго князя на выморочные удѣлы, и в. к. Иванъ III возведетъ его своей духовной грамотой въ общую норму московскаго права. О долѣ въ примыслахъ великаго князя не приходится младшимъ князьямъ и мечтать; отъ его владѣльческой воли зависитъ дать что-либо, кому за благо разсудитъ, но не по праву, а по усмотрѣнію—пожалованію.

Послѣднія десятилѣтія Ивана III закрѣпили въ рядѣ фактовъ эти результаты роста великокняжеской власти. Князь Андрей меньшой передъ смертью въ 1481 году написалъ духовную грамоту, въ которой сводитъ земные счеты, «кому что дати и у кого что взяти». Онъ не умолчалъ въ ней и о своей вотчинѣ — московскомъ «годѣ», о Вологдѣ съ Кубеною и Заозерьемъ, но только, чтобы упомянуть: «и та моя вотчина вся господину моему, брату моему старѣйшему в. к. Ивану Васильевичу». Найдена формула для записи въ духовной неизбѣжнаго факта, въ созданіи котораго воля лица, дающаго «рядъ» свой, не при чемъ; нѣтъ

большимъ; №№ 110—111—договоръ 1473 г. съ Борисомъ; противни этихъ договоровъ, данные князьямъ-братьямъ были вытребованы позднѣе у нихъ обратно, а почему нѣтъ княжь Борисова противня, поясняетъ записъ на „первой“ его докончальной (№ 98): „а у другово докончанья своего противна сей (?) грамотѣ князь Борисъ великому князю не далъ, а сказалъ, что подрана да и сожжена“. Тамъ же, №№ 123—124 и 125—126—договоры 1486 года съ тѣми же князьями.

[1]) „А орды, брате, вѣдати и знати намъ, великимъ княземъ, а тебѣ ордъ не знати, а въ выходъ ми давати (столько то), доколѣ опишемся по духовной грамотѣ отца нашего, а какъ опишемъ свои отчины и тобѣ мнѣ давати по той описи“; сохранена и оговорка: „а коли мы, великіе князи, въ орды не дадимъ, и намъ у тебя не взяти“, какъ пережитокъ прежней формулы о „премѣненіи Богомъ Орды“.

въ этой формулѣ словъ «благословляю» или «даю»; нѣтъ въ грамотѣ и термина «рядъ»; и въ дальнѣйшемъ—удѣльные князья говорятъ въ духовныхъ: «а что моя вотчина.... а то передъ моимъ государемъ передъ великимъ княземъ» или: «а не будетъ у моей княгини отрода, ино моя вотчина передъ Богомъ и передъ моимъ государемъ передъ великимъ княземъ» [1]). Волоцкій удѣлъ князя Бориса Васильевича перешелъ послѣ него—въ 1494 г.—къ его сыновьямъ, и только послѣ нихъ (1504 и 1513 г.г.) ихъ доли отошли, какъ выморочныя, къ великому князю [2]). На брата Андрея в. к. Иванъ продолжалъ смотрѣть съ недовѣріемъ и опаской; обѣ стороны были на сторожѣ, и въ 1488 г. между ними пробѣжала тревога, князь Андрей готовился къ бѣгству. А въ началѣ девяностыхъ годовъ напряженіе ихъ отношеній разразилось катастрофой. Разгоралась борьба съ татарами, а князь Андрей въ 1491 году не послалъ своихъ воеводъ и своей силы въ походъ по приказу великаго князя. Осенью того же года в. к. Иванъ велѣлъ «поимать» брата и держалъ его въ заточеніи до смерти, постигшей Андрея черезъ три года; въ ссылкѣ кончили жизнь и его сыновья [3]).

Въ послѣдніе годы Ивана III не было на территоріи Московско-владимірскаго великаго княжества удѣловъ или вотчинныхъ княженій. Оно спаялось въ единую вотчину государя великаго князя.

III.

Ядро Великороссіи сплачивалось великокняжеской властью въ единодержавное Московское государство, параллельно съ подчиненіемъ той же вотчинной власти великаго князя остальныхъ ея областей, подъ сильнымъ давленіемъ внѣшнихъ отношеній, напряженность которыхъ все наростала.

Международное положеніе Москвы сильно осложнилось въ шести-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 112; 132 (духовная рузскаго князя Ивана Борисовича 1504 г.); 151 (духовная волоцкаго князя Ѳедора Борисовича, 1513 г.). Цѣль этихъ духовныхъ, близкихъ по формуляру, ликвидировать долговыя обязательства и обезпечить „поминъ души“, какъ и читаемъ, въ послѣдней изъ этихъ грамотъ: „чтобы государь мой съ моей вотчины душу помянулъ и долгъ заплатилъ“. Про рузскій удѣлъ в. к. Иванъ III упоминаетъ въ своей духовной: „что далъ мнѣ братанич мой князь Иванъ Борисовичъ“, и распоряжается имъ, кромѣ одного села съ деревнями, что далъ изъ рузскихъ волостей князь Иванъ Борисовичъ брату Ѳедору.

[2]) Сохранилась только духовная князя Бориса отъ семидесятыхъ годовъ, когда у него былъ еще одинъ сынъ Ѳедоръ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 105) Князь Ѳедоръ владѣлъ Волокомъ, Иванъ—Рузой, а сверхъ того за ними Ржева „по половинамъ“. Въ своихъ духовныхъ они не называютъ этихъ владѣній отцовскимъ благословеніемъ.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231. Тутъ цѣлый обвинительный актъ противъ Андрея, мотивы, почему в. к. Иванъ сложилъ къ нему крестное цѣлованіе (заговоръ съ братьями противъ великого князя, сношенія съ Казиміромъ и съ ханомъ Ахматомъ, уклоненіе отъ похода на татаръ—„а все то чиня измѣну великому князю, преступая крестное цѣлованіе“).

десятыхъ годахъ XV вѣка. На Востокѣ окрѣпло Казанское царство, но смуты, начатыя отцеубійствомъ, какое совершилъ Мамутекъ, разростались и втягивали при каждой новой вспышкѣ Москву въ казанскія дѣла. Ханомъ на Казани былъ Ибрагимъ, сынъ Мамутека, а его родичи Касимъ и Даньяръ служили Москвѣ, какъ и другіе князья и царевичи, искавшіе на Руси убѣжища отъ смутъ родного татарскаго міра. Близость Казани и характеръ этого безпокойнаго гнѣзда татарской силы, которая засѣла на мѣстѣ старой Болгаріи, засоряя колонизаціонные и торговые пути, манили великорусскую великокняжескую власть на попытки наступленія и подчиненія татарскаго царства, чтобы прочно замирить безпокойнаго сосѣда. Часть казанцевъ, недовольная Ибрагимомъ, призывала на его мѣсто ставленника отъ московской руки, и въ 1467 году Иванъ III впервые соблазнился такой перспективой. Попытка утвердить въ Казани царевича Касима не удалась, и московскимъ войскамъ пришлось спѣшно уходить отъ силы Ибрагима. Завязалась пограничная война, съ раззореніемъ русскихъ волостей татарами, съ русскими набѣгами на Прикамье и на черемисскія поселенія. Тягостная неустойчивость отношеній на этой восточной окраинѣ безъ опредѣленнаго и крѣпкаго рубежа, съ русскимъ населеніемъ, плохо знавшимъ московскую власть, съ инородческимъ населеніемъ, которое всегда готово было потянуть къ Казани, требовала непрерывныхъ усилій—ратныхъ и административныхъ—для утвержденія основъ общаго порядка и управленія [1]). Не разъ находила мѣстная смута опору въ сношеніяхъ съ татарами князей нижегородскихъ или галицкихъ. Вятка, выродившаяся въ гнѣздо ушкуйниковъ [2]), бывала

---

[1]) Характерны эпизоды 1468—1470 г. г. Вятчане, оставленные на свои силы передъ татарами, „предашася за казанскаго царя Абреима“ и приняли къ себѣ его „посла“, заняли позицію своеобразнаго нейтралитета и не пошли съ великокняжеской „судовой ратью“, а на прямой приказъ великаго князя выступить отвѣчали, что пойдутъ „коли пойдутъ подъ Казань братья великаго князя“. Организаціонная слабость центральной власти питала неизбѣжную самостоятельность мѣстнаго населенія. Та же слабость сказывалась въ характерѣ военныхъ дѣйствій, когда московскія войска выступаютъ въ роли вольницы съ удалью и навыками ушкуйниковъ; таковы похожденія нижегородской рати воеводы Беззубцова, которая превратилась для набѣга на Казань въ вольницу съ сыномъ боярскимъ Иваномъ Руномъ въ качествѣ выборнаго „воеводы“—атамана. II. С. Р. Л., т. VI, стр. 187—190. Посланія на Вятку митр. Іоны (Р. И. Б., т. VI², №№ 73 и 74), показываютъ, что не только въ порядкѣ свѣтскаго управленія вятчане жили со своими „ватаманами“ въ очень слабой зависимости отъ „земскихъ воеводъ“, не говоря уже о центральной власти, но и въ церковномъ отношеніи стояли внѣ епископскаго руководства, обходясь своими священниками, о которыхъ митрополитъ недоумѣвалъ, отъ кого они получили рукоположеніе.

[2]) Набѣги вятчанъ на Кокшенгу въ 1466 г., на Устюгъ въ 1486 г.—Архангелогородскій лѣт. (изд. 1819 г.), стр. 167, 192; стр. 195 („великого князя воеводы стояли на Устюгѣ, стерегли земли устюжскія отъ вятчанъ“). Митр. Іона писалъ вятчанамъ, что они пристаютъ къ „поганству“, христіанство губятъ убійствомъ и

источникомъ боевой силы враговъ великокняжеской власти, а иной разъ уклонялась и на татарскую сторону [1]).

На восточныхъ границахъ Великороссіи съ большой наглядностью выступаетъ тѣсная связь усиленія и объединенія правительственной власти съ задачами національной самообороны и территорьяльнаго самоопредѣленія Великорусскаго государства. Въ частности, казанскія отношенія требовали твердаго положенія этой власти на восточной украйнѣ. Отсюда постоянно грозила тревога. Во время похода Ивана III на Новгородъ въ 1478 г. Ибрагимъ напалъ на Вятку и Устюгъ, а въ отвѣтъ былъ возможенъ лишь набѣгъ въ казанскія волости. Только благополучное разрѣшеніе въ 1480 году кризиса внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній великаго княжества развязало Ивану III руки. Въ 1486 г. онъ поднялся на Казань съ большими силами, и ханъ поспѣшилъ предупредить походъ—челобитьемъ о мирѣ [2]).

Затяжная, то и дѣло возобновляемая борьба должна была уже во времена Ивана III выяснить, что избавиться отъ вѣчной тяготы и тревоги можно лишь прочнымъ замиреніемъ Казанскаго царства, т. е. его подчиненіемъ власти великаго князя. Но на такую задачу силъ еще не хватало. Послѣдніе годы Ивана III—со смерти Ибрагима, случившейся въ 1486 году—заняты попытками водворить въ Казани на ханствѣ московскихъ подручниковъ изъ служилыхъ царевичей, которыхъ охотно принимали въ Москвѣ на «кормленіе», какъ боевую силу и орудіе политической интриги. Результаты такой политики не были прочными [3]), но облегчали положеніе въ тотъ періодъ, когда великокняжеская власть была занята собираніемъ и организаціей силъ Великороссіи.

Та же татарская забота опредѣляетъ дѣятельность великокняжеской власти на югѣ. Оборона со стороны степи по-старому, естественно, лежитъ

полономъ и грабленіемъ", повоевали „великого князя вотчину Сысолу и Вымъ к Вычегду",

[1]) Во время похода на Казань въ 1485 г. вятчане снова, какъ въ 1469 г., „отступили отъ великого князя"—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 237.

[2]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 234.

[3]) Послѣ Ибрагима на Казани его сынъ Алегамъ, а Махметъ-Аминь бѣжалъ въ Москву; русскія войска осадили Казань и въ 1487 г. посадили ханомъ Аминя который и продержался лѣтъ десять московскимъ подручникомъ, но въ 1496 г. онъ вынужденъ бѣжать и вернулся на московское кормленіе (Серпуховъ, Кошира, Хотунь); казанцы приняли было шибанскаго царевича Мамука, но избѣгая разрыва съ Москвой, снова прислали просить иного хана отъ руки великаго князя. В. к. Иванъ послалъ имъ Летифа, Аминева брата, который сидѣлъ на Звенигородѣ, но Летифъ поддался враждебнымъ Москвѣ кругамъ казанскихъ князей и въ 1502 г. выведенъ къ Москвѣ и замѣненъ опять Махметъ-Аминемъ. На этотъ разъ и Аминь возсталъ на Москву и въ союзѣ съ ногайцами началъ нападенія на Нижній Новгородъ. Казанскія дѣла не наладились, и перешли къ Василію III въ полномъ разстройствѣ.

на Рязанской землѣ. Но управляютъ Рязанью намѣстники великаго князя, опекуна малолѣтнему рязанскому князю Василію Ивановичу. Когда юному князю исполнилось 15 лѣтъ, в. к. Иванъ женилъ его на сестрѣ своей Аннѣ и отпустилъ на Рязань, гдѣ Василій княжилъ 19 лѣтъ (1464—1483) московскимъ подручникомъ, какъ и сынъ его Иванъ (1483—1500), а въ исходѣ правленія и жизни Ивана III Рязанской землей правитъ великая княгиня рязанская, Аграфена Васильевна, которой в. к. Иванъ посылаетъ наказъ о томъ, какъ ея служилымъ людямъ быть «въ его службѣ», требуя строгихъ наказаній за ослушаніе, чтобы не пришлось ему самому вмѣшаться [1]). Только покорность рязанская, облегчавшая его организаціонную работу дѣятельностью мѣстной власти, отсрочила установленіе прямого великокняжескаго управленія Рязанской землей [2]).

Великорусское государство строилось въ условіяхъ крайне еще неопредѣленнаго состоянія границъ владѣнія и разселенія. На восточныхъ предѣлахъ оборонительная борьба неизбѣжно и незамѣтно переходила въ наступленіе для расчистки торговыхъ и колонизаціонныхъ путей. Колонизаціонная и промысловая тяга къ юго-востоку, встрѣчая почти неодолимыя затрудненія въ сосѣдствѣ татаръ, отклонилась къ сѣверу, въ обходъ Казанскаго царства по слѣдамъ издавняго новгородскаго движенія. Великокняжеская власть смѣняетъ господство Великаго Новгорода надъ Пермью съ 1472—1473 года, а къ концу княженія Ивана III власть пермскихъ князьковъ уступаетъ мѣсто управленію великокняжескаго намѣстника; еще въ шестидесятыхъ годахъ ходили московскіе воеводы съ «охочими» людми на Югру и привели мѣстныхъ князьковъ къ покорности, которой тѣ купили себѣ великокняжеское пожалованіе своимъ же княженіемъ; въ восьмидесятыхъ годахъ Москва беретъ на себя защиту Перми отъ вогуловъ, организуетъ походы на нихъ мѣстныхъ сѣверо-восточныхъ русскихъ силъ и самихъ пермяковъ [3]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1388.

[2]) Иванъ III по смерти князя Ѳедора Васильевича, который по ряду отца владѣлъ Старой Рязанью и Перевитскомъ, а умеръ бездѣтнымъ въ 1503 г., взялъ въ свое владѣніе удѣлъ этотъ, которымъ и распоряжается въ своей духовной („что ми далъ сестричичь мой князь Ѳедоръ Васильевичъ рязанскій свою отчину"), т. е. примѣнилъ къ нему новое право о выморочныхъ вотчинахъ. Иванъ III не признаетъ цѣльными комплексами ни московскихъ удѣльныхъ княжествъ, такъ какъ взялъ себѣ Рузскій удѣлъ, помимо старшаго волоцкаго отчича—Ѳедора Борисовича, ни Рязанскаго великаго княжества. Это подтверждается и умолчаніемъ о Ѳедорѣ Васильевичѣ въ договорѣ в. к. Ивана съ в. к. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ— (С. Г. Г. и Д., т. I, № 115) и попыткой этого князя обезпечить себѣ полученіе послѣ брата его отчины (тамъ же, № 127—128).

[3]) С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. I, ст. 1421—1423. Въ такой обстановкѣ разыгралось къ концу восьмидесятыхъ годовъ такъ называемое „присоединеніе" Вятки, которое на дѣлѣ было только разгромомъ своевольнаго гнѣзда, взрощеннаго

Неустойчивымъ, непрерывно-тревожнымъ и недостаточно опредѣленнымъ было и положеніе западнаго рубежа Великороссіи. Компромиссная попытка 1449 г. разграничить сферы литовскаго и московскаго вліянія, по существу, ничего не разрѣшала. Колебанія, «верховыхъ княжествъ» старой Черниговщины, Твери, Новгорода, Пскова между Москвой и Литвой держали оба великихъ княженія въ постоянномъ враждебномъ напряженіи. На границахъ между новгородскими волостями и литовскими владѣніями сложились столь своеобразныя явленія, какъ совладѣніе нѣсколькихъ политическихъ центровъ на Ржевѣ, Великихъ Лукахъ, на Холмскомъ погостѣ [1]). Прочно взять въ свои руки опредѣленіе западныхъ предѣловъ и позицій Великороссіи значило для великокняжеской власти утвердить свое господство надъ Новгородомъ, Псковомъ и Тверью.

Яжелбицкій договоръ положилъ основаніе подчиненію Новгорода. Житіе св. Іоны, архіепископа новгородскаго, повѣствуетъ, что в. к. Василій Васильевичъ собирался рѣшительно поднять руку на Новгородъ, жалуясь на новгородцевъ, «аки не по лѣпотѣ отъ нихъ чтомъ»: «а ему, поясняетъ житіе, великаго княженія власть надъ князьми русскими предержащу, и сего ради искаше подъяти руцѣ на Великій Новгородъ». «Повѣсть объ Іонѣ» составлена современникомъ — въ концѣ 1472 года, и свидѣтельствуетъ, что вопросъ о «государствѣ» великаго князя надъ Новгородомъ стоялъ передъ сознаніемъ московскихъ правящихъ круговъ и новгородскихъ политиковъ задолго до того, какъ Иванъ III приступилъ къ его разрѣшенію [2]). По существу онъ былъ, дѣйствительно, поставленъ ребромъ въ Яжелбицкомъ договорѣ и обостренъ послѣдовавшими новгородскими волненіями. Возможно, что житіе св. Іоны вѣрно представляетъ дѣло, утверждая, что назрѣвшій конфликтъ отсроченъ его предстательствомъ за Новгородъ передъ великокняжеской властью; по крайней мѣрѣ кончина святителя, умершаго въ ноябрѣ 1470 года, послужила исходнымъ моментомъ для сложной исторіи «паденія

анархіей окраиннаго быта, для водворенія тутъ московскихъ порядковъ службы и управленія, твердой опоры оборонѣ и замиренія края и власти надъ мѣстными инородцами. Походъ на Вятку московскихъ воеводъ въ 1489 г. принудилъ вятчанъ къ покорности, и воеводы „самихъ вятчанъ къ цѣлованію приведоша, а арянъ къ ротѣ приведоша, а вятчанъ большихъ людей всѣхъ и съ женами и съ дѣтьми изведоша, да и арьскихъ князей, и тако возвратишася; и князь велики вятчанъ земскихъ людей въ Боровсцѣ да въ Кременьцѣ посади, да и земли имъ подавалъ, а торговыхъ людей вятчанъ въ Дмитровѣ посади, а арьскихъ князей князь велики пожаловалъ, отпустилъ ихъ въ свою землю, а коромольниковъ князь велики смертью казнилъ“—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 239. Подробнѣе въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, стр. 195—199 („а иныхъ вятчанъ пожалова, подавалъ помѣстья въ Боровску и въ Олексинѣ, въ Кременцѣ, и писалися вятчане въ слуги великому князю“).

[1]) См. запись о Ржевской дани, А. З. Р., т. I, № 71.

[2]) Великія Минеи Четіи, ноябрь, стр. 170.—В. О. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 185—186.

Великаго Новгорода». Руководившая новгородской политикой боярская партія имѣла свой планъ дѣйствій—рѣшила искать помощи противъ Москвы за литовскимъ рубежомъ. Однако, въ начавшихся сношеніяхъ съ Литвой слѣдуетъ различать два момента, соотношеніе которыхъ объясняетъ полную неудачу плана Борецкихъ. Сношенія съ Литвой начались еще до кончины арх. Іоны, такъ какъ черезъ три дня послѣ его смерти въ Новгородъ прибылъ князь Михаилъ Олельковичъ, «испрошенный» новгородцами у короля Казиміра [1]). Дѣло шло о водвореніи въ Новгородѣ литовскаго намѣстника «отъ православнаго христіанства». По разсказамъ, сохранившимся въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ, планъ князя Михаила и Борецкихъ состоялъ въ томъ, чтобы за литовскаго пана, который станетъ новгородскимъ правителемъ, выдать вдову посадника Исаака Марѳу и тѣмъ утвердить связь боярской партіи съ литовской правящей средой и ея господство надъ Новгородомъ [2]). Возможно, конечно, что это только слухъ или сплетня—новгородская либо московская. Но положеніе Казиміра передъ новгородскимъ дѣломъ было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможнымъ, то не иначе, какъ при участіи православныхъ князей и пановъ Литовско-русскаго государства, той среды русскихъ Рюриковичей и обрусѣлыхъ Гедиминовичей или пановъ литвиновъ, борьба съ которыми была очередной задачей внутренней политики Казиміра. Михаилъ Олельковичъ, виднѣйшій представитель этой среды, ея кандидатъ на великое княженіе, подготовлялъ въ Новгородѣ почву для такого рѣшенія дѣла, которое едва ли было въ намѣреніяхъ короля: созданія въ Новгородѣ крупнаго намѣстничества для православнаго магната.

Дѣло не замедлило осложниться церковнымъ вопросомъ. По смерти Іоны, св. Софія, Премудрость Божія, избрала себѣ жребій его протодьякона и ризничаго Ѳеофила; кандидатъ литовской партіи, владычній ключарь Пименъ потерпѣлъ неудачу. Ѳеофилъ отнесся двойственно и нерѣшительно къ затѣямъ литовской партіи: началъ хлопоты по поѣздкѣ въ Москву къ митр. Филиппу на поставленіе, но принялъ участіе и въ сношеніяхъ съ Казиміромъ. Послѣднее было, вѣроятно, вынуждено соперничествомъ съ Пименомъ, который искалъ опоры въ литовской партіи и соглашался ѣхать на поставленіе къ литовскому митрополиту. А этотъ проектъ чрезвычайно ослажнялся тѣмъ, что литовско-русскую митрополію занималъ Григорій, уніатъ и ученикъ Исидора, котораго не признали вожди православной западно-русской среды, князья Олельковичи и паны Гольшанскіе. Правда, Григорій добился незадолго передъ тѣмъ признанія своего митрополичьяго сана и даже своихъ правъ на митрополію всея Руси отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, но это вызвало рѣзкій протестъ Москвы и только еще болѣе

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 235.

[2]) Тамъ же, т. VI, стр. 5.

запутало церковныя отношенія явнымъ соблазномъ [1]). Въ такихъ условіяхъ соглашеніе новгородскихъ правящихъ круговъ съ королемъ Казиміромъ не могло получить достаточной силы, хотя и вылилось въ формулу договора о назначеніи на Новгородъ литовскаго намѣстника—православнаго, о держаніи Новгорода «въ волѣ мужей вольныхъ», о защитѣ его противъ в. к. Ивана всей литовской силой [2]). Въ Новгородѣ поднялись тревоги и раздоры [3]). Надъ вольнымъ городомъ повѣяло грозной опасностью, когда пришли вѣсти изъ Пскова, что в. к. Иванъ подымаетъ псковичей противъ Новгорода [4]). Но Москва выступила сперва не съ ратной силой, а съ увѣщаніями митрополита о «честномъ и грозномъ» княженіи новгородскаго «отчича и дѣдича», о смиреніи «по великой старинѣ» — «подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго государя русскихъ земель», о великомъ грѣхѣ «приступать къ латинской прелести» признаніемъ власти «латинскаго господаря» [5]). Новгородцы, охваченные внутренними разногласіями и недовѣріемъ къ московской власти, не дали, повидимому, никакого отвѣта. Тогда в. к. Иванъ поднялся на нихъ «всѣми землями»—съ братьями и служебными князьями, съ царевичемъ Даньяромъ, тверской и псковской ратью, а другую рать направилъ на Двинскую землю.

Дѣло быстро закончилось пораженіемъ главныхъ новгородскихъ силъ передовой московской ратью на Шелони, и двинянъ съ ихъ воеводой княземъ Василіемъ Шуйскимъ — отрядомъ великокняжескаго воеводы Образца. Послѣдовалъ миръ, запечатлѣнный въ докончательныхъ грамотахъ, которыя почти дословно повторили Яжелбицкій договоръ; «за новгородскую проступку» Великій Новгородъ обязался въ четыре срока уплатить значительную контрибуцію [6]).

Заключеніе этого мира въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ, отразившихъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 5—6; Р. И. Б., т. VI², № 100.

[2]) А. А. Э., т. I, № 87. Новгородцы выговорили себѣ большее ограниченіе великокняжеской власти, чѣмъ въ Яжелбицкомъ договорѣ; черный боръ предоставленъ Казиміру единовременно, если онъ „умиритъ“ Новгородъ съ великимъ княземъ, „а въ иные годы черный боръ не надобѣ“; на защиту противъ в. к. Ивана король долженъ выступать самъ „и со всею съ своею радою литовскою“. Новгородцы выговорили себѣ, притомъ, чтобы король впредь не вступался въ Ржеву, въ Великія Луки, въ Холмовскій погостъ—„а тѣ земли къ Великому Новгороду“.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 236; т. VIII, стр. 160.

[4]) т. IV, стр. 236; о тревогѣ новгородской—въ грамотѣ митр. Филиппа, А. И., № 280 (стр. 513, ст. 2).

[5]) А. И., т. I, № 280 и 281 (вторая—отъ 22 марта 1471 года). Осторожно составленныя грамоты ставятъ Новгороду ультиматумъ покорности на условіяхъ „старины“, очевидно—яжелбицкой.

[6]) А. А. Э., т. I, № 91 (11 августа 1471 г.)—договоръ этотъ, подобно Яжелбицкому, изложенъ въ двухъ грамотахъ, новгородской основной и „приписной“, за что „ялися послове отъ Великого Новгорода“; П. С. Р. Л., т. VI, стр. 14, 193; т. VIII, стр. 167.

на себѣ московскую точку зрѣнія, приданъ характеръ великодушнаго великокняжескаго «пожалованія», своего рода амнистіи «новгородской проступки», по печалованію митр. Филиппа, братьевъ великаго князя и его бояръ [1]). Но на этотъ разъ примиреніе еще приняло старинную форму договорнаго докончанія, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ великаго князя къ Новгороду, и миръ—согласно терминологіи договора и лѣтописныхъ повѣствованій—заключенъ «по старинѣ, по пошлинѣ». Однако, это возстановленіе не новгородской, а великокняжеской старины [2]). Дѣло шло, на первыхъ порахъ, объ осуществленіи и закрѣпленіи условій Яжелбицкаго договора. Признаніе всѣхъ актовъ новгородскаго законодательства и управленія совершаемыми въ имени великаго князя и гарантія судебной власти его намѣстниковъ должны были получить свое полное значеніе. Съ августовскимъ докончаніемъ 1471 года неразрывно связано и составленіе «Новгородской Судной грамоты»—«по докладу господѣ великимъ князьямъ», гдѣ установлено «безъ намѣстниковъ великаго князя посаднику суда не кончати, а намѣстникомъ великаго князя и тіуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ»; она явилась результатомъ пересмотра и новой редакціи той Судной грамоты, которая упоминается въ договорѣ: «а что грамота докончальная въ Новѣгородѣ промежь себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей» [3]). Усиливалась активная роль великокняжескихъ намѣстниковъ въ новгородскомъ судѣ и управленіи, неотдѣлимая отъ доли великаго князя въ новгородскихъ доходахъ.

Съ московской точки зрѣнія условія договора 1471 года представлялись весьма умѣренными; великій князь обошелся съ новгородской стариной, по своему, сравнительно осторожно. Въ этомъ можно усмотрѣть опредѣленный политическій разсчетъ. В. к. Иванъ былъ силенъ передъ Новгородомъ его внутренними раздорами, и не было въ интересахъ великокняжеской политики скрѣплять согласное объединеніе новгородцевъ поспѣшнымъ и слишкомъ рѣзкимъ давленіемъ. Щадя — по внѣшнимъ пріемамъ—

---

[1]) Грамота митр. Филиппа къ в. к. Ивану (іюнь 1471 г.)—А. И., т. I, № 282.

[2]) Что и отмѣтила Псковская первая лѣтопись: князь великій у Великого Новгорода „вси своя что ни буди старины поималъ, или городъ или волости, или боръ черный“—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 242.—Уступка ряда волостей (Заволоцкихъ) вызвала „отказную“ вѣчевую грамоту къ населенію земель, что „поимали за себе наши братья новгородцы и васъ къ цѣлованію привели на новугородское имя: ино то земли осподы нашей великихъ князей...., а то крестное цѣлованіе Новугороду съ васъ доловь“; и составленіе списка „земель великого князя на Двинѣ“—А. А. Э. т. I, №№ 93 и 94.

[3]) А. А. Э., т. I, № 92; договоръ 1471 г. оговариваетъ право великаго князя на половину разныхъ судебныхъ пошлинъ и доходовъ, установленное и Судной грамотой, и дополняетъ постановленія Яжебицкаго договора объ участіи великокняжескихъ намѣстниковъ въ новгородскомъ судѣ требованіемъ, чтобы сотскіе и рядовичи отнюдь не судили помимо намѣстника и посадника.

вѣчевые инстинкты новгородской массы, в. к. Иванъ направилъ крутые удары на виднѣйшихъ вожаковъ литовской партіи, внося въ ея среду дезорганизацію и сознаніе полнаго безсилія [1]).

Дальнѣйшее развитіе новгородской политики Ивана III проходитъ по двумъ стадіямъ: великій князь втеченіе нѣкотораго времени усиливаетъ проявленія подлинной власти своей при относительномъ соблюденіи традиціонныхъ формъ ея дѣятельности, т. е. новгородской «старины и пошлины», а затѣмъ круто водворяетъ свое вотчинное «государство» надъ Великимъ Новгородомъ.

Въ «старинѣ и пошлинѣ» новгородской за княжеской властью сохранялись значительныя права и полномочія, но связанныя нормами этой «старины» въ томъ отношеніи, что были осуществимы только какъ права и полномочія мѣстной, земской власти. Князья могли использовать ихъ въ полной мѣрѣ лишь подъ условіемъ пребыванія въ Новгородѣ и не иначе, какъ при участіи посадника и при посредствѣ должностныхъ лицъ, взятыхъ изъ состава новгородскихъ мужей. А съ тѣхъ поръ, какъ новгородскими князьями стали великіе князья всея Руси, неизбѣжный абсентеизмъ княжеской власти парализовалъ ея активное участіе во внутреннихъ дѣлахъ Великаго Новгорода, какъ, съ другой стороны, поглощеніе великокняжеской силы внутренней борьбой за власть и внѣшними дѣлами на юго-востокѣ и на юго-западѣ Великороссіи взростило самостоятельность Новгорода во внѣшней политикѣ. «Старина» новгородской княжой власти пришла въ упадокъ, уступая все болѣе и болѣе «пошлинѣ» новгородскаго народоправства. Эту пошлину новгородцы развиваютъ и укрѣпляютъ въ своихъ договорахъ съ князьями, заботливо охраняя внѣземское положеніе князья запретомъ ему землевладѣнія на своей территоріи и связей патроната-закладничества въ средѣ новгородскаго населенія. Однако, Великій Новгородъ оставался въ составѣ великаго княженія всея Руси, и новгородцы долгое время настойчиво проводили традицію признавать своимъ княземъ носителя великокняжеской власти. На основѣ весьма реальныхъ политическихъ и экономическихъ интересовъ соединеніе въ одномъ лицѣ великокняжеской власти Владимірской и Новгорода Великаго сложилось въ прочную «старину и пошлину», которую и новгородцы усвоили, какъ черту своего обычноправого порядка; попытка перенести княжескую власть на литовскаго великаго князя была, несомнѣнно, кореннымъ и смѣлымъ новшествомъ одной изъ новгородскихъ партій. Въ терминахъ великорусскаго княжого права та же «старина и пошлина» выражалась признаніемъ Новгорода «вотчиной» великихъ князей всея Руси. И эта связь Великаго Новгорода съ великимъ княженіемъ подверглась тяжкому испытанію, когда оно превратилось въ вотчину московскихъ государей, слилось въ одно цѣлое съ ихъ московской отчиной.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 12.

Перестройка на новыхъ, вотчинныхъ основаніяхъ внутреннихъ отношеній великаго княжества надвинулась на вольность новгородскую, какъ конечная, смертельная угроза.

Въ договорѣ 1471 г. в. к. Иванъ, прежде всего, слѣдуя Яжелбицкому договору, закрѣпляетъ безусловную принадлежность Великаго Новгорода къ составу великаго княженія всея Руси. Новгородцы обязаны признать, что должны «быть отъ великихъ князей неотступными ни къ кому» и впредь не принимать на пригороды ни литовскихъ князей, ни русскихъ, недруговъ великому князю. Затѣмъ онъ беретъ на себя дѣятельную роль новгородскаго князя, главнымъ образомъ (не говоря о полномъ подчиненіи внѣшнихъ отношеній) въ дѣлѣ суда, обезпечивъ за собой и своими намѣстниками условія такой роли. Возстановлена, по старинѣ, и зависимость новгородской церкви отъ московскаго митрополита поставленіемъ Ѳеофила на владычество (въ декабрѣ 1471 года).

Усиленіе княжеской власти открывало новыя возможности для вмѣшательства во внутреннія отношенія Великаго Новгорода. А эти отношенія приняли весьма тягостный характеръ. Хозяйничанье боярской олигархіи вызывало острое недовольство среднихъ и низшихъ слоевъ населенія [1]), а планы литовской партіи шли въ разрѣзъ съ интересами новгородскаго купечества, тяготѣвшаго по торговымъ связямъ къ сѣверо-восточной Руси.

Однако, партія Борецкихъ, видимо, не считала своего дѣла безнадежно проиграннымъ и послѣ 1471 года. Въ ближайшіе годы видимъ вокругъ степеннаго посадника Василія Ананьина—людей этой партіи, и они пытаются сплотить новгородцевъ прямымъ терроромъ на противниковъ изъ числа бояръ [2]). Но въ массѣ вѣчевая толпа была не на ихъ сторонѣ. Современникъ - псковичъ записалъ въ свою лѣтопись, что новгородскіе житьи и молодшіе люди сами призывали в. к. Ивана на управу, «что на нихъ насилье держатъ посадники и великіе бояре—никому ихъ судити не мочи; какъ тіи насильники творили, то ихъ также имѣтъ князь великій судомъ по ихъ насильству и мздѣ судити» [3]).

Въ октябрѣ 1475 года в. к. Иванъ поѣхалъ въ Новгородъ на свой судъ съ людным дворомъ. Подробное описаніе его пути отмѣчаетъ, какъ

---

[1]) „А въ то время (въ 40-хъ г. г. XI в.), пишетъ новгородскій книжникъ, но бѣ въ Новѣгородѣ правды и праваго суда.... и бѣяхомъ въ поруганіи сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права“,—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 124; неудачный опытъ денежной реформы 1447 года обострилъ настроеніе—„и бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ“, тамъ же, стр. 125. За всѣ бѣды свои народная масса винила „безправдивыхъ бояръ“.

[2]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 202—203.

[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 250—251.

еще на станахъ по дорогѣ его встрѣчали новгородскіе жалобщики [1]). Въ Новгородѣ стали передъ нимъ главные челобитчики, жертвы большого погрома, и били челомъ на его виновниковъ—бояръ партіи Борецкихъ. Великій князь творилъ судъ по новгородски—при владыкѣ и посадникѣ, въ собраніи новгородскаго боярскаго совѣта, и далъ на обвиняемыхъ своихъ приставовъ изъ ближнихъ дьяковъ вмѣстѣ съ приставами отъ Великаго Новгорода, а, по обыску, обвинилъ ихъ, велѣлъ «поимать» стараго посадника Ананьина и одного изъ Берецкихъ, Ѳедора, а остальныхъ ихъ сторонниковъ отдать на поруку. Въ это дѣло в. к. Иванъ вплелъ заново и обвиненіе въ попыткѣ передаться на литовскую сторону и тѣмъ придалъ уголовному дѣлу политическій характеръ, что дало ему предлогъ для отсылки арестованныхъ окованными въ Москву; съ остальныхъ обвиненныхъ онъ велѣлъ взыскать «исцевы убытки» въ размѣрѣ псковъ и «свою вину» по прежнимъ грамотамъ. По обычаю, великій князь собралъ въ свой пріѣздъ обильные дары, не только съ бояръ, но и съ купцовъ и съ житьихъ людей и со многихъ молодшихъ, которые шли къ нему съ челобитьями и съ «поминками», такъ что «никаковъ не остася, который бы не пришелъ съ дары». А великій князь отдаривалъ ихъ своимъ жалованьемъ «отъ дорогихъ портъ и отъ камокъ и кубки и ковши серебряные и сороки соболей и кони, коемуждо по достоинству» [2]).

Такое властное и торжественное выступленіе въ Новгородѣ могло убѣдить Ивана Васильевича, что почва для полнаго водворенія его «государства» достаточно подготовлена. Не даромъ этотъ «мирный походъ» описанъ такъ подробно и тщательно, видимо перомъ великокняжескаго дьяка. Челобитчики и жалобщики продолжали обращаться къ великому князю и послѣ его отъѣзда, и онъ сталъ давать на отвѣтчиковъ своихъ приставовъ изъ Москвы и назначать срокъ явки на свой судъ въ Москву; такъ продолжалось и въ слѣдующіе годы, къ явному нарушенію новгородской старины, чего «не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ великіе князи учали быти..., но сей въ то приведе ихъ». Видно, что внутренній разладъ дошелъ до полной утраты боярскимъ правительствомъ опоры въ значительной части населенія, которая потянулась къ новой для нея власти «о обидахъ искати». Тоже творилось и въ самомъ Новгородѣ. Новгородскіе бояре жаловались, что намѣстники великаго князя судятъ посадничьи и владычни суды, перетягиваютъ судъ изъ Новгорода на Городище, какъ и самъ великій князь вмѣсто того, чтобы рѣшать только тѣ дѣла, какихъ «не возмогутъ управити» посадникъ съ намѣстникомъ, притомъ только во время своихъ пріѣздовъ въ Новгородъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 200.
[2]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 203—206.

переносилъ новгородскія судебныя дѣла къ себѣ на Москву по новгородскимъ челобитьямъ.

Такъ подготовленъ былъ извѣстный эпизодъ, происшедшій въ мартѣ 1477 года, когда новгородскіе послы били челомъ в. к. Ивану, какъ своему «государю», чего «напередъ того, какъ земля ихъ стала, не бывало, никотораго великого князя государемъ не называли, но господиномъ». Трудно сомнѣваться, что такой шагъ былъ подготовленъ изъ Москвы съ помощью новгородскихъ угодниковъ великокняжеской власти. Рѣчь шла, очевидно, не о титулѣ. Послы новгородскіе, по московской записи, пришли къ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и сыну его Ивану «бити челомъ и называти себѣ ихъ государи», и вызвали тѣмъ отвѣтное посольство отъ великого князя съ цѣлью «покрѣпити того, какова хотятъ государства?» Оффиціальные представители Великого Новгорода отвѣчали на такой запросъ, что «съ тѣмъ не посылывали», а въ Новгородѣ поднялась ожесточенная партійная борьба, въ которой верхъ взяла партія, враждебная Москвѣ, а посадники и бояре, которые «пріятны» были великому князю, вынуждены спасаться бѣгствомъ. Тогда в. к. Иванъ поднялся въ послѣдній походъ на Новгородъ, и новгородцы не смогли организовать сколько нибудь серіознаго сопротивленія. Началось челобитье о мирѣ; начались чрезвычайно интересные переговоры о дальнѣйшей постановкѣ взаимныхъ отношеній между Новгородомъ и великокняжеской властью. Въ этихъ переговорахъ встрѣтились два политическихъ воззрѣнія, съ трудомъ находившія общій языкъ [1]).

Новгородцы начали переговоры съ челобитья о возстановленіи «старины», какъ они ее понимали, подкрѣпленной отмѣной тѣхъ ея нарушеній, которыя ярко сказались въ практикѣ послѣднихъ лѣтъ [2]). В. к. Иванъ настаивалъ, прежде всего, на признаніи новгородцами челобитья о его «государствѣ» надъ Великимъ Новгородомъ и поддержалъ свои настоянія болѣе тѣснымъ обложеніемъ города. Однако, только по вторичному его требованію и новому совѣщанію въ Новгородѣ, послы принесли новгородскую «повинную», что сперва отвергли свое посольство. Только тогда в. к. Иванъ нашелъ почву для отвѣта по существу, какъ онъ думаетъ «жаловать» свою отчину, какъ самъ онъ понимаетъ свое будущее «государство»? Отвѣтъ былъ простой, но для новгородцевъ мало вразумительный: «мы,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 209—219.

[2]) Первые пункты этой новгородской петиціи о правахъ по лѣтописному разсказу: освобожденіе арестованныхъ; опредѣленіе, что великій князь пріѣзжаетъ въ Новгородъ на судъ каждый четвертый годъ, получая на пріѣздъ 1000 р.; судъ намѣстника и посадника въ городѣ; рѣшеніе дѣлъ, которыхъ они не смогутъ управить, великимъ княземъ по пріѣздѣ его въ Новгородъ; отмѣна позвовъ въ Москву; запретъ намѣстникамъ рѣшать дѣла, подлежащія суду владыки или посадника, и судить не въ городѣ, а на Городищѣ.

великіе князи, хотимъ государства своего, какъ есмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новгородѣ». Послы поѣхали на новое совѣщаніе (а великій князь пока продолжалъ стягивать войска къ Новгороду) и вернулись съ новымъ проектомъ договора о порядкахъ княжого управленія [1]). Не отвѣчая по существу отдѣльныхъ новгородскихъ пожеланій, в. к. Иванъ поставилъ ребромъ основной вопросъ: «язъ, князь великій, то вамъ сказалъ, что хотимъ государства въ своей отчинѣ Великомъ Новгородѣ такова, какъ наше государство въ Низовской землѣ на Москвѣ, а вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Характеренъ отвѣтъ новгородцевъ: они вынуждены отречься отъ принципа договорнаго соглашенія («урока не чинимъ ихъ государству»), но просять «явить» имъ, въ чемъ же состоитъ «низовская пошлина», которой Новгородъ не знаетъ, та «пошлина», по которой «государи наши великіе князи государство свое держатъ въ Низовской землѣ». Дѣятельность правительственной власти, не связанная никакими нормами обычнаго права, никакой «пошлиной» едва ли была только непріемлема для новгородцевъ: такое представленіе должно было имъ казаться просто непонятнымъ. Но въ отвѣтъ они получили только отрицательное опредѣленіе той новой пошлины, какой имъ предстояло подчиниться: вѣчевому колоколу не быть, посаднику не быть, а «государство все держать» великому князю. Нѣсколько конкретнѣе пояснялась «низовская» пошлина требованіемъ организаціи въ Новгородѣ дворцоваго и служилаго землевладѣнія—волостей и селъ, «на чемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ» и редукціи въ обладаніе великихъ князей тѣхъ княжихъ земель, которыя за новгородцами [2]). Къ жесткому отвѣту, нѣсколько рас-

---

[1]) Великій князь судитъ вмѣстѣ съ посадникомъ; беретъ ежегодную дань со всѣхъ волостей по полугривнѣ съ сохи; пригороды держитъ своими намѣстниками, но судъ по старинѣ; обѣщаетъ не учинять вывода изъ Новгородской земли, не вступаться въ боярскія земли; отмѣнитъ „позвы“ на судъ къ Москвѣ; не требуетъ отъ новгородцевъ ратной службы для обороны границъ Низовской земли („берега“), новгородцы несутъ только оборону своего рубежа.

[2]) Вопросъ объ этихъ земляхъ удачно выясненъ Б. Д. Грековымъ въ трудѣ „Новгородскій домъ св. Софіи“, стр. 235—236; ср. замѣчанія С. В. Рождественскаго въ статьѣ—рецензіи: „Новгородскій домъ св. Софіи и его вотчина“ (въ „Журналѣ М-ства Народнаго Просв.“ за 1916 г. и отд.). С. В. Рождественскій (стр. 13) правъ въ замѣчаніи, что земли, бывшія великихъ князей, могли оказаться не только въ составѣ земель „софійскихъ“, но и за монастырями, и за боярами, но толкованіе текста: „быша бо тѣ волости первое великихъ же князей, ино они ихъ освоиша“ въ томъ смыслѣ, что это земли ростовскія, бѣлозерскія и двинскія (стр. 14—15), непріемлемо, такъ какъ текстъ опредѣленно относится къ волостямъ и селамъ, взятымъ у владыки и у монастырей при организаціи великокняжескаго земельнаго фонда въ Новгородской землѣ, какъ и текстъ: „и которые земли наши великихъ князей за вами, а то бы было наше“ не отдѣлимъ отъ контекста, гдѣ онъ связанъ

крывавшему черты новаго порядка, в. к. Иванъ прибавилъ обѣщаніе пожаловать свою отчину выполненіемъ нѣкоторыхъ новгородскихъ пожеланій: не дѣлать «вывода» изъ Новгородской земли, не нарушать землевладѣльческихъ правъ новгородскаго боярства, сохранить судъ по старинѣ, «какъ судъ въ землѣ стоитъ». Новгородцы смирились, приняли такое «пожалованіе» и основы новой «пошлины» и только выпросили себѣ еще отмѣну московскихъ позвовъ и низовской службы.

Имъ казалось, что они добились таки нѣкоторыхъ, хотя и скудныхъ гарантій. Оставалось, по ихъ представленію, формально закрѣпить эти гарантіи. И снова поднялось то же самое, только что исчерпанное, принципіальное разногласіе.

Новгородцы подняли рѣчь о томъ, чтобы государь имъ «крѣпость далъ»—крестъ бы цѣловалъ, и встрѣтили отказъ. Просили, чтобы великокняжескіе бояре цѣловали крестъ къ Великому Новгороду, чтобы намѣстникъ великаго князя, который будетъ у нихъ, былъ связанъ такимъ крестнымъ цѣлованіемъ—и это было отвергнуто. Отказано имъ было даже въ «опасной грамотѣ», которая охранила бы обѣщанныя гарантіи [1]). Пришлось удовлетвориться милостивымъ словомъ изъ собственныхъ устъ великаго князя о томъ, чѣмъ онъ свою отчину пожаловалъ; на это в. к. Иванъ пошелъ, очевидно, потому, что придавалъ подобной деклараціи значеніе не формальнаго обязательства, а только освѣдомленія о своемъ властномъ рѣшеніи.

Тотчасъ приступилъ в. к. Иванъ къ организаціи въ Новгородской землѣ своего великокняжескаго землевладѣнія и общаго посошнаго тягла. Новгородское народоправство смѣнялось «государствомъ великаго князя». 15 января 1478 года великокняжескіе бояре привели къ присягѣ всѣхъ новгородцевъ по концамъ и улицамъ [2]); новгородскіе бояре, дѣти боярскіе

съ требованіемъ, чтобы впредь и въ Новгородской землѣ были волости и села, какъ въ Низовской землѣ, „на чемъ всликимъ княземъ быти въ своей вотчинѣ“.

[1]) Подъ „опасной грамотой“, о которой бьютъ челомъ новгородцы взамѣнъ отвергнутой крестоцѣловальной „крѣпости“, надо разумѣть уставную грамоту типа Двинской.

[2]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 217—218. Весь ходъ дѣла рѣшительно противорѣчитъ сужденію В. И. Сергѣевича („Русск. Юрид. Древности“, т. II², стр. 47), будто Новгородъ цѣловалъ крестъ в. к. Ивану на грамотѣ, въ которую были внесены „условія“, принятыя имъ по новгородскому челобитью. В. И. Сергѣевича, повидимому, соблазнило опредѣленіе въ лѣтописи (т. VI, стр. 218) „списка цѣловальнаго“ словами: „на семъ великимъ княземъ добили челомъ новгородци“. Но они добили челомъ на признаніи „государства“ по „низовской пошлинѣ“, т. е. безъ договора; а великокняжескія „пожалованія“ были имъ сообщены устно. Что въ крестоцѣльвальной записи не было этихъ пожалованій (по Сергѣевичу—условій) видно изъ того, что бояре просили повторить „вслухъ всѣмъ“ по прежнему слову великого князя ихъ перечень; это и было исполнено боярами, которые приводили новгородцевъ ко

и житьи люди «приказались» въ службу великому князю, и на дворѣ Ярославлѣ водворились великокняжескіе намѣстники [1]).

Польскій историкъ отмѣтилъ, что утвержденіе непосредственной великокняжеской власти въ Новгородѣ встревожило всѣ враждебныя Москвѣ западныя силы—и Ливонскій Орденъ, и Швецію, и Литву [2]). Какъ только «князь великій московскій взялъ Новгородъ и вѣче имъ сказилъ», московскіе намѣстники появились на Ржевѣ и ея волостяхъ, на Великихъ Лукахъ и въ Холмскомъ погостѣ и привели мѣстное населеніе къ присягѣ на имя своего великаго князя, а представителей литовской власти согнали прочь [3]). Литовское государство почуяло наступленіе восточнаго сосѣда, настойчиваго и упорнаго, направлявшаго и силы крымскаго хана на западно-русскія волости. Литовская рада уже въ 1478 г. настаиваетъ на организаціи особаго отъ польской королевской власти великокняжескаго правительства, но король Казиміръ рѣшилъ самъ вернуться въ Вильну и дѣятельно заняться восточными дѣлами. Власти Ливонскаго Ордена обсуждаютъ вопросъ, какъ бы «вернуть московита къ тому положенію, въ какомъ были его предки», заводятъ сношенія со Швеціей и Казиміромъ. Назрѣвала та коалиція противъ Москвы ея западныхъ недруговъ и Золотой Орды, которая такъ безпомощно распалась въ ближайшіе годы. Нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о томъ, какъ отразились эти попытки дѣйствій, враждебныхъ Москвѣ, на Новгородѣ. Но въ октябрѣ 1479 года Иванъ Васильевичъ, въ пріѣздъ свой на Новгородъ, изымалъ въ коромолѣ архіеп. Ѳеофила и сосланъ его въ Москву; обвиняли его опять въ замыслѣ, чтобы Новгородъ былъ «за королемъ или за инымъ государемъ» [4]). Настоящая расправа за эту новую крамолу произошла позднѣе, когда пережита была тревога раздора съ братьями великаго князя и нашествія хана Ахмата. Потребность великокняжеской власти тверже и увѣреннѣе стать на западной границѣ и вовсе упразднить возможность областныхъ сепаратныхъ внѣшнихъ сношеній должна была особо обостриться послѣ такихъ событій. И въ восьмидесятыхъ годахъ великій князь ликвидируетъ арестами и выводомъ изъ Новгорода остатки литовской партіи, а затѣмъ эти мѣры разростаются въ широкій «пересмотръ

кресту (т. VI, стр. 218). Однако, получилась, несомнѣнно, двусмысленность всего акта, такъ какъ новгородцы цѣловали крестъ на томъ, „что въ записи писано и рѣчми имъ повторено“. Но существенный выводъ В. И. Сергѣевича, что „великій князь согласился на значительныя ограниченія своей власти“, что „договоръ съ государемъ и съ московской точки зрѣнія не представлялся, слѣдовательно, невозможнымъ“ никакъ не можетъ быть принятъ (тамъ же, стр. 46—47).

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 219—220.

[2]) Ф. Папэ, Polska i Litwa, стр. 49.

[3]) А. З. Р., т. I, № 71.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 204. Татищевъ (ч. V, стр. 79—81) даетъ цѣлый разсказъ о попыткѣ новгородскаго возстанія, о розыскѣ и казняхъ, явно составленный изъ чертъ позднѣйшихъ репрессій и „выводовъ“ изъ Новгорода.

людей и земель», которымъ разрушенъ боярскій слой новгородскаго населенія, но захвачены глубоко и болѣе широкія его группы—житьи люди и купечество, а выдвинуты на ихъ мѣсто болѣе надежные элементы изъ центральныхъ областей, и положено въ крупныхъ размѣрахъ основаніе служилому землевладѣнію и тяглому строю Новгородской украйны [1]).

Большая организаціонная работа на новгородской почвѣ вошла въ общую перестройку положенія западныхъ областей Великороссіи. Псковъ сохранилъ—на время—внѣшнія формы своего народоправства, но подъ управленіемъ московскихъ намѣстниковъ, которыхъ псковичи держали у себя, по псковской старинѣ, князьями. Въ началѣ самостоятельнаго правленія Ивана III псковичи согнали «съ безчестьемъ» князя Владиміра Андреевича, того служилаго ростовскаго князя, который былъ посаженъ у нихъ Василіемъ «не по псковскому прошенію, ни по старинѣ». Иванъ Васильевичъ прогнѣвался, но, все таки, «далъ имъ князя по псковскому изволенію», и князь этотъ Иванъ Александровичъ Звенигородскій «цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей псковской пошлинѣ» [2]). По псковскому челобитью и съ крестоцѣлованіемъ на псковской пошлинѣ княжилъ съ 1467 года во Псковѣ кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій, но его намѣстничья власть уже значительно усилена: управленіе псковскими пригородами, съ судомъ и расправой, перешло въ его руки [3]). И князь Шуйскихъ сталъ «творить сильно» надъ псковичами, такъ что они били челомъ о его замѣнѣ княземъ Иваномъ Стригой Оболенскимъ, но великій князь прислалъ его брата Ярослава. Новый намѣстникъ сѣлъ на псковскомъ княженіи—въ февралѣ 1473 г.—съ крестоцѣлованіемъ «на пошлинныхъ грамотахъ и всѣхъ старинахъ псковскихъ» при вѣчевомъ собраніи псковичей [4]).

При первыхъ намѣстникахъ Ивана III псковичи, какъ ни какъ, вели свои дѣла по старымъ вѣчевымъ порядкамъ, а съ нѣмцами воевали при помощи московскихъ войскъ. Въ семидесятыхъ годахъ—въ годину большого и напряженнаго осложненія всего международнаго положенія—Псковъ подвергся усиленнымъ нападеніямъ нѣмцевъ и сталъ боевымъ пунктомъ большого значенія. Псковскіе намѣстники вели эти внѣшнія дѣла вмѣстѣ съ новгородскими: оборону западнаго рубежа, переговоры, перемирія и мирныя докончанія, на съѣздахъ то у себя во Псковѣ, то въ Новгородѣ. Интересы мѣстной обо-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XII, стр. 213, 215—216; т. VI, стр. 235—236; 238—239; т. VIII, стр. 218.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 222, 224.

[3]) Тамъ же, стр. 231: „а посадники псковскіе и весь Псковъ ему на всѣхъ, 12 пригородахъ даша намѣстниковъ держати и судови судити его намѣстникомъ, на которыхъ ни буди, а изъ вѣковъ княжіе намѣстники не бывали, колко ни есть князей бывало въ Псковѣ на столу, а намѣстники княжіи были толко на 7 пригородахъ".

[4]) Тамъ же, стр. 246.

роны отъ этого только выиграли, но поглощались, въ то же время, общей великокняжеской политикой. Псковской намѣстникъ получилъ особое значеніе для самой великокняжеской власти, и пересмотръ всего его положенія во Псковѣ сталъ на очередь. Въ 1475 г. князь Ярославъ предъявилъ псковичамъ новыя требованія, и тѣ отправили къ великому князю посадниковъ съ грамотами на защиту своей старины; но они могли представить только грамоты мѣстныхъ князей, за которыми великій князь не призналъ достаточной силы, «что де то грамоты не самихъ князей великихъ». Князь-намѣстникъ требовалъ значительнаго увеличенія своихъ доходовъ за счетъ дохода псковской казны, и псковичамъ пришлось сойти съ принципіальной почвы защиты своей «старины» по «грамотамъ пошлиннымъ» къ оборонѣ аргументомъ о непосильности для нихъ требованій князя Ярослава: «намъ въ томъ, говорили они, не мощно жити». Рѣшеніе всецѣло перешло въ волю великаго князя. И онъ своимъ велѣніемъ установилъ новое распредѣленіе псковскихъ доходовъ и новое расширеніе правъ намѣстничьяго суда. Введеніе въ жизнь новаго порядка вызвало вскорѣ настойчивые протесты псковичей, а во Псковѣ взрывъ вѣчевой смуты противъ князя-намѣстника и его «княжедворцевъ» [1]). В. к. Иванъ отозвалъ князя Ярослава, а псковичамъ далъ—по ихъ челобитью—князя В. В. Шуйскаго; но этотъ намѣстникъ оказался крайне неудачнымъ воеводой и правителемъ, и Ярославъ Оболенскій вернулся во Псковъ. Псковская старина уступила намѣстничьему управленію, такъ какъ все ратное и земское дѣло, судъ и повинности населенія подчинены руководству и регламентаціи представителей великокняжеской власти [2]). Формальная инкорпорація ожидала Псковъ, подобно Рязани, нѣсколько позднѣе; но то было лишь устраненіе пережитка, потерявшаго внутреннюю силу и подлинный жизненный смыслъ.

Послѣднія десятилѣтія XV вѣка—моментъ крупнѣйшаго историческаго значенія для Восточной Европы. На обширныхъ ея пространствахъ рушится старая, слагается новая система международныхъ отношеній. Основной ея факторъ—Московское государство, завершавшее вѣковую работу надъ объединеніемъ Великороссіи. И крупный эпизодъ этой объединительной работы—«тверское взятье»—входитъ въ составъ условій и послѣдствій усложненнаго общаго положенія на западной границѣ, той широкой политики, какую развернулъ Иванъ III, ища новыхъ устоевъ и гарантій для борьбы съ литовскимъ сосѣдомъ. Въ эту пору в. к. Иванъ завязываетъ сношенія съ врагами Ягеллоновъ—со Стефаномъ, воеводой Валахіи, чью дочь онъ въ 1483 г. сосваталъ за сына, съ Матвѣемъ Корвиномъ, королемъ венгерскимъ, съ императоромъ Фридрихомъ III, съ папской куріей,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 250—253.

[2]) Особо показательное дѣло о повинностяхъ псковскихъ смердовъ—см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 266; т. V, стр. 45; ср. „Княжье право“, стр. 213—214.

учитывая и ея вліяніе на политику Речи Посполитой, а ближе и всего тѣснѣе—съ крымскимъ ханомъ. Сломить въ конецъ опору, какую литовская сила находила въ промежуточномъ, обоюдоостромъ положеніи русскихъ земель, колебавшихся между Москвой и Литвой, поставить опредѣленно и твердо западный рубежъ, притомъ съ возможной для себя выгодой, перетянувъ въ свое распоряженіе эти колеблющіяся русскія силы—было прямой необходимостью для в. к. Ивана. Въ началѣ его правленія—договоръ съ тверскимъ великимъ княземъ, одинадцатилѣтнимъ Михаиломъ Борисовичемъ подтвердилъ, по крайней мѣрѣ формально, отношенія, какія сложились при Василіи Темномъ: одиначество великихъ князей на началахъ равнаго братства, гарантію независимости Твери съ отказомъ великаго князя всея Руси отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, даже съ правомъ в. к. Михаила и тверскихъ князей имѣть «путь чистъ» къ Ордѣ [1]). На дѣлѣ подлинное соотношеніе силъ поставило Тверь въ значительную зависимость отъ великорусской власти, и тверскіе полки участвуютъ по зову в. к. Ивана въ обоихъ новгородскихъ походахъ и въ сборѣ войскъ противъ хана къ берегамъ Угры [2]). Москва фактически подавляла Тверь и начала поглощать тверскую силу: въ семидесятыхъ годахъ отъѣхала въ Москву значительная группа тверского боярства [3]). А послѣ 1480-го года московское засилье стало еще грознѣе. Паденіе Новгорода, усиленіе властнаго управленія Псковомъ, ликвидація притязаній великокняжеской братьи, новый договоръ съ Рязанью—всѣ эти черты крѣпнувшей концентраціи московской властной силы должны были встревожить руководителей тверской политики не меньше, чѣмъ безсиліе Твери передъ Москвой въ пограничныхъ поземельныхъ спорахъ и столкновеніяхъ. В. к. Михаилъ пытается снова найти опору въ Литвѣ, и по смерти первой своей княгини—дочери Семена Олельковича, заводитъ сношенія съ Казиміромъ о союзѣ, покровительствѣ и новомъ бракѣ—съ одной изъ королевскихъ внучекъ. Ихъ договоръ—возстановилъ отношенія между Тверью и Литвой, какія опредѣлялись въ договорѣ 1449 г. в. к. Бориса Александровича съ Казиміромъ. Союзъ «противу всихъ сторонъ, никого не выймуючи» былъ явно направленъ, прежде всего, на в. к. Ивана [4]). Тверская тревога шла на встрѣчу литовской. Король Казиміръ, послѣ неудачи большой коалиціи, скрѣпляетъ, по возможности, свои русскія связи противъ надвигавшейся Москвы; одновременно съ тверскимъ договоромъ онъ обновляетъ докончаніе съ «верхов-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 88—89.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 161, 163; 184; служилая организація ратной силы в. к. Ивана уже захватила часть кашинскихъ служилыхъ людей („кашинцы, которые служатъ великому князю“ въ походѣ подъ его воеводами—т. XII, стр. 172); т. XV, ст. 498; т. VI, стр. 207.

[3]) т. VIII, стр. 182—183.

[4]) А. З. Р., т. I, № 79.

скими князьями»—Воротынскимъ, Одоевскимъ и Новосильскимъ объ ихъ вѣрной и безхитростной службѣ в. к. литовскому [1]). Но и эта попытка не удалась. В. к. Иванъ во время узналъ о переговорахъ, и быстрое движеніе на Тверь его «порубежной рати» принудило Михаила Борисовича къ челобитью на всей волѣ великого князя. Новый договоръ рѣшительно вводилъ Тверское великое княжество въ московскую политическую систему. Михаилъ Борисовичъ цѣловалъ крестъ «къ своему господину и брату старѣйшему, къ в. к. Ивану Васильевичу всея Руси, и къ его сыну, къ своему брату старѣйшему, къ в. к. Ивану», призналъ себя равнымъ младшему великокняжескому брату Андрею, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ королю Казиміру и обязался не сноситься съ нимъ безъ вѣдома в. к. Ивана, не передаваться на его сторону и отъ московскихъ великихъ князей «никоторыми дѣлы не отступати», а ратную силу посылать въ походы съ великокняжескимъ войскомъ [2]). Великое княжество Тверское стоитъ еще, какъ автономное владѣніе, рядомъ съ вотчиной московской великокняжеской семьи—ея великимъ княженьемъ, Москвой и Новгородомъ и Псковомъ, но отстоять себя оно явно уже не могло. Тверскіе князья—микулинскій Андрей Борисовичъ и дорогобужскій Осипъ Андреевичъ, а за ними тверскіе бояре отъѣзжаютъ одинъ за другимъ на московскую службу [3]). Почва вовсе уходила изъ подъ ногъ князя Михаила, и попытка возобновить сношенія съ королемъ Казиміромъ привела къ конечному исходу. Тверской гонецъ перехваченъ, и в. к. Иванъ, не принимая повторныхъ попытокъ новаго челобитья, двинулся на Тверь съ большой силой. Покинутый почти всѣмъ боярствомъ, князь Михаилъ бѣжалъ въ Литву, а Тверь цѣловала крестъ на имя обоихъ великихъ князей всея Руси. Однако, Иванъ III счелъ нужнымъ не упразднять тверского великокняжескаго настолованья, а передалъ его сыну. Когда старшій Иванъ уѣхалъ въ Москву, в. к. Иванъ Ивановичъ «въѣхалъ во градъ Тверь жити», принялъ службу тверскихъ бояръ, которые были въ боярахъ у в. к. Михаила, и выдалъ имъ свои жалованныя грамоты на ихъ тверскія вотчины [4]).

---

[1]) А. З. Р., т. I, № 80 (10 апрѣля 1483 г.).

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 119—120; ср. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 236: „князь великій Михайло Борисовичъ тверскій присла владыку и доби ему челомъ на всей воли его: не зватися ему братомъ, но молодшій братъ, а что назоветъ князь велики земель своими землями и новоторжскими, а тѣ земли князю великому, а куда поидетъ князь великій ратью, и ему же съ нимъ же ити заодинъ“.

[3]) П. С. Р. Л., т. VI стр. 237.

[4]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 500; т. VIII, стр. 216—217; о тверскихъ боярахъ—извѣстное свидѣтельство мѣстническаго дѣла 1501 года о томъ, какъ в. к. Иванъ Ивановичъ „бояръ тверскихъ, которые были у прежняго своего государя у в. к. Михаила Борисовича тверского въ боярѣхъ, тѣхъ и у себя пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ и грамоты свои государскіе на вотчины ихъ тверскія имъ давалъ, а велѣлъ ихъ писати въ грамотахъ бояры своими“.

Тверское великое княжество стало вотчиной московскихъ государей, но особой отъ ихъ Московскаго государства; черты этой особности сохранились и послѣ кончины в. к. Ивана молодого—въ особой должности тверского дворецкаго, въ службѣ служилыхъ людей «по тверскому списку» и, въ концѣ концовъ—въ фантастическомъ, по существу, но формально проведенномъ возстановленіи этого великаго княженія для крещенаго татарина Симеона Бекбулатовича при Иванѣ Грозномъ. На первыхъ порахъ сохраненіе старой правительственной и служилой организаціи должно было представлять значительное удобство, облегчая распоряженіе тверскими силами и средствами, и только усиливало выступленіе великорусской великокняжеской власти въ порубежныхъ дѣлахъ [1]). Утвержденіе московской силы въ Твери естественно увеличивало ея общее давленіе на западный рубежъ, и неопредѣленное положеніе чернигово-сѣверскаго княжья не могло долго продолжаться. Въ поддержку московскому напору шло внутреннее осложненіе отношеній Литовско-русскаго государства. На восточныхъ его окраинахъ сидѣли вотчичи мелкихъ княженій, которые служили то Москвѣ, то Литвѣ, а то и «на обѣ стороны», подъ «смѣснымъ» верховнымъ обладаніемъ обоихъ великихъ князей, на родовыхъ своихъ владѣніяхъ или на земляхъ, пожалованныхъ имъ въ вотчину отъ в. к. литовскаго. Частью это коренные Рюриковичи Черниговской земли, частью обрусѣлые Гедиминовичи, частью московскіе выходцы, выброшенные великорусской смутой за литовскій рубежъ. По понятіямъ тѣхъ временъ вотчинное княжое владѣніе вело къ признанію за ними права отъѣзжать отъ одного великаго князя къ другому не только лично, но и съ вотчинами. Въ XV вѣкѣ литовская великокняжеская власть пытается прочнѣе закрѣпить ихъ связь съ Литовско-русскимъ государствомъ, и въ договорахъ съ съ такими вотчичами появляется «докончаніе» о томъ, чтобы они «земли своей отъ великого княжества литовскаго не отступали», въ частности при выморочности владѣнія, а въ договоры съ Москвой, Тверью, Рязанью вносится условіе—«служебныхъ князей съ вотчинами не принимать». Возстановленіе силы великокняжеской власти и уніи съ Польшей при Казимірѣ Ягеллончикѣ грозило самостоятельности мелкаго княжья не меньше, чѣмъ усиленіе Москвы—великорусскимъ удѣльнымъ вотчичамъ. Противъ новаго великокняжескаго засилья первые подняли смуту обрусѣлые литовскіе князья. Кіевскій отчичъ Михаилъ Олельковичъ, потерявшій Кіевъ, князь Ѳ. И. Бѣльскій и близкіе ему Гольшанскіе затѣяли искать опоры въ Москвѣ

---

[1]) И на этомъ рубежѣ существовали явленія „смѣснаго“ владѣнія. Въ договорѣ в. к. Михаила съ королемъ Казиміромъ 1483 года упоминаются „мѣста порубежныя, которыя будутъ потягли сдавна къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать даивали ко Твери“, и такія, которыя „потягли будутъ ко Твери, а подать будутъ даивали сдавна къ Литвѣ или къ Смоленску“—А. З. Р., т. I, № 79.

и «восхотѣша по Березину рѣку отсѣсти на великого князя Литовской земли». Олельковичъ и Гольшанскій схвачены и казнены въ августѣ 1481 года, а Ѳедоръ Бѣльскій ушелъ въ Москву. Этотъ «заговоръ князей», о которомъ источники даютъ такъ мало свѣдѣній [1]), далъ толчекъ цѣлому ряду отъѣздовъ на московскую сторону съ вотчинами въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ XV вѣка. Внутренніе нелады сосѣда получаютъ опору и разрѣшеніе въ наступленіи московской великокняжеской власти къ юго-западу. Князья Воротыскіе—одинъ за другимъ—потянулись въ Москву, видя что нѣтъ имъ крѣпкой защиты отъ короля, а затѣмъ, опираясь на московскую поддержку, нападаютъ, вмѣстѣ съ Одоевскими, на сосѣдей. Повидимому, многіе изъ такихъ переходовъ на московскую сторону происходятъ, подобно отъѣздамъ къ Москвѣ тверскихъ бояръ, подъ давленіемъ «обидъ» въ пограничныхъ владѣльческихъ спорахъ и наѣздахъ. Ѣдутъ къ Москвѣ князья перемышльскій, бѣлевскій, мезецкій, вяземскій, а в. к. Иванъ принимаетъ ихъ «и съ вотчинами», защищаетъ ихъ оружіемъ въ прямой войнѣ съ в. к. литовскимъ и укрѣпляетъ за собой мирнымъ докончаніемъ 1494 года вмѣстѣ съ тѣми, чьи вотчины подверглись и помимо отъѣзда захвату во время военныхъ дѣйствій [2]). Въ 1500 г. переходитъ къ Москвѣ кн. Семенъ Бѣльскій, за нимъ кн. Семенъ можайскій съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, и Василій Ивановичъ Шемячичъ съ Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ; перемирное докончаніе 1503 года закрѣпило за Москвой и эти пріобрѣтенія [3]). Однако, хотя всѣ эти дѣла и выросли на почвѣ удѣльно-вотчинныхъ отношеній и воззрѣній, но ссылка на устарѣлое право отъѣзда съ вотчиною выродилось тутъ въ дипломатическую уловку, и всю борьбу Литвы и Москвы за Чернигово-сѣверскія княженія можно разсматривать какъ явленіе международной политики московскаго государя, который выдвинулъ новый, національный ея принципъ, искуственно построенный на особой вотчинно-династической теоріи, которой цѣль—обосновать притязанія на все наслѣдіе князей Рюрикова дома съ древнѣйшихъ временъ. Результаты этой борьбы выводятъ насъ за предѣлы образованія великорусскаго государства и даютъ уже его расширеніе захватомъ территорій, которыя никогда органически не были связаны съ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Великаго Новгорода; они непосредственно связаны съ начатой Иваномъ III борьбой за Смоленскъ.

Объединеніе обширной великорусской территоріи подъ непосредственной властью московскаго великаго князя создало весьма своеобразное и сложное представленіе о ея владѣльческо-политическомъ характерѣ. Если

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI стр, 283; Фр. Папэ, Polska i Litwa, ч. I, п. 4, Spisek kniaziow (1481).

[2]) С. Г. Г. и Д., т. V, № 29.

[3]) А. З. Р., т. I, № 200; С. Г. Г. и Д., т. V, № 110.

объединеніе московской отчины съ областями Владимірскаго великаго княженія (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) велось къ представленію о ихъ совокупности, какъ единомъ вотчинномъ государствѣ государя князя великаго, то уже съ Новгородомъ и Псковомъ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Ихъ инкорпорація въ составъ великокняжескихъ владѣній усложняетъ само представленіе о «великомъ княженіи». Иванъ III говоритъ о немъ въ своихъ грамотахъ, какъ о трехчленномъ цѣломъ: Москва, Новгородъ и Псковъ составляютъ его великое княженіе, но тотъ же терминъ сохраняетъ и болѣе тѣсный смыслъ, означая московско-владимірскую область, безъ Новгорода и Пскова, какъ особыхъ «отчинъ» великаго князя; а когда рядомъ съ ними стала еще одна «отчина»—тверская, в. к. Иванъ заговариваетъ о «всѣхъ своихъ великихъ княженіяхъ». Въ политическихъ представленіяхъ эпохи на первомъ планѣ не единство территоріи, а полнота великокняжескаго властвованія надъ всѣми ея составными частями, не собираніе земли, а собираніе власти. А какъ Иванъ III разумѣлъ полноту этой вотчинной власти—сказалось наглядно въ эпизодѣ, который разыгрался между нимъ и псковичами въ 1499 году [1]), въ періодъ его колебаній по вопросу о своемъ преемникѣ. Въ 1498 г. Иванъ Васильевичъ благословилъ «при себѣ и послѣ себя» внука Дмитрія на великое княженіе Владимірское, Московское и Новгородское, а черезъ годъ «пожаловалъ сына своего князя Василія Ивановича, нарекъ его государемъ великимъ княземъ и далъ ему Великій Новгородъ и Псковъ великое княженіе». Псковичей объ этомъ увѣдомилъ особый посолъ изъ Москвы, но ихъ испугалъ такой выдѣлъ, и къ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и Дмитрію Ивановичу явилось псковское посольство съ челобитьемъ, «чтобы держали отчину свою по старинѣ, а который бы былъ князь великій на Москвѣ, тотъ бы и имъ былъ государь». В. к. Иванъ гнѣвно отвѣтилъ: «чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? ино кому хочу, тому дамъ княженіе». Иванъ Васильевичъ, очевидно, понялъ псковское челобитье, какъ попытку вмѣшаться въ борьбу придворныхъ партій изъ за Дмитрія-внука и Василія-сына, а не усмотрѣлъ вопроса о единствѣ власти и государственной территоріи, и утверждалъ свое вотчинное право распорядиться своими великими княженіями—въ цѣломъ и по частямъ, какъ Богъ ему на сердце положитъ.

Разсказъ этотъ показателенъ, какъ яркое выраженіе идеи вотчиннаго самодержавія, къ которому нечего было бы прибавить и царю Ивану Грозному. Однако, такая полнота владѣльческой державной власти не возведена въ общій принципъ, а носитъ у Ивана III личный характеръ. Онъ не передаетъ ея сыну. Его духовная—«рядъ своимъ сыномъ»—устанавливаетъ для младшихъ братьевъ в. к. Василія (Юрія, Дмитрія, Семена, Андрея) удѣльныя владѣнія потомственныя и самостоятельныя въ управленіи, а главное—

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 237; т. VI, стр. 43; т. IV, стр. 271.

неприкосновенныя для великаго князя въ силу ихъ гарантіи отцовскимъ «рядомъ». В. к. Иванъ надѣляетъ сыновей долями и въ Московской и въ Тверской землѣ, опредѣляетъ размѣръ уплаты каждымъ «въ выходы въ ордынскіе» и «во всѣ татарскіе порторы», во многомъ, стало быть, сохраняетъ традиціонные пріемы опредѣленія междукняжескихъ отношеній [1]). Договоромъ между сыновьями Василіемъ и Юріемъ, который составленъ по его повелѣнію одновременно съ духовной грамотой, опредѣлены будущія ихъ отношенія—«брата молодшаго» и великаго князя, который для младшихъ братьевъ «господинъ и братъ старѣйшій» [2]). Старшаго сына в. к. Иванъ благословилъ всѣми своими великими княжествами—Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ и Тверскимъ. Нѣтъ еще установленнаго термина для обозначенія совокупности всѣхъ владѣній. Но побѣда единодержавія сказалась въ томъ, что нѣтъ въ духовной Ивана III рѣчи о раздѣлѣ отчины по удѣламъ; это не раздѣлъ наслѣдія, а надѣленіи членовъ великокняжеской семьи, не въ мѣру обычноправовыхъ долей всѣхъ отчичей, а въ мѣру обезпеченія ихъ княжого положенія. Старое семейное право умерло, и выморочный удѣлъ пойдетъ цѣликомъ великому князю. Удѣльные князья теряютъ характеръ участниковъ въ княжой политической власти. Имъ запрещено «деньги дѣлать» по своимъ удѣламъ; ихъ судебныя права, по крайней мѣрѣ въ селахъ московскихъ становъ, ограничены докладомъ ихъ прикащиковъ великокняжескому намѣстнику; нѣтъ уже оговорки о возможномъ прекращеніи великокняжескаго права требовать дань съ ихъ владѣній; и всѣ пережитки удѣльно-вотчинаго строя покрыты требованіемъ «слушать» великаго князя «во всемъ». Новое право единодержавной и самодержавной монархіи еще не построено, не развито такъ, чтобы упразднить устарѣлую форму духовной грамоты—отцовскаго ряда; и текстъ духовной больше зависитъ отъ традиціонныхъ пріемовъ изложенія, чѣмъ соотвѣтствовало бы новому строю отношеній.

IV.

Объединеніе власти надъ всей Великороссіей въ рукахъ единаго вотчича на всѣхъ великихъ княженіяхъ возводило его въ положеніе «государя надъ всѣми государями Русской земли». Это мѣткое выраженіе книжника-современника означаетъ тенденцію признавать верховную волю государя великаго князя господствующей надъ всѣми иными правами властвованія и управленія, какіясложились въ жизни Великороссіи въ удѣльно-вотчинномъ періодѣ, свести ихъ къ значенію подчиненному и производному отъ великокняжеской воли. Въ частности концентрація властной силы и полити-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 144.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 133—134 (договоръ заключенъ 16 іюня 1504 года).

ческое самоопредѣленіе Великороссіи были неотдѣлимы отъ коренныхъ перемѣнъ въ положеніи русской митрополіи. Неизбѣжнымъ сталъ распадъ ея на двѣ помѣстныхъ церкви — великорусскую и западнорусскую. Неизбѣжнымъ стало и завершеніе національзаціи первой изъ нихъ, какъ церковно-политической организаціи въ составѣ Московскаго государства.

Московская смута, поставленіе на митрополію грека Исидора, дѣло о Флорентійской уніи затянули на полтора десятка лѣтъ по смерти митр. Фотія тягостное и неопредѣленное положеніе дѣлъ русской митрополіи. Послѣ низложенія Исидора и его бѣгства—осенью 1441 года во главѣ церковнаго управленія сталъ нареченный митрополитъ Іона. Тяжелыя времена напряженной внутренней борьбы, сложное международное положеніе и помимо церковныхъ дѣлъ, запутанныхъ судьбами уніи, побуждали къ рѣшительной попыткѣ обезпечить національный характеръ и политическую надежность митрополіи. Въ Москвѣ остановились на рѣшеніи выполнить избраніе и поставленіе митрополита у себя, на Руси, но, на первыхъ порахъ, искали возможности добиться права на этотъ актъ съ согласія Константинопольской церкви [1]).

Но отъ такой попытки пришлось отказаться, и московскія власти пришли, не безъ колебанія и борьбы съ внутренними разногласіями [2]), къ рѣшенію поставить митрополита соборомъ русскихъ епископовъ; поставленіе это и состоялось 15 декабря 1448 года [3]). Возстановленіе московскаго характера митрополіи было, наконецъ, достигнуто. Митр. Іона явился возстановителемъ и завершителемъ традицій митр. Петра и Алексѣя, что и выдвинуто торжественнымъ причисленіемъ Алексѣя къ лику святыхъ; Іона сталъ затѣмъ тре-

---

[1]) Грамота, заготовленная въ 1441 году, мотивировала намѣреніе избрать и поставить митрополита, „собравше въ отечествіи нашемъ, въ Русстей земли, боголюбивыя епископы отечества нашего“—трудностью путешествія въ Константинополь „далечнаго и непроходнаго“, при нападеніи на Русь „агарянъ“, при „неустроеніи и мятежахъ“ въ сосѣднихъ странахъ, а также тѣмъ, что митрополитъ—руководитель духовной жизни каждаго православнаго, а для государя—совѣтникъ въ сокровенныхъ правительственныхъ („господьскихъ“) важныхъ дѣлахъ и совѣщаніяхъ,—Р. И. Б., т. VI², № 62; нѣсколько передѣланная, эта грамота должна была быть послана патріарху въ 1443 году (тамъ же, ст. 530), но и это посольство, повидимому, не состоялось; новый патріархъ Григорій Мамма былъ такой же уніатъ, какъ и Митрофанъ,—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 167. Хотя грамота такъ средактирована, что можно ее понять, какъ ходатайство о разрѣшеніи дѣла на данный моментъ, ввиду особой трудности положенія—„за нужу“, но вопросъ ставится въ общемъ видѣ, объ избраніи и поставленіи, а не только о поставленіи нареченнаго митр. Іоны, а потому нѣтъ ссылки на благословеніе его патр. Іосифомъ на митрополію послѣ Исидора. Въ редакціи 1443 г. грамота обращена къ императору (Іоанну VIII) и была составлена, когда на Руси, повидимому, не знали объ его отношеніи къ уніи.

[2]) Голубинскій, Ист. Русской Церкви, т. II, ч. I, стр. 490.

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 121—122; т. XII, стр. 74.

тьимъ святымъ московскимъ митрополитомъ [1]). Въ памяти трехъ своихъ святителей Москва прославляла и освящала главные моменты и конечное торжество своей церковно-политической тенденціи. Со временъ Іоны митрополія входитъ органически въ строй Московскаго государства; она стала во главѣ національной помѣстной церкви цѣной временнаго разрыва съ константинопольской патріархіей, но выдержала и это испытаніе, поддержавъ связи съ греко-восточной церковью путемъ сношеній съ патріархомъ Іерусалима [2]).

На первыхъ порахъ митр. Іонѣ удалось сохранить подъ своей властью и западнорусскія епархіи. Его поставленіе совпало съ переговорами о мирѣ между великими князьями московскимъ и литовскимъ; вопросъ о единствѣ митрополіи былъ въ нихъ поставленъ и проведенъ, и въ началѣ 1451 г. Іона получилъ отъ в. к. Казиміра грамоту на «столецъ митрополичь кіевскый и всея Руси» [3]). Но въ восьмомъ году XVI вѣка поставленіе на литовско-русскую митрополію Исидорова ученика Григорія папой Каллистомъ III положило начало окончательному раздѣленію митрополіи [4]). Сѣверная митрополія утратила передъ великокняжеской властью внѣшнюю опору въ тѣсной связи съ Константинополемъ и болѣе широкихъ политическихъ интересахъ, и зажила мѣстной великорусской жизнью—въ мечтахъ и стремленіи вернуть прежніе, болѣе широкіе предѣлы своей церкви, какъ всероссійской, путемъ подчиненія Москвѣ русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ польско-литовской Речи Посполитой. Судьбы и интересы церкви и государства великорусскихъ слились. Паденіе Константинополя убило расшатанный авторитетъ грековъ, довершило фактическую автокефальность русской церкви; и въ ту же пору слагалась и крѣпла независимость Руси отъ татаръ, завершенная при Иванѣ III утвержденіемъ внѣшняго самодержавія Великорусскаго государства.

Митр. Іона поставленъ русскими епископами—по избранію великаго князя, по совѣту съ в. к. матерью, съ братьями, всѣми русскими князьями, духовенствомъ и боярами [5]). И послѣ него—преемство на митрополіи внѣшне опредѣляется благословеніемъ преемника митрополитомъ-предшественникомъ, а по существу, выборомъ великаго князя. При новомъ укладѣ всего политическаго строя значеніе митрополита далеко не то, что

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 196 (1472 годъ).

[2]) Николаевскій, Учрежденіе патріаршества въ Россіи („Христ. Чтеніе“, 1879 г., ч. 2, стр. 17); Павловъ, Теорія восточнаго папизма („Правосл. Обозрѣніе“, 1879 г., № 12, стр. 760—765); Дьяконовъ, „Къ исторіи древне-русскихъ церковно-общественныхъ отношеній“ („Ист. Обозрѣніе“, т. III); Голубинскій, указ. соч. стр. 511—512.

[3]) Голубинскій, указ. соч., стр. 492—493; Р. И. Б., т. VI², № 67.

[4]) Голубинскій, стр. 504—507.

[5]) Р. И. Б., т. VI², № 71, № 64.

*

было при Петрѣ и Алексѣѣ. Русскій митрополитъ, независимо отъ степени его личнаго вліянія, служитъ своимъ авторитетомъ свѣтской власти, являясь послушнымъ орудіемъ ея политики. Вся пастырская дѣятельность митр. Іоны тѣсно сплетена съ этой политикой, и онъ выступаетъ съ посланіями отъ своего имени и отъ имени всего освященнаго собора—то для укрощенія мятежнаго Дмитрія Шемяки, то для усмиренія буйныхъ вятичей, то для внушенія вольному Пскову покорности ихъ «отчичу и дѣдичу». Авторитетъ священнаго сана ставилъ митрополита высоко въ строѣ общественныхъ отношеній. Но избираемый великимъ княземъ изъ людей, ему подвластныхъ, безсильный передъ вотчинной властью государя, онъ лишенъ устойчивыхъ правовыхъ гарантій своего положенія. Какъ поставленіе на митрополію по канонической формѣ соборнаго дѣянія свелось къ простому выполненію рѣшенія свѣтской власти, такъ великій князь могъ довести митрополита до мнимо-добровольнаго отреченія или до низложенія по постановленію покорнаго епископскаго собора. Третій изъ митрополитовъ въ правленіе Ивана III, преемникъ Ѳеодосія и Филиппа, Геронтій испыталъ на себѣ всю тягость зависимаго положенія. Такъ въ спорѣ о хожденіи крестнымъ ходомъ «посолонь» или противъ солнца, который поднялся по поводу освященія вновь отстроеннаго Успенскаго собора, въ дѣлѣ церковно-обрядовомъ личное мнѣніе в. к. Ивана, противорѣчившее и русской старинѣ и греческому обычаю, года на два оставило новыя церкви безъ освященія, довело митрополита до бѣгства съ митрополіи въ монастырь, а кончилось компромиссомъ, ибо великій князь хоть и уступилъ ввиду поддержки митрополита всѣмъ духовенствомъ, кромѣ двухъ-трехъ лицъ, но не допустилъ уставнаго постановленія по спорному вопросу. Такъ въ спорѣ ростовскаго епископа Вассіана съ митр. Геронтіемъ по поводу изъятія Кирило-Бѣлозерскаго монастыря изъ подъ епископской власти в. к. Иванъ выступаетъ властнымъ руководителемъ церковнаго собора, причемъ каноническая функція этого собора не умаляетъ, какъ и въ дѣлѣ поставленія на митрополію, зависимости церкви отъ свѣтской власти: великій князь «повелѣваетъ» быть собору, ставитъ ему заданіе, властно входитъ въ его дѣлопроизводство, сообщаетъ его рѣшеніямъ правовую силу своимъ утвержденіемъ. Такъ въ восьмидесятыхъ годахъ в. к. Иванъ пытался использовать временное удаленіе митр. Геронтія по болѣзни въ монастырь, чтобы замѣнить его на митрополіи другимъ лицомъ, «не восхотѣ его», когда митрополитъ рѣшилъ вернуться на митрополію; но Геронтій «неволею не остави митрополіи», хотя его «имали» силою и водворяли обратно, когда онъ «многажды» убѣгалъ изъ монастыря; только отказъ продолжать недостойное состязаніе со стороны великокняжескаго кандидата, Паисія Ярославова, заставилъ в. к. Ивана вернуть Геронтію его каѳедру. Всѣ эти эпизоды малозначительны, но они характерно освѣщаютъ стремленіе великокняжеской власти водворить поистинѣ вотчинный абсолютизмъ и въ управленіи церковными

дѣлами. Проба силъ не всегда была для нея удачной. Приходилось отступать передъ святостью сана, церковнымъ канономъ, святоотеческимъ преданіемъ, приспособляясь къ роли ихъ защитника и покровителя. Русская церковь, какъ и русское общество подлежали еще долгому перевоспитанію, пока вошли въ новый строй отношеній.

Таково было положеніе великокняжеской власти въ отношеніи къ церкви и въ томъ, важнѣйшемъ для нея вопросѣ, который на долго взволновалъ Московскую Русь—въ вопросѣ о церковномъ землевладѣніи. Коснусь только нѣкоторыхъ его принципіальныхъ сторонъ, поскольку онъ связанъ, какъ и все отношеніе великокняжеской политики къ землевладѣнію, съ основнымъ процессомъ собиранія власти.

По отношенію къ Великороссіи какъ удѣльныхъ, такъ и московскихъ временъ, собственно нельзя говорить о «церковномъ» землевладѣніи. «Землевладѣльческій бытъ нашей церкви сложился не по канонической догмѣ, а а по національному типу вотчиннаго права» (А. С. Павловъ). Вотчины принадлежали отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіямъ — митрополіи, епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ, церквямъ, которыя въ лицѣ своихъ начальныхъ властей и были полноправными вотчинниками. Крупныя владѣнія митрополичьей каѳедры стояли особой, замкнутой въ себѣ сложной единицей въ составѣ великорусскаго землевладѣнія, на ряду съ другими. Духовные владѣльцы святительскихъ и монастырскихъ вотчинъ имѣли свои отдѣльные титулы владѣнія и грамоты, и стояли въ прямыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, помимо митрополита, какъ крупные землевладѣльцы-вотчинники. Такъ получилось, если можно такъ выразиться, соціальное тожество землевладѣнія церковныхъ учрежденій съ боярскимъ, которое вело къ существеннымъ послѣдствіямъ, правовымъ и политическимъ. Съ одной стороны, каноническія постановнія объ имуществахъ церкви оказывались принципіально и практически неприложимыми къ такому землевладѣнію. А, съ другой, «государевы богомольцы» сближались, по положенію своему, съ боярами и вольными слугами великокняжескаго двора, къ которому они и тянулись за опорой и покровительствомъ. Въ періодъ дробленія власти по мѣстнымъ великимъ княженіямъ епископы и игумены сплошь и рядомъ втянуты своими интересами и отношеніями въ мѣстныя общественно-политическія связи, а тѣмъ самымъ въ оппозицію великорусскому-великокняжескому центру и митрополіи, поскольку она являлась солидарной съ великокняжеской властью. Ихъ вотчины являлись, наравнѣ со свѣтскими боярщинами, «институтомъ не только землевладѣнія, но и управленія»—«однимъ изъ основныхъ учрежденій государственнаго устройства» всякой сколько-нибудь значительной политической единицы русскаго средневѣковья (Н. П. Павловъ-Сильванскій). Права правительственнаго, по нашему сказать, характера органическая черта и духовнаго и свѣтскаго землевладѣнія тѣхъ вѣковъ. А еще въ 1857 году К. А. Нево-

линъ [1]) замѣтилъ особую роль, какую сыграла въ развитіи княжеской власти— практика выдачи князьями жалованныхъ грамотъ на укрѣпленіе и опредѣленіе этихъ правъ и самаго владѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти грамоты не создавали новаго права, а только подтверждали тотъ порядокъ вещей, который ранѣе существовалъ «самъ собою и по общему правилу»; «иммунитетныя права, такъ выразилъ ту же мысль Н. П. Павловъ-Сильванскій, проистекаютъ не изъ отдѣльныхъ княжескихъ пожалованій, а изъ общаго обычнаго права». Замѣтилъ Неволинъ и то, что въ полученіи жалованныхъ грамотъ составляло неминучую опасность для правового положенія крупнаго землевладѣнія. «Съ утвердившейся, писалъ онъ, и распространившейся княжеской властью такой порядокъ не могъ быть совмѣстенъ. Но онъ не могъ быть вдругъ уничтоженъ. Переходъ къ уничтоженію его составляютъ несудимыя грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику въ силу вотчиннаго права, то было теперь знатнѣйшимъ вотчинникамъ обезпечиваемо жалованными грамотами, какъ особенное преимущество». Полученіе жалованныхъ грамотъ не только утверждало за духовными и свѣтскими «грамотчиками» опредѣленныя права и преимущества, но и ставило эти права въ такую зависимость отъ княжого властнаго пожалованія, которая постепенно преобразовало вотчинное право крупныхъ землевладѣльцевъ въ право не самостоятельное, а производное отъ верховной воли государя, князя великаго. На зависимости вотчиннаго права отъ своего пожалованія великіе князья построили свою регламентацію этого права сперва въ порядкѣ пересмотра жалованныхъ грамотъ при ихъ возобновленіи, а за тѣмъ и общимъ указнымъ порядкомъ. Тенденція эта получила полную силу, когда московскій великій князь выросъ въ вотчиннаго государя всей Великороссіи и, съ одной стороны, сталъ признавать силу только за грамотами «самихъ князей великихъ», а не «помѣстныхъ», а, съ другой, потянулся къ самодержавному распоряженію всѣми силами и средствами страны, начавъ трудное и сложное дѣло ихъ организаціи на служеніе потребностямъ его разросшагося «государева дѣла». Значеніе жалованныхъ грамотъ, какъ основного источника и доказательства землевладѣльческаго права, давало опору для отрицанія его самостоятельной, связывающей державную власть силы. А такое пониманіе отношеній шло на встрѣчу общему стремленію великокняжеской власти высвободиться изъ путъ исконной обычноправовой старины къ полному, ничѣмъ неограниченному самодержавію. Лѣтописные своды сохранили разсказъ объ одномъ эпизодѣ, который хорошо характеризуетъ эту общую тенденцію Ивана III и тѣ первыя проявленія протеста противъ нея, которыми ознаменована ранняя оппозиція боярства власти московскихъ государей. Это разсказъ о дѣлѣ князя Ивана Оболенскаго-Лыка, великокняже-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина, т. IV, стр. 150—151.

скаго намѣстника на Великихъ Лукахъ [1]). Въ 1470 году, когда в. к. Иванъ свелъ Оболенскаго съ намѣстничества, лучане били на него челомъ «о продажѣ и о обидѣ». Великій князь судилъ его съ ними, и въ чемъ они на бояринѣ дотягались, онъ присужденъ къ уплатѣ и уплатилъ, но великій князь «иное и безсудно велѣлъ платить», причемъ лѣтописецъ поясняетъ, что лучане, надѣясь на великаго князя, что онъ имъ потакаетъ, увеличили иски—«гдѣ мало взялъ, а они о мнозѣ жалобу положили». Бояринъ этого не стерпѣлъ и отъѣхалъ отъ великаго князя къ его брату волоцкому князю Борису; князь Борисъ Васильевичъ на требованіе выдать Оболенскаго отвѣчаетъ: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Этотъ разсказъ, который обычно цитируютъ, какъ примѣръ борьбы съ правомъ отъѣзда, имѣетъ иной и болѣе существенный смыслъ. Вѣдь и протестъ князя Бориса противъ послѣдовавшаго затѣмъ потайнаго захвата боярина людьми великаго князя: «а нынеча и здѣ силу чинитъ, кто отъѣдетъ отъ него, и тѣхъ безсудно емлетъ» подчеркиваетъ, что весь эпизодъ разыгрался въ споръ не о правѣ отъѣзда, самого по себѣ, а о требованіи, чтобы дѣло боярина было рѣшено не безсудно, а по суду и по исправѣ. Разсказъ цѣненъ, какъ первое, насколько знаю, проявленіе протеста противъ великокняжеской безсудной опалы за обычное рѣшеніе дѣлъ судомъ великаго князя «съ бояры своими»; отъѣздъ же тутъ только средство уйти отъ произвола и найти въ другомъ князѣ защиту. Обѣ эти опоры вольности боярской—право отъѣзда и многокняжіе пали съ объединеніемъ Великороссіи подъ единодержавной властью Московскаго государя. В. к. Иванъ, гнѣвно карая за ропотъ и противодѣйствіе, хотя бы и пассивное, свелъ прежнихъ вольныхъ слугъ къ положенію слугъ «природныхъ», «государевыхъ холоповъ». А полное подчиненіе крупныхъ землевладѣльцевъ вотчинной власти государя, получало особо глубокій смыслъ, когда на первый планъ выдвинулись вопросы распоряженія земельнымъ фондомъ, какъ основнымъ обезпеченіемъ всего строя Московскаго государства. Борьба Ивана III за земельный фондъ приняла крутой характеръ при подчиненіи областей, бывшихъ недавно самостоятельными. Ихъ присоединеніе къ составу его вотчинныхъ владѣній ставило, какъ мы видѣли, ребромъ вопросъ о силѣ и значеніи пожалованій, данныхъ прежними мѣстными упраздняемыми властями правъ, нѣкогда обезпеченныхъ ихъ актами, т. е. колебало правовые устои мѣстнаго быта и, во всякомъ случаѣ, вело къ возможности ихъ пересмотра. Даже немногія, отрывочныя данныя нашихъ источниковъ позволяютъ угадать широкіе размѣры и потрясающую интенсивность «пересмотра людей и земель» и практики «вывода», когда люди цѣлыми гнѣздами снимались съ насиженныхъ корней и перебрасывались

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 222.

на новыя мѣста для «испомѣщенія» ихъ тамъ по государству пожалованію на государеву службу.

Прямолинѣйное и послѣдовательное проведеніе тенденцій вотчиннаго владѣнія, повидимому, должно было бы тогда же привести къ тому разгрому привилегированнаго землевладѣнія, какой былъ пережитъ въ жуткую годину опричнины. Однако, этого не произошло. Иванъ III—въ боевую пору созиданія великорусскаго государства—слишкомъ нуждался въ поддержкѣ крупной служилой силы. И жизнь московская пошла по пути компромисса между великокняжеской властью и боярскими привилегіями, причемъ и опредѣлился этотъ компромиссъ, въ значительной мѣрѣ, въ связи въ возникшими спорами о церковномъ землевладѣніи. Потребность въ расширеніи государевой власти надъ великорусскимъ земельнымъ фондомъ поставила на ближайшую очередь не окончательное крушеніе боярскаго землевладѣнія, а секуляризацію обширныхъ земельныхъ имуществъ церковныхъ учрежденій. Тутъ камнемъ преткновенія явилась не «вольность» сильнаго и вліятельнаго класса, а церковное назначеніе владѣній «государевыхъ богомольцевъ» и принципіальная независимость священнаго сана. Однако, отписка на государя многихъ владычнихъ и монастырскихъ земель въ Новгородской области не встрѣтила, насколько знаемъ, принципіальныхъ возраженій. Напротивъ, митр. Іона и его преемники служатъ въ новгородскихъ дѣлахъ всѣмъ своимъ вліяніемъ московской политикѣ. А въ 1500 году в. к. Иванъ, по благословенію митр. Симона, «поималъ въ Новгородѣ вотчины церковныя и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстье, монастырскія и церковныя» [1]); и по новгородскимъ писцовымъ книгамъ видно, что у новгородскихъ монастырей взято земель много больше, чѣмъ упомянуто въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ 1478 года, даже у тѣхъ, которыхъ великій князь тогда пожаловалъ, «земель у нихъ неималъ, понеже тѣ убоги, земли у нихъ мало». А. С. Павловъ отмѣчаетъ и въ другихъ областяхъ «нѣкоторыя явленія, напоминающія судьбу церковныхъ и монастырскихъ земель въ Новгородѣ». И эти явленія наводятъ его на выводъ, что Иванъ III сдѣлалъ попытку общаго пересмотра церковнаго землевладѣнія [2]), и, повидимому, съ той же точки зрѣнія, какая заявлена была новгородцамъ, что-де это земли государя великаго князя, и ими только «освоены».

Противъ секуляризаціонныхъ покушеній великаго князя поднялась церковная іерархія съ небывалой энергіей, и в. к. Ивану пришлось отступить, какъ отступилъ онъ и передъ кореннымъ пересмотромъ землевладѣнія боярскаго. Вмѣсто коренной и спѣшной ломки сложившихся порядковъ, правъ и отношеній пошла болѣе медленная и послѣдовательная организаціонная

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 271.

[2]) А. С. Павловъ, Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 25—28, 34—38.

работа. Однако, первоначально, оба вопроса были поставлены рѣзче. Царь Иванъ Грозный упоминаетъ въ перепискѣ съ Курбскимъ объ «уложеніи» своего дѣда, которымъ у бояръ взяты многія вотчины, какъ не подлежащія возврату и новой раздачѣ, а Стоглавъ ссылается на запреты Ивана и Василія третьихъ отчуждать вотчины въ пользу монастырей въ рядѣ городовъ. Такія указанія, какъ ихъ не мало, даютъ, однако, нѣкоторое представленіе о томъ, что при Иванѣ III вопросъ о вотчинномъ землевладѣніи, свѣтскомъ и духовномъ, и о самомъ вотчинномъ правѣ былъ поставленъ съ такой же принципіальной остротой, какъ вопросъ о вотчинномъ правѣ великаго государя на всѣ свои великія княженія въ отвѣтѣ на челобитье псковскихъ пословъ или вопросъ о безусловности его державной власти въ послѣднихъ переговорахъ съ Великимъ Новгородомъ.

Объединеніе Великороссіи совершилось путемъ разрушенія всѣхъ мѣстныхъ, самостоятельныхъ политическихъ силъ въ пользу единой великокняжеской власти. Но силы эти, обреченныя историческими условіями на гибель, были носительницами «старины и пошлины», обычно-правовыхъ устоевъ великорусской жизни. Ихъ паденіе расшатало устойчивыя ея традиціи. Творить новый укладъ жизни на развалинахъ стараго быта предстояло великокняжеской власти, искавшей не только единства, но и полной свободы въ распоряженіи силами и средствами страны. Московское единодержавіе вело къ московскому самодержавію.

ВЫВОДЫ.

1. Основные процессы политической эволюціи Великороссіи въ XIII—XV столѣтіяхъ—дробленіе территоріи и власти и работа силъ и тенденцій, направленныхъ на усиленіе политическаго единства, развивались не послѣдовательно, а параллельно въ непрерывномъ борені и взаимодѣйствіи, которыми опредѣлялся внутренній строй Владимірскаго великаго княжества въ разные историческіе моменты.

2. Образованіе мелкихъ вотчинныхъ княжествъ путемъ дробленія наслѣдственныхъ владѣній разныхъ линій потомства Всеволода III явленіе сравнительно позднее, и наростаетъ оно въ прямой зависимости отъ утраты ихъ владѣтельными князьями политическаго вліянія въ пользу великокняжеской власти, окрѣпшей въ рукахъ московскихъ князей.

3. Удѣлъ есть доля князя въ общей съ братьями вотчинѣ, полученная по духовной отца. Основныя черты удѣльнаго владѣнія—наслѣдственность удѣловъ, отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія ими, возвратъ выморочнаго удѣла въ семейное владѣніе для раздѣла между братьями, возможность частичнаго передѣла для сохраненія пропорціональнаго соотношенія размѣровъ долей—сближаютъ его съ крестьянскимъ долевымъ земле-

владѣніемъ, съ которымъ оно раздѣляетъ также черту неустойчивости этой формы владѣнія, т. е. тенденцію къ распаду на вполнѣ обособленныя вотчины.

4. Терминъ «удѣлъ» получаетъ со второй половины XIV вѣка новое значеніе—владѣнія, пожалованнаго великокняжеской властью («въ удѣлъ и въ вотчину»); терминъ «удѣльные князья» встрѣчается только въ письменности XVI вѣка, притомъ въ значеніи помѣстныхъ князей-вотчичей.

5. Отказы удѣловъ и вотчинныхъ княжествъ по духовнымъ грамотамъ появляются только въ эпоху разложенія и упадка удѣльнаго владѣнія, какъ форма укрѣпленія великокняжескихъ захватовъ; такое же значеніе акта, нарушающаго удѣльное право, и свидѣтельства о его разрушеніи засильемъ великокняжеской власти имѣли и другія формы мнимо-добровольнаго отчужденія удѣловъ и вотчинныхъ княженій («купли»).

6. Территорія Московскаго государства создана сліяніемъ московской вотчины съ Владимірскимъ великимъ княжествомъ въ единую вотчину московскихъ государей.

7. Объединеніе Великороссіи подъ государствомъ московскихъ великихъ князей совершено путемъ собиранія не земли, а власти въ развитіе и осуществленіе стародавней традиціи о патріархальномъ великомъ княженіи «въ отца мѣсто».»

8. Сосредоточеніе всей власти въ рукахъ московскаго государя достигнуто путемъ фактической ломки и принципіальнаго отрицанія силы обычнаго права въ пользу вотчиннаго самодержавія.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Поправить на:*
16	10 сн.	1191	1911
17	4 св.	Иванъ	Ивана
23	10 „	тяжелаго	географическаго
28	15 „	и	а
35	19 „	о преставленіи	отъ представленія
36	4 сн.	отоимилъ	отоималъ
46	пр. 1	107	44
54	4 сн.	Святополка	Святослава
55	4 св.	Ярослава	Святослава
77	1 сн.	132	54
80	3 „	вся	взя
86	6 св.	Даніила	Дмитрія
93	11 „	раптавшіе	роптавшіе
97	12 „	Александра	Александра [4])
128	16 сн.	Новг. II	Новг. I
135	14 „	она	грамота
150		IV	III
150	17 сн.	В. И. Сергѣевичъ	В. И. Сергѣевичъ
156	9 „	татарскому	тверскому
166	17 св.	торжество	тожество
171	20 „	недлежащее	ненадлежащее
172	16 сн.	сложившимся	сложившихся
176	17 св.	1371	1372
179	18 „	5320	320
180	5 „	„въ 5320 р.....тысячъ р.“	въ 320 р.
185	16 „	имѣемъ	имѣетъ
199		III	(уничтожить)
200		XI	IV
266	10 св.	повергая	подвергся
274	8 сн.	Тохташева	Тохтамышева
313	8 „	1589	1389
314	2 „	1889	1389
358	25 „	отпусти съ	отпусти
371	20 „	Орду,	Орду
373	9 „	Фаснера	Фасмера
378	7 св.	обострилось	обострился
390	10 сн.	Усанъ	Уланъ
393	1 „	Темнаго	Косого
401	17 „	Юріемъ	Василіемъ
408	12 „	закончить	закончитъ
422	2 „	что,	, что
425	11 „	Polskai	Polska i
427	10 „	русскихъ	рузскихъ

Указатель лицъ.

А.

Аввакумъ, человѣкъ митроп. Алексѣя. 308.
Авдотья. См. **Евдокія.**
Авдулъ, ханъ Зол. Орды. 267, 268.
Авдулъ, пос. ордынскій. 155, 156.
Авдулъ-Летифъ, царь казанскій. 429.
Аверкій, бояр. ростовскій. 149.
Авраамъ, тысяцк. новгородскій. 145.
Агаѳія, княг. См. **Кончака.**
Аграфена Васильевна, ж. в. кн. рязанскаго Ивана Васильевича. 256, 430.
Аепа, ханъ половецкій. 32.
Азбякъ (Азбекъ). См. **Узбекъ.**
Азисъ, ханъ Зол. Орды. 268—270.
Азы-Алибекъ, князекъ казанскій. 399.
Айгуста Гедиминовна, в. княг. См. **Анастасія** Гедиминовна.
Акиндинъ, инокъ тверской. 109, 123.
Акинѳъ, бояр. тверской. 103—105, 147.
Албуга, пос. ордынскій. 139, 140.
Алегамъ, царь казанскій. 429.
Алекса (Александръ) Морткиничъ, новгородецъ. 74.
Александра, 2-ая ж. в. кн. Московск. Ивана Ивановича. 170—173, 176, 268.
Александровичи, сыновья и потомки в. кн. Александра Невскаго. 66, 67, 72, 77, 87, 88, 92, 103, 111, 116, 117.
Александровичи, сыновья в. кн. тверского Александра Михайловича. 192, 195, 200, 202.
Александровичи, сыновья кн. пронскаго Александра Михайловича. 232.
Александръ Васильевичъ, с. в. кн. Василія Андреевича, в. кн. суздальскій. 138—141, 261, 264.
Александръ Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Ростиславича, кн. смоленскій. 160.
Александръ Даниловичъ, с. кн. московск. Даніила Александровича, кн. 119, 147, 162.
Александръ Ивановичъ, с. в. кн. Ивана Михайловича, в. кн. тверской. 203, 204, 206, 213—216, 218, 350.
Александръ Ивановичъ Брюхатый, с. кн. Ивана Борисовича Тугого Лука, кн. нижегородскій. 282.
Александръ Ивановичъ Нелюбъ, кн. литовскій. 344.
Александръ Казиміровичъ, в. кн. литовскій и кор. польскій. 258.
Александръ Константиновичъ, с. кн. ростовскаго Константина Борисовича, кн. углицкій. 147, 148.
Александръ Михайловичъ, с. в. кн. Михаила Ярославича, в. кн. тверской. 130—132, 134, 135, 137, 138, 140—143, 153—159, 163, 191, 192, 194, 195, 201, 206, 287, 321, 357.
Александръ Михайловичъ Ордынецъ, с. в. кн. тверского Михаила Александровича, кн. кашинскій. 213, 328.
Александръ Михайловичъ, с. кн. Михаила Ярославича, кн. пронскій. 229—232.
Александръ Семеновичъ, внукъ св. Михаила Черниговскаго, кн. новосильскій. 134.
Александръ Ярославичъ Невскій, в. кн. владимірскій. 50, 51, 54—69, 71, 75, 80, 91—93, 99, 100, 102, 105, 110, 113, 116, 117, 138, 139, 141, 147, 160, 260.
Александръ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Михайловича, кн. микулинскій. 219.
Александръ Андреевичъ Остей. См. **Остей, А. А.**
Александръ Ивановичъ, воев. московскій. 146.

Александръ Плещей. См. **Плещей, А.**
Александръ, бояр. тверской. 103.
Александръ, пос. новгородскій въ Литву. 143.
Александръ, совѣтникъ новгор. кн. Василія Александровича. 57.
Алексѣй, митроп. кіевскій и всея Руси. 167, 172—175, 185, 194, 197, 198, 206, 207, 209, 211, 227, 234, 236, 262, 267, 269, 270, 289—299, 306, 309—317, 321—323, 325, 334, 352—357, 359, 363, 364, 366, 370—372, 375, 450, 452.
Алексѣй, архіеп. новгородскій. 267, 318.
Алексѣй, еписк. суздальско-нижегородскій и городецкій. 262, 268—270.
Алексѣй Петровичъ, тысяцк. московскій. 167, 168, 233.
Алексѣй Полуектовичъ, дьякъ. 421.
Алексѣй, пос. московскій въ Литву. 351.
Алынъ, военач. татарскій. 85.
Амраганъ, баскакъ. 58.
Амуратъ, ханъ Зол. Орды. 267, 268.
Ананьинъ, Василій. См. **Василій** Ананьинъ.
Анастасія Андреевна, 1-ая ж. в. кн. тверского Бориса Александровича. 402.
Анастасія (Айгуста) Гедиминовна, ж. в. кн. Семена Гордаго. 144.
Анастасія Дмитріевна, ж. кн. холмскаго Ивана Всеволодовича. 203, 339.
Анастасія Юрьевна, ж. кн. галицкаго Юрія Дмитріевича. 343.
Анастасія, ж. в. кн. тверского Александра Михайловича. 149, 192, 195.
Анастасія, ж. кн. рязанскаго Романа Ольговича. 229.
Андреевичи, сыновья кн. литовскаго Андрея Ольгердовича. 333.
Андрей Александровичъ, с. в. кн. Александра Невскаго, в. кн. владимірскій. 58, 62, 81—94, 97, 100—105, 111, 112, 114, 116—118, 120, 135, 260.
Андрей Александровичъ, с. в. кн. тверского Александра Михайловича, кн. 192, 193, 201.
Андрей Борисовичъ, кн. микулинскій. 445.
Андрей Васильевичъ Большой, с. в. кн. Василія Темнаго, кн. углицкій. 414, 415, 418, 422—425, 427, 445.
Андрей Васильевичъ Меньшой, с. в. кн. Василія Темнаго, кн. вологодскій. 414, 415, 425, 426.
Андрей Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Константиновича, кн. углицкій. 53, 62.
Андрей Владиміровичъ, с. кн. серпуховскаго Владиміра Андреевича, кн. радонежскій. 380.
Андрей Дмитріевичъ, с. в. кн. Дмитрія Донскаго, кн. можайскій. 152, 186, 188, 247, 340, 341, 350, 351, 360, 383, 386, 387, 391.
Андрей Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Еремѣевича, кн. дорогобужскій. 193, 210, 219, 220.
Андрей Ивановичъ, с. в. кн. Ивана Калиты, кн. серпуховскій. 156, 164—167, 169, 171, 175, 186.
Андрей Ивановичъ, внукъ в. кн. тверского Ивана Михайловича. 219.
Андрей Ивановичъ, с. в. кн. Ивана III Васильевича, кн. старицкій. 411, 448.
Андрей Ивановичъ Сухорукій, с. кн. Ивана Владиміровича, кн. пронскій. 255.
Андрей Константиновичъ, с. в. кн. Константина Васильевича, кн. суздальско-нижегородскій. 264—266, 268—270, 289.
Андрей Ольгердовичъ, кн. полоцкій. 287, 288, 318, 322, 326, 332, 333, 336.
Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, в. кн. владимірскій. 4, 5, 8, 9, 12, 14, 28, 29, 31—34, 36—38, 41, 43, 45—47, 76, 92, 99, 140, 259, 260.
Андрей Ярославичъ, в. кн. владимірскій. 51, 55—57, 60—63, 67—69, 72, 77, 98, 139, 260.
Андрей, епископъ тверской. 87, 111, 122—124, 134.
Андрей Воротиславичъ, бояр. новгородскій. 74.
Андрей, посадн. новгородскій. 86.
Анна Васильевна, ж. в. кн. рязанскаго Василія Ивановича. 256, 258, 430.
Анна Дмитріевна, ж. в. кн. тверского Михаила Ярославича. 126.
Анна Ногаевна, ж. кн. ярославскаго Ѳедора Ростиславича. 61, 95.
Анна, княгиня, тетка в. кн. Семена Гордаго. 171.
Антоній, патр. константинопольскій. 108, 307, 314, 357, 358, 363, 365, 368—370.
Антоній, митроп. галицкій (для юго-зап. Руси). 312.

Антоній, инокъ. 61.
Антонъ, бояр. дмитровскій. 82.
Арапша, царев. ордынскій. 238, 274, 320.
Арсеній, еписк. тверской. 205, 215, 364.
Арсеній, инокъ псковскій. 142.
Арсеній, архидіак. См. **Арсеній**, еписк. тверской.
Арцыбашевъ, Н. С. 203.
Асанъ, кн. болгаръ камскихъ. 272, 273.
Ахматъ, ханъ Зол. Орды. 424, 425, 427, 441.
Ахметъ, пос. ордынскій. 198.
Аѳанасій, патр. константинопольскій. 122.
Аѳанасій Даниловичъ, с. кн. московск. Даніила Александровича, кн. новгороцскій. 126, 127, 130, 131.

Б.

Баиши, пос. ордынскій. 76.
Барбашевъ, А. 339, 348.
Басенокъ, Ѳедоръ, воев. московскій. 401, 412.
Батый, ханъ Зол. Орды. 50—53, 55, 65, 100, 113, 224—226.
Бегичъ, кн. ордынскій. 238, 274.
Беззубцевъ, воев. московскій. 414, 428.
Бенешевичъ, В. Н. 373.
Бердибекъ, ханъ Зол. Орды. 234, 266.
Бердыдадъ, царев. татарскій. 398.
Берке, ханъ Зол. Орды. 58, 59, 68.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. 29.
Боброкъ, Дмитрій, кн. См. **Волынскій** (Боброкъ), кн. Д. М.
Богословскій, М. М. 19.
Бонифацій IX, папа римскій. 341.
Борецкая, Марѳа, вдова посадника новгородск. Исаака Борецкаго. 432.
Борецкіе, боярскій родъ въ Новгородѣ. 432, 436, 437.
Борецкій, Иванъ, посадн. новгородскій. 432.
Борецкій, Ѳедоръ, бояр. новгородскій. 437.
Борзаковскій, В. С. 78, 89, 111, 121—123, 126—130, 137, 154, 191, 199, 200, 203—207, 209, 210, 215, 219, 220, 222, 351.
Борисовичи, потомки кн. ростовскаго Бориса Васильковича. 59, 126.
Борисовичи, сыновья кн. нижегородскаго Бориса Константиновича. 281.
Борисъ Александровичъ, с. в. кн. Александра Ивановича, в. кн. тверской. 193, 203, 205, 218—222, 394, 400, 402, 404, 413, 444.
Борисъ Александровичъ, с. кн. Александра Ѳедоровича, кн. микулинскій. 219, 220.
Борисъ Васильевичъ, с. в. кн. Василія Темнаго, кн. волоцкій. 414, 415, 423—427, 455.
Борисъ Васильковичъ, с. кн. Василька Константиновича, кн. ростовскій. 51, 52, 59, 62, 95, 96.
Борисъ (Давидъ) Владиміровичъ, с. в. кн. Владиміра Святого, кн. ростовскій. 30, 34.
Борисъ Давидовичъ, с. кн. Давида Константиновича, кн. дмитровскій. 149, 150, 189.
Борисъ Даниловичъ, с. кн. московск. Даніила Александровича, кн. 103, 106, 130, 162.
Борисъ Константиновичъ, с. в. кн. Константина Васильевича кн. суздальско-нижегородскій. 203, 265, 268—270, 273, 275—279, 310, 327, 328.
Борисъ Михайловичъ, с. в. кн. тверского Михаила Александровча, кн. кашинскій. 213—215, 217, 328.
Борисъ Константиновичъ, намѣстникъ в. кн. тверского Михаила Ярославича въ Новгородской области. 120.
Брячислава, ж. в. кн. Александра Невскаго. 160.
Булатовъ, Іовъ, десятинникъ владычный въ Устюгѣ. 393.
Булатъ-Салтанъ, ханъ Зол. Орды. 249, 332.
Булатъ-Темиръ, ханъ Зол. Орды. 269, 272, 346.
Бурундай, воев. Батыя. 56.
Бычковъ, А. Ѳ. 106.
Бѣда, Василій, дьякъ. 406.
Бѣльскій, кн. Семенъ Ивановичъ. 447.
Бѣльскій, кн. Ѳедоръ Ивановичъ. 446.
Бѣляевъ, И. Д. 227.
Бяконтъ, Ѳедоръ, бояр., отецъ митроп. Алексѣя. 290.

В.

Варсонофій, еписк. тверской. 134.
Варѳоломей, новгородецъ. 74.

*

Василиса Васильевна, ж. кн. нижегородскаго Александра Ивановича Тугого Лука. 282.
Василиса Семеновна, ж. кн. кашинскаго Михаила Васильевича. 211.
Василиса Ѳедоровна, ж. кн. серпуховскаго Ивана Владиміровича. 247.
Василій Александровичъ, с. в. кн. Александра Невскаго, кн. новгородскій. 56—58, 67, 135.
Василій Андреевичъ, с. в. кн. Андрея Ярославича, кн. суздальскій. 77, 98, 260, 266.
Василій Васильевичъ, с. кн. Василія Михайловича, кн. кашинскій. 210.
Василій Васильевичъ Гребенка, с. кн. шуйскаго Василія Семеновича, кн. 410.
Василій II Васильевичъ Темный, в. кн. московскій. 24, 48, 140, 145, 166, 188, 203, 205—207, 219, 221, 243, 251—253, 255—257, 282, 324, 325, 331, 350, 351, 376, 382—407, 409—418, 421, 422, 424, 431, 442, 444.
Василій Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Андреевича, кн. серпуховскій. 380.
Василій Всеволодовичъ, с. кн. Всеволода Константиновича, кн. ярославскій. 51—53, 60, 95.
Василій Давидовичъ, с. кн. Давида Ѳедоровича, кн. ярославскій. 150, 156, 163.
Василій I Дмитріевичъ, в. кн. московскій. 152, 171, 173, 179, 185—188, 202, 204, 210, 216, 217, 240, 243—250, 254, 276—282, 327—329, 331—351, 362, 365, 366, 368—371, 373, 375—380, 382—384, 386, 387, 389, 390, 394.
Василій Дмитріевичъ Кирдяпа, с. в. кн. Дмитрія Константиновича, кн. суздальскій. 268—270, 275, 276, 278, 279, 401.
Василій Ивановичъ, с. кн. Ивана Александровича, кн. смоленскій. 338.
Василій III (Гавріилъ) Ивановичъ, в. кн. московскій. 3, 258, 408, 411, 429, 448, 449, 457.
Василій Ивановичъ Шемячичъ, с. кн. Ивана Дмитріевича Шемякина, кн. сѣверскій. 447.
Василій Ивановичъ, с. кн. Ивана Ѳедоровича, кн. рязанскій. 206, 255, 256, 430.
Василій Ивановичъ, с. кн. Ивана Ивановича, кн. пронскій. 255.
Василій Константиновичъ, с. кн. Константина Ярославича, кн. галицкій. 98.
Василій Константиновичъ, с. кн. Константина Борисовича, кн. ростовскій. 126, 147, 148.
Василій Константиновичъ, с. кн. Константина Романовича, кн. рязанскій. 230, 231.
Василій Михайловичъ I, с. в. кн. тверского Михаила Ярославича, кн. кашинскій. 138, 139, 192, 193, 195—202, 206—211, 217, 219, 301, 304, 311, 312.
Василій Михайловичъ II, с. кн. Михаила Васильевича, кн. кашинскій. 211, 212.
Василій Михайловичъ III, с. в. кн. тверского Михаила Александровича, кн. кашинскій. 213—218, 328, 379.
Василій Михайловичъ, мнимый кн. суздальскій, с. кн. Михаила Андреевича. 147.
Василій Михайловичъ, с. кн. Михаила Андреевича, кн. верейскій. 418, 419.
Василій Семеновичъ, с. кн. Семена Дмитріевича, кн. шуйскій. 281.
Василій Юрьевичъ Косой, с. кн. Галицкаго Юрія Дмитріевича, кн. 391—394, 396.
Василій Юрьевичъ, с. кн. шуйскаго Юрія Васильевича, кн. 400, 401.
Василій Ярославичъ, с. в. кн. Ярослава Всеволодовича, кн. костромской. 63, 74—78, 80—82, 92.
Василій Ярославичъ, с. Ярослава-Аѳанасія Владиміровича, кн. серпуховскій. 391, 392, 401—407, 409, 410, 415.
Василій, кн. брянскій. 298.
Василій, архіеп. новгородскій. 142, 143, 145, 289.
Василій, еписк. тверской. 206—209, 211, 311.
Василій Ананьинъ, степенный посадн. новгородскій. 436, 437.
Василій Бѣда. См. **Бѣда, Василій.**
Василій Васильевичъ, бояр. московскій. См. **Вельяминовъ,** В. В.
Василій Кочева. См. **Кочева,** Василій.
Васильевичи, сыновья кн. кашинскаго Василія Михайловича I. 192.
Васильевичи, сыновья кн. рязанскаго Василія Ивановича. 256.
Васильевна, княгиня. См. **Марія** Васильевна.

Васильевъ, Елизаръ, пос. можайскій къ в. кн. Василью Васильевичу. 404.
Васильковичи, сыновья кн. ростовскаго Василька Константиновича. 59.
Василько Константиновичъ, с. в. кн. владимірскаго Константина Всеволодовича, кн. ростовскій. 39, 52, 59, 61, 95—97.
Василько Юрьевичъ, с. в. кн. Юрія Долгорукаго, кн. 32, 33.
Вассіанъ, еписк. ростовскій. 452.
Вельяминовъ, Василій Васильевичъ, тысяцк. московскій. 168.
Вердеревскіе, дворянскій родъ. 237.
Веселовскій, Н. И. 137.
Вешняковъ, Вл. 10, 25.
Вислень. См. **Евѳимій** Вислень.
Витовтъ Кейстутовичъ, в. кн. литовскій. 210, 216, 217, 219—221, 242, 246, 248, 250, 252, 254, 285, 317, 323, 325, 331, 332, 334, 336—346, 348—351, 369, 370, 373—376, 383, 387—389, 394.
Владиміровичи, сыновья кн. рязанскаго Владиміра Глѣбовича. 223—225.
Владиміровичи, сыновья кн. серпуховскаго Владиміра Андреевича. 380, 381, 383.
Владимірскій-Будановъ, проф. 141, 164.
Владиміръ Александровичъ, с. в. кн. тверского Александра Михайловича, кн. 192, 193, 201.
Владиміръ Андреевичъ, с. кн. Андрея Ивановича, кн. серпуховскій. 154, 171—189, 204, 236, 238, 239, 242, 243, 245, 247, 300, 301, 304, 305, 318, 320—322, 324, 326, 327, 330, 332, 347, 350, 378—384, 400, 405, 407, 415.
Владиміръ Андреевичъ, с. кн. Андрея Васильевича, кн. ростовскій. 442.
Владиміръ Андреевичъ, с. кн. Андрея Ивановича, кн. старицкій. 411.
Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, в. кн. кіевскій. 4, 6, 27, 30, 34—37, 44, 46, 47, 53, 55, 59, 64, 65, 92, 102.
Владиміръ Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода III Юрьевича, кн. 39, 44, 45, 117.
Владиміръ Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Ростиславича, кн. рязанскій. 224.
Владиміръ Константиновичъ, с. в. кн. владимірскаго Константина Всеволодовича, кн. углицкій. 39, 51—53, 62, 95.
Владиміръ Ольгердовичъ, кн. кіевскій. 298, 328, 337, 358.
Владиміръ (Василій) Святославичъ Святой, в. кн. кіевскій. 30, 59, 94.
Владиміръ Ярославичъ, с. кн. Ярослава-Дмитрія Александровича, кн. пронскій. 232, 233, 235—238, 248, 303.
Владиміръ, кн. рязанскій. 68.
Волынскій (Боброкъ), кн. Дмитрій Михайловичъ, воев. московскій. 212, 321, 333.
Ворковъ, Борисъ, управитель села Богородскаго. 151.
Воротынскіе, князья. 258, 445, 447.
Воротынскій, кн. Ѳ. Л. 404.
Всеволодовичи, потомки в. кн. Всеволода III Юрьевича. 44.
Всеволодовичи, сыновья кн. холмскаго Всеволода Александровича. 203, 204.
Всеволодъ Александровичъ, с. в. кн. Александра Михайловича, кн. холмскій. 149, 192, 193, 195—202, 209.
Всеволодъ Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Ростиславича, кн. пронскій. 224.
Всеволодъ Константиновичъ, с. в. кн. владимірскаго Константина Всеволодовича, кн. ярославскій. 39, 40, 52, 60—62, 95.
Всеволодъ Мстиславичъ, с. кн. Мстислава Романовича, кн. новгородскій. 50, 71, 111.
Всеволодъ II Ольговичъ, с. кн. черниговскаго Олега Святославича, в. кн. кіевскій. 36, 46, 55.
Всеволодъ Святославичъ Чермный, с. в. кн. кіевскаго Святослава Всеволодовича, кн. черниговскій. 224.
Всеволодъ III (Дмитрій) Юрьевичъ, Большое Гнѣздо, в. кн. владимірскій. 12, 22, 23, 27, 29, 30, 32—34, 36—48, 53, 55, 59, 67, 76, 94, 111, 113, 114, 118, 139, 140, 159, 201, 223, 224, 259, 457.
Всеволодъ Юрьевичъ, с. в. кн. Юрія Всеволодовича, кн. 40.
Всеволодъ I Ярославичъ, в. кн. кіевскій. 6, 35, 59.
Всеволодъ, кн. пронскій. 225.
Всеволожскій, Дм. Ал., намѣстникъ московскій въ Н. Новгородѣ. 278.
Всеволожскій, Иванъ Дмитріевичъ, бояр. московскій. 387, 389, 391.

Г.

Гавріилъ, инокъ Нямецкаго м-ря. 374.
Гацисскій, А. С. 263, 264, 273.
Гачна. См. **Таянчаръ.**
Гедиминовичи, потомки в. кн. литовскаго Гедимина. 432, 446.
Гедиминъ, в. кн. литовскій. 134, 142, 143, 160, 161, 318, 328, 334.
Геренъ. 10.
Георгій, протодіак. изъ Константинополя. 315.
Георгій Шимоновичъ, варягъ. 30.
Герасимъ, митроп. кіевскій и всея Руси. 394, 395.
Герберштейнъ, Сигизмундъ. 408.
Гердень, кн. литовскій. 111.
Геронтій, митроп. московскій и всея Руси. 418, 424, 452.
Геронтій, игуменъ. 121—123.
Гетцъ, Л. К. 41.
Гизо. 10, 14.
Глѣбовичи, потомки кн. Бѣлозерскаго Глѣба Василькoвича. 59.
Глѣбовичи, сыновья кн. рязанскаго Глѣба Ростиславича. 224.
Глѣбъ Василькoвичъ, с. кн. Василька Константиновича, кн. бѣлозерскій. 51, 59, 95, 96, 129.
Глѣбъ (Романъ) Владиміровичъ, с. в. кн Владиміра Святого, кн. муромскій. 30, 34.
Глѣбъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Глѣбовича, кн. рязанскій. 41, 224, 225
Глѣбъ Гедиминовичъ, кн. литовскій. 161
Глѣбъ Игоревичъ, с. кн. Игоря Глѣбовича, кн. рязанскій. 225.
Глѣбъ Ингваревичъ, с. кн. рязанскаго Ингваря Игоревича, кн. 225.
Глѣбъ Ростиславичъ, с. кн. Ростислава Ярославича, кн. рязанскій. 117, 223.
Глѣбъ Ростиславичъ, с. кн. Ростислава Мстиславича, кн. смоленскій. 76.
Глѣбъ Юрьевичъ, с. кн. Юрія Ѳедоровича, кн. пронскій. 255.
Голтяева, Марія Ѳедоровна. См. **Марія** Ѳедоровна Голтяева.
Голтяевъ, Андрей Ѳедоровичъ, бояр. московскій. 414.
Голубинскій, Е. Е. 33, 60, 121—125, 131, 199, 289—292, 295, 296, 298, 316, 354, 355, 360, 362, 364, 366, 367, 371, 373, 395, 450, 451.
Гольшанскіе, паны литовскіе. 432, 446.
Гольшанскій, панъ литовскій. 447.
Горбачевскій. 144.
Горностаевъ, Ѳ. Ѳ. 49.
Горскій. 121.
Градовскій, А. Д. 25.
Грековъ, Б. Д. 439.
Григора, Никифоръ. См. **Никифоръ** Григора.
Григорій Мамма, патр. константинопольскій. 450.
Григорій Цамблакъ, митрополитъ кіевскій. 374, 375.
Григорій, митроп. кіево-литовскій. 432, 451.
Григорій, пос. новгородскій въ Литву. 143.
Грузинскій, А. Е. 107.
Грушевскій, М. С. 1, 2, 4, 21, 332, 341.
Гурлень (Гуслень), Ѳедоръ, киличей тверской. 214, 327.

Д.

Давидъ Ингваревичъ, с. кн. рязанскаго Ингваря Игоревича, кн. 225.
Давидъ Константиновичъ, с. кн. Константина Ярославича, кн. галицкій и дмитровскій. 61, 63, 98, 149, 189.
Давидъ Семеновичъ, кн. кемскій. 153, 186.
Давидъ Юрьевичъ, с. кн. Юрія Владиміровича, кн. муромскій. 224.
Давидъ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Ростиславича, кн. ярославскій. 61, 95, 150.
Давидъ, кн. литовскій. 132.
Давидъ, архіеп. новгородскій. 122, 125, 127.
Давидъ Явидовичъ, бояр. тверской. 103.
Даниловичи, потомки кн. московскаго Даніила Александровича. 21, 116, 124, 162, 177, 384—386.
Даніилъ Александровичъ, с. в. кн. Александра Невскаго, кн. московскій. 84, 88—91, 111, 116—118, 151, 230, 290.
Даніилъ Александровичъ, кн. ростовскій, намѣстникъ московскій въ Псковѣ. 342.
Даніилъ Борисовичъ, с. кн. Бориса Константиновича, кн. нижегородскій. 280—282.

Даніилъ Дмитріевичъ, с. в. кн. Дмитрія Донского, кн. 174, 187.
Даніилъ Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Андреевича, кн. пронскій. 255.
Даніилъ Дмитріевичъ, кн. См. **Холмскій**, кн. Д. Д.
Даніилъ Романовичъ, с. кн. Романа Мстиславича, кн. галицкій. 1, 56, 60.
Даніилъ, кн. пронскій. 238.
Даніилъ Өеофановичъ, бояр. московскій (племянникъ митроп. Алексѣя). 291, 332.
Даніилъ, посадн. новгородскій. 145.
Даньяръ, с. Касима, царев. татарскій. 255, 428, 433.
Дебольскій, В. Н. 165, 166.
Джанибекъ. См. **Чанибекъ**.
Джелалъ-Эддинъ-Салтанъ (Зелени-Салтанъ), ханъ Зол. Орды. 281, 347, 350.
Діонисій, патр. константинопольскій. 432.
Діонисій, еписк. суздальскій. 355—358, 360, 366.
Длугошъ. 318.
Дмитріевичи, потомки в. кн. Дмитрія Донского. 152, 186, 187, 189, 385.
Дмитріевичи, сыновья в. кн. суздальскаго Дмитрія Константиновича. 275, 276, 278, 279.
Дмитрій Александровичъ, с. в. кн. Александра Невскаго, в. кн. владимірскій. 54, 57, 58, 67, 68, 72—74, 76—88, 91, 92, 96, 97, 100, 111, 112, 116, 118, 135.
Дмитрій Андреевичъ, с. кн. Андрея Ивановича, кн. пронскій. 255.
Дмитрій Борисовичъ, с. кн. Бориса Васильковича, кн. ростовскій. 86, 87, 96—99.
Дмитрій Еремѣевичъ, с. кн. Еремѣя Константиновича, кн. дорогобужскій. 210, 219.
Дмитрій Ивановичъ Донской, в. кн. московскій. 15—18, 23, 49, 149, 150, 152—154, 170—190, 199, 206—209, 211, 228, 232, 233, 235—245, 263, 267—276, 283, 290, 291, 299—310, 312, 314, 316, 318—324, 326—331, 333, 335, 353—365, 375—378, 382, 384, 385, 389, 393, 413, 414, 417.
Дмитрій Ивановичъ, с. кн. Ивана Өедоровича, кн. галицкій. 150, 153.
Дмитрій Ивановичъ, с. в. кн. Ивана III, кн. углицкій. 448.
Дмитрій Ивановичъ, внукъ в. кн. Ивана III, в. кн. 266, 448.
Дмитрій Константиновичъ Старшій, с. в. кн. Константина Васильевича, в. кн. суздальскій. 153, 173, 207, 263, 265—275, 298—300.
Дмитрій Константиновичъ Младшій (Ноготь), с. в. кн. суздальскаго Константина Васильевича, кн. 265.
Дмитрій Михайловичъ, с. в. кн. Михаила Ярославича, в. кн. тверской. 124, 125, 130, 132—135, 137, 154, 157, 189.
Дмитрій Ольгердовичъ, кн. брянскій. 299, 318, 332, 333, 335.
Дмитрій (Корибутъ) Ольгердовичъ. См. **Корибутъ** (Дмитрій) Ольгердовичъ.
Дмитрій Романовичъ, с. кн. Романа Глѣбовича, кн. брянскій. 161.
Дмитрій Святославичъ, с. в. кн. владимірскаго Святослава Всеволодовича, кн. юрьево-польскій. 54, 98.
Дмитрій Юрьевичъ, в. кн. См. **Всеволодъ III** Юрьевичъ.
Дмитрій Юрьевичъ, с. кн. Юрія Всеволодовича, кн. холмскій. 203, 205, 219, 220.
Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, с. кн. галицкаго Юрія Дмитріевича. 282, 391—394, 397—406, 409—411, 452.
Дмитрій Юрьевичъ Красный, с. кн. галицкаго Юрія Дмитріевича, кн. 392, 393, 397.
Дмитрій Өедоровичъ, с. кн. Өедора Ивановича, кн. стародубскій. 149.
Дмитрій (Дмитрюкъ) Аөинянинъ (Аөинеевичъ), бояр. митрополичій. 365, 368.
Дмитрій Боброкъ, кн. См. **Волынскій** (Боброкъ), кн. Д. М.
Дмитрій (?). 120.
Дмитрюкъ, бояр. См. **Дмитрій** Аөинянинъ.
Добрыня Долгій, бояр. суздальскій. 15, 45.
Довмонтъ кн. псковскій. 69, 72, 73, 82—84, 111, 142.
Доль, нѣмецъ. 158.
Домантъ, кн. литовскій. 112.
Дускъ Величко, иноземецъ. 158.
Дьяконовъ, М. А. 109, 125, 141, 164, 365, 451.
Дюдень. См. **Туданъ**.

Е.

Евдокія Дмитріевна, ж. в. кн. Дмитрія Донского. 173, 271, 350.

Евдокія Ивановна, ж. кн. ярославскаго Василія Давидовича. 150, 163.
Евдокія Константиновна, ж. в. кн. тверского Михаила Александровича. 214,215.
Евфросинъ, архіеп. суздальскій. 366.
Евѳимій, архіеп. новгородскій. 395, 404.
Евѳимій Вислѣнь, епископъ тверской. 363, 364.
Евѳимій, игум. Спасскаго м-ря въ Суздалѣ. 366.
Едигей, военач. ордынскій. 250, 325, 331, 332, 346, 347, 349, 397.
Елевѳерій Сбыславичъ, воев. новгородскій. 73.
Елена Ивановна Брянская, ж. кн. кашинскаго Василія Михайловича. 202, 211.
Елена Ольгердовна, ж. кн. серпуховскаго Владиміра Андреевича. 302, 304.
Елена Ярославна, ж. кн. верейскаго Михаила Андреевича. 419.
Елена, ж. в. кн. Ивана Калиты. 163.
Елизаръ Васильевъ. См. **Васильевъ,** Елизаръ.
Елисей, тысяцк. новгородскій. 299.
Елортай, кн. ордынскій. 231.
Епифаній Премудрый, авторъ житія св. Сергія Радонежскаго. 148, 149, 159, 195.
Еремѣй Константиновичъ, с. кн. Константина Михайловича, кн. дорогобужскій. 193, 206—209, 210.

Ж.

Жанибекъ, вельможа татарскій. 68.
Жеребецъ, бояр. тверской. 103.
Жеребцовы, боярскій родъ. 290.
Жидиславъ, воев. тверской. 56.

З.

Забѣлинъ, И. Е. 5, 21, 46, 117, 157, 158.
Звенигородскій, кн. Иванъ Александровичъ, намѣстникъ московскій въ Псковѣ. 442.
Зелени-Салтанъ. См. **Джелалъ-Эддинъ-Салтанъ.**
Зернъ, бояр. тверской. 103.
Зиновій, игум. Троицкаго-Сергіева м-ря. 397.
Зосима, игум. 121.
Зотовъ, Р. В. 134.

И.

Ибрагимъ, царь казанскій. 428, 429.
Иванко Степановичъ, бояр. суздальскій. 45.
Ивановичи, сыновья в. кн. Ивана Калиты. 166.
Иванъ Агаѳоновичъ Сущей. См. **Сущей,** Ив. Аг.
Иванъ Александровичъ, с. кн. Александра Глѣбовича, кн. смоленскій. 160, 161, 286.
Иванъ Александровичъ, с. кн. пронскаго Александра Михайловича, кн. рязанскій. 232, 233.
Иванъ Андреевичъ, с. кн. Андрея Ивановича, кн. серпуховскій. 171.
Иванъ Андреевичъ, с. кн. Андрея Дмитріевича, кн. можайскій. 391—393, 398, 400, 403—407, 409, 410, 415.
Иванъ Андреевичъ, с. кн. Андрея Ольгердовича, кн. литовскій. 332, 336, 340.
Иванъ Баба, кн. друцкій. 393.
Иванъ Борисовичъ, с. кн. Бориса Константиновича, кн. нижегородскій. 275, 280, 282.
Иванъ Борисовичъ, с. кн. Бориса Михайловича, кн. кашинскій. 194, 213—215, 217, 218, 379.
Иванъ Борисовичъ, с. кн. волоколамскаго Бориса Васильевича, кн. рузскій. 427.
Иванъ III Васильевичъ, в. кн. московскій. 3, 4, 8, 10, 17, 19, 24, 61, 76, 190, 205, 222, 255, 257, 258, 331, 386, 399, 402, 408, 412—419, 421—430, 433—445, 447—449, 451, 452, 454—457.
Иванъ IV Васильевичъ, царь московскій. 105, 408, 411, 421, 446, 457.
Иванъ Васильевичъ, с. в. кн. Василія Дмитріевича, кн. 350.
Иванъ Васильевичъ, с. кн. суздальскаго Василія Кирдяпы, кн. 281.
Иванъ Васильевичъ, с. кн. серпуховскаго Василія Ярославича, кн. 409, 410.
Иванъ Васильевичъ, с. кн. Василія Ивановича, кн. рязанскій. 255—258, 399, 430.
Иванъ Васильвичъ Горбатый, с. кн. шуйскаго Василія Семеновича, кн. 410.

Иванъ Васильевичъ Шемяка, с. кн. Василія Ивановича, кн. пронскій. 255.
Иванъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Андреевича, кн. серпуховскій. 379, 380.
Иванъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Ярославича, кн. пронскій. 238, 248—251, 254.
Иванъ Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода III Юрьевича, кн. стародубскій. 44, 51, 53, 69, 98.
Иванъ Всеволодовичъ, с. кн. Всеволода Александровича, кн. холмскій. 202—204, 206, 212, 215, 321, 339, 340.
Иванъ Даниловичъ Калита, в. кн. московскій. 12, 15, 24, 44, 49, 90, 91, 104, 105, 118, 123, 129, 131, 136, 138—149, 151—171, 175—178, 181, 184, 188, 191, 195, 231, 243, 261, 262, 283, 286, 290, 291, 324, 329, 376, 385, 419.
Иванъ Дмитріевичъ Большой, с. в. кн. владимірскаго Дмитрія Александровича, кн. переяславскій. 54, 87—91, 97, 99.
Иванъ Дмитріевичъ, с. кн. суздальскаго Дмитрія Константиновича, кн. 275.
Иванъ Дмитріевичъ, с. в. кн. Дмитрія Донскаго, кн. 152, 186, 187, 360.
Иванъ Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Еремѣевича, кн. чернятинскій. 210.
Иванъ Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Юрьевича Шемяки, кн. 411.
Иванъ Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Андреевича, кн. пронскій. 255.
Иванъ Еремѣевичъ, с. кн. Еремѣя Константиновича, кн. дорогобужскій. 210.
Иванъ II Ивановичъ, в. кн. московскій. 154, 161, 163—167, 169—173, 175, 176, 185, 198, 199, 233, 234, 243, 264, 265, 283—285, 288—290, 292, 293, 297, 298, 300, 307.
Иванъ Ивановичъ, с. в. кн. Ивана Ивановича, кн. звенигородскій. 154, 172—174, 176.
Иванъ Ивановичъ Коротополъ, с. кн. Ивана Ярославича, кн. рязанскій. 146, 230—232.
Иванъ Ивановичъ, с. в. кн. тверского Ивана Михайловича, кн. 213, 214.
Иванъ Ивановичъ Молодой, с. в. кн. Ивана III Васильевича, в. кн. 258, 266, 418, 423, 426, 438, 445, 446.
Иванъ Ивановичъ Нелюбъ, с. кн. Ивана Владиміровича, кн. пронскій. 255.
Иванъ Ивановичъ, с. кн. Ивана Ивановича Нелюба, кн. пронскій. 255.
Иванъ Ивановичъ, с. кн. Ивана Васильевича, кн. рязанскій. 258.
Иванъ Михайловичъ, с. кн. Михаила Ивановича, кн. стародубскій. 69, 149.
Иванъ Михайловичъ, с. в. кн. Михаила Александровича, в. кн. тверской. 194, 203—205, 210, 213—219, 303, 341, 349.
Иванъ Юрьевичъ, с. в. кн. тверского Юрія Александровича, кн. зубцовскій. 193, 219, 220, 222.
Иванъ Ярославичъ, с. кн. Ярослава Дмитріевича, кн. юрьево-польскій. 98, 146, 149.
Иванъ Ярославичъ, с. кн. пронскаго Ярослава Романовича, кн. рязанскій. 138, 230, 231.
Иванъ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Ивановича, кн. стародубскій. 149, 150, 153.
Иванъ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Романовича, кн. бѣлозерскій. 267, 269.
Иванъ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Ольговича, кн. рязанскій. 206, 243, 251, 252, 254, 255, 331, 392, 404, 405, 412.
Иванъ, кн. друцкій. 146.
Иванъ, кн. козельскій. 299.
Иванъ, кн. новосильскій. 299.
Иванъ, кн. стародубскій. 68, 69.
Иванъ Дмитріевичъ, тысяцк. новгородскій. 127.
Иванъ Руно. См. **Руно, Иванъ.**
Иванъ, духовникъ и печатникъ кн. верейскаго Михаила Андреевича. 420.
Иванъ (Дѣтино Ивашково стадо). 170.
Игнатій, еписк. ростовскій. 60, 96.
Игнатьевы, московскій боярскій родъ. 290.
Игоревичи, сыновья кн. рязанскаго Игоря Глѣбовича. 223, 225.
Игорь Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Ростиславича, кн. рязанскій. 224, 226.
Игорь Ольговичъ, с. кн. черниговскаго Олега Святославича, в. кн. кіевскій. 46.
Игорь Святославичъ, с. кн. Святослава Ольговича, кн. новгородъ-сѣверскій. 47, 102.
Измайловъ, Инька, воев. рязанскій. 258.
Измаилъ, еписк. сарайскій. 88.

Изосимъ. См. **Зосима.**
Изяславъ Владиміровичъ, с. в. кн. Владиміра Святого, кн. полоцкій. 94.
Изяславъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Глѣбовича, кн. рязанскій. 224, 225.
Изяславъ Мстиславичъ, с. в. кн. Мстислава Владиміровича, в. кн. кіевскій. 28, 31, 36.
Изяславъ (Дмитрій) Ярославичъ, с. в. кн. Ярослава Мудраго, в. кн. кіевскій. 30.
Иконниковъ, В. С. 36.
Иловайскій, Д. И. 69, 118, 168, 224, 226, 227, 229, 230, 232, 235, 237—240, 243—245, 247, 251, 255, 257.
Илякъ, пос. ордынскій. 269.
Ингваревичи, сыновья кн. рязанскаго Ингваря Игоревича. 225, 226.
Ингварь Игоревичъ, с. кн. Игоря Глѣбовича, кн. рязанскій. 41, 223, 424—426.
Ингварь Ингваревичъ, с. кн. Ингваря Игоревича, кн. рязанскій. 225, 226.
Индый, пос. ордынскій. 126.
Иноземцевъ, А. Д. 194.
Инька Измайловъ. См. **Измайловъ,** Инька.
Исаія, еписк. ростовскій. 33.
Исидоръ, митроп. кіевскій и всея Руси. 395, 396, 432, 450, 451.

І.

Іоаннъ VIII Палеологъ, имп. византійскій. 450.
Іоаннъ XIV, патр. константинопольскій. 136.
Іоаннъ (?), митроп. 371.
Іоаннъ, архіеп. новгородскій. 368—370.
Іоаннъ, еписк. суздальскій. 44, 46.
Іоаннъ, протод. константинопольскій. 315.
Іоаннъ Докіанъ, довѣренное лицо патр. константинопол. Филоѳея. 313, 314.
Іовъ Булатовъ. См. **Булатовъ,** Іовъ.
Іона, митроп. московскій и всея Руси. 141, 314, 366, 395, 401, 403, 406, 409, 412, 414, 428, 450—452, 456.
Іона, архіеп. новгородскій. 431, 432.
Іосифъ, патр. константинопольскій. 374, 450.
Іосифъ, еписк. рязанскій. 229.

К.

Кавгадый, военач. ордынскій. 105, 129, 130.
Кавелинъ, К. Д. 9, 11, 12, 18.
Казиміръ III Великій, кор. польскій. 308, 311.
Казиміръ Ягайловичъ, кор. польскій и в. кн. литовскій. 219, 221, 253, 317, 394, 396, 401, 404, 413, 416, 424, 425, 427, 432, 433, 441, 444—446, 451.
Калачевъ, Н. В. 141.
Каллистъ III, папа римскій. 451.
Каллистъ, патр. константинопольскій. 296, 308, 312.
Кановичи, наслѣдники великаго хана. 55.
Карамзинъ, Н. М. 3, 4, 11, 32, 68, 69, 80—82, 104, 105, 118, 124, 140, 150—152, 158, 167, 172, 173, 200, 205, 211, 218, 236, 241, 282, 300, 349, 364, 386, 392, 396, 401.
Карамышевъ, Семенъ, воев. нижегородскій. 281.
Карачъ, пос. ордынскій. 328.
Касимъ Трегубъ, царев. ордынскій. 255, 398, 413, 414, 428.
Каченовскій, М. Т. 10.
Квашнины, боярскій родъ. 105.
Кейстутъ Гедиминовичъ, в. кн. литовскій. 287, 299, 323, 332, 333, 337.
Киндякъ, пос. ордынскій. 232.
Кипріанъ, митроп. кіевскій и всея Руси. 108, 122, 124, 141, 234, 241, 314—316, 321, 322, 334, 338, 340, 363—364, 366, 368—375, 379.
Кириллъ, митроп. кіевскій (1225—1233 гг.). 40.
Кириллъ, митроп. кіевскій (1243—1281 гг.). 56, 60, 75, 96, 108.
Кириллъ, еписк. ростовскій. 52, 60.
Кириллъ Хотуничъ, новгородецъ. 74.
Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ, кн. См. **Михаилъ** Всеволодовичъ, кн.
Кичи-Махметъ, ханъ Зол. Орды. 397.
Климентъ, архіеп. новгородскій. 81.
Ключевскій, В. О. 5, 19—24, 26, 28, 30 47, 48, 91, 99, 116, 117, 151, 187, 188, 290, 431.
Кондаковъ, Н. П. 29, 35.
Константиновичи, дѣти кн. ростовскаго Константина Борисовича. 147.

Константиновичи, сыновья в. кн. суздальскаго Константина Васильевича. 265, 268—270, 272.
Константиновичи, потомки в. кн. владимірскаго Константина Всеволодовича. 40, 47, 52, 54, 60, 64, 95, 97.
Константиновичи, сыновья в. кн. тверского Константина Михайловича. 192. 194, 206.
Константинъ XI Палеологъ, имп. византійскій. 395.
Константинъ Борисовичъ, с. кн. Бориса Василькoвича, кн. ростовскій и углицкій. 86, 88, 89, 96, 97, 99, 129, 146, 147.
Константинъ Васильевичъ, с. кн. Василія Андреевича, кн. суздальско-нижегородскій. 140, 146, 261—265, 284, 289, 292.
Константинъ Васильевичъ, с. кн. Василія Константиновича, кн. ростовскій. 147, 148, 153, 154, 163, 269, 286.
Константинъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Глѣбовича, кн. рязанскій. 41, 225.
Константинъ Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода III, в. кн. владимірскій. 15, 34, 38, 39, 41—46, 59, 115, 154.
Константинъ Дмитріевичъ, с. в. кн. Дмитрія Донского, кн. углицкій. 185, 187, 330, 344, 345, 348, 351, 375—378, 382—384, 386, 387, 391—393, 415.
Константинъ Ивановичъ, с. кн. бѣлозерскаго Ивана Ѳедоровича, кн. 335—337.
Константинъ Михайловичъ, с. в. кн. Михаила Ярославича, в. кн. тверской. 130, 131, 138, 139, 149, 154, 155, 158, 191, 192, 194—196, 199, 201, 206, 217, 288.
Константинъ Романовичъ, с. кн. Романа Ольговича, кн. рязанскій. 118, 228—231, 234.
Константинъ Ростиславичъ, с. кн. Ростислава Владиміровича, кн. смоленскій. 73.
Константинъ Ярославичъ, с. в. кн. Ярослава Всеволодовича, кн. галицкій. 51, 63, 98.
Константинъ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Ростиславича, кн. ярославскій. 61, 95.
Константинъ, килпчей тверской. 214.
Кончака (Агаѳія), ж. кн. московскаго Юрія Даниловича. 129, 131.
Корибутъ (Дмитрій) Ольгердовичъ, кн. новгородъ-сѣверскій. 299, 319, 337.
Коріадовичи, сыновья кн. литовскаго Коріада Гедиминовича. 319.
Коріадъ Гедиминовичъ, кн. литовскій. 285, 286, 319.
Корсаковъ, Д. А. 29.
Кочева, Василій, бояр. московскій. 148.
Кошка, Ѳедоръ Андреевичъ, бояр. московскій. 328, 332.
Кошкинъ, Иванъ Ѳедоровичъ, бояр. московскій. 332.
Ксенія Юрьевна, ж. кн. тверского Ярослава Ярославича. 103, 116.
Ксенія, ж. кн. Ярославскаго Василія Всеволодовича. 61.
Кубенскіе, князья. 404.
Кулпа, ханъ Зол. Орды. 266.
Курбскій, кн. Андрей Михайловичъ, воев. 457.
Куремса, военач. ордынскій. 56.
Кучко, бояр. суздальскій. 33, 117.
Кучковичи, бояре суздальскіе. 32, 140.

Л.

Лаврентій, инокъ-лѣтописецъ. 41, 106.
Ламанскій, В. И. 1.
Левашовы, дворянскій родъ. 158.
Левъ Александровичъ, с. в. кн. тверского Александра Михайловича, кн. 192.
Леонтій, еписк. ростовскій. 33.
Леонъ, еписк. ростовскій. 31, 33.
Летифъ. См. **Авдулъ-Летифъ.**
Лихачевъ, Н. П. 333.
Лугвеній-Семенъ Ольгердовичъ, кн. литовскій. 335, 336, 343, 345, 348, 351.
Любавскій, М. К. 19, 113, 114, 151, 235, 247, 248, 337, 339.
Любартъ Гедиминовичъ, кн. волынскій. 198, 285, 286, 319.
Ляскоронскій, В. Г. 341.

М.

Магнусъ II, кор. шведскій. 288.
Мазовша Седи-Ахматовичъ, царев. ногайскій. 414.
Макарій, патр. константинопольскій. 355.
Макарій, митроп. московскій. 122, 125, 136, 239, 296, 320, 355, 356.

Максимъ, митроп. кіевскій и всея Руси. 90, 103—105, 108, 109, 112, 116, 121, 227, 261, 307.
Малымбердей, военач. татарскій. 414.
Мамай, ханъ Зол. Орды. 212, 232, 238—240, 242, 267, 274, 301, 305, 319—323, 325, 326, 397.
Мамантъ-Дербышъ, пос. ордынскій. 205.
Маматъ-Салтанъ, царев. ордынскій. 245.
Маметъ-Хожа, царев. ордынскій. 233.
Мамма, Григорій. См. **Григорій** Мамма.
Мамукъ, царев. шибанскій. 429.
Мамутекъ (Мамутякъ), с. х. Улу-Махмета, царь Казанскій. 398, 399, 413, 428.
Мансикка, В. Ш. 58.
Мансырь-Уланъ, царев. ордынскій. 390.
Марина Ольговна, ж. кн. ярославскаго Всеволода Константиновича. 61.
Марія (въ иноч. Ѳеотинія) Александровна, ж. в. кн. Семена Гордаго. 170, 171, 196.
Марія Андреевна Палеологъ, ж. кн. верейскаго Василія Михайловича. 419.
Марія Борисовна, ж. в. кн. Ивана III Васильевича. 402, 423.
Марія Васильевна, ж. кн. ярославскаго Ѳедора Ростиславича. 61, 95.
Марія Гедиминовна, ж. в. кн. тверского Дмитрія Михайловича. 134.
Марія Дмитріевна, ж. кн. псковскаго Довмонта. 73.
Марія Ивановна, ж. кн. ростовскаго Константина Васильевича. 147, 148, 163.
Марія Ивановна, д. в. кн. Ивана Калиты. 163.
Марія Ярославна, ж. в. кн. Василія Темнаго. 414.
Марія Ѳедоровна Голтяева, ж. кн. серпуховскаго Ярослава Владиміровича. 415, 425.
Матвѣй Корвинъ, кор. венгерскій. 443.
Матвѣй Шибутовичъ, бояр. суздальскій. 45.
Махметъ, ханъ Зол. Орды. См. **Улу-Махметъ**.
Махметъ-Аминь, царь казанскій. 429.
Махметъ-Салтанъ, кн. камскихъ болгаръ. 272, 273.
Махметъ-Хожа, царев. ордынскій. 233, 234.
Махрожа, пос. ордынскій. 126.
Медвѣдь, рязанецъ. 256.
Мельниковъ, П. И. 262.
Менгу-Темиръ, ханъ Зол. Орды. 59, 75, 109, 110, 137.
Миклошичъ. 311.
Миллеръ. 311.
Миллеръ, В. Ѳ. 5.
Милюковъ, П. Н. 2—4, 19, 21, 25.
Мина, бояр. московскій. 148.
Миндовгъ, кн. литовскій. 69, 111.
Митрофанъ, патр. константинопольскій. 395, 450.
Митрофанъ, еписк. владимірскій и суздальскій. 52, 60.
Митрофанъ, еписк. новгородскій. 42.
Митяй, архим. См. **Михаилъ** (Митяй).
Михайловичи, сыновья в. кн. тверского Михаила Ярославича Младшаго. 133, 154, 180, 194, 201.
Михаилъ Александровичъ, в. кн. тверской. 143, 174, 183, 192—194, 201—204, 206—214, 216, 219, 221, 237, 299—306, 309—313, 318—320, 322, 327, 328, 332, 342, 360, 364.
Михаилъ Андреевичъ, с. в. кн. Андрея Ярославича, кн. суздальскій. 77, 78, 104, 260.
Михаилъ Андреевичъ, с. кн. Андрея Дмитріевича, кн. верейскій. 391, 398, 400, 403—407, 411, 418—421, 423.
Михаилъ Андреевичъ, с. кн. Андрея Ольгердовича, кн. литовскій. 327.
Михаилъ Борисовичъ, в. кн. тверской. 205, 222, 444—446.
Михаилъ Васильевичъ, с. кн. Василія Михайловича, кн. кашинскій. 193, 197, 207, 210, 211.
Михаилъ Всеволодовичъ, с. кн. Всеволода Святославича Чермнаго, кн. черниговскій. 40, 59, 61.
Михаилъ (Киръ-Михаилъ) Всеволодовичъ, с. кн. Всеволода Глѣбовича, кн. пронскій. 224, 225.
Михаилъ Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Василькoвича, кн. бѣлозерскій. 61, 86, 95—97, 147.
Михаилъ Дмитріевичъ, кн. холмскій. См. **Холмскій**, кн. Мих. Дм.
Михаилъ Ивановичъ, с. кн. Ивана Всеволодовича, кн. стародубскій. 69, 149.

Михаилъ Олельковичъ, кн. кіевскій. 432, 446, 447.
Михаилъ (Михалко) Юрьевичъ, с. в. кн. Юрія Долгорукаго, в. кн. владимірскій. 32.
Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, с. в. кн. Ярослава Всеволодовича, кн. московскій и в. кн. владимірскій. 55, 111, 117.
Михаилъ Ярославичъ Старшій, с. в. кн. Ярослава Ярославича, кн. 73, 75.
Михаилъ Ярославичъ Младшій, с. в. кн. Ярослава Ярославича, в. кн. тверской. 77, 81, 86—89, 93, 102—106, 108, 109, 112, 113, 116—132, 134, 135, 191—194, 201, 202, 205, 206, 210, 212, 221, 261, 321.
Михаилъ Ярославичъ, с. кн. Ярослава Романовича, кн. пронскій. 229, 230.
Михаилъ Ѳедоровичъ, с. кн. ярославскаго Ѳедора Ростиславича, кн. 61.
Михаилъ, архіеп. изъ Константинополя. 368.
Михаилъ, еписк. смоленскій. 409.
Михаилъ (Митяй), архим. Новоспасскаго м-ря въ Москвѣ. 315, 353—356, 358, 359.
Михаилъ Клементьевичъ, посадн. новгородскій. 127.
Михаилъ Пищаничъ, новгородецъ. 75.
Михаилъ Ѳедоровичъ, посадн. новгородскій. 69.
Михаилъ, бояр. московскій. 168.
Михаилъ, посадн. новгородскій. 67, 69, 73, 81.
Михаилъ (?). 145.
Михалко Юрьевичъ, кн. **Михаилъ** Юрьевичъ, в. кн.
Моисей, архіеп. новгородскій. 141, 289, 292, 295.
Мономаховичи (Мономашичи, Мономахово племя), потомки в. кн. Владиміра Мономаха. 36, 37, 47, 384.
Морозовъ, Семенъ, бояр. галицкій. 390, 391.
Мстиславъ Андреевичъ, с. в. кн. Андрея Боголюбскаго, кн. 260.
Мстиславъ Владиміровичъ, с. в. кн. Владиміра Мономаха, в. кн. кіевскій. 4, 36, 47, 53, 55, 64.
Мстиславъ II Изяславичъ, с. в. кн. Изяслава Мстиславича, в. кн. кіевскій. 37.
Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, с. кн. Мстислава Ростиславича, кн. торопецкій. 48.
Мстиславъ Ростиславичъ, с. кн. Ростислава Юрьевича, кн. 45.
Мстиславъ Юрьевичъ, с. в. кн. Юрія Долгорукаго, кн. 32, 33.
Мурзакевичъ. 141.
Мустафа, царев. ордынскій. 250, 398, 414.

Н.

Наримонтъ (въ крещ. Глѣбъ) Гедиминовичъ, кн. литовскій. 142—145, 328, 334—336.
Наурусъ, ханъ Зол. Орды. 266.
Нафанаилъ, еписк. суздальскій. 262.
Нащокины, дворянскій родъ. 158.
Неволинъ, К. А. 453, 454.
Невоструевъ, К. И. 121.
Неврюй, царев. ордынскій. 56, 138.
Некоматъ, купецъ московскій. 305.
Никитскій, А. И. 141, 367.
Никифоръ, патр. константинопольскій. 122.
Никифоръ Григора, историкъ византійскій. 199, 291, 292.
Никифоръ Манускиничъ, новгородецъ. 74.
Никифоръ, приставъ при митроп. Кипріанѣ въ Москвѣ. 359.
Николаевскій. 451.
Никонъ, игум. московскій. 217.
Нилъ, патр. константиноп. 307, 314, 354, 357, 358, 360, 363.
Нифонтъ, патр. константиноп. 109, 123.
Новосилецъ, Яковъ Юрьевичъ, окольничій серпуховскій. 177.
Новосильскіе, князья. 445.
Новосильцевъ, Иванъ, бояр. кн. Дмитрія Юрьевича Шемяки. 406.
Ногай, ханъ Зол. Орды. 84.
Ногтевы, князья. 265.

О.

Оболенскій, кн. Василій, бояр. московскій. 414.
Оболенскій, кн. Глѣбъ, воев. московскій. 393.
Оболенскій, кн. М. А. 44, 84.
Оболенскій, кн. Семенъ, бояр. 401.
Оболенскій-Лыко, кн. Иванъ, московскій намѣстн. въ Великихъ Лукахъ. 455.

Образецъ, воев. 433.
Овдотья. См. **Евдокія.**
Одоевскіе, князья. 445, 447.
Озбякъ. См. **Узбекъ.**
Олегъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Глѣбовича, кн. рязанскій. 224, 225.
Олегъ Ивановичъ, с. кн. Ивана Александровича, в. кн. рязанскій. 183, 226—228, 232—247, 250, 303, 306, 327, 331, 337, 338.
Олегъ Игоревичъ, мнимый с. кн. рязанскаго Игоря Глѣбовича. 225.
Олегъ Ингваревичъ Красный, с. кн. Ингваря Игоревича, кн. рязанскій. 225, 226, 230.
Олегъ Святославичъ, с. в. кн. Святослава Ярославича, кн. черниговскій. 30, 46.
Олегъ, кн. курскій. 40, 61.
Олегъ, (?), кн. 225, 226.
Олельковичи, князья литовскіе. 432.
Ольгердовичи, сыновья в. кн. литовскаго Ольгерда Гедиминовича. 319, 320, 322, 323.
Ольгердовна, ж. кн. новосильскаго Ивана. 299.
Ольгердъ Гедиминовичъ, в. кн. литовскій. 161, 176, 183, 197, 199, 235, 236, 239, 284—288, 293, 295—299, 301, 302, 304—306, 308—311, 313—315, 317—323, 326, 333, 337, 339, 340, 352.
Ольговичи, потомки кн. черниговскаго Олега Святославича. 52, 224.
Осипъ Андреевичъ, с. кн. Андрея Дмитріевича, кн. дорогобужскій. 445.
Ослябя, инокъ-воинъ. 322.
Ослядюкъ, посадн. в. кн. Всеволода III въ Муромѣ. 224.
Остей, кн. литовскій. 326.
Остей, Александръ Андреевичъ, намѣстн. московскій въ Коломнѣ. 326.
Ощера, воев. 414.

П.

Павловъ, А. С. 358, 451, 453.
Павловъ-Сильванскій, Н. П. 153, 186, 453, 454.
Павша, посадн. новгородскій. 79.
Паисій Ярославовъ, кандидатъ въ митрополиты моск. и всея Руси. 452.
Папэ, Фр. 425, 441, 447.
Патрикій Наримонтовичъ, кн. литовскій. 144, 145, 299, 328, 334, 336, 338.
Пахомій, еписк. ростовскій. 44.
Пахомій Сербъ, составитель житій. 290.
Пересвѣтъ, инокъ-воинъ. 322, 333.
Петръ, воев. молдавскій („волошскій“). 333, 334.
Петръ I, импер. 17.
Петръ Дмитріевичъ, с. в. кн. Дмитрія Донского, кн. дмитровскій. 185, 186, 188, 190, 247, 280, 281, 343, 344, 350, 351, 377, 382, 383, 387, 388, 391, 392, 415.
Петръ, митроп. кіевскій и всея Руси. 24, 108, 121—125, 131, 134, 136, 185, 227, 289, 307, 375, 450, 452.
Петръ, бояр. суздальскій. 33.
Пименъ, митроп. кіевскій и всея Руси. 108, 176, 180, 356—358, 360—363, 366, 368.
Пименъ, ключарь новгородск. архіеп. Іоны. 432.
Плано-Карпини, путешественникъ. 51.
Платоновъ, С. Ѳ. 29, 114, 115, 117, 424.
Плещеевы, боярскій родъ. 290, 291.
Плещей, Александръ, бояр. (братъ митроп. Алексѣя). 291.
Погодинъ, М. Н. 4, 5, 29, 157.
Покровскій, И. М. 261, 262, 356.
Полежаевъ, П. В. 10, 18, 19, 25.
Поликарпъ, архим. Кіево-Печерскаго м-ря. 31.
Приселковъ, М. Д. 33, 122, 371—373.
Прохаска. 334, 339, 341.
Прохоръ, еписк. ростовскій. 131.
Прохоръ, составитель житія св. митроп. Петра. 122.
Пшездѣцкій. 318.
Пыпинъ, А. Н. 4.

Р.

Ратиборъ, тысяцк. новгородскій. 75.
Рогволожи внуки, потомки кн. полоцкаго Рогволода. 52, 94, 384.
Родіонъ Нестеровичъ, бояр. московскій. 104, 105.
Родославъ Ольговичъ, с. в. кн. рязанскаго Олега Ивановича. кн. 245—247, 248.
Рождественскій, С. В. 439.
Романчукъ. См. **Романъ.**

Романъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Константиновича, кн. угличкій. 53, 62, 95.
Романъ Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Ростиславича, кн. рязанскій. 224.
Романъ Глѣбовичъ, с. кн. смоленскаго Глѣба Ростиславича, кн. брянскій. 92.
Романъ Игоревичъ, с. кн. Игоря Глѣбовича, кн. рязанскій. 225.
Романъ Ингваревичъ, с. кн. Ингваря Игоревича, кн. рязанскій. 225, 226.
Романъ (Романчукъ) Михайловичъ, с. кн. Михаила Глѣбовича, кн. бѣлозерскій. 147, 149, 156.
Романъ Михайловичъ, кн. брянскій. 342.
Романъ Ольговичъ, с. кн. Олега Ингваревича, кн. рязанскій. 226, 228, 230.
Романъ Юрьевичъ, кн. литовскій. 335, 336.
Романъ (?), в. кн. 236.
Романъ, митроп. юго-зап. Руси и Литвы. 199, 296—298, 307.
Романъ Болдыжевичъ, новгородецъ. 74.
Романъ Скудинъ. См. **Скудинъ**, Романъ.
Ромодановскій. 419, 420.
Ростиславичи, сыновья кн. переяславскаго Ростислава Юрьевича. 33, 45.
Ростиславичи, потомки кн. рязанскаго Ростислава Ярославича. 38.
Ростиславичи, потомки кн. смоленскаго Ростислава Мстиславича. 37, 38.
Ростиславъ Святославичъ, с. кн. Святослава Глѣбовича, кн. рязанскій. 222.
Руно, Иванъ, сынъ боярскій. 428.
Рюриковичи, родъ перваго русскаго князя Рюрика. 299, 432, 446.
Рюрикъ, первый князь русскій. 3, 5, 6, 15, 42, 51, 136, 150, 158, 188, 299, 430, 446, 447.
Ряполовскіе, князья. 401.

С.

Савва, еписк. луцкій. 369.
Салахмиръ, мурза татарскій. 237.
Салтаиъ Седи-Ахматовичъ, царев. ногайскій. 414.
Сарайка, старѣйшина татарскій. 273.
Сарыхожа, пос. ордынскій. 302.
Сатылганъ, царев. ордынскій. 257.
Свидригайло Ольгердовичъ, в. кн. литовскій. 252, 337, 345, 387, 389, 390, 394—396.
Святополкъ Владиміровичъ Окаянный, в. кн. кіевскій. 225.
Святополкъ II Изяславичъ, в. кн. кіевскій. 46.
Святославичи, потомки в. кн. владимірскаго Святослава Всеволодовича. 54.
Святославичи, потомки кн. черниговскаго Святослава Ярославича. 223.
Святославичи, потомки кн. муромскаго Святослава Ярославича. 38.
Святославна, ж. кн. кашинскаго Бориса Михайловича. 328.
Святославъ Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода II Ольговича, кн. черниговскій. 224.
Святославъ Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода III, в. кн. владимірскій. 40, 44, 51—55, 62, 63, 77, 94, 98, 260.
Святославъ Глѣбовичъ, с. кн. Глѣба Ростиславича, кн. пронскій. 224.
Святославъ Глѣбовичъ, с. кн. смоленскаго Глѣба Ростиславича, кн. можайскій. 118, 160.
Святославъ Ивановичъ, с. кн. Ивана Александровича, кн. смоленскій. 217, 298, 309, 310.
Святославъ Игоревичъ, с. кн. Игоря Рюриковича, кн. русскій. 17.
Святославъ Мстиславичъ, с. в. кн. Мстислава Романовича, кн. смоленскій. 160.
Святославъ Святославичъ, с. кн. Святослава Глѣбовича, князь рязанскій. 225.
Святославъ Ярославичъ, с. в. кн. Ярослава Мудраго, в. кн. кіевскій. 30.
Святославъ Ярославичъ, с. в. кн. Ярослава Ярославича, кн. тверской. 73, 74, 78, 79, 84, 111, 112.
Святославъ, кн. карачевскій. 299.
Святославъ (?), кн. 87.
Седи-Ахматъ, ханъ ногайскій. 413, 414.
Селога, посадн. псковскій. 141.
Семенъ Александровичъ, с. кн. нижегородскаго Александра Ивановича Брюхатаго, кн. 282.
Семенъ Бекбулатовичъ, в. кн. тверской. 446.
Семенъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Андреевича, кн. серпуховскій. 351, 380.
Семенъ Дмитріевичъ, с. в. кн. суздальскаго Дмитрія Константиновича, кн. 275, 277—281.

Семенъ Ивановичъ Гордый, в. кн. московскій. 18, 19, 95, 144, 161—173, 175, 177, 179, 181, 182, 187, 188, 194—197, 206, 211, 233, 243, 261, 262, 264, 283—289, 291—293, 298, 300, 324, 371, 376, 389.
Семенъ Ивановичъ, с. в. кн. Ивана III, кн. 448.
Семенъ Ивановичъ, кн. можайскій. 447.
Семенъ Константиновичъ, с. кн. Константина Михайловича, кн. дорогобужскій. 193, 204, 206, 207, 209.
Семенъ Мстиславичъ, кн. вяземскій. 344.
Семенъ Олельковичъ, кн. кіевскій. 444.
Семенъ Ольгердовичъ. См. **Лугвеній—Семенъ** Ольгердовичъ, кн.
Семенъ Романовичъ, кн. новосильскій. 171, 248.
Семенъ Ярославичъ, воев. московскій въ Муромѣ. 331.
Семенъ Михайловичъ, посадн. новгородскій. 84.
Семенъ Морозовъ. См. **Морозовъ**, Семенъ.
Семенъ Тонгіевичъ, бояр. костромской. 78, 79, 81, 82, 84, 85.
Сергій Радонежскій, св. игум. 140, 148. 177, 195, 241, 243, 244, 268—270, 291, 321—323, 332, 353—356, 359—361.
Сергѣевичъ, В. И. 7, 9, 14, 15, 17, 18, 25, 29, 31—33, 43, 102, 104, 141, 150, 151, 153, 154, 440, 441.
Серебрянскій, Н. И. 65, 103.
Сигизмундъ Кейстутовичъ, в. кн. литовскій. 396.
Симеонъ (лица свѣтскія). См. **Семенъ**.
Симеонъ, еписк. сначала владимірскій и суздальскій, потомъ ростовскій. 88, 123, 124, 261.
Симеонъ, еписк. рязанскій и муромскій. 256.
Симеонъ, еписк тверской. 78.
Симонъ, еписк. владимірскій и суздальскій. 31, 44.
Скиргайло Ольгердовичъ, кн. литовскій. 337.
Скудинъ, Романъ, совѣтникъ кн. холмскаго Юрія Всеволодовича. 205.
Соколовъ, Пл. П. 136, 155, 199, 291, 292, 295, 296, 298, 311, 315, 316, 354—356, 358, 360, 362, 365.
Соловьевъ, С. М. 3, 5—12, 16—19, 26—29, 43, 48, 49, 51, 56, 58, 62, 68, 69, 73, 75, 76, 78—82, 84—86, 89—92, 94, 100, 116, 118, 121, 124, 125, 127, 129, 136, 140, 150—152, 158, 173, 188, 203, 206—209, 212, 222, 228—230, 224—236, 239, 240, 243, 278, 281, 300, 304, 305, 329, 330, 382, 392, 397, 400, 401, 409, 430.
Софря, пос. ордынскій. 214.
Софья Витовтовна, ж. в. кн. Василія Дмитріевича. 334, 340, 341, 350, 351, 387, 400, 415.
Софья Дмитріевна, ж. кн. рязанскаго Ѳедора Ольговича. 244, 247.
Софья Юрьевна, ж. в. кн. тверского Константина Михайловича. 138.
Софья Ѳоминична Палеологъ, ж. в. кн. Ивана III. 419.
Спицынъ, А. А. 4, 5.
Срезневскій, И. И. 4, 333.
Станкевичъ, Н. В. 10, 25.
Стефанъ IV, господарь молдавскій. 443.
Стефанъ, игум. Богоявленскаго м-ря въ Москвѣ. 291.
Стефанъ, братъ св. Сергія Радонежскаго. 322.
Стрига-Оболенскій, кн. Иванъ, бояр. 422.
Стрига-Оболенскій, кн. Ярославъ, московск. намѣстникъ въ Псковѣ. 443.
Стрига-Оболенскій, кн., бояр. 401.
Сущей, Иванъ Агаѳоновичъ. 421.
Сыромятниковъ, Б. И. 19.

Т.

Тагай, кн. ордынскій. 234, 268, 269.
Тайдула, ж. хана Чанибека. 243, 244, 371.
Тайтемиръ, пос. ордынскій. 126, 130.
Талычъ, царев. ордынскій. 281.
Тамерланъ (Темиръ-Аксакъ, Тимуръ), ханъ татарскій. 245, 331, 332, 337.
Тарановскій, Ѳ. В. 16.
Татищевъ, В. Н. 27—29, 62, 63, 67—69, 72, 123, 134, 234, 236, 279, 441.
Таянчаръ (Гачна), пос. ордынскій. 132, 134.
Тегиня, кн. ордынскій. 390.
Телебуга, татаринъ. 129.
Темиръ, кн. ордынскій. 231.
Темиръ-Аксакъ. См. **Тамерланъ**.
Темиръ-Кутлуй, ханъ Зол. Орды. 214, 331, 332, 349.

Темирь-Хозя, ханъ Зол. Орды. 267.
Тимуръ. См. **Тамерланъ**.
Титъ Мстиславичъ, с. кн. Мстислава Михайловича, кн. козельскій. 235.
Товарковъ, Иванъ, сынъ боярскій. 183.
Товлубій, воев. ордынскій. 146, 157, 231, 262, 285.
Толстой, гр. И. И. 35.
Толстой, гр. Ѳ. А. 157, 158.
Тохта, ханъ Зол. Орды. 86, 122.
Тохтамышъ, ханъ Зол. Орды. 240—242, 244, 245, 274—278, 281, 325—328, 330—332, 341, 346, 347, 350, 360, 397.
Трифонъ, игум. Кириллова-Бѣлозерскаго м-ря. 402.
Туданъ (Дюдень), царев. ордынскій. 87, 137.
Турай-Темирь, военач. татарскій. 85.
Туралыкъ, военач. татарскій. 138, 148.

У.

Узбекъ (Азбякъ, Озбякъ), ханъ Зол. Орды. 125, 133, 137—139, 141, 146, 155, 156, 320.
Улавчій, вельможа ордынскій. 59, 62, 63.
Улу-Махметъ, ханъ Зол. Орды. 281, 397—399, 414.
Ульяна Александровна, ж. в. кн. литовскаго Ольгерда. 197, 286, 296.
Ульяна, ж. в. кн. Ивана Калиты. 163—165, 172, 174, 176, 179.
Урусъ-Манды, пос. ордынскій. 268.

Ф.

Фасмеръ, М. Р. 373.
Федосья. См. **Ѳеодосія**.
Фетинья Ивановна, д. в. кн. Ивана Калиты. 163.
Филипповъ, А. Н. 141.
Филиппъ, митроп. московскій и всея Руси (1464—1473 гг.). 61, 418, 432—434, 452.
Филоѳей, патр. константинопол. 289, 292, 295, 296, 308, 310, 312, 314, 316, 354, 364.
Фотій, митроп. кіевскій и всея Руси. 334, 351, 358, 373—376, 386, 387, 389, 394, 395, 450.
Фридрихъ III, имп. Свящ. Римской имперіи. 443.

Х.

Хидырь, ханъ Зол. Орды. 266, 267.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ. 1.
Холмскіе, князья. 321.
Холмскій, кн. Даніилъ Дмитріевичъ, бояр. 205, 222.
Холмскій, кн. Михаилъ Дмитріевичъ, бояр. 205, 222.
Храмцовскій, Н. 262, 263, 276, 278, 281, 282.

Ц.

Цамблакъ, Григорій. См. **Григорій Цамблакъ**.
Царскій, И. Н. 265, 279.

Ч.

Чанибекъ (Джанибекъ), ханъ Зол. Орды. 196, 197, 234, 285, 286, 320.
Чевгу, пос. ордынскій. 76.
Челяднины, бояре московскіе. 105.
Чечулинъ, Н. Д. 109.
Чичеринъ, Б. Н. 11—15, 17—19, 26, 151, 188.
Чолъ-ханъ (Шевкалъ, Щелканъ, Щолканъ), царев. ордынскій. 137, 230.

Ш.

Шадибекъ, ханъ Зол. Орды. 214, 247, 332, 344, 346, 349.
Шамбинаго, С. К. 239, 320—322.
Шахматовъ, А. А. 5, 26, 30, 31, 70, 71, 75, 89, 106, 108, 119—121, 127, 130, 239, 303, 305, 320—322, 396, 401.
Шевкалъ. См. **Чолъ-ханъ**.
Шихматъ (Шихоматъ), кн. ордынскій. 330.
Шуйскіе, князья. 62.
Шуйскій, кн. В. В., московскій намѣстникъ въ Псковѣ. 443.
Шуйскій, кн. Василій, воев. двинскій. 433.
Шуйскій, кн. Ѳедоръ Юрьевичъ, московскій намѣстникъ въ Псковѣ. 442.

Щ.

Щелканъ. См. **Чолъ-ханъ**.
Щербатовъ, кн. М. М. 158.
Щолканъ. См. **Чолъ-ханъ**.

Э.

Эйнерлингъ, И. 150, 211.
Экземплярскій, А. В. 43, 52, 54, 59—63, 68, 69, 79, 82, 84—87, 98, 100, 111, 118—

120, 124, 126, 132, 147—150, 153, 163, 173, 189, 192, 194, 198—200, 202, 204, 206—212, 214, 218—220, 223, 225, 226, 229, 230, 232, 235, 237—240, 243, 244, 248, 250, 251, 255, 260—263, 265, 272, 278—282, 327, 329, 336, 351, 377, 380, 391, 401, 403, 410, 419.

Энгельманъ, И. Е. 141.

Ю.

Юрій Александровичъ, с. кн. Александра Константиновича, кн. ростовскій. 147.

Юрій Александровичъ, с. в. кн. Александра Ивановича, в. кн. тверской. 218, 219.

Юрій Андреевичъ, с. в. кн. Андрея Ярославича, кн. суздальскій. 73, 74, 76, 77, 98, 99, 260.

Юрій Васильевичъ, с. кн. Василія Дмитріевича Кирдяпы, кн. шуйскій. 401.

Юрій Васильевичъ Младшій, с. в. кн. Василія Темнаго, кн. дмитровскій. 414—418, 421—425.

Юрій (Георгій) Владиміровичъ Долгорукій, с. в. кн. Владиміра Мономаха, в. кн. 4—6, 27—32, 34—38, 44, 59, 66, 76, 117, 201, 259.

Юрій Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Святославича, кн. муромскій. 223.

Юрій Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода III, в. кн. владимірскій. 39—46, 52, 53, 65, 117, 223—225, 260, 263.

Юрій Всеволодовичъ, с. кн. Всеволода Александровича, кн. холмскій. 200, 202—205, 216, 219.

Юрій Даниловичъ, с. кн. Даніила Александровича, в. кн. владимірскій. 90, 103—106, 109, 116, 118, 119, 121, 123—126, 128—137, 154, 230, 231, 261.

Юрій Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Константиновича Ногтя, кн. 265.

Юрій Дмитріевичъ, с. в. кн. Дмитрія Донского, кн. галицкій. 152, 186—188, 190, 243, 247, 251, 252, 254, 279—281, 330, 382—392, 394—397.

Юрій Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Андреевича, кн. пронскій. 255.

Юрій Ивановичъ, с. в. кн. Ивана III, кн. дмитровскій. 448, 449.

Юрій Игоревичъ, с. кн. Игоря Глѣбовича, кн. рязанскій. 224—226.

Юрій Львовичъ, кн. галицкій (Галичъ южный). 122.

Юрій Михайловичъ, с. посадн. новгор. Михаила Ѳедоровича. 69.

Юрій Наримонтовичъ, кн. бѣльзскій. 336.

Юрій Патрикѣевичъ, бояр. московскій. 396.

Юрій Святославичъ, с. кн. Святослава Ивановича, кн. смоленскій. 246, 298, 338, 342—344.

Юрій Ярославичъ, кн. муромскій. 331.

Юрій Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Ивановича, кн. пронскій. 255.

Юрій, посадн. новгородскій. 300.

Юрьевичи, сыновья в. кн. Юрія Долгорукаго. 32.

Юрьевичи, сыновья кн. шуйскаго Юрія Васильевича. 401, 410.

Юрьевичи, сыновья кн. галицкаго Юрія Дмитріевича. 397, 400.

Я.

Явнутъ Гедиминовичъ, кн. литовскій. 285.

Ягайло Ольгердовичъ, в. кн. литовскій. 239, 242, 318—320, 323, 332—337, 340, 341, 345, 351, 370.

Ягеллоны, потомки в. кн. литовскаго Ягайла. 443.

Ядвига, королева польская. 333, 335, 337, 342.

Якимъ Кучковичъ, бояр. суздальскій. 33.

Яковъ Юрьевичъ Новосилецъ. См. **Новосилецъ,** Яковъ Юрьевичъ.

Якубъ, царев. ордынскій. 398, 399.

Ямонтъ, пос. литовскій. 341.

Ярославичи, сыновья в. кн. Ярослава Мудраго. 39.

Ярославичи, потомки в. кн. владимірскаго Ярослава Всеволодовича. 52, 55, 64, 67, 91.

Ярославичи, сыновья кн. рязанскаго Ярослава Романовича. 229, 230.

Ярославовъ, Паисій. См. **Паисій** Ярославовъ.

Ярославъ (Дмитрій) Александровичъ, с. кн. Александра Михайловича, кн. пронскій. 232.

Ярославъ (Георгій) Владиміровичъ Мудрый, в. кн. кіевскій. 6, 30, 53, 55, 59, 65, 145.

Ярославъ Владиміровичъ Осмомыслъ, с. кн. Владиміра (Владимирка) Володаревича, кн. галицкій. 47.
Ярославъ Владиміровичъ, с. кн. Владиміра Андреевича, кн. серпуховскій. 351, 380.
Ярославъ Владиміровичъ, кн. смоленскій. 348.
Ярославъ Всеволодовичъ, с. в. кн. Всеволода III, в. кн. владимірскій. 39, 40, 44, 45, 47, 49—55, 62—65, 67, 71, 82, 94, 111, 116, 160, 201, 224, 260.
Ярославъ Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Святославича, кн. юрьево-польскій. 98.
Ярославъ Романовичъ, с. кн. рязанскаго Романа Ольговича, кн. пронскій. 228—230.
Ярославъ Святославичъ, с. в. кн. Святослава Ярославича, кн. муромскій. 223.
Ярославъ Юрьевичъ, с. в. кн. Юрія Долгорукаго, кн. 38.
Ярославъ Ярославичъ, с. в. кн. Ярослава Всеволодовича, в. кн. тверской. 56, 58, 62, 63, 66—78, 80, 89, 92, 105, 116, 119, 135, 201, 321.
Ярославъ, кн. стародубскій. 131.
Яруновичъ, бояр. См. **Ѳедоръ** Яруновичъ.
Яцимирскій, А. И. 374.

Ѳ.

Ѳедорчукъ, военач. ордынскій. 138, 148.
Ѳедоръ Александровичъ, с. в. кн. тверского Александра Михайловича, кн. 155—157, 192.
Ѳедоръ Александровичъ, с. кн. микулинскаго Александра Ѳедоровича, кн. телятевскій. 193, 219, 220.
Ѳедоръ Борисовичъ, с. кн. Бориса Васильевича, кн. волоцкій. 427, 430.
Ѳедоръ Васильевичъ, с. кн. Василія Константиновича, кн. галицкій. 98.
Ѳедоръ Васильевичъ, с. кн. Василія Константиновича, кн. ростовскій. 147, 148.
Ѳедоръ Васильевичъ, с. кн. Василія Ивановича, кн. рязанскій. 256—258, 430.
Ѳедоръ Владиміровичъ, (мнимый?) с. кн. пронскаго Владиміра Ярославича. 238.
Ѳедоръ Давидовичъ, с. кн. Давида Константиновича, кн. галицкій. 149, 189.
Ѳедоръ Давидовичъ, кн. смоленскій. 160.
Ѳедоръ Дмитріевичъ, с. кн. Дмитрія Андреевича, кн. пронскій. 255.
Ѳедоръ Ивановичъ, с. кн. Ивана Михайловича, кн. стародубскій. 149.
Ѳедоръ Ивановичъ, с. кн. Ивана Владиміровича, кн. пронскій. 255.
Ѳедоръ Коріатовичъ, с. кн. Коріата Гедиминовича, кн. литовскій. 337.
Ѳедоръ Михайловичъ, с. в. кн. тверского Михаила Александровича, кн. микулинскій. 213—216, 219.
Ѳедоръ Михайловичъ, кн. бѣлозерскій. 93, 120, 129.
Ѳедоръ Ольговичъ, с. кн. Олега Ивановича, кн. рязанскій. 232, 240, 243, 244, 247—251, 331.
Ѳедоръ Патрикіевичъ, с. кн. Патрикія Наримонтовича, кн. литовскій. 348.
Ѳедоръ Романовичъ, с. кн. Романа Ольговича, кн. рязанскій. 69, 228—230.
Ѳедоръ Ростиславичъ Черный, с. кн. смоленскаго Ростислава Мстиславича, кн. ярославскій. 60—62, 86—88, 95, 98, 99, 118, 150.
Ѳедоръ Святославичъ, с. кн. Святослава Глѣбовича, кн. смоленскій. 161, 285.
Ѳедоръ Юрьевичъ, с. кн. шуйскаго Юрія Васильевича, кн. 400, 401.
Ѳедоръ Юрьевичъ, с. кн. Юрія Святославича, кн. смоленскій. 345.
Ѳедоръ Ѳедоровичъ, с. кн. Ѳедора Михайловича, кн. микулинскій. 193, 219, 220.
Ѳедоръ, кн. кіевскій. 298.
Ѳедоръ, кн. ржевскій. 125, 126.
Ѳедоръ, кн. ѳоминскій. 146.
Ѳедоръ Акинѳовичъ, бояр. московскій. 105, 146.
Ѳедоръ Андреевичъ Кошка. См. **Кошка,** Ѳедоръ Андреевичъ.
Ѳедоръ Бяконтъ. См. **Бяконтъ,** Ѳедоръ.
Ѳедоръ Гуслѣнь. См. **Гурлень,** Ѳедоръ.
Ѳедоръ Яруновичъ, бояр. 51, 52.
Ѳеогностъ, митроп. кіевскій и всея Руси. 137, 141—143, 155, 227, 262, 289, 291—295, 307, 371—373.
Ѳеодоритъ, митрополитъ для Юго-Зап. Руси. 295—297.
Ѳеодоръ, архіеп. ростовскій. 322, 353, 354, 358—363, 366.

*

Ѳеодоръ, еписк. галицкій. 136.
Ѳеодоръ, еписк. тверской. 197—199, 201.
Ѳеодоръ, архим. 136.
Ѳеодоръ, игум. симоновскій (племянникъ св. Сергія Радонежскаго). См. **Ѳеодоръ,** архіеп. ростовскій.
Ѳеодосій, митроп. московскіій и всея Руси. 452.
Ѳеодосій, еписк. полоцкій. 373.
Ѳеолосія Ивановна, д. в. кн. Ивана Калиты. 163.
Ѳеодосія Ивановна, д. кн. рязанскаго Ивана Ѳедоровича. 256.
Ѳеодосія, ж. кн. кемскаго Давида Семеновича. 153, 186.
Ѳеоктистъ, архіеп. новгородскій. 120, 121, 127.
Ѳеофанъ, митроп. литовскій. 373.
Ѳеофанъ (Ѳоѳанъ), бояр. 82.
Ѳеофилъ, архіеп. новгородскій. 432, 436, 441.
Ѳомины, московскій боярскій родъ. 290.
Ѳоѳанъ. См. **Ѳеофанъ.**

Указатель географическій.

А.

Агаряне. См. **Татары.**
Адріанополь, гор. 361.
Азія Средняя. См. **Средняя Азія.**
Азторокань. См. **Астрахань.**
Алексинъ, гор. на Окѣ. 298, 379, 380, 382, 400, 403, 415.
Антіохія, гор. 359.
Арабы, нар. 30.
Армяне, нар. 271.
Арская земля, по Волгѣ. 431.
Архангельскъ, гор. 4.
Аряне. См. **Арская** земля.
Астафьевское, село московское. 166.
Астрахань, гор. 205, 272.
Ауза. См. **Яуза.**
Афонасовъ (Офоносовъ) дворъ. См. **Дворъ Афонасовъ.**

Б.

Балахна, гор. на Волгѣ. 260.
Бездежъ, гор. въ низовьяхъ Волги. 196, 198.
Бельзъ, гор. въ Галицкой землѣ, на р. Сорокахъ. 336.
Березина, рѣка. 447.
Бережецъ, гор. въ Суздальской землѣ. 264.
Берендѣева слобода, въ Московской землѣ. 185.
Берестово, село подъ Кіевомъ. 92.
Берестье (Берестей), гор. рязанскій. 251.
Бесермены, средне-азіатскіе купцы. 180, 271, 272.
Битюгъ (Бетюкъ), рѣка. 226, 416.
Боголюбовъ, гор. близъ Владиміра на Клязьмѣ. 92.
Богородское село, въ Ростовской землѣ. 151.
Болгарія Камская. См. **Болгары** камскіе.
Болгары Великіе. См. **Великіе Болгары.**
Болгары дунайскіе. 295.
Болгары камскіе (волжскіе). 28, 30, 35—37, 40, 48, 260, 263, 267, 271—273, 279, 280, 320, 383, 428.
Болотово, въ Новгородской землѣ. 288.
Борисоглѣбская сторона, половина г. Ростова. 148.
Боровскъ, гор. въ Московской землѣ. 175, 176, 228, 380, 415, 431.
Бортенево, урочище въ Тверской землѣ, у р. Шоши. 128—130.
Бродничь, въ Рязанской землѣ. 234.
Брянскъ, гор. 92, 100, 160, 161, 246, 285, 298, 299, 301, 322, 333, 335, 342, 345, 401.
Бѣжецкій Верхъ (Бѣжицкая волость), гор. и волость въ Новгородской землѣ. 51, 111, 125, 143, 302, 339, 391, 393, 396, 403, 404, 409, 415.
Бѣлая, гор. въ Смоленской землѣ. 298, 299.
Бѣлая Русь. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Бѣлгородъ, гор. въ Рязанской землѣ. 225.
Бѣлевъ, гор. 397, 447.
Бѣлоозеро, гор. на Бѣлоозерѣ. 43, 59, 61, 86, 95—98, 120, 129, 147, 149—154, 156, 186, 188, 189, 267, 269, 284, 309, 335, 336, 338, 385, 400, 405, 418—420, 439.
Бѣлорусскія земли. См. **Русь** западная.

В.

Валахія, обл. 341.
Варяги (Скандинавы), нар. 6, 7, 13, 18, 30.
Васильцево сто, въ Московскомъ княжествѣ. 187.

Великая Ворона. См. **Ворона.**
Великая Соль, гор. 415.
Великіе Болгары (Великій Городъ), столица камскихъ болгаръ. 37, 269, 274.
Великій Волжскій путь. См. **Волга.**
Великія Луки, гор. 425, 431, 433, 441, 455.
Великороссія (Великорусское государство, племя). См. **Русь** сѣверо-восточная.
Венгры, нар. 28, 370, 443.
Венденъ (Кесь), гор. 40.
Верея, гор. на р. Протвѣ. 171, 228, 391, 398, 400, 404—406, 411, 417—420.
Вертязинъ, гор. въ Тверской землѣ. 213.
Верхне-Волжскій Сѣверъ } См. **Русь** сѣв.-
Верхнее Поволожье. } восточная.
Весь, племя. 20.
Византійцы. }
Византія. } См. **Греки** (византійцы).
Вильна, гор. 160, 301, 318, 332, 440.
Витебскъ, гор, 3, 337, 425.
Владиміро-Московская Русь. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Владиміръ Волынскій, гор. 312.
Владиміръ на Клязьмѣ, гор. 1, 4, 7, 11, 15, 16, 19, 20, 24, 28, 30—34, 37—39, 42—46, 48—51, 53—61, 63—69, 75, 76, 78—85, 87, 88, 91—94, 96, 98—100, 102, 103, 105—107, 111—116, 119, 122—125, 129—131, 133, 138—141, 146, 150—153, 160, 161, 163, 173, 182, 184, 185, 188, 189, 191, 195, 198, 222—224, 227, 228, 233, 243, 259—261, 264, 266—271, 280, 281, 284, 291—295, 297, 298, 302, 305, 307, 309, 313, 316, 319, 324, 327, 329, 330, 345, 352, 356, 360, 379, 384—387, 411, 414, 415, 422, 426, 427, 435, 447—449, 457, 458.
Вобрынь, гор. въ Тверской землѣ. 213.
Вогулы, племя. 430.
Водь (вожане), племя. 75, 128, 144.
Вожа, рѣка, прит. Оки. 238, 239, 274, 320.
Война, рѣка въ Рязанской землѣ. 235.
Войничи, волость серпуховская. 330.
Волга, рѣка. 20, 23, 26, 30, 35,—37, 49, 115, 119, 125, 126, 129, 139, 140, 207, 259—261, 263, 269, 271, 272, 274, 276, 279, 319, 380, 383, 410.
Волжское царство. См. **Татары.**
Вологда, гор. 339, 377, 396, 402, 415, 426.
Волокъ Двинскій. 145.
Волокъ Кегрольскій. 145.
Волокъ Ламскій, гор. 112, 128, 161, 285, 327, 330, 339, 344, 345, 379, 396, 415, 427, 430, 455.
Волохи, нар. См. **Молдавія,** обл.
Волочане. См. **Волокъ** Ламскій.
Волочокъ, гор. 153, 186.
Волховъ, рѣка. 74, 145.
Волынь, земля. 2, 22, 34, 37, 47, 141—143, 319, 333, 337. См. также **Галичъ** (южный).
Ворона (Великая), рѣка, притокъ Хопра. 110, 226.
Воронежъ, рѣка, прит. Дона. 110, 226.
Воротынское княжество. 445, 447.
Ворскла, рѣка, прит. Днѣпра. 246, 333, 341, 342.
Востокъ, ближайшія къ Руси страны Азіи. 30, 35, 36, 49, 110, 331.
Востокъ христіанскій. 365, 451.
Восточная Европа. См. **Европа** восточная.
Восточная украйна. См. **Украйна** восточная.
Восточное славянство. См. **Славяне** русскіе.
Восточныя народности. См. **Востокъ.**
Входъ Ерусолимъ. См. **Іерусалимская** слободка.
Выборгъ, гор. въ Финляндіи. 131, 133, 134.
Вымь, рѣка (прит. Вычегды) и волость по ней. 429.
Выползово, въ Тульскомъ уѣздѣ. 245.
Вырка, вол. можайская. 400.
Высокое, пригородъ новгородскій. 344.
Вычегда, рѣка и волость по ней. 429.
Вышгородъ кіевскій, гор. 32.
Вышгородъ московскій, гор. 392, 405, 418, 423.
Вышгородъ (Вышегородъ), пригородъ Новгородскій. 344.
Вѣнецъ земли, гор. См. **Ландскрона.**
Вязьма, гор. въ Смоленской землѣ. 160, 161, 310, 343—345, 347.
Вятичи, племя славянское. 30.
Вятка, гор. 280, 393, 400, 402, 403, 411, 415, 428—431, 452.

Г.

Галицко-Волынская земля. См. **Волынь и Галичъ** (южный).
Галицкое княжество. См. **Галичъ.**
Галичъ (Мерскій), гор. въ Суздальской землѣ. 61, 63, 98, 99, 149—153, 173—176, 188—190, 251, 268, 269, 309, 377, 378, 382, 386, 392—394, 402, 406, 415, 428.
Галичъ (южный), гор. и земля (Галицкая). 1, 2, 8, 34, 36, 37, 47, 56, 122, 136, 295, 311, 312, 358, 375, 385. См. также **Волынь.**
Галлія, римская провинція. 2.
Ганнъ, гор. во Ѳракіи. 361.
Гоголь, гор. въ Серпуховскомъ удѣлѣ. 379, 380, 382.
Голубь, гор. въ Прусской землѣ. 351.
Гомель, гор. въ Кіевской землѣ. 401, 409, 447.
Горетовъ станъ, въ Московскомъ княжествѣ. 165.
Городецъ (на Волгѣ), гор. въ Суздальской землѣ. 62, 63, 77, 82, 84, 85, 92, 98, 102, 104, 105, 130, 259—262, 264, 265, 269, 270, 274—279, 292, 327, 330, 356, 357, 366, 379, 380, 382, 400, 401, 405, 411.
Городецъ, гор. на Днѣпрѣ. 35.
Городецъ, гор. на Поротлѣ. См. **Новый Городокъ.**
Городецъ (Городокъ) тверской, гор. на Волгѣ. 125—127, 328.
Городище, близъ Новгорода. 74, 411, 437, 438.
Городокъ, гор. въ Тверской землѣ (въ Дорогобужскомъ удѣлѣ). 153, 186, 206, 207, 209.
Городокъ Новый. См. **Новый Городокъ.**
Гороховецъ, гор. во Владимірской землѣ. 230.
Государство Галицкое. См. **Галичъ** (южный).
Государство Кіевское. См. **Кіевъ.**
Государство Московское. См. **Москва.**
Градокъ. См. **Городокъ.**
Греки (византійцы). 7, 30, 32, 136, 155, 179, 199, 263, 291—297, 307, 310, 311, 313, 315, 354, 361, 363—365, 368, 370, 373, 375, 417, 451, 452.
Греція. См. **Греки** (византійцы).
Грюнвальдъ, гор. въ Пруссіи. 339, 346, 351.

Д.

Датчане, нар. 93.
Двина (Сѣверная), рѣка. 131, 145, 339, 434.
Двинская земля, обл. новгородская. 339, 340, 342, 369, 383, 433, 434, 439, 440.
Дворъ Афонасовъ (Офоносовъ), въ Новгородѣ. 133.
Дворъ владычный, въ Новгородѣ. 126.
Дворъ Нѣмецкій, въ Новгородѣ. 74.
Дворъ Ярославль, въ Новгородѣ. 79, 396, 441.
Дмитріевы села и слободы. 120.
Дмитровскія ворота, въ Нижнемъ-Новгородѣ. 273.
Дмитровъ, гор. въ Московскомъ княжествѣ. 27, 29, 51, 63, 84, 89, 90, 98, 112, 149, 150, 174—176, 186, 189, 190, 304, 327, 377, 378, 382, 388—393, 405, 409, 415, 431.
Днѣпровскій юго-западъ. См. **Русь** юго-западная.
Днѣпръ, рѣка. 20, 23, 26, 30.
Добрятинская борть, въ Московскомъ княжествѣ. 187.
Добрятинское село, въ Московскомъ княжествѣ. 187.
Донъ, рѣка. 38, 49, 226, 227, 239, 240, 244, 245, 250.
Дорогобужъ, гор. въ Смоленской землѣ. 285.
Дорогобужъ, гор. въ Тверской землѣ (нынѣ с. Дорожаево). 192, 194, 204, 206—209, 211, 213, 216, 219, 220, 445.
Дороженъ, гор. рязанскій. 251.
Друцкъ, гор. въ Полоцкой землѣ. 146, 159, 161, 231, 285, 393.
Дубокъ, гор. въ Рязанской землѣ. 234.

Е.

Европа восточная. 1, 30, 160, 221, 239, 251, 285, 314, 316, 331, 352, 372, 443.
Елецъ, гор. 227, 245, 250.
Емь, племя. 40, 91.

Ж.

Жадемль, въ Рязанской землѣ. 234.
Жадѣне городище, въ Рязанской землѣ. 234.
Жмудь, племя литовское. 339.

Жукотинъ, гор. камскихъ болгаръ. 267, 280.

З.

Заберегъ, волость верейская. 171.
Заволочье, обл. новгородская. 36, 133, 134, 329, 396, 434.
Загородье, въ Новгородѣ. 133.
Закамье. См. **Кама.**
Заколотенъ Гордѣевскій, въ Рязанской землѣ. 251.
Заозерье, земля по Кубенскому озеру. 404, 405, 415, 426.
Западные сосѣди Руси (Литва и нѣмцы ливонскіе). 40, 63, 72, 73, 76, 92, 93, 100, 110, 111, 113, 144, 239, 441.
Западъ (Западная Европа). 30, 36, 37, 166, 370.
Западъ. См. **Русь** западная.
Запьянье. См. **Пьяна.**
Зарайскъ, гор. въ Рязанской землѣ. 225.
Засурье. См. **Сура.**
Заячковъ, село въ Московской землѣ. 171.
Звенигородъ, гор. въ Московской землѣ. 165, 166, 172, 173, 175, 176, 185, 186, 327, 382, 383, 386, 390, 392, 393, 405, 409, 415, 429.
Земли бѣлорусскія. См. **Русь** западная.
Земли украинско-русскія. См. **Русь** юго-западная.
Золотая Орда. См. **Татары.**
Золотыя ворота, во Владимірѣ на Клязьмѣ. 60.
Зубцовъ, гор. въ Тверской землѣ. 111, 112, 213, 219, 220, 222, 301.
Зубчане. См. **Зубцовъ.**

И.

Ижора, племя чудское и его земля. 75, 128, 288.
Изборскъ, гор. въ Псковской землѣ. 300.
Издѣтемля, волость серпуховская. 330.
Ильмень (Илмеро, Илмерь), озеро. 82, 83.
Имперія Римская. См. **Римская** имперія.
Имперія Россійская. См. **Русская** земля.

І.

Іерусалимская слободка (Входъ Ерусолимъ), въ Кашинѣ. 215.
Іерусалимъ, гор. 451.

К.

Кавказскій край. 77.
Казань, гор. 279, 280, 399, 402, 413, 414, 428–430.
Калуга, гор. 299, 400, 415.
Кама, рѣка. 28, 110, 134, 143, 263, 271, 272, 428.
Камская Болгарія. См. **Болгары** камскіе.
Каневъ, гор. въ Кіевской землѣ. 32.
Карачевъ, гор. 245, 299.
Карельская земля. 40, 74, 75, 80, 91, 92, 128, 142, 144.
Карельскій городокъ (нынѣ Кексгольмъ). 142, 144, 344.
Касимовъ, гор. на Окѣ. 255, 257, 399, 413.
Каспійское море (Хвалынское). 30.
Кашинъ, гор. въ Тверской землѣ. 86, 97, 132, 134, 192, 193, 195–201, 205, 208–219, 288, 299, 301, 304–306, 312, 353, 379, 444.
Кашира, гор. на Окѣ. 429.
Кегрольскій Волокъ. См. **Волокъ** Кегрольскій.
Кемское княжество. 153, 186.
Кесь, гор. См. **Венденъ.**
Кипчакское царство. 397.
Кіевская держава. См. **Русь** юго-западная.
Кіевская и всея Руси митрополія. См. **Кіевъ и Русская** земля.
Кіевская и Литовская митрополія. См. **Кіевъ и Литва.**
Кіевская Русь.
Кіевскій югъ.
Кіевское государство.
} См. **Русь** юго-западная.
Кіевщина, земля. См. **Кіевъ.**
Кіевъ, гор. 2—4, 7, 8, 18, 22, 28, 30–39, 46, 53—56, 64, 67, 84, 90, 92, 94, 103, 105, 122, 136, 139, 140, 178, 189, 292—298, 308, 311, 313—316, 337, 350, 353, 358—361, 363, 370, 371, 373, 374, 384, 395, 446, 451.
Клещино (Клюшино) озеро, у Переяславля Залѣсскаго. 27, 28.
Клинъ, гор. въ Тверской землѣ. 128.
Клязьма, рѣка. 28, 30, 165, 230, 264.
Козельскъ, гор. 227, 235, 245, 246, 299, 310, 379, 380, 382, 400, 403, 405.
Козловъ Бродъ, въ Московской землѣ. 176.
Кокшенга, рѣка и волость по ней. 428.

Кокшинъ городецъ, пригородъ новгородскій. 344.
Колашна, волость. 153, 186.
Коломна, гор. 99, 114, 118, 162, 165, 170—173, 175, 176, 185, 186, 225, 228, 230, 231, 234, 242, 245, 246, 271, 326, 327, 330, 338—340, 342, 344, 345, 353, 360, 385, 388—393, 398, 404, 414, 415, 421.
Колывань, гор. См. **Ревель.**
Константиново, село въ Московскомъ княжествѣ. 166.
Константиновъ (Константинъ), гор. См. **Кснятинъ.**
Константинополь (Царьградъ), гор. 33, 108, 109, 122, 123, 179, 185, 199, 291—297, 299, 307, 311, 312, 315, 316, 352, 354—358, 360—368, 370, 373, 394—396, 432, 450, 451.
Копорье, гор. въ Новгородской землѣ. 80—84, 91, 92, 142, 144, 344.
Копотенское, село въ Московскомъ княжествѣ. 166.
Корела (Корѣла), племя. См. **Карельская** земля.
Корельскій городъ. См. **Карельскій** городокъ.
Коропки, волость можайская. 400.
Корсунь, гор. греческій на Таврическомъ полуостровѣ. 225.
Коснятинъ, гор. См. **Кснятинъ.**
Кострома, гор. 4, 24, 63, 75, 78, 79, 81, 82, 87, 92, 103—106, 113, 116, 128, 129, 138, 151, 152, 163, 188, 267, 272, 302, 326, 329, 347, 385, 390, 391, 395, 415.
Кошира. См. **Каширa.**
Красное село, въ Галицкомъ удѣлѣ. 406.
Крево, гор. литовскій. 332, 337.
Кременецъ, гор. на р. Лужѣ. 431.
Кремль, въ Твери. 129.
Кривичи, племя славянское. 160.
Крымъ. См. **Татары** крымскіе.
Кснятинъ (Константиновъ, Константинъ, Коснятинъ), гор. на устьѣ р. Нерли. 27, 29, 43, 86, 213, 215.
Кубенскія волости (Кубена). 404, 405, 415, 426.
Кудьма, рѣка. 263.
Куликово поле. 187, 212, 239, 240, 274, 305, 320—325, 327, 329, 346.
Курмышъ, гор. на р. Сурѣ. 273.
Курскъ, гор. 35, 40, 61, 84, 85.
Кучково (Куцково), село, превратившееся въ г. Москву. 117.

Л.

Ладога, гор. въ Новгородской землѣ. 56, 70, 71, 74, 75, 82—84, 92, 128, 142, 144, 344.
Ландскрона (Вѣнецъ земли), шведскій гор. на р. Охтѣ. 92.
Ливонскій Орденъ. См. **Нѣмцы** ливонскіе.
Ликурговъ, волость галицкая. 382.
Лисинъ, волость серпуховская. 379, 380, 382, 400, 403, 404.
Литва, нар. и его земля (Литовское великое княжество). 1, 2, 10, 37, 40, 50, 51, 58, 68, 69, 72, 73, 92, 93, 107, 111, 112, 115, 132, 134, 140—144, 146, 154, 155, 157, 160, 161, 174, 176, 196—199, 201, 202, 205, 207—209, 211, 216, 220—222, 227, 235—237, 239, 240, 242—245, 247, 248, 250—252, 258, 259, 264, 284—288, 290, 292, 293, 296—320, 325—328, 332—339, 341—346, 350—354, 360, 362, 363, 368—370, 372—376, 378, 379, 387—391, 393—396, 398, 401, 402, 404, 406, 409—411, 413, 416, 419, 425, 431—433, 435—437, 441, 442, 444—447, 451.
Литовско-Польское государство. См. **Литва** и **Польша.**
Лопастна, рѣка, прит. Оки, и волость по ней. 172, 176, 228, 233, 234, 236, 289.
Лужа рѣка, прит. Угры, и волость по ней. 154, 175, 176, 228.
Луки Великія. См. **Великія Луки.**
Лукое озеро, въ Кашинскомъ удѣлѣ. 215.
Луцкъ, гор. 369.
Лучинское, село въ Московскомъ княжествѣ. 163, 172.
Лысково, село на Волгѣ. 272, 281.
Лыткинское село, въ Московской землѣ. 185.
Любечъ, гор. въ Черниговской землѣ. 134, 409, 447.
Любутскъ, гор. въ Рязанской землѣ. 236, 237, 246, 304, 322, 359.
Людимескъ, волость можайская. 400.
Ляхи. См. **Польша.**

М.

Малаховское, село въ Московскомъ княжествѣ. 166.

Малороссія. См. **Русь** юго-западная.
Малоярославецъ (Ярославецъ, Ярославль), гор. на р. Лужѣ. 154, 380, 419, 420.
Мальборгъ, гор. 334.
Маравонъ, гор. 321.
Медуши, волость московская. 379.
Медынь, гор. въ Московской землѣ. 404, 415.
Мезецкъ, гор. въ Московской землѣ (Мещовскъ). 258, 447.
Меря, племя. 20, 63.
Мещера, племя и его область. 227, 244, 245, 252, 331, 399.
Мещерка, село у Коломны. 171.
Микулинъ, гор. въ Тверской землѣ. 192, 194, 195, 200—202, 204, 207, 208, 210, 213, 214, 216, 219, 220, 289, 299, 301, 445.
Можайскъ, гор. въ Московской землѣ. 61, 99, 114, 118, 160—162, 165, 170—173, 175, 176, 185, 186, 285, 299, 327, 391—393, 398, 400, 402—406, 409, 415, 425, 447.
Молдавія (Волохи), обл. 333, 334, 374, 443.
Молога, гор. въ Суздальской землѣ. 43, 302.

Монастыри:

Св. *Богородицы,* въ Твери (?). 123.
Св. *Богородицы,* на р. Шошѣ. 134.
Св. *Богородицы Зачатія,* въ Серпуховѣ. 177.
Св. *Богородицы Рождества,* во Владимірѣ на Клязьмѣ. 52.
Богоявленскій, въ Москвѣ. 291.
Васильевскій, въ Суздалѣ. 265.
Даниловъ, подъ Москвою. 49.
Кириллов-Бѣлозерскій, въ Кириловѣ. 402, 424, 425, 452.
Княгининъ, въ Ростовѣ. См. *Спасскій-Княгининъ.*
Нямецкій, въ Молдавіи. 374.
Ольговъ, въ Рязани. 226, 232.
Отрочъ-Успенскій, въ Твери. 192, 193, 210, 219.
Св. *Пантелеймона,* въ Новгородѣ. 121.
Печерскій, въ Кіевѣ. 107.
Печерскій, въ Нижнемъ - Новгородѣ. 395.
Симоновъ, въ Москвѣ. 353, 358, 359, 361.
Снѣтогорскій, близъ Пскова. 357.
Спасо-Евѳиміевъ, въ Суздалѣ. 34, 282, 366, 398.
Спасскій, въ Москвѣ. 353.
Спасскій-Княгининъ, въ Ростовѣ. 96.
Спасско-Благовѣщенскій, въ Нижнемъ-Новгородѣ. 281.
Срѣтенскій, въ Кашинѣ. 219.
Троицкій-Сергіевъ, въ 60 верстахъ отъ Москвы. 89, 90, 241, 242, 322, 353, 359, 397, 400.
Чудовскій, въ Москвѣ. 369.
Монголія, страна въ Азіи. 51, 55, 59.
Монголы. См. **Татары.**
Мордва, племя. 28, 38, 40, 100, 101, 110, 134, 146, 227, 230, 231, 244, 262, 263, 272—274, 280, 318.
Москва, гор. и княжество (Московское великое княжество). 3, 7—12, 14—16, 18, 19, 21—25, 27, 29, 39, 49, 53, 84, 87, 88, 90, 91, 93, 98, 100, 103—106, 111—119, 121, 124—126, 128, 129, 131, 132, 136—140, 148—165, 168—180, 182, 184—191, 193—199, 201—205, 207—213, 215—218, 221, 222, 227, 228, 230, 231, 233—259, 261—271, 274, 276—286, 288—295, 297—302, 304—307, 309—314, 316—322, 324, 326—330, 332—334, 336—338, 340—343, 345—347, 350, 351, 353, 355—357, 359—365, 367—371, 373—378, 380—382, 384—392, 394—402, 404—417, 419, 421—439, 441—451, 453—458.
Москва, рѣка. 23, 165, 166.
Московское государство. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Московское княжество. См. **Москва.**
Мстиславль, гор. въ Смоленской землѣ. 298, 401.
Мстиславль уѣздъ, въ Рязанской землѣ. 234.
Мурома, племя. 20.
Муромо-Рязанская земля. См. **Муромъ** и **Рязань.**
Муромская земля. См. **Муромъ.**
Муромъ, гор. и княжество (Муромская земля). 22, 28, 30, 38, 50, 57, 100, 111, 223—225, 228, 230, 231, 245, 246, 256, 260, 330, 331, 388, 398, 401, 414, 415.
Мценскъ, гор. 299.

Н.

Напрудское, село подмосковное. 166.
Нарова, рѣка. 58, 73, 74, 92.
Наровчатъ (Наручадь), гор. въ Мордовской землѣ. 268.
Народность великорусская. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Народъ русскій. См. **Русская** земля.
Народъ украинскій. См. **Русь** юго-западная.
Наручадь. См. **Наровчатъ.**
Наталинская земля. 158.
Нева, рѣка. 92, 131.
Неглинная, рѣка. 27.
Неревскій конецъ, въ Новгородѣ. 73.
Нерль, рѣка, прит. Волги. 27.
Нерова. См. **Нарова.**
Нижегородская украйна. См. **Украйна** Нижегородская.
Нижній-Новгородъ, гор. и земля (Нижегородское княжество). 7, 22, 40, 49, 62, 63, 77, 98, 104—106, 110, 113, 124, 139, 140, 150, 153, 162, 203, 228, 235, 238, 239, 259—265, 268—282, 284, 285, 289, 292, 304, 305, 307, 310, 311, 318—321, 323, 326—331, 341, 345—347, 350, 356, 357, 366, 380, 385, 386, 388, 391, 393, 395, 398, 400. 401, 410, 415, 428, 429.
Низовская земля (Низъ), земли великорусскія въ бассейнѣ Волги. 49—51, 57, 71—73, 76, 77, 80, 82, 85, 91—93, 99, 111, 113, 119, 132, 133, 143, 144, 146, 231, 284, 287, 288, 305, 334, 367, 439, 440.
Новгородъ, гор. и земля (Новгородское княжество). 5—7, 13, 32, 36—38, 40—43, 46, 49—51, 54—60, 62, 63, 65—89, 91—93, 98, 100, 103—107, 111—117, 119—135, 138—146, 148, 154—156, 159, 160, 163, 166, 183, 218, 235, 246, 264, 265, 267, 271, 285—289, 292, 294—296, 299, 300, 303—306, 311, 316, 318, 321, 327—329, 334—346, 351, 352, 357, 361, 366—370, 378, 383, 384, 387, 388, 391, 394—397, 401, 402, 406, 408, 411—413, 417, 424—426, 430—442, 444, 445, 447—449, 456, 457.
Новгородъ Нижній. См. **Нижній-Новгородъ.**
Новгородъ Сѣверскій. 100, 142, 161, 227, 228, 244, 285, 286, 298, 299, 318, 319, 322, 337, 352, 446, 447.
Новосиль, гор. въ Черниговской землѣ, 134, 171, 248, 249, 299, 305, 310, 311, 445.
Новоторжцы. См. **Торжокъ.**
Новый Городокъ на Волгѣ, въ Тверской землѣ. 207, 213, 217.
Новый Городокъ (Городецъ) на Поротлѣ, гор. въ Московской землѣ. 172, 176, 228, 234.
Новый Торгъ. См. **Торжокъ.**
Ногаи (Ногайская орда). См. **Татары** ногайскіе.
Нѣмецкій дворъ. См. **Дворъ Нѣмецкій.**
Нѣмцы, нар. 36, 37, 75.
Нѣмцы. См. **Шведы.**
Нѣмцы Ливонскіе. 40, 51, 58, 73—75, 92, 93, 132, 161, 222, 285, 287, 288, 299, 300, 311, 333, 336, 338—341, 344, 345, 350, 351, 412, 413, 425, 441, 442.

О.

Оболенское княжество. 305.
Одоевское княжество. 445.
Ока, рѣка. 20, 26, 115, 119, 165, 226—228, 234, 235, 238, 242—244, 249, 254, 258, 260, 263, 274, 276, 305, 319, 320, 414.
Олешна, волость владыки тверского. 112.
Опоки, гор. въ Тверской землѣ. 213.
Орда. См. **Татары.**
Орда Ногайская.
Орда Синяя.
Орда Шибанская.
} См. **Татары** ногайскіе.
Орининское село, въ Московскомъ княжествѣ. 166.
Орша, гор. въ Смоленской землѣ. 298.
Орѣховъ городокъ. См. **Орѣшекъ.**
Орѣховый островъ, въ истокахъ Невы. 131.
Орѣшекъ, гор. въ Новгородской землѣ. 131, 142, 144, 288, 335, 344.
Островъ, гор. въ вел. кн. Литовскомъ. 337.
Островское, село въ Московскомъ княжествѣ. 166.
Осѣченъ, гор. литовскій. 144.
Офоносовъ дворъ. См. **Дворъ Афонасовъ.**
Охта, рѣка, прит. Невы. 92.

П.

Перевитскъ, гор. въ Рязанской землѣ. 256, 258, 430.

Перемышль, гор. въ Галицкой Руси. 312.

Перемышль, гор. на Окѣ. 165, 166, 176, 380, 447.

Пересвѣтова купля, волость серпуховская. 379, 382, 400.

Пересопница, гор. въ Волынской землѣ. 32.

Переяславль Залѣсскій, гор. въ Суздальской землѣ. 27—29, 32, 33, 40, 44, 45, 54, 55, 57, 62, 64, 69, 73, 74, 78—80, 82—92, 99, 100, 104—106, 112, 116—118, 123, 124, 131, 151, 152, 173, 188, 189, 198, 224, 264, 265, 267, 304, 318, 326, 327, 345, 385, 415.

Переяславль Русскій, гор. 6, 30, 32, 35, 39, 40, 43, 49, 51, 54, 117.

Переяславль Рязанскій (нынѣ Рязань), гор. 118, 227, 229—232, 234, 237, 238, 248, 250, 251, 254—257.

Переяславцы. См. **Переяславль** Залѣсскій.

Пермская земля. 413, 430.

Перновъ, гор. въ Прибалтійскомъ краѣ. 334.

Песочна, село въ Московскомъ княжествѣ. 170.

Печерская сторона, въ Новгородской землѣ. 145.

Плава, рѣка, прит. Упы. 345.

Племена южно-русскія. См. **Русь** юго-западная.

Плесковъ. См. **Псковъ**.

Плотницкій конецъ, въ Новгородѣ. 145.

Поволжье, земли по Волгѣ. 37, 115, 119, 139, 140, 261.

Поволжье верхнее. См. **Русь** сѣверо-восточная.

Поволжье ростовское. См. **Ростовская** земля.

Поволжье суздальское. См. **Русь** сѣверо-восточная.

Поднѣпровье, земли по Днѣпру. 49, 161.

Подольская земля. 319, 333, 337.

Половцы, нар. 30, 38, 39, 100, 223, 224.

Полоцкъ (Полтескъ), гор. 3, 47, 52, 73, 87, 94, 134, 160, 296, 318, 332, 333, 337, 373, 384.

Поляки, нар. и ихъ земля (Польша, Польское королевство). 1, 2, 220, 221, 253, 311—313, 317, 332, 333, 335, 337, 341, 342, 345, 346, 350, 351, 370, 413, 416, 441, 444, 446, 447, 451.

Поляне, племя славянское. 4.

Поморіе южное, побережье Финскаго залива. 58,

Поротля, рѣка, прит. Оки. 172, 234.

Порховъ, пригородъ новгородскій. 344.

Посемье, земли по р. Сейму. 35.

Похра, рѣка (прит. Москвы) и волость по ней (Похряне, Похрянскій уѣздъ). 166, 170.

Прибалтійскій край. 37, 115.

Придонье. См. **Донъ**.

Прикамье. См. **Кама**.

Прикаспійскій край. 77.

Пронскъ, гор. въ Рязанской землѣ. 38, 224, 225, 227—233, 235—238, 245, 246, 248—252, 254—256, 303.

Протва, рѣка. 286.

Пруссія, обл. 351.

Псковъ (Плесковъ), гор. и земля. 13, 40, 50, 51, 56, 57, 66, 72, 73, 75, 76, 83, 84, 87, 93, 100, 107, 111, 113, 128, 129, 132—134, 138, 140—144, 146, 154, 155, 158, 160, 203, 285—288, 294, 311, 318, 322, 332, 333, 335, 336, 338—342, 344, 351, 352, 357, 369, 374—376, 387, 388, 390, 395, 396, 408, 410—413, 425, 426, 431, 433, 434, 436, 442—445, 448, 449, 452.

Пьяна, рѣка. 272, 274, 275, 320.

Р.

Радиловъ, гор. въ Тверской землѣ. 213.

Радонежъ, гор. въ Ростовской землѣ. 380.

Раковоръ (Везенбергъ), гор. ливонскій. 73.

Раменье, село въ Московской землѣ. 163.

Растовецъ, въ Московской землѣ. 176.

Ревель (Колывань), гор. 40.

Ретань, гор. рязанскій. 251.

Речь Посполитая. См. **Поляки**.

Ржева, гор. въ Новгородской землѣ. 298, 299, 330, 345, 379, 382, 393, 403, 404, 415, 427, 431, 433, 441.

Ржевичи. См. **Ржевъ**.

Ржевъ, гор., въ Тверской землѣ. 113, 125, 126, 213.

Рига, гор. 40, 75, 160, 161.
Римская имперія. 2.
Римъ, гор. 92.
Романовъ, городокъ въ Ростовской землѣ (Романовъ-Борисоглѣбскъ). 415, 423.
Ромеи. См. **Греки** (Византійцы).
Россійская имперія, **Россія**. См. **Русская** земля.
Ростиславль, гор. на Окѣ. 232, 255, 256.
Ростовская земля (волость). См. **Ростовъ** и **Суздаль**.
Ростовско-Владимірская земля. См. **Владиміръ** на Клязьмѣ и **Ростовъ**.
Ростовское Поволжье. См. **Ростовъ** и **Русь** сѣверо-восточная.
Ростовско-Суздальская земля. См. **Ростовъ** и **Суздаль**.
Ростовъ Великій, гор. и княжество (Ростовское, Ростовско-Суздальское). 5, 6, 14—16, 20, 22, 26, 27, 29—34, 36, 39, 41, 43—47, 52—54, 59—62, 64, 67, 76, 81, 85—87, 89, 94—99, 104, 113, 123, 124, 126, 129, 131, 146—149, 151, 153, 154, 156, 159, 162—164, 173, 195, 198, 231, 236, 261, 268, 269, 284—286, 309, 326, 342, 362, 366, 391, 399, 413, 415, 422, 423, 439, 442, 452.
Роща, въ Можайскомъ удѣлѣ. 400.
Руза, гор. въ Московской землѣ. 166, 392, 415, 427, 430.
Руза, рѣка въ Московской землѣ. 165.
Руса, гор. въ Новгородской землѣ. 70, 128, 344.
Русская земля (Россійская имперія, Россія, Русь). 1, 2, 4, 6—14, 16—22, 24, 26—28, 30, 32—38, 41, 42, 44, 46—58, 60—65, 67, 70, 72, 73, 75—78, 80, 82—84, 90—95, 99, 102, 104—110, 112, 116, 118, 122, 123, 125—129, 132, 133, 136—143, 150, 153, 155—158, 160—162, 164, 174, 175, 179, 182, 184, 186—189, 198, 199, 203, 212, 223, 226—230, 235, 239, 240, 244, 247, 260, 262, 263, 279, 285, 289—297, 305, 307—317, 319, 321, 323—325, 331—337, 339, 341, 344, 345, 351—359, 361—366, 368, 370, 371, 373—375, 384, 385, 395—497, 400—402, 409, 430, 432, 433, 444, 450, 451.
Русскій западъ. См. **Русь** западная.
Русскій народъ. См. **Русская** земля.
Русскій югъ. См. **Русь** юго-западная.
Русское государство. **Русь** (въ общемъ значеніи). См. **Русская** земля.
Русь Бѣлая. **Русь** верхне-волжская. **Русь** владиміро-московская. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Русь Галицкая. См. **Галичъ** (южный).
Русь Днѣпровская. См. **Русь** юго-западная.
Русь западная (Литовская). 1, 61, 87, 107, 115, 134, 142, 161, 295, 297, 311—319, 331—337, 344, 345, 352, 353, 370, 372—374, 432, 441, 446.
Русь Кіевская. См. **Русь** юго-западная.
Русь Литовская. См. **Русь** западная.
Русь Малая. См. **Русь** юго-западная.
Русь Московская. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Русь Суздальская. См. **Суздаль** и **Русь** сѣверо-восточная.
Русь сѣверная. См. **Русь** сѣверо-восточная.
Русь сѣверо-восточная (Великороссія, Верхне-Волжскій Сѣверъ, Верхнее Поволжье, Московское государство, Ростовское Поволжье, Русь Бѣлая, Русь верхне-волжская, Русь Владиміро-Московская, Суздальско-Нижегородское Поволжье). 1—5, 7—27, 28 (Бѣлая Русь), 30, 31, 33—39, 41—44, 47—52, 54, 56, 58, 60, 62—66, 76, 80, 87, 89—94, 99—102, 105, 106, 108—116, 118, 119, 136, 137, 140, 142, 144, 146, 150, 154, 155, 159, 162, 182, 185, 191, 199, 202—204, 207, 216, 217, 219—223, 226—228, 230, 231, 233—236, 238—247, 249—253, 255, 257—259, 261—276, 280, 282—286, 288—295, 298, 299, 301—310, 312—314, 316—321, 323—347, 350—366, 368—370, 372, 373, 376, 377, 384—388, 390, 394, 396—400, 402, 405—409, 412—417, 425, 427—431, 435, 436, 442—447, 449, 450—458.
Русь юго-западная (Днѣпровскій юго-западъ, Кіевская держава, Кіевскій югъ, Кіевское государство, Русь Днѣпровская, Русь Кіевская, Русь Малая, Средне-Днѣпровская полоса, Украинскій народъ, Украинско-русскія земли, Южно-русскія племена). 1, 2, 4—8, 10, 11, 13, 18—24, 26, 28, 30—36, 38, 39, 41, 42, 46, 47, 49, 53, 55, 56, 64, 67, 90, 91, 94, 107, 122, 137, 199, 295—298, 308,

311, 312, 331, 332, 336, 341, 358, 360, 366, 374, 450, 451.
Русь южная. См. **Русь** юго-западная.
Рушане. См. **Руса.**
Рыльскъ, гор. въ Сѣверской землѣ. 299, 447.
Рязанская украйна. См. **Украйна** рязанская.
Рязань Старая (нынѣ Старо-Рязанское городище), гор. и княжество (Рязанское). 7, 14, 28, 38—41, 43, 50, 54, 57, 68, 69, 100, 101, 107, 110, 114, 117, 118, 138, 143, 146, 159, 162, 167, 168, 172, 176, 182, 183, 206, 207, 223—260, 264, 269, 274, 284—286, 289, 300, 302—304, 306, 309, 318—320, 323—328, 330, 331, 337, 338, 341, 343—345, 352, 384, 392, 394, 395, 398, 399, 404, 405, 408, 411, 412, 414, 430, 443, 444, 446.
Рясна, гор. литовскій. 144.

С.

Салинъ, островъ на р. Дубиссѣ. 339—341.
Сарай, гор. въ устьяхъ Волги. 267, 275.
Сарайская (Сарская) епископія. 60, 88, 226, 227.
Свиблово, волость можайская. 400.
Семчинское, село подмосковное. 166.
Середокоротна, село въ Московскомъ княжествѣ. 170.
Серенскъ, волость можайская. 400.
Серпейскъ, гор. въ Московской землѣ. 258.
Серпуховъ, гор. въ Московской землѣ. 165, 166, 175—177, 184, 186, 204, 243, 247, 304, 306, 321, 322, 324, 326, 329, 332, 333, 377—383, 389, 391, 392, 400, 401, 404, 405, 409, 410, 415, 419, 425, 429.
Сибирь, земля. 4.
Синяя Орда. См. **Татары** ногайскіе.
Сить, рѣка, притокъ Мологи. 50.
Скандинавы. См. **Варяги.**
Скорнищево, недалеко отъ Переяславля Рязанскаго. 236, 237, 303.
Славенскій конецъ, въ Новгородѣ. 145.
Славяне русскіе (Славянство восточное). 1, 30.
Слободка, волость. 153, 186.
Смоленскъ, гор. 3, 22, 36—39, 47, 50, 61, 73, 76, 86, 100, 113, 114, 119, 142, 146, 157, 159—161, 217, 231, 238, 246, 262, 285, 286, 288, 294, 298, 299, 301, 305, 306, 309—311, 328, 337, 338, 342—345, 352, 394, 395, 409, 446, 447.
Смядва, рѣка въ Рязанской землѣ. 249.
Соль Великая. См. **Великая Соль.**
Сосна Тихая. См. **Тихая Сосна.**
Средне-Днѣпровская полоса. См. **Русь** юго-западная.
Средняя Азія. 49.
Срѣтенская сторона, половина Ростова. 148.
Старая Рязань. См. **Рязань** Старая.
Стародубъ, гор. въ Суздальской землѣ. 39, 53, 68, 69, 98, 131, 149, 153, 173, 268, 269, 309.
Стародубъ, гор. въ Сѣверской землѣ. 299, 401, 409, 447.
Суда, волость бѣлозерская. 153, 186.
Суздаль, гор. и земля (Суздальская, Ростовско-Суздальская). 4, 14, 18, 21, 27, 28, 30—41, 44—50, 52, 54, 56—58, 61—63, 67, 70, 71, 75—77, 85, 87, 98, 99, 103, 107, 113—115, 119, 129, 130, 138, 139—141, 146, 147, 153, 156, 159, 162, 173, 207, 224, 227, 228, 231, 233, 259—271, 274—282, 284, 292, 298—300, 309, 315, 329, 355—358, 361, 366, 400, 401, 409, 410, 415. См. также **Ростовъ.**
Суздальская Русь. См. **Суздаль** и **Русь** сѣверо-восточная.
Суздальско-Нижегородское великое княжество. См. **Суздаль** и **Нижній Новгородъ.**
Суздальщина. См. **Суздаль.**
Сундовакъ, рѣка, прит. Волги. 272.
Сура, рѣка, прит. Волги. 238, 272, 274, 281, 386.
Сурожикъ, волость московская. 163, 172.
Суходолъ, волость серпуховская. 405, 406, 415, 425.
Сысола, волость. 429.
Сѣверка, рѣка въ Похрянскомъ уѣздѣ. 166.
Сѣверная Двина. См. **Двина** (Сѣверная).
Сѣверная Русь. | См. **Русь** сѣверо-
Сѣверо-восточная Русь. | восточная.
Сѣверскзя волость. См. **Новгородъ** Сѣверскій.
Сяма, волость близъ оз. Кубенскаго. 377.

Т.

Такасово, въ Тульскомъ уѣздѣ. 244.
Талица, въ Тульскомъ уѣздѣ. 244.
Таруса, гор. 248, 249, 330, 331.
Татары (Золотая Орда, Орда, Монголы), нар. 10, 11, 16, 23—26, 41, 47—52, 54—69, 72—79, 81—87, 90, 91, 93—95, 97, 99—101, 103—105, 109, 110, 112—115, 118—120, 123, 125—133, 135—151, 156—158, 161, 163—165, 172—174, 179, 180, 191—198, 202, 204, 205, 211—213, 216—218, 221, 222, 225—228, 230—245, 247—250, 252, 258, 259, 262—281, 285, 286, 288—290, 292, 301—306, 317—320, 323, 325—334, 340, 341, 344, 346, 347, 350—352, 360, 371, 372, 375, 377, 378, 381, 387, 389—392, 394, 397—399, 402, 404, 405, 407—409, 413, 414, 416, 425—430, 441, 444, 449—451.
Татары казанскіе. См. **Казань.**
Татары касимовскіе. См. **Касимовъ.**
Татары крымскіе. 441, 444.
Татары ногайскіе. 84, 85, 88, 399, 413, 429.
Тверца (Тверь), рѣка. 111.
Тверь, гор. и земля (Тверская). 7, 14, 49, 51, 59, 63, 68, 75—79, 84, 86—89, 92, 93, 97, 98, 100, 102—106, 109, 111—117, 121, 123—125, 127—135, 137, 138, 140, 142, 146, 149, 150, 153—162, 164, 170, 182, 183, 191—222, 230—232, 235, 237, 239, 245, 247, 254, 261, 264, 265, 274, 277, 279, 281, 284—286, 288, 289, 294, 296—306, 309—314, 318—324, 327—330, 332, 337, 341—343, 345—347, 350—352, 360, 361, 363, 364, 384, 390, 394, 396, 398, 400, 402—405, 408, 413, 426, 431, 433, 443—449.
Телятевъ, гор. въ Тверской землѣ. 219, 220.
Теребенское село, близъ Торжка. 379.
Терновъ, гор. болгаръ дунайскихъ. 295.
Тиверскій гор., въ Карельской землѣ. 344.
Тихая Сосна, рѣка, прит. Дона. 226.
Торжокъ (Новый Торгъ), гор. въ Новгородской землѣ. 36, 51, 56, 70, 74, 78, 79, 82—84, 104, 111, 112, 125—128, 130, 143, 144, 162, 203, 231, 287, 303—305, 339, 342, 344, 379, 396.
Торопецъ, гор. въ Смоленской землѣ. 48.
Торуса. См. **Таруса.**
Тошня, волость близъ Вологды. 377, 378, 382.
Тошня, рѣка близъ Вологды. 377.
Троки (Троцкая отчина), гор. литовскій. 337, 394.
Трубчевскъ, гор. въ Сѣверской землѣ. 299—318.
Тула, гор. 243, 244, 251.
Туровъ, гор. въ Кіевской землѣ. 32, 296, 312.

У.

Угличъ (Углече поле), гор. въ Суздальской землѣ. 43, 52, 53, 62, 95, 97, 98, 147, 150—154, 188, 189, 302, 305, 377, 379, 380, 382, 383, 385, 393, 400—403, 405, 410, 415.
Угра, рѣка. 23, 286, 345, 424, 425, 444.
Украйна восточная. 428, 429.
Украйна нижегородская. 239, 271, 273, 274, 304, 318, 341, 346.
Украйна новгородская. 442.
Украйна рязанская. 223, 226—228, 238, 239, 244, 245, 250, 252, 255, 304, 318, 341, 414.
Украинскій народъ. См. **Русь**
Украинско-русскія земли. юго-западная.
Устіаны, въ Новгородской землѣ. 128.
Устюгъ, гор. на р. Сухонѣ. 97, 131, 133, 134, 151, 152, 393, 406, 415, 428, 429.
Устюжна, волость. 377, 378, 382.

Ф.

Финскія племена. 26, 37, 40, 110, 131, 227.
Флоренція, гор. въ Италіи. 450.
Фряги (западно-европейцы). 180.

Х.

Халкидонъ, гор. на Балканскомъ полуостровѣ. 119.
Хозары, нар. 30.
Холмскій погостъ, въ Новгородской землѣ. 431, 433, 441.
Холмъ, гор. въ Тверской землѣ. 149, 192, 194—204, 206, 212, 216, 219, 220, 222, 288, 312, 321, 339, 340.
Хоперъ, рѣка, прит. Дона. 226, 227, 245.
Хотунь, гор. въ Московской землѣ. 429.

Ц.

Царьградъ. См. **Константинополь.**

Церкви:

Св. *Богородицы,* въ Ростовѣ, соборная. 34, 96.
Св. *Богородицы,* въ Твери, въ Отрочѣ м-рѣ. 193.
Св. *Богородицы Зачатія,* въ Серпуховѣ. 177.
Св. *Богородицы Рождества,* во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Рождественскомъ Богородицкомъ м-рѣ. 34.
Св. *Богородицы Успенія* (Успенскій соборъ), во Владимірѣ на Клязьмѣ. 33, 34, 122, 139.
Св. *Богородицы Успенія* (Успенскій соборъ), въ Москвѣ. 136, 452.
Св. *Богородицы Успенія* (Успенскій соборъ), въ Ростовѣ. 34.
Св. *Богородицы Успенія,* въ Ярославлѣ. 34.
Свв. *Бориса и Глѣба,* на р. Нерли. 34.
Свв. *Бориса и Глѣба,* въ Новгородѣ. 121.
Св. *Георгія,* въ Юрьевѣ Польскомъ, соборная. 27, 34.
Св. *Дмитрія* (Дмитровскій соборъ), во Владимірѣ на Клязьмѣ. 34.
Свв. *Іоакима и Анны,* во Владимірѣ на Клязьмѣ, на Золотыхъ воротахъ. 34.
Арх. *Михаила,* въ Городцѣ Поволжскомъ, соборная. 102, 260.
Арх. *Михаила* (Архангельскій соборъ), въ Москвѣ. 268.
Арх. *Михаила,* въ Новгородѣ. 74.
Преображенія, въ Нижнемъ Новгородѣ, соборная. 263.
Преображенская, въ Ярославлѣ. См. Св. *Спаса Преображенія.*
Св. *Софіи,* въ Константинополѣ. 292.
Св. *Софіи,* въ Новгородѣ, соборная. 42, 143, 432, 439.
Св. *Спаса,* во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Спасскомъ м-рѣ. 34.
Св. *Спаса,* подъ Москвою, въ Даниловѣ м-рѣ. 49.
Св. *Спаса,* въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. 27, 34.
Св. *Спаса,* въ Суздалѣ, въ Евѳиміевскомъ м-рѣ. 34.
Св. *Спаса Преображенія,* въ Твери, соборная. 49, 78, 158, 203, 205.
Св. *Спаса Преображенія,* въ Угличѣ. 53.
Св. *Спаса Преображенія* (Преображенская), въ Ярославлѣ. 34.
Св. *Троицы,* въ Серпуховѣ, соборная. 177.
Успенскій соборъ. См. Св. *Богородицы Успенія.*
Въ *Юрьевѣ Польскомъ,* соборная. См. Св. *Георгія.*
Св. *Ѳеодора,* во Владимірѣ на Клязьмѣ. 107.
Св. *Ѳеодора* (Ѳеодоровскій соборъ), въ Костромѣ. 79.
Цна, рѣка. 227, 243, 244.
Червленый Яръ, пространство между рр. Воронежемъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной. 226, 227, 245.
Червленый Яръ, рѣка, притокъ Дона. 226.
Черемисы, племя. 428.
Черниговo-Сѣверская земля. См. **Черниговъ** и **Новгородъ Сѣверскій.**
Черниговщина. См. **Черниговъ.**
Черниговъ, гор. и земля (Черниговская). 5, 22, 34, 36—40, 47, 49, 52, 61, 100, 107, 111, 114, 115, 117, 134, 142, 161, 223, 224, 226—228, 244, 285, 286, 290, 298, 299, 319, 322, 352, 409, 431, 446, 447.
Чернятинъ, гор. въ Тверской землѣ. 210.
Чудь, племя. 40, 51.
Чухлома, гор. 360, 400.

Ш.

Шачебала, волость галицкая. 382.
Шведы (нѣмцы), нар. и земля (Швеція). 37, 50, 56, 58, 63, 91—93, 131, 144, 287, 288, 300, 335, 425, 441.
Шедакша, рѣка въ Ростовской землѣ. 43.
Шексна, рѣка. 423.
Шелонь, рѣка, притокъ оз. Ильменя. 50, 336, 433.
Шибанская Орда. См. **Татары** ногайскіе.
Шишевскій лѣсъ, по р. Войнѣ. 235.
Шоша, рѣка, притокъ Волги, въ Тверской землѣ. 128, 134.
Шуя, гор. въ Суздальской землѣ, 62, 264, 279, 401.

Э.

Эллада, страна. 321.

Ю.

Юго-западная Русь. } См. **Русь юго-зап.**
Юго-западъ Днѣпровскій. }
Югра, племя. 430.
Южно-русскія племена. См. **Русь** юго-западная.
Юрьевецъ Поволжскій, гор. въ Суздальской землѣ. 264.
Юрьевское поле, близь Юрьева Польскаго. 45.
Юрьевъ Ливонскій, гор. 58.
Юрьевъ Польскій, гор. въ Суздальской землѣ. 27—29, 34, 44, 53, 54, 56, 88, 98, 146, 149, 159, 187, 231, 327, 345, 415.

Я.

Яжелбицы, село въ Новгородской землѣ. 411, 412, 431, 433, 435, 437.
Яма, гор. (Ямбургъ). 344.
Ярополчь, волость. 379.
Ярославецъ, гор. См. **Малоярославецъ.**
Ярославль, гор. въ Суздальской землѣ. 28, 34, 43, 52, 57, 60—62, 76, 86, 87, 95, 98, 99, 146 147, 149, 150, 156, 160, 162, 163, 284, 405, 417, 421, 422.
Ярославль, гор. См. **Малоярославецъ.**
Ярославль дворъ. См. **Дворъ Ярославль.**
Яръ Червленый. См. **Червленый Яръ.**
Ясы, нар. 59, 95.
Яуза (Ауза), рѣка. 27.
Яхрома, рѣка въ Московской землѣ. 27.

Ѳ.

Ѳоминское княжество, въ Смоленской землѣ. 146, 159, 161, 231, 285.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Поправить на:*
5	13 св.	въ изложенія	въ изложеніи
16	10 сн.	1191	1911
17	4 св.	Иванъ	Ивана
23	10 „	тяжелаго	географическаго
28	12 „	Иъяславомъ	Изяславомъ
—	15 „	и	а
35	19 „	о представленіи	отъ представленія
36	11 „	Черниговымъ	Черниговомъ
—	4 сн.	отоимилъ	отоималъ
46	21 „	107	44
54	4 „	Святополка	Святослава
60	10 св.	Всоволодовичъ	Всеволодовичъ
—	8 сн.	Ярославича	Ростиславича
61	10 „	„	„
77	1 „	132	54
80	3 „	вся	взя
86	6 св.	Даніила	Дмитрія
88	7 „	Ярославичу	Ростиславичу
93	11 „	раптавшіе	роптавшіе
—	3 сн.	130	1307
95	5 св.	Ярославлъ	Ярославль
—	13—14 „	Всеволода Константиновича	Василія Всеволодовича,
—	16 „	ее	ея
—	17 „	Всеволодовны	Васильевны
96	21 „	какъ напр.	какъ, напр.
97	13 „	Александра	Александра [4])
109	4 „	Дмитріевича	Даниловича
128	16 сн.	Новг. II	Новг. I
131	16 св.	въ устьяхъ	въ истокахъ
135	16 сн.	ысть	бысть
—	14 „	она	грамота
139	7 „	Влаиимірскихъ	Владимірскихъ
143	15 св.	услилило	усилило
150	6 „	IV	III

150	17 сн.	В. П. Сергѣевичъ	В. И. Сергѣевичъ
151	3 „	не на чѣмъ	не на чемъ
156	9 „	татарскому	тверскому
160	2 св.	вочтина	вотчина
164	15—16 „.	Иваловичу	Ивановичу
—	5 сн.	Владимірскій Будановъ	Владимірскій-Будановъ.
165	13 св.	нее	нея
166	13 „	Сѣверьцѣ	Сѣверкѣ
—	18 „	торжествѣ	тожествѣ
171	21 „	недлежащее	ненадлежащее
172	16 сн.	сложившияся	сложившихся
176	17 св.	1371	1372
179	18 „	5320	320
180	5 сн.	„въ 5320 р... тысячъ р.“	въ 320 р.
188	22 „	Семеона	Симеона
199	3 св.	III	(уничтожить)
203	1 „	Анастасію	Анастасію [1])
206	1 „	XI	IV
224	24 сн.	Ольговича	Святославича
230	15 св.	Кортополъ	Коротополъ
250	17 сн.	Ивановичъ	Ольговичъ
252	21 „	мешерскимъ	мещерскимъ
264	3 св.	Воликороссіи	Великороссіи
266	10 „	повергая	подвергся
269	16 сн.	Нижегородского	Нижегородскаго
274	8 „	Тохташева	Тохтамышева
288	13 св.	За то	Зато
292	11 „	не	ни
295	11 „	церквями	церквами
304	7 „	за то	зато
306	9 „	также какъ	такъ же, какъ
313	8 сн.	1589	1389
314	2 „	1889	1389
325	17 „	силъ не было	силъ, не было
338	22 св.	весьти	вести
350	6 „	отношеній	отношеній,
353	15 сн.	симеоновскому	симоновскому
358	21 св.	отпусти съ	отпусти
362	16 „	какого то	какого-то
364	3 „	велнкого	великаго
366	12 „	Евфорсинъ	Евфросинъ
367	17 сн.	тысяцкого	тысяцкаго
373	9 „	Фаснера	Фасмера
378	7 св.	обострилось	обострился
382	2 „	своой	своей
384	15 сн.	кѣпкую	крѣпкую
389	1 св.	Дмитровымъ	Дмитровомъ
390	10 сн.	Усанъ	Уланъ
391	14 „	[3])	[2])
392	7 св.	Шемяка	Косой
393	1 сн.	Темнаго	Косого

395	17 св.	XI	XII
—	18 „	владька	владыка
401	12 „	Обленскаго	Оболенскаго
—	17 сн.	Юріемъ	Василіемъ
404	14 св.	Мнхаилъ	Михаилъ
405	22 сн.	„	„
406	21 „	примиреніе	примиреніе съ
408	12 „	закончить	закончитъ
409	8 св.	Великорускому	Великорусскому
410	17 св.	вот	вот-
419	9 „	Витовтовны	Ѳоминичны
420	17 сн.	Васнльемъ	Васильемъ
422	13 св.	Дмитріевичъ	Васильевичъ
—	2 сн.	возможно что,	возможно, что
425	11 „	Polskai	Polska i
427	10 сн.	русскихъ	рузскихъ
437	8 св.	Берецкихъ	Борецкихъ
442	20 „	Шуйскихъ	Шуйскій
443	6 сн.	Валахіи	Молдавіи
447	19 св.	Черниговымъ	Черниговомъ
451	15 „	Калликстомъ	Каллистомъ
453	17 „	церквямъ	церквамъ

А. Е. Пр҃сняковъ.

РѢЧЬ

ПЕРЕДЪ ЗАЩИТОЙ ДИССЕРТАЦІИ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

ОБРАЗОВАНІЕ ВЕЛИКОРУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Девятая Государственная типографія, Моховая, 40.
1920.

Когда я писалъ свою книгу, то не разъ останавливался въ нѣкоторомъ недоумѣніи передъ одной ея особенностью: тема избитая, матерьялъ старый, общеизвѣстный, а приходится устанавливать заново то элементарные факты, то основныя, существенныя черты изучаемыхъ явленій. И невольно хотѣлось найти объясненіе такому авторскому положенію. Въ чемъ же его искать?

Наша историческая наука, наука русской исторіи—сравнительно молода. Ей и ста лѣтъ не минуло. Она вышла на подлинно научный путь только въ трудахъ С. М. Соловьева. Какъ научная дисциплина, она прожила одинъ періодъ своего развитія—«Соловьевскій». Этотъ поистинѣ героическій періодъ завершенъ въ трудахъ В. О. Ключевскаго.

Когда умеръ Е. Е. Голубинскій, то А. В. Карташовъ отмѣтилъ въ засѣданіи нашего Историческаго Общества, посвященномъ памяти Голубинскаго, значеніе этой утраты словами: умеръ послѣдній изъ поколѣнія строителей историческихъ системъ. Во главѣ этихъ строителей системы русской научной исторіи стоитъ имя С. М. Соловьева.

Соловьевъ—такъ Ключевскій опредѣлилъ его значеніе—«первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины девятаго до послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка, связалъ одной мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи». Мощнымъ усиліемъ мысли создалъ Соловьевъ въ сороковыхъ годахъ—тогда онъ былъ двадцатипяти-двадцатишестилѣтнимъ ученымъ—въ первыхъ же трудахъ своихъ основную схему русскаго историческаго процесса. Затѣмъ, изъ году въ годъ, съ 1851-го, выходятъ томы огромной «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», развертывая схему и наполняя ее конкретнымъ историческимъ содержаніемъ. Послѣдовательно, непрерывной струей вливается въ русскую науку и въ русское историческое сознаніе масса новыхъ и свѣжихъ свѣдѣній.

Отъ Соловьева идетъ и къ Соловьеву обращается вся дальнѣйшая историческая работа. На его построеніи русскаго историческаго процесса воспитался рядъ поколѣній. Его трудъ наложилъ глубокую печать на все препо-

даваніе русской исторіи. «Изслѣдователи—писалъ Ключевскій по поводу кончины Соловьева—долго будутъ черпать прямо изъ его книги историческіе факты и положенія въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ впервые обработалъ и высказалъ Соловьевъ, прежде чѣмъ успѣютъ провѣрить ихъ сами по первымъ источникамъ». И предсказаніе Ключевскаго оправдано опытомъ, долгимъ опытомъ—до нашихъ дней.

Соловьевымъ пользуются, на Соловьева опираются больше, чѣмъ его изучаютъ. Не изслѣдованъ генезисъ его схемы, не проанализированы его источники. А между тѣмъ, для исторіи допетровской Руси, въ установленіи Соловьевымъ не только «положеній», но и «фактовъ» есть одна важная особенность: ихъ зависимость отъ схемы, которая ставила основной задачей изслѣдователя—изученіе перехода родового быта въ бытъ государственный. Историческое мышленіе Соловьева было слишкомъ мощно и цѣльно, чтобы избранная имъ исходная и основная точка зрѣнія могла не отразиться какъ на подборѣ фактическихъ данныхъ изъ первоисточниковъ, такъ и на ихъ конструированіи, какъ историческихъ явленій, изъ указаній, сохраненныхъ этими источниками. Ошибались тѣ изслѣдователи, кто полагалъ, что можно, отрѣшившись отъ Соловьевской схемы и не считаясь съ нею, пользоваться его подборомъ и обработкой фактическихъ данныхъ. И это тѣмъ болѣе, что самъ Соловьевъ (какъ давно указано П. Н. Милюковымъ) находился въ такомъ же положеніи относительно своихъ источниковъ—Никоновской лѣтописи и «Россійской Исторіи» Татищева, гдѣ какъ разъ факты, наиболѣе существенные для его схемы, подобраны и обработаны съ опредѣленной точки зрѣнія. Черезъ нихъ Соловьевское построеніе отношеній между князьями Рюрикова дома восходитъ не только къ «теоріи родового быта», но и къ мѣстническимъ воззрѣніямъ XVI-го вѣка. Увлеченный столь явнымъ совпаденіемъ своихъ соціологическихъ предпосылокъ (теоріи родового быта) съ данными источниковъ, въ которыхъ онъ не заподозрилъ отраженія опредѣленной книжнической доктрины, Соловьевъ создалъ въ первыхъ же трудахъ своихъ цѣльную теорію русскаго историческаго процесса и подчинилъ дальнѣйшую работу свою и своей школы четко обдуманной схемѣ. «Схема русскаго историческаго процесса была дана, въ сущности, прежде, чѣмъ самый этотъ процессъ сдѣлался предметомъ спеціальной научной разработки» (Сыромятниковъ). И, по свидѣтельству Ключевскаго, эта схема царила, чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ университетскомъ курсѣ Соловьева: «съ теченіемъ времени фактическія подробности въ этомъ курсѣ сглаживались все болѣе, такъ что онъ превратился, наконецъ, въ непрерывную цѣпь обобщеній, въ историко-философскую формулу политическаго и соціальнаго развитія Россіи».

Такое направленіе мысли объясняетъ, почему Соловьевъ не возвращался къ пересмотру и углубленной разработкѣ своихъ первоначальныхъ изученій и построеній; ихъ основная задача—вскрыть конструктивный принципъ, необходимый для построенія теоріи русскаго историческаго процесса, казалась по существу разрѣшенной. И это тѣмъ болѣе понятно, что его время и силы

поглощены огромнымъ трудомъ надъ «Исторіей Россіи», которая, по замыслу ея автора, должна была быть исторіей новой Россіи, а первые томы, посвященные допетровской Россіи, служили только введеніемъ къ ней.

Соловьевское наслѣдіе научно-исторической мысли и осталось такимъ, какъ сложилось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Его основная концепція тяготѣетъ надъ всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ нашей исторіографіи. Задача его конструктивной схемы—«вывести изъ одного начала и изобразить въ видѣ непрерывнаго послѣдовательнаго процесса рядъ формъ политическаго быта, смѣнившихся въ Россіи съ половины IX-го до конца XVI-го вѣка»—осталась задачей этой исторіографіи. «Родовой» теоріи Соловьева противопоставлены общинная теорія славянофиловъ, задружная Леонтовича, договорная Чичерина и Сергѣевича; но возникшіе споры и критическія обоснованія разнорѣчивыхъ оцѣнокъ прошлой исторической жизни расшатали стройную систему «теоріи родового быта» и его перехода въ бытъ государственный, однако не замѣнили ее какой-либо иной столь же цѣльной схемой. Важнѣе для общаго хода научной работы было иное: въ борьбѣ главныхъ направленій нашей исторіографіи господствовалъ все тотъ же методъ историческаго мышленія и подхода къ фактическимъ даннымъ или свидѣтельствамъ первоисточниковъ, который характеренъ и для раннихъ трудовъ Соловьева. Задачей было, скажу мѣткими словами Градовскаго, «раскрытіе началъ, проявленіе которыхъ въ историческомъ процессѣ указывается на примѣрахъ, взятыхъ изъ русской исторіи; историческій матерьялъ не играетъ тутъ самостоятельной роли; онъ важенъ лишь настолько, насколько въ немъ можно изучить проявленіе того или иного «начала», выдвигаемаго на первый планъ данной исторической конструкціей,—родового, общиннаго, задружнаго или договорнаго». Отсюда та особенность въ изученіи источниковъ и фактовъ, опредѣлявшая весь методъ работы, которую я въ предисловіи назвалъ слишкомъ теоретичнымъ подходомъ къ матерьялу: данныя первоисточниковъ стали, собственно, не основой построенія, а запасомъ иллюстрацій къ положеніямъ защищаемой историко-соціологической доктрины. Весь этотъ укладъ историческаго мышленія сложился подъ вліяніемъ нѣмецкой идеалистической философіи и представляетъ собой отраженіе гегельянства.

Я, конечно, не разумѣю подъ призывомъ отрѣшиться отъ того, что называю слишкомъ теоретичнымъ подходомъ къ матерьялу, такого самообмана, будто его изученіе возможно помимо всякихъ соціологическихъ и историческихъ предпосылокъ: мысль изслѣдователя не tabula rasa, и матерьялъ, имъ изучаемый, даетъ отвѣты только на тѣ вопросы, которые ему этой мыслью поставлены. Но характерный для Соловьевскаго періода русской исторіографіи подходъ къ матерьялу имѣлъ свои методологическія послѣдствія, отъ которыхъ необходимо избавиться. Научный реализмъ требуетъ, чтобы вопросы ставились въ зависимости отъ свойствъ изученнаго матерьяла, а не навязывали ему того, чего онъ—будь то лѣтописные тексты или великокняжескія духовныя грамоты и т. д.—дать не можетъ, по основному своему характеру.

Глубоко справедливо замѣчаніе Градовскаго, что въ построеніяхъ корифеевъ нашей исторіографіи касательно древнерусскаго политическаго быта матерьялъ, почерпаемый изъ первоисточниковъ, не игралъ подобающей ему существенной роли. Отсюда то, на первый взглядъ странное, обстоятельство, что ни фактическія данныя, какими мы располагаемъ для изученія ранней исторіи русскаго политическаго быта, ни тѣ источники, откуда мы почерпаемъ эти данныя, не подвергались пересмотру во всей ихъ полнотѣ. Тѣ же частичные опыты такого пересмотра, какіе были сдѣланы (въ трудахъ Экземплярскаго, М. Грушевскаго, въ монографіяхъ по исторіи отдѣльныхъ областей), не вліяли на общія построенія, а болѣе сами подчинялись воздѣйствію той же историографической традиціи.

Однако, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что эта традиція исчерпана въ трудахъ В. О. Ключевскаго. Ближайшіе ученики Ключевскаго отозвались на тяжелую утрату, какую понесли русская наука и русское просвѣщеніе съ его кончиной, сборникомъ статей: «В. О. Ключевскій, характеристики и воспоминанія». Глубоко содержательная, волнующая книга. Она вскрываетъ основную драму научнаго творчества Ключевскаго—борьбу его яркаго историко-художественнаго темперамента съ глубокимъ вліяніемъ историографической традиціи, со схемами Соловьева. Ключевскій, историкъ-художникъ, глубоко вживается въ историческое прошлое, воспринимаетъ его характерныя черты необычайно интенсивно, реально и ярко. Но, скажу словами М. К. Любавскаго, «свое примѣненіе и направленіе этотъ талантъ получилъ благодаря Соловьеву». Въ своемъ курсѣ, какъ и въ «Боярской Думѣ», Ключевскій «облекъ въ плоть и кровь тѣ общія схемы, которыя даны были въ изложеніи Соловьева, наложилъ детали и краски на изображеніе старой Руси, данное Соловьевымъ». Но Соловьевскія схемы не выдержали напора конкретныхъ историческихъ данныхъ. Въ «историографическихъ замѣткахъ», предпосланныхъ моей книгѣ, есть попытка показать, какъ Соловьевская схема распадается въ переработкѣ Ключевскаго. Распадается, но не исчезаетъ. Засыпаетъ обломками пути изученія и построенія. Не даетъ полной свободы въ чтеніи текстовъ, изученіи источниковъ, подборѣ данныхъ, построеніи фактовъ изъ указаній первоисточника. Ключевскій оперируетъ, въ значительной мѣрѣ, надъ Соловьевскимъ наслѣдіемъ, которое стоитъ между нимъ и непосредственнымъ, свободнымъ воспріятіемъ матерьяла первоисточниковъ. Реалистъ-художникъ въ своемъ воспріятіи прошлаго, Ключевскій въ своихъ обобщеніяхъ и построеніяхъ связанъ традиціонными пріемами идеологической, схематизирующей исторіографіи.

Иное направленіе дала своимъ питомцамъ Петроградская историческая школа—школа В. Г. Васильевскаго, органической вѣтвью которой стала и наша школа русскихъ историковъ, воспитанная въ аудиторіи С. Ѳ. Платонова. Я опредѣлилъ бы ея характерную черту, какъ научный реализмъ, сказывающійся, прежде всего, въ конкретномъ, непосредственномъ отношеніи къ источнику и факту, внѣ зависимости отъ историографической традиціи. Послѣ

долгой внутренней борьбы въ своемъ изложеніи русской исторіи съ неотразимымъ обаяніемъ Ключевскаго, пришелъ и я къ попыткѣ пересмотра нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ русской исторіи въ духѣ воспитавшей меня исторической школы. Эта попытка сложилась не столько въ условіяхъ кабинетной работы, сколько въ аудиторіи, въ живомъ общеніи съ младшимъ поколѣніемъ историковъ, питомцевъ той же школы. Работа отливалась въ формѣ спеціальныхъ курсовъ и семинарскихъ занятій, и въ моемъ сознаніи объ мои книги, прежде всего, публичный отчетъ о характерѣ и направленіи моего университетскаго преподаванія.

Задачу книги, посвященной пересмотру «образованія великорусскаго государства», я опредѣлилъ въ предисловіи, какъ возстановленіе, по мѣрѣ силъ и возможности, правъ источника и факта въ изученіи этого процесса. Историческія данныя, казалось мнѣ, должны получить болѣе полное и существенное значеніе въ представленіи о немъ, внѣ подчиненія ихъ подбора, анализа и построенія какой-либо готовой идеологической схемѣ. Отсюда преобладаніе въ этой книгѣ описательнаго, детально-фактическаго и критическаго изложенія. Съ другой стороны, характеръ этой работы опредѣлился въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что выросла она изъ многолѣтнихъ занятій въ области источниковѣдѣнія—надъ изученіемъ лѣтописныхъ сводовъ. И мнѣ уже задавали естественный вопросъ: почему я не предпослалъ своей работѣ общаго обзора и анализа ея источниковъ? Могу отвѣтить только признаніемъ, что не смогъ этого сдѣлать. Отъ первоначальной мысли выступить съ работой о лѣтописныхъ сводахъ пришлось отказаться. Дѣло въ томъ, что наши лѣтописные своды—обширнѣйшіе анналы съ древнѣйшихъ временъ до третьей четверти XVI-го вѣка, когда прервалось органическое развитіе древне-русскаго лѣтописанія. Ихъ изученіе, по крайнему разумѣнію моему, анализъ ихъ состава, взаимоотношенія, источниковъ и т. д. можетъ дать прочные результаты только при непремѣнномъ условіи одновременнаго изслѣдованія какъ ихъ формальныхъ свойствъ, такъ и конкретнаго ихъ содержанія. Для того, напримѣръ, чтобы установить пріоритетъ той или иной редакціи извѣстія, разно переданнаго въ разныхъ сводахъ, сплошь и рядомъ мало ихъ литературнаго анализа, а приходится выяснять, привлекая рядъ иныхъ данныхъ, фактическія черты этого извѣстія, которыя и служатъ затѣмъ, обратно, критеріемъ для характеристики и критической оцѣнки его редакцій. Въ такомъ смыслѣ моя книга предстаавляется введеніемъ къ изученію сѣверно-русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, однимъ изъ первыхъ подходовъ къ болѣе общей работѣ надъ ними. Реальный комментарій къ тексту не всегда можетъ только слѣдовать за предварительнымъ литературно-критическимъ анализомъ самаго текста, а служитъ однимъ изъ неизбѣжныхъ пріемовъ такого анализа. Возможно, что въ такомъ пониманіи дѣла сказалась, отчасти, профессіональная односторонность историка. Вѣдь такой изслѣдователь нашего лѣтописанія, какъ А. А. Шахматовъ, идетъ иными путями и достигаетъ весьма плодотворныхъ результатовъ. Признаюсь, что его методъ лингвиста-филолога мнѣ недоступенъ, и я,

съ другой стороны, увѣренъ—при томъ, насколько разумѣю, безъ разногласія съ А. А. Шахматовымъ,—что этотъ методъ долженъ быть дополненъ пріемами реальнаго критическаго комментарія лѣтописныхъ извѣстій, которыми, впрочемъ, широко пользуется и Шахматовъ, въ меньшей, однако, полнотѣ и систематической послѣдовательности, чѣмъ это, быть можетъ, нужно для твердости выводовъ. Только постоянное и широко проведенное сотрудничество историка и филолога можетъ привести насъ къ должному познанію лѣтописныхъ сводовъ.

Мои историческіе этюды и выросли изъ накопившихся реальныхъ комментаріевъ къ лѣтописнымъ текстамъ, построенныхъ съ помощью иныхъ источниковъ, прежде всего—духовныхъ и договорныхъ грамотъ. И этотъ путь изученія далъ мнѣ свободу отъ вліянія традиціонной схемы на пониманіе текстовъ, на подборъ и установку фактовъ и ихъ взаимоотношеній. А въ общемъ итогѣ историческая жизнь изучаемой эпохи оказалась несравненно болѣе сложной, чѣмъ представлялось по схемѣ, и въ нее отнюдь не укладывается. Получился иной историческій комментарій къ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ и къ лѣтописнымъ текстамъ, который потребовалъ пересмотра обычныхъ опредѣленій такихъ явленій, какъ великое княженіе, удѣльное владѣніе, вотчинное княжество. И весь создавшій ихъ процессъ представился въ иной перспективѣ. Оказалось, напримѣръ, невозможнымъ выводить съ Ключевскимъ образованіе «удѣльнаго» порядка изъ условій колонизаціи сѣверо-восточной Руси въ XII и XIII столѣтіяхъ. Удѣльно-вотчинный распадъ выяснился, какъ явленіе значительно болѣе позднее, какъ, съ другой стороны, и самое колонизацію необходимо отодвинуть глубже въ ранніе вѣка. Важнѣе для общихъ историческихъ представленій объ изучаемой эпохѣ иное: процессы такъ называемаго удѣльно-вотчиннаго распада выяснились, какъ явленія внутренней эволюціи того политическаго цѣлаго, которое лѣтописи именуютъ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Великаго Новгорода. Это великое княженіе остается, даже въ моменты наибольшаго ослабленія своей организующей силы, важнѣйшимъ факторомъ общаго хода великорусской политической жизни. Нельзя, поэтому, говорить о смѣнѣ періода распаденія сѣверо-восточной Руси періодомъ ея собиранія. Эти процессы не только развивались, но и наростали параллельно и во взаимодѣйствіи: дробленіе болѣе значительныхъ единицъ княжого владѣнія и вырожденіе ихъ осколковъ въ землевладѣльческія княжескія вотчины само обусловлено ростомъ великокняжеской власти, высасывавшей соки властвованія изъ младшихъ княженій на своемъ пути къ единодержавію и самодержавію.

Такъ слагалась иная общая схема историческаго процесса, пережитаго Великороссіей въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Это тоже схема, но въ ней вижу законное преобладаніе «самостоятельной роли матерьяла», не только въ болѣе полномъ и болѣе тщательномъ использованіи его фактическихъ данныхъ съ учетомъ специфическихъ свойствъ и условій, его создавшихъ, но и въ соблюденіи должной хронологической и культурно-исторической перспективы. Нельзя, напримѣръ, строить понятіе удѣла на текстахъ, взятыхъ безъ раз-

КОПИРОВАЛЬ

14.10.03.